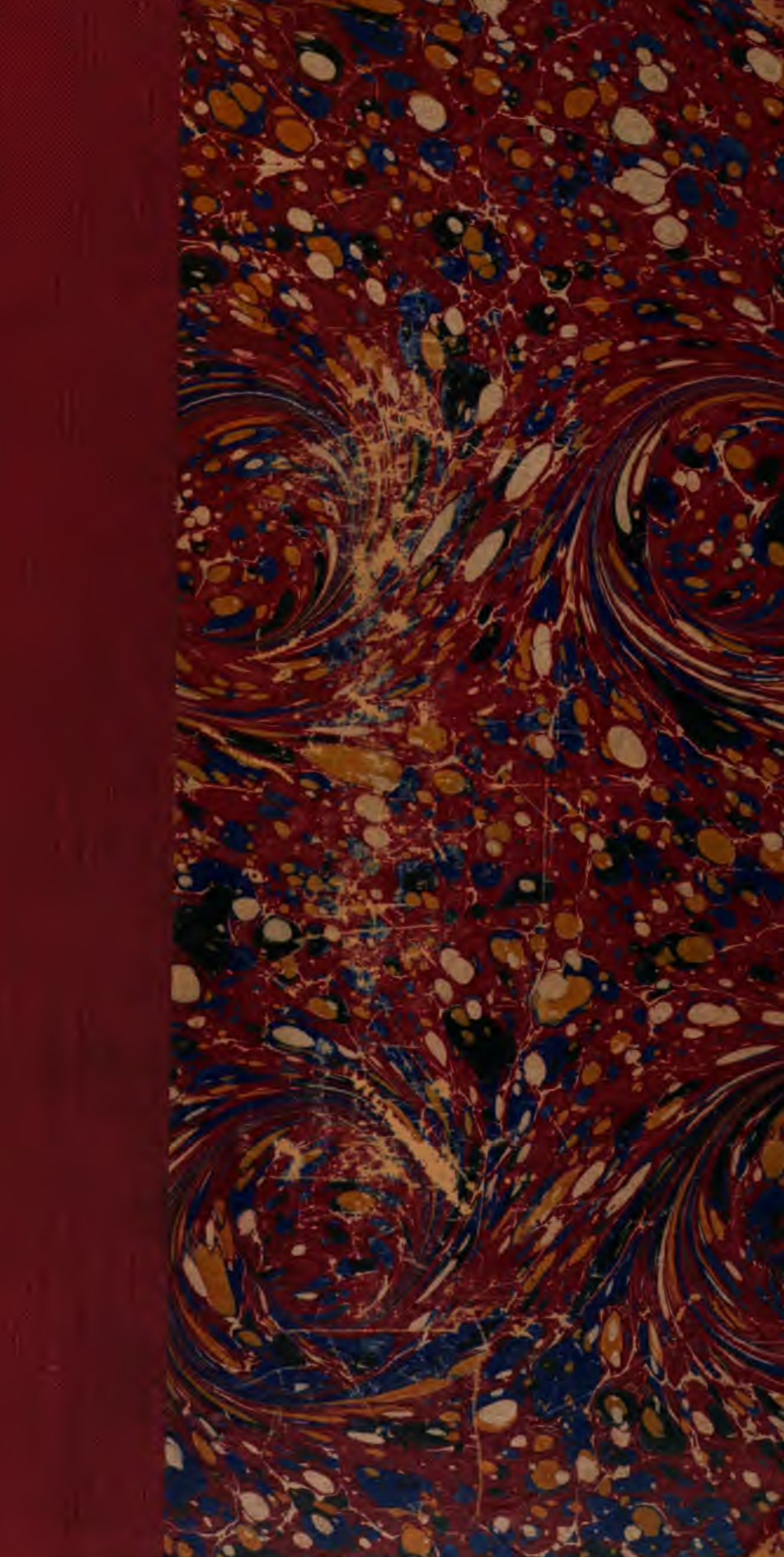
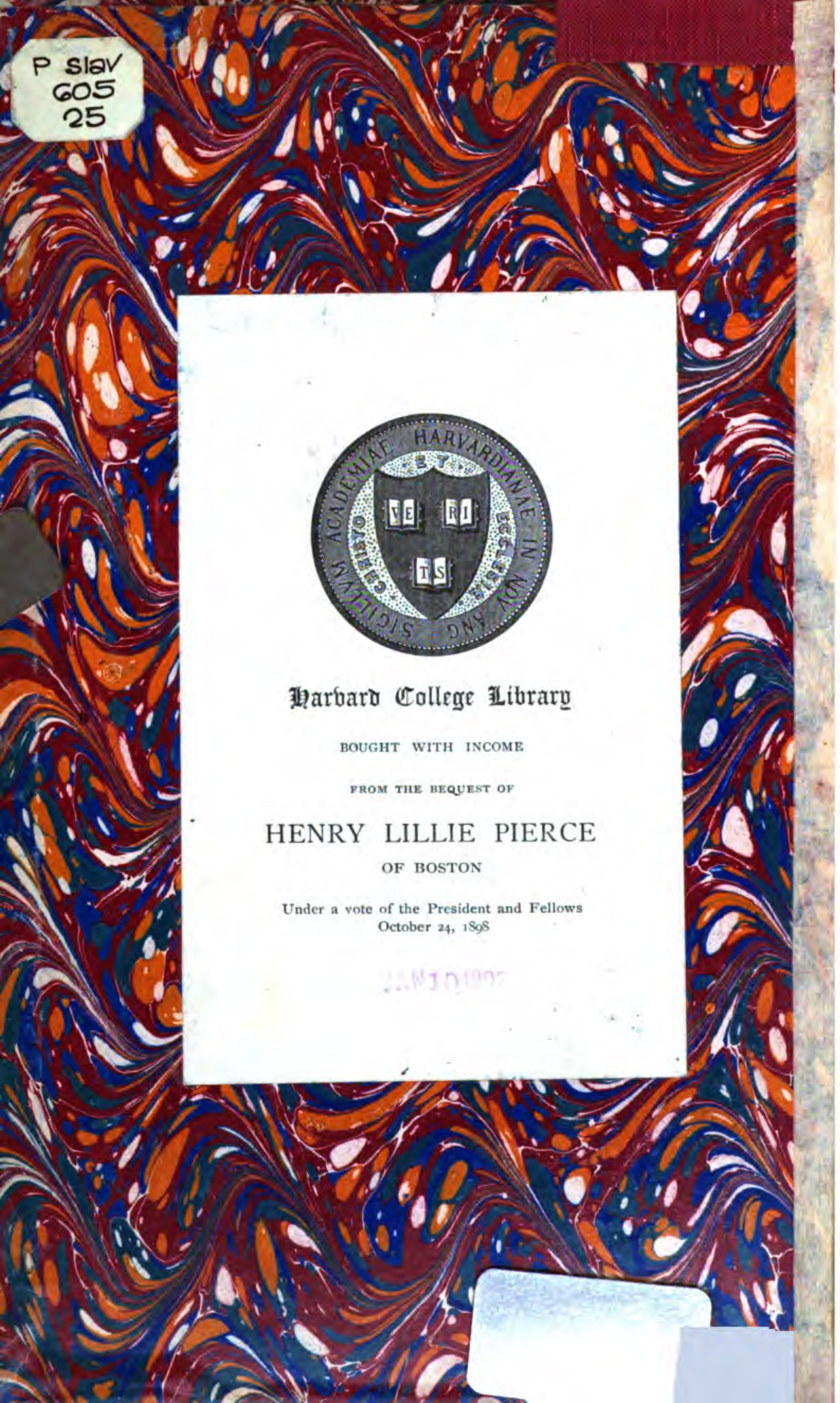



P slav 605 25
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS





РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНIЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНIЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1888 г.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНIЯ.

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1888.



Екатерининскій кан., д. № 78.
2817.

ПЕЧАТАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА

третій выпускъ сборника

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ

ВЪ ГРАВИРОВАННЫХЪ ПОРТРЕТАХЪ

изданіе журнала «Русская Старина».

Цѣна для подписчиковъ на «Русскую Старину» изд. 1889 г.

ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкою.

☞ Тѣ изъ лицъ, которыя подпишутся на «Русскую Старину» изд. 1889 г. до 15-го декабря текущаго года, получаютъ помянутую новую книгу за **ОДИНЪ** руб. съ пересылкою; для прочихъ лицъ цѣна сборника—**ЧЕТЫРЕ** рубля.

Первые два выпуска собранія портретовъ изд. „Русской Старины" *разошлись сполна* до послѣдняго экземпляра; при этомъ первый томъ, именно сборникъ гравюръ академика Сѣрякова, разошелся сполна въ *двухъ изданіяхъ*.

Въ нынѣ печатаемый *третій выпускъ* вошли портреты и біографіи многихъ русскихъ дѣятелей, таковы, между прочими: Еропкинъ—сострастотерпецъ Артемія Волынскаго (1740 г.); — партизаны отечественной войны Сеславинъ и Фигнеръ; — декабристъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ;—композиторы М. И. Глинка и Г. Я. Ломакинъ; — К. П. Брюлловъ, М. И. Глинка и Н. В. Кукольникъ;—графы С. Г. Строгоновъ и В. Н. Панинъ;—дѣятели: по освобожденію крестьянъ Я. А. Соловьевъ, — по судебной реформѣ С. И. Зарудный; — генералы графъ Н. И. Евдокимовъ и П. Д. Зотовъ;—писатели: И. С. Аксаковъ, — графъ Л. Н. Толстой, — М. П. Розенгеймъ; — Эразмъ Стоговъ; — отшельникъ Ѳеодоръ (мнимый Александръ I) и другіе.

Цѣна книги для подписчиковъ на «Русскую Старину» изд. 1889 г.

ОДИНЪ РУБЛЬ съ пересылкою.

Примѣчаніе. Срочность, по 15-е декабря 1888 г., льготной, пониженной, цѣны на эту книгу—*одинъ* руб., вмѣсто *четырехъ* руб., установлена, какъ то было и на первые два выпуска, въ виду меньшаго числа экземпляровъ сборника портретовъ противу того числа, въ которомъ обыкновенно печатается „Русская Старина".

ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

превосходная гравюра Академика Гравера Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣрякова († 1881 г.).

Гравюра эта окончена знаменитымъ академикомъ въ октябрѣ 1866-го года, и тогда же представленная въ Бозѣ почившему Императору удостоена Высочайшаго одобренія: художнику, — единственному въ Россіи академику-граверу на деревѣ, — въ декабрѣ 1866 г. пожаловано званіе—такъ же доселѣ единственное въ Россіи—«гравера Его Императорскаго Величества», съ причисленіемъ Сѣрякова къ Императорскому Эрмитажу.

Эта гравюра—очень хорошо отпечатана въ Парижѣ, на большомъ листѣ отличной бристольской бумаги; подъ портретомъ императорскій гербъ и подпись:

Александръ II,

императоръ всероссійскій.

Рисовалъ и гравировалъ на деревѣ академикъ Л. Сѣряковъ,

гравѣръ

Его Императорскаго Величества.

[Величина гравюры—¾ аршина высоты].

Это лучшее произведеніе высокохудожественнаго рѣзца покойнаго Гравера Его Величества Александра II,—Академика Сѣрякова,—предоставляется нынѣ читателямъ «Русской Старины»—

лица, подписавшіяся на журналъ „Русская Старина", могутъ получить за семь семикопѣечныхъ *почтовыхъ марокъ* (или 50 копѣекъ) эту гравюру—съ пересылкою, въ хорошо укупоренномъ картонномъ свертке.

Примѣчаніе. ***Семь почтовыхъ марокъ*** **или** ***50 копѣекъ*** **уплачиваютъ за этотъ, повторяемъ, вполнѣ замѣчательный, въ художественномъ отношеніи, портретъ Александра II, безразлично какъ городскіе, такъ и иногородные подписчики на „Русскую Старину".**

Въ отдѣльной продажѣ гравюра эта не была и не существуетъ.

Александръ II Освободитель изображенъ въ гравюрѣ Сѣрякова въ эпоху великихъ преобразованій; портретъ отличается, по своему времени (1866 г.), поразительнымъ сходствомъ.



ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТТЛЕБЕНЪ

1715 — 1773.

ГРАФЪ ГОТЛОБЪ-КУРТЪ-ГЕНРИХЪ ТОТЛЕБЕНЪ

въ 1715—1763 гг.

Матеріалы для біографіи.

I.

Въ журналъ военныхъ дѣйствій русской арміи въ семилѣтнюю войну 10-го іюля 1758 г. было, между прочимъ, занесено слѣдующее извѣстіе: прибывшій недавно къ арміи волонтеромъ, голландскій генералъ-маіоръ Тотлебенъ отпущенъ, по его желанію, въ дивизію кавалеріи [1].

О происхожденіи этого генерала и о похожденіяхъ его до 1758 года имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Родился онъ, какъ показано въ изданной послѣ его смерти книгѣ, подъ заглавіемъ: „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ графа Тотлебена съ Али-Беемъ“ [2]), въ началѣ 18-го столѣтія и, судя по сохранившейся въ сенатскомъ архивѣ черновой рукописи его, писанной имъ, очевидно, для формулярнаго о службѣ его списка [3]), съ 1741 по 1743 г. онъ былъ въ прусской службѣ и сдѣлалъ три

---

[1]) Журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ россійской императорской арміи, собранъ изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Спб., 1761 г., ч. 1, стр. 169.

[2]) Gespräch im Reiche der Todten zwischen den berühmten Russischen General-Lieutenant Grafen von Tottleben und dem nicht weniger berühmten Eroberer von Egypten Ali-Bey, worin die merkwürdige Geschichte und sonderbare Glücks- und Unglücksfälle dieser beiden ausserordentlichen Männer aus zuverlässigen Nachrichten erzählet werden. Frankfurt und Leipzig, 1774.

[3]) Сенатскій архивъ, дѣло объ измѣнѣ графа Тотлебена, л. 195.

кампаніи въ Силезіи, въ чинахъ штабсъ-капитана и капитана кавалеріи; въ концѣ же 1743 г. онъ долженъ былъ оставить прусскую службу, какъ саксонскій подданный, вслѣдствіе расторженія саксонско-прусскаго союза, и въ слѣдующемъ году былъ уже саксонскимъ гофъ-юстицратомъ. Въ 1745 году онъ сложилъ съ себя это званіе и, снова поступивъ въ военную службу волонтеромъ, былъ въ сраженіи при Кессельдорфѣ. Въ началѣ 1746 г. онъ набралъ полкъ для голландской арміи и воевалъ съ нимъ во Фландріи, въ 1747 и 1748 гг. Въ 1756 г. вышелъ въ отставку генераломъ и, прослуживъ въ 1757 году волонтеромъ во французской арміи, въ слѣдующемъ году перешелъ волонтеромъ же въ русскую армію, а въ началѣ 1759 года поступилъ уже на дѣйствительную службу, съ чиномъ генералъ-маіора.

Правда, въ 1762 году появилось въ Кельнѣ, на французскомъ языкѣ, описаніе жизни Тотлебена [1]), будто-бы переведенное съ голландскаго языка; но сочиненіе это, какъ по своему слогу, такъ и по описываемымъ въ немъ похожденіямъ Тотлебена, скорѣе похоже на памфлетъ, чѣмъ на біографію. Хотя-же въ концѣ той-же книжки приложено возраженіе на нее, подъ заглавіемъ: „Le Comte de Tottleben ressuscité et disculpé“, съ указаніемъ въ предисловіи, что біографія Тотлебена готовится къ печати, однако, ни въ апологіи этой, ни въ вышедшихъ затѣмъ мемуарахъ Тотлебена [2]) и въ приведенномъ выше „Разговорѣ въ царствѣ мертвыхъ“ не только не опровергаются, въ сущности, тѣ свѣдѣнія о жизни Тотлебена, которыя сообщены въ названной книжкѣ, но даже они повторяются, и притомъ почти буквально, такъ что можно думать, что предисловіе къ апологіи и сама она были ничѣмъ другимъ, какъ книгопродавческою

---

[1]) La vie du comte de Totleben, ci-devant colonel au service des Etats Généraux des Provinces Unies et dernièrement Lieutenant Général des armées de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, contenant ses aventures et ses campagnes. Avec un traité, intitulé: le comte de Totleben ressuscité et disculpé. Traduite du Hollandais. A Cologne, chez Pierre Marteau, 1762.

[2]) Mémoires de la vie du comte de Totleben, contenant l'histoire de ses deux mariages et ses autres aventures en Saxe et en Hollande, avec le précis de ses campagnes au service de S. M. Czarienne jusqu'à son emprisonnement en 1761. Le tout suivi de son Apologie et de ses Reflexions Politiques etc. A Zalt-Bommel, chez Jean Guillaume Kannemann. MDCCLXII. 8°.

уловкою, чтобы заманить публику покупать то-же самое сочиненіе, но только подъ другимъ заглавіемъ.

Поэтому, оставляя въ сторонѣ всѣ сказанія о скандалезныхъ похожденіяхъ нашего генерала, прямо называемаго въ той книжкѣ авантюристомъ [1]), мы воспользуемся ею лишь для передачи слѣдующихъ главнѣйшихъ фактовъ его жизни, не беря на себя ни малѣйшей отвѣтственности за вѣрность ихъ.

Мѣстомъ рожденія Тотлебена одни называютъ Виртембергскій округъ въ Саксоніи, а другіе сосѣднюю область [2]). Родился онъ въ дворянскомъ семействѣ, которое не носило, однако, ни графскаго, ни баронскаго титула. Оставшись на воспитаніи у матери, послѣ того какъ родители его поссорились и разъѣхались, онъ былъ помѣщенъ ею пажемъ ко двору саксонскаго курфюрста и вскорѣ былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ. Умный, красивый юноша, конечно, имѣлъ успѣхъ у придворныхъ дамъ и извѣстный графъ Брюль, опасаясь связи его съ одною, уже немолодою, графинею, посовѣтовалъ курфюрсту женить его. Совѣтъ этотъ былъ принятъ и въ жены Тотлебену была избрана графиня Зейвертитсъ, при чемъ онъ, для уравненія съ нею, былъ пожалованъ въ графы и назначенъ членомъ суда. Супружеское счастіе продолжалось, однако, не долго: долги, которые Тотлебенъ не переставалъ дѣлать, и дурное обращеніе его съ женою вынудили ее просить о разводѣ, что и было разрѣшено, а затѣмъ обвиненіе во взяточничествѣ и въ другихъ злоупотребленіяхъ по службѣ и назначеніе по этому поводу слѣдствія заставили Тотлебена бѣжать изъ Дрездена. Оставаясь нѣкоторое

---

[1]) Русскіе читатели, желающіе познакомиться съ этими похожденіями, могутъ найти описаніе ихъ въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Новое Время“ 1880 г., т. V, подъ заглавіемъ: „Графъ Тотлебенъ, одинъ изъ авантюристовъ 18 вѣка“.

[2]) Въ книгѣ генерала Н. К. Шильдера „Графъ Э. И. Тотлебенъ“ приведены слѣдующія біографическія свѣдѣнія о Тотлебенѣ прошлаго вѣка: „родился 31 декабря 1715 г., въ деревнѣ Тотлебенъ, около гг. Тамсбрюкъ и Тенштадтъ, Лангензальскаго округа Тюрингіи. Отецъ его умеръ въ 1724 г.; образованіе Тотлебенъ получилъ въ Іенѣ; въ 1745 г. пожалованъ графомъ; въ 1747 г. оставилъ Саксонію и поступилъ на службу Голландіи; въ 1750 г. увезъ пятнадцатилѣтнюю племянницу саксонскаго резидента Бокъ и, бѣжавъ въ Веймаръ, обвѣнчался съ нею въ 1754 г., затѣмъ купилъ большія имѣнія въ Пруссіи и поселился въ Берлинѣ. Г. Р.

время подъ покровительствомъ герцога саксенъ-вейсенфельскаго, онъ былъ рекомендованъ послѣднимъ выбранному въ императоры, подъ именемъ Карла VII, баварскому курфюрсту, къ которому и отправился, по полученіи отъ герцога чина капитана или маіора, съ предложеніемъ набрать полкъ; но императоръ отклонилъ это предложеніе подъ благовиднымъ предлогомъ и тогда Тотлебенъ рѣшился уѣхать въ Голландію, находившуюся въ то время въ войнѣ. Пріѣхавъ туда, онъ втерся къ штатгальтеру и, получивъ позволеніе набрать на свой счетъ пѣхотный полкъ, исполнилъ это неудачно: набранный имъ всякій сбродъ оказался настолько дурнымъ и былъ такъ плохо одѣтъ, что хотя и двинулся въ походъ, но былъ признанъ никуда негоднымъ и вскорѣ по заключеніи мира былъ распущенъ. Полковникъ же его, просидѣвъ нѣсколько дней подъ арестомъ за безпорядокъ, найденный у него, былъ оставленъ за штатомъ, съ назначеніемъ, однако, пенсіи. Оставшись безъ дѣла, а можетъ быть и вслѣдствіе слуховъ объ участіи его въ убійствѣ, въ ночной пирушкѣ, маіора его полка, соперника его по любви, и съ цѣлію устроить окончательный разводъ съ женою, Тотлебенъ отправился въ Германію и хотя добился развода, но хлопоты о немъ оказались напрасными, такъ какъ передъ самымъ окончаніемъ дѣла жена Тотлебена умерла скоропостижно. Тогда Тотлебенъ вернулся въ Голландію и, пользуясь тамъ довѣріемъ одного негоціанта, увезъ бывшую у него подъ опекою богатую 14-ти-лѣтнюю сироту В. [1]), съ которою, не смотря на преслѣдованія и даже арестъ въ Веймарѣ, пробрался въ Пруссію и затѣмъ, подъ покровительствомъ прусскаго короля, обвѣнчался. Получивъ въ приданое крупную сумму денегъ, онъ переѣхалъ въ Берлинъ, въ надеждѣ поступить въ прусскую службу, но обманулся въ разсчетѣ. Дурное же обращеніе съ женою, не смотря на рожденіе сына, и расточительная жизнь его были причиною тому, что жена его должна была просить о разводѣ и получила его. Раздосадованный этимъ, онъ позволилъ себѣ дерзкія выходки противъ одного важнаго лица, за что и велѣно ему было оставить Берлинъ. Исполняя это повелѣніе, онъ сперва отправился

---

[1]) Въ числѣ бумагъ Тотлебена, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, находится копія прошенія второй жены Тотлебена отъ 16 февраля 1761 г., на которомъ она подписалась такъ: Тотлебенъ, урожденная Викторъ. Г. Р.

въ Гильдбургсгаузенъ въ Саксоніи, но такъ какъ срокъ отпуска его, какъ полковника голландской службы, былъ на исходѣ, то, чтобы не потерять своей пенсіи, онъ долженъ былъ вернуться въ Голландію. Узнавъ тутъ, что русская императрица собирается принять участіе въ войнѣ Австріи съ Пруссіей, онъ рѣшился поступить въ русскую службу и съ этою цѣлію обратился къ мѣстному русскому резиденту графу Головкину, но послѣдній отвѣтилъ ему, что не получалъ приказанія принимать на службу иностранныхъ офицеровъ и что все, что онъ можетъ сказать, такъ это то, что желающіе поступить въ русскую армію лучше сдѣлаютъ, если поѣдутъ въ Петербургъ. Однако, Тотлебенъ не ограничился простымъ предложеніемъ своихъ услугъ, но представилъ Головкину проектъ плана веденія малой войны. Въ проектѣ этомъ онъ предлагалъ набрать, на свой счетъ, 10,000 человѣкъ, которые должны были бы войти въ составъ какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ войскъ, и сверхъ того собрать 4,000 лошадей. Предполагая снабдить этотъ корпусъ надлежащимъ вооруженіемъ, Тотлебенъ постановилъ, однако, слѣдующія условія: 1) самъ онъ производится въ генералъ-маіоры и будетъ командовать тѣмъ корпусомъ, дѣйствуя всегда отдѣльно и не завися прямо отъ главнокомандующаго, и 2) какъ набирая корпусъ, такъ и во все время существованія послѣдняго, онъ будетъ имѣть право назначенія всѣхъ офицеровъ, съ утвержденія ея величества.

Графъ Головкинъ, не обративъ на этотъ проектъ большаго вниманія и не подкрѣпляя его своею рекомендаціею, отослалъ его къ своему двору; но когда были получены свѣдѣнія, что Россія собирается помогать саксонскому курфюрсту въ войнѣ его съ Пруссіею, то призвалъ къ себѣ Тотлебена и объявилъ, что дворъ его не можетъ еще высказаться окончательно объ его проектѣ, хотя и не считаетъ его не подлежащимъ принятію, и что онъ всегда можетъ разсчитывать на вниманіе ея величества къ заслуженнымъ иностраннымъ офицерамъ и даже получить почетный постъ въ ея войскахъ, если рѣшится бросить голландскую службу и отправиться въ Петербургъ.

Послѣдовавъ этому совѣту, Тотлебенъ взялъ отставку и черезъ Гамбургъ и Любекъ прибылъ въ Петербургъ. Тутъ онъ велъ широкую жизнь и подъ покровительствомъ графа Фермора

и „одного извѣстнаго врача“ получилъ доступъ къ императрицѣ, которая приняла его очень милостиво и приказала разсмотрѣть представленный имъ Головкину проектъ. Послѣдствіемъ этого было то, что Тотлебенъ, съ чиномъ генералъ-маіора, получилъ въ команду отдѣльный корпусъ.

II.

О дѣятельности Тотлебена въ 1758 году въ русской арміи сохранилось весьма мало извѣстій. По приписываемымъ ему въ „Разговорѣ о царствѣ мертвыхъ“ словамъ, онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи 14 августа 1758 г. при Цорндорфѣ, причемъ раненъ въ голову; но въ спискѣ раненыхъ, приложенномъ къ реляціи объ этомъ сраженіи, онъ не значится [1]). Изъ рапорта же неудачно осаждавшаго Кольбергъ генералъ-маіора Пальменбаха къ главнокомандующему графу Фермору, отъ 4-го октября того года, мы узнаемъ лишь, что наканунѣ посылки этого рапорта Тотлебенъ выпросилъ себѣ команду въ траншеѣ, гдѣ и оказалъ отличное мужество подъ непріятельскимъ огнемъ, производившимся всю ночь [2]). Впрочемъ, изъ хранящихся въ сенатскомъ архивѣ нѣкоторыхъ бумагъ учрежденной при дворѣ конференціи видно, что 25-го февраля 1759 года былъ составленъ докладъ, въ которомъ, по поводу ходатайства Тотлебена, заявленнаго имъ графу Воронцову по возвращеніи изъ арміи [3]), о принятіи его въ русскую службу съ чиномъ генералъ-маіора, было высказано, что „хотя по силѣ указовъ надлежало его принять только бригадиромъ, но въ разсужденіи, что онъ цѣлую кампанію служилъ волонтеромъ и тѣмъ не меньше употреблялъ себя во многія опасности, и такъ что генерально свидѣтельствуется достойнымъ и способнымъ генераломъ, то въ разсужденіе того конференція представляетъ: не будетъ ли угодно принять помянутаго генералъ-маіора симъ же чиномъ“. Безъ сомнѣнія, докладъ этотъ былъ утвержденъ и съ 1759 года начинаетъ

---

[1]) Журналъ о воен. дѣйств., ч. I, стр. 211 и слѣд.

[2]) То-же, стр. 264.

[3]) Моск. арх. м-ва иностр. дѣлъ 1759 г., № 31.

уже особенно проявляться дѣятельность Тотлебена. Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года мы видимъ его командиромъ пяти конно-гренадерскихъ полковъ, а затѣмъ подъ его командою упоминаются гусары, казаки и вообще легкія войска, съ которыми онъ и несетъ авангардную службу. Описаніе всѣхъ дѣйствій, сопряженныхъ съ этою службою, не можетъ представлять особеннаго интереса, такъ какъ взятыя въ отдѣльности отъ общаго хода войны они слишкомъ отрывочны, а изложеніе ихъ въ связи съ общимъ ходомъ войны вывело бы насъ изъ предѣловъ нашей задачи. Притомъ же въ основаніе описанія дѣйствій Тотлебена пришлось бы, по необходимости, взять его собственныя реляціи и донесенія, а къ нимъ, по ихъ хвастливому тону, свойственному не одному Тотлебену, но и другимъ военноначальникамъ того времени, нельзя относиться иначе, какъ съ недовѣріемъ. Желающіе познакомиться съ ними найдутъ ихъ въ упомянутомъ уже нами „Журналѣ военныхъ дѣйствій". Мы же ограничимся указаніемъ, что въ знаменитомъ Кунерсдорфскомъ сраженіи, въ которомъ Фридрихъ былъ совершенно разбитъ и едва спасся отъ плѣна, Тотлебенъ, по донесенію фельдмаршала Салтыкова, отличился тѣмъ, что съ успѣхомъ исполнилъ приказаніе сжечь большой мостъ черезъ болото и тѣмъ помѣшалъ непріятелю атаковать наше правое крыло, не имѣвшее „сильной дефензіи", а по разбитіи непріятеля преслѣдовалъ его своими легкими войсками [1]). Къ наградѣ за названную побѣду, въ числѣ другихъ отличившихся, конференція представляла и Тотлебена, докладывая, что онъ „много себя рекомендовалъ, но какъ недавно еще въ службѣ, то не соизволено ли будетъ ему орденъ св. Анны пожаловать" [2]). Мы не знаемъ, былъ ли утвержденъ этотъ докладъ и въ бумагахъ Тотлебена мы не нашли грамоты на означенный орденъ, тогда какъ грамота на пожалованный ему 27-го августа 1760 г. орденъ Александра Невскаго сохранилась. Въ грамотѣ этой было выражено, что орденъ этотъ пожалованъ ему „въ уваженіе неотмѣнно показуемыхъ отъ него усердія и ревности къ службѣ" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказана была увѣренность, что онъ „и далѣе съ толикою же ревностію стараться станетъ удостоиться продолженія императорской милости" [3]).

---

[1]) „Журналъ воен. дѣств.", ч. II, стр. 65.

[2]) Черновые доклады конференціи.

[3]) Дѣло сенатскаго архива.

Быть можетъ, впрочемъ, пожалованіе ордена Александра Невскаго было послѣдствіемъ желанія приласкать полезнаго генерала и удержать его на службѣ, такъ какъ въ письмѣ къ графу Воронцову отъ 10 (21) апрѣля 1760 г. [1]) онъ заявлялъ, что не можетъ далѣе служить потому, что графъ Ферморъ заставляетъ его, съ самаго начала службы никогда не ретировавшагося, ретироваться. „Уронъ, стыдъ и неудобовозможное происходящихъ отъ сей ретирады направленіе меня столь много трогаютъ, что я не могу быть ихъ зрителемъ, а при томъ, наблюдая должность честнаго офицера такъ, что не могу и сносить приписываемые мнѣ ложные рапорты и каждый день претерпѣвать жестокіе выговоры и нареканія. Поэтому я сдалъ команду и поѣхалъ въ Маріенбургъ. Графъ Ферморъ, будучи непримиримымъ моимъ непріятелемъ, есть при томъ столь сильный гонитель, что я не могу болѣе служить подъ его командою“.

III.

Оправдать выраженную въ грамотѣ 27 августа 1760 года довѣренность Тотлебену удалось весьма скоро: не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ онъ занялъ Берлинъ. Описать этотъ подвигъ мы предоставимъ ему самому, помѣстивъ здѣсь переводъ той „продерзостной“ реляціи, которую онъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ за границею и за которую ему, какъ увидимъ, такъ досталось, что онъ готовъ былъ бросить русскую службу. Реляція эта важна для насъ потому въ особенности, что она ярко обрисовываетъ характеръ Тотлебена, его самонадѣянность, его хвастливость и желаніе выставиться впереди всѣхъ,—качества, присущія, впрочемъ, большей части военныхъ людей въ военное время [2]).

„26-го сентября 1760 года, писалъ Тотлебенъ,—я получилъ

---

[1]) Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ 1760 г. № 33.

[2]) Переводъ этой реляціи сдѣланъ нами не съ печатнаго ея экземпляра, котораго намъ не удалось достать, такъ какъ она составляетъ библіографическую рѣдкость, а съ рукописи, хранящейся въ сенатскомъ дѣлѣ о Тотлебенѣ, въ числѣ прочихъ отобранныхъ при арестѣ его бумагъ. Г. Р.

ордеръ и инструкцію графа Фермора идти къ Берлину. Въ то время я стоялъ въ деревнѣ Шеновъ, въ одной милѣ отъ Глогау, съ четырьмя гусарскими и пятью казацкими полками. Отсюда я взялъ съ собою молдавскій, сербскій и хорватовъ полки и казачьи Луковкина, Попова и Туровѣрова и прошелъ въ тотъ день 5 миль до деревни Рукерсдорфъ, въ одной милѣ отъ Сагана, гдѣ и остановился лагеремъ .

„Венгерскій гусарскій полкъ и казачьи полки Бервилова и Дячкина остались при арміи, для прикрытія. Бригадиръ Бахманъ съ 2 тыс. гренадеровъ, бригадиръ Мельгуновъ съ двумя конно-гренадерскими полками и подполковникъ Глѣбовъ съ данною мнѣ артиллеріею примкнули ко мнѣ вечеромъ. 27-го числа рано утромъ перешелъ я съ этимъ корпусомъ рѣку Боберъ, черезъ Саганъ, въ лагерь при Сорау, что составитъ 4 мили. Я хотѣлъ на другой день выступить пораньше, но полковникъ Масловъ изъ арміи забралъ хлѣбъ, заказанный мною въ Саганѣ, и запретилъ выдавать что-либо моему корпусу. Поэтому я долженъ былъ пробыть въ Сорау полъ-дня, пока не получилъ провіанта на одинъ день и мяса изъ силезскаго города Спроттау. Въ 2 часа пополудни я двинулся впередъ, сдѣлалъ ночью маленькій привалъ и 29-го сентября, въ 9 часовъ утра, прибылъ въ Губенъ, въ 6 миляхъ отъ Сорау. Въ Силезіи, Сорау и Губенѣ я собралъ столько подводъ, что пѣхота могла положить на нихъ свои шинели, провіантъ и багажъ, и должна была нести только ружья, но артиллерійскія лошади были такъ плохи, что я вынужденъ былъ приказать замѣнить болѣе 100 штукъ другими, только бы двинуться далѣе. Въ Губенѣ повторилось со мною то-же, что было и въ Саганѣ; квартирмейстеры корпуса графа Чернышева прибыли туда въ тотъ же день и бригадиръ д'Ельпкъ запретилъ городу поставлять моему корпусу хлѣбъ и пиво, такъ что я, для того, чтобы получить хоть что-нибудь, вынужденъ былъ добыть экзекуціею немного пива, водки и соли и взять силою нѣсколько повозокъ и лошадей. 30-го я прошелъ форсированнымъ маршемъ до Бческова, т. е. 6 миль.

„1-го октября былъ расттагъ по случаю праздника и дня рожденія великаго князя Павла Петровича и я приказалъ печь какъ можно скорѣе хлѣбъ, но едва могъ заготовить его на одинъ лишь день, такъ какъ очень спѣшилъ. До этого дня въ

Бческовѣ былъ поручикъ съ 20 непріятельскими гусарами, а во Франкфуртѣ стоялъ подполковникъ фонъ-Бодевильсъ съ 1,500 всякаго рода войска. Я послалъ туда изъ Губена команду, которая не нашла уже непріятеля ни въ Бческовѣ, ни въ Франкфуртѣ. Послѣдній сначала дѣлалъ нѣкоторыя затрудненія впуску въ него моей команды, но какъ только пришла туда команда и графа Чернышева, то обѣ были впущены. Однако, во Франкфуртѣ я опять не получилъ для моего корпуса хлѣба, который былъ заказанъ мною. Въ тотъ же день я послалъ подполковника Чобру съ командою изъ 3-хъ эскадроновъ гусаръ и 200 казаковъ въ Фюрстенвальде, гдѣ и былъ захваченъ отретировавшійся изъ Бческова поручикъ съ 20 гусарами. Тамъ же нашелся большой запасъ муки и я командировалъ туда офицера испечь изъ нея хлѣбъ, но на слѣдующій день послѣдній былъ также забранъ генераломъ Чернышевымъ.

„2-го числа я снова прошелъ 6 миль, черезъ Сторкау до Вустергаузена, куда и прибылъ очень поздно. Посланному мною впередъ полковнику Туровѣрову съ его казачьимъ полкомъ, для снятія форпостовъ и держанія патрулей до Берлина, удалось въ этотъ день взять въ плѣнъ патруль изъ 19 гусаровъ, высланныхъ генераломъ Гюльзеномъ изъ Виттенберга. Тутъ же я узналъ, что корпусъ Гюльзена стоитъ по сю сторону Эльбы при Пилитцѣ, въ 7 миляхъ отъ Берлина, послѣ оставленія имъ Торгау съ потерями; что принцъ Виртембергскій съ 8 тыс. человѣкъ пошелъ противъ шведовъ и находится въ 6 миляхъ отъ Берлина, и что въ послѣднемъ только 3 баталіона и 2 эскадрона гусаръ. Поэтому мнѣ не приходилось терять времени и я написалъ графу Чернышеву о содѣйствіи, чтобы, согласно приказу графа Фермора, быть свободнымъ въ тылу. Рано утромъ пошелъ я впередъ съ легкими войсками и драгунами; пѣхота же, поздно вечеромъ пришедшая въ лагерь при Вустергаузенѣ послѣ большаго марша, должна была выступить оттуда двумя часами позже, сваривъ передъ тѣмъ пищу.

„3-го числа, въ 11 часовъ утра, прибылъ я съ легкими войсками къ Котбусскимъ воротамъ и тотчасъ же занялъ высоты какъ передъ ними, такъ и передъ Галлишскими воротами; около двухъ эскадроновъ гусаръ стали передъ ними, казаки-же пустились въ разъѣзды и нѣсколько непріятелей было захвачено въ

плѣнъ. Я тотчасъ же послалъ состоявшаго при мнѣ волонтеромъ поручика Чернышева къ коменданту требовать сдачи города. Между тѣмъ подошли 2 конно-гренадерскихъ полка съ артиллеріею, мои батареи были изготовлены и какъ только поручикъ Чернышевъ вернулся съ отказомъ, то я приказалъ бомбардировать городъ. 2,000 гренадеровъ пришли около 2-хъ часовъ пополудни и заняли лагерь на высотахъ противъ Котбусскихъ воротъ, и городъ, и редуты передъ воротами были обстрѣливаемы изъ всѣхъ имѣвшихся у меня пушекъ. Городъ загорался нѣсколько разъ, но огонь былъ потушаемъ. Цѣлый день съ обѣихъ сторонъ продолжалась канонада и хотя непріятель очень сильно стрѣлялъ по моимъ батареямъ, но во весь день я потерялъ лишь одного поручика и двухъ артиллеристовъ. Къ вечеру непріятель заложилъ новую батарею передъ Галлишскими воротами, которая анфилировала мою главную батарею. Тогда я приказалъ перевезти мои тяжелыя орудія на большую гору противъ названныхъ воротъ и послалъ двухъ штабъ-офицеровъ съ 600 гренадерами и четырьмя пушками штурмовать ночью Котбусскія и Галлишскія ворота. Подполковникъ князь Прозоровскій съ 300 гренадерами и 2 пушками долженъ былъ напасть на Галлишскія, а маіоръ Паткуль съ остальными на Котбусскія; въ помощь каждому изъ нихъ было послано по 200 гренадеровъ и по 2 эскадрона гусаръ и конно-гренадеровъ. Двое волонтеровъ, капитанъ фонъ-Панри и поручикъ Чернышевъ, также были съ ними. Въ полночь началось бомбардированіе съ моихъ батарей и въ то-же время стали штурмовать ворота, и хотя князь Прозоровскій дошелъ до Галлишскихъ и держался тамъ цѣлый часъ, но долженъ былъ, равно какъ и маіоръ Паткуль, отступить, вслѣдствіе чрезвычайно сильнаго картечнаго огня и ружейной стрѣльбы пѣхоты, стоявшей за стѣнами на подмосткахъ; моя потеря при этомъ была слѣдующая: 1 капитанъ, 2 поручика, 2 унтеръ-офицера и 40 рядовыхъ были ранены, а 24 рядовыхъ были убиты. Бомбардированіе продолжалось до 3 часовъ пополуночи. Городъ нѣсколько разъ загорался, нѣсколько домовъ сгорѣло и, по словамъ дезертировъ, непріятель понесъ большія потери, а равно пострадали и многіе граждане. Рано утромъ 4-го числа показалась непріятельская кавалерійская партія изъ драгуновъ и гусаръ передъ Галлишскими воротами, изъ чего должно было

заключить о прибытіи помощи. Въ эту ночь явилось нѣсколько дезертировъ, которые единогласно показывали, что принцъ Виртембергскій ночевалъ лишь за 2 мили отъ Берлина и что его кавалерія въ 12 часовъ ночи вступила въ этотъ городъ. Изъ большихъ орудій у меня осталось только 2; всѣ прочія были подбиты или испорчены; всѣ мои заряды были разстрѣлены; у моей команды не было хлѣба, сама она была изнурена; артиллерійскія лошади были совершенно измучены, никакой помощи сзади меня не было, потому что, не уважая всѣхъ моихъ представленій, генералъ Чернышевъ не только не посылалъ мнѣ подкрѣпленія, но и для прикрытія моего тыла не отдѣлилъ въ Сторкау и Вустергаузенъ части своего корпуса, но шелъ съ нимъ, по ту сторону Шпрее, въ Фюрстенвальде. Это же было и причиною тому, почему я тотчасъ по приходѣ къ Берлину не штурмовалъ городскихъ стѣнъ, не смотря на то, что это легко было сдѣлать, пробивъ бреши или взобравшись на стѣны ночью по лѣстницамъ, такъ какъ мои батареи были менѣе, чѣмъ въ 400 шагахъ отъ Котбусскихъ и Галлишскихъ воротъ. Только близость непріятеля впереди и сзади меня заставляла меня бояться потерять весь мой корпусъ, не достигнувъ чего-либо, потому что, если бы я силою взялъ Берлинъ, то не могъ бы скоро вызвать людей обратно изъ такого большаго города. Поэтому я долженъ былъ держать мой корпусъ сплоченно и старался, бомбардировкою и штурмованіемъ воротъ, заставить коменданта капитулировать и принудить его къ тому, что мнѣ было приказано сдѣлать; но только потому, что я не достигъ въ этомъ скораго успѣха и все время былъ между двумя огнями, нашелъ я нужнымъ занять Кепеникъ, лежащій на островѣ, на Шпрее, и служащій ключемъ и проходомъ къ Берлину, чтобы имѣть связь съ графомъ Чернышевымъ и получить помощь, заряды, артиллерію, равно какъ и хлѣбъ, съ извѣстіемъ о чемъ и послалъ курьера къ графу Фермору. Въ Кепеникъ я отправилъ бригадира Бахмана съ гренадерами, 1 казачьимъ и 1 гусарскимъ полками, а прочіе казачьи и гусарскіе полки и конно-гренадеровъ оставилъ при себѣ для занятія высотъ передъ Котбусскими и Галлишскими воротами. Сильная непріятельская партія атаковала меня около 9 часовъ, но вскорѣ была отброшена и отступила въ городъ. Изъ бывшихъ при моихъ легкихъ войскахъ

маленькихъ единороговъ я приказалъ кидать безпрестанно гранаты въ непріятельскіе редуты передъ воротами, пока оставалась хотя одна граната, вслѣдствіе чего редуты были оставлены и орудія ввезены въ ворота.

„Къ полудню, получивъ рапортъ бригадира Бахмана, что непріятель заперся въ Кепеникѣ и развелъ мосты, я поспѣшилъ туда, оставивъ бригадира Мельгунова съ двумя конно-гренадерскими и двумя казачьими полками у Берлина занимать высоты у названныхъ выше воротъ. Прибывъ къ Кепенику, я потребовалъ сдачи его и послѣ отказа велѣлъ бросить нѣсколько гранатъ, отъ которыхъ загорѣлись королевскія конюшни, и комендантъ, съ командою въ 50 человѣкъ, сдался въ плѣнъ; при этомъ капитанъ Кличке и адъютантъ графа Чернышева, захваченный наканунѣ крестьянами, были освобождены. Я тотчасъ же отправилъ курьеровъ, одного къ графу Фермору, а другаго къ графу Чернышеву за помощью, артиллеріею и снарядами, занявъ между тѣмъ пѣхотою удобный лагерь. Вечеромъ туда долженъ былъ вступить и бригадиръ Мельгуновъ съ двумя своими конно-гренадерскими полками, а подполковникъ Цвѣтиновичъ, посланный за день передъ тѣмъ въ Потсдамъ для уничтоженія тамошняго королевскаго оружейнаго завода и вернувшійся въ полдень, долженъ былъ, съ своими эскадронами и казаками полковника Туровѣрова, оставаться у Берлина, занимая высоты. Утромъ 5-го числа подполковникъ этотъ былъ атакованъ цѣлымъ Виртембергскимъ корпусомъ, прибывшимъ наканунѣ вечеромъ, и я отдалъ ему приказаніе отойти съ его командою къ Кепенику, гдѣ и принялъ мѣры къ встрѣчѣ непріятеля со всѣхъ сторонъ. Отъ захваченныхъ же между тѣмъ нѣсколькихъ плѣнныхъ я узналъ, что самъ принцъ Виртембергскій былъ при его корпусѣ. Въ полдень бригадиръ Бенкендорфъ донесъ мнѣ, что онъ шелъ ко мнѣ въ помощь отъ графа Чернышева съ двумя пѣхотными полками, но получилъ контрордеръ и долженъ дожидаться прибытія графа Чернышева. Послѣдній пришелъ къ Кепенику въ 4 часа пополудни и вечеромъ двинулъ туда свой корпусъ въ лагерь. На другой день, 6-го числа, былъ растагъ, и генералъ Чернышевъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ на рекогносцировку Берлина съ франкфуртской стороны, что и было сдѣлано послѣ полудня. Мы нашли тамъ два пѣхотныхъ полка

въ лагерѣ, около полумили разстояніемъ отъ Берлина при деревнѣ Бисдорфъ. При мнѣ былъ полковникъ Луковкинъ съ 50 казаками его полка, которые, атаковавъ непріятельскій пикетъ Виртембергскихъ драгунъ, совершенно истребили его передъ фронтомъ лагеря, такъ что взято было въ плѣнъ только два человѣка. Непріятель сдѣлалъ болѣе 200 пушечныхъ выстрѣловъ, но безъ малѣйшаго вреда для насъ. Возвратясь вечеромъ въ лагерь, я снова потребовалъ помощи отъ графа Чернышева, чтобы идти, черезъ Шпрее, къ Берлину и вновь занять мой прежній постъ, и, наконецъ, получилъ бригадира Бенкендорфа съ двумя пѣхотными полками и двумя большими орудіями и зарядами, но долженъ былъ отдать графу Чернышеву Молдавскій гусарскій полкъ. Въ 3 часа утра, 7-го числа, я двинулся прямо черезъ Шпрее на Берлинъ, а графъ Чернышевъ нѣсколько часовъ спустя пошелъ также къ Берлину по другой сторонѣ, туда, гдѣ наканунѣ вечеромъ мы производили рекогносцировку. Съ разсвѣтомъ я былъ уже при деревнѣ Риксдорфъ, въ полумили отъ Берлина, и мой авангардъ былъ атакованъ непріятельскимъ эскадрономъ кирасиръ и 30 гусарами, но всѣ они, за исключеніемъ 19 убитыхъ, были взяты въ плѣнъ подъ непріятельскою батареею и въ числѣ ихъ оказались 1 ротмистръ, 2 поручика, 1 корнетъ, 4 унтеръ-офицера, 86 кирасиръ и 15 гусаръ. У меня же не было никакой потери, кромѣ раненыхъ казака и двухъ лошадей, и я, безъ малѣйшей помѣхи, приказалъ двумъ казацкимъ полкамъ подъ командою полковника Попова, Сербскому гусарскому полку съ двумя единорогами и эскадрону конно-гренадеръ занять высоты передъ Котбусскими воротами и держаться въ крѣпкой позиціи, съ остальными же небольшими легкими войсками, съ двумя конно-гренадерскими полками и со всею пѣхотою я двинулся прямо къ Галлишскимъ воротамъ въ разсчетѣ прогнать непріятеля съ тамошней горы, на которой, два дня передъ тѣмъ, была моя главная батарея, но нашелъ на ней довольно большой лагерь съ нѣсколькими батареями, вооруженными большимъ числомъ пушекъ. Поэтому мнѣ ничего другаго не оставалось сдѣлать, какъ двинуть весь мой корпусъ фронтомъ, однако такъ, чтобы непріятельскія батареи не могли причинить мнѣ никакого вреда. Полковника Глѣбова, съ тремя большими орудіями, подъ прикрытіемъ батальона гренадеровъ

и одного казачьяго полка, я послалъ въ лежавшій не вдалекѣ лѣсокъ для обстрѣливанія непріятельскихъ батарей и лагеря, а равно и самаго города. Бомбардированіе это продолжалось безпрерывно съ 3 час. утра до полудня съ такимъ успѣхомъ, что непріятельскій лагерь былъ разстроенъ, непріятельская пѣхота отступила за батареи и Берлинъ былъ въ огнѣ. Я уже сдѣлалъ распоряженіе объ одновременной атакѣ непріятельскихъ батарей со всѣхъ сторонъ, какъ получилъ съ форпостовъ извѣстіе, что непріятельская пѣхота идетъ, съ многими пушками, по дорогѣ изъ Потсдама въ Берлинъ. Генералъ-адъютантъ фонъ-Шорлемеръ, посланный отъ корпуса Гюльзена въ Берлинъ и взятый въ плѣнъ моимъ патрулемъ, подтвердилъ это, добавивъ, что генералы Гюльзенъ и Клейстъ были на маршѣ съ ихъ корпусами и находились не вдалекѣ. Вызвавъ немедленно полковника Глѣбова съ его артиллеріею и прикрытіемъ обратно, я пошелъ съ полковникомъ Цвѣтиновичемъ и его гусарскимъ полкомъ и 4 единорогами на встрѣчу непріятельской пѣхотѣ и приказалъ слѣдовать за мною конно-гренадерскому полку и 1000 гренадеръ съ принадлежавшею къ нимъ артиллеріею, для прикрытія моего наступленія и моего тыла, а поддерживать позицію, занятую передъ Котбусскими воротами сербскимъ гусарскимъ полкомъ и полковникомъ Поповымъ съ двумя казачьими полками, долженъ былъ бригадиръ Бахманъ съ 1000 гренадеровъ; бригадиръ же Бенкендорфъ съ его 2 пѣхотными полками и бригадиръ Мельгуновъ съ 1-мъ конно-гренадерскимъ полкомъ должны были оставаться на ихъ мѣстахъ. Съ гусарами лишь Хорвата и бывшими при мнѣ казаками я остановилъ прусскую пѣхоту, состоявшую только изъ двухъ батальоновъ съ 4 пушками и бывшую авангардомъ генерала Клейста; и она была бы легко уничтожена, еслибы 1000 гренадеровъ и драгунскій полкъ не опоздали, или еслибы у меня было больше легкихъ войскъ, такъ какъ непріятель былъ разстроенъ и окруженъ гусарами и казаками. Узнавъ же о приходѣ сильнаго непріятеля, я уже не могъ дѣйствовать съ однимъ авангардомъ и вынужденъ былъ пропустить непріятеля. черезъ деревню Шенбергъ, къ Потсдамскимъ воротамъ. Въ это самое время пріѣхалъ ко мнѣ генералъ Лесси и объявилъ, что его кавалерія прибудетъ сейчасъ, а пѣхота завтра. Приказавъ полковнику князю Репнину съ 1000 гренадеровъ и полковнику

Шетневу съ его конно-гренадерскимъ полкомъ занять горы, находящіяся на Саармюндской и Потсдамской дорогахъ, въ полумили отъ Берлина, и установить тамъ батареи, я распорядился, чтобы подполковникъ Цвѣтиновичъ съ его гусарами и полковникъ Луковкинъ и Туровѣровъ заняли позиціи: первый — въ деревнѣ Стегелицѣ, второй — въ Целендорфѣ и третій — въ д. Столпе. Только что я успѣлъ сдѣлать эти распоряженія, какъ корпусъ Клейста, который легко можно было считать въ 6 т. человѣкъ, выдвинулся впередъ полнымъ маршемъ и занялъ деревню Целендорфъ. Я велѣлъ атаковать его кавалерію Хорватскимъ эскадрономъ, а изъ бывшихъ при мнѣ 4 единороговъ причинилъ ей не мало вреда; но такъ какъ она состояла изъ 10 эскадроновъ кирасиръ и драгунъ, двухъ эскадроновъ зеленыхъ драгунъ и 5 эскадроновъ зеленыхъ гусаръ, то я, съ моимъ малымъ числомъ гусаръ, долженъ былъ отступить и даже 4 единорога были уже въ рукахъ непріятеля; но храбрые подполковники Цвѣтиновичъ и Чобра такъ добросовѣстно поддержали меня, что, сформировавъ снова свои эскадроны, отбросили всю непріятельскую кавалерію, отбили захваченные ею единороги и, взявъ въ плѣнъ 62 человѣка, многихъ изрубили, а остальныхъ преслѣдовали до непріятельской пѣхоты. Оставшимся назади конно-гренадерамъ и пѣхотѣ я приказалъ двинуться впередъ, потому что непріятель расположился въ боевомъ порядкѣ и дѣлалъ видъ, что хочетъ отнять занятыя мною высоты, но принятая мною мѣра предосторожности—занятіемъ высотъ 1000 гренадеръ и достаточною артиллеріею, подѣйствовала на столько, что непріятель пріостановился на нѣкоторое время и затѣмъ фальшивою ретирадою думалъ выманить меня оттуда; но видя, что я не перемѣняю своей позиціи и что моя остальная пѣхота идетъ во фронтъ, а конно-гренадеры и хорватовскіе гусары и казаки намѣреваются напасть съ флаговъ и тыла, двинулся назадъ къ Теттау, послѣ двухчасовой перестрѣлки, съ немалою потерею. Преслѣдовать его я призналъ опаснымъ, потому что въ тылу у меня былъ Берлинъ и непріятельскія батареи на горахъ передъ Галлишскими воротами, съ пѣхотою болѣе, чѣмъ въ два полка, а разъѣзды генерала Гюльзена схватывались уже съ моими казаками, посланными имъ на встрѣчу. Въ виду этого я не могъ преслѣдовать корпусъ Клейста, который при томъ же

былъ совершенно растерянъ, и оставшись съ моими гренадерами и пѣхотою на горѣ, послалъ конно-гренадеровъ и гусаръ безпокоить непріятеля съ фланговъ, при чемъ онъ снова понесъ немаловажныя потери. Не прошло и часа, какъ показался весь корпусъ Гюльзена, шедшій скорымъ маршемъ; но увидавъ корпусъ Клейста въ полномъ отступленіи, а меня занимающимъ хорошую позицію на горѣ, и будучи привѣтствованъ моими батареями, вернулся на прежнюю дорогу, по которой онъ шелъ, преслѣдуемый хорватскими гусарами и казачьимъ полкомъ Луковкина, захватившими еще 20 плѣнныхъ.

„Была уже ночь; мои люди устали за цѣлый день; посланныя графомъ Чернышевымъ тяжелыя орудія были снова испорчены и всѣ мои заряды истрачены. Поэтому я двинулъ мою пѣхоту и конно-гренадеръ на то-же мѣсто, гдѣ я ихъ сформировалъ утромъ, а самъ до поздней ночи оставался, не будучи тревожимъ, съ хорватскими гусарами на тѣхъ же высотахъ. Хотя генералъ Лесси и послалъ своихъ уланъ преслѣдовать корпусъ Клейста, но вся кавалерія его, пришедшая еще передъ канонадою, видѣла все дѣло, не принимая въ немъ ни малѣйшаго участія, а самъ онъ ушелъ съ нею вечеромъ 2 мили назадъ, пославъ, однако, передъ тѣмъ князя Левенштейна въ городъ требовать сдачи его.

„Я приказалъ сосчитать убитыхъ непріятелей и на одномъ полѣ сраженія было насчитано 6 офицеровъ и 1,600 рядовыхъ. Моя потеря заключалась въ одномъ конно-гренадерѣ, 5 гренадерахъ, 3 казакахъ и 15 лошадяхъ; раненыхъ же было: 11 конногренадеровъ, 17 гренадеровъ, 4 гусара и 6 казаковъ. Распредѣливъ бывшее у меня небольшое число легкихъ войскъ такъ, какъ этого требовали обстоятельства и безопасность, при чемъ пѣхота и конно-гренадеры должны были провести ночь на своихъ мѣстахъ, противъ непріятельской батареи, и поддерживать меня, я разослалъ командирамъ надлежащія приказанія. Рано на другой день получилъ я отъ генералъ-лейтенанта Панина снаряды, прибывшіе въ Кёпеникъ, но за проливнымъ дождемъ въ этотъ день я ничего не могъ предпринять. Австрійскія пѣхота и кавалерія подошли около полудня къ сторонѣ Потсдама; я перемѣнилъ мою позицію и отправилъ пѣхоту и конно-гренадеровъ въ Риксдорфскій лѣсъ, а артиллерію, съ надлежащимъ

прикрытіемъ, размѣстилъ на высотахъ при Котбусскихъ воротахъ; бывшія же при мнѣ легкія войска должны были занять лагерь передъ тѣми же воротами и содержать пикеты. Хотя въ этотъ день непріятель изъ города нѣсколько разъ порывался тревожить меня въ моей позиціи, но всякій разъ былъ прогоняемъ назадъ съ потерею. Подъ вечеръ генералъ Лесси съ генералъ-маіоромъ Брентано пріѣхалъ на мои батареи и предложилъ поддержать послѣдняго всѣмъ моимъ корпусомъ, рѣшившись отнять непріятельскія батареи на горѣ передъ Галлишскими воротами. Я охотно согласился на это и просилъ дать письменную диспозицію; но прождавъ напрасно до 10 часовъ вечера, получилъ отъ графа Чернышева приказаніе, какъ только прибудетъ генералъ Лесси, тотчасъ оставить эту сторону и мою позицію и идти къ нему на другую сторону, для прикрытія его, потому что на другой день онъ хотѣлъ атаковать бывшаго передъ нимъ непріятеля. Я отвѣчалъ, что сдѣлать этого, безъ большой обиды, я не могу; что я ближе другихъ къ Берлину, опрокинулъ непріятеля, стою передъ воротами и долженъ сохранить мою позицію, а не пропускать другихъ. Кромѣ того, мнѣ пришлось бы идти къ нему 4 мили и все-таки я пришелъ бы поздно. Спустя полчаса, получилъ я отъ него новое приказаніе,—потому что генералъ Лесси хотѣлъ употребить меня на этой сторонѣ,—остаться на мѣстѣ, но всѣ мои легкія войска немедленно отослать къ нему на другую сторону. Исполнить это я могъ еще менѣе, потому что весьма нуждался въ означенныхъ войскахъ для форпостовъ и пикетовъ, а безъ нихъ долженъ былъ бы тотчасъ отступить. Поэтому я предписалъ бригадиру Мельгунову, съ его двумя конными полками, идти съ разсвѣтомъ къ графу Чернышеву и оставаться при немъ.

„8-го октября, около часу пополуночи, непріятельскій трубачъ принесъ мнѣ отвѣтъ берлинскаго коменданта на мое послѣднее требованіе и я тотчасъ же приказалъ бомбардировать городъ, какъ только трубачъ былъ отправленъ назадъ. Въ 3 часа, однако, снова явился непріятельскій трубачъ съ маіоромъ Вегеромъ и ротмистромъ Вангенгеймомъ и представилъ мнѣ капитуляцію коменданта. Отправивъ съ этими офицерами бригадира Бахмана, съ надлежащими наставленіями, въ Берлинъ, я послѣдовалъ за нимъ съ гусарами и конно-гренадерами;

пѣхота тоже должна была выступить и идти прямо на Берлинъ. Я еще не доѣхалъ до Котбусскихъ воротъ, какъ ротмистръ Бринкъ, отправленный мною съ бригадиромъ Бахманомъ, встрѣтилъ меня съ извѣстіемъ, что комендантъ капитулировалъ согласно моимъ требованіямъ и затѣмъ явились депутаты отъ города. Генералъ-лейтенанта Рохова, какъ коменданта, я нашелъ въ Котбусскихъ воротахъ и тотчасъ же распорядился занять гусарами и нѣсколькими эскадронами конно-гренадеровъ всѣ ворота и высоты при Галлишскихъ воротахъ, гдѣ были непріятельскія батареи, гарнизонъ же долженъ былъ положить свое оружіе. Въ 5 часовъ я двинулся съ остальными конно-гренадерами въ городъ, ко дворцу. За мною должны были слѣдовать 2,000 гренадеровъ; приказавъ имъ смѣнить всѣ караулы на гауптвахтахъ и при воротахъ, я назначилъ бригадира Бахмана комендантомъ. Бригадиръ же Бенкендорфъ съ двумя пѣхотными полками остался передъ Котбусскими воротами, для пріема плѣнныхъ, а гусаръ и казаковъ я послалъ вслѣдъ за непріятелемъ, состоявшимъ изъ корпусовъ Гюльзена, Клейста и Виртембергскаго, прямо на Шпандау. Къ 7 часамъ въ Берлинѣ уже не было прусскихъ карауловъ и бо̀льшая часть гарнизона была отведена къ воротамъ. Все это совершилось безъ всякаго участія кого-либо изъ корпусовъ Чернышева и Лесси; но въ 7 часовъ я послалъ обоимъ этимъ генераламъ извѣщенія объ этомъ счастливомъ событіи. Около 9 часовъ прибылъ къ Галлишскимъ воротамъ австрійскій генералъ-маіоръ Брентано съ кавалеріею и пѣхотою и, устранивъ мой караулъ, занялъ силою ворота. Вскорѣ послѣ того явился подполковникъ Ржевскій и отъ имени генерала Чернышева потребовалъ, хотя и поздно, сдачи города. Вслѣдъ за нимъ прибылъ ко мнѣ въ Берлинъ и генералъ Лесси съ генералъ-маіоромъ Брентано и потребовалъ отъ меня равной части во всемъ, подъ угрозою въ противномъ случаѣ протестовать противъ капитуляціи. Я просилъ только о томъ, чтобы онъ имѣлъ терпѣніе въ теченіи 24 часовъ, пока я получу приказанія изъ Франкфурта отъ главнокомандующаго, графа Фермора, къ которому я хотѣлъ отправить курьера; но никакія представленія мои не помогали и чтобы устранить всякія замѣшательства и провѣрить мои капитуляціи съ комендантомъ и городомъ я долженъ былъ снова ѣхать къ Котбусскимъ

2*

воротамъ, гдѣ обѣ капитуляціи и были подписаны. Только что успѣлъ я это сдѣлать, какъ туда же прибыли генералы Лесси и Чернышевъ съ большою свитою и болѣе часа осыпали меня шумными упреками. Въ заключеніе получилъ я отъ Чернышева, писанный карандашемъ, приказъ отдать австрійцамъ трое воротъ и 80,000 талеровъ изъ назначенныхъ въ подарокъ денегъ. Первое я, поневолѣ, долженъ былъ исполнить, но что касается до втораго, то я велѣлъ уплатить австрійцамъ только 50,000 талеровъ. Между тѣмъ мои казаки и гусары, подъ командою подполковника Текелли и казацкаго полковника Луковкина, были настолько счастливы, что захватили у бѣжавшаго непріятеля два батальона съ 2 пушками, почти цѣлый егерскій корпусъ и многихъ гусаръ, 2,000 убили и преслѣдовали непріятеля за Шпандаусскій мостъ. Отъ корпуса же генералъ-фельдцейхмейстера графа Лесси ни одинъ человѣкъ не послѣдовалъ за непріятелемъ, но нѣсколько тысячъ силою ворвались въ городъ и заняли подъ свои квартиры цѣлый Фридрихстадтъ. Всѣ улицы были полны австрійцами, такъ что для охраны отъ грабежа этими войсками я долженъ былъ назначить 800 человѣкъ, а потомъ полкъ пѣхоты съ бригадиромъ Бенкендорфомъ, и помѣстить всѣхъ конно-гренадеровъ въ городѣ. Наконецъ, такъ какъ австрійцы нападали на мои караулы и били ихъ, то я велѣлъ стрѣлять по нимъ. Какъ только немного успокоилось, я командировалъ бригадира Бенкендорфа съ полковникомъ Глѣбовымъ раззорять королевскій литейный дворъ и всѣ королевскіе и другіе заводы, имѣвшіе какое либо отношеніе къ военной части, а также всѣ монетные дворы и пороховыя мельницы, очистить весь арсеналъ и всѣ находящіяся тамъ пушки, знамена, оружіе и доспѣхи препроводить въ армію, а то, что изъ оружія не можетъ быть вывезено, то отдать пѣхотѣ, остальное же сжечь и бросить въ воду. Тотъ же бригадиръ долженъ былъ освидѣтельствовать всѣ королевскія казначейства и забрать наличность ихъ въ 62,000 талеровъ, а равно мундирныя и аммуниціонныя камеры, въ которыхъ для всѣхъ кирасирскихъ, пѣхотныхъ, драгунскихъ и гусарскихъ полковъ и для цѣлой непріятельской арміи все было приготовлено и спрятано въ церквахъ, и распредѣлить между русскими, саксонскими и австрійскими войсками. То-же было сдѣлано и съ значительными коро-

левскими магазинами съ сѣномъ и овсомъ, такъ какъ едва столько фуръ можно было поднять, сколько нужно было для перевозки кассъ и артиллеріи. Всѣ найденныя въ арсеналѣ австрійскія и саксонскія знамена и пушки я велѣлъ отдать австрійскимъ и саксонскимъ войскамъ и то-же сдѣлалъ съ австрійскими и саксонскими солдатами и шведами, объявившимися въ числѣ плѣнныхъ. Бригадиру Мельгунову, согласно ордеру графа Фермора, было приказано переписать всѣхъ находившихся въ Берлинѣ лошадей и сдать ихъ подъ артиллерію и кассы, а остальныхъ привесть въ армію. Подполковникъ же Цвѣтиновичъ долженъ былъ вернуться съ своимъ эскадрономъ въ Потсдамъ для раззоренія королевскихъ оружейныхъ заводовъ, но австрійскій генералъ Эстергази не допустилъ его до этого и не далъ ни куска хлѣба для его команды. Пока все это приводилось въ исполненіе, я цѣлыхъ три дня, до 12-го октября, провелъ въ Берлинѣ. Мнѣ нуженъ былъ еще день, чтобы имѣть возможность отправить все въ должномъ порядкѣ, а въ особенности увезти прекрасную старую саксонскую артиллерію, лежавшую безъ лафетовъ на литейномъ дворѣ, для чего, однако, потребовалось бы 100 лошадей, но вечеромъ получилъ приказаніе отъ генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова и главнокомандующаго графа Фермора, тотчасъ по прочтеніи его, идти къ арміи безостановочно, денно и нощно. Генералы графъ Чернышевъ и Лесси, съ ихъ корпусами, въ слѣдующую же ночь оставили Берлинъ и его окрестности и, по требованію перваго изъ нихъ, я принужденъ былъ рано утромъ 11 октября отпустить одинъ полкъ конно-гренадеровъ и полкъ пѣхоты, а другой, данный мнѣ имъ, Чернышевымъ, въ помощь пѣхотный полкъ я отправилъ къ арміи, черезъ Кёпеникъ и Фюрстенвальдъ, сопровождать плѣнныхъ, непріятельскія артиллерію и аммуницію, а равно и кассу. Касса эта состояла изъ 500,000 талеровъ, полученныхъ въ счетъ контрибуціи, 62,000 талеровъ, взятыхъ въ королевскихъ казначействахъ, 75,000 талеровъ подарочныхъ денегъ моему корпусу и 1,500 талеровъ за проданную соль. За день передъ тѣмъ я передалъ графамъ Чернышеву и Лесси 100,000 талеровъ подарочныхъ денегъ и первой дивизіи русской арміи 25,000 талеровъ.

„Я оставался въ Берлинѣ все воскресенье съ 2,000 гренадер.

и однимъ полкомъ конно-гренадеровъ, приказавъ обезоружить всѣхъ жителей и сжечь ихъ оружіе, а выпущенныя противъ ея императорскаго величества, ея союзниковъ и ихъ армій зловредныя изданія сжечь черезъ палача, подъ висѣлицею. Газетчики, за дерзкія выходки ихъ во время этой войны, должны были понести заслуженное ими наказаніе шпицрутенами, но такъ какъ весь городъ просилъ о монаршемъ милосердіи къ нимъ, то это наказаніе, именемъ ея императорскаго величества, было отмѣнено, но все же они проведены были до мѣста, гдѣ была назначена экзекуція и гдѣ все уже было приготовлено, и даже съ нихъ были сняты рубашки.

„Королевскія сокровища были осмотрѣны и найденные ящики и корзины съ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и древностями бригадиръ Бенкендорфъ долженъ былъ опечатать и взять съ собою къ арміи во Франкфуртъ, гдѣ штабъ-офицеры сдѣлали имъ описи и, упаковавъ каждую вещь, сдали при рапортѣ графу Фермору, черезъ князя Прозоровскаго.

„Въ 3 часа пополудни 12-го октября горожане должны были смѣнить моихъ гренадеровъ, а подъ вечеръ я выступилъ изъ Берлина съ послѣдними и бывшими еще тамъ конно-гренадерами съ музыкою, оставивъ лишь для охраны одного капитана, двухъ поручиковъ, 100 гренадеровъ и 50 конно-гренадеровъ, и вечеромъ пришелъ въ Кёпеникъ, а 13 октября перешелъ въ мой лагерь при Фюрстенвальдѣ, гдѣ вечеромъ получилъ строгій приказъ быть, безъ замедленія, на слѣдующій день, во Франкфуртѣ, потому что прусскій король, со всею своею арміею, былъ уже въ Губенѣ. Въ бытность мою въ Берлинѣ я не только оставилъ пикеты въ Бесковѣ и Любберодѣ, но мои форпосты были и въ Вюстергаузенѣ, въ Саармюндѣ и въ другихъ мѣстахъ, и потому я ничего не опасался со стороны непріятеля. Въ виду этого я провелъ спокойно ночь въ Фюрстенвальдѣ и двинулся лишь на другой день, 14 октября, но не прежде, какъ подошли многіе, оставленные корпусомъ графа Чернышева, люди и аммуниціонныя повозки и я могъ взять ихъ съ собою. Къ вечеру, со всѣмъ моимъ корпусомъ, я подошелъ къ Франкфурту, но армія была уже за Одеромъ, на полномъ маршѣ къ Дроссену. На другой день, 15 октября, я сдѣлалъ во Франкфуртѣ растагъ, а поздно вечеромъ пришелъ туда и мой арріергардъ,

которому отъ меня приказано было не оставлять ничего на маршѣ изъ оставленныхъ корпусомъ графа Чернышева пушекъ, аммуниціонныхъ повозокъ и людей, но все взять съ собою. 15-го октября я отправилъ къ арміи въ Дроссенъ бригадировъ Бахмана и Бенкендорфа съ 2,000 гренадеровъ и однимъ полкомъ пѣхоты, бригадира Мельгунова съ конно-гренадерскимъ полкомъ и подполковника Глѣбова съ моею и непріятельскою артиллеріею, всею аммуниціею, всѣми плѣнными, кассами, тремя заложниками и двумя мастерами королевскаго литейнаго двора; самъ же, съ легкими войсками, остался еще 16 октября во Франкфуртѣ. Въ полдень прибыли люди, оставленные мною въ Берлинѣ для охраны, не оставивъ позади себя ни одного человѣка, а 17-го утромъ я выступилъ въ Дроссенъ, куда 18-го числа прибыли и оставленные во Франкфуртѣ, для охраны, мои люди".

Какъ ни хвастлива эта реляція и какъ Тотлебенъ ни старался очернить въ ней графовъ Чернышева и Лесси, но кажется, что въ словахъ его все-таки была доля правды. Стремясь отомстить Фридриху Великому за все зло, причиненное имъ Австріи и жителямъ завоеванныхъ имъ областей ея, Лесси не могъ хладнокровно смотрѣть на болѣе или менѣе великодушное отношеніе Тотлебена къ столицѣ прусскаго короля и не желать нанести ей возможно бо̀льшій вредъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспользоваться, съ большою выгодою для себя, плодами чужихъ трудовъ. Весьма возможно и то, что графъ Чернышевъ не безъ зависти отнесся къ успѣху, достигнутому подчиненнымъ ему генераломъ, и къ тому же иностранцемъ, долженствовавшимъ дѣйствовать съ нимъ совмѣстно, но совершившимъ громкое дѣло безъ него. Во всякомъ случаѣ, есть основаніе думать, что положеніе Тотлебена въ Берлинѣ было не изъ легкихъ, по крайней мѣрѣ, историкъ семилѣтней войны Архенгольцъ [1]) удостовѣряетъ, что Тотлебенъ, долгое время жившій въ Берлинѣ, при занятіи этого города нашелъ въ немъ много старинныхъ друзей и поступалъ съ кротостію, удивившею всѣхъ жителей; но когда вступилъ Лесси, изъявляя неудовольствіе на

[1]) Архенгольцъ: Исторія семилѣтней войны 1756—1763 гг., въ переводѣ Мартоса, Москва, 1841 г.

поведеніе русскихъ, то Тотлебенъ вынужденъ былъ принимать на себя разныя роли: публично слышали отъ него ужасныя угрозы, а въ частности всегда и къ каждому онъ относился благосклонно и выполнялъ это на дѣлѣ.

Съ другой же стороны, если сравнить приведенную выше реляцію Тотлебена съ тою, которую онъ послалъ на имя императрицы Елисаветы 15 октября 1760 года, т. е. на третій день по оставленіи имъ Берлина и при томъ изъ главной квартиры въ Шветѣ, тогда какъ въ это число, какъ онъ пишетъ въ своемъ разсказѣ, онъ былъ еще во Франкфуртѣ, то вѣра въ его разсказъ не можетъ не поколебаться. Правда, подлинной реляціи, о которой мы говоримъ, мы не видали и основываемся на переводѣ ея, хранящемся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ надписи на коемъ видно, что она была издана въ 1761 году, т. е. послѣ того, какъ Тотлебенъ напечаталъ свой разсказъ и, быть можетъ, была составлена для публики, подобно тому, какъ по донесеніямъ графа Фермора въ 1759 году сочинялись „для свѣта“ обстоятельныя реляціи [1]; но заграницею она произвела впечатлѣніе такого рода, что, сообщая экземпляръ ея нашему канцлеру, резидентъ въ Регенсбургѣ Симолинъ, 31 марта 1761 года, писалъ: „многіе сомнѣваются, чтобы оная публикована была съ согласія и соизволенія двора, ибо содержатся въ оной нѣкоторыя изъясненія, о которыхъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, болѣе умалчивать нежели обнародовать надлежало-бъ“ [2]). Въ виду какъ этого отзыва, такъ и несогласія реляціи той съ приведеннымъ выше разсказомъ Тотлебена, мы считаемъ необходимымъ привести ее, въ современномъ переводѣ: „27-го сентября 1760 года,—доносилъ Тотлебенъ, — его сіятельство командующій фельдмаршалъ графъ Салтыковъ отправилъ меня съ корпусомъ, въ 5,000 человѣкъ состоящимъ, для наложенія на куръ-маркскія земли контрибуцій. 1-го октября миновалъ я Франкфуртъ, а 3-го октября, предъ полуднемъ, въ 10 часовъ прибылъ, въ самой тихости, предъ Берлинъ. Я чаялъ симъ городомъ скоро овладѣть, потому что слышалъ, что гарнизонъ былъ слабый и состоялъ почти изъ однихъ дезертировъ; чего ради приказалъ я тотчасъ требовать

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. 24, стр. 206.

[2]) Московскій архивъ м-ва ин. дѣлъ.

сдачи города, что о полудни въ 12 часовъ и послѣдовало; токмо трубача въ городъ не впустили, и на требованіе девяти милліоновъ учиненъ мнѣ нечаянный отвѣтъ, а именно, что для услугъ готовы порохъ и свинецъ и что до послѣдняго человѣка обороняться намѣрены. И какъ я сего отвѣта совсѣмъ не ожидалъ, то послалъ тотчасъ курьера къ генералу Фермору съ прошеніемъ о присылкѣ помощи. По полудни, во 2-мъ часу, между прусскими гусарами и казаками дошло до сшибокъ, причемъ первые тотчасъ къ городскимъ стѣнамъ прогнаны. Сначала сталъ я предъ Котбусскими воротами, и велѣлъ казакамъ оныя безпрестанно обезпокоивать, но непріятель такъ сильно картечами по нихъ стрѣлялъ, что они всегда съ великимъ поспѣшеніемъ отступать принуждены были. Послѣ того сдѣлалъ я предъ Заячьею рощею противъ Котбусскихъ воротъ батарею о 3-хъ гаубицахъ, дабы какъ непріятельскую батарею разбить, такъ и по городу стрѣлять, токмо непріятель пушки свои такъ изрядно поставилъ, что чрезъ часъ моя батарея совсѣмъ разбита была. Сего ради, я отъ помянутыхъ воротъ отступя, сталъ между оными и Гальскими воротами и за однимъ домомъ, Іоганнисъ-тишъ называемымъ, сдѣлалъ новую батарею, съ которой по здѣшней сторонѣ города весьма жестоко стрѣлялъ. Хотя мнѣ и легко было по городскимъ стѣнамъ стрѣлять, но, почитая городъ не за крѣпость, а только за открытое мѣсто, которое оборонялось, расположился я слѣдующимъ образомъ, а именно: предъ батареею стоялъ высокій каменный домъ, отъ котораго въ 20 шагахъ была площадь съ лѣсомъ, а передъ нею находился городской ровъ, весьма слабый и не глубокій. Непріятельскія пушки, поставленныя предъ Котбусскими воротами, не могли до моего лагеря достать, а стоявшимъ предъ Гальскими воротами непріятельскимъ же пушкамъ мѣшала въ томъ означенная площадь съ лѣсомъ, такъ что я совсѣмъ въ закрытіи былъ. Между тѣмъ легкія войска безпрестанныя сшибки имѣли, съ перемѣннымъ съ обѣихъ сторонъ счастіемъ. Въ теченіи трехъ часовъ бросилъ я въ городъ 5,000 ядеръ, токмо тамъ пожара никакого не сдѣлалось. Потомъ, въ вечеру, въ 5 часовъ, срылъ я сію батарею и отступилъ на пригорки противъ самыхъ Гальскихъ воротъ. Того числа по полудни отъ непріятельскаго съ картечами огня и на разныхъ сшибкахъ убито у меня 50 человѣкъ, да ранено 20; напротивъ чего изъ

непріятельскихъ гусаровъ лежало на мѣстѣ только 5 человѣкъ. Съ занятыхъ мною тогда пригорковъ способно могъ я все въ городѣ видѣть. Ночь была весьма изрядная и ясная, почему принялъ я намѣреніе съ оныхъ пригорковъ по городу стрѣлять, а дабы въ городѣ пожаръ сдѣлать, то обвилъ я ядра сѣрою и пеккранцами и началъ въ вечеру, въ 4 часа, изъ 3-хъ мортиръ и 2-хъ гаубицъ въ Фридрихсштадтъ стрѣлять, куда опять уже до ста ядеръ бросилъ, но безъ всякаго успѣха, потому что большая часть оныхъ, не дошедъ еще до города, лопались. Наконецъ, у самыхъ Гальскихъ воротъ сдѣлался великій пожаръ, и какъ я послѣ провѣдалъ, то сгорѣли въ оный два стоявшіе тамъ сарая. Я чаялъ тогда, что уже время приспѣло отважиться къ учиненію приступа, потому что городъ отъ пожара, конечно, въ превеликій страхъ пришелъ. Чего ради отправилъ я два гренадерскіе полка и началъ сперва къ Котбусскимъ воротамъ приступать, кои непріятель 300 человѣками занялъ. Войска мои подошли непримѣтно подъ непріятельскія пушки и понеже солдаты чрезъ сіе весьма ободрились, то стали мы приступъ чинить. Но гарнизонъ столь храбро оборонялся, что войска вашего величества принуждены были назадъ отступать. Я сдѣлалъ еще приступъ, но непріятель изъ мелкаго ружья учинилъ столь сильный огонь, что никакъ не возможно мнѣ было сію батарею взять. Итакъ, потерявъ я 150 человѣкъ, отступилъ назадъ.

„Въ то же время отправилъ я еще гренадерскій полкъ на приступъ къ Гальскимъ и Лейпцигскимъ воротамъ, и какъ мы къ онымъ подходили, то насъ непріятель также не примѣтилъ. Мы перешли чрезъ ровъ у Гальскихъ воротъ, дабы къ непріятелю съ тылу зайти. Сія батарея занята была 250 человѣками, кои сдѣлали около себя вагенбургъ. Помянутый гарнизонъ столь храбро оборонялся, что войска вашего величества, по учиненномъ трижды приступѣ, отбиты были. Предъ Лейпцигскими воротами происходило не лучше, и я принужденъ былъ опять на пригорки отступить. Во время сего отступленія непріятель отъ Котбусскихъ и Гальскихъ воротъ стрѣлялъ по насъ изъ пушекъ на крестъ, отъ чего великій вредъ намъ приключенъ. Сія ночь стала намъ столь дорога, что исчислили мы болѣе 700 человѣкъ убитыми, а раненыхъ было еще превосходнѣе того, да и подо мною самимъ при оныхъ приступахъ лошадь

убита. Не взирая на сію неудачу, велѣлъ я по городу жестоко стрѣлять и собралъ весь порохъ, дабы городъ въ безпрестанномъ страхѣ содержать; бросивъ въ городъ до 1,500 ядеръ и и истративъ всю аммуницію, не могъ я, однако, намѣреніе мое исполнить, почему во 2 часу ночи и пересталъ я по городу стрѣлять. Въ городѣ потушили пожаръ чрезъ три часа и кромѣ выше показанныхъ двухъ сараевъ ничего не сгорѣло. По окончаніи бомбардированія сдѣлалъ я кругомъ лагеря моего волчьи ямы для осторожности, чтобъ непріятель въ сію ночь на меня не напалъ. И подлинно! Если бы непріятель вѣдалъ, въ какихъ худыхъ обстоятельствахъ я находился, то-бъ конечно, легко было ему весь мой корпусъ схватить, потому что я и 20 выстрѣловъ не имѣлъ. Но я всячески старался оное скрыть и побѣгъ изъ людей моихъ отвратить. Между тѣмъ ночь прошла спокойно и токмо по утру въ 7 часовъ предъ Гальскими воротами оказалось нѣсколько сотъ гусаровъ, чаятельно для осмотра меня; но какъ я нѣсколько разъ изъ пушекъ по нихъ выстрѣлить велѣлъ, то они воротились назадъ. Около полудня пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ съ извѣстіемъ, что генералъ Чернышевъ съ 20,000 человѣками идетъ; почему принялъ я намѣреніе отъ города не отступать, во что бы то ни стало. Гарнизонъ находился въ городѣ весьма спокойно, да и я противъ онаго предпринять ничего не могъ, такъ что и сшибокъ никакихъ не случилось.

„По полудни около 3 часовъ увѣдомилъ меня поставленный въ звѣринцѣ у рѣки Шпрее пикетъ, что въ самое то время вступилъ въ городъ сильный корпусъ прусаковъ. Сему сначала едва могъ я повѣрить, потому что вѣдалъ, что самый ближній корпусъ отстоитъ отъ города въ 17 миляхъ, чего ради нѣсколько офицеровъ смотрѣли съ пригорковъ сквозь першпективную трубу и объявили, что въ городѣ виденъ блескъ ружья; я поѣхалъ самъ смотрѣть, что въ самомъ дѣлѣ и нашелъ. Посему я за полезно не разсудилъ долѣе предъ городомъ остаться, ибо долженъ былъ чаять, что непріятель на меня еще въ сей же день нападетъ. Да и дѣйствительно, въ 4 часу показался предъ Гальскими воротами цѣлый полкъ, который, однако, ничего не предпринималъ. Въ 4 часа поднявшись, старался я отступленіе мое закрыть разставленными сильными пикетами, но оные всѣ не могли отступить и на другой день взяты въ полонъ непріятелемъ,

который обходилъ кругомъ двѣ мили, дабы, какъ онъ чаялъ, весь мой корпусъ схватить. Ночью въ 12 часовъ пришелъ я предъ небольшой городокъ Кепеникъ, который походитъ власно какъ на островъ. По врошеніи въ него нѣсколькихъ ядеръ сдался оный и я полонилъ тамъ 30 человѣкъ рядовыхъ съ двумя офицерами, да двѣ пушки въ добычу получилъ.

„Въ воскресенье предъ полуднемъ въ 11 часовъ появился предъ помянутымъ городкомъ корпусъ прусаковъ, но увидя, что мы оный заняли, отступилъ назадъ, дабы въ Берлинъ принести сію тамъ неожиданную вѣдомость, гдѣ, по сказкѣ пришедшихъ въ тотъ день дезертировъ, объ отступленіи нашемъ несказанно радовались. По полудни въ 2 часа прибыли отъ корпуса генерала Чернышева передовыя войска, а къ вечеру и весь корпусъ пришелъ. Послѣ чего принято намѣреніе на городъ Берлинъ съ двухъ сторонъ напасть, а именно: мнѣ съ Саксонской стороны, а генералу Чернышеву съ Франкфуртской.

„На другой день, то есть въ понедѣльникъ, выслалъ я для присматриванія легкія войска, которыя объявили, что непріятель всѣ пригорки предъ Берлиномъ занялъ; пополудни пошелъ я къ городу съ 12,000 человѣками, имѣя при себѣ 40 пушекъ. Въ сіе время и ночью было все спокойно; во вторникъ по утру въ 9 часовъ напалъ я на непріятеля, который въ 3,000 человѣкъ состоялъ. Оное учинилъ я нечаянно, такъ что непріятель еще и въ строевомъ порядкѣ не находился. Непріятели стрѣляли по насъ изъ пушекъ весьма жестоко и старались насъ тѣмъ удержать, однако мы скоро къ нимъ приблизились и лишь только подошли подъ ихъ пушки, то уже весь ихъ корпусъ стоялъ въ боевомъ порядкѣ, почему дошло до жестокаго сраженія. Лѣвое непріятельское крыло понудили мы къ отступленію и прогнали до самаго города; но въ самое то время идущій изъ Саксоніи генералъ Гильзенъ съ 10,000 человѣками и 60 пушками подоспѣлъ къ оному лѣвому непріятельскому крылу на помощь и погналъ легкую мою конницу, такъ что оная, въ пѣхоту мою вбѣжавъ, привела оную въ замѣшательство, почему невозможно мнѣ было помянутую пѣхоту опять построить. Непріятельская конница прогнана была уже дважды, но въ третіе нападеніе, по соединеніи съ Гильзеновою, удалось ей мою конницу сбить.

Я потерялъ шесть пушекъ, да въ полонъ взято изъ моихъ людей 500 человѣкъ, а убито рядовыхъ 1,000 человѣкъ съ 10 офицерами; ранено же 1,200 человѣкъ рядовыхъ и 20 офицеровъ. Я принужденъ былъ на 4 мили назадъ отступить. По сказкѣ пришедшихъ отъ непріятеля двухъ дезертировъ потерялъ оный только 400 человѣкъ, что весьма вѣроятно, ибо атакованные нами пригорки были несказанно высоки и непріятель могъ по насъ лучше стрѣлять, нежели какъ мы по немъ; слѣдовательно, я и не въ состояніи находился оное мѣсто взять.

„При отступленіи моемъ къ Тельтову засталъ я тамъ австрійскаго генерала графа Лессія съ корпусомъ, въ 15,000 человѣкъ состоящимъ, да съ 10 гаубицами, 20 мортирами и 50,000 бомбъ, дабы городъ Берлинъ, еслибъ добровольно не сдался, сожечь. И понеже генералъ Лессій съ Саксонской стороны противъ непріятеля числомъ довольно превосходилъ, почему во мнѣ тутъ больше нужды не было, то я отошелъ съ моимъ корпусомъ опять къ Кепенику и съ генераломъ Чернышевымъ соединился.

„7-го числа, то есть во вторникъ въ вечеру, требовалъ самъ князь Лихтенштейнъ сдачи города и приведенъ былъ къ принцу Виртембергскому, съ коимъ говорилъ онъ два часа, но получилъ такой же отказъ, какъ и мы. И для того обще соглашеносъ: съ непріятелемъ 8-го числа, то есть на другой день, въ главное сраженіе вступить. Чтобъ солдатъ больше ободрить, то обѣщано имъ позволить три часа грабить, если только они храбро поступать станутъ, ибо непріятель въ превеликомъ отчаяніи находился, и какъ дезертиры,—коихъ во всю осаду только пять человѣкъ къ намъ перешло,—объявили, непріятельскіе солдаты сильно желаютъ съ нами схватиться. Непріятель состоялъ въ 20,000 человѣкахъ и имѣлъ при себѣ 120 осадныхъ пушекъ, а командовали симъ корпусомъ 14 генераловъ.

„Генералъ Чернышевъ еще и во вторникъ стремленіе непріятелей довольно видѣлъ, кои урономъ моимъ еще больше ободрились. Одинъ вольный баталіонъ, который числомъ около 500 человѣкъ былъ, напалъ предъ Фридрихсфельдомъ на корпусъ, состоящій въ 3000 человѣкахъ, и не взирая на всякое сопротивленіе, прогналъ оный по двухчасномъ сраженіи съ урономъ 200 человѣкъ совсѣмъ назадъ; непріятель, гнавшись весьма далеко за симъ корпусомъ, нашелъ на всю нашу армію и оборонялся противъ

нея цѣлые два часа; но какъ сей баталіонъ никакой помощи себѣ не получилъ, то былъ совершенно истребленъ. Командующій имъ маіоръ Теттенротъ съ шестью другими офицерами взятъ въ полонъ, да еще только 150 человѣкъ рядовыхъ, а прочіе всѣ побиты. Симъ людямъ надобно отдать похвалу, что они какъ львы дрались, и еслибы непріятель ихъ подкрѣпилъ, то-бъ еще въ тотъ день до баталіи дошло; токмо онъ не хотѣлъ изъ мѣстоположенія своего выдти, а какъ еще и казаки наши въ оный же день прусскими гусарами прогнаны были, то армія отступила на полмили и мы учинили всѣ пріуготовленія отважиться на другой день въ главное сраженіе вступить. Противъ чаянія, сдѣлался толь сильный вихрь, что едва вспомнить можно, чтобъ когда-либо о подобномъ тому мы слышали. Вѣтеръ дулъ прямо намъ въ глаза, что и помѣшало, что мы на непріятеля напасть, ниже городъ бомбардировать могли; слѣдовательно, въ сей день было все спокойно, ибо какъ мы, такъ и непріятель нападенія учинить не покусились.

„Мы чаяли, что, не сдѣлавъ ничего, принуждены будемъ, конечно, отойти, потому что непріятель могъ не токмо еще четыре дня держаться, но и мы уже вѣдали, что король прусскій о жребіи своей столицы получилъ извѣстіе и въ походѣ находился; чего ради собрали мы военный совѣтъ, на которомъ разсуждали, назадъ-ли намъ идти, или непріятеля на другой день атаковать. Между тѣмъ объявили намъ, что трубачъ и магистратъ городской въ лагерь пришли для заключенія капитуляціи, которое неожиданное происшествіе привело насъ въ удивленіе и мы чаяли, что городъ поступаетъ на капитуляцію, не подвергая себя грабежу; непріятельская же армія, собравшись, дастъ намъ баталію. Мы требовали контрибуціи три милліона, да 200,000 рейхсталеровъ подарка, но магистратъ представилъ, что толикой суммы, по причинѣ бѣдности города, невозможно собрать, а обѣщалъ поставить только одинъ милліонъ, причемъ дѣлалъ онъ видъ, что возвратится назадъ, если мы на сіе не склонимся. Еще же магистратъ обнадеживалъ, что король прусскій объ обстоятельствахъ города уже провѣдалъ и поспѣшалъ на помощь, почему означенный городъ лучше крайности ожидать станетъ, нежели больше дозволить похочетъ. И хотя мы угрожали жестокимъ бомбардированіемъ, однако, онъ отвѣтствовалъ

намъ, что ихъ сіе къ сдачѣ не принудитъ, чего ради и согласились мы на нижеслѣдующую капитуляцію, а именно:

„1) Гарнизону имѣть свободный выходъ при играніи музыки, съ распущенными знаменами.

„*Отказывается, и должно имъ всѣмъ военноплѣнными сдаться*".

„2) Гарнизону взять съ собою весь мундиръ и прочіе королевскіе воинскіе припасы.

„*Все сіе опредѣленному нарочно коммисару вѣрно отдать*".

„3) Всѣмъ больнымъ и раненымъ, кои взяты быть не могутъ, не считаться плѣнными, но получать всякое продовольствованіе.

„*Имъ быть военноплѣнными и надлежитъ подать о нихъ порядочное росписаніе; впрочемъ же, они довольствованы всѣмъ будутъ*".

„4) Арсеналу и литейному дому остаться въ прежнемъ состояніи и не брать изъ оныхъ ничего, что бы ни было.

„*Отказывается и надлежитъ все отдать*".

„5) Магазину остаться въ прежнемъ состояніи.

„*Изъ онаго возьмется столько, сколько на содержаніе войскъ потребно*".

„6) Изъ приватныхъ мундирныхъ камеръ ничего не брать, ибо оныя принадлежатъ офицерскимъ женамъ, коихъ мужья побиты.

„*Дозволяется*". Роховъ.

„Капитуляція съ городомъ.

„1) Городъ даетъ полтора милліона контрибуціи, напротивъ чего быть оному свободнымъ отъ всякаго грабежа, зажженія и другихъ притязаній.

„*Изрядно*".

„2) Для королевскихъ и принцовыхъ домовъ дать охранительные листы.

„*Изрядно*".

„3) Всѣмъ и каждому изъ городскихъ обывателей требовать охранительные листы, съ платежемъ денегъ.

„*Дозволяется*".

„4) Королевскій замокъ оставить въ цѣлости и расположить при ономъ вездѣ караулъ.

„*Сіе само собою разумѣется*“.

„5) Всѣ городу принадлежащія вещи оставить въ цѣлости.

„*Изрядно*“.

„6) Службу Божію отправлять безъ всякаго помѣшательства.

„*Изрядно*“.

„7) Всѣмъ королевскимъ служителямъ жалованье свое получать по прежнему.

„*Изрядно*“.

„8) Все, что касается во вредъ городу и теперь иногда запамятовано, имѣетъ также содержано быть, какъ бы о томъ самою капитуляціею постановлено.

„*Изрядно*“.

„9) Городу отъ постоевъ быть свободнымъ; россійскихъ войскъ по квартирамъ не ставить, а если крайняя нужда потребуетъ, то освобождены быть имѣютъ отъ сего тѣ, у коихъ и прежде постоя никогда не бывало.

„Во время заключенія капитуляціи увѣдомилъ меня, стоящій на пикетѣ, маіоръ, что непріятельская армія сильное дѣлаетъ движеніе, итакъ, наше мнѣніе еще больше подтвердилось; но спустя полчаса по заключеніи капитуляціи тотъ же маіоръ объявилъ, что непріятельская армія, пригорки оставя, отступаетъ къ Шпандау, почему мы за непріятелемъ погнались и, не нашедъ препятствія, вошли въ городъ по утру въ 8 часовъ, а занявъ зàмокъ, забирали всѣ воинскія и королевскія вещи. Между тѣмъ оставленные пригорки заняли мы сильнымъ корпусомъ подъ командою генералъ-поручика Плагенбаха, ибо чаяли, что непріятель, въ кустарникахъ скрывшись, станетъ стараться на насъ въ городѣ, при ночной темнотѣ, напасть, чего, однако, не послѣдовало. Еще же магистратъ обѣщалъ дать подарочныхъ денегъ на корпусъ генерала Чернышева 50,000 рейхсталеровъ, да на мой корпусъ 100,000 рейхсталеровъ; для австрійскаго же генерала Лессія 50,000 рейхсталеровъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ обязался всякій надлежащій порядокъ и дисциплину содержать. Сей генералъ учинилъ было разныя требованія, а именно: чтобъ весь его корпусъ въ городѣ расположить, поставить въ саксонскихъ предмѣстіяхъ караулы и прочее, тому подобное; токмо сославшись на капитуляцію и сдѣлано австрійцамъ обнадеживаніе, что если имъ магистратъ 50,000 рейхсталеровъ подарочныхъ денегъ

позволить не похочетъ, то хлопотать о семъ не станутъ, при чемъ объявлено имъ, что ежели полюбовно они не согласятся, то легко до дѣла съ ними дойдетъ. Между тѣмъ позволено имъ четыре гренадерскіе баталіона въ городъ ввести, расположить ихъ по Нейштату, поставить караулъ у однихъ только Бранденбургскихъ воротъ и въ Фридрихсштатѣ охранительные листы раздать, а притомъ обѣщаться самую точную дисциплину содержать. Токмо сіе послѣднее исполнили они весьма худо, о чемъ мнѣ приносимы были многія жалобы; напротивъ того, войска вашего величества имѣли честь славу себѣ пріобрѣсти, что они вездѣ похвальную дисциплину наблюдали и милосерднѣе австрійцевъ были.

„Въ субботу, то есть 11 октября, поутру, въ 8 часовъ, начали изъ арсенала выбирать, въ которомъ найдено слѣдующее, а именно:

1) Литая, мѣдная, стоящая статуя Фридриха I-го; 2) 16 пушекъ, безъ станковъ; 3) 4 мортиры, безъ станковъ; 4) 800 ружей; 5) 300 ружей меньшаго колибра; 6) 50 офицерскихъ шпантоновъ; 7) 2,500 сабель; 8) 300 кирасъ; 9) великое множество старыхъ орудій; 10) 3,000 солдатскихъ кафтановъ; 11) 4,000 шляпъ; 12) 12,000 ранцовъ и сумъ; 13) 1,500 гренадерскихъ шапокъ, и 14) 48 старыхъ и новыхъ знаменъ.

„По выбраніи сего приказалъ было я какъ арсеналъ, такъ и литейный домъ подорвать. Но городъ представилъ, что сей поступокъ противенъ будетъ капитуляціи, ибо де тѣмъ легко можетъ половина города раззориться, да и вредъ послѣдуетъ симъ палатамъ, кои столь много золота стоили; почему я, отъ помянутаго намѣренія отставъ, велѣлъ только внутреннее въ оныхъ строеніе переломать. Послѣ того отправилъ я одного офицера съ 25 человѣками рядовыхъ для подорванія стоящихъ вдоль по рѣкѣ Шпрее пороховыхъ мельницъ; токмо ихъ, по несчастію, при первой на воздухъ подняло, почему до прочихъ коснуться никто уже и не осмѣлился. По семъ принято было намѣреніе лежащую отъ Берлина въ полутора мили крѣпость Шпандау осадить; но по полудни, въ 12 часовъ, пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что король прусскій уже Кроссенъ миновалъ; слѣдовательно, надобно намъ было помышлять о скоромъ нашемъ выступленіи. Австрійскій генералъ Лессій еще того же

дня въ вечеру, въ 7 часовъ, поднялся, а генералъ Чернышевъ на другой день поутру, въ 4 часа; я же слѣдовалъ за нимъ по полудни, въ 4 часа. 14-го числа благополучно прибыли мы въ Новую Мархію съ 800 телѣгами добычи, 1,200 человѣками плѣнныхъ рядовыхъ и 50 офицерами, да съ 24 годными пушками и 7-ю, при осадѣ взятыми, знаменами.

„Впрочемъ, надобно берлинцамъ похвалу приписать, что они весьма мужественны, ибо при вступленіи моемъ въ городъ было въ шеренгахъ не столько солдатъ, сколько мѣщанъ, кои весьма неустрашимо разгуливались“.

Сообщ. Г. К. **Рѣпинскій.**

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЧИЧАГОВА,

перваго, по времени, морскаго министра.

XIV [1]).

Шведская кампанія 1789 года.—Занятіе Поркалаудскаго поста.—Положеніе воюющихъ сторонъ. — Планъ кампаніи.—Дѣйствія главнокомандующаго.—Извѣстія о непріятелѣ.—Резервная эскадра.—Депеша барона Крюденера.—Мысли В. Я. Чичагова.—Переписка адмирала съ императрицею и графомъ Безбородко.—Донесеніе изъ Англіи гр. С. Р. Воронцова.—Англичане Тизигеръ и Марчалъ.—Принцъ Нассау-Зигенъ. — Письмо Козлянинова изъ Копенгагена.—Побѣды кн. Потемкина.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ. Со дня прибытія въ Ревель кронштадтской эскадры прошла всего одна недѣля, такъ что естественно нельзя было требовать полной готовности флота къ отплытію; если работы и пріемки изъ складовъ снастей и парусовъ приходили къ концу, то обученіе рекрутовъ было лишь въ началѣ. Между тѣмъ возвратившійся изъ крейсерства капитанъ Шешуковъ на другой же день (1 іюня) доложилъ адмиралу, что онъ видѣлъ въ шхерахъ большое число грузовыхъ непріятельскихъ судовъ, а также галеръ, постоянно плавающихъ отъ Тверминда къ Свеаборгу, между Поркалаудскими островами. Такъ, 26-го мая онъ насчиталъ тамъ двадцать пять двухъ и одномачтовыхъ

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1886 г., т. L, май, стр. 221—252; іюнь, стр. 463—486; т. LI, августъ, стр. 247—270; сентябрь, стр. 487—518; т. LII, октябрь, стр. 25—44; ноябрь, стр. 239—258; изд. 1887 г., т. LV, іюль, стр. 35—54; сентябрь, стр. 523—544; изд. 1888 г., т. LVIII, іюнь, стр. 535—561; т. LIX, іюль, стр. 1—21; августъ, стр. 225—248; сентябрь, стр. 463—481.

судовъ. Затѣмъ 29-го числа, замѣтя одно, шедшее изъ Поркалауда, онъ пустился его преслѣдовать при тихомъ вѣтрѣ, дѣлая, согласно наставленію, промѣры глубины. Приблизясь съ западной стороны къ Поркалаудскимъ островамъ, онъ легъ на якорь со своимъ кораблемъ и двинулъ далѣе гребныя суда, нанося тѣмъ временемъ на карту острова и измѣряя входы. Когда онъ направился съ тою же цѣлью къ мысу, то вдругъ выскочили изъ-за каменьевъ двѣ шведскія дубель-шлюпки, вооруженныя пушками, и отогнали его, не причинивъ, къ счастію, стрѣльбою ни малѣйшаго вреда. Вслѣдъ затѣмъ въ Борезундскихъ островахъ онъ видѣлъ еще скрывающееся двухмачтовое военное судно и, по его приближеніи, оно открыло также пальбу ядрами. Капитанъ Шешуковъ не отвѣчалъ и благополучно скрылся. На обратномъ пути 30-го мая онъ встрѣтилъ англійское судно, котораго шкиперъ показалъ, что во время своего плаванія по Балтійскому морю онъ видѣлъ 1 шведскій корабль и 2 фрегата, крейсирующіе у Готланда, а весь непріятельскій флотъ, стоящій на якорѣ въ Карлскронѣ.

Разсмотрѣвъ планы съ намѣченными Шешуковымъ промѣрами между островами, адмиралу пришла счастливая мысль—воспользоваться Поркалаудскимъ постомъ для пресѣченія сообщенія грузовымъ судамъ, которыя могли подвозить войска и продовольствіе изъ Стокгольма въ Свеаборгъ, и тѣмъ значительно усложнить кампанію для насъ.

Изъ донесеній Шешукова видно было, что дѣятельность шведовъ начинала возрождаться, и мы указываемъ на мысль адмирала какъ на особенно счастливую потому, что занятіемъ Поркалауда неожиданно разрѣшался вопросъ первѣйшей важности, безъ большаго труда и потери съ нашей стороны, который могъ быть приведенъ въ исполненіе лишь занятіемъ Гангута и взятіемъ четырехъ батарей, построенныхъ шведами и вооруженныхъ 50-ю орудіями. Этимъ способомъ достигалась та-же цѣль и непріятель оказывался обманутымъ. Въ виду неожиданнаго появленія Шешукова въ Поркалаудскихъ островахъ, непріятель могъ столь же быстро оцѣнить важность этой позиціи и принять мѣры къ укрѣпленію ея, на подобіе Гангута, потому адмиралъ нашелъ необходимымъ, не теряя времени, отправить туда вновь капитана Шешукова съ отрядомъ. Воздавъ ему должное за труды и

обѣщая щедрую награду императрицы, если онъ прекратитъ сообщенія транспортовъ и не пропуститъ гребной непріятельскій флотъ, ожидаемый въ Свеаборгъ изъ Стокгольма, адмиралъ вручилъ ему подробную инструкцію и приказалъ тотчасъ собираться къ выступленію.

Вотъ что писалъ мой отецъ о Шешуковѣ — императрицѣ: „я избралъ какъ усерднаго къ службѣ вашего в—ва трудолюбиваго, искуснаго въ своемъ дѣлѣ и благоразумнаго офицера, флота капитана Шешукова, который первый и прошедшаго года сдѣлалъ занятіе Гангутскаго поста и тѣмъ показалъ, что онъ весьма способенъ для подобныхъ занятій. Я снабдилъ его достаточнымъ наставленіемъ, для отысканія тамъ удобнаго мѣста къ якорному стоянію для двухъ или трехъ кораблей и при томъ, чтобы не могло прорваться мимо ни одно непріятельское судно, идущее отъ Гангута или Свеаборга шхерами. Также, чтобы сіе мѣсто было закрыто отъ вѣтровъ, могущихъ безпокоить постоянно суда наши; помѣтить на картѣ всѣ тамошніе острова и берега; отыскать на оныхъ прѣсную воду; при тихихъ вѣтрахъ подвигаться впередъ не иначе, какъ имѣя предъ собою гребныя суда, промѣриваюція, и за оными слѣдующіе для прикрытія ихъ легкіе катеры, хорошо вооруженные артиллеріею. На случай, если-бы непріятель, скопясь во многомъ числѣ военныхъ судовъ, отважился напасть на него, сдѣлалъ я предписаніе крейсирующему къ сторонѣ Свеаборга Сиверсу имѣть всегдашнее наблюденіе, дабы тотъ часъ въ такомъ случаѣ подать помощь и совокупными силами отражать и поражать непріятеля, а для сего и учреждены были между ними сигналы“.

2-го іюня подулъ способный вѣтеръ и капитанъ Шешуковъ выступилъ по назначенію со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 1 корабля, 2 фрегатовъ и 2 катеровъ.

Взглянемъ теперь на общее положеніе воюющихъ сторонъ, составленный планъ кампаніи и на дѣйствія главнокомандующаго, такъ какъ, по нашему мнѣнію, весьма важно именно въ настоящее время отдать себѣ отчетъ во всемъ этомъ. Изъ показаній иностранныхъ корабельщиковъ адмиралъ Чичаговъ могъ заключить, что шведскій флотъ, скрывавшійся въ Карлскронѣ, еще не выступалъ; изъ донесеній вице-адмирала Козлянинова и другихъ лицъ слѣдовало, что непріятель обладаетъ не менѣе 17—20-тью

кораблями, за исключеніемъ тѣхъ, которые зимовали въ Свеаборгѣ и другихъ портахъ. Хотя политическія затрудненія, отчасти устраненныя на сеймѣ, удерживали короля отъ рѣшительныхъ дѣйствій, но нельзя было надѣяться, что это помѣшаетъ ему явиться снова въ Финскомъ заливѣ. Изъ писемъ императрицы мой отецъ видѣлъ, что главнымъ образомъ шведы ждали только окончанія своихъ собственныхъ споровъ, чтобы начать кампанію, и, слѣдовательно, суровая зима и долгій ледоходъ какъ нельзя болѣе кстати затянули приготовленія къ войнѣ. Такимъ образомъ, къ нашему благополучію, шведскаго короля постигли такія несчастія, которыя дали возможность намъ справиться съ собственными затрудненіями. Разойдясь по своимъ мѣстамъ глубокою осенью, обѣ стороны занялись починкою поврежденныхъ судовъ; врядъ-ли шведамъ пришлось исправлять бо̀льшее число, чѣмъ намъ, такъ какъ безспорно ихъ флотъ былъ лучше и крѣпче. Если у короля явились заботы, вслѣдствіе возникшей революціи, то императрицѣ тѣмъ временемъ пришлось употребить необычайныя усилія для созданія флота, равносильнаго непріятельскому. Успѣть оправиться или, такъ сказать, стать на ноги могли обѣ стороны лишь одновременно. Россія вела двѣ войны, создавала двѣ арміи, столько-же флотовъ, и эти усилія усложняли ея положеніе настолько, что необходимость мира сознавалась русскимъ народомъ не менѣе того, какъ и партіей, взбунтовавшейся противъ короля въ Стокгольмѣ. Если взять въ разсчетъ копенгагенскую эскадру, то мы, разумѣется, обладали бо̀льшимъ числомъ кораблей, но, до соединенія съ нею адмирала Чичагова, она только затрудняла наши дѣйствія, ставила шведовъ въ возможность воспользоваться разъединеніемъ нашихъ силъ и потому въ данномъ случаѣ, и въ разбираемый моментъ кампаніи, нельзя было ее брать въ разсчетъ. Чтобы нѣсколько обезпечить за собою успѣхъ, мой отецъ долженъ былъ, во что-бы то ни стало, идти на непріятеля съ равнымъ числомъ кораблей. Шведы, имѣя преимущество въ цѣльности ихъ флота, являлись съ кораблями, построенными Чапманомъ, болѣе легкими на ходу, поворотливыми, лучше вооруженными, и число старыхъ было, конечно, не такъ велико, какъ въ нашей кронштадтской эскадрѣ, въ которой и новые, сколоченные изъ сыраго дерева на скорую руку, во время морозовъ, трескались сами собою и ломались даже отъ

разрыва собственныхъ орудій. Послѣ всего сказаннаго въ предъидущихъ главахъ, излишнее доказывать, что мы уступали шведамъ, въ отношеніи опытныхъ офицеровъ и обученія нашихъ рекрутъ, не имѣющихъ ни привычки, ни любви къ морю. Все наше преимущество заключалось въ нравственной сторонѣ!

Переходя къ разбору плана кампаніи, сочиненнаго въ военномъ совѣтѣ въ Петербургѣ, который касался лишь общихъ данныхъ, предоставляющихъ главнокомандующему изобрѣтать самому способъ побѣдить непріятеля и обязывающій одновременно его двигаться по путямъ, ему начертаннымъ, и съ волей, совершенно зависимой отъ наставленій и указовъ, мы видимъ, что первый пунктъ его, а именно соединеніе эскадры ревельской съ кронштадтской, произошло само собою. Второю задачею было занять гангутскій постъ. Насколько она разрѣшилась блистательно, мы только что говорили. Между тѣмъ нашлись такіе люди, которые упрекали адмирала въ томъ, что онъ допустилъ пройти грузовыя суда въ Свеаборгъ и медлилъ занятіемъ Гангута, когда осторожное благоразуміе моего отца еще разъ доказало, что главнокомандующему, прежде чѣмъ рѣшаться добиваться чего-либо кровію, надо испробовать всѣ способы достигнуть того-же собственными талантами и способностями.

Занятіе Гангута обошлось бы гораздо дороже тѣхъ транспортовъ, которые проникали въ Свеаборгъ, и разбивать свои силы по частямъ, когда впереди предстояло имѣть дѣло со всѣмъ шведскимъ флотомъ,—было безуміемъ.

Итакъ, для исполненія данныхъ инструкцій, оставалось еще выручить копенгагенскую эскадру. Существовало мнѣніе, что простѣйшимъ способомъ было воспользоваться стоянкою непріятельскаго флота въ Карлскронѣ, пока онъ не въ состояніи дѣйствовать, и идти адмиралу Чичагову прямо на встрѣчу Козлянинову. Но такое предположеніе было исполнимо лишь на словахъ. Если бы ревельская эскадра оказалась въ дѣйствительности готовою ранѣе непріятельской, что, впрочемъ, не могло случиться, то и тогда безцѣльно было ей выступать противъ непріятеля, о которомъ не имѣлось вѣрныхъ свѣдѣній, какими силами онъ обладаетъ, насколько подготовлено его вооруженіе, принужденъ ли онъ стоять на якорѣ въ портѣ по причинамъ серьезнымъ или ожидаетъ времени, когда выяснятся намѣренія, планъ дѣйствій

противника, чтобы появиться въ морѣ и т. д. Ни запереть шведовъ въ Карлскронѣ, ни уничтожить ихъ флотъ, стоявшій въ защищенномъ мѣстѣ, мы не могли бы; отдѣливъ отряды для занятія гангутскаго или поркалаудскаго поста и для крейсерства, мы, выказавъ свои силы, подвергли бы ихъ порчѣ во время майскихъ бурь и въ заключеніе могло случиться, что вице-адмиралъ Козляниновъ сообщилъ бы, что онъ не въ состояніи покинуть копенгагенскій рейдъ, такъ какъ корабли его чинятся и не собраны или переговоры съ датскимъ дворомъ еще не окончены. Ранѣе, чѣмъ выйти изъ Ревеля, было необходимо знать въ какомъ положеніи находится наша копенгагенская эскадра. Мы видѣли, что адмиралъ Чичаговъ не получалъ еще никакихъ свѣдѣній и единственное письмо вице-адмирала Козлянинова, переданное ему шкиперомъ англійскаго судна, не было еще разобрано. Кромѣ того, необдуманность и неопредѣленность дѣйствій съ нашей стороны—повлекли бы къ неминуемой гибели эскадру Козлянинова и вотъ по какой причинѣ: наши корабли забирали съ собою прѣсную воду, не болѣе какъ на пять недѣль, и если бы Козляниновъ, узнавъ о пребываніи ревельской эскадры противъ Карлскроны, сталъ спѣшить съ работами и дипломатическими переговорами, то соединеніе могло произойти лишь въ то время, когда флоту приходилось бы спѣшить обратно въ Ревель за водою. Шведы, конечно, выждавъ этотъ моментъ, напали бы на копенгагенскую эскадру и разбили ее. Идти съ столь несовершеннымъ флотомъ на болѣе искуснаго и привычнаго непріятеля, при сомнительныхъ данныхъ и съ гадательными предположеніями,—было бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Наконецъ, шведы имѣли свою особенную тактику; они покидали порты лишь на короткое время, такъ сказать, для вылазокъ, чтобы воспользоваться какимъ-либо обстоятельствомъ, неблагопріятствующимъ противнику, и затѣмъ скрывались въ шхерахъ за островами и укрѣпленіями или въ своихъ превосходныхъ крѣпостяхъ, защищающихъ рейды. Чтобы уничтожить ихъ флотъ—былъ одинъ только способъ: выманить его въ открытое море; появленіемъ же нашимъ у Карлскроны мы могли только запугать ихъ, убѣдить въ намѣреніи дѣйствовать наступательно и тѣмъ еще болѣе приковать къ гранитнымъ скаламъ этой крѣпости, тогда какъ сидѣніемъ въ такомъ близкомъ портѣ, какъ

Ревель, откуда возможно поспѣть къ мѣсту соединенія съ Козляниновымъ во всякое время, мы позволяли непріятелю надѣяться на успѣхъ, вселяли въ него увѣренность въ собственное превосходство, придавали ему энергіи и рѣшимости и вмѣстѣ съ тѣмъ, не обнаруживъ своихъ силъ, могли воспользоваться разъединенностью эскадръ для одновременнаго, правильнаго и согласнаго дѣйствія и пріобрѣтенія преимущества надъ непріятелемъ. Привлекая его къ Финскому заливу и отрѣзывая путь отступленія эскадрой, наступающей изъ Копенгагена, мы ставили шведскій флотъ между двухъ огней и обезпечивали исполненіе задачи всей кампаніи. Подобные взгляды, основанные на познаніи своего противника и собственныхъ недостатковъ, на современномъ состояніи науки, на глубокомъ размышленіи, могли сформироваться предъ кампаніею только у лица, на отвѣтственности котораго лежала судьба столицы и честь русскаго оружія. Эти взгляды должны были расходиться съ мнѣніями лицъ, ни за что не отвѣчающихъ, оберегающихъ свое имущество и спокойствіе и потому требующихъ скорѣйшаго окончанія кампаніи и всеобщаго успокоенія. Это столь же естественно, сколь и прискорбно. Счастливъ тотъ главнокомандующій, который обладаетъ достаточною силою духа и разума, чтобы побороть въ себѣ излишекъ самолюбія, оскорбляемаго общественнымъ голосомъ, и съумѣетъ любить отечество болѣе самого себя. Что выпало испытать на долю адмирала Чичагова, узнаетъ читатель изъ послѣдующаго разсказа.

Изъ донесеній, прибывавшихъ отъ нашихъ крейсеровъ 3, 4 и 5-го іюня, можно было заключить, что шведскій флотъ готовъ къ выступленію, стоитъ въ Карлскронѣ и у Борнгольма, занимается обученіемъ рекрутовъ, стрѣльбою и состоитъ изъ 20—24 судовъ. Продолжая также учить экипажи кораблей, адмиралъ Чичаговъ 5-го числа послалъ на смѣну капитану Сиверсу другой отрядъ, подъ начальствомъ капитана Брейера.

6-го іюня пришло на катерѣ первое извѣстіе отъ капитана Шешукова. Онъ рапортовалъ, что 3-го іюня видѣлъ 17 непріятельскихъ двухъ и одномачтовыхъ судовъ, шедшихъ шхерами изъ Тверминда къ Свеаборгу, и тотчасъ поэтому двинулся къ Поркалаудскимъ островамъ. Ему удалось даже приблизиться къ берегу большаго острова, не смотря на то, что непріятель два

дня сряду препятствовалъ занятію этого поста атаками двухъ полугалеръ, которыя каждый разъ были отражаемы. Шедшія же изъ Тверминда суда принуждены были остановиться въ Борязундѣ и, по уходѣ полугалеръ, капитанъ Шешуковъ промѣрилъ фарватеръ. Онъ обнадеживалъ, что вскорѣ совершенно пресѣчетъ сообщеніе Свеаборга съ Стокгольмомъ. Командиръ катера представилъ адмиралу трехъ мужиковъ и женщину съ ребенкомъ, взятыхъ съ лодкою, когда они плыли въ Свеаборгъ, но показанія ихъ не заслуживали вниманія.

Вслѣдъ затѣмъ прислалъ донесеніе капитанъ Хомутовъ, опрашивавшій 3-го числа голландское судно, шедшее въ Кронштадтъ. Шкиперъ объявилъ, что онъ 4 дня тому назадъ видѣлъ на высотѣ острова Гогланда крейсирующіе два шведскіе корабля и 4 фрегата; къ нему пріѣзжали два капитана и говорили, что идутъ для занятія Гангута, но опасаются попасть въ руки русской эскадрѣ, которая, какъ они слышали, крейсируетъ около Гангута.

Этотъ день былъ ознаменованъ еще прибытіемъ курьера изъ Петербурга съ письмами императрицы, графа Безбородко и графа Чернышева. Адмиралъ получилъ, наконецъ, разъясненіе о тѣхъ трехъ корабляхъ, которые были обѣщаны ему для занятія Гангута, въ случаѣ его отбытія съ эскадрой,—вопросъ важный, въ виду необходимости явиться предъ непріятелемъ съ равнымъ количествомъ судовъ. Императрица писала (2 іюня):

„Два корабля, назначенные для крейсированія между Ревелемъ, Свеаборгомъ и Гангутомъ, по отшествіи флота, вами предводимаго, уже изготовлены и въ началѣ будущей недѣли отправятся къ вамъ, а если, по числу людей здоровыхъ на лицо, можно будетъ, то и два фрегата или большія шебеки. Между тѣмъ вы примите мѣры, чтобы, по прибытіи кораблей помянутыхъ, оставя при нихъ два гребныхъ фрегата, „Марка“ и „Проворнаго“, буде они теперь еще у васъ имѣются и сюда не отправлены, да одно изъ легкихъ судовъ, могли вы пуститься тотчасъ въ дальнее плаваніе искать непріятеля и достигать соединенія съ эскадрою, въ Копенгагенѣ находящеюся. По извѣстіямъ, флотъ непріятельскій хотя и полагается въ 21 кораблѣ, но въ числѣ оныхъ находятся четыре весьма ветхіе, кои далеко отъ береговъ отойти не въ состояніи, и такъ остается только 17, да еще 14 мень-

шихъ судовъ, въ томъ числѣ 6—8 фрегатовъ. Гребной флотъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигена, уже весь въ Кронштадтѣ и 5-го сего мѣсяца пойдетъ къ острову Рогелю, для соединенія съ частію того флота, въ Выборгѣ бывшаго".

Неразобранное письмо вице-адмирала Козлянинова было одного содержанія съ донесеніемъ нашего копенгагенскаго посла, барона Крюденера, и императрица, по поводу его, прислала еще второе письмо:

„Изъ приложенной при семъ выписки депеши министра въ Копенгагенѣ, барона Крюденера, усмотрите въ какомъ состояніи флотъ шведскій при Карлскронѣ находится. Два корабля 66 пушечные и 2 фрегата при Кронштадтѣ на рейду выведены и подъ командою старшаго капитана немедленно отправятся къ Ревелю. При прибытіи ихъ вы не оставьте преподать наставленіе начальнику сей эскадры крейсировать такимъ образомъ, чтобы, имѣя наблюденіе на Свеаборгъ, охранять наши берега и мореплаваніе, покуда гребной флотъ, сегодня изъ Кронштадта въ путь свой отправляющійся, успѣетъ, по соединеніи съ выборгскою эскадрою, обратиться далѣе, для озабоченія непріятеля. Оставя, такимъ образомъ, помянутые два корабля и 2 фрегата при Наргенѣ, съ Божьею помощью поспѣшите отправиться въ Балтійское море на встрѣчу непріятелю и для соединенія съ эскадрою подъ командою вице-адмирала Козлянинова, простирая шествіе ваше, на основаніи даннаго вамъ наставленія, даже до Карлскроны. Эскадра при Ревелѣ умножена будетъ, по возможности, большими шебеками и нѣсколько легкими судами и, по назначеніи къ ней начальника, употреблена будетъ къ тому, чтобы озаботить непріятеля по вестовой сторонѣ Свеаборга и къ Ботническому заливу, а какъ ней прибавятся и корабли, кои количество людей дозволитъ вооружить, и въ семъ числѣ 1 стопушечный, то въ случаѣ надобности вамъ въ подкрѣпленіе флота кораблями вы оное отъ сей эскадры заимствовать можете. О вступленіи части сухопутныхъ войскъ нашихъ въ непріятельскую землю и объ одержанной знатной поверхности усмотрите изъ копіи реляціи генералъ-маіора графа Мусина-Пушкина".

Нельзя было не удивиться рѣшенію графа Чернышева образовать еще резервную эскадру: ни судовъ, способныхъ держаться въ морѣ, ни людей не было; наконецъ, назначеніе этой эскадры

совершенно непонятно. Въ Петербургѣ точно предполагали, что разъ эскадра адмирала Чичагова выйдетъ изъ Ревеля, то освободитъ мѣсто и болѣе назадъ не вернется. Коллегія даже не догадалась надоумить кого слѣдовало, что безъ воды эскадра не пробудетъ въ морѣ ни одного дня и разстояніе между Ревелемъ и Карлскроной не настолько велико, чтобы необходимость была флоту искать другое убѣжище. Изъ предъидущаго письма императрицы видно, что, вмѣсто трехъ кораблей, обѣщанныхъ для занятія Гангута, высылалось два, вслѣдствіе недостатка людей, а во второмъ письмѣ говорится уже о цѣлой резервной эскадрѣ [1]).

Въ приложенной къ письму выпискѣ изъ депеши барона Крюденера отъ 13 (24) мая, не имѣющей соотношенія къ данному моменту, такъ какъ въ ней увѣдомлялось о томъ, что провѣдали мѣсяцъ тому назадъ, говорилось (Крюденеръ писалъ графу Безбородко):

„Изъ прилагаемой у сего росписи ваше с—ство усмотрите число, имена, силу и лѣта кораблей и фрегатовъ, составляющихъ дѣйствительно мореходство шведское. Хотя и доносилъ я прежде, что 6 кораблей появилися въ морѣ, въ чемъ я основался на донесеніи коменданта Христіанзенскаго, который будто ихъ самъ видѣлъ; новѣйшій, однако-жъ, рапортъ капитана-лейтенанта Крауна, прошедшаго чрезъ все разстояніе, мнимыми сими кораблями окруженное, утверждаетъ, что тутъ за линейные корабли приняты были большія на голландскій образецъ вооруженныя флюты и что по сіе время ни одинъ линейный корабль

---

[1]) О резервной эскадрѣ гр. Безбородко писалъ гр. С. Р. Воронцову (Арх. кн. Вор., кн. 13, стр. 165): „Я настоялъ, чтобы, кромѣ главнаго флота и кромѣ датской нашей эскадры, составлена была резервная эскадра для охраненія Финскаго залива. Ее составили въ 5 линейныхъ корабляхъ, 3-хъ фрегатахъ, 4 большихъ шебекахъ, 10 полушебекахъ и 5 катерахъ. На нее взяли одинъ мушкетерскій и два егерскіе полные баталіоны. Планъ, отъ меня предложенный, былъ принятъ, чтобы ей главную станцію назначить при Гангутѣ, для пресѣченія гребнымъ судамъ шведскаго сообщенія отъ Стокгольма съ Свеаборгомъ, производя предпріятія легкія d'un coup de main къ сторонѣ Абова, гдѣ у непріятеля мало что есть, на острова Аландскіе и въ Ботническій заливъ, а когда Богъ дастъ гребному нашему флоту отъ остовой стороны наступать къ Свеаборгу при сближеніи и сухопутнаго войска, сдѣлать движеніе и съ вестовой стороны отъ сей эскадры шебеками и другими легкими судами. Боюсь, однако-жъ, что начальникъ на такія легкія предпріятія тяжелъ. Вы знаете вице-адмирала Крюйза“. Л. Ч.

шведскій не отошелъ отъ рейды Карлскронской. Два только фрегата гналися за бригомъ нашимъ „Меркуріемъ". Аглинской капитанъ Куртисъ возвратился изъ Карлскроны; по его объявленію, флотъ шведскій, хотя на рейдѣ и въ готовности къ походу, отнюдь не въ состояніи держать море; во всемъ недостатокъ, люди въ уныніи, магазейны совершенно пустые. Точныя слова сего капитана суть, что „надобно быть съумасшедшимъ, чтобъ сей флотъ послать или повести въ море". Кратко сказать, онъ утверждаетъ, что ничто хуже быть не можетъ. Рѣчи его заслуживаютъ вѣроятія потому, что сей флотъ въ прошедшую осень весьма поздно возвратился въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а при томъ суровость необычайныя зимы надолго прервала всякое сообщеніе морское съ портомъ Карлскроною. Денегъ вовсе нѣтъ и я имѣю извѣстіе изъ Сканіи, что нѣсколько офицеровъ въ Мальмое принуждены были занимать деньги подъ закладъ вещей своихъ, чтобъ прокормить своихъ рейтаръ, которые начинали сильно роптать, не получая ни жалованья, ни провіанта. Король, занявшись предпріятіями противъ вольности своея націи, какъ будто бы забылъ военныя распоряженія. Неизвѣстенъ отъѣздъ ни его, ни принца Карла; не знаютъ, кто будетъ начальствовать флотомъ и арміею, и по сію пору король сдѣлалъ только одно военное распоряженіе, то-есть принудилъ насильно нашихъ плѣнныхъ къ службѣ военной, причисливъ ихъ въ полки померанскіе" [1]).

То, что касалось вице-адмирала Козлянинова и болѣе всего было важно для адмирала, сообщилъ въ письмѣ графъ Безбородко (4-го іюня):

---

[1]) Письмо Козлянинова было препровождено В. Я. Чичагову при слѣдующей запискѣ графа Безбородко (Семейный архивъ):

„Разобранное письмо къ вамъ г-на вице-адмирала Козлянинова при семъ возвращаю. Оно шифровано тѣми цифрами, которыя составлены были въ прошломъ году г. министромъ барономъ Криденеромъ для переписки его съ г. адмираломъ Грейгомъ и вице-адмираломъ фонъ-Дезинымъ. А какъ г. Козляниновъ снабденъ отсюда такими точно цифрами, какія даны вашему превосходительству, то я и предъувѣдомилъ его, чтобъ онъ въ перепискѣ съ вами употреблялъ сіи послѣднія; на всякій, однако-жъ, случай и первыя по желанію вашему при семъ къ вамъ, милостивый государь мой, препровождаю, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ".

При этомъ письмѣ только найдено: „наставленіе о шифрахъ, кои особенно запечатаны". Л. Ч.

„Положеніе г-на Козлянинова потому весьма труднымъ быть долженствуетъ, наипаче же, если онъ не успѣлъ вооружить разоруженные 100 пушечные корабли и получить посланные съ генераломъ-маіоромъ Лежневымъ. Много надежды на Данію класть нельзя, а придется нашему вице-адмиралу болѣе опираться на свои силы. Впрочемъ, вѣроятно, что непріятель имѣетъ 22 корабля, для того, что въ такую ближнюю экспедицію способны и ветхіе, починенные. Мы знали, что онъ набралъ водоходцевъ и мужиковъ до 3,000, для наполненія недостатка въ матросахъ. Ваше превосходительство сами признать изволите, коль важно и необходимо скорѣйшее ваше отплытіе. Г-нъ Крюйсъ будетъ имѣть довольныя силы для здѣшняго залива, ибо у него назначены 4 корабля, 2 фрегата, 2 большія шебеки и 6 новыхъ полушебекъ, да 3 катера съ довольномъ числомъ войска. Не угодно ли вамъ будетъ ему сдѣлать примѣчаніе, гдѣ самому стать, которые посты хранить, къ какимъ мѣстамъ крейсы производить и прочія и тѣ ваши примѣчанія сюда для вѣдома сообщить“.

Все-таки это письмо не разъясняло: можетъ ли Козляниновъ двинуться съ мѣста и приблизиться къ Карлскронѣ, для соединенія съ ревельской эскадрой. Иначе, безъ положительныхъ свѣдѣній о томъ и не сговорившись, адмиралъ Чичаговъ находилъ безполезнымъ начать кампанію, когда шведы не выходили изъ Карлскроны. Графъ Безбородко утверждалъ, что у шведовъ 22 корабля и достаточно людей, такъ какъ набрано до 3,000 человѣкъ рекрутъ изъ привычныхъ къ морю и опытныхъ водоходцевъ; сообщенія императрицы противорѣчили.

Въ слѣдующіе дни, 7-го и 8-го іюня, опрошенныя суда показали, что у Гангута собирается небольшая шведская эскадра; тогда адмиралъ сейчасъ рѣшилъ дѣйствовать соотвѣтствующими ей силами. Въ дневникѣ его говорится по этому поводу: „побуждаемъ будучи объявленіями нѣкоторыхъ купеческихъ судовъ шкиперовъ, что приближается шведская эскадра къ Гангуту, послать подкрѣпленія, для предупрежденія ей туда входа и для пораженія и овладѣнія оною, буде бы въ самомъ дѣлѣ приблизилась въ Финскій заливъ, назначилъ я еще отрядъ къ усиленію посланнаго туда-же къ западу, состоящій изъ двухъ кораблей и 1 фрегата, дабы по соединеніи составилась эскадра въ превос-

ходномъ числѣ предъ непріятельскою, состоящею, по словамъ шкиперовъ, изъ 2 кораблей и 4 фрегатовъ, опредѣливъ къ начальствованію надъ оною искуснаго въ своемъ званіи, храбраго и благоразумнаго капитана бригадирскаго чина Макарова и снабдивъ его надлежащимъ наставленіемъ къ произведенію искуснѣйшимъ образомъ сего поиска, при томъ неослабно наблюдая, дабы ни одно мимо идущее судно, подъ какимъ бы флагомъ оное ни было, не осталось безъ опросу. Буде окажется оная непріятельская эскадра, особливо при западномъ вѣтрѣ, стараться всемѣрно, отрѣзавъ отъ своихъ убѣжищъ, храбро атаковать оную. На такой случай даны надлежащія наставленія и сигналы также отряду, крейсирующему къ сторонѣ Свеаборга, дабы въ случаѣ надобности тотчасъ и оный могъ подоспѣть на помощь. Стараться захватить непріятельскіе транспорты".

Слѣдовательно, при первомъ извѣстіи о появленіи шведскихъ кораблей въ морѣ былъ выдвинутъ нами передовой отрядъ и вслѣдъ затѣмъ адмиралъ послалъ катеръ къ капитану Шешукову, съ подтвержденіемъ приказанія скорѣй занять Поркалаудъ и утвердиться въ этой мѣстности. Предполагая, что въ скоромъ времени выступитъ изъ Карлскроны весь шведскій флотъ, и намѣреваясь по первому сигналу со всею эскадрою идти ему на встрѣчу, мой отецъ счелъ долгомъ выяснить нѣкоторыя свои мысли гр. Безбородко, такъ какъ вице-адмиралъ Козляниновъ не присылалъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о себѣ. Онъ писалъ 12-го іюня:

„За нужное нахожу, до отплытія флота, предварительно объяснить вашему сіятельству мои мысли въ разсужденіи того времени, какъ соединиться съ копенгагенскою эскадрою. Въ силу предписанія, въ данномъ мнѣ высочайшемъ рескриптѣ, надобно будетъ всѣмъ флотомъ держаться предъ Карлскроною и ожидать непріятельскаго выхода, а дождавшись, искать случая съ нимъ раздѣлаться. Но ежели непріятельскій флотъ останется до глубокой осени въ такомъ неприступномъ мѣстѣ, откуда вытѣснить онаго не можно, нашему же непремѣнно должно будетъ въ виду его крейсировать, придерживаясь всегда такого берега, который наполненъ подводными каменьями и отъ котораго, не потерявъ изъ виду непріятельскихъ движеній, иначе удаляться не можно. Къ сему присоединить должно обыкновенно встрѣчающіяся въ

мореплаваніи, а особенно въ осеннее время, приключенія, какъ-то: насильственныя обуреванія и отъ того часто неизбѣжное повреждение въ мачтахъ и на парусахъ, недостатокъ прѣсной воды, изнуренія людей и отъ того умноженіе больныхъ, то я думаю, что непріятель, буде сколько нибудь уравниваетъ силы свои противъ насъ, съ намѣреніемъ, да и не безъ важнаго для себя выигрыша, постарается удержать насъ долѣе въ такихъ положеніяхъ къ изнеможенію нашему, самъ будучи въ безопасномъ мѣстѣ и примѣчая рачительно состояніе наше, въ которомъ ничего не можетъ быть для него выгоднѣе, а для насъ опаснѣе, буде (отъ чего Боже насъ сохрани) случится отъ бурей повреждение или разсѣяніе нашего флота, тогда то опасно, чтобы онъ не отважился нечаянно поспѣшить къ нанесенію намъ чувствительнаго вреда; да хотя бы онъ и никогда не отважился сего сдѣлать, будучи запертъ отъ насъ, то гдѣ мы станемъ получать прѣсную воду? Ибо флотъ не болѣе налиться водою можетъ, какъ на пять недѣль. Куда свозить больныхъ, особливо въ осеннее время, не оскудѣвая себя отдѣленіемъ конвоя для частаго препровожденія ихъ до Ревеля? Всѣ сіи и многія другія попадающіяся мнѣ подобныя онымъ мысли понудили меня отнестись къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою пожаловать для таковыхъ случаевъ снабдить меня достаточнымъ наставленіемъ, до какого времени держаться мнѣ въ виду Карлскроны и ожидать выхода непріятельскаго флота? О чемъ буде разсудить изволите и сочтете надобнымъ, избравъ удобный случай, доложить ея императорскому величеству. Будучи вполнѣ увѣренъ о благорасположеніи вашего сіятельства ко мнѣ, ласкаюсь, что не оставите благосклоннымъ своимъ совѣтомъ, что по сему сдѣлать разсудите за благо».

Намекая самымъ вѣжливымъ образомъ на несостоятельность выработаннаго въ совѣтѣ плана кампаніи, адмиралъ продолжаетъ:

„Послѣ донесенія моего ея императорскому величеству объ открываемыхъ видахъ къ занятію весьма важнаго для пресѣченія сообщенія непріятельскихъ гребныхъ и другихъ мелкихъ судовъ между Гангутомъ и Свеаборгомъ Поркалаудскаго поста, еще посланъ отъ меня катеръ къ капитану Шешукову, съ подтвержденіемъ о совершенномъ занятіи того мѣста и о присылкѣ ко мнѣ обстоятельнаго и подробнаго описанія, съ назначеніемъ на

картѣ промѣра и неизвѣстныхъ мелей и камней, тако-жъ грунта, проходовъ, гдѣ можно получать тамъ прѣсную воду, и о прочемъ нужномъ для пребыванія тамъ довольнаго числа кораблей и фрегатовъ. Я уповалъ таковое подробное донесеніе скоро послать къ ея величеству и не сомнѣваюсь, что оное капитанъ Шешуковъ все и по желанію изготовилъ; но противные для ходу отъ него ко мнѣ вѣтры и послѣ тотчасъ наступающіе штили, продолжаясь попеременно почти со времени отправленія донесенія моего о семъ ея величеству, безъ сомнѣнія, тому воспрепятствовали, а потому и лишаюсь я до сихъ поръ имѣть счастіе всеподданнѣйше донести. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство пожаловать, при случаѣ любопытства о семъ ея в—ва, доложить, чѣмъ чувствительнѣйше одолжить изволите".

Въ то время какъ адмиралъ писалъ это письмо графу Безбородко, получилось донесеніе отъ капитана Шешукова объ окончательномъ занятіи имъ Поркалауда и о взятіи двухъ небольшихъ шведскихъ купеческихъ яхтъ съ семью человѣками, въ числѣ которыхъ было два судовщика и одинъ лоцманъ для Поркалаудскихъ шхеръ. Поэтому вечеромъ адмиралъ продолжалъ письмо гр. Безбородко:

„Нынѣ занятіемъ Поркалаудскаго поста уже совершенно пресѣчено сообщеніе съ Гельсингфорсомъ, то и нужно знать, должно-ли почесть сей городъ, какъ и Люизу, блокированными или запертыми, а потому и поступать съ нейтральными судами, идущими въ сіи порты съ товарами, на основаніи высочайшихъ о семъ постановленій? Ваше с-во, пожаловавъ на сей случай разрѣшеніе, крайне одолжить меня изволите; ибо нужно, основываясь на томъ, снабдить наставленіемъ оставляемыхъ при семъ постѣ командировъ, стоящихъ и крейсирующихъ на виду онаго. Взятыя капитаномъ Шешуковымъ суда возвращались изъ Гельсингфорса съ баластомъ и разною принадлежащею единственно къ одѣянію ихъ и прокормленію мелочью. Суда сіи и съ людьми на оныхъ присланы ко мнѣ во флотъ. Людей я разспрашивалъ и изъ нихъ шкиперъ, уроженецъ Нордкепинга, между прочимъ, показалъ, что онъ, вѣдая о безопасности прохода шхерами до Гельсингфорса, мая 7-го (18-го) отправился въ оный изъ Нордкепинга съ небольшимъ количествомъ муки, табаку, вина и кожъ, гдѣ и продали все оное. А другой житель Абова, бывшій также

въ Гельсингфорсѣ для продажи ржи. На пути своемъ туда, подлѣ Поркалауда, видѣли они четыре галеры шведскія, да подходя къ Гельсингфорсу столько же. Будучи въ Гельсингфорсѣ, слышали они, что шедшій изъ Стокгольма въ Люизу на двадцати шести галерахъ десантъ, увѣдомясь о занятіи поста при Поркалаудѣ нашими судами, остановился у Борзунда и принужденъ былъ около Екенеса выйти на берегъ, а оттуда уже сухимъ путемъ отправиться къ Люизѣ, гдѣ ожидаетъ ихъ король, а галеры оставлены. По словамъ ихъ, вооружаются въ Гельсингфорсѣ съ поспѣшностью два 66 пушечные корабля, одинъ 34 пушечный фрегатъ, именуемый Тролле, и пять галеръ; фрегатъ и галеры уже совсѣмъ готовы и снабдены людьми, но корабли еще многаго не имѣютъ, да и людей нѣтъ на оные. Сіи корабли оставлены за ветхостію въ прошедшую осень, но нынѣ де нѣсколько вычинены. Имъ велѣно, какъ они слышали, идти въ Люизѣ, по отбытіи флота нашего. Въ Гельсингфорсѣ есть пѣхотный полкъ, именуемый вдовствующей королевы. Магазины хлѣбомъ и всѣмъ запасены, ибо когда Гангутъ былъ запертъ, тогда, по словамъ ихъ, оставалось очень невеликое разстояніе перевозить сухимъ путемъ, а тамъ паки нагружали на суда и уже удобно до самаго Гельсингфорса доставляли въ немаломъ количествѣ всѣхъ провизій и припасовъ, чѣмъ де они съ прочими судовщиками во всю прошедшую осень и были заняты и подвозъ такъ многочисленenъ былъ, что не успѣвали выгружать въ магазины, и корона должна была платить имъ за простой. Но нынѣ де не осталось уже никакихъ способовъ имѣть сообщеніе судами между Гангута и Гельсингфорса. Пудъ хлѣба въ семъ городѣ покупается около 1 р. 20 к., приводя на наши деньги, что дешевле вдвое противъ прошлогодняго. Судовъ разныхъ націй купеческихъ тамъ очень довольно, а привезли большею частью съѣстные припасы. Проходя изъ Гельсингфорса шхерами, видѣли они около Поркалауда въ густомъ лѣсу лагерь и пушки, но не болѣе, какъ одинъ полкъ.

Судовщика изъ Нордкепинга я беру съ собою на кораблѣ на случай надобности въ немъ, проходя Готландъ и крейсируя съ флотомъ предъ Карлскроною; ибо изъ отвѣтовъ его видно, что хорошо знаетъ тамошнія мѣста, а взятаго лоцмана, знающаго Поркалаудскія шхеры отъ Гельсингфорса даже до Ган-

гута, оставляю при постѣ тамъ нашемъ для употребленія въ случаѣ надобности въ немъ. Прочихъ же пятерыхъ съ ихъ багажемъ и пашпортами отослать хочу я къ г. губернатору ревельскому. Взятыя яхточки я пробовалъ въ ходу и, находя оныя довольно легкими, приказалъ, вооружа фалконетами, отослать къ прочимъ, находящимся у Поркалауда для скорыхъ посылокъ".

Теперь уже было ясно, что значеніе Гангутскаго поста уничтожилось и отряду Макарова придется помогать Шешукову, въ случаѣ непріятель будетъ пытаться выбить его изъ Поркалауда. Планъ адмирала былъ приведенъ въ исполненіе во-время и задача разрѣшилась блистательно, безъ жертвъ съ нашей стороны. Уже адмиралъ собирался отправить курьера въ Петербургъ съ донесеніемъ и письмомъ, когда подали ему конвертъ съ собственноручною подписью императрицы. Въ немъ заключался рескриптъ на его имя отъ 9-го іюня:

„Василій Яковлевичъ! По повелѣнію нашему, полномочнымъ нашимъ министромъ въ Лондонѣ генераломъ-поручикомъ графомъ Воронцовымъ, 19-го апрѣля сего года приняты въ службу нашу капитанами втораго ранга изъ королевскихъ великобританскихъ морскихъ офицеровъ Тизигеръ и Марчалъ, о которыхъ способностяхъ и достоинствѣ усмотрите изъ донесенія помянутаго генерала-поручика, съ приложеніями въ копіи у сего доставляемаго. Изъ нихъ капитанъ Тизигеръ къ вамъ самъ препровождается, съ тѣмъ, чтобъ вы во флотѣ, вами предводимомъ, употребили его, давъ ему одинъ изъ линейныхъ кораблей. Оное удобно вамъ будетъ сдѣлать, поелику для составляемой при Ревелѣ резервной эскадры сверхъ назначаемаго къ ней флагмана потребенъ капитанъ бригадирскаго или полковничья ранга, которому надежнымъ образомъ можно было бы ввѣрить отрядъ, на случай предпріятія поисковъ со стороны сея эскадры, о чемъ мы васъ увѣдомить не упустимъ. Капитану бригадирскаго или полковничья ранга, вами избираемому, прикажите дождаться въ Ревелѣ до прибытія начальника эскадры и дальнѣйшаго отъ насъ приказанія".

Копія донесенія господина генерала-поручика полномочнаго министра въ Лондонѣ графа Воронцова отъ 27-го апрѣля (8-го мая) 1789 года.

Адмиралъ Лордъ Родней писалъ ко мнѣ два письма, рекомендуя въ службу вашего императорскаго величества поручиковъ Тизигера и Марчала, потомъ изустно онъ паки мнѣ ихъ рекомендовалъ и противу своего обыкновенно малорѣчливаго разговора превозносилъ ихъ хвалами, говоря, что Марчалъ есть отмѣнный офицеръ своею безпримѣрною храбростію, оказанною во многихъ случаяхъ, какъ, напр., когда, командуя однимъ брюлотомъ въ прошедшую войну, онъ сжегъ 60 американскихъ судовъ въ Чезапиской бухтѣ и что кромѣ сего онъ толь много оказалъ въ разныхъ случаяхъ отличной храбрости и причинилъ толь много вреда американцамъ, что они его называли, взирая на тогдашнюю его молодость: maudit enfant sans barbe que l'enfer a vomi (проклятый ребенокъ, изрыгнутый адомъ).

Про Тизигера онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: „онъ весьма храбръ, весьма проворенъ, весьма прилеженъ къ должности и толь искусенъ въ практикѣ и теоріи, что я его предпочелъ всѣмъ прочимъ офицерамъ аглинскаго флота и взялъ къ себѣ на корабль адъютантомъ, въ коемъ качествѣ онъ былъ при мнѣ неотлучно во всю кампанію, въ продолженіе которой я имѣлъ счастіе разбить адмирала Граса. Но какъ послѣ сей побѣды меня отозвали и, шиканируя меня, отняли у него старшинство, то онъ и не стоитъ въ спискѣ поручиковъ, когда если бы я не отозванъ былъ отъ команды, то, конечно, произвелъ въ капитаны, да и впередъ если мнѣ случится командовать флотомъ и сіи два офицера будутъ въ Англіи, то, конечно, доставлю имъ сіи чины и они будутъ по кораблю имѣть въ моей эскадрѣ“.

Сіе, всемилостивѣйшая государыня, побудило меня принять ихъ обоихъ капитанами втораго ранга съ старшинствомъ съ 19-го (30-го) апрѣля.

Марчала я досталъ позже, труднѣе и единственно по неусыпному старанію усерднаго къ Россіи Ечеса; ибо сей офицеръ имѣетъ здѣсь знатную родню и имѣетъ отца тоже знаменитаго въ морской службѣ стараго капитана, который любимъ министерствомъ и, будучи членомъ адмиралтейства, доставилъ сыну

своему выгодную коммиссію, а именно команду транспорта, который имѣетъ быть отправленъ въ Ботанибей и гдѣ ему даютъ на проѣздъ 400 фунтовъ стерлинговъ жалованья. Но Ечесъ, будучи съ нимъ друженъ, уговорилъ его пойти въ россійскую службу и взять у адмирала Роднея ко мнѣ письмо. Сей Ечесъ имѣлъ уже планъ, для исполненія котораго нужна была необходимо отмѣнная предпріимчивость и храбрость Марчала, на что и подговорилъ его оставить всѣ здѣшнія выгоды и жертвовать славѣ, которою онъ можетъ пріобрѣсть въ исполненіи сего плана, о коемъ чрезъ курьера подробнѣе донесу вашему императорскому величеству; между тѣмъ, отправляя теперь моремъ Тизигера, я ему обѣщать осмѣлился, что по прибытіи его въ въ Петербургъ онъ получитъ команду корабля, ибо надѣюсь, по увѣреніямъ адмирала Роднея, что онъ отличится храбростію и искусствомъ противу непріятелей Россіи.

(Приложеніе: два письма на русскомъ и франц. языкахъ).

Переводъ письма отъ адмирала лорда Роднея къ графу Воронцову въ Лондонъ 30-го апрѣля 1789 года.

Извините меня, ваше сіятельство, что я осмѣливаюсь доставить вамъ, удовлетворяя исканію, весьма храбраго офицера капитана Ѳесигера, служившаго совершенно хорошо своему государю и отечеству [1]).

Онъ былъ мой адъютантъ во время славное въ день 12-го апрѣля 1782 г. Послѣ того командовалъ онъ остъ-индѣйскимъ судномъ. Нынѣ желаетъ усердно посвятить себя въ службу ея императорскаго величества государыни всероссійской. Почему и пріемлю смѣлость рекомендовать его въ покровительство вашего сіятельства и увѣрить васъ, что я г. капитана Ѳесигера признаю за весьма храбраго офицера и увѣренъ, что онъ съ честью исполнитъ всякое начальство, ему препорученное.

Пріемлю смѣлость увѣрить ваше сіятельство, что я имѣю честь быть и проч. Подписалъ Родней.

---

[1]) Оставляемъ въ подлинникѣ переводъ этого письма, не смотря на извращеніе нѣсколькихъ выраженій. Надо полагать, что графъ С. Р. Воронцовъ, получивъ письма Ад. Роднея на англійскомъ языкѣ, доставилъ ихъ во французскомъ переводѣ и уже въ Петербургѣ составили такой плохой переводъ на отечественный языкъ. Л. Ч.

Переводъ письма лорда Роднея къ графу Воронцову о г-нѣ Марчалѣ въ Лондонѣ 7-го мая 1789 года.

Милостивый государь! Я не могъ отказать въ требованіи лейтенанта Марчала, сына капитана Марчала, служившаго многіе годы подъ моимъ начальствомъ и бывшаго моимъ капитаномъ во время главнаго командованія моего британскими силами въ Ямайкѣ.

Сей молодой человѣкъ очень хорошій мореходецъ, въ разсужденіи лѣтъ своихъ много служившій, весьма желаетъ вступить въ россійскую службу. Я не могу не рекомендовать его отмѣнно, какъ молодаго офицера, способнаго принести существенную пользу службѣ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Подписалъ Родней.

Адмиралъ принялъ Тизигера очень любезно, и, прочтя подобную атестацію, опредѣлилъ его командиромъ корабля „Вышеслава", на мѣсто заболѣвшаго капитана Вебе. Но графъ Чернышевъ счелъ своимъ долгомъ, а можетъ быть и по порученію гр. Безбородко, написать особое рекомендательное письмо Тизигеру, прося адмирала быть съ нимъ ласковымъ, не отстранять его отъ дѣла,—до такой степени при дворѣ были убѣждены въ ненависти моего отца къ иностранцамъ, принимаемымъ на русскую службу. Въ отвѣтъ адмиралъ написалъ графу Чернышеву: „Не премину въ разсужденіи таковой вашего с-ва о немъ рекомендаціи показать ему мое обыкновенное расположеніе къ таковымъ людямъ и тѣмъ показать то отличное и всегдашнее мое къ вашему с-ву почтеніе, съ которымъ пребываю..." [1]).

Въ это время во главѣ иностранцевъ во флотѣ былъ принцъ Нассау-Зигенъ. Въ Россіи менѣе чѣмъ гдѣ-либо понимали, почему его именуютъ принцемъ; по крайней мѣрѣ, въ Австріи отказывали ему въ чести тамъ называться принцемъ и, упоминая въ разговорѣ о немъ, говорили: „тотъ господинъ, который желаетъ быть принцемъ Нассау-Зигеномъ, не имѣя на то права по происхожденію". Отецъ мой совершенно справедливо прозвалъ его „темною личностью". Это былъ типъ проходимца неизвѣстной національности, такъ какъ ни одного языка не зналъ хорошо и ни на одномъ не писалъ правильно. Родиной его былъ весь

---

[1]) Письмо отъ 14-го іюня за № 34 (См. Морск. Арх.). Л. Ч.

міръ и онъ любилъ на словахъ ту страну, гдѣ ему больше платили. Въ послѣднее время онъ пристрастился къ Россіи, такъ какъ нигдѣ ему не удавалось столь удачно обманывать людей, какъ русскихъ, и получать незаслуженныя награды. Цѣлью своей жизни Нассау-Зигенъ поставилъ добиться власти, могущества и сдѣлаться правителемъ народа или королемъ. Онъ и походилъ на сказочнаго короля-авантюриста, летающаго изъ одного конца міра въ другой и управляющаго духами. Сѣвъ въ одинъ прекрасный день на корабль, онъ пустился въ кругосвѣтное плаваніе съ намѣреніемъ нападать на дикихъ: овладѣвать ихъ землями и сдѣлаться ихъ королемъ. Но даже краснокожіе отказались быть въ его подчиненіи и, послѣ всевозможныхъ неудачъ, ему пришлось, въ виду долговъ и требованій его разбойничьей шайки, бѣжать и скрыться. Тогда онъ сталъ ѣздить по Европѣ и предлагать всѣмъ дворамъ свои услуги и смѣлые проекты, не имѣвшіе здраваго смысла. Добравшись до Польши, гдѣ его приняли довольно радушно, онъ водворился на жительство. Здѣсь повѣрили ему, какъ и всѣмъ ловкимъ мазурикамъ, пріѣзжающимъ въ эту страну. Возмечтавъ играть въ Польшѣ первую роль и занять впослѣдствіи королевскій престолъ, онъ женился на богатѣйшей Сангушко, но его оттуда прогнали. Не падая духомъ, онъ нанялся въ испанскую службу, обѣщая завладѣть Гибралтаромъ. Ни передъ чѣмъ не задумываясь, Нассау-Зигенъ кинулся на неприступную крѣпость и потерпѣлъ неудачу; въ награду ему пожаловали титулъ испанскаго гранда. Затѣмъ неизвѣстно какимъ образомъ онъ очутился въ 1787 г. въ Крыму, во время путешествія императрицы Екатерины; вѣроятно, онъ прибылъ туда изъ Константинополя, гдѣ тоже, какъ и во всей Европѣ, отказались его принять на службу. Здѣсь онъ успѣлъ понравиться Потемкину; эти люди обладаютъ даромъ обворожать и обманывать другихъ. Въ 1788 г. его вдругъ приняли на русскую службу и признали принцемъ Нассау-Зигеномъ. На этотъ разъ столь негодный повсюду авантюристъ пригодился въ Россіи. Во время турецкой кампаніи онъ командовалъ гребной флотиліей и самъ прокричалъ въ своихъ реляціяхъ, писанныхъ безграмотно на французскомъ языкѣ, непонятномъ для большинства русскихъ, о какихъ-то небывалыхъ побѣдахъ. Теперь онъ готовился прославиться и на Балтійскомъ морѣ, надѣясь, что не

вѣчно же будетъ его преслѣдовать несчастіе. Ошибочно было бы судить по немъ объ остальныхъ иностранцахъ, въ особенности объ англичанахъ, принятыхъ въ нашъ флотъ...

Вернемся къ разсказу. Второй рескриптъ отъ 10-го іюня, присланный адмиралу, былъ благодарственный. Въ немъ говорилось:

„Василій Яковлевичъ. Съ удовольствіемъ увѣдомляемся мы изъ донесенія вашего о занятіи поста при Поркалаудѣ. Мы слагаемъ на ваше разсмотрѣніе оставить-ли тутъ капитана Шешукова съ его кораблемъ, а на его мѣсто взять одинъ изъ кораблей, третьяго дня къ вамъ отправленныхъ, или же симъ послѣднимъ смѣнить первый, а, впрочемъ, мы надѣемся, что вы тутъ приняли всѣ мѣры осторожности, дабы за отплытіемъ флота, вами предводимаго, въ Балтійское море, постъ сей сохраненъ былъ и отрядъ, къ обереженію его посланный, не потерпѣлъ вреда отъ непріятеля".

Вечеромъ прибыло въ Ревель англійское судно „Маргретъ". Тотчасъ шкиперъ Джонъ Салюсбори самъ явился на адмиральскій корабль и передалъ шифрованное письмо отъ вице-адмирала Козлянинова, которое мой отецъ съ нетерпѣніемъ сталъ разбирать съ чиновникомъ-переводчикомъ. Отъ содержанія донесенія зависѣло вполнѣ разрѣшеніе вопроса: идти ли сейчасъ на соединеніе съ эскадрой или еще ждать слѣдующаго письма. Теперь представлялась выгода поспѣшить соединеніемъ, пока непріятель еще не вполнѣ готовъ къ дѣйствію. Вице-адмиралъ Козляниновъ сообщалъ (2-го іюня), что имъ получено высочайшее повелѣніе отъ 11-го мая объ оставленіи копенгагенскаго рейда и немедленномъ соединеніи съ ревельскою эскадрою, но что этого онъ исполнить не можетъ, такъ какъ датское правительство, согласившись проводить его своею эскадрою за Карлскрону, не дало еще о томъ повелѣнія вице-адмиралу Шиппалю и видимо медлитъ. Дабы задержки не было съ его стороны, онъ намѣренъ съ копенгагенскаго рейда перейти и стать на якорь въ Кегельбухтѣ, гдѣ будетъ ожидать, покуда 100 пушечные корабли, облегченные отъ груза, пройдутъ чрезъ мели. Здѣсь онъ думаетъ ждать датскую эскадру, безъ которой считаетъ не безопаснымъ пуститься въ море. Эти пункты составляли основаніе донесенія; они снова ставили адмирала Чичагова въ безвыходное

положеніе. Съ него будутъ требовать безразсуднаго движенія къ Карлскронѣ, стоянки въ виду непріятельскаго порта и безполезнаго ожиданія копенгагенской эскадры, а когда двинется Козляниновъ, даже приблизительно нельзя было опредѣлить. Далѣе Козляниновъ сообщалъ, что его эскадра состоитъ изъ 8 кораблей и 1 фрегата, а два корабля и два фрегата отправилъ онъ подъ начальствомъ капитана Лежнева для привода зимовавшаго въ Норвегіи корабля. Естественно, это вновь было причиною для отсрочиванія соединенія съ ревельскою эскадрою; нельзя было бросить тамъ столь маленькій отрядъ на произволъ судьбы, чтобы затѣмъ идти вновь его выручать, и слѣдовало уже вполнѣ собрать эскадру, ранѣе чѣмъ пуститься въ море. Перваго числа сего мѣсяца онъ получилъ отъ капитана Лежнева рапортъ, что его корабли овладѣли шведскимъ фрегатомъ „Венусомъ". Изъ Карлскроны Козляниновъ имѣлъ извѣстіе отъ 27-го мая (что было уже давно прошедшее), будто шведскій флотъ стоитъ на рейдѣ и у 14 кораблей привязаны паруса, но у пяти ихъ нѣтъ и стеньги не подняты. Кораблей съ фрегатами считаютъ до 27-ми; притомъ всѣ единогласно говорятъ, что непріятельскій флотъ во всемъ претерпѣваетъ великій недостатокъ; людей умираетъ множество.

На другой день, 13-го іюня, адмиралъ обо всемъ этомъ донесъ императрицѣ. Впослѣдствіи оказалось, что фрегатъ „Венусъ" былъ взятъ капитаномъ Крауномъ, командовавшимъ катеромъ „Меркурій". Онъ замаскировалъ свой катеръ на купеческій ладъ и слѣдилъ за непріятельскимъ фрегатомъ, принявшимъ его за торговое судно, до тѣхъ поръ, пока не показались вдали корабли Лежнева, а затѣмъ бросился мастерски на фрегатъ и выстрѣлами сбилъ его мачты и паруса [1]). Отъ Шешукова

[1]) Объ этомъ писалъ гр. С. Р. Воронцовъ своему брату (Арх. кн. Вор., кн. 9, стр. 114): „Мы получили изъ Копенгагена извѣстіе о взятіи шведскаго 44-хъ пушечнаго фрегата. Въ этотъ разъ, какъ и всегда и вездѣ, мой маленькій Краунъ отличился. Весьма желательно было бы, чтобы этотъ дѣятельный и храбрый человѣкъ былъ подвинутъ въ чинахъ. Господинъ Крюднеръ мнѣ говоритъ о немъ, что это человѣкъ, который одинъ сдѣлалъ болѣе тѣмъ многіе другіе вмѣстѣ. Вполнѣ достовѣрно, что шведы его ненавидятъ и стараются изъ всѣхъ силъ взять въ плѣнъ. Они только что здѣсь вооружили въ Темзѣ два большихъ катера, исключительно предназначенныхъ для поисковъ надъ Крауномъ, съ цѣлью его атаковать и окончательно уничтожить..."

Л. Ч.

прибыли вполнѣ утѣшительныя извѣстія и адмиралъ, на основаніи ихъ, донесъ императрицѣ:

Всемилостивѣйшая государыня! Послѣ донесенія моего вашему императорскому величеству, отъ 6-го числа сего іюня, о занятіи Паркалаудскаго поста, въ то же время къ усиленію небольшихъ судовъ, находящихся тамъ для промѣру и ближайшаго развѣдыванія о проходахъ и мѣстоположеніи, отосланъ туда изъ гребныхъ фрегатовъ „Марка", а другой—„Проворный", за неблагонадежностью, отправленъ въ Кронштадтъ.

Корабли, отправленные седьмаго числа изъ Кронштадта, для составленія отряда при Паркалаудскомъ мысѣ, еще не прибыли, а потому къ исполненію высочайшаго вашего величества указа, даннаго мнѣ въ 10 день сего іюня въ разсужденіи оставленія тамъ капитана Шешукова или же смѣны его однимъ изъ отправленныхъ, я еще не могъ приступить. Но что касается принятія мѣръ осторожности, дабы постъ сей, по отплытіи предводимаго мною флота въ Балтійское море, сохраненъ былъ и отрядъ, къ обереженію онаго посланный, не потерпѣлъ вреда отъ непріятеля, то имѣю сіе всегда въ виду. Въ пополненіе донесенія моего вашему величеству отъ 6 числа сего іюня доношу, что по предписанію моему капитанъ Шешуковъ, дабы въ самой скорости сдѣлалъ тамошнему фарватеру промѣръ глубины и обстоятельное описаніе съ положеніемъ на карту мѣстъ, онъ, сдѣлавъ промѣръ, нашелъ притомъ для якорнаго стоянія весьма хорошій иловатый грунтъ, какъ по западную, такъ и восточную сторону ближайшаго къ мысу острова, гдѣ въ томъ и другомъ мѣстѣ могутъ стоять по три корабля и два фрегата. На семъ острову есть прѣсная вода въ озерѣ, окружностію на триста саженей; лѣсу также довольно. Онъ нынѣ стоитъ съ порученными ему судами по западную сторону, гдѣ западные и полуденно-западные вѣтры хотя и не мѣшаютъ кораблямъ оставаться, но при волненіи малымъ судамъ стоять неудобно. Впрочемъ, хотя корабельная артиллерія съ того мѣста, гдѣ нынѣ стоятъ, и не можетъ доставать къ берегу, но малыя суда наши подходятъ и могутъ совершенно пресѣкать непріятельскій переходъ, да и оставались бы тамъ всегда на якорѣ, буде бы каменистый грунтъ и многіе подводные каменные островки дозволяли. Со времени занятія сего поста ни одно ни съ которой стороны непріятельское судно не проходило и не примѣчено нигдѣ на берегу какого либо движенія или укрѣпленія, кромѣ что показывался вдали временно на возвышенномъ мѣстѣ мыса небольшой постъ изъ вооруженныхъ непріятельскихъ человѣкъ до тридцати. Да въ отдаленности показывались тогда за каменьями прячущіяся двѣ полугалеры и три канонирскія лодки, куда за мелководіемъ наши малыя суда подходить не могутъ. Непріятельскія же сіи суда не токмо вредить, но ниже показываться не смѣютъ. Почему для обезпеченія своего и надежнѣйшаго къ спокойному отъ вѣтровъ кораблей и малыхъ судовъ стоянія, такъ какъ и лучшаго пресѣченія всего сообщенія и переходу непріятельскихъ судовъ и отраженія въ случаѣ покушенія напасть на него почитаетъ выгоднѣйшею восточную сторону того ближняго острова, куда перейти требуютъ отъ меня повелѣнія. Но какъ на семъ мѣстѣ нѣкоторымъ судамъ надобно будетъ стоять подлѣ матераго берега въ такомъ разстояніи, что можетъ непріятель, буде успѣетъ сдѣлать батареи, воспрепятствовать корабельному ходу съ сѣверной стороны; обстоятельной же всему тому мѣсту карты еще капитанъ Шешуковъ

не успѣлъ сдѣлать; то я, не зная точнаго расположенія тамошнихъ островов съ берегомъ, оставляю его на томъ же мѣстѣ; ибо по лѣтнему нынѣшнему времени рѣдко крѣпкіе вѣтры случаются, да и увѣренъ, что скоро могу получить отъ него карту, съ подробнымъ объясненіемъ, и тогда уже назначу мѣсто, гдѣ онъ расположиться долженъ. Теперь же посылаю туда для лучшаго осмотра къ загражденію фарватера, выгоднаго на построеніе батареи, мѣста инженернаго офицера, искуснаго въ своей должности".

О томъ, что дѣлалось на сушѣ, въ арміи графа Мусина-Пушкина, адмиралъ Чичаговъ зналъ лишь изъ сообщеній самой императрицы; на отсутствіе сношеній съ арміей мой отецъ неоднократно указывалъ, такъ какъ при согласныхъ дѣйствіяхъ могли получиться болѣе вѣрные результаты. 14-го іюня къ эскадрѣ прибылъ курьеръ со слѣдующимъ письмомъ ея величества (отъ 12-го іюня):

„Успѣхи дѣйствій арміи нашей финляндской по вступленіи ея въ шведскую границу и по занятіи Христины усмотрите изъ приложенія. Мы ожидаемъ подробнѣйшихъ донесеній о всемъ полученномъ при Сант-Михелѣ; а между тѣмъ войска наши поиски ихъ простираютъ далѣе".

Приложеніе. Послѣ вступленія войскъ нашихъ въ границы шведской Финляндіи, пораженія непріятеля, въ укрѣпленіяхъ его при Кири державшагося, и по занятіи генераломъ-поручикомъ Михельсономъ Христины, сдѣлано было помянутымъ генераломъ поручикомъ предпріятіе на Сантъ-Михель, мѣсто, снабдѣнное не малымъ числомъ непріятельскаго войска, защищаемое батареями и имѣющее въ себѣ большіе запасы и магазейны. И хотя сіе предпріятіе при первомъ покушеніи не имѣло желаемаго успѣха, но вскорѣ потомъ по наведеніи непріятелю новаго страха, съ другой стороны Кареліи, войсками нашими подъ командою генералъ-маіора барона Шульца, разбитіемъ его предъ Сулковымъ и по принятіи надежнѣйшихъ мѣръ къ благоуспѣшному совершенію поиска его на непріятеля, помянутый генералъ-поручикъ Михельсонъ 8-го сего мѣсяца, въ 12 часовъ предъ полуднемъ, приступя къ укрѣпленію непріятельскому предъ Сантъ-Михелемъ при Парасальмѣ находящемуся, сбилъ сперва батареи, а потомъ, поведя атаку съ разныхъ сторонъ, опрокинулъ непріятеля, въ немъ державшагося, и преслѣдуя до самаго Сантъ-Михеля безъ всякаго почти съ нашей стороны урона, завладѣлъ симъ мѣстомъ и имѣющимися въономъ магазейнами, наполненными съѣстными, оружейными и прочими припасами, кромѣ пороховаго погреба, который успѣлъ непріятель подорвать для облегченія своего бѣгства и для затрудненія легкихъ нашихъ войскъ, въ погоню за нимъ отправившихся. Подробныя донесенія о семъ происшествіи вскорѣ ожидаются".

15-го числа пришло, наконецъ, донесеніе отъ капитана Макарова, ушедшаго въ Гантуту; всѣ ожиданія и тревоги наши

были напрасны. Положеніе батарей оставалось прежнее и никакой шведской эскадры вблизи не существовало. На слѣдующій день прибыли и ожидаемые изъ Кронштадта два корабля „Януарій“ и „Европа“ съ фрегатами „Симеономъ“ и „Патрикіемъ“ и пять транспортныхъ судовъ съ провіантомъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Глѣбова. Осмотрѣвъ ихъ 17-го іюня, адмиралъ распредѣлилъ отрядъ такимъ образомъ: 1 корабль и 1 фрегатъ назначилъ для занятія поркалаудскаго поста, а остальные—для крейсированія въ виду Поркалауда и Свеаборга.

Итакъ, съ этой минуты оставалось призвать ко флоту крейсирующія суда и затѣмъ ждать извѣстій изъ Копенгагена, когда будетъ въ состояніи тамошняя эскадра выступить на соединеніе съ ревельскою.

П. В. Чичаговъ.

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

XI [1]).

Новые удары судьбы.

Подъ конецъ моего пребыванія въ училищѣ я смутно слышалъ, что отца постигли новыя невзгоды. Въ письмахъ онъ мнѣ о томъ ничего не писалъ, но я зналъ, что онъ больше не въ Писаревкѣ, а проживаетъ въ казенномъ имѣніи Богучарскаго уѣзда, Данцевкѣ.

Еще въ училищѣ имѣлъ я случай лишній разъ убѣдиться, какъ вообще не прочна и не завидна была участь моего отца. Случилось у него какое-то дѣло въ Воронежѣ. Онъ пріѣхалъ туда для личныхъ объясненій съ губернаторомъ или, вѣрнѣе, съ сенаторомъ Хитрово, въ то время ревизовавшимъ губернію. Что произошло у него съ тѣмъ или съ другимъ—не знаю. Слышалъ только потомъ, что онъ крупно поговорилъ съ первымъ. Отецъ былъ горячъ и, не смотря на предъидущіе опыты, все еще вѣрилъ, что законъ долженъ быть на сторонѣ того, кто передъ нимъ чистъ, и вообще не стѣснялся въ защитѣ своихъ правъ передъ властями. Онъ не хотѣлъ понять, что жилъ въ странѣ бюрократическаго произвола и что такому бѣдняку, какъ онъ, неприлично опираться на право тамъ, гдѣ его въ сущности никто не имѣлъ, а онъ меньше всѣхъ.

Какъ-бы то ни было, губернаторъ разгнѣвался и велѣлъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 305—341; сентябрь, стр 483—524.

посадить отца въ тюрьму, подъ предлогомъ, что онъ явился въ Воронежъ безъ узаконеннаго вида, хотя въ послѣднемъ не было надобности, такъ какъ жительство моихъ родителей было въ той же губерніи.

Помню, въ какой трепетъ повергло меня появленіе на квартирѣ, гдѣ я стоялъ, солдата, посланнаго за мной отцомъ, изъ тюрьмы. Съ стѣсненнымъ сердцемъ послѣдовалъ я за нимъ и нашелъ моего честнаго благороднаго отца заключеннымъ въ одномъ тюремномъ отдѣленіи съ ворами, мошенниками и всякаго рода плутами.

Отецъ не любилъ нѣжностей и не допускалъ въ семьѣ никакихъ сердечныхъ изліяній. Я молча сѣлъ въ углу на нарахъ, возлѣ одного рыжаго мужика, но въ заключеніе не выдержалъ и горько заплакалъ. Мои слезы тронули находившуюся тутъ же женщину и она, съ простодушнымъ участіемъ, начала меня утѣшать.

„Не плачь, голубчикъ", говорила она,—„не плачь, касатикъ! Ты маленькій, все пройдетъ".

Повыше на нарахъ сидѣлъ и что-то про себя бормоталъ старикъ, съ сѣдой бородой. Это былъ грузинскій священникъ, привезенный сюда изъ Тифлиса, за участіе въ какомъ-то возстаніи или заговорѣ. Онъ раздражительно, на ломанномъ языкѣ, увѣщевалъ меня не плакать, увѣряя, что все пустяки и намъ съ отцомъ нечего сокрушаться.

Все это происходило въ темномъ, въ грязномъ, вонючемъ помѣщеніи. Отцу, съ его слабымъ здоровьемъ, нельзя было, безъ вреда, долго оставаться здѣсь. Онъ далъ мнѣ рубль и велѣлъ идти къ квартальному, просить о переводѣ въ помѣщеніе, гдѣ содержались „благородные".

Въ дѣтствѣ одинъ видъ полицейскаго мундира повергалъ меня въ уныніе. Я видѣлъ въ немъ что-то зловѣщее и при встрѣчѣ на улицѣ съ будочникомъ или квартальнымъ всегда преисправно отъ нихъ улепетывалъ. Можно себѣ представить, съ какимъ страхомъ направился я теперь, съ порученіемъ отца, къ одному изъ этихъ блюстителей порядка, которые въ тѣ, къ счастью, нынѣ отдаленныя, времена были на самомъ дѣлѣ гораздо больше представителями произвола и насилія.

Но на этотъ разъ страхъ мой оказался напраснымъ: квар-

тальный взялъ рубль и обѣщался исполнить мою просьбу. Отецъ скоро потомъ очутился въ довольно свѣтлой и опрятной комнатѣ, въ обществѣ одного только заключеннаго — чиновника губернскаго правленія, обвинявшагося въ похищеніи какого-то дѣла. Тамъ было даже подобіе кровати, на которой и расположился мой отецъ.

Я навѣщалъ его каждый день. Прошло около недѣли. Онъ откомандировалъ меня съ новымъ порученіемъ — на этотъ разъ къ сенатору Хитрово, которому я долженъ былъ лично передать письмо.

Опять разыгралось мое воображеніе и стало рисовать рядъ страшныхъ картинъ: сенаторъ на меня кричитъ, топаетъ ногами, приказываетъ слугамъ гнать и въ заключеніе—меня тоже упрятываетъ въ тюрьму... Вѣдь все возможно съ такимъ маленькимъ, ничтожнымъ существомъ, какъ я!

Не идти нельзя было. Я вооружился мужествомъ и пошелъ. Вхожу къ сенатору въ прихожую, тамъ квартальный и не тотъ, съ которымъ я уже отчасти былъ знакомъ. Я невольно попятился назадъ. Но и квартальные не всѣ на одинъ ладъ. Этотъ— какъ я послѣ узналъ, самъ отецъ многочисленнаго семейства— тронулся моимъ жалкимъ, испуганнымъ видомъ. Онъ поспѣшилъ меня ободрить, мнѣ улыбнулся, погладилъ по головѣ, а когда дошла до меня очередь идти къ сенатору въ кабинетъ, разомъ прекратилъ мои колебанія, ловко втолкнувъ меня въ дверь.

Сенаторъ прочиталъ письмо отца и угрюмо проговорилъ:

— „Пусть его отвѣчаетъ, какъ знаетъ". Только и было. Не много понялъ я изъ этихъ словъ, да и отецъ тоже. Однако, дней десять спустя, губернаторъ приказалъ отослать его обратно въ Богучары — все таки какъ произвольно отлучившагося безъ вида—но дальнѣйшихъ непріятностей не дѣлалъ.

Пора, однако, объяснить, какъ состоялось переселеніе отца моего изъ Писаревки въ Данцевку, и что было причиной бѣдственнаго положенія, въ которомъ я по выходѣ изъ училища засталъ мою семью.

Марья Өедоровна Бедряга не долгѣ помнила свою клятву передъ церковью—вѣчно помнить объ услугахъ, ей оказанныхъ моимъ отцемъ. Властолюбивая барыня не могла выносить, чтобы

кто нибудь изъ окружавшихъ ея дѣйствовалъ самостоятельно, хотя бы то въ ея собственныхъ интересахъ. Ее терзала мысль, что управляющій ея держитъ себя слишкомъ независимо, мало угождаетъ ей.

Отецъ мой, съ своей стороны, не отличался уступчивостью, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда былъ увѣренъ въ своей правотѣ или считалъ замѣшанною свою честь. Онъ взялся устроить Писаревку подъ условіемъ, чтобы помѣщица, такъ запутавшая свои дѣла, впередъ ни во что не вмѣшивалась. Результатъ оправдалъ его претензіи. Доходы Марьи Өедоровны удвоились; крестьяне оправились; главная причина упадка имѣнія — злоупотребленія были въ значительной степени устранены.

Окружавшіе Марью Өедоровну паразиты, безсовѣстно эксплуатировавшіе ея дурныя наклонности, само собой разумѣется, не могли помириться съ новымъ порядкомъ вещей и не упускали случая возстановлять помѣщицу противъ вѣрнаго и безкорыстнаго слуги.

Особенно отличалась при этомъ еврейка Өедосья, большая плутовка, о которой мы уже упоминали выше. Отецъ, по своей горячности, не всегда бывалъ воздерженъ въ объясненіяхъ съ Марьей Өедоровной. Өедосья не преминула воспользоваться этимъ для своихъ наушничествъ. Помѣщица все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе относилась къ второстепенной роли, выпавшей ей на долю, въ силу обстоятельствъ и собственной распущенности. Чаще и чаще выражала она свое неудовольствіе и заявляла неисполнимыя требованія.

Отецъ долго крѣпился, наконецъ, не выдержалъ и порѣшилъ лучше отказаться отъ выгоднаго мѣста, чѣмъ дольше терпѣть своеволіе госпожи Бедряги и быть предметомъ облавы со стороны ея клевретовъ. Въ одинъ прекрасный день онъ предсталъ передъ Марьей Өедоровной, вооруженный толстой тетрадью, и повелъ такую рѣчь: „Вотъ отчетъ за все время моего управленія вашимъ имѣніемъ. Съ этихъ поръ я вамъ больше не слуга. Прошу уволить меня и выдать еще слѣдующее мнѣ жалованье".

Марья Өедоровна озадачилась. Нужда въ моемъ отцѣ еще не совсѣмъ миновала и она попыталась еще разъ войти съ нимъ въ компромисъ: устроить дѣло такъ, чтобы и онъ остался, и ея желанія были удовлетворены. Но отецъ уже слишкомъ хорошо

зналъ, какъ мало можно было полагаться на обѣщанія своенравной барыни. Онъ стоялъ на своемъ и требовалъ увольненія. Помѣщица, съ своей стороны, настаивала. Отецъ уже съ раздраженіемъ подтвердилъ свое окончательное рѣшеніе съ ней разстаться и, не слушая дальнѣйшихъ возраженій, вышелъ изъ комнаты. Марья Ѳедоровна разсвирѣпѣла и положила отмстить непокорному.

На слѣдующее утро всѣ въ домѣ отца еще спали. Вдругъ его будятъ:—„Вставайте", говорятъ, „посмотрите, что дѣлается на дворѣ!"

Встревоженный отецъ вышелъ въ сѣни: домъ былъ кругомъ оцѣпленъ крестьянами. Вся семья находилась подъ карауломъ.

Зная характеръ Марьи Ѳедоровны, отецъ не сомнѣвался, что, разъ прибѣгнувъ къ насилію, она уже не уступитъ. Положеніе было затруднительное. Гдѣ искать защиты? Въ ея владѣніяхъ—немыслимо, а какъ выбраться изъ нихъ? У всѣхъ выходовъ стояли сторожа. Къ счастью, послѣдніе были изъ крестьянъ, преданныхъ отцу и ненавидѣвшихъ помѣщицу: они помогли ему убѣжать. Огородами и садами пробрался онъ въ Заярскую Писаревку и пріютился у друга своего, Григорія Ѳедоровича Татарчукова.

На волѣ отецъ обратился къ надлежащимъ властямъ, съ просьбой освободить семью его, а виновницу вопіющаго насилія призвать къ отвѣту. Это было началомъ тяжбы, которая надѣлала шуму на всю губернію и была источникомъ нескончаемыхъ тревогъ для отца, но не мало безпокойствъ причинила и его противницѣ. Она сама потомъ признавалась, что съ этихъ поръ всѣ дни ея были отравлены ожиданіемъ непріятныхъ бумагъ и необходимостью на нихъ отписываться.

Странная эта была тяжба! Съ одной стороны: владѣлица двухъ тысячъ душъ, сильная богатствомъ, связями, воплощенная спѣсь и произволъ, съ вѣрнымъ разсчетомъ на успѣхъ, съ другой: человѣкъ безъ общественнаго положенія и связанныхъ съ нимъ преимуществъ, опиравшійся только на свою правоту, и до того бѣдный, что часто не имѣлъ на что купить листъ гербовой бумаги для подания въ судъ жалобы или прошенія. За то настойчивость была съ обѣихъ сторонъ одинаковая.

Надо было все знаніе законовъ моего отца и все его умѣнье

писать дѣловыя бумаги, чтобъ не сдѣлаться немедленно жертвою своей дерзости, а, напротивъ, долго и не безъ своего рода успѣха вести тяжбу при столь неравныхъ условіяхъ. Правосудіе, всегда готовое, въ тѣ времена, склоняться въ пользу сильнаго, на этотъ разъ нерѣшительно колебалось. Сами судьи недоумѣвали, почему дѣло не устраивается по желанію богатой и именитой барыни, но ничего не могли сдѣлать, и только до безконечности затягивали его. По смерти отца я много разъ слышалъ отъ чиновниковъ гражданской палаты, что всякое, поступавшее къ нимъ отъ истца прошеніе, всякая объяснительная записка его производили между ними сенсацію: они собирались въ кружокъ и читали ихъ вслухъ, восхищаясь діалектическою ловкостью и ясностью изложенія. И все-таки отецъ умеръ, не дождавшись конца тяжбы.

Уже много лѣтъ спустя — я былъ тогда въ Петербургѣ — матери моей, наконецъ, вернули задержанное Бедрягой имущество, потомъ хранившееся въ судѣ. Сундуки оказались всѣ по счету, но въ нихъ нашлось только какое-то отрепье, да кипы отцовскихъ бумагъ: остальное исчезло безслѣдно.

Въ началѣ тяжбы Марьѣ Ѳедоровнѣ, по настоянію отца, былъ сдѣланъ запросъ: на какомъ основаніи задерживаетъ она его семью и имущество? Отвѣтъ былъ достоинъ госпожи Бедряги. Такой-то, писала она въ отвѣтъ, состоя у нея на службѣ управляющимъ, раззорилъ ея имѣніе, а вещи, которыя она теперь задерживаетъ, куплены имъ на ея деньги. Доказательствъ у нея, конечно, никакихъ не потребовали: ей повѣрили на слово и жалобу отца, на первыхъ порахъ, оставили безъ послѣдствій. Тогда онъ обратился къ губернатору и въ заключеніе добился, что ему, наконецъ, вернули хоть семью.

Соединясь съ женою и дѣтьми, отецъ мой поселился въ малороссійскомъ хуторѣ, Данцевкѣ, верстахъ въ двадцати отъ Богучаръ, гдѣ производилось его дѣло.

Тутъ опять возникалъ жгучій вопросъ: чѣмъ жить? Мои родители остались, какъ послѣ пожара, безъ вещей первой необходимости. Отецъ, безъ сомнѣнія, легко могъ бы найти занятія, но онъ пока былъ слишкомъ поглощенъ тяжбой. Послѣдняя между тѣмъ затягивалась и принимала грандіозные размѣры. Отецъ, по обыкновенію увлекаясь, требовалъ не только возвращенія

своей собственности и вознагражденія за понесенные убытки, но еще и поступленія по закону съ помѣщицей за ея самоуправство. На первыхъ порахъ ему помогъ Григорій Өедоровичъ Татарчуковъ, и потомъ не рѣдко оказывавшій ему разныя крупныя и мелкія услуги.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Отца пригласили въ одну изъ донскихъ станицъ приводить тамъ въ порядокъ какія-то дѣла. Вознагражденіе предлагалось порядочное. Онъ согласился, оставилъ семью въ Данцевкѣ и поѣхалъ. Но провѣдала объ этомъ Марья Өедоровна и подняла тревогу. Ложь и клевета всегда были у ней наготовѣ. Она, черезъ богучарскій судъ, снеслась съ начальствомъ станицы, куда отправился отецъ, и заявила, что онъ, находясь подъ слѣдствіемъ, не имѣлъ права отлучаться отъ мѣста своего жительства: онъ долженъ быть задержанъ и посаженъ въ тюрьму. Начальство станицы, не разбирая дѣла, съ точностью исполнило требованіе Богучарскаго суда. Такимъ образомъ мой бѣдный отецъ, вызванный для честнаго и полезнаго дѣла, вмѣсто того опять очутился въ тюрьмѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи засталъ я, по возвращеніи изъ Воронежа, наши семейныя дѣла. Мать сильно измѣнилась: постарѣла и похудѣла. Радость свиданія со мной была отравлена для нея разлукой съ отцомъ, отъ котораго, къ тому же, давно не было извѣстій. Она, съ дѣтьми, занимала двѣ крошечныя, но опрятныя свѣтелки въ хатѣ одного зажиточнаго малороссіянина: добрякъ Гаврилычъ уже нѣсколько мѣсяцевъ держалъ ее у себя безплатно.

Но если, какъ говорятъ, одно горе всегда ведетъ за собой другое, тоже надо сказать и о радостяхъ. Мой пріѣздъ оказался счастливымъ предвѣстникомъ ихъ. Тѣмъ не менѣе еще утро этого дня прошло очень печально для моей матери. Оно ознаменовалось событіемъ, въ сущности пустымъ, но которое произвело на нее сильное впечатлѣніе.

Въ хлопотахъ по хозяйству мать вдругъ замѣтила, что съ пальца ея исчезло золотое обручальное кольцо. Очевидно, оно соскользнуло съ ея исхудалой руки, въ то время, какъ она убирала комнаты, таскала дрова и, погруженная въ печальныя мысли, не замѣтила потери. Несчастные суевѣрны. Мать сочла утрату обручальнаго кольца за дурное предзнаменованіе и впала

въ уныніе. Въ тоскѣ перерыла она весь свой скарбъ, перешарила во всѣхъ углахъ: кольца нигдѣ не было.

Оставалось осмотрѣть еще одно только мѣсто—сарай, набитый соломою, откуда мать недавно брала ее для растопки печи. Но надежда отыскать въ кучахъ соломы такую вещицу, какъ кольцо, которое къ тому же и цвѣтомъ походило на нее, казалась просто несбыточною. Однако, мать пошла въ сарай. Дорогой она мысленно порѣшила: если кольцо найдется, это будетъ значить, что отецъ живъ и на пути домой, въ противномъ случаѣ—его уже нѣтъ въ живыхъ.

Съ трепетомъ перешагнула она порогъ сарая и долго не рѣшалась поднять глазъ, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ взглянула на уголъ, откуда брала солому: тамъ торчала къ верху длинная соломенка, а на ней висѣло кольцо! Мать вскрикнула, перекрестилась и осыпала его поцѣлуями. На душѣ просвѣтлѣло; мрачныхъ мыслей какъ не бывало.

Прошло нѣсколько часовъ. Смерклось. У воротъ хаты движеніе, двери распахиваются—и на порогѣ отецъ, бодрый, веселый, нагруженный гостинцами и съ небольшими деньгами въ карманѣ.

На другой день у насъ былъ пиръ горой: праздновалось его и мое возвращеніе. Давно уже никто изъ насъ не хлебалъ такого борща съ бараниной и не ѣлъ такихъ вареников, какими насъ, на радостяхъ, угостила мать. За обѣдомъ, къ вящей радости насъ, дѣтей, послѣдовалъ еще и дессертъ изъ привезеннаго отцомъ чернослива и изюма. И радость нашу, и обильную на этотъ разъ трапезу усердно раздѣляли съ нами наши добрые хозяева, Гаврилычъ, его жена и миловидная дочка, ясныя, карія очи которой не замедлили плѣнить меня.

Но какимъ образомъ отецъ мой былъ вдругъ перенесенъ изъ тюрьмы въ среду своей семьи, да еще въ очевидно къ лучшему измѣнившихся обстоятельствахъ? Вся жизнь человѣческая соткана изъ случайностей. Враждебная случайность натолкнула его на помѣщицу Бедрягу и на богучарскихъ судей, которые засадили его въ тюрьму. Добрая случайность свела его съ казацкимъ полковникомъ Поповымъ, который вывелъ его изъ бѣды.

Полковникъ Поповъ былъ лицо властное въ станицѣ, гдѣ содержался подъ арестомъ мой отецъ. Онъ далъ себѣ трудъ

разобрать его дѣло и въ заключеніе не только велѣлъ освободить отца, но еще пріютилъ его у себя, поручилъ ему привести въ порядокъ свое имѣніе и, съ избыткомъ вознаградивъ его, отпустилъ съ миромъ во свояси.

Наконецъ, мы свободно вздохнули. Около двухъ мѣсяцевъ послѣ того провели мы мирно, спокойно, даже беззаботно. Данцевка не представляла особенныхъ красотъ природы. Но весь тотъ край принадлежитъ къ числу самыхъ плодородныхъ въ Россіи. Климатъ тамъ теплый и жизнь—по крайней мѣрѣ тогда—была очень дешева. Отборные плоды: вишни, яблоки, груши, дыни, арбузы покупались за безцѣнокъ. Хуторъ Данцевка состоялъ изъ пятидесяти хатъ, бѣленькихъ, чистенькихъ, тонущихъ въ зелени вишневыхъ садовъ. Мѣстечко раскидывалось по берегу рѣки Богучара. Теперь, я слышалъ, оно очень разрослось и превратилось въ богатую слободу, съ каменною церковью. Но въ наше время хуторъ принадлежалъ къ приходу слободы Твердохлѣбовки, находившейся въ шести верстахъ отъ Богучара, чуть ли не самого жалкаго изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Россіи.

Данцевскіе жители были казенные малороссіяне или, такъ называемые, войсковые обыватели. Они въ полной чистотѣ сохраняли малороссійскій типъ и, сравнительно съ помѣщичьими крестьянами, благоденствовали. Но за то они пребывали въ полномъ невѣжествѣ. У нихъ не было школъ. «Письменные люди» почитались между ними за рѣдкость. Не проникли къ нимъ никакія затѣи новѣйшей цивилизаціи. Они отличались непочатою простотою и чистотою нравовъ. О ворахъ и пьяницахъ тамъ знали только по наслышкѣ. Ссоры и драки если и происходили, о нихъ стыдились говорить. Къ сожалѣнію, выходитъ, что человѣкъ, цивилизуясь, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ качествъ, теряетъ тѣ, которыми обладалъ передъ тѣмъ, и заражается пороками, о которыхъ до того не имѣлъ понятія. Законъ человѣческаго развитія, очевидно, совершается не по какому нибудь установленному плану, для достиженія одного опредѣленнаго результата, а слѣдуетъ неизбѣжному ходу вещей, въ силу котораго все, находящееся въ человѣкѣ, должно въ свое время проявляться и достигнуть извѣстнаго развитія—предстоитъ ли ему всегда затѣмъ безслѣдно исчезнуть или слиться въ общую гармонію для ея большей полноты и совершенства.

Намъ хорошо и привольно жилось среди простодушныхъ данцевцевъ. Они не долго смотрѣли на насъ, какъ на пришлыхъ, но радушно приняли въ свою среду и любовно относились къ моимъ родителямъ. А нашъ добрый хозяинъ, Гаврилычъ, одаренный большимъ практическимъ смысломъ, съумѣлъ оцѣнить отца даже со стороны ума.

Отдохнувъ, отецъ сталъ подумывать, что̀ со мной дѣлать. Ему очень хотѣлось, чтобы я продолжалъ учиться. Я вполнѣ раздѣлялъ его желаніе и показалъ ему письмо Грабовскаго. Хорошо знакомый съ законами и съ административными порядками у насъ, онъ, конечно, понялъ на какомъ шаткомъ основаніи хотѣли мои добрые учителя воздвигнуть зданіе моего будущаго образованія. Понялъ онъ также, чѣмъ грозило бы имъ разоблаченіе ихъ великодушнаго подлога и наотрѣзъ отказался отъ ихъ предложенія.

Но мои успѣхи въ уѣздномъ училищѣ внушили ему несбыточныя надежды на то, что для меня будетъ сдѣлано исключеніе и что я такъ или иначе непремѣнно поступлю въ гимназію. Онъ до того увлекся этой фантастической мечтой, что даже забылъ о матеріальной невозможности содержать меня въ Воронежѣ. Передъ нимъ мелькнулъ свѣтлый миражъ и онъ кинулся къ нему на встрѣчу, забывъ, по обыкновенію, какъ дорого обходилось ему всегда пробужденіе къ дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, меня опять снарядили, нашли оказію и отправили въ Воронежъ.

XII.

Мое воронежское сидѣнье.

Въ Воронежѣ я явился на старую квартиру, безъ денегъ, съ письмомъ отъ отца, который просилъ хозяина принять меня и обѣщался въ непродолжительномъ времени выплатить ему все, что будетъ стоить мое содержаніе. Калина Давидовичъ Клещаровъ было нахмурился, но добрый и довѣрчивый согласился пока отвести мнѣ уголъ для кровати и сажать меня за свой столъ.

Опредѣленіе мое въ гимназію, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялось. Робость удерживала меня отъ посѣщенія директора просителемъ, да еще въ такомъ платьѣ, въ которомъ, по пословицѣ, всегда дурно принимаютъ. Обычай требовалъ также, чтобы къ директору явиться не съ пустыми руками, а чѣмъ могъ я ихъ наполнить? Итакъ, я день ото дня откладывалъ мое посѣщеніе къ нему. А тутъ еще узналъ стороной, что кто-то изъ моихъ доброжелателей уже дѣлалъ, помимо меня, попытку у директора и потерпѣлъ неудачу. Я окончательно упалъ духомъ.

Съ тоскою смотрѣлъ я на мальчиковъ, моихъ прежнихъ товарищей, теперь гимназистовъ, гордо шествующихъ въ гимназію, съ новенькими книжками подъ мышкой. Они казались мнѣ до того взысканными судьбой, что принимали въ моихъ глазахъ размѣры высшихъ существъ, а небольшой желтый домъ на Дворянской улицѣ, гдѣ помѣщалась гимназія, представлялся мнѣ дворцомъ съ плотно закрытыми для меня одного дверями.

Я сидѣлъ дома въ углу, перебиралъ школьныя тетрадки и попрежнему съ жадностью читалъ все печатное, что могъ добыть. Въ книгахъ у меня не было недостатка. Меня ими снабжалъ новый другъ, который у меня здѣсь завелся. Это былъ зять моего хозяина, учитель музыки, Михаилъ Григорьевичъ Ахтырскій.

Маленькій, тощенькій, съ желтымъ лицомъ человѣчекъ, онъ бурно провелъ молодость, но, женясь, остепенился. Его невзрачная фигура давала превратное понятіе объ его умѣ и образованіи: и то, и другое было у него не дюжинное. Кромѣ того

онъ пользовался въ Воронежѣ репутаціей отличнаго учителя музыки и самъ хорошо игралъ на скрипкѣ и на фортепіано.

Обладатель нѣсколькихъ сундуковъ съ книгами, онъ имѣлъ особенно притягательную для меня силу—тѣмъ болѣе, что, заинтересованный моею любознательностью, предоставлялъ мнѣ безпрепятственно рыться въ нихъ. Вообще онъ принималъ большое во мнѣ участіе и, по мѣрѣ силъ и возможности, помогалъ мнѣ коротать время выжиданія какихъ-то фантастическихъ перемѣнъ въ моей долѣ. Часто заглядывалъ онъ въ мой уголъ, садился на кровать и, покуривая трубку, съ которой никогда не разставался, подолгу разговаривалъ со мной.

Жена его, дочь Клещарова, Наталья Калинишна, тоже съ довольно обыкновенною наружностью, соединяла умъ и пристрастіе къ книгамъ. Она много перечитала ихъ—преимущественно романовъ—и, вѣроятно, этому чтенію была обязана своего рода утонченностью и развитіемъ. Довольно сказать, что она съумѣла привязать къ себѣ сильно и прочно человѣка съ неугомоннымъ характеромъ—Ахтырскаго, на котораго до конца имѣла благотворное вліяніе.

Почти всегда серьезная, она держалась въ сторонѣ и даже нѣсколько брезгливо отъ женщинъ своего круга, предпочитая всѣмъ общество мужа. Другую могла бы сбить съ толку масса прочитанныхъ романовъ, но она безнаказанно вкусила ихъ отравы. Новое доказательство тому, что главная роль въ нашемъ нравственномъ и умственномъ развитіи принадлежитъ той закваскѣ, какую въ насъ закладываетъ природа. Вліяніе внѣшнихъ условій—второстепенное и въ подчиненіи у нашихъ природныхъ способностей и влеченій.

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы: мое положеніе не измѣнялось. Я все оставался брошеннымъ на произволъ самому себѣ и случаю. Отъ отца уже давно не получалось писемъ. Я зналъ только, что онъ изъ Данцовки, и вообще изъ Богучарскаго уѣзда, переселился въ Острогожскъ. Хозяинъ видимо затруднялся дольше держать меня безъ платы. Одежда моя износилась, сапоги отказывались служить. Приходилось окончательно разстаться съ сладкой мечтой о гимназіи и ѣхать домой.

Но какъ проѣхать сколо ста верстъ зимой, безъ денегъ, безъ обуви и безъ шубы? Меня выручилъ Ахтырскій. Досталъ онъ

мнѣ старенькій овечій тулупчикъ, валенки, круглую мѣховую шапченку и подарилъ пять съ полтиною денегъ. Я за то оставилъ ему въ распоряженіе мою постель.

Вооруженный такимъ образомъ, я могъ уже смѣло сбираться въ путь. Оставалось пріискать возницу, но и тотъ скоро нашелся. Въ Острогожскъ ѣхалъ крестьянинъ, который за два рубля съ полтиной согласился и меня туда свезти.

XIII.

Острогожскъ. Начало моей гражданской и самостоятельной дѣятельности.

Былъ 1816 годъ. Острогожскъ, составлявшій прежде часть Слободско-Украинской губерніи, теперь принадлежалъ къ Воронежской. Обширный уѣздъ его былъ почти сплошь населенъ малороссіянами, переведенными сюда въ царствованіе Алексѣя Михайловича для защиты южныхъ окраинъ отъ вторженія татаръ. Лишь небольшое число русскихъ ютилось кое-гдѣ, по рѣкѣ Соснѣ, образуя нѣсколько мелкихъ селеній. Жителей въ городѣ считалось до десяти тысячъ, тоже малороссіянъ, за исключеніемъ, впрочемъ, купечества, которое состояло большею частью изъ русскихъ.

Замѣчательный городъ былъ въ то время Острогожскъ. На разстояніи многихъ верстъ отъ столицъ, въ степной глуши, онъ проявлялъ жизненную дѣятельность, какой тщетно было бы тогда искать въ гораздо болѣе обширныхъ и лучше расположенныхъ центрахъ Россійской Имперіи.

И матеріальный, и умственный уровень его стоялъ неизмѣримо выше не только большинства уѣздныхъ, но и многихъ губернскихъ городовъ. Въ немъ процвѣтала заводская промышленность. Онъ торговалъ овцами, соленымъ мясомъ, саломъ. Купечество ворочало большими капиталами. Въ пригородныхъ слободахъ указывали на войсковыхъ обывателей, напримѣръ, Ларіоновыхъ, Головченко, которые тоже занимались торговлею и имѣли въ оборотѣ полумилліонные капиталы.

Большинство зажиточныхъ помѣщиковъ этого уѣзда проводило

часть года въ городѣ, гдѣ имѣло дома. Они, какъ и все Острогожское дворянство, были одушевлены особымъ корпоративнымъ духомъ и радѣли о чести своего сословія. Отъ того образъ дѣйствій ихъ отличался достоинствомъ, мало извѣстнымъ въ тѣ времена развращающаго крѣпостничества.

О взяточничествѣ между ними и помину не было. Служившіе по выборамъ были истинными и нелицепріятными слугами общества. Во главѣ мѣстной аристократіи стояли люди, извѣстные не одною родовитостью, но и полезною дѣятельностью, напримѣръ: Должиковы, Сафоновы, Станкевичи, Томилины и т. д.

Понятно, что при гуманныхъ стремленіяхъ и просвѣщенныхъ взглядахъ помѣщиковъ и крестьянамъ по деревнямъ жилось здѣсь легче, чѣмъ гдѣ-либо. Землевладѣльцы не истощали ихъ барщиной и оброками, обращались съ ними человѣчно. А крестьяне, сытые и довольные своей долей, охотно несли свои тягости и тѣмъ, въ свою очередь, содѣйствовали благосостоянію господъ. Въ этомъ уравновѣшенномъ, взаимномъ воздѣйствіи другъ на друга двухъ основныхъ классовъ общества, земледѣльческаго и помѣщичьяго, должно полагать, и крылось зерно экономическаго благосостоянія уѣзда.

Не такъ легко указать источникъ широты умственнаго кругозора, въ которомъ вращались образованнѣйшіе изъ жителей Острогожска, не даромъ прозывавшагося въ краю Воронежскими Аѳинами. Они витали въ сферахъ, казалось бы, мало доступныхъ для медвѣжьяго угла, въ который ихъ забросила судьба. Ихъ занимали вопросы литературные, политическіе и общественные. Они препирались не за одни личные интересы, но и за принципы. Въ нихъ проглядывало стремленіе къ свободѣ и сознательный протестъ противъ гнета тогда всемогущаго бюрократизма.

У многихъ, даже купцовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія, напримѣръ: „Юридическія сочиненія Юсти“, „Конституція Англіи“ Делольма, „Персидскія письма“ Монтескье и его же „Духъ Законовъ“, въ переводѣ Языкова, „О преступленіи и наказаніи“ Беккаріи, сочиненія Вольтера на русскомъ языкѣ, которыхъ теперь не сыщешь ни въ одной книжной лавкѣ. Усердно читалась, между прочимъ, и газета „Московскія Вѣдомости“ — чуть ли не единственная въ то время

извѣстная въ провинціи. Въ обществѣ толковали о наукѣ, искусствахъ, обсуждали вопросы внѣшней и внутренней политики. Иные до того увлекались либеральнымъ вѣяніемъ, что даже восхищались представительными формами правленія.

Слывя самымъ образованнымъ городомъ въ краю, Острогожскъ за то не пользовался расположеніемъ губернскихъ властей, у которыхъ былъ какъ бѣльмо на глазу. Хищничество ихъ нигдѣ не встрѣчало такого упорнаго протеста, какъ тамъ. Всѣ столкновенія съ ними, конечно, всегда оканчивались ихъ же торжествомъ, то есть приносили имъ въ карманы болѣе или менѣе крупныя взятки, но это всегда стоило имъ не мало нравственныхъ униженій, которыхъ они потомъ не могли забыть.

Тяжелымъ бременемъ для края было скоро потомъ введенное туда генералъ-губернаторство, съ Балашевымъ во главѣ. Въ вѣдѣніе послѣдняго было назначено пять губерній: Воронежская, Рязанская, Тамбовская, Тверская и, кажется, Харьковская. Центръ управленія находился въ Рязани.

Съ какою цѣлью было создано это управленіе, трудно опредѣлить—развѣ для того только, чтобы дать приличный постъ удаленному отъ двора сановнику. Имя Балашева является въ исторіи нашей администраціи въ числѣ именъ и дѣятелей двѣнадцатаго года. Можетъ быть, у него и были какія-нибудь заслуги и право на оказанный почетъ, мы не беремся рѣшать. Но намъ слишкомъ хорошо извѣстна память, оставленная имъ по себѣ во ввѣренныхъ его управленію губерніяхъ, гдѣ онъ распоряжался не хуже любаго паши. Можетъ быть, самъ онъ и не бралъ взятокъ и даже не зналъ о всѣхъ продѣлкахъ своихъ подчиненныхъ, но канцелярія его и агенты съ неудержимой жадностью предавались взяточничеству. Уѣзды и прежде платили порядочную дань Воронежу, теперь имъ приходилось удовлетворять еще и Рязань.

Гнетъ Балашевскій всего меньше ложился на чиновниковъ, которыхъ, пожалуй, и не лишнее было бы поприжать, чтобы они меньше прижимали другихъ. Больше всего тягостей выпадало на городскихъ обывателей. Ихъ безпрестанно облагали новыми налогами, шедшими будто бы „на украшеніе селъ и городовъ“. Иногда и на самомъ дѣлѣ кое-что дѣлалось съ этой цѣлью, но только для глазъ, и въ такихъ случаяхъ обыкновенно подгонялось

ко времени пріѣзда какого-нибудь важнаго лица. Но что кры-лось за этимъ наружнымъ „благолѣпіемъ“ — о томъ никто не заботился.

Получалось, напримѣръ, извѣстіе, что вотъ тогда-то, по такому-то тракту должна проѣхать высокая особа. Тамъ мостъ едва держался. Чинить его сгонялись цѣлыя села. Мостъ воздви-гался на славу. Особа проѣзжала и хвалила, а мостъ, вслѣдъ за оказанною ему честью, немедленно проваливался.

Послѣ войны двѣнадцатаго года у нашихъ администраторовъ явилась манія подражать нѣмецкимъ порядкамъ—конечно, только съ внѣшней стороны тоже. Такъ, напримѣръ, большіе почтовые тракты стали у насъ, по примѣру германскихъ дорогъ, обсажи-ваться деревьями. Но тѣмъ, которымъ приходилось ѣздить по проселкамъ, попрежнему предоставлялось тонуть въ грязи и ломать себѣ шеи и экипажи. Пустыри въ городахъ обносились красивыми заборами, съ обозначеніемъ номеровъ будто бы строя-щихся домовъ, которыхъ некому и не на что было строить.

Самъ Балашевъ то и дѣло разъѣзжалъ по своему вилайету— виноватъ, по своимъ губерніямъ. Въ Петербургѣ это, должно быть, принималось за доказательство его дѣятельности и ревност-наго и полезнаго служенія.... За что принимали это под-властныя ему губерніи—другой вопросъ. При въѣздѣ въ реви-зуемый городъ его первой задачей было задать какъ можно больше страху. Особенно доставалось городскому головѣ: ему приходи-лось отвѣчать за то, что въ городѣ не было тротуаровъ, мосто-выхъ, каменныхъ гостинныхъ дворовъ, деревъ вдоль улицъ — однимъ словомъ, всего того, чѣмъ генералъ-губернаторъ любо-вался за границей. Покривившіяся лачуги, съ заклеенными бу-магой окнами, камышевыя и соломенныя крыши на деревянныхъ строеніяхъ, немощеныя улицы, все это оскорбляло въ немъ чувство изящнаго. Онъ не давалъ себѣ труда вникать въ причины такихъ явленій, но, съ бюрократическою сухостью, относилъ ихъ къ раз-ряду безпорядковъ, устранимыхъ полицейскими мѣрами. Что у города нѣтъ средствъ, что обыватели чуть не умираютъ съ го-лоду—все это такія мелочи, о которыхъ высокому сановнику было не въ домекъ.

Уѣзжая, онъ отдавалъ полиціи строгій приказъ все испра-вить къ его слѣдующему пріѣзду, то есть воздвигнуть тротуары,

каменные рынки и т. д. Городской голова почесывалъ затылокъ, городничій покрикивалъ на десятскихъ, тѣ сновали по домамъ, понуждая жителей озаботиться украшеніемъ города. Но проходило нѣсколько недѣль, все успокоивалось и оставалось по старому. Теперь ничто подобное невозможно, но о Балашевѣ помнятъ всѣ губерніи, гдѣ онъ властвовалъ со своей знаменитой канцеляріей.

Говоря объ острогожскомъ обществѣ, нельзя обойти молчаніемъ его духовенство. Въ мое время оно тамъ, поистинѣ, стояло на высотѣ своего призванія. Въ городѣ считалось восемь каменныхъ церквей. Соборная, красивой архитектуры, хвалилась хорошими образами работы извѣстныхъ академиковъ. Причты церковные пользовались приличнымъ содержаніемъ, что позволяло имъ держать себя съ достоинствомъ.

Изъ священниковъ особенно выдавались отцы: Симеонъ Сцепинскій, Михаилъ Подзорскій, Петръ Лебединскій... Первые два значительно превышали обычный уровень у насъ духовенства и могли бы занять почетное мѣсто въ какомъ угодно образованномъ обществѣ. Оба, между прочимъ, обладали рѣдкимъ даромъ слова. Проповѣди ихъ, особенно Подзорскаго, привлекали массу слушателей. Въ пріемахъ ихъ, при отправленіи требъ и при богослуженіи, вообще не было ничего семинарскаго. Оба къ тому же имѣли привлекательную наружность. Фигура Сцепинскаго поражала благородствомъ, даже величіемъ. Лицо его, съ крупнымъ римскимъ носомъ, дышало умомъ, а манеры привѣтливостью. Никогда и послѣ не встрѣчалъ я духовнаго лица, которое производило бы болѣе выгодное впечатлѣніе. Онъ былъ не только уменъ, но и многосторонне образованъ и начитанъ, слѣдилъ за наукой и литературой. Подзорскій и въ этомъ отъ него не отставалъ.

Сцепинскій кончилъ курсъ въ петербургской духовной академіи, зналъ Сперанскаго и могъ бы достигнуть высшихъ духовныхъ степеней, если-бъ согласился, какъ его склоняли, принять монашество. Но его влекла обратно на родину любовь къ ней, а можетъ быть и какія нибудь другія юношескія стремленія.

Въ Острогожскѣ Сцепинскій скоро достигъ первенствующей роли: онъ былъ сдѣланъ благочиннымъ. Его осыпали почестями и наградами: онъ имѣлъ золотой наперсный крестъ, камилавку,

набедренникъ и даже—рѣдкое среди бѣлаго духовенства отличіе—посохъ. Впослѣдствіи онъ получилъ еще орденъ св. Анны. Казалось, его поняли и оцѣнили. Но дорого заплатилъ потомъ бѣдный отецъ Симеонъ за всѣ эти первоначальные успѣхи.

У епископа воронежскаго Антонія, о которомъ говорено выше, былъ братъ, Николай, тоже священникъ, но недостойнѣйшій изъ всѣхъ носителей этого сана. Онъ не былъ ни плутъ, ни злой человѣкъ, но горькій пьяница и велъ себя непристойно. Его-то, этого безчиннѣйшаго изъ смертныхъ, вздумалъ Антоній сдѣлать благочиннымъ въ Острогожскѣ, спихнувъ предварительно съ мѣста Сцепинскаго. И таковъ былъ, въ тѣ времена, произволъ архіерейской власти, что Антоній могъ сдѣлать это безнаказанно.

Городъ, правда, былъ пораженъ, протестовалъ, дѣлалъ въ пользу Сцепинскаго демонстраціи, но это ни къ чему не повело. Безпутный Николай Соколовъ нѣсколько лѣтъ оставался благочиннымъ, на соблазнъ своей паствы и на позоръ самому себѣ. О немъ ходило много анекдотовъ, разсказывали выходки, которыя показались бы неприличными и въ человѣкѣ свѣтскомъ. Много шума, между прочимъ, надѣлалъ эпизодъ съ крестьянкой, которая, за непрошенныя любезности, сняла съ ноги башмакъ и отдула имъ батюшку по щекамъ.

Отецъ Николай не одинъ веселился. У него былъ товарищъ или, вѣрнѣе, менторъ, въ лицѣ дьячка, Андрюшки. Послѣдній оставался трезвъ, когда отецъ Николай напивался, и въ такихъ случаяхъ расправлялся съ нимъ попросту. Если батюшка начиналъ буянить, онъ его безцеремонно укрощалъ побоями.

Но какъ могло относительно развитое острогожское общество такъ долго терпѣть среди своего чиннаго и степеннаго духовенства этого безпутнаго гуляку? Къ сожалѣнію, у насъ часто такъ: погорячатся, пошумятъ и въ заключеніе ко всему привыкнутъ. О Симеонѣ Сцепинскомъ сожалѣли, даже отваживались ходатайствовать за него, дѣлали отцу Николаю разныя каверзы, но въ заключеніе устали сожалѣть, перестали возмущаться и уже безъ злобы продолжали только при случаѣ глумиться надъ недостойнымъ попомъ.

За то на самого Сцепинскаго нанесенное ему оскорбленіе произвело неизгладимое впечатлѣніе и гибельно отразилось на его здоровьѣ. Лѣтъ пятнадцать спустя, когда я былъ уже въ

Петербургѣ, ему, пожалуй, и вернули съ избыткомъ все, что передъ тѣмъ отняли. Антоній умеръ, Николай былъ отрѣшенъ отъ должности благочиннаго, а Специнскій въ ней возстановленъ. Но ни силъ, ни здоровья ему уже не могли вернуть: онъ умеръ пять лѣтъ спустя, всего пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Острогожскъ и внѣшнимъ видомъ превосходилъ большинство тогдашнихъ уѣздныхъ городовъ. Онъ, правда, никогда не отличался живописною мѣстностью. Расположенный на слегка возвышенномъ берегу Тихой Сосны, онъ окруженъ болотомъ, сплошь поросшимъ тростникомъ. Не знаю какъ теперь, но въ былое время изъ него дѣлали полезное употребленіе: онъ, за недостаткомъ лѣса, шелъ на топливо и на покрышку домовъ. Городокъ, съ двумя пригородными слободами, Лушковскою и Песками, раскидывался довольно широко. Его прорѣзывали прямыя улицы, обстроенныя довольно опрятными деревянными и отчасти каменными домами — у болѣе богатыхъ не безъ претензій на изящество, въ видѣ болѣе или менѣе удачныхъ архитектурныхъ затѣй. По крайней мѣрѣ, такъ было до пожара, который въ 1822 году истребилъ двѣ трети города.

Да, въ мое время Острогожскъ, дѣйствительно, имѣлъ привлекательный видъ, но—увы! только въ хорошую зимнюю или лѣтнюю пору. Осенью и весной за то этотъ чистенькій, веселенькій городокъ буквально утопалъ въ грязи. Его немощеныя улицы становились непроходимыми: среди нихъ, какъ въ мѣсивѣ, барахтались пѣшеходы и завязали волы съ возами. Не мало было у насъ толковъ о сооруженіи мостовой. По этому поводу даже затѣялась переписка съ губернскими властями. Дума ассигновала нужныя деньги. Переписка тянулась годы, а отъ денегъ скоро и слѣдъ простылъ. Городъ тѣмъ временемъ выгорѣлъ и дѣло о мостовой кануло въ вѣчность: ея тамъ и по сихъ поръ нѣтъ. Да теперь Острогожску и не до мостовой. Онъ очень обѣднѣлъ, его умственный уровень понизился и онъ больше ничѣмъ не отличается отъ самыхъ заурядныхъ уѣздныхъ городовъ нашихъ.

Не веселое было мое вступленіе въ Острогожскъ. Я явился туда, потерпѣвъ крушеніе въ завѣтномъ моемъ желаніи, а семью мою засталъ матеріально раззоренною и нравственно убитою. Отецъ былъ мраченъ. Дѣло, на которое онъ разсчитывалъ, не состоялось. Онъ оставался безъ заработка и семья его бѣдствовала.

Кромѣ того онъ носилъ въ сердцѣ глубокую рану — страсть къ Юліи Татарчуковой. Эта романическая страсть была для него источникомъ невыразимыхъ мукъ. Даже у матери моей не хватало духу его порицать. Она ему сострадала и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ старалась его утѣшать.

Непосильнымъ бременемъ оказывалась еще и тяжба съ Берягой; она требовала постоянныхъ заботъ, напряженной дѣятельности. справокъ съ законами и непрерывнаго писанья бумагъ. Изъ острой, потрясающей тревоги она превратилась въ хроническое безпокойство, поглощавшее и время, и трудъ. Нужды семьи тѣмъ временемъ росли: она въ мое отсутствіе увеличилась новымъ членомъ—сестрой Надеждою.

У отца, что называется, руки опустились. Ему лишь изрѣдка удавалось что-нибудь зарабатывать въ тѣхъ случаяхъ, когда ему заказывали настрочить прошеніе въ судъ или заготовить какой-нибудь актъ. Ничтожная плата мгновенно поглощалась той или другой неотъемлемой нуждой.

Неудачи, неудовлетворенная страсть отца дѣлали его все раздражительнѣе и онъ подъ часъ жестоко срывалъ на домашнихъ накипавшія у него въ сердцѣ тоску и досаду. Весьма вѣроятно, что тревожное состояніе духа, притупляя его проницательность и невольно отражаясь на сношеніяхъ съ людьми, и было главной причиной, почему отецъ за это время не могъ пристроиться ни къ какому дѣлу.

Не знаю, что сталось бы со всѣми нами, какъ пережили бы мы это тяжелое время, если-бъ не мужество нашей матери и не ея великодушное отношеніе къ своему удрученному мужу. Видя его изнемогающимъ, она приняла на свои женскія плечи и ту часть обязанностей въ семьѣ, которая, по общему ходу вещей, выпадала на его долю, а именно взяла на себя заботу о дневномъ пропитаніи. Она воспользовалась довѣріемъ къ себѣ всѣхъ знавшихъ ее, и стала предлагать себя въ посредницы тамъ, гдѣ нуждались въ куплѣ или продажѣ подержанныхъ вещей. Ея безусловная честность была хорошо извѣстна въ городѣ и ей охотно поручали такого рода дѣла. Вознагражденіе, какое она получала за свой комиссіонерскій трудъ, и было долгое время главной, если не единственной, доходной статьей у насъ.

Я былъ крайне пораженъ видомъ нашей бѣдности. Она во

всемъ проглядывала: въ тѣсномъ помѣщеніи, въ убогой одеждѣ, въ неусыпномъ трудѣ матери, которая проводила дни въ странствованіи по городу съ товаромъ, а ночью въ починкѣ дѣтскихъ рубищъ при тускломъ мерцаніи каганца.

Мною овладѣло страстное желаніе помочь ей. Но что могъ я сдѣлать? Быть у нея на посылкахъ, рубить за нее дрова и таскать воду на кухню? Въ этомъ я и упражнялся исправно, но ни ея, ни наше общее благосостояніе отъ того не увеличивалось. Отцу предлагали опредѣлить меня куда-то сельскимъ писаремъ. Я и на то былъ готовъ, но отецъ не согласился. Онъ, не безъ основанія, боялся, чтобы я тамъ не заглохъ умственно и не былъ навсегда оторванъ отъ будущности, въ которую онъ, вопреки обстоятельствамъ, упорно продолжалъ вѣрить для меня.

Въ заключеніе насъ выручило нѣчто просто невѣроятное: мнѣ, четырнадцатилѣтнему мальчику, систематически прошедшему лишь курсъ уѣзднаго училища, предложены были уроки! Положимъ, чтеніе—въ послѣднее время менѣе безпорядочное и болѣе серьезное—значительно расширило кругъ моихъ познаній. Но познанія эти, не пройдя черезъ горнило благотворной школьной рутины и не провѣренныя оффиціальнымъ испытаніемъ, давали мнѣ мало нравственнаго и никакого матеріальнаго права за учительскую дѣятельность, особенно тамъ, гдѣ не было недостатка въ болѣе зрѣлыхъ педагогахъ съ вполнѣ узаконеннымъ положеніемъ.

Успѣхъ мой въ данномъ случаѣ можетъ быть объясненъ только духомъ оппозиціи, вообще сильномъ въ острогожскомъ обществѣ и который, вызывая недовѣріе къ правительственнымъ учрежденіямъ, заставлялъ избѣгать и оффиціальныхъ учителей.

Въ Острогожскѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ ему городахъ, было уѣздное училище и даже относительно хорошо обставленное, то есть въ числѣ его преподавателей не было ни пьяницъ, ни круглыхъ невѣждъ. Но ученье тамъ шло изъ рукъ вонъ плохо. Поглощеннымъ борьбой за существованіе учителямъ было не до выработки раціональныхъ системъ обученія. Они ограничивались исполненіемъ самыхъ необходимыхъ требованій своего званія и по совѣсти ихъ нельзя было корить за то.

Странно, что состоятельная часть острогожскаго населенія, вообще чуткая къ общественнымъ нуждамъ и въ другихъ слу-

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Иринѣ Дмитріевнѣ Полторацкой

отъ сочинителя.

Пѣвцомъ невинности, любви и красоты
Назвалъ меня поэтъ, къ стихамъ моимъ пристрастной.
Когда-бъ владѣлъ его я лирой сладкогласной,
Когда-бъ моихъ стиховъ была предметомъ ты—
Я пѣлъ-бы, все забывъ, однимъ собой счастливой,
И былъ-бы нарѣченъ отъ славы справедливой:
Пѣвцомъ невинности, любви и красоты.

Примѣчаніе. Это неизданное доселѣ стихотвореніе передано здѣсь съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника; оно собственноручно написано В. А. Жуковскимъ, на оборотной сторонѣ переплета перваго тома полнаго собранія его стихотвореній (Спб., 1815 г.), поднесеннаго имъ И. Д. Полторацкой, внука которой (родственница моя по женѣ) Марья Дмитріевна Колокольцова, урожденная Дьякова, передала это стихотвореніе въ мое распоряженіе, сообщивъ при этомъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія о своей бабушкѣ. Ирина Дмитріевна Полторацкая, дочь Дмитрія Марковича Полторацкаго и родная сестра извѣстнаго Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, вышла замужъ около 1817 года за полковника Алексѣя Николаевича Дьякова и умерла еще въ молодыхъ годахъ, приблизительно около 1824 года.

Сообщ. Е. А. Пушкинъ.

Тверь.
1888 года.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ ВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ

въ 1827 г.

А. С. Пушкинъ не одинъ разъ былъ въ Тверской губерніи. Нѣсколько разъ проѣзжалъ онъ черезъ нее во время своихъ поѣздокъ по Россіи, — разъ ночевалъ онъ при этомъ въ самой Твери [1]), провелъ одну ночь въ Торжкѣ [2]) и пробылъ нѣсколько дней въ Старицѣ и очевидно довольно хорошо познакомился съ удобствами и неудобствами путешествія по Тверской губерніи, что и выразилось въ его стихотворномъ письмѣ С. А. Соболевскому.

Здѣсь мы читаемъ:

У Гальони иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари [3]).

---

[1]) Пушк., издан. Лит. фонда, т. VII, стр. 399.

[2]) Ibid., VII, 317.

[3]) Итальянецъ Гальони, правильнѣе Гальяни, имѣлъ въ то время въ Твери ресторанъ или гостинницу, которая и считалась тогда лучшею. Въ ней и останавливались обыкновенно болѣе состоятельные проѣзжающіе. По этому ресторану въ Твери и доселѣ называется Гальянова улица, на лѣвомъ углу которой, рядомъ съ Мироносицкой улицей, и стоялъ этотъ ресторанъ. Здѣсь-то неоднократно бывалъ и Пушкинъ, и здѣсь-то когда нибудь онъ и ѣлъ эти такъ запомнившіеся ему „съ пармезаномъ макарони", какъ онъ называетъ ихъ, очевидно передразнивая иностранное произношеніе хозяина ресторана. Одна современница Пушкина, съ которой познакомилъ насъ А. К. Жизневскій, передавала намъ недавно, что однажды ея мужъ, тогда еще молодой человѣкъ 16-ти лѣтъ, встрѣтилъ здѣсь Пушкина и разсказывалъ объ этомъ такъ:

„Я сейчасъ видѣлъ Пушкина. Онъ сидитъ у Гальяни на окнѣ, поджавъ ноги, и глотаетъ персики. Какъ онъ напомнилъ мнѣ обезьяну!" Любопытно, какъ быстро интеллигентный подростокъ того времени старался отыскать въ Пушкинѣ обезьяну! В. К.

На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ,
Жареныхъ котлетъ отвѣдай [1])
И отправься налегкѣ.

Къ этому добавляетъ: на каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку; такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе [2]).

Кромѣ этихъ краткихъ побывокъ въ Тверской губерніи, мимолетныя впечатлѣнія отъ которыхъ Пушкинъ и выразилъ въ этомъ шутливомъ стихотвореніи, онъ два раза проживалъ въ Тверской губерніи по нѣскольку недѣль. Изъ этихъ его пребываній въ Тверской губерніи по письмамъ его и другимъ источникамъ доселѣ извѣстно одно продолжительное пребываніе его въ Малинникахъ, помѣщичьемъ имѣніи Старицкаго уѣзда близь села Бернова. Это было въ 1828 году и на этотъ разъ онъ провелъ здѣсь конецъ октября и весь ноябрь, а можетъ быть и болѣе, что ясно видно изъ датъ его писемъ [3]). Въ это время и случилась съ нимъ здѣсь исторія, такъ мастерски и весело разсказанная имъ въ письмѣ къ барону Дельвигу [4]). Это свое пребываніе въ Тверской губерніи нашъ геніальный поэтъ ознаменовалъ нѣсколькими своими твореніями. Въ Малинникахъ въ это время онъ написалъ Посвященіе Полтавы, кончилъ VII пѣснь Онѣгина, написалъ Анчаръ, Опричникъ, Утопленникъ, Конрадъ Валленродъ, Подражаніе Анакреону и др. менѣе значи-

---

[1]) Пожарская содержала въ то время гостинницу или постоялый дворъ въ Торжкѣ и славилась своимъ искусствомъ готовить особенно вкусныя котлеты. Ея рецептъ котлетъ встрѣчается въ старинныхъ кулинарныхъ книгахъ подъ названіемъ котлетъ Пожарскихъ. Разсказываютъ, что ее даже вызывалъ въ Петербургъ императоръ Николай Павловичъ, чтобы она выучила его повара готовить такія котлеты. И у ней не разъ останавливался Пушкинъ, когда проѣзжалъ черезъ Торжокъ. Про одну изъ такихъ остановокъ онъ, впрочемъ, самъ пишетъ въ одномъ изъ писемъ къ своей женѣ: „Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно и теперь отправляюсь“, пишетъ онъ ей въ одномъ письмѣ изъ Торжка. „Въ Торжкѣ толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я, встрѣтя ее, ахнула. А надобно тебѣ знать, что m-lle Pojarsky — ни дать ни взять m-me Gorge, только не много постарѣ“, пишетъ Пушкинъ о Пожарской въ другомъ письмѣ (издан. Лит. фонда, т. VII, стр. 317 и 318).

[2]) Пушкинъ, изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 204—205.

[3]) Ibid., т. VII, 204, 205, 206.

[4]) Ibid., т. VII, стр. 205 и 206. В. К.

тельныя произведенія [1]). Это пребываніе Пушкина въ Малинникахъ оставило въ немъ навсегда самое пріятное воспоминаніе, что онъ и выразилъ въ слѣдующемъ шутливомъ экспромтѣ-двустишіи:

Хоть малиной не кормите,
Но въ Малинники возьмите [2]).

Кромѣ этого продолжительнаго пребыванія его въ Малинникахъ, какъ это видно изъ его писемъ, онъ заѣзжалъ сюда на короткое время въ половинѣ октября 1829 года, при возвращеніи своемъ изъ Арзерума. Въ этотъ разъ онъ былъ и въ сосѣднемъ съ Малинниками сельцѣ Павловскѣ [3]). Въ Павловское заѣзжалъ онъ и въ 1833 году, и провелъ здѣсь на этотъ разъ должно быть нѣсколько дней, — «здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ»—писалъ онъ отсюда въ это время своей женѣ [4]). Всѣ эти заѣзды А. С. Пушкина въ Тверскую губернію, равно какъ и двухнедѣльное пребываніе въ сельцѣ Павловскомъ, о которомъ мнѣ удалось собрать нѣсколько свѣдѣній, связывались съ общеизвѣстной семьей П. А. Осиповой. Первымъ мужемъ ея былъ Николай Ивановичъ Вульфъ. Онъ былъ сынъ Ивана Петровича Вульфъ, очень богатаго помѣщика Тверской губерніи, у котораго кромѣ него были еще дѣти: Павелъ, Иванъ и Петръ. Дѣти послѣ отца раздѣлили наслѣдство и Павелъ Ивановичъ получилъ сельцо Павловское, Иванъ Ивановичъ — Берново, а Малинники достались Николаю Ивановичу [5]). Сюда и заѣзжала иногда Пр. Ал. Осипова, какъ въ принадлежавшую ея дѣтямъ вотчину. Вмѣстѣ съ ней заѣзжалъ сюда и Пушкинъ, находившійся къ этой семьѣ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ. Здѣсь онъ познакомился и съ родственникомъ Осиповой по мужу, Павломъ Иван. Вульфъ, человѣкомъ въ высшей степени добродушнымъ и гуманнымъ. Не смотря на большую разницу лѣтъ, они скоро сошлись, и самъ Пушкинъ въ одномъ

---

[1]) Пушкинъ. Изданіе Лит. фонда. Указ., стр. IX.
[2]) Со словъ современницы Пушкина.
[3]) Сочин. Пушкина въ изданіи Лит. фонда, т. VII, стр. 212 и 213.
[4]) Ibid., т. VII, стр. 318.
[5]) А не Ивану Петровичу, какъ говорится въ примѣчаніяхъ изданія Пушкина Лит. фонда (см. т. VII, стр. 213). Что это имѣніе принадлежало въ это время уже мужу Прасковьи Ал. Осиповой, это видно даже изъ одного письма Пушкина, гдѣ онъ пишетъ: „въ Малинникахъ, вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Прасковьи Александровны Рейхманъ, который потчивалъ меня шнапсомъ (ibid., стр. 318). В. К.

письмѣ своемъ къ женѣ пишетъ о немъ: «пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мнѣ какъ родному».

Къ нему-то, а не къ Эгельстрому, какъ говорится въ примѣчаніяхъ къ изданію Литер. фонда [1]), и заѣзжалъ при каждомъ удобномъ случаѣ Пушкинъ, какъ это ясно видно изъ его писемъ [2]). О двухнедѣльномъ пребываніи А. С. Пушкина въ сельцѣ Павловскѣ

---

[1]) Смотри изд. Лит. фонда, т. VII, стр. 213, 318 и др. Это отчасти видно и изъ самыхъ писемъ Пушкина: „вчера, пишетъ онъ, узнаю съ удовольствіемъ, что поѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу"...

Въ другомъ письмѣ своемъ онъ пишетъ объ этомъ же П. И. Вульфъ: „Павелъ Ивановичъ стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

«Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда-ли, что это очень мило?» (ibid., т. VII, стр. 213). Любопытно, что въ этой послѣдней редакціи Павла Ивановича Вульфъ, съ согласія самого Пушкина, эти стихи и печатаются доселѣ во всѣхъ изданіяхъ Пушкина.

В. К.

[2]) П. И. Эгельстромъ былъ помѣщикъ Тверской губерніи,—имѣніе его было въ селѣ Пречистой Каменкѣ Новоторжскаго уѣзда. Онъ былъ родомъ шведъ, плохо говорилъ по русски, но съ усердіемъ, заслуживающимъ лучшей участи, писалъ, какъ онъ говорилъ, „штыхи" на русскомъ языкѣ. Возлѣ Пречистой Каменки жилъ и другой помѣщикъ Копыловъ, большой зубоскалъ, потѣшавшійся надъ Эгельстромомъ. Эгельстромъ въ одно изъ пребываній А. С. Пушкина въ Тверской губерніи и явился къ нему въ качествѣ собрата по поэзіи, представивъ на его усмотрѣніе произведенія своей музы. Должно быть, при этомъ онъ жаловался на несносныя обиды завистника своего Копылова. По этому-то поводу Пушкинъ и посвятилъ ему свое саркастическое стихотвореніе, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ:

О, Эгельстромъ! я восхищенный
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный,
Блеститъ, какъ солнце въ ясны дни.

. . . .

Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ.
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать свои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья (т. е. отъ смѣха)
О, Эгельстромъ, ты — царь пѣвцовъ!

у Павла Ивановича Вульфъ, пребываніи, неизвѣстномъ, кажется, ни одному изъ біографовъ Пушкина, намъ и удалось собрать нѣсколько небезъинтересныхъ свѣдѣній отъ одной старушки, проживающей въ настоящее время въ Твери, о которой мы узнали совершенно случайно.

Старушка эта—Катерина Евграфовна Синицына, вдова священника Затьмацкой Покровской церкви, имѣющая въ настоящее время 76 лѣтъ отъ роду. Отецъ ея, священникъ Тверской Козьмодемьяновской церкви, Евграфъ Андреевичъ Смирновъ, былъ уроженцемъ села Бернова, вотчины Ивана Петровича Вульфъ, товарищъ дѣтскихъ игръ всѣхъ дѣтей его. Отсюда и возникли теплыя отношенія къ нему и его семьѣ всѣхъ Вульфовъ, все усиливавшіяся еще тѣмъ, что онъ, будучи знатокомъ гражданскихъ законовъ, неоднократно хлопоталъ по ихъ дѣламъ въ тверскихъ судебныхъ мѣстахъ. Поэтому-то по смерти его Павелъ Ивановичъ Вульфъ и предложилъ вдовѣ его отдать ему на воспитаніе 11-лѣтнюю сироту Катерину Евграфовну. Та согласилась. Такъ Катерина Евграфовна и попала въ семью Павла Ивановича Вульфъ. И Павелъ Ивановичъ, и жена его, Фредерика Ивановна, сначала хотѣли воспитать ее какъ барышню, выучить ее языкамъ и т. п., но по совѣту одной барыни ограничились только тѣмъ, что выучили ее читать, писать, немного ариѳметикѣ, Свящ. исторіи и еще кой-чему другому, но относились къ ней всегда съ полною добротою, какъ дочери,—«дочкой своей» неоднократно и называлъ Павелъ Ивановичъ. Пробывъ здѣсь три года, она взята была матерью своею къ себѣ въ Тверь, но иногда ѣздила гостить

Послѣдній стихъ въ первоначальной редакціи, говорятъ, читался иначе, а именно:

О, Эгельстромъ, ты — царь глупцовъ!

Насколько, дѣйствительно, этотъ нашъ мѣстный поэтъ заслуживалъ названія „царя глупцовъ“, видно изъ слѣдующаго двустишія этого „вдохновеннаго сына Феба“, сохраненнаго преданіемъ:

Охъ, ты плѣшивый сатана!
Любитель кушать сметанà.

(Со словъ купца Томилова. Это двустишіе, по его словамъ, написано Эгельстромомъ на своего дворецкаго, котораго онъ засталъ лижущимъ при помощи пальца сметану).

Понятно, что съ этимъ Эгельстромомъ у Пушкина не могло быть и тѣни тѣхъ теплыхъ дружескихъ отношеній, которыя ясно видны изъ тѣхъ мѣстъ его переписки, гдѣ онъ упоминаетъ Павла Ивановича Вульфъ.

къ Павлу Ивановичу въ Павловское, гдѣ и встрѣчала всегда по прежнему самый радушный пріемъ. Въ одно изъ своихъ такихъ пребываній въ Павловскомъ она и столкнулась съ А. С. Пушкинымъ и провела съ нимъ подъ одной кровлей цѣлыя двѣ недѣли.

О впечатлѣніяхъ своихъ отъ этого столкновенія съ А. С. Пушкинымъ она и разсказала намъ, насколько они сохранились въ ея памяти. Я постарался воспроизвести ея разсказъ съ полною его безыскуственностью. Вотъ онъ:

«Въ январѣ 1826 или 1827 года пріѣхала я въ Старицу вмѣстѣ съ семействомъ Павла Ивановича Вульфъ. Тутъ на семейномъ балѣ у тогдашняго старицкаго исправника, Василья Ивановича Вельяшева, женатаго на сестрѣ Павла Ивановича, Натальѣ Ивановнѣ, я и встрѣтила въ первый разъ А. С. Пушкина. Я до этого времени не знала Пушкина и ничего про него не слыхала и не понимала его значенія, но онъ прямо бросился мнѣ въ глаза. Показался онъ мнѣ иностранцемъ, танцуетъ, ходитъ какъ-то по особому, какъ-то особенно легко, какъ будто летаетъ; весь какой-то воздушный съ большими ногтями на рукахъ. «Это не русскій?» спросила я у матери Вельяшева, Катерины Петровны. «Ахъ, матушка! Это Пушкинъ, сочинитель, прекрасные стихи пишетъ», отвѣчала она. Здѣсь мнѣ не пришлось познакомиться съ Александромъ Сергѣевичемъ. Замѣтила я только, что Пушкинъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ постоянно вертѣлись около Катерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая дѣвушка; особенно чудные у ней были глаза. Какъ говорили послѣ, они старались не оставлять ее наединѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфъ, который любилъ влюблять въ себя молоденькихъ барышенъ и мучить ихъ. Чрезъ два дня поѣхали мы въ Павловское. Пріѣхали сюда такъ къ обѣду; слѣдомъ за нами къ вечеру пріѣхалъ и Александръ Сергѣевичъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Николаевичемъ Вульфъ и пробыли въ Павловскѣ двѣ недѣли. Тутъ мы съ Александромъ Сергѣевичемъ сошлись поближе. На другой день сѣли за обѣдъ. Подали картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь столъ: «Ахъ, Боже мой! Клюквенный кисель!»

— «Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ ее поцѣловать», проговорилъ Пушкинъ, вскочивъ со стула.

«Ну, братъ, это ужъ ея дѣло», отвѣчалъ тотъ.

— «Позвольте поцѣловать васъ», обратился онъ ко мнѣ.

«Я не намѣрена цѣловать васъ», отвѣчала я какъ вполнѣ благовоспитанная барышня.

— «Ну, позвольте хоть въ голову», и, взявъ голову руками, пригнулъ и поцѣловалъ.

Прасковья Александровна Осипова, вмѣстѣ съ своей семьей бывшая въ одно время съ Пушкинымъ въ Малинникахъ или Берновѣ, высказала неудовольствіе на то, что тутъ, наравнѣ съ ея дочерьми, вращается въ обществѣ какая-то поповна. «Павелъ Ивановичъ», говорила она, «всѣмъ открываетъ въ своемъ домѣ дорогу, вотъ какую-то поповну поставилъ на одной ногѣ съ нашими дочерьми». Все это говорилось по французски, я ничего и не знала, и только послѣ уже Фредерика Ивановна разсказала мнѣ все это. «Прасковья Александровна осталась очень недовольна», говорила она, между прочимъ, «но спасибо Александру Сергѣевичу, онъ поддержалъ насъ». Когда вслѣдъ за этимъ пошли мы къ обѣду, Александръ Сергѣевичъ предложилъ одну руку мнѣ, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксіи Николаевнѣ, бывшей въ однихъ лѣтахъ со мной; такъ и отвелъ насъ къ столу. За столомъ онъ сѣлъ между нами и угощалъ съ одинаковою ласковостью какъ меня, такъ и ее. Когда вечеромъ начались танцы, то онъ сталъ танцовать съ нами по очереди, — протанцуетъ съ ней, потомъ со мной и т. д. Осипова разсердилась и уѣхала. Евпраксія Николаевна почему-то въ этотъ день ходила съ заплаканными глазами. Можетъ быть и потому, что Александръ Сергѣевичъ послѣ обѣда вынесъ портретъ какой-то женщины и восхвалялъ ее за красоту; всѣ разсматривали его и хвалили. Можетъ быть и это тронуло ее,—она на него всѣ глаза проглядѣла. Вообще Александръ Сергѣевичъ былъ со всѣми всегда ласковъ, привѣтливъ и высшей степени простъ въ обращеніи. Часто вертѣлись мы съ нимъ и не въ урочное время..

«Ну, Катерина Евграфовна, нельзя-ли намъ съ вами для аппетиту протанцовать вальсъ-казакъ».

«Ну, вальсъ-казакъ-то мы съ вами, Катерина Евграфовна, ужъ протанцуемъ», говаривалъ онъ до обѣда или во время обѣда или ужина.

Вставалъ онъ по утрамъ часовъ въ 9 — 10 и прямо въ спальнѣ пилъ кофе, потомъ выходилъ въ общія комнаты, иногда съ книгой въ рукахъ, хотя ни разу не читалъ стиховъ. Послѣ онъ обыкновенно или отправлялся къ сосѣднимъ помѣщикамъ, или, если оставался дома, игралъ съ Павломъ Ивановичемъ въ шахматы. Павла Ивановича онъ за это время самъ и выучилъ играть въ шахматы, раньше онъ не умѣлъ, но только очень скоро тотъ сталъ его обыгрывать. Александръ Сергѣевичъ сильно горячился при этомъ. Однажды онъ даже вскочилъ на стулъ и закричалъ: «ну, развѣ можно такъ обыгрывать учителя?» А Павелъ Ивановичъ начнетъ играть снова, да опять съ первыхъ же ходовъ и обыгрываетъ его. «Никогда не буду

играть съ вами.... это ни на что не похоже».... загорячится обыкновенно при этомъ Пушкинъ.

Много игралъ Пушкинъ также и въ вистъ. По вечерамъ часто угощали Александра Сергѣевича клюквой, которую онъ особенно любилъ. Клюкву съ сахаромъ обыкновенно ставили ему на блюдечкѣ.

Пушкинъ былъ очень красивъ; ротъ у него былъ очень прелестный съ тонко и красиво-очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящіе, густые и кудрявые, какъ у мерлушки, немного только подлиннѣе. Ходилъ онъ въ черномъ сюртукѣ. На туалетъ обращалъ онъ большое вниманіе. Въ комнатѣ, которая служила ему кабинетомъ, у него было множество туалетныхъ принадлежностей, ногточистокъ, разныхъ щеточекъ и т. п.

Павелъ Ивановичъ былъ въ это время много старше его, но отношенія ихъ были добродушныя и искреннія.

— «На Павла Ивановича упади стѣна, онъ не подвинется, право не подвинется» — неоднократно, шутя, говорилъ Пушкинъ. Павелъ Ивановичъ, дѣйствительно, былъ очень добрый, но флегматичный человѣкъ, и Александръ Сергѣевичъ обыкновенно старался расшевелить его и бывалъ въ большомъ восторгѣ, когда это удавалось ему.

Былъ со мной въ это время и такой случай. Одинъ изъ родственниковъ Павла Ивановича пробрался ночью ко мнѣ въ спальню [1]), гдѣ я спала съ одной старушкой-прислугой.

Только просыпаюсь я, у моей кровати стоитъ этотъ молодой человѣкъ на колѣняхъ и голову прижалъ къ моей головѣ....

— «Ай! Что вы»? закричала я въ ужасѣ.

— Молчите, молчите, я сейчасъ уйду, — проговорилъ онъ и ушелъ.

Пушкинъ, узнавъ это, остался особенно доволенъ этимъ и послѣ еще съ бóльшимъ сочувствіемъ относился ко мнѣ.

— «Молодецъ вы, Катерина Евграфовна, онъ думалъ, что ему вездѣ двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то»....— нѣсколько разъ повторялъ Александръ Сергѣевичъ. Задалъ этому молодцу нагоняй и Павелъ Ивановичъ.

— «Ты нанесъ оскорбленіе мнѣ, убирайся изъ моего дома!» — говорилъ онъ ему.

Узналось это такъ. Загадала Фредерика Ивановна мнѣ на картахъ.... «Ты оскорблена, говоритъ, трефовымъ королемъ», я и заплакала и разсказала все.

---

[1]) А. Н. Вульфъ.

Всѣ относились къ Александру Сергѣевичу съ благоговѣніемъ. Всѣ барышни были отъ него безъ ума. Павелъ Ивановичъ считалъ его посѣщеніе за большое удовольствіе и честь для себя. Уѣхалъ Александръ Сергѣевичъ изъ Павловска въ Москву, кажется, и пріѣхалъ сюда оттуда же, и даже въ это время едва-ли не въ Москву же уѣзжалъ онъ на нѣсколько дней».

Кромѣ этого Катерина Евграфовна сообщила еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Марьѣ Васильевнѣ Борисовой, о которой Пушкинъ даетъ такой восторженный отзывъ [1]). «Марья Васильевна Борисова была сирота, дочь помѣщика, близкая моя подруга, нѣсколько постарше только. Была она очень красивая, имѣла выразительные глаза и черные волосы. Воспитана она была просто. Мать ея сильно выпивала.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ встрѣтила я въ Торжкѣ у Львова А. П. Кернъ, уже пожилою женщиною. Тогда мнѣ и сказали, что это героиня Пушкина—Татьяна

...... и всѣхъ выше
И носъ, и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ [2]).

Эти стихи, говорили мнѣ при этомъ, написаны про ея мужа, Керна, который былъ пожилой, когда женился на ней. Анна Николаевна Вульфъ, по моему мнѣнію, не подходитъ къ Татьянѣ, она была уже зрѣлая, здоровая такая, когда я ее видѣла».

Вотъ и все, что разсказала мнѣ названная мною старушка Разсказъ этотъ не сложенъ и не особенно богатъ фактами, но нельзя отказать ему въ томъ, что онъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ подробностей о жизни и характерѣ нашего великаго поэта.

На основаніи этого разсказа должно установить, во-первыхъ, тотъ еще неизвѣстный біографамъ Пушкина фактъ, что Александръ Сергѣевичъ въ январѣ 1827 г. провелъ двѣ недѣли въ сельцѣ Павловскомъ, Тверской губерніи, въ домѣ Павла Ивановича Вульфъ. Старушка, правда, не говоритъ этого съ полною рѣшительностью, но только къ этому выводу и можемъ мы придти на основаніи ея разсказа и

---

[1]) „Марья Васильевна Борисова", —пишетъ Пушкинъ о ней въ своемъ письмѣ А. Н. Вульфъ, „есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ и я намѣренъ на-дняхъ въ нее влюбиться". Соч. Пушкина, изданіе Литер. фонда, т. VII, стр. 204.

[2]) Изд. Литер. фонда, т. III, стр. 388. В. К.

уже имѣющихся готовыхъ данныхъ о Пушкинѣ. Она твердо помнитъ, что былъ Пушкинъ въ сельцѣ Павловскомъ вмѣстѣ съ А. Н. Вульфъ, и, именно въ январѣ, а въ 1828 году онъ съ глубокимъ комизмомъ доноситъ этому Вальмону о положеніи его сердечныхъ исторій. Въ 1829 году Вульфъ тоже не было въ Павловскѣ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и «поповна», наша разскащица, по письму его Вульфъ, была въ это время въ Твери. Онъ называетъ ее тутъ «ваша Кларисса», очевидно, намекая на одинъ изъ разсказанныхъ нами фактовъ [1]). Никогда и послѣ этого Пушкинъ и Вульфъ не съѣзжались вмѣстѣ въ Тверской губерніи, такъ что это пребываніе Пушкина въ сельцѣ Павловскѣ только и могло имѣть мѣсто въ 1827 г., такъ какъ Пушкинъ получилъ право свободнаго выѣзда изъ деревни только въ декабрѣ 1826 года; пріѣхать же въ Павловское безъ разрѣшенія въ январѣ 1826 г., тотчасъ почти послѣ бунта декабристовъ, въ сочувствіи къ которому онъ подозрѣвался, Пушкинъ положительно не могъ. Единственное печатное указаніе на эту поѣздку можно находить въ слѣдующихъ стихахъ его, посвященныхъ Катеринѣ Васильевнѣ Вельяшевой...

> ...... По прежню слѣду
> Въ ваши мирные края
> Чрезъ годъ опять заѣду
> И влюблюсь до ноября.

Это стихотвореніе написано Пушкинымъ между 15 іюня и 3-го октября 1828 г. Этотъ нашъ выводъ, повидимому, противорѣчитъ рѣшительному утвержденію Анненкова, что всю зиму 1827 г. Пушкинъ провелъ въ Москвѣ. Но изъ писемъ Пушкина видно, что онъ и въ этомъ году выѣзжалъ изъ Москвы и былъ во Псковѣ; впрочемъ, и самъ Анненковъ, переставляя даты нѣкоторыхъ писемъ этого года, повидимому, сознавалъ противорѣчіе этого своего утвержденія съ данными переписки [2]).

Общеизвѣстный фактъ, что пребываніе въ деревнѣ имѣло на Пушкина самое плодотворное вліяніе. Здѣсь онъ, утомленный душной атмосферой большаго свѣта, отдыхалъ душой. Здѣсь онъ, какъ Антей, прикасаясь къ нашей общей матери русской землѣ, получалъ новыя силы для своего вдохновеннаго творчества. Нельзя не отмѣтить, что точно такое же вліяніе производило на него и пребываніе въ Тверской губерніи. Окруженный полнымъ и искреннимъ вниманіемъ со

---

[1]) Пушкинъ, изд. Литер. фонда, т. VII, стр. 213.

[2]) Матеріалы для біографіи Пушкина П. В. Анненкова, стр. 166, сравн. изд. Литер. фонда, т. VII, письма, 181—185.

стороны всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, вниманіемъ, доходившимъ иногда до благоговѣнія предъ его личностью и творчествомъ, онъ всегда находился въ самомъ лучшемъ и бодромъ настроеніи духа, что ясно видно изъ его писемъ, писанныхъ изъ Тверской губерніи. Въ нихъ онъ всегда веселъ, остроуменъ и игривъ [1]). Полный сознанія равновѣсія душевныхъ силъ, онъ и въ отношеніи къ другимъ являлся здѣсь всегда гуманнымъ, ласковымъ, добрымъ и предупредительнымъ. Здѣсь не было и тѣни той раздражительности и того ѣдко-безпощаднаго остроумія, которымъ онъ навлекалъ на себя не мало непріятностей, живя въ большихъ городахъ. Неудивительно поэтому, что Александръ Сергѣевичъ показался нашей старушкѣ такимъ красавцемъ,—такимъ онъ и выглядѣлъ обыкновенно, когда бывалъ въ ясномъ и спокойномъ состояніи духа, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и другіе его современники. Все это даетъ намъ возможность яснѣе воспроизвести свѣтлую нравственную физіономію нашего геніальнаго поэта, которая такъ часто потемнялась отъ душевнаго разлада, возникавшаго въ душѣ его, вслѣдствіе болѣе сильнаго

---

[1]) Думаемъ, что читатели съ удовольствіемъ прочтутъ два отрывка изъ прелестнѣйшихъ писемъ А. С. Пушкина и не посѣтуютъ на насъ за помѣщеніе ихъ въ полномъ видѣ. Какою невозмутимою веселостью и какимъ безобиднымъ остроуміемъ дышетъ, наприм., слѣдующее письмо его къ А. Н. Вульфъ:

„Тверской ловеласъ с.-петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ. Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностью. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ. Требуемыя отъ меня поясненія на счетъ вашего петербургскаго поведенія далъ я съ откровенностью и простодушіемъ, отчего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ, напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу" (изд. Литер. фонда, т. VII, стр. 204). Какъ мастерски и весело разсказана также, наприм., слѣдующая исторія: „Надняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованныя ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Макаровичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: „дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку". Дѣти разревѣлись: „не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина". Нечего дѣлать, ихъ повезли и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожанный, совсѣмъ опѣшили". (Изъ письма къ Дельвигу, ibid, стр. 205, 206). В. К.

несоотвѣтствія запросовъ его мощнаго духа съ явленіями свѣтской жизни большихъ городовъ.

Какою добротою и гуманностью проникнуты его отношенія къ нашей разскащицѣ! Какъ умно, чисто по-Пушкински отвѣтилъ онъ на нападки на нее во имя породы со стороны породистой барыни! Такое гуманное отношеніе геніальнаго поэта къ этой сиротѣ, ничтожной съ точки зрѣнія породы, по всей справедливости, заставляетъ призадуматься и вообще надъ упреками Пушкину въ аристократизмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно забывать, что знаменитая въ этомъ отношеніи его «родословная» направлена имъ не противъ низшихъ, а противъ высшихъ, противъ людей, выдававшихся не умомъ и дарованіями, словомъ, противъ потомковъ, «извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ». Не нужно забывать, что рука же Пушкина писала и эти стихи, особенно выразительно характеризующіе его отношеніе къ низшимъ:

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ....
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
. . . .
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря [1]).

Сообщеніе старушки о томъ, что оригиналомъ Татьяны была для поэта Анна Петровна Кернъ, расходится съ общераспространенными, хотя и не установившимися мнѣніями по этому предмету. П. В. Анненковъ видитъ въ Татьянѣ и Ольгѣ отраженіе Анны Николаевны и

[1]) Деревня. Изд. Литер. Фонда, т. I, стр. 2

Евпраксіи Николаевны Вульфъ; другіе указываютъ на какую-то одесскую Татьяну, о которой пишетъ Пушкину Раевскій; за послѣднее время стало распространяться мнѣніе, что прототипомъ Татьяны послужила графиня Воронцова, къ которой Пушкинъ чувствовалъ какое-то особое благоговѣніе. Что касается несложнаго образа Ольги, то мнѣніе Анненкова едва ли не вполнѣ справедливо; по крайней мѣрѣ, оно находитъ себѣ полное подтвержденіе въ экземплярѣ 4-й и 5-й главъ «Евгенія Онѣгина», подаренномъ Пушкинымъ Евпраксіи Николаевнѣ 22 февраля 1828 года съ собственноручной подписью: «Твоя отъ твоихъ» [1]. Находитъ это мнѣніе подтвержденіе себѣ и въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ поэтомъ Евпраксіи Николаевнѣ [2]). Выработка же дивнаго и болѣе сложнаго образа Татьяны несомнѣнно требовала отъ автора и бóльшаго труда, и матеріала. Тайны творчества лучшихъ поэтическихъ образовъ, безъ сомнѣнія, трудно уловимы и едва-ли не навсегда останутся тайною, но, кажется, самое лучшее не стараться пріурочить этотъ въ высшей степени сложный и законченный литературный типъ къ одной опредѣленной личности. Едва-ли поэтъ не совмѣстилъ въ этомъ лучшемъ изъ женскихъ типовъ русской литературы характерныхъ чертъ лучшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ тогдашней русской жизни. Съ этой точки зрѣнія съ полнымъ удобствомъ и вѣроятностію могутъ быть примирены всѣ эти, съ перваго взгляда столь многоразличныя, показанія относительно даннаго предмета. Съ этой точки зрѣнія получаетъ свою долю цѣнности и сообщеніе нашей старушки относительно Анны Петровны Кернъ, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ она является выразительницей мнѣнія объ этомъ предметѣ тогдашняго общества, близко интересовавшагося судьбами и творчествомъ поэта. Судя по прекрасному и прочувствованному стихотворенію Пушкина, посвященному Аннѣ Петровнѣ Кернъ, можно заключить, что оно относится къ плеядѣ лучшихъ женщинъ, возбуждавшихъ въ поэтѣ идеальныя чувства. Говоримъ это, не смотря на то, что г-нъ Незеленовъ чуть не въ цѣлой особой главѣ своего сочиненія силится, по нашему мнѣнію, безуспѣшно, доказать низменность чувства поэта къ этой женщинѣ [3]). Сходство участи Анны Петровны Кернъ, красавицы,

---

[1]) Нужно сказать, что этотъ любопытный фактъ впервые былъ сообщенъ М. И. Семевскимъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г., ноябрь, стр. 71.

[2]) Изд. Литер. фонда, т. I, стр. 346, и II т., стр. 1.

[3]) А. С. Пушкинъ въ его поэзіи, Незеленова, 1882 г., со стр. 233 до конца книги. Для доказательства неправильности воззрѣній г. Незеленова достаточно припомнить два мѣста изъ прочувствованнаго и глубоко-поэтическаго

въ молодыхъ лѣтахъ выданной за пожилаго генерала, съ участью Татьяны просто соблазнительно и едва ли не подтверждаетъ сообщенія старушки, что Анна Петровна Кернъ послужила одной изъ точекъ отправленія для созданія чуднаго образа Татьяны.

Въ заключеніе не можемъ не высказать надежды, что будущее, можетъ быть, подаритъ насъ открытіемъ новыхъ слѣдовъ величайшаго русскаго поэта на Тверской почвѣ. Одно изъ основныхъ свойствъ великихъ людей то, что они проницаютъ величіемъ своего духа едва ли не каждый шагъ своей жизни и въ жизни ихъ, стало быть, нѣтъ мелочи, которая бы не заслуживала нашего вниманія.

Ознакомившись съ подробностями пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Тверской губерніи, мы рѣшились посѣтить самыя мѣста, гдѣ въ не особенно давнія времена бывалъ нашъ великій поэтъ. Побывали мы при этомъ въ Малинникахъ, Павловскомъ и Берновѣ; но немного нашли мы здѣсь слѣдовъ великаго человѣка,—такъ быстро изглаживаетъ ихъ наша жизнь. Въ Малинникахъ цѣлъ еще домъ, въ которомъ гостилъ нѣкогда Александръ Сергѣевичъ. Теперь это помѣстье, за смертію А. Н. Вульфа, принадлежитъ сыну Евпраксіи Николаевны—барону Вревскому. Осмотрѣли мы этотъ

стихотворенія Пушкина къ А. П. Кернъ. Рѣшаюсь привести эти два отрывка изъ этого чуднаго стихотворенія:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный
И снились милыя черты.
. . . .
. . . .
Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Что ни говори, а такъ не пишутъ и такъ не чувствуютъ при одной низменной страсти. В. К.

домъ, въ одной половинѣ котораго живетъ теперь управляющій Вревскаго; намъ не показали при этомъ даже комнаты, которую занималъ нѣкогда А. С. Пушкинъ. Павловское, по смерти умершаго въ бѣдности Павла Ивановича Вульфъ, перешло уже въ третьи руки, и самый домъ, въ которомъ гостилъ нѣкогда А. С. Пушкинъ, представляетъ уже развалину, правда, довольно живописную; очевидно, что недалеко уже время, когда исчезнетъ и этотъ послѣдній свидѣтель пребыванія здѣсь Пушкина. За полгода до нашего пріѣзда сюда умеръ въ Малинникахъ и поваръ Сидоръ, видавшій здѣсь Пушкина и помнившій его.

Нѣсколько не безынтересныхъ свѣдѣній получилъ я только въ селѣ Берновѣ отъ почтеннѣйшаго Николая Ивановича Вульфъ, сына Ивана Ивановича, къ которому мы явились съ рекомендаціей отъ предсѣдателя тверской архивной коммиссіи А. К. Жизневскаго. Николай Ивановичъ неоднократно видалъ А. С. Пушкина въ селѣ Берновѣ, гдѣ онъ не одинъ разъ гостилъ по одному, по два дня, но ему было въ то время только 12 лѣтъ и поэтому только немногое сохранилось въ его памяти.

По его словамъ, А. С. Пушкинъ писалъ свои стихотворенія обыкновенно утромъ, лежа на постели, положивъ бумагу на подогнутыя колѣна. Въ постели же онъ пилъ и кофе. Не одинъ разъ писалъ такъ Александръ Сергѣевичъ тутъ свои произведенія, но никогда не любилъ ихъ читать вслухъ, для другихъ. Однажды мать Николая Ивановича долго и сильно упрашивала Александра Сергѣевича прочесть вслухъ что-нибудь изъ своихъ стиховъ. Послѣ долгихъ отказовъ, Александръ Сергѣевичъ, повидимому, согласился и пошелъ за книгой; придя съ книгой, онъ усѣлся и началъ, къ ея удивленію и разочарованію, читать по стихамъ псалтирь. Не одинъ разъ видалъ Николай Ивановичъ, какъ Пушкинъ большими шагами ходилъ по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая съ своимъ собесѣдникомъ, чаще, впрочемъ, съ собесѣдницей. Сообщилъ онъ мнѣ и преданіе, по которому сюжетъ «Русалки» Пушкину подала судьба дочери одного мельника ихъ имѣнія. По этому преданію дочь этого мельника была влюблена въ одного барскаго камердинера; этого камердинера за какую-то вину баринъ отдалъ въ солдаты, и она съ отчаянія утопилась въ мельничной плотинѣ. Насъ проводили на эту плотину и показали самый омутъ, въ которомъ, по преданію, она утопилась. Дѣйствительно, видъ запущенной, со всѣхъ сторонъ поросшей лѣсомъ, плотины съ глубокимъ бездоннымъ омутомъ среди ея, въ связи съ этимъ преданіемъ о судьбѣ дочери мельника, могъ запасть въ чуткую душу поэта, но за полную достовѣрность этого преданія

все-таки поручиться довольно трудно. Анна Ивановна Вульфъ, о которой Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: Ecce Foemina!—родная сестра Николая Ивановича и, по его словамъ, была очень умная, образованная и симпатичная дѣвушка и при всемъ этомъ красавица.

Благодаря полному радушію и гостепріимству хозяевъ, осмотрѣли мы и замѣчательный садъ, находящійся при помѣстьи Николая Ивановича. Садъ этотъ, раскинутый, какъ говорятъ, на 12 десятинахъ и заключающій въ себѣ немалое число вѣковыхъ деревьевъ, составляетъ, дѣйствительно, лучшее фамильное достояніе. Здѣсь намъ показывали небольшую горку, живописно поросшую разнаго рода деревьями, кѣмъ-то и когда-то прозванную Парнасомъ. Не разъ, вѣроятно, побывалъ на этомъ Парнасѣ и свѣтило нашей поэзіи, А. С. Пушкинъ, и не одинъ, вѣроятно, поэтическій замыселъ вызрѣлъ здѣсь въ его мощномъ духѣ. Нѣсколько поколѣній дворянскихъ, стараясь оставить послѣ себя какой-либо слѣдъ въ этомъ саду, вырѣзало что-либо на многочисленныхъ деревьяхъ этого сада. Мы искали среди этихъ, на половину уже заросшихъ, вырѣзокъ какого-либо слѣда великаго поэта, но нашли только двѣ съ трудомъ разбираемыя строчки, гласящія: «Прости! Какъ страшно это слово!» Кѣмъ и когда были начерчены эти слова, этого намъ никто объяснить не былъ въ состояніи.

Въ помѣстьѣ Нивахъ, принадлежавшихъ нѣкогда Ѳедору Ивановичу Вульфъ, встрѣтили мы одного двороваго человѣка, видавшаго въ Малинникахъ и Тригорскомъ А. С. Пушкина. Но онъ, не смотря на всѣ наши разспросы, сообщилъ намъ очень немного свѣдѣній. «Хорошій былъ баринъ», говорилъ онъ намъ про Пушкина, «рѣдкій человѣкъ... съ Алексѣемъ Николаевичемъ большіе они пріятели были... Любили они посмѣяться... Никого никогда не обижали». Вотъ нѣсколько отрывистыхъ фразъ, сказанныхъ имъ про А. С. Пушкина.

Вотъ и все, что мы могли собрать на мѣстѣ, нѣкогда посѣщенномъ нашимъ великимъ поэтомъ. Хотѣлось намъ пріобрѣсти видъ съ домовъ въ Павловскомъ и Малинникахъ, въ которыхъ не разъ бывалъ Пушкинъ, но, за неумѣньемъ рисовать, намъ пришлось отказаться отъ этого намѣренія.

Преподаватель семинаріи Владиміръ Колосовъ.

———

ВОСПОМИНАНІЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕИСТА

1832—1838 гг.

Особенность стариковской памяти — воспроизводить до мельчайшихъ подробностей обстоятельства и обстановку давно-минувшаго времени, сколько-нибудь напечатлѣвшіяся въ умѣ и воображеніи.

Послѣ выпуска моего изъ лицея, 18 лѣтъ отъ роду, протекло полъ-вѣка и, однако, шесть лѣтъ, проведенныя въ Царскомъ Селѣ, представляются мнѣ до сихъ поръ съ такою живостью и ясностью, какъ будто я только что пережилъ ихъ свѣтлые и смутные дни, ихъ радости и треволненія.

Мои воспоминанія небогаты замѣчательными фактами. Излагая ихъ, я хотѣлъ изобразить жизнь привиллегированнаго, замкнутаго воспитательно-учебнаго заведенія 1830-хъ годовъ, очертить характеристику лицъ, которымъ было ввѣрено воспитаніе и обученіе юношества, дать понятіе о духѣ и направленіи тогдашней учащейся молодежи.

Въ какой степени эта молодежь оправдала возлагавшіяся на нее ожиданія и надежды—вопросъ нелегкій. Вѣдь не всегда и здоровое сѣмя приноситъ могучій плодъ: случается, что молодое растеніе, пересаженное на чуждую почву, окруженное неблагопріятными вѣяньями времени, глохнетъ, лишенное лучей того солнца, которое лелѣяло и оживотворяло его ранніе побѣги.

Ясно и благотворно сіяло намъ это солнце въ садахъ и стѣнахъ лицея. Пусть были мы идеалистами, но самая вѣра въ наши идеалы была уже счастіемъ, какого не найти теперь среди практической, рано начинающей жить молодежи.

Если многія темныя стороны нашей лицейской жизни не могли заглушить вынесеннаго изъ нея лучезарнаго впечатлѣнія, то было же въ ней что-нибудь особенное, было что-то, охватившее душу своимъ поэтически-сладостнымъ обаяніемъ и оставшееся въ благодарной памяти сердца навсегда.

I.

Въ началѣ августа 1832 г. двадцать пять воспитанниковъ 1-й с.-петербургской гимназіи (бывшаго благороднаго пансіона), въ наемныхъ каретахъ и въ сопровожденіи гувернера француза Менюе, были привезены въ Царское Село, для поступленія въ императорскій лицей казенно-коштными. Въ числѣ ихъ былъ и я. Мнѣ было 12 лѣтъ и меня приняли, по экзамену, въ первый, младшій, классъ младшаго курса.

1832 годъ былъ для лицея эпохою преобразованій, едва ли послужившихъ къ его улучшенію: общій голосъ лицейскихъ того времени называлъ годъ нашего поступленія началомъ желѣзнаго вѣка лицея.

Основанный 19-го октября 1811 года императоромъ Александромъ Благословеннымъ, предназначавшійся вначалѣ для воспитанія великихъ князей, помѣщенный въ дворцовомъ зданіи, сообщавшемся галлерееею съ старымъ царскосельскимъ дворцомъ, императорскій лицей былъ, въ полномъ смыслѣ слова, привилегированнымъ заведеніемъ своеобразнаго типа.

Въ жизни воспитательнаго заведенія благородное прошлое, внушающее позднѣйшимъ поколѣніямъ любовь и подражаніе — великое дѣло. Оно составляетъ его внутреннюю силу, служитъ залогомъ будущихъ его успѣховъ, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ усилія и измышленія нашихъ патентованныхъ педагоговъ.

Первыя времена лицея были окружены блистательнымъ ореоломъ. Здѣсь жилъ и учился А. С. Пушкинъ—этого уже было довольно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ числѣ воспитанниковъ 1-го курса, были такія имена, какъ князь А. М. Горчаковъ, Дельвигъ, Илличевскій, баронъ М. А. Корфъ, генералъ Вальховскій, адмиралъ Матюшкинъ, К. К. Данзасъ—другъ и секундантъ Пушкина.

Память о директорѣ лицея, Энгельгардтѣ, чтилась въ лицеѣ съ какимъ-то благоговѣніемъ: преданія о немъ были живы во все время, пока лицей оставался въ Царскомъ Селѣ. Не знаю, какъ теперь. Вообще преданія имѣютъ свойство оставаться крѣпкими землѣ, на которой они возникли, и что тамъ ни говори, а я остаюсь при убѣжденіи, что съ перемѣщеніемъ лицея въ С.-Петербургъ онъ утратилъ для питомцевъ своихъ часть того обаянія, которое составляло его нравственную силу, такъ сказать, нервъ его дѣятельности.

Но и съ внѣшней стороны царскосельскій лицей не походилъ на другія учебно-воспитательныя заведенія. Комплектъ его состоялъ всего изъ 50 воспитанниковъ, раздѣленныхъ на два курса; въ каждомъ курсѣ они оставались по три года. Помѣщеніе было свѣтлое, просторное, почти роскошное, и имѣло характеръ болѣе частнаго дома, чѣмъ казеннаго заведенія. У каждаго изъ воспитанниковъ старшаго курса была своя особая комнатка, классную мебель составляли столы-конторки. Сверхъ сада, прилегающаго къ лицейскому зданію, весь царскосельскій паркъ былъ доступенъ для лицеистовъ и вообще относительная свобода, допускавшаяся въ обыденной ихъ жизни, составляла особенность лицея, не вредившая нравственности его питомцевъ. Отпусками внѣ черты Царскаго Села они въ прежнее время не пользовались, но и эта замкнутость служила имъ въ пользу: удаленные отъ соблазновъ столичной жизни, прежніе лицеисты долѣе сохраняли простоту нравовъ и привычекъ, жили своею особою, семейною жизнью—и не такъ шибко, какъ живутъ теперешніе, петербургскіе. Въ средѣ ихъ выработались элементы прочнаго дружескаго единодушія, примѣрнаго товарищества, соединявшаго ихъ и послѣ выпуска, въ теченіе всей ихъ жизни, выработалась и любовь всѣхъ лицейскихъ къ лицею и къ Царскому Селу, какъ къ родному мѣсту.

При поступленіи моемъ въ лицей, въ 1832 году, многое въ немъ измѣнилось. Еще гораздо ранѣе, именно съ 1825 года — времени подчиненія его военному начальству, онъ отчасти утратилъ свой первоначальный семейный характеръ (съ репутаціей либерализма, которая оставалась за нимъ еще очень долго). Теперь-же, со стороны высшаго начальства, проявилась наклонность къ нивеллированію его съ прочими учебными заведеніями.

Комплектъ воспитанниковъ былъ удвоенъ; вмѣсто двухъ курсовъ организованы 4 класса, изъ которыхъ два составили младшій и два—старшій курсъ. Отдѣльныя комнатки старшаго курса были уничтожены („Зачѣмъ эти стойла?"—выразилось о нихъ высшее начальство), спальни для всѣхъ устроены одинаково, по казенному образцу всѣхъ прочихъ заведеній. Затѣмъ два класса младшаго курса были помѣщены въ нижнемъ этажѣ, въ въ тѣсныхъ и невысокихъ комнатахъ, съ мебелью на подобіе гимназической и съ гораздо меньшими противъ прежняго удобствами. Курсъ ученія въ каждомъ классѣ долженъ былъ продолжаться 1½ года и выпуски происходить уже не черезъ 3 года, какъ прежде, а также черезъ каждые полтора года.

О всѣхъ этихъ перемѣнахъ скорбѣли и старшіе, и мы, вновь поступившіе товарищи-гимназисты. Въ нашу среду вторгнулась цѣлая масса новичковъ своекоштныхъ, съ которыми мы сошлись не сразу, потому что они, поступивъ прямо изъ своихъ семействъ, принесли съ собою самыя разнохарактерныя понятія и привычки.

Тѣмъ не менѣе, первыя впечатлѣнія наши въ лицеѣ были самыя свѣтлыя. Новая жизнь казалась намъ привольною; мы съ жадностью слушали разсказы о былыхъ лицейскихъ временахъ, о прежнихъ порядкахъ и обычаяхъ, которымъ мы, въ свою очередь, хотѣли слѣдовать неуклонно.

Послѣ пріемныхъ экзаменовъ до начала классныхъ занятій прошло около двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ, мы, предводимые гувернеромъ (какъ тогда называли воспитателей), осматривали великолѣпные парки и дворцы Царскаго Села, предпринимали дальнія прогулки въ Павловскъ, Боболово и прочія окрестности. Все это было для насъ ново, назидательно и поддерживало въ насъ какое-то праздничное настроеніе духа. Собственный лицейскій садъ (его называли оградой) былъ довольно обширенъ и оттѣненъ старыми, широковѣтвистыми деревьями. Въ немъ было намъ довольно дѣла. У каждаго класса былъ въ оградѣ свой садикъ-особнякъ, а старшій курсъ имѣлъ ихъ нѣсколько. Въ своемъ садикѣ мы сажали деревья, а весною—цвѣты; устраивали бесѣдки и дорожки, однимъ словомъ, были полными хозяевами и начальство въ наши распоряженія не вмѣшивалось. Въ передней части сада, подъ тѣнью старыхъ липъ, устроена была деревянная бесѣдка въ формѣ гриба, подъ навѣсомъ которой

обыкновенно засѣдали дежурные гувернеры. Между этимъ грибкомъ и длиннымъ 4-хъ-этажнымъ зданіемъ лицея была расположена широкая и во всю длину дома площадка, усыпанная пескомъ, на которой мы играли въ лапту, чехарду и бары. Сбоку, около досчатаго забора, отдѣлявшаго нашъ садъ отъ двора приходской церкви, подъ густою тѣнью черемухи, лежала почернѣвшая отъ времени гранитная плита, съ вырѣзанною на ней надписью: genio loci. Мы думали сначала, что она положена здѣсь въ память Пушкина, но намъ объяснили потомъ, что надпись говоритъ о безъименномъ, таинственномъ геніи мѣста, какъ бы незримо вѣющемъ надъ лицейской оградой и насъ охраняющемъ. Когда и кѣмъ была сдѣлана надпись и положена здѣсь эта плита—осталось невыясненнымъ, но ей придавалось значеніе, потому что при перемѣщеніи лицея въ С.-Петербургъ и она была перенесена въ садъ Александровскаго лицея.

Отношенія между старшимъ и младшимъ курсами были установлены искони, на основаніи преданій. Младшіе должны были оказывать внѣшніе знаки уваженія къ старшимъ: при встрѣчѣ въ оградѣ, снимать передъ ними фуражку, говорить съ ними не иначе, какъ стоя, и проч. Несоблюденіе этихъ формъ могло имѣть и имѣло не разъ слѣдствіемъ серьезныя непріятности. Далѣе, младшіе не имѣли права входить въ помѣщеніе старшихъ; не могли курить въ оградѣ, такъ какъ куреніе было вообще строго воспрещено, и старшій курсъ присвоилъ себѣ монополію тайнаго куренія, въ виду собственныхъ интересовъ. Почти каждый изъ старшихъ имѣлъ между младшими своего кліента, котораго навѣщалъ въ свободное время и которому поручалъ переписывать записки и лекціи профессоровъ, взамѣнъ чего передавалъ ему, по окончаніи курса, всѣ свои тетради. Такимъ образомъ рукописныя лекціи переходили изъ курса въ курсъ, пока не дѣлались окончательно ветхими и негодными къ употребленію.

Нерѣдко случалось, что посѣщали лицей бывшіе воспитанники прежнихъ курсовъ. Такое посѣщеніе составляло маленькое событіе въ нашей жизни. Обыкновенно, старшіе дѣлали съ гостемъ обходъ всего лицея, чтобъ показать ему новое размѣщеніе классовъ и новые порядки. Весь старшій курсъ слѣдовалъ за нимъ толпою, всегда шумною и веселою, придавая этому шествію

какую-то особую торжественность, какъ бы доказывавшую независимость свою отъ нашихъ дисциплинарныхъ порядковъ, такъ какъ обходъ этотъ случался иногда во время нашихъ вечернихъ занятій. Мы съ любопытствомъ разсматривали пріѣзжаго, всегда имѣвшаго въ нашихъ глазахъ особое обаяніе, какъ представитель лучшихъ временъ лицея, которыя мы называли золотымъ вѣкомъ.

Между старшимъ и младшимъ курсами, при упомянутыхъ выше обоюдныхъ отношеніяхъ, ссоры были немыслимы. Но не разъ случались частныя пререканія и общія ссоры между двумя классами того или другаго курса. Всякая обида, нанесенная товарищу воспитанникомъ другаго класса, считалась общею и близко принималась къ сердцу одноклассниками. Въ такихъ случаяхъ на сходкѣ постановлялось: прекратить всякія сношенія съ классомъ, въ которомъ состоялъ обидчикъ, если послѣдній не принесетъ извиненій. Исключеніе допускалось только для родныхъ братьевъ. Такія ссоры продолжались иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, особенно если предметомъ ихъ было нарушеніе принятыхъ обычаевъ или обоюдныхъ правъ цѣлымъ классомъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то чрезъ нѣкоторое время начинались переговоры о мирѣ. Съ каждой стороны отряжались три депутата-парламентера, которые сходились на нейтральной почвѣ—въ столовой или въ оградѣ—и произносили рѣчи. Почва для соглашенія подготовлялась предварительно и потому миръ заключался безъ особыхъ затрудненій, но иногда при этомъ ставились тѣ или другія обоюдныя условія, для предупрежденія недоразумѣній на будущее время. Если дѣло происходило въ субботу, то на другой день примирившіеся сходились въ кондитерской Друммеля и взаимно угощались, распивая бутылку хереса.

Если кто-либо заслуживалъ негодованіе своего класса какимъ нибудь неблаговиднымъ поступкомъ, роняющимъ достоинство и репутацію товарищей, его наказывали прекращеніемъ всякаго общенія, не говорили съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не раскается, не испроситъ прощенія. Вообще, поддержаніе во всѣхъ случаяхъ достоинства и чести лицея считалось непремѣнною обязанностью каждаго.

Нашъ классъ, въ началѣ учебнаго курса, былъ довольно многочисленъ; большинство училось хорошо, но двѣнадцать

нашихъ товарищей, отчасти по малоспособности, отчасти по лѣности, были слабы по всѣмъ почти предметамъ. Они держались особой кучкой, попадавшейся въ разныхъ шалостяхъ, а потому начальство, чтобъ разъединить ихъ, подчинило каждаго особому надзору одного изъ добропорядочныхъ учениковъ. Такъ какъ я считался однимъ изъ таковыхъ, то и на мою долю досталось наблюденіе за ученіемъ и поведеніемъ, во время классныхъ занятій, за однимъ изъ 12 апостоловъ, какъ мы въ шутку называли ихъ. Его посадили на классной скамьѣ рядомъ со мной; я былъ его репетиторомъ и менторомъ и хотя заботы мои о немъ были не совсѣмъ безуспѣшны, но полюбить его я не могъ. Это былъ Михаилъ Петрашевскій, стяжавшій себѣ впослѣдствіи печальную извѣстность какъ глава революціоннаго общества его имени, сосланный и умершій, кажется, въ ссылкѣ. Впрочемъ, мое менторство продолжалось не долго: Петрашевскій, какъ и прочіе одиннадцать, не былъ переведенъ въ слѣдующій классъ и черезъ годъ или два былъ исключенъ, или взятъ изъ лицея отцомъ — не помню. Онъ не былъ симпатиченъ: не увлекаясь добрыми, веселыми порывами товарищей, онъ выкидывалъ иногда неожиданныя, эксцентрическія штуки, не вызывавшія ни въ комъ изъ насъ даже смѣха, не выказывалъ ни особенныхъ способностей, ни оригинальности ума. Въ головѣ его, уже въ ту пору, начинался какой-то сумбуръ и онъ часто поражалъ меня непослѣдовательностью, нелогичностью своихъ словъ и поступковъ. Держалъ онъ себя неряшливо и неопрятно, ни съ кѣмъ не дружился и вообще не былъ любимъ товарищами, находившими въ немъ мало порядочности. Впослѣдствіи я встрѣчалъ его на улицѣ, въ Петербургѣ, въ какомъ-то невозможномъ, чуть не въ шутовскомъ костюмѣ, и, наконецъ, совершенно потерялъ его изъ виду.

По переходѣ во 2-й классъ число наше уменьшилось: 12 неуспѣшныхъ отпали и мы сплотились дружнѣе, стали работать усерднѣе. Тутъ начали обозначаться наши наклонности: для нѣкоторыхъ это была эпоха первыхъ ребяческихъ кутежей, не всегда сходившихъ съ рукъ благополучно, но большинство увлекалось уже чтеніемъ, поэзіею, литературою. Въ первые полтора года нашей жизни въ лицеѣ чтеніе всякихъ постороннихъ ученію книгъ было запрещено. Излишняя строгость въ этотъ отношеніи

доходила до того, что мы, даже въ свободное время, при появленіи гувернера, прятали подъ столъ романы В.-Скота въ переводѣ Де-Шаплета. Помню, какъ однажды воспитанникъ старшаго курса Александръ Озеровъ (впослѣдствіи русскій посланникъ въ Афинахъ) одолжилъ мнѣ, для прочтенія, «Руслана и Людмилу» Пушкина и какъ гувернеръ конфисковалъ у меня эту книгу, почитая ее вредною, чѣмъ поставилъ меня, въ отношеніи къ Озерову, въ неловкое положеніе. Насилу удалось мнѣ выручить злополучную поэму чрезъ полгода.

Теперь, во 2-мъ классѣ, допущено было чтеніе, но каждая книга должна была проходить чрезъ цензуру инспектора. Это было время появленія драмъ и драматическихъ фантазій Нестора Кукольника: мы восхищались его Торквато-Тассомъ, Роксоланой, Джакобо-Санназаромъ и проч.; въ нашихъ глазахъ онъ былъ поэтомъ первой величины, мало чѣмъ уступавшій Пушкину. Затѣмъ появились стихотворенія Николая Языкова, которыя мы знали наизусть отъ доски до доски; зачитывались мы также сказками казака Луганскаго, повѣстями англійскаго юмориста Маріета, и проч. Въ это же время въ русской литературѣ произошло замѣчательное событіе: появилась первая толстая книжка журнала «Библіотеки для Чтенія». Намъ разрѣшили абонироваться, но каждая книжка доходила до насъ не иначе, какъ чрезъ руки учителя русскаго языка, Ѳлегонта Васильевича Гроздова. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы каждый мѣсяцъ этихъ зеленыхъ книжекъ, съ какою жадностью накидывались на нихъ и поглощали ихъ всецѣло! Въ первомъ же № былъ помѣщенъ «Гусаръ» Пушкина и затѣмъ печатались другія его стихотворенія; на первомъ планѣ выступилъ также самъ издатель Сенковскій, подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса, съ своею повѣстью: «Жизнь женщины въ нѣскольких часахъ» и другими. Мы съ вниманіемъ читали и ученыя его статьи, напримѣръ, Эймундовы саги. Ѳаддей Булгаринъ также участвовалъ въ журналѣ, но и тогда уже читался нами не охотно.

По примѣру прежнихъ курсовъ, мы задумали издавать свой литературный журналъ, для домашняго обихода. Первый ученикъ нашего класса К. С. Веселовскій (нынѣ непремѣнный секретарь академіи наукъ) взялся быть его редакторомъ и переписчикомъ, а я былъ его сотрудникомъ. Журналъ нашъ «Денница» выхо-

дилъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ видѣ толстыхъ тетрадей, писанныхъ мелко и красиво, на отличной бѣлой бумагѣ, съ виньетками, исполненными перомъ, очень изящно, самимъ редакторомъ. Помѣщались въ немъ наши стихи, повѣсти оригинальныя и переводныя, критическія статьи, наша лицейская хроника и смѣшные анекдоты, для разнообразія. Однимъ изъ ревностныхъ участниковъ въ журналѣ былъ А. И. Трофимовъ (впослѣдствіи извѣстный въ С.-Петербургѣ мировой судья). Содержаніе журнала было, конечно, дѣтское, иногда наивное, но кое-гдѣ проглядывалъ и талантъ. Изданіе это, на которомъ мы пробовали наши крылья и въ которомъ не было ничего предосудительнаго или неприличнаго, не могло быть, однако, гласнымъ: начальство строго преслѣдовало всякія литературныя упражненія въ младшемъ курсѣ. Уже подъ конецъ года, когда всѣ 12 номеровъ «Денницы» были подшиты вмѣстѣ и составили довольно толстый томъ, инспекторъ, Андрей Филипповичъ Оболенскій, провѣдалъ о его существованіи, накрылъ кого-то изъ насъ во время чтенія и безжалостно конфисковалъ нашъ журналъ. Это событіе произвело между нами страшный переполохъ; рѣшено было, во что-бы ни стало — правдами или неправдами — добыть обратно нашу «Денницу». Оболенскій имѣлъ неосторожность не спрятать ее подъ замокъ. Воспользовавшись минутою отсутствія его изъ инспекторской комнаты, мы сочли себя въ правѣ взять съ его стола нашу собственность и съ торжествомъ принесли ее въ классъ. Съ тѣхъ поръ наша «Денница» хранилась въ надежномъ мѣстѣ и всѣ попытки инспектора отыскать ее остались напрасными. Она и до сихъ поръ хранится у меня.

Каникулы наши были гораздо короче нынѣшнихъ: съ половины іюня до начала августа. Августъ былъ для насъ самымъ веселымъ мѣсяцемъ къ году: возвращаясь въ лицей изъ отпуска, товарищи встрѣчались другъ съ другомъ, какъ братья, разсказывая о своихъ каникулярныхъ впечатлѣніяхъ. Классныя занятія начинались не вдругъ и мы пока были цѣлые дни на воздухѣ, а конецъ лѣта въ 1834 году былъ особенно тепелъ и пріятенъ. Царское Село оживлялось присутствіемъ двора и маневрами гвардейскаго корпуса, производившимися въ окрестностяхъ. Къ намъ въ ограду часто приходили, для свиданія съ воспитанниками старшаго курса, молодые лейбъ-гусарскіе офицеры и

вносили разнообразіе въ нашу замкнутую жизнь. Между ними былъ и пожилой ротмистръ Ф. В. Ильинъ, приходившій почти каждый день, — некрасивый и простой добрый малый стараго закала, про котораго—можетъ быть для риѳмы—говорили, что онъ—мизогинъ.

Государь Императоръ Николай Павловичъ никогда къ намъ не заглядывалъ. Онъ не долюбливалъ лицея, подозрѣвая въ немъ вольнодумство и помня, можетъ быть, одного изъ прежнихъ питомцевъ его—Кюхельбекера...

Однажды только, въ прекрасный лѣтній вечеръ, по окончаніи маневровъ, проѣзжая верхомъ мимо нашей ограды, шагомъ и во главѣ многочисленной свиты, усталый и запыленный, государь, не останавливаясь, спросилъ, шутя, у толпившихся около желѣзной рѣшетки старшихъ воспитанниковъ: Quomodo vales? Ему хоромъ отвѣчали: Valde bene! Затѣмъ еще спросилъ: Quos editis? и опять хоромъ ему отвѣчали: Supum et carnum!

Великій князь Михаилъ Павловичъ, подъ главнымъ начальствомъ котораго мы состояли (потому, развѣ, что въ прежнія времена изъ лицея выпускали также и въ военную службу), навѣщалъ насъ изрѣдка и мы страшно боялись этого, въ сущности, добраго человѣка — такъ умѣлъ онъ принимать на себя грозный видъ.

Но пора же сказать что-нибудь о нашихъ непосредственныхъ начальникахъ.... я чуть не прибавилъ слова: педагогахъ, но это слово рѣшительно къ нимъ не подходило, развѣ за немногими исключеніями. Директоръ лицея, генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Григорьевичъ Гольдгоеръ, былъ назначенъ на это мѣсто, кажется, съ главною цѣлію — возстановленія строгой военной дисциплины. Онъ далеко не отвѣчалъ нашему представленію объ идеальномъ начальникѣ, какимъ былъ, по преданію, незабвенный Энгельгардтъ. Мы мало знали его: всегда холодный и строгій, онъ нисколько не сближался съ воспитанниками, даже старшаго курса, которые, какъ и мы, не питали къ нему особаго расположенія, а только боялись его и, подъ часъ, подсмѣивались надъ его не совсѣмъ чистымъ русскимъ выговоромъ и незнакомствомъ съ проходимымъ въ лицеѣ курсомъ наукъ. Генералъ былъ силенъ только въ ариѳметикѣ, но этого намъ казалось мало....

Инспекторъ, Андрей Филиповичъ Оболенскій, былъ рѣшительно не любъ всему составу воспитанниковъ. Это былъ безспорно умный и знающій человѣкъ, но въ характерѣ его не было ни прямоты, которая такъ приковываетъ къ себѣ молодежь, ни добродушія, ни благороднаго образа дѣйствій. Постоянно подозрѣвали его въ какихъ-то тайныхъ козняхъ, въ безсердечіи. Я и теперь убѣжденъ, что здраво-педагогическихъ пріемовъ, умѣнья вести дѣло нашего воспитанія въ немъ не было.

Изъ гувернеровъ младшаго курса также не было выдающихся педагоговъ; иностранцы и молодые люди, не получившіе никакой подготовки къ важной должности воспитателя, они не могли помогать намъ и въ классныхъ нашихъ занятіяхъ. Почтенный Цетреусъ, человѣкъ уже пожилой, былъ глубокоуважаемъ и любимъ всѣми, но онъ пробылъ съ нами недолго: его нашли слабымъ и удалили. Но самою крупною личностью былъ гувернеръ 1-го младшаго класса, старикъ Ѳотій Петровичъ Калиничъ, поступившій въ эту должность съ самаго основанія лицея, въ 1811 году. Мы имѣли съ нимъ дѣло только какъ съ учителемъ чистописанія и ему обязано большинство изъ насъ хорошимъ почеркомъ, но значеніе его въ общемъ строѣ лицея было велико. Это былъ человѣкъ стараго закала, съ весьма недостаточнымъ образованіемъ, простой и добродушный; но вслѣдствіе долголѣтняго общенія съ молодежью у него выработалась своеобразная педагогическая рутина; въ немъ, казалось, хранился складъ гувернерскихъ принциповъ всего прошлаго времени. Въ хорошія минуты онъ былъ патріархально ласковъ и шутливъ, особенно съ своими любимцами — лучшими учениками—которыхъ называлъ: буянами и пичужками. Прежде, когда онъ дежурилъ въ старшемъ курсѣ, съ нимъ бывали исторіи, но въ этихъ случаяхъ онъ не терялъ ни присутствія духа, ни своего достоинства: становился въ рѣшительную величественную позу и энергически усмирялъ недовольныхъ.

Съ переходомъ нашимъ, въ августѣ 1835 года, въ 3-й, т. е. въ младшій классъ старшаго курса, насъ перемѣстили во второй этажъ, въ свѣтлыя и просторныя комнаты, но тутъ мы попали въ ежовыя лапы Алексѣя Ивановича Коха. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ холодно-злою, отталкивающею физіономіею, съ лысиною во всю голову, капризный и взбалмошный.

Мы наслѣдовали отъ прежнихъ курсовъ нелюбовь къ нему, граничившую съ ненавистью. Много разсказывали о его эксцентрическихъ выходкахъ, какъ, напримѣръ, однажды, когда выведенные имъ изъ терпѣнія воспитанники хотѣли уйти отъ него въ ограду, а онъ легъ поперекъ двери и закричалъ: „идите чрезъ меня!“

Не долго думая, всѣ, одинъ за другимъ, стали прыгать чрезъ него и эффектный маневръ не удался.

Впрочемъ, у насъ не было съ нимъ крупныхъ исторій, но мы постоянно чувствовали себя подъ гнетомъ этой несимпатичной личности и держали себя съ нимъ на непріязненной ногѣ. Онъ не разъ жаловался на насъ инспектору, который своимъ флегматическимъ голосомъ обращался къ намъ съ увѣщательно-угрожающими рѣчами, но пользы отъ нихъ было мало.

Въ 3-мъ классѣ мы начали изучать законовѣдѣніе: исторію римскаго и затѣмъ исторію русскаго права. Профессоръ этого предмета, баронъ Егоръ Васильевичъ Врангель, былъ типомъ пожилаго, сухопараго нѣмца, къ которому можно было примѣнить поговорку: мягко стелетъ, да жестко спать. Онъ чуть не наизусть зналъ пандекты Юстиніана, но плохо говорилъ по русски, преподавалъ вяло и сухо. Казалось иногда, будто его одолѣваетъ дремота на désинѣ фразы — такъ затруднялся онъ передачей своихъ знаній по русски. Мы едва удерживались отъ смѣха, слыша какъ, напримѣръ, говоря о какомъ-то полудикомъ народѣ, онъ ломанымъ языкомъ произносилъ: „Они одѣвались кожѐю и питались мясою“ и проч.

Чтенія наши стали теперь серьезнѣе; намъ уже выдавали книги изъ казенной лицейской библіотеки, преимущественно историческія; но нельзя умолчать, что библіотека эта пополнялась очень недостаточно и выборъ чтенія былъ въ ней не великъ. Помимо нея, по части беллетристики, мы доставали почти все, что было въ то время выдающагося въ русской литературѣ. Меня особенно занимало чтеніе въ подлинникѣ молодыхъ нѣмецкихъ поэтовъ: Кернера, Уланда, Маттисона, Рюккерта, не говоря уже о Шиллерѣ и Гёте. Съ любовію принялся я переводить стихами послѣднюю сцену, въ тюрьмѣ, изъ 1-й части Фауста, но изданіемъ журнала мы уже не занимались: у насъ было слишкомъ много дѣла.

Въ концѣ 1836 года осуществились, наконецъ, наши давнишнія мечты: мы водворились въ широкомъ и роскошномъ помѣщеніи 3-го этажа, сдѣлались старшими! Переходъ въ 4-й выпускной классъ былъ эпохой въ нашей лицейской жизни. Въ глазахъ остальныхъ классовъ мы были уже студентами и вступили во всѣ права, принадлежавшія намъ въ силу преданій, а чрезъ полгода произошло новое важное для насъ событіе: намъ дали шпаги! Живо помню, съ какимъ ребяческимъ восторгомъ мы въ первый разъ прицѣпили эти, почти игрушечныя, шпаженки. Мы воображали себя не только студентами, но чуть не рыцарями. По этому случаю меня повезли въ Петербургъ на показъ великому князю Михаилу Павловичу. Великій князь, поглядѣвъ на меня и на мое оружіе, улыбнулся—тѣмъ представленіе и кончилось.

Научныя занятія наши имѣли вообще характеръ энциклопедическій: насъ хотѣли научить всему, но такъ какъ времени на это было мало, то, къ сожалѣнію, приходилось хватать вершки, въ ущербъ основательности знанія. Естественныя науки (кромѣ физики и химіи) вполнѣ игнорировались въ лицеѣ, но и безъ нихъ было 18 предметовъ преподаванія. Исторія всеобщая преподавалась крайне неудовлетворительно. Профессоръ Иванъ Кузьмичъ Кайдановъ въ ту пору былъ уже старикомъ и жилъ своей старой репутаціей. Ученикъ Герена, онъ издалъ свой учебникъ, теперь давно забытый, при составленіи котораго широко пользовался исторіею Ансильона, и ограничивался чтеніемъ своей книжки, вставляя иногда свои краткія объясненія. Все это выходило сухо и скучно, вслѣдствіе чего мы занимались этимъ предметомъ вяло и неохотно. Весь курсъ всеобщей исторіи оканчивался у насъ воцареніемъ Людовика XVI; о первой французской революціи мы отъ Кайданова не слышали ни единаго слова!

За то профессоръ русской исторіи Иванъ Петровичъ Шульгинъ заставлялъ насъ работать съ особеннымъ рвеніемъ. Его вѣское, дѣльное изложеніе событій, умѣніе картинно группировать ихъ были уже знакомы намъ съ того времени, когда онъ, преподавая намъ еще въ 3-мъ классѣ географію Россіи, увлекательно излагалъ исторію каждой губерніи отдѣльно. Теперь мы сами составляли лекціи, записывая ихъ съ его словъ и ловя слова его на лету, такъ какъ онъ говорилъ скоро, не останавливаясь. Любимымъ нашимъ предметомъ была политическая

экономія, благодаря таланту и увлекательной рѣчи преподававшаго ее молодаго профессора Игнатія Акинфіевича Ивановскаго. Онъ приходилъ къ намъ съ пустыми руками, но съ богатымъ запасомъ знанія и энергіи; начиналъ обыкновенно тихимъ голосомъ, но съ каждымъ словомъ воодушевлялся все болѣе и болѣе, вскакивалъ съ каѳедры, расхаживалъ по аудиторіи или подходилъ въ упоръ къ нашимъ конторкамъ и какъ будто исключительно обращался то къ одному, то къ другому изъ насъ. Все въ немъ увлекало насъ, возбуждало наше вниманіе и живая пылкая рѣчь, и интересъ содержанія лекціи, и даже оригинальныя модуляціи его голоса. Намъ нравились даже ошибки противъ русскаго языка— полонизмы, иногда портившіе его изложеніе. Онъ былъ изъ числа тѣхъ профессоровъ, которые пріѣзжали къ намъ каждую недѣлю изъ Петербурга, на два или на три дня, и останавливались въ одномъ изъ флигелей лицея. Нерѣдко, послѣ обѣда, мы толпой врывались въ его помѣщеніе, чему онъ бывалъ всегда очень доволенъ, и тутъ начинались у насъ оживленныя бесѣды, отчасти научныя, а иногда и касавшіяся треволненій моря житейскаго, но во всякомъ случаѣ поучительныя.

Профессоръ русской словесности, Петръ Егоровичъ Георгіевскій, былъ оригиналъ, какихъ мало, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, превосходный, правдивый и благородный человѣкъ, за что мы искренно любили и уважали его, и, однако, уважать его, какъ профессора... не могли! Пропитанный до мозга костей семинарскою схоластикою, классикъ старыхъ временъ, онъ могъ понимать только Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Державина; далѣе онъ не шелъ. Пушкинъ былъ въ его глазахъ шалуномъ-романтикомъ, о Гоголѣ онъ не имѣлъ никакого понятія, хотя первыя повѣсти творца „Мертвыхъ Душъ" появились уже въ печати. Его напечатанный уже тогда „Курсъ россійской словесности не могъ, конечно, удовлетворять насъ и возбуждалъ то улыбку, то досаду. Задавая намъ сочиненіе, онъ требовалъ, чтобы мы излагали его не иначе, какъ въ формѣ хріи; если большая или малая посылка были недостаточно ясно оттѣнены и раздѣльны, работа считалась неудачною.

Петръ Егоровичъ носилъ странную прическу: какой-то квадратный парикъ—и имѣлъ привычку пришпоривать себя локтями, приговаривая при этомъ: ну-тесъ. По росписанію часовъ, за его

утреннею лекціею слѣдовала лекція французской литературы, которую преподавалъ профессоръ Жилле. Мы подмѣтили, что каждый годъ позднею осенью, когда выпадалъ первый снѣгъ, Георгіевскій, выходя изъ класса, встрѣчался въ большой актовой залѣ съ M-r Gillé, который, подавая ему при встрѣчѣ руку и торопясь въ аудиторію, говорилъ: „Bonjour, M-r Georgievsky-Zimà!" На это добрѣйшій Петръ Егоровичъ, улыбаясь и пришпоривая себя локтями, неизмѣнно отвѣчалъ: Иверъ! Иверъ! и затѣмъ они расходились.

M-r Gillé былъ старикъ немного сгорбленный, съ тонкими чертами лица, въ родѣ Вольтера, строгій классикъ, изъ эмигрантовъ, говорившій безукоризненно академическимъ языкомъ, игнорировавшій В. Гюго и вообще всѣхъ писателей романтической школы. Нельзя сказать, чтобы онъ съумѣлъ внушить намъ любовь къ псевдо-классической французской литературѣ. Мы, помимо его, усердно знакомились съ новѣйшими французскими писателями, какъ-то: Бальзакомъ, Е. Сю, Альфредомъ де Виньи, В. Гюго и проч. Онъ въ насъ не оставилъ по себѣ особенно яркихъ воспоминаній; за то профессоръ нѣмецкой литературы Олива никогда не изгладится изъ благодарной моей памяти. Это былъ тоже старикъ, но юный сердцемъ энтузіастъ-идеалистъ, съ горячей душой и недюжиннымъ умомъ. Своимъ пламеннымъ, воодушевленнымъ словомъ онъ приводилъ насъ въ поэтическое настроеніе. Благодаря ему, я ближе познакомился съ Шиллеромъ, Гете и Лессингомъ и по его совѣту началъ свой переводъ Эмиліи Галотти Лессинга (оконченный, изданный и поставленный на сцену лѣтъ сорокъ послѣ выпуска моего изъ лицея). Прошлое Оливы — одинокаго и обезображеннаго болѣзнію—было таинственно и загадочно. Ходили о немъ и неблагопріятные слухи, но намъ до нихъ не было никакого дѣла: онъ увлекалъ насъ поэтическою стремительностію своей натуры и самъ увлекался вмѣстѣ съ нами, весь свой вѣкъ оставаясь младенцемъ въ практической жизни.

Жизнь наша въ старшемъ курсѣ оставила въ насъ неизгладимые слѣды: здѣсь вырабатывались наши наклонности и характеры, опредѣлялось направленіе, выяснялись идеалы и тѣ принципы, которымъ слѣдовать мы считали своимъ долгомъ, чтобъ поддержать честь лицея... и опять-таки скажу: основаніемъ

всему хорошему въ насъ служили лицейскія преданія. При этомъ я долженъ, однако, оговориться: много было темныхъ сторонъ и въ насъ самихъ и въ нашей обстановкѣ, но, какъ сказалъ Пушкинъ—«что прошло, то будетъ мило!», все дурное болѣе или менѣе изгладилось изъ моей памяти; осталось одно только свѣтлое, поэтическое воспоминаніе о годахъ моей лицейской затворнической жизни...

Мы жили вообще дружно; корпоративный духъ развился въ насъ особенно въ послѣдніе года пребыванія нашего въ лицеѣ. Жить намъ было удобно: большая актовая зала съ колоннами была нашей рекреаціонною залою; окнами она выходила въ садъ съ одной стороны и на улицу съ другой. Изъ нея прямо былъ входъ въ двѣ отдѣльныя большія камеры для занятій, въ которыхъ у каждаго изъ насъ была отдѣльная конторка. Чрезъ лѣвую камеру входили въ аудиторію — также очень большую свѣтлую комнату, съ окнами на обѣ стороны, какъ и зала. Далѣе слѣдовали физическій кабинетъ и химическая лабораторія. Изъ большой актовой залы вела дверь въ библіотеку—длинную, теплую галлерею, перекинутую чрезъ улицу и служившую сообщеніемъ между зданіемъ лицея и старымъ царскосельскимъ дворцомъ. Чрезъ эту библіотеку мы по воскресеньямъ проходили въ дворцовую церковь, въ которой, въ августѣ и сентябрѣ, присутствовала при литургія вся царская фамилія и пѣли придворные пѣвчіе.

Въ нашемъ IX выпускѣ было всего 18 человѣкъ. При воспоминаніи о моихъ лицейскихъ товарищахъ, мнѣ всегда приходитъ въ голову двустишіе Пушкина:

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко,
Какъ Саади нѣкогда сказалъ....

Дѣйствительно, многихъ изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, другихъ я давно потерялъ изъ виду. На виду всѣхъ стоятъ только двое: Константинъ Степановичъ Веселовскій — непремѣнный секретарь Академіи Наукъ и Николай Карловичъ Гирсъ — министръ иностранныхъ дѣлъ. Изъ послѣдующихъ выпусковъ, одновременно со мною, жили въ стѣнахъ лицея многіе выдающіеся дѣятели и государственные люди: X выпуска — Александръ Васильевичъ Головнинъ и баронъ Александръ Павловичъ Николаи — бывшіе министры народнаго просвѣщенія, и

Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ — бывшій министръ финансовъ; XI выпуска — литераторъ Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ и поэтъ Левъ Александровичъ Мей; XII выпуска—графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой — нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ.

Нашъ знаменитый сатирикъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ поступилъ въ лицей предъ самымъ моимъ выпускомъ.

Въ старшемъ курсѣ мы сблизились съ непосредственными нашими руководителями-гувернерами. Старѣйшій и почтеннѣйшій изъ нихъ былъ Сергѣй Гавриловичъ Чириковъ, состоявшій въ этомъ званіи съ самаго основанія лицея и воспитывавшій Пушкина. Это былъ благороднѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, обладавшій замѣчательнымъ тактомъ, вслѣдствіе чего, не смотря на его стойкость, въ отношеніи между нами не проскользало ни одно недоразумѣніе, не спускалось ни одно темное облачко. Онъ былъ живою хроникою минувшаго лицея и мы осаждали его любопытными разспросами про старину. Прежніе курсы называли его почему-то героемъ сѣвера и писали къ нему посланія въ стихахъ и прозѣ. Онъ съ добродушною снисходительностью отзывался о шаловливыхъ выходкахъ Пушкина, о его сарказмахъ и эпиграмахъ. Не помню, онъ или другой кто разсказывалъ нынѣ общеизвѣстный анекдотъ, что однажды профессоръ Кошанскій задалъ нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ 1-го курса написать стихи на закатъ солнца. (Эти стихотворные опыты обыкновенно прочитывались въ классѣ). Кто-то началъ свое стихотвореніе слѣдующимъ образомъ:

Возсталъ на западѣ блестящій сынъ природы....

Пушкинъ тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста и продолжалъ:

Не знаютъ: спать иль встать смятенные народы.

Затѣмъ—взрывъ смѣха всего класса и самого профессора.

Два другіе наши гувернера представляли собою противоположные типы. Павелъ Петровичъ Гельмерсенъ—высокій, красивый остзеецъ, съ совершенно лысой головой, краснѣвшей, какъ и лицо его, при каждомъ нескромномъ словѣ, отличался сдержанностію и важнымъ видомъ. Такъ какъ онъ постоянно носилъ новый синій вицъ-мундиръ, то мы дали ему кличку: синій домъ

съ красной крышей, но, впрочемъ, всегда уважали и цѣнили его за постоянно ровное, благородное къ намъ отношеніе. Намъ нравился въ немъ типъ вполнѣ порядочнаго человѣка.

Австрійскій подданный Иванъ Егоровичъ Мартини былъ человѣкъ совершенно инаго закала. Чрезвычайно начитанный, много видѣвшій въ жизни, серьезный и образованный, онъ приносилъ намъ большую пользу своею поучительной и разнообразной бесѣдой. На лицѣ его южно-темнаго цвѣта, всегда неизмѣнно-спокойномъ, сквозила неуловимая тѣнь постоянной грусти, о причинахъ которой мы фантазировали, каждый на свой ладъ, объясняя ее разными романтическими исторіями. Нѣкоторые подозрѣвали его въ хитрости, двуличіи, даже въ шпіонствѣ, подъ маскою безукоризненно-любезнаго съ нами обращенія. Я знаю только, что зла онъ намъ никакого не сдѣлалъ.

Гигіеническія условія царскосельскаго лицея были такъ благопріятны, благодаря здоровой мѣстности, что врачу не было у насъ особенно много дѣла. О заразныхъ эпидемическихъ болѣзняхъ (кромѣ кори) не было и помину; тяжелыя формы горячки (названія тифъ еще не существовало) встрѣчались очень рѣдко; о болѣзняхъ сердца мы никогда не слышали. Большею частію, все ограничивалось легкими простудными недугами, да простымъ разстройствомъ желудка.

Нашъ докторъ—Францъ Осиповичъ Пешель,—высокій, полный, среднихъ лѣтъ мужчина—былъ большой весельчакъ, говорунъ и притомъ — философъ. Любимая поговорка его была: nil admirari! Опредѣляя у больнаго febris gastrica, онъ обыкновенно совѣтовалъ быть умѣреннымъ въ пищѣ, приговаривая: non qualitas, sed quantitas!

Не знаю, искусству его или удачѣ, или, скорѣе, здоровому воздуху Царскаго Села, которымъ мы дышали въ окружающихъ насъ садахъ, слѣдуетъ приписать то, что въ продолженіе 6-тилѣтняго моего пребыванія въ лицѣ изъ всего состава его воспитанниковъ выбылъ за смертію только одинъ.

Зима 1837 года была горестно-памятною для царскосельскаго лицея, какъ и для всей Россіи: 29-го января не стало Пушкина!

Для меня, помнящаго этотъ роковой день, впечатлѣніе великой утраты и теперь также сильно и живо, какъ и въ первую минуту.

Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было; вѣсти изъ Петербурга, особенно къ намъ, въ замкнутое заведеніе, доходили медленно. Мы ничего еще не знали о дуэли Пушкина, какъ вдругъ—30-го января—пришла къ намъ громовая вѣсть о его кончинѣ!

Живо помню то пылкое, сильное горе, тотъ взрывъ негодованія противъ Дантеса, которые овладѣли нами, восторженными почитателями поэта, роднаго намъ по лицею; мы считали его своимъ; намъ казалось, что лучи его славы отражаются и на насъ, отдаленныхъ потомкахъ его!

Всѣ будничные интересы нашей мирной жизни были забыты, обычныя занятія и игры прерваны, неизмѣнный порядокъ дня нарушенъ.... и не одинъ, а нѣсколько дней сряду профессора не могли съ нами справиться.

Мы не могли освоиться съ мыслію, что Пушкина нѣтъ въ живыхъ....

Мы просились въ Петербургъ на похороны—намъ отказали наотрѣзъ. Начальство боялось даже ходатайствовать за насъ предъ великимъ княземъ — и не даромъ: стихи Лермонтова на смерть поэта мы уже знали наизусть; при нашемъ возбужденномъ состояніи мы способны были, пожалуй, на уличную манифестацію.

Чрезъ нѣсколько дней пришло извѣстіе, что тѣло Пушкина, въ сопровожденіи А. И. Тургенева и другихъ, промчалось на почтовыхъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, по старой, ухабистой большой дорогѣ, по направленію къ селу Михайловскому, Псковской губерніи, какъ будто при малѣйшей остановкѣ могла произойти какая-то опасность для государственнаго спокойствія [1])!

Мирно доживали мы послѣдній годъ нашей лицейской жизни. Время кутежей миновало, да и не до того намъ было теперь: намъ предстояли весною послѣдніе, публичные экзамены, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе вопроса о нашей будущности.

---

[1]) Въ 1880 году не только представители всей грамотной Россіи, но и массы крестьянскаго населенія собрались въ Москву на открытіе памятника Пушкину. Пишущій эти строки былъ депутатомъ отъ гг. дворянъ Псковской губерніи и свидѣтелемъ небывалаго еще въ Россіи торжества чествованія памяти великаго русскаго поэта. А. Я.

Въ свободное отъ занятій время мы все ближе сходились въ дружескихъ бесѣдахъ, мечтали о предстоящей свободѣ.... жизнь вдали представлялась намъ такою радужною и безконечною!

У насъ были свои курсовыя пѣсни и хоръ нашъ шелъ довольно согласно; подъ конецъ только достали мы положенную на голоса прощальную лицейскую пѣснь Дельвига и стали пѣть предъ выпускомъ:

Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Заключительный куплетъ пѣсни:

Простимся, братья, руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ....

вызывалъ тяжелое чувство: мы покидали тихое, безмятежное счастіе, какого, конечно, не встрѣчали болѣе въ жизни....

Весной 1838 года, предъ нашимъ выпускнымъ экзаменомъ, назначены были испытанія для вновь поступавшихъ. Конкурсъ въ то время былъ не особенно великъ, однако, ежедневно собиралось у насъ много мальчугановъ въ курточкахъ и гимназическихъ мундирахъ, съ ихъ родителями, родственниками и гувернерами. Вся эта публика наполняла, по утрамъ, нашу актовую залу и мѣшала намъ заниматься. Мы уходили кто въ садъ, кто въ спальни, кто въ аудиторію. Такъ продолжалось уже нѣсколько дней, какъ вдругъ—точно громъ изъ яснаго неба—неожиданно стряслась надъ нами бѣда....

Намъ, какъ стоявшимъ подъ высшимъ военнымъ начальствомъ, строго на-строго было запрещено носить длинные волосы. Одинъ изъ моихъ товарищей, де-Бриньи, красивый юноша, живой и юркій, отращивалъ себѣ волосы къ выпуску, думая, что на такую мелочь не будетъ обращено вниманія. Вышло не такъ: инспекторъ замѣтилъ, распекъ его и засадилъ въ карцеръ.

Въ курсѣ поднялась буря. Какъ! Наканунѣ выпуска! Въ карцеръ, какъ школьника! Нѣтъ, это слишкомъ! Броженіе, негодованіе перешли въ шумъ, въ гвалтъ. Мы не помнили себя: наша зала полна постороннихъ, а мы бушуемъ въ сосѣднихъ комнатахъ, требуемъ, чтобы товарища выпустили изъ-подъ ареста.

Инспекторъ, оставаясь въ сторонѣ, выпустилъ, для усмиренія насъ, самого генерала. Мы стояли предъ нимъ, на площадкѣ, предъ лѣстницей, плотной кучкой, и громко, хоромъ, повторяли свое требованіе, не обращая вниманіе на его угрозы и приказаніе замолчать и разойтись. Какъ обыкновенно бываетъ, нѣкоторые выступили впередъ и кричали больше другихъ, обвиняя инспектора и не щадя самого генерала, который, видя, что съ нами не сладить, принужденъ былъ удалиться.

Это отступленіе еще болѣе подняло нашу энергію и сцена вышла очень серьезная. Вслѣдъ затѣмъ мы бросились къ карцеру, ключъ отъ него отняли у служителя и выпустили Де-Бриньи на свободу.

Въ то-же утро директоръ отправился въ Петербургъ, чтобы донести великому князю Михаилу Павловичу о происшествіи. Отрезвившись отъ первой вспышки, мы ясно увидѣли все значеніе и предвидѣли послѣдствія того, что надѣлали; но упадка духа между нами не было: мы были убѣждены, что не могли поступить иначе, и готовились на все худшее. Многіе написали роднымъ въ Петербургъ; между прочими, товарищъ нашъ Юлій Константиновичъ Арсеньевъ написалъ отцу, бывшему тогда преподавателемъ исторіи наслѣдника цесаревича.

Такъ прошло два дня въ мучительномъ ожиданіи. На третій день бывшіе въ саду прибѣжали съ извѣстіемъ: Ростовцевъ пріѣхалъ!

Насъ собрали, подъ вечеръ, въ актовую залу и поставили въ шеренгу. Начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, полковникъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, и нашъ генералъ вошли вмѣстѣ. Мрачное выраженіе лицъ обоихъ не предвѣщало ничего добраго.

Высказавъ намъ нашу тяжкую вину, „Господа!—продолжалъ Ростовцевъ,—съ болящимъ сердцемъ я долженъ вамъ объявить рѣшеніе его высочества: не допуская васъ къ экзамену, троихъ изъ васъ: Леонида Воейкова, Бориса Икскуля и Александра Трофимова опредѣлить въ военную службу рядовыми; остальныхъ выпустить въ гражданскую службу безъ чина, съ званіемъ канцелярскихъ служителей, кромѣ г. Де-Бриньи, котораго, какъ не участвовавшаго въ смутѣ, допустить къ выпускному экзамену

и затѣмъ предоставить ему право на тотъ чинъ, котораго онъ заслуживаетъ по своимъ успѣхамъ и поведенію".

Сентенцію эту мы выслушали въ мрачномъ молчаніи. Минуту спустя, Де-Бриньи выступилъ впередъ и сказалъ:

— „Господинъ полковникъ, позвольте мнѣ раздѣлить участь моихъ товарищей!"

— Я не имѣю права,—отвѣчалъ Ростовцевъ—измѣнять рѣшеніе великаго князя, но доведу до свѣдѣнія его высочества о вашемъ благородномъ поступкѣ. Затѣмъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, онъ сказалъ:

— „Вотъ, господа, до чего довели васъ неуваженіе къ закону, непокорность начальству, необузданность воли! Почтенный вашъ директоръ, убѣленный сѣдинами, отецъ семейства, безпорочно и съ честію прослужившій 40 лѣтъ, долженъ будетъ, благодаря вамъ, лишиться мѣста!"

Эти слова произвели на насъ потрясающее впечатлѣніе: въ насъ произошелъ мгновенный взрывъ состраданія, раскаянія. Не знаю, какъ это случилось, но всѣ мы внезапно, какъ одинъ человѣкъ, бросились къ генералу, окружили его, со слезами просили его прощенія, нѣкоторые даже упали предъ нимъ на колѣни, другіе цѣловали его въ грудь и плакали.

Ростовцевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, смотрѣлъ на эту сцену.

— „Господа!"—вдругъ закричалъ онъ—„подите ко мнѣ! а самъ такъ и плачетъ—„дайте васъ обнять!"—и съ этими словами сталъ горячо обнимать и цѣловать каждаго изъ насъ порознь. „Вы благородные люди!"—продолжалъ онъ—„я обо всемъ разскажу его высочеству, я буду вашимъ ходатаемъ!"

Мы со слезами благодарили этого превосходнаго человѣка, проводили его до коляски и окончили тотъ день утѣшенные, примиренные съ своею совѣстію.

Еще прошелъ мучительный день ожиданія. Мы плохо надѣялись на смягченіе суроваго приговора великаго князя Михаила Павловича, зная о его неумолимой строгости и не зная еще его добраго сердца. Съ судорожнымъ нетерпѣніемъ глядѣли мы на улицу, по которой долженъ былъ проѣхать Ростовцевъ. Наконецъ, раздались крики: ѣдетъ! ѣдетъ! и мы опять выстроились въ актовой залѣ.

Яковъ Ивановичъ вошелъ къ намъ съ сіяющимъ лицемъ и сказалъ намъ, сильно заикаясь:

— „Господа, я доложилъ великому князю о вашихъ благородныхъ чувствахъ и раскаяніи. Его высочество, тронутый ими, приказалъ мнѣ объявить полное прощеніе всѣмъ вамъ безъ различія и допустить васъ къ выпускному экзамену. Желаю вамъ выдержать его блистательно“.

Можно себѣ представить, какой восторгъ овладѣлъ всѣми нами и какъ горячо мы снова благодарили нашего дорогаго ходатая!

До публичнаго экзамена оставалось всего нѣсколько дней; въ продолженіе всей нашей смуты мы не могли, конечно, ни чѣмъ заняться и нужно было наверстать потерянное время. Но тутъ возникъ важный для насъ вопросъ: какъ быть съ сочиненіями? Обыкновенно, къ выпускному экзамену каждый представлялъ сочиненіе изъ любимаго своего предмета и мы придавали этому дѣлу особенную важность, воображая, что присутствующіе на экзаменѣ непремѣнно будутъ читать наши научно-литературные опыты, а потому трудились надъ ними съ любовію и тщательно переписывали ихъ на веленевой бумагѣ. Понятно, что въ пережитые нами тревожные дни намъ было не до сочиненій, а потому многія изъ нихъ такъ и остались не перебѣленными, такъ что пришлось оставить ихъ подъ спудомъ. Со мною же произошла, сверхъ того, неожиданная неудача: вмѣсто сочиненія, я задумалъ представить написанный гекзаметрами переводъ большаго отрывка изъ „Превращеній“ Овидія, подъ заглавіемъ: Нимфа Каллистона. Переводъ мой былъ предварительно исправленъ и одобренъ профессоромъ Георгіевскимъ, но представить его онъ мнѣ не разрѣшилъ, говоря: „слишкомъ соблазнительно, ну-тесъ, и для чтенія высокопоставленныхъ лицъ, во время экзамена, неприлично“. Почтенный Петръ Егоровичъ былъ, можетъ быть, и правъ, но я-то остался не при чемъ!

На нашихъ выпускныхъ экзаменахъ присутствовалъ, въ качествѣ экзаменатора, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ и, помнится, остался нами очень доволенъ. Мы удивлялись его многостороннимъ знаніямъ и обширной памяти; замѣчательно было и то, что сильно заикаясь въ обыкновенномъ разговорѣ, онъ почти освобождался отъ этого недостатка, когда дѣлалъ намъ научные вопросы.

Въ свободные между экзаменами дни начались у насъ новыя хлопоты—на этотъ разъ самыя пріятныя: къ намъ наѣхали изъ Петербурга французы-продавцы разныхъ туалетныхъ мелочей и благовонныхъ товаровъ, сапожники, портные съ предварительно изготовленными уже по нашимъ мѣркамъ платьями. Тутъ были лучшіе мастера: Оливье, Ручъ, Петерсъ и проч. Урывками примѣряли мы синіе и коричневые фраки, съ большими золотыми пуговицами и широчайшими фалдами, и другія принадлежности статскаго костюма. Все было сшито въ обтяжку, сидѣло на насъ отлично, стоило очень дорого и казалось намъ очень красивымъ. Но, главное, какъ при этомъ было намъ весело!!

По окончаніи послѣдняго экзамена (23-го іюня 1838 года), прежде чѣмъ облачиться въ новое статское платье, мы всѣ, 18 товарищей, собрались въ послѣдній разъ въ аудиторію, заперли за собою двери и простились по-братски....

Потомъ, одѣвшись въ новые костюмы, простившись со всѣми, какъ начальниками, такъ и служащими въ лицеѣ, мы переступили чрезъ порогъ его—и, ногъ подъ собою не слыша, направились къ станціи Царскосельской желѣзной дороги, только что открытой для правильнаго движенія.

Въ прелестный лѣтній вечеръ понеслись мы къ Петербургу: это было первое наше путешествіе по рельсамъ. Мы вступали въ жизнь на парахъ, стремились въ даль, не оглядываясь; мы были какъ въ чаду....

Чрезъ три дня всѣ мы собрались въ квартирѣ Якова Ивановича Ростовцева, чтобы еще разъ отъ всего сердца поблагодарить его за спасеніе отъ угрожавшей намъ бѣды.

А. Н. Яхонтовъ.

23-го апрѣля
1888 г.

А. О. СМИРНОВА и Н. В. ГОГОЛЬ.

Письма къ Гоголю Смирновой

1844—1851 гг. [1]).

10-го октября.

Въ воскресенье я вамъ не писала, потому что было представленіе у великой княгини Елены Павловны. Благодаря этой чести, прямо отъ обѣдни я туда отправилась, въ Михайловскій, и забыла Ев. и апост., которыя читали. Сегодня я вамъ отправила книги чрезъ герцога Лейхтенбергскаго [2]). Онъ ѣдетъ на Берлинъ; оставитъ ихъ камер-

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 31—72; іюнь стр. 597—610; т. LIX, іюль, стр. 49—62.

[2]) Онъ упоминается также не разъ въ письмахъ А. А. Иванова къ Гоголю (см. „Современникъ", 1858 г., т. XI) и въ письмѣ Гоголя къ Иванову (см. „Указ. къ письмамъ Гоголя"), отъ 1-го сентября 1843 года. Въ изданіи Кулиша это мѣсто пропущено; въ подлинникѣ оно читается такъ:

„О происшествіяхъ въ Петербургѣ вашихъ академическихъ вы ужъ знаете. Они принимаютъ надлежащій ходъ: лучше Лейхтенбергскаго никого не можно было сдѣлать президентомъ академіи. Она черезъ это получитъ вновь силу Самое умное постановленіе, которое сдѣлалъ Лейхтенбергскій, (NB. отчасти вы этому виною), это то, что художники могутъ брать заказы въ русской церкви", и проч. В. Ш.

Герцогъ Лейхтенберскій уже былъ боленъ тогда; въ 1843 г. онъ съ вел. кн. былъ въ Римѣ, гдѣ мать ихъ видала ежедневно.

Гоголя пригласили на чтеніе къ вел. княгинѣ. Тутъ былъ оченьза бавный случай: у Гоголя не оказалось фрака, у него былъ старый мундиръ. В. А. Перовскій сказалъ ему, что онъ не годится,—слишкомъ старъ. Ханыковъ и мой дядя отправились къ русскимъ художникамъ (Ивановъ былъ приглашенъ на чтеніе самъ); фрака не нашли. Ивановъ обѣжалъ всѣ нѣмецкія мастерскія—pas de frac!.. наконецъ, въ Villa Medici у французовъ нашелся фракъ по росту Гоголя, хотя и немного мѣшковатъ, и его нарядили. Въ 1858 г. Ивановъ еще вспоминалъ о фракѣ со смѣхомъ въ Римѣ. Этотъ анекдотъ долго веселилъ римскія мастерскія и обѣдавшихъ артистовъ (которые всѣ знали Гоголя) у Lepre (ресторанъ бѣдныхъ артистовъ). Гоголь видался у Lepre ежедневно съ нѣмецкими и французскими артистами и итальянцами; его всѣ звали Signor Nicolo, а Иванова—Signor Alessandro.

динеръ у Михаила Михайловича [1]). Въ одномъ пакетѣ два тома Ефрема Сирина и о любви Максима, а въ другомъ двѣ части первыя

Когда, послѣ свадьбы моей матери, она приглашала обѣдать Жуковскаго, онъ въ первый разъ явился въ полномъ облаченіи, т. е. во фракѣ; мать ему замѣтила, что былъ не званный обѣдъ, а просто дружеская трапеза; а отецъ ему сказалъ: „Помилуйте, В. А., развѣ мы для васъ чужіе?“ В. А. отвѣчалъ: „Это такъ слѣдуетъ изъ уваженія къ матронѣ (matrone) — не Матренѣ, а на о: матронѣ—уваженіе къ чепцу“.

Есть записки, въ которыхъ онъ писалъ: „Что сегодня: трапеза или обѣдъ?—т. е. быть ли во фракѣ“. Мать ему отвѣчала всегда: „трапеза“. Въ часъ обѣда являлся В. А. въ сюртукѣ, за нимъ шелъ лакей и несъ фракъ, и онъ, важно подходя къ ручкѣ, говорилъ: „я при фракѣ!“ Это была его любимая шутка [2]). Прочитавъ въ „Мертвыхъ Душахъ“, что Плюшкинъ ходилъ въ юбкѣ (паневѣ), Жуковскій сказалъ Гоголю: „Ты, братецъ мой, это укралъ у меня; вѣдь нашъ юродивый (дурачекъ) Васька ходилъ въ юбкѣ; но я тебѣ этого не говорилъ; какъ же ты это укралъ?“ Гоголь отвѣчалъ: „А. О. мнѣ разсказала про вашего Ваську, — я укралъ его юбку и подарилъ ее Плюшкину“. В. А. обнялъ Гоголя и сказалъ: „Дарю тебѣ ее въ потомственное владѣніе“.

Въ 1843 г. все это записала А. О.; я же въ 1858 г. въ Римѣ слышала отъ Иванова; онъ съ матерью вспоминалъ о Гоголѣ часто, и я все записывала тогда въ своемъ дневникѣ. Все это съ 1866 г. лежало въ ящикѣ въ Англіи,—20 лѣтъ. Мать и я полагали, что этотъ ящикъ украли или что онъ затерялся. Зная, что мать часто жгла части дневника и письма, я также полагала, что многое исчезло въ огнѣ. Тутъ же нашелся и мой дѣтскій дневникъ, Калужскій и Петербургскій, и дневникъ даже до 1866 г.

Отъ m-lle Овербекъ я получила еще подробности о томъ, какъ арестовали Ив. С. Тургенева у насъ; онъ обѣдалъ у насъ съ гр. А. К. Толстымъ (послѣ кончины Гоголя въ 1852 г.). Въ моемъ дневникѣ 1852 г. я нашла подробности и даже разговоры по случаю смерти Гоголя, о его пребываніи у насъ въ деревнѣ лѣтомъ, въ подмосковной отца, въ 1851 г., и арестъ Тургенева, и наше житье бытье въ Москвѣ въ осень 1851 г., прощаніе съ Гоголемъ и проч., и проч....

У меня листки съ замѣчаніями Гоголя, 1843 г., въ Римѣ, напр.: „Что слѣдуетъ А. О. видѣть въ Римѣ. Были въ Колисеѣ (Colysée). А. О. осталась довольна имъ и Forum понравился ей. Отправились въ Петръ (St. Pierre). А. О. нашла, что онъ великъ“.

---

[1]) Въ VI т., стр. 177, читаемъ: „Михаилъ Михайловичъ оказался неакуратнымъ; даже не увѣдомилъ меня, есть ли у него какіе-нибудь для меня пакеты съ книгами“.

[2]) Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» г. Кулишъ передаетъ забавный разсказъ о томъ, какъ Гоголь, не желая надѣвать фракъ, являлся въ одномъ домѣ въ Петербургѣ (вѣроятно у Балабиныхъ) къ обѣду въ сюртукѣ, подкалывая обѣ полы булавками, чего хозяева, по расположенію къ нему, старались не замѣчать. Московскіе же друзья и знакомые не требовали отъ Гоголя соблюденія церемоній, и онъ пріѣзжалъ къ нимъ всегда запросто. (См. «Зап. о жизни Гоголя», 2, 253). В. Ш.

Тихона Задонскаго и записки Порошина о Павлѣ Петровичѣ, весьма интересныя. Изданіе чуть ли не все вышло даже; я вамъ посылаю

Все это въ шутовскомъ видѣ написано и даже про насъ: „Дѣти А. О. въ Римѣ. Въ Римѣ всѣ заняты Петромъ, Рафаелемъ и Юліемъ Кесаремъ, а Н. Н. (моя меньшая сестра) занимается совсѣмъ другимъ: кошками, которыя бѣгаютъ по Piazza Trajana (мы жили на P. T., въ Palazzo Valentini), и гуляетъ по макаронамъ, которыя валяются на тротуарѣ (въ Римѣ есть обычай сушить макароны на тротуарѣ и сестра (и даже мы) бѣгали по макаронамъ; эти старые обычаи уже давно исчезли). Сестрицы (я и моя сестра С. Н.) играютъ въ мячики муфтами въ Петрѣ, уронили куклу въ bénitier, въ Петрѣ; какой-то monsignore ее досталъ; его это не смутило. Сестрицъ бранили за шалость“.

„Н. Н., сидя на полу, вдругъ сказала: „Я пойду къ папѣ римскому; онъ мнѣ дас тъ тоску (т. е. кошку)“. Это всѣхъ удивило, почему Н. Н. (сова, сова) знаетъ, что въ Римѣ папа. Тайну эту еще не открыли до сихъ поръ и, вѣроятно, это останется тайной во вѣки вѣковъ: вѣдь Надежда Степановна (нянька) про папу не знаетъ!“

„Сестрицы собираютъ цвѣты въ Villa Doria Pamphili. На дняхъ я въ первый разъ увидѣлъ С. Н. (моя сестра, ровесница мнѣ) въ азартѣ: это было въ Villa Doria Pamphili, — цвѣтовъ пропасть: анемоны и фіялки, цвѣтущій коверъ подъ Пинами; С. Н. бросилась собирать, даже закричала отъ удовольствія, собрала букетъ величиной съ Петра и даже упала подъ тяжестью добычи. Съ О. Н. было приключеніе другого рода: она украла косточку изъ ящика въ колумбарѣ famiglia dei Scipioni и спрятала въ карманѣ; ее нашли вечеромъ и побранили; она заплакала. Кому же принадлежала эта косточка, неизвѣстно,— отдать ее нельзя. А. О. простила О. Н. и позволила сохранить эту драгоцѣнность на память неизвѣстнаго Сципіона. Я полюбопытствовалъ, спросилъ, почему О. Н. ее взяла; она мнѣ сказала, что она, т. е. косточка, такая чистенькая и бѣленькая и лежала подъ рукой въ ящикѣ изъ мрамора,—вотъ и все“.

Эта драгоцѣнность у меня; я сама не знаю, почему она мнѣ показалась драгоцѣнностью.

„Сестрицы (т. е. я и сестра Соня) цѣлое утро копаются, у нихъ даже лопаточки и мѣшечки, въ садахъ импер. Ливіи. С. Н. нашла чистенькій желтенькій кусочекъ мрамора, О. Н. копеечку временъ имп. Тиверія (она у меня); они все ищутъ мраморъ. А. О. обѣщалась имъ подарить столикъ изъ мрамора, найденнаго ими, и presse-papier. Они готовятъ presse-papier въ подарокъ отцу. Днемъ они собираютъ цвѣты; Марья Яковлевна (Овербекъ) составляетъ гербарій. С. Н. не любитъ сухіе цвѣты; они ей жалки. О. Н. выспрашиваетъ имена, любитъ сказки. Марья Яковлевна [1]) разсказываетъ имъ Римскую исторію, гуляя по Риму. О. Н. спросила у меня, знаю ли я про Гусей и даже про Брута. С. Н. негодуетъ, что Тарквиній палкой билъ по цвѣтамъ и портилъ ихъ. До этихъ премудростей еще не дожила Н. Н., а кошки и папа ее занимаютъ. Я посовѣтовалъ А. О. давать сестрицамъ

[1]) Миссъ Овербекъ, гувернантка

свой экземпляръ недочитанный. Вы ихъ Жуку сообщите. Тихона всего нельзя вдругъ переслать. Два тома на дняхъ пошлю чрезъ канцелярію Нессельроде, также и Макарія о молитвѣ. Симеона, новаго

уроки рисованія и Марья Яковлевна очень это одобрила. Я привелъ, по совѣту Иванова, signor Fédi. Онѣ рисуютъ углемъ, пачкаютъ свои пальцы, но все-таки онѣ уже умѣютъ держать въ рученкахъ карандашъ, и глазомѣръ развивается. О. Н. все рисуетъ въ большемъ видѣ, С. Н. въ меньшемъ; онѣ читаютъ и пишутъ даже, любятъ сказки; наказаній мало, одно только: вмѣсто V. Doria гуляютъ въ Via Pia, это своего рода наказаніе. Марья Яковлевна настоящій кладъ".

Вотъ что я нашла на листкахъ съ другими замѣтками; ихъ много:

„Были у Тенерани, не понравился А. О. (скульпторъ), въ мастерской Иванова, голова Іоанна хороша".

„Катакомбы, St. Agnèse, Моисей не нравится А. О. (въ San Pietro in Vincolo), грубоватъ и силачъ".

„Приводилъ Овербека (живописца) къ А. О. Разговоръ былъ о Рафаелѣ, смотрѣли съ нимъ Сибиллы. А. О. отъ нихъ въ восторгѣ, станцы (Les stances du Vatican) понравились ей".

„Farnèsina, Галатея и фрески большаго дворца Farnèse убѣдили А. О., что и въ Римѣ есть Рафаели, подходящіе къ ея идеалу (мадонна Сикстинская) и проч., и проч.".

„А. О. взяла съ собой въ Ватиканъ Марью Яковлевну и сестрицъ; онѣ исчезли; мы ихъ искали долго, очень испугались. В. А. (Перовскій) нашелъ О. Н., она вскарабкалась на Нила, ей хотѣлось стащить одного маленькаго мальчика,—вотъ ея объясненіе. (На статуѣ Нила дѣти представляютъ ручьи и они ей очень понравились); custode стоялъ при ней и отъ души смѣялся. С. Н. нашелъ я въ Giardino della Pigna, при ней стоялъ monsignore; она беззаботно рвала цвѣты папы Григорія VI и объяснила намъ, что этотъ старичекъ въ бѣломъ, т. е. папа, ей позволилъ рвать цвѣты, а что другой старичекъ въ лиловыхъ чулочкахъ, т. е. monsignore, ей помогаетъ".

„Дѣтей водятъ по галлереямъ и церквамъ; въ сырую погоду ихъ возятъ въ церковь св. Петра; тамъ тепло и они играютъ въ этомъ пространствѣ, точно птички небесныя. Н. Н. также играетъ въ Петрѣ; ей подарили куклу но она ей пренебрегаетъ, потому что она не живая".

„Были въ Тиволи. Дѣти ужасно обрадовались, увидя ословъ. Макароны Albergo della Sibilla были противны „alluso di Francia". (Когда жаловались, что обѣдъ дурной, итальянцы увѣряли, что это французская кухня).

„Жили 3 дня въ Frascati. А. О., Аркадій Осиповичъ, дѣти со святой, В. А. (Перовскій), Яшка (Ханыковъ), Алеша (Перовскій) отправились на ослахъ въ Tusculum, въ Rocca di Papa. Дѣти устали, даже заплакали сестрицы. В. А. (Перовскій) и Яшка ихъ взяли на руки и снесли съ горы. Это ихъ утѣшило".

„День дивный, малороссійскій (sic). Очень понравились А. О. Villa Mondragone видъ, съ террасы Villa Conti и Villa Falconnet. Тутъ обѣ сестрицы пришли въ азартъ при видѣ цвѣтовъ cyclamen Europea (по итальянски Pan-Porcino). А. О. даже разчувствовалась, когда дѣти принесли ей цвѣты

Богослова, нѣтъ въ лавкѣ. Хотите ли вы Остромирову Библію? изданіе славное!

На дняхъ разсказывали мнѣ престранную исторію. Она разошлась по всему городу [1]), разумѣется, не въ высшемъ кругѣ. О сей исторіи

---

muskerra Eur. Она помнитъ, что въ Одессѣ росли muskerra Eur. въ саду на хуторѣ. Ничто не замѣнитъ ей эти первыя впечатлѣнія дѣтства; вѣдь родной василекъ дороже всякихъ розъ для хохла".

Когда мы пріѣхали въ Римъ изъ Неаполя, мы обѣ бросились цѣловать мостовую, т. е. камни Вѣчнаго города. Это записано у матери: „Oly et Sophinka en sortant de voiture ont baisé le pavé: elles étaient si contentes de revoir Rome!". Вѣроятно, это было вліяніе окружающихъ насъ. Мать моя, Гоголь, Марья Яковлевна любили Римъ, восхищались имъ болѣе всего въ Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ это были наши первыя впечатлѣнія прекраснаго юга, солнца, богатой природы... Отецъ жилъ съ 15 лѣтъ до 1831 г. почти безвыѣздно въ Италіи, любилъ ее и искусство, разсказывалъ намъ про Италію въ дѣтствѣ (онъ говорилъ и писалъ по итальянски, какъ итальянецъ). Все это подѣйствовало на насъ, можетъ быть; но мы именно полюбили Римъ болѣе Венеціи, Флоренціи, Неаполя; уѣзжая, плакали о Римѣ, даже записывали въ дѣтскомъ дневникѣ о Римѣ, когда уже давно оставили Италію Римъ единственный чужой городъ, который нравился сестрѣ Сонѣ; въ немъ для насъ было что-то родное, свое, и съ Гоголемъ мы всегда говорили про Римъ. (Растолковать это не могу, потому что для дѣтей нѣтъ въ Римѣ ничего привлекательнаго, а цвѣты были вездѣ въ Италіи). Церкви, галлереи и palazzo вездѣ; они намъ нравились и насъ брали съ собой, чтобы не лишать Марью Яковлевну удовольствія посѣщать церкви и галлереи съ Гоголемъ, Ивановымъ и Овербекомъ. Отецъ говорилъ всегда, что дѣтей слѣдуетъ пріучать къ прекрасному съ молодыхъ ногтей, воспитывать ихъ слухъ и глазъ, и отъ всего, что не изящно, отстранять. У него была хорошая галлерея картинъ. Мать страстно любила музыку. Все воспитаніе было въ наше время религіозное, литературное, историческое и эстетическое, а теперь оно скорѣе научное и гораздо суше и бездушнѣе, а, можетъ быть, это мнѣ только такъ кажется, что оно суше. Но молодые гораздо менѣе увлекаются теперь; они сдѣлались старше насъ, plus positifs. О деньгахъ у насъ и помину не было: онѣ давались только на церковь и на нищихъ въ субботу, когда поведеніе было такое, что мы въ правѣ подавать на церковь и нищимъ; а то мы не въ правѣ, не заслуживъ этой чести.

Я нашла объ этомъ въ дневникѣ моемъ (въ Калугѣ, 1848 года). Въ Калугѣ были каторжные; они мели улицы. Мы имъ подавали; когда не было денегъ, мы имъ говорили, что мы наказаны; они это знали; издали видя насъ съ сконфуженными лицами, не подходили, а просто кланялись намъ, не просили. Это насъ трогало. (Записано въ моемъ дневникѣ 1848 г.).

Ольга Смирнова.

[1]) Объ этомъ Гоголь писалъ также матери (т. VI, стр. 114): „Изъ Петербурга пишутъ мнѣ о происшествіи, случившемся въ Іерусалимѣ, свидѣтелемъ котораго былъ воронежскій архіерей, бывшій тогда у Гроба Господня, именно о слышаніи небеснаго гласа во время Божественной литургіи,

надобно бы поговорить съ Наумовымъ, но онъ меня забылъ совсѣмъ, не смотря на мою сильную просьбу навѣщать меня. Вотъ какъ хладнокровны наши попы! А мнѣ онъ очень нуженъ. Исторія вотъ въ чемъ: говорятъ, что архіерей воронежскій былъ въ Іерусалимѣ и слышалъ тамъ, съ прочими бывшими въ церкви, голосъ съ неба. Странно, что никакая газета объ этомъ не говорила, и странно, что здѣсь это ходитъ какъ преданіе. Межъ тѣмъ по рукамъ ходитъ здѣсь и молитва съ примѣчаніями, сочиненная будто бы архіереемъ воронежскимъ.

Молитва.

«О Іисусе Христе! молимъ Тя, святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ и весь міръ Твой отъ всякой погибели, кровію Твоею дабы смыть грѣхи наши. О, Боже предвѣчный! яви милосердіе Твое великое; молимъ Тя, прости ради пресвятой крови Твоей, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Замѣчаніе 1. Во время божественной литургіи въ Іерусалимѣ былъ слышенъ гласъ:

«Поражу весь міръ несчастіемъ».

Замѣчаніе 2. Кто сію молитву будетъ съ вѣрою читать хоть одинъ разъ въ день, тотъ будетъ избавленъ отъ всякаго зла и бѣдствія.

Замѣчаніе 3. Имѣющій сію молитву долженъ передать 9-ти человѣкамъ, но буде кто сіе не исполнитъ, тотъ будетъ подверженъ великимъ бѣдствіямъ.

Я переговорю объ этомъ еще съ священникомъ и сообщу вамъ, что услышу. Прощайте. Пишите часто и много. Если нужны деньги, напишите, прошу васъ очень. Ваша отъ души, все еще не бѣлой, но страждущей своей чернотой. А. С.

Воскресеніе, 24-го октября 1844 года. Гатчина.

Я здѣсь гощу уже четвертый день, любезный Николай Васильевичъ. Не смотря, что я при дворѣ, нашла минуту для васъ: такъ вѣрно это слово, что времени всегда станетъ на то, что хочешь непремѣнно сдѣлать. Пишу вамъ по влеченію сердца грустнаго, но спокойнаго и полнаго слезъ и умиленія. Вчера была у всенощной, сегодня

который былъ истолкованъ патріархомъ, какъ пророчащій бѣдствія міру, если онъ не покается". В. Ш.

у обѣдни съ императорскимъ семействомъ, послѣ столь долгой разлуки. Послѣ обѣдни я сбиралась домой читать Евангеліе, но за мной послала государыня. Я нашла ее съ Ольгой Николаевной. До сихъ поръ она еще мало со мной говорила о любимомъ ей предметѣ, но сегодня... словъ не достаетъ пересказать вамъ, какова она была: мила, тиха, проста! Съ какимъ нѣжнымъ наслажденіемъ припоминала всѣ малѣйшія подробности ея [1]) послѣднихъ минутъ! Особенно, когда родился ребенокъ. Плакала такъ тихо и такъ благодарила горячо Бога, что Онъ доставилъ ея дочери счастье—услышать этотъ голосъ! Я спросила ее о состояніи государя. Мнѣ кажется, что онъ страдаетъ много и едва ли не тяжелѣй, потому что хочетъ скрывать свое горе. Она мнѣ сказала, что когда они наединѣ, то всегда плачутъ и не могутъ ни о чемъ другомъ говорить: «Nous nous faisons beaucoup de mal à la santé l'un à l'autre», заключила она. Послѣ этого мы остались однѣ, плакали и молчали. Государь вошелъ и просилъ меня не говорить болѣе о ней. А я чувствую и вижу, что для императрицы нѣтъ никакого болѣе интересу ни въ чемъ, какъ только въ воспоминаніи о любезной и точно ангельской душѣ, которая отъ нихъ отлетѣла. Впрочемъ, Николай Васильевичъ, передъ вами, какъ передъ Богомъ, скажу, что, семейнымъ образомъ судя людей, я не знаю подобныхъ имъ. Ими также сильно обладаетъ любовь, какъ нашими милыми Віельгорскими. Провидѣніе, оставивъ Ольгу Николаевну между ними, оставило при нихъ добраго ангела. Другія заняты мужьями, дѣтьми, нездоровы, а она безвыходно у матери, ухаживаетъ за ней, читаетъ ей вслухъ, всячески старается развлечь, — сколько можно, показываетъ веселое лицо, и такъ притомъ хороша, добра, граціозна, что невольно заглядываешься на это прелестное лицо, гдѣ отражается такая прелестная и полная любви и самоотверженія душа. Наслѣдница сдѣлалась очень милая, говоритъ мало, но прекрасно; вообще не спѣшитъ себя высказывать, но душа въ ней есть. Она любитъ нѣжно мужа, дѣтей, императрицу и занимается много русскимъ языкомъ — обѣщала со мной говорить по-русски... Петербургъ городъ гадкій, неблагодарный, закрываетъ глаза и затыкаетъ уши. Горе ему! онъ только любитъ суету и выдумываетъ зло. Я такъ рада, что меня сюда [2]) позвали! но рада для души своей, а не изъ свѣтскихъ видовъ... Я съ ними такъ искренно и нѣжно примирилась, видѣла ихъ такъ вблизи, что навѣки имъ принадлежу отъ глубины души. Я не плаксива, а теперь не могу писать безъ слезъ. Василію Андреевичу я напишу.

---

[1]) Великой княгини Александры Николаевны.

[2]) Т. е. во дворецъ.

Вы ему прочтите это письмо. Императрица мнѣ дала его письмо. Она о немъ говоритъ безпрестанно и читала его нѣсколько разъ. Если еще не отвѣчала, чего я, впрочемъ, не знаю, то, вѣрно, не можетъ собраться. У нея безпрестанныя біенія сердца; при каждой новой встрѣчѣ возобновляются. Пріѣздъ Грима ее очень разстроилъ третьяго дня. Завтра я ѣду въ городъ, гдѣ найду, вѣроятно, Н. М. Онъ долженъ былъ пріѣхать въ тотъ день, когда меня потребовали въ Гатчину. 8-го ноября дворъ переѣдетъ въ Петербургъ. Государь былъ очень милъ и добръ для меня. Всего нельзя пересказать: есть столько тонкихъ оттѣнковъ, которые, ихъ зная, я понимаю съ благодарностью. Да хранитъ ихъ Господь! ими да охраняетъ и нашу милую Россію! Прощайте и до свиданья въ воскресенье.

Ноября 3.

Любезный Николай Васильевичъ, два дня только, и въ душѣ моей благодатная перемѣна. Все тревожное, мятежное пропало вдругъ предъ свѣтомъ чистымъ и прекраснымъ, который меня озарилъ. Въ воскресенье я еще страдала, томилась въ гнѣвѣ, боялась за себя и не предвидѣла конца этому состоянію. Въ понедѣльникъ состояніе это дошло до отчаянія, а вечеромъ солнце взошло, и съ тѣхъ поръ я такъ счастлива, какъ въ лучшія и счастливѣйшія минуты, съ вами проведенныя въ Ниццѣ. Да благословитъ васъ Богъ! Вы, любезный другъ, выискали мою душу, вы ей показали путь, этотъ путь такъ разукрасили, что другимъ идти не хочется и невозможно. На немъ растутъ прекрасныя розы, благоуханныя, сладко душу успокоивающія. Обо мнѣ шли такіе слухи, и идутъ еще теперь, что каждый почиталъ себя въ правѣ со мною обходиться самымъ презрительнымъ образомъ. Да оно и подѣломъ мнѣ: вѣдь лучше за грѣхи здѣсь платиться. Тутъ достается не только за то, что дѣйствуешь вопреки мнѣнію и правиламъ общественнымъ, но и за то, что душу свою мараешь, пачкаешь и губишь даромъ, и оттого, что не понимаешь, что̀ такое душа. Если бы мы всѣ вполнѣ понимали, что душа сокровище, мы бы ее берегли больше глазъ, больше жизни. Но не всякому дано почувствовать это самому и не всякой такъ счастливо нападаетъ на друга, какъ я. Но теперь не объ этомъ рѣчь.

Присемъ письмо Плетнева. Я не хотѣла выслушать его отговорокъ и требовала настоятельно отвѣта... До завтраго. И завтра еще не пришлю, а я вамъ пишу. Теперь слушайте мои упреки.

У Ростопчиной при Вяземскомъ, Самаринѣ и Толстомъ [1]) разго-

[1]) Толстой, прозванный американцемъ, путешествовалъ въ Камчаткѣ и

ворились о духѣ, въ которомъ написаны ваши «Мертвыя Души», и Толстой сдѣлалъ замѣчаніе, что вы всѣхъ русскихъ представили въ отвратительномъ видѣ, тогда какъ всѣмъ малороссіянамъ дали вы что-то вселяющее участіе, не смотря на смѣшныя стороны ихъ; что даже и смѣшныя стороны имѣютъ что-то наивно пріятное; что у васъ нѣтъ ни одного хохла такого подлаго, какъ Ноздревъ; что Коробочка не гадка потому именно, что она хохлачка. Онъ, Толстой, видитъ даже невольно вырвавшееся небратство въ томъ, что когда разговариваютъ два мужика и вы говорите: «два русскихъ мужика»; Толстой и послѣ него Тютчевъ, весьма умный человѣкъ, тоже замѣтили, что москвичъ уже никакъ бы не сказалъ «два русскихъ мужика». Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая вылилась въ «Тарасѣ Бульбѣ», гдѣ съ такой любовью вы выставили Тараса, Андрія и Остапа.

Вотъ все, что о васъ говорилось часто при мнѣ. О недостаткахъ во вкусѣ и прочихъ мелкихъ погрѣшностяхъ я не упоминаю; это дѣло критики фельетоновъ. Изъ этихъ замѣчаній надобно заключить бы, что вы питаете то глубоко скрытое чувство, которое обладаетъ Малороссіей, и такъ рѣдко, но и еще и недавно выразилось казакомъ въ Полтавѣ, когда Государь, посылая казацкій полкъ на Кавказъ, поручая старому атаману, сказалъ: «Смотри же, ты мнѣ отвѣчаешь за свою голову и за нихъ», а онъ отвѣчалъ: «Будь спокоенъ, Царь, не сослужимъ тебѣ такой службы, какъ твои москали, якъ ты вступивъ на престолъ». Но вѣдь и я родилась въ Малороссіи, воспиталась на голушкахъ и вареникахъ, и какъ мнѣ ни мила Россія, а все же я не могу забыть ни степей, ни тѣхъ звѣздныхъ ночей, ни крика перепеловъ, ни журавлей на крышахъ [1]), ни пѣсенъ малороссійскихъ

Калифорніи и былъ на Алеутскихъ островахъ. Къ нему относятся извѣстные стихи Грибоѣдова въ „Горе отъ ума“:

«Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку нечистъ».

Послѣднія слова относятся къ карточной игрѣ.

Американцу Толстому случалось не разъ съ ожесточеннымъ азартомъ нападать на сочиненія Гоголя. С. Т. Аксаковъ также разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“, (см. „Русь“, 1880, № 6, стр. 16): „Я самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Толстой американецъ говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ „врагъ Россіи“ и что его слѣдуетъ въ кандалахъ сослать въ Сибирь. В. Ш.

[1]) Въ іюньской книгѣ „Русской Старины“ была помѣщена поправка г. Альбрандта, справедливо замѣтившаго, что выраженіе журавли на кры-

бурлаковъ. Все тамъ лучше, чѣмъ на сѣверѣ, и все чрезъ Малороссію пройдемъ мы въ Константинополь, чтобы сдружиться и слиться съ западными собратьями славянами. А какъ и когда забудется, что нѣкогда Украина была свободна, Богъ вѣсть! Итакъ, никто болѣе меня не понимаетъ вашего — можетъ быть, вами самими неузнанное чувство и таящееся отъ васъ самихъ. Я, впрочемъ, замѣтила имъ, что хохлы васъ тоже вовсе не любятъ и васъ въ томъ же упрекаютъ, какъ и русскіе. Плетневъ это мнѣ еще подтвердилъ.

При семъ письмо отъ Плетнева вамъ отвѣтъ на ваши запросы. Онъ васъ не понимаетъ, да, можетъ, никогда и не пойметъ. Онъ человѣкъ добрый, но слишкомъ привыкшій къ посредственному однообразію. Въ жизни часто сближаешься съ людьми, которыхъ и любишь за добрыя ихъ качества, но которые не могутъ понять насъ. Этимъ людямъ надо бы показывать только ту сторону, которую они понять могутъ, а вы съ Плетневымъ поступили, по молодости, какъ съ гораздо умнѣйшимъ человѣкомъ.

Михайлу Михайловичу посланы, наконецъ, для васъ книги. На дняхъ отправилось къ вамъ, черезъ весьма вѣрную оказію, длинное письмо, очень нужное и интересное, какъ сказывалъ мнѣ тотъ, чрезъ чьи руки оно прошло. Это будетъ вамъ занятіе на мѣсяцъ. Чтобы вамъ не взгрустнулось, я буду писать чаще; напишетъ Аркадій и Софья Михайловна. Самаринъ вамъ пришлетъ «Ѳеофана» и будетъ писать.

Самаринъ — удивительная жемчужина въ нашей молодежи. Онъ можетъ сравниться душою съ Михайломъ Михайловичемъ, а умомъ его выше. Я съ нимъ очень дружески сблизилась послѣ долгихъ недоумѣній, происшедшихъ вслѣдствіе лестныхъ слуховъ, которые летаютъ обо мнѣ. Видѣть его я не могу часто: онъ еще слишкомъ молодъ и я не довольно стара и дурна, а когда встрѣчаемся, то всегда искренно и дружески. Онъ васъ ужасно любитъ, этого для меня достаточно.

На дняхъ сидѣлъ у меня мой попъ. Мы съ нимъ провели утро отъ 11 до 4 часовъ, и едва ли можно такъ поговорить съ католическимъ попомъ. Теперь прощайте, любезный другъ мой. Молитесь Богу обо мнѣ, чтобы Онъ меня сохранилъ въ чистотѣ душевной. Боюсь похвастать, а меня не тревожатъ болѣе скверныя мысли. Я слишкомъ занята: день у меня пролетаетъ весь въ дѣлѣ, хотя я и не читаю. А у Бога прошу для васъ смиренія. Мнѣ страшно, чтобы вы,

---

шахъ ошибочно и что вмѣсто слова журавли слѣдовало сказать аисты; но какъ прежде мы привели буквально слова А. О. Смирновой, такъ и теперь не считаемъ возможнымъ перемѣнить выраженіе подлинника.

В. Ш.

видя вліяніе свое на людей, не возмечтали. Я вѣдь сама имѣю эту слабость—о себѣ возмечтать, а этотъ грѣхъ куда ведетъ далеко!

Я Плетнева письмо распечатала: конвертъ былъ слишкомъ великъ. Я его не читала. Знайте вы, что вамъ впередъ не должно ни у кого занимать, какъ только у меня. У меня есть оттуда деньги, передъ кѣмъ вся Россія въ долгу [1]). Меня тамъ знаютъ и не отказываютъ.

Петербургъ. Ноября 18, въ воскресенье.

Здравствуйте, душа моя, Николай Васильевичъ! Сегодня прошло утро прекрасно. Я была у обѣдни, потомъ читала дѣтямъ Ев(ангеліе), заставила перечесть Вѣрую, Отче нашъ и нѣкоторыя маленькія ектеніи наизусть, поспала съ часъ и читала посланіе къ Ефесеямъ, ап(остола) Павла къ Коринѳянамъ о любви, Ев(ангеліе) отъ Іоанна: «Да не смущается сердце ваше»... Что значитъ: «въ дому Отца моего обители многи суть»? Не правда ли, что это ясно значитъ, что не всѣ мы равнаго блаженства можемъ ожидать? и не правда ли, что есть избранные, любимцы Божіи и что, ничуть не отвергая Его правосудія и любви, можно этому повѣрить? Я не знаю почему, у меня въ душѣ все такъ легко вмѣщается, и всѣ запросы, которые мнѣ предлагаютъ, вовсе не смущаютъ меня и не заставляютъ и задумываться. Отъ легкомыслія ли это, или глупости и незнанія, или отъ благодати Божіей,—не знаю, а вамъ передаю, что чувствую и думаю... Отчего вы, мой сладкій соловей, замолкли? Мнѣ ваши слова нужны, очень нужны. Какъ моей душѣ теперь и ни легко, а все-таки напоминанія ваши сторожатъ ее.

По сихъ поръ и долго еще не буду вамъ говорить о ***. Мнѣ еще надо привыкнуть къ невольной жизни, къ ежеминутному недовѣрчивому взору и сердцу, чтобы что-нибудь сдѣлать для него. Привыкнуть къ этому не легко, для этого надобно избавиться отъ извѣстнаго вамъ гнѣва, отъ женской прыти, отъ тысячи этихъ подленькихъ привычекъ и пріобрѣсть то, что Фенелонъ называетъ l'exercice des petites vertues. На это вы мнѣ дайте время, дайте слабому сердцу

---

[1]) А. О. Смирнова этими словами намекала на императора Николая Павловича. Послѣ она писала Гоголю о тѣхъ же деньгахъ: „Знайте же вы, что эти деньги были не мои. Онѣ точно у меня лежали, но меня просили ихъ даже выдать за мои, но теперь позволили сказать (т. е. государь Николай Павловичъ), что онѣ были оставлены на мое распоряженіе“.

В. Ш.

нажаловаться, наплакаться на судьбу и не пеняйте (или лучше браните: это вѣрнѣе). Мнѣ трудно, очень трудно. Мы думаемъ и чувствуемъ совсѣмъ иначе; онъ на одномъ полюсѣ, я на другомъ; а магнитной силы, этой высокой любви, о которой вы мнѣ говорите, я еще не добилась.

Прощайте, хохликъ. Въ Петербургѣ дѣется много чуда, но въ письмѣ того не пересказать, да и зачѣмъ васъ попусту тревожить! Вы знайте свое дѣло—молитесь [1]). Молитесь за меня, за всѣхъ вашихъ друзей, да бережетъ ихъ и насъ Господь. Теперь идетъ ко мнѣ упр(авитель) со всѣми деревенскими разсчетами и циркулярами. Я завѣдываю съ пріѣзда Н. М. всѣми вотчинами. Денегъ нѣтъ, но будутъ. Я говорю, какъ вы. А буде вамъ онѣ нужны, прошу не смѣть ихъ просить у чужихъ.

Воскресенье, 26 ноября.

Сегодня я свое воскресенье подгадила. Легла вчера рано, читала долго, заснула въ три часа, встала въ десять и застала обѣдню за херувимской. Отъ этого у меня голова никуда не годилась; заснуть мнѣ помѣшали, и я читала всякую всячину. Между этой всякой всячиной читала Оленькѣ вслухъ статью Хомякова въ «Библіотекѣ для Воспитанія» о Ѳедорѣ Ивановичѣ. Это вещь удивительная, но для ребенка обыкновеннаго немного тяжело. Да Оленька, впрочемъ, ребенокъ необыкновенный, но и она не поняла ея. Можетъ быть, и то, что она по-русски еще плохо знаетъ и что не только общій смыслъ, но и смыслъ словъ ей еще недоступенъ. Тутъ въ одномъ мѣстѣ вылилась совершенно ваша душа. Я вамъ выписываю одну страничку; она же послѣдняя и прекрасно вѣнчаетъ все намѣреніе этой статьи.

«Конечно, нельзя сомнѣваться, что Годуновъ, облеченный въ полную довѣренность царскую, управлялъ всѣми дѣлами государства; но можно быть увѣреннымъ, что даже и безъ Годунова царствованіе Ѳеодора Ивановича было бы временемъ мира и славы для его подданныхъ. Если государь правдолюбивый ищетъ добраго совѣта, добрый совѣтъ является всегда на его призваніе. Если государь-христіанинъ уважаетъ достоинство человѣческое, престолъ его окружается людьми, цѣнящими въ себѣ выше всего достоинство человѣческое.

[1]) Эти слова не понравились Гоголю, который желалъ получать отъ Смирновой подробныя характеристики петербургскаго общества, хотя пока не высказывалъ прямо этого желанія. См. VI, 146, гдѣ онъ говоритъ: „Но вѣдь нужно также знать и то, о чемъ слѣдуетъ молиться“. В. Ш.

Умъ многихъ, пробужденный благодушіемъ одного, совершаетъ то, чего не могла бы совершить мудрость одного лица, и предписанія правительства, согрѣтаго любовью къ народу, исполняются не страхомъ, а теплою любовью народною. Любовь же одна созидаетъ и укрѣпляетъ царства. Поэтому не приписывайте всего царскому совѣтнику Борису Ѳ. Годунову, и знайте, какъ много Россія была обязана царю Ѳеодору Іоанновичу, вспоминайте его имя съ благодарностію и, когда пойдете въ Кремль, въ Архангельскомъ соборѣ (съ южной стороны, въ придѣлѣ) поклонитесь гробу добраго царя Ѳеодора Іоанновича, послѣдняго изъ вѣнценосцевъ Рюрикова рода».

Есть еще въ этой книгѣ хорошая статья Шевырева о Рафаелѣ. Если вы хотите, я вамъ пришлю этотъ журналъ за прошлые мѣсяцы. Прочтите Васильку [1]) эту страничку. Онъ какъ-то совсѣмъ отстранилъ себя отъ всякаго движенія. У меня для васъ лежатъ два пакета книгъ остановка за оказіей. Между ними и «Ѳеофанъ» отъ Самарина Маленькое письмо отъ него при семъ распечатано за неприличностью своего облаченія; такъ было и письмо Плетнева. Плетневъ же, по совершеніи своего подвига, уже болѣе ко мнѣ не является.

Самарина статья мнѣ очень полюбилась; въ ней много прекраснаго. Но мнѣ показалось, что болѣе передумано объ истинѣ христіанской, чѣмъ перечувствовано.

Вытребуйте отъ Тургенева [2]) письмо Чаадаева по случаю его диспута въ университетѣ; вамъ будетъ пріятно узнать, какъ все происходило. Но говорятъ, будто бы Чаадаевъ подсмѣивается тутъ надъ нимъ или лучше надъ тенденціей, отдавая справедливость таланту и знанію. Дѣло въ томъ, что очевидцы разсказываютъ чудеса о его хладнокровіи и скромной увѣренности, самъ же онъ и не понимаетъ объ это(мъ) тріумфѣ. Уменъ онъ очень и добръ, и чистъ сердцемъ, но ясность совершенную тогда получитъ, когда повѣритъ безусловно истинѣ; тогда обрѣтетъ науку, тогда готовъ будетъ на дѣло,—не на дѣло безплодное, каково оно безъ вѣры, а на дѣло исполненное любви; тогда, можетъ быть, если Богу угодно, Онъ его и уполномочитъ для будущности. Это я все ему повторяю безпрестанно и пророчу смерть духовную безъ вѣры.

Впрочемъ, я вамъ письмо Чаадаева сберусь съ силами и перепишу, а вы молитесь всегда за Россію, за всѣхъ тѣхъ, которымъ нужны ваши молитвы, и за меня грѣшную, васъ много, много и съ живою благодарностію любящую. Вы мнѣ сдѣлали жизнь легкую; она у меня

---

[1]) В. А. Жуковскому.

[2]) Александра Ивановича. В. Ш.

лежала тирольской фурой на плечахъ. А признаться ли вамъ въ своихъ грѣхахъ? Я совсѣмъ не молюсь, кромѣ воскресенья. Вы скажете мнѣ, очень ли это дурно, потому что я, впрочемъ, непрестанно—иногда свободно, иногда усиленно—себя привожу къ Богу. Я съ лѣнцой; по утру проснусь поздно, и тотчасъ начинается житейская суета хозяйственная, и дѣти являются. Не менѣе того, я часто твержу: едино же есть на потребу, и даже чувствую, что отъ свѣтскаго самолюбія и тщеславія я вовсе отпала. Кое - когда и промелькнетъ гордая мысль, но въ видѣ тѣхъ болѣзненныхъ мыслей, которыя выгоняются псалмами [1]). Однако, вы знаете сердца хорошо; загляните поглубже въ мое и скажите [2]), не гнѣздится ли гдѣ-нибудь какая-нибудь подлость подъ личиною добраго дѣла или чувства. St. François de Sales гдѣ-то говоритъ: «Je suis pour moi tout un diocèse plus difficile à conduire que 10,000 âmes». St. François себя хорошо зналъ и былъ чистъ какъ ангелъ, а я вамъ извѣстна во всей своей чернотѣ, и можете ли вы придумать, что точно такъ скоро сдѣлалась благодатная перемѣна во мнѣ, или я только себя обманываю, или пріятель такъ меня ослѣпилъ, что я не вижу ничего и радуюсь сердцемъ призраку. Эта мысль меня иногда пугаетъ въ лучшія минуты жизни, когда я точно чувствую, что сердце согрѣто любовію безпредѣльной и благихъ намѣреній, и желаній.

Съ Н. мы въ хорошихъ сношеніяхъ, хотя я вижу, что онъ еще ждетъ какого-то романа; но въ романѣ я права ему отказывать и при первой оказіи, упираясь на слова Іоанна Михайловича Наумова [3]), объясню ему теперешнія наши сношенія. Наумовъ же обѣщалъ самъ съ нимъ переговорить, въ случаѣ неудачи съ моей стороны. Впрочемъ, и ему современемъ объяснится все; надобно мнѣ только хранить свой характеръ или свои намѣренія твердо. Онъ, однако-же, страстно любитъ всякаго рода объясненія; придется ему и словами растолковать. Вѣдь вы одни доискиваться умѣете до души безъ словъ.

Старичковъ своихъ (Филоновы) я посѣщаю (о которыхъ вамъ говорила въ Римѣ). Они чуть ли еще прекраснѣе прежняго. Я, признаюсь, боялась его уже не застать въ живыхъ, но Богу еще было угодно продлить его страдальческую жизнь, а ему 85 лѣтъ.

---

[1]) Живя въ Ниццѣ въ одно время съ Смирновой, Гоголь заставлялъ заучивать наизусть псалмы и послѣ экзаменовалъ („Зап. о жизни Гоголя", II, 6); объ этомъ Гоголь не разъ вспоминаетъ въ письмахъ (VI, 206, 218 и 251).

[2]) Гоголь также приписывалъ себѣ даръ „слышать душу" (VI, 79 и 319 и въ „Авторской Исповѣди").

[3]) Домашній законоучитель дѣтей А. О. Смирновой. В. Ш.

Что вы такъ давно не пишете? Перестаньте хандрить. Ее-то, хандру, и надобно прогнать живымъ участіемъ ко мнѣ. Вѣдь я еще все-таки на самой низкой ступенькѣ стою, и вамъ еще не скоро меня оставлять. Напротивъ, вы болѣе чѣмъ когда-либо мнѣ нужны.

Дворъ переѣхалъ въ Зимній, съ сожалѣніемъ оставивъ грустное и уединенное Гатчино. Я была тамъ въ четвергъ. Всѣ были очень ласковы, и болѣе ничего и ничего. Надобно время.

Прислалъ ли вамъ Михаилъ Михайловичъ книги изъ Берлина? Онѣ еще на колесахъ туда поѣхали, а теперь мы уже по песку ѣздимъ въ саняхъ. Скажите, каково теперь вамъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ безъ Убри и Марченки? Я, чай, скучно. Какъ вы уживаетесь съ Елизаветой Евграфовной? У Жуков(скаго) остались мои ноты; мнѣ онѣ нужны. Дать ихъ Струве; пусть пришлетъ съ фр. курьеромъ.

Надежда Николаевна разцвѣтаетъ какъ піонъ и продолжаетъ удивлять слушателей неожиданностью своихъ отвѣтовъ.

Прощайте. Люблю васъ много и премного.

Воскресенье. 4-го декабря 1844 года.

Все жду вашего письма и не могу понять, отчего его не получаю. Пора, однако-же, вамъ мнѣ отвѣчать. Сегодня у меня голова болитъ, хотя послѣ обѣдни и чтенія съ дѣтьми я спала цѣлыхъ два часа. Мы слишкомъ пируемъ и болтаемъ. Въ четвергъ у Ростопчиной былъ вечеръ, театръ и пѣли италіянцы; отъ ужина я пріѣхала въ три часа. Въ пятницу былъ у меня большой съѣздъ и кончился ужиномъ весьма веселымъ, также въ три часа. Я чувствую, что меня это не много завлекаетъ, а дѣло въ томъ, что умъ и сердце мое ищутъ другой потребности и все переносятся еще съ радостію и успокоеніемъ къ Ниццѣ. А вотъ вамъ пока стихи Баратынскаго, напечатанные въ «Современникѣ»:

Молитва.

Царь небесъ! успокой
Духъ болѣзненный мой,
Заблужденій земли
Мнѣ забвенье пошли
И на строгій твой рай
Силы сердцу подай.

Какъ хорошо: «на строгій Твой рай!» Какъ все хорошо! Затѣмъ прощайте, другъ прекрасный. Я ѣду къ Карамзинымъ.

12-го декабря. Вторникъ.

Не стыдно ли вамъ, Николай Васильевичъ, что вы меня совсѣмъ оставили, тогда какъ въ душѣ моей завелась всякая дрянь —тревога, безпокойство и такая хандра, которой я всегда ужасно боялась и которую себѣ напророчила еще осенью, когда была такъ весела и довольна. Мнѣ скучно и грустно! Скучно оттого, что нѣтъ ни одной души, съ которой бы я могла вслухъ думать и чувствовать, какъ съ вами; скучно потому, что я привыкла имѣть при себѣ Николая Васильевича, а что здѣсь нѣтъ такого человѣка, да врядъ ли и въ жизни найдешь другаго Николая Васильевича. А притомъ и сколько матеріяльныхъ положительныхъ причинъ, чтобы грустить!

Клементій Осип(овичъ) въ хандрѣ и не въ ладу съ своимъ начальникомъ. Проситъ денегъ, а у меня ихъ нѣтъ. Онъ, братъ, кутитъ въ Москвѣ и проситъ мѣста. Аркадій опять боленъ [1]) и очень грустенъ. Александръ хотѣлъ жениться, и этому не удалось, тогда когда его душа и истинно-христіанскія добродѣтели достойны всякаго счастія. Ему же даже и въ службѣ не везетъ, а служитъ онъ образцомъ въ гвардіи, по словамъ самого в(еликаго) к(нязя) [2]).

Императрица безпрестанно страдаетъ біеніемъ сердца; я ее очень рѣдко вижу.

Вы легко поймете, что всѣ эти причины достаточны, чтобы заставить призадуматься и грустить. Всего хуже, что отъ этого у меня душа обливается какимъ-то равнодушіемъ и холодомъ, тогда какъ до сихъ поръ она была облита какою - то теплотою отъ васъ и вашей дружбы. Пожалуйста, пишите мнѣ. Мнѣ нужны ваши письма. Или, по крайней мѣрѣ, растолкуйте мнѣ, почему вы перестали мнѣ писать. Неужели я васъ огорчила? Или уже не больны ли вы? Или васъ заняли «Мертвыя Души» такъ, что вы забыли объ умирающихъ?

Въ воскресенье я вамъ не писала; за то цѣлый день читала Ев(ангеліе) и ап(остола) Павла, чѣмъ и теперь сейчасъ займусь.

Скажите Жуковскому, что Андрей Карамзинъ [3]) былъ раненъ на Кавказѣ легко въ голову и въ правую руку пулей навылетъ ниже

---

[1]) О болѣзни Арк. Ос. Россета Смирнова писала Гоголю еще въ октябрѣ; Гоголь въ письмѣ отъ 12 ноября сообщалъ объ этомъ съ ея словъ Языкову: „Онъ, какъ пишетъ мнѣ сестра его, чувствуетъ себя весьма дурно въ Петербургѣ“ (VI, 111).

[2]) Михаила Павловича.

[3]) Онъ упоминается въ письмахъ Гоголя въ VI, стр. 492 подъ литерой TS; см. „Указатель къ письмамъ Гоголя,“ 19. В. Ш.

локтя, что онъ очень отличился, командуя казачьимъ полкомъ, что самъ государь сказалъ у государыни на вечерѣ. Къ счастью, раны не очень тяжкія; онъ самъ матери писалъ рукой лѣвой нѣсколько строкъ. Первая минута была ужасна для матери, но слѣдующая почта ее успокоила: онъ самъ еще писалъ лѣвой рукой и, повидимому, былъ здоровъ, сколько можно при ранѣ ожидать. О награжденіи ему ничего еще не извѣстно.

Прощайте. Еще припишу нѣсколько строкъ въ воскресенье, а вы меня благословите. Я начну говѣть прежде Рождества.

18-го декабря, въ понедѣльникъ [1]).

Вчера утромъ пришелъ ко мнѣ Плетневъ съ вашимъ письмомъ, и мнѣ открылась загадка вашего молчанія: на такое письмо надобно время, и вы хорошо сдѣлали, что сперва ему отвѣчали. Я говѣю, слѣдовательно, очищаю душу отъ грѣховъ, готовлю ее на обновленіе, на преумноженіе правды, любви, страха Божія. Теперь я вижу уже глазами болѣе свѣтлыми, нежели тому назадъ шесть мѣсяцевъ; знаю и то, что совѣсть мнѣ гласитъ; знаю и то, что искренняя дружба вынуждаетъ меня вамъ сказать, безъ всякихъ лишнихъ свѣтскихъ обиняковъ. На Плетнева вы не пеняйте за то, что онъ потребовалъ нужду показать мнѣ ваше письмо [2]). Во-первыхъ, съ Плетневымъ самимъ произошла большая перемѣна въ эти послѣдніе три года, и онъ, не смотря на то, что вы нашли его уже созрѣвшимъ и характеръ его образованнымъ, онъ былъ всегда прекрасный и добрый человѣкъ безъ сознанія христіанскаго, а теперь, благодаря Бога и пріятеля его Грота [3]), Плетневъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, но въ предѣлахъ своего практическаго благоразумія и данныхъ семейныхъ, которыя давно опредѣлили его жизнь; потому Плетневъ не можетъ многаго понимать того, что вы говорите и дѣлаете; потому многое, что вы ему говорите, ему непонятно и кажется фальшивымъ. Онъ не увѣренъ въ васъ, и притомъ ему кажется, что въ васъ нѣтъ простоты. Плетневу нужно было со мною переговорить, чтобы рѣшить недоумѣніе на многія слова ваши. Потому не сердитесь на него, а, напротивъ, сознайтесь, что онъ поступилъ благоразумно. То, что межъ имъ,

[1]) Это письмо съ большими пропусками было напечатано въ „Зап. о жизни Гоголя“, II, 23.

[2]) Отвѣтъ на это письмо см. въ соч. Гог., VI, 127, гдѣ иниціалъ PQ означаетъ Плетнева.

[3]) Яковъ Карловичъ Гротъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Плетнева. В. Ш.

мною, вами, останется межъ нами. Плетневу я едва-ли не такъ нужна была всегда, какъ вы мнѣ въ послѣдніе годы. Онъ меня также воспиталъ въ нѣкоторомъ отношеніи; мы такъ связаны съ нимъ, что я души его потребность. Во-первыхъ, Плетневъ васъ упрекалъ въ недостаткѣ простоты, и я съ нимъ тоже согласна. Этотъ недостатокъ для меня уже проявился въ Ниццѣ, когда съ такимъ упорствомъ вы отказывались жить у Віельгорскихъ и не хотѣли изъяснить мнѣ причинъ этого отклоненія. Проявлялся позже этотъ недостатокъ въ болѣе мелочныхъ вещахъ; наконецъ, и тогда, когда я васъ спрашивала о денежныхъ вашихъ обстоятельствахъ. Вы отвѣчали мнѣ, что деньги всегда будутъ, а какъ — и не намекнули даже. Богъ васъ знаетъ, какія у васъ на этотъ счетъ понятія! А дѣло въ томъ, что пока вы еще не совсѣмъ разстались съ міромъ, то должны о мірскомъ помышлять. Что хорошо ли вы сдѣлали, что вы запутались съ свѣтомъ, или дурно,—это вопросъ другой, и вы сами рѣшите его. Но если же уже запутались, то не забрыкать же ногами во всѣхъ и на все, бросить всѣхъ, а они себѣ тамъ хоть умирай. Смотрите, чтобы не брыкнуть такъ, что вы во вѣкъ не успокоитесь послѣ этого. Вы же мнѣ говорили, что мы здѣсь тѣсно связаны другъ съ другомъ[1]). Это правда не въ одномъ отношеніи отвлеченномъ, но и въ матеріальномъ; такъ тѣсно связаны души наши съ тѣлами нашими, что это повторяется и въ общественности нашей: мы, спасая души близкихъ намъ, не можемъ и не должны пренебречь о ихъ тѣлѣ. Вѣдь Филоновъ умеръ бы съ голоду, если-бы Александра Осиповна ему только Библію посылала!.. У васъ на рукахъ старая мать и сестры. Хотя вы думали, что обезпечили ихъ состояніе, но что-жъ дѣлать, если по неблагоразумію, или какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, онѣ опять у васъ лежатъ на плечахъ. Дѣло ваше, прежде всего, при полученіи отчета Прокоповича [2]), сперва и не помышляя ни о какой помощи бѣднымъ студентамъ, выручить ее изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. И потому мы рѣшили съ Плетневымъ, что такъ и поступимъ, если точно есть какія-нибудь деньги у Прокоповича. А до московскихъ намъ никакого дѣла нѣтъ; такъ пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ. Съ вашими планами для студентовъ вы мнѣ напомнили одного фурьериста, который свой

---

[1]) См. соч. Гог., VI т., 63: „Тѣсно мы связаны другъ съ другомъ въ этомъ мірѣ!"

[2]) Николай Яковлевичъ Прокоповичъ, школьный товарищъ и другъ Гоголя; ему Гоголь поручалъ веденіе въ Петербургѣ своихъ практическихъ дѣлъ. См. о Прокоповичѣ статью Н. В. Гербеля въ „Современникѣ" (1858, 2) и письма къ нему Гоголя („Русское Слово", 1859, 1). В. Ш.

капиталъ растратилъ для общественнаго блага, а потомъ самъ съ женой и дѣтьми умиралъ съ голоду; кончилъ тѣмъ, что брыкнулъ въ жену ногой, а самъ для общественнаго блага заперся въ четвертомъ этажѣ. Знаете ли, что St. François de Sales говоритъ: «Nous nous amusons souvent à être bons anges, et nous oublions qu'il faut avant tout être bons hommes?» Итакъ, будьте проще, удобнѣе понятнымъ всѣмъ тѣмъ, которые ниже васъ на ступени духовной. Не скрывайтесь и не закрывайтесь безпрестанно. Зачѣмъ вы такъ тайно хотите помогать другимъ [1])? Тутъ особенно должна быть большая простота; этому дѣлу не надобно придавать никакой важности. Не помогать — просто мерзость, когда есть на то способы; и когда помогаешь, то на это надобно смотрѣть такъ, какъ на всякое житейское дѣло. Чтобы избѣгнуть упрека, что одни фарисеи раздаютъ на перекресткахъ, и выполнить буквально предписаніе, «дабы лѣвая твоя не вѣдала, что дѣлаетъ правая» [2]), вы забываете: «да свѣтятъ дѣла ваши добрыя передъ людьми въ славу Божію» [3]). Кто знаетъ? можетъ быть, узнавъ, что вы своей лептой помогаете брату, на это и у другихъ явится охота имъ помогать; такимъ образомъ вы поможете бо́льшему числу людей. Конечно, ни Плетневъ, ни я объ этомъ публиковать не будемъ, а если оно узнается, то бѣда небольшая, что васъ назовутъ. Меня всѣ старухи петербургскія знаютъ, даже и безрукіе офицеры, и я вовсе отъ этого не прячусь и не скрываюсь; мнѣ даже все равно, если скажутъ, что я ханжа. Богу одному извѣстно, что̀ въ глубинѣ души моей. Другое дѣло, если-бы друзья мои меня начали упрекать въ лицемѣрствѣ; имъ бы я открыла свою душу и не запирала бы, (ка)къ вы ее въ три замка. Сознайтесь, что всѣ ваши недоразумѣнія произошли отъ вашей молчаливой гордости.

Вотъ вамъ, кажется, упреки и правда,—т. е. правда по моимъ понятіямъ. Вы просили упрековъ, какъ живой воды [4]); вотъ вамъ и отъ меня посыпались.

Теперь перейдемъ опять къ дѣлу положительному — къ деньгамъ. Я человѣкъ практическій; меня Жуковскій всегда называлъ честнымъ человѣкомъ, платящимъ свои долги и считающимъ всякую копейку. Вотъ что. Прежде еще полученія вашего письма, мы— а кто именно, не нужно вамъ знать — имѣли обѣщаніе получить

---

[1]) Взглядъ, на тайную помощь выраженный Гоголемъ въ отвѣтѣ на это письмо (VI, 128), повторенъ и въ другомъ письмѣ (VI, 169).

[2]) Матѳ., VI, 3.

[3]) Матѳ., V, 16.

[4]) См. Соч. Гоголя, VI, 102.

ихъ, и оставимъ ихъ у себя впредь до вашего приказанія. Межъ тѣмъ Плетневъ узнаетъ у васъ въ деревнѣ, сколько тамъ нужно, чтобы выйти изъ крайности. Туда пошлется, сколько можно, а остальное перешлется вамъ. Когда Прокоповичъ отдастъ отчетъ и буде у него что-нибудь накопилось, оно также намъ не помѣшаетъ. Вы тогда должны себя и своихъ близкихъ обезпечить прежде всего. Такъ требуетъ благоразуміе, и вы не въ правѣ налагать на себя наказаніе за свои литературные грѣхи голодомъ. Эти грѣхи уже тѣмъ наказаны, что васъ препорядочно ругаютъ, и что вы сами чувствуете, сколько мерзостей вы перомъ написали. Во-вторыхъ, вѣдь деньги только у васъ въ воображеніи; ихъ, можетъ быть, нѣтъ, да и не будетъ, и вы мнѣ напомнили: «Perrètte sur sa tête ayant un pot à lait»; а вы уже ими и пожертвовали, не сообразясь ни съ какимъ порядочнымъ понятіемъ о милостынѣ и подаяніи.

Вотъ вамъ все то, что я о васъ передумала. Извините меня, если я слишкомъ рѣзко выразилась У меня таки есть рѣзкость въ выраженіяхъ, да притомъ я по-русски пишу съ трудомъ. По-французски можно дѣлать упреки съ комплиментами, а по-русски никакъ нельзя.

Скажите Жуковскому, что Андрей Карамзинъ самъ три раза писалъ лѣвой рукой матери. Раны его такъ неопасны, что мы надѣемся его увидѣть въ концѣ генваря.

Здоровье императрицы очень насъ безпокоитъ. Біеніе сердца почти ежедневно. Богъ знаетъ, что это за болѣзнь? Вѣроятно, лѣтомъ ей придется ѣхать на воды; по крайней мѣрѣ мнѣ это кажется необходимымъ, но объ этомъ ничего не говорятъ.

Знаетъ ли Ж(уковскій), что князь Александръ Николаевичъ Голицынъ умеръ мѣсяцъ послѣ того, какъ опять прозрѣлъ послѣ операцій, и умеръ отъ водяной? Онъ былъ честный и добрый человѣкъ. Имѣніе все роздалъ бѣднымъ: послѣ него ничего не нашли для племянниковъ; они, впрочемъ, не нуждаются.

Затѣмъ прощайте, любезный, прекрасный и добрѣйшій Николай Васильевичъ. Богъ васъ да наставитъ и сохранитъ. Молюсь за васъ, а вы молитесь за меня. Ваша отъ души А. Смирнова.

Получили вы 4 пакета съ книгами? Они отсюда были пересланы Михаилу Михайловичу [1]). Спросите у него о нихъ. При первой оказіи перешлю еще два послѣдніе тома Тихона Задонскаго, Макарія «О молитвѣ» и книгу Самарина [2]). Послѣ начну пересылать «Христіан-

[1]) Віельгорскому, секретарю посольства въ Берлинѣ.

[2]) „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“. Впослѣдствіи, въ 1880 г., трудъ Самарина былъ напечатанъ вполнѣ въ V томѣ его сочиненій. В. Ш.

ское Чтеніе». Говорятъ, вышли славныя вещи Стурдзы [1]). Хотите ли вы его? Читали ли вы что-нибудь изъ его сочиненій?

Петербургъ, декабря 30-го 1844 г.

Хочу еще въ старомъ году написать вамъ нѣсколько строкъ, не смотря на рыбное состояніе, въ которомъ я нахожусь. Не совсѣмъ, впрочемъ, похожа я на рыбу; я только утратила веселость и дѣятельность, соучастіе къ другимъ, но сохранила способность страдать, и страдаю такъ душевно, какъ еще и не приводилось. Душа болитъ физически, даже плачется и неможется. Читать не могу, писать тоже, выѣзжать—еще менѣе. Одно только меня развлекаетъ немного —это дѣти; но и они бѣдныя больны: у всѣхъ трехъ коклюшъ, и довольно сильный. Пусть же вы, мой любезный и добрый другъ, узнаете о состояніи души, для васъ всегда совершенно открытой. Вы одни мнѣ остались всегда вѣрными, вы одни меня полюбили не за то внѣшнее и блестящее, которое мнѣ принесло уже столько горя, а за искры души, едва замѣтныя, которыя вы же дружбой своей раздули и согрѣли. На васъ однихъ я могу положиться, тогда какъ вокругъ себя нахожу только разсчетъ, обманъ или прекрасный призракъ любви и преданности. Къ вамъ теперь стремится жаждущая душа моя. Вотъ вамъ моя исповѣдь. Но знайте же вы и то, что я хотя и горюю, но не совсѣмъ унываю. Я знаю, что это состояніе пройдетъ и должно пройти. Мнѣ уже очень извѣстны всѣ мои душевныя перемѣны и фазы; я знаю, какъ и лѣчить себя. Съ помощію Божіею мы все можемъ побѣдить, и это будетъ побѣждено. Я слишкомъ люблю и помню эти слова: «Да не смущается сердце ваше, и не устрашаетс..». Зачѣмъ мы забываемъ и это: «Миръ мой даю вамъ, не яко же міръ даетъ, яко же Азъ даю вамъ?» Зачѣмъ искать на земли еще другаго наслажденія внѣ этого святаго міра?

Вы меня просите вамъ сообщать нѣкоторыя свѣдѣнія о благородномъ петербургскомъ обществѣ [2]), да, право, я не знаю, что и сказать. Во первыхъ, оно дѣлится на двѣ партіи (я говорю вамъ о высшемъ кругѣ): одна—просто танцующая, веселящаяся до упада и, кажется, беззаботно глядитъ на все, начиная отъ Бога и своей души, и смотритъ на все, какъ на изношенные свои башмаки. Въ этотъ разрядъ

---

[1]) Александръ Скарлатовичъ Стурдза, авторъ духовно-нравственныхъ сочиненій, впослѣдствіи пріятель Гоголя, когда онъ жилъ въ Одессѣ.

В. Ш.

[2]) См. соч. Гоголя, VI, 146.

высшаго круга я не заглядываю: меня туда не зовутъ, потому что во мнѣ тамъ нѣтъ нужды. Черезъ молодежь узнаются сплетни, ссоры и скандалезъ, тамъ происходящій. Эта молодежь мнѣ незнакома. Слышу иногда, что тамъ пикники, пляшутъ польку на Средней Рогаткѣ или на островахъ, не пропускаютъ оперы никогда, хотя вовсе и не слушаютъ музыки. Говорятъ тѣмъ-же языкомъ, тѣ-же пошлости и, наконецъ, разыгрываютъ сцены Баденской Террассы въ блестящихъ своихъ гостинныхъ. Вы знаете, что я съ вами вслухъ зѣвала, когда вы читали Иліаду [1]), именно въ то время, какъ блаженствовали всѣ на Террассѣ, и теперь я также на все смотрю очень издали. Другая партія этого же круга есть какой-то слитокъ разнородныхъ существъ, которыя чувствуютъ, что не все въ жизни вертится на полькахъ у Средней Рогатки, или на аріи престарѣлаго Рубини, и что надо бы стряхнуть лѣнь и заняться дѣломъ, но межъ тѣмъ все-таки изъ пустаго въ порожнее переливаетъ. Къ этой партіи принадлежу и я. Иногда разговоръ принимаетъ оборотъ поважнѣе, построже, но все есть что-то несозрѣлое, неоснованное, и незамѣтно переходятъ къ пустякамъ жизни свѣтской. Вообще продолжается страсть обсуживать во всѣхъ кругахъ общества, и обсуживать строго, рѣзко, не принимая въ соображеніе, что на высотахъ у многихъ голова кружится, забывая и то, что каждый изъ насъ былъ бы во сто кратъ хуже, если бы его такъ систематически и столько лѣтъ окружали льстецы и подлецы и не допускали никогда истины къ нашимъ ушамъ. Эти строгія сужденія поразили меня при пріѣздѣ, поразили и Тютчева, очень милаго и добраго моего пріятеля, который по-французски такъ изъяснялся: «Je suis frappé combien on est cynique envers le Pouvoir ici». Все, все рѣшительно перетолковываютъ въ худую сторону и забываютъ, что всякій любитъ по своему, и что тому надо простить, который такъ много и, можетъ быть, одинъ такъ любитъ Русь и чувствуетъ, что въ ней есть достоинства, обѣщающія ей и будущность, и жизнь. Тѣ именно, которые такъ строги (замѣтно, что тѣ, которые выше сидятъ, болѣе и судятъ), тѣ именно не понимаютъ еще вполнѣ, что такое отечество. Имъ еще кажется милой остротой слова ф(ранцуза) при переходѣ черезъ Березину: «Et les malheureux appellent cela une patrie!». Такъ эти люди могутъ ли оцѣнить то, что именно должно не только обезоружить насъ, но искупить всѣ ошибки и преступленія его. Онъ рѣшительно

---

[1]) Гоголь очень оскорблялся такимъ равнодушіемъ къ Иліадѣ и писалъ Жуковскому: „Александра Осиповна и на Иліаду топаетъ ногами". См. Кул. „Зап. о жизни Гоголя", 11, 4.

одинъ понимаетъ, что значитъ слово въ устахъ нашихъ. Это уже Богомъ дано и сохраняется въ сердцѣ, какъ пророческое чувство, не смотря на все то, что по слабости человѣческой сдѣлано ошибочнаго и виновнаго. Мнѣ же очень грустно слушать эти разговоры. Въ нихъ примѣтна еще ужасная личность. Всегда почти бранятъ относительно къ себѣ или къ близкому лицу, а потомъ готовы пресмыкаться, когда ихъ пригладятъ или прибьютъ. Тутъ есть что-то холопское!

Въ итальянскую оперу ѣздятъ очень много, но уже осмѣливаются критиковать, и нѣтъ того глупаго, безотчетнаго энтузіазма. Вѣроятно, на будущій годъ они войдутъ въ общій разрядъ театровъ, а потомъ выдумаютъ что-нибудь другое, и станетъ пусто въ оперѣ, какъ теперь во французскомъ театрѣ, гдѣ сидитъ человѣкъ 50 въ прошломъ вѣкѣ запоздалыхъ [1]). Россійскій ѳеатръ-же процвѣтаетъ, вѣчно набитъ биткомъ отъ райка до бель-этажа, благодаря «Герою Преферанса», «Булочнику» и «Тремъ полькамъ». Госпожа Левкѣева приводитъ публику въ такой же восторгъ, какъ и Рубини. Я тамъ была надняхъ, нашла, что все очень пошло, и едва-ли вернусь.

Пишу вамъ въ постели, пріѣхавъ изъ дворца, гдѣ я бываю гораздо рѣже и зачѣмъ, не знаю. Продолженіе впредь.

Сообщ. **В. И. Шенровъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Такой-же неблагосклонный взглядъ на итальянскихъ артистовъ А. О. Смирнова выразила въ другомъ случаѣ: см. „Русск. Арх.“, 1882, 1, 218. „Изъ записокъ знатной дамы“. **В. Ш.**

Гр. Скавронскій, братъ императрицы Екатерины.

Письмо его къ академику Байеру, 1728 г.

Печатаемое ниже письмо писано гр. Скавронскимъ, роднымъ братомъ императрицы Екатерины I-й, черезъ годъ по полученіи имъ графскаго титула и вступленіи его въ русское подданство. Писано оно извѣстному академику Байеру по поводу сыновей Ивана и Мартына, повидимому отданныхъ на его попеченіе и получавшихъ образованіе при только-что учрежденной въ Петербургѣ академіи наукъ.

Письмо графа Скавронскаго гласитъ въ переводѣ [1]):

«Его Высокоблагородію г-ну инспектору Байеру—при академіи.

Высокоблагородный г. инспекторъ Байеръ Такъ какъ мы слышали, что дѣти наши находятся въ Академіи подъ вашимъ надзоромъ, для изученія языковъ подъ вѣдѣньемъ господина информатора Шванвица [2]), то покорнѣйше прошу васъ, чтобъ эти дѣти наши прежде всего пріобрѣли хорошее поведеніе [научились честно жить], равно какъ и свѣдѣнія въ наукахъ, за что мы постараемся вамъ услужить, будемъ вамъ благодарны и не преминемъ вознаградить васъ. Съ полною надеждою на успѣхъ всего этого пребываемъ. Вашего высокобл—дія покорнѣйшій слуга гр. Карлъ Скавронскій».

Сообщ. П. А. Висковатый.

---

[1]) Приводимъ текстъ письма съ автографа, писаннаго рукою графа Скавронскаго и полученнаго нами черезъ посредство г. Кордта.

Dem Wohlgebohren Herrn Inspector Bajer bey der Academie.

Wohlgebohrner Herr Inspector Bajer. Weil wir vernommen, dass sich unsere Kinder bey der Academie unter ihrer Aufsicht in Information der Sprachen bey dem Herrn Informator Schwanwitz befinden; derohalben ersuche Sie unterthanigst, dass diese unsere Kinder vor allen Dingen eine gute Conduite als auch Wissenschaft besässen wo vor wir insonderheit werden bemühet seyn solches ihnen abzudienen. Wir werden ihnen davor danken und nicht ermangeln lassen Ihnen dawor zu recompensiren, von disem allen wir eine gute Hoffnung haben und verbleiben.

Dero Wohlgebornen ergebenster Diener Graf Carl Skawrontzky.

d. 12 November 1728.

[2]) Пруссакъ, приглашенный въ акад. для перевода лексик. Вейсмана.

П. В.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

1820—1830 годовъ.

Въ 1887 году Е. А. Шахматова, разбирая библіотеку своего покойнаго отца, А. А. Шахматова, въ саратовскомъ имѣніи, нашла между книгами пачку рукописныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ первой четверти нашего столѣтія. Приношу здѣсь искреннюю благодарность Е. А. Шахматовой за доставленную мнѣ возможность не только познакомиться съ этимъ собраніемъ, но и воспользоваться имъ для печати.

Собраніе документовъ, о которомъ идетъ дѣло, принадлежало прежде Андрею Андреевичу Ивановскому, отъ него, оно, вѣроятно, и было получено покойнымъ А. А. Шахматовымъ. Для того, чтобы вполнѣ объяснить составъ и характеръ нашего собранія, надо сказать нѣсколько словъ о самомъ Ивановскомъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. (№ 2, стр. 392) напечатанъ былъ интересный разсказъ Ивановскаго о свиданіи его съ Пушкинымъ въ 1828 году; разсказу этому редакція предпослала тогда краткія свѣдѣнія о жизни и службѣ Ивановскаго, причемъ было указано, что, при связяхъ и отношеніяхъ Ивановскаго, его дневникъ, если бы онъ его велъ, былъ бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи. Наше собраніе документовъ все вообще, въ частности же письма разныхъ лицъ къ самому Ивановскому,—отчасти открываетъ намъ литературныя и общественныя отношенія Ивановскаго.

Ан. Ан. Ивановскій былъ литераторомъ, писалъ и печаталъ повѣсти, скрываясь подъ буквами А. И.; подъ этими же буквами былъ имъ изданъ въ 1828 году альманахъ: «Альбомъ Сѣверныхъ Музъ»; но, главное, Ивановскій былъ страстнымъ любителемъ литературы,

вращался въ литературныхъ кругахъ, былъ хорошъ съ А. Бестужевымъ, съ Корниловичемъ, съ Ѳ. Глинкою, также съ Гречемъ, Булгаринымъ, вѣроятно, и со многими другими видными представителями литературы.

Начавъ свою службу въ Смоленскѣ, Ивановскій въ 1822 году переселился въ Петербургъ, гѣ и поступилъ въ канцелярію военнаго министра. Затѣмъ, въ 1825 и 1826 гг., онъ находился при слѣдственной коммиссіи, учрежденной по дѣлу о декабристахъ. За «отличные труды въ коммиссіи» онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ пенсіею въ двѣ тысячи рублей. Когда работы коммиссіи окончились, Ивановскій остался на службѣ при А. Х. Бенкендорфѣ, т. е. по государственной полиціи. Ему не разъ поручались разныя секретныя слѣдствія не только его непосредственнымъ начальствомъ, но и по высочайшему повелѣнію. Насколько онъ пользовался милостью Бенкендорфа, видно изъ двухъ писемъ послѣдняго, печатаемыхъ ниже. Въ 1829 году Ивановскій вышелъ въ отставку. Около этого же времени онъ женился и затѣмъ поселился въ деревнѣ. Жена его, Софья Казимировна, скоро скончалась, а онъ самъ прожилъ до 1848 года, не оставляя до конца жизни литературныхъ интересовъ и даже писательства, поддерживая литературныя связи.

Покидая въ 1829 году службу, Ивановскій сохранилъ у себя небольшое собраніе документовъ, интересныхъ для него или какъ автографы знакомыхъ ему писателей, или по своему содержанію, касающемуся литературы. Главную часть этого собранія составляютъ бумаги, принадлежавшія декабристамъ, письма разныхъ лицъ къ А. А. Бестужеву, К. Ѳ. Рылѣеву, къ А. О. Корниловичу и др., между 1816 и 1825 гг.

Кромѣ того, въ собраніи Ивановскаго имѣется собственная его переписка, письма къ нему разныхъ лицъ, датированныя отъ 1825 до 1836 г.

Наконецъ, третью часть собранія Ивановскаго составляютъ бумаги, относящіяся до слѣдствія по дѣлу о 14 декабря.

Скажемъ обо всѣхъ трехъ отдѣлахъ нашего собранія.

Въ первомъ отдѣлѣ всѣхъ писемъ болѣе 70; откинувъ часть ихъ, малоинтересную по содержанію, писанную неизвѣстно кѣмъ или къ кому, или иногда лицами малоизвѣстными, я печатаю 52 письма. Относясь къ небольшому періоду времени (если не считать три первыхъ письма къ бар. В. И. Штенгелю, всѣ остальныя писаны между 1820 и 1825 годами), принадлежа по большей части лицамъ одного

и того же круга, письма эти, въ своемъ цѣломъ, даютъ не мало интересныхъ чертъ для общей характеристики общественныхъ и литературныхъ направленій 1820-хъ годовъ; кромѣ того, они объясняютъ отдѣльные литературные эпизоды того времени, объясняютъ нѣкоторые псевдонимы, отдѣльныя столкновенія съ цензурой, указываютъ на разныя частности въ литературныхъ отношеніяхъ и пр., наконецъ, многія изъ этихъ писемъ прямо представляютъ несомнѣнный непосредственный интересъ по своему содержанію.

Двадцать два письма разныхъ лицъ къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву хорошо характеризуютъ въ общемъ литературныя связи издателей «Полярной Звѣзды» (1823—1825). Особенно интересны восемь писемъ кн. П. А. Вяземскаго, въ которыхъ авторъ, съ своими обычными живостью и остроуміемъ, даетъ нѣсколько любопытныхъ литературныхъ характеристикъ; въ одномъ изъ писемъ кромѣ того мы находимъ три неизданныхъ эпиграмы князя Вяземскаго. Вообще эти письма вполнѣ характеризуютъ взгляды Вяземскаго въ то время; нельзя не остановиться съ особымъ вниманіемъ на призывѣ къ литературной независимости, съ какимъ онъ обращается къ Бестужеву. Письмо Маркевича къ Рылѣеву хорошо показываетъ вліяніе, какое имѣли патріотическія произведенія этого поэта.

Письма къ барону В. И. Штенгелю характеризуютъ намъ трехъ военныхъ писателей: А. А. Писарева, Н. Ѳ. Смирного и самого Штенгеля; два письма послѣдняго къ неизвѣстному даютъ намъ указанія на частныя дѣла его, на то, въ какомъ положеніи онъ находился въ началѣ 1820-хъ годовъ, когда безуспѣшно искалъ казенной службы.

Письма къ А. О. Корниловичу обрисовываютъ его литературныя и ученыя связи. Корниловичъ важенъ, какъ одинъ изъ первыхъ по времени популярныхъ изслѣдователей русской исторіи. Письмо къ нему цензора А. И. Красовскаго, также какъ письмо А. Бестужева въ цензурный комитетъ, не безъинтересны для положенія цензуры въ то время.

Два письма Грибоѣдова любопытны какъ по указанію на его близкую дружбу съ Бестужевымъ и Кюхельбекеромъ, такъ и по общему значенію для характеристики творца «Горя отъ ума».

Шесть писемъ партизана-поэта Дениса Давыдова хорошо обрисовываютъ ихъ автора.

Письмо кн. В. Ѳ. Одоевскаго къ Кюхельбекеру и письмо Петра Александровича Муханова къ Булгарину дополняютъ собою полемическія статьи издателей «Мнемозины» съ одной стороны и

журналистовъ-близнецовъ Греча и Булгарина съ другой (въ 1824 и 1825 гг.).

Перехожу ко второму отдѣлу нашего собранія. Изъ 29 писемъ разныхъ лицъ къ Ан. Ан. Ивановскому я печатаю 24 письма. О нихъ слѣдуетъ сказать то же, что сказано выше по поводу перваго отдѣла: они въ цѣломъ даютъ любопытный матеріалъ для характеристики литературныхъ отношеній своего времени (они относятся къ періоду съ 1825 по 1833 годъ, а одно письмо Греча къ 1836 г.). Между ними особенно интересны письма А. П. Бочкова, впослѣдствіи игумена Антонія, лица оригинальнаго, но мало извѣстнаго; они показываютъ намъ, какъ велико было литературное вліяніе издателей «Полярной Звѣзды», въ особенности же А. Бестужева.

Письма Ѳ. Н. Глинки сообщаютъ намъ свѣдѣнія объ его невольной службѣ въ Петрозаводскѣ и объ его настроеніи послѣ 1825 г.; повторяемыя имъ похвалы «Николаю Разумному» очень характерны вообще для своего времени.

Письма В. П. Андроссова не лишены любопытныхъ подробностей о литературномъ кругѣ и литературныхъ отношеніяхъ въ Москвѣ 1830-хъ годовъ.

Письма А. О. Корниловича показываютъ намъ, какъ внимательно Ивановскій заботился о своемъ сосланномъ другѣ и литературномъ сотоварищѣ.

Въ нашей литературѣ уже не разъ отмѣчался тотъ любопытный фактъ, что въ русскомъ обществѣ 1820-хъ годовъ была полная связь, если не принципіальная, то фактическая, въ общественныхъ направленіяхъ, въ литературныхъ отношеніяхъ. И тѣ, кто принадлежалъ къ тогдашнимъ тайнымъ обществамъ, и тѣ, кто къ нимъ никогда не принадлежалъ, и даже тѣ, которые въ политическомъ отношеніи могли быть подозрительны только въ особомъ смыслѣ слова, — всѣ тогда говорили и разсуждали вмѣстѣ, вмѣстѣ писали и печатали, всѣ они составляли вмѣстѣ одинъ общій литературный, интелигентный кругъ. Самъ Гречъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что трудно было разобрать, кто былъ заговорщикомъ, кто нѣтъ. Наши письма еще разъ указываютъ на эту общую близость въ тогдашнемъ обществѣ; въ нихъ часто встрѣчаются имена Греча и Булгарина; характерно также дружеское письмо Д. Н. Блудова къ М. Ф. Митькову, о которомъ черезъ $1^1/_2$ года тотъ-же Блудовъ давалъ рѣзкій отзывъ въ донесеніи слѣдственной коммиссіи. Но всего характернѣе тутъ роль самого Ивановскаго, его отношенія къ Корниловичу.

Ивановскій былъ, какъ мы знаемъ, литераторомъ и страстнымъ

любителемъ словесности, былъ знакомъ, близокъ со многими изъ литераторовъ-декабристовъ. И вотъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ участвовалъ въ слѣдствіи надъ декабристами, онъ получаетъ отъ своего друга А. П. Бочкова письма съ выраженіемъ самыхъ искреннихъ чувствъ уваженія и удивленія къ осужденному Александру Бестужеву, съ самымъ горячимъ восхваленіемъ его, съ глубокими сожалѣніями о погибели братьевъ Бестужевыхъ, Рылѣева, Корниловича, Кюхельбекера: «сколько надеждъ погибло!». Ивановскій, повидимому, самъ доставляетъ въ это самое время Бочкову для прочтенія письма и повѣсти Бестужева, а отъ него выслушиваетъ заклинаніе «для славы родины сохранить все, что осталось отъ молодца вожатаго», т. е. отъ А. Бестужева.

Этого мало. Изъ писемъ Корниловича мы узнаемъ еще о слѣдующемъ: Ивановскій, зная, что семья Корниловичей находится въ стѣсненномъ положеніи, что его пріятель декабристъ Корниловичъ нуждается въ деньгахъ, издаетъ въ 1828 альманахъ «Альбомъ Сѣверныхъ Музъ» въ пользу Корниловича, что было извѣстно и въ литературныхъ кругахъ. Въ это время онъ продолжаетъ еще свою службу при Бенкендорфѣ, и въ своемъ альманахѣ онъ помѣщаетъ стихи Рылѣева на смерть Байрона, взятые изъ архива государственной полиціи и смягченные нѣсколько для цензуры, также отрывокъ изъ поэмы А. Бестужева, быть можетъ, и другія произведенія декабристовъ. Позднѣе Ивановскій заботится о печатаніи литературныхъ трудовъ Корниловича.

Эти отношенія, вскрываемыя нашими письмами, очень характерны для русскаго общества 1820-хъ годовъ, а по отношенію къ Ивановскому они показываютъ намъ его глубокую доброту и его дѣйствительно безпредѣльную преданность литературѣ. Его заботы о Корниловичѣ могли быть опасны для него самого. Онъ это понималъ: онъ заботится объ изданіи повѣстей Корниловича, но упоминаніе объ этомъ въ письмѣ Корниловича онъ зачеркиваетъ, измѣняетъ.

Обращаюсь теперь къ третьему отдѣлу нашего собранія, къ бумагамъ, касающимся слѣдствія по дѣлу 14-го декабря. Ивановскій, мы знаемъ, служилъ при слѣдственной коммиссіи; онъ присутствовалъ при засѣданіяхъ, при допросахъ, велъ, вѣроятно, протоколы и проч. Слѣды этого остались въ его бумагахъ. Мы находимъ тутъ нѣсколько листковъ или даже лоскутковъ, на которыхъ сдѣланы записи и помѣты, относящіяся къ слѣдствію надъ декабристами, и притомъ сдѣланы, очевидно, во время самыхъ же засѣданій. Мы встрѣчаемъ показанія о полковникѣ Владимірѣ Глинкѣ и постановленіе о немъ, показаніе Арбузовова о Д. Завалишинѣ, показаніе Рылѣева объ Якубовичѣ и,

кромѣ того, еще нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Но Ивановскій не ограничивался во время засѣданій и допросовъ однѣми записями, нужными ему для составленія протоколовъ: у него оставалось много незанятаго времени и онъ рисовалъ; иногда рисовалъ такъ какія-нибудь человѣческія фигуры, а иногда портреты лицъ, бывшихъ въ засѣданіи, или даже цѣлыя сцены; такъ, мы находимъ тутъ нѣсколько портретовъ военнаго министра Татищева, портретъ Артамона Муравьева и еще неизвѣстныхъ лицъ; мы встрѣчаемъ тутъ каррикатуру: Татищевъ и Бенкендорфъ дерутся на сабляхъ; или объясненіе самого Ивановскаго съ Татищевымъ: Ивановскій стоитъ за письменнымъ столомъ, передъ нимъ стоитъ Татищевъ и говоритъ ему, вѣроятно, въ отвѣтъ на его жалобу о смертельной трудности заданной срочной работы: «ну, и умри, мой милый!»—а Ивановскій отвѣчаетъ: «слушаю-съ!» Всего интереснѣе двѣ сцены, снимки съ которыхъ будутъ помѣщены въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Русской Старины». Одна изъ нихъ изображаетъ допросъ Сергѣя Муравьева-Апостола: за столомъ сидитъ Бенкендорфъ, очевидно, ведущій допросъ; недалеко отъ него сидитъ гр. Адлербергъ, а на другомъ концѣ стола Татищевъ (фигура его недорисована); передъ Бенкендорфомъ стоитъ Муравьевъ въ мундирѣ безъ эполетъ. Другая сцена представляетъ полное засѣданіе слѣдственной коммиссіи, передъ которой стоитъ, вѣроятно, правитель дѣлъ ея, Боровковъ; одно кресло за столомъ пусто и къ нему приписано: «Мих. Павл. (т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ)—хорошій человѣкъ, жаль, что рѣдко пріѣзжалъ».

Кромѣ того, мы находимъ въ бумагахъ Ивановскаго два оффиціальныхъ доклада слѣдственной коммиссіи, одинъ, составленный въ самомъ началѣ слѣдствія, къ 9-го января 1826 г., а другой, недоконченный, вѣроятно, нѣсколько позднѣе.

Какъ эти два доклада, такъ и упомянутыя выше замѣтки Ивановскаго указываютъ нѣкоторыя подробности самого производства слѣдствія надъ декабристами. Кстати сказать, въ настоящее время, кажется, и самое подлинное дѣло о декабристахъ могло бы быть доступнымъ общему историческому изученію.

Обращаюсь опять къ письмамъ нашего собранія. Я снабдилъ ихъ, по возможности, нѣкоторыми объяснительными примѣчаніями, главнымъ образомъ, ссылками на статьи журналовъ и альманаховъ того времени. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя частности остались у меня не разъясненными. Письма печатаются въ строго хронологическомъ по-

рядкѣ по двумъ отдѣламъ: 1) письма къ разнымъ лицамъ и 2) письма къ самому Ивановскому. Лишь относительно нѣсколькихъ писемъ перваго отдѣла опредѣленіе даты представляетъ затрудненія: эти письма помѣщены въ концѣ перваго отдѣла.

Для удобства справокъ пересчитываю здѣсь—къ кому и отъ кого адресованы печатаемыя письма.

Письма адресованы слѣдующимъ лицамъ: А. А. Бестужеву (№№ 10, 12, 14—16, 18, 19, 22, 25, 26, 29, 35, 36, 44—46); А. Бестужеву вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ (№№ 13 и 21); Ѳ. В. Булгарину (№ 34); Ан. Ан. Ивановскому (№№ 53—76); А. О. Корниловичу (№№ 9, 28, 30, 31, 33, 49—51); В. К. Кюхельбекеру (№№ 24, 37, 47); М. Ф. Митькову (№ 32); Неизвѣстному (№№ 4 и 5); К. Ѳ. Рылѣеву (№№ 23, 42, 43, 48); въ Цензурный Комитетъ (№ 11); бар. В. И. Штенгелю (№№ 1—3, 6—8, 20); А. И. Якубовичу (№№ 17, 27, 38—41).

Письма написаны слѣдующими лицами: В. П. Андроссовымъ (№№ 53, 66, 69 и 70); гр. А. А. Аракчеевымъ (№ 3); барономъ Ашемъ (№ 55); Е. А. Баратынскимъ (№ 21); А. Х. Бенкендорфомъ (№ 67 и 68); А. А. Бестужевымъ (№№ 11, 51 и 52); Д. Н. Блудовымъ (№ 32); А. П. Бочковымъ (№№ 57—59 и 64); Ѳ. В. Булгаринымъ (№№ 49 и 54); Величко (№ 48); А. Вельяминовымъ (№ 17); кн. П. А. Вяземскимъ (№№ 13—16, 18, 22, 26, 45); Ѳ. Н. Глинкою (№№ 60—62 и 65); Н. И. Гречемъ (№№ 9 71 и 76); А. С. Грибоѣдовымъ (№№ 46 и 47); Д. В. Давыдовымъ (№№ 10, 25, 27, 39—41); И. И. Дмитріевымъ (№ 29); А. П. Ермоловымъ (№ 36); В. А. Жуковскимъ (№ 12); Н. А. Каховскимъ (№ 43); А. О. Корниловичемъ (№№ 72—75); барономъ Ѳед. Корфомъ (№ 50); А. И. Красовскимъ (№ 31); Н. А. Маркевичемъ (№ 42); Петромъ А. Мухановымъ (№№ 23, 28, 30, 33 и 34); Нечаевымъ (№№ 35 и 44); кн. В. Ѳ. Одоевскимъ (№ 37); А. А. Писаревымъ (№ 2); П. И. Рикордомъ (№ 1); Н. Ѳ. Смирнымъ (№№ 6—8 и 20); А. И. Татищевымъ (№ 56); гр. А. П. Толстымъ (№ 38); Туманскимъ (№ 19); гр. Д. И. Хвостовымъ (№ 56); Р. И. Ховеномъ (№ 24); бар. В. И. Штенгелемъ (№№ 4 и 5).

Всего 76 писемъ, адресованныхъ къ двѣнадцати лицамъ и писанныхъ тридцатью шестью лицами.

Надо прибавить еще слѣдующее: между письмами къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву находятся и подлинныя письма къ нимъ А. С. Пушкина. Письма эти давно извѣстны и потому мы ихъ не перепечатываемъ въ нашей коллекціи; но они были напечатаны со

списковъ не всегда точныхъ. При будущей перепечаткѣ ихъ въ новомъ изданіи полнаго собранія сочиненій Пушкина необходимо будетъ текстъ ихъ провѣрить по подлинникамъ. Здѣсь же я ограничусь указаніемъ на нѣкоторыя болѣе крупныя неточности въ печатномъ текстѣ этихъ писемъ (ссылки дѣлаю по изд. Пушкина 1882 г.).

Въ нашемъ собраніи находятся въ подлинникѣ письма, напечатанныя подъ №№ 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10 и 11, т. е. девять нумеровъ, но всѣхъ писемъ тутъ я считаю десять, такъ какъ № 8, какъ онъ напечатанъ, долженъ быть раздѣленъ на два письма: первое письмо продолжается до словъ: «я буду за тебя говорить» (VII т., стр. 173), далѣе же отъ словъ: «во первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ»,—начинается другое письмо. Эти письма написаны каждое на своемъ листѣ и притомъ на бумагѣ съ разными водяными знаками, такъ что нѣтъ ни малѣйшаго основанія соединить ихъ въ одно письмо, тѣмъ болѣе, что само содержаніе писемъ не допускаетъ такого соединенія. Пушкинъ хочетъ говорить о литературѣ и вдругъ начинаетъ просить адреса Бестужева. Такимъ образомъ, первое письмо остается безъ конца и безъ даты; во второмъ же письмѣ дату надо исправить: 24 марта. Въ первой части № 8 фраза заключеннаго въ печати въ скобки (стр. 172) написана въ подлинникѣ сбоку безъ всякаго знака, который бы указывалъ, куда ее нужно вставить, и ее совсѣмъ неудобно вставлять тамъ, гдѣ она печатается; кажется, лучше было бы помѣстить ее ужъ въ концѣ абзаца. Затѣмъ въ печатномъ текстѣ попадаются ошибки въ отдѣльныхъ словахъ, напр., въ № 6, на стр. 160, строка 2: «картина... входитъ», а въ подлинникѣ во множественномъ числѣ: «картины.. входятъ», тутъ же подъ конецъ: «за что корить? за что вѣнчать?» — слѣдуетъ: «за что коритъ? за что вѣнчаетъ?». Подобныхъ неточностей мною замѣчено еще 17. Кромѣ того, не мало неточностей относительно красныхъ строкъ, также и въ знакахъ.

Кромѣ этихъ десяти писемъ Пушкина, въ нашемъ собраніи находится еще письмо его къ А. Х. Бенкендорфу отъ 21-го апрѣля 1828 г. (съ помѣтою: получ. 23-го апрѣля); письмо это вполнѣ точно напечатано было въ упомянутой выше статьѣ Ан. Ан. Ивановскаго (Русск. Старина» изд. 1874 г., № 3, стр. 394).

При письмахъ Пушкина къ Бестужеву находятся автографы его стихотвореній, присланныхъ для «Полярной Звѣзды»: (1 листъ) элегія («Простишь-ли мнѣ»), Нереида; 2) четыре страницы—Друзьямъ, Гречанкѣ, Элегія («Увы! зачѣмъ она блистаетъ»); 3) четыре страницы—Овидію. Текстъ почти не отличается отъ текста «Полярной Звѣзды»,

кромѣ ея опечатокъ [1]). Въ первой изъ элегій въ автографѣ нѣтъ трехъ стиховъ: «Въ нескромный часъ» и проч.

Е. А. Шахматова, насколько я знаю, намѣрена пожертвовать всю коллекцію бумагъ Ан. А. Ивановскаго въ Радищевскій музей, устроенный внукомъ А. Н. Радищева, художникомъ А. П. Боголюбовымъ въ г. Саратовѣ. Такимъ образомъ и то письмо Пушкина, гдѣ онъ пишетъ Бестужеву: «какъ можно... забыть Радищева? кого-же мы будемъ помнить?»—будетъ храниться въ учрежденіи, основанномъ въ память Радищева на пользу русскаго просвѣщенія.

В. Якушкинъ.

1888 г. Мая 30-го.

I.

А. А. Писаревъ къ барону В. И. Штенгелю.

1-го ноября 1816 г. Смоленскъ.

М. г. Владиміръ Ивановичъ. Вы меня восхитили вашею книгою [2]). Что-же, если бы я бесѣдовалъ съ вами?.. Простите мнѣ сіе необычное начало письма отъ человѣка, вами еще незнаемаго!.. Но, наслышась довольно о качествахъ души вашей и теперь познавъ отличныя дарованія ваши, я не въ правѣ былъ удержать порывъ моей признательности въ отношеніе особы вашей. Такъ, милостивый государь Владиміръ Ивановичъ, книга ваша есть важною услугою для военной исторіи достопамятнаго 1812 года; я чистосердечно и всенародно готовъ признаться, что во все время моего неусыпнаго занятія по сему предмету я еще до сихъ поръ не находилъ столь удовлетворительнаго сочиненія, подобнаго вашему.

Приготовляя къ изданію въ свѣтъ мои военныя письма, убѣдительнѣйше прошу васъ позволить мнѣ упомянуть въ моихъ замѣчаніяхъ о

---

[1]) Въ автографахъ тѣ слова, въ которыхъ были въ „Полярной Звѣздѣ" главныя опечатки, подчеркнуты: вѣроятно, Бестужевъ, послѣ указаній Пушкина, провѣрялъ опечатки по автографамъ.

[2]) Записки касательно составленія и самаго похода санктпетербургскаго ополченія противъ враговъ отечества въ 1812 и 1813 годахъ, съ краткимъ обозрѣніемъ всѣхъ происшествій, во время бѣдствій и спасенія нашего отечества случившихся, и съ подробнымъ осады Данцига; соч. Штенгеля, 2 ч. Спб и М. 1814 и 1815. В. Я.

сей книгѣ; можетъ быть, одно только ограниченіе чертежа писемъ моихъ преградитъ мнѣ любопытное и достойное всевозможнаго распространенія изложеніе вашего сочиненія, которое и на сей разъ служитъ мнѣ великимъ пособіемъ въ моемъ трудѣ.

Въ знакъ моей искренней къ вамъ приверженности и отблагодареніе за все ко мнѣ ваше вниманіе, просилъ я отца моего, чтобы онъ вмѣсто меня лично вручилъ вамъ опытк мои, а именно: 1) предметы художникамъ, 2 части; 2) руководство къ художествамъ, и 3) правила театра; нынѣ же къ концу приводящее сочиненіе, можетъ быть, имѣть буду пріятнѣйшій случай лично вамъ вручить. Честь имѣю и пр. Александръ Писаревъ.

(Сверху письма помѣта рукою Штенгеля: Сочинителя военныхъ писемъ и предметовъ для художниковъ и пр.) [1].

II.

П. И. Рикордъ къ барону В. И. Штенгелю.

Помѣта красными чернилами рукою Штенгеля: извѣстнаго капитана, спасшаго Головнина изъ японскаго плѣна и бывшаго потомъ начальникомъ Камчатки.

Охотскъ. Августа 1-го дня 1817 г.

Достопочтеннѣйшій и любезный Владиміръ Ивановичъ, вручитель сего письма бывшій нашъ діанскій штурманъ, Василій Михайловичъ Средній, отлично благороднаго (истаго), скромнаго поведенія человѣкъ, по слабости своего здоровія принужденъ былъ оставить служеніе

---

[1]) А. А. Писаревъ издалъ: Военныя письма и замѣчанія, наиболѣе относящіяся къ незабвенному 1812 году и послѣдующимъ. Соч. А. Писарева. 2 части. Москва 1817 г.—Предметы для художниковъ, избранные изъ россійской исторіи, словенскаго баснословія и изъ всѣхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, А. Писаревымъ, 2 ч., Спб. 1807.—Начертанія художествъ или правила въ живописи, скульптурѣ, гравированіи и архитектурѣ, съ присовокупленіемъ разныхъ отрывковъ, касательно художествъ, выбранныхъ изъ лучшихъ сочинителей А. Писаревымъ. Спб. 1808.—Общія правила театра, избранныя изъ полнаго собранія сочиненій Вольтера и расположенныя по порядку драматическихъ правилъ А. Писаревымъ. Спб. 1809.—Ему-же Смирдинъ приписываетъ: Калужскіе вечера или отрывки сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ военныхъ литераторовъ. Собралъ А. Писаревъ. 2 ч. М. 1825.
В. Я.

въ суровомъ охотскомъ климатѣ, гдѣ онъ имѣлъ весьма выгодное мѣсто, директора штурманской школы; по способностямъ своимъ и любви къ полезнымъ занятіямъ, школу онъ довелъ до такого въ наукахъ успѣха, что нѣсколько мальчиковъ обѣщаютъ быть современемъ хорошими штурманами; на Діанѣ онъ былъ употребляемъ къ черченію картъ и переводамъ съ англійскаго языка; съ такими достоинствами молодой человѣкъ, согласитесь, что вездѣ можетъ служить съ пользою. Теперь онъ выѣзжаетъ отсюда съ длиннымъ (бакштовомъ), барказъ съ баластомъ и маленькій 4-хъ весельный яликъ. Москва его родина, у него тамъ родная оставалась матушка и сестры, тамъ то онъ и желаетъ (ошвортоваться) со своею флотиліею; барказъ... тяжелой петропавловской постройки; отъ васъ, можетъ быть, почтеннѣйшій Владиміръ Ивановичъ, будетъ зависѣть ввести флотилію благороднаго, но бѣднаго штурмана въ гавань благополучія, съ свойственнымъ вашимъ добродушіемъ облагодѣтельствуйте его таковою наградою.

Г. Среднiй, я ручаюсь моею честью, будетъ знать цѣну вашимъ благодѣяніямъ и по скромности своей не сунется искать мѣсто, выше своихъ способностей, и получивши соотвѣтствующее, съ примѣрнымъ усердіемъ и пользою будетъ исправлять. Ободрите его, прошу васъ дружески, своею благосклонностію, и онъ съ вами объяснится, что вы можете для него сдѣлать. Не бывши вамъ лично знакомъ, онъ заочно васъ почитаетъ по извѣстности вашего имени, всѣми добродѣтельными камчадалами съ благодарностію произносимаго; я имѣлъ удовольствіе по почтѣ къ вамъ отправить пакетъ; съ искреннимъ почтеніемъ почтеннѣйшей и любезнѣйшей вашей супругѣ имѣю счастіе быть съ чистѣйшимъ дружелюбіемъ усердно преданнѣйшимъ къ вашимъ услугамъ П. Рикордъ.

III.

А. А. Аракчеевъ къ барону В. И. Штенгелю.

18-го ноября 1817 г.

Г. Аракчеевъ благодаритъ барона Штенгеля за присылку бумагъ, которыя по прочтеніи возвращаетъ обратно по ненадобію въ оныхъ.

IV.

Баронъ В. И. Штенгель къ Михаилу Зиновьевичу...

Фурсово, октября 1-е, 1820 г.

Многолюбезнѣйшій мой Михаилъ Зиновѣичъ, пріѣхавъ изъ Тулы, я нашелъ ваше письмо отъ 10 сентября, исполненное такими выраженіями, такими чувствованіями, что я до умиленія и — не стыжусь сознаться — до слезъ былъ тронутъ ими. Я желалъ вамъ тотчасъ отвѣчать, и не отвѣчалъ именно потому, что мнѣ хотѣлось поговорить съ вами языкомъ сердца при свободномъ изліяніи души; но мнѣ мѣшали и люди, и обстоятельства. Между тѣмъ получилъ второе ваше письмо отъ 21 го и вчерась третье отъ 28-го. Не смотря, что вчерась и сегодня писалъ съ утра до ночи, поспѣшаю отвѣчать вамъ, чтобы загладить невинно заслуженный упрекъ. Тщетно желалъ бы выразить, сколь пріятно мнѣ читать дышущія искренностію увѣренія въ дружествѣ вашемъ; тщетно хотѣлъ бы равносильно убѣдить васъ вѣрить подобнымъ ощущеніямъ съ моей стороны,—ваши доказательства будутъ всегда сильнѣе: вы подкрѣпили ихъ уже опытомъ, а у меня одни слова, отъ которыхъ всегда весьма далеко еще до дѣла. Но я уже сказалъ, что надѣюсь на время, что оно нѣкогда меня оправдаетъ,— сказалъ, и подлинно перестану увѣрять васъ въ томъ, въ чемъ ему предоставляю васъ убѣдить.

Сожалѣю вмѣстѣ съ вами, что безсовѣстность трактирщика лишила меня одного изъ писемъ вашихъ и удовольствія прочитать описаніе Ярославля, который, вопреки заключенію вашему мнѣ, извѣстенъ токмо изъ географіи, а это не то, что личное наблюденіе. Господа географы нерѣдко, подобно посѣтителю кунсткамеры, замѣчаютъ букашки и таракашки, а слоновъ не видятъ. Сожалѣю, что не удалось и помечтать съ вами о предположеніяхъ, кои васъ тогда занимали. Какъ не говорите, а мечтаніе благодѣтельный даръ небесъ. По моему мечта и надежда двѣ родныя сестры милосердія для рода человѣческаго.

Искренно благодарю за отправленіе печати. Можно быть увѣреннымъ, что получившій будетъ доволенъ ею и безъ оправы.

Не помню, какія слова въ письмѣ моемъ заставили васъ такъ удивляться и спросить: гдѣ величество души моей? — Въ моихъ слабостяхъ, отвѣчаю. И герои, обезсмертившіе себя твердостію духа, платили въ нѣкоторыя минуты жизни дань человѣчеству: мнѣ-ли

подъ часъ не падать духомъ подъ ударами непріязненнаго рока?— И то уже много, если паденіе сіе скоропреходящее, если я могу еще, упавъ, встать и оправиться, укрѣпиться упованіемъ на Промыслъ и вооружиться паки терпѣніемъ. Не требуйте отъ меня болѣе. Не нужно вамъ быть священнослужителемъ, чтобы дѣйствовать къ моему успокоенію: вы успѣваете въ этомъ тремя словами языка сердечнаго. Онъ имѣетъ свою силу, свою магію для тѣхъ, кто способенъ понимать его. Полагаю себя въ числѣ сихъ.

Зависть моему Шпицу заставила меня улыбнуться съ сердечнымъ удовольствіемъ. Боюсь, чтобы подлинно вы не возродили во мнѣ опять честолюбія, которое очень не кстати для винокура... На семъ словѣ останавливаюсь и перехожу мыслію къ предпріятіямъ, о коихъ вы далѣе въ письмѣ вашемъ упоминаете. Послѣ вашего не отчаяваюсь я, кажется, готовъ сказать: надѣюсь. О, какъ бы подлинно я этого желалъ. Мое положеніе таково, что надобно этого желать,—но разскажу вамъ въ своемъ мѣстѣ.

Я не могъ обойтись строже съ вашимъ сочиненіемъ, ибо оно заслуживало одобреніе по совѣсти. Гдѣ дѣло состоитъ въ сущности, а не въ надутой красотѣ стиля, тутъ граматическія ошибки ничтожны. Я и то несправедливо поступилъ, что ихъ замѣтилъ.

Скажите любезному братцу вашему, что всякое его письмо мнѣ будетъ пріятно, и чѣмъ проще, чѣмъ ближе къ чувствованію непорочнаго его сердца, тѣмъ для меня пріятнѣе. Я очень вѣрю, что произнесшій въ публичномъ собраніи рѣчь на иностранномъ языкѣ способенъ написать высокопарное письмо даже къ самому папѣ, и потому ни мало не усумнюсь въ его способностяхъ, если письмо будетъ не въ правилахъ риторики. Пусть пощадитъ бумагу и время, для меня теряемое, которое ему столь драгоцѣнно.

И я невольно разсмѣялся надъ словами: за васъ еще дѣйствуютъ. Желалъ бы знать, кто, какъ и у кого. Всего вѣроятнѣе, что обо мнѣ такъ тамъ заботятся, какъ заботится насытившійся за поминнымъ столомъ жирный попъ о томъ, загребли-ли могилу отпѣтаго имъ покойника.

Пріятный языкъ искренней дружбы вы называете со своей стороны болтливостью: Бога вы не боитесь! Что-же послѣ этого церемонныя поздравленія съ праздникомъ и письма посвятительныя?

Анекдотъ вашъ о несчастномъ офицерѣ напомнилъ мнѣ много случаевъ, гдѣ для вздорныхъ учрежденій гибнутъ люди, какъ собаки. Я всегда съ жалостію смотрѣлъ, какъ благородный человѣкъ выбѣгаетъ, сломя голову, по колокольчику для какого-либо пустаго

превосходительства, нерѣдко стоющаго того, чтобы не ему, а на немъ бить дробь.

Травалемъ напротивъ я очень доволенъ. Онъ такъ уже привыкъ ко мнѣ, что безотлучно со мною, и спитъ, и даже ѣстъ вмѣстѣ. При всякомъ выходѣ моемъ такія дѣлаетъ антраша, что перещеголяетъ Дюпора и Антонена. Я бралъ его съ собою и въ Бѣлевъ. Словомъ, я вамъ совершенно благодаренъ за него, болѣе, чѣмъ человѣку вашему за Аѳанасья, котораго я по безсовѣстности его принужденъ былъ отпустить, и по глупой впрочемъ снисходительности съ одобреніемъ.

Писца, который не совершенно хорошо пишетъ, не нужно, другой-же должности теперь дать не могу. П. И. Чебышевъ, получивъ свѣдѣніе о высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, возвратился съ дороги въ Петербургъ и сдалъ почти всю свою поставку лифляндцамъ, а себѣ оставилъ только на долю нашего завода не съ большимъ тысячъ 30. Извѣщая меня о семъ, онъ пишетъ о всемѣрномъ сокращеніи расходовъ его. Это заставило меня распустить и тѣхъ людей, коихъ было пріискалъ, полагая, что дѣло будетъ большое. 27—у насъ затерли дрожжи, а послѣ завтра начнутся уже заторы вина. Работы будетъ мѣсяца на два, а тамъ я свободенъ. Между тѣмъ Чебышевъ пріѣдетъ въ концѣ этого мѣсяца. Я не премину увѣдомить васъ о послѣдствіи.

Жена моя уже очень близка къ критической минутѣ. Не знаю, чѣмъ Богъ порадуетъ, кажется,—Владиміромъ. Она просила меня написать вамъ о засвидѣтельствованіи ея почтенія Александрѣ Ларіоновнѣ и попросить извиненія, что не пишетъ. За меня прошу поцѣловать ручку и увѣрить ее и себя въ истинномъ душевномъ уваженіи и преданности сердечной, съ коими навсегда пребудетъ другомъ вашимъ Б. В. Штейнгель.

P. S. Въ послѣднемъ письмѣ говорите вы, что ждете отъ меня разрѣшенія о рекомендованныхъ мнѣ людяхъ; и вы писали мнѣ токмо объ одномъ; развѣ нашли еще другаго кого?

Уже ровно полночь. Покойной ночи!

Вообразите, какую Верейскій городничій И. И. Мейнинъ сдѣлалъ мнѣ нечаянную пріятность: прислалъ 500 р. при письмѣ, въ коемъ клеплетъ на меня, что я ему далъ ихъ на дрожки, а онъ теперь можетъ имѣть карету и потому возращаетъ,— 500 р. не дороги, но, признаюсь, благодарность теперь безцѣнна и пріятна. Я восхитился симъ поступкомъ несказанно, и раздѣляю это чувство съ вами.

(Сверху помѣта: получено 6-го октября 1820 г., отвѣч. 12 октября 1820 года).

V.

Баронъ В. И. Штенгель къ Мих. Зин.....

Фурсово, 15 октября 1820 г.

Любезнѣйшій другъ Михаилъ Зиновеичъ! чѣмъ, скажите, могу достойно возблагодарить васъ за чувства, выраженныя вами въ письмѣ къ Гр. Д. Трофимову? Онъ прислалъ мнѣ его оригиналомъ. Вчерась ввечеру я получилъ его, и, читая, не могъ удержать слезъ, доставившихъ сердцу неизъяснимое удовольствіе. Вы дѣлаете меня счастливымъ, достойнымъ зависти. Въ наше время такое истинное, безкорыстное дружество, такое непритворное участіе, такое соболѣзнованіе о несчастіи ближняго... истинно безпримѣрно. Вы желаете быть предметомъ моего удивленія и достигли своей цѣли. Такъ, удивляясь вамъ, я буду любить васъ всѣми соединенными силами души и сердца моего. Инымъ ничѣмъ воздать вамъ не умѣю.

Эти дни я простудился. Нездоровье, разлука съ семействомъ, дурная погода и смрадное, отвратительное для меня мое мѣстопребываніе—такое дѣлаютъ на духъ мой впечатлѣніе, такъ угнетаютъ меня, что съ послѣдними силами борюсь для преодолѣнія совершеннаго унынія—и отчаянія. Въ самое это время ваше письмо, какъ нѣкій живительный бальзамъ, облегчило раны моего сердца и подкрѣпило духъ мой. Завтра ѣду къ женѣ, чтобы съ нею раздѣлить мое удовольствіе, вами мнѣ доставленное. О! Какъ она будетъ вамъ благодарна. Бѣдная женщина! въ самыхъ мученіяхъ своихъ она болѣе о моемъ спокойствіи заботилась, нежели о своемъ страданіи. Судите, какъ она будетъ чувствовать вашу ко мнѣ дружбу.

Нѣтъ, я непремѣнно долженъ съ Чебышевымъ разстаться. Чувствую себя слишкомъ отъ него униженнымъ и обиженнымъ, но куда я дѣнусь? — Я писалъ въ Петербургъ къ Дарьѣ Алекс. Шишковой, супругѣ Алекс. Семеновича, чтобы она поговорила обо мнѣ съ Ник. Семеновичемъ Мордвиновымъ, а они друзья. А какъ они ко мнѣ расположены, то можете судить по прилагаемому письму, которое мнѣ послѣ возвратите. Между тѣмъ есть одинъ сосѣдъ мой, который меня полюбилъ и беретъ во мнѣ участіе. Онъ очень коротко знакомъ съ Мальцовымъ, который купилъ имѣнье у Демидова. Онъ хочетъ меня съ нимъ ознакомить и увѣряетъ, что Мальцовъ охотно отдастъ мнѣ свой винокуренный заводъ на аренду и выгодно. Онъ очень его хвалитъ. Не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Между тѣмъ мнѣ надобно, по просьбѣ сестры Чебышева, ѣхать въ Орелъ хлопотать за нихъ. Можетъ быть прямо отъ жены и поѣду туда. По возвращеніи, надѣюсь найти ваше письмо, а то въ мою очередь и я начинаю весьма безпокоиться, не имѣя третью почту отъ васъ извѣстія. Ваши собственные поступки противъ меня увѣрятъ васъ лучше словъ моихъ въ той живѣйшей дружбѣ, которую чувствуетъ и не перестанетъ до гроба питать къ вамъ—вашъ Б. В. Штенгель

P. S. Поцѣлуйте ручку Александры Ларіоновны, обнимите братца.

(Сверху помѣты: 20 октября 1820 г. Отвѣч. 25 октября).

VI.

Н. Ѳ. Смирной [1]) къ бар. В. И. Штенгелю.

13-го іюля 1821 г. Калуга.

Съ какимъ неизъяснимымъ утѣшеніемъ читалъ я дружеское письмо ваше, почтеннѣйшій и милый другъ баронъ Владиміръ Ивановичъ, отъ 9-го іюля. Въ немъ ясно изображены ко мнѣ та искренность и дружество ваше, которыхъ былъ я всегда ревностный искатель. Замѣчанія ваши нахожу совершенно справедливыми: я никогда не признавалъ и не признаю съ себѣ способностей автора, но если отважился приступить на столь важное дѣло, то истинная признательность побудила меня къ тому. Охотно бы радъ исправить недостатки, но кажется и поздно и обрѣтаю себя въ невозможности: 1) Обозначить время производства Платова нельзя, потому что нигдѣ не найденъ его послужной списокъ. 2) По политическимъ соображеніямъ обозначить время содержанія его въ крѣпости не должно. 2) О походѣ въ Персію Зубова нигдѣ нельзя отъискать свѣдѣній, ибо оныя ввѣрены были имъ самимъ Фуксу, но симъ затеряны, и замѣчанія мои о семъ должны токмо служить ему укоризною.

Исторію Донскаго войска не изъ чего также было составить мнѣ. Все хорошо и во всемъ полагаюсь на вашу ко мнѣ дружбу и любовь: что ни исправите, все будетъ лучше моего. Но токмо безпокоитъ меня, что въ объявленіи сказано о сочиненіи моемъ въ 3-хъ частяхъ, но выдетъ въ свѣтъ только въ одной или въ двухъ—какъ бы не назвали меня мошенникомъ. Бога ради, подумайте о семъ съ общимъ нашимъ другомъ Семеномъ Іоанникивичемъ.

---

[1]) Смирной, Николай Ѳедоровичъ, издалъ въ 1821 г.: Жизнь и подвиги графа Матвѣя Ивановича Платова, 3 ч. Москва. В. Я.

Съ новосельемъ поздравляю и отъ искренности желаю всѣхъ возможныхъ успѣховъ.

Къ Иловайскому повторяю о васъ, ибо не имѣю еще отвѣта ни на одно изъ моихъ писемъ.

Прошу прислать мнѣ печатное объявленіе о вашемъ пансіонѣ [1],— можетъ, и отсюда подгоню къ вамъ кого въ воспитанники.

Повторяю мою благодарность и съ искреннимъ чувствомъ ничѣмъ неизмѣняемой привязанности пребуду на вѣки сердцемъ и душею вамъ преданнѣйшій Н. Смирной.

Помѣта: Пол. 16-го іюля 1821 г.

VII.

Н. Ѳ. Смирной къ бар. В. И. Штенгелю.

20-го іюля 1821 г. С. Волое.

Я не имѣю словъ изъяснить вамъ, почтеннѣйшій и дражайшій другъ баронъ Владиміръ Ивановичъ, того сердечнаго моего восторга, коимъ объята была душа моя при чтеніи перваго листочка общихъ нашихъ трудовъ. Какою обязанъ я вамъ благодарностію! Но вы запретили мнѣ и упоминать о оной. Итакъ, дозвольте мнѣ сказать то только, что вы необычайнымъ вашимъ со мной поступкомъ привязали меня къ себѣ на вѣки, или, лучше сказать, обратили меня въ ваши крѣпостные. Дай Богъ, чтобы могъ я вамъ доказать все то дѣломъ, равно какъ и то, что сердце мое не престанетъ васъ любить во всю жизнь мою съ признательностію и преданностію, вашъ вѣрный другъ и слуга Н. Смирной.

Помѣта: Получ. 30-го іюля.

VIII.

Н. Ѳ. Смирной къ бар. В. И. Штенгелю.

3-го августа 1821 г. Калуга.

Какъ восхищаюсь я прекрасными трудами вашими, почтеннѣйшій другъ баронъ Владиміръ Ивановичъ, и стыжусь приписать оные своему имени. Какою обязанъ вамъ за сіе благодарностію! вотъ по истинѣ несомнѣнный опытъ и благородство чувствъ вашихъ и при-

---

[1] Въ 1821 г. въ Москвѣ была издана книга: Частное заведеніе для образованія юношества. Бар. В. Ш. В. Я.

мѣрнаго вашего ко мнѣ дружества; я вскорѣ надѣюсь объяснить сіе вамъ лично, если токмо достанетъ на то силъ моихъ и способностей.

Не понимаю, что замолчалъ Донъ нашъ по предмету вашего пансіона, но я послѣ разлуки нашей три раза еще напоминалъ имъ о семъ.

Покорнѣйше благодарю и за пристойную обо мнѣ записочку ко здѣшнему прокурору, которою по увѣдомленію вашему ожидаю сюда.

Съ искренними въ высочайшей степени чувствованіями признательности за все и все, равно какъ и неизмѣннаго дружества

Пребуду на вѣки вашъ преданнѣйшій Н. Смирной.

Помѣта: Получилъ 7-го августа 1821 г.

IX.

Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ къ А. О. Корниловичу.

Февр. 9, 1822.

Почтеннѣйшій Александръ Осиповичъ! Разсуждая съ добрымъ отцемъ Архипа [1]), о взаимныхъ нашихъ дѣлахъ, и внявъ мнѣнію здраваго разсудка и справедливости, положили мы намѣреніе слѣдующее: 1) печатаемые особо 600 экз. писемъ Екатерины [2]) предоставить совершенно въ вашу пользу съ тѣмъ, чтобы вы только изъ первыхъ проданныхъ экземпляровъ внесли слѣдующее за отпечатаніе и бумагу; 2) поелику-же сіе будетъ кончено не скоро, а вамъ, можетъ быть, нужны деньги, то и просить васъ о принятіи вложенныхъ у сего 150 р., кои вы отдадите намъ по продажѣ вашей книги. Вамъ душею преданные Николай Гречъ, Ѳадей Булгаринъ.

(Писано рукою Н. И. Греча, кромѣ подписи Булгарина).

X.

Д. В. Давыдовъ къ А. А. Бестужеву.

24 апрѣля (1822). Москва.

М. г. Александръ Александровичъ, гусары готовы подавать руку драгунамъ на всякой родъ предпріятія, и потому стыдно мнѣ было-бы отказаться отъ вашего приглашенія. Благодаря отъ всего сердца

---

[1]) Архипъ Ѳаддеичъ, вымышленное лицо, разсуждающее въ статьяхъ Ѳ. Булгарина.

[2]) Въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. печатались: Письма императрицы Екатерины II, съ 1763 по 1768 гг. В. Я.

за лестное для меня мнѣніе ваше на счетъ партизанскихъ залетовъ моихъ на Парнасъ, я въ угодность вамъ прилагаю при семъ четыре піесы, которыя, кажется, нигдѣ еще не были напечатаны[1]); это послѣднія крохи поэтической моей котомки — желаю, чтобы онѣ вамъ понравились.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію и пр. Денисъ Давыдовъ.

(Бумага съ клеймомъ 1819 г., письмо относится къ 1822 году).

XI.

Письма А. А. Бестужева къ редактору «Сына Отечества» и въ цензурный комитетъ.

(Все писарскою рукою, только въ двухъ мѣстахъ поправки другой руки, онѣ приведены въ скобкахъ).

Письмо къ издателю «Сына Отечества».

С.-Петербургъ. Іюня 4 дня 1822.

По содержанію письма г-на Жандра, напечатаннаго въ 22 книжкѣ «Сынъ Отечества» и я принужденъ просить васъ увѣдомить его о слѣдующемъ:

1) Г. Жандръ, столь искусно умѣющій пользоваться типографскими ошибками, напрасно думаетъ, будто я помѣстилъ его въ числѣ авторской молодежи! Не зная лѣтъ г. Жандра, я не могъ объявлять его молодымъ человѣкомъ, такъ какъ не считалъ его и писателемъ, каковымъ себя г. Жандръ именуетъ[2]); въ моихъ замѣчаніяхъ на критику г. Катенина я назвалъ г. Жандра только переводчикомъ[3]).

2) Г. Жандръ беретъ напрасный трудъ увѣрять читателей «Сына Отечества», что онъ не поручалъ мнѣ благодарить отъ своего лица г. Катенина; я бы никогда не принялъ на себя «обязанности быть вѣстникомъ г. Жандра» (вмѣсто словъ, поставленныхъ въ кавычкахъ, исправлено: сего порученія).

3) Невѣдѣніе г. Жандра о моемъ существованіи нисколько меня

---

[1]) Въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 годъ помѣщены двѣ элегіи Давыдова.

[2]) См. 22 книжку „Сына Отечества“, стр. 83, строка 16 и 17. (Письмо къ издателю. Жандръ).

[3]) № 20 „Сынъ Отечества“, стр. 266 (Замѣчанія на критику, помѣщенную въ 13 № „Сына Отечества“ касательно опыта краткой исторіи рус. литературы. Ст. А. Бестужева, стр. 253). В. Я.

не трогаетъ. Я не имѣю притязаній на извѣстность писателя, ибо чувствую, что ни съ какой стороны оной не заслужилъ, а если-бы когда и заслужилъ, то вѣрно, не попросилъ-бы утвержденія у «г. Жандра» (исправлено: у одного частнаго лица).

Въ заключеніе не лишнимъ считаю сказать, что критикъ мой могъ-бы избавить читателей «Сына Отечества» отъ статьи, по моему мнѣнію, для нихъ не занимательной, а для литературы едва-ли не вовсе безполезной. Вашъ и проч. Александръ Бестужевъ.

Сбоку карандашомъ написано рукою А. И. Красовскаго:

Вотъ какого содержанія можетъ пропущено быть цензурою письмо, которое отдается на волю г. сочинителя исправить и украсить въ слогѣ. Цензоръ Красовскій покорнѣйше проситъ возвратить ему сей проектъ для представленія въ цензурный комитетъ вмѣстѣ съ подлиннымъ письмомъ или безъ онаго, если Александру Александровичу не угодно будетъ согласиться съ мнѣніемъ комитета, основаннымъ на данныхъ ему правилахъ. Проектъ доставляется Александру Александровичу изъ личнаго къ нему уваженія, но сего дѣлать не слѣдовало-бы.

На третьей страницѣ начерно рукою А. Бестужева: отвѣтъ мой въ цензурный комитетъ.

Мм. Гг.! Считаю первымъ долгомъ принести мою чувствительную благодарность гг. членамъ цензурнаго комитета за снисходительное разсмотрѣніе отвѣта моего г. Жандру и за позволеніе напечатать оной въ другомъ видѣ. Но какъ проектъ, по сему предмету начертанный цензурнымъ комитетомъ и мнѣ изложенный г. цензоромъ Александромъ Ивановичемъ Красовскимъ, нисколько не сходенъ съ тѣмъ, что я могу и долженъ отвѣчать г. Жандру, то симъ честь имѣю извѣстить гг. членовъ цензурнаго комитета, что, уважая вполнѣ правила (хотя никому и неизвѣстныя), которыми гг. цензоры обязаны руководствоваться, я предаю забвенію отвѣтъ мой, ибо не привыкъ за грубости платить привѣтствіями, выражаясь несвойственнымъ мнѣ языкомъ, и, сообразно волѣ гг. членовъ цензурнаго комитета, признаю неприкосновенность г. Жандра наравнѣ съ священными цыплятами Капитолія. Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь прибыть, мм. гг., покорн. слугою Александръ Бестужевъ.

Сообщ. В. Е. Якушкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

II [1]).

Правымъ флангомъ Кавказской линіи (куда, въ 1850 г., Н. И. Евдокимовъ былъ назначенъ начальникомъ) называлось пространство, шедшее отъ границы бывшаго Черноморскаго казачьяго войска вверхъ по р. Кубани, черезъ Прочный-Окопъ и Баталпашинскъ, до Каменнаго моста (въ 7-ми верстахъ ниже Хумаринскаго укрѣпленія) или до границы владѣній карачаевскаго племени, намъ покорнаго и поселеннаго почти у подножія Эльборуса, откуда Кубань беретъ начало. Эта часть линіи, тянувшаяся на разстояніе около 400 верстъ, занята была казачьими станицами и постами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и полевыми укрѣпленіями, и называлась Кубанскою кордонною линіею, раздѣлявшеюся на четыре участка. Далѣе, за Кубанью, такія же передовыя линіи были: Лабинская, простиравшаяся вверхъ по этой рѣкѣ на 150 верстъ, и Мало-Лабинская—на 50 верстъ.

Всѣ эти линіи, съ расположенными на нихъ войсками, подчинялись начальнику праваго фланга [2]) только въ чисто-военномъ отношеніи; хозяйственная же часть, равно какъ и разныя инженерныя сооруженія вовсе не подлежали его вѣдѣнію.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LVIII, апрѣль, стр. 143—162.

[2]) Который, въ свою очередь, былъ подчиненъ командующему войсками всей Кавказской линіи и Черноморіи. И. О.

Словомъ, начальникъ праваго фланга былъ исключительно военнымъ полевымъ начальникомъ, не связаннымъ и не развлекаемымъ никакими хозяйственными заботами и дѣлами [1]). Главною его обязанностію было бдительное охраненіе кордонною стражею всѣхъ линій, ему подчиненныхъ, отъ вторженій непріятеля, равно какъ обезпеченіе всѣхъ нашихъ поселеній какъ на этихъ линіяхъ, такъ и позади ихъ лежавшихъ.

Закубанскіе горцы, съ которыми Н. И. Евдокимову теперь пришлось имѣть дѣло, распадались на большое число отдѣльныхъ племенъ и обществъ. Тѣ изъ нихъ, которыя жили поближе къ Кубани, а также на открытомъ пространствѣ между Кубанью и Лабою, волею-неволею держались спокойно, находясь подъ постояннымъ нашимъ надзоромъ; за то другія племена, оттѣсненныя за р. Бѣлую и къ предгоріямъ главнаго Кавказскаго хребта, не прекращали враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Эти дѣйствія, впрочемъ, не грозили серьезною опасностію, пока велись врозь и пока не было силы, ихъ объединяющей и направляющей къ извѣстной общей цѣли; но, именно, около начала 1850-хъ годовъ сила эта явилась въ лицѣ эмиссара Шамиля, нѣкоего Мухамедъ-Эмина, человѣка весьма умнаго, энергическаго и надѣлавшаго намъ не мало хлопотъ.

Къ мѣсту своего новаго назначенія Н. И. Евдокимовъ прибылъ 20-го апрѣля 1850 года, а уже на другой день было получено извѣстіе, что на низовьяхъ р. Бѣлой собирается огромное непріятельское скопище, съ намѣреніемъ возмутить и переселить въ горы нѣкоторыя покорныя намъ общества или нанести какой-либо вредъ станицамъ Лабинской линіи. Такое извѣстіе могло озадачить начальника, вовсе еще не имѣвшаго времени оглядѣться въ новой обстановкѣ; но умудренный многолѣтнею кавказскою боевою практикою, Н. И. Евдокимовъ немедленно принялъ мѣры, вполнѣ соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ

---

[1]) Мы преднамѣренно указываемъ на это обстоятельство, потому что недоброжелатели Н. И. Евдокимова и люди, привыкшіе вѣрить всякимъ сплетнямъ, распускали слухъ, что онъ, во время командованія правымъ флангомъ, позволялъ себѣ, какъ и всегда, разныя злоупотребленія по хозяйственной части. Подробныя на этотъ счетъ разъясненія читатель можетъ найти въ прекрасной статьѣ г. Кравцова: „Кавказъ и его военачальники" („Русск. Старина" изд. 1886 г.). И. О.

данной минуты. Собранные имъ три отряда (изъ коихъ одинъ состоялъ подъ его личнымъ начальствомъ), распредѣлены были по линіи столь искусно, что Мухамедъ-Эминъ, въ началѣ мая перешедшій черезъ р. Бѣлую и направившій свои партіи къ верховьямъ Лабы, нигдѣ не успѣлъ осуществить своихъ замысловъ; собранное имъ скопище вернулось восвояси, а затѣмъ большая часть онаго была распущена по домамъ [1]). Войскамъ нашимъ, однако, приходилось оставаться на чеку до половины лѣта, такъ какъ горскій предводитель не унимался и получались свѣдѣнія о сборѣ имъ новыхъ шаекъ. Только 15-го іюля собранный на линіи отрядъ нашъ могъ быть распущенъ и Н. И. Евдокимову осталось нѣсколько свободнаго времени для ближайшаго ознакомленія съ ввѣреннымъ его начальству краемъ. Но тутъ явился новый непріятель — болѣзнь. Противъ злокачественнаго климата при-кубанскихъ низменностей не устояло и желѣзное здоровье стараго кавказца: онъ заболѣлъ желчною лихорадкою и долженъ былъ уѣхать лѣчиться въ Кисловодскъ.

Здѣсь встрѣтился онъ съ пріѣхавшимъ на воды намѣстникомъ кавказскимъ кн. Воронцовымъ и, конечно, изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ почерпнулъ точныя указанія относительно системы будущихъ дѣйствій за Кубанью и Лабою [2]).

Нельзя сомнѣваться, что соображенія, порожденныя бесѣдою двухъ кавказскихъ ветерановъ, не оставляли желать ничего лучшаго; но осуществить ихъ, къ несчастію, было крайне трудно

---

[1]) См. акты, собранные кавказскою археографическою коммиссіею, т. X, стр. 599.

[2]) О системѣ этой даетъ понятіе отношеніе кн. Воронцова къ военному министру, отъ 19-го октября 1851 г., за № 51, въ которомъ, между прочимъ, говорится: ...„я считаю необходимымъ остановить въ самомъ началѣ распространеніе вредныхъ нововведеній Мухамедъ-Эмина, которыя могли бы сдѣлаться впослѣдствіи для насъ опасными, и для того перейти на правомъ флангѣ въ наступательное положеніе. Нужно отнять у непріятеля пространство между рѣками Бѣлою и Лабою, гдѣ онъ имѣлъ нынѣ богатыя хлѣбопашества и сѣнокосы; нужно угрожать постоянно абадзехамъ набѣгами и тѣмъ предупреждать или разсѣевать сборы партій; тогда они почувствуютъ сколько присутствіе агента Шамиля для нихъ невыгодно и вліяніе сего послѣдняго неминуемо должно ослабнуть; быть можетъ даже онъ принужденъ будетъ вовсе оставить прилежащій край, и тѣмъ самымъ и начинающійся союзъ поколеблется или вовсе разстроится“.... (Военно-ученый архивъ, отд. II, № 4,246). И. О.

при недостаточности на правомъ флангѣ боевыхъ средствъ. Объ этомъ, а равно и о впечатлѣніи, произведенномъ на Н. И. Евдокимова новымъ мѣстомъ служенія, свидѣтельствуетъ письмо его къ бывшему своему начальнику, а теперь старому другу, генералу Клюки-фонъ-Клугенау, отъ 17-го августа 1850 г. [1]), гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«...Не найдя не малѣйшаго устройства въ дѣлахъ фланга, мнѣ пришлось увидѣть себя въ самомъ затруднительномъ положеніи, въ краѣ, мнѣ незнакомомъ: однако, надо было дѣйствовать и я проводилъ въ трудахъ и дни, и ночи... Назначеніемъ своимъ я похвалиться не могу. Кордонъ по Кубани, Лабѣ и въ верховьяхъ этихъ рѣкъ составляетъ болѣе 700 верстъ; мнѣ предстоитъ оборонять эту линію съ 12 полками казаковъ, изъ коихъ 4 разсыпаны на внутреннихъ постахъ и по почтовому тракту, да съ восьмью баталіонами пѣхоты, большая часть коихъ должна занимать гарнизоны въ станицахъ и укрѣпленіяхъ по Лабѣ. Съ большимъ трудомъ и съ опасностью для нѣкоторыхъ пунктовъ имѣю возможность сосредоточить отъ 10 до 12 ротъ и до 2 тысячъ кавалеріи, но, не отдаляясь отъ пѣхоты, я не могу предупреждать непріятеля на такомъ огромномъ пространствѣ, а непріятель въ 6 или 7 тысячъ лучшей конницы можетъ броситься на любой пунктъ и, конечно, не туда, гдѣ есть въ готовности наши войска. Угадать намѣреніе непріятеля дѣло весьма трудное, лазутчиковъ теперь почти нѣтъ, М. Эминъ ихъ убиваетъ, да и и вообще доставлять удовлетворительныя извѣстія сдѣлалось невозможнымъ, потому что власть Эмина до того усилилась, что за-лабинскіе черкесы, подобно дагестанскимъ горцамъ, идутъ туда, куда имъ приказано, не зная сами для какой цѣли. Словомъ сказать, М. Эминъ становится вторымъ Шамилемъ... На мнѣ лежитъ теперь бремя защиты слабой страны со слабыми средствами, и я часто задумывался надъ возможностію перемѣнить мѣсто службы... Кавказъ удостоивается въ нынѣшнемъ году посѣщенія Государя Наслѣдника и мы всѣ теперь озабочены приготовленіями для встрѣчи. Слава Богу, дарующему мнѣ случай увидѣть одну изъ нашихъ царственныхъ

---

[1]) Генералъ Кл.-ф.-Клугенау въ это время командовалъ дивизіею въ Царствѣ Польскомъ. И. О.

особъ... Его высочество будетъ въ Екатеринодарѣ и выѣзжаетъ оттуда по Лабинской линіи до Прочнаго-Окопа, черезъ Пятигорскъ и Владикавказъ въ Тифлисъ» [1]).

Упоминаемая въ этомъ письмѣ поѣздка цесаревича Александра Николаевича дѣйствительно состоялась въ сентябрѣ 1850 г., но только не по Лабинской линіи, какъ предполагалось, а по Кубанской. Перемѣна маршрута была вызвана достовѣрнымъ извѣстіемъ о сборѣ М. Эминомъ значительной партіи на правомъ берегу Бѣлой, съ цѣлью напасть на поѣздъ наслѣдника (о чемъ горцы уже успѣли провѣдать). Обстоятельствомъ перемѣны маршрута благопріятели Н. И. Евдокимова воспользовались, чтобы пустить въ ходъ новую злостную сплетню: стали поговаривать, что посты и укрѣпленія на Лабѣ находятся въ такомъ жалкомъ видѣ, не взирая на отпущенныя для ихъ постройки большія суммы, что боялись показать ихъ цесаревичу, и что главный виновникъ, генералъ Евдокимовъ, выдумалъ присутствіе большой непріятельской партіи для того, чтобы скрыть свои прегрѣшенія.

Много ли было правды въ слухахъ о плохомъ состояніи укрѣпленій праваго фланга—мы, конечно, опредѣлить не можемъ; но одно вѣрно: это—что отвѣтственность за ихъ состояніе ни въ какомъ случаѣ не могла падать на Н. И. Евдокимова, который лишь за четыре съ небольшимъ мѣсяца до прибытія цесаревича вступилъ въ новую свою должность; да и изъ этого короткаго срока, въ продолженіе котораго никакихъ построекъ и даже ремонтовъ только-что пріѣхавшій начальникъ сдѣлать не могъ,—половина ушла на экспедиціи противъ М. Эмина и на лѣченіе болѣзни, схваченной во время тѣхъ же экспедицій.

Но клевета, какъ извѣстно, не стѣсняется такими пустяками, какъ основательность, логика и т. п.; а масса пошляковъ или мелочно-самолюбивыхъ людей, не прощающихъ выдающейся личности ея блестящихъ качествъ, съ наслажденіемъ пріемлетъ всякую клевету. Не можемъ подняться до него, такъ постараемся спустить его до нашего уровня. Явленіе обычное!

Эпизодъ перемѣны маршрута вполнѣ разъясняется слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ Евдокимова генералу Клюки-фонъ-Клугенау, отъ 17-го октября 1850 года:

---

[1]) Зиссерманъ: 25 лѣтъ на Кавказѣ, часть 2-я, стр. 416.

«Въ предъидущемъ письмѣ я говорилъ вамъ, кажется, что мы всѣ въ хлопотахъ приготовленій къ встрѣчѣ Государя Наслѣдника, удостоившаго посѣщеніемъ Кавказъ. Еще въ началѣ августа я говорилъ въ Кисловодскѣ князю М. С. Воронцову, что проѣздъ по Лабинской линіи въ это время года опасенъ, ибо обмелѣніе рѣкъ даетъ возможность непріятелю къ набѣгамъ въ наши предѣлы, что̀, по положенію этого края, указываетъ время опасныхъ безпокойствъ именно тогда, когда е. выс—во намѣренъ посѣтить Лабинскую линію, т. е. 18-го сентября, и что хотя опасенія идутъ не за его особу, но ему было бы непріятно, еслибы по поводу обращенія войскъ на его конвоированіе могло случиться что-либо неблагопріятное для края. И главнокомандующій, и П. Е. Коцебу оправдывали мое мнѣніе и готовы уже были довести это до свѣдѣнія его высочества, какъ пріѣхалъ командующій войсками [1]) и убѣдилъ всѣхъ, что опасенія напрасны. Написали маршрутъ, основанный на совершенномъ спокойствіи края. Между тѣмъ, уже 8-го сентября, появились свѣдѣнія о приготовленіяхъ горцевъ къ сбору, а 12 числа зашевелились всѣ за-лабинскія племена и на рѣку Бѣлую прибылъ отъ шапсуговъ самъ М. Эминъ. 14-го числа дознано навѣрное, что сборище стягивается на правомъ берегу Бѣлой, а 16-го, что оно 18-го числа тронется на линію, т. е. въ самый тотъ день, когда будетъ ѣхать его выс—во. Начальникъ Черноморскаго кордона генералъ-лейтенантъ Рашпиль, подтверждая эти извѣстія, донесъ, что цѣль сборища — напасть на поѣздъ наслѣдника, а затѣмъ обратиться къ исполненію главной цѣли— покоренію карачаевцевъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, основаніемъ служилъ разсчетъ, что русскія войска, разставленныя для обезпеченія проѣзда своего государя цесаревича, не успѣютъ сосредоточиться и, слѣдовательно, не въ силахъ будутъ противостоять огромной массѣ кавалеріи, собранной М. Эминомъ, — разсчетъ совершенно основательный, но не удавшійся по слѣдующему случаю. Его выс—во, по причинѣ бурной погоды, не могъ посѣтить Новороссійскъ и прямо черезъ Тамань прибылъ въ Екатеринодаръ днемъ прежде, чѣмъ назначено по маршруту; отъ этого

[1]) Генералъ отъ кавалеріи Завадовскій, командовавшій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи. И. О.

днемъ прежде изволилъ онъ прибыть и въ Усть-Лабу, гдѣ, выслушавъ предложеніе главнокомандующаго, согласился на перемѣну пути вмѣсто Лабы по Кубани». Дальше говорится, какъ сборище горцевъ 18-го сентября двигалось къ станицѣ Воздвиженской и, узнавъ о перемѣнѣ поѣзда цесаревича, остановилось въ Длинномъ лѣсу, и пр. [1]).

Не успѣвъ исполнить своего хорошо задуманнаго плана, М. Эминъ тѣмъ не менѣе не распускалъ своего скопища, готовясь, очевидно, къ какому-нибудь другому противъ насъ предпріятію. Тогда начальствовавшій войсками на Кавказской линіи, генералъ Завадовскій, чтобы предупредить намѣренія противника, двинулся, съ особымъ отрядомъ, къ предполагавшемуся мѣстонахожденію М. Эмина, урочищу Зада, на притокахъ р. Фарсъ, а оттуда къ р. Бѣлой, для обозрѣнія ея. Результатами этой семидневной экспедиціи (2—9 октября), въ которой участвовалъ и Н. И. Евдокимовъ, было: 1) оттѣсненіе непріятельскаго скопища, которое такимъ образомъ не успѣло нанести намъ столько вреда, сколько ожидать было можно, и 2) производство обозрѣнія р. Бѣлой, при чемъ непріятель понесъ чувствительныя потери скотомъ и запасами хлѣба и сѣна, — что должно было тяжело отозваться на немъ зимою. Появленіе нашего отряда на р. Бѣлой было, по свидѣтельству Завадовскаго, особенно важно въ моральномъ отношеніи, ибо тогда, какъ М. Эминъ увѣрялъ горцевъ, что мы слишкомъ слабы [2]), дабы рѣшиться показаться тамъ, отрядъ нашъ прослѣдовалъ вдоль этой рѣки не набѣгомъ, какъ это исполнялось прежде, а небольшими переходами и въ величайшемъ порядкѣ [3]).

Экспедиція эта привела генерала Завадовскаго къ убѣжденію въ пользѣ и необходимости перенесенія нашей передовой линіи на р. Бѣлую, и уже въ концѣ ноября того же года особый

---

[1]) Зиссерманъ: 25 лѣтъ на Кавказѣ, ч. II, стр. 418.

[2]) Для дѣйствій на правомъ флангѣ, въ 1850 году, назначено было (кромѣ мѣстныхъ линейныхъ баталіоновъ), 5 баталіоновъ Ставропольскаго и 1 баталіонъ Кубанскаго егерскихъ полковъ, 30 человѣкъ изъ 3-го резервнаго сапернаго баталіона, 1 пѣшій казачій линейный баталіонъ, 12 сотенъ казаковъ, ½ сотни милиціи, 12 орудій легкихъ и конныхъ. (Военно-Ученый архивъ, отд. II, № 4,244).

[3]) Военно-Уч. архивъ, отд. II, № 3914. И. О.

отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ Н. И. Евдокимова, снова ходилъ къ помянутой рѣкѣ для опредѣленія подходящаго пункта къ устройству на ней моста.

Кн. Воронцовъ, въ письмѣ къ военному министру, отъ 19-го октября 1851 г., излагая въ общихъ чертахъ результаты нашихъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1850 г., между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«....Въ Закубанскомъ краѣ не могли мы, по недостатку средствъ, предпринять рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій или приступить къ занятію какихъ-либо передовыхъ пунктовъ. Здѣсь агентъ Шамиля Мухамедъ-Эминъ усилилъ свое вліяніе на абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ и положилъ нѣкоторыя начала въ правленіи этихъ обществъ и союзу ихъ между собою. Замыслы его не успѣли еще произвести ничего прочнаго и встрѣтятъ многія препятствія въ духѣ народномъ и разногласіи интересовъ разныхъ классовъ народонаселенія; попытки его противъ нашихъ предѣловъ и мирныхъ племенъ также, вообще, не имѣли успѣха, и даже мы переселили ближе къ нашей линіи отложившихся было бесленеевцевъ и башильбаевцевъ, а движенія непріятельскихъ сборищъ предупреждены были смѣлыми и удачными набѣгами нашихъ отрядовъ за рѣки Бѣлую, Пшехъ и верховья Урупа и на непокорные аулы Казильбековскіе и Моршаліева».... [1]).

Очевидно, что засвидѣтельствованною въ этомъ письмѣ успѣшностію дѣйствій, при недостаткѣ средствъ, правый флангъ Кавказской линіи былъ обязанъ, преимущественно, распорядительности своего начальника.

Съ самаго начала 1851 года снова открылся рядъ наступательныхъ дѣйствій въ земли непокорныхъ племенъ, при чемъ войска наши придерживались обычной системы, т. е. сжигали непріятельскіе аулы и хутора и истребляли запасы хлѣба, сѣна и пр., разсчитывая поставить этимъ противниковъ въ безвыходное положеніе и заставить ихъ либо удалиться далѣе въ горы съ привольныхъ и плодоносныхъ участковъ, либо переселяться въ наши предѣлы и мѣнять бѣдственную независимость на обезпеченное существованіе подъ русскою властію.

---

[1]) Военно ученый архивъ, отд. II, № 4,216.

По распоряженію кн. Воронцова, въ первыхъ числахъ февраля сосредоточенъ былъ на Лабинской линіи, подъ личнымъ начальствомъ Н. И. Евдокимова, отрядъ изъ 4-хъ баталіоновъ, 24-хъ сотенъ казаковъ и 500 чел. милиціи, при 14 орудіяхъ. Назначеніе этого отряда состояло въ наказаніи закубанскихъ племенъ, наиболѣе участвовавшихъ во враждебныхъ противъ насъ попыткахъ и гнѣздившихся въ лѣсистыхъ балкахъ между рѣками Псефиромъ и Фарсомъ. Непріятельскіе аулы, атакованные съ трехъ сторонъ, были истреблены со всѣмъ имуществомъ жителей, не смотря на отчаянную защиту послѣднихъ. Черезъ два дня послѣ этого дѣла (5 февраля) отрядъ нашъ выдержалъ, на берегахъ Псефира, новую жаркую схватку со скопищемъ абадзеховъ силою до 3-хъ тысячъ человѣкъ; но и здѣсь, не смотря на личное присутствіе Мухамедъ-Эмина, непріятель былъ обращенъ въ бѣгство. Засимъ, достигнувъ вполнѣ указанной ему цѣли, Н. И. Евдокимовъ 7-го числа возвратился на Лабу и распустилъ свои войска по зимнимъ квартирамъ [1]).

Отдыхъ его продолжался не долго: уже въ концѣ марта онъ, во главѣ особаго отряда, долженъ былъ наблюдать за переселеніемъ бесленеевцевъ съ р. Тегеніи на р. Урупъ, а въ исходѣ апрѣля ему пришлось выступить съ войсками подъ командою генерала Завадовскаго на р. Бѣлую, гдѣ рѣшено было возвести укрѣпленіе, долженствовавшее служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ движеній въ глубь враждебнаго намъ края и для содержанія въ повиновеніи окрестныхъ племенъ.

Постройка новаго укрѣпленія (заложеннаго 1-го мая) шла далеко не безпрепятственно со стороны непріятеля, который, чуя надвигавшуюся на него грозу и увлекаясь подстрекательствомъ М. Эмина и его сторонниковъ, не разъ пытался производить нападенія на нашъ отрядъ. По отъѣздѣ Завадовскаго, на Н. И. Евдокимова легла вся тяжесть рабочихъ и боевыхъ трудовъ, усложнившихся еще необычайнымъ развитіемъ среди чиновъ отряда жестокой мѣстной лихорадки, не пощадившей и самого начальника ихъ [2]). Не смотря, однако, на всѣ эти затрудненія,

---

[1]) Акты, собранные кавказскою археографическою коммиссіею, т. X, стр. 606.

[2]) По настоящее время,—сообщаетъ Н. Е. Евдокимовъ Завадовскому,—я не писалъ в. п—ву, потому что не могъ сообщить вамъ ничего пріятнаго

новый фортъ—названный Бѣлорѣченскимъ укрѣпленіемъ — къ осени приведенъ былъ въ оборонительное состояніе и черезъ Бѣлую перекинутъ мостъ. Окрестныя общества были сильно смущены такимъ водвореніемъ русской силы въ ихъ ближайшемъ сосѣдствѣ, хорошо сознавъ, что теперь для насъ стало и ближе, и удобнѣе карать ихъ за постоянные разбои и хищничества. Естественнымъ послѣдствіемъ такого сознанія явилась склонность вступить съ нами въ мирныя отношенія.

Чтобы поддержать такое настроеніе въ окрестныхъ обществахъ и доказать горцамъ, что опасенія ихъ не напрасны, предпринято было, въ исходѣ ноября, движеніе въ земли непокорныхъ племенъ одновременно съ двухъ сторонъ: изъ Черноморія и съ праваго фланга Кавказской линіи. Отрядъ праваго фланга (5 баталіоновъ, 14 сотенъ, 14 орудій) сосредоточился при Бѣлорѣченскомъ укрѣпленіи, и 22-го ноября, подъ личнымъ начальствомъ Н. И. Евдокимова, двинулся вверхъ по Бѣлой и по Майкопскому ущелью, въ земли абадзеховъ, и черезъ верховья рѣкъ Уль и Фарсъ, къ мѣстонахожденію Егерукаевскихъ и Мохошевскихъ ауловъ. Во время нашего движенія туда и обратно, продолжавшагося цѣлую недѣлю, названныя племена хотя и были въ сборѣ, но враждебныхъ дѣйствій не предпринимали, а съ покорностью встрѣчали наши войска, завѣряя въ совершенной готовности на всѣ мирныя условія, для окончательнаго заключенія которыхъ Н. И. Евдокимовъ, соображаясь съ обстоятельствами даннаго момента, предоставлялъ каждому обществу необходимые сроки. За успѣшное выполненіе этого, полу-военнаго, полу-дипломатическаго, порученія ему, въ числѣ прочихъ начальниковъ, объявлена была совершенная признательность главнокомандующаго.

«Конечно, писалъ по этому случаю кн. Воронцовъ военному министру, подобныя обязательства (миролюбивыя завѣренія

о положеніи дѣлъ на Бѣлой. Послѣ отъѣзда вашего болѣзненность достигла такой высокой степени, что лагерь нашъ походилъ скорѣе на большой походный госпиталь, чѣмъ на дѣйствующія и рабочія войска. Начиная съ меня, почти до послѣдняго человѣка въ отрядѣ каждый заплатилъ свою дань здѣшней лихорадкѣ; но, благодаря скорой высылкѣ въ значительномъ количествѣ хинной соли, которую выслалъ изъ Ставрополя главный докторъ Поповъ, теперь дѣла приняли совершенно другой оборотъ... Къ этому теперь сдѣлалось прохладнѣе, и заболѣвающихъ меньше. (Арх. графа Евдокимова, № 59. Письмо Завадовскому, отъ 29-го августа). И. О.

абадзеховъ и др. племенъ) не есть еще прочная покорность; но это общее расположеніе за Кубанью къ миролюбивымъ съ нами сношеніямъ,—это общее убѣжденіе, что болѣе или менѣе они поставлены въ зависимость отъ насъ относительно средствъ къ существованію,—считаю я весьма благопріятнымъ началомъ» [1]).

Надежды кн. Воронцова очень скоро были разрушены. Едва удалились русскія войска, какъ М. Эминъ, временно скрывавшійся въ лѣсистыхъ предгоріяхъ главнаго Кавказскаго хребта, снова появился среди обществъ, заявлявшихъ о своихъ миролюбивыхъ чувствахъ. Пользуясь отсутствіемъ старшинъ, которые, для переговоровъ съ нашимъ начальствомъ, уѣхали въ Прочный-Окопъ, онъ опять сталъ волновать народъ, возбуждая его религіозный фанатизмъ и проповѣдуя новое общественное устройство на чисто-демократическихъ началахъ. Абадзехи, шапсуги и другія племена, которыя—конечно, только въ виду безвыходнаго положенія и скрѣпя сердце—незадолго передъ тѣмъ заявили покорность нашей власти, теперь столь же быстро отъ насъ отложились.

Пришлось опять смирять ихъ оружіемъ, опять доказывать, что мы могущественнѣе М. Эмина и что всѣ розсказни его о слабости нашихъ силъ на правомъ флангѣ не заслуживаютъ довѣрія. На сей конецъ, по распоряженію кн. Воронцова, произведено было въ исходѣ января 1852 года общее наступательное движеніе со стороны береговой линіи, Черноморія и праваго фланга.

Отрядъ Н. И. Евдокимова (6 баталіоновъ, 20 сотенъ казаковъ, 1 сотня милиціи, 12 орудій) сосредоточился у Бѣлорѣченскаго укрѣпленія и 23 января, пройдя по занесенной глубокимъ снѣгомъ и прегражденной завалами дорогѣ, внезапно появился въ самой серединѣ непокорныхъ обществъ Тсюшепсъ и Анчоко-Хабль, на урочищѣ Кошхо. Высланные впередъ, подъ начальствомъ полковника Ягодина, казаки захватили непріятеля врасплохъ и успѣли сжечь его аулы и запасы, а затѣмъ благополучно отошли къ слѣдовавшей за ними пѣхотѣ, не смотря на то, что поднявшіеся по тревогѣ горцы упорно насѣдали на нихъ. Вслѣдъ затѣмъ, непріятель, собравшись въ весьма большихъ

---

[1]) Отношеніе кн. Воронцова къ кн. Чернышеву, отъ 14-го дек. 1851 г., и приказъ его-же по войскамъ кавказскаго корпуса, 20-го дек. № 195. (Акты, собр. К. Арх. ком., т. X, стр. 612 и 613). И. О.

силахъ, смѣло напалъ на занятую отрядомъ Н. И. Евдокимова позицію и до самаго вечера не прекращалъ отчаянныхъ на нее атакъ, которыя, однако, всѣ были успѣшно отбиты, благодаря геройскому поведенію войскъ и искуснымъ распоряженіямъ ихъ начальника. 24-го января Н. И. Евдокимовъ возвратился съ своимъ отрядомъ въ Бѣлорѣченское; но уже черезъ день послѣ того, узнавъ о ропотѣ, поднявшемся у раззоренныхъ абадзеховъ противъ М. Эмина, и разсчитывая воспользоваться столь благопріятнымъ для насъ настроеніемъ ихъ, онъ предпринялъ новое движеніе на р. Пшишъ—при чемъ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду ознакомиться съ окрестною мѣстностью, что̀ и было имъ исполнено почти безпрепятственно.

Экспедиціи, предпринятыя войсками береговой линіи и Черноморіи, тоже сопровождались успѣхомъ, не смотря на упорство, съ которымъ шапсуги и натухайцы отстаивали свои жилища [1]).

Едва успѣлъ Н. И. Евдокимовъ распустить свой отрядъ, какъ пришлось опять предпринимать экспедицію для наказанія сосѣднихъ съ Лабинскою линіею племенъ, уклонявшихся отъ исполненія даннаго ими обѣщанія присягнуть на покорность русской власти. Изъ собраннаго на сей предметъ (въ станицѣ Владимірской) отряда Н. И. Евдокимовъ взялъ лишь 2 баталіона, нѣсколько сотенъ конницы и 4 орудія и 4-го февраля, двинувшись вверхъ по р. Ходзь, вышелъ въ тылъ бекъ-мурзаевскимъ ауламъ, лежавшимъ на южномъ склонѣ Черныхъ горъ. Не видя возможности сопротивляться, устрашенные жители явились къ Н. И. Евдокимову съ повинною и выдали аманатовъ (заложниковъ) въ обезпеченіе своей вѣрности. 6-го февраля отрядъ направился къ р. Губсъ, преодолѣвая всѣ затрудненія, сопряженныя съ движеніемъ по гористой и пересѣченной мѣстности. Собравшіяся между тѣмъ толпы непріятеля двигались при этомъ параллельно съ нашими войсками, но удачное дѣйствіе артиллеріи, штуцеровъ и крѣпостныхъ ружей заставляло ихъ держаться въ почтительномъ отдаленіи отъ небольшаго отряда нашего. Къ концу перехода, желая обезпечить расположеніе войскъ на ноч-

---

[1]) Воен. журналъ генер. Евдокимова, съ 16-го по 30-е янв. 1852 г., приказъ кн. Воронцова по войскамъ кавк. корпуса, 15 февр., за № 29 (Акты, собр. К. Арх. коммиссіею, т. X, стр. 614 и 617). И. О.

легѣ, Н. И. Евдокимовъ направилъ противъ непріятельскаго скопища казаковъ и милиціонеровъ подъ начальствомъ полковника Ягодина. Горцы, не выдержавъ ихъ удара, обратились въ бѣгство. На слѣдующій день, при движеніи по ущелью р. Губсъ, войска истребили скрытые здѣсь жителями запасы хлѣба и сѣна, а 8-го февраля снова разбили непріятельскую партію, занявшую позицію на пути ихъ возвращенія [1]).

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ этого на правомъ флангѣ господствовало относительное спокойствіе, прерываемое лишь мелкими хищничествами горцевъ, а въ ноябрѣ и въ декабрѣ предприняты были Н. И. Евдокимовымъ новыя экспедиціи къ верховьямъ Лабы, соединенныя съ переселеніемъ въ, наши предѣлы нѣкоторыхъ ненадежныхъ ауловъ и съ истребленіемъ запасовъ враждебнаго намъ населенія. Экспедиціи эти конечно, не обошлись безъ схватокъ съ противникомъ, не упускавшимъ случая наносить намъ вредъ, и въ общемъ положеніи дѣлъ мало произвели перемѣны: разбои и грабежи не прекращались и наши Лабинскія поселенія находились какъ бы въ постоянномъ осадномъ положеніи, такъ какъ и мѣстность, и малочисленность нашихъ войскъ на линіи весьма способствовали самымъ дерзкимъ предпріятіямъ хищниковъ. Особенно дурную репутацію по части разбойничества пріобрѣло общество егерукаевцевъ, прямо или косвенно принимавшее участіе во всѣхъ набѣгахъ. Рѣшено было наказать этихъ безпокойныхъ сосѣдей обычнымъ способомъ, т. е. раззореніемъ ихъ главнаго аула Хасанъ-Шухай, а выполненіе этого наказанія поручено Н. И. Евдокимову. 16-го февраля 1853 г. собранный имъ отрядъ (6 баталіоновъ, 24 сотни казаковъ, 14 орудій и 22 ракетныхъ станка) скрытно двинулся къ помянутому аулу и на разсвѣтѣ 17-го числа (сдѣлавъ около 50 верстъ) былъ уже въ ближайшихъ окрестностяхъ онаго. Высланные впередъ казаки, не давъ непріятелю опомниться, ворвались въ аулъ и подожгли его; слѣдовавшая за ними пѣхота довершила раззореніе разбойничьяго гнѣзда, но, при отступленіи, какъ всегда бывало на Кавказѣ, подверглась отчаянному натиску противника. Хотя горцы были

---

[1]) Приказъ кн. Воронцова по войскамъ кавк. корпуса, 26 февр. 1852 г. (Акты, собр. К. Арх ком., т. X, стр. 585). И. О.

отбиты, но и намъ это дѣло обошлось сравнительно не дешево: мы потеряли убитыми 1 оберъ-офицера и 11 нижнихъ чиновъ, а ранеными 5 об.-офицеровъ и 106 нижн. чиновъ [1]).

Частный успѣхъ этотъ, вообще говоря, былъ столь же безплоденъ для насъ, какъ и предшествовавшія экспедиціи. Абадзехи, озлобленные раззореніемъ, которое мы имъ причиняли, и подстрекаемые М. Эминомъ, оставались постоянно во враждебномъ относительно насъ положеніи, и до Н. И. Евдокимова постоянно доходили свѣдѣнія о значительныхъ сборищахъ ихъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, а между тѣмъ М Эминъ держалъ свои намѣренія въ такой глубокой тайнѣ, что лазутчикамъ рѣдко удавалось узнать о нихъ что-либо положительное. При подобныхъ обстоятельствахъ особенно важно было, чтобы во главѣ угрожаемаго края стоялъ человѣкъ, хорошо знавшій слабыя и сильныя стороны, какъ непріятельскія, такъ и свои, знакомый со всѣми обычаями, привычками и снаровками горцевъ и, наконецъ, лично знакомый со многими вліятельными между ними лицами. Этимъ условіямъ, конечно, немногіе даже изъ старыхъ кавказскихъ служакъ могли удовлетворять въ той степени, какъ Н. И. Евдокимовъ, выросшій и развившійся среди тревожной боевой обстановки на азіятской окраинѣ и отлично изучившій горцевъ.

10-го іюля лазутчики донесли ему о сборѣ огромнаго скопища на р. Бѣлой, а 16-го числа получено извѣстіе, что оно находится уже между рѣками Малою Лабою и Андрюкомъ и что М. Эминъ, объявляя горцамъ о разрывѣ Россіи съ Турціей, возвѣщалъ скорую помощь имъ отъ султана и призывалъ ихъ всѣхъ къ священной войнѣ противъ гяуровъ. Извѣстіе было серьезное и требовавшее принятія быстрыхъ, но и обдуманныхъ мѣръ. Н. И. Евдокимовъ, бдительно слѣдившій за движеніями противника, вывелъ изъ нихъ вѣрное заключеніе, что М. Эминъ намѣренъ вторгнуться въ землю карачаевцевъ и потому немедленно распорядился соотвѣтствующею разстановкою войскъ на линіи. Распоряженія его оказались столь цѣлесообразными, что горцы, убѣдясь въ нашей готовности повсюду ихъ встрѣтить, должны

---

[1]) Приказъ кн. Воронцова, 5-го марта 1852 г., № 37 (Акты К. Арх. ком., т. X, стр. 619). И. О.

были отказаться отъ своего предпріятія и ушли, не причинивъ намъ никакого существеннаго вреда.

Такимъ образомъ, обширные планы М. Эмина и на этотъ разъ не осуществились и ему пришлось ограничиться поощреніемъ горцевъ къ мелкимъ набѣгамъ, къ которымъ они, по самой природѣ своей, были особенно способны и склонны. Чрезвычайное мелководіе рѣкъ въ этомъ году болѣе чѣмъ когда либо способствовало ихъ хищническимъ предпріятіямъ, такъ что кордонная линія наша находилась въ напряженномъ состояніи и постоянной тревогѣ [1]).

Изъ вышеприведеннаго письма къ генералу Клюки-фонъ-Клугенау мы видѣли, что Н. И. Евдокимовъ, уже при первомъ знакомствѣ съ ходомъ дѣлъ на правомъ флангѣ, сталъ подумывать о перемѣнѣ мѣста служенія. Мысль эта, съ теченіемъ времени и подъ впечатлѣніемъ безпрестанныхъ тревогъ и безпокойствъ не вознаграждаемыхъ никакими существенными результатами, все болѣе и болѣе въ немъ укрѣплялась и онъ еще въ началѣ августа 1853 г. сталъ просить о другомъ назначеніи и о временномъ отпускѣ. Можетъ быть, играли тутъ роль и какія нибудь другія неизвѣстныя намъ причины; можетъ быть, противна была его убѣжденіямъ и самая система дѣйствій, которой тутъ держались и которую измѣнить было не въ его власти; но можно повѣрить и тому, что потрясенный послѣдними болѣзнями организмъ стараго солдата, дѣйствительно, нуждался во временномъ отдыхѣ.

Приводимъ здѣсь письмо его къ генер. Завадовскому, отъ 3-го августа (изъ Прочнаго Окопа)

«Въ $3^1/_2$ года бытности моей на правомъ флангѣ я неусыпно трудился на пользу службы и на пріобрѣтеніе вниманія вашего в.-п—ва. Судя по тѣмъ милостивымъ знакамъ, которыхъ удостоивался я при каждомъ личномъ свиданіи, во мнѣ родилась увѣренность, что трудился я не безъ успѣха, и эта-то увѣренность нынѣ послужила поводомъ обратиться къ милостивому покровительству вашего в.-п—ва.

«Я недавно имѣлъ несчастіе похоронить здѣсь мою мать; жена моя ежегодно больна по цѣлому лѣту; самъ я, отдавая

---

[1]) Воен. Уч. архивъ, отд. II, № 6563 з.

дань здѣшней лихорадкѣ, получилъ ломоту въ ногахъ, а отъ безпрестанныхъ безпокойствъ и многихъ другихъ причинъ пріобрѣлъ такія припадки, которые невольно заставляютъ заблаговременно подумать о своемъ здоровьѣ.

«Въ числѣ средствъ, для сего необходимыхъ, нужно также и душевное спокойствіе. Мнѣ давно бы уже слѣдовало съѣздить въ г. Воронежъ, на поклоненіе гробу св. Митрофанія, по обѣщанію, данному за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; но служебныя обязанности отвлекали меня отъ этого религіознаго дѣла, и теперь, по мѣрѣ физическаго разстройства, я начинаю безпокоиться о невыполненіи святаго обѣта. По этой причинѣ, представляя вмѣстѣ съ этимъ прошеніе объ увольненіи меня туда на 28 дней, я всепокорнѣйше прошу в. вп—во дозволить мнѣ воспользоваться этимъ отпускомъ въ первыхъ числахъ сентября, чтобы исполнить предстоящій путь въ хорошее время года.

Вообще служба на правомъ флангѣ, какъ узналъ я по опыту, такъ трудна, а заботы и отвѣтственность такъ велики, что исполненіе ихъ едва ли можетъ сохранить здоровье человѣку самаго спокойнаго характера. Я, къ несчастію, не одаренъ этимъ качествомъ, и для меня было бы полезнѣе получить мѣсто менѣе трудное. Не представится ли случая вашему в. вп—ву облагодѣтельствовать меня ходатайствомъ объ этомъ.

«Вниманіе къ этимъ двумъ просьбамъ моимъ послужитъ мнѣ главнымъ доказательствомъ того милостиваго расположенія, которымъ вы почтили службу мою подъ лестнымъ вашимъ начальствомъ, а я смѣю увѣрить ваше вп—во, что чувство глубокой благодарности къ особѣ вашей я сохраню въ продолженіе всей остальной моей жизни. Имѣю честь» и т. д.

Понятно, что лишиться такого помощника, какъ Н. И. Евдокимовъ, было для Завадовскаго вовсе нежелательнымъ, и онъ не замедлилъ на вышеприведенное письмо послать слѣдующій отвѣтъ:

«М. г. Николай Ивановичъ. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 3-го августа ваше п—во просите отпуска въ Воронежъ на 28 дней, для поклоненія мощамъ св. Митрофанія, и ходатайства моего о доставленіи вамъ другаго назначенія, по трудности службы въ настоящей вашей должности.

«Отпускъ я разрѣшу вамъ отъ себя немедленно. Касательно же втораго предмета вашей просьбы у меня родилась мысль:

не думаете ли вы, что службою вашею недовольны? Боже сохрани васъ отъ такого помышленія! Скажу вамъ со всею откровенностію, что я и г. главнокомандующій разумѣютъ о васъ какъ о генералѣ опытномъ, дѣятельномъ и благоразумномъ, и въ самыхъ вашихъ дѣйствіяхъ видѣли подтвержденіе этихъ качествъ. Если при всей бдительности вашей удавалось иногда непріятелю причинить намъ кой-какой вредъ,—это приписывалось отнюдь не недостатку распорядительности, но тѣмъ случайностямъ войны, которыхъ избѣжать невозможно и которыя были и будутъ по всей линіи, не смотря ни на какія съ нашей стороны предосторожности. Словомъ сказать, служба ваша была всегда въ отличномъ мнѣніи начальства, поэтому убѣдительнѣйше прошу ваше п—во оставить на этотъ счетъ всѣ опасенія, если они есть у васъ, и продолжать ваше полезное служеніе на правомъ флангѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливомъ на будущее время вниманіи моемъ и г. главнокомандующаго къ вашимъ трудамъ и усердію. Я побуждаюсь просить васъ о семъ тѣмъ болѣе, что въ настоящее время нѣтъ въ виду и такой должности, которая соотвѣтствовала бы вашему званію; если же впослѣдствіи откроется мѣсто болѣе приличное вашимъ заслугамъ и достоинствамъ, то къ доставленію вамъ онаго съ моей стороны употреблено будетъ все, что можетъ отъ меня зависѣть, съ удовольствіемъ».

Столь лестный отзывъ со стороны ближайшаго начальника, равно какъ и выраженное имъ настойчивое желаніе заставили Николая Ивановича отказаться отъ намѣренія оставить правый флангъ. Онъ тогда же отвѣчалъ Завадовскому слѣдующимъ письмомъ:

«Ваше вп—во отъ 10-го августа изволили удостоить меня такимъ лестнымъ письмомъ, послѣ котораго мнѣ было бы непростительно не стараться всѣми силами оправдать ваше мнѣніе и не поручить судьбы своей милостивому вашему покровительству. При личномъ свиданіи, которымъ я до сего времени не могъ воспользоваться, по чрезвычайно безпокойному положенію края, но которое ваше вп—во дозволите мнѣ имѣть честь получить по возвращеніи вашемъ въ Ставрополь, я надѣюсь, что вы удостоите позволеніемъ доложить вамъ лично о тѣхъ обстоятельствахъ, какими наиболѣе я озабоченъ. Между тѣмъ,

ободренный милостивымъ вниманіемъ вашимъ, я буду продолжать свой трудъ, въ ожиданіи отпуска, которымъ исполнится моя религіозная обязанность...» [1]).

Мы не знаемъ, успѣлъ ли Евдокимовъ, и когда, исполнить свое благочестивое намѣреніе, но уже въ концѣ октября того же года ему пришлось снова принимать непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. По распоряженію генерала Завадовскаго предпринята была со стороны Черноморія экспедиція за Кубань, въ земли враждебныхъ намъ шапсуговъ, и чтобы не допустить къ нимъ помощи со стороны племенъ, обитавшихъ за Бѣлою, рѣшено было двинуть противъ послѣднихъ особый отрядъ (21 рота, 20 сотень казаковъ, 12 пѣшихъ и 6 конныхъ орудій, 2 ракетные станка, команда саперъ и 300 человѣкъ милиціи). Номинальное начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ генералъ-лейтенантъ Козловскій (начальникъ 19 пѣхотной дивизіи), прибывшій на правый флангъ для инспектированія войскъ и пожелавшій принять участіе въ готовившейся экспедиціи; но онъ самъ предоставилъ всѣ распоряженія Н. И. Евдокимову, вполнѣ довѣряя его опытности и знанію края.

20-го октября отрядъ собрался въ станицѣ Тенгинской, а на слѣдующій день двинулся къ Бѣлорѣченскому укрѣпленію. Отсюда войска наши направились къ рѣкѣ Пшишъ и вверхъ по оной, проникая въ такія мѣста, гдѣ дотолѣ еще не бывала нога русская, и изучая мѣстность, которая тутъ же наносилась на планы. Сопровождая движеніе обычнымъ истребленіемъ непріятельскихъ запасовъ, войска, 23-го числа, приблизились къ аулу Хуаджъ-хабль (на лѣвомъ берегу Пшиша), въ окрестностяхъ коего были встрѣчены скопищемъ абадзеховъ. Благодаря искуснымъ распоряженіямъ Н. И. Евдокимова, непріятель былъ совершенно разбитъ и разсѣянъ, а самый аулъ преданъ пламени. На слѣдующій день, при обратномъ движеніи отряда, горцы, по своему обыкновенію, упорно преслѣдовали насъ, хотя всѣ ихъ атаки были отбиваемы; а 25-го числа отрядъ возвратился въ Бѣлорѣченское, потерявъ выбывшими изъ строя 4-хъ офицеровъ и 83 чел. нижнихъ чиновъ. Черезъ два дня послѣ этого Н. И. Евдокимовъ предпринялъ новое движеніе вверхъ по Бѣлой,

---

[1]) Архивъ гр. Евдокимова, № 59.

имѣлъ 29-го числа небольшую стычку съ горцами, а 1 ноября возвратился за Лабу и распустилъ войска по квартирамъ.

Въ рапортѣ, представленномъ генер. Козловскимъ объ этой экспедиціи, сказано, между прочимъ:

«Начальникъ праваго фланга, генералъ-маіоръ Евдокимовъ, отлично зная мѣстность (и) непріятеля, превосходно направлялъ движеніе отряда и начальствуемыхъ имъ колоннъ во время боя».

Въ концѣ ноября того же года Н. И. Евдокимовъ приступилъ къ давно уже испытанному и дѣйствительному средству въ кавказской войнѣ: вырубкѣ лѣсовъ,—средству, которое на западномъ Кавказѣ практиковалось, повидимому, въ недостаточно обширныхъ размѣрахъ. Началось съ ближайшей къ намъ мѣстности, на лѣвомъ берегу Лабы, гдѣ лѣса, подходившіе къ самой рѣкѣ, отлично способствовали тайному приближенію хищниковъ и дѣлали своевременное открытіе ихъ почти невозможнымъ. Въ концѣ декабря того же года предпринята была Н. И. Евдокимовымъ усиленная рекогносцировка по долинѣ Малой Лабы къ Шахгиреевскому ущелью, при чемъ избраны выгодныя мѣста для окончательнаго устройства Лабинской линіи и намѣчены направленія просѣкъ по верховьямъ Большой и Малой Лабы, дабы возстановить свободное сообщеніе для войскъ между этими двумя рѣками и лишить непріятеля единственныхъ мѣстъ, служившихъ ему здѣсь средствомъ для существованія. Рекогносцировкою этою, исполненною съ совершеннымъ успѣхомъ и съ ничтожною потерею, завершился для Н. И. Евдокимова 1853-й годъ.

Новый 1854 годъ начинался при грозныхъ для насъ обстоятельствахъ: уже нѣсколько мѣсяцевъ кипѣла война на Дунаѣ и на кавказско-турецкой границѣ, а въ концѣ декабря 1853 г. часть англо-французскаго флота вошла въ Черное море, съ явно враждебными противъ насъ намѣреніями. Не безъ основанія можно было опасаться высадки союзниковъ на наше кавказское прибрежье, гдѣ горцы, волнуемые Мухамедъ-Эминомъ, давно уже ожидали помощи извнѣ и гдѣ положеніе наше, въ подобномъ случаѣ, могло сдѣлаться крайне затруднительнымъ. О намѣреніи непріятеля, высадиться въ Сухумѣ или около Анапы, тогдашній государственный канцлеръ, графъ Нессельроде, еще

въ 1853 г. извѣщалъ кн. Воронцова, и послѣдній—какъ видно изъ его писемъ военному министру—считалъ это дѣло чрезвычайно опаснымъ для Кавказскаго края [1]).

Самъ императоръ Николай I тоже сознавалъ опасность, которая могла намъ грозить съ этой стороны, — что̀ доказывается собственноручною его инструкціею отъ 22-го февраля 1854 г. [2]). относительно дѣйствій нашихъ войскъ, если бы союзники произвели высадку въ сѣверной части Черноморской береговой линіи [3]); въ подобномъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду, для единства въ дѣйствіяхъ, подчинить всѣ войска на Азовскомъ прибрежьѣ и въ сѣверо-западной части Кавказа одному общему начальнику, которымъ назначался тогдашній наказный атаманъ Донскаго войска, генералъ-отъ-кавалеріи Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ [4]).

Опасенія относительно сѣверо-западнаго Кавказа, къ счастію, не сбылись и на Н. И. Евдокимовѣ отозвались лишь увеличеніемъ заботъ и безпокойствъ, такъ какъ по несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, подтверждаемымъ всѣми лазутчиками, еще въ декабрѣ 1853 г. доставлено было прибрежнымъ горцамъ, изъ Турціи, для раздачи всѣмъ враждебнымъ племенамъ, значительное количество свинца и пороха. Вслѣдъ за боевыми припасами должны были прибыть турецкія войска и, при содѣйствіи туземнаго населенія, открыть военныя дѣйствія сначала противъ береговой линіи, а потомъ и противъ праваго фланга [5]).

Помимо этихъ зловѣщихъ свѣдѣній, не прекращались и слухи о сборѣ значительныхъ скопищъ то въ той, то въ другой трущобѣ Закубанья; да и мелкія хищничества продолжались съ прежнею дерзостію и вызывали съ нашей стороны необходимость, время отъ времени, водить войска въ глубь враждебнаго края

---

[1]) Военно-учен. архивъ, отд. II, № 6,566.

[2]) Текстъ инструкціи см. въ приложеніи.

[3]) Въ виду безвыходно-опаснаго положенія, въ которое были поставлены укрѣпленія береговой линіи при появленіи союзнаго флота въ Черномъ морѣ, гарнизоны ихъ, въ теченіи февраля и марта, были увезены, а самые форты взорваны. Мы продолжали занимать лишь Геленджикъ, Новороссійскъ и Анапу.

[4]) Отношеніе военнаго министра къ наказн. атаману, отъ 15 февраля 1854 г., за № 139. (Архивъ гр. Евдокимова, № 72).

[5]) Рапортъ ген. Евдокимова ген. Козловскому, отъ 13 декабря 1853 г., за № 7,992. (Акты кавк. арх. коммиссіи, т. X, стр. 788). И. О.

и наказывать противника истребленіемъ его жилищъ и запасовъ. Такъ, въ началѣ февраля предпринята была Н. И. Евдокимовымъ экспедиція въ земли башильбаевцевъ, обитавшихъ между Урупомъ и Лабою. Разбойничье общество это понесло строгую, но заслуженную кару.

Въ означенное тяжелое время намѣстникъ кавказскій князь Воронцовъ, чувствуя крайнее ослабленіе силъ, уже не стоявшихъ въ уровень съ усиленною дѣятельностію, вызванною военными обстоятельствами, просилъ государя объ увольненіи отъ должности. По изъявленіи высочайшаго на то согласія, онъ передалъ временное завѣдываніе кавказскими дѣлами генералу Реаду, при чемъ снабдилъ его замѣчательною инструкціею, въ которой, знакомя своего преемника съ мѣстными обстоятельствами, вообще, онъ дѣлаетъ и характеристику нѣкоторыхъ главныхъ начальниковъ въ разныхъ частяхъ Кавказскаго края.

О Н. И. Евдокимовѣ, въ инструкціи этой, кн. Воронцовъ отзывается слѣдующимъ образомъ:

....«Правымъ флангомъ завѣдуетъ старый и опытный кавказскій воинъ, генералъ-маіоръ Евдокимовъ; онъ нѣсколько лѣтъ служилъ и отличался въ Дагестанѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ командуетъ правымъ флангомъ, я болѣе и болѣе удостовѣряюсь, что онъ вполнѣ достоинъ этой важной должности. За назначеніемъ его туда, я боялся, что нѣкоторая грубость въ его характерѣ можетъ быть тамъ вредна; но, какъ человѣкъ умный, онъ умѣлъ, какъ кажется, взять тонъ и манеры, необходимые для тамошняго управленія; военныя же его достоинства и энергія всѣмъ извѣстны, и всѣ послѣднія, полученныя оттуда, свѣдѣнія соглашаются въ томъ, что онъ пріобрѣлъ уваженіе и довѣренность всѣхъ народовъ, которые имѣютъ съ нимъ дѣло. Для поддержанія его власти и въ справедливое воздаяніе за его отличную тамъ службу я всеподданнѣйше буду просить у государя императора для него чинъ генералъ-лейтенанта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не излишнимъ нахожу здѣсь сказать, что ежели—чего Боже сохрани — какой-либо случай лишилъ бы край его службы, то здѣсь есть только одинъ человѣкъ, который вполнѣ можетъ его замѣнить, а именно — наказный атаманъ казачьяго линейнаго войска, кн. Эристовъ» [1]).

---

[1]) Акты кавк. арх. коммиссіи, т. X, стр. 95.

Подобный отзывъ столь умнаго и проницательнаго человѣка, какимъ былъ кн. Воронцовъ, успѣвшій хорошо ознакомиться съ Н. И. Евдокимовымъ еще со времени дѣйствій подъ Гергебилемъ и Салтами, конечно, могъ служить для послѣдняго высокимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ,—если бы этотъ отзывъ былъ ему извѣстенъ. Что касается до чина генералъ-лейтенанта, о которомъ упоминается въ вышеприведенной инструкціи, то Николай Ивановичъ еще не скоро удостоился этой награды. Можетъ быть, кн. Воронцовъ, удрученный лѣтами и болѣзнію, забылъ о своемъ намѣреніи, а можетъ быть и представленіе его не было уважено въ виду того, что не прошло еще и шести лѣтъ со времени производства Евдокимова въ генералъ-маіоры, и за это время послѣднему не представилось случая одержать какой-либо необычайный, блестящій успѣхъ, влекущій за собою и необычайныя награды.

Съ такими успѣхами и наградами судьба ждала его впереди, а пока приходилось ему лишь попрежнему исполнять неуклонно служебный свой долгъ и удовлетворяться тою, относительно ограниченною, дѣятельностію, которая выпала ему на долю.

Замѣтимъ тутъ, мимоходомъ, что Н. И. Евдокимовъ, по производствѣ его въ генеральскій чинъ и по устраненіи отъ него тѣхъ ежедневныхъ и мелочныхъ хлопотъ, которыя сопряжены съ командованіемъ полкомъ, сталъ—въ сознаніи недостаточности своей теоретической подготовки—много заниматься чтеніемъ статей и книгъ стратегическаго и тактическаго содержанія. Сочиненія эти, конечно, не разъ вызывали ироническую улыбку на лицѣ стараго практика-воина, но, вѣроятно, почерпнулъ онъ оттуда и не мало дѣльныхъ мыслей. Вообще же онъ, для поученія своего, ничѣмъ не пренебрегалъ и все отлично усвоивалъ своимъ здравымъ и положительнымъ умомъ [1]). Экспеди-

---

[1]) Одинъ изъ служившихъ при графѣ Н. И. Евдокимовѣ офицеровъ генеральнаго штаба сообщилъ намъ слѣдующую интересную замѣтку.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ, во время переѣздовъ, по почтовымъ трактамъ, изъ г. Ставрополя къ дѣйствующимъ отрядамъ, сидя въ экипажѣ, графъ Николай Ивановичъ часто обращался къ воспоминаніямъ и въ ясныхъ и картинныхъ разсказахъ передавалъ свое прошлое житье-бытье, свои труды, бывавшее горе и смѣнявшія его радости. Вспоминая первые мѣсяцы юнкерской службы, онъ говаривалъ, что еще тогда сознавалъ необходимость попол-

ціями на правомъ флангѣ онъ пользовался, между прочимъ, для изученія мѣстности и образа дѣйствій непріятеля, и наблюденія свои затѣмъ обобщалъ въ извѣстную систему, которую нельзя было не признать самою практичною. Свидѣтельствомъ тому служитъ, между прочимъ, составленная имъ въ сентябрѣ 1854 г.

ненія своихъ скудныхъ теоретическихъ свѣдѣній, читалъ то, что удавалось доставать, пользовался каждымъ свободнымъ временемъ, предаваясь чтенію научныхъ книгъ преимущественно за наружными оградами укрѣпленій, прислонясь къ внѣшней сторонѣ стѣны или бруствера; тамъ никто его не развлекалъ, читалось легко и быстро, усваивалось твердо. Переносясь къ воспоминаніямъ оберъ-офицерской службы среди краткихъ періодовъ городской и штабъ-квартирной жизни, графъ разсказывалъ однажды обязанности строеваго адъютанта того времени по отношенію къ сложнымъ разводамъ съ церемоніею. Нужно было изумляться могучей памяти графа: въ званіи уже генералъ-адъютанта, прослуживъ около 40 лѣтъ, онъ объяснялъ разсчетъ развода, всѣ команды и весь сложный церемоніалъ разводовъ того времени такъ послѣдовательно и подробно, какъ бы читалъ статью о разводахъ съ церемоніею по уставу.

Разсказывалъ также графъ, что съ производствомъ въ генералъ-маіоры и назначеніемъ начальникомъ праваго фланга онъ занялся серьезнымъ изученіемъ военныхъ наукъ. Его увлекала военная исторія, но, среди занятій этимъ отдѣломъ, онъ послѣдовательно вчитывался въ лучшія сочиненія того времени по тактикѣ, фортификаціи, артиллеріи и стратегіи. Трудно припомнить всѣ подробности и оттѣнки его интереснѣйшихъ бесѣдъ на эту тему, но что онъ работалъ надъ военными науками серьезно,—доказывало его твердое знаніе стратегической терминологіи, терминовъ тактическихъ, артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ, поясненія детальныхъ разборовъ того или другаго отдѣла науки, его личные взгляды на нихъ и выводы. Говаривалъ графъ, что онъ и сожалѣлъ о позднемъ изученіи имъ военнаго искусства и находилъ въ этомъ свои полезныя стороны: читалъ онъ поученія военныхъ писателей, пройдя солидный боевой опытъ, а потому, читая и изучая, онъ провѣрялъ вкоренившіяся въ немъ боевыя правила, а многое, изъ предлагавшагося руководствами, и отвергалъ. Ему казались странными разборы выгодъ и недостатковъ различныхъ строевъ въ родѣ того, что строй артиллеріи колонный неудобенъ для стрѣльбы изъ него, и т. п. ошибочныя заключенія авторовъ. Помнится, что, разбирая статьи о поворотныхъ платформахъ, онъ удивлялся тому, какъ наука не внесла на свои страницы простыя, несложныя платформы, устраиваемыя подъ орудія въ горныхъ кавказскихъ укрѣпленіяхъ, и проч. Рѣчь графа была всегда спокойна, коротка и ясна; бывали случаи, что графъ останавливался на какомъ-либо выдающемся по его симпатіямъ, воспоминаніи, — тогда онъ говорилъ съ энтузіазмомъ, чрезвычайно ясно обрисовывалъ картины и просто увлекалъ слушателей своею безыскусственною рѣчью. В. Ѳ. Л.

20 іюня 1888 г. Г. Кіевъ.

«Записка о предположеніяхъ, полезныхъ для исполненія на правомъ флангѣ Кавказской линіи» [1]).

Изложенные въ этой запискѣ принципы, хотя не столь быстраго, но прочнаго покоренія враждебнаго края, вынесены были Н. И. Евдокимовымъ изъ опыта и уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали примѣняться на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, гдѣ правильность ихъ вполнѣ подтвердилась. Предположенія его относительно будущихъ дѣйствій на правомъ флангѣ (помѣщенныя въ той же запискѣ) доказываютъ, въ какой мѣрѣ ясно опредѣлилъ онъ себѣ цѣль, къ которой должно стремиться. Конечно, онъ не могъ предвидѣть, что осуществленіе этихъ предположеній, черезъ какія-нибудь десять лѣтъ, во многомъ облегчатъ выполненіе великой задачи, ему тогда поставленной.

Весна и лѣто 1854 года, вопреки опасеніямъ нашего начальства, прошли въ Закубаньѣ довольно спокойно. Въ письмѣ Н. И. Евдокимова генералу Хомутову, отъ 20 мая, онъ, между прочимъ, пишетъ:

...«Кромѣ обыкновеннаго хищничества, со стороны горцевъ нѣтъ важныхъ предпріятій. Они все еще ждутъ десанта, и тогда, поголовнымъ ополченіемъ, думаютъ напасть на насъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ, начальный порывъ воинственности ослабѣваетъ и—сколько можно замѣтить теперь,—то чѣмъ позже будетъ здѣсь десантъ, тѣмъ менѣе найдетъ онъ сочувствія въ туземныхъ союзникахъ. Впрочемъ, что бы ни было, а съ упованіемъ на помощь Божію къ правому дѣлу мы остаемся съ убѣжденіемъ въ несокрушимость нашихъ войскъ» [2]).

Только глубокою осенью, въ октябрѣ, предпринята была заранѣе уже намѣченная экспедиція въ Закубаньѣ. Она оказалась какъ нельзя болѣе своевременною, такъ какъ 14-го числа этого мѣсяца получено было извѣстіе о сборѣ М. Эминомъ сильныхъ партій, съ цѣлью произвести набѣгъ въ обширныхъ размѣрахъ на наши Кубанскія и Лабинскія станицы. На третій день по полученіи этого извѣстія Н. И. Евдокимовъ собралъ въ станицѣ Тенгинской отрядъ изъ $4^1/_2$ баталіоновъ, $18^1/_2$ казачьихъ сотенъ, при 14 орудіяхъ и 12 ракетныхъ станкахъ и,

---

[1]) См. приложенія.

[2]) Архивъ гр. Евдокимова, № 92.

не теряя времени, предупредилъ намѣренія противника вторженіемъ въ земли враждебнаго намъ общества гатукаевцевъ. Для содѣйствія ему двинутъ былъ изъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія къ р. Гіагѣ другой небольшой отрядъ. 17-го октября войска Н. И. Евдокимова приблизились къ лежащему на крутомъ изгибѣ р. Бѣлой и труднодоступному аулу Джанъ-Клычева, который давно уже служилъ исходнымъ пунктомъ разныхъ хищническихъ предпріятій, и куда, въ настоящее время, М. Эминъ приказалъ собираться части своихъ скопищъ. Движеніе нашихъ войскъ произведено было столь неожиданно и скрытно, что они были уже въ 2-хъ верстахъ отъ селенія, когда непріятель замѣтилъ ихъ. Горцы, не успѣвшіе угнать своего скота и увезти имущество, обороняли свое гнѣздо отчаянно; не смотря на это, аулъ былъ взятъ менѣе чѣмъ въ $^1/_4$ часа и преданъ пламени.

Однако, всѣ эти «наказанія» смиряли горцевъ ненадолго; хищничество продолжалось съ новою силою; а въ ноябрѣ пришлось опять предупреждать широкіе замыслы М. Эмина новою экспедиціею, которою, на этотъ разъ, руководилъ временно начальствовавшій войсками на Кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Козловскій [1]).

Въ самомъ концѣ года, — согласно составленнымъ заранѣе предположеніямъ для зимней экспедиціи, Н. И. Евдокимовъ, во главѣ отряда изъ 6 баталіоновъ, 17 сотенъ казаковъ и 350 чел. милиціонеровъ, при 18 орудіяхъ, выступилъ 29-го декабря изъ станицы Зассовской къ верховьямъ Малой Лабы и Андрюка, а къ вечеру 30-го числа, выдержавъ оживленную перестрѣлку съ горцами, прошелъ до впаденія въ Андрюкъ рѣки Сампристы. На другой день часть отряда двинулась вверхъ по Сампристѣ и, овладѣвъ послѣ кровопролитнаго штурма, ауломъ Мистеркої, предала его истребленію. Въ послѣдующіе за тѣмъ дни войска занимались вырубкою лѣса, при непрестанной перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, а къ вечеру 10-го января 1855 года окончена была просѣка по всей долинѣ Андрюка, и оттуда, черезъ перевалъ, въ долину Малой Лабы. Дѣйствія эти распространили тревогу среди окрестныхъ горцевъ, которые стали стекаться

[1]) Предшественникъ его, генералъ Завадовскій, умеръ во время зимней экспедиціи 1853 г. въ Черноморіи. И. О.

со всѣхъ сторонъ, намѣреваясь напасть на нашъ отрядъ. Узнавъ объ этомъ, Н. И. Евдокимовъ предупредилъ противниковъ быстрымъ движеніемъ къ занимаемымъ ими ауламъ. Когда непріятельское скопище было разсѣяно, отрядъ перешелъ въ долину Большой Лабы, гдѣ съ 13-го по 17-е число рубилъ просѣку черезъ Псеменскій лѣсъ по направленію къ горѣ Шолохъ, для открытія сообщенія съ Лабинскою линіею. Экспедиція окончилась 20-го января; но затѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, продолжалась вырубка лѣсовъ въ разныхъ мѣстахъ Закубанья, ближайшихъ къ нашей линіи, и постройка новыхъ укрѣпленій и станицъ въ заранѣе намѣченныхъ пунктахъ.

Обычное теченіе дѣлъ на правомъ флангѣ, около середины мая, нарушилось извѣстіемъ о прорывѣ англо-французской эскадры черезъ Керченскій проливъ. Снова возродились опасенія близкой высадки союзниковъ въ Черноморіи, а потому туда, по требованію генерала Хомутова, отправлена была часть войскъ съ праваго фланга; съ войсками этими 20-го мая прибылъ въ Екатеринодаръ и самъ Н. И. Евдокимовъ; но оставаться тутъ пришлось ему не очень долго, такъ какъ уже 8-го іюля получено было извѣстіе о новыхъ значительныхъ сборищахъ горцевъ за Лабою. Генералъ Хомутовъ, удостовѣрившись за это время, что союзники не станутъ высаживаться въ Черноморіи, немедленно вернулъ отрядъ Н. И. Евдокимова въ Усть-Лабинскую станицу, для ближайшаго наблюденія за дѣлами праваго фланга.

Между тѣмъ, временное удаленіе съ этого фланга части нашихъ войскъ, а вѣроятно и новыя обнадеживанія горцевъ Мухамедъ-Эминомъ, по случаю прибытія союзной эскадры въ Азовское море, ободрило послѣднихъ къ дерзкому набѣгу въ землю карачаевцевъ, куда они, 14-го августа, и успѣли, наконецъ, проникнуть. На этотъ разъ лазутчики наши, очевидно, оплошали или же для самаго сбора нашихъ войскъ встрѣтились какія-либо непредвидѣнныя и особыя затрудненія, — но только предупредить непріятеля Николай Ивановичъ не успѣлъ и оставалось лишь отрѣзать ему путь отступленія, для чего и приняты были немедленно необходимыя мѣры. Не смотря на то, Мухамедъ-Эминъ, своевременно догадавшійся о грозившей ему опасности и имѣвшій проводниковъ, отлично знакомыхъ со всѣми

лазейками Закубанья, успѣлъ, вмѣстѣ со своими шайками, ускользнуть отъ сторожившихъ его войскъ.

Это событіе было едва ли не единственнымъ неудачнымъ эпизодомъ въ боевой службѣ Н. И. Евдокимова и не можетъ бросать тѣни на его военную репутацію,—особенно, если сравнить его съ начальниками, находившимися въ одинаковомъ съ нимъ положеніи. Припомнимъ лишь, какимъ незначительнымъ числомъ войскъ онъ располагалъ для охраненія обширнаго района праваго фланга и съ какимъ предпріимчивымъ, умнымъ и отважнымъ врагомъ онъ имѣлъ дѣло,—врагомъ, котораго сила и вліяніе на горцевъ еще значительно увеличились въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, вслѣдствіе оставленія нами черноморскаго прибрежья, жители коего могли теперь совершенно свободно сноситься и съ турками, и съ англичанами.

Сношенія эти, дѣйствительно, и поддерживались постоянно. Такъ, въ началѣ октября того же года, Мухамедъ-Эминъ ѣздилъ въ Сухумъ, для свиданія съ прибывшимъ туда турецкимъ главнокомандующимъ, Омеромъ-пашею, и, возвратившись оттуда въ серединѣ мѣсяца, немедленно сталъ дѣлать самыя обширныя приготовленія для новаго набѣга, собравъ на верховьяхъ Бѣлой и на Малой Лабѣ болѣе 10,000 конныхъ и пѣшихъ абадзеховъ. На этотъ разъ, однако, задуманное имъ крупное предпріятіе кончилось ничѣмъ. Своевременно предувѣдомленный о непріятельскихъ намѣреніяхъ, Н. И. Евдокимовъ не допустилъ разбойниковъ поживиться въ русскихъ станицахъ: куда ни бросались ихъ передовыя шайки, всюду встрѣчали онѣ насъ готовыми къ встрѣчѣ. Эта готовность отбила у Мухамедъ-Эмина охоту настаивать на выполненіи своего предпріятія, и онъ, около 10-го ноября, распустилъ собранныя имъ скопища по домамъ. Затѣмъ войска наши возобновили свои обычныя рубки просѣкъ, при чемъ особымъ отрядомъ ихъ былъ произведенъ удачный набѣгъ въ долину р. Псефиръ.

Вскорѣ за симъ осуществилось давнишнее желаніе Николая Ивановича избавиться отъ занимаемой имъ крайне трудной и безпокойной должности. Высочайшимъ приказомъ 28-го ноября 1855 года онъ назначался командующимъ 20-ю пѣхотною дивизіею и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи. Приказъ этотъ дошелъ до Н. И. Евдокимова только около 15-го

декабря; но Николаю Ивановичу пришлось еще болѣе мѣсяца оставаться на правомъ флангѣ, для окончательнаго завершенія тамошнихъ дѣлъ, такъ что выѣхать къ мѣсту своего новаго назначенія ему удалось лишь въ началѣ февраля 1856 года.

За предшествовавшую пятилѣтнюю дѣятельность въ должности начальника праваго фланга онъ, кромѣ изъявленія высочайшаго благоволенія, награжденъ былъ орденами св. Станислава и св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-й степени.

Относительно оцѣнки его службы ближайшими начальниками и сподвижниками свидѣтельствуютъ вышеприведенные отзывы кн. Воронцова и Завадовскаго. Дополнимъ ихъ слѣдующими словами въ высшей степени почтеннаго человѣка, генералъ-адъютанта Хомутова [1]), которому пришлось близко познакомиться съ Николаемъ Ивановичемъ въ весьма тяжелое для насъ время:

«М. г. Николай Ивановичъ, — говоритъ онъ въ письмѣ отъ 5-го мая 1855 года, — краткое время моего командованія правымъ флангомъ доставило мнѣ только удовольствіе познакомиться съ вами и узнать въ васъ вѣрнаго царскаго боеваго слугу; очень радъ, что я сблизился съ вами».... [2]).

И. О.

---

[1]) См. о немъ въ „Русской Старинѣ" 1880 г., т. XXVII, стр. 843—850.
[2]) Архивъ гр. Евдокимова, № 92.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Собственноручная государя императора Николая I-го инструкція отъ 22-го февраля 1854 года.

При теперешнемъ общемъ положеніи дѣлъ, кавказской линіи угрожать могутъ двѣ опасности:

1) Усиленное нападеніе Шамиля на военно-грузинскую дорогу, въ соединеніи съ кабардинцами и другими близъ оной обитающими племенами, съ цѣлью пресѣчь наши сообщенія съ Закавказіемъ.

2) Нападеніе союзныхъ силъ десантомъ въ сѣверной части черноморской береговой линіи, съ тѣмъ, чтобы овладѣть Геленджикомъ, Новороссійскомъ и Анапой; соединеніе съ натухайцами, шапсугами и абадзехами для нападенія на землю черноморскихъ казаковъ, и проникнуть далѣе на правый флангъ кавказской линіи, въ то-же время какъ другія племена возстанутъ, угрожая лабинской линіи или даже Пятигорску.

Отвратить первую опасность лежитъ на прямой обязанности г.-л. Козловскаго, съ тѣми войсками, кои ему непосредственно подчинены въ центрѣ линіи и которыхъ нельзя не признать достаточными съ той поры, какъ тамъ расположена вся резервная дивизія кавказскаго корпуса, т. е. резервъ изъ 14 баталіоновъ при двухъ батареяхъ, кромѣ линейныхъ баталіоновъ и 6-ти баталіоновъ Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ и 3 бат. Егерскаго кн. Воронцова полка, донскихъ линейныхъ казаковъ, при одной или двухъ конно-казачьихъ батареяхъ.

Нѣтъ притомъ вѣроятія, чтобы Шамиль въ одно и то-же время угрожать могъ и военно-грузинской дорогѣ, и лезгинской линіи, и кумыкской плоскости, и прикаспійскому краю, которые, впрочемъ, охраняются особыми отрядами войскъ, здѣсь не упоминаемыми.

Съ послѣдне-данныхъ приказаній войсковому атаману донскаго войска и съ пріостановленія близъ Ставрополя 1-й бригады 17-й дивизіи съ ея 2-мя батареями нахожу, что опасность линіи и Черноморіи во многомъ уже не такъ велика, ибо, не говоря о гарнизонахъ трехъ прибрежныхъ укрѣпленій, легко нынѣ собраны быть могутъ 11 бат., кромѣ 2-й бригады 19-й дивизіи, 6 казачьихъ полковъ и 2 пѣшихъ, $4^1/_2$ конныхъ батарей.

Я полагаю, что мѣсто сбора сему отряду назначить должно близь Варениковой пристани, съ тѣмъ, чтобы при высадкѣ непріятеля, и въ особенности при Геленджикѣ или Новороссійскѣ, немедля слѣдовать ему на встрѣчу и принять отступающіе гарнизоны Геленджика и Новороссійска, ежели они вынуждены были бросить сіи мѣста и, наконецъ, ежели бы высадка послѣдовала у Анапы, отбросить непріятеля въ море и спасти Анапу.

При таковомъ дѣйствіи непріятеля весьма вѣроятно, что онъ будетъ въ соглашеніи съ горцами, чтобъ они отвлекли вниманіе и силы наши въ другую сторону, угрожая или лабинской линіи, или самой кубанской линіи. Чтобъ воспрепятствовать сему, предстоятъ, кажется, два способа: или чтобы тогда ген. Евдокимову, собравъ, что можно, изъ войскъ, ему подчиненныхъ, слѣдовать на Бѣлую и въ глубь края, по направленію къ Абинску, или собрать у Ольгинскаго тетъ-де-пона отрядъ изъ тѣхъ же войскъ, не менѣе 6 бат. съ артиллеріею и однимъ или двумя казачьими полками, чтобы отрядомъ симъ охранять кубанскую линію и отбить всякое тутъ покушеніе; на лабинской же линіи оставаться въ оборонительномъ положеніи.

Адмиралу Серебрякову обратить главное вниманіе на сохраненіе Анапы и, буде можно, Новороссійска. Ежели Геленджикъ и Кабардинскъ отстоять нельзя, гарнизоны сіи отводить къ Новороссійску, чѣмъ защита сего мѣста значительно усилится, а когда и этотъ важный пунктъ нельзя будетъ сберечь, все въ немъ сжечь и уничтожить, равно какъ въ Геленджикѣ и Кабардинскомъ, и отступить всѣми силами чрезъ Раевскій фортъ къ Анапѣ, наводя непріятеля флангомъ на главный отрядъ, идущій отъ Варениковой.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все, что я покуда предначертать могу какъ г.-л. Козловскому, такъ и ген. отъ кавал. Хомутову и В. А. Серебрякову.

Вице-адмиралу Серебрякову, въ случаѣ крайности, военныя всѣ суда въ сѣверной части линіи отвести къ павловской батареѣ подъ прикрытіе огня ея и для защиты пролива, а въ случаѣ невозможности и тамъ устоять отослать къ Ейску, ежели глубина моря сіе дозволяетъ. (Архивъ гр. Евдокимова, № 72).

II.

Записка ген.-маіора Евдокимова о предположеніяхъ, полезныхъ для исполненія на правомъ флангѣ кавказской линіи.

Сентября 9-го дня 1854 года, крѣп. Прочный-Окопъ.

Разноплеменный народъ Закубанскаго края, необузданный благонамѣреннымъ правленіемъ, живетъ по произволу безъ цѣли и видовъ къ будущему. Если горцевъ сравнить съ хищными звѣрями—это не будетъ противорѣчить истинѣ и сократитъ разсказъ о склонностяхъ и общественномъ бытѣ дикаго народа, столь упорно противящагося мощной силѣ русскаго оружія. Это-же сравненіе разрѣшаетъ вопросъ о трудности покоренія его и приводитъ къ изысканію средствъ для отвращенія затрудненій сихъ на будущее время.

Опыты прошедшихъ лѣтъ показали, что значительныя экспедиціи, предпринимавшіяся съ цѣлью завоеванія страны, не всегда доставляли желаемые результаты. Горецъ при первой опасности бѣжитъ въ лѣсъ съ семействомъ и скотоводствомъ — единственнымъ его имуществомъ, оттуда зорко смотритъ за возможностью нанести вредъ противнику, и какъ только миновалась гроза, онъ предоставляетъ семейству построить шалашъ на мѣсто сожженнаго непріятелемъ, а самъ возвращается къ обычному своему ремеслу—хищничеству. Если же крайнія обстоятельства и вынудятъ его испрашивать иногда пощады и покорности — это не прочно и не продолжительно; слабая власть старшинъ, управляющихъ фамиліями, и несогласіе сихъ послѣднихъ между собою не имѣютъ силы обуздать порывовъ буйной вольности и всѣ условія, на такомъ шаткомъ основаніи устроенныя, скоро разрушаются, не оставляя и признаковъ своего существованія. Послѣ этого можно, кажется, съ достовѣрностью угадывать, что и впредь подобные походы не принесутъ плодовъ, которые хотя сколько нибудь вознаграждали бы пожертвованія. Войска пройдутъ, сожгутъ по пути пустые и незатѣйливые дома горцевъ и слѣдъ этого опустошенія, и вліяніе, имъ произведенное, исчезнетъ не далѣе какъ съ предстоящей весной.

Система медленнаго завоеванія страны, принятая въ послѣднее время, едва-ли не составляетъ исключительное средство для Закубанскаго края. Она состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ послѣдовательномъ водвореніи поселеній нашихъ по плодоноснымъ долинамъ рѣкъ, вытекающихъ съ Кавказскаго хребта.

Для этой цѣли, посредствомъ которой разобщаются покорныя племена отъ непокорныхъ и тѣмъ окончательно упрочиваются за нами покоренные участки земель, намъ необходимо заниматься вырубкою лѣсовъ и устройствомъ выгодныхъ путей отъ извѣстной полосы до другой. Этотъ способъ, представляя возможность къ движенію незначительныхъ отрядовъ во всякое время, стѣсняетъ горцевъ, заставляетъ покидать плодородныя поляны, удаляться въ лѣса

и среди ихъ расчищать новыя мѣста для посѣвовъ. Такимъ образомъ сами-же горцы облегчаютъ отчасти нашъ трудъ и помогаютъ нашимъ видамъ. Время отъ времени лѣса, составляющіе главную защиту ихъ, рѣдѣютъ, народонаселеніе незамѣтно сгущается тамъ, гдѣ безопаснѣе еще отъ нашихъ войскъ, и чѣмъ дѣятельнѣе посредствомъ этого пути мы будемъ двигаться къ цѣли, тѣмъ скорѣе ее достигнемъ. Сгущенное народонаселеніе, лишенное плодородныхъ земель, вынуждено будетъ покориться разомъ и на такихъ основаніяхъ, ручательство коихъ мы признаемъ достаточнымъ для большей прочности.

Согласно съ симъ на правомъ флангѣ кавказской линіи имѣются въ виду слѣдующія главныя предпріятія:

1) Учредить линію по рѣкѣ Малой Лабѣ, дабы, прислонясь флангомъ общей лабинской линіи къ кавказскимъ горамъ, заслонить ею все пространство, между Кубанью и Лабою лежащее. Фланговый пунктъ этой линіи опредѣляется пока у Шагиреевскаго ущелья, откуда впослѣдствіи можетъ быть возстановлено сообщеніе чрезъ Снѣжный горный хребетъ къ Черноморскому прибрежью.

2) Приступить къ продолженію новой линіи на рѣкѣ Бѣлой, основаніемъ коей служитъ уже нынѣшнее укрѣпленіе Бѣлорѣчинское.

Чтобы исполнить эти два главныя предположенія, со стороны праваго фланга предстоятъ слѣдующія занятія:

а) Выстроить мостъ черезъ рѣку Лабу у Калажинскаго укрѣпленія.

б) Возвести два укрѣпленія и два поста по рѣкѣ Малой Лабѣ на пространствѣ отъ упомянутаго пункта до Шагиреевскаго ущелья, то есть до выхода Малой Лабы изъ горной тѣснины.

в) Прочистить лѣса и проложить дороги по вершинамъ рр. Андрюка, Большой Лабы и Урупа, для свободнаго движенія войскъ вдоль горнаго хребта до укрѣпленія Надежинскаго.

г) Вытѣснить непокорное народонаселеніе, гнѣздящееся въ трущобахъ между Большой и Малой Лабой.

Предпріятія, въ послѣднихъ 4-хъ пунктахъ изложенныя, относятся до учрежденія линіи по р. Малой Лабѣ и предполагаются къ выполненію въ предстоящую зиму, кромѣ постройки укрѣпленій и постовъ, которые будутъ возводиться, если позволятъ обстоятельства, въ лѣто 1855 года. Этимъ должно окончиться въ главныхъ чертахъ устройство лабинской линіи, гдѣ хотя и останется еще необходимость въ заселеніи казачьими станицами нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ, но какъ по занятіи Лабы работы эти можно произвести уже съ меньшимъ числомъ войскъ отъ пѣхоты, то и препятствія для дѣйствій нашихъ на р. Бѣлой устранятся. А потому обращаюсь къ вопросу о сихъ послѣднихъ. Перпендикулярное теченіе р. Бѣлой къ р. Кубани образуетъ уголъ съ черноморскою кордонною линіею. Пространство между выходомъ ея изъ непроходимыхъ горныхъ тѣснинъ до устья сокращается противу теченія Лабы не менѣе 75 — 80 верстъ. Этихъ двухъ причинъ уже достаточно, чтобы

признать превосходство устроенной тутъ линіи надъ Лабинскою даже и въ томъ случаѣ, если отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ предпріятій въ закубанскомъ краѣ. Довольно одного моста черезъ Кубань гдѣ нибудь, положимъ между станицею Корсунскою и Пашковскою, чтобы отнять у горцевъ все плодородное пространство по прямой линіи отъ Екатеринодара до укрѣпленія Бѣлорѣчинскаго; довольно сдѣлать нѣсколько просѣкъ со стороны упомянутыхъ пунктовъ въ направленіи къ рр. Пшишъ (Тихиньская) и Пчашъ, чтобы отбросить значительное народонаселеніе, тутъ обитающее, къ горамъ, и мы получили-бы важную пользу какъ для настоящихъ, такъ и будущихъ нашихъ предпріятій. Въ настоящихъ потому, что надкубанскимъ и частью надлабинскимъ нашимъ поселеніямъ доставили бы большую безопасность, а въ будущихъ, что близкое сосѣдство Бѣлорѣчинской и Черноморской кордонной линіи доставятъ сильныя средства и къ взаимной оборонѣ, и къ быстрымъ успѣхамъ для дальнѣйшаго покоренія страны, ибо, если въ тѣхъ-же самыхъ видахъ дѣйствовать со стороны Анапы, то мнѣ кажется, что 15, а много 20 лѣтъ довольно для того, чтобы съ одной стороны утвердить линію нашихъ поселеній, положимъ на Пшекупсѣ, а съ другой на Адагумѣ или Тебсѣ, и можно ручаться, что одна сильная крѣпость въ центрѣ остальнаго незначительнаго пространства непокорныхъ, съ пособіемъ просѣкъ лѣса, положитъ конецъ упрямству горцевъ не только въ закубанскомъ краѣ, но отзовется и на черноморскомъ прибрежьи, если мы не будемъ пренебрегать горными путями черезъ снѣжный хребетъ.

Теперь остается объяснить, что сдѣлаемъ мы съ горцами, которые, оставляя равнины, будутъ удаляться отъ насъ въ нагорные лѣса или предлагать покорность?

Первыхъ надлежитъ намъ преслѣдовать зимними экспедиціями и просѣками до совершеннаго очищенія внутренняго пространства; послѣднихъ принимать не иначе, какъ съ условіемъ селиться на мѣстахъ, которыя будутъ представлять ручательство въ невозможности или въ безвредности ея для нашихъ линій. Вотъ причина, по которой нельзя надѣяться на сокращеніе предположеннаго мною срока для окончательнаго завоеванія страны, ибо здѣсь опытное употребленіе не очень большихъ отрядовъ, способности частныхъ начальниковъ и степень довѣренности, которую успѣютъ пріобрѣсти они отъ горцевъ, сдѣлаютъ больше, чѣмъ излишество военныхъ силъ. Основываясь на этой общей мысли, я полагаю, что со стороны праваго фланга на Бѣлорѣчинской линіи на сей разъ можно начинать слѣдующія дѣйствія:

1) Очистить берега рѣки Бѣлой отъ враждебныхъ ауловъ внизъ отъ Бѣлорѣчинскаго укрѣпленія до устья.

2) Проложить просѣку черезъ рѣку Пшишъ и согнать аулы, по ней сидящіе, предоставляя желающимъ покорности селиться на свободныхъ земляхъ праваго берега Кубани въ Черноморіи, или на лѣвомъ ея берегу въ дачахъ праваго фланга, закрытыхъ лабинскою линіею.

Исполненіе этихъ 2-хъ пунктовъ въ одну зиму не можетъ быть выполнено одними войсками праваго фланга; необходимо содѣйствіе со стороны Черноморія, а какъ и тамъ предстоитъ необходимость въ прорубкѣ просѣкъ по лѣвому берегу Кубани, какъ для движенія между рр. Бѣлой и Пшишью (Тихинькой), такъ и по лѣвому берегу сей послѣдней, то на сей разъ и довольно ограничиться только этимъ предположеніемъ, тѣмъ болѣе, что по отдаленности пункта дѣйствій и по недостатку перевозочныхъ средствъ на флангѣ для подвозки фуража лошадямъ и время занятія войскамъ опредѣлить нельзя—оно будетъ зависѣть отъ тѣхъ средствъ, какія успѣютъ найти они въ запасахъ непріятеля

Полагая возможнымъ въ изложенной мною послѣдовательности достигнуть со временемъ совершеннаго покоренія Закубанскаго края, я рѣшился объяснить всѣ вышеупомянутыя подробности въ тѣхъ видахъ, что если начальство найдетъ въ нихъ что нибудь дѣльное, то это дѣльное можетъ быть съ пользою для будущаго примѣнено въ частныхъ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ или для наказанія враждебнаго народонаселенія, или для отвлеченія отъ хищныхъ намѣреній противу нашихъ линій. Къ тому же можетъ быть и праздность войскъ, собранныхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ для встрѣчи западныхъ нашихъ враговъ, доставитъ случай къ облегченію будущихъ трудовъ. Что-же касается собственно до отвлеченія шапсуговъ, натухайцевъ и абадзехъ отъ содѣйствія туркамъ противу покушенія ихъ на Абхазію и Самурзакань, то на это нельзя, кажется, имѣть другаго предположенія, кромѣ готовности устремиться съ войсками въ многолюднѣйшіе пункты враждебныхъ обществъ по полученіи извѣстія о приготовленіи ихъ къ походу и дѣйствовать во вредъ непріятелю по обстоятельствамъ и сообразно съ временемъ года, въ какое это случится. Для сей послѣдней цѣли войскамъ праваго фланга выгоднѣе двинуться изъ бѣлорѣчинскаго укрѣпленія или вверхъ по лѣвому берегу р. Пчахи, или же, если не будетъ мѣшать полноводье р. Пшишъ, то за оную.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ войскамъ праваго фланга совмѣстно съ войсками центра предстоитъ движеніе по верховьямъ рѣкъ Большой и Малой Лабы. Экспедиція эта можетъ продолжиться около мѣсяца, слѣдовательно въ ноябрѣ около двадцатыхъ чиселъ они могутъ быть обращены къ р. Бѣлой и начать дѣйствовать по указанію, которое получатъ.

Наличный составъ отряда не будетъ превышать $4^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 20 сотенъ конницы и 20 конныхъ и пѣшихъ орудій артиллеріи; но можетъ быть г-нъ командующій войсками на кавказской линіи найдетъ возможность усилить къ тому времени этотъ отрядъ еще 2-мя баталіонами пѣхоты изъ войскъ, имѣющихся въ центрѣ кавказской линіи. (Архивъ графа Евдокимова, № 72).

Сообщ. И. О.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1861 г.

III [1]).

Чрезъ 14 лѣтъ по окончаніи университетскаго курса снова я пріѣхалъ въ московскій университетъ. 21-го іюля 1860 года я былъ назначенъ инспекторомъ студентовъ. Много перемѣнъ нашелъ я въ моей alma mater: казенныхъ номеровъ уже не было, студенты-стипендіаты жили на квартирахъ, получая тѣ-же 117 рублей, которые были положены на каждаго казенно-коштнаго студента въ конвиктѣ. Форма была та-же, но одѣты были въ эту форму точно другіе люди, такъ непохожи были студенты 1860-хъ годовъ на студентовъ 1840 годовъ.

Я пріѣхалъ въ Москву какъ разъ передъ вступительными экзаменами, которые производились тогда въ университетѣ смѣшанными коммиссіями, состоявшими изъ профессоровъ и учителей гимназій. Прежней нашей pietas къ университету и слѣда не было въ этой массѣ новопоступающихъ, съѣхавшихся съ различныхъ концовъ Россіи,—не было и прежней основательной подготовки. Многіе старались «пролѣзть, какъ выражались студенты, на фуфу». Очень хорошо помню, какъ одинъ громаднаго роста здоровенный грузинъ въ моихъ глазахъ со всего размаха брякнулся на колѣни передъ профессоромъ И. К. Бабстомъ, съ крикомъ: «Ваше высокоблагородіе, помилуйте». Оказалось, что профессоръ за его молчаніе на нѣсколько данныхъ ему вопросовъ поставилъ ему по географіи неудовлетворительную отмѣтку. Смѣхъ одолѣлъ профессора при видѣ этой монументальной фигуры, съ грохотомъ упавшей на колѣни и плаксивымъ голосомъ прокричавшей «помилуйте». И смѣхъ этотъ спасъ грузина:

---

[1]) См. „Русск. Старину“ изд. 1887 г., томъ LV, сентябрь, стр. 641—662.

грозная единица была замѣнена отмѣткой, не препятствовавшей поступить въ университетъ. Другіе на колѣна не падали, но употребляли иныя мѣры, не столь шумныя, но не менѣе дѣйствительныя: просьбы, приставаніе, безконечныя переэкзаменовки. Эти же мѣры примѣняли и студенты, какъ увидѣлъ я тутъ же при студенческихъ дополнительныхъ экзаменахъ и переэкзаменовкахъ, и въ слѣдующемъ году при майскихъ испытаніяхъ. Вѣчныя просьбы, вѣчное приставанье, доходящее иногда до потери совѣсти. Такъ, одинъ юристъ 1-го курса при мнѣ у трехъ профессоровъ просилъ прибавки балла, говоря каждому: «я спеціально занимаюсь вашимъ предметомъ». Понятно, что онъ заинтересовалъ меня своимъ пріемомъ, достигавшимъ желаннаго результата, и я слѣдилъ за его экзаменами. Подходитъ онъ къ профессору богословія протоіерею Н. А. Сергіевскому, беретъ билетъ, отвѣчаетъ слабо, беретъ другой, отвѣчаетъ не лучше. Профессоръ ставитъ ему тройку. Студентъ наклоняется и говоритъ полушепотомъ: «г. профессоръ, мнѣ очень обидно получить такую отмѣтку,—я вашимъ предметомъ спеціально занимался».—Довольно съ васъ, отвѣчаетъ профессоръ, вы больше не стоите.—Студентъ настаиваетъ. Я не утерпѣлъ, сказалъ профессору богословія: «Это возмутительно—я уже четвертый разъ у четвертаго профессора слышу отъ этого студента одно и то-же: я спеціально занимаюсь вашимъ предметомъ». А студентъ все стоитъ на своемъ, что ему очень оскорбительно получить такую отмѣтку, что богословіемъ онъ спеціально занимался. «Возьмите еще билетъ», говоритъ профессоръ. Беретъ.—Этого билета я не читалъ, г. профессоръ.— «Возьмите еще». Беретъ и то же не знаетъ. Профессоръ переправляетъ ему изъ 3 на 2 и спрашиваетъ: «можетъ быть, еще хотите взять билетъ? Возьмите, но предупреждаю васъ, если не отвѣтите, я поставлю вамъ единицу».— «Нѣтъ-съ, я доволенъ и тѣмъ баломъ, который вы поставили».

Но это еще цвѣтки, бывали и ягодки.

Къ экзаменаціонному столу подходитъ студентъ, въ отвѣтахъ своихъ выказываетъ полнѣйшее незнаніе; профессоръ ставитъ ему единицу. Студентъ, пріосанившись, дерзко спрашиваетъ: «позвольте узнать, г. профессоръ, сколько вы мнѣ поставили»? Профессоръ, «боясь скандала», молчитъ. Студентъ еще громче и съ большею дерзостью повторяетъ вопросъ: «я у васъ спрашиваю, г. профессоръ, сколько вы мнѣ поставили?» Профессоръ снова молчитъ. Студентъ же съ тѣмъ же дерзкимъ видомъ обращается къ декану: «я спрашиваю г. профессора, сколько онъ мнѣ поставилъ, профессоръ молчитъ; скажите вы, г. деканъ, сколько мнѣ поставилъ профессоръ».

Деканъ тоже молчитъ, а профессоръ, видя, что поддержки отъ декана нѣтъ, приставляетъ къ 1 уголокъ, студентъ, увидѣвъ, что ему поставлено 4, гордо кланяется и уходитъ. Эта сцена происходила въ присутствіи помощника инспектора студентовъ, на него-то и взвалили всю вину. Въ 1860 году Н. И. Крыловъ съ удивленіемъ говорилъ мнѣ разъ во время экзаменовъ: «Бабстъ-то, Бабстъ-то, каковъ, а? Клеитъ студентамъ двойки... и не боится, каковъ!» Позабылъ Никита Ивановичъ, какъ 14 лѣтъ тому назадъ онъ самъ клеилъ единицы студентамъ и... нисколько не боялся.

Да, я точно въ какой-то новый, невѣдомый для меня міръ попалъ: профессора, видимо, боятся студентовъ, ставятъ чуть не всѣмъ хорошія отмѣтки, пожимаютъ студентамъ руки, даже, «чтобы не показаться отсталыми и школьниками», пропускаютъ двѣ-три недѣли лекціи безо всякой уважительной причины. Литографированіе лекцій въ полномъ ходу, не смотря на то, что профессора всѣ противъ литографированія лекцій; но... студенты желаютъ, какъ же имъ возбранить,—нечего дѣлать—позволяютъ; а вмѣстѣ съ литографированіемъ лекцій литографируются, тайно разумѣется, сочиненія Фейербаха и Бюхнера.

Какая-же можетъ быть дисциплина, когда въ университетѣ тонъ даютъ и распоряжаются не профессора, а студенты. O tempora, o mores! невольно восклицалъ я. Какъ случилась такая рѣзкая, непонятная для меня перемѣна? Вотъ вопросъ, который я старался разрѣшить, присматриваясь къ студентамъ. Неужели это другіе люди, не такіе, какъ мы? Откуда все это взялось?

Внимательное наблюденіе за студентами, постоянныя сношенія съ ними привели меня къ заключенію, что съ каждымъ отдѣльнымъ студентомъ можно имѣть дѣло; можно дѣйствовать словомъ, убѣжденіемъ; но когда они собираются въ массѣ, когда они дѣлаютъ сходку съ какою нибудь заранѣе опредѣленною цѣлью, тогда они теряютъ чувство мѣры и приличія, тогда никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ,—логика для нихъ не существуетъ,—они преисполнены увѣренности въ силѣ своей массы. Это было для меня тогда совершенно новымъ явленіемъ: въ 1840-хъ годахъ о студенческихъ сходкахъ и помину не было. Какъ же пришли студенты къ мысли о сходкахъ и къ убѣжденію, что массою дѣйствовать удобнѣе, выгоднѣе? Для рѣшенія этого вопроса мнѣ приходится обратиться не къ собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ при зародышѣ сходокъ я не былъ, а къ показаніямъ другихъ очевидцевъ нарожденія студенческихъ сходокъ.

Самымъ компетентнымъ свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ является совѣтъ московскаго университета, такъ объясняющій начало сходокъ:

«До конца 1857 года въ студентахъ московскаго университета не было замѣтно никакого особеннаго движенія. Въ это время случилась извѣстная исторія съ московскою полиціею. Студенты были оскорблены. Судъ и высочайшая воля рѣшили дѣло въ ихъ пользу. Виновные были наказаны по закону.

Это событіе въ первый разъ вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей, но у нихъ всегда былъ, какъ и всегда будетъ, духъ товарищества, который естественно вытекаетъ изъ ихъ положенія, составляетъ самую жизнь университета. Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія, и все дѣло грозило кончиться ничѣмъ, то весь университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда г. попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по два депутата, которые могли-бы постоянно сноситься съ начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣла.

Это первое студенческое движеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Студенты видѣли, что назначеніе слѣдственной коммиссіи было вызвано тѣми требованіями, которыя они предъявляли массою. Съ этихъ поръ укоренилась въ нихъ привычка къ сходкамъ и депутаціямъ. Вскорѣ къ этому присоединилось основаніе студенческой кассы, которая управлялась выборными» [1]).

Итакъ, первая сходка, собравшаяся въ 1857 году въ стѣнахъ московскаго университета, по случаю побіенія нѣсколькихъ студентовъ полиціею, была родоначальницею у насъ студенческихъ сходокъ. Съ этихъ поръ, по словамъ совѣта, укоренилась въ нихъ (въ студентахъ) привычка къ сходкамъ. Убѣдившись фактически въ томъ, что ихъ требованія, предъявляемыя массою, достигаютъ цѣли, они воздвигаютъ гоненія на нѣкоторыхъ профессоровъ и успѣваютъ добиться

---

[1]) Историческая записка, составленная университетскою коммиссіею по поводу происходившихъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1861 года безпорядковъ между студентами московскаго университета и представленная совѣтомъ чрезъ его превосходительство господина попечителя московскаго учебнаго округа его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія. Подлинная записка подписана профессорами С. Соловьевымъ, О. Бодянскимъ, П. Леонтьевымъ, С. Ешевскимъ и Б. Чичеринымъ. Записка не опубликована, но напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Печатный экземпляръ этой записки былъ у меня въ рукахъ. Д. Ш.

ихъ выхода изъ университета. Естественно, что профессора стали побаиваться студентовъ, чѣмъ и объясняется излишнее снисхожденіе на экзаменахъ и другія уступки. Уступчивость профессоровъ служитъ къ усиленію студенческой притязательности. У студентовъ проявляется желаніе играть въ университетѣ роль хозяевъ. Они доходятъ до того, что разъ требуютъ къ суду своему даже ректора.

Въ петербургскомъ университетѣ, какъ видно изъ статьи профессора Спасовича [1]), само начальство взяло на себя трудъ «устроить то студенческое корпоративное самоуправленіе, внезапное уничтоженіе котораго, по мнѣнію г. Спасовича, и послужило поводомъ къ катастрофѣ 1861 года».

«Студентское общество устроивалось и существовало въ то время (во время попечительства князя Г. А. Щербатова) очень мирно и спокойно», говоритъ г. Спасовичъ. «Съ выходомъ въ отставку князя Щербатова попечительская власть перестала вникать въ студентское общество...» «Съ 1860 года идетъ потому цѣлый рядъ маленькихъ происшествій, произвольныхъ движеній, вспышекъ и столкновеній съ попечительскою властью...» «Конецъ февраля и начало марта 1861 г. прошли въ новыхъ столкновеніяхъ между студентами и властью, принимавшихъ все болѣе крупные размѣры. Профессора до того времени оставались совершенно въ сторонѣ, такъ какъ уставъ 1835 г. не давалъ совѣту никакого административнаго вліянія на студентовъ... Но безпорядки въ мартѣ приняли такой характеръ, что дальнѣйшее устраненіе отъ дѣла для профессоровъ сдѣлалось нравственною невозможностью. Съ другой стороны, и сама власть сочла полезнымъ призвать профессоровъ къ содѣйствію». «Въ мартѣ составлена была коммиссія, которой предоставлено было упорядочить студентскую общину и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которые объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности». «Коммиссія пригласила къ себѣ для выслушанія желаній студентовъ восемь человѣкъ, которые были выбраны студентскимъ обществомъ».

Но въ то время, какъ проектъ правилъ, дававшій корпоративное устройство студентамъ на извѣстныхъ условіяхъ, былъ представленъ на утвержденіе министра въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1861 года, внезапно перемѣнились обстоятельства и личный составъ управленія. «Новое министерство рѣшило составить новый проектъ, въ основаніе котораго должны были лечь начала, утвержденныя 31 мая 1861 года.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1870 года, т. III, стр. 312—345. Изъ этой статьи я дѣлаю извлеченіе фактовъ до закрытія петербургскаго университета (до 22 сентября 1861 года). Д. Ш.

Эти новыя начала содержали отмѣну форменной одежды и *ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа»* (курсивъ въ статьѣ г. Спасовича).

«Можно было предвидѣть, что внезапное упраздненіе студентскихъ учрежденій, уже не совмѣстныхъ съ распоряженіемъ 31 мая, не обойдется безъ сопротивленія и безпорядковъ при открытіи курсовъ, послѣ каникулъ, а ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ платы за слушаніе лекцій возбудитъ ропотъ въ массѣ ихъ товарищей».

«Въ началѣ учебнаго года попечитель распорядился открыть курсы съ 17-го сентября, хотя новыя правила для студентовъ не только не были имъ объявлены, но не были даже и напечатаны, такъ что студентамъ представлялась, такимъ образомъ, полная возможность защищаться неизвѣстностію о новыхъ вводимыхъ начальствомъ порядкахъ, однимъ словомъ, подняли занавѣсъ, когда еще сцена не была готова, а потому не мудрено, что на сценѣ появились тотчасъ незваныя дѣйствующія лица».

«Курсы открыты были въ воскресенье, 17-го сентября. Послѣ молебствія студенты составили сходку, отправили депутацію къ попечителю, прося его пожаловать на сходку и ходатайствуя о поясненіи имъ, въ чемъ состоятъ новые порядки. Попечитель отвѣчалъ депутатамъ иронически, что онъ не ораторъ, и совѣтовалъ имъ заняться науками, а не сходками. На слѣдующій день (18-го сентября) читались лекціи, но сходка все таки собралась въ одной изъ пустыхъ аудиторій; то же происходило во вторникъ и среду, въ четвергъ и пятницу, съ тою только разницею, что въ каждый послѣдующій день собранія были шумнѣе и волненіе возрастало. Не зная, какъ поступить, мѣстная власть показывала видъ, что она ничего не знаетъ о происходящемъ. На наши запросы И. И. Срезневскій [1]) говорилъ, что ему о сходкахъ ничего неизвѣстно. Ни инспекторъ, ни субъ-инспекторъ не показывались на сходкахъ; наконецъ, въ пятницу послѣдовало распоряженіе запереть на ключъ тѣ аудиторіи, гдѣ лекціи не читаются, чтобы такимъ образомъ сходкѣ негдѣ было происходить. Нашедши пустыя аудиторіи запертыми, студенты поднялись на верхъ къ дверямъ большой актовой залы. Двери уступили давленію множества рукъ, распахнулись, молодежь хлынула въ залу и стала разсуждать, посылала депутатовъ къ И. И. Срезневскому, приглашала его въ залу. На этотъ разъ студенты толковали только объ участи своихъ

---

[1]) И. И. Срезневскій, за отсутствіемъ ректора П. А. Плетнева, исправлялъ его должность. Д. Ш.

товарищей, которые по бѣдности не могли больше пользоваться правомъ дароваго слушанія лекціи, и желали просить ректора именно по этому дѣлу. И. И. Срезневскій явился, успокоивалъ, но не успѣлъ заставить разойтись; до него доносилось не одно непріятное выраженіе. Въ 4 или 5 часовъ вечера, когда университетъ опустѣлъ, происходило, въ присутствіи попечителя съ университетской полиціей, освидѣтельствованіе дверей залы, написанъ былъ протоколъ о слѣдахъ взлома. По докладу попечителя, рѣшено было тогда-же прекратить чтеніе лекцій, закрывъ на время университетъ».

Въ тотъ же день, 22 сентября, въ пятницу управлявшій московскимъ учебнымъ округомъ помощникъ попечителя В. А. Дашковъ пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ по случаю полученія изъ Петербурга оффиціальной телеграммы, извѣщающей, что петербургскій университетъ закрытъ вслѣдствіе студенческихъ волненій и что петербургскіе студенты послали эмисаровъ въ Москву для возбужденія безпорядковъ въ московскомъ университетѣ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, существовали-ли въ московскомъ университетѣ причины и поводы къ студенческимъ волненіямъ, какіе были въ Петербургскомъ, мнѣ необходимо возвратиться назадъ.

Въ началѣ 1860—61 академическаго года были составлены мною, какъ инспекторомъ студентовъ, новыя «правила для слушателей Императорскаго Московскаго университета». Согласно взгляду моему, что инспекторъ студентовъ не долженъ быть отрываемъ совершенно отъ профессорской корпораціи, а долженъ по возможности дѣйствовать заодно съ нею, я испросилъ разрѣшенія попечителя на разсмотрѣніе составленныхъ мною правилъ университетскимъ совѣтомъ, въ засѣданіе котораго былъ приглашенъ на этотъ разъ и инспекторъ. Правила были одобрены совѣтомъ и утверждены попечителемъ округа. При полученіи студентами и вольнослушателями билетовъ, имъ выдавались печатные экземпляры правилъ и отбирались подписки, которыми студенты обязывались исполнять правила. 1860 — 1861 академическій годъ проходилъ спокойно. Спокойствіе было нарушено только однимъ непріятнымъ случаемъ. Одинъ студентъ медицинскаго факультета передалъ товарищамъ, будто ректоръ университета, къ которому онъ явился въ правленіе съ просьбою о выдачѣ стипендіи, грубо выгналъ его изъ правленія. Появилось воззваніе, приглашавшее студентовъ собраться для защиты товарища отъ оскорбленія, нанесеннаго ему ректоромъ Альфонскимъ. Въ этомъ воззваніи бросался въ глаза несвойственный молодежи разсчетъ: «мы можемъ достигнуть успѣха, такъ какъ намъ извѣстно, что ректоръ въ дурныхъ отношеніяхъ съ попечителемъ». Эта недостойная выходка помогла мнѣ

настоять на томъ, чтобы первая сходка разошлась: я объяснилъ студентамъ всю неумѣстность предъявлять такія требованія и собираться на воззваніе съ такимъ характеромъ. Студенты разошлись. Но снова появилось объявленіе съ приглашеніемъ собраться на другой день, Получивъ отъ попечителя приказаніе не вмѣшиваться, я молча присутствовалъ на второй сходкѣ, гдѣ держалъ рѣчь оскорбленный студентъ. Къ ректору были отправлены депутаты; черезъ нихъ добрѣйшій А. А. Альфонскій поручилъ передать студентамъ, что онъ беретъ назадъ свои слова, сказанныя студенту. Удовлетворенные этимъ, участники сходки разошлись; тѣмъ дѣло и кончилось.

Были еще слухи о существованіи вольной литографіи, въ которой литографировались сочиненія Фейербаха, Бюхнера и политическія заграничныя изданія. Появлялись и у студентовъ литографированные Фейербахъ и Бюхнеръ, но едва ли кто съ увѣренностью могъ сказать, что эта литографія была заведена и содержалась студентами. Скорѣе есть основаніе предполагать, что литографія была пущена въ ходъ «незванными дѣйствующими лицами» для просвѣщенія нашей учащейся молодежи. Помѣщалась литографія, какъ видно, въ очень скрытомъ мѣстѣ, потому что, не смотря на самые тщательные поиски полиціи, литографія эта не была открыта.

Былъ еще въ этомъ году одинъ болѣе другихъ выдававшійся фактъ, который касался нѣкоторой части студентовъ университета, но нисколько не могъ падать на весь университетъ. По случаю тогдашнихъ варшавскихъ событій, живущими въ Москвѣ поляками, въ числѣ которыхъ было и значительное число студентовъ, справлялась панихида по убитымъ. По окончаніи панихиды на паперти католическаго костела русскій студентъ З—кій, сынъ сельскаго священника, недалекій, но весьма порывистый молодой человѣкъ, водившій большую дружбу съ поляками и возбужденный ими, имѣлъ безразсудство держать горячую рѣчь на тему, что русскіе и поляки—братья, что имъ слѣдуетъ идти рука объ руку противъ общаго врага. Рѣчь до того была глупа, что даже поляки слушали, слушали, назвали его «лайдакъ», плюнули и ушли. На другой день З., не смотря на свою недальнозоркость, сознался, что сдѣлалъ непростительную глупость, что друзья-пріятели подвели его и надъ нимъ же посмѣялись. Что сдѣлалось въ 1860 году со студентомъ З., то же пришлось въ 1861 году и послѣ испытать многимъ русскимъ студентамъ. Сколько свѣжихъ, молодыхъ силъ надломлено и сокрушено подъ искуснымъ іезуитскимъ вліяніемъ нашихъ мнимыхъ друзей.

$186^1/_2$ академическій годъ начался въ московскомъ университетѣ подъ самыми, повидимому, лучшими предзнаменованіями: число сту-

дентовъ и особенно вольнослушателей (послѣдніе по правиламъ не освобождаются отъ взноса платы за слушаніе лекцій) значительно увеличилось; всѣ охотно получали матрикулы, охотно давали обязательство въ исполненіи правилъ; всѣ носили приличное платье (форма была снята); не слышно было ни малѣйшаго неудовольствія ни на правила, которыя, впрочемъ, имѣли силу уже цѣлый годъ, ни на новыя распоряженія; словомъ, ни одного облачка не только грозоваго, но и дождеваго не было видно на университетскомъ горизонтѣ. Попечитель округа уѣхалъ въ отпускъ, поручивъ мнѣ, уже назначенному инспекторомъ казенныхъ училищъ московскаго учебнаго округа, исправлять должность инспектора студентовъ до 1 октября. Дополнительные экзамены и первыя три недѣли лекцій прошли совершенно спокойно, — не было никакихъ поводовъ ожидать чего-либо особеннаго.

Совѣтъ московскаго университета, не смотря на то, что онъ признавалъ распоряженіе объ обязательной платѣ 50 рублей «главнымъ предлогомъ къ безпорядкамъ [1]), говоритъ: «Между тѣмъ новыя постановленія на первыхъ порахъ не вызвали въ студентахъ московскаго университета явнаго сопротивленія. Преподаваніе шло своимъ чередомъ, когда происшествія въ с.-петербургскомъ университетѣ и послѣдовавшее затѣмъ закрытіе отразились и на московскихъ студентахъ».

---

[1]) „Но главнымъ предлогомъ къ безпорядкамъ послужила мѣра объ обязательной платѣ 50 рублей. Здѣсь уже студенты опирались на нравственное чувство состраданія къ бѣднымъ товарищамъ. Въ этой точкѣ они находили постоянную поддержку въ сочувствіи общества, а потому въ рукахъ агитаторовъ, которые желали произвести волненіе въ университетѣ, это было наилучшее орудіе для возбужденія массы". (Историч. записка по поводу безпорядковъ). П. Ш.

IV.

Возвращаясь теперь къ прерванному мною разсказу, приступаю къ изложенію студенческихъ волненій въ московскомъ университетѣ [1]).

По прочтеніи телеграммы, предъявленной мнѣ г. управлявшимъ московскимъ учебнымъ округомъ, я немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи надзора въ университетѣ и приказалъ слѣдить, не явятся ли завтра въ университетъ чужіе. На другой день, т. е. въ субботу, 23 сентября, какія-то личности, дѣйствительно, порывались войти въ зданіе новаго университета; но замѣтивъ, что на нихъ посматриваютъ подозрительно, поспѣшили уйти. Къ сожалѣнію, принятая мною мѣра не предупредила студенческихъ волненій. Полякъ Кольнико [2]), «бывшій президентомъ польскаго общества студентовъ», уже принесъ студенту 1 курса Гижицкому прокламацію петербургскихъ студентовъ. Чтеніемъ этой прокламаціи передъ первою лекціею и начались бы безпорядки.

Профессоръ М. Н. Капустинъ послѣ первой своей лекціи сказалъ мнѣ, что въ большой юридической аудиторіи произносилась какимъ-то студентомъ рѣчь (это читалась прокламація петербургскихъ студентовъ), что при входѣ его ораторъ сошелъ съ каѳедры и профессоръ началъ свою лекцію. Услышавъ это, я немедленно пошелъ въ эту аудиторію и нашелъ тамъ большое собраніе студентовъ. Передъ моимъ приходомъ что-то читалось съ каѳедры, какъ я слышалъ, подходя къ двери. Я вошелъ на каѳедру и прочиталъ 3 § правилъ для студентовъ: «Вообще въ стѣнахъ университета студенты не должны производить шумъ и говорить рѣчей, могущихъ нарушить порядокъ и тишину, которые должны быть соблюдаемы постоянно», и § 21-го п. 11: «предумышленное нарушеніе цѣлымъ курсомъ университетскихъ постановленій влечетъ увольненіе виновныхъ изъ университета». Я сдѣлалъ студентамъ положенное правилами напоминаніе и предложилъ имъ разойтись. Когда я сходилъ съ каѳедры, раздалось нѣсколько свистковъ. Я снова вошелъ на каѳедру и сказалъ, что такъ какъ слова университетскаго закона встрѣчены противодѣйствіемъ, то я дѣлаю имъ второе напоминаніе, предупреждая, что по

---

[1]) Исторія студенческихъ безпорядковъ изложена въ „Исторической запискѣ“.

[2]) Кольнико въ 1863 году дѣйствовалъ одновременно съ Сѣраковскимъ на Жмуди, гдѣ они собрали многочисленныя скопища. „Русская Старина“ 1883 года. Декабрь. „Виленскіе очерки“ 1863 года. П. Щ.

третьему напоминанію виновные курсы подвергаются закрытію. Когда я подходилъ къ дверямъ аудиторіи, снова послышались свистки. И больно, и досадно было... Я вошелъ на каѳедру и, сдѣлавъ студентамъ третье напоминаніе, сказалъ имъ уже съ нѣкоторою горячностію: «До сего времени я обращался къ вамъ со словами университетскаго закона. Слова закона встрѣчены были свистками. Теперь я скажу вамъ свое слово... Чего вы добиваетесь? Вамъ хочется, можетъ быть, чтобы московскій университетъ былъ закрытъ подобно петербургскому? Такъ я скажу вамъ, и какъ инспекторъ студентовъ, и какъ бывшій студентъ московскаго университета, которому этотъ университетъ столько-же дорогъ, если не болѣе, чѣмъ вамъ, что я употреблю всѣ силы, чтобы нашъ университетъ, наша дорогая alma mater, не былъ закрытъ ни на одну минуту, слышите ли, ни на одну минуту... Я вамъ сказалъ прямо и честно, чего я хочу. Пусть же и тѣ господа, которые свистали, встанутъ и такъ-же прямо и честно скажутъ намъ, чего они хотятъ. (Я сдѣлалъ паузу, всѣ молчали). Даю имъ сроку пять минутъ. Если черезъ пять минутъ свиставшіе не встанутъ и не скажутъ намъ, чего они хотятъ, я предоставляю вамъ дать имъ то названіе, которое они заслуживаютъ. Я вынулъ часы и ждалъ. Послышались голоса: «Что-жъ, господа, встаньте, инспекторъ приглашаетъ васъ, встаньте и скажите». Никто не поднялся. Выждавъ 5 минутъ, я сказалъ: «Пять минутъ прошло. Предоставляю вамъ, господа, дать свистунамъ то названіе, которое они заслужили». Я вышелъ изъ аудиторіи при полномъ молчаніи. Бывшій со мною помощникъ инспектора Н. Л. Дювернуа радостно шепнулъ мнѣ по выходѣ изъ аудиторіи: «побѣда наша».—«Нѣтъ, отвѣтилъ я, борьба только что начинается».

Послѣ 2-й лекціи сходка собралась въ большой словесной аудиторіи. Я пошелъ туда и нашелъ опять большое сборище. На каѳедрѣ молодой бѣлокурый студентъ произносилъ рѣчь. Послѣднія слова, слышанныя мною, были слѣдующія: «пусть я пострадаю, лишь бы вы были спасены». «Ваша фамилія», спросилъ я, касаясь рукава его сюртука. Ораторъ, за минуту предъ тѣмъ изъявлявшій готовность пострадать ради спасенія другихъ, быстро юркнулъ въ окружавшую его толпу студентовъ и скрылся. «Хорошъ мученикъ»,—невольно вырвалось у меня. Искать его въ толпѣ было бы безполезно, да и безцѣльно; я надѣялся, что его легко отыскать, но ошибся. Этотъ видимый руководитель и зачинатель волненій, какъ я узналъ въ тотъ же день, былъ студентъ Евгеній Гижицкій, сынъ бѣднаго отца, какъ сообщили мнѣ, воспитывавшійся въ 3 московской гимназіи и въ продолженіе всего курса гимназическаго ученія ничѣмъ особеннымъ себя не заявлявшій. Въ продолженіе всего времени университетскихъ без-

порядковъ онъ всюду являлся на сходкахъ, всюду принималъ дѣятельное участіе. Не смотря на то, что 23-го же сентября онъ былъ указанъ полиціи, которая получила приказаніе его арестовать, не смотря на то, что квартира его была извѣстна, полиція не могла найти его около двухъ недѣль, такъ тщательно былъ онъ скрываемъ. Судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ его собственною статьею, онъ, вѣроятно, скрывался у Кельсіева, грека Л. и тѣхъ «нашихъ», которые собирались у Кельсіева 23 сентября [1]).

Я прочиталъ собравшимся на сходкѣ въ большой словесной аудиторіи тѣ §§ студенческихъ правилъ, которыми сходки запрещаются и курсы, участвующіе въ сходкахъ, подвергаются закрытію, и предложилъ студентамъ разойтись, сдѣлавъ имъ «напоминаніе». Видя, что сходки въ аудиторіяхъ производить неудобно, ибо кара тотчасъ можетъ постигнуть цѣлые курсы, студенты съ 25 сентября (съ понедѣльника) стали устраивать сходки въ университетскомъ саду (въ старомъ университетѣ) [2]).

Явившись на первую сходку, собравшуюся въ саду 25 сентября, я былъ пораженъ: отовсюду слышалась польская быстрая, порывистая рѣчь. Очевидно было, что масса, собравшаяся на сходку, преимущественно состояла изъ поляковъ. Были ли тутъ, кромѣ студентовъ и вольнослушателей, и лица посторонніе, которыя не принад-

---

[1]) Почитаю нужнымъ замѣтить здѣсь, что университетскому начальству предложено было министромъ народнаго просвѣщенія дѣйствовать сообща съ генералъ-губернаторомъ, и потому во все время студенческихъ волненій я каждый день, вечеромъ часовъ въ 11—12, являлся къ управлявшему округомъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ мы отправлялись къ генералъ-губернатору, гдѣ я дѣлалъ докладъ о происшествіяхъ дня и гдѣ обсуждалось, какъ дѣйствовать. Всѣ мѣры, которыя я принималъ, были принимаемы съ одобренія генералъ-губернатора.

[2]) Въ „Исторической запискѣ“ о первыхъ дняхъ волненій сказано такъ: „Подстрекаемые иногородными товарищами, горячія головы изъ московскихъ студентовъ ревностно принялись за дѣло. Первая сходка произошла въ аудиторіи 1 и 2 курсовъ юридическаго факультета, гдѣ читалось письмо отъ с.-петербургскихъ студентовъ. Инспекторъ два раза дѣлалъ предостереженіе, объясняя, что сходки формально запрещены. Студенты не только не повиновались, но и освистали инспектора. Вскорѣ, однако, изъ опасенія подвергнуть отвѣтственности курсъ, въ аудиторіи котораго случатся безпорядки, они перенесли собранія въ университетскій садъ, гдѣ опять получали предостереженіе отъ инспектора и опять не оказали повиновенія.

Инспекторъ, лишенный всякихъ средствъ дѣйствовать на толпу, не имѣя ни полицейской силы, ни права наказанія, могъ только донести правленію о случившихся безпорядкахъ. Правленіе, прилагая законъ, закрыло оба курса юридическаго факультета впредь до дальнѣйшихъ распоряженій“. П. Щ.

лежали къ университету, не имѣли съ нимъ ничего общаго и явились сюда не для устройства студенческаго быта, но для своихъ особенныхъ цѣлей,—этотъ вопросъ въ ту минуту рѣшить было трудно. Кругомъ себя, правда, я видѣлъ совершенно незнакомыя лица, то-же было и съ помощниками инспектора студентовъ,—и они, когда являлись на сходки, всегда были окружаемы незнакомыми лицами. Этотъ фактъ объясняется особенною тактикою, принятою на сходкахъ: при приближеніи къ саду инспектора студентовъ или кого-нибудь изъ его помощниковъ, всякій разъ происходило передвиженіе въ толпѣ: извѣстные приближающемуся лицу студенты и вольнослушатели удалялись, чтобъ приближавшійся не могъ ихъ видѣть, а на первомъ планѣ становились лица, совершенно неизвѣстныя приближавшемуся. Впослѣдствіи объяснилось, что на сходкахъ были и совершенно посторонніе лица.

Я спросилъ у собравшихся на сходку 25 сентября, для чего они собрались, чѣмъ недовольны, чего желаютъ и надѣются ли незаконнымъ путемъ, выбраннымъ ими, достигнуть исполненія своихъ желаній. Поднялись споры на сходкѣ, вотировался вопросъ: отвѣчать или не отвѣчать инспектору на предложенные имъ вопросы. Послѣ долгихъ споровъ большинство рѣшило: отвѣчать. И я получилъ въ отвѣтъ (отвѣты давались какимъ-то басистымъ голосомъ изъ глубины сходки), что студенты собрались для того, чтобы публично заявить свои желанія, что они недовольны университетскими правилами и порядками, что они желаютъ измѣненія этихъ порядковъ, именно желаютъ уничтоженія платы за слушаніе лекцій, желаютъ права студенческихъ сходокъ, особой студенческой библіотеки, особой студенческой кассы, права самостоятельнаго, независимаго гласнаго студенческаго суда, права выбирать библіотекарей и кассировъ и чрезъ своихъ депутатовъ участвовать въ выборѣ профессоровъ и ректора. На послѣдній мой вопросъ они отвѣчали, что они понимаютъ трудность достиженія своихъ желаній путемъ запрещенныхъ закономъ сходокъ, но все-таки будутъ собираться, не смотря ни на какія запрещенія, и будутъ добиваться своего во что бы то ни стало, потому что легальнымъ путемъ они не могутъ заявить своего недовольства университетскими порядками. Нашлись такіе, которые пожелали, чтобы я указалъ имъ легальный путь къ заявленію ихъ недовольства. Я сказалъ имъ: выдайте мнѣ ваши входные билеты, такимъ образомъ вы заявите, что вы недовольны и въ университетѣ оставаться не желаете. «Нѣтъ, отвѣчали мнѣ, на эту штуку мы не пойдемъ: нас выгонятъ изъ университета послѣ этого».—Даю вамъ честное слово, что васъ не выгонятъ, возразилъ я, а просто уволятъ изъ университета, какъ не

желающихъ въ немъ оставаться. «Нѣтъ, мы на это несогласны, мы хотимъ добиться своего, хотя бы незаконнымъ путемъ». На всѣ мои убѣжденія въ неосновательности, непрактичности и неосуществимости ихъ желаній, въ невозможности путемъ нарушенія закона достигнуть чего-либо; на мое приглашеніе разойтись и подчиниться университетскому закону студенты отвѣчали, что они не разойдутся, что они будутъ продолжать сходки до тѣхъ поръ, пока не добьются исполненія своихъ требованій, или пусть закроютъ и московскій университетъ подобно петербургскому. Тогда я сказалъ, чтобы они подумали хорошенько, чтобы не надѣялись на свою массу, что я одинъ, конечно, ничего съ ними подѣлать не могу, но ихъ массѣ можетъ быть противопоставлена болѣе сильная и болѣе многочисленная масса, противъ которой они будутъ безсильны, чтобы они не увлекались и слѣдовали голосу не страсти, а разсудка. Еще разъ предложивъ имъ разойтись и получивъ отрицательный отвѣтъ, я сказалъ, что я не могу признавать студентами тѣхъ, которые не хотятъ повиноваться университетскимъ законамъ, что съ такими инспектору студентовъ дѣлать нечего, и пошелъ изъ саду. Когда я выходилъ со сходки, ко мнѣ подлетѣлъ одинъ студентъ, похожій на вчерашняго оратора:

— Г. инспекторъ, вы вчера назвали насъ подлецами.

— А вы развѣ свистали? спросилъ я его.

Въ толпѣ раздался смѣхъ; вопрошавшій юркнулъ въ толпу.

До меня уже стали доходить слухи, что вожаки волненій рѣшили всячески добиваться того, чтобы и московскій университетъ былъ закрытъ, подобно петербургскому. Сломивъ старѣйшую твердыню русскихъ университетовъ, они надѣялись, что имъ легко будетъ довести до закрытія и другіе университеты, а тогда вся-де Европа увидитъ, до чего обскурантно русское правительство, и какъ необходимо для пользы цивилизаціи поддержать угнетенныя имъ національности. Чтобы противодѣйствовать этому замыслу, я открылъ подписные листы для тѣхъ студентовъ и вольнослушателей, которые добровольно пожелаютъ письменно заявить, что они противъ безпорядковъ и не желаютъ въ нихъ участвовать: я былъ увѣренъ, что изъ числа слишкомъ полутора тысячи студентовъ несомнѣнно найдется нѣсколько сотенъ такихъ, которые пришли въ университетъ единственно ради науки, ради знанія, которые дорожатъ университетомъ и не потерпятъ, чтобы ихъ дорогая alma mater была опозорена хотя бы временнымъ закрытіемъ. На подписныхъ листахъ была надпись: «Списокъ студентовъ, изъявившихъ желаніе не участвовать въ сходкахъ». Студенты приглашались къ подписи этихъ листовъ такимъ образомъ: я или мои помощники (каждому помощ-

нику инспектора данъ былъ такой листъ) приглашали подписывать листъ только того студента, котораго мы не знали и фамиліи у него предварительно не спрашивали, чтобы предоставить ему полную возможность безбоязненно подписаться или не подписаться, при этомъ предупреждали студента, что его фамилія намъ неизвѣстна, и если онъ не подпишется, то и спрашивать фамиліи мы не будемъ, и потому онъ смѣло можетъ, если хочетъ, и не подписываться, но, подписавшись, онъ своею подписью даетъ уже обязательство не принимать участія въ безпорядкахъ, а если и послѣ этого будетъ участвовать въ сходкахъ, и это будетъ узнано, онъ будетъ немедленно исключенъ изъ университета. Очевидно, что дѣло подписокъ велось на чистоту, честно, и эта-то прямота дѣйствій, какъ слышалъ я, и располагала къ подписи листовъ! Сначала, покуда не огласилось, какъ ведется дѣло подписки, подписка шла туго, но затѣмъ подписные листы быстро наполнялись подписями, и скоро участники сходокъ, сначала съ ироніею отзывавшіеся объ этихъ листахъ, въ ожиданіи, что никто не подпишется, узнавъ, что въ три дня подписалось около 400 человѣкъ, поняли, что университетъ спасенъ и что ихъ темное дѣло погибло. Понятно, что они употребляли всѣ средства, чтобы вывести изъ терпѣнія университетское начальство: съ ударомъ въ колоколъ, висѣвшій на дворѣ около саду и служившій къ возвѣщенію окончанія лекцій, а въ былое время призывавшій казеннокоштныхъ студентовъ къ чаю, обѣду и ужину, шли походомъ на инспектора студентовъ, съ крикомъ и гамомъ, но шли туда, гдѣ его не было, чтобы ломиться въ двери университетской залы, чтобы накричать и нашумѣть [1]); громко произносили, скорѣе выкрикивали, зажига-

[1]) Походъ на меня, какъ я послѣ узналъ, возбужденъ былъ слухомъ, распущеннымъ на сходкѣ, будто я дѣлаю „подлость“: предлагаю студентамъ подписываться подъ листами, на которыхъ нѣтъ никакого заглавія, а по отобраніи подписей пишу заглавіе „списокъ студентовъ, изъявившихъ желаніе не участвовать въ сходкахъ“. Этотъ слухъ распущенъ былъ на сходкѣ 29 сентября (въ субботу), когда на листахъ было уже 400 подписей, и въ 12 часовъ дня ударили въ колоколъ и пошли на меня. Толпа, махая палками, шла по университетскому двору мимо оконъ моей квартиры, крича: „Шестакова-ва-ва-ва .. вломимся въ квартиру, все перебьемъ и переломаемъ“. Можно представить, въ какомъ страхѣ была моя семья; въ отчаяніи мои семейные думали, что я не возвращусь къ нимъ, что меня убьютъ. Толпа съ крикомъ: „инспектора“ ворвалась въ новое зданіе университета, сломала устроенную въ передней рѣшетку, въ одной изъ аудиторій переломала нѣсколько мебели. Нашлись такіе, которые искали инспектора даже подъ диванами, а я былъ въ это время въ Екатерининской больницѣ (госпитальной клиникѣ) и бесѣдовалъ со студентами 5 курса. Въ этотъ день вечеромъ, когда я, по обыкновенію, явился къ управляющему округомъ, я нашелъ у него въ кабинетѣ

тельныя, по ихъ мнѣнію, а въ самомъ дѣлѣ комичныя рѣчи, приглашающія стоять за общее дѣло. Студенты-вожаки говорили почти то-же, что въ 1870 году восклицали, подстрекая другъ друга, рабочіе въ парижскихъ клубахъ: n'oublions pas que le monde a les yeux fixés sur nous. На французскихъ рабочихъ, по ихъ собственнымъ словамъ, смотрѣла вселенная, а на московскихъ студентовъ, собиравшихся въ саду стараго университетскаго зданія, Европа; послѣднихъ, кромѣ того, если вѣрить ораторамъ сходокъ, поддерживалъ Наполеонъ III.

Какъ понималось студентами сходокъ общее дѣло, можно видѣть нѣсколько изъ слѣдующаго факта. Студентъ 5-го курса К. носилъ польскую фамилію, но, воспитанный матерью русскою въ русскомъ духѣ и въ православной вѣрѣ, естественно болѣе сближался съ русскими, чѣмъ съ поляками, за что послѣдніе ненавидѣли его и всѣми мѣрами старались ему вредить. Когда К. однажды во время университетскихъ волненій вышелъ изъ анатомическаго театра, который находится противъ и подлѣ университетскаго сада, раздались крики: «шпегъ, шпіонъ, лазутчикъ! Повѣсить его!» Бѣднаго К. схватили и если бы не подоспѣли на выручку русскіе студенты съ помощникомъ инспектора, то, Богъ знаетъ, какую бы расправу учинили съ неповиннымъ ни въ чемъ К. бойцы за общее дѣло. Этотъ фактъ весьма характеристиченъ, ибо показываетъ, что такъ называемое общее студенческое дѣло было дѣломъ вовсе не общимъ, а дѣломъ частнымъ, и притомъ выходившимъ изъ круга студенческой сферы и дышавшимъ чѣмъ-то національнымъ, если не политическимъ: на первыхъ же порахъ проявился терроризмъ въ самой отвратительной формѣ, въ формѣ польскихъ жандармовъ-вѣшателей 1863 года. У студентовъ, ратующихъ за свои права, никакъ бы не явилось мысли о повѣшеніи, а на сходкахъ въ университетскомъ саду крики «повѣсить!» раздавались не разъ. Кромѣ студента К., этимъ грозили неловкому полицейскому агенту, который вмѣшался въ толпу и назвалъ себя

правителя канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родзевича, который объявилъ мнѣ, что его высокопревосходительству угодно, чтобъ я съ завтрашняго дня не ходилъ въ университетъ, такъ какъ студенты возбуждены противъ меня. Я сказалъ, что безъ письменнаго предписанія я не считаю возможнымъ оставить свой постъ. Письменнаго предписанія у г. Родзевича не оказалось. Замѣчательно, что когда мы черезъ полчаса послѣ этого были у генералъ-губернатора, П. А. Тучковъ ни одного слова не сказалъ мнѣ ни на счетъ возбужденія студентовъ, ни относительно нехожденія моего въ университетъ. Я продолжалъ по прежнему ходить въ университетъ, походъ на меня не возобновлялся: 30 сентября студенты убѣдились, что ихъ обманули касательно дѣйствій моихъ при отобраніи подписокъ на подписныхъ листахъ. П. Щ.

студентомъ харьковскаго университета. Его спросили, какого онъ факультета и курса, и онъ простодушно, съ полною увѣренностію, отвѣтилъ: «юритистическаго факультета седьмаго курса». Послѣ такого нелѣпаго отвѣта поднялся шумъ и раздались крики «повѣсить!» И плохо было бы взявшемуся не за свое дѣло полицейскому, если бы не подоспѣлъ помощникъ инспектора, который повелъ его ко мнѣ. Съ нимъ явилась толпа студентовъ, прося меня, чтобы я взыскалъ со шпіона, какъ слѣдуетъ. На мой вопросъ: кто вы? онъ назвался чиновникомъ казенной палаты,—одѣтъ онъ былъ хорошо, при часахъ и съ толстой цѣпочкой. «Спросите его, г. инспекторъ, просятъ студенты, былъ ли онъ въ университетѣ?

— Вы развѣ были въ университетѣ,—спрашиваю я его.

— «Какъ же, былъ-съ».

— Въ какомъ?

— «Въ харьковскомъ университетѣ».

— Какого факультета и курса?

— «Юритистическаго факультета седьмаго курса».

Этотъ знакомый отвѣтъ студенты встрѣчаютъ смѣхомъ.

— Какъ же вы смѣли,—говорю я ему строго, явиться на сходку и увеличивать собою толпу, незаконно собравшуюся для произведенія шума и безпорядковъ. Отведите, обращаюсь я къ помощнику инспектора, этого господина въ часть и передайте частному приставу, что онъ сдѣлалъ.

Студенты остались очень довольны моимъ распоряженіемъ, нѣкоторые изъ нихъ даже сопровождали помощника инспектора до самой части [1]).

---

[1]) Въ тотъ же день вечеромъ, при обычномъ докладѣ, я передалъ о случившемся генералъ-губернатору и просилъ приказать присылать агентовъ поумнѣе, которые не возбуждали бы противъ себя студентовъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что только этотъ единственный разъ попался такой неловкій полицейскій агентъ, а между тѣмъ агенты полиціи присутствовали на сходкахъ постоянно, и генералъ-губернатору было извѣстно все, что дѣлалось и говорилось на сходкахъ. Въ этомъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Въ первые три доклада я подробно сообщалъ генералъ-губернатору все, что происходило на сходкѣ. Но въ четвертый разъ генералъ-губернаторъ остановилъ меня на первомъ словѣ: „я убѣдился, сказалъ онъ, изъ вашихъ прежнихъ докладовъ, что вы передаете случившееся совершенно точно, теперь я разскажу вамъ, что сегодня было“. И, къ удивленію моему, П. А. Тучковъ подробно разсказалъ мнѣ все, что говорилось и дѣлалось на сходкѣ этого дня. Въ послѣдующіе дни я былъ освобожденъ отъ доклада о томъ, что происходило на сходкахъ. Изъ этого ясно, что у московскаго генералъ-губернатора были хорошіе агенты, и что въ первые доклады онъ,

На первыхъ сходкахъ царствовало сильное одушевленіе и было весьма шумно: поминутно одинъ за другимъ вскакивали на лавку, заступавшую въ саду мѣсто каѳедры для ораторовъ сходки, произносили пылкія рѣчи, въ которыхъ общее дѣло, общее благо, гуманность, прогрессъ, свобода личности слышались постоянно, въ перемѣшку съ самымъ ожесточеннымъ порицаньемъ настоящихъ университетскихъ порядковъ, съ самою безцеремонною бранью противъ тѣхъ, которые не принимали и не хотѣли принимать участія въ сходкахъ [1]). То были не совѣщанія, то были скорѣе какіе-то безпорядочные сеймы, на которыхъ каждый порывался говорить, на которыхъ слышались большею частію громкія, трескучія фразы, не рѣдко безъ содержанія. Ораторы сходки старались электризовать массу, возбудить ее къ сильнымъ мѣрамъ, обѣщая полный успѣхъ дѣлу. Они провозглашали, что ихъ дѣлу сочувствуетъ общество, что военной силы бояться нечего, — за нихъ станетъ простой народъ, который очень хорошо понимаетъ, что они трудятся для общаго дѣла, что этого дѣла оставлять отнюдь нельзя, а слѣдуетъ доводить до конца, потому что «Европа на насъ смотритъ, Наполеонъ III насъ поддерживаетъ». Этотъ послѣдній аргументъ особенно любили ораторы сходки. Эта фраза раздавалась и въ университетскомъ саду, и на могилѣ Грановскаго и вызывала горячія рукоплесканія. Но, не смотря на краснорѣчіе ораторовъ, дѣло не подвигалось впередъ: сходки съ каждымъ днемъ не только не дѣлались многочисленнѣе, но замѣтно рѣдѣли; взамѣнъ того усиливалось число посѣщающихъ аудиторіи и слущающихъ профессорскія лекціи, которыя не прекращались ни на одинъ часъ.

Студенческая масса рѣзко дѣлилась на три разряда: 1) умѣренныхъ, которые аккуратно посѣщали лекціи и не только не участвовали на сходкахъ, но по временамъ старались словомъ убѣжденія отвлекать отъ сходокъ; 2) либераловъ, которые до сходокъ (сходки ежедневно начинались около 11—12 часовъ дня) бѣгали и суетились, заботясь о томъ, чтобы навербовать на сходку побольше; между

выслушивая мой разсказъ о происходившемъ на сходкахъ, такъ сказать, только экзаменовалъ меня, испытывалъ, все ли я буду передавать съ полною откровенностію.

[1]) Былъ примѣръ, что студенты прямо на сходкѣ объявили, что они не желаютъ принимать участіе въ безпорядкахъ. „4-й курсъ юридическаго факультета, пришедши на сходку, объявилъ, что онъ этихъ демонстрацій не одобряетъ и не желаетъ принимать въ нихъ участіе. При товарищескихъ отношеніяхъ подобный поступокъ можетъ назваться весьма смѣлымъ“. („Историческ. записка“). П. Ш.

либералами нѣкоторые, отличавшіеся особенною рѣзкостію слова и угловатостію манеръ, именовались почетнымъ для нихъ именемъ **красныхъ** или радикаловъ, — для этого рода прогрессистовъ, говорили студенты, и чертъ не братъ, и 3) для этого разряда не существовало особаго характеристическаго названія, потому что у нихъ не было никакого характера, ихъ иногда называли «ни рыба, ни мясо». Они готовы были послѣдовать за первымъ зовущимъ, лишь бы этотъ зовущій голосъ былъ громокъ, внушителенъ, съ ноткой угрозы. Это были еще несложившіяся натуры, которыя, увлеченныя на сходку, сначала оглядывались, нельзя-ли какъ нибудь выскочить изъ толпы, но, увидѣвъ грозящій кулакъ, смиренно слѣдовали за вожаками и до того входили напослѣдокъ въ роль, что иногда считали себя чуть не главными руководителями движенія. По тому, какіе студенты принадлежали къ каждому изъ этихъ разрядовъ, можно видѣть, насколько университетъ и университетское преподаваніе способствовали возбужденію волненій; если бы къ числу участниковъ студенческихъ безпорядковъ принадлежали, по преимуществу, студенты высшихъ курсовъ, тогда давалось бы нѣкоторое основаніе придти, по крайней мѣрѣ, къ тому заключенію, что университетъ и университетское преподаваніе не въ силахъ бороться съ вѣяніями времени. Чтобы университеское преподаваніе и самый строй университетской жизни могли не только порождать смуты и волненія, но даже способствовать зародившейся смутѣ, — этого я не допускаю, основываясь на болѣе чѣмъ двадцатилѣтнемъ наблюденіи за нашими университетами. Университетская наука, даже и вообще ученіе не имѣютъ ничего общаго съ политикой и антиправительственными тенденціями и не должны имѣть; весьма прискорбно, что агитаторы направляютъ свою зловредную дѣятельность на неокрѣпшую еще учащуюся молодежь, и, совращая ее съ пути истины, заражая ее ядомъ своей пропаганды, бросаютъ мрачную тѣнь подозрѣнія на благонадежность самыхъ учебныхъ заведеній. Въ 1861 году студенческая интеллигенція московскаго университета, т. е. высшіе курсы, почти совершенно не участвовала въ безпорядкахъ, особенно студенты 4 и 5 курсовъ. Не участвовали они, конечно, потому, что они, какъ болѣе развитые, обладали болѣе сильнымъ характеромъ и не такъ легко могли сдѣлаться орудіемъ чужой воли, и потому еще, что они, какъ близкіе къ окончанію курса, болѣе всего и потеряли бы отъ безпорядковъ.

Итакъ, разрядъ умѣренныхъ составляли почти всѣ студенты 4-го и 5-го курса и бо́льшая часть 3-го. Были и изъ высшихъ курсовъ одиночныя личности, принимавшія участіе въ волненіяхъ, но эти

личности составляли рѣдкое исключеніе и принадлежали къ числу недалекихъ, мало развитыхъ. Разрядъ либераловъ составляли тѣ горячія, порывистыя натуры, которыя встрѣчаются вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ жизни. Въ университетскихъ безпорядкахъ 1861 года либералы были изъ вольнослушателей и студентовъ первыхъ курсовъ, особенно поляки, а красные, по наблюденію моему и помощниковъ инспектора, большею частію посторонніяя лица. Эти посторонніяя лица, вѣроятно, и были агентами той незримой силы, которая управляла студенческими волненіями. Изъ студентовъ къ числу красныхъ причисляли, сколько мнѣ извѣстно, только одного Гижицкаго; но и Гижицкаго едва-ли можно считать самостоятельнымъ дѣятелемъ: имъ руководили, вѣроятно, Колышко, Кельсіевъ, грекъ Л. и т. п. Къ 3-му разряду принадлежала масса такъ называемыхъ «первокурсниковъ», т. е. студентовъ 1 и 2 курсовъ. Недостаточно развитая, еще не пріобыкшая къ самостоятельнымъ, не задаваемымъ, какъ урокъ, занятіямъ, привыкшая въ гимназіяхъ и семинаріяхъ къ постоянному контролю за своими дѣйствіями, къ постоянному, усидчивому, обязательному труду, эта молодежь, поступивъ въ университетъ, вдругъ почувствовала себя на полной свободѣ, не сдерживаемой даже частыми лекціями, такъ какъ на первомъ и второмъ курсѣ юридическаго факультета иногда случалось только 8—10 недѣльныхъ часовъ лекцій. Толкаясь безъ дѣла въ университетскихъ коррид́орахъ, она не могла не ощущать нѣкоторой пустоты, которую требовалось наполнить чѣмъ нибудь; это что нибудь и доставили ей услужливые и ловкіе вожаки волненій. Привлекли первокурсниковъ къ сходкамъ огневыя, полныя красивыхъ словъ, рѣчи, удерживали на сходкахъ застращиванія и запугиванія. Въ первое время терроризмъ распространенъ былъ до того, что иной робкій студентъ приставалъ къ сходкамъ единственно изъ страха, чтобы его не побили. Хорошо помню студента 1-го курса юридическаго факультета Ш., кроткаго молодаго человѣка, болѣзненнаго сложенія, съ блѣднымъ, симпатичнымъ лицомъ. Въ первый же день открытія подписки о неучастіи въ безпорядкахъ онъ одинъ изъ первыхъ съ величайшею охотою подписался на листѣ одного изъ помощниковъ инспектора; но на другой день явился, смущенный и встревоженный, къ этому помощнику и усердно просилъ вычеркнуть его фамилію, потому что тѣ грозятъ его побить. И подъ этимъ страхомъ держали его до конца, такъ что онъ, какъ ягненокъ, подставлялъ свою шею подъ удары и вмѣстѣ съ другими ходилъ всюду: и на сходки, и на могилу Грановскаго, и въ профессорскую 11-го октября, и на Тверскую площадь, гдѣ и былъ арестованъ. На допросѣ въ разборной

коммиссіи онъ откровенно, со слезами на глазахъ, разсказалъ всю правду: какъ его запугивали, какъ не выпускали изъ ежовыхъ рукавицъ и всюду слѣдили за нимъ, такъ что онъ шагу не могъ сдѣлать безъ лицъ, приставленныхъ къ нему въ дядьки. Стоглазый свирѣпый аргусъ слѣдилъ въ это время за каждымъ шагомъ студента. Студентъ одинъ боялся сходить къ инспектору, если и дѣйствительно нужно было сходить, изъ опасенія прослыть шпіономъ. Тогда образовалось что-то въ родѣ извѣстныхъ впослѣдствіи двоекъ и троекъ: студенты ходили къ начальству не иначе, какъ по двое и по трое,—таково, вѣроятно, было распоряженіе вожаковъ для предупрежденія измѣны.

Разъ около 12 часовъ ночи явился ко мнѣ одинъ студентъ посовѣтоваться, что̀ ему дѣлать.

— Я, говорилъ онъ, окончилъ курсъ въ ярославской семинаріи, чуть не пѣшкомъ пришелъ въ Москву и поступилъ въ университетъ. Я пришелъ учиться, а мнѣ учиться не даютъ, требуютъ, чтобы я на лекціи не ходилъ, а принималъ участіе въ сходкахъ и шумѣлъ вмѣстѣ съ другими. За то, что я не исполняю ихъ требованія, ругаютъ меня шпіономъ, подлецомъ. Научите, ради Бога, что мнѣ дѣлать. Вы видите, до какого положенія я дошелъ,—я вынужденъ безпокоить васъ ночью, потому что днемъ боюсь идти къ вамъ, чтобъ не подать имъ повода къ обвиненію меня въ шпіонствѣ.

Въ такое положеніе былъ поставленъ не юноша 16—17 лѣтъ, а уже возмужалый человѣкъ лѣтъ 25—26. Можно изъ этого случая понять, въ какомъ, по истинѣ сказать, осадномъ положеніи находились студенты, не желавшіе принимать никакого участія въ безпорядкахъ.

П. Д. Шестаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Зданіе главнаго штаба

1820 г.

Въ началѣ нынѣшняго XIX столѣтія на мѣстѣ существующаго зданія штаба расположены были дома частныхъ владѣльцевъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: по Малой Милліонной улицѣ (нынѣ часть Большой Морской отъ арки) домъ жены сенатора Кушелевой; отъ него по площади Зимняго дворца и Адмиралтейской—дома статсъ-секретаря Молчанова и Кусовникова, послѣдній граничилъ съ гвардейскимъ штабомъ; на углу же Невскаго проспекта былъ домъ императорскаго вольно-экономическаго общества.

Началомъ къ соединенію названныхъ домовъ подъ зданіе штаба послужилъ приводимый ниже именной высочайшій указъ военному министру, данный въ 28 день марта 1811 года:

„Находя нужнымъ назначить для генеральнаго штаба таковое помѣщеніе, въ которомъ бы всѣ разсѣянныя части его соединялись, я повелѣваю отдать въ непосредственное его вѣдомство домъ, у статсъ-секретаря Молчанова купленный.

„По обширности сего зданія удобно будетъ помѣстить въ ономъ не токмо всѣ канцеляріи генеральнаго штаба, но и чиновниковъ его, по важнѣйшимъ порученіямъ здѣсь находящихся, расположить въ большемъ видѣ чертежную и училище для колоновожатыхъ и составить инструментальную мастерскую.

„Нижній этажъ означеннаго дома до среднихъ воротъ со всѣмъ тѣмъ помѣщеніемъ, которое занималъ Молчановъ и его канцелярія, отвести для коммиссіи составленія военныхъ уставовъ съ библіотекою и архивомъ ея, назнача въ тѣхъ комнатахъ, кои отъ приличнаго расположенія коммиссіи останутся свободными, помѣщеніе для директора оной и нужнѣйшихъ при немъ чиновниковъ.

„Принявъ немедленно домъ сей въ вѣдомство военнаго департамента, не оставите вы составить особенный штатъ его содержанію, расположа оный такимъ образомъ, чтобы издержки на содержаніе сіе покрывались доходами, выручаемыми за покои и другія принадлежности сего дома, въ наемъ отдаваемыя.

„Вѣдомство генеральнаго штаба обязано представлять вамъ ежегодные отчеты въ доходахъ сего дома, расходахъ, по оному сдѣланныхъ, и остаткахъ, отъ расхода быть могущихъ, кои и причислять къ общимъ суммамъ военнаго департамента".

Въ домѣ этомъ, при владѣльцѣ Молчановѣ, по контракту съ дирекціею императорскихъ театровъ, отдавался въ наймы бельэтажъ для маскарадовъ, концертовъ и деревянный театръ, выстроенный, согласно контракта съ

дирекціею, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовалъ нѣмецкій театръ (нын общій архивъ главнаго штаба, требовавшій возобновленія по ветхости отъ долговре еннаго существованія).

Изъ описи помѣщеній, отданныхъ дирекціи, видно, что въ домѣ этомъ парадныя ворота съ площади украшены были колоннами и пилястрами изъ краснаго мрамора съ пьедесталами изъ гранита; два окна у воротъ обложены были мраморомъ съ золочеными рѣшетками; парадная лѣстница съ цѣльными изъ дикаго мрамора ступенями; стѣны и карнизы фальшиваго мрамора и въ 3-хъ нишахъ верхней части стояло по статуѣ; подоконники въ окнахъ бѣлаго мрамора, во внутреннихъ же комнатахъ полы паркетные, а въ нѣкоторыхъ даже цвѣтные; карнизы и плафоны лѣпные, нѣкоторыя же комнаты были расписаны въ китайскомъ вкусѣ и обиты шелковыми китайскими обоями.

По покупкѣ же дома для генеральнаго штаба, въ наймы, по контракту 1 марта 1816 года на 5 лѣтъ, отдавался дирекціи только одинъ театръ и необходимыя къ нему помѣщенія, съ правомъ начальству пользоваться ложей и однимъ кресломъ.

Затѣмъ, по купчей крѣпости 6 мая 1818 года, пріобрѣтенъ за 600,000 рублей ассигнаціями смежный домъ надворнаго совѣтника Кусовникова для помѣщенія чиновъ и служителей вѣдомства дежурства главнаго штаба его императорскаго величества съ фельдъегерскимъ корпусомъ.

Въ слѣдующемъ 1819 году, высочайшимъ указомъ 12 марта, повелѣно купить за 275,000 руб. ассигнаціями въ казенное вѣдомство и употребить для размѣщенія заведеній главнаго штаба домъ Кушелевой на Малой Миллюнной, на который и совершена купчая крѣпость 21 марта 1819 года.

Въ существовавшемъ на углу Невскаго проспекта домѣ императорскаго вольно-экономическаго общества еще въ 1805 году, по высочайшему повелѣнію, часть двора взята подъ строеніе для депо картъ, безъ всякаго вознагражденія, а впослѣдствіи и остальное помѣщеніе общества присоединено къ зданію главнаго штаба, также безвозмездно.

Того же 1819 года 16 марта высочайше повелѣно было приступить къ исправленію и приспособленію дома главнаго штаба [1]), и такъ какъ въ составъ перестроекъ входилъ и нѣмецкій театръ, то повелѣно было сдать оный инспектору дома, суммы же на производство работъ повелѣно было истребовать отъ военнаго министра:

высочайшимъ указомъ	9 апрѣля . . .	200 т.
„ „	22 октября. . .	300 т.
„ „	5 декабря. . .	82½ т.

а въ 1820 году на окончаніе строенія отпустить въ четыре срока 450 тысячъ рублей.

Затѣмъ, въ іюлѣ 1820 года, высочайше утверждена постройка чугуннаго архива въ домѣ главнаго штаба, на мѣстѣ бывшаго театра, для чего повелѣно по смѣтѣ отпустить 274 т. рублей.

Суммы, употребленныя на перестройки, возмѣщались изъ поступавшихъ въ военное министерство денегъ по казеннымъ взысканіямъ.

[1]) Строителемъ зданія былъ весьма извѣстный въ то время архитекторъ Росси. В. Д.

9-го сентября 1820 года изъ записки строительной коммиссіи, учрежденной для перестройки зданій для главнаго штаба, видно, что къ тому времени почти всѣ тѣ работы, за небольшими исключеніями, были окончены, для архива же только выведенъ фундаментъ. Въ то же время сосѣднее казенное зданіе, вновь возведенное по другую сторону арки (нынѣ министерство финансовъ), подведено было почти подъ крышу.

Въ отстроенномъ зданіи главнаго штаба помѣщены были слѣдующія части военнаго министерства: канцелярія и управленіе квартирмейстерскою частію, инспекторскій департаментъ, канцелярія и управленіе начальника главнаго штаба его императорскаго величества (впослѣдствіи дежурнаго генерала), военно-топографическое депо съ чертежными, библіотека, обсерваторія, архивы и церковь, съ квартирами какъ для начальствующихъ означенными частями лицъ, такъ и для нѣкоторыхъ чиновъ, которымъ необходимо было имѣть квартиры при мѣстѣ служенія.

Въ 1846 году часть зданія на углу Невскаго отстроена вновь на мѣстѣ прежде бывшаго строенія, пришедшаго въ ветхость и при томъ не подходившаго къ общему фасаду зданія по наружному своему виду.

Позже, въ 1850 году, уничтожена астрономическая обсерваторія, помѣщавшаяся надъ крышею флигеля, раздѣляющаго круглый и инспекторскій дворы, и въ то-же время пристроена лѣстница на кусовниковомъ дворѣ ведущая нынѣ въ присутственныя комнаты главнаго штаба, а въ 1857 году надъ флигелемъ бывшаго кусовникова двора, паралельно сосѣдней стѣнѣ частныхъ домовладѣльцевъ, надстроенъ этажъ для размѣщенія училища топографовъ, при чемъ сдѣлано и болѣе удобное сообщеніе съ церковью. Наконецъ, въ 1866 году, на крышѣ строенія на углу Невскаго и площади, вмѣсто двухъ, пришедшихъ въ ветхость, фотографическихъ павильоновъ, построенныхъ для топографическихъ работъ, выстроенъ новый фотографическій павильонъ.

Не упоминая о бывшихъ по временамъ перемѣнахъ и передѣлкахъ во внутреннемъ размѣщеніи зданія, здѣсь приведены только тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть интересны для желающихъ знать, что въ недавнее еще время находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулось грандіозное зданіе главнаго штаба, великолѣпно декорирующее лучшую площадь столицы противъ Зимняго дворца.

Архитекторъ В. П. Долотовъ.

РУССКІЕ ВЪ РУМЫНІИ И НА ДУНАѢ

въ 1853 и 1854 гг.

III [1]).

Западныя державы, разсчитывавшія на то, что мы ни въ какомъ случаѣ не очистимъ добровольно княжествъ и что поэтому имъ легко будетъ склонить Австрію дѣйствовать противъ насъ открыто, были очень опечалены извѣстіемъ о нашемъ выступленіи изъ Молдавіи.

Французскій посолъ въ Вѣнѣ, Буркеней, сказалъ по этому случаю: «c'est le naufrage de nos plus belles espérances» [2])!

Теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, можно было ожидать, что Австрія рѣшится объявить намъ войну. «Гр. Буоль, писалъ кн. Горчаковъ, питаетъ себя надеждою, что Австрія, безъ всякой войны, въ которой онъ болѣе чѣмъ кто-либо сомнѣвается,—достигнетъ всего, простымъ на насъ давленіемъ, въ сообществѣ съ Англіею и Франціею» [3]).

Пока армія наша занимала еще княжества, австрійцы не смѣли вступить въ нихъ открытою силою, хорошо понимая, что будутъ разбиты кн. М. Горчаковымъ, который писалъ тогда своему брату, кн. А. Горчакову» [4]):

«Не думаютъ-ли австрійцы, что я испугался многочисленности собранной ими на границѣ Молдавіи арміи, и отдамъ имъ безъ боя

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г., томъ LIX, сентябрь, стр. 561—582.

[2]) Кн. Горчаковъ отъ 30 іюля (11 авг.) 1854 г., № 62. Мин. иностр. дѣлъ.

[3]) Изъ этого видна неосновательность предположенія, что въ концѣ іюля Австрія отправила въ Варну подполковника Калика, для переговоровъ съ союзниками, на счетъ общаго ихъ наступленія съ австрійцами противъ русскихъ, какъ о томъ говоритъ г. Бутковскій.

[4]) Кн. М. Горчаковъ къ кн. А. Горчакову, отъ 11 (23) іюля 1854 года. Мин. иностр. дѣлъ. А. П.

Молдавію? Очень они въ этомъ ошибаются. У меня въ Молдавіи довольно войскъ, чтобы удержать ихъ до моего прихода съ главными моими силами, и тогда ихъ положеніе, а не мое, будетъ рискованное».

Но теперь, по очищеніи княжествъ, австрійцы дѣйствительно вступили въ нихъ, въ началѣ августа.

— «Вступленіе австрійскихъ войскъ въ княжества, доносилъ князь А. Горчаковъ отъ 30 іюля (1 августа) 1854 года[1]), начнется съ Валахіи, а послѣ того съ Молдавіи, по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ». Кн. Горчаковъ представилъ Буолю, что вступленіе австрійцевъ въ княжества парализуетъ наши дѣйствія въ пользу нашихъ враговъ; что поэтому Австрія, какъ нейтральная держава, должна требовать, чтобы союзники не двигались далѣе Булгаріи, имѣя тамъ лишь незначительные отряды; главныя же ихъ силы должны быть направлены или въ Азію, или на другіе пункты нашей территоріи. Если Австрія не можетъ достигнуть этихъ результатовъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ къ тому попытку, на что—«мы будемъ смотрѣть какъ на доказательство ея доброжелательства къ намъ»[2]).

Но Буоль отвѣтилъ на это: «австрійское правительство не считаетъ себя въ правѣ указывать туркамъ или англо-французамъ, какой они должны предпринять планъ кампаніи. Онъ слѣдуетъ только узкимъ путемъ своихъ воззрѣній».

«Омеръ-паша, продолжаетъ кн. Горчаковъ, стоитъ во главѣ всѣхъ военныхъ силъ Порты, оставивъ при англо-французахъ лишь слабые отряды, для одной внѣшности союза».

Одновременное занятіе княжествъ австрійскими и турецкими войсками не нравилось въ Вѣнѣ. По отступленіи нашей арміи изъ Валахіи турки двигались вслѣдъ за нею и дошли до р. Бузео. Это могло привести къ столкновенію турокъ съ австрійцами. Поэтому писалъ кн. А. Горчаковъ отъ 6 (18) августа [3]):

— «Австрійцы предпочитаютъ занимать Валахію одни и желаютъ, чтобы Омеръ-паша вывелъ оттуда свои главныя силы, не дозволяя ему вступать въ Молдавію. Гессе приказалъ вступить въ Валахію двумъ бригадамъ, чтобы, если нельзя иначе, занять ее совмѣстно съ турками».

Итакъ, австрійцы, прежде всего, намѣреваются занять Валахію,

---

[1]) Кн. А. Горчаковъ къ гр. Нессельроде, отъ 6 (18) авг. 1854 г., № 75. Мин. иностр. дѣлъ.

[2]) Изъ этого видно, что кн. А. Горчаковъ самъ же намекнулъ на то, чтобы союзники направились въ Крымъ. За то ему было бы покойнѣе въ Вѣнѣ.

[3]) Кн. А. Горчаковъ гр. Нессельроде, отъ 6 (18) авг. 1854 г., № 75. Мин. иностр. дѣлъ. А. П.

такъ какъ въ ней уже нѣтъ нашихъ войскъ, перешедшихъ въ Молдавію. Если бы они имѣли въ виду дѣйствительно угрожать намъ, то ясно, что для этого имъ слѣдовало вступить не въ Валахію, а въ Молдавію.

Между тѣмъ, между 20 и 22 августомъ, австрійцы заняли только Валахію, куда вступила, изъ Германштадта и Кронштадта, всего одна бригада Бурло, изъ дивизіи Шварца. Къ ней были вскорѣ присоединены еще двѣ бригады, т. е. вся дивизія генерала Макіо, стоявшая у Землина, и всѣ эти три бригады были подчинены генералу Аллеману.

Назначеніе дивизіи Макіо для усиленія австрійскихъ войскъ, вступившихъ въ Валахію, было вызвано тревожнымъ для австрійцевъ слухомъ, будто бы наша Дунайская армія предпринимаетъ новое движеніе къ Дунаю, противъ арміи Омера-паши. По договору же съ Турціей отъ 14 іюня, Австрія обязалась противиться оружіемъ вторичному вступленію русскихъ въ княжества.

Для вступленія въ Молдавію назначались также три бригады, подъ начальствомъ генерала Гессе, которыя, равно какъ и весь окупаціонный Валахскій отрядъ Аллемана, состояли подъ общимъ начальствомъ командира 13-го корпуса генерала Коронини, лично находившагося при войскахъ, вступившихъ въ Валахію, изъ которыхъ дивизія Макіо заняла 2-го сентября Краіово, а генералъ Коронини прибылъ 5-го сентября въ Бухарестъ. Австрійскія войска должны были вступить въ Молдавію только тогда, когда удостовѣрятся, что она окончательно очищена русскими [1]).

До чего австрійцы опасались открытаго столкновенія съ нашими войсками, видно изъ того, что, по поводу одного слуха о вторичномъ наступленіи нашей арміи къ Дунаю, всѣ передвиженія австрійскихъ войскъ, предпринятыя для вступленія въ княжества, какъ доносилъ кн. А. Горчаковъ, были пріостановлены и войска приняли къ 13-му (25-му) сентября слѣдующее расположеніе.

Весь 13-й корпусъ Коронини, назначенный для окупаціи Молдавіи и Валахіи, состоялъ изъ трехъ дивизій—Макіо, Вольфа и Пааро (шесть бригадъ, всего силою до 40,000 челов., 3,200 лошадей и 92 ор.) [2]).

Изъ нихъ бригады Іелачича и Шварца изъ дивизіи Макіо и бригада Бурло изъ дивизіи Вольфа, состоящія подъ общею командою ген. Аллемана, занимали Валахію.

---

[1]) Донесеніе кн. А. Горчакова. Мин. ин. д.

[2]) Донесеніе кн. А. Горчакова отъ 13-го (25-го) сентября 1854 г.

Бригады Августина и Блюменкрона изъ дивизіи Паара и бригада Подъячскаго изъ дивизіи Вольфа предназначены для вступленія въ Молдавію.

9-й корпусъ, направленный въ Буковину, возвращенъ изъ Быстрицы назадъ къ Маро-Вазарели.

11-й и 12-й корпуса оставлены въ Буковинѣ, вмѣстѣ съ 1-мъ кавал. корпусомъ, который продолжаетъ свое движеніе къ Коломеа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійцы начали быстро возводить укрѣпленія на верхней Вислѣ, въ окрестностяхъ Кракова, близь холма Костюшко и къ с.-западу отъ Леополя. 130 орудій, которыя должны были занять эти укрѣпленія, перевезены по желѣзнымъ дорогамъ.

2-й корпусъ въ окрестностяхъ Кракова.

4-й (Шлыка) и 2-й кавалерійскій въ окрестностяхъ Лемберга.

10-й корпусъ между Тарнополемъ и Гусятинымъ.

Таково было расположеніе австрійскихъ войскъ въ среднихъ числахъ сентября.

Мы видимъ въ немъ ту-же растянутость по всей восточной и сѣверной границѣ и никакого сосредоточенія, въ видахъ наступленія. Австрійцы возводятъ спѣшныя укрѣпленія у Кракова, Леополя, на верхнемъ Санѣ, для обороны Галиціи и у Залещика на Днѣстрѣ, для обороны Буковины. Ничто не указываетъ предположенія наступать. Всѣ мѣры принимаются лишь для защиты.

Къ тому-же австрійцамъ было теперь не до воинственныхъ настроеній. Они едва могли довольствовать свои войска, растянутыя по границамъ не столько съ стратегическими, сколько съ экономическими цѣлями: облегчить продовольствіе, которое, главнымъ образомъ, доставляла имъ Молдавія, занять которую поэтому они очень желали и изъ которой поэтому-же такъ настойчиво требовали удаленія турокъ.

Финансовыя затрудненія Австріи достигли въ это время своей высшей степени. Денегъ въ правительственныхъ кассахъ совсѣмъ не было. Являлась настоятельная необходимость сдѣлать заемъ. Внѣшній заемъ оказался невозможнымъ. Пришлось обратиться къ патріотизму страны, и перспективой вѣроятной войны заставить подписаться на внутренній заемъ. Патріотизмъ дѣйствительно проявился, но, увы! только фиктивный. Вотъ что писалъ по этому оригинальному случаю кн. А. Горчаковъ отъ 30-го іюля (1-го августа) 1854 г. [1]).

«Подписка на новый заемъ достигла вдругъ колоссальной суммы, 250 милл. флориновъ. Къ тому способствовали патріотическія воззванія всѣхъ газетъ, а главное то, что предварительнаго взноса не

[1]) Кн. А. Горчаковъ, 30-го іюля (1-го августа) 1854 г., № 64. Мин. ин. д.

требовалось вовсе, почему почти всѣ подписывались на сумму, въ десять разъ превосходящую ихъ средства. Въ казначействѣ-же отъ этой подписки не собрано ни малѣйшей суммы».

Сверхъ того, сталъ извѣстнымъ въ это время роковой исходъ экспедиціи союзниковъ въ Добруджу. Въ Вѣну дошли два письма изъ французской арміи, обрисовывавшія безотрадное положеніе союзниковъ. Приводимъ выписку изъ письма [1]) одного французскаго генерала по поводу экспедиціи въ Добруджу:

«Я могу только утверждать, что за всѣ мои 20 лѣтъ бивачной жизни я никогда не видѣлъ меньшаго веселья въ нашихъ лагеряхъ. Мы вновь изолированы отъ населенія, которое невидимо и которое къ тому-же не имѣетъ къ намъ ни малѣйшей симпатіи. Средства страны совершенно ничтожны».

Въ другомъ письмѣ изъ Варны, 11-го августа 1854 г. (отъ принца Наполеона), сказано:

«Холера и ея опустошенія ужасны (terrible) въ моей дивизіи и въ дивизіи Боске. У Канробера опустошеніе неслыханное (inouis). Около 4,000 труповъ суть послѣдствія нашей, такъ называемой, военной прогулки по Добруджѣ. Это для настоящаго. Вдвое или вчетверо будетъ стоить намъ другая, также военно-морская, прогулка въ Крымъ: это для будущаго, и вы составите себѣ приблизительное понятіе о нашемъ положеніи».

При такихъ обстоятельствахъ Австрія начала теперь показывать видъ полной готовности сблизиться съ нами.

«Все ясно показываетъ, писалъ кн. А. Горчаковъ 2-го (14-го) сентября [2]), что вѣнскій кабинетъ желалъ бы сблизиться съ нами, но съ тѣмъ, чтобы это имѣло видъ одержаннаго имъ успѣха, и не компрометируя своего положенія передъ морскими державами. По моему, этого мало. «Простится ей, потому что много любила», говоритъ св. писаніе. Но эти милосердныя слова произнесены могутъ быть только тогда, когда искреннее раскаяніе сгладитъ слѣды преступленія. Относительно Австріи мы не имѣемъ еще поводовъ быть снисходительными (indulgents), и я полагаю, что послѣ всего, что она сдѣлала противъ насъ, мы слишкомъ легко идемъ къ ней на встрѣчу. Это не изъ лучшихъ способовъ укрѣпить ее въ лучшемъ направленіи.

«Австрія выжидаетъ событій, какія произойдутъ на Черномъ морѣ. Они могутъ имѣть вліяніе на развитіе надеждъ, питаемыхъ

---

[1]) Князь А. Горчаковъ, 14-го (26-го) августа 1854 года.

[2]) Тоже, 2-го (14-го) сентября 1854 г. № 101. М ин д.

ею въ тайнѣ; но это не измѣнитъ ея военнаго положенія, которое ограничится однимъ занятіемъ княжествъ и она не будетъ намъ портить (ne dégénéra pas) нападеніемъ (agression) на насъ. Въ этомъ отношеніи рѣшеніе императора Франца-Іосифа твердо (est bien prise), и слова его министра представителямъ западныхъ державъ очень ясны.

«Генералъ Гессе указывалъ мнѣ на то, что Австрія съ удовольствіемъ увидѣла бы уменьшеніе нашихъ войскъ за Прутомъ, что дало бы намъ важную возможность направить наши силы къ пунктамъ, угрожаемымъ англо-французами».

Такъ какъ мы нашли невозможнымъ послѣдовать этому совѣту, то императоръ Францъ-Іосифъ указывалъ на то, что въ этомъ предложеніи была только «косвенная услуга, которую Австрія хотѣла оказать Россіи».

Но ставить себя à la merci Австріи было, какъ полагалъ князь Горчаковъ, неудобно.

— «Видъ внушительныхъ и неуменьшенныхъ силъ нашихъ можетъ имѣть вліяніе на переговоры, чѣмъ пренебрегать не слѣдуетъ. Императоръ Францъ-Іосифъ и гр. Буоль оба полагаютъ, что переговоры въ теченіи зимы предупредятъ возобновленіе военныхъ дѣйствій весною. Гр. Буоль очень положительно выразилъ мнѣ свое желаніе, надежду и даже болѣе того, необходимость для Австріи не затягивать нынѣшняго положенія дѣлъ и желать его окончанія». Финансовое положеніе Австріи грозило ей банкротствомъ. Денегъ не было въ казначействахъ. На покрытіе старыхъ неоплатныхъ долговъ было выпущено бумажныхъ денегъ на 140 милліоновъ флориновъ; на текущіе же расходы одинъ генералъ Гессе издержалъ за августъ мѣсяцъ 26 милл., и императоръ Францъ-Іосифъ былъ въ отчаяніи отъ такого положенія дѣлъ.

«Мы должны воспользоваться такимъ положеніемъ Австріи», писалъ кн. Горчаковъ.

Отношенія наши къ Австріи въ эту эпоху лучше всего можно выяснить изъ слѣдующаго разговора кн. Горчакова съ гр. Буолемъ, по слѣдующему случаю:

Въ одномъ изъ номеровъ «Монитора», правительственной газеты въ Вѣнѣ, было напечатано и потомъ перепечатано другими извѣстіе о боѣ подъ Севастополемъ, въ которомъ русскіе понесли большія потери. Въ статьѣ было сказано, что этому порадуются всѣ, кому дорогъ миръ.

По этому поводу кн. Горчаковъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ гр. Буолемъ:

— «Я вижу, что долженъ съ вами объясниться, сказалъ кн. Горчаковъ. Я признаю, что между нашими кабинетами существуетъ

важное разногласіе (dissentiment). Я допускаю, что вы, который думаете, что пораженіе русскихъ поведетъ къ миру, вы лично можете быть довольны такимъ пораженіемъ, потому что, по вашему, это приводитъ къ цѣли, которой желаютъ всѣ. Но чувства вашего государя, внушаемыя имъ всѣмъ, имѣющимъ счастіе быть въ числѣ его приближенныхъ, не позволяютъ мнѣ предполагать, какъ говорятъ ваши журналы, что его вел. выразилъ императору французовъ свою радость, по поводу того, что нѣсколько тысячъ русскихъ заплатили жизнью за честь своего монарха; тѣхъ самыхъ русскихъ, которые еще такъ недавно проливали свою кровь за вашего императора. Я вамъ повторяю, что не хочу вѣрить тому, чтобы ему могла доставить радость смерть нѣсколькихъ тысячъ русскихъ».

— По этому поводу, князь, я не могу вамъ дать никакихъ объясненій.

— «Вы въ правѣ сохранить молчаніе относительно всего, что касается васъ лично, замѣтилъ на это кн. Горчаковъ. Но вы не въ правѣ оставлять его велич. въ неизвѣстности относительно того, что вамъ заявляетъ представитель первоклассной державы. Только какъ честный человѣкъ, я надѣюсь, что слова мои при передачѣ ихъ сохранять полную ихъ точность!»

Такимъ образомъ, не было сомнѣнія въ личномъ миролюбивомъ настроеніи къ нашему двору императора Франца-Іосифа и во враждебномъ отношеніи къ намъ гр. Буоля, который не мало вліялъ на императора.

Кн. Горчаковъ, какъ посланникъ при вѣнскомъ дворѣ, естественно желалъ, чтобы значеніе наше въ Вѣнѣ поддерживалось внушительною военною силою, стоявшею близъ границъ Австріи. Но несомнѣнно, что эта сила оказала бы больше пользы въ Крыму, чѣмъ въ Подоліи и Польшѣ. Между тѣмъ, донесенія кн. Горчакова были такого свойства, что должны были возбудить серьезныя опасенія въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, тѣмъ болѣе, что, вслѣдъ за донесеніемъ о миролюбивыхъ цѣляхъ Австріи и даже о горячемъ намѣреніи ея сблизиться съ нами, кн. Горчаковъ, уже 25 сентября (7 октября), писалъ въ такихъ выраженіяхъ [1]), что не могъ поручиться, будетъ или не будетъ, весною, у насъ война съ Австріей. Одно, въ чемъ онъ былъ увѣренъ—это во враждебномъ отношеніи къ намъ министровъ гр. Буоля и Баха, вліяніе которыхъ на императора увеличивалось, по мѣрѣ успѣховъ въ Крыму союзниковъ, и падало соотвѣтственно ихъ неудачамъ. При всякомъ успѣхѣ нашихъ противниковъ оба эти врага

[1]) Кн. А. Горчаковъ, 25 сентября (7 октября) 1854 г. № 131.

Россіи съ торжествомъ указывали на то, насколько они были правы, предлагая сближеніе съ западомъ, вмѣсто сближенія съ Россіей.

Но, къ счастью, мнѣніе гр. Буоля и Баха парализовалось доводами нѣкоторыхъ наиболѣе приближенныхъ къ императору лицъ, какъ, напримѣръ: гр. Грюнна, Гессе, Виндишгреца и другихъ.

Въ разговорѣ съ кн. Горчаковымъ генералъ Гессе сказалъ:

— «Мнѣ 67 лѣтъ, я стою передъ судомъ моей совѣсти и Бога, передъ которымъ также не замедлю предстать. Слѣдовательно, вы можете повѣрить, что меня не занимаетъ болѣе человѣческое тщеславіе. Если бы между нами долженъ былъ произойти разрывъ, я считалъ-бы самые блестящіе успѣхи, какіе судьба войны послала бы мнѣ, за величайшее бѣдствіе для моей страны».

Всѣ приближенные императора выражались въ томъ-же духѣ. Одинъ гр. Буоль былъ иначе настроенъ, хотя тоже боялся войны. Но и тутъ онъ, сейчасъ-же, становился умѣреннѣе, когда видѣлъ, что мы не уклоняемся отъ войны съ Австріей.

Болѣе-же всего противъ открыто враждебныхъ относительно насъ дѣйствій былъ лично самъ императоръ, понимая, что интересъ его державы состоялъ въ томъ, чтобы всячески избѣжать вооруженнаго вмѣшательства въ борьбѣ, на чьей бы сторонѣ ни оказался перевѣсъ, но держаться ближе къ тому, кто окажется сильнѣе.

Основываясь только на этомъ соображеніи, намъ слѣдовало давно уже направить въ Крымъ всѣ войска, которыя стояли въ полномъ бездѣйствіи противъ Австріи, тогда какъ присутствіе ихъ у Севастополя оказало-бы огромное вліяніе на успѣхъ обороны и тѣмъ самымъ удержало бы Австрію отъ всякихъ сближеній съ западомъ. Намъ слѣдовало, въ силу самой необходимости, повѣрить словамъ императора Франца-Іосифа, что для охраны всѣхъ нашихъ границъ со стороны Австріи мы можемъ оставить «одного только сторожа». Тогда многія изъ опасеній кн. Горчакова, высказанныхъ въ слѣдующемъ его донесеніи, отъ 25 сентября (7 октября) 1854 года, разсѣялись бы сами собою [1]).

«Я самаго дурнаго мнѣнія о намѣреніяхъ вѣнскаго двора. Утверждаютъ, что существуетъ интимный союзъ Австріи съ западными державами.

«Австрія, вдругъ, сдѣлала огромный шагъ. Ея дурное къ намъ расположеніе даже не скрывается теперь по наружности. Я долго искалъ разгадки такого явленія и не могъ объяснить его сознаніемъ ею своихъ силъ, потому что затрудненія Австріи возрастаютъ вмѣстѣ

---

[1]) Кн. Горчаковъ, отъ 25 сентября (7 октября) 1854 г., № 131. М. И. Д.

съ расходами. Можетъ быть этому способствовали первые успѣхи союзниковъ въ Крыму? Но я скорѣе думаю, что тутъ все зависитъ отъ вліянія Баха и Буоля на умъ императора Франца-Іосифа. Оба они теперь открыто говорятъ о своей ненависти къ Россіи и о своей жаждѣ разрыва съ нею. Но оба они стоятъ слишкомъ изолированно, между другими, чтобы добиться на то согласія императора. Его величество слушаетъ только голосъ своихъ наиболѣе приближенныхъ, въ томъ числѣ гр. Грюнна, и усилія ихъ (Буоля и Баха) окажутся безплодными.

«Если мы припомнимъ радость императора Франца-Іосифа, выраженную имъ по поводу нашихъ стратегическихъ соображеній при очищеніи нами княжествъ, и то, что онъ видѣлъ въ этомъ возможность близкаго соглашенія съ государемъ императоромъ, то мы не можемъ допустить въ немъ присутствія личнаго къ намъ недоброжелательства (animosité). Но событія говорятъ другое.

«Не прошло еще трехъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ императоръ сказалъ кн. Виндишгрецу, что, занимая княжества, онъ оказываетъ тѣмъ косвенную услугу Россіи, потому что для охраны своихъ границъ она можетъ оставить съ этой стороны одного только сторожа.

«Спустя же 15 дней послѣ этого были выработаны основанія для военныхъ операцій турокъ, и императоръ заявилъ, что онъ не въ правѣ стѣснять планы нашихъ враговъ.

«Императоръ выразилъ своему министру, что онъ не желаетъ болѣе сближать (resserrer) свои связи съ западомъ; теперь же онъ готовъ быть его преданнымъ слугою (auxiliaire), послушнымъ и дѣятельнымъ, и, вѣроятно, кабинетъ его уже вырабатываетъ основанія условій для соглашенія съ западомъ».

Дѣлая выводъ изъ такого положенія дѣлъ, кн. Горчаковъ говоритъ: «мы должны отречься отъ всѣхъ надеждъ, основанныхъ на личныхъ чувствахъ императора Франца Іосифа. Чѣмъ менѣе мы будемъ предаваться иллюзіямъ, тѣмъ болѣе будемъ приближаться къ истинѣ. Гр. Буоль сжегъ свои корабли. М. Бахъ, узнавъ о нашей неудачѣ подъ Севастополемъ, говоритъ всѣмъ: «вы видите, насколько мы были правы, предпочитая союзъ съ западомъ союзу съ этимъ изгнившимъ государствомъ (de ce état vermoulu). Оба они считаютъ себя погибшими, если измѣнится взглядъ императора. Они употребятъ поэтому все, чтобы побудить императора сдѣлать шагъ, послѣ котораго было бы невозможно возвратиться назадъ. Когда логика и право перестаютъ руководить дѣйствіями правительства, будущее перестаетъ быть выводами изъ прошлаго и становится только результатомъ случайности.

«Не будемъ поэтому основываться на окончательномъ направленіи австрійской политики. Пока гр. Буоль останется у власти, допустимъ возможность такихъ дѣйствій, которыя являются послѣдствіемъ ненависти и посредственности.

«Не будемъ также разсчитывать и на императора Франца-Іосифа. Такъ называемая его энергія есть не что иное, какъ призраки воображенія, эксплуатированнаго его министрами, которые, притворяясь послушными, всегда успѣваютъ сдѣлать то, что согласуется съ ихъ страстями и интересами [1]).

«Съ увѣренностію я не могу болѣе сказать, что весною мы не будемъ имѣть съ Австріею войны. Если союзники будутъ имѣть въ Крыму рѣшительный успѣхъ,—Австрія сдѣлаетъ все, что отъ нея потребуютъ. Если же они будутъ имѣть неудачу и потребуютъ отъ Австріи явныхъ противъ насъ дѣйствій, я вполнѣ увѣренъ, что тогда она не подчинится ихъ давленію. Иначе и быть не могло. Такимъ образомъ будущее поведеніе Австріи относительно насъ будетъ зависѣть отъ положенія дѣлъ западныхъ державъ. Таково положеніе дѣла, и было бы преступно ослаблять его значеніе».

Замѣчательно, что въ донесеніи отъ того же числа, подъ № 134, кн. Горчаковъ пишетъ, что дислокація австрійскихъ войскъ, произведенная по мысли императора, прямо не согласна съ мыслью о наступательныхъ дѣйствіяхъ и что это сдѣлано потому, что императоръ— «твердо вѣритъ, что дѣло не дойдетъ до разрыва съ нами». Самыя вооруженія Австріи истолковывались теперь въ Вѣнѣ въ смыслѣ для насъ благопріятномъ, хотя кн. Горчаковъ и не бралъ на себя отвѣтственности, что это было такъ въ дѣйствительности.

Вотъ что писалъ онъ въ этомъ донесеніи [2]):

«Утверждаютъ, что нынѣшняя дислокація австрійскихъ войскъ представляетъ большое затрудненіе въ случаѣ наступательныхъ, со стороны Австріи, дѣйствій, и что это сдѣлано прямо по мысли императора, твердо вѣрящаго, что дѣло не дойдетъ до разрыва съ нами. Довѣріе къ гр. Буолю не въ состояніи нарушить этой увѣренности. Гр. Гессе настаиваетъ на томъ, чтобы Омеръ-паша очистилъ княжества, что сдѣлало бы невозможнымъ операціи его противъ Бессарабіи.

«Гр. Буоль можетъ желать вступленія въ союзъ съ западомъ; но императоръ не присоединится къ этой мысли, которой сильно противятся генералы Гессе и Грюннъ и почти безъ исключенія вся армія.

---

[1]) Друэнъ де-Люисъ иначе и правильнѣе понималъ характеръ императора Франца-Іосифа, говоря, что у него—„изъ тѣни боязливости выступаетъ граничащая съ упрямствомъ воля“.

[2]) Кн. Горчаковъ, 25 сентября (7 октября) 1854 г., № 134. А. П.

Главные военные начальники думаютъ, что именно, въ случаѣ нашей неудачи въ Крыму, Австрія не можетъ болѣе колебаться, а должна занять энергическое положеніе относительно западныхъ державъ и съ этою цѣлью держать армію на военномъ положеніи, почему и дѣлается новый рекрутскій наборъ. Императоръ сперва не соглашался на это изъ опасенія, чтобы Россія не приняла вооруженія Австріи за намѣреніе враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Но меня обвинили бы въ легкомысліи, если-бы я сталъ дѣлать разсчеты будущаго, основываясь только на безплодныхъ заявленіяхъ, а не на дѣйствительныхъ фактахъ».

Такимъ образомъ въ одинъ и тотъ-же день (25 сент. с. с.) кн. Горчаковъ пишетъ два совершенно разныя донесенія: то императоръ Францъ-Іосифъ вполнѣ подчиненъ волѣ Баха и Буоля, то, что онъ никогда не присоединится къ ихъ мысли и, слѣдовательно, о войнѣ противъ Россіи не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствительно, дислокація австрійскихъ войскъ къ концу сентября сохраняла то-же растянутое положеніе по границамъ, какъ и въ половинѣ сентября [1]).

Такъ, 13 корпусъ находился въ Молдавіи и Валахіи
(50 т. чел., 114 оруд.).
» 9 » » » Кронштадтѣ.
» 11 » » » Маро-Вазарели.
» 12 » » » Черновицѣ.

1-ый кавалер. корпусъ на прежнихъ своихъ квартирахъ между Шегединомъ и Гросъ-Вардейномъ.

4-ая армія, генер. Шлыка, гл. кварт. въ Лембергѣ.

Корпуса, ее составляющіе:
2-ой пѣхотный корпусъ въ Краковѣ.
4-ый » » » Лембергѣ.
10-ый » » » Тарнополѣ и Залещикѣ.

2-ой кавалер. корпусъ отправленъ изъ 4-ой арміи въ Моравію и Венгрію.

Но кн. Горчаковъ объяснялъ такое расположеніе австрійцевъ экономическими, быть можетъ, соображеніями [2]).

Это расположеніе устраняетъ возможность предположенія о вторженіи въ наши предѣлы австрійскихъ войскъ, не смотря на сгрупированіе ихъ въ Буковинѣ. «Но дѣлать выводы изъ этого, относительно

---

[1]) Я съ умысломъ привожу, чрезъ каждыя двѣ недѣли, дислокацію австрійской арміи, такъ какъ это лучше всего можетъ доказать, что Австрія не думала ни о какомъ наступленіи противъ насъ.

[2]) Кн. Горчаковъ, № 133. А. П.

намѣреній Австріи, еще нельзя, писалъ кн. Горчаковъ. Дѣйствительно, такое расположеніе войскъ можетъ быть объяснено простою невозможностію продовольствовать въ Галиціи и Буковинѣ столь значительную армію; съ другой стороны, послѣ занятія австрійцами княжествъ, сосредоточеніе III-ей арміи, изъ Буковины, естественно должно было быть перенесено въ Молдавію.

«Къ тому-же, доносилъ кн. А. Горчаковъ, 4-ые баталіоны полковъ комплектуются изъ резервныхъ депо; укрѣпленные пункты въ Галиціи вооружаются поспѣшно орудіями и въ нихъ удвоивается число инженеровъ. Особенное же вниманіе обращено на укрѣпленный лагерь у Пршемысла на Санѣ. Укрѣпленія Залещика и Кракова также продолжаются. Наконецъ, 1-й пѣхотный корпусъ въ Богеміи также приведенъ на военное положеніе».

Близость нашей арміи къ границамъ Австріи, особенно со стороны Польши, въ то время какъ въ Севастополѣ, гдѣ велся отчаянный бой, мы были несравненно малочисленнѣе нашихъ противниковъ, естественно заставляла Австрію предполагать о намѣреніи нашемъ вступить въ ея предѣлы. Отсюда и всѣ дѣлаемыя Австріею военныя приготовленія и мѣры для обороны Галиціи, возведеніемъ укрѣпленій въ Краковѣ, близь Леополя, у Пржемысля, въ Залещикахъ и т. п., имѣвшихъ чисто оборонительный характеръ. Словомъ, и Россія, и Австрія находились въ положеніи человѣка, боявшагося преслѣдованія своей собственной тѣни, отъ него же отражавшейся. Австрія вооружалась потому, что боялась нашего присутствія на ея границахъ; мы стояли на границахъ потому, что вооружалась Австрія. Это роковое недоразумѣніе дорого стоило Австріи, а для насъ было пагубно во всѣхъ отношеніяхъ.

Даже военныя мѣры, принимаемыя Австріею, оставались, большею частью, только на бумагѣ. Мы видѣли, что наборъ 90,000 рекрутъ, назначенный въ маѣ, не былъ произведенъ. Теперь, объявленный въ октябрѣ, новый наборъ 100,000 человѣкъ былъ также отмѣненъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ [1]).

Что касается до войскъ нашей южной арміи, расположенной въ Бессарабіи, въ видахъ ея защиты отъ наступленія турокъ, то и въ этомъ отношеніи опасенія наши были лишены всякихъ основаній. Вся армія Омера-паши, къ концу октября, не превышала 45,000 человѣкъ, занимавшихъ частями Журжу и Бухарестъ и стоявшихъ эшелонами, по нижнему Дунаю, отъ Калафата до Браилова и Галаца [2]).

---

[1]) Кн. Горчаковъ, отъ 6 (18) ноября 1854 г.

[2]) Тоже, 27 окт. (8 нояб.) 1854 г.

Это расположеніе прямо указываетъ на отсутствіе предположенія вторгнуться въ Бессарабію; да и не было даже возможности произвести это вторженіе, какъ по слабости турецкихъ силъ, такъ и, въ особенности, по состоянію арміи Омера-паши.

По настоянію союзниковъ, «Омеръ-паша, дѣйствительно, получилъ въ концѣ октября приказаніе двинуться, по обоимъ берегамъ Дуная, къ границамъ Бессарабіи, чтобы способствовать этою диверсіею союзникамъ въ Крыму. Но Омеръ-паша возражалъ, что всѣ предпріятія его арміи за предѣлы Турціи могутъ быть очень пагубны для турецкихъ войскъ, которыя станутъ между двухъ огней, потому что австрійцевъ слѣдуетъ столько же опасаться, какъ и русскихъ. Если-же правительство Порты будетъ настаивать на вторженіи въ Бессарабію, то Омеръ-паша просилъ снять съ него званіе главнокомандующаго, такъ какъ онъ въ угоду Австріи и союзникамъ «не можетъ подвергать явной опасности послѣднія силы, которыми Порта можетъ располагать».

Не говоря уже о томъ, что, начиная съ двадцатыхъ чиселъ октября, турки, въ силу установившихся традицій, никогда не ведутъ зимней кампаніи, потому что не могутъ вынести ее, въ арміи Омера-паши проявлялись въ это время случаи дѣйствительной голодной смерти. При такихъ-ли условіяхъ вторгаться въ предѣлы сильнѣйшаго противника, имѣя у себя въ тылу такого союзника, какъ австрійцы, которыхъ турки считали для себя не менѣе враждебными, чѣмъ русскихъ?

Непріязненныя отношенія турокъ къ австрійцамъ и наоборотъ выразились немедленно по занятіи ими княжествъ. Вотъ что писалъ кн. А. Горчаковъ отъ 18 (30) сентября и 28 сентября (10 октября) 1854 года [1]).

«Жители Валахіи были возмущены вступленіемъ австрійцевъ въ ихъ княжества и едва не возникло возстаніе между ними противъ австрійцевъ. Съ другой стороны, турки также были этимъ очень недовольны. Омеръ-паша поспѣшилъ занять всѣ лучшіе дома и госпитали для своихъ войскъ, чтобы этими зданіями не завладѣли австрійцы. Тѣмъ не менѣе, въ распоряженіи австрійцевъ всетаки оказалось извѣстное число домовъ. Омеръ-паша приказалъ хоронить всѣхъ умирающихъ по близости этихъ домовъ, зарывая трупы только поверхностно, почему по близости распространились тифъ и холера и австрійцы должны были оставить занимаемыя ими помѣщенія. Въ арміи Омера-паши буквально были случаи голодной смерти. Край

---

[1]) Кн. Горчаковъ. Мин. ин. дѣлъ.

истощенъ, запасовъ никакихъ не сдѣлано. Въ видахъ лучшихъ условій продовольствія, Омеръ-паша намѣревался расположить до 20,000 на Серетѣ. Но генералъ Коронини прямо объявилъ, что онъ этого сдѣлать не позволитъ. Тогда рѣшено было имѣть въ княжествахъ всего только одну турецкую дивизію, около 9,000 челов., которые и расположились между Бухарестомъ и Яломицей».

И потомъ: «генералъ Гессе объявилъ Омеру-пашѣ отъ имени императора Франца-Іосифа, что онъ требуетъ выступленія турокъ изъ княжествъ и что не можетъ не только поддерживать, но даже допустить наступательныхъ дѣйствій турецкихъ войскъ противъ Россіи, потому что это могло бы произвести столкновеніе между русскою и австрійскою арміями, чего онъ тщательно долженъ избѣгать. Омеръ-паша даже жаловался по этому поводу въ Константинополь».

Англія и Франція сдѣлали чрезъ своихъ представителей при вѣнскомъ дворѣ заявленіе, что Австрія поступаетъ какъ союзница Россіи, а не западныхъ державъ, и потому ей не слѣдовало бы вовсе вступать въ княжества. Но вскорѣ гр. Буоль вступилъ въ новыя соглашенія съ посланниками Англіи и Франціи, и всѣ они вмѣстѣ выработали проектъ новой конвенціи, отправленной въ Парижъ. Въ то-же время Пруссіи былъ поставленъ прямо вопросъ: остается-ли она на сторонѣ Россіи—да или нѣтъ?

Изъ разговоровъ съ гр. Буолемъ кн. Горчаковъ выносилъ, между тѣмъ, все худшее и худшее впечатлѣніе, которое заставило его снова предполагать, что Австрія рѣшилась, дѣйствительно, выступить противъ насъ. Гр. Буоль старался не допускать нашего посла до императора. Кн. Горчаковъ принималъ это за рѣшительный поворотъ въ политикѣ Австріи не въ нашу пользу; тогда какъ именно это и должно было-бы ему показать, что гр. Буоль боится аудіенціи кн. Горчакова у императора, намѣренія котораго расходились со взглядами его министра.

«Положеніе здѣсь все то-же, писалъ кн. Горчаковъ отъ 8 (20) октября [1]).

«Противъ насъ враждебность, дурно замаскированная, хотя еще и сдержанная. Раздраженіе чрезвычайное противъ Пруссіи. Подчиненіе желаніямъ Запада. Бахъ и Буоль, попрежнему, жаждутъ разрыва съ нами. Императоръ Францъ-Іосифъ также послушенъ (docil) и ослѣпленъ. Положеніе мое становится чисто пассивнымъ; напрас-

---

[1]) Кн. Горчаковъ, отъ 8 (20) октября 1854 г., № 150.

ный трудъ разговаривать съ Буолемъ. Употребляютъ всѣ усилія‘ чтобы не допустить меня до императора. Гр. Буоль говоритъ категорически, что если мы перейдемъ, для преслѣдованія турокъ, рѣку Прутъ, то это послужитъ casus belli для войны съ Россіей» [1]).

Повѣрьте, что гг. Бахъ и Буоль сдѣлаютъ все возможное, чтобы побудить своего государя къ разрыву съ нами. Императоръ Францъ-Іосифъ, кажется, не раздѣляетъ еще этой мысли, связанной съ страшною неблагодарностію; но онъ до такой степени усталъ, что никакъ нельзя на него разсчитывать.

Фельдмаршалъ Радецкій говоритъ: «я не думалъ, что доживу до того, чтобы быть свидѣтелемъ всего происходящаго. У меня отбираютъ мои войска, для того, чтобы употребить ихъ наихудшимъ способомъ. Не хотятъ ли возвратиться къ 1848 году? Общее неудовольствіе возростаетъ. Непопулярность императора все увеличивается. Только одинъ императоръ не замѣчаетъ этого. Ему лично адресуютъ множество заявленій, въ выраженіяхъ не особенно приличныхъ».

Но, не смотря на все недоброжелательство гр. Буоля и задоръ австрійской печати, дѣйствительность оставалась все та-же, что опять всего лучше видно изъ расположенія австрійской арміи въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Расположеніе это, къ 16 (28) октября, представлялось въ слѣдующемъ видѣ [2]): III-я армія, генер. Коронини, именно 13-ый корпусъ (8 бригадъ пѣхоты и 2 кавалеріи) занимала, по прежнему, княжества и восточную границу, имѣя въ резервѣ, на лѣвомъ флангѣ у Сучавы, въ Буковинѣ, 3 бригады 12 корпуса. Правый флангъ въ Кронштадтѣ, изъ трехъ бригадъ 9-го корпуса. Въ центрѣ, у Маро-Вазарели, одна бригада 9-го корпуса, 11-й пѣхотный корпусъ и въ случаѣ надобности 1-ый кавалер. корпусъ.

Въ такомъ положеніи предполагалось провести зиму. Но движеніе нашей гвардіи и другихъ войскъ къ границамъ Галиціи заставило генер. Гессе сосредоточить войска между Броды, Лембергомъ и Пржемысломъ [3]). Съ этою цѣлью 10-й корпусъ, который стоялъ около Коломеи, приближенъ къ Злочеву и Бродамъ. Одна дивизія 2-го корпуса направлена изъ Кракова къ Ярославу, а 2-й кавалер. корпусъ остановленъ на пути, дойдя до Водовила. 1-й корпусъ

[1]) По условію съ Турціей, заключенному 2 декабря н. с. 1854 г., какъ послѣдствіе договора 14 іюля н. с., Австрія обязалась силою охранять княжества, если-бы русскія войска вторично въ нихъ вступили. Но Австрія хорошо знала, что мы и не намѣреваемся этого дѣлать.

[2]) Кн. Горчаковъ, отъ 16 (28) октября 1854 г., № 157.

[3]) Около 100 верстъ къ с.-з. отъ Лемберга. А. П.

получилъ приказаніе быть готовымъ собраться въ Моравіи. Укрѣпленіе Пржемыслъ, какъ доносилъ Штакельбергъ, имѣетъ въ виду оборону отъ нападенія со стороны долины Сана и дорогъ отъ Дуклы и Стри, а также имѣется въ виду оборона шоссе между Лембергомъ и Торноградомъ. Въ то-же время 3-й корпусъ 1-ой арміи, корпуса 5, 6, 7 и 8 составляли итальянскую армію, которая также приводилась на военное положеніе. 6-ой корпусъ, выйдя изъ Венеціи, долженъ былъ расположиться между Лейбахомъ и Винеръ-Нейштадтомъ. Шестые баталіоны депо приводились къ шестиротному составу, силою 180 чел. въ ротѣ.

Всѣ эти приготовленія должны были быть исполнены къ февралю 1855 года.

Съ помощью новаго набора, назначеннаго въ октябрѣ, изъ 100,000 человѣкъ, предполагалось сформировать два корпуса гренадеръ, изъ всѣхъ пополненныхъ гренадерскихъ баталіоновъ. Наконецъ, министръ Бахъ много хлопоталъ о сформированіи городскихъ милицій, которыя, въ случаѣ войны, могли бы исполнять гарнизонную службу въ городахъ.

Изъ сдѣланнаго обзора ясно видно, что только приближеніе, въ іюлѣ мѣсяцѣ, арміи ген. Ридигера, изъ Польши къ границамъ Галиціи, и затѣмъ опасеніе ея вторженія, вызвало напряженную дѣятельность въ штабахъ австрійскихъ военныхъ управленій, и что всѣ усилія ихъ были при этомъ направлены къ оборонѣ Галиціи и Буковины.

О войнѣ-же наступательной никто не думалъ. 4 (16) ноября [1]) гр. Буоль, въ разговорѣ, который, по словамъ кн. Горчакова, можно даже назвать сердечнымъ, сказалъ кн. Горчакову, что ему всегда казалось, что чрезмѣрное вліяніе Россіи на Востокѣ пагубно отзовется на судьбѣ Австріи, почему онъ и рѣшился поддерживать status quo, установленное трактатами, и для того сочувствовать образовавшейся противъ насъ коалиціи. Причина настоящаго поведенія Австріи заключается поэтому: 1) въ нашемъ господствующемъ вліяніи въ Константинополѣ; 2) политическое значеніе нашего покровительства надъ княжествами, что можетъ намъ открыть путь къ Константинополю, и 3) право религіознаго покровительства своимъ единовѣрцамъ въ Турціи.

Кн. Горчаковъ замѣтилъ на это, что каждый проявляетъ то вліяніе, какимъ владѣетъ. «Вы, сказалъ онъ, имѣете вліяніе въ Италіи;

---

[1]) Кн. Горчаковъ, 4 (16) ноября № 191.

Англія на моряхъ, преслѣдуя вездѣ свои торговые интересы. Мы всегда имѣли и будемъ имѣть вліяніе въ Константинополѣ».

— По столицѣ Порты угрожаетъ не Россія, прибавилъ кн. Горчаковъ, а та-же Англія, ради выгодъ торговли, и если-бы столица Порты досталась морскимъ державамъ, то изъ ихъ рукъ не легко будетъ освободить ихъ Австріи, ошибочно готовой теперь поддерживать интересы обѣихъ этихъ державъ. Что касается до протектората княжествъ, то это простой вопросъ о торжествѣ цивилизаціи надъ невѣжественною силою турокъ.

Если-бы Россія не была убѣждена, «что расширеніе ея границъ послужитъ только къ ея ослабленію, то мы не упускали бы случаевъ овладѣть Константинополемъ».

Гр. Буоль перешелъ на сердечный тонъ не безъ причины. Въ это время въ Вѣнѣ были получены свѣдѣнія о затруднительномъ положеніи союзниковъ подъ Севастополемъ и о геройской его защитѣ.

Изъ французской арміи писали 7 (19) ноября:

«Осада идетъ очень медленно, шагъ за шагомъ. Это Сизифовъ камень или бочка Данаиды (бездонная). По мѣрѣ того какъ разрушается одна изъ ихъ (русскихъ) преградъ, за нею открываются 10 другихъ, до того не замѣченныхъ. Предполагаютъ сдѣлать приступъ. Если онъ не удастся, положеніе нашей арміи зимою станетъ очень серіознымъ».

Поэтому Австрія болѣе чѣмъ когда либо боялась разрыва съ нами, не смотря на надежду союзниковъ, что между русскою и австрійскою арміями, раздѣленными только р. Прутомъ, можетъ произойти случайное столкновеніе, которое приведетъ къ войнѣ. «Англичане и французы, писалъ кн. Горчаковъ отъ 19 ноября (1 декабря) 1854 года, много разсчитывали на неизбѣжность, хотя случайнаго, столкновенія нашихъ войскъ въ княжествахъ съ австрійцами, что могло повести къ дальнѣйшимъ осложненіямъ нашихъ съ ними отношеній и послужить, можетъ быть, поводомъ къ войнѣ».

Но генералъ Гессе принялъ самыя строгія мѣры, чтобы устранить возможность всякаго столкновенія, понимая, что союзники «намѣревались устроить Австріи ловушку (piège)».

Дѣйствительно, на этотъ случай австрійцы заранѣе оговорились. Кн. Горчаковъ писалъ по этому поводу отъ 11 (23) ноября [1]):

«Если произойдетъ случайное столкновеніе русскихъ отрядовъ съ австрійскими, генералъ Коронини получилъ приказаніе ограничиться

[1]) Кн. Горчаковъ, 11 (23) ноября 1854 г.

лишь заявленіемъ факта и это не послужитъ поводомъ къ разрыву, болѣе чѣмъ когда либо нежелательному для Австріи».

До какой степени австрійцы боялись разрыва съ нами служатъ слова генер. Гессе, сказанныя кн. Горчакову: «Если произойдетъ столкновеніе, вызванное случаемъ или заносчивостію какого нибудь молодаго начальника отряда, то если-бы дѣло кончилось смертью нѣсколькихъ австрійцевъ, на это не посмотрятъ какъ на объявленіе войны».

Не желая войны, Австрія предложила еще въ августѣ свое содѣйствіе къ замиренію Россіи съ западными державами, на основаніи извѣстныхъ четырехъ пунктовъ.

Такъ какъ неизвѣстно было, приметъ ли петербургскій кабинетъ проектъ этого соглашенія, безъ измѣненій, на основаніи предлагаемыхъ пунктовъ, то въ Вѣнѣ полагали, что для побужденія Россіи сдѣлать рѣшительный шагъ къ замиренію нужно показать и свою боевую готовность.

Составивъ проектъ соглашенія на основаніяхъ четырехъ пунктовъ, гр. Буоль [1]) спросилъ кн. Горчакова 11 (23) ноября:

«Согласитесь-ли вы на такую редакцію? (по вопросу о четырехъ пунктахъ):

«Русскій императорскій кабинетъ принимаетъ четыре предложенія, сдѣланныя Австріей, какъ исходную точку переговоровъ о мирѣ».

— «Что касается до меня, отвѣчалъ кн. Горчаковъ, то ни въ какомъ случаѣ. Вы понимаете, что я не имѣю даже права самъ рѣшиться на это». Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ письмѣ къ гр. Нессельроде, князь Горчаковъ признавалъ необходимымъ согласиться на такую редакцію, предпочитая сущность дѣла его формѣ, такъ какъ это могло повліять на отношенія Австріи къ западнымъ державамъ.

Соглашаясь на предложеніе Австріи, въ сущности не противное нашимъ интересамъ, мы «разстроимъ разсчетъ западныхъ державъ, отклоняя отъ нихъ, разомъ, и Германію, и Австрію, и предупредимъ борьбу европейской противъ насъ коалиціи, могущей образоваться къ веснѣ. Гр. Буоль сказалъ мнѣ, что послѣ принятія нами четырехъ пунктовъ онъ будетъ считать себя развязаннымъ и воспротивится всѣмъ другимъ требованіямъ, идущимъ далѣе этихъ четырехъ пунктовъ, и будетъ дѣйствовать во всемъ согласно съ нашими интересами, въ смыслѣ умиротворенія (Befriedirung)».

На вопросъ кн. Горчакова, что-же это собственно значитъ?—графъ Буоль отвѣчалъ: «мы приведемъ нашу армію на мирное положеніе.

[1]) Кн. Горчаковъ, отъ 11 (23) ноября 1854 г. № 202. Мин. ин. д.

Мы удалимъ наши войска отъ вашихъ границъ. Вы будете свободны располагать всѣми вашими силами вездѣ, гдѣ найдете нужнымъ. Западныя державы не будутъ имѣть даже нашей нравственной поддержки. Словомъ, это будетъ нейтралитетъ».

Разсчитывая на нейтралитетъ Австріи, императоръ Николай согласился принять предлагаемые ею пункты, о чемъ кн. Горчаковъ и заявилъ гр. Буолю нотою отъ 16 (28) ноября. Но Австрія черезъ четыре дня послѣ этого заключила съ западными державами союзный договоръ отъ 20 ноября (2 декабря) [1]).

Тѣмъ не менѣе императоръ Францъ-Іосифъ былъ очень доволенъ принятіемъ нами этихъ основныхъ пунктовъ, хотя съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями и съ условіемъ, чтобы ничего не было прибавлено новаго къ сдѣланнымъ требованіямъ. Но представители Англіи и Франціи настаивали на необходимости разсмотрѣть этотъ вопросъ въ новой конференціи, въ которой теперь должны были принять оффиціальное участіе Австрія, какъ держава, заключившая 20 ноября (2 декабря) 1854 г. договоръ съ западными державами, и Турція, какъ воюющая сторона.

Этотъ тайный договоръ Австріи былъ опубликованъ только 2 (14) декабря 1854 г. и состоялъ въ слѣдующемъ:

1) Всѣ договаривающіяся державы обязуются не вступать съ Россіей ни въ какія отдѣльныя соглашенія, безъ заявленія о томъ предварительно договаривающимся сторонамъ.

2) Императоръ Францъ-Іосифъ, на основаніи заключеннаго 14-го іюня съ Портою соглашенія, вступаетъ въ княжества Молдавію и Валахію и обязуется защищать границы этихъ княжествъ противъ новаго возвращенія въ нихъ русскихъ силъ. Для этого австрійскія войска займутъ нужныя для того позиціи въ княжествахъ, для обезпеченія ихъ отъ нападенія.

3) Въ случаѣ возникновенія войны между Россіей и Австріей, Англія и Франція составятъ съ Австріей тройственный оборонительный и наступательный союзъ, и употребятъ свои сухопутныя и морскія силы для этой борьбы. Число войскъ и прочее опредѣлится обстоятельствами.

4) Если къ концу года миръ не будетъ заключенъ—договаривающіяся державы немедленно приступятъ къ обсужденію дѣйствительныхъ мѣръ къ его установленію.

---

[1]) «Весьма вѣроятно, говоритъ г. Бутковскій, что надменное поведеніе русскихъ побудило австрійскій кабинетъ не прерывать переговоровъ съ западными державами» (т. II, стр. 55). А. П.

Послѣдній параграфъ прибавленъ былъ уже послѣ.

Вступая въ союзный договоръ съ нашими врагами, императоръ Францъ-Іосифъ не представлялъ себѣ всей важности совершившагося факта.

23 ноября (5 декабря) 1854 г., кн. Горчаковъ телеграфировалъ гр. Нессельроде:

«Его величество устраняетъ всякую мысль о разрывѣ съ нами и надѣется только посредствомъ трактата достигнуть общаго замиренія».

Вслѣдъ затѣмъ, «изъ разговора моего третьяго дня съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ», писалъ князь Горчаковъ отъ 25 ноября (7 декабря) 1854 г. [1]), «я пришелъ къ убѣжденію, что императоръ не имѣетъ никакого представленія о важности шага, который его заставили сдѣлать (по поводу договора 2-го декабря); что онъ просто имѣлъ въ виду облегчить заключеніе общаго мира и что разрывъ съ нами, болѣе чѣмъ когда либо, становится невозможнымъ».

Кн. Горчаковъ полагалъ, что для устрашенія Австріи, съ цѣлью прямо, категорически, заставить ее высказаться и объявить себя противъ Франціи и Англіи, слѣдовало попугать ее войною, во время зимы, заручившись нейтралитетомъ Пруссіи и Германіи.

«Со стороны Галиціи и княжествъ австрійцы не готовятся къ нападенію», писалъ онъ.

Не понималъ-ли, дѣйствительно, императоръ Францъ-Іосифъ, что заключенный имъ договоръ, вмѣсто окончанія войны, послужитъ къ ея продленію, или прибѣгнулъ къ этому средству только для огражденія Австріи на случай нападенія со стороны Россіи—сказать трудно. Вѣроятнѣе предположить, что онъ былъ склоненъ къ этому договору гр. Буолемъ, именно въ видахъ опасенія приближенія нашей арміи изъ Польши къ границамъ Галиціи [2]).

Но какъ бы то ни было, считая теперь Австрію связанною союзнымъ договоромъ, Англія и Франція усиливали свои требованія относительно Россіи.

Если прежде, при неопредѣленномъ положеніи Австріи, обѣ западныя державы соглашались на предложенные ею петербургскому

---

[1]) Кн. Горчаковъ, отъ 25 ноября (7 декабря) 1854 г. Мин. ин. д.

[2]) Еще въ то время, когда кн. А. Горчаковъ объявилъ гр. Буолю о нашемъ рѣшеніи вывести изъ княжествъ наши войска, по стратегическимъ соображеніямъ, въ силу общихъ военныхъ мѣръ, гр. Буоль сказалъ: Но въ такомъ случаѣ они (войска) могутъ быть направлены и противъ Австріи? «Несомнѣнно», отвѣчалъ кн. Горчаковъ. **А. П.**

кабинету пункты, то теперь, пользуясь сдѣланными въ нихъ ничтожными измѣненіями, Англія и Франція требовали пересмотра и дополненія ихъ въ особой конференціи изъ четырехъ державъ, изъ которыхъ три были съ нами въ войнѣ, а четвертая, Австрія, была связана съ ними договоромъ. Такимъ образомъ, изъ конференціи исключалась только Пруссія, какъ военная держава, на которую мы могли хотя нѣсколько положиться, такъ какъ Пруссія, соперничая съ Австріей, была противъ ея интересовъ и, слѣдовательно, должна была, хотя морально, поддерживать Россію.

При такихъ условіяхъ мы ничего не могли ожидать хорошаго отъ собиравшейся конференціи [1]). Кн. Горчаковъ протестовалъ противъ исключенія Пруссіи изъ конференціи.

«Что вамъ до Пруссіи? возразилъ гр. Буоль. Оффиціозно она вамъ благопріятна, а оффиціально она вамъ враждебна (hostile). Къ тому-же, отъ нея самой зависитъ вступить въ конференцію, и будьте увѣрены, что она въ нее вступитъ».

— Но черезъ какія двери? спросилъ кн. Горчаковъ. Если для этого нужно будетъ принизиться, то я надѣюсь, что она сперва подумаетъ. Вы даете себѣ напрасный трудъ набирать противъ насъ новыхъ противниковъ. Если вы желаете мира, то для васъ достаточно имѣть своимъ союзникомъ одну республику С. Марино. Если-же вы имѣете претензію добиться отъ насъ уступокъ, не согласныхъ съ достоинствомъ моего государя, то соберите противъ насъ хоть всю Европу, хоть оба земныя полушарія—мы всетаки будемъ воевать.

«Императоръ Францъ-Іосифъ, писалъ кн. Горчаковъ 19 ноября (1 декабря) [2]), т. е. наканунѣ заключенія договора, искренно хочетъ мира и надѣется, что установится миръ общій, который дозволитъ ему разоружиться. Что касается до войны съ нами, то въ настоящее время онъ положительно не имѣетъ ея въ своихъ разсчетахъ. Графъ Буоль, съ своей стороны, также желаетъ мира, на основаніи четырехъ пунктовъ. Но, прежде всего, онъ не желаетъ войны Австріи съ Западомъ. Генералъ Гессе употребляетъ всѣ усилія, чтобы установить съ нами самыя лучшія отношенія, и имѣлъ съ гр. Буолемъ очень горячее столкновеніе въ совѣтѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ императоръ».

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что не только австрійскій императоръ, но и самъ гр. Буоль, дѣйствительно, искренно желали теперь не выходить изъ предѣловъ принятыхъ Россіей

---

[1]) Кн. Горчаковъ 4 (16) декабря 1854 г. Мин. ин. д.

[2]) Тоже, 19 ноября (1 декабря) 1854 г.

четырехъ пунктовъ, видя въ этомъ единственное средство достигнуть мира, и потому оба они даже отклоняли необходимость новой конференціи. Это обстоятельство едва не привело къ разрыву Австріи съ западными державами.

— «Императоръ Францъ-Іосифъ, писалъ кн. Горчаковъ отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1854 года, утверждаетъ [1]), что его чувства и надежды остались тѣ-же. Что въ актѣ о четырехъ пунктахъ онъ видѣлъ только средства замкнуть требованія западныхъ державъ въ кругъ четырехъ предложеній, и умолялъ меня (me supplie) близко принять это обстоятельство къ сердцу».

Говоря съ гр. Буолемъ по поводу конференціи о 4 пунктахъ, кн. Горчаковъ сказалъ, что результатъ этой конференціи, по вопросу о плаваніи по Дунаю и о трактатѣ 1841 г., будетъ тотъ, что соглашеніе признаютъ невозможнымъ, и тогда «конференція будетъ только прелюдіей къ кровавой драмѣ, преступной комедіей, чтобы забавляться пролитіемъ крови народовъ».

— Даю вамъ честное слово, отвѣчалъ гр. Буоль, что у насъ ничего подобнаго не было въ мысляхъ.

Послѣдствіемъ этого разговора было то, что когда Буркеней и Вестмореленъ обратились вскорѣ къ гр. Буолю, то послѣдній сказалъ имъ, что такъ какъ Россія принимаетъ условія 4 пунктовъ, то не о чемъ болѣе и говорить. Послѣ долгихъ споровъ, оба посланника объявили, что если миръ съ Россіей не будетъ подписанъ, то они потребуютъ свои паспорты.

Гр. Буоль въ испугѣ бросился къ императору, который не хотѣлъ допустить новыхъ претензій западныхъ державъ. Но гр. Буоль замѣтилъ на это, что отказъ можетъ привести къ разрыву съ западомъ, и актъ соглашенія былъ подписанъ, того-же 25-го ноября (2-го декабря), изъ опасенія, чтобы посланники Англіи и Франціи не взяли своихъ паспортовъ.

— Но имъ слѣдовало бросить въ лицо ихъ паспорты, вскричалъ ген. Гессе, узнавъ о совершившемся фактѣ.

«Политика здѣсь, писалъ кн. Горчаковъ, мѣняется не со дня на день, а съ утра до вечера. Положеніе наше осталось все то-же. Я наблюдаю его спокойно, но смотрю въ оба. Мы знаемъ, чего хотимъ, и будемъ стараться получить желаемое. Во всякомъ случаѣ, пойдемъ своимъ путемъ, съ спокойствіемъ державы, которая рѣшилась не принимать ничего изъ такихъ предложеній, которыя для нея неудобны.

---

[1]) Кн. Горчаковъ, 20-го ноября (2-го декабря) 1854 г. Мин. ин. дѣлъ.

Такимъ образомъ, въ тотъ же день, 20-го ноября (2-го декабря), когда кн. Горчаковъ, съ одной стороны, упомянулъ гр. Буолю о почти неизбѣжности войны нашей съ Австріей и отклонилъ предложеніе ея установить на зиму перемиріе съ западными державами, вѣнскій дворъ сперва принялъ нашу сторону; но когда это грозило ему разрывомъ съ западомъ—онъ подписалъ въ тотъ же день секретный договоръ, обезпечивающій Австрію на случай ея войны съ Россіей. Если-бы кн. Горчаковъ не пугалъ Австрію войною, то не было-бы и этого союзнаго договора съ западными державами.

Итакъ, Австрія вступила въ союзный договоръ 20-го ноября (2-го декабря) противъ своей воли, изъ опасенія разрыва съ западомъ. Не имѣя подъ собой никакой опредѣленной почвы, соперничая съ Пруссіею, ведя себя двусмысленно относительно Россіи, она не смѣла явно противиться западу и явно выступать противъ Россіи. Ей поэтому приходилось лавировать между Сциллою и Харибдою.

Вступивъ въ договоръ, нельзя уже было не принять и участія въ новой конференціи, по обсужденію четырехъ пунктовъ.

Поэтому новая конференція была принята Австріей, и 26-го ноября (8-го декабря) 1854 года [1]) она подписала съ западными державами новое дополнительное условіе, что «если черезъ годъ Россія не заключитъ мира съ союзниками, то всѣ три двора примутъ соотвѣтственныя рѣшенія (aviseront à des déterminations ultérieurs). «Нуженъ спокойный и сухой отвѣтъ, писалъ кн. Горчаковъ, чтобы убѣдить ихъ въ нашей твердой рѣшимости не отступать ни на волосъ».

Собственно говоря, договоръ этотъ не налагалъ на Австрію никакихъ обязательствъ. Что значитъ: принять соотвѣтственныя мѣры? Впереди цѣлый годъ времени. Что было соотвѣтственнымъ въ данную минуту, могло оказаться несоотвѣтственнымъ черезъ годъ, когда исходъ войны опредѣлится яснѣе. Еще наканунѣ подписанія этого дополнительнаго договора императоръ Францъ-Іосифъ, у котораго кн. Горчаковъ имѣлъ двухчасовую аудіенцію, утверждалъ полную независимость своей политики отъ вліянія западныхъ державъ.

На этой аудіенціи, 25-го ноября (7-го декабря) 1854 года [2]), кн. Горчаковъ сказалъ:

— Австрія можетъ занять такое положеніе, какое захотятъ западныя державы.

— «Я слишкомъ далекъ отъ такого положенія, сказалъ императоръ. Каждый останется господиномъ своей мысли (de son interprétation) и никто не повліяетъ на рѣшенія, несогласныя съ моими мыслями».

---

[1]) Кн. Горчаковъ, 26-го ноября (8-го декабря) 1854 года. Мин. ин. д,

[2]) Тоже, 25-го ноября (7-го декабря) 1854 года.

— Такъ было до заключенія вами договора съ западомъ. Но этотъ договоръ наступательнаго и оборонительнаго союза налагаетъ на васъ особыя обязанности и все мѣняетъ, и вы должны будете заставить стушеваться и ваши доводы, и вашу умѣренность, подчинивъ ихъ волѣ западныхъ державъ.

— «Я васъ могу увѣрить, что все, что мною сдѣлано, было направлено только къ заключенію мира».

— Но вы будете вынуждены дѣйствовать противъ насъ, вопреки чувствамъ и намѣреніямъ!

— «Мнѣ кажется, что вы представляете дѣло въ слишкомъ мрачномъ видѣ. Я надѣюсь, напротивъ, что мы теперь болѣе сблизились другъ съ другомъ, чѣмъ когда-нибудь. Во всякомъ случаѣ, мы сдѣлали новый шагъ впередъ для достиженія мира, а это самое главное».

— Я позволю себѣ доказать противное. Если станутъ передѣлывать на конференціи значеніе трактата 1841 года, и Англія вмѣстѣ съ Франціей потребуютъ отъ насъ территоріальныхъ уступокъ или ограниченія нашего военнаго флота на Черномъ морѣ, или чтобы мы не возобновляли укрѣпленій Севастополя—то мы не станемъ обсуждать съ министрами державъ, съ которыми мы въ войнѣ, подобнаго вздора (rêve), который взбредетъ имъ въ голову. Но если на конференціи вашъ уполномоченный выскажется въ пользу подобныхъ претензій, то это будетъ война. Если же онъ будетъ противъ, и согласія не послѣдуетъ на конференціи, то это опять будетъ война. Вотъ почему, вопреки вашимъ желаніямъ и интересамъ, вы будете вынуждены на разрывъ съ нами.

Сказавъ потомъ о своемъ искреннѣйшемъ намѣреніи избѣжать войны, кн. Горчаковъ прибавилъ, однако, что мы не отступимъ передъ нею, каковы бы ни были ея послѣдствія и въ какомъ бы числѣ ни были наши противники.

Императоръ былъ очень пораженъ этими словами и, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ:

— «Но вѣдь вашъ императоръ не высказался еще о подобныхъ случайностяхъ» (éventualités).

— Это потому, что онъ не допускаетъ даже мысли, чтобы могла найтись въ Европѣ держава, которая имѣла бы смѣлость (aurait le front) сдѣлать ему подобное предложеніе. Я самъ лично потому только снизошелъ до разсужденій по этому вопросу, что одна изъ великихъ державъ рѣшилась выставить подобныя претензіи въ печати.

Не желая злоупотреблять продолжительностію аудіенціи, кн. Горчаковъ хотѣлъ уйти.

— Нѣтъ, съ живостію сказалъ императоръ. Намъ нужно еще

поговорить. Я люблю васъ слушать. Въ минуту столь важную, какъ теперь, не нужно оставлять ни одного вопроса безъ глубокаго его изслѣдованія.

Въ продолженіе разговора, кн. Горчаковъ, между прочимъ, сказалъ:

— Положимъ, что если Англія успѣетъ сжечь нѣсколько нашихъ судовъ или разрушить нѣсколько морскихъ сооруженій, то будетъ еще имѣть возможность оправдать передъ парламентомъ свои военныя издержки. Но Людовикъ Наполеонъ, если миръ будетъ подписанъ на основаніи 4 пунктовъ, ничего не въ состояніи представить французамъ за пролитую имъ кровь и денежныя траты, кромѣ статьи въ Мониторѣ о заключенномъ мирѣ. Этого слишкомъ мало для человѣка, который хочетъ создать новую династію. Я прошу ваше величество запомнить число и сущность сегодняшняго разговора: всѣ усилія Наполеона клонятся къ тому, чтобы возбудить войну между Россіей и Австріей. Тогда онъ поспѣшитъ вернуть свои деньги и солдатъ, и каковъ бы ни былъ исходъ вашей борьбы съ нами, онъ станетъ господиномъ въ Италіи и Германіи и вы сами подготовите ему такое положеніе.

— «Я серьезно подумаю обо всемъ сказанномъ вами».

— Если ваше величество желаете знать отъ меня одну только правду, то я могу ее высказать только лично вашему величеству, какъ убѣдился въ томъ на опытѣ.

Императоръ сказалъ на это кн. Горчакову, что онъ всегда охотно готовъ его видѣть.

Но, какъ уже было сказано, участіе Австріи въ союзномъ договорѣ 2-го декабря н. с. и настоящее ея вынужденное участіе въ конференціи придало больше смѣлости представителямъ Франціи и Англіи на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ. Они начали предлагать капитальныя измѣненія относительно принятыхъ нами условій по вопросамъ религіознаго значенія и касательно нашихъ морскихъ правъ на Черномъ морѣ. Кн. Горчаковъ протестовалъ противъ такихъ измѣненій и новыхъ требованій [1]).

Буркеней и Вестмореленъ отвѣчали кн. Горчакову, что они не обязывались ничего не прибавлять къ 4 пунктамъ. Тогда кн. Горчаковъ сослался на бывшаго тутъ-же гр. Буоля, неоднократно говорившаго объ этомъ, а также на его ноту отъ 8-го августа, которою Австрія прямо обязалась не выходить изъ программы 4 пунктовъ. Въ этой нотѣ гр. Буоль заявлялъ представителямъ Англіи и Франціи,

[1]) Кн. Горчаковъ, 17-го (29-го) декабря 1854 года. Мин. Ин. Д.

что «отношенія Россіи къ Портѣ не могутъ быть прочны и опираться на солидныя основанія, если Россія не приметъ программы извѣстныхъ четырехъ пунктовъ». Затѣмъ гр. Буоль заявлялъ, что «австрійское правительство обязуется не вести переговоровъ иначе, какъ въ предѣлахъ этихъ четырехъ пунктовъ, но сохраняетъ себѣ полную свободу относительно выбора средствъ, которыя оно можетъ предложить въ видахъ установленія общаго мира, если бы Австрія была вынуждена принять участіе въ войнѣ». Здѣсь, какъ и во всѣхъ своихъ послѣдующихъ договорахъ, Австрія не называетъ стороны, противъ которой обстоятельства могутъ ее принудить начать войну: то могла быть и Россія, но также и Франція или Италія. Выборъ средствъ для достиженія общаго мира также ни къ чему не обязывалъ Австрію. Но въ настоящемъ случаѣ гр. Буоль далъ отвѣтъ, не говорившій ни да, ни нѣтъ. Кн. Горчаковъ объявилъ, что онъ не считаетъ даже нужнымъ обсуждать вопросъ, относительно «уменьшенія преобладанія Россіи въ Черномъ морѣ» и всѣ три договаривающіяся державы должны прямо и заблаговременно отказаться отъ постановки подобнаго вопроса, какъ нарушающаго самодержавныя права русскаго императора. Но требованіе кн. Горчакова не было принято. По вопросамъ религіознымъ также не послѣдовало соглашенія.

— Итакъ, вы отвергаете наши предложенія? спросилъ Вестмореленъ кн. Горчакова.

Кн. Горчаковъ отвѣтилъ, что нѣкоторые пункты онъ отвергаетъ. Гр. Буоль предложилъ ему 24 часа на размышленіе.

— Если всѣ остальные сдѣлаютъ то-же, отвѣтилъ кн. Горчаковъ, то и я готовъ на вторичное засѣданіе.

Представители Англіи и Франціи объявили тогда, что на основаніи полученныхъ ими инструкцій, непринятіе, безъ всякихъ оговорокъ, сдѣланныхъ ими требованій, будетъ считаться равносильнымъ отказу.

— Въ такомъ случаѣ, господа, отвѣчалъ кн. Горчаковъ, я ничего не имѣю вамъ прибавить, кромѣ того, что остаюсь при томъ, что сказалъ.

Гр. Буоль очень испугался такого оборота конференціи и просилъ кн. Горчакова донести, по крайней мѣрѣ, въ Петербургъ о происшедшемъ.

— Вы, отвѣчалъ кн. Горчаковъ, обращаясь ко мнѣ коллективно, сказали слишкомъ много, чтобы я могъ отвѣтить да, и слишкомъ мало, чтобы я сказалъ нѣтъ; поэтому я принимаю эту тактику къ свѣдѣнію.

Вестмореленъ сказалъ на это: для сообщенія изъ Петербурга долженъ быть назначенъ самый краткій срокъ.

— Я не принимаю ultimatum'а и самъ не ставлю его. Но въ виду разстоянія до Петербурга, нужно не менѣе двухъ недѣль для полученія отвѣта.

Это наиболѣе согласовалось съ нашимъ желаніемъ выиграть время и сдѣлать необходимыя военныя приготовленія къ войнѣ 1855 года.

IV.

На этомъ остановились наши отношенія къ Австріи въ 1854 г. Была-ли она намѣрена начать съ нами войну въ 1854 году? Вопросъ этотъ, кажется, теперь разъясненъ достаточно, и на него можетъ быть данъ одинъ только отвѣтъ—Австрія никогда не думала объявлять намъ войны и никогда не объявила бы ее въ 1854 г., ограничиваясь однѣми демонстраціями, имѣвшими единственною цѣлью побудить насъ на уступки и тѣмъ способствовать скорѣйшему замиренію въ Европѣ, такъ какъ сама Австрія не могла уже болѣе переносить вызываемаго войною напряженнаго состоянія.

Въ этомъ состояла ея политика съ самаго начала войны.

— Еще и теперь съ трудомъ вѣрится, говоритъ Кинглэкъ, что Австрія, совѣтуя Франціи и Англіи объявленіе войны Россіи, серьезно думала сама принять въ ней участіе [1]). «Другой, новѣйшій, историкъ Ротанъ такъ опредѣляетъ политику Австріи во время Крымской войны: «покровительствовать Турціи, щадить Россію, помогать Франціи и Англіи, обезпечить существованіе Германіи, сдерживать революцію въ Италіи и Польшѣ и ускорить установленіе общаго мира—такова была ея политика, которой гр. Буоль посвятилъ всѣ свои дипломатическія способности, стремясь пристать ко всѣмъ силамъ Европы, но не принимая на себя обязательства ни къ какому дѣйствію» [2]).

Только движеніе арміи Ридигера изъ Польши къ границамъ Галиціи, въ іюлѣ, заставляетъ Австрію принять нѣкоторыя, болѣе рѣшительныя, мѣры для обороны Галиціи.

Затѣмъ Австрія еще въ ноябрѣ проситъ, чтобы Ридигеръ даже для простой демонстраціи не приближался къ границамъ Галиціи.

Съ цѣлью озаботить его защитою Польши, въ Вѣнѣ вырабатывается въ это время фантастическій планъ зимней кампаніи, для вторженія въ предѣлы Россіи.

Планъ этотъ, составленный при посредствѣ французскаго вліянія, по самой своей несообразности показываетъ лучше всего, что въ Австріи никто не думалъ осуществлять его на дѣлѣ и что ему предназначалась только роль прежнихъ демонстрацій.

---

[1]) Kinglake. Eastern papers. 7 partie, p. 108.

[2]) Rothan. La Prusse et son roi.—P. 17.

Планъ этотъ, повидимому, содержавшійся въ глубокой тайнѣ, былъ, тѣмъ не менѣе, сообщенъ кн. Горчакову, какъ бы секретнымъ путемъ, но, вѣроятно, по желанію гр. Буоля.

По этому плану генералъ Гессе долженъ былъ собрать армію до 200,000 человѣкъ у Львова и вступить въ Польшу, въ пространствѣ между правымъ берегомъ Вислы и лѣвымъ берегомъ Буга, направляясь къ Брестъ-Литовску, съ цѣлію отрѣзать нашу армію въ Царствѣ Польскомъ отъ ея путей сообщенія съ внутренними провинціями.

Не говоря уже о томъ, что австрійцы не привыкли вести зимнюю кампанію, вступившая въ Польшу армія, силою не свыше 100,000 человѣкъ (такъ какъ не менѣе 100,000 чел. нужно было бы оставить въ Галиціи), задержанная такою сильною крѣпостью, какъ Брестъ-Литовскъ, была бы атакована съ обоихъ фланговъ и съ тыла нашими войсками, занимавшими Царство Польское и стоявшими на Волынѣ и Подоліи. Австрійцы были бы несомнѣнно разбиты и отрѣзаны отъ Галиціи. А потому на самый этотъ планъ можно смотрѣть не иначе, какъ на неудачное измышленіе.

Донесенія нашего военнаго агента въ Вѣнѣ также доказываютъ, что ни о какомъ наступленіи австрійцы не думали. Посланные повсюду наши агенты и достовѣрныя свѣдѣнія, полученныя самимъ Стакельбергомъ изъ вѣрныхъ источниковъ, удостовѣрили въ томъ, что всѣ пограничные австрійскіе корпуса были расположены на обыкновенныхъ зимнихъ квартирахъ, съ весьма лишь незначительными перемѣщеніями. Комплектованіе войскъ и мобилизація ожидались только къ веснѣ 1855 года, такъ какъ ноябрьскій наборъ рекрутъ былъ отмѣненъ.

Не бо́льшей достовѣрности заслуживаетъ и другой планъ, о которомъ говорили въ Австріи. Онъ состоялъ въ томъ, что австрійцы начнутъ наступленіе со стороны р. Днѣстра, въ то время какъ союзники двинутся изъ Крыма, черезъ Перекопъ, къ Одессѣ. Но Севастополь еще геройски держался, и союзники, поэтому, не владѣли Крымомъ. Къ тому же, не имѣя перевозочныхъ средствъ, двигаться зимою по безлюднымъ степямъ, не имѣющимъ дорогъ, въ Одессу, было бы предпріятіемъ, достойнымъ подвиговъ Донъ-Кихота [1].

Понятно, что Франція и Англія старались вовлечь Австрію въ войну съ Россіей. Но Пруссія и другіе члены германскаго союза

---

[1]) Напротивъ того, послѣ неудачнаго для союзниковъ штурма Малахова редута 6-го (12-го) іюня 1855 г., князь Горчаковъ получилъ отъ гр. Буоля обязательство: „защищать границы „Молдавіи и Валахіи, если союзники изъ Крыма снова обратятся на Дунай". (Rothan. 212 p.). А. П.

сильно противились такому исходу дѣла, а Австрія уклонялась отъ него всѣми возможными и даже невозможными средствами.

Баварскій министръ фонъ-деръ-Пфортенъ прямо заявилъ императору Францу-Іосифу, что положеніе дѣлъ въ Германіи приметъ сильнѣйшее напряженіе, если воспослѣдуетъ разрывъ Австріи съ Россіей или Пруссіей. Если же Австрія опасается угрозъ Франціи, то вся Германія отдастъ всѣ свои силы въ ея распоряженіе въ случаѣ дѣйствительныхъ угрозъ со стороны Наполеона.

Требованіе же Австріи предоставить ей военныя силы союза, на случай войны съ Россіей, было по настоянію Пруссіи отвергнуто сеймомъ. Съ такимъ настроеніемъ въ Германіи Австрія, volens-nolens, должна была считаться, и если она показывала видъ готовности къ войнѣ, то лишь для того, чтобы не раздражать Франціи и Англіи, производившихъ на нее давленіе. Въ сущности она избѣгала войны какъ съ ними, такъ и съ нами, и приняла бы ее только тогда, когда бы мы сами ей объявили войну.

«Страхъ, внушаемый въ Вѣнѣ увѣренностію, что мы не отступимъ передъ войной, говоритъ Жомини,—что мы готовы принять ее немедленно, былъ единственной уздой, сдерживавшей Австрію. Нашъ представитель усиливался поддержать своимъ тономъ такое убѣжденіе и просилъ императорскій кабинетъ не ослаблять его усилій».

Едва-ли можно согласиться, вполнѣ, съ такимъ заключеніемъ. Мы полагаемъ, что страхъ Австріи передъ войною съ Россіей былъ для нея не уздою, а скорѣе шпорою, которая усиливаетъ аллюръ скакуна, заставляя его напрягать свои силы.

Ужъ если не принимать во вниманіе личную рѣшимость императора Франца Іосифа избѣжать войны какъ съ нами, такъ и съ западными державами, то уздою австрійской политики была геройская защита Севастополя и трудное положеніе союзниковъ въ Крыму. Австрія задалась цѣлью — придерживаться ближе къ тому, кто окажется сильнѣе. Результатъ борьбы еще не сказался, и потому Австрія сидѣла между двухъ стульевъ, не желая сѣсть ни на одинъ изъ нихъ.

Тѣмъ не менѣе, она твердо рѣшилась не выходить изъ этого неудобнаго положенія, и напрасно кн. Горчаковъ неоднократно писалъ, что не слѣдуетъ разсчитывать на личный характеръ императора Франца-Іосифа. Напротивъ того, факты несомнѣнно показывали, что его не могли сбить съ занятой имъ позиціи ни интриги Буоля, ни хитрости Баха, ни настоянія Буркенея и Вестморелена.

Дѣло въ томъ, что онъ не хотѣлъ войны, тяготился созданнымъ ею положеніемъ и желалъ ея окончанія, почему чутко прислушивался ко всему, что могло опредѣлить ея исходъ. Словомъ, онъ не-

устанно слѣдилъ за нашими успѣхами и неудачами, также какъ и за неудачами и успѣхами западныхъ державъ, съ самаго начала ихъ высадки въ Турціи, и до паденія Севастополя. Онъ сближался то съ нами, то съ нашими врагами (кромѣ турокъ), смотря по тому, на чьей сторонѣ оказывался перевѣсъ, чтобы, не вступая ни съ кѣмъ въ войну, обезпечить себѣ выгодное положеніе по замиреніи.

Если отмѣтить числами тѣ измѣненія, которыя проявлялись въ настроеніи австрійской политики противъ насъ или за насъ, то эти числа совпадутъ съ нашими удачами или неудачами по отношенію къ Франціи и Англіи.

Въ заключеніе выскажемъ еще одно замѣчаніе. Ни въ одномъ изъ донесеній кн. Горчакова и барона Мейендорфа за 1854 годъ нѣтъ ни одного слова, указывающаго на то, что императоръ Францъ-Іосифъ и даже самъ гр. Буоль съ Вахомъ грозили намъ когда нибудь войною [1]).

Напротивъ того, кн. Горчаковъ намѣревался не разъ попугать Австрію войною, что всегда вызывало въ Вѣнѣ сильную тревогу и приводило къ принятію соотвѣтственныхъ военныхъ мѣръ.

Мы принимали эти мѣры за угрозы и, въ свою очередь, демонстрировали, что еще болѣе заставляло Австрію вооружаться.

Слѣдствіемъ этого печальнаго обоюднаго недоразумѣнія было то, что самая кампанія 1854 года велась и закончилась совершенно обратно тому, что слѣдовало сдѣлать, а это, въ свою очередь, опредѣлило тяжелый для насъ характеръ дальнѣйшей борьбы съ Западомъ и исходъ всей кампаніи до 1856 года. Многое при этомъ, конечно, зависѣло и отъ личныхъ качествъ кн. Горчакова, о которомъ говоритъ Ротанъ: «Съ гр. Буолемъ онъ говорилъ часто въ покровительственномъ тонѣ. Буркенея съ презрѣніемъ называлъ журналистомъ, такъ какъ онъ былъ прежде въ числѣ редакторовъ Journal des Débats. Когда гр. Буоль заявлялъ ему, что австрійская армія сокращается значительно, онъ, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на это благодарностію, оставался вѣренъ своимъ ошибкамъ» и пугалъ Австрію. «Никогда, говоритъ Ротанъ, никто изъ дипломатовъ не влагалъ въ свое дѣло больше огня, ума и изворотливости, также какъ и упрямства, какъ кн. Горчаковъ. Онъ любилъ бой, обладалъ пылкимъ патріотизмомъ, но ему недоставало хладнокровія, которое, какъ на войнѣ, такъ и за столомъ конференцій, обезпечиваетъ успѣхъ» [2]).

---

[1]) Обязательство по договору 2-го декабря, какъ уже замѣчено нами было лишь фиктивное.

[2]) Rothan. 208—211 p. А. П.

Становится положительно непонятнымъ, на чемъ-же было основано наше опасеніе Австріи въ 1854 году? Что положеніе ея у насъ на флангѣ было стратегически опасно—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но дѣло въ томъ, что Австрія, если бы даже желала—не могла атаковать насъ на нашей территоріи, иначе она теряла свое положеніе въ Германіи, въ силу договора отъ 8 (20) апрѣля 1854 года.

Къ тому-же, только кн. Паскевичъ, искренно или нѣтъ, постоянно высказывалъ свою боязнь относительно Австріи; но по выходѣ нашихъ войскъ изъ княжествъ, даже онъ всеподданнѣйше доносилъ отъ 29-го августа 1854 года: «по извѣстіямъ изъ Вѣны можно, кажется, утвердительно сказать, что Австрія теперь насъ не атакуетъ». Напротивъ, въ Австріи всѣ опасались, что мы вторгнемся въ ея предѣлы [1]).

Но лучшимъ доказательствомъ того, что австрійцы не намѣревались напасть на насъ, служитъ то, что когда, въ сентябрѣ 1854 г., войска наши изъ Польши (2-й корпусъ), изъ Волыни и Подоліи (4-й корпусъ), а въ декабрѣ и 3-й корпусъ изъ Бессарабіи, были, наконецъ, направлены въ Крымъ, Австрія, не смотря на совершенное почти открытіе ея границъ со стороны Россіи — осталась неподвижною и сократила свои войска.

Не оправдались слова императора Николая, писанныя князю М. Горчакову отъ 17-го сентября: «Вѣроломство австрійцевъ меня не удивитъ и, быть можетъ, они это выкажутъ на дѣлѣ, воспользовавшись отвлеченіемъ части силъ нашихъ въ Крымъ, чтобы начать наступать на насъ».

Такой взглядъ императора Николая согласовался со свойствами его характера, выраженными его собственными словами: «Меня всякій можетъ обмануть одинъ разъ—потому, что я довѣрчивъ; но кто обманулъ меня разъ, къ тому я никогда уже не буду имѣть довѣрія». Не найдя въ Австріи ожидаемой поддержки, имп. Николай склоненъ былъ теперь находить въ ней всѣ побужденія и готовность начать съ нами войну.

Опасенія на счетъ Австріи и даже Пруссіи съ Германіей не миновались и въ началѣ 1855 года. Императоръ Николай задавался даже мыслью вступить въ Галицію.

Въ запискѣ своей, въ началѣ 1855 года, объ оборонѣ границъ имперіи [2]) онъ говоритъ: «Думаю я, мы должны такъ сообразить свои

[1]) Въ Австріи въ это время даже такіе сторонники мира, какъ генералъ Гессъ, не были въ немъ увѣрены. „Россія, говорилъ Гессъ, находится въ полной готовности, и въ кратчайшее время можетъ нанести сильный ударъ имперіи“.

[2]) „Русск. Стар.“, изд. 1884 г., іюнь, стр. 525. А. П.

дѣйствія, чтобы Висла служила намъ прикрытіемъ нашего праваго фланга, до вторженія въ Галицію. Намъ слѣдуетъ угрожать потомъ лѣвому флангу тѣхъ силъ, которыя защищать будутъ Лембергъ и въ то-же время наступать съ фронта, отъ Волыни и Подоліи». Дѣйствія наши должны были ограничиться занятіемъ Галиціи и проходовъ черезъ Карпаты, не дозволяя австрійцамъ выступить изъ нихъ на сѣверную сторону.

Положеніе Пруссіи императоръ Николай также находилъ сомнительнымъ. «При первой нашей удачѣ, говоритъ онъ въ той-же запискѣ, мы увидимъ, что Пруссія, а за ней Германія, вооружатся для мнимаго спасенія Австріи».

Скорѣе можно было-бы сказать, что Австрія способна была выступить противъ насъ при нашей неудачѣ, но она и этого не сдѣлала въ 1855 году, также какъ и въ предыдущемъ.

На вѣнскихъ конференціяхъ въ 1855 году Франція убѣдилась въ полномъ нежеланіи Австріи принять участіе въ войнѣ, даже въ томъ случаѣ, если Россія не согласится на требуемое отъ нея ограниченіе силъ на Черномъ морѣ. Союзники испытывали «горькое чувство, когда видѣли, что Австрія, стоя въ іюнѣ 1855 г. готовою къ войнѣ, допустила русскихъ отправлять изъ Бессарабіи въ Крымъ дивизію за дивизіею, не предпринимая ничего на пользу союзниковъ [1])».

Словомъ, ничто не доказываетъ намѣренія Австріи дѣйствовать противъ насъ въ 1854 году вооруженною силою; напротивъ того, факты говорятъ противное.

Изъ сдѣланнаго обзора можно вывести только слѣдующее заключеніе. Сперва кн. А. Горчаковъ выражалъ свои сомнѣнія на счетъ намѣреній Австріи, смѣшивая политику гр. Буоля съ политикою императора Франца-Іосифа и попеременно высказываясь, иногда въ одинъ и тотъ-же день, то съ увѣренностію за миръ, то за явное намѣреніе Австріи объявить намъ войну; то совѣтовалъ попугать ее войною. причемъ и дѣйствительно пугалъ, чѣмъ только заставлялъ Австрію входить въ разныя соглашенія съ нашими врагами. Подобныя донесенія, въ свою очередь, вліяли на императора Николая и на князя Паскевича, не въ мѣру осторожнаго, не желавшаго наступательной войны и потому постоянно ссылавшагося на неблагонадежность Австріи. Съ другой стороны, императоръ Николай невольно подчинился вліянію кн. Паскевича, и мѣры, принимаемыя противъ Австріи, испортили всю кампанію, которая могла-бы имѣть совершенно иной исходъ.

---

[1]) Бутковскій, томъ II, стр. 75.

Чтобы доказать это, необходимо сдѣлать критическій очеркъ войны 1853—1856 гг.

Теперь-же закончимъ настоящій обзоръ приведеніемъ мнѣній лучшихъ военныхъ авторитетовъ Австріи о невозможности войны ея противъ Россіи въ 1854 году.

Генералъ Гессе подалъ въ ноябрѣ 1854 г. императору записку, въ которой указывалъ на то, что Россія можетъ выставить въ поле 820,000 человѣкъ при 2,300 орудіяхъ. Австрія можетъ собрать едва 350,000 при 1,100 орудіяхъ. Для вѣроятности успѣха войны противъ Россіи необходимо, чтобы Пруссія выставила, съ своей стороны, 200,000 чел. и 100,000 отъ германскаго союза. Затѣмъ необходимо, чтобы по сто тысячъ выставили союзники и турки. Но и это составило-бы всего силы равныя силѣ русскихъ, но безъ одушевляющаго ихъ единства. Но такъ какъ на помощь 300,000 арміи прусаковъ и германцевъ разсчитывать нельзя, то отъ наступательной войны слѣдуетъ совершенно отказаться. «Даже простая демонстрація Австріи противъ Россіи ведетъ на скользкій путь», писалъ Гессе, и потому Австрія можетъ заключить съ западными державами союзъ только оборонительный, на случай нападенія Россіи.

Фельдмаршалъ Радецкій выразилъ мнѣніе, что интересъ Австріи заключается въ обладаніи устьемъ Дуная, для чего есть одно только средство: «союзъ Австріи съ Россіей противъ Порты. Если-же Австрія сблизится съ Западомъ, то ей невозможно будетъ удержаться на Дунаѣ». Русская армія станетъ лѣвымъ флангомъ къ Аккерману, а правымъ къ Каменцу-Подольску, и будетъ парализовать всѣ наступательныя дѣйствія австрійцевъ, причемъ сама можетъ двинуться на Краковъ къ Вѣнѣ. «Австрія поставитъ тогда на карту свою будущность»—говорилъ Радецкій.

А. Н. Петровъ.

Поправки.

(См. сентябрьскую книгу „Русской Старины“ изд. 1888 г.).

						Напечатано:	Читай:
Страница	561,	строка	10	снизу		не вооружились	вооружились
„	584	„	3	„		очередь	очереди
„	673	„	21	„		не нуженъ же	не нуженъ ни
„	679	„	21	„		въ вѣрными	съ вѣрными
„	680	„	15	„		Петербургъ	въ Петербургъ
„	683	„	5	сверху		члену археографическаго института	члену археологическаго института
„	—	„	6	„		члену археологической коммиссіи	члену археографической коммиссіи
„	685	„	18	снизу		и его письма	письма Петра I
„	690	„	13	„		и всѣ письма къ кн. А. Б. Куракину	и всѣ письма кн. Степана къ кн. А. Б. Куракину
„	694	„	14	„		не достигшаго еще и 30 лѣтъ.	не достигшаго еще и 59 лѣтъ.

На стр. 668-й, въ примѣчаніи, К. И. Званцовъ мимоходомъ дѣлаетъ замѣтку, будто Н. И. Костомаровъ „документы историческіе (на польскомъ языкѣ) зналъ едва ли не по заглавіямъ только!“ Это совершенно голословно сказано. Знаменитый нашъ историкъ былъ отлично знакомъ съ польскою исторической литературою и, владѣя хорошо польскимъ книжнымъ языкомъ, обильно пользовался въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, напримѣръ, въ обширной монографіи о смутномъ времени, польскими лѣтописями, хрониками, актами и мемуарами.

Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли.

Къ его біографіи.

Сообщаемъ два еще неизвѣстныхъ письма генерала-фельдмаршала Барклая-де-Толли. Первое писано имъ черезъ три мѣсяца по удаленіи его отъ званія главнокомандующаго, августа 17-го 1812 года. Барклай-де-Толли, вызвавшій неудовольствіе въ арміи и въ общественномъ мнѣніи, былъ замѣненъ графомъ Кутузовымъ, но оставался при войскѣ въ званіи начальника первой арміи. Въ бородинскомъ сраженіи онъ командовалъ правымъ крыломъ и центромъ русскихъ войскъ, причемъ выбиралъ самыя опасныя мѣста, очевидно, ища смерти. Но желанія его не сбылись. Послѣ битвы онъ самъ писалъ объ этомъ такъ: «Не сбылось мое пламенное желаніе: Провидѣніе пощадило жизнь, которая тяготитъ меня». Вскорѣ засимъ Б.-де-Толли взялъ отпускъ и, оставивъ армію, уѣхалъ въ свое лифляндское помѣстье Бекгофъ [1]), гдѣ онъ задумалъ, выйдя въ отставку, провести остатокъ дней своихъ. Эту мысль онъ вполнѣ ясно высказываетъ въ печатаемомъ ниже письмѣ отъ 16-го ноября 1812 г. къ неизвѣстному лицу.

«Ваше высокородіе, многоуважаемый коллегіи-ассесоръ! Нѣсколько дней тому назадъ я благополучно пріѣхалъ сюда въ свою деревеньку, и чувствую себя довольнымъ, какъ человѣкъ, отъ бурнаго бушующаго моря укрывшійся въ тихую пристань. Теперь мнѣ только не достаетъ моей полной отставки, чтобъ стряхнуть съ себя все, что только можетъ напомнить о прошедшемъ, и облачиться въ простую одежду земледѣльца. Но при всемъ томъ я не хочу оставаться въ невѣдѣніи всего того, что происходитъ въ политическомъ мірѣ, и потому

---

[1]) Бекгофъ находится въ Лифляндіи, къ сѣверу отъ городка Валка; оно досталось Барклаю де-Толли въ приданое за женою Еленою-Августою Смиттенъ. Здѣсь же находится могила князя съ великолѣпнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ ему женою. Неподалеку холмъ, насыпанный надъ трупомъ боевой лошади генерала. П. В.

прошу васъ, буде только это возможно, озаботиться о присылкѣ мнѣ «Петербургской Газеты», «Сѣверной Почты» и «Лондонскаго Курьера» на французскомъ языкѣ... Адресъ мой: въ дерптскую почтовую контору.

Съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть вашъ покорнѣйшій слуга Барклай-де-Толли» [1]).

Однако, какъ извѣстно, Б.-де-Толли не взялъ отставки, самъ императоръ Александръ упрашивалъ полководца остаться при войскѣ, говоря, что ему, конечно, представится не одинъ случай доказать свои дарованія: «которымъ вообще начинаютъ отдавать справедливость».

Въ 1813 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи въ армію Б.-де-Толли, на мѣсто Витгенштейна, онъ получилъ званіе главнокомандующаго. Во время наступившаго затѣмъ перемирія Б.-де-Толли занялся устройствомъ арміи, а по открытіи военныхъ дѣйствій присоединился къ главнымъ союзнымъ войскамъ, предводителемъ коихъ былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ Шварценбергъ.

1-го января 1814 года послѣдніе отряды союзной арміи вступили во Францію, а 10-го — главная квартира была уже въ Лангрѣ. Отсюда-то и писано второе печатаемое нами письмо Б.-де-Толли. Хотя письмо это и помѣчено 15-мъ января 1813 г., но мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что это описка, ибо Б.-де-Толли никоимъ образомъ не могъ быть въ Лангрѣ съ войсками въ январѣ 1813 г., такъ какъ въ это время войска наши находились еще только на берегахъ Нѣмана и Вислы. Итакъ, приведенное нами письмо писано 15-го января 1814 г., а не 1813 г. Кому писано интересное и характерное письмо это — неизвѣстно; оно находилось между автографами разныхъ лицъ и писано, какъ и первое, рукою князя.

---

[1]) Текстъ собственноручнаго письма на нѣмецкомъ языкѣ:

Beckhoff d. 16 Nov. 1812.

Hochwohlgebohrner Herr! Hochzuverehrender Herr Collegien-Assessor! Vor ein Paar Tagen bin ich glücklich hier auf meinem Dörfchen angekommen und fühle mich zufrieden, wie einer der von einem stürmischen und tobenden Meere sich in einen ruhigen Hafen gerettet hat. Mir fehlt jetzt nichts, als nur noch meine völlige Entlassung um Alles, wass mich an die Vergangenheit erinnern kann, abzulegen und mich ganz in das einfache Gewand eines Landmannes zu hüllen.

Ich wünschte bei allem dem doch nicht so ganz unwissend mit Allem was in der politischen Welt geschieht zu bleiben und daher bitte ich Sie, wenn es möglich ist, mir die „Petersburger Zeitung“, die „Сѣверная Почта“ und den „Londoner Courier“ im Französischen zu verschaffen... Die Adresse an mich ist an das dörpatsche Postcomptoir...

Mit vollkommener Achtung habe ich die Ehre zu sein Ihr ergebener Diener Barclay-de-Tolly.

Лангръ, 15-го января 1813 (1814) г.

«Съ удовольствіемъ получилъ я ваше посланіе и благодарю васъ за сообщеніе нѣкоторыхъ столь интересныхъ для меня извѣстій. Если я вамъ не отвѣчалъ ранѣе, то припишите это морю дѣлъ, осаждающихъ меня. Какъ видите, мы теперь во Франціи и только въ 60-ти миляхъ отъ Парижа; передовые отряды уже бо̀льшею частью около Труа и Шалони. Такимъ образомъ мы видимъ себя почти у цѣли. Дай, Господи, чтобы скоро все было довершено, такъ какъ мы нуждаемся въ покоѣ. Я бы хотѣлъ знать, что теперь скажутъ всѣ эти гнусные льстецы, которые, не зная причинъ моихъ дѣйствій, были достаточно дерзки—публично высказывать относительно меня приговоръ свой.

Если Россія, какъ возрожденная, выйдетъ изъ этой борьбы, покрытая безсмертною славою, и поднимется до высшей ступени значенія и могущества, то причину этого надо искать въ планѣ кампаніи 1813 года, начертанномъ съ предусмотрительностью и остроуміемъ. Особенно же въ твердости и неуклонности нашего императора, выносливому терпѣнію и неутомимому попеченію котораго мы обязаны этимъ еще никогда невиданнымъ и неслыханнымъ феноменомъ, что такая огромная и сложная коалиція до сей поры еще существуетъ и съ энергіей преслѣдуетъ все ту же цѣль...» [1]).

Барклай-де-Толли.

---

[1]) Текстъ письма:

Langre, 15 Jan. 1813.

Mit Vergnügen habe ich ihr Schreiben erhalten und danke Ihnen für die Mittheilung einiger für mich so interessanter Nachrichten. Wenn ich Ihnen nicht früher geantwortet habe, so schreiben Sie es dem Meere von Geschäften, die mich belagern, zu. Wie Sie sehen sind wir jetzt in Frankreich und nur noch mit dem Hauptquartier 60 Lieus von Paris; die Vortruppen sind meistens schon bei Troyes und Chalons. Wir können uns also fast am Ziele unserer Arbeit sehen. Der Himmel gebe dass dies Alles bald realisiret werde, denn wir brauchen Ruhe. Ich möchte wissen was jetzt alle die niederträchtigen Speichel-Lecker, die, ohne die Motive meines Handelns zu wissen, dreist genug waren ihr Urtheil öffentlich über mich zu fällen, jetzt sagen mögen. Wenn Russland aus diesem herrlichen Kampfe wie neugebohren mit unsterblichem Ruhm sich auf die höchste Stufe des Ansehens und der Macht heraufschwingt, ist der Grund dazu in dem, mit Scharfsinn entworfenen Plan zur Campagne von 1813 zu suchen. Besonders aber in der Festigkeit und Standhaftigkeit unseres Kaisers, dessen ausdauernder Geduld und unermüdeter Sorgfalt wir auch das noch nie gehörte und gesehene Phänomen zu verdanken haben, dass eine so mächtige und complicirte Coalition bis jetzt noch besteht und mit Energie zu einem und demselben Zwecke wirkt... Barclay-de-Tolly.

Барклай-де-Толли умеръ 14-го мая 1818 года. Потомство оцѣнило его: монументы изъ камня и бронзы поставлены ему въ Петербургѣ, Дерптѣ и Регенбургской Валгаллѣ, а нерукотворный памятникъ воздвигнуть величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ, чуткимъ до всякаго величія души и мысли. Всѣмъ, конечно, извѣстно знаменитое стихотвореніе Пушкина «Полководецъ».

Да позволитъ намъ читатель припомнить ему нѣкоторыя строки изъ этого стихотворенія, къ которымъ напечатанныя письма представляютъ комментарій, полный значенія.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могучимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ, наконецъ,
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!

Сообщ. проф. П. А. Висковатый.



ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ

род. 1788 г. † 1850 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

XIV [1]).

Мои острогожскіе друзья и занятія.

Прошло два года. Я пріобрѣлъ репутацію хорошаго учителя. У меня было много учениковъ и цѣлая школа дѣтей обоего пола, собиравшаяся въ домѣ бургомистра, купца Пупыкина. Главное и, вѣроятно, единственное достоинство моего преподаванія заключалось въ томъ, что я не заставлялъ дѣтей безсмысленно затверживать уроки наизусть, а прежде всего старался пробудить въ нихъ охоту и интересъ къ ученію. Помимо этого, у меня не было никакой обдуманной системы, никакихъ педагогическихъ пріемовъ. Многіе изъ моихъ учениковъ были мои однолѣтки, но мнѣ удавалось съ ними ладить и дѣло такимъ образомъ шло у меня, по крайней мѣрѣ, гладко.

Вознагражденіе мое, конечно, не могло вполнѣ обезпечить нашу семью, но оно служило большимъ подспорьемъ и во всякомъ случаѣ избавляло отъ крайней нужды. На меня смотрѣли уже какъ на взрослаго, хотя мнѣ только что минуло шестнадцать лѣтъ. Я считался чуть не особою въ нашемъ муравейникѣ. Со мной искали знакомства. Меня ласкали въ интеллигентномъ кружкѣ города. Мною не брезгали такія вліятельныя лица, какъ: купецъ Василій Алексѣевичъ Должиковъ, предводитель дворянства Василій Тихановичъ Лисаневичъ, дворянинъ Владиміръ Ивановичъ Астафьевъ, купецъ Димитрій Ѳедорычъ Пановъ, смотритель

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, августъ, стр. 305—341; сентябрь, стр. 483—524; т. LX, октябрь, стр. 61—83.

училища Өедоръ Өедоровичъ Ферронскій, протоіерей Сцепинскій, соборный священникъ Михаилъ Подзорскій.

Никого изъ нихъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но память о нихъ жива въ моемъ сердцѣ. Ихъ теплому участію, гуманному забвенію моего гражданскаго ничтожества, ихъ снисхожденію къ моимъ юношескимъ, часто невоздержнымъ, стремленіямъ и, наконецъ, великодушному содѣйствію и отрезвляющему вліянію обязанъ я тѣмъ, что не изнемогъ въ борьбѣ съ судьбою, не утонулъ, такъ сказать, въ самомъ себѣ, въ безднѣ безплоднаго самосозерцанія, не утратилъ вѣры въ добро, въ людей, въ самого себя. Я жилъ въ ихъ средѣ. Ихъ общество было моимъ. И теперь, на склонѣ лѣтъ, проходя мысленно совершенный мною съ тѣхъ поръ длинный путь, я съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаю, какъ много обязанъ имъ. Они первые протянули мнѣ руку помощи и помогли подняться на тѣ ступени общественной лѣстницы, гдѣ я, наконецъ, могъ безнаказанно считать себя человѣкомъ.

Но не многіе изъ этихъ друзей моихъ и благодѣтелей могли похвалиться благоустройствомъ собственныхъ дѣлъ и своего внутренняго міра. Щедро надѣливъ ихъ умомъ и качествами сердца, природа не позаботилась помѣстить ихъ въ соотвѣтственную ихъ наклонностямъ среду. Ихъ честныя натуры не могли мириться съ бюрократическою грязью и крѣпостническимъ произволомъ — этими двумя язвами ихъ современнаго общества. Въ нихъ закипалъ протестъ, а рядомъ гнѣздилось сознаніе полнаго безсилія измѣнить къ лучшему существующій порядокъ вещей. Отсюда внутренній разладъ, который прививалъ имъ какъ бы несвойственныя ихъ общему характеру черты и оригинальныя особенности—иногда достойныя пера Диккенса или карандаша Гогарта.

Вотъ хоть, напримѣръ, Астафьевъ. Стараго дворянскаго рода, онъ принадлежалъ къ аристократамъ уѣзда. Высшее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, гдѣ у него были связи, и тамъ же началъ службу, которая по всему обѣщала ему блестящую карьеру: онъ всего двадцати четырехъ лѣтъ уже былъ коллежскимъ ассесоромъ. И вдругъ, безъ всякой видимой причины, бросилъ онъ службу, связи и скрылся въ родную провинціальную глушь.

Тамъ его приняли съ распростертыми объятіями и избрали

въ предводители дворянства. Красивый, остроумный, свѣтски-развязный, онъ яркой звѣздой засіялъ на сѣренькомъ фонѣ провинціальнаго захолустья и сталъ производить жестокія опустошенія въ сердцахъ уѣздныхъ барышенъ. Одна, и увы! самая некрасивая, страстно влюбилась въ него. Истощивъ всѣ усилія понравиться, она прибѣгла къ послѣднему средству—къ великодушію побѣдителя—и повѣдала ему о своей страсти.

Барышня обладала значительнымъ состояніемъ; Астафьевъ уже спустилъ свое. Тронутый признаніемъ, а еще больше приданымъ дѣвушки, но не желая обманывать ее, онъ прямо сказалъ ей: „Я не прочь быть вашимъ мужемъ, но любить васъ не могу. Рѣшайте сами, стоитъ ли вамъ за меня идти". Барышня нашла, что стоитъ. Бракъ былъ заключенъ и оказался не изъ самыхъ несчастныхъ. Астафьевъ, разумѣется, не былъ нѣжнымъ мужемъ, но по добротѣ своей не могъ быть и жестокимъ къ беззавѣтно преданному существу. За то съ приданымъ жены онъ обошелся уже совсѣмъ безцеремонно.

Тѣсныя рамки провинціальной жизни скоро оказались узкими для широкой натуры Астафьева. Общественная служба также мало удовлетворяла его, какъ и государственная. Онъ былъ врагъ неясныхъ положеній. Ему претила всякая фальшь, а ея не обобраться было при отправленіи предводительскихъ обязанностей и въ столкновеніяхъ съ губернскими властями. Неспособный кривить душой, онъ предпочелъ удалиться отъ дѣлъ. Имъ овладѣла безъисходная тоска и онъ предался разгулу. Скоро и отъ состоянія его жены, какъ прежде отъ собственнаго, не осталось слѣдовъ.

Мое знакомство съ нимъ состоялось гораздо позже. Ему уже стукнуло пятьдесятъ, онъ успѣлъ овдовѣть и жилъ бездѣтнымъ бобылемъ. Онп былъ ходатаемъ по тяжебнымъ дѣламъ и зарабатывалъ настолько, что могъ жить прилично и съ комфортомъ. Наружность его и манеры, не смотря на бурно проведенную молодость, сохраняли еще слѣды свѣтскаго лоска. Онъ былъ мягокъ, привѣтливъ, очень начитанъ и прекрасно говорилъ, не смотря на сиплый голосъ — слѣды прежнихъ и настоящихъ попоекъ. Онъ зналъ много анекдотовъ о дѣятеляхъ временъ Екатерины и разсказывалъ ихъ не безъ соли. Свободное отъ хожденія по дѣламъ время Владиміръ Ивановичъ проводилъ въ разъ-

ѣздахъ по уѣзду, отъ одного помѣщика или хуторянина къ другому. Его вездѣ охотно принимали.

И вдругъ для добраго, умнаго, тонко-образованнаго Астафьева наступали періоды глубокаго паденія: онъ пилъ запоемъ. Періоды эти всегда являлись въ опредѣленное время и имѣли правильное теченіе. Съ наступленіемъ ихъ Владиміръ Ивановичъ запирался у себя дома, почти никого не принималъ и ни днемъ, ни ночью не разставался съ бутылкою. Но проходилъ извѣстный срокъ и Астафьевъ, точно отбывъ непроизвольную повинность, принималъ свой обычный образъ и являлся тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: честнымъ, благороднымъ, немножко гордымъ и изысканно-любезнымъ.

Впрочемъ, онъ и въ припадкахъ жестокаго недуга сохранялъ привычки человѣка хорошаго тона. Онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно лежалъ въ постели, посреди вполнѣ приличной обстановки. Комната его была, какъ всегда, щегольски прибрана. На столикѣ, возлѣ кровати, въ обычной симметріи красовались бездѣлушки: ящички, табакерки, статуэтки. На другомъ столѣ лежали книги, бумаги, письменныя принадлежности. Нигдѣ ни пылинки. Самъ онъ не представлялъ ничего отталкивающаго: онъ никогда не напивался до полной потери сознанія и не утрачивалъ своей благовоспитанности. Пьяный Астафьевъ только какъ бы дополнялъ Астафьева трезваго: онъ становился живѣе, остроумнѣе, многорѣчивѣе, глубокомысленно разсуждалъ, философствовалъ, все время прищелкивая въ тактъ пальцами.

Въ городѣ всѣ знали, но охотно прощали ему несчастную слабость. Да она въ сущности нисколько и не уменьшала его цѣны. Отъ нея не страдали ни его опытность, ни знаніе свѣта и людей, ни тонкій тактъ, ни здравое, безпристрастное сужденіе. Все это были сокровища, которыми, при его безграничной добротѣ, всѣ могли безпрепятственно пользоваться, не меньше чѣмъ и кошелькомъ его — и пользовались. Бѣдный, славный чудакъ!

Другой очень близкій мнѣ человѣкъ—смотритель училища, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ферронскій, могъ быть поистинѣ названъ многострадальнымъ. Ему приходилось на триста рублей ассигнаціями содержать большую семью: жену и пятерыхъ дѣтей — двухъ дѣвочекъ-подростковъ и трехъ сыновей, въ томъ числѣ

одного идіота. Жена его, умная, добрая, въ свое время красивая, уже болѣе десяти лѣтъ страдала неизлечимою болѣзнью, которая приковывала ее къ постели. Все семейство, за исключеніемъ одного невмѣняемаго члена, было милое и благовоспитанное. Старшій сынъ, Никандръ, состоялъ учителемъ въ низшемъ классѣ или отдѣленіи училища и получалъ всего полтораста рублей.

Не понимаю, какъ всѣ они существовали, особенно подъ конецъ каждаго мѣсяца, когда истощалось жалованье. Въ домѣ, бывало, хоть шаромъ покати: ни хлѣба, ни денегъ. А больная мать семейства нуждалась и въ тарелкѣ бульона, и въ чашкѣ чаю, и въ лекарствѣ. Жалко было тогда смотрѣть на старика Ферронскаго. Добрые люди, чѣмъ могли, помогали ему, но сами они были большею частью бѣдняки.

Въ отчаяніи, не зная буквально, чѣмъ утолить голодъ семьи, старикъ въ заключеніе прибѣгалъ къ займу изъ казеннаго сундука—всегда, конечно, съ твердымъ намѣреніемъ, при первой возможности, вернуть взятое. Но возможность никогда не представлялась и бѣдному старику много разъ грозила опасность попасть подъ уголовный судъ. Его всякій разъ выручалъ изъ бѣды почетный смотритель, Сафоновъ, который, передъ ревизіей, изъ своего кармана пополнялъ казенный недочетъ. Изрѣдко отцу или сыну набѣгали частные уроки и тогда имъ относительно свободнѣе дышалось.

Училище, во главѣ котораго стоялъ Ферронскій, было въ плохомъ состояніи—какъ и всѣ казенныя учебныя заведенія до 1836 года, когда императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ имъ новые штаты и ввѣрилъ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія Уварову. Мы говорили выше о недочетахъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ и о причинахъ его упадка. Штатный смотритель тутъ былъ не при чемъ: онъ, напротивъ, являлся главнымъ страдательнымъ лицомъ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей, какихъ я когда либо знавалъ—человѣкъ съ такимъ трезвымъ, просвѣщеннымъ умомъ, съ такими ясными воззрѣніями на жизнь и на общество, съ такимъ, наконецъ, благородствомъ сердца, что можно бы и въ наше прогрессивное время пожелать побольше такихъ, не только штатныхъ смотрителей, но и директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Оба Ферронскіе были очень расположены ко мнѣ. Молодой, нѣсколькими годами старше меня, при дюжинномъ умѣ, отличался замѣчательною даровитостью. У него была счастливая наружность, звучный пѣвучій голосъ и рѣдкая способность къ подражанію: изъ него могъ бы выйти отличный актеръ. Онъ и мечталъ о сценѣ, но, лишенный энергіи, не съумѣлъ выбиться изъ колеи, въ которую его первоначально втолкнула судьба. Онъ до конца жизни, безъ успѣха, пробавлялся учительствомъ.

И эти-то люди, при всей своей убогости, распространяли вокругъ себя столько тепла и любви, что ихъ хватало не только на собственную семью, но и на многихъ, еще болѣе обездоленныхъ, чѣмъ они сами. Такъ было и со мной. Они меня принимали у себя, ласкали, снабжали книгами. И это въ то самое время, какъ я, такъ сказать, стоялъ у нихъ на пути и отбивалъ хлѣбъ моими учительскими подвигами. Между тѣмъ старшему Ферронскому ничего не стоило бы утопить меня и ему даже представлялся удобный случай. Но объ этомъ послѣ.

Было у меня еще одно дружеское семейство—Должиковыхъ. Глава его, Василій Алексѣевичъ, вспоминается мнѣ теперь какъ самый выдающійся человѣкъ въ нашемъ краю. Все въ немъ поражало, не исключая и наружности. По виду никто не призналъ бы въ немъ русскаго купца, типическія черты котораго обыкновенно такъ рѣзко бросаются въ глаза. Вотъ онъ, какимъ я увидѣлъ его въ первый разъ на одной изъ острогожскихъ улицъ. Онъ шествовалъ—именно шествовалъ, а не шелъ, этотъ величественный старецъ, съ цѣлымъ каскадомъ сѣдыхъ волосъ вокругъ красиваго, съ тонкимъ профилемъ лица—прямой, крѣпкій, какъ мощный дубъ, выросшій на сочной малороссійской почвѣ. И теперь еще помню, какъ забилось у меня сердце: точно передо мной во очію явился одинъ изъ героевъ идеальнаго міра, въ которомъ я вращался до одуренія. Я съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ и восторженнымъ изумленіемъ слѣдилъ за нимъ глазами, пока онъ не скрылся за уголъ, и потомъ весь день не могъ придти въ себя.

Василій Алексѣевичъ Должиковъ учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, откуда вынесъ, кромѣ знанія латинскаго языка, и еще кое-какія свѣдѣнія. Но откуда взялъ онъ этотъ благородный тонъ, этотъ замѣчательный тактъ, эти величественныя ма-

неры и видъ мудреца, спокойно и сознательно совершающаго свой путь въ жизни. Толкуйте послѣ того о преимуществахъ, будто бы прирожденныхъ той или другой кастѣ!

Меня онъ пригрѣлъ и приручилъ какъ никто. Рѣдкій день не бывалъ я у него. Передъ нимъ легко и свободно раскрывалась моя душа. Онъ, этотъ всѣми уважаемый старикъ, такъ превышавшій меня годами, опытомъ и гражданскими заслугами, всегда терпѣливо и участливо выслушивалъ мой пылкій и часто задорный лепетъ.

Василій Алексѣевичъ былъ либералъ и прогрессистъ, хотя ни онъ, ни кто другой тогда этихъ словъ не употребляли. Онъ ненавидѣлъ рабство и жаждалъ кореннаго измѣненія въ нашемъ государственномъ строѣ, сочувствовалъ либеральному движенію въ Европѣ, скорбѣлъ о неудачныхъ попыткахъ итальянскихъ патріотовъ и радостно привѣтствовалъ первые порывы къ свободѣ въ Греціи. Я не отставалъ отъ него — по части энтузіазма, конечно, а не осмысленности взглядовъ и стремленій. Послѣ одной изъ бесѣдъ съ нимъ, воодушевленный послѣдними вѣстями изъ Греціи, я провелъ ночь въ сочиненіи проекта воззванія къ возставшимъ грекамъ отъ имени ихъ героя-вождя Ипсилантія. На слѣдующее утро я прочелъ воззваніе Василію Алексѣевичу. Онъ съ простодушіемъ юноши увлекся моей мечтой и, въ свою очередь, предлагалъ разныя дополненія и измѣненія къ моему проекту.

А какъ хороши были наши бесѣды въ загородномъ саду Должиковыхъ! Василій Алексѣевичъ самъ его распланировалъ, насадилъ и съ любовью слѣдилъ за каждымъ деревомъ и кустомъ. Садъ находился недалеко отъ Острогожска. Въ лѣтніе и весенніе вечера мы часто отправлялись туда съ нимъ, вдвоемъ, располагались на травѣ подъ молодымъ дубкомъ или яблонью — и куда, куда только не заносились въ мечтахъ! Я, по обыкновенію, углублялся въ лабиринтъ запутанныхъ отвлеченностей, а онъ съ тактомъ выводилъ меня на путь трезвой дѣйствительности и исторической правды. Въ заключеніе добрый Василій Алексѣевичъ вспоминалъ, что шестнадцатилѣтній юноша съ ненасытнымъ желудкомъ никогда не отказывается отъ приправы духовной пищи земными плодами, и снабжалъ меня на возвратный путь разнообразными произведеніями своего сада — смотря по времени года.

Должиковъ былъ одно время городскимъ головой въ Острогожскѣ и успѣлъ сдѣлать много полезнаго. Онъ особенно заботился объ улучшеніи быта бѣднѣйшихъ жителей. Кому была нужда въ помощи или защитѣ, никогда не прибѣгалъ къ нему напрасно. За то и любили же его бѣдные и угнетенные! Но среди собственнаго купеческаго сословія у него было много враговъ. Не ласково смотрѣли на него и губернскія власти: онъ съ ними былъ въ открытой оппозиціи, ратуя за интересы города. Въ заключеніе эти двѣ темныя силы—купеческій и чиновничій людъ—соединились, чтобы сломить его. Съ помощью клеветы и разныхъ каверзъ имъ удалось притянуть Должикова къ суду. Онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе головы, но не смирился, и когда отчаялся въ правосудіи воронежскихъ и рязанскихъ судей, производившихъ его дѣло, перенесъ послѣднее въ Москву.

Семья Должиковыхъ представляла картину рѣдкаго домашняго счастья. Жена Василія Алексѣевича, Прасковья Михайловна, была точно нарочно для него создана. Въ ней любящее сердце шло объ руку съ тонкимъ, удивительно здравымъ умомъ. Сдержанная, немного холодная, даже величавая въ обращеніи, она съ перваго взгляда производила то впечатлѣніе, что къ ней не легко подступиться. И, дѣйствительно, она не давала даромъ своего расположенія, но была разборчива въ выборѣ не только друзей, но и знакомыхъ. Но если вы уже получали доступъ въ ея домъ, то находили тамъ самый радушный и искренній пріемъ. Разговоръ съ ней былъ не только пріятенъ, но и поучителенъ. Усѣянный блесками юмора и оригинальныхъ мыслей, онъ доставлялъ истинное наслажденіе.

Въ домѣ и въ семьѣ Прасковья Михайловча распоряжалась властно, но никогда не злоупотребляла своею первенствующею ролью. Въ ея хозяйствѣ все дѣлалось тихо, спокойно, точно само собой, безъ торопливости и суеты, безъ вѣчныхъ выговоровъ и наставленій съ одной стороны и тайнаго или явнаго ропота съ другой. У ней не было крѣпостныхъ слугъ, хотя она, по примѣру другихъ богатыхъ купцевъ, могла бы имѣть ихъ, записывая на чужое имя. Но ей служили лучше, усерднѣе, честнѣе, чѣмъ любой изъ завзятыхъ помѣщицъ, окруженныхъ толпою холоповъ.

Дочерей она воспитала въ уваженіи семейныхъ преданій и обязанностей. Онѣ не умѣли болтать по французски, но при содѣйствіи и руководствѣ умной матери достигли достаточнаго развитія, особенно старшая, которая много и со смысломъ читала. Младшая любила музыку и ей дали средства развить свой вкусъ. Третья дочь, въ мое время, была еще ребенкомъ.

Изъ пяти сыновей Должиковыхъ два были уже взрослые. Старшій, Александръ, завѣдывалъ дѣлами внутренняго хозяйства и управлялъ пивоварнею, которая снабжала пивомъ всю губернію. Младшій, Михаилъ, занимался внѣшними дѣлами. Онъ велъ торговлю, ходилъ по присутственнымъ мѣстамъ и былъ въ частыхъ разъѣздахъ, въ Воронежѣ, Рязани, Москвѣ. Онъ тоже страстно любилъ музыку, изучалъ ее и даже въ Москвѣ пользовался репутаціей хорошаго скрипача. Я больше сходился съ Михаиломъ: онъ былъ живѣе и сообщительнѣе. Братъ его весь ушелъ въ хозяйственныя заботы.

Послѣ долгихъ судебныхъ мытарствъ старикъ Должиковъ восторжествовалъ надъ совокупными кознями враговъ и пристрастныхъ судей. Онъ былъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій по превышенію власти и самоуправству и, къ великому удовольствію острогожскихъ гражданъ, съ почетомъ возстановленъ въ званіи головы. Но день побѣды оказался роковымъ для него. Взволнованный, онъ произносилъ рѣчь, въ которой излагалъ программу своей будущей дѣятельности. Онъ съ увлеченіемъ говорилъ о нуждахъ города, перечислялъ его средства, настаивалъ на необходимости отвести приличное помѣщеніе подъ училище, немедленно приступить къ сооруженію мостовой и такъ далѣе. Онъ разгорячился и не замѣтилъ, что все время стоялъ на сквозномъ вѣтру. Возвратясь домой, онъ почувствовалъ себя нездоровымъ, слегъ и на седьмой день умеръ отъ нервной горячки. Ему было всего 60 лѣтъ.

Общество такихъ людей, ихъ ласка, гостепріимство еще больше подстрекали во мнѣ стремленіе къ самообразованію. Но удовлетворять его я могъ только однимъ чтеніемъ, которому теперь предавался уже съ бо̀льшимъ смысломъ и даже подчинилъ его извѣстной системѣ. Я не только читалъ, но и дѣлалъ выписки изъ читаннаго, писалъ о нёмъ свои разсужденія.

Книгами меня наперерывъ снабжали друзья и покровители.

Ихъ было много у Сцепинскаго, Подзорскаго, Долженкова и Панова — почти исключительно серьезнаго содержанія. Романы къ этому времени утратили для меня свою прелесть: я успѣлъ пресытиться ими и умъ мой искалъ болѣе существенной пищи. Я и нашелъ ее, напримѣръ, въ „Созерцаніяхъ природы“ Боннета, въ „Метафизикѣ и Логикѣ“ Христіана Баумейстера, въ толстотомныхъ юридическихъ изслѣдованіяхъ Юсти, въ „Духѣ Законовъ“ Монтескье и т. д. Сильно занимала меня, между прочимъ, „Исторія моего времени“ Фридриха Великаго, который и сталъ на время моимъ любимымъ героемъ.

Свѣдѣнія по части всеобщей исторіи я почерпалъ изъ Роллена, въ переводѣ Третьяковскаго, и изъ Миллера. Русскую исторію я плохо зналъ. У меня не было для изученія ея другихъ источниковъ, кромѣ учебника, принятаго тогда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но не всѣ книги, которыя до меня доходили, были одинаково доступны моему все-таки плохо дисциплинированному уму. Такъ было, между прочимъ, съ „Исторіею философскихъ системъ“ Галича, вышедшей въ 1818 году. Я получилъ ее отъ Ферронскаго и съ жадностью набросился на нее, полагая, что она сразу раскроетъ мнѣ всю глубину человѣческой мудрости. Но увы! Книга эта, по сжатости и способу изложенія, мало доступна и людямъ, гораздо лучше подготовленнымъ, чѣмъ былъ я, къ усвоенію себѣ философскихъ умозрѣній. Не мудрено, если я становился втупикъ передъ многими изъ ея параграфовъ и, какъ оглашенный, напрасно стучался въ двери закрытаго для меня храма.

Вотъ въ такихъ-то случаяхъ особенно возставала передо мной, во всей своей чудовищной наготѣ, несправедливость моего общественнаго положенія. Оно закрыло мнѣ доступъ въ гимназію и продолжало закрывать дальнѣйшіе пути къ знанію, къ свѣту. А непокорный умъ не переставалъ тѣмъ временемъ вызывать передо мной соблазнительный миражъ университета.

Какъ могло это быть, особенно послѣ пережитаго опыта съ гимназіей — я самъ не знаю. Но въ сердцѣ моемъ постоянно таилась искра надежды, что въ концѣ концовъ онъ отъ меня не уйдетъ, этотъ желанный, повидимому недоступный, университетъ. Впрочемъ, искра эта рѣдко разгоралась до степени яснаго

сознанія. Она гдѣ-то глубоко тлѣла и меня всего чаще посѣщали минуты мрачнаго отчаянія. Я поникалъ головой, тоска сжимала сердце....

Нѣтъ, никто и ничто не можетъ передать тѣхъ нравственныхъ мукъ, путемъ которыхъ шестнадцатилѣтній юноша, полный силъ и, надо сказать, мужества, дошелъ до мысли о самоубійствѣ и въ ней одной нашелъ успокоеніе. Она свѣтлымъ лучемъ запала мнѣ въ душу и сразу подняла мой духъ. „Нѣтъ, сказалъ я себѣ, такъ не годится: этому не бывать! Пусть я не самъ себѣ господинъ, пусть я ничто въ глазахъ людей и ихъ законовъ! У меня все же есть одно право, котораго никто не въ силахъ лишить меня: это право смерти. Въ крайнемъ случаѣ я не премину воспользоваться имъ. А до тѣхъ поръ — смѣло впередъ!“

Я добылъ пистолетъ, пороху, двѣ пули: изъ всѣхъ родовъ смерти я почему-то предпочелъ смерть отъ пули. Съ этой минуты я успокоился. Въ меня вселилась новая отвага: я былъ подъ защитой смерти и ничто больше не страшило меня.

Но, такъ сказать, поставивъ себя внѣ униженій, какимъ могли подвергнуть меня люди, я сдѣлался гордъ и самонадѣянъ. Не безъ улыбки, но и не безъ горькаго сознанія потерянныхъ иллюзій, вспоминаю я теперь мое тогдашнее настроеніе духа. Оно вполнѣ выразилось въ двухъ изреченіяхъ, которыми я поспѣшилъ украсить мой портретъ, около этого времени написанный по желанію моей матери. Писалъ съ меня доморощенный художникъ, по прозванію Зикранъ. Долго возился онъ, особенно съ глазами, которые никакъ не давались ему. Неоднократно посылалъ онъ меня съ ними къ чорту, наконецъ, объявилъ, что портретъ гововъ. Тогда его находили похожимъ, но онъ, къ сожалѣнію, пропалъ — всего вѣроятнѣе сгорѣлъ во время пожара, нѣсколько лѣтъ спустя истребившаго добрую половину Острогожска.

Зикранъ изобразилъ меня съ раскрытой тетрадью моего дневника. На одной изъ страницъ тетради красовался девизъ: „Жить съ честью, или умереть“,— на другой: „Мудрость есть терпѣніе“. Бѣдный, самоувѣренный юноша! Онъ выросъ, созрѣлъ и жизнь, конечно, посбила съ него спѣси, но преждевременная самостоятельность оставила въ немъ слѣды сильнаго упорства,

которое если и помогло ему добиться желаемаго, за то часто было и камнемъ преткновенія на его пути.

Подъ вліяніемъ этихъ высокомѣрныхъ мечтаній у меня даже сложилась въ головѣ апологія самоубійства, которую я и изложилъ въ формѣ сочиненія, озаглавленнаго: „Голосъ самоубійцы въ день страшнаго суда". Я былъ страстно привязанъ къ матери и ей посвящалъ результатъ моихъ глубокихъ размышленій. Вотъ она, измученная, простираетъ ко мнѣ руки и молитъ, чтобы я пощадилъ себя, ради нея. Но я излагаю ей причины моей рѣшимости и она сама благословляетъ меня на страшный подвигъ. „Ты правъ, бѣдное дитя!" рыдая восклицаетъ она: „Иди съ миромъ! Люди тебя на мгновеніе пригрѣли за тѣмъ только, чтобы потомъ сильнѣе сокрушить. Иди же къ Господу! Онъ милосерднѣе людей: Онъ проститъ тебя за то, что ты у Него одного искалъ свѣта и правды. Иди! Я сама сошью тебѣ саванъ, омою его слезами и сама, украдкой отъ всѣхъ, приготовлю тебѣ могилу: да никто не надругается и надъ прахомъ твоимъ!"...

Не совладавъ съ Галичемъ и такимъ образомъ потерпѣвъ крушеніе на почвѣ чистаго разума, я бросился въ другую крайность, а именно сталъ искать свѣта въ мистицизмѣ. Послѣдній около этого времени — между 1818-мъ и 1820-мъ годами — проникъ и въ наше захолустье, гдѣ даже нашелъ себѣ много приверженцевъ. Увлекались имъ и нѣкоторые изъ моихъ пріятелей. Они старались и меня „просвѣтить", для чего снабжали соотвѣтственными книгами.

Казалось бы, что съ моимъ пылкимъ воображеніемъ, моей впечатлительностью и склонностью къ чудесному книги эти должны бы были произвести сильное на меня впечатлѣніе. На дѣлѣ вышло иначе: вереница фантастическихъ призраковъ, вызванныхъ ими, такъ сказать, проскользнула мимо моего ума, нисколько не задѣвъ его своимъ фосфорическимъ блескомъ. Въ самую шаткую пору дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ я, правда, любилъ все мрачное, таинственное, но оно щекотало у меня только одно воображеніе. Умъ все время оставался холоднымъ и даже какъ бы критически относился къ тому, что всецѣло поглощало фантазію. Такъ было и теперь.

Я съ жаромъ принялся за чтеніе мистическихъ книгъ. Отъ доски до доски прочелъ я „Ключъ къ таинствамъ природы"

Эккартгаузена и — ничего не отперъ имъ. Да врядъ ли и кто-нибудь другой могъ отпереть, такъ какъ тайны природы слишкомъ крѣпко заперты, а ключъ, предлагавшійся для ихъ открытія, на самомъ дѣлѣ былъ простымъ заржавленнымъ гвоздемъ, неспособнымъ ничего открыть. Далѣе прочелъ я всего „Угроза Свѣтовостокова“ Юнга Штиллинга и его же „Приключенія души по смерти“. Надъ наивно-благочестивымъ кривляньемъ «Угроза» я даже дерзалъ подсмѣиваться, а надъ „Приключеніями души“ просто соскучился.

„Жизнь“ Юнга Штиллинга больше заинтересовала меня: онъ былъ, какъ и я, бѣднякъ, однако, успѣлъ сдѣлаться ученымъ и извѣстнымъ. Тѣмъ не менѣе я съ недовѣріемъ къ нему относился: онъ мнѣ казался шарлатаномъ, который морочилъ людей, увѣряя, будто видѣлъ то, чего не видѣлъ никто, и знаетъ то, чего никто не знаетъ. Закончилъ я свои мистическія изслѣдованія „Сіонскимъ Вѣстникомъ“, но не могъ одолѣть больше трехъ номеровъ его.

Какими ясными, убѣдительными представлялись мнѣ, послѣ всѣхъ этихъ блужданій въ потемкахъ, простыя, реальныя истины Евангельскаго ученія! Я не хочу сказать, чтобы въ то время уже созналъ всю глубину скрытой въ нихъ мудрости. Нѣтъ, я не вдавался ни въ какія разсужденія по этому поводу. Вѣра моя была чисто дѣтская: сначала я вѣрилъ просто потому, что научился этому на колѣняхъ у матери, а позднѣе, въ описываемое время, жизнь и проповѣдь Христа получили для меня особый, личный смыслъ, который и былъ моимъ якоремъ спасенія среди обуревавшаго меня подъ-часъ ожесточенія противъ людей и моей злой судьбы. Когда я взиралъ на ликъ Спасителя въ одномъ изъ предѣловъ нашей соборной церкви, мнѣ постоянно слышался его кроткій призывъ: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы». Что же: пусть люди злы и несправедливы, у меня есть Заступникъ, есть вѣрный пріютъ, гдѣ я могу укрыться отъ всякой злобы и гоненій. Онъ, всеблагій и премудрый, не оттолкнетъ меня и тогда, если, изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ, я самовольно предстану передъ Него!

Зато внѣшніе религіозные обряды я исполнялъ вяло и не всегда охотно. Причина тому была, вѣроятно, въ примѣрѣ окружавшихъ

меня. Всѣ эти Астафьевы, Должиковы, Пановы, зараженные свободомысліемъ Вольтера и энциклопедистовъ, пренебрегали церковными обрядами. И хотя ни одинъ изъ нихъ ни разу не коснулся въ моемъ присутствіи вопроса о своихъ или моихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, тѣмъ не менѣе они не могли скрыть своего равнодушія къ формальной сторонѣ ихъ. Непосредственное чувство, однако, часто влекло меня въ церковь, особенно когда пѣли пѣвчіе или богослуженіе совершалъ величественный Симеонъ Сцепинскій. Помню также чувство тихой торжественности, нисходившее на меня въ страстной четвергъ, при чтеніи двѣнадцати евангелій въ Ильинской церкви однимъ простымъ, неученымъ священникомъ. Онъ читалъ безъ всякихъ возгласовъ, но съ такимъ умиленіемъ и сочувствіемъ къ тому, что̀ читалъ, что невольно и присутствующимъ сообщалъ чувство, которое воодушевляло его самого.

XIV.

Мои военные друзья.—Генералъ Юзефовичъ.—Смерть отца.

Въ нашемъ семейномъ быту произошли перемѣны. Косвеннымъ поводомъ къ тому была смерть Григорія Ѳедоровича Татарчукова. Молодая жена его, еще за годъ до смерти мужа, переселилась въ Москву, къ матери, вмѣстѣ со своею малолѣтнею дочкою. Послѣ Татарчукова осталось довольно значительное имѣніе. Наслѣдниками его, кромѣ вдовы съ дочерью, были еще два сына отъ перваго брака. Изъ двухъ дочерей, о которыхъ я упоминалъ выше, одна умерла въ дѣвушкахъ, еще при жизни отца, другая, вышедшая за Бѣлякова, была выдѣлена раньше.

Сыновья покойнаго ненавидѣли мачиху и были, не въ отца, корыстолюбивы. Имъ, во что-бы то ни стало, хотѣлось устранить Юлію отъ наслѣдства и они безсовѣстно воспользовались для того ея неопытностью. Молодой вдовѣ съ дочерью грозило полное раззореніе, когда она, наконецъ, рѣшилась прибѣгнуть къ защитѣ человѣка свѣдущаго и честнаго, который помогъ-бы ей выпутаться изъ разставленныхъ ей сѣтей. Но гдѣ найти такого человѣка? Онъ, пожалуй, и былъ у нея подъ рукой, въ лицѣ

моего отца. Но она знала его страсть къ себѣ и долго колебалась обратиться къ нему. Въ заключеніе, однако, пришлось отложить въ сторону щепетильность. Юлія написала моему отцу письмо, въ которомъ умоляла взять отъ нея довѣренность и поспѣшить въ Богучары, спасать ея и дочернино достояніе. Рыцарскій духъ отца мгновенно пробудился и онъ съ восторгомъ ухватился за случай оказать любимой женщинѣ услугу. Немедленно отправился онъ на поле битвы и такъ умѣло, такъ ловко повелъ дѣло, что Юлія не замедлила получить сполна все, принадлежавшее по праву.

Но этимъ не кончились заботы о ней моего отца. Изъ слободы, подлежавшей раздѣлу, слѣдовало еще выселить доставшихся вдовѣ крестьянъ и устроить ихъ на новомъ мѣстѣ, т. е. основать новое поселеніе. Это на неопредѣленное время затягивало разлуку отца съ семьей, безъ которой ему всегда хуже жилось. Поклоненіе очаровательной вдовѣ доставляло обильную пищу его фантазіи, но не давало ничего сердцу, которое и въ печаляхъ, и въ уклоненіяхъ своихъ всегда инстинктивно обращалось за поддержкой и утѣшеніемъ туда, гдѣ былъ неизсякаемый источникъ ихъ—въ сочувственномъ сердцѣ великодушной жены. Такъ было и теперь. Отецъ не вынесъ одиночества, хотя и посвященнаго заботамъ о благѣ возлюбленной, и поспѣшилъ вызвать семью въ Богучарскій уѣздъ, гдѣ самъ пребывалъ. Мать тотчасъ собралась въ путь и вмѣстѣ съ младшими дѣтьми водворилась въ возникавшемъ селѣ, которое, въ угоду помѣщицѣ нѣмецкаго происхожденія, было окрещено Руэталемъ, что, впрочемъ, оправдывалось красивымъ затишьемъ, гдѣ находилось мѣстечко. Меня же отецъ не хотѣлъ отрывать отъ моихъ учительскихъ занятій и я остался въ Острогожскѣ одинъ.

Тѣмъ временемъ въ нашемъ городѣ произошло событіе, которое, внеся въ него новый общественный элементъ, и для меня было источникомъ новыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Звѣзда Наполеона закатилась. Кровавая драма, смутившая покой Европы, приходила къ развязкѣ на островѣ Св. Елены. Наши войска возвращались, послѣ длиннаго ряда подвиговъ, вкусить заслуженнаго отдыха. Ихъ размѣщали по разнымъ губерніямъ и городамъ имперіи. Очередь дошла и до Острогожска. Въ одинъ прекрасный день весной 1818 г. его сонныя улицы оживились,

запестрѣли знаменами и мундирами, огласились конскимъ топотомъ и звуками военной музыки. На встрѣчу героямъ высыпали толпы не только городскихъ обывателей, но и окрестныхъ хуторянъ, крестьянъ, съѣхавшихся и сбѣжавшихся съ разныхъ сторонъ полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ и привѣтствовать необычныхъ гостей. Имъ охотно отводили помѣщеніе и лучшая часть общества широко раскрывала двери своихъ домовъ на побывку офицерамъ.

Квартировать въ Острогожскѣ и его окрестностяхъ была назначена первая драгунская дивизія, состоявшая изъ четырехъ полковъ: Московскаго со штабомъ, Рижскаго, Новороссійскаго и Кинбурнскаго, прибывшаго нѣсколько позже. Съ водвореніемъ ихъ у насъ нашъ скромный уголокъ преобразился. Въ немъ закипѣла новая жизнь и пробудились новые интересы. Офицеры этихъ полковъ, особенно Московскаго, гдѣ въ штабѣ былъ сосредоточенъ цвѣтъ полковаго общества, представляли изъ себя группу людей, въ своемъ родѣ замѣчательныхъ. Участники въ мировыхъ событіяхъ, дѣятели не въ сферѣ безплодныхъ умствованій, а въ предѣлахъ строгаго, реальнаго долга, они пріобрѣли особенную стойкость характера и опредѣленность во взглядахъ и стремленіяхъ, чѣмъ составляли рѣзкій контрастъ съ передовыми людьми нашего захолустья, которые, за недостаткомъ живаго, отрезвляющаго дѣла, витали въ мірѣ мечтаній и тратили силы въ мелочномъ, безплодномъ протестѣ. Съ другой стороны, сближеніе съ западно-европейской цивилизаціей, личное знакомство съ болѣе счастливымъ общественнымъ строемъ, выработаннымъ мыслителями конца прошлаго вѣка, наконецъ, борьба за великіе принципы свободы и отечества, все это наложило на нихъ печать глубокой гуманности — и въ этомъ они уже вполнѣ сходились съ представителями нашей мѣстной интеллигенціи. Не мудрено, если между ними и ею завязалось непрерывное общеніе. И я не былъ отринутъ ими, напротивъ, принятъ съ распростертыми объятіями и братскимъ участіемъ. Они видѣли во мнѣ жертву порядка вещей, который ненавидѣли, и, подъ вліяніемъ этой ненависти, какъ бы смотрѣли на меня сквозь увеличительные очки — преувеличивали мои дарованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трагизмъ моей судьбы. Отсюда отношеніе ихъ къ бѣдному, обездоленному мальчику носило характеръ не одного

участія, но и своего рода уваженія. Люди вдвое, втрое старше меня и неизмѣримо превосходившіе меня знаніемъ и опытомъ, водились со мной, какъ съ равнымъ. Я былъ постояннымъ участникомъ ихъ бесѣдъ, вечернихъ собраній и увеселеній. Они брали меня съ собой на парады; я ѣздилъ съ ними на охоту, а съ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей я даже ходилъ, когда онъ бывалъ дежурнымъ, ночью осматривать посты.

Все это меня занимало и мнѣ льстило, но не убаюкивало во мнѣ тревогъ за будущее. Я жилъ двойною жизнью — беззаботной юности и отчаянія: легкомысленно предавался минутнымъ утѣхамъ, но съ преждевременною зрѣлостью горькаго опыта не упускалъ изъ виду того, что могло ожидать меня дальше, за предѣлами настоящей, относительно свѣтлой, полосы въ жизни. Раздраженное самолюбіе подстрекало съ новымъ жаромъ мечтать о дальнѣйшихъ и болѣе прочныхъ успѣхахъ и тѣмъ нетерпѣливѣе относиться къ тяготѣвшему надо мной игу. Мои воздушные зàмки непомѣрно росли, но соотвѣтственно зрѣла и крѣпла во мнѣ мысль о самоубійствѣ: рухнутъ мои зàмки—и я погибну подъ ихъ развалинами....

Какъ-бы то ни было, а сближеніе мое съ этими людьми дало новый толчокъ моему развитію и значительно расширило мой умственный горизонтъ. Они, между прочимъ, впервые познакомили меня съ новѣйшими произведеніями отечественной литературы. Всѣ мои свѣдѣнія по этой части до сихъ поръ вертѣлись исключительно около Ломоносова, Державина и Хераскова съ его Россіадой и Владиміромъ. Съ Ломоносовымъ я познакомился еще въ раннемъ дѣтствѣ, слушая бродячихъ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые, ходя по хуторамъ и слободамъ за подаяніемъ, распѣвали: „Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать“ и другія духовныя стихотворенія этого автора. Но о текущей изящной литературѣ я не имѣлъ никакого понятія. И вдругъ какая масса новыхъ впечатлѣній! Какъ отуманенный ходилъ я послѣ офицерскихъ вечеринокъ, гдѣ всегда не послѣднюю, а часто и главную роль играло чтеніе. Иные изъ офицеровъ отлично декламировали, иногда цѣлыя драмы. Тутъ я въ первый разъ услышалъ „Эдипа въ Аѳинахъ“ Озерова и познакомился съ произведеніями Батюшкова и Жуковскаго, которыя тогда только что появлялись въ свѣтъ. Мы буквально упивались

ихъ музыкой и заучивали наизусть цѣлыя піесы, напримѣръ: „Мои Пенаты", „Умирающій Тассъ", „На развалинахъ замка въ Швеціи", или отрывки изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ" и т. д. У многихъ были заведены тетрадки, въ которыя они вписывали изреченія или отрывки изъ прочитаннаго и почему либо особенно заинтересовавшаго ихъ.

Около этого времени передо мной промелькнула личность, которая, немного спустя, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, имѣла рѣшающее вліяніе на мою судьбу, но сама пала одною изъ главныхъ жертвъ въ мрачной трагедіи, разыгравшейся при вступленіи на престолъ императора Николая I. Въ Острогожскѣ ежегодно бывала ярмарка, на которую, вмѣстѣ съ другимъ товаромъ, изъ Воронежа привозили и книги. Я, съ однимъ изъ пріятелей, не преминулъ заглянуть въ лавочку, торговавшую соблазнительнымъ для меня товаромъ. Тамъ, у прилавка, насъ уже опередилъ молодой офицеръ. Я взглянулъ на него и плѣнился тихимъ сіяніемъ его темныхъ и въ то же время ясныхъ глазъ и кроткимъ, задумчивымъ выраженіемъ всего лица. Онъ потребовалъ „Духъ Законовъ" Монтескье, заплатилъ деньги и велѣлъ принести себѣ книги на домъ.—„Я съ моимъ эскадрономъ не въ городѣ квартирую", замѣтилъ онъ купцу,—„мы стоимъ довольно далеко. Я пріѣхалъ сюда на короткое время, всего на нѣсколько часовъ: прошу васъ, не замедлите присылкою книгъ. Я остановился (слѣдовалъ адресъ). Пусть вашъ посланный спроситъ поручика Рылѣева". Тогда имя это ничего не сказало мнѣ, но изящный образъ молодаго офицера живо запечатлѣлся въ моей памяти. Я больше не встрѣчалъ его въ нашемъ краю. Да онъ и уѣхалъ скоро оттуда, женился и вышелъ въ отставку. Я свидѣлся съ нимъ опять уже въ Петербургѣ и при совсѣмъ другой обстановкѣ.

Нашъ офицерскій кружокъ вскорѣ увеличился группою другихъ только что произведенныхъ въ офицеры молодыхъ людей. Нельзя сказать, чтобы они внесли въ него что-нибудь новое и свѣжее. Прямо со скамьи кадетскихъ корпусовъ, гдѣ въ то время не высоко стояла наука, они были уже не чета своимъ старшимъ и болѣе бывалымъ товарищамъ. Они, впрочемъ, добросовѣстно несли свои служебныя обязанности, но свободное время проводили въ болѣе или менѣе сильныхъ кутежахъ. Добрые

малые, они и со мной свели дружбу, приглашали на свои пирушки. Вотъ когда отсутствіе моего отца, или вообще какого бы то ни было руководителя, могло бы гибельно отразиться на моихъ привычкахъ. Къ счастью, я, между прочимъ, питалъ просто физическое отвращеніе ко всякаго рода излишествамъ. Присутствуя на пирушкахъ, и я тоже, конечно, прикасался губами къ пуншевой чашѣ и выпивалъ бокалъ, другой, пѣнистаго донскаго. Но дѣлалъ это какъ мальчишка-лакомка, еще не вышедшій изъ возраста, когда любятъ сласти. Опьяненіе же претило мнѣ еще и въ силу моихъ идеальныхъ воззрѣній на достоинство человѣка и того самолюбія, которое было бичомъ моей юности, но въ то же время и уздой, воздерживавшей меня отъ паденія.

Но этими двумя типами—героевъ двѣнадцатаго года и добрыхъ ребятъ—еще не исчерпывались типы военныхъ, квартировавшихъ въ Острогожскѣ. Между ними существовалъ еще третій типъ, служакъ стараго закала, заматерѣлыхъ въ рутинѣ, отважныхъ не только въ бою, но и въ мирное время, въ рукопашной расправѣ съ подчиненными. Обращеніе ихъ съ солдатами было, мало сказать жестокое, варварское. Къ счастью, у насъ было немного такихъ отцовъ-командировъ. Въ моей памяти ихъ сохранилось два: командиръ лейбъ-эскадрона Московскаго драгунскаго полка, Трофимъ Исѣевичъ Макаровъ, и командиръ запаснаго эскадрона того же полка, капитанъ Потемкинъ.

Особенно хорошо помню я Макарова. Огромнаго роста, съ лицомъ, изборожденнымъ морщинами, съ хмурымъ взглядомъ изъ-подъ густо-нависшихъ бровей, онъ одною наружностью своею приводилъ въ трепетъ подчиненныхъ. Отличительной чертой его говорятъ, была храбрость, но храбрость своеобразная, спокойная, безъ порывовъ и увлеченій, всегда и вездѣ ровная, если можно такъ сказать, систематическая. По свидѣтельству товарищей, онъ обыкновенно первый шелъ въ атаку, но при этомъ ни на минуту не терялъ хладнокровія, отчего удары его всегда были мѣтки. Въ чинѣ всего штабсъ-капитана, онъ имѣлъ Анну на шеѣ и Владиміра съ бантомъ. Такъ же хладнокровно, чтобъ не сказать равнодушно, безъ тѣни негодованія или вспышки гнѣва, расправлялся онъ съ солдатами, за самые ничтожные проступки карая ихъ палками, розгами, фухтелями, а то и просто зуботычинами. Дисциплина отъ этого нисколько не выигрывала:

она и безъ того безукоризненно соблюдалась въ нашихъ войскахъ. Значитъ, дѣло тутъ было не столько въ результатѣ, сколько въ принципѣ, отъ котораго куда какъ солоно приходилось инымъ. Непостижимо, откуда деньщикъ Макарова и эскадронный вахмистръ Васильевъ набирались физическихъ силъ—не говорю о нравственныхъ, буквально забитыхъ — чтобы переносить истязанія, которымъ они, въ качествѣ самыхъ приближенныхъ къ капитану лицъ, чуть не ежедневно подвергались. И при всемъ томъ, странно сказать, а Трофимъ Исѣевичъ вовсе не былъ злымъ человѣкомъ. Онъ даже, при случаѣ, проявлялъ и сердечную теплоту, и гуманность. Возьмемъ для примѣра хоть его отношенія ко мнѣ, проникнутыя такимъ добродушіемъ, даже баловствомъ, какое трудно было бы предположить въ этомъ и съ виду звѣроподобномъ мужѣ. При встрѣчѣ со мной онъ, слегка осклабившись, ласково трепалъ меня по плечу, зазывалъ къ себѣ; бралъ меня на охоту; ссужалъ лошадью для верховой ѣзды. Но, въ обращеніи съ солдатами, онъ былъ закоренѣлый рутинеръ, держался старинныхъ преданій и простодушно вѣрилъ, что безъ палки съ ними нельзя. Этому, конечно, не мало содѣйствовало полное отсутствіе въ немъ даже элементарнаго образованія. Не знаю, изъ какого онъ былъ званія и учился ли гдѣ-нибудь, только онъ едва умѣлъ съ грѣхомъ пополамъ подписывать свое имя.

Вотъ капитанъ Потемкинъ, тотъ уже былъ положительно золъ и ни для кого не дѣлалъ исключеній. Жестокость, которая у Макарова была, скорѣй, слѣдствіемъ невѣжества и дурно понятыхъ обязанностей, у Потемкина была самородная, глубоко заложенная въ его собственной натурѣ. Онъ предавался ей съ своего рода сладострастіемъ и точно наслаждался, когда, по его приговору, до полусмерти забивали и засѣкали несчастныхъ солдатъ. А между тѣмъ онъ принадлежалъ къ такъ называемому хорошему обществу и по уму и образованію стоялъ неизмѣримо выше Макарова. Остальные офицеры полка съ негодованіемъ смотрѣли на образъ дѣйствій обоихъ капитановъ и явно держались отъ нихъ въ сторонѣ. Но ни презрѣніе товарищей, ни увѣщанія начальника, добраго, рыцарски-благороднаго полковника Гейсмарна, на нихъ не дѣйствовали. Прибѣгать же для обузданія ихъ звѣрства къ болѣе крутымъ мѣрамъ нельзя было, такъ какъ они все-таки дѣйствовали въ предѣлахъ закона.

Положеніе мое, въ кругу штабныхъ офицеровъ, скоро еще больше упрочилось. На меня обратилъ вниманіе самъ главный начальникъ первой драгунской дивизіи, квартировавшей въ Острогожскѣ, генералъ-маіоръ Дмитрій Михайловичъ Юзефовичъ. Чтобы вполнѣ понять, насколько это новое обстоятельство еще возвысило меня въ глазахъ моихъ согражданъ, надо вспомнить, какимъ престижемъ, въ тѣ времена, пользовалось званіе военнаго генерала.

Генералъ временъ николаевскихъ и послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I—это былъ своего рода особый типъ. Онъ пользовался безпримѣрнымъ значеніемъ во всѣхъ сферахъ нашей общественной и административной жизни. Не было въ государствѣ высокаго поста или должности, при назначеніи на которую не отдавалось бы преимущество лицу съ густыми серебряными или золотыми эполетами. Эти эполеты признавались лучшимъ залогомъ ума, знанія и способностей, даже на поприщахъ, гдѣ, повидимому, требуется спеціальная подготовка. Увѣренные въ магической силѣ своихъ эполетъ, и носители ихъ высоко поднимали голову. Они проникались убѣжденіемъ своей непогрѣшимости и смѣло разрубали самые сложные узлы. Сначала сами воспитанные въ духѣ строгой военной дисциплины, потомъ блюстители ея въ рядахъ войскъ, они и въ управленіе мирнымъ гражданскимъ обществомъ вносили тѣ-же начала безусловнаго повиновенія. Въ этомъ, впрочемъ, они только содѣйствовали видамъ правительства, которое, казалось, поставило себѣ задачею дисциплинировать государство, т. е. привести его въ такое состояніе, чтобы ни одинъ человѣкъ въ немъ не думалъ и не дѣйствовалъ иначе, какъ по одной волѣ. Въ силу этой, такъ сказать, казарменной системы, каждый генералъ, какой бы отраслью администраціи онъ ни былъ призванъ управлять, прежде всего и больше всего заботился о томъ, чтобы наводить на подчиненныхъ какъ можно больше страху. Поэтому онъ смотрѣлъ хмуро и сердито, говорилъ рѣзко и при малѣйшемъ поводѣ и даже безъ онаго всѣхъ и каждаго распекалъ.

Нельзя сказать, чтобы генералъ-маіоръ Юзефовичъ близко подходилъ подъ типъ этихъ генераловъ-распекателей. Но отличительныя свойства послѣднихъ до того вошли въ нравы, что генералъ, вполнѣ свободный отъ нихъ, тогда былъ просто

немыслимъ. Дмитрій Михайловичъ не даромъ принадлежалъ къ числу борцовъ за свободу Россіи и Европы. Онъ вынесъ изъ столкновенія съ западомъ не мало гуманныхъ идей и сдержанность обращенія, вообще, малоизвѣстную его сверстникамъ. Когда союзныя войска вступили во Францію, онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Нанси и оставилъ тамъ отличную память по себѣ. Но умѣя примѣняться къ обстоятельствамъ и, въ силу своего ума и образованія, обуздывать природныя влеченія, онъ все же не былъ лишенъ деспотической жилки, и это, хотя рѣдко, но прорывалось и въ личныхъ его, и въ служебныхъ отношеніяхъ. Возлюбивъ кого-нибудь, онъ осыпалъ его знаками своего вниманія, но являлся ничтожный поводъ, возникало легкое недоразумѣніе и обращеніе его становилось небрежно холоднымъ. Главною чертою его было честолюбіе, въ началѣ карьеры тонкое и сдержанное, но подъ конецъ до того разыгравшееся въ немъ, что оно и было причиною его нравственнаго крушенія.

Когда я зналъ его, ему было лѣтъ сорокъ пять, не больше. Высокій ростъ, умное, весьма оживленное лицо, быстрая рѣчь и повелительный жестъ дѣлали изъ него внушительную фигуру. На шеѣ у него красовался георгіевскій крестъ, съ которымъ онъ никогда не разставался. Другіе же ордена, Анны 1-й степени и Прусскаго Орла, онъ надѣвалъ только въ высокоторжественные дни, на парады и молебствія. Многосторонне образованный, онъ очень любилъ литературу, слѣдилъ за всѣми новыми ея явленіями, выписывалъ всѣ русскіе журналы и газеты, не исключая и какихъ-нибудь плохенькихъ „Казанскихъ Извѣстій", и всѣ, сколько нибудь замѣчательныя, вновь выходившія книги. Въ свободные часы, по вечерамъ, онъ любилъ читать вслухъ, въ кругу близкихъ, произведенія новѣйшихъ поэтовъ, начиная съ Державина и до Мерзлякова, Батюшкова, Жуковскаго. Его интересовала всякая новая мысль, радовалъ всякій счастливый стихъ, удачное выраженіе, оборотъ.

Димитрій Михайловичъ и самъ вдавался въ авторство, но, кажется, ничего не печаталъ, исключая одной и то переводной съ французскаго статейки, помѣщенной въ издававшемся тогда въ Харьковѣ „Украинскомъ Вѣстникѣ". Она предназначалась для альбома одной милой молодой дѣвушки, Звѣревой,

которая, вмѣстѣ съ матерью, жила недалеко отъ Харькова въ помѣстьѣ, куда иногда заѣзжалъ погостить Димитрій Михайловичъ. Онъ уважалъ старушку и былъ влюбленъ въ дочь, на которой желалъ жениться. Но этому препятствовало то, что у него уже была жена. Онъ какъ-то странно на ней женился въ ранней молодости и теперь тщетно старался развестись съ ней. Разсказывали, что она была безъ всякаго образованія и очень глупа. Но ее никто не зналъ, такъ какъ она безвыѣздно жила гдѣ-то въ отдаленной деревнѣ.

Въ Острогожскѣ генералъ Юзефовичъ жилъ съ сестрой своей, Анной Михайловной, и ея дочкой, дѣвочкою лѣтъ десяти. Съ нѣкоторыхъ поръ къ нимъ присоединилась еще другая племянница генерала, Марья Владиміровна. То была дочь его брата, страдавшаго ипохондріей и предпочитавшаго жить одинокимъ въ деревнѣ. Не знаю, какимъ путемъ дошли до генерала слухи обо мнѣ, только, въ одинъ прекрасный день, я былъ приглашенъ къ нему для переговоровъ о занятіяхъ съ его племянницами. Димитрій Михайловичъ вошелъ, окинулъ меня орлинымъ взглядомъ, промолвилъ пару словъ и скрылся, предоставляя дальнѣйшія объясненія сестрѣ. Анна Михайловна со мной долго и обстоятельно бесѣдовала. Она съ тонкимъ женскимъ тактомъ совсѣмъ обошла меня и вывѣдала все, что ей надлежало знать. Въ концѣ концовъ меня нашли пригоднымъ для дѣла, которое хотѣли мнѣ поручить, и я немедленно началъ занятія съ двумя дѣвочками, по русскому языку и по исторіи. Мои шестнадцать лѣтъ не оказались препятствіемъ къ тому. Въ этомъ еще разъ сказалось предубѣжденіе противъ казенныхъ учителей въ нашемъ краю. Человѣкъ умный, какъ Юзефовичъ, самъ правительственное лицо, и тотъ въ крайнемъ случаѣ предпочелъ имъ мальчика-недоучку.

Какъ-бы то ни было, я сдѣлался учителемъ въ домѣ генерала и даже всталъ тамъ твердою ногою. Ученицы полюбили мои уроки, хозяйка возымѣла ко мнѣ безграничное довѣріе и, что всего замѣчательнѣе, мною заинтересовался самъ генералъ. Вознагражденіе я получалъ небольшое, но Димитрій Михайловичъ, кромѣ того, еще одѣвалъ меня и нанималъ мнѣ, по сосѣдству, небольшую квартирку.

Мало по малу я сдѣлался у него своимъ человѣкомъ. Къ

моимъ учительскимъ занятіямъ присоединились другія, по части библіотеки. Она была у генерала довольно обширная, но въ безпорядкѣ. Я дѣлалъ ей опись и безъ устали рылся въ книгахъ. Димитрій Михайловичъ, получая газеты и журналы, дѣлалъ на нихъ замѣтки. Я долженъ былъ ихъ списывать въ особую тетрадь и дополнять собственными комментаріями—съ какою цѣлью, не знаю. Вообще, Димитрій Михайловичъ, въ періодъ своего благоволенія ко мнѣ, не разъ облекалъ меня оригинальными полномочіями. Такъ, однажды, онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и вручилъ мнѣ толстую тетрадь изъ прекрасной веленевой бумаги.

— „Вноси сюда",—сказалъ онъ, „все, что я буду говорить и приказывать, и сопровождай это своими замѣчаніями, не стѣсняясь, если они не всегда будутъ въ мою пользу. Съ этого времени ты состоишь лично при мнѣ, моимъ библіотекаремъ и журналистомъ".

Въ другой разъ онъ отдалъ мнѣ начало своего сочиненія: „О славѣ и величіи Россіи", и приказалъ продолжать его. Сочиненіе отличалось и въ тѣ даже времена рѣдкою высокопарностію и, судя по множеству помарокъ и измѣненій въ слогѣ, стоило автору большихъ усилій.

Но я не хотѣлъ или не могъ тогда этого видѣть и, повинуясь волѣ моего покровителя, рьяно пустился вслѣдъ за его широковѣщаніемъ и риторическимъ пареніемъ, предварительно выразивъ, однако, сомнѣніе въ возможности подняться на одну высоту съ нимъ. И, дѣйствительно, я не смогъ. Подъ вліяніемъ моей склонности идеализировать все, что по чему нибудь говорило моему сердцу или воображенію, я возвелъ на пьедесталъ и Димитрія Михайловича. Онъ мнѣ представлялся великимъ историческимъ дѣятелемъ и я считалъ дерзостью признавать въ немъ недостатки или идти за нимъ слѣдомъ, хотя бы даже по его приглашенію. На самомъ же дѣлѣ все было гораздо проще. За недостаткомъ яснаго представленія, въ чемъ именно полагалъ онъ славу и величіе Россіи, генералъ запутался въ лабиринтѣ напыщенныхъ фразъ и предоставилъ мнѣ его оттуда вывести. Я же простодушно принялъ его вызовъ за чистую монету и въ свою очередь расправилъ крылья, но они меня не сдержали: пришлось отказаться отъ непосильной задачи. Очевидно, я былъ ниже

роли, которая предназначалась мнѣ. Но это на первыхъ порахъ еще не испортило моихъ отношеній съ генераломъ: онъ еще долго продолжалъ ко мнѣ благоволить и осыпать меня знаками своего вниманія.

Гораздо проще и теплѣе относилась ко мнѣ сестра генерала. Анна Михайловна была еще молода—лѣтъ двадцати семи, восьми. Ее нельзя было назвать красивою, но она привлекала выраженіемъ ума и доброты на миловидномъ лицѣ, а обращеніе ея было проникнуто какою-то особенною задушевною простотою, невольно вызывавшею на откровенность. Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ Екатерининскомъ институтѣ, и съ большимъ оживленіемъ вспоминала время, которое тамъ провела. Она часто разсказывала о нравахъ и обычаяхъ институтокъ, объ ихъ занятіяхъ, забавахъ и учителяхъ и особенно лестно отзывалась объ ихъ общемъ любимцѣ, преподавателѣ русской словесности, И. И. Мартыновѣ. Онъ былъ впослѣдствіи директоромъ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и извѣстенъ въ ученомъ мірѣ переводомъ греческихъ классиковъ. Увлекаемая благосклонностью ко мнѣ, Анна Михайловна иногда проводила паралель между популярностью Мартынова среди институтокъ и расположеніемъ ко мнѣ моихъ острогожскихъ ученицъ. Она шутя или серьезно пророчила мнѣ блестящую педагогическую карьеру. Ни ей, ни мнѣ, однако, не приходило въ голову, что судьба, дѣйствительно, готовила мнѣ нѣкоторый успѣхъ въ стѣнахъ того самаго заведенія, гдѣ подвизался Мартыновъ, и по его же предмету.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ счастливъ съ моими ученицами. Не говорю о другихъ, но и дочь Анны Михайловны, умная и способная, но преизрядная дурнушка, до того пристрастилась къ моимъ урокамъ, что ее приходилось даже удерживать отъ излишняго усердія. Какъ теперь чувствую на себѣ острый взглядъ ея быстрыхъ глазокъ, когда она, склонивъ голову на бокъ и поджавъ губки, слушала мои объясненія. Двоюродная сестра ея, Марья Владиміровна, или, какъ ее всѣ называли, Машенька, далеко уступала ей въ способностяхъ и въ прилежаніи. За то она была прелестна собой. И послѣ не много видѣлъ я женщинъ, съ такой свѣжестью и съ такимъ блескомъ красоты. Она едва начинала выходить изъ дѣтства и представляла очаровательную

смѣсь ребяческаго простодушія съ первыми проблесками сознанія женскаго достоинства. Если бы сравненіе молодой дѣвушки съ распускающеюся розою уже не было и прежде избито, его слѣдовало бы изобрѣсти для Машеньки. Оно невольно приходило на умъ при видѣ ея матово-бѣлыхъ щечекъ съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, который, при малѣйшемъ движеніи души, вспыхивалъ яркимъ румянцемъ и разливался по всему лицу, по шеѣ и по рукамъ. Еще особую прелесть сообщала ей тѣнь задумчивости, лежавшая въ ея взглядѣ и въ углахъ тонкой дуги рта. Машенька была очень чувствительна. Мнѣ не разъ приходилось подмѣчать какъ у нея дрогнутъ губки, а на рѣсницахъ повиснетъ слеза. Эта задумчивость, въ связи съ непочатою свѣжестью ея дѣтскаго личика, и трогала, и вызывала на размышленія. Да и нельзя сказать, чтобы у Машеньки не было причинъ задумываться. Родители ея жили въ деревнѣ и мало думали о воспитаніи дочери. Дѣтство ея прошло между отцомъ ипохондрикомъ и матерью, доброю и умною, но чахоточною. Наконецъ, ее взялъ къ себѣ дядя и впервые озаботился ея образованіемъ. Но ему некогда было постоянно слѣдить за ней и онъ сдалъ ее на руки сестрѣ. Анна Михайловна, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойная женщина, въ этомъ случаѣ оказалась ниже самой себя. Она была страстная мать, а дочери ея природа отказала даже въ самой заурядной миловидности: отсюда ея раздраженіе противъ хорошенькой Машеньки. Она завидовала ей и, во избѣжаніе невыгодныхъ сравненій для своего дѣтища, держала племянницу въ сторонѣ. Такимъ образомъ бѣдная Машенька и въ домѣ дяди оставалась одинокою. Тутъ, кстати или не кстати, выступилъ на сцену я. Сначала она меня дичилась и бросала на меня изъ подъ длинныхъ рѣсницъ недружелюбные взгляды. Я былъ для нея учитель, существо несимпатичное, которое должно было, думала она, внести въ ея и безъ того не веселую жизнь новый элементъ скуки и принужденія.

Я, съ своей стороны, не безъ трепета приступалъ къ занятіямъ съ ней. Такой ученицы у меня еще не бывало. Всего годомъ моложе меня, она, съ своей разцвѣтающей красотой и дремлющимъ умомъ, казалось мнѣ, ошалѣлому отъ романовъ, спящей царевной, разбудить которую былъ призванъ я. Во мнѣ заиграло воображеніе и я задался мыслію расшевелить умъ и

сердце Машеньки. Увы! первое такъ и осталось мечтой, а второе дало мнѣ мимолетное и далеко не полное удовлетвореніе. Машенька скоро убѣдилась, что я не сухой педагогъ, а живой, увлекающійся юноша, который, при всей напускной важности и требовательности, на какую его обязывалъ учительскій долгъ, способенъ и сочувствовать, и по возможности облегчать ей трудъ. Строгій и сдержанный видъ маленькой женщины уступилъ въ ней мѣсто дѣтской довѣрчивости. Она сдѣлала меня повѣреннымъ своихъ маленькихъ тайнъ и огорченій. А я, смотря по обстоятельствамъ, то ласково утѣшалъ ее, то, съ важностью ментора, читалъ ей наставленія. Но, мало по мало, въ насъ зародилось чувство болѣе горячее и требовательное, чѣмъ братская пріязнь, которою мы, однако, продолжали обманывать себя. Предоставленные самимъ себѣ—Анна Михайловна никогда не присутствовала при нашихъ урокахъ,—не знаю, какъ далеко зашли бы мы въ нашей неопытности и какой исходъ имѣла бы въ заключеніе эта опасная игра, въ которую уже начали замѣшиваться и пламенные взгляды, и нѣжныя рукопожатія. Но тѣмъ временемъ наступилъ отъѣздъ изъ Острогожска генерала. Димитрій Михайловичъ не хотѣлъ больше подвергать Машеньку случайностямъ своей военной кочевой жизни и помѣстилъ ее, для окончанія образованія, въ харьковскій институтъ. Горестно было наше разставаніе; мы знали, что никогда больше не свидимся. Нашъ послѣдній урокъ прошелъ въ слезахъ и горькихъ сѣтованіяхъ на нашу судьбу. Подъ конецъ мы не выдержали, бросились въ объятія другъ друга и обмѣнялись первымъ и послѣднимъ поцѣлуемъ. Машенька уѣхала, а я въ догонку ей написалъ длинную прощальную элегію, конечно, въ прозѣ, которую, въ качествѣ наставника, постарался испестрить возвышенными сентенціями и поученіями.

Этимъ и кончился первый романическій эпизодъ моей жизни. Онъ блѣденъ, скажутъ. Пусть такъ, но, за отсутствіемъ болѣе яркихъ радостей въ моей трудовой и полной лишеній юности, и онъ былъ свѣтлымъ лучомъ, воспоминаніе о которомъ и до сихъ поръ грѣетъ меня.

Новое обстоятельство скоро еще больше скрѣпило мои отношенія съ генераломъ Юзефовичемъ. Отецъ покончилъ дѣла съ Юліей Татарчуковой и вернулся изъ Богучаръ. Онъ разстался

съ своей довѣрительницей, какъ только пересталъ быть нуженъ ей. Впрочемъ, самъ отецъ подалъ главный поводъ къ тому. Его романическая страсть къ молодой вдовѣ постоянно росла и, наконецъ, приняла размѣры, которые начали уже серьезно грозить ея покою. Устроивъ ей гнѣздо, неугомонный обожатель Юліи задумалъ и самъ поселиться въ созданной имъ Аркадіи, хотя бы для того только, чтобы безпрерывно наслаждаться лицезрѣніемъ своего божества. Молодая женщина не согласилась. Между ними произошла ссора и они разстались, на этотъ разъ уже навсегда — она, негодуя на дерзкій планъ своего поклонника, а онъ, унося съ собой глубокую рану отвергнутой любви.

Генералъ Юзефовичъ между тѣмъ давно желалъ заручиться моимъ отцомъ для веденія собственныхъ дѣлъ. Онъ поспѣшилъ воспользоваться настоящей минутой и предложилъ ему заняться тяжебнымъ дѣломъ по его имѣнію въ Полтавской губерніи, въ Пиратинскомъ повѣтѣ, какъ тогда назывались малороссійские уѣзды. Отцу такимъ образомъ предстояла новая разлука съ семьей; ему надо было ѣхать на самое мѣсто производства дѣла, въ вотчину генерала, Сотниковку. Онъ вообще не любилъ тяжебныхъ дѣлъ, особенно сомнительнаго свойства, какимъ позднѣе и оказалось поручаемое ему теперь. Генералъ тягался съ крестьянами за землю, которую, кажется, оттягалъ у нихъ не совсѣмъ законно. Какъ-бы то ни было, а тогда отецъ еще ничего объ этомъ не зналъ и, чтобы не остаться безъ хлѣба, согласился еще разъ окунуться въ ненавистный ему тяжебный омутъ. Онъ уѣхалъ въ Сотниковку, а Димитрій Михайловичъ взялся, въ его отсутствіе заботиться и о всей нашей семьѣ. И, дѣйствительно, онъ такъ устроилъ мать, что она, по крайней мѣрѣ на время, была избавлена отъ нужды.

Мало того, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ, снисходя къ желанію отца повидаться съ кѣмъ нибудь изъ домашнихъ, отправилъ меня къ нему. Генералъ съ рѣдкою заботливостью снарядилъ меня въ путь, взялъ на себя всѣ дорожныя издержки и, въ виду моей юности и неопытности, для большей безопасности, далъ мнѣ въ провожатые одного почтеннаго унтеръ-офицера. Отца я засталъ отягощеннымъ дѣлами и въ сильной тоскѣ. Къ сердечнымъ страданіямъ, къ скукѣ одиночества теперь присоединилось еще щемящее чувство недовольства самимъ собой за легкомы-

сленно взятую на себя отвѣтственность по дѣлу, въ правотѣ котораго началъ разочаровываться. Свиданіе со мной, однако, значительно освѣжило его и я съ нимъ разстался, не подозрѣвая, что видѣлъ его въ послѣдній разъ. Матери недолго пришлось пользоваться относительно беззаботнымъ существованіемъ подъ крыломъ Юзефовича. Два мѣсяца спустя послѣ моей поѣздки въ Полтавскую губернію мы получили извѣстіе о смерти отца. Онъ умеръ въ Пиратинѣ, послѣ пятидневнаго недомоганія. Судьба до конца не смягчилась къ бѣдному страдальцу. Онъ умеръ, удрученный сознаніемъ безплодности своихъ трудовъ. Чужія руки закрыли ему глаза. Присутствіе близкихъ не смягчило горечи его послѣднихъ минутъ. Бѣдный, бѣдный отецъ! На что послужили ему способности, благородство чувствъ и честность поступковъ. Все это было въ немъ исковеркано, придавлено средой и обстоятельствами. Можно ли винить его въ томъ, что онъ не превозмогъ своей судьбы, не всегда умѣлъ противиться страстямъ? Нѣтъ, пусть ищутъ героевъ, гдѣ хотятъ, но не въ русскомъ, крѣпостномъ человѣкѣ, для котораго каждое преимущество его натуры являлось новымъ бичомъ, новымъ подвигомъ къ паденію. А отецъ мой до послѣдняго вздоха сохранилъ настолько уваженія къ своему попранному человѣческому достоинству, что и въ позорѣ своего положенія не опозорилъ себя ни однимъ низкимъ дѣломъ, ни одной безчестной мыслью.

XV.

Въ Ельцѣ.—Чугуевъ.

Извѣстіе о смерти отца дошло до насъ черезъ генерала Юзефовича. Онъ постарался, насколько могъ, смягчить этотъ новый ударъ нашей бѣдной матери. Онъ и себя пріобщалъ къ нашему горю, говорилъ, что лишился въ покойномъ незамѣнимаго помощника, обѣщалъ попрежнему заботиться о его семьѣ.

Странное обстоятельство предшествовало смерти отца. Между сложными и запутанными явленіями человѣческой жизни встрѣчаются такія, которыя въ простодушныхъ людяхъ вызываютъ невольное расположеніе къ суевѣрію. Такъ было и съ моею

матерью. Ей, незадолго передъ тѣмъ, приснился сонъ, въ которомъ она до конца жизни не переставала видѣть пророческій смыслъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ удивительно совпалъ съ послѣдующими событіями ея жизни. Ей снилось, что она съ отцомъ и со мной куда-то ѣдетъ въ телѣгѣ. Мѣстность незнакомая. Я сижу рядомъ съ ней; отецъ, на облучкѣ, правитъ лошадью. Вдругъ небо точно вспыхиваетъ, надъ нами раздается оглушительный трескъ грома. Отецъ мгновенно исчезаетъ. Испуганная лошадь бьется и грозитъ опрокинуть телѣгу. Мать въ ужасѣ. Но я хватаюсь за возжи и восклицаю: „Не бойтесь, мы доѣдемъ, куда намъ надо: я буду править“. Два дня спустя пришла вѣсть о смерти отца и мнѣ, дѣйствительно, надо было взять въ мои еще слабыя руки управленіе нашимъ семейнымъ міркомъ и вести его дальше по пути жизни.

Наступилъ 1820 годъ. Генералъ Юзефовичъ былъ назначенъ командовать, вмѣсто драгунской, первой конно-гвардейской дивизіей. Послѣдняя квартировала въ Ельцѣ, куда Димитрій Михайловичъ и долженъ былъ немедленно отправиться. Онъ сталъ и меня звать съ собою. Привязанность къ нему и къ его сестрѣ съ одной стороны, съ другой выгоды семьи, которой я теперь былъ единственнымъ кормильцемъ, заставила меня согласиться. Мать, какъ ни тяжела была для нея эта новая разлука, однако, сознала основательность моего рѣшенія и не противилась моему отъѣзду. Да я и ѣхалъ не на край свѣта! Но не такъ легко обошлось дѣло съ моими острогожскими друзьями. Я и не подозрѣвалъ, что былъ такой важной особой въ ихъ глазахъ. Кружокъ, въ которомъ я вращался, и особенно родители моихъ учениковъ заволновались. На меня посыпался градъ упрековъ. Доставалось и генералу за то, что онъ меня „похищалъ“, только ему, конечно, за глаза, меня же открыто укоряли за измѣну городу, такъ радушно пріютившему меня. Я былъ озадаченъ, огорченъ, уже готовился взять назадъ слово, данное генералу, но тотъ распорядился по военному, мигомъ поднялся всѣмъ домомъ и увлекъ меня за собой, не давъ времени одуматься.

Итакъ, я очутился въ Ельцѣ. Генералу было отведено прекрасное, обширное помѣщеніе—цѣлый домъ одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ городѣ, Желудкова. Елецъ тогда слылъ однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ. Онъ былъ хорошо обстроенъ.

Въ немъ насчитывалось не мало каменныхъ зданій, между прочимъ двадцать двѣ церкви, и, почти неслыханная въ тѣ времена роскошь—онъ могъ похвалиться каменной мостовой. Внѣшнимъ видомъ Елецъ, что и говорить, значительно превосходилъ мой милый Острогожскъ, но за то въ такой же мѣрѣ уступалъ ему по внутреннему содержанію и складу въ немъ жизни. Въ Ельцѣ, какъ въ городѣ исключительно торговомъ, онъ велъ обширную торговлю крупичатой мукою. Въ немъ почти не было дворянъ. Мѣстную аристократію составляли купцы, которые преслѣдовали одну цѣль—наживы. Такимъ образомъ, все соревнованіе между ними ограничивалось щегольствомъ другъ передъ другомъ изворотливостью и плутовствомъ, какъ лучшими средствами для достиженія этой цѣли. Чиновничество соперничало съ ними и въ стремленіи къ наживѣ, и въ искусствѣ обогащаться; оно повально брало взятки и обкрадывало казну. Запѣвалою здѣсь, какъ и подобало при такихъ условіяхъ, было первое въ городѣ чиновное лицо—городничій. Какой-то отставной полковникъ безъ ноги, онъ, что называется, дралъ съ живаго и съ мертваго и пользовался соотвѣтственнымъ почетомъ среди подобныхъ себѣ. Нравы всѣхъ горожанъ вообще были стариннаго склада, наивно-грязные и грубые: въ нихъ не было мѣста ни общественнымъ, ни семейнымъ добродѣтелямъ. Женщины тамъ, по примѣру бабушекъ, все еще безобразили себя бѣлилами и румянами.

Набожность у этихъ людей не шла дальше сооруженія домашнихъ кіотовъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ иконъ, да соблюденія постовъ, не исключавшихъ, впрочемъ, обжорства жирными стерлядями и растегаями. Проходя мимо церкви или встрѣчаясь съ покойникомъ, они широкимъ знаменіемъ креста осѣняли себѣ лобъ и чрево, но, завидѣвъ попа, усердно отплевывались.

Но все это не исключало, по крайней мѣрѣ среди купцовъ, ни своего рода добродушія, ни исконнаго свойства славянъ — гостепріимства, которыя и являлись искупительными чертами въ характерѣ этого невѣжественнаго, закоренѣлаго въ старинныхъ предразсудкахъ общества. Только гостепріимство у нихъ было тоже своеобразное, подъ стать ихъ общему тону. Созывалъ богатый купецъ къ себѣ гостей, угощалъ ихъ обѣдомъ на славу, а затѣмъ приказывалъ запирать въ домѣ ворота. Начиналась

попойка. Никто изъ гостей не могъ уходить домой и волей неволей долженъ былъ напиваться до потери сознанія. Не угостить или не угоститься, такимъ образомъ, считалось невѣжливостью и горькой обидой.

Впрочемъ, и здѣсь, какъ вездѣ, правило было не безъ исключеній. Изъ общей распущенности и самодурства выдѣлялось нѣсколько купеческихъ же семей, смягченныхъ не образованіемъ, конечно, которому не было доступа въ это торговое гнѣздо, а своими собственными, природными, болѣе утонченными вкусами и наклонностями. Къ числу такихъ, между прочимъ, принадлежали семьи одного очень богатаго почетнаго гражданина, Кононова, и нашего хозяина, Желудкова. Въ ихъ нравахъ была нѣкоторая сдержанность, а въ домашней обстановкѣ стремленіе къ порядочности и комфорту. У обоихъ были подъ городомъ дачи съ роскошными парками и оранжереями. Тамъ задавались генералу пышные обѣды, на которые и меня приглашали съ его семействомъ. Здѣсь уже, само собой разумѣется, не было ни попоекъ, никакихъ другихъ излишествъ: все обходилось чинно, прилично, „по благородному". Впрочемъ, для насъ и въ другихъ домахъ дѣлались изъятія. И гости, и хозяева побаивались генерала, который не безъ величія держалъ себя съ ними. Для него ворота всегда стояли настежъ и настоящее раздолье начиналось только съ его удаленіемъ.

Обязанности мои въ домѣ генерала Юзефовича теперь не ограничивались уроками съ одною дочкою Анны Михайловны. Мнѣ поручено было воспитаніе еще трехъ племянниковъ, которыми, съ переѣздомъ въ Елецъ, увеличилось ихъ семейство. Это были братья Машеньки. Отецъ ихъ, страдавшій, какъ я уже говорилъ, ипохондріей, тѣмъ временемъ совсѣмъ сошелъ съума и скоро умеръ. Двое изъ этихъ мальчиковъ не представляли изъ себя ничего особеннаго и дѣло у меня съ ними пошло какъ по маслу. За то третій, Ксенофонтъ, лѣнивый и непокорный, подъчасъ даже буйный, стоилъ мнѣ не малыхъ заботъ. На него не дѣйствовали ни строгость, ни ласка. Болѣе опытный педагогъ, вѣроятно, съумѣлъ бы съ нимъ справиться, но я, самъ еще почти мальчикъ, рѣшительно не зналъ, что съ нимъ дѣлать.

Этотъ бѣдный Ксенофонтъ былъ въ теченіи нѣкотораго времени единственнымъ шипомъ среди пріятныхъ ощущеній моего

настоящаго положенія. Вообще житье мое въ Ельцѣ распадается на два періода. Первый и, какъ все хорошее, кратчайшій принадлежитъ къ числу лучшихъ моихъ воспоминаній. Прошло первое впечатлѣніе разлуки съ Машенькой и съ другими милыми моему сердцу; улеглось огорченіе, вызванное негодованіемъ противъ меня друзей, и я на время почувствовалъ себя почти счастливымъ. Мать моя съ младшими дѣтьми была, въ извѣстной мѣрѣ, обезпечена. Самъ я ближе прежняго стоялъ къ предмету моего поклоненія. Димитрій Михайловичъ былъ тогда героемъ всѣхъ моихъ фантазій. Онъ казался мнѣ олицетвореніемъ всевозможныхъ доблестей. Я безусловно вѣрилъ ему и въ него. Да и добръ же онъ былъ ко мнѣ въ это время! Съ переѣздомъ въ Елецъ я жилъ не только въ его домѣ, но и на равной ногѣ съ членами его семьи. Вокругъ меня была атмосфера довольства, тепла и изящества, подъ вліяніемъ которой могъ безпрепятственно продолжаться процессъ моего нравственнаго и физическаго роста. Димитрій Михайловичъ безпрестанно вызывалъ меня на разговоры и, повидимому, сочувствовалъ самымъ неумѣреннымъ моимъ мечтамъ. Не мудрено, если я разцвѣлъ, сталъ смѣлѣе, развязнѣе, однимъ словомъ, поднялся духомъ,—ненадолго, однако, и горько заплатилъ за эти минуты счастливаго самозабвенія. Та-же рука, которая подняла мой духъ, съ новой силой и сокрушила его опять.

Я уже не разъ упоминалъ о моихъ авторскихъ вожделѣніяхъ. Здѣсь, въ Ельцѣ, гдѣ все такъ льстило моему самолюбію, они разыгрались съ новою силою. Я даже затѣялъ написать романъ во вкусѣ Новой Элоизы Ж. Ж. Руссо. Мнѣ недавно привелось прочесть это произведеніе въ плохомъ переводѣ какого-то Потемкина, а также Эмиля, переведеннаго какою-то Елисаветою Дельсаль. Обѣ книги произвели на меня глубокое впечатлѣніе и я, недолго думая, принялся подражать первой изъ нихъ. Я попеременно писалъ и рвалъ написанное. Исписалъ много бумаги и столько же изорвалъ. Дѣло, очевидно, не ладилось. Но я не отставалъ и иногда цѣлыя ночи просиживалъ надъ этою глупостью, которая, говорю теперь съ удовольствіемъ, такъ и осталась неконченною. Подстрекателемъ моимъ и въ этомъ случаѣ былъ все тотъ же Димитрій Михайловичъ. Онъ, правда, еще ни строчки не прочелъ изъ написаннаго мною, но всегда зналъ,

что̀ у меня на мази. Въ свободное время, за вечернимъ чаемъ, онъ любилъ разспрашивать меня о томъ, что я дѣлаю, что пишу, даже что думаю, и всегда съ одобреніемъ относился ко всѣмъ моимъ затѣямъ. И вдругъ, какая перемѣна! Я съ особеннымъ одушевленіемъ повѣрялъ ему свои планы. Генералъ слушалъ, опустивъ голову. Внезапно губы его искривила насмѣшливая улыбка и съ нихъ, вмѣсто обычнаго привѣта, сорвалось ѣдкое замѣчаніе: напрасно, дескать, заношусь я такъ высоко, не имѣя на то ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ правъ. У меня въ глазахъ потемнѣло,—что это, злая шутка или горькая правда? Я былъ глубоко уязвленъ, но ненадолго. Острая боль отъ неожиданнаго удара уступила мѣсто томительному колебанію. Непогрѣшимый, въ моихъ глазахъ, генералъ, конечно, правъ, я не только безправный, но и бездарный. Всѣ мои завѣтныя стремленія и мечты—одна игра самолюбія. Хорошо же: никто съ этой минуты не будетъ больше вправѣ упрекать меня въ томъ. Я сгребъ въ охапку свои книги и бумаги, бросился въ кухню и съ розмаху бросилъ все это въ пылающую печь, къ великому изумленію повара—француза.

Этимъ подвигомъ на время какъ бы истощилась моя энергія Утомленный нравственно и физически, я впалъ въ апатію. Но генералъ поспѣшилъ меня и изъ нея вывести. За вечернимъ чаемъ, въ тотъ же день, онъ продолжалъ, съ непонятнымъ упорствомъ, издѣваться надо мною. Я долго молчалъ и все больше и больше проникался сознаніемъ своего ничтожества. Но Димитрій Михайловичъ становился все злѣе и ядовитѣе. Тогда и я ожесточился и довольно рѣзко замѣтилъ: „Впередъ меня уже не станутъ упрекать ни за безразсудныя стремленія, ни за занятія, которыя мнѣ не къ лицу; я сжегъ свои книги и бумаги". Генералъ нашелъ мои слова дерзкими, а поступокъ глупымъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ и велѣлъ уйти. Одинъ въ своей комнатѣ я почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. Паденіе съ идеальныхъ высотъ, гдѣ я все это время усиленно виталъ, было слишкомъ стремительно; оно и оглушило меня, и разваредило старыя раны. Немного спустя, проснулось самолюбіе и помогло мнѣ овладѣть самимъ собой и своимъ положеніемъ. Но въ первую минуту я не могъ думать ни о чемъ, кромѣ печальнаго столкновенія съ Димитріемъ Михайловичемъ. Восторженная

любовь къ нему вспыхнула въ моемъ сердцѣ со всею силою послѣдней вспышки потухающаго огня. Я забылъ и свое оскорбленіе, и свой гнѣвъ, и жаждалъ только одного—примиренія съ моимъ кумиромъ. При первой встрѣчѣ на слѣдующій день я высказалъ Димитрію Михайловичу нѣчто въ этомъ родѣ. Онъ выслушалъ меня холодно и отпустилъ неудовлетвореннымъ.

Съ этихъ поръ между нимъ и мною встала стѣна. Генералъ больше мною не занимался и смотрѣлъ на меня исключительно какъ на учителя своихъ племянниковъ. А я заперся въ самомъ себѣ и въ отправленіе своихъ обязанностей. Мы, повидимому, оба взаимно разочаровались и каждый вернулся въ свою сферу. Ни я самъ, никто изъ окружающихъ не могли дать себѣ отчета въ томъ, что произошло. Мнѣ и теперь это не ясно, если не отнести всего этого на счетъ первыхъ приступовъ злаго недуга, который вскорѣ въ немъ развился. Но это одна догадка и Димитрій Михайловичъ имѣлъ, можетъ быть, для охлажденія ко мнѣ какія нибудь вѣскія, но мнѣ неизвѣстныя причины.

За то обращеніе со мной Анны Михайловны оставалось по прежнему сердечнымъ и дружескимъ, даже, если можно, съ оттѣнкомъ новой теплоты, и такъ было до конца моего пребыванія въ домѣ Юзефовича. Но особенно драгоцѣнно было для меня ея участіе въ первый моментъ моего отчужденія отъ Димитрія Михайловича, когда я очутился въ хаосѣ самыхъ разнородныхъ чувствъ. Мнѣ такъ хотѣлось вѣрить въ себя, въ правоту и законность моихъ намѣреній, такъ не хотѣлось терять довѣрія къ тому, чье мнѣніе еще вчера было для меня закономъ. Постепенно все это, конечно, улеглось, природныя влеченія взяли свое и съ помощью всесильнаго во мнѣ рычага, самолюбія, я опять вошелъ въ ту нравственную и умственную колею, изъ которой былъ выбитъ. У меня на полкѣ, вмѣсто сожженыхъ, появились новыя книги. Опять наросла кипа исписанныхъ бумагъ. Снова фантазія стала рисовать миражи будущихъ успѣховъ, и я зажилъ прежнею двойною жизнью. Нѣтъ, думалось мнѣ, я не склоню малодушно головы. Ополчись на меня хоть цѣлый легіонъ генераловъ, а я возьму свое, или... если нельзя жить съ честью — умру. Девизъ подъ моимъ портретомъ, казалось, теперь огненными буквами врѣзался въ моемъ мозгу.

Все это вихремъ носилось въ моей головѣ, но уже не шло

дальше страницъ моего дневника. Только что пережитый опытъ сдѣлалъ меня осторожнымъ. Однако, судьба, повидимому, не хотѣла ожесточить меня: она вскорѣ послала мнѣ новаго друга, сердечная связь съ которымъ у меня и по сихъ поръ не порвана. Изъ Москвы пріѣхалъ еще одинъ племянникъ генерала—у него ихъ было много—старшій сынъ его умершаго брата. Онъ только что кончилъ тамъ курсъ въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ. Въ Елецъ онъ прибылъ незадолго до смерти своего отца и затѣмъ остался въ домѣ дяди, намѣреваясь поступить въ одинъ изъ командуемыхъ послѣднимъ полковъ. Это былъ молодой человѣкъ, всего нѣсколькими годами старше меня, но образованный и съ печатью хорошаго тона, налагаемаго извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ. Но въ характерѣ его, въ чертахъ лица и въ способѣ выраженія проглядывала своеобразная рѣзкость, которая истолковывалась иными въ смыслѣ высокомѣрія и заносчивости. Ничто не могло быть ошибочнѣе. Михайло Владиміровичъ былъ само благородство, простота, а сердце имѣлъ не только доброе, но и нѣжное. Мнимая заносчивость его была не иное что, какъ юношеская отвага. Онъ былъ проникнутъ ею, горѣлъ и рвался на подвигъ, который съразу бы, на самомъ порогѣ жизни, уже облекъ его въ достоинство зрѣлаго мужа. Но гдѣ найти удобный случай? И вотъ въ ожиданіи такого Михайлу Владиміровичу не терпѣлось ознаменовать себя, по крайней мѣрѣ, дуэлью. Задоръ его въ этомъ отношеніи иногда не былъ лишенъ комизма. И разъ онъ, дѣйствительно, чуть не наскочилъ на дуэль. Михайло Владиміровичъ былъ страстно преданъ своему дядѣ: онъ по справедливости гордился его умомъ, характеромъ, служебнымъ значеніемъ и воинскою доблестью. И вдругъ до него доходятъ слухи, что какой-то офицеръ, когда-то, гдѣ-то непочтительно отзывался о генералѣ. Воспылать гнѣвомъ и послать дерзкому вызовъ — было дѣломъ одной минуты. Но, увы! никто, никогда и не думалъ покушаться на честь уважаемаго генерала. Слухи о томъ оказались чьею-то выдумкою, а не то и глупою шуткою, съ цѣлью подразнить молодаго Юзефовича. Такимъ образомъ casus belli исчезалъ самъ собой. Пришлось сложить оружіе и, за невозможностью постоять за дядю, утѣшиться мыслью о его твердо установившейся репутаціи среди общества офицеровъ. Михайло Владиміровичъ такъ и сдѣлалъ.

Наша дружба съ нимъ завязалась чуть не съ первой встрѣчи и чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становилась. Насъ соединяла общность вкусовъ и сходство въ умственномъ складѣ. Оба, одержимые недугомъ идеализма, мы до сихъ поръ и въ окружающемъ мірѣ, и въ самихъ себѣ тщетно искали удовлетворенія своимъ непомѣрнымъ требованіямъ. Теперь намъ показалось, что мы другъ въ другѣ нашли желаемую точку опоры. Мы одинаково увлекались героями и древняго, и новаго міра и, съ дерзостью и неопытностью молодости, сами немножко мѣтили въ нихъ. Разладъ между моимъ внутреннимъ міромъ и моими внѣшними обстоятельствами внушалъ молодому Юзефовичу глубокое участіе ко мнѣ—остальное дорисовывало его пылкое воображеніе. Не меньше сходились мы и въ нашемъ пристрастіи къ литературѣ. Сколько пріятныхъ, чудныхъ часовъ провели мы вмѣстѣ, читая и обсуждая то или другое произведеніе, не исключая и злополучныхъ Эмиля съ Новой Элоизой, которыхъ я опять гдѣ-то добылъ. Насъ никто не тревожилъ ни въ нашихъ занятіяхъ, ни въ дружескихъ бесѣдахъ. Генералъ, какъ я уже говорилъ, вовсе пересталъ заниматься мною. Впрочемъ, ему и не до того было. Онъ часто отлучался на смотръ полкамъ своей дивизіи, а все остальное время посвящалъ составленію какого-то проекта. Онъ еще въ Острогожскѣ занимался имъ и теперь намѣревался скоро представить его государю. Такимъ образомъ мы съ молодымъ Юзефовичемъ были предоставлены самимъ себѣ и своей дружбѣ.

Скверная вещь самолюбіе! Безъ него плохо, а съ нимъ горе. Замѣшалось оно и въ нашу дружбу и если не испортило ее, то только благодаря безграничной добротѣ и терпимости моего друга. Дѣло въ томъ, что я былъ очень бѣденъ. Небольшое жалованье мое цѣликомъ отсылалось моей матери: его едва хватало на пропитаніе ея съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Я же, имѣя у генерала столъ и квартиру, во всякомъ случаѣ былъ избавленъ отъ крайней нужды. Въ началѣ она и совсѣмъ не давала себя знать, но понемного стала проглядывать въ одеждѣ и въ заключеніе гардеробъ мой пришелъ въ самое жалкое состояніе. Верхнее платье еще кое какъ держалось, благодаря оставшемуся послѣ отца, которое и позволяло мнѣ довольно прилично являться среди людей. За то бѣлье мое представляло

сплошную массу дыръ. Я было попробовалъ вооружиться иглой и кое-какъ заштопывать или зашивать жалкое подобіе моихъ рубахъ. Но скоро это оказалось невозможнымъ и я бросилъ иглу. Впрочемъ, я мало обращалъ вниманія на это: горю не чѣмъ было пособить, слѣдовательно, о немъ и думать не стоило. Но за меня подумалъ другой. Мой Михайло Владиміровичъ Юзефовичъ какъ-то провѣдалъ о моей нуждѣ и вздумалъ предложить мнѣ свою помощь. Его отецъ былъ большой щеголь и послѣ него осталась куча платья и неношеннаго бѣлья. Мой другъ отобралъ часть того и другаго и просилъ меня воспользоваться этими вещами—для него самого лишними. Казалось бы, чего проще, при близости нашихъ отношеній. Но я вздумалъ оскорбиться. Моя гордость возмутилась подаркомъ, за который я не могъ ничѣмъ отдарить. Тамъ уже нѣтъ дружбы, думалъ я, гдѣ есть зависимость одного отъ другаго, а я зависѣлъ бы отъ того, чье благодѣяніе принялъ. Бѣдность мою я сносилъ съ полнымъ равнодушіемъ и она не могла въ моихъ глазахъ служить извиненіемъ. Наотрѣзъ и не безъ горечи отвергъ я предложенный мнѣ подарокъ. Къ счастью, Юзефовичъ былъ до конца великодушенъ. Онъ съумѣлъ войти въ мое положеніе и хотя съ сожалѣніемъ, но безъ досады принялъ мой отказъ. Отношенія наши нисколько не пострадали. Мы продолжали попрежнему вести задушевныя бесѣды, повѣрять одинъ другому свои воззрѣнія на жизнь и на человѣка, читать новыя литературныя произведенія въ журналахъ, которые генералъ выписывалъ въ изобиліи, и восхищаться красотой дочери стряпчаго, звѣздой, сіявшею среди елецкихъ барышенъ.

Кстати о стряпчемъ, ея отцѣ. Это былъ ловкій дѣлецъ. Онъ занимался больше частными, чѣмъ казенными, дѣлами и всякой правдой и неправдой нажилъ себѣ преизрядное состояніе. Два сына его воспитывались въ Москвѣ, въ университетскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Юзефовичемъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Елецъ. Одинъ изъ нихъ былъ малый простой и недалекій, другой — болтунъ и франтъ, съ претензіями на салонный тонъ. Жена стряпчаго и мать предмета нашихъ съ Юзефовичемъ восторговъ была бойкая бабенка провинціальнаго пошиба. Не смотря на ея отцвѣтающую красоту, генералъ не побрезгалъ ею и свободные отъ службы часы обыкновенно посвящалъ бесѣдѣ съ ней

наединѣ. Мужъ смотрѣлъ сквозь пальцы на продѣлки своей дражайшей половины, разсчитывая, что дружба ея съ генераломъ и для него не останется безплодною. Разсчетъ оказался вѣренъ. Димитрій Михайловичъ не остался у него въ долгу и за пріятные часы съ женой наградилъ мужа орденомъ Св. Анны третьей степени. И до сихъ поръ не могу безъ отвращенія вспомнить восторга рогоносца и его хвалебныхъ и благодарственныхъ гимновъ „знаменитому сановнику“.

Въ домѣ генерала Юзефовича была еще одна личность, съ которою я состоялъ тоже въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Молодой человѣкъ, очень красивый, тонко образованный, съ мягкими изящными манерами, Алексѣй Ивановичъ Лаконте занималъ странное положеніе тамъ и вообще представлялся личностью загадочною. Онъ передъ тѣмъ служилъ въ военной службѣ, даже участвовалъ въ походѣ противъ французовъ, въ качествѣ вольноопредѣляющагося, но былъ уволенъ безъ чина, за недостаткомъ какихъ-то документовъ. Едва ли онъ не былъ чьимъ-то сыномъ любви. Французъ по фамиліи и по изысканной любезности и тонкости обращенія, онъ говорилъ и писалъ по-русски такъ, какъ въ то время у насъ говорили, а тѣмъ болѣе писали немногіе. У него былъ пріятный голосъ и онъ часто услаждалъ нашъ слухъ пѣніемъ модныхъ романсовъ, которые передавалъ со вкусомъ и экспрессіей подъ аккопаниментъ гитары. Съ его красиваго лица никогда не сходила тѣнь грусти и это меня особенно къ нему привлекало. Неопредѣленность его положенія и самое покровительство генерала видимо тяготили его, но онъ или не хотѣлъ, или не зналъ, какъ выбиться на свободу. . . .

Вообще въ отношеніяхъ этихъ трехъ лицъ: генерала, Анны Михайловны и Лаконте, говорили, существовала какая-то тайна. Ходили даже такого рода слухи, будто Димитрій Михайловичъ, человѣкъ пылкій и въ молодости неукротимый, одно время сильно увлекался своею собственною сестрою, но теперь прочилъ ее за Локанте, которому и далъ у себя убѣжище съ этою цѣлью. Такъ или иначе, во всякомъ случаѣ не легко разобраться во всей этой путаницѣ слуховъ, сплетень, а можетъ быть и клеветы. Общество вездѣ на нихъ падко, а провинціальное тѣмъ болѣе. Юзефовичи къ тому-же занимали слишкомъ

видное мѣсто въ томъ мірѣ, гдѣ вращались, и потому служили предметомъ особенно оживленныхъ толковъ и догадокъ. Въ бытность мою въ домѣ Юзефовича ничто ни разу не выдало передо мной ихъ тайны, если такая существовала, и я не подозрѣвалъ, что живу среди такихъ пылкихъ страстей.

Внезапная холодность ко мнѣ Димитрія Михайловича, надо отдать ему справедливость, не распространилась на мою мать. Онъ понялъ, какъ тяжела была для недавней вдовы разлука съ сыномъ и далъ ей возможность повидаться съ нимъ. Онъ выписалъ мою мать въ Елецъ и выдалъ на ея путевыя издержки сумму, изъ которой она нашла возможность еще удѣлить часть на возобновленіе моего гардероба. По отъѣздѣ ея я могъ считать себя богачемъ: у меня было четыре новыхъ рубашки.

Изъ числа многихъ лицъ, съ которыми мнѣ привелось столкнуться за это время, особенно живо врѣзалась у меня въ памяти фигура тогда полковника Лепарскаго. Кто не знаетъ теперь имени этого благороднаго дѣятеля? Призванный стеречь въ Сибири сосланныхъ туда декабристовъ, онъ съумѣлъ внести въ отправленіе тяжелой и щекотливой обязанности массу добра и гуманности, ни мало не поступясь при томъ своимъ долгомъ. Если правительство, назначая его на этотъ постъ, имѣло великодушное намѣреніе облегчить участь несчастныхъ, оно вполнѣ достигло цѣли. Въ Ельцѣ Лепарскій былъ уже не молодъ, но бодръ и свѣжъ. Онъ командовалъ Новгородсѣверскимъ конно-егерскимъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Юзефовича. Трудно себѣ представить личность болѣе симпатичную. Онъ весь дышалъ добродушіемъ: оно проглядывало въ его рослой, полной фигурѣ, сіяло на его широкомъ съ сѣдыми усами лицѣ, звучало въ тихой, размѣренной рѣчи, задушевный тонъ которой невольно вызывалъ довѣріе. Онъ и тогда уже отличался какимъ-то особеннымъ сердечнымъ умѣньемъ соглашать важное значеніе начальственнаго лица съ кротостью и поистинѣ отеческою заботливостью о подчиненныхъ. За то они и были преданы ему душой и тѣломъ.

Тѣмъ временемъ проектъ генерала Юзефовича былъ конченъ и отправленъ въ Петербургъ, а затѣмъ и самъ авторъ вызванъ туда для личныхъ объясненій. Проектъ предлагалъ распространеніе Чугуевскихъ поселеній на три уѣзда Воронежской губер-

нія: Острогожскій, Старобѣльскій и Бирюченскій. Смутные, зловѣщіе слухи объ этомъ носились еще во время пребыванія Юзефовича въ Острогожскѣ, гдѣ собственно и составлялся проектъ. Мирные жители этого благосклоннаго края были крайне смущены ими. Они кое-что знали объ аракчеевскихъ порядкахъ въ военныхъ поселеніяхъ и, главное, наслышались о террорѣ въ Чугуевѣ. Что могло побудить генерала предложить правительству такую непопулярную и жестокую мѣру? Одно честолюбіе развѣ, которое все сильнѣе и сильнѣе въ немъ разыгрывалось и въ заключеніе помутило ему умъ и сердце.

Какъ бы то ни было, а проектъ Юзефовича встрѣтилъ благосклонный пріемъ въ Петербургѣ. Димитрію Михайловичу поручили озаботиться его исполненіемъ. Центромъ и образцомъ для предполагавшихся въ проектѣ новыхъ поселеній долженъ былъ служить Чугуевъ и генералъ получилъ предписаніе предварительно взять его подъ свое начальство. Онъ прямо изъ Петербурга, не заѣзжая въ Елецъ, проѣхалъ къ мѣсту своего новаго назначенія, а семейству велѣлъ тоже немедленно собраться въ путь и ѣхать туда же.

Въ концѣ апрѣля, ровно годъ спустя послѣ нашего переселенія въ Елецъ, отправились мы въ Чугуевъ. Ѣхали мы медленно, часто останавливались, между прочимъ, три дня въ Острогожскѣ. Я опять свидѣлся съ матерью и съ друзьями, гнѣвъ которыхъ къ этому времени успѣлъ остыть, и они приняли меня съ распростертыми объятіями. Затѣмъ мы гостили въ Харьковской губерніи у помѣщицы Звѣревой, почтенной старушки, къ дочери которой, какъ сказано выше, былъ неравнодушенъ нашъ пылкій генералъ, и, наконецъ, уже недалеко отъ Чугуева, провели нѣсколько дней въ слободѣ Салтовой, имѣніи богатыхъ помѣщиковъ Хорватъ.

Ни самаго Хорвата, ни жены его уже не было на свѣтѣ и ихъ единственная дочь владѣла всѣмъ огромнымъ состояніемъ ихъ рода. Она была прелестная молодая дѣвушка. Жила она въ оригинальной обстановкѣ: одна, хозяйка въ великолѣпномъ домѣ, со старушкой гувернанткой и пожилымъ священникомъ, другомъ ея родителей, который училъ ее закону Божію. Пребываніе въ Салтовѣ оставило во мнѣ розовое воспоминаніе. Роскошь и изящество тамъ мельчайшихъ подробностей были подъ стать

красотѣ хозяйки. Все въ ней и около нея ласкало взоръ. Она была такъ плѣнительно проста; ея глаза смотрѣли такъ открыто и привѣтливо, что меня, лишь только я взглянулъ на нее и обмѣнялся съ нею парой словъ, точно спрыснули живой водой. Сердце мое или, вѣрнѣе, воображеніе вспыхнуло, какъ порохъ, я пришелъ въ восторженное состояніе и, что называется, расходился. Должно быть я былъ въ ударѣ: говорилъ безъ умолку и меня охотно слушали. Милая хозяйка поощряла меня то взглядомъ, то улыбкой и каждое утро награждала свѣжимъ букетомъ розъ, которыя сама собирала на ранней прогулкѣ въ саду и вязала въ пучокъ. Не мало трунила надо мной по этому поводу Анна Михайловна, но я не унимался.

Быстро прошли эти свѣтлые дни и мы въ половинѣ мая прибыли въ Чугуевъ. Какимъ безотраднымъ показался онъ послѣ свѣжихъ впечатлѣній, вывезенныхъ изъ Салтова. На немъ лежала печать унынія и неумолимой аракчеевской дисциплины. Все въ немъ было перевернуто верхъ дномъ. Вездѣ суматоха, перестройка и возведеніе новыхъ зданій. Прокладывались новыя улицы, старыя подводились подъ математическіе углы; неровности почвы сглаживались: не говоря уже о горахъ и пригоркахъ, была срыта цѣлая гора, съ одной стороны замыкавшая селеніе. Но все это еще только начиналось или было доведено до половины. Вполнѣ готовымъ стоялъ только одинъ небольшой деревянный дворецъ, на случай пріѣзда государя. Въ немъ пока и поселился генералъ.

Дворецъ былъ расположенъ на живописной высотѣ, которою съ другой стороны граничило поселеніе. Она террасами спускалась къ свѣтлому и тихому Донцу, а на нихъ разводился паркъ, который обѣщалъ быть роскошнымъ, судя по громаднымъ работамъ, производившимся подъ надзоромъ искусныхъ инженера и садовника.

Но надъ всѣмъ этимъ носилась мрачная тѣнь воспоминаній о страшныхъ жестокостяхъ, произведенныхъ здѣсь Аракчеевымъ незадолго до назначенія генерала Юзефовича. Главное населеніе Чугуева состояло изъ казаковъ. Когда до нихъ дошла вѣсть о намѣреніи обратить ихъ въ военныхъ поселенцевъ, между ними произошли смуты. Аракчеевъ, какъ извѣстно, шутить не любилъ: въ данномъ случаѣ онъ явился настоящимъ палачомъ. Насчитывали больше двадцати человѣкъ, на смерть загнанныхъ

сквозь строй. Другихъ, забитыхъ до полусмерти, было не счесть. Ужасъ, какъ кошмаръ, сдавилъ въ своихъ когтяхъ несчастныхъ чугуевцевъ.

Мнѣ, послѣ пріятной салтовской интермедіи, показалось, что я попалъ въ кромѣшный адъ. Да и трехдневное пребываніе мимоѣздомъ въ Острогожскѣ развередило во мнѣ старый мой недугъ, тоску по родинѣ, которая въ Ельцѣ только дремала, а теперь пробудилась со всей силой. Сначала я еще находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ участіи моихъ добрыхъ друзей, Анны Михайловны, Лаконте и особенно Михаила Владиміровича Юзефовича. Къ тому-же у меня завелись и новыя пріятныя знакомства. Упомяну изъ нихъ объ адъютантѣ генерала, вступившаго въ его штабъ въ Чугуевѣ, Андреѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ. Весьма образованный молодой человѣкъ, онъ былъ авторъ стихотвореній, печатавшихся въ тогдашнемъ Вѣстникѣ Европы, и переводчикъ военнаго стратегическаго сочиненія эрцгерцога Карла, который въ то время, вмѣстѣ съ генераломъ Жомини, пользовался большой популярностью среди военныхъ.

Скоро прибылъ сюда еще вызванный генераломъ изъ Петербурга чиновникъ его особой канцеляріи, Флавицкій, тоже очень милый и образованный человѣкъ. Мы часто сходились по вечерамъ и вели оживленные разговоры—всего чащѣ о литературѣ. Димитрія Михайловича я видѣлъ только за обѣденнымъ и за чайнымъ столомъ. Онъ былъ очень занятъ и жилъ почти внѣ дома. Я продолжалъ, попрежнему, давать уроки его племянницѣ и племянникамъ.

Но, мало по мало, и занятія, и участіе друзей перестали оказывать благотворное вліяніе на расположеніе моего духа. Лютая тоска буквально съѣдала меня и въ заключеніе свалила съ ногъ. Я тяжко заболѣлъ и если не умеръ, то только благодаря уходу за мной Михайла Владиміровича. Но, выздоровѣвъ физически, я не выходилъ изъ состоянія нравственной истомы. Меня тянуло домой, къ своимъ. Чугуевскій воздухъ казался мнѣ отравленнымъ и одно вліяніе родины, думалось мнѣ, можетъ спасти меня. Наконецъ, я рѣшился просить генерала, чтобы онъ уволилъ меня отъ теперь непосильной должности. Онъ разгнѣвался и сначала и слышать не хотѣлъ о моемъ отъѣздѣ, но потомъ постепенно смягчился и согласился отпустить меня—и

не съ пустыми руками. Я съ облегченнымъ сердцемъ сталъ собираться въ путь.

Между тѣмъ въ характерѣ Димитрія Михайловича стали проявляться странные симптомы. Знавшіе его только въ Чугуевѣ принимали ихъ за природныя свойства его натуры. Но болѣе близкіе люди и тѣ, которые раньше имѣли съ нимъ сношенія, съ тревогой замѣчали въ немъ рѣзкую перемѣну. Онъ становился сухъ и суровъ въ обращеніи и все чаще и чаще подвергался вспышкамъ безпричиннаго гнѣва. Въ поступкахъ его проглядывала непослѣдовательность, а въ рѣчахъ безсвязность. Все это долгое время объяснялось излишкомъ труда и заботъ. Странности и несообразности проскакивали даже въ приказахъ по дивизіи, которые печатались въ вывезенной имъ изъ Петербурга типографіи. Они отличались непомѣрной витіеватостью и часто не согласовались съ сущностью дѣла. Помню я одинъ приказъ его около этого времени. Дѣло шло о какомъ-то легкомъ нарушеніи дисциплины однимъ изъ младшихъ офицеровъ. „Поручикъ (такой-то)", стояло въ приказѣ, „впалъ въ грѣхъ". Слѣдовало нѣчто въ родѣ проповѣди или поученія и все заключалось трогательнымъ увѣщаніемъ „не грѣшить впередъ". Всѣ удивлялись, но никто еще не предвидѣлъ приближавшейся катастрофы.

Отъѣздъ мой состоялся въ половинѣ іюня. Не смотря на страстное стремленіе домой, я съ глубокой грустью разстался съ моими дорогими друзьями, Анною Михайловною, Лаконте и молодымъ Юзефовичемъ. Съ первыми двумя я простился на вѣки, съ послѣднимъ мы свидѣлись и возобновили дружбу лѣтъ двадцать пять спустя. Онъ былъ уже помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а я профессоромъ въ Петербургѣ и, какъ говорится, лицомъ вліятельнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія....

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

1820—1830 годовъ.

XII [1]).

В. А. Жуковскій къ А. А. Бестужеву.

21-го августа 1822 г.

М. г. Александръ Александровичъ, я имѣлъ честь получить ваше письмо. Съ удовольствіемъ исполнилъ-бы ваше лестное для меня желаніе, но на эту минуту у меня нѣтъ ничего такого, что было бы достойно вашего изданія. Постараюсь, однако, что нибудь приготовить. Прошу васъ только увѣдомить меня, къ которому времени долженъ я непремѣнно доставить вамъ свою піэсу [2]). Если-бы я зналъ заранѣе о вашемъ намѣреніи выдавать Альманахъ музъ, то былъ-бы уже готовъ съ моимъ приношеніемъ; но Александръ Өедоровичъ Воейковъ сказывалъ мнѣ о немъ мимоходомъ, и я не слыхалъ, что вы уже собираете матеріалъ для вашей книжки. Постараюсь исполнить ваше желаніе.

Въ ожиданіи личнаго пріятнаго съ вами знакомства, увѣряю васъ точно въ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть, м. г., вашимъ и пр. Жуковскій.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1888 г. т. LX, октябрь, стр. 149—168.

[2]) Жуковскій помѣстилъ свои произведенія во всѣхъ трехъ книжкахъ „Полярной Звѣзды". В. Я.

XIII.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву и къ К. Ѳ. Рылѣеву.

Остафьево. Января 23-го 1823 г.

Милостивые государи. Приношу вамъ мою чувствительнѣйшую благодарность за доставленіе подарка вашего, содержащаго много занимательнаго и прекраснаго. Не сомнѣваюсь въ успѣхѣ изданія вашего и на будущіе годы. Съ признательностью принимаю лестное приглашеніе участвовать и впредь въ вашихъ трудахъ и зажигать лучинку мою на лучахъ вашей блестящей «Звѣзды». Съ живымъ удовольствіемъ читаю я Думы [1]), которыя постоянно обращали на себя и прежде мое вниманіе. Онѣ носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній нашихъ. Что и въ хорошихъ стихахъ, когда нѣтъ въ нихъ особеннаго характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающіе аккорды въ поэзіи хороши въ ребячествѣ. Въ зрѣлости лѣтъ нужна цѣль, нужно намѣреніе. Старинная прозаическая повѣсть [2]) прелестна. Если мои совѣты могли бы имѣть вліяніе, то я сталъ бы убѣждать любезнаго автора ея пристраститься къ этому роду. Въ немъ, кажется, развернется его дарованіе во всей силѣ своей. Пускай засядетъ онъ за нашу старину, напитается ею и Вальтеромъ-Скотомъ и даритъ насъ историческими романами, подобными Кенильвортскому замку и проч.; разумѣется, не перекладывая англійскаго на русскіе нравы, но заимствуя отъ историческаго живописца даръ быть современникомъ нравовъ старины, а насъ дѣлать ихъ свидѣтелями. Взимайте оба дани съ предковъ нашихъ, одинъ стихами, другой прозою, одинъ легкими набѣгами, другой совершеннымъ овладѣніемъ всѣхъ сокровищъ, таящихся подъ спудомъ, и пустите въ ходъ мертвые капиталы нашей исторіи.

Съ отличнымъ уваженіемъ и постоянною преданностію пребываю навсегда, милостивые государи, вашъ читатель и почитатель Вяземскій.

---

[1]) Въ I книжкѣ „Полярной Звѣзды“ напечатаны четыре Думы Рылѣева: Рогнѣда, Мстиславъ Удалой, Борисъ Годуновъ и Иванъ Сусанинъ.

[2]) „Романъ и Ольга, древняя повѣсть“ Бестужева въ той же книжкѣ.

В. Я.

XIV.

2 **Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.**

Москва, 8-го апрѣля (1823).

Съ удовольствіемъ и признательностію прочелъ я обязательное письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Александровичъ! Если замедлилъ отвѣтомъ, то причиною тому Богъ, который даровалъ мнѣ сына и ужасный флюсъ. Не пугайтесь затрудненіями и разскажите намъ свою поѣздку въ матушку-Москву. За однѣ личности будутъ въ правѣ сердиться; ихъ, вѣрно, у васъ и не будетъ; а отъ неосновательнаго сердца дураковъ нигдѣ и никакъ не упасешься. Нечего и глядѣть на нихъ; впрочемъ

На то и дураки, чтобы дурачить ихъ!

Преданія старины; 1812 годъ, который все еще не проломленъ нашими писателями, хотя Антонскій и начинаетъ всѣ рѣчи свои отъ незабвеннаго года и вторженія всеобщаго врага; русская литература, долго имѣвшая Москву столицею своею и колыбелью, вопреки мнѣнію Булгарина въ обозрѣніи своемъ; нѣкоторыя лица, господствовавшія въ ней: Новиковъ, Херасковъ и другіе живые покойники; вліяніе Москвы на Россію, пагубное и цѣлебное; цѣлебное въ отношеніи образованности, которая разлилась на губерніи отъ насъ, а не отъ васъ; пагубное потому, что праздность, разсѣянность, глупая роскошь, роговая музыка, крѣпостные виртуозы и въ школѣ палокъ воспитанные актеры, однимъ словомъ, нелѣпое бригадирство съ причетомъ своимъ отъ насъ заразило Россію: все это вставиться можетъ въ раму вашу. Записка Карамзина о Москвѣ [1]) можетъ служить вамъ развѣ путеводителемъ, а не пугаломъ. Я поручилъ просить васъ отдать Соревнователямъ мои двѣ новыя басни: Мудрость и Соловей. Я вамъ заплачу съ лихвою. Почему не прочесть чего нибудь изъ біографіи Дмитріева? [2]) Что сказать вамъ о Москвѣ?

Въ Москвѣ постъ, а на щекѣ моей флюсъ. Шаликовъ грызется

---

[1]) Записка о московскихъ достопамятностяхъ.

[2]) Отрывокъ изъ біографіи И. И. Дмитріева, составленной кн. Вяземскимъ, а затѣмъ напечатанной при сочиненіяхъ Дмитріева въ 1824 году, и былъ прочитанъ въ обществѣ соревнователей и благотворителей просвѣщенія въ 1823 г., см. слѣдующее письмо.

Веселья вслѣдъ тебѣ помчались,
Веселья спутники твои! В. Я.

съ Каченовскимъ, и шутки обоихъ самыя постныя. Отъ одного несетъ ромашкою, отъ другаго капустою съ лукомъ. Шаховской развозитъ здѣсь своего Аристофана [1]). Меня еще Богъ миловалъ Красавицы вымаливаютъ прощеніе за грѣхи мясопустные и готовятся брать яйца въ руки. Вотъ все, что могъ пріискать наличнаго, болѣе о Москвѣ и сказать нечего. Постарайтесь узнать черезъ лазутчиковъ и отъ языковъ непріятельскихъ, что послѣдовало съ моимъ наѣздомъ на Красовскаго въ училищномъ правленіи. Мнѣ кажется, что я могу сказать:

Mais tout dort et l'armée, et les vents, et Neptune.

Но. впрочемъ, что-же и кто-же у насъ не спитъ? По крайней мѣрѣ, хорошо хотя присниться домовымъ и попугать сонныхъ. Не заспитесь вы, любезнѣйшій будильникъ, и пріударьте въ большой московскій колоколъ и гряньте въ дураковъ изъ кремлевской пушки! А между тѣмъ вспоминайте иногда о москвичѣ, который вамъ сердечно преданъ и любитъ, и уважаетъ васъ. Поклоны ваши розданы, и всѣ просили меня выплатить ихъ вамъ съ процентами. Вашъ.

Если будетъ у васъ въ Петербургѣ что хорошенькое, которое не понравится Красовскому, то порадуйте меня доставленіемъ. Намъ только и можно лакомиться что рукописнымъ, а печатное такъ черство, такъ сухо, что въ горло не лѣзетъ.

XV.



Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

6-го, Москва (Мая 1823).

Благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, за пріятное ваше донесеніе о сшибкахъ и торжествѣ Соревнователей По вашей милости, я все видѣлъ, все слышалъ и присутствовалъ съ вами. Мнѣ кажется, что выборъ отрывка изъ біографіи Дмитріева былъ неудаченъ. Можно было найти что-нибудь рѣшительнѣе, а это мѣсто довольно пошлое и не выказываетъ господствующаго духа моей біографіи. Когда же напечатается она? Какъ наши журналы далеки отъ исполненія условій журнальныхъ! Получа вчера 5-ю книжку

[1]) Піеса кн. Шаховскаго: „Аристофанъ или представленіе комедіи Всадники", историческая комедія въ древнемъ родѣ. Отрывокъ изъ этой комедіи былъ читанъ 14-го января 1823 года въ россійской академіи. Напечатана піеса была въ 1828 г., въ Москвѣ, а отрывки изъ нея находятся въ Мнемозинѣ, 1824, № 1. В. Я.

Соревнователя, былъ я увѣренъ, что найду въ ней описаніе бывшаго торжества и многія изъ піесъ, въ немъ читанныхъ. Не тутъ-то было! У насъ никакъ не умѣютъ подавать горячаго, и все дѣлаютъ заднимъ умомъ и пишутъ заднимъ числомъ. За то и мы ужъ какъ назади, чуть было не сказалъ я: на з...... На ней далеко не выѣдешь. Я это знаю по опыту; надняхъ, ѣхавши въ деревню, упалъ я съ дрожками въ яму и сижу безъ ноги. Того и смотри, что Хвостовъ вымолилъ мнѣ это паденіе, въ наказаніе за мои замѣчанія! Какъ не стыдно было Гречу такъ нещадно отдѣлать Раича! Конечно, Аониды его никуда не годятся, и промышлять чужимъ добромъ не позволительно; но все дарованіе Раича должно было бы защитить его отъ нападеній грубыхъ. Скажи то-же, да не такъ-же [1]). Раичъ теперь въ деревнѣ, и, зная его, увѣренъ я, что онъ живо приметъ къ сердцу подобное оскорбленіе. Мнѣ тѣмъ болѣе жаль его, что, кромѣ отличнаго дарованія, онъ и человѣкъ нравственный, и весьма благонамѣренный во всѣхъ отношеніяхъ.

Надняхъ отъѣзжаю въ подмосковную и оттуда буду писать вамъ на досугѣ и готовиться безъ затменія явиться къ Звѣздѣ. Теперь простите. Обнимаю васъ сердечно. Съ Ив. Ив. читали мы ваше послѣднее письмо ко мнѣ; онъ по старому васъ любитъ и уважаетъ. Воля ваша, Измайловъ исквартальничался. Вяземскій.

Вотъ мой адресъ: въ собственномъ домѣ, въ Чернышовскомъ пер.

[Адресъ: Милостивому государю Александру Александровичу Бестужеву. Въ С.-Петербургѣ.—Другой рукой, карандашомъ: На Острову, въ 7-й линіи, противъ Андреевскаго рынка].

---

[1]) Раичъ издалъ „Новыя Аониды" на 1823 г., перепечатавъ въ нихъ „лучшее изъ журналовъ 1822 г.". Въ „Сынѣ Отечества" 1823 года, № 16, объ Аонидахъ былъ данъ самый лестный отзывъ (издатель сей карманной книжки имѣлъ счастливую мысль... это предпріятіе можетъ принести пользу и удовольствіе... отъ всего сердца желаемъ ему успѣха); послѣ этого въ № 20, въ статьѣ, подписанной Ж. К., — Раичъ и его Аониды совершенно разруганы. Объ этой-то статьѣ и говоритъ кн. Вяземскій. В. Я.

XVI

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

10-го мая. Москва (1823 г.).

Съ благодарностію возвращаю вамъ, любезный партизанъ-критикъ, комедію Фонъ-Визина и прошу отблагодарить кого слѣдуетъ. Не найдете ли вы гдѣ-нибудь и другую его комедію: «Гофмейстеръ»? Старикъ былъ плохой стихотворецъ! Да и вообще, за исключеніемъ «Недоросля», двухъ или трехъ сатирическихъ мелочей и статьи, извѣстной подъ названіемъ: «О необходимости законовъ», все, что ни писалъ онъ, весьма посредственно. Грустно раздѣвать до рубашки нашихъ именитыхъ писателей, облеченныхъ въ мантіи какой-то славы руками суевѣрной толпы, а дѣлать нечего. Пожалуй, и теперь многіе кадятъ имъ, съ тѣмъ, чтобы кадильницею задѣвать живыхъ, но не трудно добраться до истины и разгадать ихъ побужденія. Мертвыхъ ненакладно хвалить, а хвала современникамъ не легко желудкомъ переваривается. Ради Бога, уймите Жандра, да, воля ваша, и своему рыцарю велите вложить перо въ чернильницу. Ихъ перья уже такъ притупились, что способа нѣтъ. Признаюсь, до сей поры не могу разобрать, въ чемъ состоитъ ихъ споръ. Вотъ ужъ точно: споръ до слезъ! то есть до слезъ, извлекаемыхъ зѣвотою [1]). Не знаете ли вы кто въ Благонамѣренномъ отстряпалъ мое «Посланіе къ Дмитріеву?» [2]). Сдѣлайте одолженіе, покамеражничайте немного. Я до смерти люблю литературныя сплетни. Впрочемъ, не бойтесь: никогда сора не выношу изъ избы, и, слѣдственно, отъ сора не дойдетъ до

---

[1]) Въ статьѣ своей „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи", въ первой книжкѣ „Полярной Звѣзды", А. Бестужевъ неблагопріятно отозвался о переводахъ Жандра; послѣдній напечаталъ въ „Сынѣ Отечества" (1823 г., № IX) статью „Разговоръ отъ Полярной Звѣзды", помѣченную 23-го февраля; отвѣтомъ ему было „Письмо къ А. А. Бестужеву (въ Москву)" подписанное Я. Т. и помѣченное 9-е марта (С. О. № XII); въ № XIV „Сына Отечества" помѣщена новая статья Жандра отъ 25-го марта: „Бѣда отъ правды"; въ № XV Я. Т. снова отвѣчалъ отъ 10-го апрѣля статьею: „Бѣда отъ неправды"; въ № XVI появилась опять статья Жандра отъ 17-го апрѣля: „Вопросы вмѣсто отвѣта", а въ № XVII: „Отвѣты на вопросы"—Я. Т. Къ послѣдней статьѣ было сдѣлано Гречемъ примѣчаніе—обращеніе къ Жандру и Я. Т.: „М—е Г—и! И я скажу: не пора ли кончить вашъ споръ? Вашъ покорнѣйшій слуга издатель С—а О—а."—Это было не первое столкновеніе между Бестужевымъ и Жандромъ, см. выше письмо XI.

[2]) Благонамѣренный, 1823, № VI; статья безъ подписи. В. Я.

ссоры. Каковъ злодѣй Измайловъ! Взялся быть истолкователемъ и защитникомъ Красовскихъ! Право, я не ожидалъ отъ него такой подлости. Я полагалъ его всегда въ числѣ худыхъ стихотворцевъ, пошлыхъ журналистовъ, но, по крайней мѣрѣ, честныхъ людей,

И что-жъ! У полыньи каналья очутился!

Простите, любезнѣйшій Александръ Александровичъ! Пишите мнѣ почаще, увѣдомляйте о своихъ занятіяхъ, о петербургскихъ вѣстяхъ по части словесности etc., etc. Всѣ пріятели наши общіе вамъ кланяются.

XVII.

А. Вельяминовъ къ А. И. Якубовичу.

Баталъ-Пашинскъ. 18-го августа 1823 г.

Либо ты нездоровъ, любезный Александръ Ивановичъ, либо ты не получилъ письма, писаннаго къ тебѣ Павловымъ изъ Ставрополя по моему приказанію, которымъ онъ увѣдомлялъ тебя, чтобы ты къ седьмому числу пріѣхалъ въ отрядъ. Если ты нездоровъ, то увѣдомь или вели меня о семъ увѣдомить, дабы я на тебя не разсчитывалъ; если же тебя отъ того здѣсь нѣтъ, что не получилъ ты Павлова письма, то пріѣзжай. Закубанцы начинаютъ понемногу собираться и скоро могутъ случиться дѣла. Не говори, однако-же, объ этомъ на водахъ. Всегда преданный А. Вельяминовъ.

P. S. Алексѣй Петровичъ [1]) весьма доволенъ нашею экспедиціею.

XVIII.

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Остафьево. Сентября 2-го дня (1823 г.).

Жуковскій отдастъ вамъ, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, стихотворный отрывокъ мой: Петербургъ, который вы желали имѣть и который желаю видѣть напечатаннымъ у васъ [2]). Кажется, нужно будетъ вамъ отъ себя прибавить нѣсколько изъясненій, напримѣръ, что, когда напоминалъ я о народной признательности Кутузову, о памятникѣ, воздвигаемомъ ему нынѣ правительствомъ, еще

---

[1]) Ермоловъ.

[2]) „Петербургъ", вмѣстѣ съ другими пьесами кн. Вяземскаго, напечатанъ во II книжкѣ „Полярной Звѣзды". В. Я.

и слуха не было; что упоминаемый Ланской былъ отличной храбрости генералъ, убитый во Франціи, кажется, въ Лаонѣ или Краонѣ; что въ описаніи Лѣтняго сада идетъ рѣчь о Домикѣ Петра Великаго. Кажется, вотъ и все. Еще намѣренъ я вамъ доставить довольно большую лирическую піесу: «Утро на Волгѣ», посланіе къ графу Чернышеву [1]), сатирическое или, лучше сказать, эпиграмматическое, и нѣсколько бездѣлокъ, какъ-то: четверостишія, мадригалы, эпиграммы и двѣ пѣсни, въ родѣ: Всякій на свой покрой. Не такъ ли? Или не черезъ-чуръ ли такъ? Сдѣлайте милость, не чинитесь, я съ лишнимъ и назадъ пойду. Что съ вами дѣлается? Ждалъ васъ въ Царскомъ Селѣ и не дождался; жду хоть письма, и тутъ ждать-пождать и ничего не вижу. Откликнитесь, ради самого Бога! А вотъ вамъ, между тѣмъ, кое-что для «Звѣзды» 1844 г.; когда надъ нами сіять будетъ солнце здраваго смысла, и цензура, какъ ночная сова, спрячется отъ лучей его въ дупло на вѣки вѣковъ! Дай Богъ, чтобы сбылось мое пророчество! Давайте, побьемтесь объ закладъ! Пускай Бируковъ разнимаетъ насъ!

Быль, которая сбудется.

Когда Красовскаго пресѣкла парка годы,
Того Красовскаго, который въ жизни самъ
Былъ паркою ума и мыслящей свободы,
Побрелъ онъ на покой къ Нелѣпости во храмъ.
„Кто ты?" кричатъ ему привратники святыни,
Невѣжество и Ханжество:
„Яви, чѣмъ заслужилъ признательность богини?
Твой чинъ? твой формуляръ? занятье? мастерство?
Отвѣтствуй передъ нами!"—
«Я при Голицынѣ былъ цензоръ!» молвилъ онъ,
И вдругъ предъ нимъ чета кладетъ земной поклонъ,
И двери растворились сами!

Надписи къ портретамъ.

1-я.

Подлецъ вертлявый по природѣ,
Модницкій, глядя по погодѣ,
То ходитъ въ красномъ колпакѣ,

---

[1]) Посланіе „Къ гр. Чернышеву въ деревню" напечатано въ I книжкѣ „Мнемозины", а въ „Полярной Звѣздѣ" во II книжкѣ явилось другое произведеніе кн. Вяземскаго: „Графинямъ Чернышевымъ". В. Я.

То въ рясахъ, въ черномъ клобукѣ.
Когда безбожье было въ модѣ,
Онъ былъ безбожья хвастуномъ;
Теперь въ прихожей и въ приходѣ
Онъ щеголяетъ ханжествомъ.

2-я.

Кутейкинъ въ рясахъ и съ скуфьею
Храмъ знаній обратилъ въ приходъ
И въ немъ копѣечной свѣчою
Онъ просвѣщаетъ нашъ народъ.

Простите, любезнѣйшій! Скажите мой усердный поклонъ своему товарищу полярному и другимъ свѣтлымъ, когда попадутся. Забылъ еще сказать, что доставлю и въ прозѣ выписки изъ памятной книжки, страницы на четыре. Нужно только присѣсть и перебѣлить. Только, ради Бога, не впускайте Хвостова. Что за охота дѣлать изъ книжки крестьянскую избу, которая служитъ и людскою обителію, и хлѣвомъ. Всякому свое мѣсто: люди съ людьми, а прочее съ прочимъ! Пускай хрюкаетъ онъ у дверей, но вы мужайтесь и дверей не растворяйте.

XIX.

Туманскій къ А. А. Бестужеву.

1823 г. 18-го сентября. Одесса.

Поклонъ тебѣ, милый разбойникъ литературы, первый лучъ «Полярной Звѣзды», правая рука или нога Виртембергскаго принца [1]), хищникъ Матильдинаго сердца, столбъ русскаго, кореннаго либерализма! Поклонъ тебѣ и многія лѣта! Спасибо тебѣ, добрый Сашенька, что ты вспомнилъ обо мнѣ въ письмецѣ къ Іисусу Христу нашей поэзіи! И впрямъ я измѣнникъ—разлѣнился и забылъ обѣщаніе скучать друзьямъ своими нелѣпостями. Но кто же виной, что я не ранѣе прерываю мое молчаніе? Вы же все, золотые мои поэты и прозаики,—одно словечко вашихъ безцѣнныхъ ротиковъ одушевило бы меня на цѣлыя страницы! Но забудемъ прошлое: оно и въ настоящемъ намъ надоѣдало.

Скажу тебѣ, любезный Бестужевъ, что мы уже лишились поэта Пушкина, но что въ замѣну есть у насъ Пушкинъ живописецъ. Ему

---

[1]) А. Бестужевъ былъ адъютантомъ принца Виртембергскаго.
В. Я.

на все счастье,—и теперь его карандашъ столь же хорошо рисуетъ древній антикъ Гнѣдича, сколько перо его описывало прежде первую ночь Людмилы или послѣднія свиданія пылкой Черкешенки. Прилагаю вамъ, въ доказательство новаго его таланта, портретъ Гнѣдича, желая, чтобъ онъ отнесенъ былъ въ нашу богатую академію.

Пишетъ-ли что нибудь Рылѣевъ? Кончилъ-ли онъ Войнаровскаго и какъ кончилъ? Набрали-ли вы много пьесъ для «Полярной Звѣзды» и хороши-ли стихи и проза? Печатается-ли это прекрасное свѣтило? Отвѣчай мнѣ, другъ Сашенька на эти вопросы, которые всѣ очень меня интересуютъ. Кромѣ того, получили-ли вы и мою лепту, и какъ стихи мои вамъ понравились, и что вы думаете изъ нихъ печатать [1])? страхъ какъ любопытно мнѣ будетъ получить рѣшеніе сихъ задачъ.

Я, слава Богу, здоровъ и пока не совершенно оглупѣлъ и отъ Руси отстранился въ иностранномъ нашемъ градѣ. Кланяйся Гречу, Булгарину, Рылѣеву, Дельвигу, Плетневу, Глинкѣ, Никитину, Корниловичу, Измайлову и проч., но, пожалуйста, всплюнь, встрѣчаясь съ Федоровымъ! Туманскій.

XX.

Н. Ѳ. Смирной къ бар. В. И. Штенгелю.

13-го ноября 1823 г. Спб.

Почтеннѣйшій другъ баронъ Владиміръ Ивановичъ! Я опять подвергъ себя дружескому вашему гнѣву молчаніемъ моимъ. Правду сказать, причиною сему было желаніе сообщить вамъ что нибудь пріятное; по секрету скажу вамъ, я домогался, чтобы употребили васъ на вакансію дежурнаго штабъ-офицера гвардейскаго корпуса, остающуюся по нынѣ безъ замѣщенія. Мѣсто сіе именно по вашимъ способностямъ и могло бы открыть вамъ блистательную карьеру. Проба была сдѣлана, но встрѣтившіяся нѣкоторыя препоны отлагаютъ еще на нѣсколько перемѣну участи вашей. Я совсѣмъ не хотѣлъ было говорить вамъ о семъ, и если сдѣлалъ сіе, то единственно въ нѣкоторое оправданіе противу молчанія моего. Впрочемъ, тайну сію никто не зналъ, кромѣ Василія Ѳедоровича, и пускай далѣе никуда она не идетъ. Не думайте, Бога ради, чтобы случай сей приводилъ я вамъ въ доказательство готовности моей къ вашимъ

---

[1]) Стихи Туманскаго находятся во всѣхъ трехъ книжкахъ „Полярной Звѣзды“. В. Я.

услугамъ и признательности за ваши одолженія, мысль сія вовсе меня чужда, и я, доколѣ живъ, не престану дѣйствовать всѣми возможными моими средствами для пользы вашей, не смотря на то, что вы сами силитесь остановить меня въ томъ.

Пускай и не будетъ успѣха, но я выполню долгъ мой, а черезъ то, можетъ, и добьемся до чего нибудь. Теперь же молю Бога о спокойствіи вашемъ; сдѣлайте милость, скажите довольны-ли вы настоящимъ вашимъ положеніемъ, и долго-ли продлится оно? Не вздумаете-ли, пока что будетъ, принять частное у Ѳедора Петровича мѣсто? У него въ Волынскомъ и Кіевскомъ имѣніяхъ открывается мѣсто главноуправляющаго; я знаю, что вы противъ сего, но помыслите хорошенько.

Радъ бы вамъ сообщить новости, но покамѣстъ нѣтъ еще никакихъ. Адъютантъ Ѳедора Петровича [1]), г. Бехтѣевъ, отставленъ по прошенію его къ статскимъ дѣламъ коллежскимъ совѣтникомъ и съ званіемъ камергера. Я открылъ, что сей слабый человѣкъ съ сообщникомъ своимъ Г. . . . . дѣйствовалъ противу васъ въ Москвѣ, и отъ того-то видно не видалъ васъ генералъ въ другой разъ. Богъ съ ними! Слабоумнымъ людямъ такъ и надо дѣйствовать. Пускай и это остается также между нами токмо.

Прощайте! Всему достойнѣйшему семейству вашему глубочайшее мое почтеніе. Будьте здоровы и веселы! Не забывайте и любите, какъ начали, вѣрнѣйшаго и на вѣкъ вамъ преданнѣйшаго Н. Смирнаго.

(Помѣта: Пол. 20-го ноября 1823 г.).

XXI.

Е. А. Баратынскій къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву.

(1822—1823?).

Милые собратья Бестужевъ и Рылѣевъ! Извините, что не писалъ къ вамъ вмѣстѣ съ присылкою остальной моей дряни, какъ-бы слѣдовало честному человѣку. Я увѣренъ, что у васъ столько же добродушія, сколько во мнѣ лѣни и безтолочи. Позвольте приступить къ дѣлу. Возьмите на себя, любезные братья, класифировать мои пьесы. Въ первой тетради онѣ у меня переписаны безъ всякаго порядка,

[1]) Ѳедора Петровича Уварова, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. В. Я.

особенно вторая книга Элегій имѣетъ нужду въ пересмотрѣ; я желалъ-бы, чтобы мои пьесы по своему расположенію представляли нѣкоторую связь между собою, къ чему онѣ до извѣстной степени способны. Второе: увѣдомьте, какіе именно стихи не будетъ пропускать честная цензура, я, можетъ быть, успѣю ихъ передѣлать. Третье: Дельвигъ мнѣ пишетъ, что Маккавеи мнѣ будутъ доставлены черезъ тебя, любезный Рылѣевъ, пришли ихъ поскорѣе: переводить, такъ переводить. Впрочемъ я душевно буду радъ, ежели безъ меня обойдутся. Четвертое: о други и братья! постарайтесь въ чистенькомъ нарядѣ представить дѣтокъ моихъ свѣту,—книги, какъ и людей, часто принимаютъ по платью.

Прощайте, мои милые, желаю всего того, чѣмъ самъ не пользуюсь: наслажденій, отдохновеній, счастія,—жирныхъ обѣдовъ, добраго вина, ласковыхъ любовницъ. Остаюсь со всею скукою финляндскаго житья душевно вамъ преданный Баратынскій.

(На бумагѣ клеймо 1820. Годъ письма опредѣлить трудно. Баратынскій пробылъ въ Финляндіи съ 1820 по 1824 годъ. Сочиненія его вышли отдѣльнымъ изданіемъ лишь въ 1827 году).

XXII.

6 **Князь П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.**

Москва, 20-го января (1824 г.).

Благодарю васъ, любезнѣйшій звѣздочетъ, за подарокъ «Звѣзды» и письма и прошу изъявить мою благодарность и товарищу вашему. Отвѣчаю вамъ поздно потому, что хотѣлъ поговорить о книгѣ вашей, имѣя ее подъ глазами. Но ваша «Звѣзда» блуждаетъ по красавицамъ московскимъ и не возвращается домой. И такъ рѣшусь говорить пока заочно. Вообще, кажется, «Звѣзда» не имѣетъ блеска прошлогодней, оттого ли, что она хуже, или только оттого, что не лучше, что также есть порокъ. Разумѣется, говорю о внутреннемъ, а не внѣшнемъ достоинствѣ, которое на этотъ годъ превосходнѣе. Форматъ, красивость европейскіе, о томъ слова нѣтъ. Но жаль, что содержаніе черезчуръ русское: много дѣтскаго лепетанія, милаго, сладкозвучнаго, но мало мыслей, мало зрѣлости, мужества. Это игрушка. Конечно, не вы виноваты, а виноваты...

La faute en est aux dieux qui les firent si bêtes!

Въ вашей литературной статьѣ много хорошаго, но опять та же выисканность и какая-то аффектація въ выраженіяхъ. Также не

одобряю какую-то подчиненность въ сужденіяхъ. Что за охота выставлять Загоскина? Его Посланіе къ Людмилѣ площадное, плоское по мыслямъ и стихосложенію, взапуски выхваляемое петербургскими и московскими журналами, точно какъ будто переродило его. Дайте себѣ трудъ его прочесть и вы, вѣрно, со мною согласитесь. «Деревенскаго философа» [1]), вѣрно, вы и не читали, а не то и не рѣшились бы похвалить. Въ сценахъ Луковина [2]) мало дарованія, воля ваша! Въ сказкѣ вашей есть мѣста прекрасныя; но не люблю нѣмецкихъ шутокъ садовника и нѣмецкаго самохвальства въ злодѣйствѣ. Подобныя лица въ свѣтѣ не встрѣчаются, а только въ драмахъ нѣмецкихъ и мелодрамахъ французскихъ. Въ прозѣ предпочтительно понравилась мнѣ статья вашего брата: есть много занимательности, движенія, краски въ слогѣ [3]). Сцены Жуковскаго [4]) очень хороши; стихи Пушкина прелесть [5])! точно свѣжій, сочный, душистый персикъ! Но мало въ нихъ питательнаго. Прочія стихотворенія, признаюсь, довольно блѣдны, одноцвѣтны, однозвучны. Все одинъ напѣвъ! Конечно, и въ нихъ можно доискаться отпечатка времени, и потому и они не безъ цѣны въ глазахъ наблюдателя; но мало признаковъ искусства. Эта тоска, такъ сказать, тошнота въ стихахъ, безъ сомнѣнія, показываетъ, что намъ тошно: мы мечемся, чего-то ждемъ, и вы очень удачно намекнули объ этомъ въ своемъ предисловіи. Но со всѣмъ тѣмъ, здоровое сложеніе, крѣпость не поддается нравственной немочи. Смотрите на Пушкина! И его грызетъ червь, но все-таки жизнь выбрасываетъ изъ него отпрыски цвѣтущіе. Въ другихъ этого не вижу: ими овладѣлъ маразмъ, и сѣтованія ихъ замираютъ.

Здѣсь одному Загряжскому отрѣзали шесть седьмыхъ благороднѣйшаго . . . . , и Неѣловъ говоритъ, что женѣ его оставлена законная часть седьмая. И я также вышелъ изъ рукъ цензоровъ съ одною законною частію. Но вы поступили со мною беззаконно, выпустивъ меня на позоръ несчастнымъ скопцомъ. Я писалъ къ Жуковскому, что для выгоды книжки вашей и моей предпо-

---

[1]) Тоже піеса Загоскина, о которой Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 года отозвался одобрительно.

[2]) Бестужевъ тоже похвалилъ напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» отрывокъ изъ комедіи Писарева—Луковинъ.

[3]) Н. Бестужевъ. Объ удовольствіяхъ на морѣ.

[4]) Сцена изъ Орлеанской Дѣвы.

[5]) Въ „Полярной Звѣздѣ" 1824 года напечатаны девять піесъ А. С. Пушкина: Къ друзьямъ, Нереида, Въ альбомъ малюткѣ, Къ Морфею, „Рѣдѣетъ облаковъ"‥, Изъ посланія къ В. Л. П., Домовому, „Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты" и надпись къ портрету Вяземскаго. В. Я.

челъ бы я, если ничего моего не напечатали бы вы, а сказали въ особенномъ замѣчаніи, что изъ присланнаго кн. Вяземскимъ ничего въ этой книжкѣ не печатается по нѣкоторымъ обстоятельствамъ. Таковое замѣчаніе сдѣлало бы фортуну мою и вашей книжки. Тѣмъ болѣе жалѣю, что вы у меня похитили случай ополчиться на брань и ругательство. А я ужъ такъ было и зубы навострилъ. Отчего нѣтъ у васъ ничего Раича и Гнѣдича? Спасибо, что упокоили Хвостова. Что значитъ, что «Вѣстникъ Европы» идетъ своимъ твердымъ шагомъ [1]), ослинымъ что-ли? Нѣтъ тверже ослинаго шага, а въ доказательство служитъ то, что по горамъ ихъ употребляютъ. Вы изъ Каченовскаго точно дѣлаете помазанника. Какъ ни глупъ, какъ ни скученъ, какъ ни безплоденъ, а все съ какимъ-то благоговѣніемъ говорится о его величествѣ. Какъ не видать, что «Вѣстникъ Европы» держится своею давностію и своею законностію (legitimité), какъ фамиліи Атридовъ или Бурбоновъ. Самъ собою онъ ничтоженъ: посмотрите его отчеты о московскомъ театрѣ. Какой неурожай на мысли и на слова! Какой запоръ въ головѣ! Я слишкомъ васъ знаю, чтобы не твердо быть увѣреннымъ въ мнѣніи вашемъ о Каченовскомъ, если спроситесь литературной совѣсти: зачѣмъ же вамъ подчинять себя побочнымъ условіямъ, околичностямъ? Оставимъ это поденьщикамъ книжнымъ, цеховымъ ремесленникамъ: но кому же быть независимымъ, если не намъ, которые пишемъ изъ побужденій благороднаго честолюбія, безкорыстной потребности души? Хорошо «Благонамѣренному» и ему подобнымъ вытягиваться передъ «Вѣстникомъ Европы» съ пальцами по квартирамъ и съ улыбкою раболѣпства на холопскихъ устахъ. Они точно видятъ въ немъ какое-то превосходительство въ журналахъ съ третьимъ Владиміра на шеѣ. Повѣрьте мнѣ, вотъ степень и родъ уваженія ихъ. Я коротко и глубоко знаю эту сволочь. Достоинство писателя у насъ упадаетъ съ каждымъ днемъ, и если малому числу избранныхъ не поддерживать его, то литература сдѣлается какою-то казенною службою, полицейскимъ штатомъ или и того хуже—какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія. Независимость—вотъ власть, которой должны мы служить вѣрою и правдою. Безъ нея нѣтъ писателю спасенія: и умъ, и сердце его, и чернила— все безъ нея заплѣснѣетъ.

Боюсь, что нынѣшняя «Звѣзда» и тѣмъ потеряетъ передъ предте-

---

[1]) У Бестужева сказано: „Вѣстникъ Европы" (изд. г. Каченовскій, въ Москвѣ), патріархъ русскихъ журналовъ, правда далеко отсталъ въ поэзіи отъ петербургскихъ періодическихъ изданій, но по части прозаической онъ шелъ обыкновеннымъ своимъ твердымъ шагомъ. В. Я.

чею своею, что та вывела васъ за собою въ Москву, а теперь вы и не говорите о пріѣздѣ своемъ. Забѣгите посмотрѣть на насъ. Сказка Измайлова здѣсь въ большой чести. Грустно, а дѣлать нечего: наша знать удивительно какъ черна въ своихъ сужденіяхъ. Впрочемъ, Павлушка забавенъ, если и не имѣетъ ни литературнаго, ни эстетическаго достоинства. Мнѣ очень понравилось ваше сужденіе объ Измайловѣ: забавенъ для своего круга [1]), тѣмъ болѣе, что этотъ кругъ напоминаетъ какъ-то кружало. Я представляю себѣ его музу въ видѣ Панкратьевны:

Съ широкой з . . . . , съ угрями на челѣ,
Вся провонявшая и чеснокомъ и водкой.

Простите, любезнѣйшій! Не имѣю, кажется, нужды оправдываться передъ вами въ искренности моей исповѣди. Уваженіе къ вашему дарованію и тѣмъ качествамъ, которыя успѣлъ я узнать въ васъ въ короткое знакомство, развязываетъ мнѣ съ вами сердце, руки и языкъ.

Общіе пріятели наши вамъ кланяются.

XXIII.

Петръ Александровичъ Мухановъ [2]) къ К. Ѳ. Рылѣеву.

31 генваря (1824 г.).

Ты мнѣ прислалъ столько экземпляровъ «Звѣзды», сколько нѣтъ и на нашемъ небѣ. Но мнѣ весьма жалко, что путешествіе твоей «Звѣзды» было столь-же медленно, какъ движеніе Юпитера. Контракты наши кончились, народы разъѣхались, и въ Кіевѣ, кромѣ солдатъ и жидовъ, нѣтъ никого. Книгопродавецъ предлагаетъ мнѣ по 7 рублей за все, говоря, что Четминей и кіевскіе святцы лучше твоей книги. Я-же озлобился за такое обидное для издателей мнѣніе, отобралъ у него и положилъ во всѣ наши модныя лавки, положа цѣну по 9 р. (а одинъ рубль сверхъ того за коммиссію). Я надѣюсь, что будетъ толкъ, ибо книга новаго фасона.

Дѣло твое, о которомъ отчетъ я послалъ тебѣ недавно, идетъ черепахинымъ маршемъ и злобитъ твоего ревностнаго и преданнаго адвоката. Маршалъ, судья и подсудки безпечно отъѣдаются въ своихъ деревняхъ, какъ свиньи за корытомъ. Я употребилъ всѣ средства,

---

[1]) Въ обозрѣніи Бестужева говорится: „Благонамѣренный г. Измайлова забавенъ для своего круга".

[2]) Петръ Мухановъ—авторъ нѣсколькихъ статей по военной исторіи, потомъ декабристъ. В. Я.

чтобы придать ходу, и заставилъ губернатора дуть въ паруса повѣтоваго суда, но судъ, какъ линейный корабль, сѣвшій на мель, трещитъ, но не подвигается. Черезъ три недѣли всѣ Кривосудовы и Цапалкины съѣзжаются, присягаютъ на правосудіе, принимаются за судъ и расправу и дебютируютъ твоимъ дѣломъ. Что касается до 10-лѣтней давности, то будь покоенъ: 1-е прошеніе подано было въ 1819 году, мое въ маѣ 1823 г. и потому 10-лѣтняя давность не можетъ имѣть вліяніе на уплату по твоимъ векселямъ [1]).

Спасибо за экземпляръ «Звѣзды», мнѣ назначенный. Съ удовольствіемъ читаю отрывки изъ твоей поэмы [2]). Безъ лести—лучшіе стихи въ «Звѣздѣ». И они придаютъ интересъ въ ожиданіи всей поэмы. Если бы ты такъ хорошо писалъ письма ко мнѣ, какъ стихи, то соединилъ бы къ званію поэта и званіе исправнаго друга. Жаль, что вы въ «Звѣзду» помѣстили много стиховъ цеховыхъ поэтовъ, можно бы было довольствоваться только первостатейными. Пиши мнѣ, какъ идетъ твой Войнаровскій. Я боюсь, чтобы ты, какъ кіевскіе судьи, не загулялъ, и твоя поэма не пошла бы такимъ же шагомъ, какъ и твое дѣло. Впрочемъ, за хорошими стихами столько же труда и хлопотъ, какъ и за деньгами, съ тою разницею, что стихи хорошаго автора попадутся къ безсмысленному читателю, а дѣла о деньгахъ къ безсмысленному адвокату и къ безпечнымъ судьямъ.

Скажи мнѣ, измѣнилось ли твое намѣреніе путешествовать по южной части Россіи, и когда ѣдемъ мы въ Крымъ? Я, не смотря на твою вѣтренность, на непостоянство, столь свойственное людямъ твоего ремесла, тѣшу себя мыслью, что мы будемъ вмѣстѣ вскарабкиваться на крымскіе утесы, купаться въ цѣлительной грязи,—я для истребленія фрянокъ, а ты для компаніи. Вотъ длинное письмо; надѣюсь, что по крайней мѣрѣ ты изъ учтивства напишешь мнѣ отвѣтъ одной мѣры. Впрочемъ, будь веселъ и здоровъ. Преданный тебѣ П. Мухановъ.

До сихъ поръ не имѣю твоего адреса. Не знаю, есть ли онъ въ указателѣ жилищъ г. Аллера [3]). Поэты суть важные люди,—и Аллеру стыдно, если онъ не указуетъ ихъ квартиръ.

---

[1]) Послѣ отца, умершаго въ 1814 г., у Рылѣева остались въ Кіевѣ разныя запутанныя имущественныя дѣла.

[2]) Въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г. напечатаны два отрывка изъ „Войнаровскаго“, поэмы Рылѣева.

[3]) Руководство къ отысканію жилищъ по С.-Петербургу, издалъ Самуилъ Аллеръ. Спб. 1824 г. На стр. 361: Рылѣевъ, К. Ѳ., артил. подпор. Вас. № 418.

В. Я.

Вотъ еще сохранившійся отрывокъ изъ письма Муханова, тоже, повидимому, къ Рылѣеву:

«...принадлежности; описаніе воспитанія героя, столицы, портреты людей, коихъ ты узнаешь съ перваго разу, все прелестно; стихи такъ музыкальны, что, прочтя разъ, заучишь наизусть. Пушкинъ гигантски идетъ къ совершенству. Жаль, что вашъ сѣверный изгнанникъ не подражаетъ южному—и пишетъ все инвалидныя статейки. Полярную Звѣзду получилъ въ Кіевѣ,—прошлогодняя была лучше; стихи очень плохи; образчики твоей поэмы мнѣ очень понравились. Кланяйся Бестужеву и всѣмъ нашимъ общимъ пріятелямъ и не забывай меня. Преданный тебѣ Петръ Мухановъ».

24 генваря 1824 г.

Въ этомъ письмѣ дѣло идетъ, повидимому, объ „Е. Онѣгинѣ". Сверху чьей-то рукой и другими болѣе черными чернилами приписано начало къ первой фразѣ, но съ совершенно невѣрнымъ указаніемъ на содержаніе Онѣгина,—не умѣю объяснить происхожденіе этой приписки.

XXIV.

Р. И. Ховенъ [1]) къ В. К. Кюхельбекеру.

Тифлисъ, 9-го февраля 1824 г.

М. г. Вильгельмъ Карловичъ. Искренне благодарю васъ за пріятное письмо ваше,—съ удовольствіемъ исполнилъ я по возможности порученіе ваше. Прилагаю ассигн. триста рублей за 10 экземпляровъ издаваемой вами Мнемозины [2]), собственно для меня. 50 билетовъ разослалъ я въ полки, и 13 роздано мною гражданскимъ чиновникамъ. Остальные 27 билетовъ при семъ возвращаю. Какъ гг. полковые командиры, равно и чиновники, взявшіе билеты, обязываются выписать изданіе сіе прямо чрезъ васъ или чрезъ московскую театральную типографію.

Нельзя ли мнѣ воспользоваться предложенною въ объявленіи уступкою за 10 экземпляровъ, выписываемыхъ на мою долю? Въ такомъ случаѣ прошу прислать одинъ экземпляръ лишній для украшенія библіотеки здѣшняго училища, а остальныя деньги употребить на пересылку.

Я чрезвычайно радъ, что вы поселились въ Москвѣ, ибо сіе

---

[1]) Романъ Ивановичъ Ховенъ былъ тогда и. д. грузинскаго губернатора.

[2]) Въ 1824 году Кюхельбекеръ вмѣстѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ издавалъ четырехтомный альманахъ „Мнемозина". В. Я.

дастъ мнѣ возможность, по старому знакомству, иногда (попилить) васъ касательно пріобрѣтенія нужныхъ учебныхъ пособій для здѣшняго училища, о чемъ имѣю честь васъ предупредить и прошу не скучать и не кривиться: это ничего не поможетъ. Вы лучше всякаго другаго сдѣлаете выборъ для юношества полезнаго, ergo и не избавитесь отъ порученій.

Что дѣлаетъ Грибоѣдовъ?—сказываютъ: онъ пускается за границу искать премудрости. Желаю ему въ семъ лучшій успѣхъ, нежели въ исканіи золотаго руна за Кавказомъ. Ежели его увидите, сдѣлайте одолженіе спросить его, что прикажетъ дѣлать съ сундуками своими, заколоченными у меня на чердакѣ. Онъ ни къ кому не пишетъ: знакъ, что ему хорошо жить.

Отзывы ваши о прелестяхъ Иверскія земли весьма интересны: но я 5 лѣтъ вежетирую здѣсь, и ничего ни романическаго, ни романтическаго не вижу. Подобные отзывы получаю я иногда и отъ другихъ, съ восторгомъ описывающихъ волшебныя здѣшнія существа, премудростію равныя Зороастру, благодѣтельностью равныя солнцу, красотою равныя небесамъ, освѣщающія компанію ровно кенкетомъ... Славвы бубны за Кавказомъ! Но я вижу только движущіяся привидѣнія, иногда подобныя феѣ Карабоссѣ. Вы, конечно, скажете, что я вандалъ,—однако-жъ, Мнемозину пришлите.

Мы живемъ по домашнему: по воскреснымъ днямъ пляшемъ въ собраніи, а въ прочія отписываемся отъ варварскихъ бумагъ. Новаго у насъ только то, что инженерный ген. Трузсонъ женился на вдовѣ полковника Пузыревскаго и на бывшей невѣстѣ полковника Верховскаго. Надобно имѣть истинно геройство, чтобы не устрашиться участи его предшественниковъ.

Всѣ домашніе мои и знакомые ваши свидѣтельствуютъ вамъ нижайшее почтеніе. Душевно васъ уважающій Ховенъ.

XXV.

Д. В. Давыдовъ къ А. А. Бестужеву.

18-го февраля 1824 г. Москва.

Я получилъ письмо ваше, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, также и «Полярную Звѣзду», въ коей съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы меня не забыли. За все это приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, а что я не писалъ къ вамъ отъ самаго вашего отъѣзда, то этому причина данное самому себѣ (слово) пре-

рвать со всѣми всякаго рода переписку. Хлѣбопашецъ и любимецъ словесности, жизнь моя заключается въ кабинетѣ или въ полѣ,

Гдѣ не стыжусь порою
Поднять смиренный плугъ солдатскою рукою
Иль поселянъ въ кругу, въ день лѣтній, золотой,
Взмахнуть среди луговъ желѣзною косой.

Вотъ все мое занятіе, о чемъ же писать мнѣ?

Прошу же покорно не заключать, чтобы молчаніе мое происходило отъ того, чтобы я забылъ или разлюбилъ человѣка, котораго я отъ всей души люблю и уважаю. Примите въ томъ увѣреніе солдата-хлѣбопашца. Денисъ Давыдовъ.

(На оборотѣ письма адресъ: Его высокоблагоролію милостивому государю Александру Александровичу Бестужеву, въ С.-Петербургѣ).

XXVI.

7

Кн. П. А. Вяземскій къ А. А. Бестужеву.

Москва. 9-го марта 1824 г.

За кого вы принимаете меня, любезнѣйшій Александръ Александровичъ, подозрѣвая мое сердце на васъ за противорѣчіе? Я сержусь только за глупости и подлости; итакъ, между нами долженъ сбыться вѣчный миръ. Долго не отвѣчалъ я вамъ потому, что былъ въ тискахъ у скучныхъ дѣлъ; потомъ увѣрился было, что я точно отвѣчалъ вамъ отъ безпрестаннаго хотѣнія отвѣчать, какъ лжецы, которые лгутъ, лгутъ, да тѣмъ и кончаютъ, что сами въ глазахъ своихъ увѣрятся, что ложь ихъ правда. Съ большимъ удовольствіемъ свидѣлся я съ Мухановымъ [1]) и разспрашивалъ у него о вашемъ житьѣ-бытьѣ и литературномъ застоѣ петербургскомъ. За что Булгаринъ клеплетъ на меня, какъ на мертваго? Богъ знаетъ, что заставляетъ онъ меня говорить въ выпискахъ своихъ изъ біографіи! Если онъ меня не понялъ, то Богъ съ нимъ, а если перетолковалъ, то грѣшно [2]). Крылова уважаю и люблю, какъ остроумнаго писателя, но въ эстетическомъ, литературномъ отношеніи всегда поставлю выше его

---

[1]) Петръ А. Мухановъ, потомъ декабристъ. См. ниже его письма, также выше XXIII.

[2]) Булгаринъ въ статьѣ своей: „Волшебный фонарь или разныя извѣстія, I. литературная критика" (Литературные Листки 1824 г. № 1; подпись Ѳ. Б.) возстаетъ противъ низкой оцѣнки Крылова, сдѣланной кн. Вяземскимъ въ біографіи Дмитріева. В. Я.

Дмитріева и скажу свое мнѣніе безъ зазрѣнія и страха, ибо не признаю никакихъ условныхъ властей въ республикѣ словесности. Скажу болѣе: Крылова цѣню выше казенной оцѣнки, такъ называемыхъ его почитателей. Чему бо̀льшая часть изъ нихъ дивится въ немъ? Что выдало ему открытый листъ на общенародное уваженіе? Плоскости, пошлости, вредящія его истинному достоинству. У всѣхъ на языкѣ: «а философъ безъ огурцовъ!... Ай, моська! Знать она сильна, что лаетъ на слона» и шутки подобныя, да вотъ и все! А, конечно, не въ этихъ прибауткахъ лубочныхъ заключается знаменье его дарованія. Крылову многіе покланяются какъ временщику, а его должно уважать, какъ истиннаго вельможу. Ищите въ немъ не мишуру, кидающуюся въ глаза, но отыскивайте золото, требующее вниманія проницательнаго, и тогда, сравнивая золото одного и другаго, отдадите вы преимущество Дмитріеву, ибо золота въ немъ болѣе, и оно лучшей пробы. Каковъ разборъ Каченовскаго вашей «Звѣзды» [1])? Теперь, въ поединкѣ, скорѣе получите о немъ мнѣніе основательное, а то вы глядѣли на него въ общей сѣчѣ и принимали за богатыря. Тутъ видна вся желчь, вся безплодная ярость скопца. Онъ въ нашей литературѣ точно собака, которая лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и лается на ѣду́щихъ. Можно забавно истолковать бы ему, что альманахъ не есть родъ литературы, а онъ о нихъ судитъ точно, какъ другой судилъ бы о драмѣ, вредной трагедіи и комедіи или о другой отрасли словесности, подлежащей спору. Но подождемъ конца! Пѣсня долга, онъ будетъ васъ ратировать въ нѣсколько пріемовъ. Благо, что попалось ему что нибудь подъ гнилой зубъ или гнилой . . й. Въ разговорѣ своемъ, служащемъ предисловіемъ къ «Фонтану», скл . . . лъ я его съ Благонамѣреннымъ [2]). Смѣшно будетъ то, что Измайлову сердиться нельзя; напротивъ, это для него производство. «Фонтанъ» выйдетъ завтра, слѣдовательно, въ четвергъ, вѣроятно, въ Петербургъ пошлется. Я долго барахтался съ цензурою, но одержалъ почти всѣ побѣды. Найдите у Тургенева письмо мое къ Мерзлякову, который былъ моимъ цензоромъ. Мерзляковъ—добрѣйшая душа, но на ней сидитъ Каченовскій и какой-то паръ университетскаго навоза.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1824 г., №№ 1—4

[2]) Кн. Вяземскій въ это время издалъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Пушкина (см. ниже въ этомъ же письмѣ) и приложилъ къ нему свою статью: „Вмѣсто предисловія,—разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова“. „Разговоръ“ этотъ надѣлалъ шуму въ тогдашней журналистикѣ. В. Я.

Лѣтомъ пришлю я вамъ добрый запасъ на выборъ для «Звѣзды». Теперь нѣтъ ничего отдѣланнаго, а на отдѣлку нѣтъ времени, ни свободы. Каково продалъ я «Фонтанъ»! За три тысячи рублей 1,200 экземпляровъ на годъ, и всѣ издержки печатанія мнѣ заплачены. Это по-европейски и стоитъ быть извѣстнымъ. Сочиненія Батюшкова были заплачены 2,000 рублей, когда вообще деньги были дешевле.

Простите, любезнѣйшій! Вашему полярному товарищу мое сердечное почтеніе. Надѣюсь, что ему лучше.

(Адрессъ: М. г. Александру Александровичу Бестужеву.—Другою рукою прибавлено: въ 1-й департаментъ надворнаго суда).

XXVII.

Д. В. Давыдовъ къ А. И. Якубовичу.

Москва. 14-го марта 1824 г.

Желавъ перехватить срочнаго фельдъегеря, летѣвшаго въ вашу сторону, я приготовилъ къ вамъ письмо [1]), милой мой богатырь-философъ, но фельдъегерь, не коснувшись до меня, взмылъ и спустился въ Тифлисѣ. Итакъ, письмо, пролежавъ у меня довольно долго, было предано каминному пламени.

Теперь я рѣшаюсь писать по почтѣ.

Я получилъ письмо ваше, исполненное лестнѣйшими выраженіями на счетъ моихъ военныхъ способностей... почти вмѣстѣ съ приказомъ о моей отставкѣ. Признаюсь, никогда и никакое письмо столь кстати не приходило! Конечно, рѣшась оставить службу, я ждалъ приказа съ нетерпѣніемъ и теперь всякій день, всякій часъ благодарю Провидѣніе за избавленія меня отъ наплечныхъ кандаловъ генеральства. При всемъ томъ, прослужа дурно-ли хорошо-ли, но сплошь 22 года, изъ коихъ 8 сряду въ безпрерывныхъ войнахъ, тяжело было снести то равнодушіе, съ какимъ оттолкнули меня въ толпу хлѣбопашцевъ! Сильно зауныло сердце, но въ день скорби пришло и утѣшеніе. Право, я еще не въ отставкѣ, я еще на конѣ, а не за плугомъ, съ саблею, а не съ косою, пока люди, подобные вамъ, будутъ мыслить

[1]) Въ Библіографическихъ Запискахъ 1858 г., № 18, стр. 552, напечатаны два письма Д. В. Давыдова къ А. И. Якубовичу; одно изъ нихъ, помѣченное 3-го января 1824 г., и есть то письмо, которое Д. Давыдовъ думалъ послать съ фельдъегеремъ: оно почти буквально близко по содержанію съ печатаемымъ теперь письмомъ отъ 14-го марта 1824 г. В. Я.

обо мнѣ, какъ вы мыслите! Неужто вѣчный приговоръ уже мой подписанъ! Неужто не явлюсь еще въ поляхъ, войной гремящихъ, не окрещуся съ вами въ одной огненной купели, не раздѣлю съ вами и пукъ соломы, и сухарь съ водою! Мнѣ сороковой годъ, еще десять лѣтъ могу ждать, а въ десять лѣтъ неужто ни съ кѣмъ не поссоримся?

Вы такъ лестно отзываетесь о слабомъ моемъ «Опытѣ» [1]), что не могу при семъ не послать къ вамъ одинъ экземпляръ онаго, исправленный отъ опечатокъ. Примите его какъ знакъ особеннаго уваженія къ вашей доблести, коею не только какъ преданный вамъ, но какъ русской не могу не гордиться. Куда бы хорошо сдѣлали, если бы въ свободные часы взяли на себя трудъ описать ваши наѣзды и поиски! Любопытно видѣть разницу партизанской войны въ вашей сторонѣ съ партизанскою европейскою войною: La dernière n'est qu'une plante exotique, sa véritable patrie est le Caucase. Право, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, потрудитесь и подарите меня симъ начертаніемъ, я имъ воспользуюсь при третьемъ изданіи Опыта, который дополню и послѣднею войною Мины въ Испаніи и моею въ 1812 и 1813 годахъ.

Уважающій васъ всею солдатскою душою Денисъ Давыдовъ.

P. S. Сейчасъ получилъ о васъ извѣстіе отъ пріѣзжаго къ намъ П. Н. Ермолова—онъ сказывалъ мнѣ, что головная рана ваша разболѣлась отъ вашего къ ней небреженія,—не я посмѣю удерживать васъ бросаться туда, гдѣ ихъ получаютъ, но, получа рану, долгъ солдата излѣчиться отъ ней совершенно, ибо онъ полезнѣе здоровымъ, нежели больнымъ.

Признаюсь вамъ, что это извѣстіе меня и огорчило, и осердило, поистинѣ осердило!

Сообщ. **В. Е. Якушкинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій“ Давыдова; первое изданіе вышло въ 1821 г., второе въ 1822 г. **В. Я.**

МИХАИЛЪ КИРИЛЛОВИЧЪ БОБРОВСКІЙ.

Историко-біографическій очеркъ.

1784—1848.

II [1]).

Воспитаніе и первоначальное образованіе М. Бобровскаго (1792 — 1806). — Положеніе греко-уніатскаго духовенства въ бывш Бѣлостоцкой области. — Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь. — Начало знакомства Михаила Кирилловича съ древностями славянскими [2]).

Изъ пятерыхъ сыновей, бывшихъ у священника Кирилла, трое умерли въ дѣтскомъ возрастѣ; остались въ живыхъ два сына: старшій Іосифъ и средній Михаилъ, который родился 8-го ноября 1784 г. Лишившись на двѣнадцатомъ году супружеской

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, стр. 89—116.

[2]) Дѣла архива св. Синода по 2-му департаменту римско-католической коллегіи: 1807 г. № 40, 1808 г. № 23, 1809 г. № 23, 38, 1818 г. № 39, 1821 г. № 18, 1829 г. № 20. 1-е П. С. З. №№ 23482 и 24118. Послужные списки М. К. Бобровскаго изъ архива литовской правосл. епархіи и бывшаго виленскаго университета за 1833 г. Его аттестаты изъ дрогичинской коллегіи 1803 г. и бѣлостоцкой гимназіи 1808 г. Дипломъ виленскаго универс. на званіе магистра филологіи 14 іюня 1812 года. О супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ: наше „Стат. опис. Гродн. губерн. 1863 г.“ Супрасль. II. Тамъ-же, м. Заблудовъ. „Литовскія епарх. вѣдом.“ на 1864 г., ст. архим. Модеста. „Виленскій календарь“ на 1885 г., ст. архим. Николая. „Лѣтопись супрасльской лавры“ Археогр. сборн. документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, Вильна, т. IX, 1870 г. Ярошевича „Obraz Litwy“ т. III. Холмс. мѣсяц. на 1867 г., ст. протоіерея Плакида Янковскаго. П. В.

жизни жены своей (Анны, изъ рода Крупскихъ), о. Кириллъ занялся самъ первоначальнымъ воспитаніемъ своихъ сиротъ,— ничего не жалѣлъ для ихъ образованія, и Богъ благословилъ его отцевское попеченіе: оба его сына достигли высшихъ ученыхъ университетскихъ степеней, старшій былъ докторомъ философіи и магистромъ права, второй былъ докторомъ богословія, магистромъ философіи и филологіи (magister artium liberalium) [1]).

Михаилъ Кирилловичъ всегда съ глубокою признательностію вспоминалъ о томъ, сколькихъ пожертвованій и заботъ стоило воспитаніе его родителю (Пл. Янковскій); дѣйствительно, на немъ замѣтно отражались высоконравственныя начала, внушенныя ему въ дѣтствѣ о. Кирилломъ: благочестіе, любовь къ ближнему, беззавѣтная преданность нуждамъ церкви и своей братіи.

Его образованіе, общее и духовное, исходя изъ чистаго источника, развивалось и крѣпло вмѣстѣ съ непоколебимымъ уваженіемъ къ греко-славянской церкви, взлелѣевшей въ немъ любовь къ церковно-славянскому языку. Глубокая приверженность М. К. Бобровскаго къ старо-славянской письменности и старо-славянскимъ книгамъ была, можно сказать, прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя съ такою заботливостью были ему привиты въ дѣтствѣ, и все дальнѣйшее образованіе даровитаго слависта, при самыхъ разнообразныхъ, часто даже неблагопріятныхъ условіяхъ, не могло уже поколебать въ немъ привязанности къ древней славянской литературѣ; напротивъ, съ годами эта привязанность укрѣплялась и еще болѣе развивалась. Многостороннія свѣдѣнія въ славяновѣдѣніи и необычайная память въ соединеніи со способностью къ изученію древнихъ и новѣйшихъ языковъ, въ свою очередь, служили ему средствомъ для глубокаго богословскаго образованія.

Девятилѣтній мальчикъ Михаилъ поступилъ въ Клещельскую церковную школу, которая давно существовала, и при

---

[1]) Послужные списки: настоятеля Вольковской (Вольчанской церкви) священника Кирилла Бобровскаго и пружанск. благочиннаго, настоятеля Шерешевской церкви соборнаго протоіерея Михаила Бобровскаго. Арх. литов. епарх. Надгробное слово настоятеля Дубицкой церкви магистра Адама Костыцевича. 7 іюля 1824. „Dzieje Dobroczyn“, 1824. Литов. епархіальн. вѣд. на 1887 г. П. В.

тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилось бѣлое уніатское духовенство въ этой странѣ, оказывала значительныя услуги: изъ нея въ XVIII и началѣ XIX стол. вышло не мало дѣльныхъ и благочестивыхъ пастырей, занимавшихъ почетныя мѣста въ свѣтскомъ клирѣ. Обѣ церкви, Св. Николая Мирликійскаго и Св. Георгія Побѣдоносца, пріобщены къ уніи лишь въ концѣ XVII в. Настоятели Св. Никольской церкви въ уніи усердно поддерживали церковную школу и братства, служившія оплотомъ противъ совращенія уніатовъ въ католицизмъ. Школа Св. Никольской церкви образовала хорошій хоръ пѣвчихъ; изъ этой школы нѣкогда комплектовались церковнослужители и пѣвчіе Супрасльской лавры.

Послѣ третьяго раздѣла Польши, бывшее Подлясское воеводство, подъ именемъ Бѣлостокской области, отошло къ Пруссіи. Греко-уніатская церковь должна была подчиниться требованіямъ нѣмецкихъ законовъ. Королевская власть, допустивъ свободу вѣроисповѣданія, наложила, однако, тяжелую руку на Супрасльскій монастырь, составлявшій гордость уніатовъ въ Подлясьи. Онъ основанъ православнымъ вельможею Александромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ въ 1498 г. и надѣленъ имѣніями отъ него и отъ смоленскаго епископа Іосифа Солтана. Хотя въ началѣ XVII ст. монастырь былъ насильственно привлеченъ къ уніи (1614 г.), однако, пользуясь самостоятельнымъ управленіемъ, охраняемымъ королевскими привилегіями, до конца существованія Польши сохранилъ независимость отъ базиліанскаго ордена. Званія архимандрита Супрасльскаго монастыря, располагавшаго большими средствами, добивались греко-уніатскіе митрополиты—Гавріилъ Коленда, Кипріанъ Жоховскій, Левъ Кишка. Хотя ктиторы, потомки Александра Ходкевича, принявъ католицизмъ, дѣлали много затрудненій монастырю, однако, Супрасльская лавра сохранила свое независимое положеніе и пользовалась большимъ значеніемъ въ этой русской окраинѣ. Въ день Св. Благовѣщенія (25 марта) и въ дни памяти Св. Іоанна Богослова (8 мая и 26 сентября) сюда стекалось громадное число богомольцевъ изъ всего Подлясскаго воеводства.

Нѣкогда православный, Супрасльскій монастырь, не смотря на многія несчастія, много разъ обираемый ктиторами, до конца

прошлаго вѣка располагалъ еще значительными доходами. Онъ имѣлъ своихъ резидентовъ въ Варшавѣ, приписной монастырь въ Кузницѣ (въ 20 верстахъ отъ гор. Соколки) и нѣсколько приходскихъ церквей съ самостоятельными фундушами, содержалъ также славянскую типографію. Но со времени присоединенія Бѣлостоцкой области къ Пруссіи, Супрасльскій монастырь былъ лишенъ своихъ имѣній, взятыхъ въ административное управленіе правительствомъ, которое стало ежегодно отпускать изъ прусской казны на его содержаніе 2,233 талера, 45 грошей польскихъ и 75 саж. дровъ. Изъ этихъ денегъ до 1,000 талеровъ опредѣлялось на жалованье архимандриту, а на остальные 1,233 талера невозможно было покрыть прочіе расходы: содержать до 40 челов. братіи, поддерживать типографію и т. п. Поэтому въ 1796 г. монастырь просилъ о возвращеніи отнятыхъ у него имѣній; но на просьбу архимандрита Вислоцкаго послѣдовалъ отказъ, какъ сказано въ королевской деклараціи, по слѣдующему основанію: «поелику духовенство, науками и богословіемъ отъ младыхъ лѣтъ занявшись, въ хозяйствѣ искусства не знаетъ, имѣнія же церковныя, значительную часть народнаго богатства составляющія, отъ недосмотра опустошаются, крестьянамъ же налагается ущербъ, духовное же начальство или правящіе имѣніями передъ своею смертью передаютъ монастырскія имѣнія другимъ, чужимъ, незнакомымъ съ веденіемъ хозяйства».

Въ 1794 г. образована была новая Супрасльская епархія и архимандритъ Супрасльскаго монастыря Ѳеодосій Вислоцкій былъ назначенъ первымъ ея епископомъ; послѣ его смерти, въ 1801 г. епископомъ избранъ прелатъ Брестскаго капитула Николай Духновскій, а архимандритомъ монастыря Левъ Яворовскій, бывшій прежде въ немъ экономомъ и консульторомъ. Утративъ свои имѣнія, Супрасльскій монастырь, съ приписными къ нему учрежденіями, быстро пошелъ къ упадку и едва былъ въ состояніи содержать, сверхъ архимандрита, отъ 8 до 10 монаховъ.

Греко-уніатскому епископу было воспрещено сноситься непосредственно съ римскою куріею, и церковное управленіе подчинено общимъ законамъ Пруссіи. Объявленной свободой вѣроисповѣданія не замедлили воспользоваться католическіе патеры. Въ 1801 году они совратили въ римскій обрядъ греко-уніатовъ селенія Марклицъ и другихъ мѣстъ въ окрестностяхъ г. Droги-

чина и Мельника. Совращеніе воспрещалось папскими постановленіями—Климента VIII, Павла V (бреве: «Salutas Papa Romanus» 10 апрѣля 1615 г.), Урбана VIII; послѣдній декретомъ 7 февраля 1624 г. воспретилъ уніатамъ переходить въ латинскій обрядъ безъ имяннаго разрѣшенія святѣйшаго престола и латинскимъ прелатамъ строжайше подтверждено не совращать уніатовъ. Эти папскіе декреты публиковались черезъ епископовъ для всеобщаго свѣдѣнія, и на эти же декреты дѣлаетъ ссылку папа Венедиктъ XIV въ предписаніи 26 іюля 1755 г., коимъ воспрещаетъ миссіонерамъ совращать уніатовъ въ латинство. Папскія буллы, относящіяся къ греческому обряду, были изданы въ Пруссіи особо въ 1799 г. и хотя по прусскимъ законамъ не былъ воспрещенъ переходъ изъ одного обряда въ другой, но таковой переходъ допускался не иначе, какъ послѣ предварительной объявленной деклараціи. (Кодексъ Фридриха II, гл. XI, § 4). Кромѣ того, по тѣмъ же законамъ никакая вѣра не могла принимать отрока до 14 лѣтъ въ другой обрядъ или исповѣданіе даже съ согласія родителей. Но латинскіе патеры совращали жителей безъ деклараціи, въ разномъ возрастѣ. Въ городѣ Бѣлостокѣ, вмѣстѣ съ нѣмецкими правительственными учрежденіями и чиновниками, явилась хорошо устроенная гимназія, въ которой дано преобладаніе нѣмецкому языку. Въ г. Бѣлостокѣ, въ Хорощи и другихъ смежныхъ пунктахъ стали поселяться толпами нѣмецкіе ремесленники, вызываемые изъ глубины Германіи.

Такимъ образомъ греко-уніатское духовенство Бѣлостоцкой области, оторванное отъ брестской епархіи и брестскаго капитула и угрожаемое съ одной стороны католиками, а съ другой тенденціозными распоряженіями прусской администраціи, почувствовало необходимость сомкнуться и сплотиться тѣснѣе; въ болѣе значительныхъ пунктахъ образовались братства, умножилось число приходскихъ школъ и собирались деньги на устроенную въ Супраслѣ епархіальную семинарію, въ которой получали кое-какое богословское образованіе дѣти священниковъ, уже прошедшія гдѣ либо общеобразовательную школу. Всѣ эти условія затрудняли спеціальное образованіе бѣлаго уніатскаго духовенства, которое, между тѣмъ, по духу самаго богослуженія, было единственнымъ охранителемъ русской народности и преданій греко-славянской церкви въ этой странѣ. Въ такихъ же условіяхъ

находилось уніатское духовенство въ Галиціи и другихъ славянскихъ странахъ, подвластныхъ нѣмецкимъ католическимъ или протестантскимъ государствамъ. Не раздѣляя взглядовъ на грекославянскую церковь чернаго духовенства, т. е. базиліанъ, бѣлое духовенство Бѣлостокской области разрѣшило вопросъ о духовномъ образованіи священнослужителей чисто практически: лицъ, получившихъ общее образованіе, оно посылало на годъ или на два года въ такъ называемую семинарію, устроенную при епископской каѳедрѣ въ Супрасли и поддерживаемую приношеніями духовенства. Правильнѣе сказать, это былъ классъ ставленниковъ, въ которомъ три или четыре клирика обучались церковнымъ обрядамъ и уставамъ. Въ подобныхъ же условіяхъ были въ то время епархіальныя семинаріи и въ другихъ уніатскихъ епархіяхъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Отецъ Кириллъ, давъ своимъ сыновьямъ начальное образованіе на церковно-славянскомъ языкѣ, по обстоятельствамъ времени счелъ нужнымъ направить одного за другимъ въ Дрогичинскую коллегію піаристовъ (Scholarum Piarum), гдѣ давалось основательное общее образованіе. По свидѣтельству историка Ярошевича, когда въ Польшѣ, послѣ изгнанія іезуитовъ въ 1772 г., наступила крутая реакція и польская аристократія взяла въ свои руки эдукаціонные фонды, орденъ піаровъ въ своихъ школахъ старался ввести систему обученія противоположную іезуитской. Совершенно другой характеръ приняли школы піаровъ впослѣдствіи, именно въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія; но въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшнаго вѣка, когда въ бѣломъ духовенствѣ пробудилась потребность къ просвѣщенію, въ Бѣлостоцкой области, какъ и въ другихъ частяхъ бывшаго Польскаго государства, онѣ отличались рѣзко отъ другихъ подобныхъ школъ, въ томъ числѣ и базиліанскихъ, отсутствіемъ фанатизма; оттого, можетъ быть, онѣ и имѣли такой громадный успѣхъ послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Польши. Въ уставѣ піаровъ новѣйшіе языки имѣли одинаковое значеніе съ латинскимъ; въ ихъ школахъ дано развитіе наукамъ физико-математическимъ и словеснымъ, равно наукамъ историко-нравственнымъ, приняты новѣйшіе методы и педагогическіе пріемы. Въ школахъ піаристовъ получили первоначальное образованіе, между прочимъ, нѣкоторые изъ выдающихся ученыхъ уніатовъ;

напримѣръ, правовѣдъ Игнатій Даниловичъ, статистикъ Михаилъ Онацевичъ, оба — сыновья уніатскихъ священниковъ греко-уніатскаго обряда Бѣлостоцкой области, и первый изъ нихъ пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность своими трудами по составленію свода законовъ (1830—1834 гг.). Михаилъ Бобровскій успѣшно окончилъ курсъ Дрогичинской коллегіи. Изъ аттестата, выданнаго 8-го апрѣля 1803 г., за подписью начальника ея Медвѣцкаго, видно, что онъ учился прилежно и былъ «образцовой нравственности». По окончаніи здѣсь курса, онъ въ томъ же 1803 г. поступилъ въ бѣлостоцкую гимназію, гдѣ окончилъ курсъ ея, въ 1806 г., съ наградою за отличные успѣхи серебряною медалью и съ особенной рекомендаціей [1]).

Съ такою именно аттестаціей и поступилъ Михаилъ Кирилловичъ въ главную духовную семинарію, открытую весною 1808 г. при виленскомъ университетѣ.

---

[1]) Въ аттестатѣ, данномъ М. Бобровскому отъ директора гимназіи Мацѣевскаго, значится:

(Переводъ съ латинскаго): „Довожу до свѣдѣнія всѣхъ и каждаго, кому вѣдать надлежитъ, что дворянинъ Михаилъ Бобровскій, съ 1803 по 1806 годъ, неупустительно (assidue) посѣщалъ гимназію. Пройдя курсъ наукъ до реторики въ Дрогичинѣ, гдѣ получилъ начальное образованіе, онъ оказалъ въ бѣлостоцкой гимназіи столь значительные успѣхи въ греческомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, что, будучи подвергнутъ при окончаніи курса публичному испытанію зрѣлости въ присутствіи высшихъ властей, выдержалъ оное весьма похвально и удостоился всеобщаго одобренія. Исполненіемъ обязанностей учителя въ младшихъ классахъ онъ далеко превзошелъ (longue superaverit) о себѣ общее мнѣніе и занимался съ учениками съ отличнымъ успѣхомъ. Благодаря большому трудолюбію въ работѣ и занятіяхъ науками, при доброй нравственности, онъ снискалъ (conciliaverit) уваженіе и любовь всѣхъ своихъ наставниковъ и особенно директора гимназіи, а въ качествѣ наставника-надзирателя служилъ для всѣхъ примѣромъ благочестія и нравственности. Пожелавъ избрать себѣ другую карьеру, послѣ того, какъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ занимался преподаваніемъ частныхъ уроковъ, онъ просилъ выдать ему школьное свидѣтельство. Итакъ, я охотно выдаю сіе свидѣтельство этому достойному по образу жизни юношѣ; отъ души желаю ему всякихъ благъ и ничего болѣе не желаю, какъ чтобы умъ его преизобиловалъ и украшенъ былъ всякаго рода знаніями [1]). Свидѣтельство это, скрѣпленное для большей вѣрности печатью гимназіи, я подтверждаю собственноручною подписью. Выдано въ Бѣлостокѣ 15-го апрѣля 1808 года. Директоръ Мацѣіовскій, Наркевичъ, проф. матем., Гарвардъ, проф., Д. Штейнъ".

---

[1]) ... «voluntati omnium bonorum eundem comendo, nihilque magis opto, quam ut ingenium suum omni scientiarum genere imbuat et exornet».

Еще находясь въ гимназіи, а по окончаніи ея живя въ Бѣлостокѣ и занимаясь частными уроками, Михаилъ Кирилловичъ въ свободное время часто отлучался въ Супрасльскій монастырь, гдѣ проводилъ также и часть вакаціоннаго времени. Архивъ и библіотека представляли богатые источники. Посѣщенію Супрасли благопріятствовали условія: здѣсь жилъ (до 1806 г.) старинный пріятель его отца, епископъ Духновскій, здѣсь имѣлъ часто свое пребываніе, какъ членъ капитула, сосѣдъ его родителя, настоятель Клещельской церкви и дрогичинскій благочинный Антоній Сосновскій; послѣдній пріобрѣлъ впослѣдствіи извѣстность между уніатами своими познаніями о дѣлахъ въ церковной уніи, тщательнымъ изученіемъ архивовъ, особенно г. Бреста, своею любовью къ церковно-славянской старинѣ и, наконецъ, своими протестами въ защиту правъ бѣлаго духовенства. Духновскій, происходя самъ изъ бѣлаго духовенства, поощрялъ образованіе въ духѣ греко-славянской церкви и пожертвовалъ значительную сумму на супрасльскую семинарію.

Съ Супрасльскимъ монастыремъ навсегда связано имя нашего ученаго археолога слависта, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ здѣсь открытій. Здѣсь онъ могъ удовлетворить свою любознательность, тщательно изучая хранившіяся въ монастырской библіотекѣ старославянскія рукописи и старопечатныя церковныя книги. Необходимо нѣсколько остановиться на нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи этого высоко интереснаго живаго памятника русской старины въ западно-русской окраинѣ; объ этой знаменитой обители намъ часто придется упоминать въ настоящемъ изслѣдованіи, имѣющемъ непосредственную связь съ движеніемъ уніатовъ за долгое время до возсоединенія. Наши свѣдѣнія о Супрасльскомъ монастырѣ въ Статистическомъ описаніи Гродненской губерніи 1863 г. (ч. II, 1023—1033) ограничивались другими задачами. Тамъ мы не касались нѣкоторыхъ важныхъ фактовъ. Въ 1864 г. въ литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ появилась обширная статья архимандрита Модеста. Наконецъ, въ виленск. археографич. сборн. докум., относящихся къ исторіи сѣв.-западнаго края, имѣется «Лѣтопись Супрасльской лавры», вмѣстѣ съ 124 документами, сохранившимися въ монастырскомъ архивѣ. Мы можемъ ограничиться теперь изложеніемъ лишь такихъ фактовъ, знакомство съ которыми необ-

ходимо для вѣрной оцѣнки событій въ жизни и дѣятельности нашего ученаго богослова и слависта.

Рѣка Супрясла, впадающая въ Нарву, протекаетъ тамъ, гдѣ былъ нѣкогда обширнѣйшій по пространству Блудовскій лѣсъ, примыкавшій къ Бѣловѣжской пущѣ, съ одной стороны, и къ Бѣлому Истоку (позднѣйшему Бѣлостоку) съ другой, и принимаетъ рѣчки Березовку и Грабовку, при устьяхъ которыхъ благочестивые аѳонскіе монахи въ 1500 г. избрали мѣсто для постройки трапезы и церкви во имя Іоанна Богослова и гдѣ въ началѣ XVI вѣка построенъ Ходкевичемъ величественный каменный храмъ во имя «Честнѣйшей Дѣвы Матери, достохвальнаго ея Благовѣщенія». Время основанія монастыря переноситъ насъ къ эпохѣ православія русскаго народа, населявшаго Подлясье. При первомъ настоятелѣ монастыря Пафнутіи Сѣгенѣ начали писать поминникъ или субботникъ почившихъ отцовъ и братій монастыря. Въ тотъ-же поминникъ записывались имена семействъ разнаго званія для поминовенія на заупокойныхъ литіяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ многія знатныя фамиліи русскихъ, нѣкогда православныхъ вельможъ [1]).

Патріархъ константинопольскій Іоакимъ въ 1505 г. благословилъ ктиторовъ новоустроеннаго Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря, Александра Ходкевича и митрополита Іосифа Солтана, епископа смоленскаго, и утвердилъ монастырскія постановленія, законы, правила и уставы. Митрополитъ Іосифъ Солтанъ въ 1506 г. записалъ на монастырь нѣсколько своихъ имѣній: Топилецъ, Батюты, Владычичи, а Александръ Ходкевичъ въ 1510 г. отдалъ на его содержаніе свое большое имѣніе Хворощу (нынѣ Хорощъ). Уставъ, данный монастырю, отличался большою строгостью. Каменная церковь, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, начатая въ 1503 г., была окончена постройкою при второмъ настоятелѣ Каликстѣ съ двумя придѣлами: князей Бориса и Глѣба (а во св. крещеніи Романа и Давида) и святыхъ отцевъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія. Церковь и монастырь обогащались приношеніями русскихъ

[1]) Субботникъ или поминникъ написанъ на пергаментѣ; начатый игуменомъ Пафнутіемъ Сѣгеномъ поминникъ доведенъ до 1630 г., слѣдовательно прекращенъ спустя не болѣе 15 лѣтъ послѣ введенія здѣсь уніи. Нынѣ этотъ документъ хранится въ виленской публичной библіотекѣ. П. В.

православныхъ людей разныхъ состояній. Стараніемъ первыхъ ктиторовъ пріобрѣтены цѣнныя старо-славянскія рукописи. Въ монастырской описи, составленной настоятелемъ Кимбаромъ въ 1557 году, находимъ: шесть писанныхъ Евангелій напрестольныхъ, окованныхъ золотомъ или серебромъ, изъ коихъ одно пергаментное. Далѣе Евангеліе толковое, Евангеліе учительное, прологи, книги Григорія Богослова, книги Іоанна Златоустаго, Псалтири, а всего книгъ старыхъ 129 и книгъ новописанныхъ при архимандритѣ Сергіи Кимбарѣ—74 [1]).

Между тѣмъ, ктиторы въ потомствѣ Александра Ходкевича измѣнили православію, и въ началѣ XVII ст. въ Супрасльскій монастырь стали вторгаться клевреты Ипатія Поцѣя. Послѣ нѣкоторой борьбы утвердились въ немъ уніаты. Мало по малу унія распространилась во всемъ Подляськи. Явились передѣлки супрасльской хроники, подъ редакціей уніатскихъ монаховъ, которые старались доказать, что происхожденіемъ своимъ сей монастырь обязанъ русскимъ вельможамъ, пребывавшимъ въ соединеніи съ Польшею. Изъ монастыря стали исчезать богатыя серебряныя и золотыя ризы съ величественныхъ иконъ; уменьшалось число монаховъ; ктиторъ Христофоръ Ходкевичъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго направленія латино-польской партіи въ Литвѣ, далъ монастырю, въ 1627 году, новый уставъ, разрѣшавшій братію отъ строгихъ постовъ и допустившій отступленія отъ строгой монастырской дисциплины. Христофоръ Ходкевичъ не забывалъ и своихъ интересовъ: «такъ безбожно овладѣлъ монастыремъ (1627 г.), что не только распоряжался всѣми монастырскими имѣніями и забиралъ себѣ доходы, установивши эконома, но, живя въ монастырѣ вмѣстѣ съ своею женою, дѣтьми и цѣлымъ дворомъ, съ мужчинами и женщинами, отнялъ у настоятеля управленіе монастыремъ, потому что даже женщины жили въ келіяхъ». За монастырскія права, утвержденныя королевскими грамотами, вступился митрополитъ Іосифъ Рутскій; споръ сопровождался рядомъ процессовъ въ разныхъ судахъ и дѣло кончилось въ 1632 г. мировою сдѣлкою, утвержденною

---

[1]) Къ началу XIX стол. число книгъ и старинныхъ рукописей значительно поуменьшилось; нынѣ въ Виленскомъ музеѣ въ числѣ 327 рукописей значится: 109 принадлежавшихъ одному только Супрасльскому монастырю.

П. В.

папою Урбаномъ, по которой возстановлены были прежнія права архимандрита, а между тѣмъ въ 1655 г. Рутскій далъ монастырю новый, болѣе строгій уставъ.

Состояніе Супрасльскаго монастыря въ это время хорошо изображаетъ Петръ Могила, митрополитъ кіевскій, въ письмѣ къ отступнику отъ православія Коссіану Саковичу, ректору кіевской академіи: «Посмотри», пишетъ Петръ Могила, «на славный въ Литвѣ монастырь Супрасльскій. А нынѣ до чего онъ доведенъ! Гдѣ прежде, подъ управленіемъ православныхъ, было до ста или, по крайней мѣрѣ, до семидесяти человѣкъ братіи, тамъ нынѣ живетъ едва нѣсколько человѣкъ монаховъ, и что еще хуже, мірской господинъ обладаетъ церковнымъ богатствомъ и селами и чрезъ своихъ рабовъ выдаетъ инокамъ жалованье, какое захочетъ. Спроси только кого нибудь о томъ-же монастырѣ, гдѣ тѣ древнія иконы, которыя украшены были серебряными позлащенными ризами, и узнаешь, что онѣ обращены уніатами на свои надобности, вмѣсто серебряныхъ иконъ поставлены въ церкви полотняныя, италіанскія. Хорошо мѣняются съ Богомъ: Ему полотно писанное, а себѣ серебро вызолоченное».

Въ монастырской описи 1645 г., составленной архимандритомъ Алексіемъ Дубовичемъ, встрѣчаемъ на первомъ планѣ уже латинскія книги, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ не было даже и помину. Число латинскихъ книгъ старались увеличить въ 1650 г. присылкою около сотни новыхъ названій изъ Варшавы и Гданска (Данцига); далѣе нѣсколько десятковъ польскихъ, и, наконецъ, перечислены русскія (собственно славянскія) книги; но здѣсь читаемъ мѣстами такія отмѣтки: «Библіа писана» (другую Moskwa wzieła). «Евангеліа писаная въ цѣлистомъ аксамитѣ» (Moskwa wzieła). «Прологъ марта и мая» (Москва одного взяла). «Полууставъ 2» (Москва взяла одинъ). «Dwa Czesowniki wielkie», т. е. два большихъ часослова (Moskwa wzieła). Немного позже, въ апрѣлѣ 1654 г., двѣ книги: Хронику и Ирмологій, взялъ подъ росписку Янушъ Радивиллъ, воевода виленскій. Въ 1655 году много вещей изъ монастыря вывезъ Иванъ Ходкевичъ: «Такова-то была адская обида этой святой

[1]) Петръ Могила. Приб. къ твор. св. отецъ 1846 г., стр. 53.

обители отъ безбожныхъ и безсовѣстныхъ ктиторовъ. Обдирали эту обитель, не боясь Бога. Отнялъ Господь и отъ нихъ и богатство, и почести, которыми пользовались ихъ дѣды, и имѣнія».

Бѣдствія только начинались. Въ концѣ XVII стол. неистовствовала окольная шляхта и своими «наѣздами» раззоряла монастырскихъ крестьянъ. Однажды, въ 1673 году, нѣсколько вооруженныхъ шляхтичей «осмѣлились, вопреки общественнымъ законамъ, наѣхать съ оружіемъ на супрасльскій фольваркъ Топилецъ, въ отсутствіи эконома, и показывать тамъ враждебное неистовство. А оттуда, прибывъ въ Батюты, они поколотили слугъ митрополита Кипріана Жоховскаго, епископа витебскаго, коадъютора полоцкаго архіепископа, и позорно обезславили».

Этотъ дивный монастырь, усердно стоявшій за свои права обижала и своя братія. Таковъ, напримѣръ, настоятель монастыря митрополитъ Коленда, при которомъ «супрасльскіе монахи ходили безъ рясъ, одѣвались въ мантіи или монастырскіе плащи, вмѣсто рясъ, подѣлавъ въ нимъ дыры для рукъ; въ пищѣ и питіи переносили великій недостатокъ». Митрополитъ, въ качествѣ настоятеля, любилъ здѣсь проживать со всѣмъ своимъ дворомъ, со множествомъ священниковъ, для угощенія которыхъ монастырская казна покупала водку бочками, а для діакона вино покупалось гарнцами въ разныхъ мѣстахъ. Наконецъ, братія, доведенная до изнеможенія, просила митрополита оставить св. обитель. Разгнѣванный митрополитъ Коленда, удаляясь съ своею свитою въ Полоцкъ, оставилъ благословеніе монахамъ въ такихъ словахъ: «дождусь я того, что на этомъ мѣстѣ будутъ жить и пѣть только воробьи». Впрочемъ, онъ сдѣлалъ серебряныя ризы на иконы Спасителя и Пречистой Матери Божіей, за что ректоръ полоцкой іезуитской коллегіи Казиміръ Кояловичъ похвалилъ его въ своемъ надгробномъ словѣ. Но эти богатыя ризы, какъ оказалось, сдѣланы на счетъ монастырской казны, а не изъ собственныхъ денегъ митрополита Коленды....

Еще болѣе огорченій и зла сдѣлалъ Супрасльскому монастырю митрополитъ Кипріанъ Жоховскій, который въ теченіе семи лѣтъ (1687—1694 г.) терзалъ св. обитель произвольными дѣйствіями: поставивъ въ помощь архимандриту намѣстника, онъ, чтобы задобрить монаховъ, разрѣшилъ по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ ѣсть мясо, пить пиво, медъ и водку,

отмѣнилъ публичныя эпитиміи, запретилъ монахамъ самимъ топить печи и рубить дрова. Провинившійся монахъ долженъ самъ совершить эпитимію въ часовнѣ св. Іоанна Богослова, и ничья другая рука не должна его касаться. «Позволяемъ монахамъ посѣщать родныхъ и для этого давать имъ монастырскій экипажъ: срокъ пребыванія у родныхъ полагается 2 недѣли». Вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ 1687 года воспрещалъ держать въ монастырѣ такое множество прачекъ и швей: «отъ сего времени мущина долженъ стирать и мыть». Для прогулокъ монаховъ опредѣлено завести италіанскій садъ. Изъ устава Жоховскаго видно также, что въ Супраслѣ уже тогда существовала славянская печатня, которая издавала для всѣхъ уніатскихъ епархій богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ.

Въ апрѣлѣ 1691 г. предстояло избрать новаго архимандрита; у митрополита Жоховскаго былъ свой кандидатъ, его племянникъ Дорошковскій. Но братья, согласно уставу, архимандритомъ избрали изъ своей среды Симеона Кипріяновича. Ктиторъ Юрій Ходкевичъ далъ ему свою презенту. Митрополитъ отказалъ утвердить выборъ Кипріяновича. Въ дѣло избранія вмѣшался гетманъ Сапѣга. Жалуясь на отказъ въ его ходатайствѣ за Дорошковскаго, гетманъ проситъ Ходкевича признать выборъ Кипріяновича недѣйствительнымъ съ тѣмъ, чтобы новую презенту выдать прелату Дорошковскому (т. е. племяннику митрополита). Процессъ монастыря съ митрополитомъ, веденный въ Варшавѣ при папской нунціатурѣ, какъ видно изъ хранящихся въ архивѣ документовъ, показываетъ, что митрополитъ, для достиженія своей цѣли, между прочимъ, непокорныхъ ему монаховъ подвергалъ наказаніямъ или высылалъ изъ монастыря, или же угрожалъ имъ отлученіемъ. Это грустное дѣло, въ которомъ замѣшаны были самыя дурныя страсти, продолжалось до самой смерти митрополита Жоховскаго. Онъ остался должнымъ Супрасльскому монастырю 8 тыс. злотыхъ, и эти деньги были ему выданы подъ залогъ 1,300 служебниковъ, отпечатанныхъ на счетъ монастыря; долгъ пополненъ 500 экзем. служебника, съ предоставленіемъ монастырю права продавать таковые по 20 тынфовъ за экземпляръ кому угодно и возможно, особенно же преподобнымъ пресвитерамъ.

Веденіе тяжебныхъ дѣлъ въ провинціальныхъ судахъ, съ

переносомъ апеляціи въ папскую нунціатуру въ Варшавѣ и даже къ самому папѣ въ Римѣ, истощало монастырскую казну; приходилось платить уполномоченнымъ, адвокатамъ и всякаго рода ходатаямъ.

Много причиняло безпокойства и убытковъ Супрасльскому монастырю буйство польскихъ жолнеровъ (солдатъ). Въ архивѣ монастыря хранится универсалъ Петра Великаго отъ 1705 г., когда русская армія подъ начальствомъ Огильви находилась въ Гроднѣ. Означеннымъ актомъ, даннымъ на имя всечестнаго архимандрита супрасльскаго и гродненскаго Флоріана Ланевскаго, русскій царь оказываетъ «протекцыю не токмо самымъ особамъ, начиная отъ греческаго архимандрита Ланневскаго даже до послѣдняго каплана подъ папежскимъ благословеніемъ пребывающимъ, тако-жъ и добрамъ, церквамъ, монастырямъ, маетностямъ, подданнымъ и всѣмъ ихъ приходамъ всякую безопасность и спокойное пребываніе». Универсалъ русскаго царя освобождаетъ монастырь и уніатскія церкви этой области отъ поставки провіанта и тягостей солдатскихъ и охраняетъ свободное отправленіе службы Божіей. «Данъ въ Тикотинѣ, октября 26, 1705. Печать царскаго величества. Подпись: Гравъ канслеръ Головкинъ».

Супрасльскій монастырь тѣснила краковская академія, желавшая подчинить себѣ его типографію; запрещеніе, ею наложенное на печатаніе математическихъ книгъ и календарей, было снято, послѣ многихъ ходатайствъ, лишь въ 1721 году. Церковно-славянскія книги супрасльской типографіи расходились во многихъ экземплярахъ по уніатскимъ епархіямъ, не исключая Холмской и Перемышльской, а вырученныя отъ продажи этихъ книгъ деньги обращались на сооруженіе каменныхъ монастырскихъ зданій.

Однако, не смотря на многія невзгоды, эта русская твердыня пользовалась доброю славою между уніатами всей Руси; она въ злополучной окраинѣ, сосѣдней съ поляками, истреблявшими все русское, можно сказать, была оплотомъ бѣлаго духовенства, находившагося подъ ея юрисдикціею.

Между тѣмъ, Базиліанскій орденъ, со времени Замостьскаго или Замойскаго собора, получилъ чрезвычайно большое вліяніе на управленіе дѣлами греко-уніатской церкви въ Рѣчи Посполитой. Захвативъ подъ свою опеку всѣ древніе монастыри и соз-

давъ новые изъ приходскихъ церквей или разрушенныхъ соборовъ, базиліанскіе протоархимандриты или генералы, съ половины XVIII вѣка, старались подчинить своей власти и независимый отъ нихъ Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь; до тѣхъ поръ, опираясь на своихъ ктиторовъ, то на митрополитовъ, и даже на папскихъ нунціевъ, онъ сохранялъ свое «изъятіе» отъ орденскаго управленія. Это «изъятіе» составляло четвертый обѣтъ супрасльскихъ монаховъ. Теперь Базиліанскій орденъ, пренебрегая актами, подтвержденными привиллегіями польскихъ королей и папскою буллою Венедикта XIV, затѣялъ цѣлую интригу въ Варшавѣ, съ тою цѣлью, чтобы захватить въ свои руки и это достояніе русскихъ людей. По этому поводу супрасльскій уполномоченный Ясонъ Юноша-Смогоржевскій писалъ изъ Рима къ супрасльскимъ монахамъ 5-го августа 1758 г., убѣждая ихъ всѣми способами противодѣйствовать замысламъ базиліанскаго генерала, «поползновеніе котораго на св. обитель можетъ открыть учитель нравственной богословіи въ Даревѣ, Аѳанасій Марцинкевичъ». «Желаю, писалъ Смогоржевскій, чтобы единство сердецъ въ монастырѣ преуспѣвало, и чтобъ подумали о заведеніи тамъ (въ Супрасли) училища, а съ тѣмъ вмѣстѣ о сохраненіи истинно греческаго обряда, и показали міру, что этотъ монастырь нуженъ для общества». «Пусть хотя одинъ монастырь на всей Руси будетъ свидѣтелемъ прежней русской славы и нашей старины, можетъ привлечь къ себѣ и православныхъ людей, разсѣянныхъ въ Польшѣ». И еще: «развѣ святымъ отцамъ не дорого сохраненіе св. обрядовъ церковныхъ и монастырскихъ, о которыхъ въ провинціи (т. е. въ монастыряхъ орденскаго управленія) и не спрашивайте». Въ другомъ письмѣ отъ 26-го августа, указавъ на необходимость значительныхъ расходовъ въ Римѣ, Смогоржевскій продолжаетъ «Взявъ на помощь Господа Бога, вглядѣвшись въ древніе обряды церковные и монастырскіе, а вмѣстѣ, предотвращая упадокъ столь прекрасной обители, Супрасльскій монастырь легко можетъ приняться за все это (т. е. за устройство училища и проч.), чѣмъ онъ отличался бы отъ завоеванныхъ монастырей и пріобрѣлъ любовь и почтеніе отъ всей страны». Легко понять, какого характера должно было быть училище, не похожее на латинизаторскія школы «завоеванныхъ» монастырей, т. е. мона-

стырей, подчиненныхъ базиліанскому генералу и провинціаламъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей. Въ свою очередь, ктиторъ Николай Ходкевичъ, приводя документы Сигизмунда I отъ 1507 г., грамоту Сигизмунда III отъ 1633 г., постановленіе Замостскаго собора 1721 г.—о неподвластности Супрасльскаго монастыря базиліанамъ, соглашеніе 1740 г., буллу папы Венедикта XIV 1748 г., возсталъ съ протестомъ, посланнымъ въ Варшаву къ нунцію, противъ незаконности притязаній базиліанскихъ протоархимандритовъ на Супрасльскій монастырь.

Дѣло, стоившее много денегъ, этимъ не кончилось: поползновенія базиліанскаго ордена на Супрасльскій монастырь возобновились. Въ началѣ 1773 г. папскому нунцію въ Варшавѣ представленъ былъ доносъ о крайнемъ упадкѣ въ немъ дисциплины, ученія, уставнаго богослуженія. Нравы монаховъ распущены. Учителя въ новиціатѣ неучи: не знаютъ ни латинской, ни даже польской грамоты (но они знали славянскую грамоту). Въ церквахъ на службѣ—брань, богохульство, безобразія, въ трапезѣ крикъ, драки, недовольство пищею. Единственное средство спасти монастырь—подчинить базиліанскому ордену. Такимъ-то обычнымъ оружіемъ расправлялись орденскіе базиліане съ своими противниками, слѣдовательно и съ противниками латинизаціи богослуженія. Въ числѣ мѣръ, необходимыхъ для исправленія монастыря, предлагалось: переселить сюда монаховъ изъ ордена, испросить у папы отмѣну присяги, присвоенной супрасльскому монастырю объ «изъятіи», сопротивляющихся монаховъ перемѣстить въ другіе монастыри, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдать базиліанскому ордену и варшавскую резиденцію Супрасльскаго монастыря. Сторону базиліанскаго ордена держалъ брестскій епископъ. Въ такомъ трудномъ положеніи защита монастырю явилась отъ свѣтскаго клира, который со времени папы Венедикта XIV сталъ подниматься въ этой окраинѣ изъ прежняго уничиженія и рабскаго подчиненія монахамъ. Брестскій архидіаконъ Левицкій, пользовавшійся особымъ довѣріемъ короля Станислава Августа, вступился за права монашествующей братіи по поводу выборовъ въ архимандриты монастыря о. Вислоцкаго и, не смотря на всѣ интриги, продолжавшіяся до послѣдняго раздѣла Польши, успѣлъ защитить знаменитую обитель отъ вмѣшательства въ ея дѣла посторонних властей, между прочимъ и ктиторши Людвики Ходкевичъ, вздумавшей назначить нѣкоего

монаха Маковецкаго намѣстникомъ архимандрита за то единственно, что во время возстанія въ Варшавѣ въ 1794 г. онъ былъ ей особенно полезенъ.

Итакъ, не взирая на измѣну своей религіи ктиторовъ, не смотря на противозаконныя дѣйствія нѣкоторыхъ архимандритовъ и на поползновеніе базиліанскаго ордена, тщательно искоренявшаго старо-славянскіе памятники въ русскихъ монастыряхъ своихъ провинцій, Супрасльскій монастырь до послѣднихъ дней существованія Польши не спустилъ русскаго стяга и сохранилъ въ своихъ актахъ и въ своей библіотекѣ свидѣтельство прежней русской славы. И тѣмъ не менѣе нѣкогда богатая русская святыня обречена была теперь на нищету.

Вотъ что узналъ молодой М. К. Бобровскій, 80 лѣтъ тому назадъ, изъ хроники и документовъ, хранившихся въ богатой библіотекѣ и архивѣ Супрасльскаго монастыря. Въ этомъ русскомъ монастырѣ, гдѣ уцѣлѣли монастырскіе печатные и рукописные старославянскіе памятники, гдѣ еще такъ живы были слѣды тѣхъ глубокихъ ранъ, которыя нанесены были греко-славянской церкви во всей западной Руси, сложился у двадцатилѣтняго юноши тотъ твердый образъ мыслей, который руководилъ его дѣйствіями, и впослѣдствіи на всѣхъ ступеняхъ его дѣятельности. Здѣсь, въ нѣкогда православной русской святынѣ, онъ и нашелъ обильный матеріалъ для археологическихъ и библіографическихъ изслѣдованій и открытій, прославившихъ впослѣдствіи его имя между славистами. Разъ сложившіяся въ немъ убѣжденія о незаконности посягательства на русскую старину, на греко-славянскую церковь на его родинѣ, никогда затѣмъ не колебались: напротивъ, оживлялись, по мѣрѣ развитія ума, и еще болѣе укрѣплялись наступившими событіями въ греко-уніатской церкви. Славянская библіографія сдѣлалась его постояннымъ занятіемъ. Въ церкви и въ ризницѣ Супрасльскаго монастыря находились книги виленской, почаевской, львовской, кіево-печерской, московской и супрасльской печати, таковы евангелія: 1575 г.—виленской печати, 1644 г.—львовской печати, 1780 г.—почаевской печати; Октоихъ, Тріодь постная 1629 г.—кіевской печати. Многія другія священныя книги православныхъ и грекоуніатскихъ типографій: кіево-печерскій служебникъ 1620 г., полууставъ 1682 г., часословъ московской, Октоихъ

1644 г., Тріодь постная 1699 г. и Тріодь цвѣтная 1696 г. — всѣ три львовской печати, и подобныя же книги почаевской и супрасльской типографій конца XVII и XVIII ст. На этихъ разнообразныхъ редакціяхъ старославянской печати сталъ развиваться критически блестящій умъ Михаила Кирилловича и его познанія въ старославянской литературѣ, которыя впослѣдствіи обогатились путешествіемъ по Европѣ. Тогда же ему удалось въ Заблудовѣ напасть на слѣды существованія славянской типографіи, учрежденной на средства Григорія Ходкевича, и прослѣдить судьбу поселившихся здѣсь московскихъ типографщиковъ діакона Ивана Өедорова и Тимофея Мстиславца, удаленныхъ изъ Москвы суевѣріемъ народа въ 1564 году. Михаилъ Кирилловичъ открылъ, что означенные московскіе типографщики, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Заблудовѣ [1]), между прочимъ, напечатали здѣсь двѣ весьма рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи книги: Евангеліе учительное въ 1569 года и Псалтирь 1568 года. Молодой еще Бобровскій, прослѣдивъ всю судьбу

[1]) Объ этихъ открытіяхъ М. Бобровскаго свидѣтельствуетъ Ярошевичъ въ своихъ замѣткахъ къ соч. „Obraz Litwy“ т. III, изд. 1843 г. М. Заблудовъ на р. Мѣлстыни принадлежало роду Ходкевичей съ 1525 года; оно расположено на южной окраинѣ того обширнаго Блудовскаго лѣса, въ которомъ отецъ Григорія Александровича основалъ Супрасльскій монастырь. Судя по нѣкоторымъ памятникамъ народной рѣчи, Заблудовъ и его окрестности, въ числѣ до 40 деревень, могли быть поселены русскими переселенцами или же русскими плѣнными, взятыми во время частыхъ войнъ великихъ князей литовскихъ съ царями московскими въ XV ст., а можетъ быть и ранѣе. См. ч. I. Стат. опис. Гродненской губерніи, стр. 640. Въ народномъ говорѣ жителей Заблудова и его окрестностей въ 60-хъ годахъ мы замѣчали особенности, отличавшія это нарѣчіе отъ языка окрестныхъ крестьянъ бѣлоруссовъ. Здѣсь не говорили—идуць, іѣдуць, знаюць,—какъ говорятъ обыкновенно бѣлоруссы, а идутъ, ѣдутъ, знаютъ, какъ говорятъ великоруссы. Тутъ нѣтъ постояннаго измѣненія о на а. Впрочемъ, многія производныя слова приняли свойства бѣлорусскаго языка, а нѣкоторыя слова построены по образцу польскихъ словъ. Вмѣсто „постой“ говорятъ „постоуй“. вм. небось—„нѣбоусь“, вм. „буду вѣять“, „буду вѣяци“. „Соунычко собѣ кажэ што мнiѣ, ко бъ iого не пiѣкло; а морозъ собiѣ кажэ, што мнiѣ, а не тобiѣ, бо вуонъ цѣбѣ не такъ бонцэ якъ мене“. Впрочемъ, мнѣніе наше нельзя считать непреложнымъ въ такомъ серіозномъ вопросѣ, требующемъ основательныхъ лингвистическихъ познаній. При ближайшемъ сравненіи замѣчается сходство Заблудовскаго „королевскаго“ нарѣчія съ языкомъ черноруссовъ. Даже у славянъ верхней Лузаціи, по замѣчанію проф. М. К. Бобровскаго, не смотря на значительную порчу ихъ языка, вслѣдствіе господства литературнаго нѣмецкаго языка, встрѣчается много словъ похожихъ на языкъ русскихъ славянъ бывшей Бѣлостоцкой области. П. Б.

этихъ замѣчательныхъ людей, описалъ всѣ ихъ изданія, какъ заблудовскія, такъ и позднѣйшія. Изъ Заблудова Иванъ Ѳедоровъ удалился сперва во Львовъ, гдѣ въ 1570 г. напечаталъ Апостолъ, а потомъ уже въ Острогъ; товарищъ его Мстиславецъ отправился въ Вильну и занимался у Мамоничей, издавшихъ въ 1575 г. Евангеліе.

Въ 1807 году, по Тильзитскому миру, Бѣлостоцкая область присоединена къ Россіи. Супрасльская епархія съ консисторіей вошла въ составъ Брестской, капитулъ ея также слитъ съ Брестскимъ капитуломъ. Не смотря на представленія и ходатайства архимандрита Льва Яворовскаго, который послѣ Духновскаго назначенъ епископомъ викаріемъ (суфраганомъ) брестскаго епархіальнаго епископа, монастырь долженъ былъ довольствоваться тою незначительною штатною суммою, которая опредѣлена была на его содержаніе прусскимъ правительствомъ. Но по недостатку матеріальныхъ средствъ, при рабской, можно сказать, зависимости отъ базиліанъ викарнаго епископа Льва Яворовскаго, Супрасльскій монастырь быстро шелъ къ упадку, и въ 1820-хъ годахъ служилъ лишь приманкою для хищныхъ набѣговъ базиліанскаго ордена. Цѣною Супрасльскаго монастыря базиліане, какъ увидимъ, думали откупить Жировицкій монастырь, который бѣлое духовенство признавало единственно удобнымъ для учрежденія епархіальной семинаріи на прочныхъ основаніяхъ. Супрасльская семинарія была упразднена еще въ 1807 г., а капиталъ въ 40 000 злотыхъ, завѣщанный ей епископомъ Николаемъ Духновскимъ, обращенъ на усиленіе средствъ Брестской епархіальной семинаріи, помѣщенной въ 1799 г. въ Лаврышовскомъ монастырѣ, близь Новогрудка; но эта семинарія была въ рукахъ базиліанъ и находилась постоянно въ жалкомъ состояніи (Плак. Янковскій и дѣла синода). Брестскій капитулъ, соединившись съ членами супрасльскаго упраздненнаго капитула, неоднократно представлялъ своему епископу ходатайство о необходимости ея улучшенія, но замѣтивъ равнодушіе владыки къ этому вопросу, посылалъ жалобы на высочайшее имя главноуправляющему духовными дѣлами кн. А. Н. Голицыну черезъ 2-й департ. рим.-кат. дух. коллегіи. Заявленія о нуждахъ своей братіи — бѣлаго духовенства, капитулъ, какъ увидимъ, подкрѣплялъ доказательствами, основанными на историческихъ документахъ, добытыхъ въ архивахъ.

Со времени упраздненія Супрасльской епархіи судьба греко-уніатскаго духовенства Бѣлостоцкой области была тѣсно связана съ судьбою его въ Брестской епархіи; теперь и долгое еще время спустя ему пришлось испытывать на себѣ тягостную зависимость отъ базиліанъ, пользовавшихся особымъ покровительствомъ епархіальнаго епископа (съ 1817 г. митрополита) Іосафата Булгака, тайно приверженнаго къ католицизму. Освободившись отъ опасности быть онѣмеченнымъ, греко-уніатское бѣлое духовенство Бѣлостоцкой области встрѣтилось лицомъ къ лицу съ замыслами базиліанскаго ордена, силы котораго, именно въ Брестской епархіи, были отлично организованы и сосредоточены въ монастыряхъ—виленскомъ Св. Троицкомъ, Жировицкомъ, Бытенскомъ и Тороканскомъ, т. е. въ самомъ сердцѣ Литовской Руси. Разрушить эти гнѣзда латинской пропаганды въ Уніи отнынѣ стало господствующимъ стремленіемъ представителей бѣлаго духовенства Брестской и Виленской — митрополичьей епархіи (съ 1810 г.), или, правильнѣе, Брестскаго капитула, въ лицѣ котораго объединялись интересы бѣлаго духовенства всей Литовской Руси. Нужно еще замѣтить, что въ Бѣлостоцкой области на 75 церквей былъ всего только одинъ монастырь, принадлежавшій Базиліанскому ордену, да и тотъ находится въ полномъ разстройствѣ: это монастырь Дрогичинскій. Напротивъ, въ Гродненской, Виленской и частью въ Минской губерніяхъ на 700 церквей находилось болѣе 40 монастырей Литовской базиліанской провинціи.

Чтобы понять степень опасности для греко-славянской церкви, а слѣдовательно и для русской народности отъ базиліанскаго ордена на обширной территоріи, обнимающей: бывшую Бѣлостоцкую область, губерніи—Гродненскую, Минскую и Виленскую, мы въ особомъ спеціальномъ трудѣ представляемъ нѣсколько новыхъ документовъ, относящихся къ исторіи русской греко-уніатской церкви и общественнаго образованія во всей западной полосѣ Россійской имперіи, т. е. въ Бѣлоруссіи, Литовской Руси, на Волынѣ и Подоліи въ царствованіе Александра I.

П. О. Бобровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1861 г.

V [1]).

Студенческія волненія имѣли три фазы или періода. Первый періодъ продолжался съ 23-го по 30-е сентября. Въ эту недѣлю были самыя шумныя и многочисленныя сходки,—онѣ почти покончились въ субботу, 30-го сентября, послѣ того какъ студенты 29-го сентября силою вломились въ зало университета. Послѣ этого взрыва они какъ будто сами испугались и притихли.

1-го октября, въ воскресенье, собрались въ университетскомъ саду, какъ говорили, только одни красные, но и тѣ разошлись по первому моему требованію. Во время моего разговора съ ними мнѣ доложили, что ко мнѣ пріѣхалъ оберъ-полицімейстеръ графъ Крейцъ. Когда я уходилъ изъ сада, нѣкоторые изъ собравшихся бросились ко мнѣ съ просьбою, чтобы я заступился за нихъ, чтобы я не позволялъ полиціи ихъ трогать, давали мнѣ слово, что они шумѣть больше не будутъ, что они будутъ сходиться лишь для подписанія адреса на высочайшее имя [2]).

---

[1]) См. „Русск. Старину" изд. 1887 г., томъ LV, сентябрь, стр. 641—662 изд. 1888 г. т. LX, октябрь, стр. 203—223.

[2]) Сходка 1-го октября сопровождалась слѣдующими обстоятельствами Когда я стоялъ у обѣдни въ университетской церкви, я замѣтилъ, что экзекуторъ университета, взволнованный, подошелъ къ ректору и доложилъ ему что-то. Ректоръ, видимо, взволновался, подумалъ съ минуту, и затѣмъ сказалъ что-то экзекутору, который поклонился и быстро направился къ выходу. Я нагналъ экзекутора и спросилъ его: въ чемъ дѣло? Экзекуторъ сказалъ мнѣ, что въ университетскомъ саду собралась сходка изъ 150—200

Второй періодъ сходокъ, болѣе тихій и спокойный, продолжался со 2-го по 11-е октября. Въ этотъ періодъ собственно въ стѣнахъ университета не было уже выходящаго изъ предѣловъ приличія шума и криковъ; но внѣ университета была произведена довольно

самыхъ красныхъ, что онъ доложилъ объ этомъ ректору и ректоръ приказалъ послать за полиціею. Доложите г. ректору, сказалъ я, что въ университетскій садъ отправилась университетская полиція, инспекторъ, и что городской полиціи я просилъ бы до времени не призывать.

Когда я подходилъ къ университетскому саду подвальнымъ корридоромъ, идущимъ подъ домомъ стараго университета, я слышалъ со стороны сада громкій безпорядочный говоръ и шумъ; когда же я вышелъ къ саду, и участники сходки замѣтили меня, говоръ стихъ. Я вошелъ въ садъ, подошелъ къ толпѣ и сказалъ имъ, что такъ какъ сегодня праздникъ и лекцій нѣтъ, то ихъ сборище нельзя иначе признать, какъ сходкой; поэтому, если они не хотятъ навлекать на себя городской полиціи, то должны разойтись немедленно. Затѣмъ я вошелъ въ самую середину толпы и нѣкоторое время молча смотрѣлъ на нихъ. „Что же вы"? спросилъ я. Молчаніе. „Что же? Вы съ ударомъ колокола, съ криками и угрозами шли на меня походомъ, вотъ я среди васъ, дѣлайте, что хотѣли".—„Помилуйте, г. инспекторъ, мы противъ васъ ничего не имѣемъ".—„Къ чему же былъ этотъ шумъ, эти крики, грозившіе все перебить и переломать въ моей квартирѣ, пугавшіе моихъ семейныхъ.... Жаль мнѣ нашего университета, дорого мнѣ доброе имя студентовъ.... Знаете что̀, господа. Если вы имѣете что нибудь лично противъ меня, вы можете мнѣ легко сдѣлать непріятность. Благодаря вашимъ безпорядкамъ, я ежедневно около часу, двухъ ночи возвращаюсь домой отъ Тверскаго бульвара, по Никитской.... Можете подстеречь меня.... Тогда скажутъ, что на инспектора студентовъ напали жулики, студенческое имя не будетъ опозорено. Мнѣ, какъ частному человѣку, вы можете сдѣлать непріятность, но до меня, какъ инспектора студентовъ, во время исполненія мною служебныхъ обязанностей, и пальцемъ не смѣйте коснуться, за это тяжко можете поплатиться".... Снова послышались увѣренія: „Помилуйте, г. инспекторъ, мы васъ любимъ и уважаемъ". Хороши любовь и уваженіе! Я объяснилъ имъ, какое позорное пятно они положили на университетъ и на студентовъ, позволивъ себѣ съ безобразными криками дѣлать походъ противъ инспектора, разломать рѣшетку въ новомъ университетѣ и ворваться въ университетскую залу. Они мнѣ отвѣчали: „Это не мы сдѣлали, это какіе нибудь негодяи".—„Ваша правда, этого студенты не могли сдѣлать, это могли сдѣлать только негодяи". Въ это время мнѣ доложили о пріѣздѣ гр. Крейца на мою квартиру.

Оберъ-полиціймейстеръ, по его словамъ, пріѣхалъ ко мнѣ, по порученію генералъ-губернатора, спросить у меня, не нужно ли мнѣ полиціи. „А сколько бы вы мнѣ прислали, графъ?" спросилъ я. „Человѣкъ 40 — 50". „Что же эти 40—50 человѣкъ могутъ сдѣлать съ массой въ 700—800 студентовъ? Такое число полицейскихъ, пожалуй, наведетъ студентовъ на мысль—разбить полицію,—и изъ нарушенія благочинія и студенческихъ правилъ выйдетъ уголовное преступленіе. Нѣтъ, ваше сіятельство, лучше, по моему, до времени не

шумная демонстрація, 4-го октября, въ день кончины Т. Н. Грановскаго [1]).

«Историческая записка» такъ сообщаетъ объ этомъ: «Нѣсколько дней спустя (послѣ того какъ студенты ворвались въ новое зданіе университета), студенты рѣшились сдѣлать демонстрацію на могилѣ покойнаго профессора Грановскаго. Память Грановскаго остается для университета священною. Ежегодно въ день его смерти нѣкоторые профессоры, студенты и частныя лица, знавшія его лично, служатъ

присылать полиціи въ университетъ. Теперь волненія, повидимому, стихаютъ". Графъ на мои слова отвѣтилъ: „Г. генералъ-губернаторъ сказалъ, что это будетъ зависѣть совершенно отъ васъ". Въ бытность у меня оберъ-полицій-мейстера пришелъ ко мнѣ назначенный инспекторомъ студентовъ М. А. Малиновскій съ вопросомъ, когда ему вступать въ должность. Я отвѣтилъ ему, что хотя г. попечитель округа далъ мнѣ предложеніе исправлять должность инспектора студентовъ до 1 октября, но я не считаю себя въ правѣ оставить постъ въ такое смутное, можно сказать, военное время, и потому буду инспекторствовать до пріѣзда попечителя.

Относительно адреса студентовъ въ Исторической запискѣ сказано: „Депутація отъ студентовъ такъ называемой умѣренной партіи, которая желала менѣе рѣзкаго адреса, частнымъ образомъ являлась къ г. военному генералъ-губернатору. Студенты утверждаютъ, что г. военный генералъ-губернаторъ прямо разрѣшилъ имъ сходки въ стѣнахъ университета, неоднократно обнадѣживалъ ихъ принятіемъ адреса и самъ даже исправлялъ редакцію". Я не слыхалъ ни отъ самого генералъ-губернатора, ни отъ студентовъ, чтобы генералъ-губернаторъ разрѣшалъ сходки, и потому думаю, что это — изобрѣтеніе студентовъ, равно какъ и разсказъ о поправкѣ адреса. Но относительно принятія адреса (вѣроятно, отъ умѣренныхъ, а не отъ красныхъ) мнѣ было сдѣлано предложеніе. Помнится, 2 октября пріѣхалъ ко мнѣ (я былъ тогда въ правленіи университета) чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора С—въ и наединѣ передалъ мнѣ желаніе П. А. Тучкова, чтобы я объявилъ студентамъ, что онъ приметъ отъ нихъ адресъ. Когда я отказался безъ письменнаго предложенія генералъ-губернатора объявить объ этомъ студентамъ, опираясь на законъ, воспрещающій коллективныя прошенія и адресы, г. С—въ смягчилъ требованіе и сказалъ, что г. генералъ-губернатору угодно, если я самъ нахожу неудобнымъ объявлять, чтобъ я приказалъ моимъ помощникамъ изъ-подъ руки сдѣлать извѣстнымъ студентамъ, что генералъ-губернаторъ готовъ принять отъ нихъ адресъ на высочайшее имя. На это я отвѣтилъ: чего я не позволяю себѣ, такъ какъ считаю незаконнымъ, то еще менѣе позволю моимъ подчиненнымъ, которыхъ я никакъ не желаю подвергнуть отвѣтственности. И объ этомъ, какъ и о предложеніи г. Родзевича, генералъ-губернаторъ лично мнѣ не говорилъ ни слова.

[1]) Студенты говорили между собой, что если бы жилъ Грановскій, онъ не послѣдовалъ бы примѣру теперешнихъ профессоровъ, но сталъ бы горячо во главѣ студентовъ за общее дѣло, которое они называли студенческимъ. Не знали тогдашніе студенты нашего незабвеннаго учителя, а если бы знали, не говорили бы этого. П. Ш.

по немъ панихиду на Пятницкомъ кладбищѣ. Въ первый разъ эта тризна сдѣлалась предметомъ студенческой манифестаціи. Толпа, состоявшая изъ около 300 студентовъ, двинулась изъ университетскаго сада на мѣсто погребенія. Полиція была предупреждена. Около кладбища стояли казаки, жандармы, полицейская команда. Студенты пришли поздно, по окончаніи панихиды. Профессоры немедленно уѣхали, чтобы не подать вида, что они участвовали въ демонстраціи. Полицейскіе начальники стали уговаривать студентовъ отъ всякихъ изъявленій, въ особенности отъ произнесенія рѣчей. Самъ оберъ-полиціймейстеръ явился посреди толпы, но долженъ былъ немедленно удалиться. Рѣчи были произнесены, нѣкоторыя весьма неумѣренныя». Наконецъ, одинъ изъ ораторовъ сдѣлалъ предложеніе, принятое всѣми: не будемъ болѣе раздражать полиціи, пойдемъ-же лучше домой, тамъ полиція насъ не тронетъ. Подъ «домомъ» ораторъ разумѣлъ университетъ и университетскій садъ. «И студенты, не смотря на убѣжденія полиціи, такою же сплошною массою возвратились въ университетъ». (Историч. записка). И въ этой процессіи фигурировалъ польскій духъ. Несшій вѣнокъ русскій студентъ былъ въ какомъ-то полупольскомъ костюмѣ, а два его ассистента были одѣты чисто по польски. «Все здѣсь было противно правиламъ отъ начала до конца. Все это совершалось на улицахъ Москвы, въ публичныхъ мѣстахъ, въ виду полицейской силы, и все проходило безнаказанно. Не должно ли это было вселить въ студентовъ совершенную увѣренность, что они своею массою составляютъ силу, къ которой начальство боится приступить». (Историч. записка).

Нельзя не согласиться съ этимъ заключеніемъ «Исторической записки». Студенты совершали 4-го октября уличную демонстрацію, нарушали публичное благочиніе на глазахъ полиціи, и все сошло имъ съ рукъ, не были арестованы даже главные нарушители общественнаго спокойствія. А какъ благотворно было бы для университета, если-бы полиція арестовала, по крайней мѣрѣ, говорившихъ неумѣренныя рѣчи ораторовъ: этимъ днемъ безпорядки студенческіе, вѣроятнѣе всего, и покончились бы.

По возвращеніи студентовъ въ университетскій садъ, шума и рѣчей не было, занимались, кажется, обсужденіемъ адреса. Въ томъ-же обсужденіи, а затѣмъ и подписаніи адреса прошли дни отъ 5 до 10 октября включительно. Въ эти числа сходки съ каждымъ днемъ становились малочисленнѣе, такъ что 9 и 10 октября видно было въ университетскомъ саду отъ 15 до 20 человѣкъ. Сходки можно было считать совершенно поконченными.

Чѣмъ достигнутъ такой значительный успѣхъ въ подавленіи вол-

ній? Неужели только инспекторъ студентовъ со своими помощниками выносили на своихъ плечахъ всю тяжесть этого тревожнаго времени?

На такой вопросъ справедливость требуетъ отвѣтить, что инспектору студентовъ и его помощникамъ по обязанности приходилось быть въ постоянныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ съ ними, обращаться къ нимъ со словами убѣжденій и напоминаній. Но о всѣхъ дѣйствіяхъ инспекціи я каждый день докладывалъ ректору университета, управлявшему округомъ и генералъ-губернатору и каждую недѣлю правленію университета, и что какъ отъ ректора и членовъ правленія—декановъ, такъ и отъ всѣхъ профессоровъ я постоянно встрѣчалъ полное сочувствіе, что и придавало инспекціи особую силу и бодрость. Кромѣ того, если профессора, въ продолженіе студенческихъ волненій до 11 октября, и не вступали явно на арену дѣйствій, что обусловливалось самымъ уставомъ университетовъ 1835 года, то всѣ они въ одинъ голосъ осуждали увлеченіе и незаконныя дѣйствія студентовъ, хотя и сочувствовали нуждамъ бѣдныхъ студентовъ [1]). Не было между профессорами ни одного, который бы явился защитникомъ и поощрителемъ противозаконныхъ дѣйствій студентовъ, но были многіе, которые въ частныхъ бесѣдахъ со студентами сильно и убѣдительно доказывали, что поступки студентовъ незаконны и могутъ принести имъ громадный вредъ. Хорошо помню, что профессоръ Б. Н. Чичеринъ, видѣвшій сцену съ Гижицкимъ въ большой словесной аудиторіи, когда я вышелъ оттуда, спросилъ меня: «Отчего вы его не арестовали?»,—слова, ясно высказывающія серіозный взглядъ на дѣло. Во время студенческихъ волненій, профессора сплотились и

---

[1]) „Но онъ (совѣтъ) не можетъ не выразить вашему сіятельству своего глубокаго убѣжденія, что одно изъ главныхъ условій для возстановленія нравственнаго значенія университета состоитъ въ безплатномъ пріемѣ въ студенты бѣднѣйшихъ людей, жаждущихъ просвѣщенія“. (Историч. записка). Вотъ истинно-просвѣщенный взглядъ на дѣло. Кто „жаждетъ просвѣщенія“, тотъ, безъ сомнѣнія, занимается наукой съ любовію и всецѣло. Кто-же съ любовію и всецѣло предается научнымъ занятіямъ, тотъ, конечно, оказываетъ и лучшіе успѣхи, и отличается безупречнымъ поведеніемъ. Я твердо и давно убѣжденъ, что не богатство и происхожденіе должны открывать доступъ въ университетъ, а единственно отличные успѣхи въ наукахъ и безупречная нравственность. Единственно-вѣрнымъ мѣриломъ для пріема въ университеты можетъ быть конкурсное испытаніе или отличный аттестатъ изъ того учебнаго заведенія, въ которомъ учился вновь поступающій. Наши духовныя академіи, принимающія лучшихъ по успѣхамъ и поведенію изъ окончившихъ курсъ семинаріи, подаютъ въ этомъ отношеніи примѣръ, достойный подражанія. П. Ш.

незамѣтно было той розни, которая замѣчалась прежде. Это единодушіе университетской корпораціи и было, по моему мнѣнію, тою могучею силою, о которую, какъ о твердый утесъ, разбились волненія студентовъ и надежды незримыхъ руководителей этихъ волненій. Профессора въ эти трудные для московскаго университета дни не искали популярности у расходившихся и разгоряченныхъ студентовъ, а честно и прямо при всякомъ случаѣ высказывались противъ забывшей свой долгъ молодежи.

Итакъ, университетскія волненія стихали. Повидимому, нельзя было ожидать никакой вспышки... Но руководители не дремали, а готовились, какъ увидимъ, къ послѣднему рѣшительному удару, за которымъ, какъ они были увѣрены, непремѣнно должно послѣдовать закрытіе университета. Наступалъ самый кратковременный и вмѣстѣ самый бурный періодъ университетскихъ безпорядковъ, продолжавшійся только два дня, 11 и 12 октября. Этихъ послѣднихъ самыхъ тяжелыхъ дней я очевидцемъ не былъ: 10 октября попечитель округа Н. В. Исаковъ, возвратившійся изъ Кіева, сколько помню числа 6-го октября, освободилъ меня отъ исполненія обязанностей инспектора студентовъ вслѣдствіе приключившейся со мною болѣзни [1]).

10-го октября прошло совершенно спокойно, какъ и предыдущіе дни.

11-го октября только что я проснулся, мнѣ говорятъ: «въ новомъ университетѣ должно быть пожаръ, сейчасъ пробѣжалъ туда экзекуторъ съ толпою служителей». Я подошелъ къ окну, которое выходило на Никитскую улицу какъ разъ противъ входа въ университет-

[1]) Не мудрено было заболѣть инспектору студентовъ въ эти тяжелые, по выраженію одного изъ профессоровъ „севастопольскіе", дни. Съ ранняго утра до поздней ночи я былъ въ дѣлѣ и въ постоянной тревогѣ. До страннаго необычнаго состоянія доходилъ я въ это время: возвращаясь отъ генералъ-губернатора въ 1 часъ, иногда въ 2 часа ночи, я чувствовалъ себя какъ-бы совершенно разбитымъ, ноги у меня отказывались служить, не поднимались на кровать, я долженъ былъ поднимать и укладывать ихъ на постель руками. Утромъ, послѣ крѣпкаго сна, я снова поднимался бодрый и здоровый. Но съ каждымъ днемъ утомленіе чувствовалось сильнѣе, и 10 октября утромъ я всталъ съ трудомъ; голова у меня отяжелѣла до того, что я не слышалъ, что мнѣ говорили, въ ушахъ стоялъ звонъ. При объясненіи со мною въ канцеляріи, попечитель округа замѣтилъ мое болѣзненное состояніе и сказалъ: „Вы не здоровы, это видно, вамъ необходимъ покой. Отправляйтесь домой и ложитесь въ постель, отдохните. Теперь все успокоилось въ университетѣ, и вы со спокойною совѣстію можете передать должность инспектору студентовъ Малиновскому, которому я сейчасъ же дамъ предложеніе немедленно вступить въ должность". П. Ш.

скую церковь, и увидалъ подлѣ экзерциргауза громадную толпу народа; глаза всѣхъ обращены на дворъ новаго зданія университета, но ни огня, ни даже дыма не было видно. Не будучи въ силахъ по болѣзни самъ выйти изъ дому, я послалъ спросить, что̀ такое тамъ произошло. Мой посланный, возвратившись, сказалъ, что весь дворъ новаго университета полонъ студентами, что въ народѣ говорятъ: одни—что «инспектора студентовъ притиснули студенты, такъ что онъ только пищитъ», другіе, что «студенты притиснули самого попечителя». Народъ высказывалъ раздраженіе противъ студентовъ и въ толпѣ слышались упреки начальству, которое-де потакаетъ студентамъ. «Больно волю имъ дали, а ужъ давно пора бы унять этихъ буяновъ». Вотъ какимъ сочувствіемъ со стороны народа пользовалось студенческое движеніе въ Москвѣ, а между тѣмъ на сходкахъ студентовъ не разъ выражались надежды, что народъ съ ними за одно. Сильно было разочарованіе студентовъ 12 октября, когда они увидѣли, что народъ помогалъ полиціи хватать убѣгавшихъ студентовъ. Въ новомъ зданіи университета въ тотъ день (11 октября), какъ разсказали мнѣ очевидцы, происходило слѣдующее. Только что утромъ того дня подъѣхалъ къ университетскому крыльцу попечитель, къ нему подбѣжали четверо, въ числѣ которыхъ былъ и Гижицкій, и спросили, приметъ-ли онъ отъ студентовъ адресъ на высочайшее имя. Попечитель отвѣтилъ имъ, что коллективныя прошенія запрещены закономъ, что студенты не составляютъ корпораціи, и что поэтому онъ не въ правѣ принять отъ нихъ адресъ. «Мы рѣшительно и въ послѣдній разъ у васъ спрашиваемъ, примете ли вы адресъ или нѣтъ?»—«Я уже сказалъ вамъ, что не приму и не въ правѣ принять». И съ этими словами попечитель вошелъ въ университетъ. Не прошло и получаса, какъ передняя, ведущая въ профессорскую комнату, гдѣ былъ попечитель, стала наполняться толпою, которая съ угрожающимъ видомъ наступала къ профессорской. Тогда два бывшіе тутъ профессора, О. М. Бодянскій и С. В. Ешевскій, стали смѣло у дверей профессорской комнаты и убѣждали наступающихъ удалиться. Напрасны были ихъ благородныя усилія противъ толпы, которою руководили вожаки, не имѣвшіе ничего общаго съ университетомъ и, слѣдовательно, не могшіе питать подобающаго уваженія къ представителямъ науки. Подъ градомъ криковъ и брани [1]) профессора вынуждены были отступить отъ натиска толпы, которая и ворвалась въ профессорскую комнату. Здѣсь

[1]) Дошло до того, что изъ толпы, ворвавшейся въ профессорскую, раздался одинокій крикъ: „профессоръ Бодянскій подлецъ!“ Честный, горячій малороссъ-профессоръ на этотъ крикъ отвѣчалъ: „самъ подлецъ!“ П. Ш.

толпа атаковала попечителя, который съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ выслушивалъ оскорбительныя слова; но его внушительное спокойствіе и самообладаніе не могло доминировать надъ толпою, позабывшею всякое приличіе, и попечитель вынужденъ былъ отступать отъ ея натиска вмѣстѣ съ бывшими тутъ профессорами. Оберъ-полицiймейстеръ, пріѣхавшій въ это время и встрѣченный собравшеюся на дворѣ толпою студентовъ шумными восклицаніями и аплодисментами, помѣстился рядомъ съ попечителемъ округа и отступалъ вмѣстѣ съ нимъ; остановились только тогда, когда некуда уже было отступать, у стѣны. Наконецъ, толпа, вѣроятно, утомившись отъ своихъ собственныхъ криковъ, отхлынула. Въ ночь произведены были аресты и, какъ обыкновенно случается при торопливомъ исполненіи, не безъ ошибокъ, т. е. были арестованы и такіе, которые являлись на сходки лишь изъ любопытства и не принимали активнаго участія, и даже такіе, которые открыто противились безпорядкамъ[1]), но главные руководители и въ этотъ день захвачены не были. Вечеромъ, того же дня въ театрѣ полиція слышала, что студенты собираются на другой день идти къ дому генералъ-губернатора. Тогда сдѣлано было распоряженіе о помѣщеніи въ экзерциргаузѣ, противъ зданія новаго университета, войска (пѣхоты) и жандармовъ, которые должны были слѣдовать за студентами, если они направятся на Тверскую площадь къ дому генералъ-губернатора, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. 12-го октября студенты многочисленною толпою двинулись со двора зданія новаго университета по Моховой, поворотили на Тверскую улицу, направляясь, очевидно, къ дому генералъ-губернатора. За ними стройно слѣдовали пѣхота и конные жандармы [2]). И это движеніе войска, слѣдовавшаго за студентами, конечно, не ради почета, не образумило ихъ. Толпа, пришедши на Тверскую площадь,

---

[1]) Въ одной изъ полицейскихъ частей, къ удивленію моему, я встрѣтилъ Ч—нова, весьма дѣльнаго студента, медика, который тоже былъ арестованъ въ ночь 11 октября, конечно, по недоразумѣнію.

[2]) Въ № 11 „Русской Старины“ изд. 1886 г. разсказанъ очень характеристичный случай. „Когда процессія студентовъ, сопровождаемая полиціею и народомъ, шла на Тверскую площадь къ дому генералъ-губернатора, ѣхалъ Н. Ф. Павловъ въ открытой пролеткѣ, держа въ рукахъ свою великолѣпную палку съ огромнымъ набалдашникомъ, по обыкновенію, важный и чопорно прибранный. Ѣхать дальше сдѣлалось невозможно за многолюдствомъ. Подходитъ къ Павлову какая-то старушка, спрашиваетъ: „кого это, батюшка, хоронятъ?“—„Науку, матушка, науку“, отвѣчаетъ Павловъ, качая величавою головою. „Царство ей небесное, умильно говоритъ старушка и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ“. Сколько горькой правды въ этомъ мѣткомъ отвѣтѣ Н. Ф. Павлова П. Ш.

расположилась передъ домомъ генералъ-губернатора, войска охватили ее полукругомъ. Изъ толпы отдѣляются четыре депутата и идутъ въ домъ генералъ-губернатора. Ихъ допускаютъ. Они требуютъ, чтобы немедленно выпустили студентовъ, арестованныхъ 11 октября. Въ числѣ депутатовъ фигурировалъ и Гижицкій, который нѣсколько дней тому назадъ былъ отпущенъ генералъ-губернаторомъ на честное слово[1]), и Кельсіевъ, братъ извѣстнаго эмигранта, чиновникъ приказа общественнаго призрѣнія, не только не принадлежавшій къ университету, но даже не окончившій, кажется, курса гимназіи, а между тѣмъ вездѣ дѣйствовавшій во время студенческихъ волненій и, неизвѣстно по какому праву, являвшійся въ качествѣ депутата отъ студентовъ и къ попечителю округа, и къ генералъ-губернатору. Депутаты были арестованы тутъ же по приказанію генералъ-губернатора. Узнавши объ арестованіи депутатовъ, толпа, говорятъ, зашумѣла и стала грозить. Были сдѣланы положенныя въ этихъ случаяхъ закономъ предупрежденія, толпа не расходилась. Тогда былъ отданъ приказъ арестовать виновныхъ въ нарушеніи общественнаго благочинія. Значительная толпа студентовъ была окружена войсками и вдвинута на дворъ тверской полицейской части, гдѣ и заперта. Остальные бросились бѣжать, солдаты и народъ за ними. И тутъ началась прискорбная сцена хватанія студентовъ на улицахъ, при чемъ могли попасть подъ арестъ

---

[1]) Гижицкаго, какъ я уже говорилъ выше, безплодно искала полиція около двухъ недѣль. 5 или 6 октября студентъ Гижицкій явился ко мнѣ съ помощникомъ инспектора Н. Л. Дювернуа съ такими словами: „Я слышалъ, что полиція ищетъ меня, и что изъ-за меня безпокоятъ моихъ товарищей обысками, и потому я рѣшился явиться самъ, чтобы избавить товарищей отъ безпокойства“. Это вы хорошо сдѣлали, сказалъ я ему, но еще благороднѣе было бы съ вашей стороны, если бы вы явились недѣль около двухъ тому назадъ, когда васъ начали искать. Затѣмъ я просилъ Н. Л. Дювернуа отвезти Гижицкаго къ оберъ-полиціймейстеру.

Черезъ часъ возвратился ко мнѣ Н. Л. Дювернуа и разсказалъ, что ни оберъ-полиціймейстеръ, ни генералъ-губернаторъ, къ которому отъ оберъ-полиціймейстера отвезъ онъ Гижицкаго по личной его просьбѣ, не арестовали Гижицкаго. Благородный и въ высшей степени деликатный П. А. Тучковъ отпустилъ Гижицкаго, давъ ему приличное наставленіе и взявъ съ него честное слово, что онъ не будетъ болѣе принимать участіе въ безпорядкахъ. Гижицкій далъ, повидимому, чистосердечно, требуемое честное слово, чѣмъ очень былъ доволенъ генералъ-губернаторъ. Но Гижицкій на другой же день явился на сходку и затѣмъ участвовалъ и въ депутаціи 11 октября къ попечителю (одинъ изъ первыхъ подлеталъ изъ толпы къ попечителю съ дерзкими словами въ тотъ же день въ профессорской комнатѣ), и, наконецъ, вмѣстѣ съ тремя другими, 12 октября, въ качествѣ депутата отъ всѣхъ студентовъ, явился къ самому генералъ-губернатору, который былъ возмущенъ его поступками послѣ даннаго имъ честнаго слова. П. Щ.

нѣкоторые и не бывшіе на Тверской площади, что дало возможность и захваченнымъ на площади показывать, что они взяты на улицѣ, а на площади не были. Нѣкоторымъ, можетъ быть, и досталось при заарестованіи, потому что и солдаты, и народъ были озлоблены на «бунтовщиковъ», какъ они ихъ называли; но серіозныхъ поврежденій, сколько мнѣ извѣстно, нанесено никому не было, хотя и распространено было по городу много слуховъ о выбитыхъ зубахъ, вышибленныхъ глазахъ, о выломанныхъ рукахъ и ногахъ. Эти слухи, вѣроятно, были распущены съ цѣлію подбить студентовъ на новые безпорядки. Ни одного такого скорбнаго факта я положительно не знаю, и арестованные, которыхъ всѣхъ я видѣлъ въ полицейскихъ частяхъ, были здоровы и не жаловались ни на какія поврежденія. Арестованные отведены были ночью въ разныя полицейскія части города Москвы, а на другой день утромъ начала свои дѣйствія Разборная коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ жандармскаго полковника Воейкова.

Въ этой коммиссіи, по приглашенію попечителя и генералъ-губернатора, пришлось въ качествѣ депутата отъ университета участвовать и мнѣ, не смотря на мое болѣзненное состояніе [1]). Послѣдніе дни студенческихъ волненій такъ описаны въ «Исторической запискѣ»: «Между тѣмъ сходки (послѣ 4-го октября) продолжались, но умѣренная партія и крайняя не могли придти къ соглашенію на счетъ адреса. Волненіе видимо слабѣло. Пріѣздъ г. попечителя округа послужилъ поводомъ къ новой вспышкѣ. 11-го октября толпа студентовъ ворвалась на лекцію къ профессору Ешевскому и стала убѣждать его слушателей, что теперь не до лекцій, что есть общее дѣло, которое требуетъ участія всѣхъ. Но многочисленная аудиторія профессора Ешевскаго не только не послѣдовала внушенію, но вытѣснила вошедшихъ изъ залы и заперла за ними дверь. Между тѣмъ

---

[1]) Когда я, приглашенный 13-го октября къ генералъ-губернатору попечителемъ округа, изъявилъ согласіе на предложеніе его участвовать въ Разборной коммиссіи и извинялся, что по болѣзни я могу присутствовать только въ тепломъ пальто, П. А. Тучковъ, съ обычною своею любезностію и добротою, сказалъ: „Въ чемъ угодно, хоть въ шубѣ, только участвуйте. Я буду совершенно покоенъ, что въ коммиссіи будетъ человѣкъ, къ которому студенты имѣютъ полное довѣріе". Сопоставляя эти слова съ тѣмъ, что отъ имени генералъ-губернатора объявлялъ мнѣ 29-го сентября вечеромъ правитель его канцеляріи, невольно приходишь въ недоумѣніе, невольно навязывается вопросъ: могъ ли генералъ-губернаторъ предлагать не ходить въ университетъ инспектору, къ которому, по его собственнымъ словамъ, студенты имѣли полное довѣріе. Въ этомъ очевидномъ противорѣчіи я до сихъ поръ не могу разобраться. П. Ш.

въ профессорской комнатѣ депутаты отъ студентовъ предъявляли г. попечителю самыя неумѣренныя и неумѣстныя требованія. Встрѣтивши формальный отказъ, толпа ворвалась въ профессорскую. Положительно извѣстно, что многихъ студентовъ заставляли даже идти силою. Разумѣется, сюда примкнула и масса любопытныхъ, которые, находясь въ университетскомъ зданіи, желали видѣть, что̀ происходитъ. Предводители толпы снова и еще съ большею настойчивостью приступили къ г. попечителю. Шумъ продолжался три часа, но всѣ требованія студентовъ встрѣтили какъ въ г. попечителѣ, такъ и въ находившихся тутъ профессорахъ полный и совершенный отпоръ. Въ слѣдующую ночь, по приказанію городскихъ властей, было арестовано нѣсколько человѣкъ студентовъ. Какъ скоро утромъ эта вѣсть разнеслась по университету, толпа снова приступила къ г. попечителю и опять потерпѣла неудачу.

«Видя, что отъ университетскаго начальства добиться нечего, студенты отправились къ г. военному генералъ-губернатору. Толпа была многочисленная, но часть ея отдѣлилась, и на Тверскую площадь прибыло около 300 человѣкъ. Можно полагать, что здѣсь были всѣ, принимавшіе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, и даже многіе просто любопытные, которые воображали, на основаніи предшествующихъ событій, что въ подобной демонстраціи нѣтъ ничего противозаконнаго или опаснаго.

«Вашему сіятельству извѣстно, что передъ домомъ г. московскаго военнаго генералъ-губернатора между студентами и полиціею произошла схватка, и что пришедшая на площадь толпа студентовъ была арестована. Совѣтъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ тамъ происходило, и не считаетъ себя въ правѣ объ этомъ говорить. Одно судебное слѣдствіе можетъ раскрыть истину и опредѣлить степень виновности каждаго. Но между студентами распространились слухи о насиліяхъ полиціи, такъ что даже самые умѣренные изъ нихъ взволновались на счетъ судьбы товарищей. На слѣдующій день, послѣ происшествій на Тверской площади, большая толпа студентовъ собралась на университетскомъ дворѣ; желая успокоить умы и въ послѣдній разъ употребить мирныя средства, университетское начальство, въ сопровожденіи профессоровъ, вышло на крыльцо и объявило: 1) что при слѣдствіи надъ арестованными будетъ депутатъ отъ университета; 2) что если толпа немедленно не разойдется, то будетъ распоряжаться уже не университетское начальство, а городская полиція. Студенты спокойно разошлись и съ тѣхъ поръ не было сколько нибудь значительныхъ сборищъ.

«Однако, волненіе этимъ не прекратилось, но оно приняло другой

характеръ. Не довѣряя тайному судопроизводству, помня, сверхъ того, прежнюю исторію съ полиціею, гдѣ они своею настойчивостью вытребовали себѣ правосудіе, студенты положили не ходить на лекціи, пока не рѣшится участь ихъ товарищей. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, вожаки дѣйствовали въ этомъ смыслѣ даже угрозами и устрашеніемъ прилежныхъ студентовъ. Однако, и эта попытка не удалась. Большинство медицинскаго факультета объявило своимъ профессорамъ, что оно желаетъ слушать ихъ чтенія. Высшіе курсы другихъ факультетовъ также продолжали ходить на лекціи; мало по малу за ними слѣдуютъ и остальные; благоразуміе, видимо, беретъ верхъ».

VI.

Трое сутокъ работала Разборная коммиссія, съ 9 часовъ утра до 7 часовъ другаго утра каждый день, и только при такой поистинѣ неустанной работѣ она имѣла возможность допросить захваченныхъ студентовъ и разобрать ихъ, т. е. признанныхъ невинными выпустить, а виновныхъ оставить подъ арестомъ впредь до назначенія особой слѣдственной коммиссіи. Разборная коммиссія оставляла подъ арестомъ только тѣхъ, которые сами сознавали свое участіе въ безпорядкахъ или на которыхъ, какъ бранившихъ въ глаза попечителя 11-го октября, указалъ помощникъ инспектора студентовъ, бывшій въ тотъ день въ профессорской очевидцемъ прискорбной сцены. Всѣ остальные были выпускаемы по недостатку доказательствъ ихъ виновности. Слѣдовательно, забранные студенты какъ бы сами себя оставляли подъ арестомъ, потому что какъ на порицавшихъ въ лицо попечителя округа было указано только на двухъ студентовъ. У членовъ Разборной коммиссіи, уже на второй день ея дѣйствій, сдѣлалось обычнымъ терминомъ слово: до лясу, которое впослѣдствіи, въ 1863 г. получило историческое значеніе. Этотъ терминъ прилагался членами Разборной коммиссіи къ заключеннымъ студентамъ полякамъ, которые всѣ утекали до лясу, т. е. отрицали свою виновность,—ни одного между ними, судя по ихъ показаніямъ, не оказалось виновнаго. Каждый изъ нихъ показывалъ, что попалъ на Тверскую площадь, гдѣ его арестовали, совершенно случайно: одинъ «шелъ въ магазинъ Андреева за чаемъ», другой шелъ туда-же «за сахаромъ» и на поворотѣ на площадь ихъ захватили; иной «спѣшилъ къ г. субъинспектору для подписанія объявленія денежнаго», иной къ г. инспектору для нуж-

ныхъ объясненій», и этихъ схватили жандармы при вступленіи ихъ на Тверскую площадь; были и такіе, которые «отыскивали на площади товарищей» или которые, «видя, что студенты идутъ куда-то, полагали, что они идутъ по приказанію начальства, и потому почли своею обязанностію присоединиться къ нимъ», а ихъ невинныхъ и захватили вмѣстѣ съ другими. Нужно замѣтить, что захваченныхъ поляковъ было очень много, такъ что въ иной полицейской части только они и были и, само собою разумѣется, Разборная коммиссія въ такой части отдѣлывалась скорѣе всего, такъ какъ всѣ содержавшіеся въ ней студенты бѣжали до лясу, т. е. рѣшительно и съ клятвою отрицали всякое участіе въ безпорядкахъ. Совершенно наоборотъ поступали русскіе студенты, и съ ними Разборной коммиссіи было наиболѣе дѣла, ибо предстояла весьма тяжелая необходимость признавать виновными невинныхъ, потому что эти невинные, сами по собственной охотѣ, зажмуривши глаза, клали голову въ петлю. Является, напримѣръ, русскій студентъ X., хорошо мнѣ лично извѣстный по своему безупречному поведенію и усерднымъ научнымъ занятіямъ, и на первыя слова производившаго допросъ слѣдственнаго чиновника: «сочувствовали-ли вы производившимся въ университетѣ безпорядкамъ или попали подъ арестъ случайно?» отвѣчаетъ:—«безъ всякаго сомнѣнія, сочувствовалъ всему и считалъ долгомъ чести дѣйствовать за одно съ товарищами. Я обдуманно принималъ участіе во всѣхъ сходкахъ, обдуманно шелъ къ дому генералъ-губернатора, гдѣ и арестованъ».

— Ну, этого нужно оставить, рѣшаетъ коммиссія.

— Позвольте мнѣ предложить студенту нѣсколько вопросовъ, говорю я. Мнѣ дозволяютъ.

— Позвольте васъ спросить, обращаюсь я къ студенту X., чему вы сочувствовали во время студенческихъ волненій?

— Всему, совершенно всему, съ жаромъ отвѣчаетъ студентъ.

— Вы мнѣ потрудитесь сказать, чему именно.

Студентъ мнется, видимо, онъ затрудняется что̀ ему отвѣчать, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему сильно не хочется показать, что ему даже неизвѣстны причины безпорядковъ и что онъ участвовалъ въ нихъ единственно, чтобы не отстать отъ товарищей.

— Да я вамъ докладываю, произноситъ онъ уже съ меньшимъ противъ прежняго жаромъ и съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосѣ,— что я сочувствовалъ всему, чего добивались всѣ студенты.

— Не угодно ли вамъ перечислить, чего именно они добивались.

— Да вотъ, напримѣръ, спѣшитъ отвѣтить студентъ, уменьшенія платы за слушаніе лекцій.

— А еще что?

Студентъ молчитъ и краснѣетъ. Чего-же еще? Оказывается, что больше ни одной причины студенческаго движенія студентъ Х. привести не въ силахъ, а были и такіе, которые даже и той причины не могли привести. Студента Х. просятъ выйти на минуту изъ комнаты засѣданій.

— Какъ вы его находите? спрашиваю я.

— Да это баранъ, отвѣчаютъ мнѣ. Держать его подъ арестомъ значило бы сдѣлать величайшую несправедливость.

Такихъ, какъ выразились члены коммиссіи, барановъ насчиталось слишкомъ полторы сотни, такъ что оставлено подъ арестомъ только 36 человѣкъ, въ числѣ ихъ нѣсколько вольнослушателей, Кельсіевъ и Гижицкій.

Но я долженъ откровенно сказать, что многихъ горячихъ дѣятелей сходки, лица которыхъ мнѣ приглядѣлись и которыхъ я не считалъ за студентовъ, я, къ сожалѣнію, не встрѣтилъ въ числѣ арестованныхъ; вѣроятно, они не сочли благоразумнымъ являться на Тверскую площадь, гдѣ ихъ легко могли захватить. Съ другой стороны, былъ такой случай: одинъ изъ русскихъ студентовъ самъ упрашивалъ чтобы его посадили подъ арестъ. Когда Разборная коммиссія только еще открывала свои засѣданія въ Тверской части, докладываютъ что-то шепотомъ частному приставу (каждый частный приставъ въ своей части состоялъ членомъ коммиссіи), онъ выходитъ и, по возвращеніи, съ улыбкой разсказываетъ намъ, что его вызывалъ студентъ Г. С. (очень извѣстной фамиліи, тотъ самый, который несъ вѣнокъ въ процессіи студентовъ на могилу Грановскаго) и преусердно упрашивалъ посадить его подъ арестъ.

— Да вы были на Тверской площади? спрашиваетъ частный приставъ.

— Нѣтъ, не былъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Ну, такъ я васъ арестовать не могу.

С. снова убѣдительно проситъ и на новый отказъ чуть не съ отчаяніемъ говоритъ, что ему нельзя будетъ показаться на глаза матери, что она послала его къ частному приставу, сказавъ:

— Твое мѣсто тамъ, гдѣ твои товарищи.

Само собою разумѣется, Г. С. не былъ принятъ въ часть. Его мать, извѣстная писательница, принимала большое участіе въ судьбѣ студентовъ, присылала разъ, какъ я слышалъ, на сходку въ университетскій садъ съ заявленіемъ, что она сочувствуетъ студенческому дѣлу; въ пречистенскую часть, въ то время, какъ Разборная коммиссія была тамъ, посланный отъ Г. С. принесъ студентамъ большую корзину съ пирожнымъ, для услажденія, конечно, горечи ихъ заточенія.

Этимъ заканчиваются мои воспоминанія объ университетской исторіи 1861 года: дѣйствія слѣдственной коммиссіи, которая учреждена была послѣ Разборной, мнѣ неизвѣстны. Слышалъ я только, что Кельсіевъ и Гижицкій были сосланы куда-то, и будто впослѣдствіи тотъ и другой бѣжали за границу. Вѣренъ этотъ слухъ или нѣтъ—не знаю.

Еще въ 1861 году я былъ твердо убѣжденъ и высказывалъ свое убѣжденіе правленію московскаго университета, что университетскіе безпорядки выросли не на университетской почвѣ [1]) и даже не на русской, что сѣмена ихъ заносныя, что сѣятели ихъ незримые, имѣющіе положительную выгоду въ томъ, чтобы растлѣвать наше юношество, распространять въ немъ принципъ отрицанія всего священнаго, всякой власти. Эти незримые вожаки нашихъ университетскихъ волненій заботятся вовсе не о пользѣ науки, не о благѣ университета и студентовъ,—они имѣютъ свои скрытыя цѣли и стараются путемъ льстивыхъ и громкихъ фразъ отуманить головы нашей довѣрчивой молодежи, сдѣлать изъ нея панургово стадо, не только безропотно, но и съ охотою и увлеченіемъ слѣдующее за своими вожаками.

Всмотритесь пристально, безъ предубѣжденія, въ студенческія волненія въ московскомъ университетѣ въ 1861 году. Начинаетъ безпорядки по виду и происхожденію незначительный, по лѣтамъ почти мальчикъ, по состоянію бѣднякъ, Гижицкій, который, не смотря на то, что не имѣетъ ни опытности, ни сильныхъ родныхъ, ни протекціи, ни денегъ, тѣмъ не менѣе около 2 недѣль скрывается отъ зоркой московской полиціи. Этого Гижицкаго возбуждаетъ полякъ Колышко, приголубливаетъ братъ эмигранта Кельсіевъ, берется защищать какой-то грекъ Л. Ясно, что юный, неопытный, съ горячей головою, Гижицкій былъ только орудіемъ въ рукахъ искусныхъ руководителей, имѣвшихъ выгоду въ университетскихъ безпорядкахъ.

Прослѣдимъ дальше: первыя сходки полны польскаго говора: на сходкахъ хвалятся поддержкой Европы и Наполеона III, тѣмъ же, чѣмъ хвалились и на что разсчитывали польскіе повстанцы 1863 г.;

---

[1]) Выше я замѣтилъ, что число вольнослушателей въ началѣ 186¹/₂ академическаго года особенно значительно увеличилось. По окончаніи студенческихъ волненій масса поступившихъ вольнослушателей вышла изъ университета,—фактъ замѣчательный, показывающій, что многіе записались въ этомъ году вольнослушателями едва ли для слушанія лекцій. П. Щ.

на сходкѣ собираются повѣсить студента К. за то, что онъ, имѣя польскую фамилію, осмѣлился быть русскимъ по духу; арестована на Тверской площади масса поляковъ, но и тѣ, вѣрные самимъ себѣ, отрицаютъ всякое участіе въ безпорядкахъ, которыхъ они были первыми начинателями; 400 поляковъ, съ маршалкомъ своимъ Колышкою, имя громкое въ возстаніи 1863 года, отказываются подписать студенческій адресъ, потому что они нужны, какъ говорятъ, для своего дѣла. Для какого—это объяснилось въ 1863 году. Для этогò-то дѣла нужно было предварительно заварить кашу въ русскихъ университетахъ, внести смуту въ русское общество, доставить русскому правительству побольше хлопотъ. Въ числѣ студентовъ московскаго университета того времени, кромѣ Колышко, друга Сѣраковскаго, былъ еще полякъ Длусскій, который, какъ оказалось послѣ, былъ прежде начальникомъ польской банды [1]).

Во время севастопольской войны (1855 г.) поляки ожидали, что имъ подадутъ знакъ къ возстанію, и думали тогда-же поднять знамя мятежа; но заграничная польская эмиграція испугалась угрозы Наполеона [2]) и приняла мѣры къ пріостановкѣ возстанія. Одна только банда повстанцевъ сформировалась въ Ковенской губерніи на прусской границѣ. Эта банда, численностію въ 1,000 человѣкъ, состояла подъ начальствомъ литвина Длусскаго. По распущеніи банды, Длусскій поступилъ въ студенты московскаго университета и въ 1861 г. былъ на 5-мъ курсѣ медицинскаго факультета. Тогда еще не было извѣстно curriculum vitae Длусскаго. Онъ обращалъ на себя вниманіе инспекціи и своею мрачною, монументальною наружностію, и вліяніемъ, которое онъ имѣлъ на студентовъ-поляковъ, и еще болѣе

---

[1]) „Одинъ изъ членовъ варшавскаго ржонда такъ говоритъ о Длусскомъ: Длусскій былъ упрямый, твердый до закоснѣлости литвинъ, при томъ человѣкъ тупой и теряющійся въ мелочахъ; онъ былъ прежде солдатомъ на Кавказѣ, какъ политическій преступникъ; получивъ помилованіе, онъ командовалъ въ 1855 году собравшеюся шайкою на прусской границѣ, потомъ въ 1856 году поступилъ въ московскій университетъ и тамъ окончилъ медицинскія науки. Въ возстаніи 1863 года Длусскій былъ офицеромъ и служилъ подъ командой Сѣраковскаго въ Ковенской губерніи, потомъ командовалъ тамъ же отдѣльной шайкой подъ псевдонимомъ Яблоновскаго". (Іосафатъ Огрызко и петербургскій революціонный ржондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа, составилъ Н. В. Гогель. Вильна. 1886 г.).

[2]) Un seul coup de fusil, tiré sur la Vistule, et je ferai taire mes canons devant Sebastopol, вотъ какія слова были сказаны Наполеономъ, и эти слова заставили поляковъ притихнуть на тотъ разъ: они боялись, что при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ на Вислѣ замолкнутъ французскія батареи подъ Севастополемъ. П. Щ.

необыкновенно частымъ полученіемъ денежныхъ объявленій, которыя онъ ни разу не приносилъ ко мнѣ для удостовѣренія, а всегда подавалъ помощникамъ инспектора. Когда у него спрашивали, откуда это онъ такъ много получаетъ денегъ, онъ отвѣчалъ: «Это деньги товарищей присылаются на мое имя, по довѣрію ко мнѣ». Что Длусскій, будучи студентомъ, оставался въ душѣ тѣмъ же повстанцемъ и несомнѣнно игралъ видную роль во время университетскихъ безпорядковъ, доказывается дальнѣйшею исторіею его жизни: по выходѣ изъ университета лекаремъ, онъ, въ польское возстаніе 1863 года, снова командовалъ бандою, подъ именемъ Яблоновскаго, и по разбитіи шаекъ бѣжалъ за границу. И Колышко, и Длусскій несомнѣнно принимали участіе въ студенческихъ волненіяхъ, и ни одинъ изъ нихъ не попался: они берегли себя для своего дѣла. Съ такими студентами, какъ другъ Сѣраковскаго, маршалэкъ Колышко и начальникъ банды, Длусскій, было бы удивительнѣе, если бы не было волненій.

По моему мнѣнію, студенческія волненія 1861 года были польскимъ дѣломъ. Такого же мнѣнія держится и покойный профессоръ русской исторіи Н. Я. Аристовъ, относительно казанскихъ студенческихъ безпорядковъ того времени [1]), и профессоръ В. В. Григорьевъ, исторіографъ с.-петербургскаго университета, относительно студенческаго движенія 1861 года въ петербургскомъ университетѣ [2]). Конечно, трудно снять вполнѣ укоръ и съ нашихъ сту-

---

[1]) „Пропитанные фантастическими планами и мечтами, они (студенты казанскаго университета 1860—1861 гг.) замышляли ввести прелестный строй въ Россію и водворить небо на землѣ, а между тѣмъ, при отсутствіи запаса знаній и самой малой опытности, они очутились въ рукахъ ловкихъ поляковъ, какъ восковыя куклы“. (Историч. Вѣстникъ 1882 года. Ноябрь. Жизнь А. П. Щапова).

[2]) Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная, по порученію совѣта университета, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи Востока В. В. Григорьевымъ. Спб. 1870 г.

Не могу не привести здѣсь мнѣнія весьма компетентнаго историческаго дѣятеля о роли, какую играли польскіе воспитанники въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ числѣ общихъ административныхъ мѣръ графъ М. Н. Муравьевъ предлагаетъ: „Строго держаться правила, чтобы въ великороссійскихъ учебныхъ заведеніяхъ отнюдь не допускать польскихъ воспитанниковъ болѣе 1/10 всего числа учащихся, ибо опытъ указалъ, какой вредъ они принесли Россіи: всѣ мятежныя шайки были ими наполнены, и они увлекли даже многихъ русскихъ. И теперь еще тюрьмы въ сѣверозападномъ краѣ наполнены студентами петербургскаго, московскаго, казанскаго и кіевскаго университетовъ“. („Русская Старина“, изд. 1881 г., № 6, 584 стр.).

дентовъ, которые такъ довѣрчиво склоняли слухъ къ рѣчамъ ловкихъ агитаторовъ и позволяли руководить собою людямъ изъ національности братской по происхожденію, но, къ глубокому прискорбію, издавна завѣдомо враждебной намъ. Но эти люди были воспитаны по іезуитскому катихизису; они систематически впускали ядъ заразы въ душу молодежи; эти люди въ силахъ были опутать и нерѣдко опутывали и мужей зрѣлаго возраста, и даже старцевъ, умудренныхъ опытомъ многолѣтней жизни. Гдѣ же было устоять, противъ подобныхъ людей, нашей учащейся молодежи того времени?

П. Д. Шестаковъ.

Западный комитетъ единогласно нашелъ, что вполнѣ доказанное дѣятельное участіе студентовъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ послѣднемъ польскомъ возстаніи возлагаетъ на правительство обязанность принимать всѣ возможныя предупредительныя мѣры, дабы охранять воспитанниковъ великороссійскихъ учебныхъ заведеній отъ той заразы революціонныхъ идей, которая разносится воспитанниками польскаго происхожденія, фанатически дѣйствующими подъ вліяніемъ польской пропаганды. („Русская Старина", изд. 1884 г., № 6, стр. 578). П. Ш.

ЗАПИСКИ МОРЯКА-ХУДОЖНИКА

1856 — 1857.

I.

Возвратясь изъ Киссингена послѣ окончившейся крымско-турецкой войны въ городъ Парижъ, я сдѣлалъ все необходимое для успѣшнаго исполненія высочайше сдѣланнаго мнѣ заказа покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ, для чего необходимо было написать серьезные этюды съ натуры для Синопскаго сраженія и пяти другихъ боевыхъ морскихъ эпизодовъ на Черномъ морѣ.

Получивъ письма отъ посла Бруннова (барона) къ послу Бутеневу въ Константинополь, благодаря его товариществу по службѣ съ покойнымъ моимъ дядей Боголюбовымъ и выданному мнѣ, по повелѣнію государя, значительному пособію, я могъ отправиться совершенно удобно въ продолжительное путешествіе, для выполненія порученнаго мнѣ заказа. До города Вѣны я доѣхалъ вполнѣ благополучно, за исключеніемъ того, что проспалъ Вѣну и, проснувшись, нашелъ себя въ вагонѣ третьяго класса, который уже былъ поставленъ въ разрядъ совершившихъ путешествіе и отдыхалъ на рельсахъ.

Въ Вѣнѣ я остался недолго; только справился о времени отхода парохода К° Ллойдъ изъ Песта внизъ по Дунаю. По пріѣздѣ въ Пестъ, въ тотъ же день, взялъ себѣ мѣсто третьяго класса на палубѣ съ намѣреніемъ, конечно, какъ возможно болѣе наслаждаться берегами Дуная. До Желѣзныхъ Воротъ верхній Дунай далеко не интересенъ и походитъ совсѣмъ на нашъ Донъ отъ Калача внизъ по теченію. Совсѣмъ иное представляютъ Желѣзныя Ворота: кто былъ на озерѣ Тунѣ, въ Швейцаріи, тотъ согласится, что если-бы окружающія его горы были сближены до такого разстоянія, какъ узкій проходъ

Дуная въ этомъ мѣстѣ, то не оказалось бы никакой разницы въ берегахъ. Вода подъ пароходомъ здѣсь клокочетъ какъ въ кипящемъ котлѣ. Далѣе Дунай начинаетъ походить на наши низовья Волги за Столбичами, въ особенности во время разлива.

Подходя къ берегамъ Бѣлграда, какъ у каждаго русскаго человѣка, сочувствующаго славянамъ, воспоминанія о рр. Савѣ и Лавѣ обратили особенное вниманіе мое на народъ и его костюмъ, въ которомъ я сейчасъ замѣтилъ древнюю славянскую вышивку на женщинахъ и бараньи шапки на мужчинахъ. Пора была лѣтняя, а потому не видно было въ этотъ разъ бараньяго тулупа.

Пройдя Браиловъ и подходя къ Галацу, всѣ пассажиры встрепенулись, помышляя о томъ, какъ бы скорѣе отправиться въ Константинополь, для чего необходимо было пересѣсть на морской пароходъ того же Ллойда; но я былъ озабоченъ какъ бы пріютиться въ Галацѣ и достать лодку для моихъ работъ противъ крѣпости Исакчи. За пятьдесятъ франковъ въ день, какихъ-то три оборванца предложили мнѣ свои услуги, но, по правдѣ сказать, я не рѣшился прямо принять ихъ, а предварительно освѣдомился въ конторѣ Ллойда можно-ли довѣриться первымъ попавшимся на угольной пристани людямъ. Благодаря доброму совѣту конторщика, первые торги съ оборванцами были нарушены, и ихъ замѣнили три матроса съ пароходной пристани; одинъ изъ нихъ былъ славянинъ изъ Бокка ди Каттаро, что меня не мало обрадовало, ибо я могъ объясняться съ нимъ по славянски.

Работа моя была очень трудная, не потому, чтобы пейзажъ представлялъ собою сложность—это просто плоскій берегъ, изъ-за камышей котораго виднѣются бѣлыя зданія и нѣсколько минаретовъ: одни цѣлые, другіе сбитые нашими ядрами; трудность состояла въ томъ, что турки, недовѣрчивые послѣ погрома Исакчи нашими канонирскими лодками, постоянно подходили ко мнѣ съ разспросами «что» и «зачѣмъ» дѣлаю. Подплывалъ даже какой-то чиновникъ и угрожалъ, что отведетъ меня къ коменданту крѣпости, но, получивъ 5 франковъ, оставилъ въ покоѣ, прося только на ночь поглубже забираться въ камыши, а главное—не жечь огней. Такимъ образомъ я промаялся два дня и двѣ ночи. На второй день все лице мое и руки были въ огромныхъ волдыряхъ отъ комаровъ, готовыхъ, какъ мнѣ казалось, выпить кровь цѣлаго человѣка.

Работа была кончена; вдали по теченію виднѣлся дымъ парохода, идущаго въ Константинополь, а потому я поспѣшилъ переѣхать на противоположный берегъ, въ Исакчу, гдѣ и взялъ билетъ для дальнѣйшаго плаванія. Чувствуя себя очень усталымъ, я помѣстился въ

каютѣ перваго класса, но тутъ-то и начинаются всѣ мои несчастія, какъ бы за то, что я позволилъ себѣ излишнюю роскошь. Прибывъ въ Сулину къ вечеру, капитанъ парохода объявилъ пассажирамъ, что въ море выйти не можетъ, по случаю мелководья на «барѣ» (мель въ устьяхъ рѣки), почему всѣ и стали располагаться на ночлегъ. Изъ предосторожности я втащилъ подъ столъ общей каюты свой кожаный чемоданъ, а самъ занялъ мѣсто за занавѣской на диванѣ: всѣ мои денежныя богатства хранились въ кожаномъ поясѣ; онъ порядкомъ натеръ мнѣ бока во время исакчинскихъ работъ, и я былъ очень радъ снять его и уложить въ дорожную сумку, гдѣ былъ мой паспортъ, рекомендательныя письма, золотыя пуговки и образъ. Все это я заперъ въ чемоданъ, затянулъ его ремнями и велѣлъ подать себѣ поѣсть. Въ это время противъ меня садится какой-то молодой человѣкъ и очень безцеремонно говоритъ мнѣ: «а вы русскій?» По выговору я тотчасъ-же увидѣлъ, что имѣю дѣло съ южнымъ человѣкомъ. «Да, русскій», говорю ему, «а вы кто такой?» «Я болгаринъ, фамилія моя Піотровичъ; я русскій офицеръ, эполетъ не ношу, потому что въ походѣ это совершенно лишнее; везу знамя въ Константинополь и со мною на пароходѣ находится нѣсколько солдатъ— они спятъ теперь, но завтра вы ихъ увидите».

Такой странный приступъ вовсе незнакомаго мнѣ человѣка очень меня озадачилъ. Мое недовѣріе еще болѣе усилилось, когда названный офицеръ сталъ мнѣ предлагать своего вина. Я счелъ, однако, неловкимъ отказаться и потому обмѣнялся съ нимъ стаканами, послѣ чего легъ спать и, конечно, какъ усталый захрапѣлъ во всю ивановскую. Спалъ я очень крѣпко, но часовъ въ пять утра меня разбудилъ крикъ: «ай, ай, ай! меня обокрали, что я буду дѣлать!» Чувство самосохраненія невольно заставило меня отдернуть занавѣсъ и взглянуть на мой чемоданъ, чтобы удостовѣриться не нахожусь ли и я въ такихъ же обстоятельствахъ; къ ужасу моему, я увидѣлъ, что вся внутренность моего чемодана была выворочена черезъ огромную прорѣху, которую воръ сдѣлалъ въ нижней его части и вытащилъ чрезъ нее вышеупомянутый мѣшокъ съ моими богатствами; бѣлье же, платье и обувь валялись вокругъ. Такая непріятность заставила меня почти нагишемъ вскочить съ постели и я въ свою очередь закричалъ по русски: «ахъ, чортъ возьми, и меня обокрали!» Въ это время всѣ занавѣси поотдернулись и разные неизвѣстные мнѣ люди, въ такомъ же костюмѣ, какъ и я, начали выскакивать, подбѣгать къ столу и вытаскивать изъ-подъ стола свои пожитки. Но пострадавшими оказались только я да мой вчерашній знакомецъ. На шумъ и смятеніе, не смотря на раннюю пору, прибѣжалъ каютный слуга (camеriere),

поваръ, помощникъ капитана, штурманъ и, наконецъ, самъ капитанъ. Началось разбирательство: каютный слуга прямо показалъ на русскаго офицера, говоря, что видѣлъ его выходившимъ на берегъ въ три часа ночи; видѣлъ, что онъ говорилъ съ какими-то двумя личностями, что за темнотою не разсмотрѣлъ кто они, но слышалъ, что офицеръ даже ругался съ ними на неизвѣстномъ ему нарѣчіи, послѣ чего снова спустился въ каюту и легъ спать уже не раздѣваясь. Видя себя жертвою негодяя, я просилъ капитана принять участіе въ моемъ положеніи и опросить пассажировъ, такъ чтобы каждый показалъ свои деньги, ибо у вора могутъ оказаться бывшіе со мною въ числѣ прочихъ: русскіе полуимперіалы, французскіе луидоры и серебро. Всѣ пассажиры охотно на это согласились, лишь самозванецъ офицеръ громко сталъ протестовать противъ подобнаго насилія, однако, по настоянію капитана и всѣхъ насъ, долженъ былъ повиноваться общему требованію. На предварительный спросъ онъ не могъ опредѣленно сказать какія у него есть монеты, и назвалъ прусскія, австрійскія и русскія. Я-же заявилъ, что въ числѣ русскихъ монетъ моихъ былъ полуимперіалъ 1824 г., который я носилъ при себѣ какъ рѣдкость. Только что поясной мѣшокъ офицера былъ выворочевъ, изъ него покатилось мое золото и, по счастью, талисманъ мой явно уличалъ вора; но не смотря на это, онъ упорствовалъ, говоря, что вчера игралъ въ карты въ Галацѣ, гдѣ и получилъ неизвѣстное ему золото.

На пароходѣ былъ турецкій полковникъ, который раньше уже нѣсколько разъ говорилъ со мною; человѣкъ онъ былъ, до извѣстной степени, образованный, путешествовалъ по Европѣ, жилъ въ Италіи. Онъ предложилъ навѣрно указать того, кто меня обокралъ: велѣлъ принести крутое яйцо, разрѣзалъ его на нѣсколько частей, долго что-то шепталъ надъ ними и потомъ роздалъ ихъ пассажирамъ, говоря: «тотъ, кто не воръ, можетъ безопасно съѣсть свой кусокъ, ему отъ этого не будетъ никакого вреда, вору-же будетъ плохо: только что онъ проглотитъ яйцо, какъ оно тотчасъ разорветъ его». Всѣ согласились ѣсть яйцо за исключеніемъ офицера, который опять запротестовалъ и не притронулся къ нему.

Я удивился такому способу открывать воровъ; но паша отвѣтилъ мнѣ:

— Видите, каковъ весь этотъ людъ у насъ: онъ какъ будто по наружности и похожъ на цивилизованнаго человѣка, въ сущности же онъ дикарь, полный всевозможныхъ суевѣрій и предразсудковъ. Онъ знаетъ, что всѣ теперь будутъ считать его воромъ, но ни за что не съѣстъ яйца, потому что вполнѣ вѣритъ, что оно можетъ разорвать его.

Тѣмъ не менѣе денегъ своихъ я не получилъ и почти безъ гроша

въѣхалъ въ Константинополь. Утро было чудесное, виды безподобные, но мнѣ было не до нихъ. Прибывъ въ городъ, я тотчасъ отправился въ консульство, но былъ принятъ консуломъ Пизани какъ авантюристъ, потому что, какъ онъ выразился, къ нему ужъ слишкомъ много является безпаспортныхъ бродягъ, особенно изъ поляковъ, которые всѣ выдаютъ себя за потерпѣвшихъ несчастье и надуваютъ консульство, съ цѣлію выманить деньги. Такъ я и ушелъ ни съ чѣмъ, получивъ отъ г. Пизани названіе chevalier d'industrie. Денегъ у меня почти не было, за исключеніемъ десятковъ двухъ франковъ и какихъ-то завалявшихся по карманамъ двугривенныхъ. Положеніе мое было не красно. Я отъискалъ себѣ квартиру у какой-то гречанки, гдѣ было отвратительно грязно и гдѣ меня болѣе нежели скверно кормили [1]). Я рѣшился отправиться къ русскому послу.

Нужно упомянуть, что обокравшій меня негодяй, для того, чтобы вытащить изъ чемодана деньги, взрѣзалъ его снизу, а внизу, куда были положены менѣе нужныя вещи, находился и мой фракъ, рукавъ и полу котораго воръ тоже прорѣзалъ. Пришлось мнѣ ѣхать въ въ лѣтнюю резиденцію посла въ Буюкъ-дере во фракѣ, починенномъ собственноручно. Когда я спросилъ швейцара, принимаетъ ли посланникъ, онъ потребовалъ моей фамиліи и, услышавъ, что я Боголюбовъ, отвѣтилъ:

— А вотъ васъ-то и не велѣно пускать, о васъ есть предупрежденіе изъ консульства!

Я вернулся къ гречанкѣ и сталъ ждать. Предпринять я ничего не могъ: какъ паспортъ, такъ и рекомендательныя письма мои были выкрадены вмѣстѣ съ деньгами. Не знаю, что бы я сталъ дѣлать, ожидая отвѣта на посланныя мною въ Петербургъ письма, еслибы меня не выручилъ фотографъ, на котораго я напалъ случайно.

Шелъ я по улицѣ и, увидѣвъ фотографію, рѣшился спросить работы, какъ ретушеръ. Фотографъ далъ мнѣ ретушировать портретъ, и, увидавъ, что работа исполнена такъ, какъ еще никогда не исполнялась у него, предложилъ мнѣ десять франковъ въ день. Я отъ десяти отказался и взялъ всего пять, но съ тѣмъ, чтобы полдня у меня оставалось для собственныхъ работъ. Я прожилъ двѣ недѣли, ретушируя у фотографа по утрамъ и въ остальное время рисовалъ виды Константинополя. Между прочимъ, я написалъ англійскую канонирскую лодку, стоявшую на рейдѣ, и выставилъ ее въ фотографіи. Случилось, что офицеръ съ лодки зашелъ въ фотографію, увидѣлъ рисунокъ своего судна и тотчасъ спросилъ продается ли онъ и за

[1]) По ея указанію, я заложилъ за 70 франковъ отцовскіе золотые часы.
А. Б.

сколько. Я отвѣтилъ ему, что возьму то, что онъ дастъ, потому что деньги мнѣ нужны, вслѣдствіе того, что меня обокрали. Онъ предложилъ мнѣ четыре фунта, но потомъ посовѣстился и прибавилъ еще фунтъ. На рейдѣ въ это время стоялъ большой англійскій корабль Royl George — капитанъ его тоже явился ко мнѣ и предложилъ нарисовать его корабль за 500 франковъ. Тутъ я заявилъ фотографу, что не хочу больше у него работать.

— Vous êtes un ingrat! сказалъ онъ мнѣ.

На это я доказалъ, что неблагодаренъ онъ, а не я, такъ какъ заставляетъ меня приготовлять ему чуть не пятнадцать портретовъ въ утро, платя всего пять франковъ. Отпустить онъ меня ни за что не хотѣлъ. Наконецъ, онъ далъ мнѣ 20 фр. въ день за извѣстное число портретовъ, которые я взялся ретушировать у себя дома, большую же часть времени проводилъ на англійскомъ кораблѣ, рисуя корабельные маневры: уборку парусовъ, пушечное ученье и проч.

Хотя денежныя обстоятельства мои и поправились отчасти, но положеніе по отношенію къ посольству было все то-же и отвѣтовъ на письма въ Россію пока не получалъ.

Тутъ со мною случилось опять неожиданное и счастливое обстоятельство. Я шелъ въ Перу—нужно сказать, что улица, ведущая въ нее, такъ крута, что ѣхать по ней въ экипажѣ нельзя, а если и спускается съ этой горы какая нибудь фура, то сзади нѣсколько человѣкъ держатъ ее изо всѣхъ силъ за колеса; обыкновенно же съ нея съѣзжаютъ и на нее взбираются верхомъ на лошади. Разъ, проходя по этой улицѣ, я слышу, что меня сверху окликаютъ:

— Алексѣй Петровичъ, неужели это вы?

Я поднялъ голову и узналъ генерала Чирикова. Я разсказалъ ему свои приключенія.

— Неужели же васъ въ консульствѣ не признали? спросилъ онъ.

— «Какъ видите, не признали!»

Послѣ этой встрѣчи бѣдствія мои были кончены. Генералъ Чириковъ удостовѣрилъ консула въ моей личности, а посолъ не только принялъ меня вполнѣ ласково, но и выдалъ денегъ для поѣздокъ въ Самсунъ и Синопъ. Теперь только я могъ честно познакомиться съ прочими членами нашего посольства, пріемомъ которыхъ остался весьма доволенъ; но до тѣхъ поръ, оскорбленный консуломъ, не смѣлъ никуда показаться. Въ консульствѣ же мнѣ заявили, что изъ турецкаго суда уже нѣсколько разъ писали о розысканіи Боголюбова, присутствіе котораго необходимо по дѣлу о кражѣ у него бумагъ и денегъ. Послѣ этого я былъ нѣсколько разъ въ судѣ, но дѣло тянулось и

мнѣ ни денегъ, ни бумагъ не возвращали, говоря, что все это должно оставаться въ судѣ до окончанія дѣла. Такъ я и уѣхалъ въ Синопъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Константинополя меня снабдили султанскимъ фирманомъ, который не мало послужилъ мнѣ въ пользу у мѣстнаго начальства. Поѣздка обошлась безъ всякихъ особенностей. На пути я все таки заѣхалъ въ Самсунъ, но, такъ какъ эта страна не болѣе какъ табачная плантація, то художнику въ ней было мало дѣла; впрочемъ, я вывезъ отсюда хорошій матеріалъ для картины, которую исполнилъ, а именно: пріемъ лоцмана на пароходъ въ бурную погоду.

II.

Синопскій рейдъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; сюда я ѣхалъ подготовленный всѣми реляціями извѣстнаго славнаго боя, а потому, только что мы взошли въ бухту, воображеніе уже рисовало мнѣ двѣ линіи флотовъ: русскаго и турецкаго, съ клубами пушечнаго дыма и слѣдующими другъ за другомъ взрывами. Сильная зыбь заставляла, однако, подумать о томъ, какъ бы благополучно перебраться на берегъ; для этого пришлось воспользоваться весьма плохими каиками, гребцы которыхъ, по восточному обыкновенію, въ безпорядкѣ цѣплялись за трапъ, вырывая пожитки изъ рукъ пассажировъ и занося ихъ на третью или четвертую лодку отъ парохода.

Съѣхавъ на берегъ, я былъ весьма озабоченъ, гдѣ и у кого пристроиться; идти въ первый попавшійся каравансерай я счелъ неудобнымъ, а потому рѣшилъ адресоваться къ австрійскому консулу (русскаго еще не было). Австрійскій агентъ указалъ мнѣ на прежде бывшаго русскаго консула, у котораго я и помѣстился [1]). Фирманъ далъ мнѣ прямой входъ къ пашѣ—губернатору провинціи. Отъ него я получилъ каваса для предохраненія меня отъ всякихъ столкновеній съ мѣстными жителями, такъ какъ для нихъ имя русскаго, послѣ послѣдняго погрома, было вполнѣ ненавистно. Само собою разумѣется, что прежде чѣмъ приступить къ какой бы то ни было работѣ, я собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашего флота и о диспозиціи турецкихъ судовъ. Изучить послѣднее оказалось очень просто: стоило только сѣсть на лодку и проѣхаться по бывшимъ турецкимъ линіямъ— невдалекѣ отъ берега, на днѣ бухты, чернѣлись остовы судовъ, а два

---

[1]) Къ сожалѣнію, я забылъ фамилію этого гостепріимнаго человѣка.

А. Б.

фрегата лежали на боку у подножія крѣпости. Жители разсказывали мнѣ, что пожаръ многихъ турецкихъ судовъ произошелъ отъ зданій, горѣвшихъ на берегу: пламя раздувало и крутило вихремъ, до того сильнымъ, что онъ отрывалъ и разбрасывалъ цѣлыя горящія бревна. Насколько это правда—не знаю. Диспозиція нашихъ судовъ мнѣ была извѣстна изъ реляцій, а потому я долженъ былъ обратиться къ изысканію пункта для картины; на это у меня ушло около недѣли; наконецъ, я рѣшилъ взять точку съ первой батареи, откуда, хотя и немного съ птичьяго полета, вправо виднѣлся городъ, съ его затѣйливыми башнями, стѣною, какъ бы текущею прямо въ воду, и синѣющею далью горъ, окружающихъ бухту; но это не мѣшало мнѣ во время моего четырехнедѣльнаго пребыванія въ Синопѣ нарисовать и написать его со всѣхъ сторонъ. Болѣе всего казалось живописнымъ синопское кладбище въ сумерки или лунную ночь. Между обычными монументами, изображающими чалму на палкѣ, здѣсь находятся прелестныя капители коринѳскаго и дорическаго орденовъ громадной величины, разрубленныя на части и служащія могильными украшеніями. На нихъ вырублены надписи изъ корана и имя правовѣрнаго. Кладбище окружено кипарисами, бросающими длинныя тѣни на старые мраморы, а между всѣмъ этимъ вьются всевозможныя ползучія растенія, между которыми вьется цѣлый рой блестящихъ мошекъ; онѣ переносятся изъ темной полосы въ свѣтлую и теряются въ лунномъ свѣтѣ. Днемъ кладбище тоже прекрасно. Дикихъ собакъ здѣсь столько-же, какъ и въ Константинополѣ, но онѣ смирнѣе и пугливы и при появленіи человѣка тотчасъ же скрываются въ свои норы, вырытыя подъ надгробными камнями.

Варварское обхожденіе турокъ съ остатками древности не удивительно, но что сказать о просвѣщенныхъ англичанахъ, явившихся въ Синопъ, послѣ русскаго погрома, въ видѣ благодѣтелей и занявшихся систематическимъ ограбленіемъ страны. Цѣлые горельефы вырубались ими изъ стѣнъ и варварски дробились на куски для лучшей упаковки, что напоминало русскую пословицу: медвѣдь гнетъ дуги не паренныя, переломитъ—не тужитъ! Найденные непригодными для перевозки обломки, съ изображеніемъ торсовъ и ногъ, валялись на пристани, а когда-то и они составляли прекрасное цѣлое. Вся восточная крѣпостная стѣна была выстроена турками изъ разбитыхъ на части колоннъ. Мнѣ случалось видѣть основные камни, въ два и болѣе метра, когда-то служившіе фундаментами древнихъ зданій, но такъ какъ ученость моя не велика, то я и не ломалъ своей головы, чтобы узнать, что̀ это были за храмы.

Паша, къ которому я являлся довольно часто, былъ человѣкъ

образованный, насколько это подобаетъ турку, говорилъ по итальянски и немного по французски. Онъ постоянно спрашивалъ меня, доволенъ ли я прислугою и не было ли столкновеній съ жителями. Любезность его дошла до того, что онъ просилъ меня написать портретъ его сына, маленькаго восьмилѣтняго турченка. Не будучи вовсе портретистомъ, но сознавая, что патронъ тоже не густо смыслитъ въ живописи, я намалевалъ какого-то дьяволенка въ красной фескѣ и расшитой золотомъ курткѣ, чѣмъ остался весьма доволенъ его отецъ; онъ предложилъ мнѣ плату—отъ нея я отказался, но долженъ былъ принять въ подарокъ прекрасный ятаганъ, въ рукояткахъ котораго была врѣзана цѣнная бирюза. Я часто завтракалъ у паши и тутъ-то убѣдился, что мясо жеребенка съ помъ-д'амурами не уступаетъ нисколько козленку, телятинѣ и даже лучшей дичи. Методъ приготовленія подобнаго мяса таковъ: ѣздокъ кладетъ его подъ сѣдло и оно поступаетъ на кухню только послѣ двухчасовой натуральной мятки.

Гостепріимство консула было отчасти польдекоковское: вечерами къ нему собирались знакомые европейцы, жиды, греки, мальтійцы — словомъ, весь средиземскій сбродъ; всѣ кавалеры и дамы разсаживались по диванамъ вдоль стѣнъ, курили трубки и крутили папиросы; при этомъ разносились шербеты домашняго приготовленія. Въ углу стояло старомодное фортепіано—хозяинъ былъ музыкантъ и аккомпанировалъ, кому угодно было пѣть, что часто всѣми дѣлалось поочередно, такъ что и мнѣ случалось пѣть, какъ умѣлъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», или: «Антипка балалайку».

Съ хозяйкой дома я былъ настолько друженъ, что однажды она поставила меня за ширмы, въ то время, какъ къ ней пришли турецкія жены; не подозрѣвая присутствія мужчины, онѣ сняли чадры и я видѣлъ двухъ безобразныхъ старыхъ вѣдьмъ, съ накрашенными ногтями, служившихъ, повидимому, евнухами другихъ двухъ молоденькихъ женъ кавказскаго племени; въ другой разъ услужливая хозяйка доставила мнѣ случай видѣть еще двухъ армянокъ дивной красоты, принадлежавшихъ тому же пашѣ, обратившему ихъ въ исламъ.

Особенностію Синопа считаю я деревенскую почту; по улицѣ идетъ человѣкъ, тяжело стуча палкою о древнюю мостовую; вмѣстѣ съ этимъ онъ выкрикиваетъ названіе городовъ: Дамаскъ, Стамбулъ-Мекка и проч., и проч. Его зазываютъ въ дома, снабжаютъ деньгами, которыя онъ берется доставить, проходя различныя мѣстности, роднымъ и знакомымъ посыльщиковъ. Росписокъ никакихъ не бываетъ и что главнѣе всего характеризуетъ честное отношеніе мусульманъ къ общественному довѣрію, къ почтарю, это то, что ему не приходится бояться разбойниковъ, щадящихъ его въ силу всѣми признаннаго

въ немъ почетнаго званія почтаря. То-же довѣріе видно и въ торговлѣ: нѣсколько разъ случалось мнѣ наблюдать, какъ прислужники табуна верблюдовъ, навьюченныхъ мѣшками пшена или другихъ зеренъ, насыпали ихъ изъ амбаровъ владѣльца, безъ его малѣйшаго надзора; купецъ здѣсь просто отдаетъ приказаніе нарыть столько-то мѣшковъ и, по окончаніи работы, чертитъ мѣломъ на стѣнахъ амбара палочки и крестики, составляющіе его бухгалтерію.

III.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Синопѣ, я съ хорошимъ запасомъ этюдовъ и чертежей не безъ удовольствія сѣлъ на австрійскій пароходъ Ллойда и, распростившись съ пашою и консуломъ, отплылъ въ Трапезондъ. Но тутъ, на пароходѣ, я схватилъ лихорадку, не то объѣвшись фруктами, не то отъ простуды — не знаю, но только эта незваная гостья отравила мой дальнѣйшій вояжъ отъ Трапезонда къ укрѣпленію Св. Николая, бывшему послѣднимъ пунктомъ моихъ работъ по черноморскимъ заказнымъ картинамъ. Принявъ хинина вдоволь и подходя снова къ Босфору, я почувствовалъ себя бодрѣе, а потому самый Босфоръ—Леандрова башня, мысъ Сераль и миріады мечетей, расположенныхъ по холмамъ чуднаго Царь-города, произвели на меня въ этотъ разъ болѣе сильное и пріятное впечатлѣніе, чѣмъ когда я ихъ увидѣлъ впервые, обворованный и безъ гроша. Вступивъ на землю, я прямо отправился въ порядочный отель, потомъ повидалъ своихъ знакомыхъ и былъ у посла, гдѣ получилъ деньги, присланныя изъ кабинета государя. Я нашелъ много писемъ и между прочими извѣстіями прочелъ съ грустью увѣдомленіе, что украденный у меня кредитивъ былъ размѣненъ мошенниками въ Вѣнѣ, почему я и лишился пяти тысячъ франковъ, что составляло порядочную брешь въ моей фортунѣ. Негодяи распорядились, однако, до нѣкоторой степени честно: сознавъ ненадобность для нихъ моего паспорта, они прислали его въ посольство, гдѣ онъ мнѣ и былъ выданъ. Въ то-же время я былъ приглашенъ консуломъ явиться въ турецкое судилище, гдѣ разбиралось дѣло о моемъ ворѣ. Странный этотъ судъ! Мнѣ сказали, что отъ меня зависитъ смягченіе участи Піотровича, на что, конечно, я отвѣчалъ сердечнымъ прощеніемъ его грѣховъ; но найденныхъ при немъ моихъ денегъ мнѣ, однако, все-таки не выдали, говоря, что на нихъ кормили преступника и изъ нихъ-же платили судьямъ, такъ что я остался благодарнымъ Провидѣнію, что съ меня не потребовали дополнительной платы. Не смотря на все это, я не былъ бѣденъ, почему часто ходилъ на стамбульскій базаръ, который

и до сихъ поръ живетъ въ моемъ воображеніи самымъ красивымъ этюдомъ. Дѣло было осеннее, дождь шелъ въ перебой съ солнцемъ, а потому мостовая базара отражала косвенные лучи, падавшіе на всякаго рода лавки съ богатѣйшими товарами, за которыми сидѣли фигуры турокъ торговцевъ, курящихъ кальянъ. Константинопольскій базаръ помѣщается въ крытомъ зданіи съ большими, круглыми отверстіями; чрезъ нихъ свѣтъ падаетъ какъ бы полосами и въ немъ ярко оттѣняются фигуры навьюченныхъ верблюдовъ; эти корабли пустыни тянутся длинными вереницами, шлепая ногами по грязи и далеко разбрасывая ее блестящими брызгами, еще болѣе скрашивающими этотъ очаровательный жанръ.

Обѣдая часто подъ открытымъ небомъ въ турецкомъ съѣстномъ ряду, я скоро пристрастился къ тамошней народной кухнѣ: рубленной баранинѣ съ помъ-д'амурами и лошадиному мясу; впослѣдствіи мнѣ часто приходилось вспоминать въ какомъ нибудь плохомъ ресторанѣ Дюссельдорфа или Монмартра о вкусныхъ турецкихъ блюдахъ.

Накупивши себѣ нѣсколько костюмовъ, мнѣ пришла фантазія ихъ носить; время было жаркое, хотя и осеннее, и я тутъ по опыту узналъ, что турбанъ съ феской, поясъ на животѣ и турецкая ножная обувь предохраняютъ всякаго человѣка отъ простуды и многихъ другихъ болѣзней, обезпечивая полную свободу всѣхъ движеній тѣла.

Распростившись съ посольствомъ и почти обругавъ консула, котораго мнѣ благодарить было не за что, я собрался въ обратный путь, взявъ билетъ на пароходѣ французской C° Impériale прямо до Марселя; этотъ билетъ давалъ право остановки и продолженія пути на судахъ той-же компаніи.

Разставаясь съ Константинополемъ, не могу не упомянуть о томъ, почему мнѣ былъ ненавистенъ генеральный русскій консулъ Пизани, по фамиліи грекъ, но по религіи католикъ. Этотъ господинъ занималъ въ Галатѣ пространный домъ русскаго консульства, гдѣ съ давнихъ временъ существуетъ положеніе давать пріютъ всѣмъ русскимъ богомольцамъ, идущимъ въ Іерусалимъ. Господинъ Пизани заставлялъ этихъ бѣдняковъ валяться во дворѣ, давая комнаты своимъ католическимъ «протеже», не нашей національности, что, по моему мнѣнію, было большою несправедливостью—я не вытерпѣлъ и однажды высказалъ ему въ лицо о его нечестномъ обращеніи.

Въ Константинополѣ въ это время старшимъ драгоманомъ служилъ господинъ N. Онъ былъ женатъ на воспитанницѣ Смольнаго монастыря, г-жѣ Бородухиной, бывшей также воспитанницею моей тетки, А. А. Радищевой. Въ обществѣ ея, которымъ мнѣ, къ сожалѣнію, пришлось воспользоваться довольно поздно, я проводилъ время

весьма пріятно и такъ какъ это была очень умная особа, то пользовался ея указаніями на всѣ рѣдкости Константинополя, а потому видѣлъ все, что можно было и стоило видѣть, начиная отъ Св. Софіи до продажи невольницъ, куда былъ допущенъ, благодаря протекціи мужа г-жи Бородухиной. Такъ какъ торговля ими есть одинъ изъ курьезовъ Стамбула, то позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. Меня привели въ караванъ-серай, т. е. грязный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ галлереями и балконами; въ тѣни, подъ навѣсомъ, сидѣло женщинъ тридцать, а на рединѣ двора стояли верховыя лошади пріѣхавшихъ покупателей, зажиточныхъ турокъ, ибо упряжь и кони были драгоцѣнные. Слѣдя за тѣмъ, что происходило, я поочередно видѣлъ всѣхъ женщинъ въ ихъ наготѣ. Тутъ были и негритянки, обреченныя на исполненіе обязанностей по домашней службѣ—всѣ онѣ были молоды, но самымъ лучшимъ типомъ были молодыя дѣвочки кавказскаго племени, поступавшія въ жены; а потому, въ то время, какъ негритянки кутались въ грязныя лохмотья, бѣлыя невольницы были одѣты въ роскошные туалеты, состоявшіе изъ полупрозрачнаго бѣлаго халата, надѣтаго прямо на тѣло, и шитыхъ жемчугомъ туфель; на рукахъ ихъ были кольца, а на шеѣ бусы, то голубыя, то красныя; темные волосы ихъ, оттѣняя матовую бѣлизну кожи, придавали ей особенную прелесть. Цѣны бѣлыхъ невольницъ доходятъ до трехъ и пяти тысячъ, между тѣмъ какъ негритянки получаются за тысячу и пятьсотъ турецкихъ лиръ.

Пароходъ французской компаніи былъ вполнѣ морской и роскошный; я взялъ себѣ мѣсто втораго класса и остался вполнѣ доволенъ. Пассажировъ было немного; между ними я встрѣтилъ италіанскаго архитектора, Паттрони, весьма образованнаго человѣка, съ которымъ мнѣ впослѣдствіи приходилось неоднократно встрѣчаться и часто бесѣдовать про константинопольскія древности, хорошо ему извѣстныя, такъ какъ онъ состоялъ помощникомъ извѣстнаго зодчаго, Фассати, по милости котораго Босфоръ украсился новымъ султанскимъ дворцомъ и роскошными мечетями Топанэ и Терапіи. Кромѣ этого на пароходѣ былъ «un voyageur de distinction», французскій графъ Z, только что проѣхавшійся по Малой Азіи, но возвращавшійся въ свое отечество, повидимому, не съ бо́льшими свѣдѣніями, чѣмъ тѣ, которыя могъ пріобрѣсти его чемоданъ. Вралъ онъ всякій вздоръ, а розсказни свои про Синопъ, гдѣ я только что самъ былъ, онъ заимствовалъ изъ англійской книжки, сильно ругавшей русскихъ за произведенный ими погромъ (massacre). Г. Z говорилъ обо всемъ этомъ дѣлѣ такъ положительно, какъ будто бы состоялъ адъютантомъ адмирала Нахимова въ Синопскомъ боѣ. Конечно, я не счелъ нужнымъ возражать ему и въ теченіе долгаго путешествія нашего постоянно

забавлялся его пустотою и невѣжествомъ. Это былъ типъ настоящаго салоннаго хлыща и даже члена парижскаго жокей-клуба. Онъ заявилъ намъ о себѣ: «qu'il fait courir», что обозначало уже очень многое.

Я не буду говорить о моемъ пребываніи въ Греціи, объ аѳинскомъ Акрополисѣ, который мнѣ удалось видѣть въ лунную ночь, о храмахъ Тезея, Эола и другихъ, но скажу лучше нѣсколько словъ о Смирнѣ, которая сильно на меня подѣйствовала въ художественномъ смыслѣ. Базаръ ея хоть и не великъ, но полонъ прекрасныхъ жанровъ. Роскоши тутъ не меньше, чѣмъ въ Константинополѣ, но только ее оглядываешь быстрѣе. Знаменитыя смирнскія фиги занимаютъ цѣлый рядъ лавокъ и амбаровъ, куда я ходилъ и гдѣ самъ видѣлъ ихъ укладку. Турокъ быстро накладываетъ ихъ пластами въ ящики и покрываетъ дощечкой; послѣ этого другой, спеціальность котораго прессовать ихъ, прыгнувъ раза три въ одномъ ящикѣ, перескакиваетъ въ другой и къ другому укладчику и такъ далѣе, такъ что со стороны, и не вникнувъ въ дѣло, вы видите передъ собою какихъ-то блаженныхъ, производящихъ на васъ впечатлѣніе крутящихся дервишей. Здѣсь я купилъ себѣ коверъ, потомъ вьючный мѣшокъ и, наконецъ, серальскаго розоваго масла, съ которымъ, по правдѣ, впослѣдствіи не зналъ что и дѣлать, по его страшной крѣпости. Кромѣ этого я посѣтилъ живописнѣйшую кофейню на окраинѣ Смирны, у подножія которой журчалъ горный ручей въ скалистыхъ берегахъ, обсаженныхъ кипарисами и каменными дубами. Тутъ я познакомился съ бродящимъ англичаниномъ и его семействомъ, и отъ нихъ узналъ, что можно на караванѣ верблюдовъ совершить прогулку въ ближайшій городокъ и скоро вернуться назадъ съ обратнымъ. Мысль эта меня очень заняла, почему въ извѣстный назначенный часъ я и былъ на сборной площади съ моими художественными доспѣхами. Вмѣстѣ съ англичаниномъ, я нашелъ мѣсто на верблюдѣ громадной величины; напротивъ меня въ кибиткѣ помѣстился еврей съ женой и ребенкомъ, а рядомъ сидѣла коза-кормилица. Караванъ вышелъ за городъ; впереди ѣхалъ вожатый на лошади и нѣсколько вооруженныхъ турокъ; вереница верблюдовъ была головъ въ восемьдесятъ. Долго ѣхали мы по песчаному, почти плоскому берегу и, наконецъ, подъѣхали къ бухтѣ и взяли ее на пересѣчку и тутъ-то я увидѣлъ картину, которую въ жизни не забуду. Дѣло было къ вечеру, солнце начинало тонуть въ багровомъ горизонтѣ, караванъ дошелъ до половины бухты-глубина которой была незначительна—вода едва доходила до полъноги верблюда, а потому брызги, вздымаемые каждымъ шагомъ животныхъ, летѣли выше нашихъ сидѣній и, окрашиваясь лучами заходящаго солнца, переливались изумрудными и рубиновыми цвѣтами. Я оглянулся назадъ и хвостъ каравана показался мнѣ

въ какомъ-то волшебномъ облакѣ, а тѣнь отъ него стлалась по синему морю еще болѣе синѣющею полосою. Видѣніе это продолжалось съ четверть часа, послѣ чего солнце вдругъ закатилось, пали сумерки и тогда весь караванъ вырѣзался темновишневымъ пятномъ на красномъ горизонтѣ. Раза два въ жизни принимался я дѣлать эскизы этихъ двухъ чудныхъ видѣній, но картинъ не писалъ, потому что эскизы продавались, а послѣ наступала обычная лѣнь и ссылка на то, что впечатлѣнія натуры, необходимыя для серіозной картины, уже испарились.

Городокъ, куда мы пріѣхали, былъ вовсе не интересенъ, а потому я на другой же день вернулся назадъ съ новымъ караваномъ; бухту проѣзжали ночью, вслѣдствіе чего не было и художественнаго впечатлѣнія. Кстати упомяну о козѣ-кормилицѣ и еврейскомъ ребенкѣ; когда онъ начиналъ плакать, то мать преспокойно клала его къ вымю козы, которое онъ обхватывалъ рученками и тутъ-же засыпалъ, убаюканный шатаніемъ верблюда.

Возвратясь въ Смирну, я сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ и черезъ четыре дня сѣлъ опять на пароходъ; по пути онъ остановился въ Мальтѣ, куда я и съѣхалъ, желая познакомиться съ портомъ Магонъ и англійскимъ флотомъ; времени у меня было мало, а потому, осмотрѣвъ корабли только a vol d'oiseau, я отправился въ церковь мальтійскаго ордена, гдѣ погребены его знаменитые кавалеры. Я самъ принадлежалъ немного къ ордену, потому что былъ крестникомъ холостаго мальтійскаго кавалера, который передалъ мнѣ свой крестъ съ правомъ носить его. Тутъ же видѣлъ я портретъ императора Павла Петровича, а подъ нимъ читалъ имена всѣхъ русскихъ умершихъ кавалеровъ. Вотъ все, чѣмъ осталась мнѣ памятна Мальта; помню еще, однако, что купилъ я себѣ здѣсь двѣ головныхъ щетки англійскаго издѣлія—одну употреблялъ болѣе пятнадцати лѣтъ для головы, а другою постоянно чистилъ платье и даже сапоги, отдавая полную справедливость ихъ надежнымъ качествамъ. Далѣе мы плыли по Средиземному морю, сильно въ ту пору бурлившему; прошли проливъ между Корсикою и Сардиніею и черезъ день, вечеромъ, при тихой погодѣ, увидѣли Марсель, съ его старинною греческою башнею. Тутъ начались мои моральныя тревоги: денегъ у меня было немного, но я все-таки разсчитывалъ, что за сто франковъ съѣду на берегъ и доѣду до Парижа; хотя и безпокоили меня мои восточныя покупки, я, однако, не ожидалъ, чтобы пошлина за нихъ сдѣлала въ моемъ бюджетѣ чувствительную брешь, а для избѣжанія могущихъ встрѣтиться затрудненій, я надѣлъ на себя турецкій костюмъ, самъ хорошенько не зная зачѣмъ, но соображая, что, быть можетъ, въ такомъ видѣ таможня приметъ меня за восточнаго человѣка и облегчитъ

досмотръ; но она была неумолима и съ меня стянули франковъ 50, что не только меня озаботило, но привело въ совершенно нервное состоянie.

Я долго провозился съ обратною укладкою вещей и въ грустномъ настроенiи отправился въ отель, совершенно отдавшись на произволъ извощика. Вечеромъ, побродивъ по городу и на минуту заглянувъ въ какой-то пѣвчiй-кафе, я скоро вернулся домой и легъ спать, все раздумывая о томъ, какъ бы мнѣ скорѣе уѣхать въ Парижъ, почему и рѣшилъ либо завтра же писать письмо къ парижскому священнику Васильеву, у котораго храннлись мои деньги, либо, еще лучше, телеграфировать объ ихъ высылкѣ. Въ этихъ думахъ я заснулъ, но черезъ часъ сонъ меня оставилъ и вотъ что со мною случилось: комната, въ которой я спалъ, была глубокая, постель помѣщалась въ альковѣ,—вдругъ, я вижу въ углу свѣтлое пятно,—я вперилъ въ него глаза—изъ пятна образовалось (сперва неясно, а потомъ я уже хорошо его видѣлъ) лицо старичка, съ улыбкою на губахъ. Протеревъ глаза, я взглянулъ въ другой уголъ — видѣнiе повторилось и тамъ. Я быстро повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закрылъ глаза, но, открывъ ихъ, я въ темнотѣ снова увидѣлъ надъ собою то-же лицо. Нетерпѣливо вскочивъ съ постели, я зажегъ свѣчку, думая, что свѣтъ успокоитъ мое зрѣнiе, но не тутъ то было—въ темныхъ углахъ все появлялись тѣ-же пятна. Я вымылъ голову, лицо и плеча, думая освѣжить себя, но все было напрасно; наконецъ, подъ утро, часовъ въ пять, я заснулъ и спалъ, какъ мертвый Часовъ въ 7 кто-то сильно постучался ко мнѣ въ дверь. На вопросъ: «Что надо?» гарсонъ кричалъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть какой-то господинъ. Пославъ его къ чорту, съ объясненiемъ, что никого здѣсь не знаю, я думалъ, что меня оставятъ въ покоѣ, но настойчивость гарсона заставила меня встать чуть не нагишомъ и отворить дверь, отъ которой я невольно отскочилъ, потому что за человѣкомъ стоялъ тотъ самый старичекъ, который мучилъ меня всю ночь. Я принялъ его съ недовѣрiемъ, спрашивая:

— Что вамъ надо? Я васъ не знаю!

— «А я васъ знаю очень хорошо, отвѣчалъ онъ утвердительно,— вы вчера прiѣхали съ моря; я видѣлъ васъ въ таможнѣ очень занятымъ при осмотрѣ вашего багажа таможенными чиновниками, а потому не осмѣлился вступать съ вами въ разговоръ. Дѣло въ томъ, что я N, я нарочно прiѣхалъ изъ Ниццы, по сообщенiю г. Васильева, что вы будете на дняхъ въ Марсели... Жена у меня больна, покинуть ее я не могу, но мнѣ надо отправить сына на воспитанiе въ Парижъ, а такъ какъ вы туда ѣдете, то будьте добры, доставьте его къ отцу Васильеву».

— Да помилуйте, у меня гроша денегъ нѣтъ и я только что хотѣлъ писать ему объ ихъ высылкѣ...

— «Это не нужно: отправляя сына, я вамъ передамъ тысячу франковъ, изъ которыхъ издержите сколько надобно и отдайте потомъ Васильеву».

— Да кто-же вамъ сказалъ, что я ихъ не украду и не брошу вашего сына на дорогѣ?

— «Этого вы сдѣлать не можете и говорите развѣ для того, чтобы не одолжить меня, а я васъ прошу смотрѣть на меня, какъ на человѣка вамъ обязаннаго».

Мое безвыходное положенiе и настойчивость старичка убѣдили меня принять его предложенiе, а потому въ тотъ же день я уже ѣхалъ въ Парижъ, предаваясь размышленiямъ о такой странной встрѣчѣ и нечаянной помощи въ минуту затруднительную. Въ то время мнѣ не удалось выяснить, почему старичекъ надоѣдалъ мнѣ ночью; впослѣдствiи я отдалъ этотъ фактъ на обсужденiе прiятеля моего Ник. Март. Якубовича, рѣзавшаго тогда собакъ и кошекъ, подъ руководствомъ Клода Бернара; вотъ какую разгадку моей марсельской шарады я получилъ: старикъ обладалъ магнетическою силою, онъ все время пристально слѣдилъ за мною, я же видѣлъ его мелькомъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, и образъ его безсознательно запечатлѣлся въ моемъ мозгу и послѣ мучилъ меня всю ночь, вслѣдствiе силы магнетизма.

Сдавъ моего пассажира и забравъ чемоданъ отъ Васильева, я сначала помѣстился въ maison meublée, въ rue Pigalle, а черезъ нѣсколько дней въѣхалъ въ мастерскую (rue Breda, № 60).

Консьержъ дома, m-r Doss, и его супруга были воспитателями огромнаго семейства кошекъ. Doss взялъ на руки мое хозяйство, да и меня взялъ въ руки, какъ человѣка вновь прiѣзжаго и не знающаго Парижа. Черезъ недѣлю я видѣлъ, что онъ плутъ и беретъ взятки вездѣ, куда меня посылаетъ покупать вещи для моего маленькаго хозяйства; когда же я узналъ о его лихоимствѣ и сказалъ ему объ этомъ, то онъ отвѣчалъ, что служитъ не «pour mes beaux yeux», а для своего желудка; но такъ какъ надобно жить съ консьержемъ всегда въ ладахъ, то я скоро опять былъ съ нимъ на дружественной ногѣ. Человѣкъ этотъ обладалъ какою-то угрюмою веселостью, если можно такъ выразиться; разъ какъ-то зашелъ ко мнѣ прiѣхавшiй изъ Петербурга инженеръ Тило, старый кронштадтскiй прiятель; спрашивая у консьержа адресъ и помѣщенiе моей мастерской, которая была въ шестомъ этажѣ, онъ получилъ въ отвѣтъ на слова: «c'est au premier?»—«Oui! en descendant du ciel».

А. П. Боголюбовъ.

Парижъ.
1856—1857.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I НА ЮГѢ РОССІИ.

Письма инспектора Таганрогскаго карантина Констант. Карлов. Гирсъ къ его брату Карлу.

1818—1825 гг.[1]).

Ѳеодосія, 2-го августа 1818 г.

Дорогой и любезный братъ! Я послалъ тебѣ письмо съ г. Аморетомъ, довольно значительнымъ купцомъ, который отправился, недѣли три тому назадъ, отсюда чрезъ Радзивиловъ въ Парижъ; въ этомъ письмѣ я просилъ тебя оказать сему купцу ласковой пріемъ; съ нимъ-же я послалъ тебѣ 850 руб., съ просьбою передать ихъ немедленно Александру Ауерштейну. Ей Богу не знаю, что и думать; я получилъ вчера письмо отъ Штейнберга и по полуоченіи его поѣхалъ немедленно къ его компаніону, чтобы справиться у него объ Аморетѣ; онъ отвѣтилъ мнѣ, что не имѣетъ также о немъ ни малѣйшаг извѣстія, но ожидаетъ отъ него писемъ съ каждой почтой и совѣтуетъ мнѣ обождать, такъ какъ онъ самъ не знаетъ гдѣ застрялъ Аморетъ. Но это къ дѣлу не идетъ. Я высылаю тебѣ со слѣдующей почтой 1,000 рублей, изъ коихъ, любезный братъ, будь такъ добръ уплатить немедленно Александру Ауерштейну 204 руб. сер., изъ остальныхъ удержи что слѣдуетъ за газеты и купи мнѣ нѣкоторыя бездѣлицы, о коихъ я тебя попрошу.

Если же Аморетъ пріѣдетъ и передастъ тебѣ деньги, то сохрани ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока ты не найдешь случая купить для моей жены хорошаго фортепіано, о чемъ я тебя весьма прошу, хотя бы оно стоило 100 или даже 120 рублей. Ты получишь деньги со слѣдующей почтой всенепремѣнно, о чемъ можешь сказать Штейнбергу, ибо я собираюсь также отвѣчать на его письмо.

Съ Аморетомъ я послалъ тебѣ подробное описаніе пріема, оказаннаго императору (Александру I) въ Ѳеодосіи; я былъ настолько счастливъ, что во всемъ Крымѣ одинъ я удостоился награды; такимъ образомъ я уже имѣю Анненскую звѣзду съ алмазами; звѣзда эта поистинѣ роскошная...

---

[1]) Переводъ съ нѣмецкаго В. В. Тимощукъ.

Императоръ былъ весьма милостивъ ко мнѣ, освѣдомился о Фридрихѣ-Александрѣ, спросивъ: «братъ-ли вашъ онъ? онъ молодецъ», и даже о тебѣ. Что за удивительная память!

Обо мнѣ онъ спросилъ:

— «Вы не были-ли при фельдмаршалѣ?»

На что я отвѣчалъ утвердительно; такимъ образомъ все обошлось благополучно. Словомъ, мнѣ была оказана особая милость; всѣ завидуютъ мнѣ и удивляются тому, что онъ знаетъ всѣхъ насъ.

Онъ неоднократно повторилъ:

— «Гирсъ, искренно благодарю тебя за порядокъ и устройство».

Говоря безъ хвастовства, я привелъ въ три мѣсяца весь карантинъ въ удивительный порядокъ, а онъ былъ совершенно запущенъ. При семъ посылаю тебѣ указъ, рескриптъ и приказъ Вязмитинову объ отпускѣ 32,250 р., которые я потребовалъ; особенно милостивъ ко мнѣ былъ Аракчеевъ, и ему я обязанъ болѣе всего.

Со слѣдующей почтой я напишу тебѣ болѣе.

Передай отъ меня и отъ моей жены сердечный привѣтъ Аннѣ Петровнѣ и баронессѣ Розенъ. Жена моя думаетъ, не сердится-ли на нее Анна Петровна, такъ какъ она ничего ей не пишетъ? Прощай, любезный братъ, съ будущей почтой напишу поболѣе. Константинъ.

Я живу здѣсь весьма пріятно и покойно, поэтому я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и вполнѣ счастливъ.

Таганрогъ, 16-го октября 1825 г.

Не посѣтуй, любезный братъ, на то, что я до сегодня не могъ взяться за перо и отвѣтить на твои два письма. Причиною моего молчанія не что иное, какъ недостатокъ времени, ибо кромѣ моихъ служебныхъ обязанностей, въ качествѣ инспектора карантина, я состою еще членомъ городоваго строительнаго комитета, членомъ приказа общественнаго призрѣнія и дней десять тому назадъ назначенъ еще, по именному повелѣнію государя императора, членомъ коммиссіи по постройкѣ новаго карантина, который будетъ весь каменный; такимъ образомъ у меня такая масса дѣлъ, что я едва успѣваю присѣсть за обѣдъ. Эти строки я пишу тебѣ ночью, ибо цѣлый день я не бываю дома; я заваленъ губернаторомъ чуть-ли не по уши работой въ разныхъ коммиссіяхъ по устройству городскихъ дѣлъ, а теперь не время шутить, такъ какъ всѣ повелѣнія е. в. должны исполняться точно и къ назначенному часу. Желая, однако, удовлетворить твое любопытство, я сообщаю тебѣ сегодня все то, что могу.

Императоръ прибылъ сюда 13-го, а императрица 23-го сентября. На слѣдующій день, именно 14-го сентября, всѣ служащіе представлялись е. в.; между прочимъ, когда очередь дошла до меня, то онъ сказалъ мнѣ:

— «Мнѣ кажется, вы мнѣ представляли какой-то карантинъ?»

На что я отвѣчалъ:

— Я имѣлъ счастіе представить в. в. въ 1818 году Феодосійскій карантинъ.

— «Точно такъ, я помню. Давно-ли вы здѣсь?»

— Пять лѣтъ, государь.

— «Сами-ли вы сюда просились?»

— Я служилъ, государь, въ Феодосійскомъ карантинѣ вице-инспекторомъ, за награжденіе, по повелѣнію в. в. назначенъ сюда инспекторомъ.

— «Ежели не ошибаюсь, васъ четыре брата?»

— Точно такъ, государь.

— «Гдѣ вашъ братъ, который былъ провіантмейстеромъ?»

— Онъ, ваше величество, вице-губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ.

Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ разные вопросы касательно карантина и былъ въ высшей степени оживленъ и любезенъ. Во все время аудіенціи онъ говорилъ со мною не такъ, какъ съ прочими чиновниками, и разговоръ нашъ продолжался около 10 минутъ. 16-го сентября государь посѣтилъ карантинъ вмѣстѣ съ Дибичемъ и Вилліе. Я встрѣтилъ его со всѣми служащими и подалъ рапортъ. Онъ приказалъ мнѣ, чтобы я все показалъ ему и объяснилъ, что я и исполнилъ, и онъ остался весьма доволенъ и былъ веселъ. Обратясь къ губернатору или нашему градоначальнику онъ сказалъ:

— «Удивительный порядокъ, чрезвычайная чистота; кажется, съ такимъ порядкомъ нельзя опасаться чумы. Видно, что инспекторъ знаетъ свою должность, а чиновники и служители обладаютъ большимъ навыкомъ!»

Меня онъ весьма благодарилъ, предложилъ еще нѣкоторые вопросы относительно Феодосійскаго карантина и требовалъ, чтобы я высказалъ о немъ свое мнѣніе, и, наконецъ, присовокупилъ:

— «Я вамъ выстрою каменный карантинъ. Гирсъ, представь мнѣ новые планы и скажи все, что нужно. Моя жена будетъ сюда; она не видѣла еще карантиновъ, пожалуйста, покажи ей все и устрой такъ, чтобы она по карантину могла ѣхать въ дрожкахъ, ибо здоровье ея не позволяетъ ходить много пѣшкомъ».

Затѣмъ онъ снова спросилъ меня:

— «Васъ четыре брата?»

— Четыре, государь.

— «Гдѣ прочіе?»

— Вице-губернаторомъ въ Каменцѣ старшій, въ Радзивиловѣ пограничнымъ почтмейстеромъ второй, а младшій въ отставкѣ подполковникомъ въ С.-Петербургѣ.

Государь еще разъ поблагодарилъ меня за карантинъ и поѣхалъ въ городъ.

21-го октября Александръ Павловичъ присутствовалъ на балу, данномъ въ честь его купечествомъ. Онъ пріѣхалъ на этотъ балъ въ туфляхъ и шелковыхъ чулкахъ, чего, какъ утверждали всѣ окружающіе, онъ не сдѣлалъ для бала, даннаго дворянами въ Москвѣ. Онъ былъ въ высшей степени любезенъ и оживленъ, танцовалъ все время болѣе, нежели съ тридцатью дамами, и пробылъ на балу полтора часа.

Между прочимъ, такъ какъ ему былъ поданъ градоначальникомъ списокъ наиболѣе знатныхъ дамъ города, то, протанцовавъ около пяти полонезовъ, онъ спросилъ градоначальника:

— «Развѣ Гирсова жены здѣсь нѣтъ на балу?»

— Онъ вдовъ, государь, отвѣчалъ тотъ.

Тогда государь немедленно прошелъ черезъ всю залу къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, и сказалъ мнѣ въ присутствіи многихъ окружавшихъ насъ лицъ:

— «Я слышалъ, Гирсъ, что ты вдовъ?»

— Вдовъ, государь.

— «Давно-ли ты овдовѣлъ?»

— Прошлаго года, государь.

— «На комъ ты былъ женатъ?»

— На дочери помѣщика Кіевской губерніи, надворнаго совѣтника Прот.

— «Остались дѣти?»

— Четверо несчастныхъ сиротъ, государь.

— «Это жаль, надо тебѣ надѣяться на Бога!»

Я былъ такъ тронутъ, что на глазахъ у меня показались слезы; государь, вѣроятно, замѣтилъ это, поклонился мнѣ и отошелъ.

Я долженъ тебѣ признаться, что онъ такъ милостивъ, что это достойно удивленія. Когда кн. Воронцовъ пріѣхалъ сюда, то государь сказалъ ему:

— «Я былъ въ карантинѣ, надо его перестроить, но чистота, порядокъ заведены въономъ чрезвычайные; это доказываетъ, что Гирсъ знаетъ свой долгъ; я его знаю съ 1818-го года, онъ славный инспекторъ».

Такъ какъ государь гуляетъ ежедневно два раза по городу пѣшкомъ и такъ какъ городъ не великъ, то я встрѣчаю его почти ежедневно; онъ обращается ко мнѣ всякій разъ съ какимъ-нибудь вопросомъ и иногда скажетъ: «здоровъ-ли ты, Гирсъ?»

Государыня катается съ императоромъ почти каждый день. 28-го сентября они заѣхали совершенно неожиданно въ карантинъ; однако, я случился тамъ; никто изъ чиновниковъ не былъ еще представленъ ея величеству; между тѣмъ когда я рапортовалъ государю, то онъ тотчасъ представилъ меня государынѣ, сказавъ:

— «C'est l'inspecteur de la quarantaine, le conseillier de la cour

Giers. Il m'a présenté 1818 la quarantaine de Théodosie. J'étais très content et c'est un excellent employé!» [1]).

Я отвѣсилъ нижайшій поклонъ; императрица предложила мнѣ нѣкоторые вопросы касательно карантина и нашихъ правилъ или законовъ. Она такъ добра, такъ обходительна, что это достойно удивленія; благодаря Бога, нашъ климатъ оказался для нея настолько полезенъ, что она совершаетъ ежедневно два раза прогулку въ нашемъ городскомъ саду или доходитъ до карантина, а въ Петербургѣ, говорятъ, будто она едва можетъ сдѣлать два шага по комнатѣ. Лейбъ-медики удивляются тому, какъ быстро она здѣсь поправляется; къ счастью, осень очень хороша. Императоръ гуляетъ ежедневно, не смотря ни на какую погоду, по утру съ 7 часовъ до 10 въ саду или по улицамъ города, затѣмъ катается верхомъ или ѣдетъ въ крытыхъ дрожкахъ или коляскѣ, съ государыней, а послѣ обѣда они катаются снова вмѣстѣ до 6 часовъ. Они живутъ вмѣстѣ въ прекрасно устроенномъ домѣ; разсказываютъ, что по вечерамъ императрица постоянно играетъ на фортепіано, а императоръ сидитъ возлѣ нея и поетъ. Онъ такъ оживленъ здѣсь все время, что окружающіе просто не узнаютъ его. Онъ оказалъ нашему городу большія милости, даровалъ ему значительныя привиллегіи; во всемъ этомъ есть что-то таинственное, чего никакъ нельзя объяснить. Государь предполагаетъ пробыть здѣсь всю зиму, а можетъ быть и долѣе; но для развлеченія онъ предпринимаетъ 24-го числа сего мѣсяца поѣздку въ Крымъ, которая продлится нѣсколько недѣль; повидимому, добрая императрица также останется у насъ надолго, такъ какъ все устроено для этого. Государь жертвуетъ деньги на улучшеніе города и на возобновленіе карантиннаго зданія и хочетъ также пріобрѣсти для себя нѣкоторыя земли и содѣйствовать украшенію этой мѣстности. Мы ожидаемъ надняхъ гр. Аракчеева и ген.-ад. Чернышева; изъ Петербурга должна также прибыть масса инженеровъ, словомъ, одному Богу извѣстно, что изъ всего этого выйдетъ. Одно наше несчастье, что Воронцовъ — заклятый врагъ Таганрога, ибо онъ опасается, что съ улучшеніемъ нашего города значеніе Одессы и Керчи совершенно упадетъ, что и случится неминуемо, поэтому онъ страшно интригуетъ, но такъ какъ все это ни къ чему не поведетъ, ибо императоръ будто бы высказалъ ему прямо, что никто не въ состояніи помѣшать выполненію его плановъ и намѣреній касательно Таганрога и что онъ твердо рѣшился сдѣлать все возможное для того, чтобы поднять торговлю этого города, то это настоящій ударъ для Воронцова. Онъ не допустилъ градоначальника сдѣлать государю представленіе о насъ, чиновникахъ, единственно по злобѣ, да хранитъ его Господь; онъ говоритъ,

---

[1]) Это инспекторъ карантина, надворный совѣтникъ Гирсъ. Онъ показывалъ мнѣ Ѳеодосійскій карантинъ въ 1818 г. Я остался имъ весьма доволенъ; онъ отличный чиновникъ.

что теперь не время утруждать объ этомъ е. в., что государь самъ сдѣлаетъ это, когда придетъ время. Итакъ, терпѣніе, ничего не подѣлаешь, никто еще не получилъ ничего.

Вящимъ доказательствомъ того, что Воронцовъ опасается нашего города, служитъ его отказъ отъ полученнаго имъ отпуска въ Англію, изъ боязни, чтобы во время его отсутствія государь не причинилъ вреда прочимъ городамъ, которымъ князь покровительствуетъ. Дня три тому назадъ онъ уѣхалъ въ Симферополь, но къ ноябрю намѣренъ возвратиться. Сюда наѣзжаетъ масса генераловъ и путешественниковъ; квартиры непомѣрно вздорожали.

Сообщ. **К. К. Гирсъ.**

Николай Васильевичъ Гоголь.

ЗАМѢТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ (мартъ 1887 г.) въ біографическомъ очеркѣ г-жи Н. А. Бѣлозерской, подъ заглавіемъ „Марія Ивановна Гоголь“, допущена довольно крупная неточность относительно времени рожденія знаменитаго писателя Ник. Вас. Гоголя. Такъ, на стр. 671-й, г-жа Бѣлозерская сообщаетъ, что „по показанію матери Н. В. Гоголя онъ родился въ 1810 году, 19-го марта“ [1]. Это несомнѣнно ошибка: Н. В. Гоголь родился годомъ раньше. Возражавшій на статью г-жи Бѣлозерской Н. А. Трахимовскій („Русск. Стар.“ 1888 г., іюль), хорошо и коротко знавшій семью Гоголя, исправилъ эту ошибку на основаніи семейныхъ свѣдѣній и преданій. Эти свѣдѣнія совершенно подтверждаются и документальными данными, извлеченными изъ архива Спасо-Преображенской церкви, мѣстечка Сорочинецъ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Вотъ выпись изъ метрической книги той церкви о рожденіи Н. В. Гоголь-Яновскаго: за 1809 годъ, подъ № 25, записанъ слѣдующій актъ рожденія: „мѣсяца марта 20-го числа у помѣщика Василія Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ. Молитвовалъ и крестилъ священно-намѣстникъ Іоаннъ Бѣловольскій. Воспріемникомъ былъ господинъ полковникъ Михаилъ Трахимовскій“.

Въ метрической записи, какъ видно, Гоголь-Яновскій названъ только Яновскимъ; въ то время Гоголей называли большею частью одной фамиліей (Яновскіе), а двойную употребляли весьма рѣдко.

А. И. Ксёнзенко.

---

[1]) Это извѣстіе подтверждается также ссылкою В. П. Гаевскаго на документы. См. «Современникъ» 1852 г., т. XXXV, отд. VI, стр. 141—142. «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 362. Ред.

Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Письмо его въ 1861 г.

Гауптвахта въ новомъ адмиралтействѣ. 1-го апрѣля 1861.

Милостивая государыня Марья Васильевна! Помѣтка письма этого къ вамъ, первымъ числомъ апрѣля, не должна смущать васъ ожиданіемъ „шутки“ — нѣтъ! я дѣйствительно сижу на гауптвахтѣ „изъ-за Бетховена“, и буду еще арестантомъ вплоть до четверга будущей недѣли!

Пишу къ вамъ, какъ чрезвычайно-уважаемой мною истинной артисткѣ (качество въ глазахъ моихъ самое доблестное и самое рѣдкое), пишу, во первыхъ, чтобъ отрекомендовать къ вамъ подателей этихъ строкъ, добрыхъ моихъ пріятелей, имѣющихъ къ вамъ покорнѣйшую просьбу;

во вторыхъ, чтобы извиниться передъ вами въ неисполненіи обѣщанія моего написать слова два о васъ по случаю концерта Родзянки;

въ третьихъ, чтобы изъяснить нѣкоторую горестность моего заточенія съ чисто артистической стороны и прибѣгнуть въ этомъ случаѣ къ вашему заступничеству.

Господа: Соковнинъ и Бѣлозерскій являются къ вамъ депутатами отъ устроителей концерта украинской музыки въ память умершаго малороссійскаго поэта „Тараса Шевченки“. Безподобный талантъ вашъ и прелестный голосъ были бы лучшимъ украшеніемъ этого концертика, предполагаемаго на шестой недѣлѣ. Мы надѣемся, что вы въ этомъ добромъ дѣлѣ просьбѣ нашей не откажете. Говорю „мы“, „нашей“ — такъ какъ господа украинцы, устроители концерта, сдѣлали мнѣ честь избрать меня главнымъ организаторомъ собственно музыкальной части этого предпріятія. Къ горькому моему сожалѣнію, я теперь сильно парализованъ въ моей волѣ быть полезнымъ господамъ украинцамъ, сколько моихъ силъ хватитъ. Одна изъ главныхъ заботъ ихъ, чтобы въ концертѣ было нѣсколько хориковъ, мною аранжированныхъ и оркестрованныхъ на данные мнѣ мотивы украинскихъ пѣсень, увы! кажется, не осуществится. Для подобнаго рода музыкальныхъ трудовъ мнѣ почти необходимо фортепіано. (Я пишу музыку и безъ помощи инструмента, но все же надобно, хоть иногда, посовѣтываться съ реальными звуками, особенно, когда дѣло идетъ о чемъ нибудь выступающемъ прямо въ публику). Между тѣмъ просьба моя по этому случаю къ коменданту не уважена; имѣть мнѣ фортепіано въ моей арестантской комнатѣ не разрѣшено. Почему??.. одинъ Аллахъ про то вѣдаетъ. Вѣроятно, только потому, что примѣровъ не бывало. Но вѣдь сколько мнѣ извѣстно, и изъ-за Бетховена, въ Россіи, прежде меня врядъ ли кто сидѣлъ подъ карауломъ. Для исключительнаго преступника можно было сдѣлать и исключительное снисхожденіе. Или ужъ не хотятъ ли они меня вовсе отучить отъ музыкальныхъ занятій, какъ съ видами — —несогласныхъ?

Арестъ мой, висѣвшій надъ моей „буйной“ головушкой уже съ начала этой недѣли, былъ единственною причиною и того, что я не выполнилъ своего пламеннаго желанія: описать мое впечатлѣніе отъ романсовъ, спѣтыхъ вами въ концертѣ Родзянки. Я былъ увлеченъ художественностью исполненія

вашего и могучею симпатичностью голоса—увлеченъ такъ, какъ рѣдко бываю, и, конечно, высказалъ бы это увлеченіе и въ печати Тогда было некогда писать. теперь—поздненько, да и врядъ ли примутъ отъ „содержащагося подъ карауломъ!" Видно не судьба воспѣть мнѣ въ честь вашу мой маленькій диѳирамбъ! Это очень жаль — собственно мнѣ; для васъ мои похвалы были бы каплей въ морѣ. Ѳиміамъ восхваленія для васъ дѣло привычное, а моего голоса, притомъ же, „никто и не слушаетъ". (По крайней мѣрѣ, такъ выразился мнѣ г. генералъ-губернаторъ, а вѣдь властямъ мы обязаны вѣрить).

Еслибъ я не зналъ въ васъ отличной, вполнѣ артистической души, я прибѣгнулъ бы къ вамъ со стороны милосердія христіанскаго. Спаситель завѣщалъ всѣмъ послѣдователямъ Его божественнаго ученія: помогать ближнимъ, особенно страждущимъ, заточеннымъ, намъ, бѣднымъ арестантамъ! На цѣлую недѣлю я посаженъ въ совершенное уединеніе, это еще не особенно тяжело, для человѣка мыслящаго и вѣчно работающаго; на цѣлую недѣлю отдѣленъ отъ родныхъ и знакомыхъ—это тяжело, но смягчается свиданіемъ съ тѣми, кто желаетъ меня посѣщать; на цѣлую недѣлю секвестрованъ отъ музыкальныхъ звуковъ; это очень тяжело, но смягчается для меня чтеніемъ партитуръ, которыхъ я набралъ съ собою порядочный запасецъ. Есть, однако, обстоятельство, которое значительно увеличиваетъ бѣдственность моего положенія, которое гнететъ мысли мои постоянно. Вотъ оно въ чемъ: прислушайте со вниманіемъ. Я пишу, съ начала этого года, оперу Юдиѳь (мысль родилась во мнѣ отъ прелестной роли и великолѣпнаго костюма Ристори). Началъ съ послѣдняго 3-го акта, который уже и готовъ.. Самый финалъ оперы гимнъ во славу Всевышняго (Юдиѳь соло и хоръ), послѣ бѣгства непріятельскаго войска, былъ назначенъ въ программѣ завтрашняго симфоническаго концерта дирекціи. Партіи переписаны, разъучиваніе съ Леоновою и хоромъ уже было начато, когда, вслѣдствіе лазаревской исторіи и моего ареста, я самъ пріостановилъ исполненіе этой пьесы до слѣдующаго третьяго концерта дирекціи, 9-го апрѣля. Бѣды въ этой пріостановкѣ нѣтъ ни малѣйшей, скорѣе выигрышъ времени для разъучиванія и исправнаго подготовленія. Но вотъ въ чемъ бѣда, вотъ чего я боюсь смертельно: пожалуй, испугавшись пріобрѣтенной мною въ городѣ извѣстности со стороны, для начальства неблаговидной, театральная дирекція испугается моего имени въ настоящее время вообще, испугается шума и скандала, и пьеса моя, пріостановленная въ эти дни, не появится и на афишѣ 9-го апрѣля! Это было бы для меня тяжкимъ, тяжкимъ ударомъ, котораго, конечно, самоотверженіемъ моимъ на пользу музыки я никакъ не заслужилъ. Разумѣется, что нѣтъ ни малѣйшей логической связи между моею вспышкою въ концертѣ Лазарева и исполненіемъ моего гимна въ концертѣ дирекціи, но такъ какъ (нѣкоторыя) распоряженія вообще у насъ не совсѣмъ въ гармоніи съ логикою, то и опасенія мои въ настоящемъ случаѣ, можетъ быть, не напрасны. Ради справедливости, ради всего святаго въ искусствѣ, пособите мнѣ, Марья Васильевна! Изобрѣтите способъ заинтересовать моею участью въ этомъ отношеніи кого нибудь изъ сильныхъ міра сего, т. е. устройте такъ, чтобы мой гимнъ въ концертѣ 9-го апрѣля шелъ всенепремѣнно; сдѣлайте такъ, чтобы первымъ дебютомъ моимъ, какъ сочинителя музыки, я былъ отчасти вамъ обязанъ, и тѣмъ успокойте страждущую душу преданнѣйшаго вамъ А. Сѣрова.

Сообщ. А. С. Киселевъ.

ОСИПЪ МАКСИМОВИЧЪ БОДЯНСКІЙ

въ его дневникѣ 1849—1850 гг.

6-го сентября 1877 г. скончался въ Москвѣ знаменитый русскій славистъ проф. О. М. Бодянскій. На страницахъ „Русской Старины" были уже помѣщены статьи, посвященныя обозрѣнію его дѣятельности. Такъ, въ XXV томѣ изд. 1879 г., 205—218 стр., была помѣщена прекрасная статья самаго редактора о дѣятельности его, какъ ученаго и секретаря въ „Общ. исторіи и древностей", гдѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ; въ XXVI т. — Н. А. Попова объ ученой дѣятельности и пребываніи Бодянскаго за границей и замѣтка кн. Голицына (въ томъ же томѣ, стр. 161—162) объ отношеніяхъ профессора Бодянскаго къ студентамъ.

Помѣщая нынѣ на страницахъ „Русской Старины" отрывокъ—и только, къ великому сожалѣнію, отрывокъ—изъ дневника покойнаго слависта-профессора, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о библіотекѣ и рукописяхъ О. М. Бодянскаго.

Незадолго до смерти своей, Осипъ Максимовичъ, лежа уже на смертномъ одрѣ, спросилъ профессора, его лѣчившаго, насколько его положеніе опасно.

— „Поддержи меня хоть немного, мнѣ нужно сдѣлать еще кой-какія распоряженія".

Такъ какъ завѣщаніе относительно имущества было сдѣлано раньше, то эти распоряженія, какія оказывалось необходимымъ сдѣлать, какъ надо думать, касались рукописей ученаго, а ихъ было не мало. Онъ очень ими дорожилъ. Отлучаясь иногда изъ Москвы, онъ всегда просилъ, въ случаѣ пожара, прежде всего сохранить ему два шкафа, гдѣ находились эти рукописи. По желанію Бодянскаго, была послана телеграмма Н. М. Артемьеву, его племяннику, донынѣ съ честью подвизающемуся на педагогическомъ поприщѣ въ полтавской классической гимназіи; но г. Артемьевъ не засталъ его въ живыхъ; онъ пріѣхалъ спустя часъ послѣ кончины своего дяди. Такимъ образомъ, покойнику не удалось сообщить свою волю племяннику, которому онъ всегда говорилъ, что библіотека его будетъ принадлежать ему. Не можемъ не отмѣтить, что телеграмма была послана въ Кіевъ, а не въ Полтаву, гдѣ жилъ Артемьевъ. Такимъ образомъ, владѣтельницей библіотеки осталась полуграмотная вдова, нынѣ также покойная, которая, какъ извѣстно, и продала ее букинистамъ рыночнаго торга за три тысячи рублей. Отъ продажи въ розницу букинисты выручили слишкомъ 20 тысячъ. Такова судьба этого рѣдкаго книгохранилища по славяновѣдѣнію.... Въ „Русской Старинѣ" (1887 года, т. LVII, стр. 762), А. А. Гатцукъ, сообщая о разгромѣ библіотеки,

замѣчаетъ, что при продажѣ ее букинистамъ, рукописей въ ней почти не было. Мы помнимъ, что въ газетахъ было заявленіе предсѣдателя одной уѣздной управы, что онъ, случайно, въ Москвѣ, пріобрѣлъ у букинистовъ довольно много рукописей покойнаго профессора.

Какъ извѣстно, покойный Бодянскій велъ дневникъ въ теченіи всей своей ученой дѣятельности. Нечего говорить, насколько онъ можетъ быть интересенъ и важенъ, особенно подъ перомъ такого ученаго. Но, къ сожалѣнію, онъ едва ли могъ сохраниться въ цѣлости.... Велъ его покойный на отдѣльныхъ листахъ, нерѣдко на клочкахъ бумаги.... Значительная часть этого дневника, обнимающая время отъ половины 1852-го до 1857-го года, находится у одесскаго проф. Кочубинскаго, что видно изъ его статьи „Бодянскій въ его дневникѣ", напечатанной въ 12 книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1887 годъ. Къ одесскому профессору онъ попалъ совершенно случайно. Профессоръ кіевскаго университета А. А. Котляревскій. ученикъ Бодянскаго, незадолго до смерти своей, посѣтилъ Полтаву, какъ ревизоръ классической гимназіи, назначенный попечителемъ округа. Узнавъ, что г. Артемьевъ наслѣдовалъ кое-что изъ имущества покойнаго Бодянскаго (послѣ смерти вдовы), онъ просилъ его одолжить этотъ дневникъ для просмотра, обѣщаясь напечатать изъ него, если это будетъ возможно. Но Котляревскій вскорѣ скончался и эта часть дневника (значительная по объему) осталась въ его библіотекѣ и сынъ его, не зная, понятно, откуда этотъ дневникъ, и преподнесъ его проф. Кочубинскому, ученику и почитателю покойнаго слависта. Часть дневника находится еще у А. А. Гатцука, какъ объ этомъ онъ самъ заявилъ въ сообщеніи изъ бумагъ Бодянскаго, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1888 г., мартъ. Но у г. Артемьева сохранилось еще нѣсколько листовъ и клочковъ, исписанныхъ собственноручно Бодянскимъ, разрозненныхъ, гдѣ не всегда помѣщены годъ, мѣсяцъ...., что и передано имъ въ наше распоряженіе. Такимъ образомъ, дневникъ находится въ трехъ рукахъ. Кромѣ этого, у Артемьева остались 11 тетрадей южно-русскихъ пѣсенъ, собранныхъ Бодянскимъ. Всѣ эти пѣсни подѣлены у него на отдѣлы по содержанію, какъ-то: чумацкія, свадебныя и т. п. Судя по нимъ, не представляющимъ чего-либо цѣльнаго, можно видѣть, какое это было бы грандіозное собраніе, превышающее всѣ изданные до сей поры сборники, если бы оно только сохранилось цѣликомъ. Достаточно сказать, что есть тетради, начинающіяся съ № 176, другая тетрадь съ № 113 и т. д. Замѣтимъ, что этотъ дневникъ и пѣсни достались г. Артемьеву послѣ смерти вдовы Бодянскаго, когда онъ явился, согласно завѣщанію, наслѣдникомъ имущества покойнаго слависта.

Такова исторія лишь двухъ рукописныхъ трудовъ Бодянскаго. Но послѣ него остались его лекціи. Гдѣ онѣ?—вотъ вопросъ, крайне интересный. Неужели онѣ, какъ результатъ многолѣтней, труженической жизни этого ученаго, погибнуть?... Вѣдь все, что происходило изъ-подъ пера его, достойно вниманія, и его лекціи, дополненныя нынѣ кѣмъ-либо изъ его учениковъ на основаніи новѣйшихъ розысканій, были бы цѣннымъ вкладомъ въ науку. Думаемъ и почти увѣрены въ этомъ, что владѣтель ихъ отзовется и займется ихъ изданіемъ, что и будетъ достойной поминкой этого труженика, одного изъ первыхъ насадителей у насъ славянскаго самосознанія.

Ив. Фр. Павловскій.

I.

Декабря 18-го 1849 года. Сегодня, въ воскресенье, еще въ постели (часу 8 утра), подалъ мнѣ Андрей (человѣкъ мой) записку отъ правителя канцеляріи попечителя московскаго университета, Александра Ивановича Филимонова, въ которой просилъ, что «князь Григорій Алексѣичъ Щербатовъ [1]) (помощникъ попечителя, правившій его должность въ отсутствіе въ Петербургъ) проситъ меня пожаловать къ нему въ часъ пополудни для переговоровъ, по имѣющемуся до меня дѣлу». «Наконецъ, блеснуло солнце и въ наше виконце», подумалъ я, и въ назначенное время явился къ нему. Послѣ поясненій о томъ, что я, по своему положенію, въ прошломъ году не могъ бывать у него на осеннихъ вечерахъ, боясь встрѣчи съ людьми, съ которыми не хотѣлось бы мнѣ встрѣчаться даже и въ раю, и въ адѣ, онъ показалъ мнѣ отношеніе министерства объ опредѣленіи меня снова на прежнюю мою каѳедру, въ московскій университетъ, въ томъ-же званіи, въ какомъ я былъ до вытѣсненія меня изъ онаго (т. е. испр. должность ординарнаго профессора). «Я спѣшилъ вамъ объявить объ этомъ первый, сказалъ князь. Вѣдь вы, конечно, не слыхали о томъ ни отъ кого?» прибавилъ онъ.

— «Да, но догадывался».

Послѣ сего разговоръ самъ собою коснулся моихъ отношеній къ бывшему министру просвѣщенія (графу Уварову) и его подручниковъ въ дѣлѣ Флетчера. Я разсказалъ ему всю исторію онаго.

Вечеромъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Иванъ Алексѣевичъ Дмитріевъ тоже извѣстилъ меня о моемъ опредѣленіи.

«Сейчасъ я получилъ (писалъ онъ) «Русскій Инвалидъ» отъ 15 декабря № 270, гдѣ напечатанъ высочайшій приказъ по гражданскому вѣдомству, отъ 4 декабря, въ коемъ сказано: «опредѣляется изъ отставныхъ надворный совѣтникъ Бодянскій — исправляющимъ должность ординарнаго профессора императорскаго московскаго университета. Поздравляю, вы опять нашего вѣдомства и мѣста».

Здѣсь ошибка. Еще въ прошломъ году я получилъ, по представленію министерства, чинъ коллежскаго совѣтника.

Вечеромъ, въ 7 часовъ, отправился я къ графу С. Г. Строга-

---

[1]) Помощникъ попечителя въ 1848—1850 гг. И. П.

нову [1]), съ вѣстію о перемѣнѣ въ моей судьбѣ, но нашелъ его уже извѣщеннаго о томъ кн. Щербатовымъ. Я благодарилъ его отъ души за неоставленіе меня во все время моей отставки и содѣйствіе его въ теперешней перемѣнѣ. Между разговоромъ услышалъ отъ него, что ректоромъ университета будетъ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, какъ и прежде онъ утверждалъ тоже. Также сказалъ онъ мнѣ, что и теперешняя 4 гимназія, переименованная только лѣтомъ изъ дворянскаго института (что прежде благородный университетскій пансіонъ), назначается для отдѣленія малолѣтнихъ кадетовъ, что въ домѣ Разумовскаго на Гороховомъ полѣ; въ замѣнъ же ей дается домъ дѣтской больницы, на Бронной, а она переводится въ домъ Разумовскаго.

— «Теперь вы можете явиться завтра по старому, среди своей братіи, на диспутъ Грановскаго», сказалъ графъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ я.

— «Почему же?»

— Во первыхъ, не имѣю права являться среди своей братія (т. е. какъ профессоръ), пока не получу офиціальнаго увѣдомленія о своемъ опредѣленіи отъ ректора университета; во вторыхъ, явившись, я обратилъ бы тѣмъ общее вниманіе на себя и могъ бы заставить подумать людей неблагомыслящихъ то, чего мнѣ и въ голову никогда не приходило, именно: о нетерпѣніи моемъ какъ можно поскорѣе надѣть на себя профессорскій фракъ; въ третьихъ, быть на преніи въ своемъ отдѣленіи и не принимать въ немъ участія, особенно преніи о томъ, когда четыре года назадъ я былъ на диспутѣ его на магистра однимъ изъ главныхъ его совопросниковъ. Вообще мое появленіе теперь могло бы подать поводъ многимъ къ естественному сближенію и сравненію нынѣшнаго диспута съ прежнимъ. Зачѣмъ шевелить костями къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ? Тутъ онъ перебралъ всѣ положенія (тезисы) диссертаціи и нашелъ, что одно лишь изъ нихъ, собственно, достойно имени положенія, кажется, то самое, въ которомъ говорится объ отношеніи общинъ во Франціи къ монархіи, и въ заключеніи признался, что теперь онъ лишь видитъ, что это профессоръ-декламаторъ, но не писатель; что чужое онъ очень умѣетъ передать въ приличномъ видѣ, въ формахъ привлекательныхъ и т. п., но самъ создавать, выражать созданное не въ состояніи и вообще показываетъ неумѣнье, неловкость обращаться съ перомъ. Я внутренно сочувствовалъ ему, зная это давнымъ давно.

---

[1]) Извѣстный попечитель московскій отъ 1835—47, съ которымъ связано цвѣтущее состояніе московскаго университета. Онъ былъ покровителемъ О. М. Бодянскаго. И. П.

Передъ выходомъ графъ показалъ мнѣ купленный имъ Могилинскій требникъ 164...[1]), въ листъ, прекрасно сохранившійся; за него онъ заплатилъ 50 руб. сер. и на вопросъ его: не дорого-ли? я сказалъ, что, не смотря на нынѣшнее мое положеніе, я готовъ за него дать вдвое. Тогда онъ признался, что за него просилъ продавецъ только 10, но что ему показалось это слишкомъ мало, а потому онъ далъ продавцу впятеро. Это истинно по вельможески и притомъ честно вельможески, подумалъ я въ себѣ.

Отъ него, на обратномъ пути домой, завернулъ я къ Сергѣю Павловичу Шипову (ген.-адъютанту, генералу отъ инфантеріи и сенатору) въ Хлѣбномъ переулкѣ, въ домѣ Забѣлина, чтобы тоже извѣстить о перемѣнѣ въ судьбѣ моей. Онъ и супруга его, графиня Комаровская, Анна Евграфовна, чрезвычайно обрадовались и поздравленіямъ не было конца. Оба они принимали во мнѣ самое живое участіе. Тутъ же случился только что пріѣхавшій изъ Казани братъ Шиповой графъ Комаровскій, съ женою. Онъ живетъ въ Казанской губерніи, въ своемъ помѣстьѣ, и служитъ по министерству народнаго просвѣщенія чѣмъ-то. Отъ него слышалъ я о казанской исторіи, составлявшей въ это время въ Москвѣ предметъ общаго разговора, т. е. какъ студенты казанскаго университета, въ церкви, по случаю вѣнчанія прежняго своего товарища, перессорились съ полиціей и передрались. Молва, было, говорила о нѣсколькихъ убійствахъ, что, при теперешнихъ перемѣнахъ по министерству народнаго просвѣщенія, имѣло бы самыя печальныя послѣдствія какъ собственно для казанскаго университета, такъ и вообще для всѣхъ прочихъ, но на дѣлѣ вышло, что изъ забіякъ одному оцарапана рожа, другому ухо и т. п.

19-го декабря. Въ три часа пополудни пришелъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ съ поздравленіемъ, завернувшій съ диспута Т. Н. Грановскаго [2]).—«Выходя изъ залы, сказалъ онъ, я узналъ эту пріятную новость отъ Ф. И. Буслаева и полетѣлъ къ вамъ».—

---

[1]) Мы видѣли этотъ требникъ; изданіе его, кажется, относится къ 1647 или 1648 годамъ.

[2]) Максимовичъ—профессоръ московскій, а затѣмъ первый ректоръ кіевскаго университета. Читалъ въ московскомъ университетѣ естественную исторію, а въ кіевскомъ—русскую литературу.

Его сочиненія по исторіи этнографіи изд. въ 3 больш. томахъ иждивеніемъ кіевскаго университета. Умеръ въ началѣ 1870-хъ годовъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на своемъ хуторѣ (Михайлова гора). И. П.

·А что же диспутъ?..—«Безконечный панегирикъ отъ возражателей, такъ что сдѣлалось со стороны приторно. Да иначе и быть не могло. Представьте, что деканъ (Шевыревъ) хотѣлъ было что-то замѣтить изъ недостатковъ диссертаціи, какъ вдругъ раздалась въ залѣ пальба хлопушками».—Что же возражатель?...—«Перемѣнилъ паруса, разумѣется. Говоритъ, что и у васъ что-то подобное было съ Грановскимъ на его преніи магистерскомъ».

Тутъ я разсказалъ эту исторію. Другіе хвалили этотъ диспутъ, но не безусловно, вообще же всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ заранѣе подготовленъ и состоялъ во взаимномъ восхваленіи. Этого и надобно было ожидать, потому что обязанными возражателями (назначенными деканами завременно) были его два ученика, С. М. Соловьевъ и П. Н. Кудрявцевъ, первый профессоръ русской исторіи, а второй—адъюнктъ докторанта. Кромѣ того, всѣ находили предметъ диссертаціи «Аббатъ Сугерій» [1]) слишкомъ частнымъ, мелочнымъ. Впрочемъ, говорятъ, что это заглавіе избрано было поневолѣ и что диссертація носила названіе «объ общинахъ (communes) во Франціи», но по распоряженію ректора (Перевощикова) измѣнено какъ имя, такъ и многое другое въ ней, отчего она и съузилась, обмелѣла. Я думаю, что богатаго содержаніемъ изслѣдованія ничто не можетъ довести до такой судьбы.

20-го декабря. Рано, лишь только разнесли будочники 276 № «Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей», въ которомъ былъ перепечатанъ приказъ о моемъ опредѣленіи въ университетъ, родители Новикова (Евгр. Петров.), моего ученика и недавняго магистра [2]) (Петръ Александровичъ, директоръ московской сохранной казны въ опекунскомъ совѣтѣ), и жена его, Варвара Ивановна, кн. Долгорукая, дочь писателя Ив. Михайловича, прислали человѣка съ поздравленіемъ, а вскорѣ и сынъ ихъ явился съ тѣмъ же, но не засталъ меня дома. Вечеромъ повторилъ свое посѣщеніе и сказалъ, что наканунѣ, въ день диспута Грановскаго, Григоровичъ (Вас. Ив.) сидѣлъ съ нимъ и былъ очень разсѣянъ и не въ духѣ.

Передъ обѣдомъ посѣтилъ Н. В. Сушковъ (д. с. с.) всегда, въ продолженіе послѣдняго особливо года, принимавшій въ моемъ положеніи самое горячее участіе. Я оказалъ ему услугу помѣщеніемъ его

---

[1]) Въ 1 т. его сочиненій и отдѣльно.

[2]) Его прекрасный трудъ „Гусъ и Лютеръ", къ сожалѣнію, нынѣ библ. рѣдкость, печатался сначала въ „Русск. Бесѣдѣ" 1856 г., а затѣмъ въ „Чтеніяхъ" 1858 № 4, 1859, №№ 1 и 2. Этотъ трудъ слѣдовало бы издать теперь вновь. И. П.

статьи «Воспоминанія о московскомъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ» въ 23 книгѣ «Чтеній» на 1848 годъ (послѣдней, въ смѣси), въ которыхъ много хорошаго, особливо подробностей о частной исторіи пансіона, извѣстнаго ему хорошо, какъ воспитаннику онаго. Знакомство же мое съ нимъ завязалось лѣтомъ того же года, на дачѣ на Башиловкѣ, у С. П. Шипова.

Вечеромъ явились два болгарина, Палаузовъ[1]) (Спир. Никол.) и Мутевъ, оба изъ Одессы. Первый, по окончаніи ученія въ гимназіи или лицеѣ одесскомъ, уѣхалъ за границу, слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ университетахъ и воротился докторомъ коммерческихъ наукъ. А какъ по новому положенію объ ученыхъ степеняхъ 1844 г. «иностранцы, въ томъ числѣ и получившіе дипломы на ученыя степени за границею, желая пріобрѣсти таковую въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, подвергаются испытанію сначала на степень кандидата, а потомъ на высшія, по общему для всѣхъ установленному порядку, то онъ, помнится въ 1845 г., слушалъ цѣлый годъ лекціи словеснаго отдѣленія и, при завершеніи курса, держалъ испытаніе на кандидата, которое званіе и получилъ не безъ труда. Это показываетъ, что̀ такое значатъ ученыя степени за границей и разница между ихъ и нашими; тамъ онѣ даются исключительно за деньги, а здѣсь почти исключительно берутся трудью.

Другой, Мутевъ, пріѣхалъ ровно годъ тому назадъ въ Москву по какому-то тяжебному дѣлу; онъ тоже учился за границей, въ одно время съ Палаузовымъ, и тѣмъ же самымъ наукамъ. Это человѣкъ очень скромный.

21-го декабря. Часа въ три пополудни навѣстилъ меня Николай Васильевъ Гоголь, пришедшій съ поздравленіемъ о побѣдѣ надъ супостаты.

— «Максимовичъ (М. А.) былъ у меня сейчасъ, сказалъ Гоголь, и сообщилъ мнѣ новость о васъ и я немедленно же очутился у васъ, чтобы васъ обнять и поздравить съ побѣдою. Конечно, можно и безъ университета жить, но безъ средствъ къ жизни что за жизнь? Вамъ же, для вашихъ прекрасныхъ предпріятій, болѣе другаго нужны средства».

Тутъ прямо разговоръ перешелъ къ сборнику малороссійскихъ пѣсенъ, который я по веснѣ показывалъ ему и который намѣревался

---

[1]) Воспоминанія о немъ въ „Русской Старинѣ“, 1872 г., VI, т. 471—473 († 14 августа 1872 г.).

помѣщать въ «Чтеніяхъ». Съ этою цѣлью начато было мною печатаніе «Галицкихъ народныхъ пѣсенъ» (червонорусскихъ), пріобрѣтенное отъ священника Галиціи (сначала на приходѣ, гдѣ-то въ Покутьѣ, а съ 1849 г. профессора русскаго языка въ львовскомъ университетѣ) Якова Өедоровича Головацкаго, отпечатано было не болѣе 2-хъ листовъ, какъ буря пріостановила и ихъ вмѣстѣ со многимъ другимъ. А чтобы помѣщеніе пѣсенъ въ изданіи Историческаго общества и притомъ пѣсенъ, хотя русскихъ, но не Руси Московской, не могло возбудить какихъ либо толковъ и пересудовъ, то я предпослалъ, прежде всего, собраніе пѣсенъ великорусскихъ, принадлежащее Петру Васильевичу Кирѣевскому,—собраніе чрезвычайно богатое и важное. На первый разъ помѣщены были въ 9 кн. 1848 г. такъ называемые «стихи», изъ коихъ до того не было извѣстно въ печати ни одного и о которыхъ отозвались съ большою похвалою самые неблагонамѣренные (?) русскіе журналы («Отеч. Записки» и «Современникъ»); вслѣдъ за первымъ опытомъ предполагалось помѣстить «Разнорѣчья» къ тѣмъ «Стихамъ», которыхъ набралось столько, какъ и самихъ «Стиховъ».

Этими двумя съ половиною листами и заканчивается 1849 годъ. Клочекъ въ восьмую долю листа, гдѣ не обозначенъ въ началѣ ни годъ, ни мѣсяцъ, но, судя по содержанію, относится къ слѣдующему году, такъ какъ Бодянскій описываетъ свое представленіе гр. Закревскому, тогдашнему московскому генералъ-губернатору, и благодаритъ его за участіе въ его службѣ. Здѣсь необходимо поясненіе. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1848 г., Бодянскій, за помѣщеніе въ „Чтеніяхъ“ Флетчера, былъ перемѣщенъ въ Казань на мѣсто Григоровича, который былъ переведенъ въ Москву, но Бодянскій не поѣхалъ и подалъ въ отставку. 22-го декабря 1849 г. вновь состоялось назначеніе его въ Москву (см. въ вышепоименованныхъ статьяхъ „Русской Старины“). Далѣе Б. упоминаетъ о диспутѣ Павлова[1]), который былъ, какъ извѣстно, въ 1850 году.

И. П.

II.

26-го января [1850 г.]. Представлялся ген.-губернатору гр. Закревскому, въ 2 ч. пополудни, Назимовъ [2]), попечитель, прежде, а за нимъ я.

— «Что угодно вамъ?»

— Обязанный столько милостивому участію въ судьбѣ моей, ваше сіятельство, я не хотѣлъ прежде взойти снова на свою каөедру, какъ

---

[1]) Павловъ, Платонъ Васильев., нынѣ вторично профессоръ кіевскаго университета, но не по русской исторіи, какъ прежде, а по исторіи и теоріи искусствъ.

[2]) Попечитель съ 1850—1854 гг.; былъ до этого поста начальникомъ штаба 6-го пѣх. корпуса. И. П.

явившись вашему сіятельству и принести мою безконечно глубокую признательность.

— «Покорно благодарю. Вы знаете, что я взялъ васъ на свою отвѣтственность. Будьте особенно осторожны въ словахъ. Что дѣлать? Таковъ вѣкъ. Нельзя же намъ желать всего того, что тамъ!.. Не правда ли?»

— Избави Богъ! отвѣтилъ я.

Февраля 4-го—8-го. Напрасно ѣздилъ къ попечителю по дѣлу съ Бантышъ-Каменскимъ. Свиданіе съ Строгановымъ и разговоръ съ нимъ объ этомъ, прерванный приходомъ генералъ-губернатора графа Закревскаго въ 3 ч. пополудни.

Марта 1-го. Переименованіе философскаго факультета въ историко-филологическій и физико-математическій. Диссертація на магистра Драшусова [1]).

Марта 7-го. Письмо отъ М. И. Ханенко о библіотекѣ В. В. Политики.

Марта 31-го. Диспутъ докторскій П. В. Павлова.

Апрѣля 5-го. Посѣщеніе моей лекціи попечителемъ и ректоромъ (послѣдній прежде былъ уже дважды когда я читалъ о скифахъ и о Птоолмеяхъ Сарматіи). Теперь на 2-й курсъ о Н. Булг. языкѣ. Вечеромъ отвезъ первому Сл. Народонас. съ картою, исторію Галиціи и о народной поэзіи, засталъ его въ халатѣ пьющимъ чай съ генераломъ Поливановымъ и офицеромъ (полковн.) Федоровымъ. Отъ чая отказался я, сказавъ, что, кромѣ воды, ничего не пью [2]). Разговоръ завелъ онъ самъ о диспутѣ Павлова и обѣщался представить министру о необходимости стенографически записывать и печатать всѣ диспуты, для прекращенія всякихъ ложныхъ толковъ и т. п.

Ректору же отвезъ, на другой день утромъ, «Славянское народонаселеніе», съ картою и о народной поэзіи славянскихъ племенъ, но не засталъ его уже дома.

6-го апрѣля. Строгановъ говоритъ, что по измѣнившемуся характеру диспутовъ университета особыми правилами нужно на публичномъ больше приводить безпутнаго (??) а потомъ выводить снова къ

---

[1]) Читалъ астрономію.

[2]) Бодянскій никогда ничего не пилъ, кромѣ воды; чай замѣнялся теплой водой съ смородиновымъ желе. И. П.

хорошему, а серьезный диспутъ и мелочи оставить для факультета. Получилъ отъ него первый экземпляръ изданнаго имъ описанія Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ. Слышалъ отъ него, что султанъ нынѣ сказалъ Донари (?), чтобы онъ не слишкомъ густо покрывалъ мусію въ Софійскомъ соборѣ; можетъ быть это пригодится одному изъ его наслѣдниковъ. Мое мнѣніе о необходимости сдѣлаться султану христіаниномъ и отказаться отъ турецкой народности.

2-го мая. У Шипова встрѣча съ княгиней Долгорукой, женой князя...., очень умной, довольно плотной женщиной. Разсказывала о дѣвушкѣ Карлъ Катеринѣ, какъ работаетъ за череднаго въ семьѣ своей (Нижегородской губерніи) и, свыкшись съ мужскимъ платьемъ, не разстается съ нимъ. Пришла въ Москву по пути къ Троицѣ. Грамотна и читаетъ послѣ обѣдни въ избушкѣ подлѣ церкви «Четьи Минеи» (одинъ томъ, подаренный ей отцомъ за ея услуги, купившимъ на Макаровѣ за 25 р. асс., а другой беретъ у сосѣдки въ другой деревнѣ на обмѣнъ своего) новоокрещеннымъ мордвинамъ, которые, по ея словамъ, охотнѣе слушаютъ Слово Божье самихъ русскихъ. «Отчего, спросила княгиня, простой народъ охотнѣе читаетъ Четьи Минеи, нежели Евангеліе?» Разсказъ ея же о томъ, что она въ Римѣ, отъѣзжая домой, просила священника русскаго при посольствѣ отслужить обѣдню и молебенъ и получила въ отвѣтъ, что довольно для нея и той обѣдни, что была въ воскресенье. Онъ же ей сказалъ, что одна дама русская просила его отслужить обѣдню во второй разъ въ день—знакъ, какъ мало знакомы съ обрядовой частью православія особы высшаго общества нашего.

III.

Далѣе не обозначенъ годъ, но въ дальнѣйшемъ изложеніи этихъ трехъ полныхъ листовъ помѣщенъ 1850, значитъ и эти сообщенія до помѣтки относятся къ этому году. **И. П.**

7-го мая. Въ полдень посѣтилъ меня Сергѣй Павловичъ Шиповъ (генералъ-отъ-инфантеріи), только что въ полночь воротившійся изъ своей деревни, зимою купленной, Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи (у Сабурова). Между прочимъ, разговаривая о своемъ хозяйствѣ и хозяйствѣ русскомъ, онъ сказалъ мнѣ, когда я завелъ рѣчь о богатствѣ малороссійской почвѣ и плохомъ сбытѣ хлѣба и прочихъ произведеній, отъ того—бѣдности помѣщиковъ и вообще поселянъ, что одинъ изъ знакомыхъ его великорусскихъ помѣщиковъ, переселив-

шись въ Харьковскую губернію, въ нѣсколько лѣтъ обогатился, принявшись разводить на благословенной почвѣ то, что могло имѣть сбытъ, а хлѣбъ почти оставившій, равно какъ и винокуреніе. Онъ человѣкъ не ученый, но начитанный и практическій. Первое дѣло, прибавилъ Сергѣй Павловичъ, хозяина узнать, что выгоднѣе всего производить въ его хозяйствѣ; потомъ изученіе этого производства; далѣе надсмотръ за нимъ, а прочее уже все приложится затѣмъ. Но малороссійскіе помѣщики почти всѣ ни о чемъ этомъ не заботятся.

9-го мая. Обѣдъ у С. Т. Аксакова. Появленіе мое изумило семейство его, сидѣвшее уже за обѣдомъ, потому что всѣ они не ждали меня къ себѣ, полагая, что и я отправился на обѣдъ къ Н. В. Гоголю по случаю его имянинъ (а родился онъ въ мартѣ), на каковой звалъ онъ всѣхъ, бывшихъ у него съ поздравленіемъ, именно въ садъ къ Погодину, и почти силой затащилъ съ собою К. и Гр. Т. Аксаковыхъ. Я сказалъ, что я не могъ быть тамъ уже потому одному, что никогда и никого не поздравляю ни съ чѣмъ нарочно; а если бы и видѣлся какъ съ имянинникомъ и получилъ приглашеніе, то не пошелъ бы никоимъ образомъ въ такое мѣсто. Въ разговорѣ послѣ обѣда о прежнихъ попечителяхъ московскаго университета С. Т. разсказалъ мнѣ одинъ случай, какъ А. А. Писаревъ [1]), выслушивая нѣсколькихъ профессоровъ, пришедшихъ къ нему съ жалобой другъ на друга, послѣ каждаго соглашался и находилъ, что, дѣйствительно, правъ, такъ что, выслушавши всѣхъ, вскричалъ невольно:

«Лучше во сто разъ командовать 5-ю, 6-ю полками, чѣмъ однимъ университетомъ. Тутъ каждый правъ, а виновнаго не найдешь никого».

11-го мая. Вездѣ то и дѣло, что ищутъ 55 № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ напечатано слѣдующее въ отдѣленіи 2 Прибавленій къ вѣдомостямъ (объявленія частныя):

«Я, нижезначущійся, имѣю честь извѣстить любителей егерской и псовой охоты, что я оставилъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ военную службу, занимаюсь теперь дрессированіемъ легавыхъ и выѣзныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, чѣмъ и сдѣлался извѣстнымъ, въ здѣшнемъ околодкѣ, почему многіе гг. охотники ввѣряли своихъ собакъ моему воспитанію, за самую умѣренную плату, и по окончаніи курса получали ихъ и остались ими вполнѣ довольными, особенно борзыми и гончими, ибо первые находились безъ своръ, не мечутся подъ гончихъ, а послѣднія гонятъ вѣрно, стойко и такъ позывисты, что мнѣ

---

[1]) Кураторъ московскаго университета въ 1825—1830 гг. И. П.

стоило только подать голосъ въ рогъ, какъ онѣ въ минуту явились ко мнѣ изъ дремучаго лѣса, за что я и получалъ отъ гг. охотниковъ письменныя благодарности. Сверхъ сего я обучаю людей подзывать волковъ и такъ вѣрно, что по отзыву этого звѣря могу утвердительно опредѣлить число ихъ стаи; а какъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ въ настоящее время показано много прибыли волковъ съ бѣлыми лапами, похищавшихъ преимущественно достояніе государственныхъ крестьянъ, которые хотя и сами воютъ также волкомъ, но не могутъ еще въ точности опредѣлить число кочующихъ стай, для чего нужно время; а потому я и предлагаю мое знаніе и услуги и покорнѣйше прошу ихъ адресовать въ Оренбургскую губернію, въ г. Мензелинскъ, гдѣ я имѣю мою корреспонденцію. Корнетъ Я. Атуевъ. См. стр. 508, столб. 2-й».

Говорятъ, что это иносказаніе: подъ волками разумѣть слѣдуетъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, обирающихъ въ Оренбургской и другихъ губерніяхъ государственныхъ крестьянъ. Оно, по нѣкоторымъ слухамъ, прислано изъ Елабуги по почтѣ въ контору университетской типографіи, а по надписи подано на почту крѣпостнымъ человѣкомъ Атуева, Кречетовымъ; пролежало у оберъ-полицеймейстера болѣе 2-хъ мѣсяцевъ и потомъ нежданно явилось въ печати. Судя потому, чтò оно такъ долго лежало у этого послѣдняго и что даже конвертъ сохранился въ конторѣ, вѣроятно, не безъизвѣстно было кой-кому о немъ, чтó оно и отъ кого. Корректоръ, читая его, поставилъ было NB, но все таки пропустилъ, не смѣя того сдѣлать съ цензурованнымъ оберъ-полицеймейстеромъ, хотя бы, однако, и могъ, и долженъ былъ показать свое сомнѣніе кому либо повыше себя въ конторѣ или редактору. Этотъ, завѣдуя оффиціальною частью «Московскихъ Вѣдомостей», не имѣетъ права вмѣшиваться въ неоффиціальную ихъ часть, которая вся на отвѣтственности оберъ-полицеймейстера, состоя изъ объявленій, изъ коихъ ни одно не имѣетъ быть напечатано безъ его просмотра и подписанія. Однако-же, и редакторъ, и корректоръ просидѣли подъ арестомъ (у себя дома) 3 дня, во избѣжаніе бóльшаго взысканія со стороны высшаго начальства. Въ Москвѣ въ этотъ же самый день разнесся слухъ объ этомъ объявленіи и, кажется, вдругъ заговорили во всѣхъ ея углахъ о немъ; по крайности я слышалъ отъ многихъ, часовъ черезъ 5, 6 по выдачѣ вѣдомостей и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, совершенно противоположныхъ концахъ города.

12-го мая. Наконецъ, я собрался къ Н. В. Гоголю. Вечеромъ въ часовъ 9 отправился къ нему, въ квартиру графа Толстаго, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызиной. У крыльца стояли

чьи-то дрожки. На вопросъ мой: «дома ли Гоголь?», лакей отвѣчалъ, запинаясь: «дома, но на верху у графа».—Потрудись сказать ему обо мнѣ. Черезъ минуту онъ воротился, прося зайти въ жилье Гоголя, внизу, въ первомъ этажѣ, направо, двѣ комнаты. Первая вся устлана зеленымъ ковромъ, съ двумя диванами по двумъ стѣнамъ (1-й отъ дверей налѣво, а 2-й за нимъ, по другой стѣнѣ); прямо печка съ топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты (или матеріи) въ рамкѣ; рядомъ дверь у самаго угла къ наружной стѣнѣ, ведущая въ другую комнату, кажется, спальню, судя по ширмамъ въ ней, на лѣвой рукѣ; въ комнатѣ, служащей пріемной, сейчасъ описанной, отъ наружной стѣны поставленъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, поперекъ входа къ слѣдующей комнатѣ (спальнѣ), а передъ первымъ диваномъ тоже такой же столъ. На обоихъ столахъ нѣсколько книгъ кучками одна на другой: тома два Христіанскаго Чтенія, Начертаніе церковной библейской исторіи, Бытъ русскаго народа, экземпляра два греко-латинскаго словаря (одинъ Гедериновъ), словарь церковно-русскаго языка, Библія въ большую 4-ку московской новой печати, подлѣ нея молитвословъ кіевской печати, первой четверти прошлаго вѣка; на второмъ столѣ (отъ внѣшней стѣны), между прочимъ, сочиненія Батюшкова въ изданіи Смирдина «русскихъ авторовъ», только что вышедшее, и проч. Минутъ черезъ пять пришелъ Гоголь, извиняясь, что замѣшкалъ.

— «Я сидѣлъ съ однимъ старымъ знакомымъ, сказалъ онъ, недавно пріѣхавшимъ, съ которымъ давно уже не видѣлся».

— Я васъ не задержу своимъ посѣщеніемъ.

— «О, нѣтъ, мы посидимъ, сколько угодно вамъ. Чѣмъ же васъ подчивать?»

— Рѣшительно ничѣмъ.

— «Чаемъ?...»

— Его я не пью никогда. Пожалуйста, не безпокойтесь ни мало: я не пью ничего, кромѣ воды.

— «А такъ позвольте же угостить васъ водицей содовой?...»

Тотчасъ лакей принесъ бутылку, которую и опорожнилъ въ не большой стаканъ.

Нѣсколько разъ собирался я къ вамъ, но все что нибудь удерживало. Сегодня, на конецъ, улучилъ досугъ и завернулъ къ вамъ, полагая, что если и не застану васъ, то оставлю вамъ билетецъ, чтобы знали вы, что я былъ таки въ вашей обители.

— «Да подхватилъ онъ, чтобы знали, что я былъ у васъ. Сегодня слуга мой говоритъ мнѣ, что ко мнѣ, около обѣденной поры, какая-то старушка заходила и три раза просила передать мнѣ, что вотъ она у

меня была; а теперь я слышу, что она уже покойница. «Да скажи же Н. В., пожалуйста, скажи, что была у него; была нарочно повидаться съ нимъ. Вѣроятно, бѣдненькая, уставши отъ ходьбы, изнемогла подъ бременемъ лѣтъ, воротившись въ свою свѣтелку, кажется, на 3 этажѣ».

Разговаривая далѣе, рѣчь коснулась литературы русской, а тутъ и того обстоятельства, которое препятствуетъ на Москвѣ имѣть свой журналъ; «Москвитянина» давно уже никто не считаетъ журналомъ, а нѣчто особеннымъ. «Хорошо бы вамъ взяться за журналъ: вы и опытны въ этомъ дѣлѣ, да и имѣете богатый запасъ отъ «Чтеній»— книжекъ на 11—12 впередъ; только для того нужно, прежде всего, къ тому, что у меня, кое-что, безъ чего никакой журналъ не можетъ быть».

— Понимаю,—капиталъ.

— «Года на три впередъ, чтобы дѣйствовать навѣрное».

— Конечно, но тогда успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію.

— «Вы бы собрали вокругъ себя снова дѣлателей?»

— Думаю Кто за деньги не станетъ работать, если работали у меня и безъ денегъ? Увѣренъ, все пишущее нынѣ въ Петербургѣ писало бы мнѣ, исключая развѣ 2—3 неизмѣнныхъ копій питерскихъ предпринимателей. Особливо это вѣроятно тогда, когда бы плата превышала петербургскую заработку; много, значитъ, получить ее на мѣстѣ, непосредственно, спустя недѣлю, двѣ послѣ набора статьи, нежели ждать, пока выйдетъ въ Питерѣ книжка, а тамъ когда-то приказано будетъ уплатить коммиссіонеру причитающееся поставщику».

— Для бо̀льшаго успѣха отечественнаго нужно, чтобы въ журналѣ было какъ можно больше своего, особенно матерьяловъ для исторіи, древностей и т. п., какъ это въ вашихъ «Чтеніяхъ». Еще больше. Это были бы тѣ-же «Чтенія» только съ прибавкой одного отдѣла, именно «Изящная Словесность», который можно было бы поставить спереди или сзади и въ которомъ бы помѣщалось одно лишь замѣчательное, особенно по части иностранной литературы (за неимѣніемъ современнаго и старое шло бы). И притомъ такъ, чтобы избѣгать, какъ можно, нѣмецкаго педантства въ подраздѣленіяхъ. Чѣмъ объемистѣе какой отдѣлъ, тѣмъ свободнѣе издатель, избавленный отъ кропотливыхъ заботъ отыскивать статьи для наполненія клѣтокъ своего журнала, изъ коихъ многія никогда бы безъ того не были напечатаны».

— Разумѣется.

Передъ отходомъ спросилъ я, гдѣ онъ хочетъ провести лѣто?...

— Мнѣ хотѣлось бы пробраться въ Малороссію свою, потомъ на осень воротиться къ вамъ, зиму провести гдѣ-либо потеплѣе, а на весну снова къ вамъ.

— «Что же вамъ худо было у насъ этой зимой?...»

— И очень. Я зябъ страшно, хотя первый годъ чувствовалъ себя очень хорошо.

— «По мнѣ, если не хотите выѣзжать за границу, лучше всего въ Крыму».

— Правда, и я собираюсь попытаться это сдѣлать въ слѣдующую зиму.

— «Но и тамъ скучно. Говорятъ, что на южномъ берегу съ недавняго времени стали многіе проводить зиму».

— За границу мнѣ бы не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что тамъ нѣтъ уже тѣхъ людей, къ которымъ я привыкъ, всѣ они разбѣжались.

— «Но если придется вамъ непремѣнно ѣхать туда, разумѣется снова въ Римъ».

— Нѣтъ, тамъ въ послѣднее время было для меня уже холодновато, скорѣе всего въ Неаполь; въ немъ проводилъ бы я зиму, а на лѣто, попрежнему, убирался бы куда нибудь на сѣверъ, на воды или къ морю. Купанье морское мнѣ очень хорошо.

Прощаясь, онъ спросилъ меня, буду ли я на вареникахъ? «Если что либо не помѣшаетъ». Подъ варениками разумѣется обѣдъ у С. Тим. Аксакова, по воскресеньямъ, гдѣ непремѣннымъ блюдомъ были всегда вареники для трехъ хохловъ: Гоголя, М. А. Максимовича и меня, а послѣ обѣда, спустя часъ, другой, пѣсни малороссійскія подъ фортепьяно, распѣваемыя второю дочерью хозяина, Надеждою Сергѣевною, голосъ которой очень мелодическій. Обыкновенно при этомъ Максимовичъ подпѣвалъ. Пѣсни пѣлись по «голосамъ малороссійскихъ пѣсенъ», изданныхъ Максимовичемъ, и кой-какимъ другимъ сборникамъ (Вацлава изъ Олеска, гдѣ голоса на фортепьяно положены извѣстнымъ музыкантомъ Липинскимъ), принесеннымъ мною.

Почти выходя, Гоголь сказалъ, что нынѣ какъ-то разучиваются читать; что рѣдко можно найти человѣка, который бы не боялся толстыхъ томовъ какого нибудь дѣльнаго сочиненія; больше всего теперь у насъ развелось щелкоперовъ—слово, кажется, любимое имъ и часто употребляемое въ подобныхъ случаяхъ.

15-го декабря. Слышалъ, что къ кн. С. М. Голицыну [1]) при-

---

[1]) С. М. Голицынъ, магнатъ, д. т. совѣтникъ, предсѣдатель опекунскаго совѣта, попечителемъ въ 1830—1835 гг. И. П.

шелъ какой-то дворянинъ на первый день Святой, прося доложить, что онъ пришелъ съ письмомъ отъ Зыкова. Тотъ раскричался на такую дерзость и приказалъ отослать его въ оберъ-полиціймейстеру, что и было сдѣлано. Просидѣвши подъ стражей два дня, на третій онъ былъ допрошенъ начальникомъ полиціи и открылось, что податель письма былъ помѣщикъ какой-то, московскаго уѣзда (старичекъ), котораго просилъ его сосѣдъ, такой-же помѣщикъ, вручить лично письмо къ кн. Голицыну по какому-то дѣлу и что фамилія его была одна и та-же съ извѣстнымъ въ послѣднее время убійцею Зыковымъ-а можетъ быть, даже и родственникомъ, но только вовсе не въ защиту убійцы.

Вечеромъ зашелъ Николай Васильевичъ Закревскій, малороссіянинъ, изъ Кіева, учившійся въ дерптскомъ университетѣ, а потомъ служившій нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Ригѣ русскаго языка, гдѣ и женился на нѣмкѣ. Послѣ переѣхалъ въ Москву и получилъ мѣсто старшаго наставника въ пансіонѣ при рязанской гимназіи, съ обѣщаніемъ вслѣдъ затѣмъ и мѣста учительскаго, но смерть попечителя московскаго университета Д. П. Голохвастова [1]), доставившаго ему это мѣсто, не допустила его до осуществленія втораго. Находясь среди людей не русскаго происхожденія: директора-нѣмца, окружившаго себя преимущественно своими соотчичами и поляками, тоже какъ-то туда насланными, онъ принужденъ былъ подать въ отставку послѣ 8-ми мѣсяцевъ службы. Когда онъ однажды просилъ директора представить его къ должности учителя, тотъ отвѣтилъ ему вопросомъ:

— Какъ вы хотите, чтобы я васъ представилъ къ этому мѣсту, когда столько нѣмцевъ безъ мѣста.

Единственные русскіе въ этомъ посадѣ нѣмецкомъ были: онъ, инспекторъ Егоровъ и еще кто-то третій; но два первые вышли, а послѣдній на выходѣ; инспектора до того тѣснили, что онъ самъ перепросился въ другую гимназію (кажется, тверскую).

16-го декабря. Еще наканунѣ приглашали меня Шиповы къ себѣ на вечеръ для знакомства съ Семеновымъ, бывшимъ гражданскимъ губернаторомъ сперва въ Вильнѣ, потомъ въ Москвѣ, а теперь пріѣхавшимъ въ Москву для засѣданія въ сенатѣ, какъ сенаторъ. 14-лѣтнее пребываніе его въ Бѣлоруссіи ознаменовано имъ и для пользы отечественной исторіи: онъ издалъ въ 1842 году томъ актовъ городовъ: Вильны, Ковно, Трокъ и др., а въ 1848 году акты

---

[1]) Попечителемъ былъ въ 1847—1849 гг. И. П.

губерніи Минской. Такимъ образомъ, съ актами губерніи Могилевской, изданными протоіереемъ Григоровичемъ, по порученіи канцлера Румянцева въ такъ названномъ бѣлорусскомъ архивѣ, всѣ губерніи бѣлорусскія, за исключеніемъ Городенской (Гродненской), имѣютъ уже свои оффиціальные акты обнародованными, а слѣдовательно—первое основаніе для вѣрной исторіи. Я спросилъ, почему же тамошній губернаторъ (Ховенъ) не сдѣлаетъ этого?

— Потому же, отвѣтилъ Семеновъ, почему до меня не дѣлали того мои предшественники.

Долго разговаривали мы о тамошнемъ краѣ и я, между прочимъ, узналъ отъ него слѣдующее: «князь Сапѣга, старикъ, не разъ наединѣ мнѣ (Семенову) признавался, что только съ управленія Чарторижскаго въ званіи попечителя виленскаго университета, основаннаго по его мысли, тамошнее низшее дворянство стало сильно ополячиваться, а до того оно почти совершенно было незнакомо съ польскимъ языкомъ, литературою и т. п., говоря всегда своимъ народнымъ языкомъ».

21-го декабря. Обѣдалъ у именинника К. С. Аксакова съ Гоголемъ, Максимовичемъ (М. А.), Хомяковымъ, Свербеевымъ и еще два какіе-то неизвѣстные мнѣ, да родные именинника. Отецъ, простудившись дня за три, не былъ за столомъ, но къ нему послѣ обѣда всѣ мы ходили одинъ за другимъ. А. С. разсказалъ анекдотъ (самимъ имъ выдуманный, но выданный за слышанный или вычитанный) на вечерѣ у графини Апраксиной, въ присутствіи графа С. Г. Строганова, о томъ, что на какомъ-то островѣ велось испоконъ, кто вступалъ на престолъ царскій—съѣсть непремѣнно человѣка. Когда спросили разъ вступившаго только что на престолъ царя, каково нравится ему это кушанье и что за причина такого страннаго вкуса, отвѣчалъ:

— Оно вовсе мнѣ не по нутру, но видите, такъ ведется-де, изстари.

Графъ и графиня поняли намекъ и съ тѣхъ поръ не жаловали анекдотиста, который прибавилъ:

— И правду сказать, есть за что. Я никогда не могъ ужиться съ аристократами, никогда не покланялся имъ.

— За то, конечно, подхватилъ Свербеевъ, готовъ валяться въ ногахъ черни.

Общій смѣхъ удовольствія разразился со всѣхъ сторонъ, даже самъ разскащикъ видимо былъ доволенъ этимъ.

Свербеевъ назвалъ Петра Яковлевича Чаадаева воплощеннымъ себялюбіемъ, который готовъ сказать, слыша о генералѣ Лидерсѣ,

что онъ проѣздомъ въ Москвѣ: «что это Лидерсъ не завернулъ ко мнѣ? Странно!»

Генералъ Плещеевъ, слѣпой исполнитель предписаній начальства, но внѣ того своими сужденіями о томъ и другомъ выводитъ хоть кого изъ терпѣнія.

— Зачѣмъ ты это такъ дѣлаешь? спросилъ его знакомый.

— Затѣмъ, что въ службѣ не разсуждаютъ, а только исполняютъ а внѣ ея наоборотъ.

Воротившись изъ отпуска, въ которомъ пробылъ лишній цѣлый годъ, вмѣсто 3-хъ мѣсяцевъ, на вопросъ о причинѣ того великаго князя Мих. Пав.: «Училъ актеровъ ярославскихъ дѣйствіямъ царей». То есть, замѣтивши, что ярославскіе актеры плохо играютъ роли царскія, онъ вздумалъ ихъ поучить и проучилъ цѣлый годъ. Въ характерѣ этого человѣка замѣчательна еще та особенность, что при немъ нельзя ничего похвалить изъ его вещей—тотчасъ же на другой день, даже скорѣе, пришлетъ ее хвалившему, и готовъ разсердиться и побраниться, если тотъ не приметъ оной. Подобный же чудакъ былъ и князь Циціановъ.

— Какая у васъ, князь, отличная пара лошадей.

— А что, хороша? Вѣдь это изъ моего завода!

— А что она стоитъ?

— Пара 200 р. ассигн.

— Чувствительно, какъ дешево!

— Не угодно ли взять за эту цѣну?

И пара пошла за 200 р. ассигн., между тѣмъ какъ онъ купилъ самъ за двѣ и болѣе тысячи рублей, потому что у него и въ поминѣ не было завода. То-же самое онъ дѣлалъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

— Не понимаю, какъ можно быть въ наше время національнымъ?.. сказалъ, между прочимъ, Свербеевъ.

— А я такъ не понимаю, какъ можно не быть въ наше время не національнымъ, возразилъ я ему.

25-го декабря. Послѣ обѣда у Елисаветы Алексѣевны Долгоруковой, въ четвергъ (обыкновенный день въ недѣлю), она предложила мнѣ разсмотрѣть свой альбомъ. Въ немъ нашелъ я множество знаменитостей, русскихъ: Пушкина — записка къ барону Розену на лоскуткѣ, о Борисѣ Годуновѣ что-то и А ..... Розена; Марлинскаго письмо къ брату своему (Полю) 1836 г. съ Кавказа, о всякой всячинѣ и, между прочимъ, недоумѣніе о невысылкѣ денегъ Ксенофонтомъ Полевымъ ему; Лермонтова—неизвѣстное стихотвореніе, въ кото-

ромъ 4 стиха очень понравились мнѣ; оно писано неразборчивымъ почеркомъ на простой бумагѣ (полулистъ, коего одна сторона испачкана всякаго рода очерками людей, животныхъ и другихъ предметовъ — обыкновеніе-де Лермонтова); Н. Полеваго, М. Максимовича, Хвостова, Крылова (два, три стиха совершенно неразборчивые), Подолинскаго, Карлгофа (перваго мужа хозяйки) и др. Тутъ же предлинное прозаическое извѣстіе Ѳ. Чижова о другѣ его Печеринѣ, съ пріобщеніемъ стиховъ и послѣдняго письма его къ Чижову; письмо на французскомъ. Изъ иностранцевъ: Меццофанти—4 стиха на русскомъ, которые и списалъ я для себя, какъ рѣдкость; Кине, Гакстгаузена и др., и изъ соплеменниковъ: Мицкевича, Шафарика, Ганки и Вука Караджича, кои тоже списалъ я. Разспрашивая о Мицкевичѣ, узналъ, что онъ чрезвычайно какъ любитъ русскихъ (народъ), говоритъ хорошо самъ и жена его, довольно красивая полька, урожденная Шимановская, по русски съ русскими, презирая объясняться съ ними на иностранномъ языкѣ. «Давайте, будемъ говорить по русски, сказала она намъ при первомъ же свиданіи, прибавила мнѣ Елисавета Алексѣевна. Стыдно русскимъ, особенно высшаго сословія, что они до сю пору больше говорятъ межъ собою по французски». Въ это время (1848 г., въ послѣднее мое пребываніе со вторымъ мужемъ во Франціи) его не было въ Парижѣ; онъ уѣхалъ еще до вспышки 24 февраля въ Италію подъ благословеніе папы. И въ его отсутствіе около жены его увивался какой-то молодой французикъ. Дѣтей у него, кажется, 6—7 человѣкъ. Я ему, повидимому, очень понравился, судя по желанію его имѣть съ меня портретъ.

27-го мая (годъ?) Испытаніе 4-го года студентовъ (выпускныхъ) по моему предмету. Въ срединѣ пришелъ попечитель университета генералъ-адъютантъ Назимовъ, въ сопровожденіи ректора, инспектора и т. п. Отвѣтами студентовъ остался очень доволенъ; замѣтилъ благозвучность языка сербскаго и сказалъ мнѣ, что онъ желалъ бы, чтобы всѣ студенты говорили даже на славянскихъ нарѣчіяхъ, что нетрудно, для того нужно бы только читать имъ на этихъ нарѣчіяхъ лекціи. «Дѣйствительно такъ, подхватилъ я, но читать пришлось бы такимъ образомъ на 10—12 нарѣчіяхъ».

28-го мая. Будучи у М. А. Максимовича, узналъ отъ него, что онъ гдѣ-то видѣлъ въ Малороссіи (кажется, въ Кіевѣ) требованіе изъ Петербурга, въ царствованіе Анны Іоанновны, о высылкѣ изъ кіевской академіи въ придворные пѣвчіе студентовъ съ голосами и умѣющихъ играть изрядно на скрыпицѣ и т. п. Начальство первому

требованію удовлетворило охотно; но вторымъ обидѣлось и отвѣчало отрицательно, что таковыхъ людей у нихъ не имѣется. Въ числѣ отправленныхъ былъ какой-то Бодянскій. Онъ же сообщилъ мнѣ, что Ириней Фальковскій, будучи епископомъ смоленскимъ, во все время осады французами города молился въ облаченіи, въ церкви, и не хотѣлъ никоимъ образомъ оставить ее. Но когда бомба попала въ куполъ церкви, тогда приближенные насильно его увели изъ нея.

Послѣ обѣда у Аксакова М. А. Максимовичъ разсказывалъ, какъ Кюхельбекеръ стрѣлялся съ Пушкинымъ (А. С.) и какъ въ промахнувшагося послѣдній не захотѣлъ стрѣлять, но съ словомъ:

— «Полно дурачиться, милый; пойдемъ пить чай»; подалъ ему руку и ушли домой. Вообще Кюхельбекеръ былъ очень взбалмошный. Будучи за границей, онъ читалъ лекціи въ Парижѣ и послѣ второй высланъ въ Россію. Императоръ Александръ хотѣлъ его куда-то услать, но Ермоловъ испросилъ его себѣ. Государь долго не соглашался, но, наконецъ, послалъ Кюхельбекера на Кавказъ, приказавъ написать, что Ермоловъ недолго съ нимъ уживется. И точно, не прошло двухъ, трехъ мѣсяцевъ, какъ Ермоловъ принужденъ былъ выслать его за драки и поединки; но, высылая, приказалъ дать ему кошелекъ съ червонцами на дорогу, который получилъ тотъ на первой станціи. Узнавши отъ кого, онъ не принялъ золота. Въ «Мнемозинѣ», изданной имъ съ кн. Вл. Ф. Одоевскимъ, есть стихи его противъ Ермолова отъ имени поэта, хотя и безъ надписи на кого.

Александръ Николаевичъ Поповъ [1]), пріѣхавшій изъ Петербурга, говоритъ, что, по его совѣту, гр. Блудовъ вытребовалъ изъ синодальной библіотеки московской (или-же изъ Успенскаго собора) запечатанную рукопись армянина Мартына о раскольникахъ, на которую многіе изъ противниковъ ихъ ссылались, въ подтвержденіе того, что онъ былъ начальнымъ виновникомъ раскола на Руси. Снявши печать, увидѣли, что она—сочиненіе Ѳеофана Прокоповича. Подлогъ!...

Прочитавъ 1-ю часть «Дворцовыхъ разрядовъ», изданныхъ при первомъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, по распоряженію графа Блудова, а подъ смотрѣніемъ и по мысли къ тому А. Н. Попова, государь сказалъ Блудову:

— «Ну, насилу одолѣлъ. Скучно сначала, а, впрочемъ, очень любопытно».

---

[1]) Ученый, магистръ, воспит. московск. университета. Скончался въ 1877 году. Много помѣщ. статей по исторіи, праву въ разныхъ журналахъ. См. его некрологъ въ Ж. Мин. Нар. Просвѣщенія 1877, № 12, и „Русс. Старина" 1882 г., т. XXXIV. И. П.

Блудовъ, стоя за университеты, какъ предсѣдатель комитета о нихъ и вообще о преобразованіи училищъ, откладывалъ подъ разными предлогами работы онаго, прибѣгая даже къ мнимой болѣзни. Когда же первая горячка противъ университетовъ прошла, онъ нашелъ многихъ изъ членовъ одинаковаго мнѣнія съ собою. Одинъ только министръ народнаго просвѣщенія стоялъ на прежнемъ, говоря: «Зачѣмъ же то моего мнѣнія объ этомъ не спросились?..»—Я думаю, отвѣчалъ Блудовъ, что въ вашемъ мнѣніи нельзя и сомнѣваться. —«О нѣтъ, я совершенно противнаго. Число 300 должно остаться отнынѣ навсегда правиломъ для студентовъ университета» (т. е. что въ университетѣ, по факультетамъ, кромѣ медицинскаго, въ какой поступаютъ безъ счету, должно быть не болѣе 300 человѣкъ, по сто на факультетъ). Видя сопротивленіе оттуда, гдѣ менѣе всего можно было ожидать, предсѣдатель комитета опять прибѣгъ къ своей методѣ—выждать время, и отложилъ вопросъ объ университетахъ на дальнѣйшее время, болѣе благопріятное.

29-го—31-го мая (годъ?). Явился съ письмомъ отъ Н. И. Надеждина изъ Петербурга Николай Ефимовичъ Мухинъ, назначенный генеральнымъ консуломъ въ Адріанополь. Родившись въ Москвѣ (кажется) онъ, однако-же, провелъ дѣтство въ Витебской губерніи съ отцомъ своимъ, а послѣ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ и потомъ въ институтѣ восточныхъ языковъ; путешествовалъ по Востоку и въ послѣднее время былъ три года при посланникѣ нашемъ князѣ Долгоруковѣ въ Персіи. Я показалъ ему Кремль (слазивши и на Ивана Великаго) и вокругъ Кремля (Китай-городъ и т. п.). Восхищенію его не было конца Москвою. Въ путь наградилъ его брошюрами своими и чужими изъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» по части славянства, а также и доставивши карту Шафарикову славянскихъ земель, изслѣдованіе свое о народной поэзіи славянскихъ племенъ и т. п., и указавши на другія книги по этому предмету, которыми онъ отчасти и занялся еще здѣсь.

— «Въ путешествіе свое по Египту я встрѣтилъ, говорилъ онъ мнѣ, одного молодаго араба, шейха въ Каирѣ, отличнаго знатока своего языка, и предложилъ ему отправиться въ Россію въ званіи учителя, на что онъ и согласился. Правительство наше легко дало свое на то позволеніе и теперь онъ въ Петербургѣ профессорствуетъ. Впрочемъ, это не вдругъ случилось и мой арабъ имѣлъ довольно времени выбрать себѣ подругу изъ купленныхъ невольницъ своего племени, отправилъ ее въ Парижъ, образовалъ тамъ оную и потомъ женился на ней».

Черезъ три дня Н. Е. Мухинъ отправился изъ Москвы прямо въ Одессу, а оттуда въ Мехадію на пароходѣ, для леченія на воды, гдѣ думаетъ сойтись съ Халчинскимъ (малороссомъ Харьковской губеніи), генеральнымъ консуломъ въ Валахіи. Онъ самъ вызвался на разныя услуги изъ земель славянскихъ, а я предложилъ ему, съ своей стороны, то же касательно рекомендаціи въ заграничныя славянскія земли въ Австріи и Пруссіи, а также и въ Сербіи, для чего и далъ ему нѣсколько своихъ билетовъ. На другой день узналъ отъ С. М. Соловьева, что онъ ему родичъ.

О. М. Бодянскій.

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Письма Нестора Вас. Кукольника къ потомкамъ

1863 г.

Весною 1834 года великимъ постомъ отправился я въ первый разъ въ Москву вмѣстѣ съ В. А. и А. М. Каратыгиными для постановки на тамошней сценѣ драмъ моихъ: Князь Скопинъ Шуйскій и Роксолана. Физіономія первопрестольной бѣлокаменной Москвы понравилась мнѣ до-нельзя; остановился я въ какой-то гостинницѣ, прозванной совершенно несправедливо „Германіей", потому что ни столъ, ни посуда, ни домашнія насѣкомыя не представляли съ нѣмецкой ни малѣйшаго сходства, такъ что черезъ два—три дня я долженъ былъ изъ „Германіи" бѣжать въ „Англію" и поселиться въ „Лондонѣ".

Клика, лига, партія, какъ угодно назовите, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ преимущественно свирѣпствовали въ театральномъ мірѣ. Пріѣздъ петербургскихъ гостей наполнялъ театры зрителями, что называется, биткомъ, но между драматическими артистами возбуждалъ видимое неудовольствіе, досаду. Съ молодымъ же авторомъ, наоборотъ, всѣ артисты были весьма любезны, привѣтливы, откровенны и во главѣ ихъ М. С. Щепкинъ. Мы познакомились на сценѣ. Я и теперь плохо исполняю всѣ притязанія такъ называемыхъ приличій, а тогда о нихъ ничего и не зналъ, и не помнилъ. По молодости вѣрилъ въ чистоту искусства, и à priori, и à posteriori ни у кого изъ артистовъ не былъ съ визитомъ; и теперь, удивляюсь, какъ это нарушеніе законовъ общежитія не подвергло меня непріятнымъ послѣдствіямъ; напротивъ, артисты прилежно посѣщали меня въ „Лондонѣ", а М. С. Щепкинъ, руководствовавшій тогда московской

театральной школой, по пути на службу, буквально каждый день заходилъ ко мнѣ часовъ въ 8 утра и оставался до тѣхъ поръ, пока не наступало время идти въ школу. Само собою разумѣется, что разговоръ вертѣлся около одной и той же точки: театръ, театръ и театръ. Я съ любопытствомъ выслушивалъ довольно длинные разсказы Щепкина про московскихъ драматическихъ философовъ, которые доходили истинно до смѣшнаго въ припадкахъ своего педантическаго энтузіазма, такъ, напримѣръ, на репетиціи „Шекспировскаго Шейлока“ приносили гипсовые слѣпки со статуй Апполона Бельведерскаго и Венеры Медицейской, для того, чтобы научить московскихъ актеровъ и актрисъ граціи тѣлодвиженій. Не разъ опаздывалъ Щепкинъ въ школу, увлекаясь разсказами, а одинъ разъ и совсѣмъ туда не попалъ по милости новой теоріи драматическаго искусства. Я высказалъ ему робко, нерѣшительно, мысль мою о томъ, что драматическое искусство просто обезьяна, но въ головѣ у этой обезьяны сидитъ мозгъ самостоятельнаго философа критической школы. Очевидно, что это искусство чисто практическое, но, какъ всякій языкъ, можетъ и должно имѣть свою грамматику. Онъ чрезвычайно былъ доволенъ этой грамматикой, разсказалъ свою; въ принципахъ мы были совершенно тождественны, въ подробностяхъ рознились. Моя грамматика заключалась въ слѣдующемъ: нація,—чинъ, званіе, положеніе въ обществѣ,—степень образованности даннаго персонажа, — возрастъ, — исключенія; казалось бы, коротенькая грамматика, вся не долга. М. С. нѣсколько дней сряду убѣждалъ меня положить всю эту грамматику на бумагу; обѣщалъ каждую статью тщательно пересмотрѣть и украсить своими замѣчаніями; какъ ни соблазнителенъ былъ такой лестный вызовъ истинно великаго артиста, но я по скромности, по застѣнчивости, можетъ быть и по лѣности, не могъ рѣшиться дать слово; съ тѣмъ изъ Москвы и уѣхалъ....

Черезъ годъ или два послѣ того М. С. Щепкинъ посѣтилъ Петербургъ; у меня тогда собирались по середамъ художники всѣхъ оружій и всѣхъ цвѣтовъ. Какъ теперь помню, случилось такъ, что въ среду, когда былъ у меня Щепкинъ, подготовлено было исполненіе послѣдняго квартета Бетховена. Играли Липинскій, Семеновъ, Шмидекампфъ и Кнехтъ. Съиграли недурно, особенно для тѣхъ, которые никогда не слышали этого мудре-

наго и затѣйливаго квартета. Всѣ восхищались, разумѣется, въ томъ числѣ и московскій гость мой. Но мнѣ показалось, что восхищеніе его было неискренно. Я обратилъ на это вниманіе потому только, что, правду сказать, и мнѣ этотъ квартетъ показался страннымъ и неудовлетворительнымъ.

— „Отъ музыка!... сказалъ М. С., подходя ко мнѣ, послѣ окончанія піесы: „Что-то славянское слышно въ этихъ звукахъ...“

— Именно, отвѣчалъ я. Вы угадали. Бетховенъ хотѣлъ выразить въ этомъ квартетѣ нашествіе монголовъ на славянскія племена...

Многіе разсмѣялись. Глинка обидѣлся и, желая переубѣдить меня, завелъ интригу. Когда малознакомые разъѣхались, остались только les habitués, послѣ ужина квартетъ былъ съигранъ вторично. М. С. Щепкинъ былъ въ числѣ слушателей; что же вышло — мнѣ квартетъ не только понравился, но привелъ въ восхищеніе, а М. С. наоборотъ.

— „Правда, правда“, сказалъ онъ, много шума, мыслей мало; чувства ни капли!“

Подите! Что съ нами иногда дѣлается въ одинъ и тотъ же день. Я разсказываю это не въ упрекъ вкусу М. С. Щепкина, но какъ психологическій фактъ, какъ доказательство, что наши мнѣнія иногда мѣняются отъ вліянія рѣшительно постороннихъ причинъ: можетъ быть, рябчикъ или салатъ пришлись не по вкусу, а виноватъ Бетховенъ. Также точно и со мной; можетъ быть, множество гостей тяготило меня, я былъ озабоченъ обязанностями хозяина, опасеніемъ, чтобы гдѣ нибудь въ углу не произошло враждебнаго столкновенія между супротивными литературными или другихъ искусствъ личностями, тѣмъ болѣе, что эта среда, по особенной многочисленности гостей, занимала два этажа: мою тѣсную квартиру и просторное, нарядное помѣщеніе А. А. Плюшара въ бывшемъ домѣ его въ Фонарномъ переулкѣ.... Хозяинъ былъ въ хлопотахъ, а Бетховенъ виноватъ. Но когда эти заботы и хлопоты исчезли, кружокъ друзей стѣснился, тогда вниманіе стало свободно, покойно и безпристрастно. На другой день на репетиціи въ театрѣ, который для меня то-же, что для рьянаго чиновника департаментъ, я сообщилъ М. С. вчерашній фактъ и замѣтилъ, что то-же самое случается и съ театральными нашими критиками, когда они становятся судьями

не въ своемъ дѣлѣ, котораго на бѣду они никогда, какъ слѣдуетъ, изучать не благоизволили. Если говорить правду, такъ у насъ во всемъ въ Россіи судятъ и рядятъ не спеціалисты, а дилетанты, аматеры, поющіе по слуху, пишущіе такъ себѣ для какой нибудь, только не литературной, цѣли. Первый періодъ моего знакомства съ М. С. Щепкинымъ тѣмъ и кончился.

Неудача съ „Холмскимъ“ и служба оторвали меня отъ театра, а какъ вся служба моя требовала продолжительныхъ переѣздовъ по всей Россіи, то приходилось ежегодно посѣщать Москву не менѣе двухъ разъ; сдѣлавшись чиновникомъ, я со страха, что-ли, сталъ болѣе внимателенъ и къ общественнымъ приличіямъ, и какъ ни далеко жилъ въ Москвѣ М. С., всякій разъ являлся къ нему съ поклономъ, всякій разъ не удивлялся, но любовался его превосходнымъ сердцемъ, потому что всякій разъ въ домѣ его видѣлъ новыхъ молодыхъ людей, которымъ помогалъ словомъ и дѣломъ знаменитый комикъ.

— „Скажите, пожалуйста“, однажды спросилъ я его: „много ли изъ этого полка вами облагодѣтельствованныхъ встрѣтили вы благодарныхъ?“...

Михаилъ Семеновичъ улыбнулся значительно.

— А кто ихъ тамъ знаетъ! Я никогда съ ними не свожу счетовъ. Пока есть, пока могу—такъ сáмъ, а не хватаетъ силъ—попрошу добрыхъ людей—помогаютъ, дай Богъ имъ здоровья.

И точно, сколько я уже знаю такихъ, которымъ, по ходатайству Щепкина, серьезно помогли и помогаютъ добрые московскіе люди, а ихъ, къ чести Москвы, тамъ не мало. Вопросъ мой былъ сдѣланъ не безъ умысла. Я видѣлъ на моемъ вѣку людей, которые, казалось, любили благотворить, воображая, что благодѣяніе—капиталъ, приносящій большіе проценты въ благодарности; но двѣ, три ошибки и они охлаждались до непростительнаго равнодушія и замкнутости. Страдали, какъ честолюбцы, которымъ не удалось достигнуть тщеславной цѣли, и вмѣсто благословеній проклинали человѣчество; а между тѣмъ неблагодарность и составляетъ тѣ почетныя тернія, которыми благодѣяніе украшается и возвышается на степень истинной добродѣтели.

Наконецъ, и службу, и литературу я долженъ былъ бросить—недуговъ ради, переселиться въ болѣе теплый край, что я и сдѣлалъ. Здоровье мое поправилось; пришла охота побывать

въ Петербургѣ, посмотрѣть какъ онъ, голубчикъ, поживаетъ, что у него на умѣ, на языкѣ, на сердцѣ... Поѣхалъ, вернулся съ кислой миной; и въ Москвѣ бы не остановился, да обстоятельства тамъ задержали.

Это было въ прошломъ году, т. е. въ 1862, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда театры наши отдыхаютъ послѣ карнавальныхъ ужасовъ; къ числу ихъ я причисляю утренніе спектакли, которые можно простить какому нибудь промотавшемуся импрезаріо кочующей труппы, у кого на умѣ только деньги да деньги; но видѣть художника, который терзается ежедневно, иногда по два раза въ день, потому только, что карнавальная публика не знаетъ гдѣ и какъ сгубить семь дней, назначенныхъ на безумный кутежъ,— право, какъ-то грустно. Театръ теряетъ свое нравственное значеніе и превращается въ балаганъ. Я и самъ грѣшенъ. Въ молодости я просто эту сумасшедшую седмицу жилъ въ театрѣ. Отдежурю утренній спектакль, да тутъ же въ буфетѣ принимаюсь за блины и за столомъ досиживаю до вечерняго спектакля. Нѣтъ, мало. Сижу въ ложѣ и любуюсь какъ разрушаютъ сцену, метутъ полы, вѣшаютъ люстры подъ маскерадъ и т. д. Теперь я понимаю, что это было мотовство жизни. Артисты старшаго разбора не роптали, потому что ихъ соблазняли разовые. Но былъ кто-то невидимый, онъ шепталъ всякую хулу, корилъ, сердился.. Не помогло тогда, да и теперь не помогаетъ. За то съ первой недѣли поста артисты если не слягутъ въ постель, наслаждаются сладостнымъ бездѣйствіемъ. Въ такое время пріѣхалъ я въ послѣдній разъ въ Москву и поневолѣ занялся возобновленіемъ знакомства по драматической и художественной части. Не стану сравнивать Москвы съ Петербургомъ въ томъ и другомъ отношеніи. Москва по средствамъ противъ Петербурга то-же, что Таганрогъ передъ Москвою; не смотря на то, я нашелъ въ Москвѣ много превосходнаго въ театральной дирекціи, въ артистахъ, даже въ картинахъ. Театры московскіе подъ управленіемъ Леонида Ѳедоровича Львова истинно преобразились. Больше всего меня порадовала раціональность положенныхъ въ основаніе принциповъ; то, что въ нашемъ вѣкѣ, дѣйствительно, хорошо, оказало и на московскій театръ свое доброе вліяніе. До либеральныхъ началъ намъ еще далеко, не смотря на всѣ возгласы непослѣдовательныхъ панегириковъ нашего времени;

весь нашъ прогрессъ пока заключается въ томъ, что у насъ стало болѣе человѣчности. Исчезло рабство; не дерутся; за то во очію совершаютъ всевозможныя каверзы; на многихъ мѣстахъ сидятъ еще люди, которыхъ давнымъ давно пора спустить въ архивы прошедшаго, гдѣ они были бы кстати и не мучили бы насъ своею глупостію въ дѣлѣ и остроуміемъ въ злоупотребленіяхъ. Конечно, слава Богу и за то, что прямо кусаться не могутъ. Насъ оградилъ хотя въ этомъ отношеніи заборъ человѣчности. Съѣсть живьемъ нельзя, но истерзать каверзами можно. Вотъ дифференціалъ нашего времени, и все-таки это успѣхъ, огромный успѣхъ; на пути нашемъ многими болотами стало меньше. Я помню и весьма недавнее время, когда на актера и на актрису смотрѣли какъ на мундштуки кларнетные; „ты" и уменьшительныя приличныя для болонокъ нѣжности были въ модѣ. Ничего этого я не нашелъ уже въ московской новой дирекціи.

Артисты зрѣлые, поддерживаемые общественнымъ мнѣніемъ, могли и прежде, если не на дѣлѣ, то хотя по наружности, выказывать нѣкоторую самостоятельность, для художника необходимую,—но молодежь, въ особенности воспитанники и воспитанницы театральныхъ нашихъ школъ, слѣпо подчинялись ферулѣ и деспотизму чужаго мнѣнія и воли. Московская театральная школа въ этомъ отношеніи много меня порадовала; принципъ человѣчности подготовилъ цѣлую группу талантовъ; изъ нихъ при мнѣ,— на двухъ пробныхъ спектакляхъ,—ярко отдѣлилась своимъ замѣчательнымъ дарованіемъ дѣвица Позднякова; не скрою, во все время исполненія роли г-жи Поздняковой я постоянно восхищался, но по моему, молча; за то М. С. Щепкинъ, сидѣвшій возлѣ меня, просто плакалъ, такъ въ послѣднее время нервы его разслабли отъ постояннаго раздраженія, отъ глубокой впечатлительности воображенія и сердца. На другой день М. С. посѣтилъ меня, засталъ, что я пишу. Я не скрылъ, что пишу подъ вчерашними впечатлѣніями и о вчерашнихъ впечатлѣніяхъ. Прочелъ.

— «А знаете что?.. сказалъ М. С. съ обычною горячностію, подарите вашу замѣтку нашей молодой артисткѣ... Пригодится». Такъ какъ эта замѣтка была, подорожному, набросана отдѣльно на почтовую бумагу, то и не было препятствія исполнить совѣтъ Щепкина. Такъ какъ, можетъ быть, мнѣ не удастся, а вамъ въ

качествѣ моихъ потомковъ поневолѣ придется любоваться полнымъ развитіемъ таланта г-жи Поздняковой, и такъ какъ замѣтка эта освящена одобреніемъ М. С. Щепкина, то я, окружая себя многимъ множествомъ извиненій, долженъ сообщить вамъ, по начальству, эту штуку въ подлинникѣ.

Вотъ что писалъ я:

Москва. 15 марта 1862 года.

„Въ 16, 17 лѣтъ дѣвушка не можетъ чувствовать, а можетъ только предчувствовать; она не испытала на себѣ ни одного изъ тѣхъ драматическихъ движеній, какія ей приходится выражать подъ чужія слова на театрѣ; слѣдственно она должна создать себѣ идеалы безъ помощи опыта, активнаго, т. е. наблюденія, и пассивнаго, т. е. личнаго на себѣ испытанія. Чѣмъ больше у дѣвушки данныхъ лѣтъ такого воображенія, тѣмъ болѣе у нея самобытнаго ума, тѣмъ этотъ умъ острѣе, проницательнѣе, а при соотвѣтственномъ настроеніи нервовъ тѣмъ чувствительнѣе, воспріимчивѣе; такое органическое состояніе дѣвушки само по себѣ не есть уже нормальное, а носитъ недужные зародыши, которые могутъ развиться въ болѣзни физическія, страданія нервозныя и въ нравственныя: непомѣрное самолюбіе, обидчивость, горячность нрава. Въ такомъ настроеніи чрезвычайно много хорошаго для сцены, но не меньше дурнаго и опаснаго. На отеческой заботливости руководителей лежитъ чрезвычайно трудная задача: оградить отъ дурнаго—не убить хорошаго. Того и другаго можно достигнуть уже не путемъ ученія и воспитанія, а путемъ образованія. Ученіе дѣлается (для) этого рода, и чрезвычайно, чрезвычайно рѣдкимъ талантамъ — положительно вреднымъ. Если у таланта сердце доброе, мягкое, онъ слѣпо довѣряется своему учителю и въ короткое время обращается въ точную копію, теряетъ самобытность, воображеніе тупѣетъ, кристализируется, получаетъ условныя грани и не способно къ созданію. Въ этихъ случаяхъ выгоднѣе желать, пусть ужъ будетъ у таланта сердце злое, упрямое. Борьба съ рутиной учителя испортитъ нравъ, но по крайней мѣрѣ воображеніе уцѣлѣетъ. А еще выгоднѣе желать, чтобы такой талантъ искусно былъ вынутъ изъ-подъ гнета рутины. Когда талантъ окажется

настолько, какъ у дѣвицы Поздняковой, то этотъ періодъ ея ученія можно сравнить съ гимназическимъ курсомъ: она его окончила самымъ блистательнымъ образомъ; получила самую первую золотую медаль; наступила для нея пора свободнаго университетскаго образованія, и если неосторожно задержать ее слишкомъ долго въ этой гимназіи, — можетъ все исчезнуть. Но съ тѣмъ вмѣстѣ и переводъ таланта въ университетъ долженъ быть произведенъ весьма осторожно, чтобы не возбудить въ дѣвушкѣ самолюбія, а въ сверстницахъ зависти. Очень, очень жаль, что она еще три года должна оставаться въ школѣ. Совмѣстное жительство въ закрытыхъ заведеніяхъ справедливо признано вреднымъ, для актрисы оно уже и тѣмъ вредно, что совмѣстное жительство въ закрытыхъ заведеніяхъ сообщаетъ молодымъ людямъ свой лакъ, свою политуру, которая, какъ бы ни была хороша, а мѣшаетъ свободному развитію и кладетъ на дѣвушку печать мѣстную. Гораздо было бы лучше для дѣвицы Поздняковой, если бы счастливая случайность представила ей возможность начать и продолжать свое университетское образованіе въ добромъ, нравственномъ семействѣ, гдѣ бы могла образоваться вмѣстѣ съ умомъ и сердцемъ и высокая гордость женщины, въ семейномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Университетское образованіе актрисы я понимаю такъ:

1) Чтеніе въ тихомолку классическихъ драматическихъ произведеній всѣхъ литературъ, какъ можно чаще мѣняя роды и школы этихъ произведеній.

2) Метафизика нравовъ. Не надо пугаться названія. Это просто наука о внутреннихъ и наружныхъ разностяхъ въ сословіяхъ и возрастахъ, изложенная исторически и параллельно. Для этого руководствъ нѣтъ, нуженъ добросовѣстный профессоръ. Подобная каѳедра была бы полезна и для всей школы.

3) Чтеніе, не ученіе, историческихъ книгъ, не учебниковъ, а болѣе пространныхъ руководствъ, и лучше тѣхъ, которыя не засыпаны ученою пылью, а полны фактами и пріятнаго изложенія, какъ, напримѣръ, Сегюръ, Маколей и т. п., а затѣмъ уже лучшія творенія знаменитыхъ историковъ.

4) Чтеніе современныхъ романовъ, изображающихъ вѣрно современное общество. Эта литература не велика; изъ русскихъ— Пушкинъ и Тургеневъ.

6) Французскій языкъ, и только французскій, потому что на немъ играютъ лучшіе артисты, и на немъ можно прочесть всю всемірную литературу.

Такъ я понимаю университетское образованіе по драматическому факультету.

Остается еще часть прикладная или техническая; это чтеніе вслухъ не для логическаго, а просто для чистаго русскаго произношенія, при чемъ необходимо наблюдать, чтобы окончательные слоги каждаго слова были твердо и ясно выговариваемы и слово отъ слова постоянно раздѣлялось, безъ чего никогда нельзя достигнуть ясной скороговорки; послѣ каждаго упражненія въ дѣленіи словъ непремѣнно надо прочесть по нѣсколько стиховъ и по нѣсколько строчекъ прозы, на дѣленіе словъ не обращая уже вниманія. Еще важно въ техническомъ чтеніи распредѣленіе силы періода, ибо замѣчено, да и у Д. Поздняковой тоже, что голосъ къ концу періода слабѣетъ; это драматическое portamento di voce весьма важно въ усиленныхъ наростахъ страсти; владѣя имъ въ возрастающихъ силою драматическихъ мѣстахъ, актриса не будетъ задыхаться и захватывать воздухъ непріятными звуками. Затѣмъ слѣдуетъ важное техническое упражненіе въ жестикуляціи. Не надо указывать, какой жестъ гдѣ нуженъ; нѣтъ, а просто, механически вытягивать и поворачивать на всѣ извѣстные лады руки, ноги, голову, торсъ, просто гимнастическое почти упражненіе, а когда получится полная библіотека жестовъ и позъ, то умный талантъ, съ помощію усвоенной метафизики нравовъ, найдетъ и жестъ, и позу именно тѣ, которые наиболѣе приличествуютъ случаю. А если учить жестамъ при рѣчахъ, тогда долго ждать, пока актриса получитъ полную развязность, и то едва-ли безошибочную. Само собою разумѣется, что и пѣніе, и танцы составляютъ важныя техническія пособія, о которыхъ и говорить нечего. Не грѣхъ—да и должно—продолжать техническія упражненія и во второмъ сознательномъ періодѣ искуссва, но собственно они составляютъ принадлежность и существенные предметы гимназическаго курса.

Всѣ эти мысли, въ которыхъ, впрочемъ, я давно уже отдалъ себѣ отчетъ,—возбудилъ во мнѣ вчерашній пробный спектакль московской театральной школы, представившій много талантовъ въ надеждахъ, и одну, уже не надежду, а вполнѣ образовав-

шуюся драматическую артистку дѣвицу Позднякову. Богъ далъ ей слишкомъ много; она сама сдѣлала громадные успѣхи, но путь совершенства безконеченъ, и если самолюбіе не оржавитъ врожденныхъ способностей, если образованіе подастъ ей разумную помощь, еще и мои старые глаза могутъ увидѣть и услышать первоклассную драматическую актрису европейскую — изъ первопрестольной Москвы, матушки-кормилицы русскихъ талантовъ".

Съ этой замѣткой отправился я къ Леониду Ѳедоровичу (Львову), прочелъ ему и замѣтка передана была въ тотъ же день Поздняковой, а какъ у меня для комплекта не оставалось черновой, то мнѣ оказана граціозная любезность: я получилъ мою замѣтку на другой же день обратно въ копіи, снятой собственною рукою воспитанницы Поздняковой. Бывая довольно часто у Леонида Ѳедоровича и соприкасаясь съ тамошнимъ театральнымъ міромъ, меня, признаюсь, подмывало приняться опять за перо и написать что нибудь для московскаго театра, но буду говорить откровенно: существованіе театральнаго цензурнаго комитета отбивало всякую охоту. Составъ этого комитета мнѣ совершенно неизвѣстенъ, но меня возмущалъ принципъ. Драматическая литература подчинена произволу совѣта X или болѣе, не знаю; не только заслуги, но самыя имена членовъ никому не извѣстны, и какъ бы велико ни было упражненіе этихъ господъ въ чтеніи и писаніи критикъ, въ быганіи въ театрахъ и т. п., но во всѣхъ государствахъ и во всѣ вѣка оцѣнка собственно сценическихъ произведеній принадлежала только исключительно однимъ актерамъ, совершенно справедливо, логично, потому что только одни актеры, вполнѣ знакомые съ закулиснымъ механизмомъ, могутъ рѣшить положительно, будетъ ли піеса имѣть успѣхъ или нѣтъ; подобный же нашему комитетъ посягаетъ уже не на эффектъ, а на содержаніе піесы, подвергаетъ деспотическому своему контролю—уже идею; это уже насилованіе тенденцій, инквизиція для таланта, пагуба для свободнаго развитія сценической оригинальной литературы; грустное, осязаемое доказательство на лицѣ: ужасная бѣдность современной сцены, на которую жалуюсь не я, а всѣ журналы, всѣ актеры, вся публика. Иначе и быть не могло. Нельзя сдѣлать театръ насильно школой тѣхъ или другихъ принциповъ. Пусть онъ самъ

собою достигнетъ этого значенія, тогда по крайней мѣрѣ увидимъ, что исповѣдуетъ въ этомъ отношеніи публика, до какой степени пуризма добралась она въ жизни, драматической литературѣ и сценическомъ искусствѣ. Наконецъ, если подобная цензурная мѣра для чего либо нужна для казенныхъ театровъ,—то почему бы не допустить театровъ частныхъ, на которыхъ бы могли представляться піесы, одобренныя къ напечатанію общею цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ два, три года мы бы не узнали нашей драматической литературы. Она была бы истинною, патріотическою помощницею современнаго движенія, правительственныхъ либеральныхъ мѣръ и задушевныхъ идей общества, которому никто бы не навязывалъ своихъ случайныхъ принциповъ и насильственнаго руководства. Театръ—зеркало современности. Что у публики на душѣ, то ей нравится на театрѣ. Никакой критикъ не нашепчетъ ей въ ухо: это хорошо, это дурно; публика въ театрѣ даже не знаетъ, что у насъ есть театральная критика, потому что,—не будемъ себя обманывать,— наши газеты и журналы еще пока, и каждый знаетъ почему, не отражаютъ коллективнаго мнѣнія той или другой части общества. Да и много ли у насъ такихъ газетъ, которыя прислушиваются къ мнѣнію общества и стараются его выразить! Напротивъ того, наши газеты хотятъ имѣть твердое направленіе, какую-то систему, тогда какъ само общество ни того, ни другой еще не имѣетъ. Что же это значитъ? Что газеты не выражаютъ мнѣнія значительныхъ массъ общества, а проповѣдуютъ собственные свои благопріобрѣтенные принципы, воззрѣнія, часто утопіи ad absurdum. Взгляните на „Times", первый журналъ въ свѣтѣ: сколько разъ случалось вамъ читать сегодня совершенно, радикально, противное тому, что вы читали вчера. А почему? Очень просто. Потому что Сити вчера думало такъ, сегодня заблагоразсудило думать иначе. И повѣрьте, никто не обвинитъ „Times" въ противорѣчіяхъ. Пора бы догадаться, что драматическая литература наша если не обнаруживаетъ признаковъ жизни, упрямо не производитъ ничего замѣчательнаго, не говорю уже геніальнаго, такъ это потому, что она затянута и застегнута слишкомъ въ казенную форму и до сихъ поръ принуждена сказываться не согласно съ идеями и чувствами болѣе господствующихъ массъ публики, а сообразуясь съ личными

частными возрѣніями, такъ сказать, театральной полиціи (инспекціи). Жизнь и наблюдательное ея изученіе мѣняетъ не только идеи публики, но даже коренастыя убѣжденія самихъ авторовъ, если только они не одержимы педантическимъ упрямствомъ. Это не переметчики идеи, а, напротивъ, добросовѣстные изслѣдователи и толкователи современныхъ требованій. Ничего этого не видимъ на нашихъ театрахъ и не скоро увидимъ, если преобладаніе казеннаго элемента продолжится. Положимъ, что свобода есть принадлежность и качество возраста зрѣлаго, но какже и созрѣть безъ вліянія, необходимаго для того тепла и свѣта. Правительство сознало эту необходимость и сказалось въ исполненныхъ уже и предположенныхъ государственныхъ преобразованіяхъ. Съ тѣмъ же довѣріемъ, къ которому насъ такъ пріятно и достойно пріучили, будемъ надѣяться, что разумная реформа доберется и до театра, который, если и не числится по спискамъ, все таки составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ и вліятельныхъ государственныхъ учрежденій. Замѣтивъ въ московской дирекціи шаги впередъ только одной человѣчности, я былъ уже и тѣмъ утѣшенъ и не скрылъ моихъ пріятныхъ соображеній отъ Щепкина. Но онъ соглашался со мной какъ то сквозь зубы; смотрѣлъ на предметъ какъ-то слишкомъ съ матеріальной точки зрѣнія, толковалъ о жалованіи, пенсіонахъ, а больше всего нападалъ на способы и манеру приготовленія драматическихъ актеровъ и на драматическихъ писателей... Искренно или изъ учтивости Щепкинъ нападалъ и на меня—зачѣмъ не пишу для театра? Я ему напомнилъ исторію съ моимъ „Гаррикомъ", которую вы уже знаете, и поблагодарилъ за честь и доброе мнѣніе. Неутомимый въ убѣжденіяхъ, Щепкинъ съ обычнымъ увлеченіемъ и непремѣнными въ такихъ случаяхъ слезами—сказалъ:

— Жаль! истинно жаль! У меня есть сюжетъ для драмы—богатѣйшій. Я его внесъ въ мои записки, которыя, конечно, никогда не будутъ напечатаны... (Объ этихъ запискахъ Щепкинъ говорилъ весьма часто, и всякій разъ прибавлялъ, что онѣ, конечно, не будутъ напечатаны). Я предлагалъ этотъ сюжетъ кое кому. Странно! никто не захотѣлъ воспользоваться, а кладъ, истинный кладъ для сценическаго автора. Сколько тутъ блеска для театра, сколько труда для обработки!

— „Ужъ не въ этомъ ли трудѣ и заковычка? Теперь трудъ не въ модѣ. Мы нынче фламандскіе живописцы, любимъ въ картинахъ темныхъ людей, у темной стѣнки, à la Теніеръ“.

— Да вѣдь и мой сюжетъ не изъ древней исторіи, книжныхъ законовъ тутъ не надо. Дѣйствіе—въ наше время,—въ Москвѣ...

И разсказалъ недавній случай въ московскомъ театральномъ мірѣ.

Воспитанница театральной школы С., не особенной красоты, но роскошныхъ формъ, была на выпускѣ; какъ жертва сластолюбія, она понравилась офицеру Д., который прилежно за нею ухаживалъ, за кулисами. Тутъ можно составить картину закулисныхъ шашней. Д. успѣлъ; С. бѣдная въ него влюбилась. Зачѣмъ нанимать квартиру? она не должна ни о чемъ заботиться; все готово; только выходи поскорѣе изъ школы. Долго ли ждать?— Послѣ завтра; карета будетъ ждать у подъѣзда... И, дѣйствительно, изъ школы она переѣхала на собственную свою квартиру.

На другой день Д. пріѣзжаетъ ее устроить. Привозитъ платья, брильянты, вещи необходимыя; сначала она не понимаетъ, радуется, любуется, но когда онъ предлагаетъ ей денежный бюджетъ содержанія, ей все становится ясно,—нѣтъ, говоритъ она, и я ошиблась и вы тоже. Я думала, что вы, какъ благородный человѣкъ, женитесь на мнѣ. Вчера, еще сегодня я считала себя невѣстой; но вы обманули меня; Богъ съ вами! Я пала, вы торжествуете, я ваша любовница, наложница по легкомыслію; нечего дѣлать, назадъ нельзя; вы достигли вашей цѣли, радуйтесь, но покрайней мѣрѣ оставьте мнѣ утѣшеніе, что вы меня не купили. Этого не будетъ. Возьмите назадъ всѣ ваши подарки, презрѣнныя деньги, мнѣ ихъ не нужно. Я сдѣлала глупость— по любви, не изъ разсчета. Эта чистота моихъ побужденій спасетъ меня отъ отчаянія; любовь моя будетъ меня утѣшать въ трудахъ и лишеніяхъ; я буду гордиться, что подарила мою честь, счастіе, будущность человѣку слабому, который, не имѣя возможности быть честнымъ, оплутовалъ, сподличалъ изъ страсти ко мнѣ. Уберите же скорѣй этихъ свидѣтелей не моего, а вашего позора...

— «Душа моя... Вы горячитесь; но чѣмъ же ты будешь жить? позволь же, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь обезпечить твои главнѣйшія надобности...»

— Я васъ извиняю. Вы и прежде меня не поняли и теперь не понимаете... Такъ я вамъ растолкую! Ни копѣйки! Ни щепотки чаю, ни кусочка сахару!.. Теперь все кончено. Я ни въ чемъ не нуждаюсь... Мнѣ Богъ подарилъ крѣпкое сложеніе; стану трудиться; хорошо, что еще между пустодѣльемъ самоучкой шить научилась; вы знаете чему насъ учили?.. Какъ соблазнять вашу братью, какъ водить васъ за носъ, какъ золото изъ васъ добывать, какъ васъ обманывать! Вотъ и научили! Ну, убирайте ваши пошлые соблазны и убирайтесь!...

— «Нѣтъ! Ты помѣшалась! Въ горячности не бываетъ благоразумія! Я долженъ тебя обезпечить!...»

— Да уйдите же, хотя изъ состраданія..

— «Ни за что не уйду, пока вы не согласитесь!..»

— Ахъ, я и забыла! Вы правы! Вы здѣсь хозяинъ! Квартира эта не моя. Вотъ что я забыла!... Постойте! Вы можете быть мнѣ полезны. Я переѣду къ хористкѣ Машѣ; она добрая, дурна собой, у нея никто не бывалъ, она тоже живетъ рукодѣльемъ; у васъ пропасть знакомыхъ, привозите намъ работу; вотъ и чудесно... Прощайте!

Дѣвица С. переѣзжаетъ, однако же, не къ Машѣ. Отъ Д. она не отдѣлается. Дѣла приняли другой оборотъ. Теперь уже Д. нравственно влюбился въ С., и утромъ, и вечеромъ пріѣзжаетъ, и работу привозитъ, и сидитъ до поздней ночи, и она его ласкаетъ, и ведутъ они любовь самую нѣжную, благородную...

— «Ну, вотъ твое упрямство. Мнѣ бы хотѣлось у тебя остаться, пообѣдать, а у тебя и у самой ѣсть нечего».

— Для меня довольно, а вы должны вашихъ стариковъ утѣшить. Вы у нихъ одинъ сынъ; они васъ почти цѣлый день не видятъ....

— «Твоя правда! Ахъ если бы ты ихъ знала, что это за старики... Если бы я ихъ не любилъ такъ много, никогда бы не сдѣлалъ подлости, которая ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покоя. Но я боялся ихъ огорчить признаніемъ, и теперь не могу рѣшиться».

— Да теперь было бы и безполезно. Ну поѣзжайте же къ добрѣйшимъ вашимъ родителямъ. Они, бѣдные, чай, съ тоски умираютъ.

Выпроводила.

Д. не обманулъ. Старички точно были чудесные. Все ихъ счастье, все утѣшеніе былъ единородный ихъ сынъ, и этотъ сынъ рѣшительно отбился отъ дому. Стали разузнавать, разыскивать, открыли зазнобу, собрали о ней самыя точныя справки и порѣшили женить сына. Какъ только пришелъ сынъ, началась аллегорія; объясненіе; разрѣшеніе. Сынъ полетѣлъ къ невѣстѣ.... Объявляетъ ей—та ни мало не обрадовалась. Благодаритъ его за честь, но замужъ выдти не хочетъ.

— Если бы прямо изъ театральнаго училища да въ церковь—дѣло иное, а теперь—не хочу блистать въ обществѣ моимъ позоромъ; я знаю, что твои родители будутъ ласкать меня и въ то-же время краснѣть; я буду имъ въ тягость, въ муку и тебѣ тоже. Ни за что!..

Сынъ уходитъ въ отчаяніи. Является отецъ самъ.—Ни за что!

Является мать...—И слышать не хочетъ.

Но чтобы успокоить родителей, возвратить имъ сына, она предлагаетъ себя въ ключницы....

— Нѣтъ! Ты будешь у насъ жить дочерью...

— Ни за что! Хочу быть ключницей!...

Старуха соглашается въ надеждѣ, что современемъ уломаетъ.

С. живетъ у стариковъ ключницей. Они съ нею обходятся какъ съ дочерью, а она съ ними какъ ключница; она уже прижила двухъ дѣтей; но, спасая честь фамиліи, сама согласилась отдать ихъ въ воспитательный домъ. Но эта жертва не по силамъ матери. И она, и старики свыклись; но ключница никогда не забываетъ своей роли; и чуть колокольчикъ, она исчезаетъ; безъ постороннихъ она ведетъ себя какъ близкая родственница. Мужъ на охотѣ; возвращается простуженный; гнилая горячка обнаруживается сильнымъ бредомъ. За докторомъ... Ключница въ отчаяніи... Безъ доктора онъ погибнетъ; при докторѣ проболтается про дѣтей и про нее...

Девять дней и девять ночей сидитъ С. у постели больнаго. Онъ проснулся. Доктора говорятъ, что надо употребить всѣ усилія, чтобы не давать ему говорить, занимать его веселыми разсказами и стараться, чтобы онъ былъ покоенъ, веселъ, улыбался и С. дѣлается сочинительницей—разсказы льются быстро, импровизируются,—и чуть улыбка—она отбѣгаетъ и потокомъ слезъ облегчается избытокъ ея радости, два раза удалось ей

сорвать улыбку, два раза поплакать сладостно... Но доктора обманулись... Онъ проснулся не для жизни. То было предсмертное пробужденіе... Онъ умеръ... С. какъ только убѣдилась, что онъ умеръ... уже не заплакала, а захохотала во все горло— прибѣгаютъ родители — сынъ мертвъ, а дочь — хохочетъ въ безуміи...

Щепкинъ кончилъ, уѣхалъ, а я, признаюсь, дѣйствительно, былъ согрѣтъ, увлеченъ разсказомъ и, благодаря моему просторному московскому досугу, сѣлъ поскорѣе къ столу и по свѣжимъ слѣдамъ записалъ сюжетъ для драмы.

Я думалъ, что уже не увижу болѣе Щепкина. Но случилось такъ, что у него на примѣтѣ былъ портретъ извѣстной когда-то актрисы—работы Тропинина, и надо сказать правду, одно изъ лучшихъ произведеній этого художника. Не смотря на оказываемую Щепкинымъ помощь, хозяйку тѣснила нужда и Щепкинъ, опять таки онъ, хлопоталъ о продажѣ портрета, который, по рекомендаціи моей, и купленъ В. А. Кокоревымъ не за безцѣнокъ, а за цѣну, для его замѣчательной картинной коллекціи въ Москвѣ.

Послѣднее въ Москвѣ свиданіе со Щепкинымъ показалось мнѣ истинно послѣднимъ. Болѣзнь его сильно сказывалась, а я ѣхалъ далече, на югъ, не располагая, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, посѣтить Петербургъ. Но не прошло и полутора года, какъ случайно заѣхавъ въ Ростовъ на Дону, узнаю, что именно сегодня Щепкинъ играетъ на театрѣ роль городничаго въ Гоголевскомъ Ревизорѣ. Можете представить мою радость. Значитъ Михайло Семеновичъ здоровъ, если играетъ. Не тутъ-то было. На сценѣ наскоро я узналъ отъ него, что по совѣту врачей онъ ѣдетъ въ Крымъ — на виноградный курсъ леченія; что по пути, такъ какъ финансы его не въ завидномъ положеніи, онъ рѣшился съиграть два, три раза на ростовскомъ театрѣ. Сегодня не въ счетъ, потому что это бенефисъ режиссера Васильева. Я пошелъ въ амфитеатръ—но увы... жаль стало Щепкина. Сначала онъ говорилъ довольно бодро, но тихо; мѣстами одушевлялся и срывалъ рукоплесканія; но вообще роль прошла слабо; лѣта и болѣзнь отзывались на каждомъ шагу. Это было въ четвергъ; въ пятницу я уѣхалъ домой въ Таганрогъ, полагая, что Щепкинъ, по случаю спектаклей, останется въ Ростовѣ съ

недѣлю и болѣе. Но въ понедѣльникъ и онъ пріѣхалъ въ Таганрогъ, а на другой день утромъ въ 10 часовъ на плохомъ извощикѣ добрался ко мнѣ на дачу, въ двухъ верстахъ отъ Таганрога. Я былъ очень обрадованъ, но вмѣстѣ и удивленъ.

— Какимъ образомъ такъ скоро изъ Ростова?

— „Не спрашивайте", смѣясь отвѣчалъ Щепкинъ, „первый разъ въ жизни пришлось получить пощечину—гдѣ-же? на Дону, въ Ростовѣ"...

— Какъ такъ!..

— „Очень просто. Въ воскресенье на „Горе отъ ума" никто не явился. Какъ быть? Откажите спектакль! Отказали, а я вмѣсто спектакля сталъ собираться въ дорогу и вчера отправился къ вамъ въ Таганрогъ"...

Мнѣ стало ужасно совѣстно. Я хотѣлъ—но не хватало духу—оправдывать ростовскихъ любителей театра... Да, правду сказать, что̀ могъ я сказать въ ихъ оправданіе? По счастію, Щепкинъ самъ меня выручилъ, свернувъ разговоръ на другіе предметы. Объясняя причины, которыя заставили его играть на ростовскомъ театрѣ, онъ сталъ разсказывать о своей болѣзни, домѣ, домашнихъ обстоятельствахъ; о томъ, какъ онъ просился ѣхать въ Крымъ; какъ съ нимъ поступлено со стороны дирекціи деликатно, предупредительно, и въ доказательство показалъ письмо директора о назначеніи ему пособія. Въ каждомъ словѣ слышалась задушевная признательность,—такъ Щепкинъ умѣлъ цѣнить всякую малость, оказанную въ пользу его или другаго. Зная по опыту, что воспоминанія раздражаютъ, волнуютъ, частенько возмущаютъ, а это для больныхъ не хорошо, я старался свернуть разговоръ на Польшу, на политику, но ужъ видно такова судьба артистовъ, бесѣда, по милости Михаила Семеновича, безпрестанно возвращалась къ театру. Я обѣщалъ М. С. прочесть первыя сцены піесы, которую пишу; онъ обѣщалъ на другой день пріѣхать ко мнѣ обѣдать; но на другой день къ этому времени зашли пріятели; послѣ обѣда Михаила Семеновича мы уложили отдохнуть, а ввечеру еще подъѣхали гости, такъ и обошлось безъ чтенія, къ чему, признаться, я потерялъ теперь (1863 г.) охоту; а прежде—читать и перечитывать свои піесы—зѣло было пріятно. Что же удивительнаго послѣ этого, что наши идеи измѣняются съ возрастомъ, когда измѣняются коренныя

привычки и самый характеръ. Необходимость отлучиться изъ Таганрога лишила меня возможности провести со Щепкинымъ четвергъ и пятницу. Въ этотъ день, возвратясь въ Таганрогъ, я поспѣшилъ на пароходъ и нашелъ тамъ М. С. Онъ сильно жаловался на болѣзнь, на скуку, и хотя здоровье его было весьма незавидно, но и мысли о близкой его кончинѣ на умъ не приходило. Напротивъ, воздухъ, море, природа южнаго берега Крыма, все подавало надежду, что больной получитъ тамъ облегченіе, но не прошло и трехъ недѣль, телеграфъ увѣдомилъ насъ, что еще одного художника нашего времени не стало! Онъ умеръ, если не ошибаюсь, въ Ялтѣ, во всякомъ случаѣ близь Ялты на южномъ берегу Крыма, когда виноградъ, мнимый будущій его спаситель, уже созрѣвалъ и обѣщалъ продлить сосчитанные уже дни жизни. Подробности кончины Щепкина мнѣ неизвѣстны.

Вотъ все, любезнѣйшіе потомки, что я могу сказать вамъ о Щепкинѣ. Не ждите отъ меня характеристики его игры; она именно не имѣла никакого особеннаго характера; онъ упрямо настойчиво искалъ правды; будучи комикомъ, тщательно избѣгалъ фарса, неохотно исполняя тѣ, которые предписывались самими авторами; роли свои обдумывалъ долго и глубоко и на всякое свое слово, на всякое тѣлодвиженіе всегда былъ готовъ представить мотивъ вполнѣ уважительный. Лучшая его роль безпрекословно была роль Фамусова и весьма естественно: онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Москвѣ, а Москва—родина и резиденція Фамусова; въ Петербургѣ и въ провинціяхъ вы встрѣтите близкихъ и дальнихъ его родственниковъ, но самъ Фамусовъ безвыѣздно живетъ въ Москвѣ и едва-ли скоро оттуда выѣдетъ.

2-го октября 1863 г.

Н. В. Кукольникъ.

Сообщ. 12 окт. 1870 г. И. А. Пузыревскій.

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Род. 1788г., † 1863 г.

Ноября 6-го нынѣшняго 1888 года минетъ сто лѣтъ со дня рожденія Михаила Семеновича Щепкина. Хочу подѣлиться моими воспоминаніями о немъ, какъ о человѣкѣ, стоявшемъ выше своей среды и имѣвшемъ нравственное вліяніе на артистовъ и молодежь нашего времени.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ, лѣтъ семи-восьми, я попала въ домъ Мих. Сем. и постоянно гостила въ его семьѣ. Изъ дѣтскихъ воспоминаній осталось у меня: его собственный домъ у Спаса на Пескахъ, въ Садовой, съ большимъ дворомъ и садомъ; огромная семья, состоявшая изъ старушки матери, жены, семерыхъ дѣтей, трехъ сестеръ (одна изъ нихъ вдова съ взрослой дочерью) и брата (нынѣ здравствующаго). Кромѣ родныхъ у него жили: вдова актера Барсова,—которому Мих. Сем. считалъ себя обязаннымъ своей сценической карьерой,—пять человѣкъ дѣтей Барсова, бѣдная дѣвица Татьяна Михаиловна Оралова, парикмахеръ Пантелей Ивановичъ, вывезенный М. С. съ его стороны, и какой-то паралычный старичекъ, который имѣлъ особую комнату и нѣсколько лѣтъ не вставалъ съ постели. Не помню его имени и кто онъ былъ такой. На мой дѣтскій вопросъ, за что за нимъ такъ ухаживаютъ, получила въ отвѣтъ, что онъ всѣхъ дѣтей грамотѣ даромъ училъ. Домъ былъ полонъ жизни. За столъ садилось каждодневно не менѣе двадцати человѣкъ; постоянно были посторонніе. Иногда по вечерамъ самъ М. С. игралъ съ дѣтьми въ бабки. Въ то время не принято было жить на дачѣ; поэтому лѣтомъ часто собирались поѣздки съ кушаньемъ и самоваромъ по

окрестностямъ Москвы. Молодежь пѣшкомъ, а старушки и мы, ребятки, въ коляскѣ. Больше одной коляски не помню; ужъ очень запечатлѣлось въ памяти идущее пѣшкомъ цѣлое народонаселеніе. Хорошо было, весело, просто. Не могу безъ умиленія вспомнить, какъ бывало за мной приходила добрѣйшая Татьяна Михайловна, зимой съ дровешками, а лѣтомъ съ небольшой тележкой ручной, въ которой бѣлье возятъ полоскать на рѣку. Усадитъ въ эти милые экипажи, да такъ и везетъ по стогнамъ столицы съ Петровскаго бульвара къ Спасу на Пески. Мыслима-ли эта простота въ наше время? На извощиковъ много тратить считалось лишнимъ расходомъ.

Въ 1839-мъ г. меня отправили въ Петербургъ, чтобъ помѣстить въ театральную школу. Только у меня и было въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ о домѣ Щепкина.

Въ 1843-мъ году я поступила на петербургскую сцену. Въ 1845-мъ снова была переведена въ Москву. Тутъ ужъ я сознательно могла понимать Мих. Сем., хотя по семейнымъ обстоятельствамъ я видѣлась съ нимъ только въ театрѣ. Мои старшіе не были въ хорошихъ отношеніяхъ съ М. С. и находили неудобнымъ пускать молоденькую дѣвушку въ домъ, гдѣ было много молодежи.

Воспоминанія мои будутъ отрывочны, анекдотичны.

Разговаривать съ нимъ можно было только на репетиціи, а въ спектаклѣ... и не подходи. Онъ священнодѣйствовалъ. Весь въ огнѣ, потъ льетъ градомъ; играя даже водевиль, онъ готовился какъ будто къ чему-то страшному. Конечно, онъ былъ выше, образованнѣе своей среды, но какая скромность! Онъ сознавалъ себя неучемъ, выслушивалъ мнѣніе каждаго, хотя-бы и студента. Никогда не возносился и, конечно, щелкалъ насъ, если замѣтитъ хоть тѣнь самомнѣнія; своимъ развитіемъ, по его словамъ, онъ обязанъ дому Аксаковыхъ. Съ нимъ впервые я поняла, что̀ значитъ серьезно относиться къ искусству. Я упомянула, какъ онъ готовился къ исполненію роли. По возвращеніи домой съигрывали новую роль, онъ снова бралъ читать ее, чтобъ провѣрить, какія были ошибки. По выходѣ замужъ, когда я бывала у него, я была этому свидѣтельницей. Гуляя по улицамъ, онъ постоянно думалъ о какой нибудь роли, забывался иногда и говорилъ вслухъ. На репетицію иногда ѣдемъ въ казенной каретѣ, онъ

такъ просто, естественно начинаетъ говорить,—думаешь, что это онъ мнѣ говоритъ, а оказывается—роль читаетъ наизусть, да такъ твердо,—слова не переставитъ. Бывало, обращаешься къ нему за помощью: «какъ это выразить?» Онъ не училъ съ голоса, а требовалъ, чтобъ сама вдумывалась. «Научите-же какъ сказать?» „Этого нельзя, я скажу, можетъ быть, и хорошо, но по своему, а ты можешь сказать еще лучше, тоже по своему, у всякаго человѣка есть манера, присущая только ему". „Избави Богъ не знать роли или передавать своими словами; какъ публика и критики могутъ судить о языкѣ автора, если мы будемъ сочинять по своему?" Иногда хотѣлось-бы сократить, ибо скучно. Бѣда! „А ты не читай на сценѣ твою роль, говори... живи... не будетъ скучно. Не хотите потрудиться, все бы вамъ кулачный бой, да бенгальскій огонь, по эффектнѣй, да полегче"... „Ахъ! какъ я люблю драматическое искусство!" — бывало скажешь.—„Врешь, маточка, ты его еще не понимаешь, а ты любишь, что молодежь тебѣ много въ ладоши хлопаетъ, безкорыстной любви ты еще не знаешь". И правда! Бывало студенты 1840-хъ годовъ неистовствуютъ, вызываютъ, такъ весело! а какъ за кулисами начнутъ отдѣлывать Мих. Сем. и другіе артисты, показывать всѣ промахи и недостатки, чувствуешь, что не велика птица, сознаешь, что не Богъ знаетъ какой талантъ, а просто молодежь—молодость привѣтствуетъ. Въ старину—на репетиціяхъ мы больше всего боялись старшихъ артистовъ: они учили, заставляли нѣсколько разъ повторять, это былъ постоянный экзаменъ. Мих. Сем. иногда заходилъ въ театръ, хотя и не былъ занятъ, всегда принималъ участіе и дѣлалъ замѣчанія. При малѣйшемъ самомнѣніи сейчасъ оборветъ. Солгать, схитрить передъ нимъ немыслимо... Онъ сейчасъ проникнетъ настоящую мысль и разоблачитъ. Представлю нѣсколько случаевъ изъ моей жизни; можетъ, теперь это и смѣшно покажется, но тогда для меня это было ново и хорошо ложилось на душѣ. Спѣшишь разсказать ему про себя что нибудь хорошее. „А я вотъ какъ сказала или сдѣлала". Онъ: „А я сегодня умывался". „Ну такъ чтоже?" „Ничего". „Зачѣмъ вы это говорите?" „Я обязанъ себя въ чистотѣ держать и не хвастаюсь, а ты хвастаешься. Чѣмъ? Ты обязана была такъ поступить. Развѣ Богъ тебя на гадости создалъ?"... „Жизнь дана для наслажденія", скажешь.—„Кто и

въ чемъ находитъ наслажденіе? Я, какъ-то гуляя набрелъ на свинью, которая лежала по горло въ грязи, я остановился передъ ней, а она поглядѣла на меня, да и говоритъ: дуракъ, дуракъ, ты не понимаешь какое это наслажденіе!"

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1839-мъ году я недолго была въ театральной школѣ, меня отдали въ пансіонъ, подобный тому, гдѣ училась m-me Манилова. Тамъ больше всего обращали вниманіе на хорошія манеры: т. е. когда говоришь съ кѣмъ, надо дѣлать милое лицо, говорить съ улыбкой, особенно привѣтливо. Вѣроятно, эта прелесть во мнѣ въ пересолъ пошла. Мих. Сем. нѣсколько разъ обрывалъ меня при многочисленнѣйшемъ обществѣ „Не ломайся, маточка, не актрисничай, говори проще".

Въ 1844 г. я играла въ Петербургѣ Лизу въ „Горе отъ ума". Кто-то сказалъ, что фразу: Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить какъ вашъ—должна говорить Софья Павловна. Лизѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ разговоръ. Мнѣ припомнился этотъ случай потому, что недавно я видѣла печатный экземпляръ съ такой поправкой. Такъ мы и играли въ Петербургѣ. Въ Москвѣ я было съ апломбомъ и сдѣлала такое замѣчаніе. —„Маточка, сдѣлай милость, не поправляй ты мнѣ Грибоѣдова: по моему глупому разуму самое слово скроить принадлежитъ горничной съ Кузнецкаго моста".

Въ Москвѣ открывалась новая фотографія. Артистовъ просили сняться. Въ это время игралась съ большимъ успѣхомъ „Школа женщинъ" Мольера. Приди мнѣ въ голову предложить М. С. сняться въ костюмахъ изъ этой пьесы. Батюшки! какъ мнѣ за это досталось! Какое я имѣю право превозноситься, какъ смѣю думать, что хороша! „Прекрасно, я не хороша, ну вы хороши". —„И я не хорошъ, однимъ понравился, другимъ нѣтъ".

Бывъ самъ скромнымъ, онъ преслѣдовалъ самомнѣніе даже до жестокости, въ чемъ сознался одинъ разъ, разсказавъ мнѣ слѣдующее: въ какомъ-то городѣ одна артистка изъ первоклассныхъ, играя роль въ великосвѣтской комедіи, не подходила своими простонародными манерами къ роли, что было замѣчено критикой. Она очень обидѣлась. На репетиціи бранила рецензента, „чего онъ хочетъ? М. С., какія такія у меня манеры?" М. С. ей отвѣтилъ: „У васъ манеры дочери повара князя NN", и самъ признался, что это жестоко было сказано.

Про „Горе отъ ума" онъ говорилъ: „хвалятъ меня въ Фамусовѣ, а я не баринъ: нѣтъ у меня барской ноты. Вотъ Петя Степановъ, если-бъ не лѣнился, больше меня былъ-бы на мѣстѣ, у него барскія ноты". Вотъ какъ внушалъ Мих. Сем. любовь къ искусству, уваженіе къ публикѣ, не къ массѣ,—она добра и безтолкова,—но къ критикѣ и къ интеллигенціи. Онъ разсказывалъ, какъ они подтягивались, зная, что Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ въ театрѣ; такъ и мы боялись Николая Христофоровича Кетчера и его кружка. Надо прибавить, что въ это-же время были люди, которые говорили, изъ первоклассныхъ-же, что нечего робѣть, когда выходишь на сцену, надо помнить, что передъ тобой „огородъ съ капустой".

Теперь перейду къ бесѣдамъ Щепкина о казнокрадствѣ. Въ то наивное время казна представлялась чѣмъ-то отвлеченнымъ, чужимъ, что можно обирать безгрѣшно: „она-молъ матушка богата". Мих. Сем. глубоко огорчался лишними расходами по театру и грабежами чиновниковъ, въ союзѣ съ подрядчиками. Онъ разсказывалъ, что когда пріѣхалъ въ Москву, театральная контора состояла изъ пяти чиновниковъ, кромѣ директора: управляющій конторой, онъ-же и распорядитель по репертуару, переводчикъ—онъ-же и секретарь, смотритель театра и сборовъ, казначей, другихъ не помню, остальные простые писаря. Артисты—это и я еще застала—играли одни и тѣ-же въ операхъ, драмахъ и водевиляхъ. Въ балетѣ „Фенелла", въ бенефисъ танцовщицы Гюлель-Соръ, участвовали драм.: Орловъ, Петръ и Василій Степановы, Никифоровъ, Потемчиновъ. Не знаю, что они дѣлали во всемъ балетѣ, но въ сценахъ возстанія и сраженія они были на первомъ планѣ, это я хорошо помню. Конечно, тогда была хорошая театральная школа и ни одинъ человѣкъ, воспитавшійся въ ней, не пропадалъ безслѣдно. Въ театральномъ дѣлѣ столько разнообразныхъ отраслей занятій, что даже безъ сценическаго таланта человѣкъ можетъ приносить пользу и окупить свое воспитаніе.

Въ это время, о которомъ я говорю, московскій театръ уже былъ подъ управленіемъ петербургской дирекціи. Порядки пошли иные. Уничтожили образцовую школу, гдѣ, какъ я уже говорила, учили такъ, что всякій былъ полезенъ въ дѣлѣ. Музыка обязательна для всѣхъ, фехтованіе, рисованіе, танцы. Выпу-

щенные изъ школы, получающіе небольшое содержаніе, могли давать уроки музыкѣ и танцамъ, и тѣмъ добавляли себѣ скромное содержаніе. По уничтоженіи школы, пошелъ наплывъ чиновниковъ. Это возмущало Мих. Сем.; онъ, говорилъ, что гражданскимъ и уголовнымъ законамъ мы подлежимъ какъ и всѣ подданные, зачѣмъ-же при театрѣ столько чужихъ? Конторское наше дѣло состоитъ въ тряпкахъ. Тѣ пришлые могутъ другимъ образомъ приносить пользу отечеству, а актеры, оставившіе службу или выпущенные изъ школы, лучше поведутъ свое хозяйство, они его знаютъ и оно близко ихъ сердцу и не поднимутъ руку на свою alma mater. Попалась и я по поводу грабежа. Перчатки и обувь казенную намъ позволяли держать дома. Водилось такъ, что по прошествіи нѣкотораго времени свои собственные башмаки или перчатки, порядочно поношенные, отдаешь въ контору и требуешь новые. Попадись я на глаза М. С. съ этимъ. Онъ спросилъ: „Что это, маточка, за старье? Ты не могла на сценѣ такъ износить обувь?“ Я преспокойно отвѣчаю, что ношу казенные башмаки и перчатки внѣ театра. Господи! что это было! Какъ онъ вскипятился, назвалъ меня безсовѣстной, воровкой и пошелъ... и пошелъ... Тутъ и объяснилъ онъ, что̀ такое казна, какія обязанности должны быть гражданина къ отечеству, и про старое время, какъ выше описано.

Въ 1847-мъ году, по его рекомендаціи, я поѣхала въ Одессу. Тамъ, по желанію кн. Воронцова, открывался театръ съ казенной субсидіей, и князь просилъ Мих. Сем. составить труппу. Онъ рекомендовалъ Шумскаго, меня съ мужемъ и Богданова режисеромъ. Распорядителемъ былъ Александръ Ивановичъ Соколовъ. Губернаторъ, Дмитрій Дмитріевичъ Ахлестышевъ большой любитель театра. Щепкинъ не оставлялъ насъ своимъ участіемъ, все дѣло шло по его иниціативѣ. Его мнѣніе было, что молодежь должна практиковаться на провинціальныхъ сценахъ, изучать общество, нравы, стараться жить артельно, чтобъ было дешевле, и, главное, избѣгать роскоши. Кстати упомянуть, что до послѣднихъ дней его жизни у него горѣли сальныя свѣчи, стеариновыя употреблялись когда звали гостей, а сальныя свѣчи въ то время куда ужъ какъ дѣлались плохо.

Случалось мнѣ у него занимать деньги: онъ никогда не отказывалъ, но требовалъ акуратнаго возвращенія. Въ какой срокъ обѣщала возвратить, чтобъ слово вѣрно было.

Когда у меня пошли дѣти, онъ такъ наставлялъ: „Старайся дать образованіе, ничего не жалѣй. Не говори дѣтямъ, что не должно дѣлать дурнаго, потому что Богъ накажетъ. Внушай, что Богъ создалъ насъ на хорошее, и во имя разума не слѣдуетъ дѣлать дурнаго. Богъ далъ намъ все, чтобъ быть счастливыми. Во многомъ мы сами виноваты. Если горе и неудачи будутъ преслѣдовать тебя, то помни о другихъ, что есть несчастнѣе, которые съ терпѣніемъ несутъ крестъ свой, но чтобъ понять это—надо любить людей. Люби, люби ихъ. Хотя больше дурныхъ, но какая радость, когда сойдешься съ хорошими, и къ дурнымъ надо относиться съ любовію,—кто знаетъ, что̀ его сдѣлало дурнымъ, можетъ онъ ласки не встрѣчалъ, слова правды ему некому было сказать". Дорогія воспоминанія! Но какъ слабо мое перо, чтобъ въ точности выразить, какъ онъ говорилъ.

Болѣло его сердце о крѣпостныхъ. Много у него было разсказовъ, нѣкоторые напечатаны. Отъ него перваго я поняла тяжкое положеніе крѣпостнаго состоянія. Хотя случалось самой видѣть, какъ ихъ бьютъ, но я не придавала значенія, потому что хотя не была крѣпостная, но воспитывалась подъ сильнымъ битьемъ,—тогда считалось такъ нужно. При воспоминаніи о моемъ дѣтствѣ ни малѣйшей злости нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Мои родители тоже были крѣпостные, но они не жаловались, напротивъ, маменька говорила, что нужду узнала, когда ихъ выпустили на волю. Насъ было 12 человѣкъ дѣтей, каково ихъ было содержать, а въ крѣпостномъ состояніи она жила на всемъ готовомъ. По разсказамъ М. С. я узнала другую сторону медали.

Одинъ разъ Мих. Сем. неловко попалъ съ своимъ разсказомъ. Часто онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ 12 часовъ чай пить. Чай чтобъ непремѣнно былъ въ чашкѣ, а не въ стаканѣ. „Во всемъ сочувствую прогрессу; но пальцы обжигать—этого прогресса не понимаю". Засталъ онъ у меня барыню, какъ разъ родственницу той знаменитой графини, которую кружевница—дѣвка Мелина—изводила, что какой урокъ ни задай, она все, бестія, выполнитъ. Онъ и разскажи этотъ анекдотъ. Барыня моя взбѣленилась, что это клевета, графиня примѣрная религіозная женщина, всѣми уважаемая. Съ тѣхъ поръ она у меня не бывала. Еще случай: былъ М. С. гдѣ-то на водахъ. Встрѣтился тамъ съ двумя гене-

ралами, Дмитріемъ Дмитріевичемъ Ахлестышевымъ и Александромъ Николаевичемъ Лидерсомъ. Мих. Сем. пилъ воды, послѣ прогулки сѣлъ отдохнуть. Генералы подходятъ къ нему,—онъ, конечно, всталъ,—спрашиваютъ: „Скажите, М. С., отчего французскій актеръ, хотя бы второстепенный, ловокъ и свободенъ на сценѣ, тогда какъ наши, и первоклассные-то, связаны, а вторые—ужъ Богъ знаетъ что"... „Это оттого, что я передъ вами всталъ". „Что это значитъ?" „Я старикъ, усталъ и не смѣю съ вами сидя разговаривать. А французскій старикъ не постѣснился-бы. Снимите крѣпостное иго и мы станемъ развязны и свободны". Часто онъ любилъ декламировать стихи изъ какой-то французской комедіи:

За родину нашу, съ врагомъ въ бой кровавый,
Въ день битвы, здѣсь каждый пойдетъ,
Вернется домой онъ увѣнчанный славой
Иль въ битвѣ со славой падетъ.
Но нуженъ и тотъ, кто трудится
И въ потѣ лица—кто снѣдаетъ хлѣбъ свой.
Въ безвѣстной онъ долѣ, все можетъ гордится,
Хотя не увѣнчанъ онъ громкой молвой.
Честь тому, кто глубь земли
Тяжкимъ заступомъ копаетъ;
Кто трудами для семьи
Хлѣбъ насущный добываетъ;
Кто надъ плугомъ льетъ свой потъ:
Кто слугой у господина
Ношу тяжкую несетъ
Для жены своей, для сына.
Честь и слава ихъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота...
Честь мозолистымъ рукамъ....
Да спорится ихъ работа!

Послѣднее время у него очень были слабы нервы. Разсказывая, читая или выслушивая что нибудь доброе, хорошее.... онъ заливался слезами. За годъ до смерти съ нимъ былъ легкій ударъ и его посадили на строгую діэту. Онъ, любившій покушать, долженъ былъ довольствоваться свѣжими щами изъ курицы, винегретъ изъ одной свеклы; на ужинъ сыворотку, и все это запивалось водой съ клюквеннымъ морсомъ. Когда бывали обѣды въ англійскомъ клубѣ, онъ не пропускалъ ихъ, чтобъ быть въ обществѣ, которое любилъ, а ѣсть могъ только одни

легюмы. Я помню, какъ онъ любилъ самъ заказывать кушанья: бывало, призоветъ повара и съ наслажденіемъ говоритъ о какомъ нибудь блюдѣ, точно „Гоголевскій пѣтухъ". Самъ ходилъ въ Охотный рядъ за провизіей. Припоминаю еще два анекдота, разсказанные имъ. Въ 1848-мъ году, когда въ Европѣ были безпорядки, онъ зашелъ въ мясную лавку, гдѣ разговорился по обыкновенію. Точно онъ былъ призванъ вездѣ вносить живое слово, со всѣми онъ умѣлъ разговаривать. Но тутъ мясникъ его озадачилъ. „Что это, батюшка М. С., какіе безпорядки вездѣ? то-ли дѣло у насъ,—мирно, смирно, да только прикажи намъ Государь Николай Павловичъ, такъ мы такую революцію устроимъ, что чудо!" Такъ какъ Мих. Сем. забиралъ нѣсколько лѣтъ въ одной лавкѣ, то былъ свидѣтелемъ какъ пять лѣтъ тому назадъ при немъ пріѣхалъ одинъ изъ нашихъ полиціймейстеровъ, купилъ теленка и велѣлъ держать мясникамъ у себя въ погребѣ, сказавъ, что будетъ присылать по частямъ за нимъ. Заговорили о взяткахъ; Мих. Сем. говоритъ, что есть и честные люди, напримѣръ, полиціймейстеръ, который при немъ заплатилъ деньги за теленка. „Да что вы, батюшка, вотъ пять лѣтъ онъ и кормится все этимъ-же теленкомъ, а по счету выходитъ, что не одинъ теленокъ, а ужъ стадо, денегъ-же мы больше не видали".

Мочаловъ, рыбникъ, каждый годъ присылалъ М. С., въ подарокъ за его хорошую игру, рыбы на уху въ первое воскресенье Великаго поста. Въ этотъ день всегда бывалъ большой обѣдъ и много гостей.

Любилъ играть М. С. въ карты по маленькой, сначала въ ералашъ, а послѣднее время въ безикъ. И къ картамъ относился серьозно, не смѣй ни о чемъ разговаривать, смѣяться, развлекаться, забудь все земное. Вышелъ смѣшной случай: задумалъ онъ давать въ бенефисъ „Холостяка", ждалъ Тургенева, который въ то время изъ за-границы долженъ былъ быть въ Москвѣ. Сѣли играть въ карты. Меня не было, это разсказывалъ мнѣ Петръ Михайловичъ Щепкинъ. Во время игры пріѣхалъ Ив. С. Тургеневъ. Подошелъ поздороваться къ М. С., тотъ и не взглянулъ на него, наскоро подалъ руку, пробормотавъ: „здравствуйте, здравствуйте"... Тургеневъ началъ ходить по комнатѣ, разсматривать картины. Кончилась сдача. Сынъ замѣтилъ отцу: „погодите, батюшка, играть, посмотрите—кто пріѣхалъ". Тутъ М. С. опомнился. „Ахъ, извините Ив. Серг., я васъ и не примѣтилъ".

Я удивляюсь покорности Мих. Сем. къ предписанію докторовъ. Однажды я спросила его, неужели ему не тяжело питаться такой невкусной пищей? Онъ отвѣчалъ: „я—жить хочу, все знать, все видѣть и не жалѣю жертвовать желудкомъ для головы и сердца".

Вотъ всѣ мои воспоминанія о Михаилѣ Семеновичѣ какъ о человѣкѣ. Артистическая его дѣятельность описана. Лично я не могла судить его, по молодости лѣтъ; сама много съ нимъ играла. Сравнить его ни съ кѣмъ не могу, онъ какъ-то самъ по себѣ. Великіе таланты Мартыновъ и Садовскій, но они сами по себѣ. Понимала и понимаю, какъ онъ любилъ горячо свою дѣятельность, какъ честно служилъ своему дѣлу и какъ насъ, молодыхъ, заставлялъ трудиться.

Говорятъ, актеръ, умирая, все уноситъ съ собой. Нѣтъ, Щепкинъ еще живъ, жива душа его и царитъ еще на московской сценѣ. Самаринъ и Шумскій продолжали его дѣло. Правда, теперь осталась изъ его современницъ только одна Н. М. Медвѣдева, представительница той-же школы и тѣхъ-же взглядовъ; Ермолова, близко стоящая къ Медвѣдевой; Федотова съ Никулиной, немного заставшія М. С. Щепкинъ, но также пользовавшіяся его лаской и совѣтами; Ленскій, воспитанный въ тѣхъ-же традиціяхъ. На нихъ лежитъ обязанность продолжать дѣло по стопамъ Михаила Семеновича, и счастливы тѣ юные таланты, которымъ придется развиваться подъ ихъ руководствомъ.

1888 г.

А. П. Шубертъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА ВАС. ВАС. ВЕРЕЩАГИНА [1].

Набѣгъ на Адріанополь

въ 1877 г.

I.

Когда въ Габровѣ я говорилъ о необходимости движенія на Адріанополь, мнѣ между причинами невозможности этого приводили ту, что «интендантство ничего намъ не заготовило, сухарей нѣтъ». Изъ ума у меня вышло сказать тогда, что М. Д. Скобелевъ захватилъ 12,000 пудовъ отличныхъ турецкихъ сухарей, бѣлыхъ, прекрасно выпеченныхъ, не чета нашимъ, и что слѣдуетъ поскорѣе наложить на нихъ руку, такъ какъ Скобелевъ дозволилъ всѣмъ частямъ своего отряда брать кто сколько захочетъ, и ихъ уже расхватывали возами. Я вспомнилъ о сухаряхъ и сказалъ начальнику главнаго штаба Непокойчицкому. Онъ до того обрадовался, что не хотѣлъ вѣрить, заторопился, сталъ шпорить своего буцефала и разузнавать; когда это подтвердилось, немедленно же доложилъ главнокомандующему и рѣшено было движеніе впередъ. Вечеромъ я обѣдалъ у Михаила Дмитріевича, былъ старикъ Скобелевъ и ген. Струковъ; послѣдній, между прочимъ, спрашивалъ меня, не хочу ли я пойти съ нимъ, такъ какъ великій князь посылаетъ его на кавалерійскій поискъ къ Германлы? Я согласился, но, къ сожалѣнію, не могъ выѣхать вмѣстѣ съ нимъ, т. е. на другой же день утромъ, такъ какъ въ прошлую ночь, на Шипкинскомъ перевалѣ, во время бури, которая столько

[1] См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, стр. 617—647.

разъ сбивала насъ съ ногъ, казакъ мой совсѣмъ разбилъ объ ледъ мой ящичекъ съ красками и былъ посланъ теперь въ Габрово чинить—надобно было подождать.

Я съѣздилъ въ главную квартиру, которая расположилась въ Казанлыкѣ, и нашелъ ее въ самомъ бѣдственномъ положеніи: хотя бо̀льшая часть города была выжжена, но квартиры кое-какія нашлись, за то пищи не было никакой. Я вспомнилъ тогда объ излишкѣ, который былъ у насъ въ отрядѣ Скобелева, особенно по части сладостей, и сказалъ генералу Штейну, что надѣюсь прислать кое-что уцѣлѣвшее.

— Да можетъ ли быть? говорилъ въ восторгѣ почтенный блюститель благочинія и желудковъ главной квартиры,—нельзя-ли поскорѣе, коли такъ, я дамъ вамъ казаковъ изъ конвоя.

Съ двумя казаками я поѣхалъ назадъ въ деревню и передалъ имъ цѣлое ведро яблочнаго варенья, горшокъ вишневаго и полъ мѣшка грецкихъ орѣховъ. За эти послѣдніе на меня дулся ординарецъ Скобелева Баранокъ, такъ какъ онъ былъ большой любитель ихъ; за то главная квартира кушала въ этотъ день. За обѣдомъ, какъ мнѣ говорили, блинчики съ вареньемъ произвели большой эффектъ.

Я побывалъ у пріятеля моего Скалона, управлявшаго канцеляріею главнокомандующаго, и попросилъ его, чтобы брата моего Александра, раненаго 30-го августа и еще не совсѣмъ поправившагося, не отсылали въ полкъ. Великій князь очень любезно приказалъ оставить его временно при главной квартирѣ, какъ ординарца.

Пока я былъ у Скалона, онъ занятъ былъ отправкою курьера къ государю съ донесеніемъ о послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ, плѣненіи турецкой арміи и проч. Скобелеву очень хотѣлось и онъ предлагалъ послать его браваго начальника штаба графа Келлера, но такъ какъ боялись, что этотъ офицеръ всю честь дѣла припишетъ Скобелеву, чего именно не хотѣли, то выбрали, напротивъ, С., офицера генеральнаго штаба при отрядѣ Мирскаго, и какъ уже помянуто, болѣе другихъ возстававшаго противъ Скобелева. . Я указалъ Скалону на то, что докладъ государю выйдетъ слишкомъ пристрастенъ и тотъ, хотя самъ не долюбливалъ Скобелева, сказалъ, однако, С.:

— Смотрите, батюшка, помните, что каждое слово вашего доклада будетъ извѣстно великому князю и что за вами поѣдетъ другой курьеръ, который можетъ сказать государю противоположное вашему, если вы увлечетесь.

С. горячо протестовалъ противъ подозрѣнія въ пристрастіи къ

своему отряду и своему — начальнику, но я увѣренъ, онъ такъ, именно, и поступилъ, т. е. представилъ все дѣло шиворотъ навыворотъ; доказательствомъ этого то, что Скобелевъ получилъ за эту блистательную битву самую ничтожную награду, много спустя, на ряду со многими другими офицерами и, какъ это ни мелочно, очень огорчился этимъ.

По извѣстію о томъ, что Сулейманъ-паша, разбитый Гурко, отступаетъ къ Адріанополю, Скобелеву приказано было идти наперерѣзъ дороги ему, форсированнымъ маршемъ. Отрядъ его проходилъ въ Казанлыкѣ мимо великаго князя церемоніально гигантскими шагами;... задніе ряды растянулись, еще болѣе растянулись вьючныя животныя — вышелъ кавардакъ.

Слышу великій князь спрашиваетъ Скобелева: «а Верещагинъ идетъ съ тобою?»

— Надѣюсь, ваше высочество, отвѣчалъ тотъ.

Вскорѣ я откланялся главнокомандующему и на его «до свиданія» прибавилъ: «въ Адріанополѣ»,—такъ оно потомъ и вышло.

Мы шли очень торопливо, но на перевалѣ черезъ Малые Балканы—съ великимъ трудомъ, такъ какъ дорога въ ущельѣ очень узка и малѣйшая остановка одной какой нибудь повозки задерживала всю часть отряда, слѣдовавшую сзади. Кажется, впрочемъ, перевалъ сошелъ благополучно, никто и ничто не свалилось въ кручу.

Къ вечеру пришли въ Эски-Загру, стоящую на выходѣ изъ ущелья и такъ разгромленную турками послѣ отступленія отряда Гурко, что едва осталось отъ цѣлаго города нѣсколько жилыхъ домовъ. Было уже почти темно, когда я въѣхалъ въ улицы, обозначенныя двумя рядами самыхъ печальныхъ развалинъ. Гдѣ примоститься, пристроиться на ночь я не зналъ, гдѣ пообѣдать—еще того менѣе. Заглянулъ было на дворъ къ Скобелеву, но увидѣлъ чрезъ освѣщенное окно, что онъ какъ тигръ ходитъ по комнаткѣ изъ угла въ уголъ, вѣроятно, бѣсится на что-нибудь, да къ тому же у него полковникъ А. На счастье встрѣтилъ генерала NN., очень милаго человѣка... Въ настоящую минуту важно было лишь то, что у него была лавка для спанья, туземное вино и кое-какой ужинъ. Вдобавокъ и смѣялся же я въ этотъ вечеръ.

Бригада N. должна была выступить въ этотъ вечеръ немедленно за кавалеріею, но офицеры какъ-то прозѣвали минуту и оказалось, что кавалерія прошла, а пѣхота, не выйдя сейчасъ же за нею, потеряла ее,—такъ таки просто и потеряла, потому что стала страшная темнота. Было нѣсколько дорогъ и по всѣмъ прошло въ продолженіе дня не мало лошадей, такъ что нелегко было добиться

толку. Бѣдный N. страшно перепугался, когда доложили ему, что давно пора выступить, но не могутъ найти дорогу, по которой прошла кавалерія. Не дожевавши куска, онъ одѣлся, опоясалъ саблю и бросился на поиски, въ страшную, непроглядную темноту. Сказать объ этомъ Скобелеву, спросить его—и думать было нечего: за такой недосмотръ онъ сейчасъ же отнялъ бы бригаду. Черезъ полчаса N. возвратился, торжественно, молчаливо развооружился и сѣлъ доѣдать баранину.

— Ну что, нашли?

— Нашелъ!

— Какъ же вы нашли?

Онъ посмотрѣлъ на меня снисходительно и, показавши указательнымъ перстомъ на свой лобъ, сказалъ:

— Quand ceci appelle tête,—tout faire!

Я, конечно, не спорилъ. N. очень охотно и очень скверно говорилъ по французски и приведенная фраза была далеко не изъ худшихъ изреченій его на этомъ языкѣ—«охота пуще неволи».

Какъ я сказалъ, N. считался въ отрядѣ не изъ храбрецовъ, что, кажется, было отчасти вѣрно. Подъ Плевною онъ командовалъ У—мъ полкомъ, который на штурмѣ какъ засѣлъ въ виноградникахъ, такъ и не вышелъ оттуда, конечно, благодаря недостаточной храбрости командира, потому что тотъ же самый У—кій полкъ, подъ Шейновымъ, геройски шелъ въ атаку, подъ командою браваго Панютина. Наглотавшись разныхъ страховъ во время этого штурма, N. сказался больнымъ и выздоровѣлъ только тогда, когда Плевна пала. Скобелевъ не щадилъ трусовъ вообще и, конечно, прогналъ бы N., если бы тотъ искренно или притворно не льстилъ своему начальнику въ глаза и за глаза, не называя его всегда и вездѣ безстрашнѣйшимъ изъ людей, небывалымъ героемъ и проч., такъ что Михаилъ Дмитріевичъ не имѣлъ силы долго и сильно на него сердиться.

— Что за трусъ, что за дрянь этотъ N., какъ онъ мнѣ надоѣлъ, говорилъ онъ иногда, но все-таки терпѣлъ его и даже представлялъ къ наградамъ, а тому только того и нужно было.

Рано утромъ на другой день, выходя съ N. изъ дому, я встрѣтилъ генерала Дохтурова, начальника кавалеріи отряда, съ которымъ тутъ только познакомился. Онъ показалъ мнѣ извѣстіе изъ передоваго отряда отъ пріятеля моего Z., доносившаго, что захваченъ мостъ черезъ Марицу и нѣсколько орудій, его защищавшихъ, а таборъ [1]) турокъ, при этомъ бывшій, прогнанъ. Генералъ былъ не-

---

[1]) Таборъ — батальонъ.

доволенъ тѣмъ, что донесеніе было отъ Z., офицера, посланнаго главнокомандующимъ, а не отъ командира полка драгунъ, дѣйствовавшаго впереди.

— «Посмотрите, пожалуйста, на этого Z., жаловался онъ мнѣ съ перваго же знакомства, куда только онъ не примажется, вѣдь вотъ побѣду одержалъ».

Теперь днемъ еще лучше было видно какъ страшно городъ Эски-Загра былъ раззоренъ — если бы не дымовыя трубы, тамъ и сямъ торчавшія, то можно было бы видѣть человѣка съ одного конца города до другаго. Страшно распорядились здѣсь турки съ болгарами, за оказанный отряду ген. Гурко сердечный пріемъ—по турецки.

Дорога отсюда къ Германлы была вся усѣяна нашими отставшими солдатами; такъ какъ гнать силою было не велѣно и желавшимъ отдохнуть не воспрещалось, то многіе прекомфортабельно расположились на снѣгу парами и вели душеспасительные разговоры. Разсчетъ Скобелева оказался вѣренъ: всѣ подошли къ вечеру и на другой день утромъ; и, благодаря тому, что отдыхъ не возбранялся, больныхъ почти не было.

Я ѣхалъ совершенно одинъ, казакъ мой отсталъ. Кругомъ было еще не мало снѣга, изъ-подъ котораго тамъ и сямъ вырывали травку бараны. Такъ какъ пропитаніе наше было до сихъ поръ весьма скудное и я не зналъ каково оно будетъ впереди, то слѣзъ съ лошади, привязалъ за сѣдло барашка пожирнѣе и затѣмъ продолжалъ путь, поддерживая свою добычу то съ той, то съ другой стороны.

Скоро нагналъ и перегналъ меня Скобелевъ.

— «Что это у васъ»?

— Какъ видите — баранъ, боюсь, что нечего будетъ ѣсть.

— «Пустяки, бросьте, впереди будетъ много всего».

Я, однако, не повѣрилъ, не бросилъ, хотя, дѣйствительно, впереди оказалось мяса довольно.

— «Знаете, Василій Васильевичъ, сказалъ мнѣ Скобелевъ, Сулейманъ-паша идетъ къ намъ на встрѣчу».

— Откуда вы знаете это?

— «Я вѣрныя извѣстія получилъ, скоро пойдемъ въ битву, не отставайте!» и онъ проѣхалъ далѣе.

Зная, что Скобелевъ часто принимаетъ свое желаніе за фактъ, я не очень-то повѣрилъ подходу Сулеймана и ѣхалъ не торопясь, поддерживая своего барашка, который постоянно съѣзжалъ на бокъ, до того, что стаскивалъ сѣдло и не давалъ лошади идти. Я не терялъ надежды пріятно удивить всю компанію моею жирною находкою, но, подъѣзжая къ мѣсту остановки, увидѣлъ кругомъ такое

множество барановъ, что бросилъ немедленно моего — послѣ столькихъ потраченныхъ трудовъ! Остановка была на желѣзно-дорожной станціи Трново-Семенли. Сюрпризъ, который меня здѣсь ожидалъ, развѣ во снѣ могъ пригрезиться: на вопросъ о генералѣ, меня ввели въ sale d'attente, гдѣ большой столъ, прекрасно сервированный, былъ занятъ всѣми нашими, окончившими прекрасный обѣдъ съ кофеемъ и сигарами!

— «Вы не ѣли? хотите обѣдать? садитесь»...

— Хочу, хочу.—Я ѣлъ, какъ волкъ.

Ген. NN. очень былъ радъ, что я догналъ его, наконецъ, угощалъ, подчивалъ и взялъ слово, что отсюда далѣе мы пойдемъ вмѣстѣ.

Онъ разсказалъ мнѣ послѣ обѣда, что̀ у него тутъ было. Когда онъ подошелъ съ драгунами, турки зажгли мостъ, но солдаты потушили и заняли его, обезпечивши такимъ образомъ переправу на другую сторону Марицы. Укрѣпленіе, обстрѣливавшее мостъ, не отличилось: турки просто убѣжали оттуда, заклепавши оба свои орудія. Такимъ образомъ батальонъ пѣхоты утекъ передъ двумя эскадронами кавалеріи, да вдобавокъ не взорвалъ и не испортилъ громаднаго моста, ввѣреннаго его охранѣ. Сожги они этотъ мостъ, мы были бы задержаны устройствомъ переправы черезъ рѣку, покрытую пловучимъ льдомъ, и Сулейманъ-паша, конечно, имѣлъ бы время отступить къ Адріанополю по желѣзной дорогѣ, черезъ Германлы. Конечно, быстрому налету Скобелева и драгунъ Струкова обязана армія захватомъ этого важнаго пункта.

Какъ потомъ оказалось, Сулейманъ присылалъ телеграмму за телеграммой о заготовкѣ вагоновъ для немедленной доставки его разбитой арміи въ Адріанополь. Его депеши достались Струкову въ руки, можно было видѣть по нимъ, что турки, гонимые Гурко отъ Филиппополя, ждали насъ и съ этой стороны, но, конечно, не воображали, что мы предупредимъ ихъ и перерѣжемъ имъ дорогу. Да и надобно сказать, что Скобелевъ прошелъ въ сутки 80 верстъ; почти то же сдѣлалъ двумя днями ранѣе Струковъ съ московскими драгунами.

Въ продолженіе этого дня отдыха всѣ отсталые подтянулись и присоединились къ частямъ; больныхъ, какъ я сказалъ, почти не оказалось. Скобелевъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, потребовалъ къ мосту жидовъ, т. е. музыкантовъ. Всѣ были сыты, потому что провизіи оказалось довольно. Нѣкоторые, какъ нашъ пріятель Д*, ординарецъ Скобелева изъ донскихъ казачковъ, даже слишкомъ отпраздновали занятіе моста. Д*. просто на просто такъ нализался, что его пришлось силою уложить спать.

Не обошлось и безъ недоразумѣній: хозяйка ресторана и стан-

ціоннаго дома жаловалась на пропажу гусей, у меня утащили отличную кавказскую шашку мою—хорошо если на погибель непріятеля, но боюсь, что для перепродажи, за нѣсколько рублей, какому-нибудь интендантскому чиновнику. Пришлось занять лишнюю шашку у X., далеко не такую щегольскую, какая была у меня, памятная еще тѣмъ, что, за время моей болѣзни отъ раны, она служила моему покойному брату Сергѣю, убитому подъ Плевною, зарубившему ею нѣсколькихъ турокъ.

Комната, въ которой я сложилъ свои вещи, съ намѣреніемъ въ ней расположиться, была потомъ занята вещами генерала Д., а моя бурка и шашка были унесены и такъ старательно припрятаны, что я едва отыскалъ первую, вторая же такъ и ухнула, вѣроятно, ужъ очень понравилась кому нибудь изъ деньщиковъ.

На другой день мы выступили рано съ ген. Струковымъ, Скобелевъ остался назади. Скоро съ возвышенности намъ открылся городокъ Германлы, въ который съ вечера еще былъ посланъ, если не ошибаюсь, эскадронъ или два драгунъ, принятый очень дурно башибузуками и въ свою очередь распорядившійся нецеремонно съ ними.

Пришло важное извѣстіе, что въ Германлы пріѣхали турецкіе уполномоченные для заключенія перемирія и просятъ дозволенія на дальнѣйшій проѣздъ въ главную квартиру. Ген. Струковъ далъ знать объ этомъ немедленно Скобелеву и просилъ поскорѣе двинуть впередъ часть пѣхоты, посламъ же отвѣтъ нѣсколько задержали, пока пѣхота не дошла до городка. И хорошо она сдѣлала, что поспѣшила, потому что драгунамъ нашимъ было тамъ довольно жарко, передъ огромнымъ числомъ непріятеля, между которымъ было не мало редифовъ изъ разгромленной Гурко арміи Сулеймана-паши.

Когда мы пріѣхали, битва уже затихла, непріятель отошелъ и насъ тотчасъ провели къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ закупоренные въ своихъ вагонахъ и не мало, вѣроятно, безпокоившіеся всю ночь криками и выстрѣлами, ожидали почтенные турецкіе уполномоченные Намикъ и Серверъ-паши (на локомотивѣ ихъ поѣзда развѣвался бѣлый флагъ). Первый былъ старый знакомецъ русскихъ, такъ какъ пріѣзжалъ къ намъ еще при императорѣ Николаѣ. Онъ былъ не только испытанный дипломатъ, но въ то-же время, какъ министръ двора, и самый близкій къ султану человѣкъ. Второй—министръ иностранныхъ дѣлъ, сравнительно молодой, видимо нервный человѣкъ. Намикъ сухощавый, очень пожилой, съ острымъ носомъ, нѣсколько потухшимъ взоромъ, клинообразною бородою и полными достоинства манерами, былъ одѣтъ въ длинную, широкую турецкую одежду, съ неизбѣжною фескою на головѣ. Серверъ, съ широкимъ, живымъ

лицомъ, нѣсколько раскосыми глазами, въ какомъ-то доморощенномъ и поношенномъ черномъ пальто-сакъ и резиновыхъ калошахъ, часто вскакивалъ и, засунувши руки въ карманы, либо шагалъ по вагону, либо, останавливаясь, упирался въ насъ глазами, нервно перебирая скулами, обличая немалое волненіе.

Имъ доложили о пріѣздѣ русскаго генерала – приказали просить. Мы вошли въ вагонъ-залъ, гдѣ Струковъ представился какъ начальникъ авангарднаго отряда, а меня представилъ какъ своего секретаря. Мы оба были въ буркахъ и, надобно думать, смотрѣли порядочно дико, не смотря на французскій языкъ, на которомъ мы вели бесѣду. Ген. Струковъ съ большимъ тактомъ заговорилъ о стойкости турокъ, не упоминая ни словомъ о нашихъ побѣдахъ, и высказалъ совершенно вѣрную мысль, что чѣмъ больше мы знакомимся съ личнымъ характеромъ турокъ, тѣмъ болѣе уважаемъ ихъ. Намикъ, этотъ умница старикъ, легко перешелъ къ послѣдней рѣшительной для турецкой арміи битвѣ, подъ Шейново, и обратился ко мнѣ съ разспросами, когда ген. Струковъ указалъ на меня, какъ на участника этого сраженія.

— Скажите, перебилъ Серверъ-паша, останавливаясь передъ нами съ видомъ человѣка, не имѣющаго болѣе силъ владѣть собою,—скажите мнѣ откровенно, дружески, неужели Вессель не могъ долѣе держаться.

— Не могъ, паша, увѣряю васъ, отвѣчалъ я и, вынувши мою записную книжку, начертилъ планъ деревни Шейново и позицій Весселя, а также позицій Радецкаго, Скобелева и Мирскаго; указалъ, какъ двое послѣднихъ обошли, атаковали турокъ и заставили положить оружіе (чертежъ этотъ до сихъ поръ хранится въ моей записной книжкѣ). Какой-то стонъ вырвался у Сервера, онъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

Посланники выразили желаніе продолжать путь въ главную квартиру.

— Поѣздъ, съ которымъ мы пріѣхали, вы, надѣюсь, сейчасъ же отправите назадъ? сказалъ Намикъ-паша.

— Я испрошу на этотъ счетъ приказанія моего начальника генерала Скобелева, отвѣчалъ Струковъ.

— Зачѣмъ вамъ спрашивать разрѣшенія, поѣздъ подошелъ и стоитъ подъ парламентерскимъ флагомъ и не можетъ, не долженъ быть захваченъ для военныхъ цѣлей!

— Я испрошу приказанія, былъ отвѣтъ.

— Что-же это такое, взмолился паша; но вѣдь сейчасъ придетъ еще поѣздъ съ нашими экипажами и лошадьми для его высочества

главнокомандующаго отъ его величества султана, неужели вы и его задержите?

— Я обязанъ испросить приказаніе.

Мелькомъ, тихо я напомнилъ ген. Струкову, что «поѣздъ, дѣйствительно, подъ бѣлымъ флагомъ, нельзя его не отдать».

— «Намъ вагоны не нужны, есть, но локомотива нѣтъ, тихо, быстро, отвѣтилъ Струковъ; временно я, во всякомъ случаѣ, долженъ задержать ихъ, а потомъ, что прикажутъ».

Это послѣднее онъ произнесъ и громко, увѣривши пашей, что, по полученіи распоряженія, не задержитъ поѣзда ни на минуту. Увы! отъ Скобелева пришелъ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отдавать поѣздовъ, которые, надо въ этомъ сознаться, преисправно перевозили потомъ наши войска. Но паши уже не знали этого, такъ какъ раньше уѣхали въ главную квартиру нашей арміи, въ Казанлыкъ. Вечеромъ я еще зашелъ къ нимъ въ вагонъ сказать, чтобы они приказали хорошенько присматривать ночью за всѣми своими вещами: кругомъ было не мало мародеровъ, не только изъ болгаръ, но и изъ башибузуковъ.

На слѣдующій день мы выѣхали проводить ихъ. Паши отправились въ каретѣ, къ которой мы подошли попрощаться, пожелать хорошаго пути и успѣха въ переговорахъ. «Будемъ надѣяться, что результатъ вашей поѣздки будетъ скорый миръ, сказалъ имъ Струковъ, отвѣчая на ихъ дружескія и печальныя пожатія рукъ; не забывайте, что у насъ есть общій врагъ, тотъ, который обѣщаніями довелъ васъ до теперешняго положенія и бросилъ на произволъ судьбы».—«Это вѣрно», отвѣчалъ Серверъ; у него опять были слезы на глазахъ. Паши поѣхали между двухъ рядовъ выстроенныхъ войскъ нашего небольшаго отряда, во все горло оравшаго пѣсни, съ прикриками, присвистами—бѣдные паши!

Скалонъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что когда пришло извѣстіе о занятіи Струковымъ Адріанополя, то, не смотря на очень поздній часъ, они поспѣшили извѣстить пашей.

— Часто въ переговорахъ о перемиріи, говорилъ С..—эти почтенные люди, съ которыми всѣ мы были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, преважно настаивали на томъ, что Адріанополь еще не взятъ, да и нелегко возьмется, поэтому было понятно наше желаніе поскорѣе преподнести имъ этотъ сюрпризъ, сейчасъ же разбудили ихъ — тѣ вскочили.

— Что, что такое?

— Имѣемъ честъ поздравить съ занятіемъ Адріанополя! Они чуть не заплакали.

Бѣдные паши!

Мнѣ оказалось не мало дѣла. Ген. Струковъ былъ назначенъ начальникомъ небольшаго отряда, составлявшаго авангардъ всего большаго Скобелевскаго отряда. Такъ какъ это назначеніе было частное, самого Скобелева, то никакого офицера генеральнаго штаба не было и пріятель просилъ меня заняться то тѣмъ, то другимъ дѣломъ, смотря по надобности—я былъ волонтеромъ, начальникомъ штаба его. Я собиралъ, напримѣръ, слухи и свѣдѣнія отъ туземцевъ, о чемъ докладывалъ потомъ Александру Петровичу. Для этого у насъ былъ болгаринъ Христо, съ огромными усами, какъ у кота, толстый, красивый, въ расшитой, покрытой галунами, курткѣ, широчайшихъ штанахъ, съ большою богатою саблею, къ несчастію, непріятеля не видѣвшею. Онъ служилъ прежде кавасомъ въ константинопольскомъ посольствѣ при генералѣ Игнатьевѣ, потомъ, во время войны, былъ при главнокомандующемъ и теперь выпросился идти переводчикомъ при Струковѣ. Мы узнали, что армія Сулеймана-паши, разбитая Гурко, увидя невозможность попасть въ Адріанополь прямымъ желѣзнодорожнымъ путемъ, бросилась вѣ горы и отступаетъ теперь безостановочно небольшими партіями въ 5—10—20 человѣкъ, т. е. въ полномъ разстройствѣ. Попади энергичный Сулейманъ со своими, еще по меньшей мѣрѣ 30 тысячами, въ Германлы раньше насъ и успѣй онъ пробраться въ Адріанополь, уничтоживъ мостъ въ Трново-Семенли Мустафа-паша и другихъ менѣе значительныхъ мѣстахъ, наше шествіе къ Константинополю не походило бы на военную прогулку, какъ это вышло теперь, и съ этой стороны заслуга быстраго энергическаго налета Струкова, его образцоваго кавалерійскаго рейда не оцѣнена, по достоинству, у насъ, какъ мнѣ кажется. Мнѣ самому, напр., доводилось слышать отъ офицеровъ арміи Гурко, что полъ-дѣла было Струкову и за нимъ Скобелеву идти впередъ тріумфаторами, когда уже серьезное сопрстивленіе было сломлено — но они забывали, что, во-первыхъ, серьезное сопротивленіе впереди было предупреждено, и во вторыхъ, что Струковъ шелъ почти до самаго Константинополя, съ тремя неполными полками кавалеріи и одною батареею, и что по дорогѣ его въ одномъ, двухъ переходахъ почти постоянно находилась турецкая пѣхота. Теперь, когда дѣло это уже прошлое, мнѣ просто смѣшно думать, что бы вышло изъ нашего тріумфальнаго шествія, если бы мы наткнулись хоть на два баталіона турецкихъ редифовъ!

Такъ или иначе, въ ожиданіи Скобелева и скораго выступленія, мы прекрасно помѣстились въ Германлы; дровъ, провизіи было не занимать стать и столъ нашъ былъ хорошъ, т. е. щи или супъ вкусны и горячи—чего же больше.

Я былъ занятъ, по просьбѣ Струкова, двумя вещами: удержаніемъ солдатъ отъ грабежа и разоруженіемъ жителей. На бѣду, одному изъ нашихъ драгунъ посчастливилось найти 500 турецкихъ золотыхъ; какъ только узнали объ этомъ въ отрядѣ, каждому захотѣлось найти тоже 500 золотыхъ. Хотя отрядъ стоялъ внѣ города, но солдаты подъ всякими предлогами шлялись по домамъ, искали и даже вымогали денегъ, выпускали пухъ изъ перинъ и подушекъ, разбили нѣсколько погребовъ, Было заявлено много жалобъ, о которыхъ сообщено было въ части. но нѣкоторые начальники смотрѣли сквозь пальцы, если не потакали, то и не взыскивали строго. Тогда я пошелъ по улицамъ и принялся за дѣло. Входишь въ домъ: нѣсколько солдатъ бродятъ изъ угла въ уголъ, осматриваютъ, шарятъ среди терроризованныхъ жителей.

— Зачѣмъ вы здѣсь?

— Квартиры смотрѣть посланы, ваше высокоблагородіе.

Сначала я думалъ, что это правда, но узнавши, что все это вздоръ, предлогъ для выглядыванія денегъ или цѣнностей, сталъ безъ церемоніи выгонять вонъ самыми энергичными средствами.

Что найдутъ и унесутъ или выпьютъ вино—это еще понятно, но, напр., вижу у дверй подвала толпятся солдаты. Подхожу—уксусный погребъ, въ которомъ уксусъ, выпущенный изъ нѣсколькихъ бочекъ, уже стоитъ на четверть аршина отъ полу. Босой, завернувши штанишки, солдатъ стоитъ въ этомъ озерѣ, въ рукахъ затычка, вынутая изъ послѣдней бочки, и изъ нея уксусъ бьетъ огромною струею.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— А такъ, вишь какъ бѣжитъ!

По жалобамъ жителей я ходилъ въ разныя части города, останавливалъ безчинства, соединенныя иногда уже съ крикомъ женщинъ и дѣтей, давалъ подзатыльники, прогонялъ, но снова то-же самое начиналось въ другомъ мѣстѣ. Женщинъ, впрочемъ, нигдѣ не трогали въ извѣстномъ смыслѣ; на одной площади я засталъ штукъ 50—60 турчанокъ старыхъ и малыхъ, собравшихся, какъ цыплята, въ кучу головами вмѣстѣ и, очевидно, творившихъ молитву. Струковъ велѣлъ отвести имъ особенное помѣщеніе и приставить караулъ.

Что касается разоруженія жителей, то дѣло это шло хорошо и съ меньшими хлопотами, чѣмъ можно было бы ожидать. Боясь отвѣтственности за удержаніе оружія, жители сносили довольно исправно свою защиту. Какого только оружія тутъ не было! И арабскія ружья, съ тонкими металлическими прикладами, и чисто турецкія, выложенныя перламутромъ и слоновою костью; пистолеты, шашки, ятаганы; изъ послѣднихъ нѣкоторые были очень характерны и я отобралъ себѣ

не мало экземпляровъ, какъ матеріалъ для будущихъ картинъ, предназначивъ нѣкоторые для Струкова, обѣщавшаго привезти, что высмотритъ интереснаго по этой части, кое-кому изъ своихъ знакомыхъ! Увы! съ тою же легкостью, съ которою эти вещи пріобрѣлись, были онѣ и утеряны: телѣга, нагруженная нашими трофеями, на слѣдующей же станціи была разграблена ночью и такъ чисто, что ни самой телѣги, ни воловъ, ее везшихъ, не оказалось. Кому-то, вѣрно, было нужнѣе, чѣмъ намъ. Однако, при сваливаніи этого снесеннаго со всего города оружія не обошлось безъ грѣха: казакъ, бросавшій ружья слишкомъ неосторожно, получилъ пулю въ животъ.

Скобелевъ, тѣмъ временемъ, принявши и отправивши далѣе посланниковъ, пріѣхалъ въ Германлы. Очевидно, ему не давала покоя мысль окончательно раздавить, а если можно, то и взять въ плѣнъ армію Сулеймана-паши, т. е. довершить то, что не кончилъ Гурко, который, разбивши Сулеймана въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, гналъ его передъ собою. Но Скобелевъ обманулся въ томъ смыслѣ, что въ дѣйствительности Гурко разгромилъ Сулеймана сильнѣе, чѣмъ слухи передавали, и турецкая армія, т. е. остатки ея, какъ мы уже и знали по нашимъ свѣдѣніямъ, узнавъ о перерѣзѣ ей дороги со стороны Германлы, отступила, бѣжала въ разсыпную, горами.

Скобелевъ пресерьезно собирался идти къ Хаскіою на встрѣчу Сулейману.

Михаилъ Дмитріевичъ говорилъ мнѣ:

— «Василій Васильевичъ, что, вы съ нимъ идете?»

— Да, иду.

— «Пойдемте лучше со мною, вы знаете, Сулейманъ подходитъ!»

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, Сулейманъ идетъ горами.

— «Ну, что-же вы спорите, когда я имѣю самыя положительныя свѣдѣнія; Панютинъ доноситъ, что уже завязалъ дѣло съ нѣсколькими передовыми таборами!»

Я нѣсколько смутился этою подробностью, но все-таки отвѣчалъ, что пойду съ Струковымъ къ Адріанополю.

— «Какъ знаете», отвѣтилъ милѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ, надувши губы.

Я не зналъ тогда, до какой степени я былъ правъ и Скобелевъ ошибался; онъ совершилъ здѣсь одну изъ величайшихъ ошибокъ, которую только можетъ сдѣлать командующій генералъ—принялъ за регулярное войско и атаковалъ обозъ турецкихъ поселянъ, покинувшихъ свои жилища и двигавшихся къ Константинополю, какъ то приказалъ имъ бѣшеный Сулейманъ. Ошибкѣ этой помогло, кромѣ помянутой и уже давней ревности Скобелева къ Гурко, еще то

обстоятельство, что къ громадному обозу выселявшихся турецкихъ семействъ присоединились мужья, братья и проч. родичи изъ отступавшей арміи, захотѣвшіе весьма естественно оказать защиту своимъ и, при появленіи русскихъ, соединившихся въ колонны. Эти колонны и были тѣ таборы, которые высчитывалъ Панютинъ и казацкіе начальники въ своихъ донесеніяхъ генералу и противъ которыхъ онъ выступилъ.

Я еще былъ у Скобелева, когда командиръ одного изъ донскихъ казачьихъ полковъ доносилъ ему, что «наступаютъ».

— Хорошо, принимайте бой, принимайте бой!

— Есть уже убитые, тридцать лошадей ранено и убито!

— Хорошо, пусть будетъ триста.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ полковникъ и вышелъ.

Не любятъ практическіе казаки терять не только людей, но и лошадей. Вспоминаются по этому поводу резоны командира Кубанскаго казачьяго полка К., жаловавшагося мнѣ подъ Плевною на легкость, съ которою Скобелевъ относится къ потерѣ людей.

— Вѣдь, когда я ворочусь домой съ полкомъ, жена убитаго потребуетъ у меня отвѣта за мужа: «куда ты, скажетъ, дѣвалъ его, отчего не поберегъ?» А онъ требуетъ: «стой въ колоннѣ, не разсыпайся, им-по-ни-руй», хорошо импонировать, да коли народъ валится!..

По дорогѣ къ Хаскіою разгоралось дѣло; послѣ горячей перестрѣлки пѣхота и кавалерія бросились на ура! И тутъ совершилось, надобно сказать, дѣло, которое Скобелевъ уже засталъ совершившимся и остановить которое было поздно. Бравый Панютинъ плохо разобралъ своего непріятеля и поднялъ на штыкъ весь громадный обозъ: на разстояніи многихъ верстъ дорога покрылась мертвыми и ранеными, не столько мужчинъ, сколько женщинъ и дѣтей. Солдаты сбрасывали съ повозокъ людей, разрывали, разбрасывали имущество, ища денегъ, и когда Скобелевъ подъѣхалъ — онъ ужаснулся сдѣланной ошибкѣ. Приказъ его по отряду послѣ этого дѣла, конечно, одинъ изъ самыхъ строгихъ изъ всѣхъ, когда либо данныхъ имъ по войскамъ. Но, пожалуй, довольно объ этомъ.

Скобелевъ вышелъ на улицу провожать нашъ отрядъ къ Адріанополю. Отведя меня въ сторону, онъ сказалъ:

— Смотрите же, Василій Васильевичъ, чтобы отрядъ шелъ впередъ!

— Будьте спокойны, отвѣчалъ я ему, зашагаемъ.

Здѣсь кстати сказать, что я не знаю офицера болѣе исполнительнаго, дисциплинированнаго, чѣмъ Струковъ. Это типъ образцоваго, методичнаго кавалериста; съ маленькою головою, сухощавый, такъ что кожа обтягиваетъ прямо кости и мускулы, онъ, по словамъ

одного своего пріятеля, желавшаго сдѣлать ему комплиментъ, «точно кровная арабская лошадь». Съ огромными усами, меланхолическимъ взоромъ, онъ постоянно нервно подергивается, но хорошо владѣетъ собою и почти никогда не теряетъ ровнаго расположенія духа, что весьма важно въ командующемъ офицерѣ. Въ арміи подсмѣивались надъ тѣмъ, что онъ всегда былъ на виду, всегда всюду поспѣвалъ; остряки говорили, что «гдѣ ни плюнь—тамъ С—въ», но сила этой остроты значительно умѣряется тѣмъ обстоятельствомъ, что то-же говорили, вѣроятно, и отступавшіе передъ нами турки: какъ они ни отходили, Струковъ съ кавалеріей былъ тутъ какъ тутъ. Я положительно дивился силѣ и подвижности этого человѣка, у котораго на взглядъ «еле-еле душа въ тѣлѣ». Вставалъ онъ очень рано, самъ стлалъ свою постель, самъ ее и собиралъ, вина не пилъ, табаку не курилъ, не только за людьми, но и за лошадями, смотрѣлъ какъ за дѣтьми; по ночамъ вскакивалъ по нѣскольку разъ, чтобы лично выслушивать всѣ донесенія, при чемъ для офицера всегда находилось у него любезное слово, а для нижняго чина «на водку» изъ своего кошелька. Такъ и вижу моего милаго браваго сотоварища, какъ онъ, закутанный въ бурку и башлыкъ, ѣдетъ на своей сухопарой англійской кобылѣ—подъ нимъ въ походѣ были двѣ кровныя англійскія лошади—его профиль на полусвѣтѣ холоднаго воздуха 5—4 часовъ утра начинаетъ сгибаться, башлыкъ опускается все ниже, ниже, пока, наконецъ, клюкаетъ о гриву лошади. Иногда я не утерплю, расхохочусь надъ этою процедурою засыпанья; тогда онъ вытаращитъ на меня полусонные глаза.

— Что, что случилось? А!—и снова начинаетъ клюкать.

Передовой отрядъ нашъ состоялъ почти изъ трехъ полковъ кавалеріи: полкъ Московскихъ драгунъ, Петербургскихъ уланъ и неполнаго полка Донцевъ, при одной конной батареѣ, которая постоянно завязала въ грязи и замедляла наше шествіе, хотя въ то-же время и придавала намъ авторитета.

Драгунами командовалъ полковникъ Я*, добродушнѣйшій воинъ, какого только можно себѣ представить, передвигавшій свою тучную фигуру, какъ на креслѣ, на своемъ бѣломъ иноходцѣ, въ коемъ души не чаялъ. Я* былъ много старше по службѣ Скобелева, бывшаго у него въ эскадронѣ юнкеромъ; теперь Я* командовалъ полкомъ, а прежній его юнкеръ всѣмъ авангардомъ арміи. Отношенія ихъ остались дружескія и, конечно, Я* все готовъ былъ сдѣлать для Михаила Дмитріевича, только иноходца своего не согласился уступить. Скобелевъ, бывши неравнодушнымъ къ бѣлымъ лошадямъ, скоро замѣтилъ чудеснаго коня и закинулъ удочку черезъ Струкова.

— Михаилъ Дмитріевичъ говоритъ, что ты могъ бы одолжить его.

— Чѣмъ только могу, очень буду радъ.

— Твой бѣлый иноходецъ...

— Ни за что, не стоитъ и говорить объ этомъ!

Командиромъ уланъ былъ Б., когда-то, говорятъ, блестящій свитскій офицеръ, теперь меланхоличный, недовѣрчивый. Недавняя, передъ самымъ уходомъ, случившаяся трагическая смерть его красавицы жены была, говорятъ, причиной этой разительной перемѣны. Я. держался съ нами, т. е. со мною и Струковымъ; Б. чаще одинъ или иногда съ нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ.

Командиръ донцевъ Л., хотя и флигель-адъютантъ, былъ похожъ на всѣхъ донскихъ командировъ, берегъ лошадокъ, ловко добывалъ фуражъ и дисциплину понималъ, очевидно, по своему, потому что казачки его постоянно попадались въ вымогательствахъ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ хорошо нести разъѣздную службу.

Командира батареи что-то плохо помню — почтенныхъ лѣтъ офицеръ, честно служившій своей родинѣ, т. е. въ данномъ случаѣ, за отсутствіемъ болѣе боевой службы, съ утра до вечера вытаскивавшій свои орудія изъ страшной грязи.

У Струкова былъ еще, т. е. часто приходилъ къ намъ изъ полка, драгунскій офицеръ В., милый и покладистый товарищъ, писавшій приказы и распоряженія по отряду Струкова и иногда донесенія его высочеству подъ мою диктовку. Наконецъ, для полноты описанія всего начальства нашего крылатаго отряда, надобно сказать и о помянутомъ уже болгаринѣ Христо, одномъ изъ тѣхъ усатыхъ, раззолоченныхъ кавасовъ, которыми такъ щеголяютъ всѣ восточныя посольства и консульства. Тѣми же невозможными усами и золотомъ на одеждѣ внушалъ онъ страхъ и почтеніе и во время нашего похода и частица этого уваженія естественно отражалась на насъ, придавая важности и значенія отряду, заключавшему въ себѣ свѣтило такой величины и такого блеска!

Лишь только пришли мы послѣ благополучнаго дневнаго перехода, съ однимъ роздыхомъ, къ городу Мустафи-паша и передъ конакомъ сошли съ лошадей, Струкова извѣстили о прибытіи посланныхъ изъ Адріанополя; онъ велѣлъ немедленно ввести ихъ. Это были грекъ и болгаринъ; оба, отъ имени жителей своихъ національностей, звали занимать городъ; турки-де, узнавъ о приближеніи русскихъ, взорвали загородный дворецъ, служившій арсеналомъ. (У насъ въ отрядѣ даже слышали этотъ взрывъ. Какъ я послѣ узналъ, въ этомъ дворцѣ погибло много чудесныхъ памятниковъ стараго искусства, между прочимъ, знаменитые залы, убранные сплошь лазуревыми

изразцами). Черкесы, по словамъ ихъ, рыщутъ въ окрестностяхъ, того и смотри ворвутся въ городъ и ограбятъ его. Что касается большихъ великолѣпныхъ фортовъ надъ городомъ, стоившихъ туркамъ столькихъ трудовъ и издержекъ, то они оставлены за неготовностью нѣкоторыхъ и за недостаткомъ людей для защиты ихъ.

Въ большомъ залѣ конака Струковъ собралъ военный совѣтъ изъ полковыхъ командировъ и меня. Онъ изложилъ вкратцѣ суть дѣла: не было сомнѣнія, что жители города, боясь грабежей, желаютъ нашего прихода и мы можемъ, пользуясь паникою, занять Адріанополь; но, съ другой стороны, пѣхоты у насъ совсѣмъ нѣтъ и появленіе одного, двухъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ таборовъ можетъ быть очень опасно, особенно для нашихъ орудій. По свѣдѣніямъ отъ болгаръ, какъ разъ это время находился вблизи города — проходомъ — египетскій принцъ съ 2,000 черной африканской пѣхоты, хорошо вооруженной. Кромѣ того, изъ остатковъ сулеймановской арміи набралось въ окрестностяхъ, или шло къ Константинополю не мало небольшихъ отрядовъ. Объяснивши это, Струковъ предложилъ подавать мнѣнія. Какъ младшій чиномъ, я первый подалъ голосъ: наступать!—Я. не нашелъ возможнымъ высказаться рѣшительно, но былъ больше за наступленіе. Б* былъ положительно противъ.

— «Хорошо вамъ совѣтовать наступать, не неся отвѣтственности; что мы сдѣлаемъ, если будетъ засада? если мы наткнемся на пѣхоту? если, разъ занявши городъ, снова придется покинуть его? Необходимо подождать генерала Скобелева».

Командиръ казаковъ не рѣшался. Я все-таки повторялъ, что надобно наступать; Струковъ не высказалъ никакого мнѣнія и совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ окончательно.

Скоро прибылъ изъ Адріанополя еще гонецъ, пребуйный грекъ, вооруженный до зубовъ и чуть-ли не подъ хмѣлькомъ; онъ объявилъ, что посланъ новымъ губернаторомъ предложить русскому отряду занять городъ.

«Какой такой новый губернаторъ»? спросилъ Струковъ.

— «Ну! когда военный губернаторъ взорвалъ замокъ и ушелъ съ гарнизономъ, султанъ приказалъ Фасу быть губернаторомъ — кого же еще вамъ нужно!»

Этотъ посланный своего губернатора держался такъ дерзко, что попросилъ у Струкова позволенія переговорить съ нимъ построже.

— «Пожалуйста», отвѣчалъ онъ. Во весь размахъ руки я вытянулъ буяна нагайкою—онъ ошалѣлъ и впервые всталъ смирно и почтительно.

— «Какъ ты смѣешь такъ говорить съ генераломъ, а! Поди скажи

твоему новому губернатору, что генералъ его не признаетъ и придетъ самъ назначить губернатора. Маршъ».

— «Однако, строги же вы», сказалъ мнѣ Струковъ и офицеры.

— «Попробуйте говорить съ этими головорѣзами иначе», отвѣчалъ я.

На другое утро просыпаюсь—Струковъ сидитъ на моей постелѣ; видно было, что онъ давно уже всталъ.

— «Я рѣшился, сказалъ онъ, идемъ занимать городъ».

— Браво!

Вчерашніе посланные еще не уѣхали. Генералъ послалъ ихъ впередъ объявить о нашемъ движеніи, и отведя въ сторону потребовалъ, чтобы, въ знакъ изъявленія покорности Адріанополя были поднесены ключи его, которые онъ долженъ переслать къ его высочеству главнокомандующему.

— Да ключей нѣтъ у города, отвѣчали сконфуженные посланцы.

— «Чтобы были, знать ничего не хочу!» рѣшилъ генералъ. Они уѣхали, но вчерашній грубіанъ не рѣшился отправиться днемъ, изъ боязни быть на дорогѣ побитымъ—храбрость его была, очевидно, относительная.

Былъ прекрасный солнечный день, когда мы подходили къ Адріанополю. На встрѣчу выѣхало нѣсколько всадниковъ и между ними два армянина, братья Абдулла, извѣстной фирмы фотографовъ султана въ Адріанополѣ и Константинополѣ. Передъ самымъ городомъ показалась густая толпа двигавшагося намъ на встрѣчу народа, одушевленіе котораго росло по мѣрѣ нашего приближенія; наконецъ, передовые не выдержали—бросились бѣгомъ! Невозможно, немыслимо описать ихъ энтузіазмъ и сцену, затѣмъ послѣдовавшую; съ криками и воемъ бросались люди передъ нами на колѣна, цѣловали землю, крестясь, прикладывались, какъ къ образамъ, не только къ нашимъ рукамъ, но и колѣнамъ, сапогамъ, стременамъ. Не даваться, не допускать ихъ до этого не было никакой возможности, приходилось подчиниться. Признаюсь, не могу безъ смѣха вспомнить фигуру Я* съ умиленною физіономіею и разставленными для поцѣлуевъ руками, что твоя мадонна—буквально залитыми слезами восторженнаго народа. Струкова рвали на части; кабы не высота его англійской кобылы, ему бы, кажется, не сдобровать.

Дали знать, что на встрѣчу идетъ духовенство съ крестами и хоругвями, и мы уже совсѣмъ готовились вступить въ улицы Адріанополя, когда я остановилъ Струкова.

— «Александръ Петровичъ, намъ немыслимо входить въ городъ».

— Отчего?

— «Посмотрите на эти узкія улицы: всякій трусливый крикъ, всякій выстрѣлъ произведутъ панику; мы то еще ничего, но орудія совсѣмъ застрянутъ и не поворотишь ни одно!»

— Такъ что же дѣлать?

— «Не входить въ городъ, остановимся гдѣ нибудь здѣсь».

— Нельзя, уже духовенство идетъ на встрѣчу.

— «Богъ съ нимъ съ духовенствомъ, оно зайдетъ и съ другой стороны». Струковъ колебался.

— Да гдѣ же встать?

Я осмотрѣлся кругомъ. «Вотъ налѣво гора; свернемъ туда».

Мы повернули круто налѣво на высокую гору, отрядъ и народъ послѣдовали сзади. Когда мы въѣхали на гору, то невольно ахнули отъ удивленія. Позиція идеальная! ровная площадь, господствующая надъ всѣмъ городомъ, разстилавшимся внизу, какъ на ладони; не только положеніе наше здѣсь было почти неприступное, но мы батареею могли угрожать цѣлому городу!

Только лишь въѣхали мы и осмотрѣлись, какъ на встрѣчу, изъ примыкавшаго болгарскаго квартала, вышла огромная процессія изъ представителей разныхъ церквей и религій. Впереди былъ греческій митрополитъ (Діонисій), затѣмъ армянскій архіепископъ, болгарскій священникъ, еврейскіе раввины, турецкіе муллы и съ нимъ громадная толпа народа—вся площадь покрылась людьми; я думаю, было тысячъ 30—40. Масса эта облегла и стѣснила насъ такъ, что пока мы слѣзали съ лошадей, меня успѣли отдѣлить отъ Струкова. Слышу крикъ его — «Василій Васильевичъ, проходите же скорѣй», онъ протянулъ мнѣ руку и съ помощью нѣсколькихъ услужливыхъ сосѣдей я продрался до генерала. Мы приложились къ крестамъ и поцѣловали пухлую, мягкую руку митрополита, видимо оставшагося довольнымъ такимъ знакомъ почтенія.

Тутъ выскочилъ на какую-то приступку тотъ самый новой губернаторъ, о которомъ была рѣчь выше, толстый грекъ, со звѣздою Меджидіе на груди. Въ высокопарной французской рѣчи онъ сказалъ намъ привѣтствіе, въ которомъ не забылъ упомянуть о томъ, что назначенъ охранять порядокъ и, закончивъ свой спичъ словами: vive la Russie! Ура!—ура подхватила вся толпа—поднесъ Струкову на блюдѣ ключи города (3 числомъ, очень большаго размѣра). Я спрашивалъ потомъ— гдѣ они достали эти ключи и получилъ въ отвѣтъ: «купили на базарѣ»; надобно думать, что не безъ ироніи къ тремъ большимъ ключамъ были приброшены еще двѣ связки маленькихъ. Кстати скажу здѣсь два слова о дальнѣйшей судьбѣ этихъ ключей: самый большой изъ нихъ я взялъ себѣ для разбиванія миндальныхъ орѣховъ, которые

подавались у насъ каждый день, такъ какъ они были очень вкусны и дешевы, два другіе были отправлены сначала главнокомандующему, а потомъ въ Петербургъ. Передъ посылкою въ Петербургъ Струковъ просилъ меня отдать третій самый большой и внушительный, но я не отдалъ и онъ виситъ у меня въ мастерской, рядомъ съ значкомъ Скобелева.

Возвращаюсь, однако, къ Адріанополю. Я посовѣтовалъ Струкову объявить самозванному губернатору, что онъ его полномочій не признаетъ и покамѣстъ самъ будетъ управлять городомъ до будущаго распоряженія высшаго русскаго начальства, что Александръ Петровичъ и сдѣлалъ. Грекъ сконфузился, сейчасъ же нашелся, поблагодарилъ и опять прокричалъ ура въ честь русскихъ. Затѣмъ я высказался генералу и онъ тутъ же громко передалъ мои слова народу, касательно способа, какимъ русскіе намѣрены первое время довольствовать отрядъ, охраняя неприкосновенность жилищъ. «Пусть, объявилъ генералъ, всякая народность выберетъ по два представителя, пусть собраніе этихъ представителей подъ предсѣдательствомъ греческаго митрополита озаботится своевременнымъ доставленіемъ людямъ и лошадямъ корма; на этомъ, и только на этомъ, условіи не будетъ дѣлаться реквизицій и солдаты не будутъ посылаться въ городъ; если же все нужное не будетъ доставлено, солдаты будутъ сами доставать то, что имъ нужно. За все принесенное будетъ заплочено главною квартирою». Всѣ были, видимо, довольны, пропалъ ихъ страхъ имѣть дѣло съ солдатами, страхъ, совершенно понятный. Грекъ Фассъ и за нимъ вся толпа закричала ура! царю Александру, и на этотъ разъ кричали, должно быть, вполнѣ искренно — такъ громко, что просто оглушили.

Когда духовенство ушло, мы направились въ церковь болгарскаго квартала, которая, разумѣется, была полна полнехонька народомъ. Началась служба съ ужаснымъ греческимъ напѣвомъ, представляющимъ такой контрастъ съ нашимъ обыкновенно болѣе или менѣе гармоническимъ пѣніемъ: я слыхивалъ его и прежде, но такого невозможно гнусливаго завыванья еще не слышалъ и признаюсь, какъ это ни глупо, мною овладѣлъ дурацкій безпричинный смѣхъ, который трудно было скрыть. На бѣду еще Струковъ, рядомъ стоявшій, обратился ко мнѣ съ лаконическою замѣткою:

— «Каково поютъ, а?»

Должно быть онъ самъ потерялъ терпѣнье, потому что, когда священнослужители, кончивши часы, стали облачаться для обѣдни, онъ подозвалъ Христо: «поди, скажи священнику, что мнѣ некогда сегодня—пусть оканчиваетъ». Положеніе неудобное—они только собирались начинать!

Приложившись къ кресту, мы вышли изъ церкви, сѣли на лошадей и возвратились на площадь. Здѣсь Струковъ поставилъ отрядъ свой въ каре, объѣхалъ его, поблагодарилъ за службу и поздравилъ съ занятіемъ второй столицы Турціи, знаменитаго города Адріанополя!

Солдаты расположились бивуакомъ, а мы заняли угловой домъ на площади. Скоро пришло извѣстіе, что черкесы грабятъ дальніе кварталы города. Струковъ далъ мнѣ полъ эскадрона драгунъ и велѣлъ проѣхать по улицамъ, успокоить жителей, да кстати разузнать на мѣстѣ, сколько правды въ извѣстіи, что безчинствуютъ черкесы. Я захватилъ старикашку болгарина или грека, хорошо говорившаго по турецки и порядочно понимавшаго по русски, и, проѣзжая по всѣмъ главнымъ улицамъ, заставилъ его громко объявлять, чтобы ничего не боялись, такъ какъ русская власть съумѣетъ всѣхъ защитить. Шумъ подковъ нашихъ лошадей на мостовой города производилъ сначала чуть не панику, но, увѣрившись, что мы «спасители», женщины изъ домовъ протягивали руки съ плачемъ, а тѣ, что были внизу, просто бросались подъ ноги лошадей, съ крикомъ:

— Насъ грабятъ, грабятъ!

— Гдѣ, кто васъ грабитъ?

— Тамъ, тамъ, черкесы!

Я не могъ себѣ представить, чтобы возможенъ былъ такой сильный и совершенно неосновательный перепугъ! Объѣхавъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, я проѣхалъ до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по словамъ многихъ встрѣчныхъ, были безпорядки—нигдѣ ничего, полное спокойствіе вездѣ, но всюду глупыя увѣренія, что тамъ дальше грабятъ—что значитъ паника!

Полковые командиры очень были недовольны тѣмъ, что довѣрили доставку провіанта и фуража самимъ жителямъ; такъ какъ я былъ виновникъ этого способа, то на меня преимущественно и шли нареканія. Кромѣ того я разсердилъ ихъ тѣмъ, что поймалъ и привелъ къ Струкову нѣсколько человѣкъ драгунъ, пробовавшихъ мародерствовать по ближайшимъ болгарскимъ домамъ, и генералъ приказалъ наказать ихъ, въ примѣръ другимъ, передъ фронтомъ—наказаніе было горячее. Мнѣ казалось, что даже добрѣйшій Я*, какъ только я выходилъ изъ комнаты, начиналъ пугать Струкова тѣмъ, что намъ ничего не доставятъ, и люди, и лошади останутся голодные; я видѣлъ, что Струковъ началъ сдаваться, безпокоиться и, вѣроятно, сожалѣть, что, послушавши меня, распорядился такъ гуманно. Наступилъ вечеръ; мы посылали сказать, чтобы поторопились—одинъ отвѣтъ: «все будетъ», но ничего не было. Видно было, что только изъ боязни генерала меня не бранятъ въ глаза, а главное, я начиналъ чувство-

вать себя, дѣйствительно, виновнымъ въ общемъ голоданіи. Наконецъ, когда уже смеркалось, явились громадныя корзины со всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: хлѣбъ, супъ, говядина, вино, даже табакъ не былъ забытъ—полная корзина прекраснаго турецкаго табаку! Всѣ оживились и повеселѣли, только сѣна лошадкамъ было мало, пришлось пробавляться, главнымъ образомъ, ячменемъ и овсомъ.

Это распоряженіе доставленія пищи на первыхъ порахъ самими жителями многіе находили все-таки непрактичнымъ; но я и теперь искренно думаю, что оно было наиболѣе подходящее къ обстоятельствамъ: пусти тогда генералъ своихъ солдатъ по домамъ разъискивать сѣно, ячменя, хлѣба, курицъ и т. п., нѣтъ сомнѣнія, что богатый городъ былъ бы съ горяча порядочно ощипанъ, и я очень радъ, что хладнокровный и разсудительный Струковъ не далъ сбить себя съ толку; не только городъ не былъ ограбленъ, но и сохранены съ жителями лучшія отношенія, т. е. дѣло шло совершенно противоположно тому, что было послѣ, когда подошли войска, когда начались безпорядки, ссоры, даже убійства военныхъ жителями.

На другой день, утромъ, къ намъ явился австрійскій консулъ въ полномъ облаченіи и съ нимъ старый знакомый грекъ Фассъ. Этого послѣдняго попросили подождать въ другой комнатѣ, такъ какъ не имѣлось въ виду входить съ нимъ въ какія бы то ни было сношенія, а консулу предложили сѣсть. Онъ прямо приступилъ къ дѣлу:

— Вы смѣнили, сказалъ онъ Струкову по французски, единственную власть, бывшую въ городѣ—губернатора Фассъ; теперь готовится возмущеніе, вся вина котораго естественно падетъ на васъ.

— Ваше превосходительство, сказалъ я Струкову, позвольте мнѣ отъ вашего имени отвѣтить господину консулу.

— Пожалуйста, отвѣчалъ Струковъ.

— Генералъ очень благодаренъ вамъ, господинъ генеральный консулъ, за вашъ совѣтъ, который онъ принимаетъ, какъ совѣтъ истинной дружбы. Какъ уже сказано г. Фассу, генералъ самъ временно будетъ смотрѣть за городомъ до пріѣзда генерала Скобелева, отъ котораго будетъ зависѣть дальнѣйшее распоряженіе. Что же касается возвѣщеннаго вами возмущенія, то генералъ проситъ васъ вѣрить, что это вздорныя выдумки. Онъ отвѣчаетъ за порядокъ и порубитъ всѣхъ, кто посмѣетъ нарушить его. Еще разъ примите большое спасибо за вашу предупредительность.

По извѣстному дипломатическому правилу, faire bonne mine au mauvais jeu, консулъ показалъ видъ, что очень доволенъ этимъ сообщеніемъ и ушелъ — не солоно похлебавши. Струковъ и Я* горячо благодарили меня за эту отповѣдь.

Струковъ просилъ меня съѣздить осмотрѣть склады городскіе. Вездѣ я засталъ страшное безурядье: всѣ, кто могъ, тащили охапками и возами запасы платья, полотенъ, хлѣба. Я вытолкалъ воровъ, не смотря на ихъ протесты, что они охраняютъ, заперъ двери на ключи и приставилъ караулы....

Склады, впрочемъ, были такъ велики, что осмотрѣть, а тѣмъ болѣе провѣрить ихъ не было возможности въ такое короткое время. Какъ послѣ оказалось, въ одномъ изъ складовъ нашлось множество прекрасныхъ бамбуковыхъ тростей для дротиковъ, которые главнокомандующій подарилъ лейбъ-уланскому полку.

Вмѣстѣ со складами я осмотрѣлъ и многія мечети, изъ нихъ главная, забылъ ея имя, великолѣпна, величественна!

Только что воротился я съ этого осмотра, какъ у насъ случился пожаръ, что, впрочемъ, было неудивительно, потому что казаки, благо въ сухихъ дровахъ недостатка не было, развели ужасный огонь на кухнѣ—хорошо, что сгорѣлъ одинъ только домъ, нами занимаемый, и сосѣдніе отстояли.

Струковъ извѣстился, что протеже австрійскаго консула грекъ Фассъ, смѣщенный съ губернаторства, интригуетъ, старается вызвать недоразумѣнія и безпорядки, и хотѣлъ арестовать его, но, передумавъ, рѣшилъ только сдѣлать ему внушеніе. Рано утромъ я поѣхалъ къ грекосу на домъ съ нѣсколькими драгунами, которые оцѣпили домъ; я вошелъ въ комнаты, гдѣ изъ всѣхъ дверей и щелей торчали испуганныя физіономіи. Хозяинъ вышелъ блѣднѣе смерти, съ какимъ-то оловяннымъ взоромъ—очевидно, онъ ожидалъ, судя по турецкимъ обычаямъ, что пришелъ его послѣдній часъ. Я собралъ всю мою дипломатію и, освѣдомившись о его здоровьѣ, количествѣ дѣтей и проч., навелъ рѣчь на необходимость для него воздерживаться отъ всякихъ тайныхъ происковъ, которые могутъ навлечь на него большія непріятности; въ заключеніе прибавилъ, что генералъ поручилъ это передать ему и выразить отъ его имени увѣренность, что не придется прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Фассъ чуть не одурѣлъ отъ радости: какъ то подпрыгивая, онъ началъ увѣрять въ преданности, желаніи быть полезнымъ и проч., и проч.

Привели къ Струкову двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ, по увѣренію болгаръ, вырѣзывавшихъ младенцевъ изъ утробъ матерей. Генералъ приказалъ связать ихъ покрѣпче, и драгуны, поставивши ребятъ спинами вмѣстѣ, стянули локти, такъ что они совсѣмъ побагровѣли и двинуться потомъ не могли. Брошенные на землю, они, какъ два тигра, мрачно смотрѣли изъ подлобья на окружавшую ихъ толпу болгаръ, преимущественно женщинъ и дѣтей, бранив-

шихся, плевавшихъ имъ въ глаза, бросавшихъ комьями и грязью. Приставленный къ нимъ часовымъ драгунъ, конечно, не мѣшалъ этому ляганью и заушенью.

Я просилъ Струкова повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказалъ, что не любитъ разстрѣливать и вѣшать въ военное время и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть, а передастъ ихъ Скобелеву, пускай тотъ дѣлаетъ, что хочетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, попрошу Михаила Дмитріевича: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.

— Что это вы, Василій Васильевичъ, сдѣлались такимъ кровожаднымъ? замѣтилъ Струковъ.—Я не зналъ этого за вами.

Тогда я признался, что еще не видѣлъ повѣшенія и очень интересуюсь этою процедурою.

Когда на другой день я пришелъ взглянуть на двухъ албанцевъ, жалость меня взяла—напрасно ихъ сейчасъ же не разстрѣляли. Совершенно опухшіе, посинѣлые отъ перевязи, они припали къ землѣ, глухо выговаривая: «аманъ, аманъ!» Чалмы и фески были сбиты, лица и головы разбиты, окровавлены комьями и камнями, которые густая толпа народа не переставала швырять въ нихъ. Часовой продолжалъ безстрастно ходить, не видя надобности мѣшать потѣхѣ.

Скобелевъ пріѣхалъ къ вечеру. Мы выѣхали встрѣчать его на желѣзную дорогу и потомъ большою нарядною кавалькадою проводили до конака, гдѣ онъ помѣстился. По дорогѣ все населеніе вышло привѣтствовать храбраго генерала; повторилась сцена энтузіазма нашего въѣзда, хотя уже гораздо менѣе восторженная—такія сцены, какъ та, не могутъ повторяться. Изъ всѣхъ домовъ выглядывали женскія лица гречанокъ, нѣкоторыя поразительной красоты; я ѣхалъ за Михаиломъ Дмитріевичемъ и командовалъ время отъ времени:

— Глаза направо, глаза налѣво, выше!

Ярый поклонникъ женской красоты, онъ такъ и впивался глазами въ красавицъ, да, кажется, и тѣ съ своей стороны особенно старательно провожали его взорами. Смотримъ, нашъ пріятель Фассъ тутъ, какъ тутъ! Ѣдетъ за генераломъ, чтобы показать, что онъ въ милости. Его попросили убраться, тогда онъ поѣхалъ впереди и сталъ кричать направо и налѣво:

— Кланяйтесь генералу, привѣтствуйте генерала!

Ему послали сказать, чтобы онъ убирался совсѣмъ вонъ, тогда только онъ скрылся.

Я попросилъ Скобелева повѣсить помянутыхъ двухъ разбойниковъ, онъ отвѣтилъ: «это можно» и, призвавши командира стрѣлко-

ваго батальона полковника К*, приказалъ нарядить полевой судъ надъ обоими схваченными албанцами и прибавилъ:

— Да, пожалуйста, чтобы ихъ повѣсить.

— Слушаю, ваше превосходительство, былъ отвѣтъ.

И я считалъ, что дѣло мое въ шляпѣ, т. е. что до выхода нашего изъ Адріанополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было: незадолго передъ уходомъ, найдя обоихъ пріятелей все въ томъ же незавидномъ положеніи и освѣдомившись: «развѣ ихъ не будутъ казнить?»—я получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ». Узнавши о назначеніи полеваго суда, С—въ просилъ Михаила Дмитріевича, для него, не убивать этихъ двухъ кавалеровъ и очень вѣроятно, что они и по сію пору здравствуютъ и похваляютъ милосердное русское начальство.... Я написалъ ихъ связанными.

В. В. Верещагинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ

нейзданныя его стихотворенія

1830—1840 гг.

Николай Платоновичъ Огаревъ принадлежитъ къ группѣ талантливѣйшихъ русскихъ поэтовъ конца 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. Стихотворенія его выдержали нѣсколько изданій (между прочими выпущены въ свѣтъ въ Москвѣ, въ изданіи г. Солдатенкова) и имъ отводится мѣсто въ исторіи отечественной литературы, христоматіяхъ и изъ нихъ даже берутъ примѣры въ нѣкоторыхъ изъ грамматикъ по русскому языку.

Въ виду значенія и таланта поэтической музы покойнаго Н. П. Огарева († 1873 г.), „Русской Старинѣ" весьма пріятно сохранить на своихъ страницахъ случайно отысканныя въ деревнѣ, въ Пензенской губерніи, вдовой покойнаго Н. А. Тучковой-Огаревой и намъ ею сообщенныя нѣсколько стихотвореній Н. П. Огарева, относящихся до ранней эпохи его литературной дѣятельности.

Приводимъ здѣсь семнадцать этихъ стихотвореній. Всѣ они не были нигдѣ напечатаны и впервые появляются въ свѣтъ; изъ нихъ только одно, № III и, кажется, № VI, печатаются съ копій; всѣ остальныя стихотворенія приведены здѣсь съ собственноручныхъ Н. П. Огарева подлинниковъ [1]).

Ред.

---

[1]) Въ «Русской Старинѣ» изд. 1886 г., т. XLIX, стр. 4(5—482, напечатана большая поэма Н. П. Огарева: «Радаевъ».

I.

Алхимикъ.

Въ убогой кельѣ въ часъ ночной
Сидѣлъ одинъ монахъ сѣдой.
Свѣча горѣла передъ нимъ;
Онъ пальцемъ тощимъ и сухимъ
Въ фольянтѣ листъ ужъ пожелтѣлой
Ворочалъ тихо и не смѣло.

***

Потомъ реторту робко взялъ
И горнъ съ усильемъ раздувалъ.
Кипѣла жидкость,—смрадъ и дымъ
Носились въ воздухѣ надъ нимъ.
Но трудъ надеждою богатый
Былъ тщетенъ вновь—не вышло злата.

***

Еще блѣднѣе сталъ старикъ
И головой на грудь поникъ.
„Я цѣлый вѣкъ мой съ юныхъ лѣтъ
Жить для науки далъ обѣтъ.
Я сердца сжалъ въ себѣ движенья,
Отвергъ любовь и наслажденье.

***

Да судитъ Богъ! я не искалъ,
Когда я злато добывалъ,
Ни денегъ, ни людскихъ похвалъ.
Въ природѣ лишь узнать желалъ
Я пульса каждое біенье
И тайный ходъ всего творенья.

***

Трудился днемъ, не спалъ ночей!
И черный лоскъ съ моихъ кудрей
Уже давнымъ давно сбѣжалъ
И ничего я не узналъ!
Къ чему-жъ я былъ влеченью вѣренъ?
Надежды нѣтъ—мой трудъ потерянъ!

***

Старикъ средь гнѣва и тоски
Разбилъ реторту на куски,
И книгу сжегъ, и на полъ палъ,
Закрылъ глаза и не вставалъ...
И только смрадный дымъ изъ горна
Надъ нимъ носился клубомъ чернымъ.

(1830—1835 гг.).

II.

Донъ.

(Demi fantaisie—demi souvenir).

1.

Широко между берегами
Катится величавый Донъ,
И солнце поздними лучами
Блеститъ надъ ясными водами,
Клонясь за дальній небосклонъ.

***

Мой путь чрезъ Донъ. Передо мною
Челнокъ, привязанный съ весломъ.
Вблизи казакъ передъ рѣкою,
Склонясь на руку головою,
Сидитъ съ задумчивымъ челомъ.

***

„Казакъ, отчаливай живѣе,
Вези меня“. И молча онъ,
Рукой привычною владѣя,
Снялъ привязь и весломъ скорѣе
Толкнулъ челнокъ въ широкій Донъ.

2.

Плывемъ безмолвно. Вотъ кругомъ
Взлетаютъ брызги подъ весломъ,
И двѣ бразды взмущенныхъ волнъ
Вслѣдъ за собой рисуетъ челнъ.
Вдали станицы казаковъ
Вокругъ нагорныхъ береговъ
При блескѣ солнечномъ видны,
Румянцемъ нѣжнымъ обданы.
Одинъ лишь мой казакъ угрюмъ,
Не разгоняетъ мрачныхъ думъ;
Какъ радостно на мирный сонъ
Земля спѣшитъ—не видитъ онъ.
Такъ туча черная одна
Средь неба яснаго видна.

3.

Зачѣмъ ты впалыми очами
Такъ дико смотришь, мой казакъ,
Когда все весело предъ нами?
То можетъ быть болѣзни знакъ?
Или тебѣ кручина злая
На лбу морщины навела?
Не смерть-ли, жертвы избирая,
Родную жертву избрала?
Тебя въ кровавой битвѣ брата
Внезапно можетъ быть лишилъ
Ударъ черкесскаго булата?
Или отца ты схоронилъ?
Иль страсти юности мятежной
Твоей главѣ-полусѣдой
Съ мечтой любви и дѣвы нѣжной
Доступны стали, кормчій мой?
Иль можетъ совѣсти укоры,
При взглядѣ на пройденный путь
Мрачатъ тоскующіе взоры,
Гнѣтутъ тоскующую грудь?

4.

КАЗАКЪ.

„Нѣтъ, нѣтъ! Меня не мучитъ совѣсть.
Не о быломъ моя тоска,—
Но, другъ, однообразна повѣсть
Безвѣстной жизни казака.
Ребенкомъ сталъ я сиротою,
Такъ о родныхъ не плачу я—
Я ихъ не зналъ! Чужой семьею
Взростилась молодость моя.
Любви и прелесть, и мученье
Уже давно забыты мной.
Въ восьмнадцать лѣтъ я въ ополченьѣ
Зналъ шумъ тревоги боевой;
Любилъ воинственные клики
Моихъ собратій казаковъ [1])...

---

[1]) Здѣсь и ниже всего опущено 44 строки, въ которыхъ казакъ рисуетъ тяжелое положеніе въ 1830-хъ годахъ Донскаго края, отъ наборовъ и частыхъ посылокъ казаковъ на «Злой разбойничій Кавказъ», причемъ поля оставались

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Вотъ отъ чего душа тоскуетъ,
Вотъ отъ чего мой взоръ угрюмъ
И радость сладко не волнуетъ
Въ душѣ глубоко скрытыхъ думъ....

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И снова станемъ мы по волѣ
Спокойно жить въ семьѣ своей,
Пахать отеческое поле
И гарцовать среди степей.
Но до тѣхъ поръ душа тоскуетъ,
Но до тѣхъ поръ мой взоръ угрюмъ,
И радость сладко не волнуетъ
Въ душѣ глубоко скрытыхъ думъ“.

5.

Сказалъ, умолкъ. Я изумленный
Сидѣлъ предъ этимъ казакомъ;
А онъ какъ будто вдохновенный
Смотрѣлъ на берегъ отдаленный
И пѣнилъ воду подъ весломъ.

***

Любви къ отчизнѣ и свободѣ,
Высокихъ чувствъ простой языкъ,
Среди степей, въ простомъ народѣ,
При этой дремлющей природѣ,
Глубоко въ душу мнѣ проникъ.

***

Но вотъ безмолвно надъ рѣкою
Луна всходила въ вышинѣ,
И мы приплыли той порою.
Я руку сжалъ ему рукою
И удалился въ тишинѣ.

***

———————

невоздѣланными; жалуется на отчужденность отъ казаковъ мѣстныхъ дворянъ, на тяжесть въ тѣ же годы обмундированія казацкаго ополченія на свой счетъ, наконецъ, печалиться на то, что—

Землею, деньгами, народомъ
Бѣднѣетъ наша сторона.

И долго съ берега крутаго
Я все глядѣлъ, какъ въ челнокѣ
Назадъ казакъ мой поплылъ снова
И средь безмолвія ночнаго
Неслася пѣсня по рѣкѣ:

6.

„Что, казачка, черноокая
Душу въ горесть облекла?
Въ косу русую, широкую
Ленту черную вплела?

***

Иль борьба неумолимая
Мила друга унесла?
Иль тебѣ, моя родимая,
Съ нимъ разлука тяжела?

***

Не печалься—онъ воротится,
Можетъ скоро онъ придетъ,
Быстро сердцемъ къ сердцу бросится,
Душу въ душу перельетъ.

***

Съ саблей въ битвахъ притупленною,
Съ переломленнымъ копьемъ,
Съ грудью въ ранахъ, утомленною,
Безъ коня придетъ пѣшкомъ!

***

Дай ему ты саблю новую,
Дай и крѣпкое копье,
Пулей мѣткою свинцовою
Заряди его ружье.

***

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

***

И казачки черноокія
Перестанутъ изнывать,
Въ косы русыя, широкія
Ленты черныя вплетать“

1830—1835 гг.).

III.

Nocturno 2.

Волна течетъ, волна шумитъ,
И лодка при лунѣ,
Махая веслами, бѣжитъ
И плещетъ по волнѣ.
И въ каждомъ брызгѣ отъ весла
Мерцаетъ свѣтъ луны
И по рѣкѣ, гдѣ лодка шла,
Еще слѣды видны.

* *
*

Кругомъ все тихо, берегъ спитъ...
Но кто же въ лодкѣ той,
Въ плащѣ задумчиво стоитъ
Съ открытой головой?
Развиты кудри, блѣденъ видъ
Печальнаго лица,
Весь самъ въ себѣ — и не глядитъ
На стараго гребца.

* *
*

Онъ все глядитъ туда, туда
На дальній небосклонъ,
И если падаетъ звѣзда —
Тогда въ раздумьи онъ
Качаетъ грустно головой,
Вздыхаетъ тяжело,
Какъ будто бы ему съ собой
Сравненье въ мысль пришло.

* *
*

Ахъ! видно много онъ страдалъ,
И много онъ любилъ,
И много горя въ жизни зналъ,
И счастье схоронилъ...
Волна течетъ, волна шумитъ,
И лодка при лунѣ,
Махая веслами, бѣжитъ
И плещетъ по волнѣ.

(1830—1835 гг.).

IV.

Аллея.

Давно-ли жизнію полна
Ты такъ шумѣла, зеленѣя,
А нынѣ стала такъ грустна
Липъ голыхъ длинная аллея?

* *
*

Въ замѣну листьевъ палъ морозъ
На вѣтви бѣлыми иглами;
Глядятъ изъ-подъ сѣдыхъ волосъ
Печально липы стариками.

* *
*

Въ ночи, какъ призраки, онѣ
Качаютъ бѣлой головою,
И будто кланяются мнѣ
Съ какой-то дружбой и тоскою...

* *
*

И самому мнѣ тяжело!
И я старѣть ужъ начинаю!
Я прожилъ вёсну и тепло
И сердце на зиму склоняю!

* *
*

Но что грустить? Весна придетъ —
Вновь зиму сплачемъ мы, аллея!
Вновь радость въ сердцѣ оживетъ,
Вновь зашумишь ты, зеленѣя.

(1830—1835 гг.).

V.

Ночь.

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ,
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ.

* *
*

Посмотрю-ль въ окошечко —
Все темно кругомъ,
Не видать и улицы
Въ сумракѣ ночномъ.

* *
*

Звѣздочки попрятались,
На небѣ темно,
Тучами подернулось
Черными оно.

* *
*

Вѣтеръ воетъ жалобно
Подъ моимъ окномъ,
И мятель суровая
Все стучитъ по немъ.

* *
*

Страшно мнѣ смотрѣть туда
Въ сумрачную даль
И ложится на душу
Тайная печаль.

* *
*

Тихо въ моей комнаткѣ
И кругомъ все спитъ.
Свѣчка одинокая
Предо мной горитъ

(1830—1839 гг.).

VI

Въ дни печалей, дни гоненій,
За святыню убѣжденій,
Новой вѣры правоту,
Умиралъ Спаситель свѣта,
— житель Назарета,
Пригвожденный ко кресту,
И сказалъ Онъ: „Совершилось!“
И чело Его склонилось —
И остался мертвый ликъ,
Какъ при жизни тихъ и ясенъ,
Также благостью прекрасенъ,
Также помысломъ великъ.

* *
*

Солнце мирно предъ закатомъ,
Надъ землею мягкимъ скатомъ
И гранитами хребта,
Шло въ пути златоподобномъ,
И блестя на мѣстѣ лобномъ,
Озаряло три креста:
Двухъ воровъ, съ Христомъ распятыхъ,
Палача въ желѣзныхъ латахъ,

Грозномъ шлемѣ и съ копьемъ,
И людей, на казнь взиравшихъ,
И трехъ женщинъ, близь стоявшихъ,
Въ безутѣшіи своемъ.

* *
*

— — мать рыдала
И сестра ея шептала:
Что вотъ распятъ нашъ Христосъ;
Третья съ ними, молодая,
Стала, взоръ на крестъ вперяя,
Неподвижна и безъ слезъ,
Съ опущенными руками,
Съ распущенными власами,
Блѣднымъ ужасомъ лица,
Вся — безмолвное рыданье,
Иль нѣмое изваянье
Скорби, скорби безъ конца.

* *
*

Къ ночи площадь опустѣла
И два друга сняли тѣло,
Мать съ сестрой была при нихъ
И прощалась съ трупомъ сына;
И Марія Магдалина
Для лобзанья устъ святыхъ,
Наклонилась и припала,
Сердце мягче биться стало,
И заплакала она.
И лились, и орошали
Слезы тихія печали
Мертвый ликъ и рамена.

* *
*

Трупъ покрыли пеленою;
Двое медленной стопою
На носилкахъ понесли
Безъ напѣвовъ погребальныхъ
И три женщины печальныхъ
За покойникомъ пошли.
Шла она и вспоминала,
Что подобныхъ не бывало
Въ этомъ мірѣ никогда;
Вспоминала все былое
Быстро ей пережитое
Въ эти краткіе года.

* *
*

Какъ по торжищамъ Магдалы,
Выставляя въ дни бывалы
Свѣжесть персей молодыхъ,
Знала въ вихрѣ шутокъ сальныхъ

Только юношей нахальныхъ
Да безстыдниковъ сѣдыхъ:
И вотъ встрѣтила случайно
Взглядъ, смирившій силой тайной
Бредъ желаній, пылъ въ крови,
И ей слышать было ново
Человѣческое слово
Всепрощенья и любви.

* *
*

Какъ ему омыла ноги,
Запыленныя съ дороги,
Умягчила жесткій зной
Масломъ мирры благовонной;
Осушила распущенной
Свѣтло-русою косой.
Какъ у ногъ Его садилась
И внимала, и молилась,
Не сводя съ Него зеницъ,
Очищалась покаяньемъ,
Выростала пониманьемъ
И любила безъ границъ.

* *
*

Близь оливъ въ саду тѣнистомъ,
Подъ утесомъ каменистымъ,
Съ фонаремъ во тьмѣ ночной,
Тѣло въ гробъ они сложили,
Къ гробу камень приложили
И скорбя пошли домой.
Но чуть ранняя прохлада
Пронеслась по листьямъ сада
Передъ брежжущей зарей,
А Марія шла изъ дому
Хоть бы къ камню гробовому
Преклониться головой!

* *
*

Видитъ гробъ отверстый снова,
Голосъ точно у живаго
Звалъ по имени ее... .... блаженный,
Это самъ Онъ — вожделѣнный,
Навѣстилъ дитя свое!
И она Его узнала!
Передъ Нимъ она стояла
Въ обожаніи нѣмомъ,
И Онъ рекъ, благословляя:
„Имъ скажи, душа родная,
О видѣніи твоемъ".
Свѣтлый образъ, духъ привѣта
Потонулъ въ лучахъ разсвѣта.
И она на сходъ друзей

Въ путь пошла, благоговѣя,
И едва повѣрить смѣя,
Что Онъ ей явился, — ей,
Шедшей грѣшною дорогой,
Но любить умѣвшей много,
Но чья мысль была чиста,
Почва сердца благодатна,
Чьей простой душѣ понятна
Правды ширь и простота.

(1830—1835 гг.).

VII.

I tempi.

Фантазія.

1.

Larghetto.

Какъ потокъ величавый въ роскошныхъ брегахъ
Спокойно течетъ въ необъятное море,
И небо то ясно глядится въ волнахъ,
То смотрится тучею черной какъ горе;
Такъ звуки несутся покойной чредой,
Въ нихъ ангеловъ чистая пѣснь раздается,
Таинственно небо владѣетъ душой
И сердце любовью небесною бьется,
Но небо высоко надъ бѣдной землей,
Безгранно раскинуло ткань голубую,
Что въ небѣ невидимо праха дитею (?),
И пѣснь его льется, уныло тоскуя.

2.

Allegro.

Но на землѣ
Много часовъ,
Часовъ упоенья.
Они душѣ
Несутъ забвенье
Горестныхъ сновъ.

* * *

Солнце погасаетъ,
Серебромъ играетъ
Мѣсяцъ надъ рѣкой;
Легкою волной
Вѣтерокъ колышетъ,
Въ звукахъ нѣга дышетъ
Трепетной игрой,
И дружитъ съ душой
Тайное желанье,
Мигъ очарованья!
Сладострастья мигъ
Внятенъ твой языкъ
Въ пѣсняхъ упоенья
Полный наслажденья!

* *
*

Что-жъ?... не свѣтитъ ужъ денница,
Ты спѣши, краса-дѣвица,
Ночь безмолвна, день угасъ,
Онъ пробилъ свиданья часъ.
Здѣсь лампада,
Пусть мерцая,
Озаритъ
Твои красы
И отрада,
Ожидая,
Усладитъ
Для насъ часы.

* *
*

Ты черныя кудри раскинь по плечамъ,
Станъ мой лилейной рукой обведи.
Цѣлуя, устами прижмися къ устамъ,
Съ меня не своди полныхъ страсти очей.
Средь ночной тишины, о другъ мой прекрасный!
Слышишь-ли пѣсни напѣвъ сладострастный?

3.

Andante.

Тише!... звуки замираютъ,
Сны на душу низлетаютъ,
И видѣнія толпою,
Окрыленныя мечтою,
Прилетаютъ въ чудныхъ видахъ
И сіяютъ въ свѣтлыхъ ризахъ;
Сыплютъ нѣжною рукою
Чары съ силой неземною,
Крѣпче сонъ глаза смыкаетъ
Тише... звуки замираютъ.

4.

Presto.

Но къ пробужденью
Съ дикою пѣснью
Вдругъ воззываютъ
Страсти земныя,
И убѣгаютъ
Сны золотые.
Въ груди пылаетъ
Свирѣпый пламень
И ниспадаетъ
Тоска какъ камень
Въ сердце больное;
Блѣдны ланиты —
Черною мглою
Небо покрыто,
Вѣтръ завываетъ,
Туча несется,
Громъ раздается,
Молнья сверкаетъ,
Звуки стонутъ, раздираютъ,
Дикимъ роемъ пролетаютъ
Злые духи; въ мракѣ ночи
Страшно блещутъ грозныхъ очи,
Въ звукахъ бурнаго волненья
Слышенъ голосъ разрушенья.

5.

Adagio.

Но минута просвѣтленія
Благотворной тишиной
Успокоила смятенія,
Волновавшія душой.
Улеглися страсти знойные
И спокойною струей
Полилися звуки стройные
Съ неба радостью святой.
Чѣмъ слышнѣй ихъ ударенія,
Тѣмъ сильнѣй въ душѣ горитъ
Огнь высокій вдохновенія
И о небѣ говоритъ.
Въ ней земнаго нѣтъ желанія,
Въ горній міръ она летитъ,
Съ ней небесное призваніе
Какъ одинъ аккордъ звучитъ.

1835 г.

VIII.

Все кончено! Тяжелое сомнѣнье
На умъ печальный налегло
И отъ меня сокрыло Провидѣнье
Свое небесное чело.
Обвила міръ руками великана
Судьба и душитъ, какъ змія;
И онъ, какъ прахъ, по волѣ урагана,
Летитъ во мглу небытія.
Изъ храма безпредѣльнаго вселенной
Его исчезло божество,
Пируетъ зло въ трапезѣ оскверненной
Свое слѣпое торжество.
О вѣра, вѣра, гдѣ святая ты?
О! рано такъ не улетай,
Не уноси плѣнительной мечты,
Въ тоскѣ меня не оставляй.
Не дай сомнѣнья жгучему дыханью
Въ груди измученной моей
Задуть любовь къ высокому призванью,
Давно питаемому въ ней.
Перескажи мнѣ все, что говорила,
Когда въ первые Бога гласъ
Душѣ моей ты громко возвѣстила —
И огнь небесный не угасъ,
Перескажи—и грузъ съ души стѣсненный
Я сброшу мощною рукой,
Перескажи—и снова оживленный
Я полечу на призывъ твой!

Апрѣль 1835 г.

IX.

Въ прогулкѣ поздней видѣлъ я
Сквозь окны—въ пышной залѣ
Толпы людей и блескъ огня
И гости пировали.

* *
*

А снѣгъ валился, въ стеклы билъ,
И вѣялъ вѣтеръ смѣлый,
И кровлю темную покрылъ
Печально саванъ бѣлый.

* *
*

Сквозь дымныхъ облаковъ луна,
Туманная, смотрѣла.
И все, казалося, она
Какъ будто что жалѣла.

* *
*

И я глядѣлъ ей въ блѣдный ликъ
Съ участіемъ, уныло:
Намъ такъ обоимъ въ этотъ мигъ
На сердцѣ грустно было.

1830—1839.

X.

Проходитъ день и ночь проходитъ;
Ни сна, ни грезъ въ ночи нѣмой,
И утро новый день приводитъ
Такой же скучный и пустой
И то же небо съ облаками,
Безцвѣтное—какъ жизни путь,
Гдѣ упованій нѣтъ предъ нами,
Былое не волнуетъ грудь.
И люди тѣ-жъ—смѣшные люди!
Ихъ встрѣчѣ будешь ты не радъ,
Не прижимай ихъ къ пылкой груди,
Отскочишь съ ужасомъ назадъ.
Ты гласъ любви подашь собрату,
Отвѣта нѣтъ на голосъ твой,
И сердце каждый разъ утрату
Съ слезой въ дневникъ запишетъ свой.
Такъ полный жизнію цвѣтокъ,
И гордъ, и пышенъ среди полей,
Но дунулъ вѣтеръ и листокъ
Упалъ на землю—и на ней,
Что день—то новою грозою
Лишенъ листка увялый цвѣтъ,
И обнаженной головою
Считаетъ скольких листьевъ нѣтъ.

Зимой 1836 г.

XI.

Среди могилъ языческаго вѣка,
Мысль новая носилась надъ землей,
И межъ людей искала человѣка,
Съ высокою, божественной душой,
Который бы не лживыми устами
Могъ обличить ее передъ умами.

* *
*

Родился Онъ! Дряхлѣющей рукою
Его прiялъ состарѣвшiйся свѣтъ,
И надъ Его священной головою
Затеплилась звѣзда грядущихъ лѣтъ,
И возвѣстило всѣмъ ея сiянье
Рожденнаго небесное призванье.

* *
*

И вѣры новой образъ величавый
Предсталъ его младенческимъ очамъ,
Онъ презрѣлъ мiра дольняго забавы,
И предался божественнымъ мечтамъ;
Но долго Онъ среди уединенья
Еще томился мыслью сомнѣнья.

* *
*

— — —Онъ избранъ небесами,
— — —Онъ — Бога сынъ,
Между земными воплощенъ сынами,
И возвѣстить ниспосланъ Онъ одинъ
Глаголъ любви корыстному народу,
Несчастнымъ радость и рабамъ свободу.

* *
*

И гласъ его пророческихъ взыванiй
Взмутилъ сердца властителей земныхъ,
И Онъ испилъ всю чашу истязанiй,
Въ душѣ своей благословляя ихъ.
Но — — для свѣта
Воскресла вѣра новаго завѣта.

Апрѣль 1836 г.

XII

Удѣлъ поэта.

„Страдай и вѣрь", сказало Провидѣнье,
Когда на жизнь поэта воззвало,
„Въ твоей душѣ зажжется вдохновенье,
И дума рано омрачитъ чело.
И грустно ты пройдешь въ земной юдоли,
Толпа всѣ дни несносно отравитъ,
Но мысли свѣтлой, благородной воли
Въ тебѣ никто ничѣмъ не укротитъ,
И ты съ презрѣньемъ взглянешь на страданья,
Толпѣ грозящимъ словомъ прогремишь,
Погибнешь твердъ и полонъ упованья,
И пѣснь свою потомству завѣстишь".

Пенза. 4 октября 1837 г.

XIII.

Къ Друзьямъ.

Я по дорогѣ жизни этой
Скачу на черномъ скакунѣ.
Вдали, густою мглой одѣтой,
Друзья, темно, не видно мнѣ.
Со мною рядомъ что за лица?
Куда бѣгутъ? Зачѣмъ со мной?
Скучна ихъ пестрая станица,
Несносенъ говоръ ихъ пустой;
Въ моихъ рукахъ моя подруга.
Одна отрада на пути,
Прижалась, полная испуга,
Къ моей трепещущей груди.
Куда насъ мчитъ бѣгунъ суровый?
Гдѣ остановитъ онъ свой бѣгъ?
И гдѣ пріютъ для насъ готовый?
Намъ въ радость будетъ ли ночлегъ?

* *
*

Я по дорогѣ жизни этой
Скачу на черномъ скакунѣ,
Вдали, густою мглой одѣтой,
Друзья, темно, не видно мнѣ.
Кода-жъ случится взоръ усталой

Назадъ бросаю я порой,
Я вижу радости бывалой
Страну далеко за собой.
Тамъ ясно утро молодое,
Тамъ вѣетъ свѣжею весной,
Тамъ берегъ взброщенъ надъ рѣкой.
И шуменъ городъ за рѣкой,
Но ту страну душѣ родную
Уже давно оставилъ я.

* * *

Тамъ пѣлъ я вольность удалую,
Тамъ были вмѣстѣ мы, друзья,
Тамъ вѣрилъ я въ удѣлъ высокой,
Тамъ было мнѣ восьмнадцать лѣтъ,
Я лишь пускался въ путь далекой —
Теперь былаго нѣтъ какъ нѣтъ.
И по дорогѣ жизни этой
Я мчусь на черномъ скакунѣ.
Вдали, густою мглой одѣтой,
Друзья, темно, не видно мнѣ.

Пенза. Декабрь 1837 г.

XIV.

Моя лампада.

1.

Я помню свѣтъ лампады томный
Передъ иконою святой,
Онъ озарялъ мой уголъ скромный
И мой младенческій покой;
Тутъ няня старая крестилась
Передъ грядущимъ тихимъ сномъ
И въ землю съ шопотомъ молилась,
И спать ложилася потомъ.
Спокойны были наши ночи,
Спокойны были наши сны,
И не бывали наши очи
Тоской души растворены.
Тогда съ младенчествомъ порою
Сдружилась старость и они
Шли беззаботною стопою
Въ дорогѣ жизни сведены.
Но няни нѣтъ! Давно зарыта
Она въ могилѣ подъ крестомъ,

И дѣтство мирное забыто,
И стало все неяснымъ сномъ.

2.

Другой я помню блескъ лампады:
Онъ укоризною свѣтилъ
Мнѣ въ отуманенные взгляды,
И мнилось, будто говорилъ:
„Мнѣ данъ среди предназначеній
Удѣлъ—быть другомъ тайныхъ думъ,
Иль скорбей сердца, иль видѣній,
Мечтой навѣянныхъ на умъ;
А ты, разврата сынъ ничтожный,
Удѣлъ прекрасный измѣнилъ,
И тихій лучъ рукой безбожной
Въ самозабвеньи засвѣтилъ
Предъ строемъ буйныхъ безначалій,
Передъ грозой страстей земныхъ,
При звукахъ шумныхъ вакханалій,
Или лобзаній покупныхъ..“
И часто видѣлъ лучъ денницы,
Какъ были раннею порой
Овлажены мои рѣсницы
Святой раскаянья слезой.

3.

Когда-же снова лучъ лампады
Въ ночи безсонной мнѣ сіялъ,
Онъ, какъ страдалецъ, безъ отрады
Огнемъ тоскующимъ дрожалъ,
Или какъ ангелъ сожалѣнья,
Горя участьемъ живымъ,
Души несноснаго волненья
Бывалъ свидѣтелемъ нѣмымъ.
Когда таинственной тоскою
Сжималось сердце—я страдалъ—
И надъ усталою головою
Сомнѣнья демонъ пролеталъ.

4.

Теперь лампады лучъ завѣтный
Мнѣ тихо свѣтитъ въ часъ ночной,
И смотритъ съ радостью привѣтной
На поцѣлуй любви святой,

На взоръ, исполненный душ ю,
И на склоненную ко мнѣ,
Съ улыбкой яснаго покоя,
Головку въ мирномъ полу-снѣ.
И душу радость наполняетъ,
Слеза дрожитъ въ глазахъ моихъ,
И тихій ангелъ навѣваетъ
Рой сновидѣній неземныхъ.

Пенза Февраль 1838 г.

XV.

Смутныя мгновенья.

Есть въ жизни смутныя, тяжелыя мгновенья
Когда душа полна тревожныхъ думъ,
И ноша трудная томящаго сомнѣнья
Свинцомъ ложится на печальный умъ,
И будущность несется тучей издалека,
Мрачна, страшна, безъ мѣры, безъ конца,
Прошедшее встаетъ со взорами упрека,
Какъ предъ убійцей призракъ мертвеца.
Откуда вы, минуты скорбныхъ ощущеній,
Пришельцы злобные, зачѣмъ съ душой
Дружите вы ряды мучительныхъ видѣній
Съ ихъ изнурительной тоской?
Но я не дамъ вамъ грозной власти надъ собою
И блѣдное отчаянья чело
Я твердо отгоню безтрепетной рукою—
Мнѣ вѣру Провидѣніе дало,
И малодушія ничтожныя страданья
Падутъ предъ вѣрой сердца моего,
Священныя въ душѣ хранятся упованья,
Они мои кладъ,—я сберегу его.

Пенза. Мартъ 1838 г.

XVI.

А. С. Б... ..ъ.

Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей
Толпилися у Божьихъ алтарей,
Я сталъ въ углу, гдѣ нѣкогда со мной
Молился другъ, сочувствуя душой,
Мы горько плакали; тогда я былъ
Несчастливъ: я терялъ, что я любилъ;
Но нашихъ нѣтъ слѣдовъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ такъ тепло молились мы вдвоемъ.
И въ этомъ храмѣ много—думалъ я—
Молящихся стояло до меня,
И много свѣтлыхъ думъ, и много слёзъ
Иной изъ нихъ предъ Господа принёсъ,
Но ихъ прекрасныя, ихъ чистыя мечты
Забыты всѣ рабами суеты,
Или какъ нерасказанные сны
Онѣ прошли никѣмъ не узнаны.

30-го марта 1838 г.
Пятница на Страстной недѣлѣ.

XVII.

Шекспиръ.

На землю ступай—Провидѣнье сказало,
И пристально тамъ посмотри на людей.
Дѣла ихъ твоя чтобъ душа замѣчала
И въ памяти ясно хранила своей.
Ты вырви въ нихъ душу и въ смѣломъ созданьи
Ее передай имъ ты въ звучныхъ словахъ,
И эти слова не исчезнутъ въ преданьи
И вѣчно въ людскихъ сохранятся умахъ.
Иди же, мой сынъ, безбоязненно смѣло,
Иди же, иди ты, мой избранный, въ міръ,
Иди и свершай тамъ великое дѣло"...
Сказало, рѣшило—явился Шекспиръ.

Пенза, 1-го апрѣля 1838 г.

Н. П Огаревъ.

ЛЕОНТІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДУБЕЛЬТЪ.

Біографическій очеркъ и его письма.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ — одинъ изъ вліятельнѣйшихъ людей въ царствованіе императора Николая Павловича, родился въ 1793 году. Отецъ его, Василій Ивановичъ, происходилъ изъ русскихъ дворянъ; въ бытность свою за границей въ Испаніи, Василій Ивановичъ похитилъ принцессу царствовавшаго королевскаго дома Медина-Челли и увезъ ее оттуда въ Италію, гдѣ съ нею и повѣнчался. Впослѣдствіи онъ до конца своей жизни прожилъ съ нею въ Россіи и имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Петръ, былъ въ царствованіе императора Николая Павловича начальникомъ 1-й легкой кавалерійской дивизіи.

Первоначальное свое воспитаніе Леонтій Васильевичъ получилъ дома, подъ руководствомъ свей матери, женщины высоко-образованной и крайне доброй.

Дальнѣйшее образованіе Леонтій Васильевичъ получилъ въ Горномъ корпусѣ, и по случаю усиленнаго производства въ офицеры, во время большихъ войнъ, былъ пожалованъ прапорщикомъ въ Псковскій пѣхотный полкъ, въ 1807 году, 14 лѣтъ отъ роду.

Раненый въ ногу подъ Бородинымъ, онъ участвовалъ, однако, во всѣхъ походахъ противъ Наполеона, какъ адъютантъ корпусныхъ командировъ Дохтурова и Раевскаго; служилъ потомъ въ Кіевѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабѣ корпуса послѣдняго. Въ 1818 году, въ бытность свою въ Кіевѣ, женился на родной племянницѣ знаменитаго графа Н. С. Мордвинова, Аннѣ Николаевнѣ Перовской, и отъ этого брака имѣлъ двухъ сыновей, Николая и Михаила [1]). Затѣмъ Леонтій Васильевичъ командовалъ Старооскольскимъ пѣхотн.

[1]) Старшій изъ нихъ, Николай, былъ начальникомъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и умеръ въ 1874 году; младшій же служитъ и теперь комендантомъ Александропольской крѣпости. Е. Д.

полкомъ, но въ 1829 году вышелъ въ отставку, вслѣдствіе недоразумѣній съ начальникомъ дивизіи Желтухинымъ.

Бездѣятельная жизнь вскорѣ показалась ему невыносимою, и въ 1830 году онъ поступилъ вновь на службу жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Тверь. За нѣсколько дней до его отъѣзда туда заболѣлъ дежурный штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ Сухаревъ, и тогдашній шефъ корпуса жандармовъ, гр. Бенкендорфъ, предложилъ Леонтію Васильевичу временно править его должность. Дубельтъ до того понравился графу, что тотъ уже до самой своей кончины съ нимъ не разставался и, преобразовавъ дежурство корпуса въ штабъ, при производствѣ Леонтія Васильевича въ генералы, назначилъ его начальникомъ этого штаба.

Въ то же время тогдашній управляющій III-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, А. Н. Мордвиновъ, былъ внезапно уволенъ отъ своей должности и замѣщенъ Дубельтомъ. Эти двѣ должности, начальника штаба корпуса жандармовъ и управляющаго III-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, Леонтій Васильевичъ занималъ въ продолженіи 26 лѣтъ, т. е. до производства его въ генералы отъ кавалеріи, въ 1856 году.

А. Н. Мордвиновъ подвергся временной опалѣ за то, что въ изданномъ тогда литературномъ сборникѣ «Сто русскихъ литераторовъ», — подъ портретомъ Марлинскаго, допустилъ настоящую подпись фамиліи этого писателя — Александръ Бестужевъ († 7-го іюля 1837 г.), замѣшаннаго въ событіяхъ 14-го декабря 1825 г.

Какъ интересное доказательство глубокаго къ себѣ расположенія и довѣрія, которыя Леонтій Васильевичъ съумѣлъ внушить своему начальнику графу Бенкендорфу, можетъ служить слѣдующее обстоятельство, одинаково ярко характеризующее не только Леонтія Васильевича, но и самаго графа.

Однажды противъ Леонтія Васильевича Дубельта была пущена сплетня, дошедшая до самого императора. Николай Павловичъ, тогда еще мало знавшій Леонтія Васильевича, отнесся къ сообщенному ему слуху съ нѣкоторымъ довѣріемъ. Тогда Леонтій Васильевичъ заявилъ графу, что, безпредѣльно дорожа хорошимъ о себѣ мнѣніемъ государя, убѣжденный, что для пользы самой службы и для интересовъ его величества, при исполненіи лежащихъ на немъ, Дубельтѣ, весьма важныхъ обязанностей, ему необходимо стоять, во мнѣніи о немъ монарха, на той высотѣ, которую онъ по совѣсти заслуживаетъ,— онъ не полагаетъ себя въ правѣ служить, находясь подъ гнетомъ сомнѣнія царя, и потому желаетъ, чтобы императоръ,

или положительно выразилъ, что онъ пущенной клеветѣ не вѣритъ, или уволилъ бы его въ отставку.

На слѣдующій день графъ, окончивъ высочайшій докладъ,—доложилъ его величеству заявленіе Дубельта и, держа въ рукахъ двѣ бумаги, положилъ одну изъ нихъ на столъ при словахъ, — «то не угодно-ли будетъ вамъ подписать его отставку». На вопросъ-же государя о содержаніи другой бумаги графъ отвѣтилъ: «а это моя отставка, если вы ту подпишете». Тронутый монархъ столь явнымъ доказательствомъ расположенія высоко имъ цѣнимаго сановника къ своему подчиненному, обнялъ графа и, пригласивъ къ себѣ Дубельта, обласкалъ его и выразилъ ему лично то довѣріе, которымъ онъ съ тѣхъ поръ постоянно его удостоивалъ, до самой своей кончины.

Поразительнымъ и лестнымъ доказательствомъ этого довѣрія можетъ служить слѣдующее: въ концѣ 1840-хъ годовъ извѣстный мильонеръ графъ Потоцкій былъ сосланъ административнымъ порядкомъ, сначала въ Вологду, а потомъ въ Пензу. Пріѣхавъ въ отпускъ въ Петербургъ и посѣтивъ Леонтія Васильевича, онъ предложилъ ему 200 тысячъ рублей, не за свое освобожденіе отъ надзора, но, какъ онъ выразился, лишь «за обѣщаніе о томъ ходатайствовать». Л. В., отказавшись отъ денегъ, предупредилъ графа Потоцкаго, что о его поступкѣ доведетъ до свѣдѣнія государя императора, что онъ и исполнилъ.

По высочайшему повелѣнію, тогдашній шефъ жандармовъ, графъ Орловъ, написалъ графу Потоцкому, что его величество повелѣлъ передать ему, что не только у него, графа Потоцкаго, но и у самого государя нѣтъ достаточно денегъ, чтобы подкупить генерала Дубельта. Драгоцѣнный документъ этотъ, придающій столь высокую цѣну личности Леонтія Васильевича, какъ исходящій отъ столь справедливаго цѣнителя заслугъ, каковымъ былъ императоръ Николай Павловичъ, хранится и понынѣ, въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Слѣдующіе три эпизода послужатъ доказательствомъ скромности Л. В. Дубельта. Во время шефства графа Орлова, изъ Кіева былъ полученъ доносъ по политическому дѣлу. Доносчикомъ оказался мѣстный чиновникъ Петровъ [1]), и графъ Орловъ, желая вознаградить его, предложилъ Л В. опредѣлить его въ III-е отдѣленіе, на имѣющуюся

---

[1]) Предъ нами записки покойнаго А. М. Петрова (еще неизданныя), въ которыхъ онъ оправдывается предъ потомствомъ въ обвиненіи его Н. И. Костомаровымъ въ доносѣ на него, на Шевченко и на прочихъ его сочленовъ по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ въ Кіевѣ. Ред.

тамъ вакансію. Не смотря на возраженія Л. В., графъ настоялъ на томъ и сказалъ, что принимаетъ на себя отвѣтственность за предвидѣнныя Л. В. неблагопріятныя послѣдствія. Дубельтъ предлагалъ вознаградить Петрова деньгами, не желая имѣть доносчика въ непосредственно ввѣренной ему канцеляріи, но его доводы не были уважены, и Петровъ былъ опредѣленъ. Положеніе Петрова въ средѣ товарищей, дѣйствительно, оказалось для него невыгоднымъ, такъ какъ они всѣ его чуждались. Однажды императоръ Николай получилъ по городской почтѣ анонимное письмо, съ приложеніемъ собственноручной высочайшей резолюціи карандашомъ, очевидно, вырѣзанной изъ дѣла, и съ объясненіемъ, что посылается она какъ доказательство, что въ III-мъ отдѣленіи, за деньги, можно получить все, не исключая и царской подписи. Поднялась тревога, и вскорѣ оказалось, что резолюція вырѣзана изъ бумаги, далеко не важнаго содержанія, а именно, въ которой шла рѣчь о лошадяхъ жандармскаго дивизіона. Бумага эта хранилась въ архивѣ III-го отдѣленія и оказалась, съ вырѣзанной резолюціей, въ своей картонкѣ. Подозрѣніе тотчасъ-же пало на Петрова, и это тѣмъ болѣе, что въ этотъ день онъ былъ дежурнымъ и по окончаніи присутствія оставался въ канцеляріи одинъ. Петровъ сознался, объяснивъ, что сдѣлалъ это изъ мести, и за свой поступокъ выдержанъ былъ болѣе года въ крѣпости и сосланъ.

Генералъ-же Дубельтъ потребовалъ, чтобы его канцелярія была подвергнута самой строгой ревизіи, которая и была поручена, по высочайшему повелѣнію, тогдашнему предсѣдателю коммисіи прошеній, князю А. Ф. Голицыну. Князь нашелъ все дѣлопроизводство въ образцовомъ порядкѣ.

Государь, ознакомившись съ докладомъ князя Голицына, пожаловалъ Леонтію Васильевичу Александровскую ленту, на что Л. В. возразилъ, что ему получить ее не приходится, такъ какъ онъ отъ времени полученія предыдущей награды не выслужилъ еще законнаго срока. Но его величество оказался менѣе формалистомъ, чѣмъ его подданный, и ленту за Дубельтомъ утвердилъ.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о слѣдующемъ эпизодѣ, еще разъ явно доказывающемъ величіе души и вмѣстѣ съ тѣмъ мужество императора Николая Павловича. Когда императоръ былъ у великаго князя Михаила Павловича, въ Михайловскомъ дворцѣ, то отправилъ свои сани къ Мраморному дворцу, желая дойти до нихъ пѣшкомъ. Послѣ завтрака, Николай Павловичъ отправился, изъ Михайловскаго дворца, по протоптанной по снѣгу дорожкѣ, черезъ Царицынъ лугъ. Пройдя почти уже полъ-дороги, онъ встрѣтилъ хорошо одѣтаго человѣка, державшаго руку за бортомъ пальто и свирѣпо смотрѣвшаго

на императора. Догадавшись о его намѣреніяхъ, Николай Павловичъ быстро и прямо пошелъ на него и громкимъ голосомъ закричалъ ему: «брось!» и тотъ выронилъ пистолетъ. Тогда государь сказалъ ему:

— «Бѣги, а я буду смотрѣть, чтобы тебя не задержали, такъ какъ никто не долженъ знать, что кто-либо осмѣлился посягнуть на жизнь императора Николая».

Злодѣй убѣжалъ, а императоръ, поднявъ пистолетъ, повернулъ назадъ и неожиданно зашелъ въ кабинетъ Леонтія Васильевича, въ III-мъ отдѣленіи. Положивъ пистолетъ на столъ, онъ разсказалъ ему о случившемся, отдавъ строгое приказаніе не розыскивать злодѣя.

Когда, въ началѣ 1856 года, графъ Орловъ, тогда уже князь, оставилъ шефство, государь Александръ Николаевичъ предложилъ Леонтію Васильевичу быть назначеннымъ ему въ преемники. Намѣреніе его величества казалось тѣмъ болѣе основательнымъ, что Л. В. занималъ свою должность помощника шефа жандармовъ въ теченіи 26-ти лѣтъ. Однако, на предложеніе государя, Л. В. возразилъ, что по его убѣжденію, на этомъ посту — долженъ быть сановникъ съ титуломъ и обладающій богатствомъ. Императоръ назвалъ Леонтія Васильевича Донъ-Кихотомъ и назначилъ въ преемники князю Орлову князя В. А. Долгорукова.

Отказавшись отъ важнаго назначенія, Л. В. въ то-же самое время видимо скучалъ и тяготился бездѣйствіемъ. Бездѣйствіе это и сократило его жизнь, такъ какъ, съ удаленіемъ отъ дѣлъ, Л. В. сталъ замѣтно старѣться и умеръ въ 1862 году, 70-ти лѣтъ отъ роду.

Какъ доказательство довѣрія и милости царской да послужитъ разрѣшеніе покойнаго императора, когда въ 1856 году Л В. оставилъ свою должность, — являться каждую пятницу, въ 9 часовъ утра, во дворецъ и безъ доклада входить къ его величеству, во время утренняго чая. Самый милостивый пріемъ былъ всегда ему оказываемъ, и государь каждый разъ удостоивалъ Л. В. продолжительной бесѣдой и совѣщался съ нимъ о различныхъ дѣлахъ.

Личность Леонтія Васильевича поистинѣ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. На занимаемомъ имъ вліятельномъ посту, Л. В. былъ проникнутъ смысломъ извѣстной, весьма гуманной, инструкціи, данной императоромъ Николаемъ I шефу жандармовъ, при учрежденіи III-го отдѣленія. Когда графъ Бенкендорфъ доложилъ императору о необходимости составить инструкцію новаго учрежденія, то его величество, передавъ ему свой носовой платокъ, сказалъ: «утирай этимъ платкомъ какъ можно больше слезъ, вотъ моя инструкція!» Платокъ этотъ и понынѣ хранится подъ стекляннымъ колпакомъ въ архивѣ бывшаго III-го отдѣленія.

Два императора и оба начальника Л. В.—графы Бенкендорфъ и Орловъ, являли къ нему довѣріе безграничное, которое онъ никогда не употреблялъ во зло. Къ памяти Л. В. можно вполнѣ примѣнить великое изреченіе императора Николая, сказанное имъ графу Бенкендорфу, когда тотъ лежалъ на смертномъ одрѣ: «Ты меня ни съ кѣмъ не поссорилъ, но примирилъ со многими».

Слѣдующіе два эпизода изъ частной жизни Дубельта наглядно докажутъ безкорыстіе покойнаго Леонтія Васильевича. Вдова Лестреленъ, хорошо знакомая съ Леонтіемъ Васильевичемъ, обратилась къ нему за совѣтомъ,— можетъ-ли она безъ риска помѣстить капиталъ въ 30 тысячъ рублей къ извѣстному тогда аферисту барону К. Получивъ отъ Дубельта удовлетворительный отвѣтъ, она свои деньги барону К. довѣрила, и онѣ улетучились. Не смотря на то, что Леонтій Васильевичъ не былъ связанъ, относительно г-жи Лестреленъ, никакимъ обязательствомъ, письменнымъ документомъ или словеснымъ ручательствомъ, онъ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ выплатить г-жѣ Лестреленъ означенный капиталъ, что онъ и привелъ въ исполненіе, утверждая, что не дай онъ ей совѣта, оказавшагося пагубнымъ,—она, по всему вѣроятію, не довѣрила-бы своихъ денегъ барону К.

Тверской помѣщикъ И. скончался, и вскорѣ послѣ этого сынъ его, тогда служившій въ армейскомъ гусарскомъ полку, пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ. Однажды утромъ, является къ нему на квартиру жандармскій офицеръ и предлагаетъ явиться на слѣдующій день, въ назначенный часъ, къ генералу Дубельту. Хотя молодой И. не сознавалъ за собой ни малѣйшей погрѣшности,—онъ все-таки не безъ тревоги отправился къ управляющему III-мъ отдѣленіемъ.... «Вы вѣроятно, сынъ такого-то И.?» спросилъ его генералъ, «а также и его наслѣдникъ?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, — Леонтій Васильевичъ продолжалъ: «я состоялъ должнымъ вашему батюшкѣ 17 тысячъ рублей, и хотя, по близкому моему съ нимъ знакомству, онъ не заручился отъ меня никакими документами, я считаю своею обязанностью возвратить эти деньги вамъ».

При этомъ Дубельтъ, по разсказу И., отворилъ свой столъ и, вынувъ оттуда заранѣе приготовленныя 17 тысячъ рублей, вручилъ ихъ И., къ немалому его удивленію и удовольствію.

Весьма уважалъ Дубельта В. А. Жуковскій. Въ 1842 году, поэтъ посѣтилъ Л. В. и, расхаживая по кабинету, увидѣлъ на столѣ гравированный портретъ фельдмаршала князя Паскевича,

бывшаго тогда въ апогеѣ своей славы. Жуковскій тотчасъ взялъ перо и написалъ подъ портретомъ слѣдующее четверостишіе:

За Араксомъ наши грани,
Араратъ, чудесный плѣнъ
Эрзерума, Эривани
И разгромъ варшавскихъ стѣнъ.

Потомъ В. А. Жуковскій повернулся и, увидя на этажеркѣ небольшой, поясной, гипсовый бюстъ Л. В., сказалъ: «и тебѣ, Леонтій Васильевичъ, надо воздать должное», и вслѣдъ засимъ написалъ:

Быть можетъ онъ не всѣмъ угоденъ,
Вѣдь это общій нашъ удѣлъ,
Но добръ онъ, честенъ, благороденъ,
Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ.

Ю. Дубельтъ.

Примѣчаніе. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, по тому значенію, по тому вліянію, какое онъ имѣлъ не только на своихъ патроновъ—графовъ Бенкендорфа и Орлова, но и на нѣкоторыхъ другихъ лицъ, у власти стоявшихъ въ 1830—1855 гг., слишкомъ „приснопамятенъ", чтобы имѣть право обойти его въ „Русской Старинѣ". И вотъ печатая далѣе нѣсколько писемъ его къ женѣ, писемъ характеристичныхъ, мы предпослали имъ замѣтки одного изъ родичей покойнаго генерала. Замѣтки эти несомнѣнно односторонни. Дубельтъ является безъ пятна и упрека, между тѣмъ какъ изъ нашей же „Русской Старины", какъ, напр., изъ Записокъ генералъ-отъ-инфантеріи кн. Н. С. Голицына, извѣстнаго военнаго писателя и профессора, Леонтій Васильевичъ является въ другомъ свѣтѣ.... Исторія воздастъ каждому по дѣламъ его. Наша обязанность посильно давать для нея, съ полнымъ безпристрастіемъ, матеріалы, что мы и дѣлаемъ. Но если Л. В. Дубельтъ оставилъ тяжелую память въ средѣ подвижниковъ наукъ и словесности, въ сферѣ людей, жаждавшихъ для дорогаго нашего Отечества свѣта гласности и свободы отъ крѣпостныхъ узъ, то въ кругу своемъ, въ отношеніяхъ къ домашнимъ—это, безспорно, былъ самый сердечный, добродушный человѣкъ. Еще въ 1887-мъ году, въ Висбаденѣ, графиня Наталья Александровна Меренбергъ (супруга принца Николая Насаускаго), дочь великаго Пушкина, бывшая въ первомъ супружествѣ за сыномъ Дубельта (бракъ разведенъ) съ величайшимъ сочувствіемъ разсказывала намъ о Леонтіи Васильевичѣ.... Со вступленіемъ Александра II на престолъ, Дубельтъ, - кто бы этого ожидалъ?—сталъ ходатаемъ за отечественную литературу: во исполненіе желанія е. и. в. вел. кн. Константина Николаевича, Леонтій Васильевичъ отстоялъ въ цензурѣ пропускъ въ свѣтъ безъ урѣзокъ полнаго собранія сочиненій Гоголя. См. „Русскую Старину" изд. 1872 г., томъ V, стр. 299; изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 125, 452, 454, 999; изд. 1881 г., т. XXX, стр. 714 и проч.

Ред.

Письма Л. В. Дубельта къ женѣ

1830—1846 гг.

С.-Петербургъ, 7-го января 1830 г.

Вчерашній день я не писалъ къ тебѣ, моя милая Аннейька, ибо все время, которое былъ дома, читалъ я книги, которыя далъ мнѣ Александръ Николаевичъ. Поутру, въ 10 часовъ, пошелъ я къ Бибикову, просидѣлъ у него до одиннадцати,—онъ еще не имѣлъ случая говорить великому князю объ Аннецькѣ Карнауховой. Отъ него пошелъ я на берегъ Невы,—мнѣ хотѣлось посмотрѣть крещеніе, но народу было такъ много, что -я, не дождавшись конца, возвратился домой. На возвратномъ пути захотѣлось мнѣ побродить по Зимнему дворцу,—я вошелъ въ коридоры и ходилъ по онымъ съ полъ-часа. Всякій разъ, когда я бываю въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бывалъ во время моего дѣтства, какое-то чувство удовольствія, смѣшанное съ горестію, овладѣетъ сердцемъ моимъ! Я люблю это чувство, хотя оно заставляетъ меня болѣе вздыхать, нежели радоваться. Тутъ вспоминаю я все, что было со мною въ молодыя лѣта мои, и память моя удивительно освѣжается, ибо помню всякую бездѣлицу, помню, что было со мною, когда и на какомъ мѣстѣ!

Въ три часа отправился я обѣдать къ дядюшкѣ; тутъ увидѣлъ я сестру Софіи Николаевны Корсаковой. Она подошла ко мнѣ и очень ласково говорила, что рада познакомиться со мною, ибо съ дѣтства была очень дружна съ тобою. Ты можешь вообразить, какъ мнѣ было пріятно видѣть и говорить съ другомъ твоихъ молодыхъ лѣтъ. Тутъ былъ и отецъ ея, но съ нимъ я не познакомился. Передъ обѣдомъ просила меня Надежда Николаевна, чтобъ я позволилъ показать себя какой-то старой нянюшкѣ Александра Николаевича, которая и тебя носила на рукахъ. Я согласился, но въ эту минуту пошли обѣдать; итакъ, я еще не былъ показанъ этой старушкѣ.

Вчера узналъ я гдѣ живетъ Лизогубъ, послалъ къ нему Ивана, который нашелъ его. Онъ обѣщалъ быть ко мнѣ въ исходѣ третьяго часа, но не былъ. Ввечеру я зашелъ къ нему, но онъ уже уѣхалъ въ Стрѣльну, откуда его сегодня ожидаютъ обратно.

Бѣдный Николай Пётровичъ! вмѣстѣ съ отставкою маркиза Паулючи онъ потерялъ свое мѣсто. Баронъ Паленъ, который назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ригу, не беретъ его къ себѣ. Теперь онъ самъ не знаетъ, что дѣлать; хочетъ перейти въ армію,—то хочетъ идти въ отставку. Я знаю, что ты очень его любишь, и

потому приглашалъ его пожить нѣсколько времени у насъ, но онъ не согласился.

Перечитавъ приказы отъ апрѣля мѣсяца прошлаго года до 1-го января настоящаго, я ужаснулся, какое неожиданно великое число генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ выключены изъ списковъ,— болѣе умершихъ, нежели убитыхъ! Это служитъ разительнымъ доказательствомъ чрезвычайнаго нездоровья тамошняго климата и тому, что болѣзни сильныя существовали въ войскѣ нашемъ. Генералы Сабанѣевъ, Нагель, Понсетъ, Андржейковичъ, Ворпановъ, Дитриксъ, Корниловъ, Криштафовичъ и многіе другіе умерли отъ болѣзни. Бибиковъ говорилъ мнѣ, что эта война стоитъ Россіи 62 генераловъ. Сколько выключено полковыхъ командировъ! Напримѣръ, въ одномъ приказѣ и въ одномъ полку выключено умершихъ до десяти человѣкъ офицеровъ и нашъ Татаруль I-й также скончался.

Нашъ Назимовъ назначенъ комендантомъ въ Тобольскъ; дай Богъ, чтобы тамъ было хорошо этому доброму старичку.

8-го января.

Вчера, въ 10 часовъ поутру, пошелъ я къ Бибикову и встрѣтилъ на улицѣ нашего Александра Каваньку, который, узнавъ, что я въ С.-Петербургѣ, нарочно пріѣхалъ, чтобы со мною видѣться. Вообрази радость нашу! Мнѣ казалось, что онъ сынъ мой, ему казалось, что я отецъ его; онъ даже цѣловалъ руки мои! Я вернулся домой, и черезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ старый Каванько, который ѣздилъ хлопотать, чтобы скорѣе дали ходъ моему представленію. Онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Въ вечеру, въ 6 часовъ, я возвратился домой и хотѣлъ писать къ тебѣ, моя милая Анненька, но у меня такъ разболѣлась голова, что я не могъ взять пера въ руки! Я легъ, хорошенько выспался, и сегодня, слава Богу, совершенно здоровъ. Александръ Каванько видѣлъ третьяго дня въ Новгородѣ брата Петрушу. Онъ и семейство его совершили походъ благополучно и, благодаря Бога, всѣ здоровы. Нашъ добрый Каванько просилъ меня, чтобъ я тебѣ кланялся и сказалъ бы, что онъ цѣлуетъ твои ручки.

Чтобы меньше было у меня расходу, я рѣшился не пить чаю, и выдержалъ цѣлую недѣлю; но мочи нѣтъ! по утрамъ такъ тошнитъ, что я выпилъ, по крайней мѣрѣ, пять ведеръ воды; наконецъ, опасаясь занемочь водяною болѣзнію, я купилъ сегодня чаю и сахару, и теперь, то напишу къ тебѣ строчку, то глотну чаю, и мнѣ такъ хорошо!

Я всякій день молю Бога, чтобы мое дѣло скорѣе кончилось.

Проформы, чрезъ которыя оно пройти должно, такъ затруднительны и медленны, что отымаютъ всякую надежду къ скорому онаго окончанію. Бенкендорфъ представилъ къ гр. Чернышеву, отъ Чернышева идетъ это представленіе къ дежурному генералу, отъ дежурнаго генерала въ инспекторскій департаментъ; здѣсь дѣлаютъ справку, точно ли я честный человѣкъ, и почти всегда посылаютъ объ этомъ запросъ къ главнокомандующему. Потомъ здѣсь же составляется докладная записка, которая посылается къ дежурному генералу, отъ него къ Чернышеву, а тогда уже идетъ въ докладъ государю. Теперь я и Кованько хлопочемъ, чтобы инспекторскій департаментъ не посылалъ запроса къ главнокомандующему, и ежели намъ это удастся, то можно надѣяться, что недѣли черезъ двѣ дѣло будетъ кончено; въ противномъ же случаѣ, Богъ знаетъ, какъ долго это продолжится. Помолись и ты, мой другъ, Богу. Господь услышитъ молитву твою. Я сей часъ иду къ генералу Адлербергу, просить, чтобы не задерживалъ моего представленія.

9-го января.

Вчера ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ Каванько и началъ уговаривать съѣздить въ театръ. Мнѣ не хотѣлось, ибо это стоитъ денегъ и издержка совершенно лишняя. Но неотступныя просьбы его и благодарность, что онъ нарочно пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, чтобъ видѣться со мною, убѣдили меня исполнить его желаніе. Играли Ермака, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ; я былъ восхищенъ игрою Каратыгина и, вмѣстѣ со многими зрителями, препорядочно поплакалъ. Я увѣренъ что если-бы Каратыгинъ былъ актеръ парижскаго театра, то слава его гремѣла бы во всей Европѣ, и журналы французскіе говорили бы, что Франція нашла другаго Тальму. А у насъ! Геній Каратыгина едва-ли извѣстенъ за царскосельскою заставою.

Избѣгавъ всѣ книжныя лавки, насилу отыскалъ я одинъ экземпляръ лексикона съ англійскаго на французскій; изданіе старое, но я купилъ для тебя эту книгу за 8 рублей. Вотъ какая исторія съ глобусомъ, который я хотѣлъ купить для Николиньки! Дней пять тому назадъ нашелъ я глобусъ, прекрасный, парижской работы, но не взялъ его, ибо менѣе 42 рублей мнѣ не отдавали оный. Я былъ вездѣ, гдѣ только имѣютъ понятіе о глобусахъ, наконецъ, пришелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, и что же? Здѣсь узналъ я, что наша земля не кругла, а имѣетъ форму осьмиугольника!! Маленькій, осьмиугольный глобусъ, самой дурной работы, и который въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 4-хъ вершковъ, стоитъ 35 р.; я удивился

и подумалъ, что лучше заплатить 42 р. за глобусъ отличной парижской работы, среднеі величины, нежели за неправильную фигуру русскаго плотника 35 р. Съ этими мыслями отправился я опять къ Ст.-Флорану, съ намѣреніемъ отсчитать ему 42 р. и взять глобусъ. Вхожу въ библіотеку и ищу того сидѣльца, который уступалъ мнѣ глобусъ за 42 р., но не нахожу его. Опасаясь, чтобы другой сидѣлецъ не запросилъ за глобусъ вдвое дороже, спрашиваю, гдѣ тотъ, у котораго я торговалъ глобусъ; мнѣ отвѣчаютъ, что онъ занятъ и что видѣть его невозможно. Тутъ, со страхомъ пополамъ, спросилъ я о цѣнѣ глобуса, увѣренъ будучи, что г-нъ сидѣлецъ провозгласитъ по крайней мѣрѣ 80 р.! Но какъ велико было мое удивленіе, когда онъ сказалъ мнѣ, что глобусъ стоитъ 35 р. Я заплатилъ деньги и глобусъ—мой; заплативши, я спросилъ сидѣльца, отчего его товарищъ, требуя непремѣнно 42 р., не хотѣлъ уступить мнѣ глобусъ за 40 р., которые я ему предлагалъ? Сидѣлецъ не зналъ что отвѣчать, наконецъ, провозгласилъ, что, конечно, товарищъ его не зналъ навѣрное цѣну глобуса. Итакъ, теперь я радуюсь тому удовольствію, которое будетъ чувствовать Николинька, когда онъ получитъ глобусъ.

Вчера, у Николая Семеновича (Мордвинова) отдали мнѣ твое второе письмо. Съ какою радостію я распечаталъ оное. Съ чувствомъ неизъяснимаго удовольствія прочелъ я первую половину этого письма, но вторая подернула черную, мрачную завѣсу на мысли и все существо мое. «Не будь жандармъ», говоришь ты! Но понимаешь ли ты, понимаетъ ли Александръ Николаевичъ (Мордвиновъ) существо дѣла. Ежели я, вступя въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ, тогда доброе мое имя, конечно, будетъ запятнено. Но ежели, напротивъ, я, не мѣшаясь въ дѣла, относящіяся до внутренней полиціи, буду опорою бѣдныхъ, защитою несчастныхъ; ежели я, дѣйствуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду наблюдать, чтобы въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе,—тогда чѣмъ назовешь ты меня? Чѣмъ назоветъ меня Александръ Николаевичъ?—Не буду ли я тогда достоинъ уваженія, не будетъ ли мѣсто мое самымъ отличнымъ, самымъ благороднымъ? Такъ, мой другъ, вотъ цѣль, съ которою я вступлю въ корпусъ жандармовъ; отъ этой цѣли ничто не совратитъ меня, и я, согласясь вступить въ корпусъ жандармовъ, просилъ Львова, чтобы онъ предупредилъ Бенкендорфа не дѣлать обо мнѣ представленіе, ежели обязанности неблагородныя будутъ лежать на мнѣ, что я не согласенъ вступить во ввѣренный ему корпусъ, ежели мнѣ будутъ давать порученія, о которыхъ доброму и честному человѣку и подумать страшно. Предупредивъ такимъ образомъ

будущаго моего начальника, не могу ли я дѣйствовать открыто? не долженъ ли я предполагать основательно, что самъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ добродѣтельный и благороднѣйшій, не будетъ давать мнѣ порученій, которыя несвойственны человѣку честному? Теперь скажу два слова о томъ, чтобы быть у Бенкендорфа дежурнымъ штабъ-офицеромъ. Не отъ нечего дѣлать отказываютъ мнѣ сіе мѣсто; напротивъ, невозможно добиться до этого мѣста, по причинѣ весьма простой: мѣсто дежурнаго штабъ-офицера занято полковникомъ Мухановымъ, который и не думаетъ оставлять оное; ежели же и оставитъ, то это мѣсто приготовилъ для себя самъ Львовъ, и должно сказать правду, что онъ болѣе моего имѣетъ на оное право. Быть же при Бенкендорфѣ по особеннымъ порученіямъ нельзя потому, что при немъ уже есть три штабъ-офицера. Къ тому же это мѣсто не по мнѣ. Тутъ-то совершенно порученія не совсѣмъ чистыя, на безпрерывныхъ посылкахъ, а содержаніе одно только жалованіе, тогда какъ въ губерніи я самъ начальникъ и получаю столовыя деньги. Теперь поговорю о выгодахъ. Въ Твери мы будемъ близко Рыскина, слѣдовательно я почти какъ дома, могу заниматься и дѣлами домашними. Живучи въ Твери, пойдетъ у меня и постройка, какъ мы предполагали. Сколько выгодъ предстоитъ мнѣ! Ежели же я буду страшиться мнѣнія общаго, то, конечно, перемѣна онаго будетъ не надолго и я увѣренъ, что въ первые два мѣсяца мои поступки и дѣйствія пріобрѣтутъ мнѣ общую довѣренность и уваженіе. Я описалъ тебѣ, мой милый другъ, хорошую сторону предстоящей мнѣ службы, теперь остается сказать, что ты можешь быть спокойна, и что я ни за что на свѣтѣ не запятнаю своего добраго имени. Впрочемъ, дабы болѣе успокоить тебя, я буду искать еще другаго мѣста, и ежели найду, то остановлю представленіе Бенкендорфа, ибо оно еще не скоро дойдетъ до государя.

Преображенскій полкъ еще не пришелъ, слѣдовательно, я не могъ видѣться съ Есиповымъ.

Что касается до того, чтобы служить въ гвардіи, то я и не знаю, и не придумаю, какъ приступить къ сему. Въ этомъ случаѣ Коваько ничего сдѣлать не можетъ, къ тому же я часъ отъ часу болѣе и болѣе убѣждаюсь, что жить въ С.-Петербургѣ невозможно, ибо за квартиру, какая будетъ нужна для насъ, должно будетъ платить, конечно, 4,000 р. въ годъ.

Прошу Господа, да сохранитъ онъ тебя и дѣтей нашихъ въ добромъ здоровьѣ. Благославляю всѣхъ васъ. Всѣмъ роднымъ кланяюсь, m-rs Olive и Du Tresselle также. Тебя, мой ангелъ, мой дорогой дружечекъ, обнимаю отъ всей души моей и вѣкъ буду твоимъ другомъ. Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Пятница, 18 августа 1833 г.

Какой нашъ государь добрый, это удивительно! пусть во всей Европѣ поищутъ подобнаго. Дураки будутъ искать, да не найдутъ. Ты знаешь, мой дружечекъ, что во всей Малороссіи, отъ продолжительныхъ засухъ, сдѣлался совершенный неурожай и даже голодъ. Государь, получивъ извѣстіе, что въ тѣхъ губерніяхъ цѣна четверти хлѣба возвысилась до 27 руб., сейчасъ послалъ туда и сенаторовъ, и генералъ-адъютантовъ, съ огромными капиталами, искупить хлѣбъ въ низовыхъ губерніяхъ и доставить оный въ губерніи голодныя. Ну, это онъ сдѣлалъ, какъ правитель, пекущійся о благѣ своего народа. Теперь ты увидишь отца, который хочетъ помочь своимъ дѣтямъ!

Завтра отправляются въ Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губерніи, какъ въ мѣста, въ которыхъ голодъ наиболѣе угрожаетъ, три флигель-адъютанта, и приказалъ выдать имъ изъ своего кабинета сто тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы они безпрерывно разъѣзжали по деревнямъ, отыскивали совершенно неимущихъ и раздавали имъ деньги на пропитаніе! Я знаю, что черта сія тебѣ понравится, моя добрая Анненька, ты такъ любишь государя, слѣдовательно, это тебѣ очень понравится.

Дай же Богъ здоровья нашему славному царю. А пусть мнѣ укажутъ то конституціонное царство, въ которомъ бы государь имѣлъ такое попеченіе о своихъ подданныхъ!

Ну, Аннушка! славное мы провели лѣто! Вотъ уже девяносто шестой день льетъ дождикъ! это ужасно! только въ іюнѣ прошло три недѣли безъ дождя, и какъ 28 іюня пошелъ дождь, то съ тѣхъ поръ не было Божьяго дня, чтобы была хорошая погода. Здѣсь все промокло, все сгнило; огурцы 14 руб. тысяча! Какъ ни удерживаешься, а все таки иногда подосадуешь, что здѣшній климатъ похожъ на то болото, въ которое увязъ журавль. Помоги ему, бѣдному, вотъ онъ. (Изображеніе чернилом журавля).

Суббота, 19-го августа.

Вчера ввечеру, только что я уткнулъ въ болото журавля, какъ получаю записку, съ дачи отъ Львова, слѣдующаго содержанія:

«Графъ сейчасъ пріѣхалъ, останавливался передъ нашею дачею и приказалъ мнѣ, сію минуту, пріѣхать къ нему на дачу Пушкина».

Изъ предъидущаго письма моего ты знаешь, что государь уѣхалъ изъ Петергофа, моремъ, въ Штетинъ, оттуда въ Фридландъ, что въ Богеміи. Долженъ тебѣ сказать, что 17-го числа была у насъ ужасная

буря и небольшое наводненіе. Мы всѣ тревожились о государѣ, который въ это время находился въ морѣ, на легкомъ пароходѣ. Я испугался, получа увѣдомленіе, что графъ пріѣхалъ, и мнѣ вообразилось, что не случилось ли какого несчастія. Въ ту-же минуту поѣхалъ я на дачу къ Пушкину, гдѣ мой графъ ласково и весело встрѣтилъ меня. Вотъ ихъ похожденія: они находились почти на высотѣ Ревеля, противный вѣтеръ и волненіе моря были столь велики, что пароходъ «Ижора» долженъ былъ бросить якорь въ одной изъ бухтъ около Ревеля. Тутъ капитанъ судна рѣшительно объявилъ, что не отвѣчаетъ за цѣлость онаго. Тогда государь спросилъ мнѣніе моего графа, который отвѣчалъ, что въ морѣ слова и мысли капитана должно принимать за приказанія. Тогда государь приказалъ направить плаваніе обратно въ Кронштадтъ; итакъ, они, по вѣтру, прибыли въ Петергофъ 18-го числа ввечеру. Оставя пароходъ «Ижору», государь отправился, на перекладной, къ государынѣ въ Царское Село, и сегодня, ввечеру, онъ отъѣзжаетъ, сухимъ путемъ, черезъ Ригу, въ Богемію. До послѣдней станціи предъ Ригою будетъ только извѣстно, что ѣдетъ въ коляскѣ графъ Бенкендорфъ, съ адъютантомъ; этотъ адъютантъ будетъ нашъ царь, а далѣе онъ уже слѣдовать будетъ подъ своимъ громкимъ именемъ.

Возвращеніе графа дало намъ работы на цѣлую ночь. Должно было приготовить многое для слѣдованія государя сухимъ путемъ. Теперь все кончили; графъ отъѣзжаетъ черезъ два часа (а теперь ровно полдень) въ Царское Село, а оттуда, сегодня же ввечеру, далѣе за границу.

Чуть было не забылъ я увѣдомить тебя, моя дорогая Аннинька, что въ день отъѣзда государя изъ Петергофа направленіе его возвратнаго пути опять измѣнилось. Онъ изъ Бреста поѣдетъ въ Кіевъ, а куда оттуда—никто не знаетъ. Знаемъ только, что въ Москву онъ не поѣдетъ. Итакъ, посланный мною къ тебѣ маршрутъ брось въ печку, ибо онъ не состоятеленъ.

Писалъ-бы еще болѣе, но не могу, ибо сейчасъ опять иду къ графу. Сегодня я писалъ-бы много, ибо я очень веселъ, потому что вчера ввечеру получилъ письмо твое отъ 12 августа, которое такъ меня обрадовало и развеселило, что я счастливъ, какъ ребенокъ, ибо письмецо твое дышетъ спокойствіемъ и веселостью. Прощай котя Богъ съ вами. Твой другъ Леонтій.

Петергофъ. Суббота, 30-го іюня 1834 г.

Ночь, первый часъ. Завтра здѣсь будетъ большой праздникъ, слѣдовательно, завтра и послѣ завтра будетъ такъ суматошно, что едва-ли я изберу часочекъ, чтобы написать къ тебѣ, моя добрая, дорогая Анненька, тогда какъ мнѣ не хочется оставить тебя нѣсколько дней безъ писемъ моихъ. Итакъ, за нѣсколько часовъ до нашей общей тревоги, хочу, хоть немного, написать къ тебѣ и потомъ распроститься съ тобою, по крайней мѣрѣ, до 3-го іюля. Вчера поутру пріѣхавъ сюда, я послѣ обѣда поѣхалъ къ дядюшкѣ [1]), чтобъ поздравить его съ графскимъ достоинствомъ. Я зналъ, я видѣлъ, что ему очень хочется быть графомъ, но никакъ не воображалъ, чтобы до такой степени его обрадовала эта милость царская! Какъ ни сбиваютъ его другіе члены семейства, онъ, не смотря на то, показываетъ не только явное удовольствіе, но даже явную радость. Слава Богу, — я очень радъ этому чувству и принимаю оное неоспоримымъ доказательствомъ, что онъ цѣнитъ высоко вниманіе государя. 27-го числа благодарилъ онъ государя и благодарилъ, по старинному, славному русскому обычаю, преклоня одно колѣно. Добрый государь не допустилъ его до этого и доволенъ, что онъ доставилъ утѣшеніе нашему старичку. Отъ него онъ пошелъ прямо къ моему графу и просто, какъ честный человѣкъ, сказалъ ему:

— «Ваше сіятельство! я знаю, что вамъ обязанъ я этою милостію царскою, примите же мою искреннюю благодарность».

Все это очень хорошо и иначе быть не могло, но вотъ что меня удивило: когда я пріѣхалъ къ нему, чтобъ поздравить его, то онъ встрѣтилъ меня съ чрезвычайною ласкою, началъ цѣловать меня и сказалъ:

— «Послушай, другъ мой Леонтій! я вижу и чувствую, что̀ ты для меня и для моего семейства сдѣлалъ; я тебѣ отъ души благодаренъ и никогда этого не забуду. Все это сдѣлалъ твой добрый начальникъ, но знаю, что все это сдѣлано по твоему внушенію и просьбѣ, ибо если-бъ ты не говорилъ ему о моей скорби, то онъ не зналъ бы ея, и слѣдовательно, не старался бы обратить ко мнѣ милость царскую. Я тѣмъ болѣе цѣню твое дружеское содѣйствіе, что оно было сдѣлано безъ моей просьбы и моего внушенія. Тутъ ты дѣйствовалъ по собственному чувству и привязанности ко мнѣ».

Ты можешь представить себѣ, моя милая, дорогая Анненька, какъ пріятны мнѣ были слова нашего почтеннаго дядюшки! Какую сладкую награду посылаетъ намъ Господь за ничтожное, но усердное

---

[1]) Графу Н. С. Мордвинову.

дѣйствіе! Что я тутъ могъ сдѣлать? Могу-ли я принять на себя столь важное дѣло? Я только описалъ моему доброму, благородному начальнику скорбь дядюшки и вижу тутъ только: новое доказательство неисчерпаемой милости Господней; явный доводъ справедливости и готовности дѣлать добро моего графа и вѣчную благотворительность нашего государя къ своимъ подданнымъ. Воображаю твою радость и удовольствіе — и вотъ въ этихъ-то чувствахъ, мой неоцѣненный дружечекъ, я нахожу себѣ точно истинно сладкую награду. Ну, довольно объ этомъ. Теперь ты удивишься, что я скажу тебѣ: третьяго дня, въ 2 часа пополудни, пріѣзжала ко мнѣ Наталія Николаевна Перская! Мнѣ кажется, что ты этому не вѣришь, но, право, правда. Она не застала меня дома, ибо я ѣздилъ къ Ростовцеву, хлопотать о Николинькѣ, чтобъ послѣ предстоящаго выпуска пажей онъ былъ помѣщенъ въ дѣйствительные экстерны. Ввечеру она вторично ко мнѣ пріѣхала и я думалъ, что какое нибудь важное дѣло заставляетъ ее оказать мнѣ столь огромное снисхожденіе. Отнюдь не бывало, — она пріѣхала, посидѣла, напилась чаю и поѣхала домой. Во время этого посѣщенія она разсказывала мнѣ, что она очень довольна надѣленною ей частію; что у нея болѣе доходовъ, нежели она воображала, и что она сама ходитъ ежедневно на рынокъ покупать для себя и для людей говядину, морковь, рѣпу, петрушку и другую провизію! что мальчикъ ходитъ за нею съ корзиною, и что она очень довольна своимъ состояніемъ. Слава Богу, что она нашла себѣ занятіе, ежели не совсѣмъ приличное ея состоянію, то, по крайней мѣрѣ, не злое и невинное.

Прощай, моя котинька, — всѣхъ васъ благословляю и отъ всей души обнимаю тебя. Твой другъ Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Середа, 31-го августа 1838 г.

Знаешь ли, Анненька, какое можетъ произвести дѣйствіе хорошій живописецъ на внимательнаго зрителя? Онъ можетъ заставить его плакать! Тебѣ покажется это страннымъ, а между тѣмъ я самъ испыталъ, что это быть можетъ, было и бываетъ. Извѣстный Брюловъ нарисовалъ, для лютеранской церкви, огромную запрестольную картину, она изображаетъ распятіе Спасителя нашего. Я пріѣхалъ въ мастерскую Брюлова и увидѣлъ то, чего описать не могу; это живой Бого-Человѣкъ на крестѣ; тѣло Его такъ живо, такъ свободно прибито къ кресту грѣшными гвоздями, что ты не вѣришь, чтобъ предъ тобою было полотно и краски; Его божественное лицо изображаетъ неподражаемую кротость и спокойствіе; Онъ представленъ

въ самую послѣднюю минуту Его земной жизни и, отдавая послѣдній вздохъ, обратя къ небу божественный, преисполненный благоговѣнія, взглядъ свой, ты, кажется, слышишь слова Его: «Отче! прими душу мою въ руце Твоя!» У подножія креста изображено пять фигуръ: изъ нихъ, Богородица смотритъ на Сына Своего и плачетъ; глаза Ея красны и наполнены слезами; тутъ опять не живопись, а слезы! Лицо Ея блѣдное, исхудалое, и ты видишь, что Она похудѣла не отъ временной болѣзни, но отъ продолжительныхъ, внутреннихъ страданій. Возлѣ нея стоитъ Іоаннъ Креститель (sic),—онъ поникъ головою, сложилъ руки и видно Его изумленіе и, кажется, слышны слова Его: «Что это случилось!» Съ другой стороны Марія Магдалина, замѣтя, что Спаситель уже отдаетъ послѣдній вздохъ Свой, бросилась на колѣни, подняла руки и выражаетъ какое-то страшное изумленіе и скорбь самую глубокую. И все это во مракѣ ночи, и я долго сидѣлъ передъ этой картиной, и мнѣ казалось, что я вижу на яву всѣ страданія за насъ нашего Спасителя;—какой-то трепетъ, какое-то содроганіе проникло меня—и я залился слезами. Когда ты возвратишься, моя дорогая Анненька, то непремѣнно свожу тебя посмотрѣть эту картину и знаю впередъ, что по твоимъ глубоко христіанскимъ чувствамъ, видъ этой картины доставитъ тебѣ хотя грустное, но большое наслажденіе.

Въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ я сказалъ тебѣ, что великій князь гнѣвается на меня за то, что я писалъ къ моему графу (Бенкенд.) о тѣхъ взысканіяхъ, которыя онъ налагаетъ на своихъ подчиненныхъ. Мнѣ казалось, что должно объясниться съ его высочествомъ по этому предмету—и я поѣхалъ къ нему въ Ораніенбаумъ. Разговоръ нашъ я сообщу тебѣ, моему милому дружечку, когда увидимся, а теперь скажу только, что я, благодаря Бога, очень хорошо сдѣлалъ, объяснившись съ нимъ. Его высочество убѣдился, что я иначе и не долженъ былъ поступать и отпустилъ меня съ величайшею милостію. Откланиваясь, я просилъ его позволенія посмотрѣть его садъ; онъ съ удовольствіемъ позволилъ и указалъ мнѣ тѣ мѣста, съ которыхъ видъ на море точно очарователенъ. Осмотрѣвъ эти мѣста, я пробирался домой черезъ дворцовый дворъ; въ самыхъ воротахъ остановилъ меня камеръ-лакей и сказалъ, что ея высочество приказала отвести мнѣ покои во дворцѣ и сказать, чтобы я не уѣзжалъ, потому что послѣ обѣдни она потребуетъ меня къ себѣ. Я остался и, послѣ обѣдни, меня позвали къ ея высочеству. Она позвала меня въ свой кабинетъ, посадила, и отъ часа до половины третьяго, то есть ровно полтора часа, я имѣлъ счастіе бесѣдовать съ ея высочествомъ. Чего мы не переговорили! И о политикѣ, и о Россіи, и о тебѣ, и о дѣтяхъ

нашихъ, обо всемъ мы говорили. Что это за умница, что это за очаровательная женщина! Я много подмѣтилъ въ ней твоего,—твой умъ, твои мысли твои разсужденія.

Въ $^1/_2$3 она встала, подвела меня къ окошку и, указавъ на павильонъ, сказала, чтобъ я сходилъ туда посмотрѣть отдѣланную ею залу. Я исполнилъ ея волю и потомъ опять побрелъ въ свои покои, чтобъ оттуда уѣхать домой. На дворѣ встрѣтилъ меня гофъ-фурьеръ и сказалъ, что его высочество приглашаетъ меня къ себѣ обѣдать. Я остался и пошелъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни пришелъ ко мнѣ правящій должность гофъ-маршала, генералъ Вешняковъ, и сказалъ, чтобы послѣ обѣда я не уѣзжалъ, ибо ея высочество приказала ему приготовить экипажъ и хочетъ повезти меня съ собою и показать мнѣ весь садъ и паркъ Ораніенбаума.

Ты можешь вообразить, какъ я радъ былъ этому извѣстію.

Въ 4 часа я пришелъ къ обѣду, за столъ мы сѣли въ пять. Ея высочество посадила меня возлѣ себя и я не умѣю описать тебѣ, съ какою милостью безпрерывно и его высочество и ея высочество говорили со мною! Она до того была милостива, что даже сама накладывала на мою тарелку нѣкоторыя блюда. Боже мой, какъ немного надо принцамъ, чтобъ приковать къ себѣ нашу братью! Я готовъ былъ броситься имъ въ ноги изъ благодарности. Мы встали отъ стола въ половинѣ седьмаго, вышли на балконъ, было уже холодно и сыро и потому ея высочество не поѣхала прогуливаться,—жаль, что я не имѣлъ этого счастія. Въ 8 часовъ я имъ откланялся и пустился во-свояси.

Дорогою я заѣхалъ къ дядюшкѣ и къ Машенькѣ Бекъ. Они, благодаря Бога, здоровы. Дядюшка приказалъ тебѣ кланяться.

Алексѣй Марковичъ Полторацкій пишетъ ко мнѣ, что онъ имѣлъ удовольствіе тебя видѣть, въ проѣздъ твой черезъ его деревню, но что не могъ упросить тебя зайти къ нему въ домъ. Онъ, кажется, этимъ огорченъ. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ не гнѣвался на тебя, ибо ты ни къ кому не ѣздишь единственно отъ навыка къ уединенной жизни.

Вотъ тебѣ, мой дружечекъ, письмо отъ Катуни. Напиши къ ней, что я все сдѣлаю, чтобъ только угодить ей. А между тѣмъ я и самъ къ ней напишу.

Есть на свѣтѣ одинъ господинъ Баташевъ. Этотъ господинъ Баташевъ очень богатъ и очень большой пьяница. Онъ вздумалъ, не предупредивъ меня, подать государю просьбу, чтобъ все его имѣніе отдали мнѣ въ управленіе. «Никто лучше генерала Дубельта не управитъ моимъ имѣніемъ, говоритъ онъ въ своемъ прошеніи къ

государю, ибо всѣмъ, какъ и мнѣ, извѣстна его честность, безкорыстіе и правосудіе». Далѣе онъ проситъ государя, чтобы изъ его доходовъ назначено мнѣ было, за управленіе его имѣніемъ, по 15 тыс. рублей въ годъ жалованія. Копію съ его прошенія онъ препроводилъ ко мнѣ. Я отвѣчалъ ему, что готовъ управлять его имѣніемъ, ежели государь дозволитъ, но не иначе, какъ безъ всякаго жалованія.

Твое разсужденіе, моя дорогая Анненька, о томъ, что мнѣ не годится мои партикулярныя письма посылать въ казенныхъ конвертахъ, совершенно справедливо. Но я это дѣлаю не самъ и вотъ почему: Гаврило Степановичъ Поповъ, какъ секретарь главноуправляющаго надъ почтовымъ департаментомъ, по закону имѣетъ право посылать въ казенныхъ конвертахъ и безъ всякой платы всякія письма. Вотъ онъ и присталъ ко мнѣ, чтобы я всю мою переписку и посылки присылалъ къ нему, а его уже дѣло отправлять ихъ по принадлежности. Сначала я отказался отъ его предложенія, но когда онъ нѣсколько разъ повторилъ оное, то я и согласился. Ежели и послѣ этого ты думаешь, что я это дѣлать не долженъ, то скажи только одно слово и я тебя послушаюсь.

О наймѣ нашего петергофскаго дома я ожидаю разрѣшенія моего графа, ибо безъ этого никакъ нельзя согласиться учредить въ немъ питейную контору, какъ бы условія ни были строги. На дняхъ я ожидаю отвѣта, ибо давно уже писалъ объ этомъ къ графу.

Какъ я радъ, что балыкъ и рыба тебѣ понравились. Балыкъ привезъ мнѣ Александръ Васильевичъ Ульянинъ изъ Нижняго Новгорода, и больше такого балыка уже нѣтъ,—а рыбки пришлю еще тебѣ, ежели будетъ случай.

Слава Богу, что Мишенька заслужилъ твое прощеніе, но я знаю, что это не надолго и потому все-таки прошу тебя, мой добрый другъ, отдать ему мое письмо,—вреда оно не сдѣлаетъ.

Я полагаю, душенька, что послѣ шести недѣль должно Мишеньку отправить сюда,—впрочемъ, ежели онъ недѣльку и просрочитъ, то въ этомъ нѣтъ бѣды, но дольше оставлять его въ Рыскинѣ не должно, ибо курсъ уже начался и онъ очень отстанетъ, а догонять будетъ трудно.

Итакъ, начинай съ Богомъ готовить его отъѣздъ. Я сказалъ великому князю, что доставлю его въ корпусъ черезъ три недѣли,—это было 28-го августа, слѣдовательно, онъ долженъ быть здѣсь къ 18-му сентября. Съ удовольствіемъ соглашаюсь на твое желаніе, моя добрая, милая Анненька,—скажи Матренѣ, что племянникъ ея будетъ присланъ въ Рыскино и я не отдамъ его въ солдаты, но надо, чтобы она смотрѣла за его поведеніемъ и не позволяла ему быть такимъ дурнымъ человѣкомъ.

Вчера, 30-го августа, по обыкновенію, я обѣдалъ у Александра Николаевича Мордвинова. Онъ и Александра Семеновна очень тебѣ кланяются. А третьяго дня я приглашенъ былъ на обѣдъ къ графинѣ Разумовской и отъ роду не кушалъ такого славнаго обѣда,— между тѣмъ представь себѣ, что у нея нѣтъ повара, готовитъ кухарка; она же готовитъ и тогда, когда царская фамилія у нея кушаетъ.

Послѣ обѣда мы сдѣлали визитъ госпожѣ кухаркѣ и застали ее за чтеніемъ «Lettres de Madame de Maintenon».

Сегодня былъ я, по приглашенію, въ пажескомъ корпусѣ, при раздачѣ призовъ, и сердце у меня болѣло, что Мишенька не тѣшитъ насъ, какъ тѣшилъ Николинька. Николинька также былъ приглашенъ, но быть не могъ,—у нихъ была репетиція парада. Коля здоровъ и сегодня восхищался Сильфидою.

У насъ, благодаря Бога, все тихо и благополучно. Одна только бѣда, это то, что бѣдные раззоряютъ меня,—ужасъ сколько выходитъ ежедневно. Но я думаю, что копѣйка, данная нищему, возвратится рублемъ. Прощай, моя душенька, моя милая, золотая Анненька, обнимаю тебя крѣпко, очень крѣпко. Благослови Мишеньку и поклонись Кранцу, Аннѣ Прокофьевнѣ и Александрѣ Алексѣевнѣ. Л. Дубельтъ.

Спб. Вторникъ. 18-го апрѣля 1844 г.

Кажется, что я не писалъ къ тебѣ о Рогожинѣ, моя дорогая Анненька, — а между тѣмъ онъ уже и во второй разъ былъ у меня все съ однимъ и тѣмъ же предложеніемъ. При второмъ помѣщенія я ему очень строго сказалъ, что ежели не перестанетъ говорить мнѣ глупости, то я прошу его уже болѣе не бывать у меня. Дѣло вотъ въ чемъ состоитъ: раскольники поручили ему пригласить меня дѣйствовать въ ихъ пользу по возможности, и за это предлагаютъ купить для меня имѣніе въ 100 душъ на 2-хъ т. десятинъ земли, смежное съ нашимъ Петрищевымъ, или выдать мнѣ сейчасъ 50,000 руб.; я отвѣтилъ г. Рогожину, что у Николая Павловича нѣтъ столько денегъ, чтобы подкупить меня, и что совѣтую раскольникамъ вообще никому не давать денежныхъ подарковъ, ибо тѣ, которые могутъ сдѣлать для нихъ что нибудь полезное, денегъ съ нихъ не возьмутъ, а тѣ, которые берутъ, не въ состояніи ничего сдѣлать въ ихъ пользу. Послѣ этого, кажется, вразумительнаго отвѣта, Рогожинъ осмѣлился дѣлать вторично мнѣ то же предложеніе и тутъ уже я строго сказалъ ему: или чтобы молчалъ, или чтобы въ третій разъ не пріѣзжалъ ко мнѣ. Ежели я уже писалъ къ тебѣ объ этомъ, дружечекъ мой, то извини за повтореніе, это произошло отъ того, что я не зачеркнулъ отмѣтки на листѣ, на которомъ пишу для памяти о чемъ писать къ тебѣ.

Все это время у меня очень много труда, гораздо болѣе обыкновеннаго, по случаю отъѣзда моего графа (Я. Х. Б.) за границу. Онъ уѣзжаетъ 23-го апрѣля и я ежедневно работаю и съ нимъ и съ графомъ Орловымъ. Утѣшительно видѣть, съ какимъ благородствомъ графъ Орловъ рѣшаетъ дѣла, съ какимъ отвращенiемъ онъ смотритъ на зло, и какъ подвиженъ на всякое доброе дѣло. Государь долженъ благодарить Бога, что у него есть такiе подданные.

Грустна мнѣ разлука съ моимъ графомъ! Повѣришь-ли, что часто сижу, задумаюсь, и слезы навернутся!

Спб. Пятница, 19-го мая 1844 г.

Не мая 19-го, а просто октября 19-го, вотъ тебѣ однимъ словомъ портретъ нашей погоды!

Слава Богу, шумъ и колотье въ ухѣ прошли и кашель мой немного утихаетъ... Я-то что? дрянь! а вотъ бѣда: наша прекрасная драгоцѣнная великая княгиня Александра Николаевна все очень нездорова! Прошедшую ночь она провела дурно и не могла сидѣть; это наводитъ общую печаль. Доктора говорятъ, что нѣтъ опасности, доколѣ она беременна, но вѣдь не вѣкъ же она будетъ беременна. Воображаю, какое это горе государю и государынѣ; далъ бы Господь, чтобы она выздоровѣла! Всѣ полагаютъ, что государь изъ Лондона уже не поѣдетъ въ Киссингенъ, а по причинѣ недуга возвратится въ Петербургъ. Какъ это несчастiе измѣнило всѣ предпрiятiя царскаго семейства! Царицѣ нужно было непремѣнно ѣхать на воды, а теперь этого сдѣлать не можетъ.

Ты знаешь, душенька, какъ я люблю моего графа, и Богъ видитъ, что за каждый годъ его жизни я отдалъ бы годъ своей. Завтра изъ Фалля онъ уѣзжаетъ за границу, и я писалъ къ нему, чтобы онъ, ради Бога, былъ умѣренъ въ пищѣ: мнѣ сказывали, что карлсбадскiя воды могутъ убить человѣка, который, принимая ихъ, не соблюдаетъ строжайшей умѣренности. Л. Дубельтъ.

Обнимаю тебя, другъ мой сердечный. Л. Дубельтъ.

Спб. Суббота, 3-го iюня 1844 г.

По извѣстiямъ, которыя я имѣю о государѣ, его приняли въ Лондонѣ такъ, что и описать нѣтъ возможности. Народъ, гдѣ только онъ показывался, бросалъ шляпы и шапки на воздухъ, и кричалъ ура! Радуетъ меня всегда, когда нашего царя такъ принимаютъ, въ особенности, что такъ приняли его въ Англiи, гдѣ у насъ столько недоброжелателей. Изъ Лондона онъ уже выѣхалъ, и во вторникъ, т. е. 6-го iюня, его ожидаютъ сюда. Здѣсь, къ несчастiю, не радость

его ожидаетъ,—великая княгиня Александра Николаевна очень нездорова, и слабость ея такъ велика, что, говорятъ, и ходить не можетъ. Воображаю печаль государя и доброй государыни, это большое несчастіе.

..... Времени нѣтъ ни минуты. Л. Дубельтъ.

Спб. Воскресенье, 30-го іюля 1844 г.

Съ грустію сообщаю тебѣ самое печальное извѣстіе, моя дорогая Анненька,—вчера, въ 10 часовъ утра, великая княгиня Александра Николаевна родила сына Вильгельма, который, черезъ часъ послѣ святаго крещенія, скончался. Ея высочество видѣла и слышала голосъ своего младенца и была счастлива. Вслѣдъ затѣмъ она крѣпко уснула и доктора полагали, что уже не проснется; но послѣ продолжительнаго сна проснулась въ чрезвычайной слабости, которая безпрерывно увеличивалась, такъ что послѣдній часъ началъ очевидно приближаться. Ее окружило все царское семейство, она тихо со всѣми простилась и, въ $^1/_2$5-го часа пополудни, однимъ ангеломъ на землѣ стало меньше, а однимъ на небѣ больше.

Бѣдная государыня безпрерывно плачетъ и это, слава Богу, облегчаетъ скорбь ея; но государь плакать не можетъ, его скорбь сосредоточилась въ великой душѣ его и тѣмъ сильнѣе онъ ее чувствуетъ. Церемоній при переносѣ тѣла изъ Царскаго села въ Петропавловскую крѣпость не будетъ. Государь повелѣлъ перевезти великую княгиню. Ночью съ 1-го на 2-е августа; онъ намѣренъ самъ и одинъ провожать ее верхомъ, и въ ту же ночь вся царская фамилія переѣдетъ на Елагинъ островъ. 2-го и 3-го августа усопшая будетъ стоять на катафалкѣ, и въ это время будетъ находиться безпрерывно при гробѣ 32 особы дежурныхъ изъ придворныхъ лицъ обоего пола. 4-го числа будетъ обѣдня въ присутствіи особъ первыхъ трехъ классовъ; послѣ обѣдни тѣло предано будетъ землѣ, а дворъ, съ Елагина острова, отправится въ Петергофъ. Тамъ намѣренъ государь остаться до поздней осени, но доктора этого не совѣтуютъ, полагая, что будетъ сыро и холодно. Тѣло сына Александры Николаевны у насъ не будетъ предано землѣ,—принцъ намѣренъ взять оное съ собою.

Трауръ наложенъ на три мѣсяца. Царица, кажется, поѣдетъ провожать свою сестру.

Меня очень утѣшаетъ то, что скорбь царскаго дома всѣхъ поразила скорбію,— это большое доказательство, что ихъ любятъ. Дай Богъ, чтобы я не имѣлъ надобности сообщать тебѣ болѣе столь печальныхъ извѣстій.

Цѣлую твои ручки, моя милая, моя дорогая Анненька. Л. Дубельтъ.

Спб. Пятница, 15-го сентября 1844 г.

Государь послалъ, нѣсколько дней тому назадъ, въ Ревель фельдъегеря, съ приказаніемъ ожидать тамъ прибытія изъ-за границы парохода «Геркулесъ» и съ тѣмъ, чтобы, по его прибытіи, спросилъ графа Бенкендорфа о положеніи его здоровья и сейчасъ бы скакалъ назадъ съ этимъ извѣстіемъ, а графу чтобы сказалъ, что ежели онъ, по болѣзни, останется въ Фаллѣ, то государь самъ къ нему пріѣдетъ. Вчера поутру фельдъегерь возвратился и привезъ печальное извѣстіе, что мой графъ скончался.

7-го сентября онъ въ Килѣ сѣлъ на пароходъ; графъ былъ чрезвычайно слабъ, но плыли они благополучно. 11-го сентября находились они на высотѣ острова Даго и, въ $^1/_2$7-го часа вечера, графъ тихо отдалъ Богу душу. Сахтынскій пишетъ, что онъ не умеръ, а уснулъ, такъ тиха была его кончина. Я такъ много плакалъ, что теперь голова болитъ ужаснѣйшимъ образомъ; сейчасъ ѣду въ Демидовскій домъ отслужить панихиду.

Дѣти сегодня поутру выступили съ полкомъ на маневры; 11 дней будутъ они въ отсутствіи. Какъ жаль, что ихъ здѣсь не будетъ, когда ты пріѣдешь, моя дорогая Анненька.

Цѣлую твои ручки. Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Воскресенье, 17-го сентября 1844 г.

Кранцъ хотѣлъ возвратиться къ 15-му сентября и не возвратился; послѣ этого нечего и говорить, что ты, мой дружечекъ, просрочила шестьдесятъ шесть сроковъ.

Дѣло г-на Повало-Швейковскаго разсматривается въ коммиссіи прошеній и мнѣ обѣщано, что будетъ соблюдена въ ономъ самая строгая справедливость.

Ермолаевъ прислалъ изъ Власова 39 пудъ сыру. Сыръ этотъ сданъ купцу, но деньги еще не получены; купецъ обѣщалъ заплатить во вторникъ,—получу, сохраню до твоего пріѣзда.

Молодой графъ Бенкендорфъ и Сахтынскій, сдавъ тѣло моего графа въ Ревелѣ, третьяго дня пріѣхали сюда. Я видѣлъ того и другаго, они разсказывали мнѣ о послѣднихъ минутахъ графа. Незадолго до его кончины онъ призвалъ доктора и спросилъ: проживетъ-ли онъ еще часъ времени? Докторъ отвѣчалъ, что не ручается; тогда призвалъ онъ своего племянника и Сахтынскаго, которые, пришедъ, стали у его кровати на колѣни и всѣ трое начали молиться Богу. Помолясь, графъ началъ отдавать послѣднія приказанія, съ начала племяннику, потомъ Сахтынскому. Первому поручилъ многое сказать государю, между

прочимъ, что завѣщаетъ ему всѣхъ сослуживцевъ; потомъ назначилъ пенсіи своей прислугѣ; — второму, чтобы поблагодарилъ всѣхъ его подчиненныхъ за ихъ усердіе и меня за мою къ нему дружбу, и чтобы крѣпко поцѣловалъ меня. Сказавъ это, онъ закрылъ глаза и, черезъ 5 минутъ, сердце его перестало биться. Похоронить себя онъ приказалъ въ Фаллѣ, безъ всякой церемоніи, въ дубовомъ гробу, безъ наималѣйшей обивки.

Такъ не стало одного изъ добрѣйшихъ людей, одного изъ преданнѣйшихъ слугъ государя,—упокой, Господи, душу его!

Графъ Орловъ, къ счастію Россіи, согласился принять его мѣсто. Что будетъ со мною—я еще не знаю. Графъ милостивъ ко мнѣ какъ нельзя болѣе, но проникнуть его сокровенныхъ мыслей я еще не могъ, да и не хотѣлъ,—я плакалъ и плачу. Обнимаю тебя, мой сердечный другъ. Л. Дубельтъ.

С.-Петербургъ. Пятница, 22-го февраля 1846 г.

Какое большое несчастіе это новое возстаніе въ Польшѣ! Сколько въ этомъ безразсудномъ предпріятіи будетъ невинныхъ жертвъ, которыя лишатся своего состоянія отъ волненія, во время коего, разумѣется, волнующіеся не уважаютъ чужой собственности. Несчастная Польша, и какъ справедлива пословица: «Безмозглый полякъ!» Ужъ именно что безмозглые, потому что и дѣти, съ малѣйшимъ разсудкомъ, не могутъ дѣлать такихъ глупостей. Краковъ и вся Австрійская Галиція въ огнѣ; Познань, Лембергъ также въ волненіи, и это заставило князя Паскевича двинуть въ тѣ мѣста сильныя войска. Конечно, надо надѣяться, что рѣшительными мѣрами этотъ бунтъ потушенъ будетъ въ самомъ началѣ; не менѣе того, не обойдется, какъ уже и не обошлось, безъ кровопролитія. Крестьяне, которыхъ ихъ владѣльцы подговорили къ возстанію, начали рѣзать помѣщиковъ, и много несчастныхъ семействъ въ ужасѣ бѣгутъ изъ Галиціи къ намъ подъ защиту и покровительство. Сердце обливается кровію, какъ подумаешь о нихъ; но съ другой стороны это послужитъ имъ же наукой и, можетъ быть, хотя нѣсколько образумитъ ихъ на будущее время. Слава Богу, что въ нашихъ предѣлахъ все еще тихо и, какъ кажется, благоразумными мѣрами, которыя приняты нашимъ правительствомъ, эта бѣда не перекинется нашимъ безмозглымъ. Дай Богъ, чтобы это скорѣе кончилось и не увеличило заботъ государя, которымъ нѣсть конца. Л. Дубельтъ.

Сообщ. Е. И. Дубельтъ.

ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ

1788—† 1850—1888.

5-го ноября 1888-го года минетъ сто лѣтъ со дня рожденія историка Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго.

Представитель старинной боярской фамиліи, вышедшей изъ Молдавіи, внукъ славнаго сатирика и дипломата князя Антіоха Кантеміра и архіепископа Зертисъ-Каменскаго († 1771 г.), сынъ одного изъ трудолюбивѣйшихъ изслѣдователей русской старины и архивиста Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго († 1814 года) [1],—Дмитрій Николаевичъ, при отличномъ образованіи, имъ полученномъ, давшемъ ему возможность занимать довольно видные посты въ административной службѣ, съ раннихъ лѣтъ съ увлеченіемъ отдался трудамъ въ области отечественной исторіи. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ, по времени, отечественныхъ историковъ, который, не углубляясь въ сумракъ отдаленныхъ вѣковъ, обратилъ свое вниманіе на XVIII-й вѣкъ. Дмитрій Николаевичъ изъ разныхъ эпохъ прошлаго столѣтія вывелъ и оживилъ предъ умственнымъ взоромъ читателя множество, въ томъ или другомъ отношеніяхъ, достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Восемь объемистыхъ томовъ его «Словаря достопамятныхъ людей русской земли» (изданія 1836 и 1847 годовъ) заключаютъ въ себѣ множество жизнеописаній. Всѣ они составлены Дмитріемъ Николаевичемъ безъ всякихъ сотрудниковъ и, по своему времени, настолько обстоятельно, что на многіе годы служили источникомъ для всевозможныхъ справокъ и извлеченій. Если этотъ почтенный трудъ

---

[1]) Николаю Ник. Бантышъ-Каменскому принадлежитъ до тридцати трудовъ по части исторіи, богословія, дипломатіи, древняго языкознанія и словесности.

не лишенъ многихъ недостатковъ, недомолвокъ и нѣкоторыхъ неточностей, то таковые легко объясняются бѣдностью печатныхъ историческихъ записокъ русскихъ людей и вообще матеріаловъ въ 1830 и 1840-хъ годахъ и крайнею строгостью цензуры [1]). Во всякомъ случаѣ, если бы Д. Н. Бантышъ-Каменскій составилъ одинъ лишь этотъ трудъ, и то онъ заслужилъ бы навсегда благодарное о немъ воспоминаніе, а между тѣмъ это далеко не единственный плодъ его любви къ отечественной исторіи и замѣчательнаго трудолюбія [2])....

Напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни этого писателя.

Дмитрій Николаевичъ родился въ Москвѣ въ 1788 году 5-го ноября. Двѣнадцати лѣтъ, въ 1800 г., онъ былъ зачисленъ «юнкеромъ» въ московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, состоя уже съ 1795 года въ спискахъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, откуда, т. е. изъ полка, былъ исключенъ Павломъ I вмѣстѣ съ прочими малолѣтними. Рано лишившись матери, Бантышъ-Каменскій получилъ первоначальное образованіе въ семействѣ сенатора Теплова, близкаго друга его отца Николая Николаевича. Подъ руководствомъ-же отца изучалъ онъ дипломатію по перво-источникамъ, въ чтеніи реляцій пословъ русскихъ; вообще вліянію отца, съумѣвшаго заинтересовать и пріохотить сына къ историческимъ и вообще научнымъ трудамъ—Дмитрій Николаевичъ обязанъ тѣмъ, что выступилъ на литературное поприще. Восемнадцати лѣтъ отъ роду (1806 г.) издано имъ сочиненіе: «Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена», но еще раньше онъ издалъ свой переводъ соч. Коттенъ: «Матильда или исторія крестовыхъ походовъ» (историч. романъ). Командировка въ Сербію доставила ему случай обозрѣть южную Россію и всѣ страны по пути къ цѣли его поѣздки; результатомъ оной было изданное имъ описаніе его путешествія по Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Въ 1812 году онъ уже издаетъ «Описаніе дѣяній полководцевъ и министровъ Петра Великаго» съ гравированными ихъ портретами.

По освобожденіи Москвы онъ поспѣшилъ въ нее изъ Нижняго-Новгорода, куда сопровождалъ своего престарѣлаго отца—не пустившаго

---

[1]) До чего доходила ея придирчивость по отношенію къ „Словарю“ Бантышъ-Каменскаго видно изъ документа, помѣщаемаго нами здѣсь въ приложеніи.

[2]) Съ чувствомъ особой личной благодарности вспоминаетъ пишущій эти строки Д. Н. Бантышъ-Каменскаго: его „Словарь“ былъ однимъ изъ первыхъ, по времени, историко-біографическихъ сочиненій, которое съ живѣйшимъ интересомъ еще на школьной скамьѣ было нами прочитано и привязало насъ къ русско-исторической литературѣ. Ред.

сына въ ряды арміи. Дмитрій Николаевичъ осмотрѣлъ зданіе московскаго архива и выдалъ пособіе чиновникамъ, изъявившимъ желаніе остаться при архивѣ; видѣлъ пепелище Москвы и дома родительскаго; надгробные памятники, обезображенные сабельными ударами французовъ; но зданіе архива уцѣлѣло отъ пожара. Біографъ Бантышъ-Каменскаго, Б. М. Өедоровъ, разсказываетъ, что охранявшій архивъ пожилой архиваріусъ былъ такого оригинальнаго вида, что сдѣлался предметомъ забавы для французской молодежи: каждый день приказывали ему приготовляться къ смерти, и водили, какъ будто, на казнь. Старикъ долженъ былъ ложиться на землю, слышалъ надъ собою удары сабли по дереву, и казнь его отлагалась до другаго дня, пока надъ забавниками, въ свою очередь, не засвистали нагайки казаковъ...

Въ 1813 году Бантышъ-Каменскій слушаетъ лекціи въ московскомъ университетѣ, затѣмъ издаетъ біографію одного изъ друзей своихъ графа Мусина-Пушкина, павшаго на полѣ чести въ годину отечественной войны; печатаетъ біографическое свѣдѣніе и описаніе гибели своего дѣда Амвросія Зертисъ-Каменскаго, архіепископа московскаго, и составляетъ собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ императорскихъ россійскихъ орденовъ,—трудъ, какъ и прочее принадлежащее перу Д. Н., весьма полезный для справокъ.

Въ 1814 году умеръ отецъ Дмитрія Николаевича—Николай Николаевичъ; нашъ писатель-историкъ перешолъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и вскорѣ командировка заграницу дала ему возможность посѣтить Вѣну и Парижъ и видѣть многихъ вершителей въ ту эпоху судебъ Европы... Въ 1815 году, коллежскій совѣтникъ, кавалеръ Владиміра 4-й степени и камеръ-юнкеръ, Д. Н. женился на дочери князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго... Отличное образованіе, блестящее обладаніе французскимъ языкомъ, на которомъ онъ и писалъ, и говорилъ прекрасно, знаніе нѣсколькихъ другихъ языковъ—англійскаго, нѣмецкаго, латинскаго; большія способности къ литературно-историческимъ трудамъ, все это обѣщало Бантышу-Каменскому большіе успѣхи на дипломатическомъ поприщѣ: его уже назначили въ Неаполь, въ нашу миссію, и вдругъ онъ занялъ постъ правителя канцеляріи князя Николая Григорьевича Репнина, назначеннаго военнымъ губернаторомъ въ Малороссію.

Переходъ этотъ если замедлилъ служебную карьеру Дм. Николаевича, за-то далъ ему возможность заняться исторіею Малороссіи, которая и была имъ издана въ 1822 году, въ четырехъ частяхъ, и вторично издана въ 1830 году, съ гравированными портретами. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1825 года, историкъ нашъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Тобольскъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго

совѣтника. Въ маѣ того-же года, Бантышъ-Каменскій отправился на свой постъ и всецѣло посвятилъ себя отправленію служебныхъ обязанностей и весьма важныхъ порученій, возлагавшихся на него генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, генералъ-отъ-инфантеріи Капцевичемъ.

Какъ губернаторъ, Бантышъ-Каменскій проявилъ замѣчательную дѣятельность. Біографъ его сообщаетъ о тѣхъ заботахъ, какія Д. Н. проявилъ по отношенію къ исправленію тюремнаго замка, казармъ для пересыльныхъ, больницъ, усовершенствованія пожарной команды и пожарнаго обоза, освѣщенія улицъ Тобольска, улучшенія быта пересыльныхъ и ссыльныхъ и устроенія имъ дорогъ въ Тобольской губерніи на пространствѣ двухъ тысячъ верстъ (въ виду ожидавшагося пріѣзда въ Сибирь Александра I). Тѣмъ-же губернаторомъ Бантышъ-Каменскимъ довершено устройство двухъ казацкихъ полковъ—русскаго и татарскаго, которые, по сибирскому учрежденію Сперанскаго, состояли въ распоряженіи тобольскаго губернатора.

Бантышъ-Каменскій успѣлъ убѣдить племя дикихъ вогуловъ отмѣнить обычай продавать дочерей (калымъ), отчего неимущіе изъ нихъ прежде часто оставались холостыми; ввелъ во многихъ мѣстахъ Тобольской губерніи разведеніе картофеля и выдѣлку холста изъ крапивы; способствовалъ къ соединенію малочисленныхъ пелымскихъ волостей въ одну, для уменьшенія расходовъ. Учрежденный, по представленію его, подкрѣпленному генералъ-губернаторомъ, сборъ пошлинъ съ судовъ, лодокъ и купеческихъ кладей въ пользу Тобольска значительно увеличилъ городскіе доходы (до 12,487 р.); изыскалъ источники для содержанія тобольской пожарной команды на счетъ суммъ земскаго сбора и процентнаго сбора съ купеческихъ капиталовъ. Расходы при отправленіи аммуничныхъ вещей и по найму почтовыхъ лошадей уменьшены, послѣдніе на 23,750 рублей и проч.

По порученію генералъ-губернатора, Д. Н озабочивался и заготовленіемъ потребностей для рабочихъ командъ по исправленію сухопутныхъ сообщеній. Тюменскіе заводчики, по убѣжденію его, сдѣлали значительное пожертвованіе на обмундированіе сибирскихъ линейныхъ казаковъ. Генералъ-губернаторъ (П. М. Капцевичъ) нѣсколько разъ изъявлялъ ему свою признательность за особенный порядокъ и чистоту въ городѣ, отдѣлку тюремнаго замка, устроеніе двухъ полковъ казацкихъ, обученныхъ и обмундированныхъ, усовершенствованіе пожарной команды, сокращеніе издержекъ по разнымъ предметамъ, за убѣжденія къ пожертвованіямъ (между прочимъ, на дѣло народнаго просвѣщенія), за благоразумныя и скорыя распоряженія. «Я нахожу, писалъ генералъ

Капцевичъ, что все, такъ сказать, вновь учреждено, и съ необыкновеннымъ успѣхомъ, въ короткое время вашего управленія Тобольскою губерніею. Остается желать, чтобъ это устройство сохранилось навсегда. По справедливости долженъ я сказать, что исполненіе служебныхъ обязанностей, при всей разнородности и трудности ихъ, легко бы казалось мнѣ, если бъ и по другимъ частямъ я имѣлъ такихъ же ревностныхъ въ службѣ помощниковъ, каковаго имѣю въ вашемъ превосходительствѣ».

По отбытіи генерала Капцевича въ 1826 году въ Москву по случаю торжества коронованія государя императора, Бантышъ-Каменскій, на основаніи сибирскаго учрежденія (§ 16), уполномоченный генералъ-губернаторомъ, занялъ мѣсто его въ совѣтѣ главнаго управленія, и 22-го августа, въ воздаяніе отлично-усердной службы, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Бантышъ-Каменскій обратилъ вниманіе сибирскаго комитета на пользу предоставленія собственно поселянамъ исправленія дорогъ и мостовъ, съ отмѣною дорожныхъ командъ, изложивъ всѣ неудобства тогдашняго содержанія сухопутныхъ сообщеній въ Сибири (впослѣдствіи отмѣненныя), когда на каждаго человѣка изъ военнорабочихъ, за исключеніемъ бывшихъ въ бѣгахъ, подъ судомъ и больныхъ, приходилось исправлять семь верстъ дороги, кромѣ участія въ постройкѣ мостовъ, представлявшихъ въ сложности пространство на 52 версты.

Въ декабрѣ 1826 года возникли ссоры между кочующими обдорскими остяками и самоѣдами. Бантышъ-Каменскій немедленно отправился на мѣсто, за полторы тысячи верстъ къ сѣверу отъ Тобольска, и кроткими мѣрами успѣлъ возстановить согласіе между дикарями, обыкновенно живущими на тундрахъ, гдѣ пасутся безчисленныя стада ихъ оленей, въ сосѣдствѣ Ледовитаго моря. Только въ началѣ каждаго года они пріѣзжали въ Обдорскъ для платежа ясака. Войдя толпою въ двѣ небольшія комнаты, занимаемыя губернаторомъ, самоѣды разсѣлись безъ приглашенія на стульяхъ, столахъ, на кровати, даже на подушкахъ и на полу, между тѣмъ какъ единоземцы ихъ валялись по снѣгу вкругъ дома; бесѣда съ ними началась чрезъ переводчика изъ казаковъ. Самоѣды шумѣли, толковали между собою, передавая другъ другу небольшую трубку, и, наконецъ, ободренные ласковымъ видомъ губернатора, спросили: какъ его зовутъ?—Дмитрій—отвѣчалъ онъ. «Большой Дмитрій хорошъ!» тогда сказали они, указывая на березовскаго окружнаго судью (титулярнаго совѣтника Дмитрія Григорьева, который ростомъ былъ гораздо выше губернатора), «и малый Дмитрій хорошъ!»

Проѣхавъ двѣ тысячи верстъ на лошадяхъ и тысячу верстъ на

оленяхъ, губернаторъ возвратился въ Тобольскъ, довольный полнымъ успѣхомъ водворенія мира и тишины между добрыми дѣтьми природы, при всей грубости и простотѣ ихъ. Въ бытность свою въ Березовѣ, Дмитрій Николаевичъ осматривалъ случайно открытую могилу Меншикова, и по прошествіи почти цѣлаго вѣка, со времени кончины знаменитаго изгнанника, видѣлъ еще лице его, сохранившее въ очертаніи совершенное сходство съ извѣстнымъ портретомъ, приложеннымъ къ біографіямъ русскихъ генералъ-фельдмаршаловъ [1]).

Еще въ 1816 году въ сѣверномъ краѣ Тобольской губерніи появилась особенная болѣзнь во внутренности рта и горла, оставлявшая навсегда сипоту, если ломъ въ костяхъ и лишеобразныя болячки по всему тѣлу не сопровождались изнурительною лихорадкою, что уже было предвѣстіемъ смерти. Губернаторъ прежде всего почелъ необходимостью улучшить продовольствіе больныхъ и тѣмъ способствовалъ къ ослабленію болѣзни сего рода. Представленіе его было утверждено, и больнымъ назначено выдавать по 25-ти копѣекъ въ сутки на каждаго.

Вообще успѣшная административная дѣятельность Д. Н. Бантышъ-Каменскаго въ столь отдаленномъ краѣ, какъ Сибирь, вновь показала, сколь полезенъ можетъ быть на посту администратора человѣкъ во всеоружіи знаній, развитыхъ и упроченныхъ отличнымъ образованіемъ. Оно однако не спасло нашего историка отъ зависти, навѣтовъ и доносовъ. Въ 1827-мъ году въ Сибирь была назначена сенаторская ревизія, явились два сенатора Безродный и князь Б. А. Куракинъ: первый по своимъ нравственнымъ качествамъ, второй по своимъ способностямъ не находились на высотѣ ихъ назначенія. Началась самая придирчивая ревизія, полная предъумышленнаго желанія, въ угоду М. М. Сперанскому, повалить Капцевича, а съ нимъ долженъ былъ оставить свой постъ и искренно привязанный къ нему тобольскій губернаторъ. 30-го іюля 1828-го года Д. Н. Бантышъ-Каменскій уволенъ отъ должности, но его злоключенія тѣмъ не кончились: надъ нимъ установился судъ, прозванный имъ «Шемякинъ судъ въ XIX столѣтіи», который и протянулся до 1834-го года. Подъ этимъ заглавіемъ, еще въ 1831-мъ году и затѣмъ въ 1834 году, Бантышъ-Каменскій составилъ обширныя записки. Рукопись занимаетъ 239 полулистовъ, перебѣленная писцомъ, но со множествомъ выносокъ и примѣчаній собственной руки Дмитрія Николаевича. Обширныя

[1]) Весьма интересныя подробности объ этомъ эпизодѣ въ жизни Бантышъ-Каменскаго разсказаны въ „Русской Старинѣ“, въ его запискахъ: „Шемякинъ Судъ“.

выписки изъ этой рукописи напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., томъ VII, стр. 735—784. Въ этихъ запискахъ историкъ нашъ подробно повѣствуетъ о службѣ своей въ Сибири и о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ, вызванныхъ пристрастною и полною злобы сенатора Безроднаго—ревизіею, за которою потянулось слѣдствіе и судьбище въ Петербургѣ. Разсказъ чрезвычайно интересенъ и ярко рисуетъ тогдашнюю администрацію и ея наиболѣе видныхъ дѣятелей въ сенатѣ, въ средѣ министровъ и проч. Мы возвратимся еще къ нему со временемъ и представимъ на страницахъ «Русской Старины» въ новомъ и полномъ изданіи. Обращаемся къ обзору дальнѣйшей жизни и трудовъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго [1]).

Съ 1828 г., пользуясь дѣятельно досугомъ для литературныхъ занятій, Дмитрій Николаевичъ дополнилъ и исправилъ свою «Исторію Малороссіи». Въ 1830 г. она появилась въ роскошномъ по тому времени изданіи, въ трехъ томахъ, со многими портретами достопримѣчательныхъ лицъ, снимками почерковъ ихъ, картинами историческихъ сценъ, планами и со старинною картою Боплана, переведенною на русскій языкъ и представляющею Украйну въ XVII столѣтіи.

Въ 1833 году напечатанъ написанный Д. Н. занимательный историческій романъ: «Княжна Марія Меншикова»; но главнымъ предметомъ его занятій былъ «Словарь достопамятныхъ людей Русской Земли», въ пяти томахъ, изданный въ 1836 году, въ Москвѣ.

Трудно представить, какое множество нужно было собрать историческихъ справокъ, свѣдѣній и матеріаловъ для составленія такой книги. Дмитрій Николаевичъ съ особенною заботливостію пользовался разсказами очевидцевъ, напримѣръ: біографія Карамзина составлена имъ по словамъ друга Карамзина, И. И. Дмитріева, и изъ письменныхъ свѣдѣній, отъ него полученныхъ. Слушая чтеніе написанной имъ біографіи, глубоко тронутый Дмитріевъ прерывалъ его слезами, и по окончаніи бросился обнимать сочинителя, съ выраженіемъ сердечной признательности.

По примѣру отца своего, Бантышъ-Каменскій усердствовалъ доставлять и другимъ историческіе матеріалы для трудовъ ихъ. Такимъ образомъ онъ сообщилъ А. С. Пушкину нѣсколько любопытныхъ актовъ для его Исторіи пугачевскаго бунта. «Съ благодарностію отсылаю къ вамъ, писалъ къ нему Пушкинъ (26-го января 1835 г.), статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я

---

[1]) См. Жизнь Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, состав. Б. М. Ѳедоровъ. Спб., 1850 г., оттискъ изъ „Сѣверной Пчелы", авг. 1850 г., №№ 179, 181—183.

при составленіи моей исторія. При нихъ препровождаю и экземпляръ исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разсказщика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ») [1]).

Въ маѣ 1836 г. Д. Н. Бантышъ-Каменскій назначенъ губернаторомъ Виленской губерніи. Прибывъ въ Вильну и обревизовавъ присутственныя мѣста, онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе богоугодныхъ заведеній. Воспитательный домъ, извѣстный подъ именемъ «Дитя Іисусъ», управляемый сестрами милосердія, нуждался въ кормилицахъ, по неимѣнію которыхъ приносимыя дѣти могли быть жертвою голода. БантышъКаменскій отвратилъ опасность истребованіемъ нѣсколькихъ кормилицъ изъ ближайшаго къ Вильнѣ селенія. Въ еврейскомъ госпиталѣ неизлѣчимо больные, покрытые язвами, при самомъ невыгодномъ помѣщеніи позади грязныхъ ямъ, нуждались въ пищѣ и свѣжемъ воздухѣ. Губернаторъ принялъ ихъ подъ собственный надзоръ и далъ другой видъ больницѣ; часто посѣщалъ и тюремный замокъ, заботливо наблюдая за арестантами и за ускореніемъ производства уголовныхъ дѣлъ. Всякій житель, бѣдный и богатый, получалъ къ нему доступъ, и каждое утро, въ назначенный часъ, могъ лично объяснять свои жалобы и подавать просьбы. Окончательная отдѣлка двухъ обширныхъ городскихъ площадей, исправленіе мостовыхъ, осушеніе болотистыхъ мѣстъ въ окрестностяхъ города было предметомъ его попеченій въ Вильнѣ, но въ то же время онъ заботился и о лучшемъ устройствѣ городовъ: Ковна (въ то время уѣздный городъ), Вилькомира и Новоалександровска. Въ Ковнѣ, подъ надзоромъ губернатора, возведены военные госпитали.

Въ 1838 г. Бантышъ-Каменскій, по прошенію его, былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ....

Возвратясь изъ Вильны въ С.-Петербургъ, Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій продолжалъ составлять дополненіе къ своему Словарю, которое впослѣдствіи составило три тома, заключающіе въ себѣ сто пять біографій, и приготовилъ къ изданію сочиненныя имъ біографіи россійскихъ генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ (С.-Петербургъ,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. III, стр. 525—тамъ напечатаны интересныя письма къ Бантышу-Каменскому отъ Н. М. Карамзина, который привѣтствовалъ труды Д. Н. такими словами: «Вы идете по слѣдамъ вашего незабвеннаго родителя», и пять писемъ А. С. Пушкина, 1832—1835 г.

1840, четыре части). Императоръ Николай пожаловалъ двѣ тысячи рублей серебромъ на напечатаніе сихъ біографій....

Въ началѣ 1839 года управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, назначилъ его присутствующимъ въ совѣтѣ министерства вн. дѣлъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ оклада. Въ августѣ слѣдующаго года Бантышъ-Каменскій былъ опредѣленъ членомъ департамента удѣловъ, и 15-го апрѣля 1841 г. пожалованъ въ тайные совѣтники.

Любовь къ отечественной исторіи побудила его написать сильную статью въ опроверженіе толковъ объ исторіи Карамзина, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ «Русской Бесѣды». Статья Д. Н. посвящена «Памяти Карамзина» и напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 г., № 10).

Съ 1823 г. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій былъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Императорское общество испытателей природы избрало его почетнымъ своимъ членомъ, а въ 1843 г. онъ получилъ дипломъ на званіе общника (associé) королевскаго копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ.

Въ 1847 году Дмитрій Николаевичъ издалъ продолженіе своего Словаря достопамятныхъ людей русской земли. Книга эта составила уже всего восемь томовъ (1836 и 1847 гг.). Къ множеству новыхъ біографій сочинитель присоединилъ шесть, вошедшихъ сокращенно въ первые пять томовъ словаря, и восемнадцать, напечатанныхъ незадолго передъ тѣмъ въ другихъ его книгахъ. Многіе журналы отозвались о трудѣ его съ признательностью и уваженіемъ.... Портреты Ѳеофана Прокоповича, кн. А. С. Меншикова и св. Димитрія Ростовскаго украшаютъ это изданіе. Нѣкоторыя біографіи чрезвычайно любопытны, и вообще эта книга, представляя сокровище свѣдѣній, всегда останется справочною книгою и матеріаломъ для русской исторіи и исторіи русской литературы и искусствъ, такъ какъ составитель «Словаря» даетъ мѣсто въ немъ жизнеописаніямъ русскихъ дѣятелей—всего 631—на всѣхъ поприщахъ служенія отечеству.

2-го января 1850 г. тяжкій недугъ (воспаленіе) поразилъ нашего труженика и, не смотря на всю заботливость нѣжнаго семейства и усилія опытныхъ врачей, послѣ трехъ недѣль, онъ скончался въ С.-Петербургѣ, 25-го января, въ среду, на 62 году. Обрядъ отпѣванія былъ совершенъ въ той церкви, въ приходѣ которой онъ жилъ (св. Пантелеймона); тѣло же его, по завѣщанію, перевезено въ Москву, гдѣ и покоится возлѣ первой супруги его, въ стѣнахъ Донской обители.

Старшій сынъ его (Николай Дмитріевичъ—нынѣ покойный) и зять (Д. Д. Казинъ) сопровождали тѣло Д. Н. въ Москву.

Дмитрій Николаевичъ былъ женатъ три раза и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей и пять дочерей, изъ которыхъ живы въ 1888 г. двѣ старшія, внуки князя Барятинскаго, Анна Дмитріевна Б.-Каменская и Софья Дмитріевна Казина и меньшая (отъ третьей супруги) Елисавета Дмитріевна. «Д. Н.—говоритъ его біографъ,—«оставилъ многочисленное семейство и никакого состоянія [1]), бывъ дважды губернаторомъ съ достоинствомъ и заслугами, и принеся въ качествѣ писателя неисчислимыя пользы отечественному просвѣщенію, сохранилъ потомству лучшее достояніе: воспоминанія жизни и доблестей предковъ. Его заботливостью перейдутъ въ исторію многія имена и событія, которыя безъ его участія остались бы во練ракѣ забвенія. Значительные долги, по необходимости, обременяли его; на погашеніе ихъ императоръ Николай пожаловалъ десять тысячъ рублей серебромъ.

«Д. Н. Бантышъ-Каменскій скончался вскорѣ послѣ совершенія пятидесятилѣтія его службы, не менѣе долговременной, какъ и служба его родителя. Отецъ и сынъ служили царямъ и Россіи, въ общей сложности, 101 годъ, и служили съ тою честью, правотою и пользою, которыя даютъ имъ право на признательное воспоминаніе соотечественниковъ».

Въ бытность нашу въ Москвѣ въ настоящемъ году мы посѣтили Донской монастырь и въ немъ поклонились могиламъ Н. Н. и Д. Н. Бантышъ-Каменскихъ.

Въ слободкѣ Троице-Сергіевой лавры, въ скромной маленькой квартиркѣ, мы имѣли удовольствіе посѣтить и познакомиться съ одной изъ дочерей историка, Анною Дмитріевною, и въ продолжительной, полной живаго интереса, бесѣдѣ выслушать много подробностей о ея родителѣ, предъ памятью котораго Анна Дмитріевна благоговѣетъ. Но какъ объ этихъ нашихъ посѣщеніяхъ, такъ и вообще объ историкѣ Д. Н. Бантышъ-Каменскомъ мы еще будемъ говорить на страницахъ «Русской Старины», здѣсь же мы лишь напоминаемъ о жизни и трудахъ этого честнаго, неутомимаго и во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго дѣятеля въ сферѣ чиновника-администратора и на поприщѣ отечественной исторіи; да помянетъ съ признательностью его доброе имя въ день столѣтней годовщины его рожденія каждый, кому вѣдомы труды историка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

1788—5-го ноября—1888. Ред.

---

[1]) Дочь его, Анна Дмитріевна, живетъ на весьма скромную пенсію, получаемую ею отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій цензору его „Словаря".

Помѣщаемъ письмо историка Бантышъ-Каменскаго, очевидно, къ цензору его „Словаря". Документъ интересенъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ доводилось Д. Н. печатать свои историко-біографическіе труды. Письмо это сообщено „Русск. Ст." Анною Дмитріевною Бантышъ-Каменскою, за что приносимъ ей сердечную благодарность.

Ред.

М. г. Александръ Лукичъ(?)! Не имѣвъ времени переговорить съ вами, подробно, въ послѣднее свиданіе, о замѣчаніяхъ вашихъ на вторую часть моего Словаря, исполняю это письменно:

1) Описанныя мною казни стрѣльцовъ (въ біографіи Лефорта) почерпнуты изъ записокъ: Желябужскаго и Нащокина, недавно изданныхъ, и изъ Дѣяній Голикова, напечатанныхъ вновь Полевымъ; слѣдовательно, это не тайна государственная. Иностранцы увеличиваютъ жестокость Петра Великаго и я привожу примѣръ; но представляя, въ настоящемъ видѣ, грозную эпоху (о которой не могъ умолчать), ибо она, такъ сказать, связана съ жизнію Лефорта, который не разъ удерживалъ порывы пылкаго характера своего властелина и друга, привожу доказательства, что наставленія его были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ: Петръ Великій, въ послѣдствіи, совершенно обуздалъ свой жестокій нравъ, смягчилъ его, покорилъ разсудку (привожу примѣры). Исторія должна говорить правду или не слѣдуетъ писать ее. Но есть мѣста у насъ въ Россіи, которыя, какъ она сама, должны, до времени, оставаться пустыми, какъ-то: казнь царевича Алексія, настоящая причина смерти Петра. Если-бъ нынѣшній историкъ хотѣлъ представить ихъ въ настоящемъ видѣ, цензура могла-бы воспротивиться. Это былъ-бы приговоръ Великому. Я, напротивъ, стараюсь защищать его не словами безсильными—примѣрами.

2) Открытіе могилы Меншикова также не тайна. Ледъ сохранилъ его останки отъ порчи, воздухъ положилъ первое разрушеніе. Я не выдаю его за святаго и о небывалыхъ чудесахъ умалчиваю.

3) Шуваловъ, отвѣтомъ своимъ Кострову: О вкусахъ не должно спорить, уничтожилъ нелѣпый отзывъ нашего стихотворца и доказалъ кротость своего характера. Этотъ анекдотъ возбуждаетъ смѣхъ, не унижая величія жилища нашихъ царей.

4) Объ одѣ Капниста: На уничтоженіе въ Россіи слова рабство—не могъ я умолчать, но умолчалъ о вольныхъ стихахъ его

относительно порабощенія Малороссіи, хотя эта ода и стихотворенія Капниста, въ которыхъ она помѣщена, были одобрены императоромъ Александромъ, украшены его именемъ.

5) Анекдотъ, случившійся съ Капнистомъ при проѣздѣ императора Павла I-го, возбудилъ не гнѣвъ его (который послужилъ бы ему въ предосужденіе), но смѣхъ. Капнистъ смѣялся, отъ добраго сердца, передавая мнѣ этотъ разсказъ; смѣялся я, смѣяться будутъ и читатели, но не надъ монархомъ, котораго память должна быть священною для подданныхъ и за предѣлами гроба, а надъ стихотворцемъ, умѣвшимъ, кстати, согнуться въ дугу, чтобы не быть согнутымъ инымъ образомъ. Эта характеристика нашего поэта. Умный человѣкъ всегда найдется.

6) Въ письмѣ Екатерины Павловны къ Карамзину не вижу я ничего предосудительнаго для нея кромѣ благоволенія къ нашему безсмертному Тациту, кромѣ знанія ея отечественнаго языка!

7) Доносъ на Карамзина былъ сдѣланъ врагомъ его, Павломъ Ивановичемъ Кутузовымъ, давно умершимъ. Я умалчиваю о его имени, между тѣмъ какъ въ журналахъ открыто бранятъ Карамзина!!! Я имѣю собственноручное письмо Кутузова. Усердный вашъ почитатель Бантышъ-Каменскій.

P. S. Не можете-ли прислать мнѣ біографію гр. Ланжерона? Я желаю ее сличить съ написанною г. Данилевскимъ.

Сообщ. А. Д. Бантышъ-Каменская.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ

род. 31-го марта 1839 г., † 20-го октября 1888 г.

«20-го октября, въ четвергъ, въ городѣ Караколѣ, скончался (отъ возвратнаго тифа) генералъ Н. М. Пржевальскій. Передъ смертью онъ просилъ похоронить его на берегу озера Иссыкъ-Куль; распоряженіе объ этомъ сдѣлано [1])».

Газета выпала изъ рукъ при прочтеніи этого роковаго, какъ громовой ударъ, нежданно разразившагося извѣстія! Пржевальскаго—нѣтъ на свѣтѣ! Этого мощнаго, полнаго и духовныхъ и физическихъ силъ богатыря не стало! И это тогда, когда онъ находился въ самомъ расцвѣтѣ этихъ силъ и на вершинѣ своей всемірной извѣстности и славы!

Потеря громадная, потеря едва-ли замѣнимая въ близкомъ будущемъ, такъ какъ такіе люди-богатыри народной мощи и славы возникаютъ лишь крайне рѣдкими, исключительными явленіями изъ цѣлыхъ поколѣній...

Въ одинъ изъ промежутковъ между его безстрашными странствіями, составившими ему всемірную и столь почетную извѣстность, Н. М. Пржевальскій, въ бытность въ С.-Петербургѣ, познакомился съ нами. Безпредѣльно уважая этого въ полномъ смыслѣ героя, подвижника науки, мы, съ понятнымъ любопытствомъ, стали распрашивать у него подробности о его дѣтствѣ и юности. Николай Михайловичъ охотно отвѣчалъ, разсказъ его тутъ же стенографировался... Разсказъ былъ простой и искренній; въ переданныхъ подробностяхъ ничего не было необыкновеннаго, ничего, повидимому, выходящаго изъ ряда, какъ то обыкновенно и бываетъ въ сказаніи о самомъ себѣ человѣка, скромнаго, чуждаго малѣйшаго тщеславія, а между тѣмъ великаго по своимъ заслугамъ.

Стенографически записанныя подробности разсказа Николая Михайловича были приведены затѣмъ въ порядокъ одною изъ нашихъ сотрудницъ.

— «Напечатайте это сказаніе послѣ моей смерти, сказалъ мнѣ Николай Михайловичъ, когда я упомянулъ о немъ ему въ мартѣ 1888 года.—Я, впрочемъ, дастъ Богъ, дополню его».

Дополнить ему свой разсказъ не довелось и, кто бы могъ думать, что намъ придется его напечатать такъ скоро! Ред.

---

[1]) Городъ Караколъ—Семирѣченской области, лежитъ подъ 42° 30′ сѣверной широты, 96° 07′ долготы, жителей 3,000. Отъ Спб.—4,713 верстъ, отъ Москвы—4,154 версты. З.

АВТОБІОГРАФІЯ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

I.

Родился я 31-го марта 1839 г. въ Смоленской губерніи, въ усадьбѣ Отрадное, и былъ старшимъ сыномъ въ семьѣ, гдѣ кромѣ меня было еще два сына и дочь. Дѣдъ мой былъ католикъ, но отецъ и мать православнаго исповѣданія. Отецъ мой, отставной штабсъ-капитанъ, умеръ когда мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, поэтому я мало его помню, но слышалъ, что онъ былъ человѣкъ практическій; мать, рожденная Каретникова, была весьма умная, но характерная и строгая женщина; воспитаніе она, кажется, получила въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ. Она была и первой моей учительницей.

Матеріальнаго недостатка въ семьѣ нашей не могло быть, потому что, при существованіи крѣпостнаго права, у насъ было до тысячи десятинъ земли и 105 душъ крестьянъ.

Первоначальное мое воспитаніе было домашнее. У меня перебывало много учителей; привозили ихъ изъ Смоленска, обыкновенно разныхъ бурсаковъ, которые, должно быть, оказывались плохими педагогами, потому что ихъ часто мѣняли. Только одинъ изъ нихъ, также воспитанникъ семинаріи, нѣкто Зезюлинскій прожилъ въ домѣ три—четыре года; онъ училъ всѣмъ предметамъ, и училъ порядочно.

На меня, въ раннемъ дѣтствѣ, больше всего имѣли вліяніе мои дядька, а также мамка Ольга Макарова, которая часто разсказывала намъ, дѣтямъ, сказки и умѣла пріучить насъ къ себѣ. Но изъ всѣхъ сказокъ особенно нравилась мнѣ, мальчугану непокорному и шаловливому, „Иванъ великій охотникъ“;

бывало, какъ только закапризничаю, нянька и говоритъ: „хочешь, я разскажу тебѣ объ Иванѣ великомъ охотникѣ“, и я тотчасъ стихалъ. Также, если мнѣ приходила фантазія взобраться на дерево, то она одна могла уговорить меня сойти на землю; при этомъ обыкновенно происходилъ торгъ въ родѣ слѣдующаго: „я дамъ тебѣ яблоко“.—„Дашь, ну тогда сойду“, и пр.

Первая книга, прочитанная мною, была какая-то иллюстрація, затѣмъ басни Крылова. Росъ я въ деревнѣ дикаремъ; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду и рано пристрастился къ охотѣ. Сначала стрѣлялъ я изъ игрушечнаго ружья желудями, потомъ изъ лука, а лѣтъ двѣнадцати я получилъ настоящее ружье. Руководителемъ въ охотѣ былъ мой дядя, Павелъ Алексѣевичъ Каретниковъ, братъ матери, который, помимо охоты, имѣлъ еще другую страсть—запивалъ время отъ времени и тогда на охоту не ходилъ. Онъ же училъ меня французскому языку.

II.

Въ 1849 году отвезли меня въ Смоленскъ, гдѣ опредѣлили въ гимназію, прямо во второй классъ. Здѣсь, въ городѣ, для меня и брата нанятъ былъ флигелекъ за два съ полтиною въ мѣсяцъ, а въ гимназію платили тогда за ученье пять рублей въ годъ. Въ Смоленскѣ мы, два брата, никого не знали, и шагу не пускали насъ безъ дядьки, который приводилъ насъ въ гимназію, приносилъ завтракъ, а затѣмъ и назадъ отводилъ, потому что содержали насъ очень строго.

Такая-же строгость была и въ гимназіи, гдѣ въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ сѣкли по субботамъ. Подборъ учителей, за немногими исключеніями, былъ невозможный: они пьяные приходили въ классъ, бранились съ учениками, позволяли себѣ таскать ихъ за волосы. Изъ педагоговъ особенно выдавался въ этомъ отношеніи Ѳедотовъ, какъ говорили, бывшій вольноотпущенный, который, не взирая на вѣроисповѣданіе учениковъ, всѣхъ обращалъ въ православіе. Во время его класса постоянно человѣкъ пятнадцать были на колѣняхъ. За то

священникъ Доронинъ былъ человѣкъ вполнѣ разумный и добрый; и умѣлъ какъ-то мягко обращаться съ учениками. Географіи училъ Дьяконовъ; исторію прекрасно читалъ Домбровскій; онъ былъ очень строгій и всѣ воспитанники учились больше изъ страха; но особенно боялись мы инспектора Соколова. Вообще, вся тогдашняя система воспитанія состояла въ запугиваніи и зубреніи отъ такого-то до такого-то слова. Тѣмъ не менѣе, науки было мало, а свободы много и гимназисты не выглядывали такими стариками, какъ нынѣшніе, не ходили въ pince-nez или очкахъ и долго оставались дѣтьми, часто шумными и драчливыми. Каникулы были долгіе; обыкновенно продолжались они съ мая до октября, а иногда и до ноября, вслѣдствіе того, что гимназію постоянно ремонтировали, перестраивали и пр. Въ этомъ, т. е. въ продолжительности каникулъ, была своя хорошая сторона, потому что мальчики, по крайней мѣрѣ, не портились городскою жизнью.

Лѣтомъ и на праздники обыкновенно я уѣзжалъ домой, въ деревню; у меня было отцовское ружье; я порядочно владѣлъ имъ и даже подчасъ позволялъ себѣ стрѣлять въ домашнихъ птицъ и даже индюковъ. Однако это не мѣшало мнѣ увлекаться чтеніемъ зоологическихъ книгъ и путешествій, которыя выписывала мать. Но всего больше нравились мнѣ дикіе лѣса и, пріѣзжая въ деревню, я проводилъ въ нихъ цѣлые дни; впрочемъ, разъ, когда меня хотѣли учить танцовать, а я ушелъ въ лѣсъ, то меня за это тотчасъ высѣкли.

Вообще розогъ немало мнѣ досталось въ ранней юности, потому что я былъ препорядочный сорванецъ, такъ что бывшіе въ гостяхъ деревенскіе сосѣди, обыкновенно, совѣтывали моей матери отправить меня, со временемъ, на Кавказъ, на службу.

Но ученіе въ гимназіи шло хорошо; я былъ первымъ ученикомъ; память у меня была прекрасная и такой же осталась и до сихъ поръ (1881 г.). Изъ всѣхъ предметовъ не давалась одна математика, и то относительно. Такимъ образомъ, я благополучно дошелъ до шестаго класса, но тутъ едва не былъ выгнанъ изъ гимназіи.

Какъ-то разъ учитель не угодилъ чѣмъ-то воспитанникамъ 6-го класса, и рѣшено было общимъ совѣтомъ уничтожить списокъ, въ которомъ ставились отмѣтки. Бросили жребій; испол-

неніе этого „подвига“ выпало на мою долю. Я тотчасъ же стащилъ списокъ и бросилъ въ Днѣпръ, за что меня и товарищей посадили въ карцеръ, гдѣ держали дня четыре, пока не признается виновный.

Послѣ нѣскольких дней сидѣнья въ карцерѣ, я пошелъ къ начальству и признался въ своей винѣ; за это постановлено было исключить меня изъ гимназіи. Узнала объ этомъ моя матушка, немедленно пріѣхала въ гимназію и просила не исключать ея сына, а хорошенько высѣчь за сдѣланную шалость. Ей отвѣтили, что нельзя сѣчь учениковъ 6-го класса, но она уговорила, и, такимъ образомъ, меня вздули и оставили въ гимназіи[1]), изъ которой я вышелъ въ 1855 году, съ твердымъ намѣреніемъ поступить въ военную службу. Этой рѣшимости всего больше содѣйствовала книга, прочитанная мною въ шестомъ классѣ и написанная прекраснымъ языкомъ, а именно „Воинъ безъ страха“, которая оставила меня въ убѣжденіи, что, только слѣдуя данному образцу, „можно сдѣлаться добродѣтельнымъ“.

III.

Въ сентябрѣ 1855 года отправился я въ Москву, въ своей коляскѣ, съ своимъ кучеромъ и на своихъ лошадяхъ. Братъ мой поступилъ въ университетъ, а я—въ юнкера въ Бѣлевскій полкъ, безъ экзамена, потому что въ гимназіи слушалъ законовѣдѣніе и у меня былъ аттестатъ съ правомъ на чинъ[2]). Нѣсколько дней спустя по моемъ пріѣздѣ, полкъ выступилъ въ походъ. Товарищей у меня было человѣкъ сорокъ всякаго сброда; нѣкоторые изъ нихъ на первомъ же переходѣ украли гдѣ-то сапоги и пропили въ кабакѣ. Это происшествіе крайне тяжело подѣйствовало на меня и впервые меня разочаровало въ военной службѣ: я уходилъ въ лѣсъ на охоту и нерѣдко тамъ плакалъ. Тогда же у меня зародилась мысль, что должно найти какой-нибудь исходъ и поступить въ военную академію. Полкъ, въ это

---

[1]) Въ 1854 г. г-жа Пржевальская вышла вторично замужъ за г. Толпыго (очень хорошаго человѣка); она умерла въ 1877 году.

[2]) Юнкеромъ я оставался всего шесть мѣсяцевъ. Н. П.

время, стоялъ въ Тульской губерніи, а именно въ деревнѣ Литвиновой, Бѣльскаго уѣзда, гдѣ крестьяне постоянно обращались ко мнѣ съ вопросомъ:

— „За что это тебя, такого молодаго, въ солдаты отдали?"

Но молодые и старые одинаково ничего не дѣлали; служба велась очень плохо; полковой командиръ былъ такой, что подчиненные, проходя мимо его дома, должны были шапки снимать. Товарищи юнкера, съ которыми я имѣлъ мало общаго, не любили меня, а офицеры тогда не обращали вниманія на юнкеровъ. Что же касается до варварскаго обращенія съ солдатами, то это не особенно меня поражало, потому что съ дѣтства при крѣпостномъ правѣ я много разъ видѣлъ, какъ били и сѣкли крестьянъ. Моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было ружье, выписанное изъ деревни, съ которымъ я постоянно ходилъ на охоту; кромѣ того, получивъ въ гимназіи свѣдѣнія изъ зоологіи и ботаники, я пристрастился къ собиранію цвѣтовъ.

Лѣтомъ 1856 года (сколько помню), полкъ двинулся въ городъ Козловъ, Тамбовской губерніи, представляя собой шайку грабителей, потому что обыкновенно ничего не покупалось, какъ людямъ, такъ и лошадямъ,— все добывалось даромъ. Въ этомъ соблюдалась очередь, и разъ, когда пришелъ мой чередъ, я, между прочимъ, закололъ штыкомъ индюка, котораго потомъ съѣли на станціи.

Вскорѣ произвели меня въ офицеры и назначили въ Полоцкій полкъ, стоявшій въ Смоленской губерніи. Передъ этимъ я съѣздилъ въ свою деревню и привезъ оттуда слугу, Ивана Маркова, хорошаго охотника, который послѣдовалъ за мною въ Польшу, когда туда былъ переведенъ полкъ. Здѣсь воровство на продовольствіе наше продолжалось попрежнему, и Иванъ Марковъ постоянно кормилъ даромъ и офицеровъ, и лошадей.

Если не ошибаюсь, въ 1858 году посланъ былъ я въ Москву, въ командировку, принять партію ружей и пистолетовъ, послѣ чего вернулся я въ свой полкъ, находившійся тогда въ Варшавѣ. Командиръ полка, Островскій, благоволилъ ко мнѣ; что касается ротнаго командира, то онъ хотя былъ человѣкъ толковый, но пьяница; бывало пригласитъ къ себѣ меня и заставляетъ пить, но обыкновенно, получивъ отказъ, говаривалъ: „изъ тебя, братъ, прокъ будетъ!"

Офицеры вообще вели разгульную жизнь, но я кутежей не любилъ, но не безъ увлеченія игралъ въ карты. Большею частью я проводилъ время съ своимъ пріятелемъ К...... Вмѣстѣ съ нимъ читалъ книги историческія, путешествія, романы, въ родѣ „Три страны свѣта“ — романъ Некрасова и Станицкой въ „Современникѣ“—и тому подобныя книги, что и навело меня на мысль, что я долженъ непремѣнно отправиться путешествовать. Въ это же время, еще будучи прапорщикомъ, я написалъ по начальству письмо, въ которомъ просилъ, чтобы меня перевели на Амуръ, но, вмѣсто отвѣта, былъ посаженъ подъ арестъ на трое сутокъ, что окончательно убѣдило меня въ необходимости поступить въ академію.

Въ 1860 году (относительно годовъ я, быть можетъ, дѣлаю ошибки) Полоцкій полкъ былъ переведенъ въ Волынскую губернію. Я взялъ четырехъ-мѣсячный отпускъ и отправился домой въ деревню, а когда вернулся въ полкъ, то сталъ усиленно готовиться въ академію, тѣмъ болѣе, что тогда всѣ военныя науки должно было самому пройти, не разсчитывая на постороннюю помощь.

Такимъ образомъ, я занимался одиннадцать мѣсяцевъ; квартира у меня была скверная въ Кременцѣ, но чтобы не бросать охоты и, между тѣмъ, не терять времени для подготовки къ экзаменамъ, я иногда часовъ по шестнадцати въ сутки сидѣлъ за работой. За это въ полку стали звать меня ученымъ и не совсѣмъ дружелюбно относились къ моимъ занятіямъ, но вообще офицеры благоволили ко мнѣ и я до сихъ поръ (февраль 1881 г.) съ удовольствіемъ вспоминаю о времени, проведенномъ съ ними. Между тѣмъ приготовленія къ экзамену стали подходить къ концу, и только одного не могъ я одолѣть, а именно „Воинскаго устава“. Это тѣмъ болѣе смущало меня, что А***, которому я заявилъ объ этомъ, прямо сказалъ мнѣ: „Выучите, иначе васъ не примутъ въ академію!“ Я опять принялся учить и остался въ убѣжденіи, что изъ Устава не выдержу.

IV.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ августѣ (1861 года), и, при этомъ, безъ гроша денегъ, вслѣдствіе чего у одной знакомой занялъ 170 р., съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи года, уплатить 270. Экзаменъ выдержалъ благополучно и однимъ изъ лучшихъ, благодаря тому, что вопросы изъ Устава счастливо попались легкіе.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ въ первый разъ; остановился въ гостинницѣ, около Варшавскаго вокзала, и платилъ по 30 коп. въ день за номеръ. Сначала мнѣ приходилось сильно бѣдствовать, а подчасъ и совсѣмъ обходиться безъ обѣда. Въ свободное время много читалъ, но военными науками не занимался и, вообще, не чувствовалъ къ нимъ ни малѣйшаго расположенія. Между тѣмъ у меня явилось желаніе попробовать свои авторскія силы: я написалъ „Воспоминанія Охотника" и снесъ къ одному редактору, который и принялъ статью. Когда я вторично зашелъ къ нему, чтобы узнать о судьбѣ статьи, то получилъ отвѣтъ, что она будетъ напечатана, но что мнѣ не выдадутъ никакого гонорара, потому что это мое первое, по времени, произведеніе. Тѣмъ не менѣе я былъ безконечно радъ, что статья явится въ печати.

Въ Петербургѣ жизнь моя шла довольно однообразно: я былъ почти всѣмъ чужой; обыкновенно профессора, окончивъ лекціи, тотчасъ-же уходили. Вдобавокъ, за съемку мнѣ поставили 4 и чуть не выгнали изъ академіи; составленный мною планшетъ былъ грязный и выходилъ какъ-то вверхъ ногами, чему способствовало и то, что лѣтомъ, во время съемки, я постоянно занимался охотой. При переходѣ на второй курсъ, я взялъ темой для своего сочиненія „Амурскій край";—источниковъ было много—тогда вышло въ свѣтъ сочиненіе Маака и другія, и я могъ окончить свою работу безъ особенныхъ затрудненій. Это было тѣмъ болѣе кстати, что жизнь моя попрежнему была не особенно правильная; приходилось еще долгъ платить: я заплатилъ 100 р. процентовъ, а долгъ такъ и остался.

Въ 1863 году началось польское возстаніе; въ маѣ воспитанникамъ академіи сдѣлали предложеніе, что если кто изъ нихъ желаетъ, то можетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ

Польшу, съ правами втораго разряда. Въ числѣ другихъ и я изъявилъ на то согласіе, потому что не хотѣлъ держать экзамена изъ военныхъ наукъ. Сначала отправился я въ Полоцкій полкъ, который нашелъ въ прежнемъ видѣ, безъ всякихъ перемѣнъ; старые товарищи встрѣтили меня крайне радушно. Здѣсь въ качествѣ адъютанта я участвовалъ въ экспедиціи противъ польскихъ повстанцевъ, послѣ чего пробылъ десять мѣсяцевъ въ полку, читая что попадалось подъ руку: военную энциклопедію, „Журналъ Охоты" и проч.

Въ 1864 году я былъ назначенъ адъютантомъ въ 4-ю дивизію, откуда отправился домой въ Смоленскую губернію, чтобы подготовить себя въ зоологіи, ботаникѣ и проч., а затѣмъ при первой возможности ѣхать въ путешествіе.

По молодости и увлеченію къ путешествіямъ, мечталъ я было ѣхать въ Африку, но когда убѣдился, что такое путешествіе немыслимо за отсутствіемъ у меня всякихъ средствъ, то я обратилъ вниманіе на Азію.

Въ то время г. Б*** представилъ мое сочиненіе объ Амурскомъ краѣ въ „Географическое общество", которое и выбрало меня своимъ членомъ; но вслѣдъ затѣмъ статья эта была присвоена однимъ господиномъ и напечатана въ „Военномъ Сборникѣ".

Между тѣмъ матеріальное мое положеніе значительно улучшилось противъ прежняго; а сталъ получать хорошее содержаніе и могъ выписывать книги, изъ которыхъ прежде всего были мною пріобрѣтены „Исторія цивилизаціи (Бокля)", различныя книги по физической географіи и путешествія, которыя и послужили основаніемъ моей начинавшейся библіотеки.

Въ концѣ того-же 1864 года я отправился въ Варшаву, гдѣ, согласно моему желанію, былъ я принятъ въ юнкерское училище дежурнымъ офицеромъ, а затѣмъ сдѣланъ библіотекаремъ [1]); здѣсь въ теченіе двухъ лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ я въ увѣренности, что рано или поздно, но осуществлю завѣтную мечту о путешествіи, усиленно изучалъ ботанику, зоологію, физическую географію и проч., а въ лѣтнее время ѣздилъ къ себѣ

---

[1]) Въ генеральный штабъ меня не переводили, главнымъ образомъ, потому, что фамилія моя смахивала на польскую. Н. П.

въ деревню, гдѣ, продолжая тѣ-же занятія, составлялъ гербарій. Въ то-же время читалъ я публичныя лекціи въ училищѣ, по исторіи географическихъ открытій трехъ послѣднихъ вѣковъ, и написалъ учебникъ географіи для юнкеровъ, которые относились ко мнѣ съ большой симпатіей. Вставалъ я очень рано и почти все время свободное отъ лекцій сидѣлъ за книгами, такъ какъ, подавъ прошеніе о назначеніи меня въ Восточную Сибирь, уже намѣтилъ планъ своего будущаго путешествія.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, по просьбѣ генерала Ч***, который написалъ письмо Мещеринову, что я, по роду моихъ занятій, могу принести въ новомъ краѣ извѣстную пользу, былъ я, наконецъ, откомандированъ въ штабъ восточно-сибирскаго военнаго округа.

V.

Въ декабрѣ 1867 (?) года состоялось мое назначеніе, а 15-го января 1868-го года я отправился въ путь.

Радость моя была неописанная. Со мной былъ нѣмецъ Робертъ К***, котораго я пригласилъ съ собою въ Сибирь, съ тѣмъ, чтобы всю коллекцію, какую соберемъ, раздѣлить пополамъ, но К*** влюбился предъ отъѣздомъ въ какую-то Амалію, поѣхалъ влюбленный и часто впадалъ по ней въ страшную тоску.

Въ это время у меня были въ запасѣ деньги, скопленныя въ Варшавѣ при чтеніи лекцій; кромѣ того я получалъ 400 руб., какъ штабсъ-капитанъ, и прогоны на двѣ лошади, такъ что съ своимъ спутникомъ отправился я на парѣ лошадей, въ открытыхъ саняхъ. Поѣхали мы черезъ Уралъ и Сибирь на Амуръ и стрѣляли дорогой, такъ какъ съ нами было ружье. Все время пути былъ я въ полнѣйшемъ восхищеніи: новая обстановка производила на меня сильное впечатлѣніе; но К*** совсѣмъ упалъ духомъ: другой разъ, бывало, сидитъ и плачетъ, вспоминая свою возлюбленную Амалію.

Въ концѣ марта пріѣхали мы въ Иркутскъ. Сибирь совсѣмъ меня поразила:—дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились. Въ Иркутскѣ мнѣ поручили библіотеку, и я цѣлый

мѣсяцъ провѣрялъ ее и приводилъ въ порядокъ; начальникомъ штаба былъ тогда генералъ Кукель, который отнесся ко мнѣ крайне дружелюбно и далъ мнѣ командировку въ Усурійскій край. Но когда я сообщилъ объ этомъ своему Роберту К*** и объявилъ, что онъ ѣдетъ на Амуръ, то нѣмецъ сказалъ рѣшительно: „нѣтъ, я и такъ далеко заѣхалъ, дальше не поѣду!"

Лишившись неожиданно спутника, я былъ этимъ огорченъ, но тутъ случайно зашелъ ко мнѣ изъ штаба Егуновъ, только что поступившій въ топографы. Мы разговорились. Егуновъ настолько понравился мнѣ, что я предложилъ ему ѣхать со мною на Усури; тотъ согласился. Кромѣ того, съ нами отправился Николаевъ.

Въ научномъ отношеніи я былъ достаточно подготовленъ по занимающему меня предмету: хорошо зналъ ботанику, орнитологію и проч.; при этомъ имѣлъ съ собой большой запасъ разныхъ книгъ. Прибывъ на Усури, я сѣлъ въ лодку съ своими спутниками и поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ. Тутъ принялся я за свои изслѣдованія, записи и проч.; вначалѣ дѣло не клеилось, потому что не было привычки и системы. Оффиціальное порученіе, данное мнѣ, состояло въ томъ, чтобы переписать населеніе Усурійскаго края. Когда я сталъ собирать растенія, то это возбудило любопытство и даже подозрѣніе мѣстныхъ жителей, а къ переписи они вообще относились равнодушно. Географическое общество, съ своей стороны, просило меня доставить различныя свѣдѣнія, а между тѣмъ, въ то время, не давало никакого пособія. Тѣмъ не менѣе, хотя я былъ командированъ въ Усурійскій край всего на шесть мѣсяцевъ, но пробылъ тамъ гораздо долѣе.

Въ 1868 году написалъ я свой отчетъ „О результатахъ изслѣдованій на р. Усури и оз. Ханка", въ которомъ отнесся несочувственно къ мѣстному населенію [1]).

Когда отчетъ былъ представленъ, то мнѣ пришлось услышать отъ командира такое замѣчаніе: „я прочелъ весь отчетъ, но я и безъ васъ знаю, что̀ тутъ, т. е. въ этомъ краѣ скверно".

Эти слова произвели на меня удручающее впечатлѣніе. За-

[1]) См. „Извѣст. геогр. общ." 1868, отд. II, стр. 193—195. Ibid. „Инородческое населеніе въ южной части Приморской области". „Изв. имп. русск. геогр. общ." т. V, 1869, отд. II, стр. 185—201.

тѣмъ пріѣхалъ я въ Петербургъ и издалъ свое „Путешествіе въ Усурійскомъ краѣ 1868—1869 гг.“, съ картою Усурійскаго края. Спб. 1870 [1]).

Экспедиція моя въ восточную Азію, не смотря на свою сравнительную трудность, была удостоена весьма малой наградой: императорское русское географическое общество выдало мнѣ только малую серебряную медаль; тѣмъ не менѣе это путешествіе, помимо научной пользы, имѣло для меня огромное значеніе, такъ какъ впервые вывело меня на дорогу и сблизило съ людьми, живо интересовавшимися дѣломъ и близко къ нему стоявшими. Такимъ образомъ вице-предсѣдатель императорскаго русскаго географическаго общества П. П. Семеновъ, непосредственно послѣ напечатанія подробнаго отчета объ усурійскомъ путешествіи, нашелъ возможнымъ выхлопотать для меня отъ общества новую командировку, а именно въ сѣверный Китай.

VI.

Въ началѣ ноября 1870 года, проѣхавъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, прибылъ я въ Кяхту, откуда должно было начаться мое путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ. Это путешествіе продолжалось почти три года, и все время неразлучнымъ спутникомъ моимъ былъ молодой подпоручикъ М. А. Пыльцовъ, а позднѣе два забайкальскихъ казака Панфилъ Чебаевъ и Дондокъ Иринчиновъ, которые, вынося со мною всѣ трудности странствованія въ дикихъ странахъ Азіи, прошли по Монголіи, Гань-су, Куку-нору и Сѣверному Тибету 11,100 верстъ. При этомъ средства нашей экспедиціи были ничтожны,

---

[1]) См. также Пржевальскій: Чтенія въ засѣданіяхъ Имп. русск. геогр. общ. Извѣстія 1870 г., т. VI, отд. I:

а) О русскомъ населеніи въ Усурійскомъ краѣ, стр. 163—166.

б) Объ Усурійскомъ краѣ вообще, стр. 197—202.

в) О растительной и животной жизни Усурійскаго края, стр. 221—223.

г) Инородческое населеніе Усурійскаго края, стр. 223.

Пржевальскій. Усурійскій край, русское населеніе и инородческое населеніе. „Вѣстн. Европы“ 1870 г., кн. V, стр. 236—267, и № 6, стр. 553—583. Съ картою.

всего 3.000 р., такъ что приходилось испытывать всевозможныя лишенія, прибѣгать къ охотѣ для добыванія пищи, и я, по неимѣнію денегъ, не могъ даже пріобрѣсти достаточно хорошихъ инструментовъ для производства наблюденій. Главною цѣлью экспедиціи были физико-географическія и спеціальныя зоологическія изслѣдованія; этнографическія изысканія производились по мѣрѣ возможности. Сверхъ того, мною были собраны богатыя коллекціи птицъ, шкуръ и шкурокъ млекопитающихъ, 11 видовъ рыбъ, болѣе 3,000 экземпляровъ насѣкомыхъ, до 4,000 экземпляровъ растеній и небольшая коллекція образчиковъ горныхъ породъ со всѣхъ посѣщенныхъ мною хребтовъ горъ.

19 сентября 1873 года я вернулся въ Кяхту изъ своей первой экспедиціи въ Центральную Азію. Изъ Кяхты я чрезъ Кіевъ отправился въ Петербургъ, гдѣ меня ожидала самая радушная встрѣча.

Императорское русское географическое общество въ 1874 г. присудило мнѣ большую константиновскую медаль еще до выхода перваго тома моего сочиненія о Монголіи[1]). На парижскомъ конгрессѣ мнѣ также присудили медаль. Затѣмъ я имѣлъ счастье показывать свои коллекціи покойному государю, послѣ чего получилъ 600 руб. пенсіи и произведенъ въ подполковники. Кромѣ того, благодаря просвѣщенному и столь отзывчивому на все, что касается наукъ, вниманію Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича, равно покровительству военнаго министра Д. А. Милютина, я былъ прикомандированъ къ главному штабу.

12 августа 1876 года предпринялъ я свое второе путешествіе съ цѣлью изученія западной части великой средне-азіятской пустыни. На этотъ разъ на предстоящіе расходы мнѣ было ассигновано 24,700 руб., такъ что экспедиція была сравнительно прекрасно обставлена и снабжена всѣмъ необходимымъ. Сначала я имѣлъ въ виду проникнуть въ Тибетъ черезъ пустыни, лежащія къ югу отъ Лобъ-Нора, но полное безводіе мѣстности и совершенное отсутствіе проводниковъ заставило вернуться назадъ и испытать другой путь, восточный, черезъ Гучень, Цайдамъ и

[1]) **Монголія и страна тангутовъ.** Трехлѣтнее путешествіе въ восточной нагорной Азіи. **Н. Пржевальскаго.** Томъ первый, Спб. 1875 второй томъ вышелъ въ томъ-же году, третій въ концѣ 1876.

верховья Голубой рѣки. Хотя болѣзнь помѣшала мнѣ дойти до Хлассы, какъ я предполагалъ, но и одиннадцать мѣсяцевъ, посвященныхъ путешествію, принесли добрые результаты какъ для физической географіи, такъ и для естественно-историческаго изученія страны. Мнѣ удалось изслѣдовать мѣстность, гдѣ еще никогда не ступала нога европейца, и ознакомиться съ неизвѣстнымъ до этого народомъ, представляющимъ весьма любопытныя черты съ точки зрѣнія антропологической. При этомъ я собралъ изрядныя коллекціи по зоологіи, орнитологіи и ботаникѣ, которыя были представлены мною въ императорскую академію наукъ, какъ и всѣ мои другія коллекціи [1]).

Третье путешествіе, совершенное мною въ 1879 и 1880 гг. въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки, представляетъ, какъ и двѣ мои первыя экспедиціи, какъ бы научную рекогносцировку Центральной Азіи....

Н. М. Пржевальскій.

От ъ Редакціи. Здѣсь оканчивается автобіографическій разсказъ Н. М. Пржевальскаго,—записанный съ его словъ стенографически въ редакціи „Русской Старины" вечеромъ 2-го февраля 1881 года [2]). Къ этому разсказу добавимъ немногія строки:

Третье путешествіе Николая Михайловича описано въ отдѣльномъ, богато изданномъ, сочиненіи, вышедшемъ въ 1883 г. [3]),

---

[1]) См. „Отъ Кульджи за Тянь-шань и на Лобъ-норъ". Путешествіе Н. М. Пржевальскаго въ 1876 и 1877 гг. Изд. Имп. Р. Г. Общ. Спб. 1878. На это сочиненіе возражалъ Рихтгофенъ въ брошюрѣ „Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Przewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-Tag", но Н. М. Пржевальскій сдѣлалъ по поводу этого основательное разъясненіе и указалъ, что китайскіе источники, на которыхъ основано мнѣніе Рихтгофена, весьма сбивчивы.

[2]) Тогда-же въ нашъ Альбомъ „Знакомые" Николай Михайловичъ собственноручно написалъ: „Пржевальскій, Николай Михайловичъ, родился въ Смоленской губерніи, въ усадьбѣ Отрадное, 31-го марта 1839 года. Обучался въ Смоленской гимназіи и въ академіи генеральнаго штаба. Совершилъ въ 1867—1881 гг. четыре путешествія въ Азіи: Амурское, Монгольское Лобъ-Норское и Тибетское.

„2-го февраля 1881 г. имѣлъ удовольствіе провести въ первый разъ вечеръ у Михаила Ивановича Семевскаго. Н. Пржевальскій".

Альбомъ Редактора-издателя „Русской Старины": „Знакомые". Спб., изд. 1888 г. стр. 90; см. тамъ-же стр. 99, 115, 248, 396.

[3]) „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховье Желтой рѣки". Путешествіе Н. Пржевальскаго въ 1879 и 1880 гг., съ 12 карт., 108 рис. и 10 политип. Спб. 1883 г. Изданіе стоило 15,000 руб. Ред.

послѣ чего слава Н. М. Пржевальскаго достигла своего апогея. Онъ былъ удостоенъ многихъ почетныхъ наградъ отъ заграничныхъ ученыхъ обществъ: берлинское географическое общество прислало ему „медаль Риттера и Гумбольдта“, лондонское географическое общество—большую золотую медаль, шведское—„медаль Вега“, итальянское—свою медаль и проч. Сочиненія Н. М. Пржевальскаго были переведены цѣликомъ на англійскій языкъ и въ пространныхъ выдержкахъ на французскій и нѣмецкій.

Громкая слава, связанная съ этимъ третьимъ путешествіемъ Н. М. въ Центральную Азію, значительно облегчила Императорскому Русскому Географ. Обществу снаряженіе его четвертаго путешествія, на которое было ассигновано 45,000 руб. Николай Михайловичъ пробылъ въ отсутствіи около двухъ лѣтъ (1884—1885 гг.). Онъ прошелъ изъ Кяхты на Куку-норъ, Цайдамъ, Керію. черезъ хребетъ Куэнь-лунь въ Хотанъ, откуда черезъ безводныя пустыни Таримскаго бассейна направился въ городъ Аксу и затѣмъ черезъ трудный перевалъ Бедель въ Тянь-Шани вернулся въ г. Вѣрный.

Едва вѣсть о благополучномъ окончаніи экспедиціи Н. М. Пржевальскаго достигла Европейской Россіи и сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ слѣдуетъ въ Петербургъ, какъ на всемъ пути начались приготовленія къ его чествованію. Во всѣхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проѣзжать, встрѣчали его съ большими оваціями, которыя были закончены торжественнымъ собраніемъ Императорскаго Русск. Географическаго общества, назначеннымъ для его привѣтствованія, 29-го января, во дворцѣ великой княгини Екатерины Михайловны, которое было удостоено присутствіемъ Высочайшихъ особъ. Въ этомъ собраніи Н. М. сдѣлалъ подробный и блестящій докладъ о своей послѣдней экспедиціи и началъ его съ изложенія маршрута всѣхъ своихъ путешествій въ Центральной Азіи, обнимающаго 30,000 верстъ и совершенныхъ азіятскимъ способомъ, т. е. пѣшкомъ и верхомъ на верблюдѣ или лошади.

Лѣтомъ 1888 года Н. М. Пржевальскій выпустилъ въ свѣтъ роскошно изданное и въ высшей степени интересное описаніе своего четвертаго путешествія (см. выше отзывъ объ этой книгѣ въ библіографическомъ листкѣ) и отправился въ пятое путеше-

ствіе [1]), въ началѣ котораго, какъ воинъ на полѣ чести, какъ подвижникъ науки на своемъ посту—склонилъ свою могучую, полную энергіи, высокой мысли и стремленія къ славѣ дорогаго Отечества главу подъ сѣкиру безжалостной смерти.

Ред.

Дипломы и медали, полученные Н. М. Пржевальскимъ въ 1871—1886 гг. [2]).

Дипломы русскіе:

1. Почетн. членъ императорской академіи наукъ (1878 г.).

2. Почетн. д-ръ зоологіи московскаго университета (1881 г.).

3 и 4. Дѣйствит. (1864) и почетн. чл. (1880 г.) императ. русскаго географ. общества.

5 и 6. Дѣйствит. (1875 г.) и почетн. (1880 г.) чл. с.-петерб. общ. естествоиспытателей.

7. Почетн. чл. с.-петербургскаго университета (1881 г.).

8. Почетн. чл. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ (1886 г.).

9. Почетн. чл. уральскаго общ. любителей естествознанія (1881 г.).

10. Почетн. членъ императорскаго с.-петербургскаго Ботаническаго сада (1878 г.).

11. Почетный гражданинъ г. С.-Петербурга (14-го января 1881 г.).

12. Почетн. гражданинъ г. Смоленска (1881 г.).

13. Почетн. чл. императ. московск. общ. сельскаго хозяйства (1881 г.).

14. Почетн. чл. императ. россійскаго общества садоводства (1886 г.).

15. Почетн. чл. московскаго общ. любителей охоты (1881 г.).

Заграничные:

1. Почетн. чл. германской леопольдовской королевской академіи въ Галлѣ (1886 г.) Academiae Caesarae Leopoldino-Carolinae Germanicae.

2. Членъ корреспондентъ географ. общ. въ Берлинѣ (1884 г.) (Die Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin).

---

[1]) 13-го марта 1888 г. Николай Михайловичъ пришелъ съ нами проститься и отмѣтилъ это дорогое для насъ посѣщеніе въ нашемъ альбомѣ: „Знакомые" изд. 1888 г., стр. 396.

[2]) Печатаемый здѣсь списокъ сообщенъ намъ Н. М. Пржевальскимъ 6-го апрѣля 1888 г. въ С.-Петербургѣ чрезъ его сподвижника и спутника г. Робаровскаго. Ред.

3. Почетн. чл. географ. общ. въ Вѣнѣ (1881 г.) (Die K. K. Geographische Gesellschaft in Wien).

4. Почетн. чл. венгерскаго географ. общ. въ Буда-Пештѣ (1882 г.). (A Magyar Földrajzi Társaság).

5. Почетн. чл. географич. общ. въ Дрезденѣ (1879 г.) (Der Verein für Erdkunde in Dresden).

6. Почетн. членъ Италіанскаго географич. общества (1880 г.) (Societá Geografica Italiana).

7. Почетн. чл. шведскаго общ. антропологіи и географіи (1884 года) (Svenska Sällskapet för Antropologi och Geografi).

8. Почетн. чл. общ. географіи и статистики во Франкфуртѣ на Майнѣ (Der Verein für Geographie und Statistik zu Frankfurt auf M.).

9. Почетн. чл. нидерландскаго географич. общ. (1887 г.) (Nederlandsch Aardrykskundig Genootschaft).

10. Почетн. чл. парижскаго географич. общ. (1888 г.) (Société geographique de Paris).

11. Почетн. чл. географич. общ. въ Лейпцигѣ (1887 г.) (Der Verein für Erdkunde zur Leipzig).

12. Почетн. чл. сѣв. китайскаго отдѣла англійскаго королевскаго азіатскаго общ. (1880 г.) (North-China Branch of the Royal Asiatic Society).

13. Почетн. чл. общ. орнитологіи въ Лондонѣ (?).

14. Иностранный чл. (Foreign member) американскаго орнитологическаго общ. (?) (American ornithologists' union).

Золотыя медали:

1. Константиновская отъ импер. русскаго геогр. общ. (1875 г.).

2. Именная («Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи») отъ императорской академіи наукъ (1886 г.).

3. Медаль Гумбольдта (отъ берлинскаго географическаго общ. въ годъ (1882) празднованія его 50-лѣтняго юбилея).

4. Золотая медаль парижскаго географич. общества.

5. Золотая медаль италіанскаго географич. общества.

6. Золотая медаль лондонскаго географ. общ. (1878 г. (?)).

7. Золотая медаль «Веги» шведскаго геогр. общества.

8. Palme d'Academie (Парижъ).

Въ С.-Петербургской Городской Думѣ

Чествованіе памяти Н. М. Пржевальскаго

24-го октября 1888 г.

24-го октября 1888-го года, въ собраніи С.-Петербургской Городской Думы, М. И. Семевскимъ—гласнымъ Думы, съ четырнадцатью другими гласными, внесено слѣдующее предложеніе:

— «20-го сего октября въ Караколѣ, въ Семирѣченской области, скончался знаменитый русскій путешественникъ Николай Михайловичъ Пржевальскій.

«Въ теченіе двадцати лѣтъ (1867—1886 гг.) Николай Михайловичъ совершилъ четыре громаднѣйшихъ путешествій въ Среднюю Азію, причемъ, проникнувъ въ такія страны, гдѣ еще не была нога европейца, совершилъ рядъ величайшей важности открытій въ области наукъ и представилъ массу свѣдѣній важныхъ для нашего отечества въ военномъ, политическомъ и торговомъ отношеніяхъ Россіи къ Китаю и сопредѣльнымъ ему странамъ. Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ II и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ почтили высокимъ вниманіемъ и Высочайшими наградами заслуги славнаго русскаго путешественника. Высшія ученыя учрежденія въ Петербургѣ, Москвѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Буда-Пештѣ, Римѣ, Стокгольмѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и иныхъ городахъ — соревнуя въ признаніи великихъ заслугъ русскаго путешественника, возвели Пржевальскаго въ свои почетные члены. Родной его городъ Смоленскъ, а затѣмъ С.-Петербургъ, въ которомъ получилъ Пржевальскій высшее образованіе, возвели его въ 1881-мъ году въ почетные свои граждане. Нынѣ, когда смерть

столь неожиданно лишила Россію одного изъ достойнѣйшихъ ея сыновъ, одного изъ мощныхъ ея богатырей въ области науки и знанія,—представителямъ петербургскаго городскаго общественнаго управленія—подобаетъ быть выразителями глубокаго уваженія и признательности къ памяти опочившаго своего почетнаго согражданина.

«Въ виду этого нижеподписавшіеся гласные имѣютъ честь предложить собранію Думы:

«I. Поставить въ залѣ первой городской читальнѣ поясной портретъ почетнаго гражданина города С.-Петербурга Н. М. Пржевальскаго.

«II. Наименовать два изъ вновь предполагаемыхъ къ открытію въ 1889-мъ году городскихъ училищъ—именемъ Н. М. Пржевальскаго;

и «III. Въ ближайшемъ засѣданіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—выразить, чрезъ посредство г. Городскаго Головы, глубокое сочувствіе къ особенно тяжкой потерѣ, испытанной этимъ Обществомъ, лишившимся съ кончиною почетнаго его члена Н. М. Пржевальскаго — величайшаго русскаго путешественника, слава открытій котораго поистинѣ всемірная».

[Слѣдуютъ подписи пятнадцати гласныхъ Спб. Гор. Думы].

С.-Петербургская Городская Дума, выслушавъ это предложеніе, единогласно постановила: принять его и привести въ исполненіе.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій

† въ дек. 1867 г.

Въ статью «Воспоминанія царскосельскаго лицеиста», принадлежащую перу г. Яхонтова, («Русск. Стар.» 1888 г., т. LX, стр. 107), вкралась ошибка, касающаяся М. В. Буташевича-Петрашевскаго.

М. В. не былъ ни исключенъ изъ лицея, ни взятъ изъ него отцомъ, а вышелъ изъ лицея 14-мъ классомъ по окончаніи курса. Но онъ оставилъ лицей не съ 9-мъ курсомъ, къ которому принадлежалъ А. Н. Яхонтовъ, а съ 10-мъ, къ которому принадлежали А. В. Головнинъ, М. Х. Рейтернъ и другіе.

М. Е. Салтыковъ.

23-го октября 1888 г.

Отъ редакціи. Обиліе Записокъ (мемуаровъ) и матеріаловъ, вошедшихъ въ послѣднія книги „Русской Старины“, заставляетъ насъ отложить до слѣдующихъ книгъ продолженіе „Путевыхъ замѣтокъ и очерковъ во время поѣздки по Россіи 1888 г.“, начатыхъ еще въ августовской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1888 года.

Ред.

Присужденіе Имп. Академіею Наукъ полной преміи митрополита Макарія «Словарю къ Новому Завѣту» П. А. Гильтебрандта.

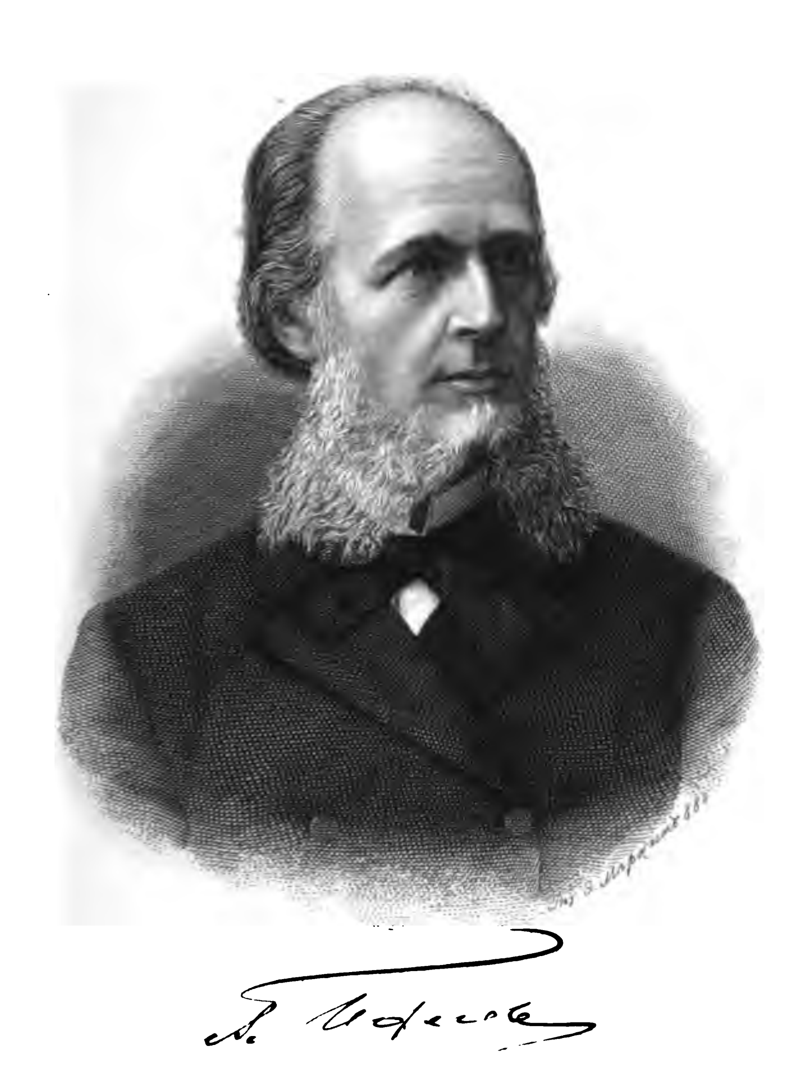
Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» 1887 года (стр. 243—244) мы уже имѣли случай высказать, какъ высоко мы цѣнимъ монументальный трудъ нашего давнишняго сотрудника П. А. Гильтебрандта—«Справочный и Объяснительный Словарь къ Новому Завѣту». Нынѣ съ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ, что «Словарь» П. А. Гильтебрандта увѣнчанъ полною преміею митрополита Макарія, на основаніи подробной рецензіи, принадлежащей перу ученаго филолога и профессора Московской Духовной Академіи Г. А. Воскресенскаго. Рецензія эта помѣщена въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1888 годъ (іюль — августъ), и изъ нея, въ виду важности и значенія труда г. Гильтебрандта, приводимъ мы нѣсколько выдержекъ:

Первое выдающееся достоинство «Словаря» профессоръ Воскресенскій находитъ въ исчерпывающей полнотѣ цитатъ и самыхъ рѣченій; второе—въ образцовой систематизаціи или группировкѣ лексикологическаго матеріала: «г. Гильтебрандтъ обратилъ особенное вниманіе на группировку реченій и ввелъ разныя облегченія въ системѣ ссылокъ отъ одного слова на другое, для удобства отыскиванія формъ, необычныхъ для русскаго уха. Именно: разныя лица, носящія одно и то же имя, въ его «Словарѣ» различены и поставлены каждое отдѣльно, что̀ вмѣстѣ съ объяснительными замѣчаніями составителя къ каждому собственному имени—можетъ очень и очень пригодиться для любознательнаго читателя. Глаголы, сложенные съ предлогами, строго отдѣлены отъ простыхъ, глаголы несовершеннаго вида отъ совершенныхъ, отглагольныя прилагательныя отдѣлены отъ глаголовъ. При группировкѣ реченій составителемъ имѣлись въ виду и различные оттѣнки въ значеніи словъ и всѣ тонкія особенности словообразованія» (стр. 263). «Третье выдающееся достоинство «Словаря» г. Гильтебрандта—необыкновенная тщательность работы, точность цитатъ, выдержанность орѳографіи» (стр. 264). «Нельзя также обойти молчаніемъ изящной внѣшности разсматриваемаго Словаря:

отличная бумага, прекрасные шрифты» (ibid.). «Но это только одна половина достоинствъ. Словарь г. Гильтебрандта не только справочный, но и объяснительный: въ немъ дается объясненіе реченій, требующихъ этого, при чемъ приводятся къ каждому славянскому реченію греческія и латинскія параллели. Объясненія большею частью кратки, но за то ясны и точны; впрочемъ, иногда г. Гильтебрандтъ предлагаетъ и довольно пространныя объясненія» (стр. 265, 267). «И для уразумѣнія точнаго смысла славянскихъ реченій, и для филологическихъ цѣлей важно то, что почтенный составитель Словаря менѣе обычныя или вообще чѣмъ либо выдающіяся греческія параллели обыкновенно отмѣчаетъ нарочито при самыхъ текстахъ. Не менѣе важны и замѣчанія г. Гильтебрандта о варіантахъ нынѣшняго славянскаго перевода нѣкоторыхъ греческихъ словъ» (стр. 268). Общій заключительный выводъ профессора Г. А. Воскресенскаго слѣдующій: «Трудъ г. Гильтебрандта, самостоятельный, произведенный по первоисточникамъ и отличающійся столь высокими достоинствами исполненія, поистинѣ составляетъ чрезвычайно цѣнный вкладъ въ нашу духовную литературу. Это, можно сказать, трудъ монументальный, истинный подвигъ на пользу русскаго духовнаго просвѣщенія. Для богослова и въ частности для проповѣдника Словарь г. Гильтебрандта составляетъ истинную сокровищницу для справокъ, соображеній и размышленій. Но трудъ г. Гильтебрандта имѣетъ и болѣе широкое значеніе—значеніе общенародное: онъ удовлетворяетъ исконной духовной потребности русскихъ православныхъ христіанъ,—потребности посильнаго разумѣнія слова Божія, этой великой основы ученія и воспитанія русскаго народа. Внимательное разсмотрѣніе труда г. Гильтебрандта въ цѣломъ его объемѣ заставляетъ насъ вполнѣ подтвердить отзывъ, данный «Обществомъ Любителей Древней Письменности»: и для изученія церковно-славянскаго языка, и для разнообразныхъ справокъ при чтеніи Свящ. Писанія Новаго Завѣта разсматриваемый Словарь — прекрасное, незамѣнимое пособіе. Трудъ поистинѣ драгоцѣнный и въ своемъ родѣ единственный, Словарь г. Гильтебрандта имѣетъ всѣ права на то, чтобы стать необходимою настольною книгою въ семьѣ и школѣ, не говоря уже о нашемъ духовенствѣ, которому, можно сказать, на каждомъ шагу требуется знаніе Свящ. Писанія, особенно Новаго Завѣта» (стр. 277—278).

Эти выдержки изъ рецензіи московскаго профессора еще разъ доказываютъ, что П. А. Гильтебрандтомъ совершенъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ самаго усидчиваго, упорнаго труда большой подвигъ, на пользу русскаго православнаго общества.

Ред.



ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА».

ОБЩЕСТВО „БѢЛАГО КРЕСТА“.

Послѣ послѣдней турецкой кампаніи, въ Петербургѣ образовалось изъ 6-го Попечительства Общество „попеченія о нуждающихся семействахъ воиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ въ мирное время“, имѣющее знакъ „Бѣлаго Креста“ и дѣйствующее параллельно Красному Кресту. Это общество возникло и задалось извѣстными цѣлями по слѣдующимъ причинамъ: воины, пострадавшіе во время кампаніи, а также ихъ семьи, покровительствуются не только Краснымъ Крестомъ, но и такимъ правительственнымъ учрежденіемъ, какъ комитетъ о раненыхъ; слѣдовательно, они всегда находятъ пріютъ, пропитаніе и помощь. Въ совершенно иномъ положеніи обрѣтаются воины, теряющіе здоровье на службѣ въ мирное время, а также ихъ семьи, не говоря уже о сиротахъ. Хотя при нынѣшней краткосрочной службѣ солдатъ, будущность ихъ не настолько мѣняется, какъ прежде, но во всей арміи не мало случается увѣчій, болѣзней, такъ что въ общемъ бываетъ на Руси не мало неспособныхъ къ тяжелому труду запасныхъ нижнихъ чиновъ. Солдатскія семьи, остающіяся въ деревняхъ въ случаѣ смерти отцевъ на службѣ, лишаются земли, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ и средствъ платить подати. Для такихъ семей, а также и для проживающихъ иногда въ городахъ, требуется часто временное пособіе или опредѣленная на срокъ пенсія. Но въ гораздо худшемъ положеніи бываютъ офицеры, потерявшіе здоровье въ мирное время. Оберъ-офицеръ, какъ не выслуживающій никакой пенсіи и по спеціальному образованію не подготовленный къ другаго рода дѣятельности, большею частію находится въ критическомъ положеніи: при выходѣ въ отставку или въ запасъ по болѣзни, онъ нигдѣ не можетъ найдти себѣ покровительства, помощи, а часто и занятій. Затѣмъ сироты офицеровъ, умирающихъ на службѣ, почти всегда остаются безъ всякихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ матерей или ближайшихъ родственниковъ, то буквально должны переходить съ рукъ на руки, или быть на попеченіи командира части, въ которой служилъ ихъ отецъ. Сама жизнь, дѣйствительность и печальные случаи указали на крайнюю необходимость общественнаго учрежденія, какъ „Бѣлый Крестъ“, который бы заботился о воинахъ и ихъ семействахъ, преслѣдуя столь важныя цѣли въ мирное время.

Насколько важны цѣли Общества, настолько задача его обширна. Оно должно безпрерывно дѣйствовать и: 1) содержать пріютъ для солдатскихъ дѣтей обоего пола. Нынѣ существуетъ въ Петербургѣ образцовый пріютъ на 50 человѣкъ, (Выборгская Сторона, Нижегородская ул., д. № 27); 2) учредить возможно скорѣе пріютъ для офицерскихъ дѣтей, который бы замѣнилъ

прежній Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ. Дѣти, опредѣляемыя съ 5-ти-лѣтняго возраста, будутъ готовиться въ немъ къ поступленію въ корпуса и институты. Не рѣдко случается, что родители, привезя дочь на баллотировку для поступленія въ институтъ, должны увозить ее обратно за невынутіемъ дочерью жребія; это ихъ ставитъ въ безвыходное положеніе, при понесенныхъ затратахъ на проѣздъ и т. д. Пріютъ „Бѣлаго Креста“ и будетъ спасительнымъ учрежденіемъ для подобныхъ дѣтей. 3) Учредить богадѣльню какъ для офицеровъ, ихъ вдовъ, такъ и для солдатъ. 4) Выдать пенсіи лицамъ подлежащимъ покровительству Общества, ихъ вдовамъ и семьямъ. Въ настоящее время, Общество въ состояніи удѣлить на пенсіи всего только 500 руб. въ годъ. 5) Выдавать временныя пособія въ случаѣ крайней нужды, для экипировки, переѣздовъ, для уплаты въ гимназіи и училища для дѣтей и т. д. По имѣющимся теперь средствамъ, Общество ассигнуетъ на выдачу пособій ежегодно только 400 руб.

Проводя въ жизнь столь обширныя задачи, Общество озабочено не только увеличеніемъ неприкосновеннаго капитала, состоящаго теперь изъ 45,000 руб., но и пріобрѣтеніемъ крайне необходимой недвижимой собственности—домовъ для пріютовъ и богадѣльни. |Въ прошломъ году, вслѣдствіе ходатайства г-на Военнаго Министра, Государь Императоръ высочайше разрѣшилъ открыть подписку между военнослужащими, для сбора пожертвованій на постройку домовъ.

Цѣли этого Общества близко касаются сердца русской арміи, и можно быть увѣреннымъ, что русскій народъ, столь же заинтересованный въ судьбѣ своихъ братьевъ—воиновъ, поможетъ вознести „Бѣлый Крестъ“ на должную высоту.

Предсѣдательницею Общества состоитъ вдова генералъ-адъютанта графиня Е. А. Орлова-Денисова, товарищъ предсѣдателя генералъ-лейтенантъ М. П. Тучковъ, завѣдующій кружечнымъ сборомъ и пожертвованіями генералъ-лейтенантъ В. А. Родіоновъ и Правленіе Общества образуется изъ 12 лицъ: попечительницы пріюта, жены генералъ-лейтенанта Е. Ф. Тучковой, генералъ-лейтенанта Н. Е. Штадене, полковника Ѳ. Ф. Дубиса-Крачака, подполковника Ф. Н. Курнѣева, жены свиты его величества генералъ маіора М. И. Аргамаковой, секретаря Общества гвардіи штабсъ-капитана Л. М. Чичагова, О. Ф. Худяковой, коллежскихъ совѣтниковъ А. П. Минюшскаго и Е. М. Андреева, инженеръ-технолога Ф. А. Фридлендера, и коллежскаго совѣтника В. И. Черепнина; митрополиты: с.-петербургскій и московскій, г. военный министръ и другія высшія лица состоятъ почетными членами. Дѣйствительныхъ членовъ пока насчитывается до 300. Уполномоченнымъ Общества въ Москвѣ состоитъ, находящійся теперь въ отставкѣ, генералъ-маіоръ Н. В. Апрѣлевъ.

Правленіе Общества помѣщается въ Петербургѣ, Выборгская сторона, по Нижегородской улицѣ, д. № 27, куда просять адресовать пожертвованія деньгами и вещами, и всѣ заявленія лицъ, желающихъ вступить въ члены „Бѣлаго Креста“.

ПОВѢСТЬ О САМОМЪ СЕБѢ.

XVI [1]).

Опять въ Острогожскѣ.

Мать не ожидала меня и тѣмъ больше обрадовалась мнѣ. Засталъ я ее, по обыкновенію, въ тяжелыхъ заботахъ. Мое скромное жалованье, дойдя до нея, всегда быстро истощалось и ей, до слѣдующей получки, приходилось пробавляться собственнымъ трудомъ. Теперь я возвращался съ 300-ми рублями въ карманѣ и радость свиданія такимъ образомъ усугублялась для нея еще и матеріальнымъ облегченіемъ. Эта сумма давала и мнѣ возможность немного отдохнуть и осмотрѣться до пріисканія новыхъ занятій.

Острогожскіе друзья тоже ласково приняли меня. Только число ихъ уменьшилось на весь военный персоналъ. Московскій драгунскій полкъ, съ которымъ я такъ сжился, былъ переведенъ въ другой городъ, а къ намъ, вмѣсто него, назначенъ на постой Каргопольскій. Дивизіей командовалъ генералъ Загряжскій и въ его штабѣ у меня не было знакомыхъ. За то городскіе пріятели оказались всѣ на лицо.

Оправясь съ дороги, слѣдовало подумать о томъ, чѣмъ жить впередъ и какъ прокормить семью. Но что могъ я придумать новаго, кромѣ прежней учительской лямки? Я и взялся за нее

---

[1]) См. „Русск. Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310.

опять. Къ счастью, ни ученики мои, ни родители ихъ не забыли меня, и теперь, когда я вернулся, безъ труда простили мнѣ мою эмиграцію въ Елецъ. Очень немногіе изъ прежнихъ уроковъ отошли отъ меня, да и тѣ съ избыткомъ замѣнились новыми. Учениковъ скоро набралось столько, что я могъ открыть у себя въ домѣ школу. Я работалъ усердно, мать неутомимо помогала мнѣ, и мы, при скромности нашихъ требованій, могли считать себя почти довольными. Да, если-бъ надъ нами не стряслась новая бѣда!

Я, конечно, имѣлъ большую заручку въ покровительствѣ городскихъ властей, но положеніе мое, тѣмъ не менѣе, было не прочно. Меня только терпѣли, а я, собственно говоря, не имѣлъ никакого права учить, тѣмъ болѣе заводить школу. Если мнѣ это до сихъ поръ сходило съ рукъ, то только благодаря присущей нашему обществу готовности при всякомъ случаѣ обходить законъ. Но могла ежеминутно явиться другая сила, враждебная той, которая поддерживала меня, и однимъ толчкомъ опрокинуть мое крохотное благосостояніе. Самый успѣхъ мой могъ только ускорить это, и такъ случилось на самомъ дѣлѣ.

Штатный смотритель, Ферронскій, и его сынъ, Никандръ, учитель въ низшемъ классѣ уѣзднаго училища, были, какъ я уже говорилъ, одними изъ лучшихъ друзей моихъ и съ ихъ стороны мнѣ нечего было опасаться. Но ими не исчерпывался весь училищный штатъ и между казенными учителями были такіе, которые менѣе терпѣливо относились къ моему вторженію въ ихъ область. Одинъ изъ нихъ особенно косо смотрѣлъ на меня. Моя конкуренція оскорбляла его, а мой успѣхъ поднималъ въ немъ желчь. Онъ давно негодовалъ на меня втайнѣ и ухватился за первый случай поднять на меня гоненіе явно.

Въ уѣздномъ училищѣ происходилъ годичный актъ. Обычную въ такихъ случаяхъ очередную рѣчь произносилъ мой противникъ. Онъ выбралъ темою различные способы воспитанія. Развивая свой предметъ, онъ вдругъ разразился злою филиппикою противъ самозванныхъ учителей, ни вѣсть откуда являющихся бродягъ, которые дерзко врываются въ ряды оффиціальныхъ преподавателей и только морочатъ добрыхъ людей, и далѣе, съ такими прозрачными намеками, что личность обличаемаго ни для кого не осталась тайною. Ораторъ, очевидно, хотѣлъ меня напугать и уронить въ общественномъ мнѣніи.

Рѣчь его, однако, произвела совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ онъ ожидалъ. Ее нашли неприличною, а меня сожалѣли, какъ жертву зависти. Самъ я былъ глубоко огорченъ, но не столько обидою, нанесенною мнѣ, сколько сознаніемъ горькой правды, послужившей къ ней поводомъ. Что̀ я въ самомъ дѣлѣ, какъ не бродяга и самозванецъ, въ томъ обществѣ, гдѣ онъ, мой противникъ —равноправный членъ и законный представитель умственныхъ интересовъ? Нѣтъ, не его надобно винить, а мою злую судьбу! Все это я глубоко чувствовалъ и старался объяснить тѣмъ, которые выражали мнѣ сожалѣнія о случившемся.

Но какъ ни былъ я проникнутъ этою мыслію, я, однако, не могъ покорно склонить головы подъ ударомъ. Мнѣ слѣдовало бороться и за себя, и за близкихъ моихъ. При всемъ расположеніи ко мнѣ острогожскаго общества, событіе это могло имѣть для меня печальныя послѣдствія. Рѣчь учителя, по заведенному порядку, была представлена въ дирекцію. Тамъ она получила характеръ доноса и могла возбудить дѣло, отъ котораго круто пришлось бы и не мнѣ одному. Чего добраго, и старикъ Ферронскій могъ поплатиться за свою великодушную терпимость. Надо было предупредить двойную бѣду. Мои доброжелатели посовѣтовали мнѣ съѣздить въ Воронежъ и лично объясниться съ недавно назначеннымъ туда директоромъ училищъ, Петромъ Григорьевичемъ Бутковымъ. Особенно настаивалъ на этомъ нашъ уважаемый предводитель дворянства, Василій Тихоновичъ Лисаневичъ, самый вліятельный изъ моихъ покровителей. Онъ зналъ Буткова въ Петербургѣ и даже находился въ пріятельскихъ съ нимъ отношеніяхъ. Отправляя меня теперь къ нему, онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, въ которомъ не поскупился на похвалы.

О новомъ директорѣ носились хорошіе слухи. Говорили, что онъ уменъ, образованъ и съ большими связями въ столицѣ. Это ободряло меня, но я все же не безъ трепета явился къ нему.

Читая письмо предводителя, Бутковъ бѣгло взглядывалъ на меня. Мой скромный видъ, должно быть, не возбудилъ въ немъ подозрѣній и ходатайство Лисаневича оказало свое дѣйствіе. Петръ Григорьевичъ ласково обошелся со мной, много и участливо разспрашивалъ о моихъ обстоятельствахъ, о томъ, гдѣ я самъ учился и какъ теперь учу другихъ. Отпуская меня, онъ сказалъ:

— „Формальнаго, письменнаго разрѣшенія преподавать я не могу вамъ выдать. Но, пожалуйста, успокойтесь и продолжайте попрежнему учить. Я, въ самомъ скоромъ времени, собираюсь обозрѣвать мою дирекцію, буду въ Острогожскѣ и тогда лично устрою ваше дѣло такъ, чтобы впередъ васъ больше не безпокоили. Другу моему, Лисаневичу, я самъ напишу, а вы поѣзжайте, съ Богомъ, домой и передайте Ферронскому все, что отъ меня слышали".

Мѣсяца два спустя, Бутковъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Острогожскъ. Его встрѣтили единодушнымъ ходатайствомъ обо мнѣ. Мало того, ему представили оформленную бумагу съ засвидѣтельствованіемъ общаго уваженія горожанъ къ моему характеру и поведенію. „Такой-то, стояло въ бумагѣ, оказалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ честнымъ, благороднымъ, достойнымъ всякаго вниманія и похвалы, и соблюденіемъ священнѣйшихъ обязанностей христіанина и гражданина заслуживаетъ всеобщую довѣренность. Данъ 1821 года, декабря 11-го". Слѣдовали подписи.

Эту бумагу я и теперь храню съ глубокою признательностью къ добрымъ людямъ, которые не только не покинули меня въ бѣдѣ, но еще вывели изъ нея съ почетомъ.

Больше всѣхъ хлопотали Лисаневичъ и Ферронскій. Впрочемъ, и директоръ не дѣлалъ затрудненій. Ферронскій, какъ смотритель училища, получилъ публичное приказаніе и впредь мнѣ не препятствовать въ занятіяхъ по школѣ. Добрый старикъ искренно радовался такому обороту дѣла.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы все это было очень законно, но и не преступно, однако-же. Нарушеніе буквы закона въ настоящемъ случаѣ не вредило обществу, а только устраняло частное зло. Много лѣтъ спустя, судьба опять свела меня съ Петромъ Григорьевичемъ Бутковымъ—и гдѣ же? Въ стѣнахъ академіи наукъ, гдѣ мы оба были членами и даже засѣдали рядомъ. Онъ тогда былъ уже очень старъ и сначала не призналъ во мнѣ бѣднаго неоперившагося юношу, который когда-то являлся къ нему просителемъ. Я ему напомнилъ о его добромъ дѣлѣ и между нами завязались искреннія, товарищескія отношенія, которыя не прекращались до его смерти.

Не знаю, были ли тогда люди добрѣе или судьба, желая

уравновѣсить зло, лежавшее въ основѣ моего положенія, чаще другихъ наталкивала меня на такихъ, только ихъ въ самомъ дѣлѣ особенно много выпало на мою долю — по крайней мѣрѣ, въ молодые годы. Вотъ и самый гонитель мой не замедлилъ высказаться въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ началѣ нашего знакомства. Человѣкъ честный, не глупый и вообще порядочный, но гордый и нетерпимый, онъ искренно считалъ меня самонадѣяннымъ шарлатаномъ, вреднымъ для общества. Убѣдясь въ противномъ, онъ охотно сознался въ ошибкѣ и самъ протянулъ мнѣ руку. Онъ даже сдѣлался моимъ горячимъ сторонникомъ и уже ни словомъ, ни дѣломъ больше не пытался мнѣ вредить. Такимъ образомъ я избавился отъ единственнаго врага, котораго имѣлъ въ Острогожскѣ.

Да, избавился врага и вышелъ побѣдителемъ изъ ложнаго положенія—но надолго ли? Меня терзала мысль, что право все же не на моей сторонѣ и я могу не сегодня — завтра опять стать жертвою новыхъ враждебныхъ случайностей. Да и самое дѣло, о непрочности котораго я скорбѣлъ, развѣ оно удовлетворяло меня? Я честно трудился для пропитанія себя и своей семьи, но вѣдь это былъ только долгъ мой, а не цѣль и задача цѣлой жизни. Стремленіе вырваться изъ путъ и, наконецъ, встать на твердую почву становилось все неудержимѣе. Страстные порывы къ свободѣ, къ знанію, къ широкой дѣятельности подъчасъ обуревали меня до физической боли. Сердце замирало отъ желанія, голова шла кругомъ отъ усилій найти выходъ къ свѣту. А выходъ былъ, я не сомнѣвался и, какъ ни странно, а, соотвѣтственно нетерпѣнію, меня охватившему, росли и мои надежды—на что? Я самъ не давалъ себѣ отчета, но все чего-то ждалъ, что непремѣнно случится и выведетъ меня на настоящій путь. Однимъ словомъ, я, какъ говорится, вѣрилъ въ свою звѣзду—и вѣрилъ съ безумнымъ упорствомъ. Вѣдь вотъ, думалось мнѣ, если-бъ Наполеонъ, еще въ военной школѣ, кому-нибудь сказалъ, что надѣется быть императоромъ, его, конечно, перевели бы въ сумасшедшій домъ. Я не Наполеонъ, но за то и претензіи мои скромнѣе. Я не о коронѣ мечтаю, а всего объ университетской скамьѣ: она одна сіяетъ мнѣ подъ лучами моей звѣзды, къ ней одной направлены всѣ мои помыслы....

Но въ данную минуту надо мной тяготѣли два ярма, одно

тяжелѣе другаго: ярмо крѣпостнаго состоянія и нищеты. Какъ сбросить ихъ? Какъ прежде всего достичь желанной свободы? Одной вѣры въ свою звѣзду недостаточно, твердилъ я себѣ: надо дѣйствовать, идти впередъ на свѣтъ, которымъ она манитъ. И вотъ мнѣ пришла въ голову дикая мысль. Я вздумалъ пресѣчь зло у самаго корня и это—съ помощью того, въ чьихъ рукахъ была моя судьба. Короче, я рѣшился писать къ графу *** и просить у него свободы для того, чтобы окончить образованіе, зачатки котораго онъ могъ видѣть въ этомъ самомъ письмѣ.

Не могу сказать, чтобы, приступая къ этому, я серьезно вѣрилъ въ успѣхъ. Мнѣ кажется, я дѣйствовалъ только для очистки совѣсти. Я сознавалъ, что пускаю ладью свою въ безпредѣльное море случайностей и полагаюсь при томъ только на „авось“. Мои слабыя данныя на успѣхъ заключались въ слухахъ о добротѣ графа, да въ разсчетѣ на его молодость. Онъ еще не успѣлъ зачерствѣть, утѣшалъ я себя. Онъ прекрасно воспитанъ подъ наблюденіемъ такой благодушной особы, какъ императрица Марія Ѳедоровна. Онъ учился гуманитарнымъ наукамъ, исторіи; конечно, почерпнулъ оттуда уроки благородства, великодушія и проникся сознаніемъ своего высокаго значенія, какъ наслѣдникъ знаменитаго рода. Не можетъ быть, чтобы все это не сообщило ему извѣстной широты взгляда и не сдѣлало его способнымъ сочувствовать человѣку, который ищетъ свободы, съ цѣлью образовать себя. Да и какой матеріальный ущербъ могло принести ему увольненіе одного ничтожнаго мальчика изъ полутораста тысячъ подвластныхъ ему людей? Въ заключеніе я просилъ у графа позволенія явиться къ нему лично, чтобы на словахъ подробнѣе изложить ему мое дѣло.

Но графъ ***, какъ я узналъ послѣ, былъ очень ограниченъ. Все, чего я могъ бы ожидать отъ него, даже не вдаваясь въ идеализацію, было рѣшительно ему недоступно. Онъ не зналъ самаго простаго чувства приличія, которое у людей образованныхъ и въ его положеніи иногда съ успѣхомъ замѣняетъ болѣе прочныя качества ума и сердца. Его много и хорошо учили, но онъ ничему не научился. Говорили, что онъ добръ. На самомъ дѣлѣ онъ былъ ни добръ, ни золъ: онъ былъ ничто и находился въ рукахъ своихъ слугъ, да еще товарищей, офицеровъ кавалергардскаго полка, въ которомъ

служилъ. Слуги его безсовѣстно обирали; пріятели дѣлали то-же, но въ болѣе приличной формѣ: они прокучивали и проигрывали бѣшеныя деньги и заставляли его платить свои долги.

Самъ графъ былъ крайне апатиченъ и не способенъ даже наслаждаться своимъ богатствомъ. Одинъ только случай извѣстенъ изъ его личнаго мотовства. Онъ (былъ близокъ) съ танцовщицею Истоминою и та, какъ говорятъ, стоила ему болѣе трехсотъ тысячъ рублей. Но это была ничтожная сумма, въ сравненіи съ тѣмъ, что похищали у него приближенные. Наконецъ, даже его огромное состояніе поколебалось. Слухи о томъ дошли до его высокой покровительницы и она склонила графа ввѣрить управленіе своими дѣлами какому-нибудь честному и умному администратору. Такого нашли въ лицѣ бывшаго профессора царскосельскаго лицея и позже директора департамента иностранныхъ исповѣданій, Куницына. Выборъ оказался удачный. Новый повѣренный графа уплатилъ значительную часть лежавшихъ на его имуществѣ долговъ и остановилъ потокъ безумныхъ издержекъ. Къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему довести до конца такъ хорошо начатое дѣло. Однако, главное было сдѣлано и достояніе графа спасено. Помимо этого, Куницынъ еще извѣстенъ какъ ученый и общественный дѣятель.

Прошло два мѣсяца. Отвѣта на письмо не было. Я вторично написалъ. Тогда послѣдовала резолюція, которую мнѣ сообщили черезъ алексѣевское вотчинное правленіе 17-го января 1821 г. Она поражала роковою категоричностью: „Оставить безъ уваженія“. Вотъ все, чего я добился.

Итакъ, участь моя, повидимому, была рѣшена навсегда. Казалось бы, какъ не придти въ отчаяніе? Но я точно и не ожидалъ другаго отъ моей попытки. Неудача меня огорчила, но не убила въ конецъ моихъ надеждъ. Въ гордомъ сознаніи моего человѣческаго достоинства, мнѣ не вѣрилось, чтобы я, дѣйствительно, былъ обреченъ навсегда остаться въ рукахъ другаго человѣка, да еще умственно и нравственно ничтожнаго. Настоящая неудача, шепталъ мнѣ внутренній голосъ, еще не есть, не можетъ быть послѣднимъ словомъ моей судьбы, не время еще, значитъ, и прибѣгать къ послѣднему средству уйти отъ нея. Вся сила теперь въ моемъ второмъ девизѣ: „терпѣніе есть

мудрость". Буду же терпѣть до полной утраты надеждъ, до полнаго истощенія вѣры....

Волнуемый этими мыслями, я жилъ въ постоянномъ возбужденіи, въ чаду котораго мнѣ днемъ и ночью мерещился университетъ — и непремѣнно петербургскій — въ видѣ сіяющаго огнями храма, гдѣ обитаютъ миръ и правда....

Но ничто въ моей внѣшности не выдавало моихъ тайныхъ мукъ и честолюбивыхъ желаній. По виду я оставался скромнымъ учителемъ, какъ будто даже помирившимся съ своей незавидной долей. Одинъ дневникъ былъ моимъ повѣреннымъ. Перебирая теперь листы его, сколько слѣдовъ подавленныхъ слезъ нахожу я въ немъ, но и какой избытокъ жизненныхъ силъ, вѣры въ неизбѣжное торжество добра и правды! Послѣдняя оскудѣла отъ столкновенія съ опытомъ, но тотъ же опытъ, съ теченіемъ времени, оживилъ ее опять, въ иномъ, очищенномъ видѣ—въ примѣненіи уже не къ земнымъ нашимъ нуждамъ, а къ тѣмъ вѣчнымъ, непреложнымъ законамъ правды и добра, источникъ которыхъ за предѣлами земнаго.

Занятія мои шли своимъ чередомъ. Школа моя процвѣтала и я попрежнему пользовался расположеніемъ острогожскихъ гражданъ. Всего чаще бывалъ я у Ферронскаго и Должиковыхъ, у Сцепинскаго и Лисаневича. Я въ полномъ смыслѣ слова былъ у нихъ своимъ человѣкомъ. Не меньше ласкалъ меня и Астафьевъ, когда пріѣзжалъ въ городъ. Онъ всегда вносилъ новое оживленіе въ нашъ кружокъ. Послѣдній около этого времени увеличился новымъ членомъ, который занялъ въ немъ не послѣднее мѣсто. Это былъ недавно назначенный къ намъ въ Острогожскъ городничій, Гаврило Ивановичъ Чекмаревъ. Онъ когда-то служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ походахъ, о чемъ свидѣтельствовалъ глубокій шрамъ отъ сабельнаго удара на его лицѣ. Но онъ, еще за долго до двѣнадцатаго года, вышелъ въ отставку, съ чиномъ маіора.

Гаврило Ивановичъ былъ свѣтски образованъ. Онъ нѣсколько гордился своимъ старымъ дворянскимъ родомъ и только разстроенное состояніе принудило его снизойти до скромной роли городничаго въ уѣздномъ городѣ. Впрочемъ, у него было худшее горе—болѣзнь горячо любимой жены. У Чекмаревыхъ было двое

дѣтей. Старшій изъ нихъ, семилѣтній Ваня, не замедлилъ поступить въ число моихъ учениковъ.

У Гаврилы Ивановича была одна замѣчательная особенность, почти выходившая изъ границъ вѣроятія, а именно: состоя городничимъ, да еще въ видномъ и богатомъ городѣ, онъ совсѣмъ не бралъ взятокъ. Между тѣмъ онъ получалъ всего триста рублей жалованья и какой-то микроскопическій доходецъ съ своего тамбовскаго раззореннаго гнѣзда. Такимъ образомъ ему не легко было бы сводить концы съ концами, если бы не явилось къ нему на помощь все то-же несравненное острогожское общество. Оно оцѣнило усердную и безкорыстную службу Чекмарева и, помимо казеннаго, опредѣлило ему еще отъ себя дополнительное содержаніе, конечно, безъ всякихъ оффиціальныхъ формальностей. Городъ, такимъ образомъ, являлся достойнымъ своего городничаго. Оба жили въ тѣсной дружбѣ и оказывали другъ другу взаимныя услуги.

Чекмаревъ и меня пригрѣлъ. Первоначально приглашенный къ нему въ домъ въ качествѣ учителя, я вскорѣ превратился тамъ въ общаго баловня. Самъ городничій, жена его и дѣти смотрѣли на меня, какъ на роднаго. Я жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и не знаю, чей домъ былъ больше моимъ: ихъ или мой собственный.

Назначенію къ намъ Чекмарева предшествовало слѣдующее событіе. До него острогожскимъ городничимъ былъ Григорій Николаевичъ Глинка, тоже изъ отставныхъ военныхъ. Этотъ былъ буйнаго нрава. Пользуясь протекціей своихъ братьевъ, извѣстныхъ Сергѣя и Ѳедора Глинокъ, онъ не стѣснялся въ обращеніи съ мелкими и небогатыми горожанами, давалъ полную волю своему языку и рукамъ, безжалостно облагалъ ихъ взятками и въ заключеніе сжегъ бо̀льшую часть города. Случилось это такъ. Съ цѣлью сорвать крупную взятку съ одного мѣщанина, владѣтеля жалкой лачуги, онъ навязалъ ему, въ видѣ постоя, полковую пекарню. Домишко былъ, конечно, деревянный, крытъ камышемъ и стоялъ въ центрѣ города. А пекарня требовала непрерывной и усиленной топки печей. Законъ прямо запрещалъ отводить квартиры для пекаренъ въ густо-населенныхъ частяхъ города. Но что значилъ законъ для нашего лихаго городничаго!

Время было лѣтнее. Стояла засуха. Печь въ домѣ никогда не отдыхала. Бѣдный хозяинъ не зналъ покоя, ожидая, что вотъ, вотъ она лопнетъ, и тогда не сдобровать ни ему, ни сосѣдямъ. Онъ слезно молилъ городничаго перевести отъ него пекарню въ болѣе безопасное мѣсто. Тотъ, пожалуй, и соглашался, но подъ условіемъ такой взятки, которая была рѣшительно не подъ силу бѣдному домовладѣльцу. День за днемъ, печи все больше и больше накалялись и, наконецъ, не выдержали: въ пекарнѣ, дѣйствительно, вспыхнулъ пожаръ. Лѣто было на половинѣ, день знойный, но вѣтренный. Огонь быстро охватилъ сосѣднія зданія и потокомъ разлился по улицамъ города. Гасительные снаряды у насъ ограничивались четырьмя испорченными трубами. Обыватели ничего не могли сдѣлать для прекращенія пожара, который въ заключеніе истребилъ больше трехсотъ домовъ на лучшихъ улицахъ. Добрая треть Острогожска обратилась въ груду развалинъ, изъ которыхъ онъ, по крайней мѣрѣ на моихъ глазахъ, уже не могъ подняться. Домъ, гдѣ я жилъ, на мое счастье уцѣлѣлъ, хотя и мы не мало набрались страху и не избѣгли потерь.

Преступленіе городничаго было слишкомъ явно, чтобы скрыть его. Но вѣрно у него, въ самомъ дѣлѣ, были сильные покровители: онъ ничѣмъ не поплатился, а только былъ переведенъ, городничимъ же, въ другой городъ, а именно въ Бобровъ. Тогда-то намъ, вмѣсто него, дали Чекмарева. Мы выиграли, но не бобровцы, которымъ выпало, по пословицѣ, отвѣдать въ чужомъ пиру похмѣлья. Не напоминаетъ ли это басни Крылова о щукѣ, которую судьи, за ея провинности, приговорили утопить въ рѣкѣ?

Большимъ утѣшеніемъ были для меня въ это время письма, которыя я аккуратно получалъ отъ моихъ чугуевскихъ друзей. Они заключали столько ума и доброты, дышали такимъ участіемъ ко мнѣ, что дни ихъ получки всегда были для меня настоящими праздниками. Но письма эти имѣли для меня еще и другой смыслъ: они являлись какъ бы звеномъ, соединявшимъ меня съ тою средою, отъ которой я былъ оторванъ, но куда стремился всѣми помыслами. Скоро, однако, и это звено порвалось. Надъ моими друзьями разразился ударъ, который положилъ конецъ и моимъ сношеніямъ съ ними.

Въ концѣ іюня 1821 года я получилъ отъ Анны Михай-

ловны скорбное письмо. Она извѣщала меня, что братъ ея, Димитрій Михайловичъ, сошелъ съ ума. „Увы!“ писала она, „тотъ, отъ котораго зависѣла судьба всѣхъ насъ, сиротъ, а наипаче моя судьба, съ Люлею, потерялъ совершенно разсудокъ и сдѣлался для насъ уже полумертвымъ.... Я нѣкоторымъ образомъ привыкла къ горестямъ“, продолжала она, „но это несчастіе обратило меня въ истукана. Я только и могу у всѣхъ спрашивать: что мнѣ теперь дѣлать, бѣдной сиротѣ?“ Затѣмъ слѣдовали нѣкоторыя подробности. Государь оставилъ за Димитріемъ Михайловичемъ званіе дивизіоннаго командира, полное содержаніе и столовыя деньги. Вся семья ѣхала въ Кіевъ, а оттуда собиралась на леченье въ Карлсбадъ. Лаконте писалъ о томъ же. Странности генерала, которыхъ и я былъ свидѣтелемъ, еще довольно долго принимались близкими за раздраженіе отъ усиленныхъ занятій по службѣ. На самомъ дѣлѣ онѣ были зловѣщими предвѣстниками умопомѣшательства. Теперь это послѣднее объяснялось непомѣрнымъ честолюбіемъ генерала и тѣмъ внутреннимъ разладомъ, который опо въ немъ поселяло. Едва-ли аракчеевская система военныхъ поселеній на самомъ дѣлѣ приходилась ему по душѣ. Но желаніе, во что бы то ни стало, отличиться, заставило его поступиться своими убѣжденіями и пренебречь внушеніями просвѣщеннаго ума и благороднаго сердца. Отсюда колебанія, недовольство собой и окружающими и въ заключеніе катастрофа. Нельзя-ли, однако, все это объяснить гораздо проще, а именно наслѣдственнымъ недугомъ, жертвою котораго уже раньше сдѣлался родной братъ его? Какъ бы то ни было, а въ Димитріи Михайловичѣ Юзефовичѣ погибла высокодаровитая личность, заслуживающая болѣе подробной и безпристрастной оцѣнки. Я же, по моимъ личнымъ отношеніямъ къ нему, могу только съ благодарностью о немъ вспоминать. Онъ не долго страдалъ и умеръ, не доѣхавъ до Карлсбада.

Еще два, три письма получилъ я отъ Анны Михайловны уже изъ полтавскаго имѣнія покойнаго генерала, Сотниковки. Раза два писали мнѣ и молодой Юзефовичъ съ Лаконте, потомъ замолкли. Въ настоящую минуту я о нихъ ничего не знаю. Но гдѣ бы они ни были, живые или мертвые, они остаются для меня одними изъ лучшихъ людей, какихъ я когда-либо зналъ, и лучшими друзьями, какихъ я когда-либо имѣлъ.

XVII.

Заря лучшаго.

Прошелъ 1821 годъ. Близился къ концу и 1822-й. Мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ. Въ положеніи моемъ ничто не измѣнилось. Не было даже намека на возможность перемѣны когда-нибудь. Между тѣмъ, ни для кого незамѣтно зрѣло событіе, которое должно было приблизить меня къ цѣли.

Въ 1820-хъ годахъ въ Россіи почти повсемѣстно учреждались библейскія общества. Цѣль ихъ состояла въ распространеніи книгъ Священнаго Писанія, преимущественно Евангелія. Въ это время былъ переведенъ на русскій языкъ весь Новый завѣтъ, а изъ Ветхаго—Псалтирь и изданы вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ.

Учрежденіе библейскихъ обществъ совпало у насъ или, вѣрнѣе, было вызвано политическимъ событіемъ, которое видѣло въ нихъ полезное орудіе для своихъ спеціальныхъ цѣлей. Вслѣдъ за низверженіемъ Наполеона, въ Европѣ, какъ извѣстно, образовался, такъ называемый, Священный союзъ изъ трехъ государей: прусскаго, австрійскаго и русскаго. Предлогомъ къ нему выставляли стремленіе упрочить благо народовъ при твердомъ намѣреніи этихъ государей царствовать въ духѣ христіанскаго братства. На самомъ дѣлѣ у него была другая тайная цѣль.

Созданный Меттернихомъ союзъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать идеямъ, возбужденнымъ французской революціей, т. е. парализировать движеніе народныхъ массъ къ свободѣ, къ обузданію феодальнаго произвола, къ установленію великаго начала, что не народы существуютъ для правителей, а правители для народовъ. Это былъ настоящій заговоръ — противъ народовъ. Не пренебрегая никакими средствами, союзъ призвалъ къ себѣ на помощь и религію или, вѣрнѣе, ту часть ея, которая была съ руки ему, а именно проповѣдь о смиреніи и повиновеніи. Обходя идею братскаго равенства, составляющую главную суть ученія Христа, онъ недобросовѣстно держался только буквы извѣстныхъ истинъ, которыя, взятыя въ отдѣльности, всегда мо-

гутъ быть, по произволу, искажены. Такъ поступали обскуранты—всѣхъ временъ. Они пользовались религіей, какъ средствомъ для отупленія умовъ, съ цѣлью лишать ихъ всякой иниціативы и повергать въ прахъ . . . . Вспомнимъ только, какъ дѣйствовали папы и какъ по сихъ поръ дѣйствуютъ французскіе клерикалы и ультрамонтаны. А у насъ развѣ еще не свѣжо воспоминаніе о временахъ Руничей и Магницкихъ?

Императоръ Александръ I былъ человѣкъ съ честными намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей, но ума не глубокаго и шаткой воли. Такого рода люди всегда искренно расположены къ добру и готовы его дѣлать, доколѣ имъ улыбается счастіе. Но возникаютъ на ихъ пути трудности—а это неизбѣжно—и они теряются, падаютъ духомъ, раскаиваются въ своихъ прежнихъ широкихъ и благихъ замыслахъ. Роль ихъ требуетъ великихъ дѣлъ, а имъ отказано въ органѣ, посредствомъ котораго тѣ совершаются,—въ характерѣ. Люди эти, не выходя изъ посредственности, пригодны для обыкновеннаго порядка вещей, но не для отвѣтственнаго положенія, когда являются властителями народныхъ судебъ и руководителями событій, отъ которыхъ зависитъ благо цѣлыхъ обществъ.

Извѣстно, какой переворотъ произошелъ въ императорѣ Александрѣ Павловичѣ послѣ первыхъ неудачъ, встрѣтившихъ его либеральныя поползновенія. Даже сердце его охладѣло къ Россіи, лишь только оказалось, что ея грубые нравы, невѣжество, административныя неурядицы не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ бы ему того хотѣлось по его добрымъ, но легкомысленнымъ планамъ. Онъ отказался отъ реформъ, которыя передъ тѣмъ самъ признавалъ нужными и полезными,—отказался потому, что онѣ требовали систематической твердой политики, не смущающейся ни трудностями, ни первоначальными неудачами. Вступая въ Священный союзъ, онъ наивно вѣрилъ, что достаточно провозгласить великія христіанскія истины, чтобы люди стали добрыми, возлюбили правду и миръ, чтобы между ними установилось согласіе, уваженіе къ закону, а чиновники перестали грабить казну и народъ. Онъ, конечно, былъ честнѣе Меттерниха, по крайней мѣрѣ, сознательно не дѣлалъ изъ религіи орудія—политическихъ интригъ. Однако, по странному самообольщенію, видѣлъ въ ней личную союзницу,

которая сѣяла въ сердцахъ людей нравственность для того, чтобы ему легче было управлять ими. Вотъ почему онъ такъ благосклонно смотрѣлъ на возникавшія у насъ библейскія общества и даже поощрялъ ихъ дѣятельность, подъ руководствомъ главнаго учредителя ихъ, князя Александра Николаевича Голицына.

Но, оставивъ въ сторонѣ — ухищренія, нельзя отрицать, что основная идея библейскихъ обществъ была сама по себѣ симпатична. Стремясь къ поднятію нравственнаго уровня народа, она косвенно вела еще и къ распространенію среди него грамотности. Отсюда сочувствіе и дѣятельная поддержка, встрѣченная этими обществами среди просвѣщенныхъ людей во всѣхъ классахъ общества. Въ Россіи безпрестанно открывались новые отдѣлы его, именуемые „сотовариществами“, центральное управленіе которыхъ находилось въ Петербургѣ, въ рукахъ князя А. Н. Голицына.

Такой интеллигентный городъ, какимъ былъ Острогожскъ, само собой разумѣется, не захотѣлъ отстать отъ другихъ. Первыми зачинщиками этого дѣла въ нашемъ краю были богатые помѣщики. Къ нимъ охотно присоединились зажиточные граждане и дѣло пошло въ ходъ. Сумма, необходимая для открытія новаго сотоварищества, была быстро собрана и самое открытіе состоялось въ концѣ 1822 года. Предсѣдателемъ былъ избранъ Владиміръ Ивановичъ Астафьевъ, а секретаремъ—не кто другой, какъ я!

Это было большимъ почетомъ для меня: вѣдь я ни по званію, ни по лѣтамъ, ни по состоянію не представлялъ никакихъ для того данныхъ. Многіе, болѣе достойные и даже чиновные изъ членовъ сотоварищества, охотно взяли бы на себя эти обязанности и были бы польщены, если бы выборъ палъ на нихъ. Должность секретаря, правда, не приносила никакихъ матеріальныхъ выгодъ: она была безвозмездная. Но по подбору лицъ, участвовавшихъ въ товариществѣ, и по роли, какая среди нихъ выпадала на долю секретаря, она казалась видною для провинціальнаго честолюбія.

Вотъ этотъ-то почетъ и представлялся мнѣ и близкимъ моимъ самой существенною частью выбора, павшаго на меня. Никто не подозрѣвалъ, что существенное еще впереди, а это только первый шагъ къ нему.

Я съ жаромъ принялся за отправленіе новыхъ обязанностей. Онѣ какъ нельзя больше соотвѣтствовали тогдашнему настроенію моего духа. Идея нравственности лежала въ основѣ всѣхъ моихъ идеаловъ и трудиться во имя ея казалось мнѣ высшимъ благомъ. Герои Плутарха попрежнему наполняли мою голову, а сердце только и видѣло свѣта въ Евангельскихъ истинахъ и утѣшительныхъ обѣщаніяхъ. Воображеніе мое расходилось и опять унесло за черту реальнаго. Дѣятельность сотоварищества приняла въ моихъ глазахъ размѣры гражданскаго подвига и я, допущенный къ участію въ немъ, чтобъ оправдать оказанное мнѣ довѣріе, обрекалъ себя чуть ни на подвижничество. Мое восторженное отношеніе къ дѣлу, въ дѣйствительности, очень скромному, на этотъ разъ никого не удивляло. Всѣ мы въ нашемъ провинціальномъ простодушіи не видѣли ничего дальше цѣлей и намѣреній, воодушевлявшихъ насъ самихъ, и, за недостаткомъ настоящаго дѣла, тѣшили себя мнимыми подвигами.

Понятно, мы не жалѣли средствъ и, между прочимъ, въ большомъ количествѣ выписывали изданія центральнаго библейскаго общества, платя наличными деньгами по 1 рублю за экземпляръ Евангелія и по 50 копѣекъ за Псалтирь. Необходимыя суммы составлялись изъ членскихъ взносовъ. Затѣмъ мы уже отъ себя разсылали книги по приходамъ, гдѣ онѣ предлагались желающимъ: кто хотѣлъ и могъ, въ свою очередь, платилъ за нихъ деньги, другіе получали даромъ.

Въ этихъ новыхъ занятіяхъ и въ прежнихъ моихъ, учительскихъ, прошло еще больше года. Но вотъ насталъ вѣчно памятный для меня день—27-го января 1824 года. Это былъ день перваго общаго собранія нашего сотоварищества. Его хотѣли обставить какъ можно торжественнѣе. Изъ уѣзда съѣхалось много помѣщиковъ. Въ залу засѣданія собрались почетные горожане и всѣ главныя чиновныя лица. Я выступилъ передъ собраніемъ съ отчетомъ, который составилъ къ этому дню, о дѣйствіяхъ и матеріальныхъ средствахъ товарищества, а въ заключеніе прочелъ рѣчь собственнаго издѣлія [1]). Я говорилъ о высокомъ

---

[1]) Эта рѣчь была, между прочимъ, напечатана при академическомъ некрологѣ А. В. Никитенко, писанномъ академикомъ Аф. Ѳед. Бычковымъ. См. „Отчетъ отдѣлен. русск. яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ за 1877 г.“, стр. 42—51. С. Н.

значеніи религіозныхъ истинъ, открытыхъ намъ Евангеліемъ, о благотворномъ вліяніи ихъ на частную и общественную нравственность и коснулся пользы, какую могутъ принести въ этомъ смыслѣ соединенныя усилія просвѣщенныхъ гражданъ, посредствомъ распространенія книгъ св. писанія.

Мнѣ теперь кажется, что все достоинство моей рѣчи заключалось въ искреннемъ увлеченіи и юношескомъ пылѣ, съ какимъ я ее произнесъ. Это подкупило слушателей, большинство которыхъ къ тому же было ко мнѣ дружески расположено. Послѣдовалъ взрывъ энтузіазма и мнѣ была сдѣлана настоящая овація. Собраніе единодушно постановило представить мою рѣчь главному президенту библейскихъ обществъ въ Россіи, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, и ходатайствовать о позволеніи напечатать ее.

Не знаю, питали ли мои друзья, приходя къ этому соглашенію, какія-нибудь надежды на мой счетъ. Но на меня оно произвело дѣйствіе живительнаго луча. Въ сердце закралось предчувствіе близкаго необычайнаго рѣшенія моей участи. „Теперь или никогда, думалъ я; если этотъ случай пройдетъ безслѣдно—тогда всему конецъ". Я отъ волненія лишился сна, апетита, бродилъ, какъ тѣнь, нигдѣ не находя покоя.

Такъ длилось около мѣсяца. Затѣмъ пришло письмо отъ князя Голицына на имя Астафьева. Князь писалъ, что „съ большимъ удовольствіемъ прочелъ доставленную ему рѣчь, которая свидѣтельствуетъ не только объ учености и талантѣ автора, но и о благородномъ образѣ его мыслей". При этомъ князь просилъ доставить ему слѣдующія свѣдѣнія: „кто авторъ рѣчи, какого онъ званія, возраста и имѣетъ-ли семейство?" Товарищество поспѣшило дать на все удовлетворительные отвѣты.

Вельможѣ, располагающему средствами дѣлать добро, не трудно снизойти къ положенію бѣдняка, который попадается на глаза, и помочь мимоходомъ. Но протянуть руку помощи человѣку угнетенному съ твердымъ намѣреніемъ навсегда извлечь его изъ бездны незаслуженнаго позора—на это нужна большая стойкость въ добрѣ и характерѣ. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ искренно добръ и благороденъ. Случай со мной показался ему достойнымъ вниманія и онъ не побрезгалъ заняться имъ среди массы болѣе важныхъ государственныхъ и

своихъ личныхъ заботъ. А заняться надо было безотлагательно и употребить на это рядъ усилій. Мимолетнымъ великодушнымъ порывомъ тутъ ничего нельзя было сдѣлать. Но князь былъ не изъ тѣхъ, которые легко остываютъ и ограничиваются однимъ голословнымъ участіемъ. Получивъ требуемыя свѣдѣнія, онъ уже самъ отъ себя обратился къ графу ***. Онъ въ лестныхъ выраженіяхъ отзывался о моихъ способностяхъ и настаивалъ на необходимости дать имъ должное развитіе, чтобы онѣ могли быть употреблены на пользу общую. Одновременно князь писалъ вторично и Астафьеву: онъ извѣщалъ его о томъ, что вошелъ въ личныя по моему дѣлу сношенія съ графомъ.

Переговоры, сношенія, заявленія длились до апрѣля, а въ концѣ этого мѣсяца—меня вызвали въ Петербургъ! Деньги на проѣздъ я долженъ былъ получить изъ Алексѣевки. Сумма не опредѣлялась: отъ меня зависѣло предъявить мои требованія. Въ графской конторѣ мнѣ совѣтовали пошире воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, такъ чтобы и мать моя не осталась въ убыткѣ отъ моего отъѣзда. Странные люди! Они не могли взять въ толкъ, что мы искали только свободы и ничего больше, какъ свободы. Милости графскія легли бы на насъ такимъ же гнетомъ, какъ и власть его. Но таково развращающее вліяніе рабства: у насъ долго не считали стыдомъ обирать помѣщиковъ и казну.

Вѣсть о вызовѣ меня въ Петербургъ мигомъ облетѣла Острогожскъ и привела его въ такое движеніе, какъ будто дѣло шло о важномъ общественномъ событіи. Не говорю уже о добрыхъ друзьяхъ, о тѣхъ, кто зналъ меня лично, но и слышавшіе только обо мнѣ радовались за меня, какъ за родное дѣтище, и заранѣе сулили мнѣ полный успѣхъ. Никто и не думалъ удерживать меня или упрекать въ легкомысліи, когда я собирался въ Елецъ: напротивъ, всѣ подстрекали не терять времени, пользоваться случаемъ и ѣхать какъ можно скорѣе.

А я самъ? Трудно передать словами тѣ разнородныя ощущенія, которыя вдругъ нахлынули на меня. Вотъ онъ, давно ожидаемый просвѣтъ! Набѣжавшая волна готова была поднять меня и унести въ желанный, но невѣдомый міръ. Передо мной открывалась даль широкаго гиризонта. Я точно выросъ и ощущалъ горделивую радость. Но тутъ же рядомъ возникалъ тревожный

вопросъ: а что же дальше? Графъ *** уже выказалъ по отношенію ко мнѣ мелочность своей души. Тронетъ ли его великодушное участіе ко мнѣ другихъ? А, наконецъ, у самого покровителя моего хватитъ ли энергіи, чтобы отвоевать мнѣ свободу, не смотря на всѣ трудности и препятствія, съ которыми ему придется бороться?

Такія и подобныя этимъ сомнѣнія подъ-часъ жестоко осаждали меня. Правда, что я, съ легкомысліемъ молодости, спѣшилъ ихъ отгонять. Главное, успокаивалъ я себя, добраться до Петербурга—а это уже такое мѣсто, гдѣ устроиваются всевозможныя судьбы. Моя звѣзда теперь тамъ сіяетъ и не даромъ зоветъ меня туда. Потомъ и радость, и сомнѣнія, всѣ страхи и надежды вдругъ утопали въ одной всепоглощающей тоскѣ отъ предстоящей разлуки—разлуки со всѣмъ, что было мнѣ дорого и близко, что до сихъ поръ составляло отраду и смыслъ моей жизни. Въ эти минуты жестокой тоски я съ избыткомъ искупалъ ту эгоистическую радость, которая въ другія минуты поднимала меня до небесъ. На одномъ изъ прощальныхъ, въ честь мою, вечеровъ, а именно у Ферронскихъ, я помню, какъ я буквально изнемогъ подъ напоромъ всѣхъ этихъ ощущеній. Собрались ближайшіе друзья. Они съ увлеченіемъ толковали объ ожидавшей меня перемѣнѣ, выражали надежды на блестящую будущность, которая, будто-бы, мнѣ предстоитъ въ Петербургѣ. Я молча слушалъ ихъ добродушныя рѣчи. Меня бросало то въ холодъ, то въ жаръ и вдругъ я залился слезами. Рыданія душили меня. Собесѣдники примолкли. Никто не пытался утѣшать меня. Всѣ инстинктивно поняли, что̀ долженъ былъ я чувствовать въ эти минуты, когда сумракъ невозвратнаго прошлаго готовился навсегда скрыть отъ меня все, до сихъ поръ дорогое, а впереди едва, едва начинала мерцать заря неизвѣстной будущности.

Еще угнетала меня мысль о моей бѣдной матери и о безпомощныхъ малюткахъ, моихъ братьяхъ и сестрахъ. Я былъ ихъ единственной опорой. Мысль эта не давала мнѣ покою. Бывали минуты, когда мнѣ казалось, что, уѣзжая, я нарушаю всѣ заповѣди сыновняго долга и любви. Я въ отчаяніи метался, не зная, что придумать. Наконецъ, рѣшился повѣрить свои тревоги и сомнѣнія отцу Симеону Сцепинскому. Онъ терпѣливо выслушалъ

меня и съ важностью, которая такъ шла къ его статной фигурѣ, сказалъ: „любезный Александръ, твои чувства понятны и похвальны, но ты не долженъ сворачивать съ пути, на который тебя зоветъ судьба. Иди и не оглядывайся назадъ. Всѣ великія начинанія сопряжены не только съ пожертвованіями своихъ выгодъ, но и съ насиліемъ своему сердцу. Богъ сохранитъ твою мать, какъ хранилъ ее, когда ты былъ такъ малъ, что не могъ заботиться о ней, а самъ составлялъ предметъ ея заботъ. Думать теперь о чемъ другомъ, кромѣ того, что зоветъ тебя впередъ, было бы—мало сказать ошибкою—преступленіемъ“.

Слова эти положили конецъ моимъ колебаніямъ, но не горю.

Пока все приготовлялось къ моему отъѣзду, товарищество возложило на меня порученіе собрать по уѣзду свѣдѣнія о ходѣ нашего дѣла. Свѣдѣнія эти я долженъ былъ потомъ, при письменномъ донесеніи сотоварищества, лично представить князю Н. А. Голицыну.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось напослѣдокъ еще разъ проѣхаться по тѣмъ мѣстамъ, которыя я такъ любилъ, и увезти съ собой на дальній сѣверъ живое воспоминаніе о благодатномъ югѣ. Стояли послѣдніе дни апрѣля (1824 г.), ясные, тихіе, благоухающіе. Я жадно вглядывался въ прелестныя мѣста, расположенныя по берегамъ или по сосѣдству съ тихимъ Дономъ и Калитвой, вслушивался въ рѣчи добродушныхъ малороссіянъ, которые вездѣ принимали меня съ обычнымъ гостепріимствомъ и ласкою: я зналъ, что если не навсегда, то во всякомъ случаѣ надолго покидаю ихъ. Особенно памятенъ мнѣ пріемъ въ домѣ богатаго помѣщика Лазарева-Станищева, угостившаго меня, какъ говорится, на славу, и другой—въ скромномъ пріютѣ калитвинскаго священника, молодаго и образованнаго, бесѣда съ которымъ доставила мнѣ не менѣе существенную духовную пищу.

Я вернулся въ Острогожскъ, освѣженный прогулкою, придуманною для меня предусмотрительными друзьями, и могъ уже съ бо̀льшимъ самообладаніемъ относиться къ предстоявшей мнѣ перемѣнѣ.

Послѣдняя недѣля моего пребыванія въ Острогожскѣ прошла въ какомъ-то вихрѣ прощаній, дружескихъ напутствій, пожеланій, благословеній. Насталъ и день отъѣзда. Домъ мой съ утра представлялъ оживленное зрѣлище. Онъ не могъ вмѣстить всѣхъ,

пришедшихъ въ послѣдній разъ пожать мнѣ руку. Посѣтители толпились въ горницѣ, въ сѣняхъ, на улицѣ. А когда я вышелъ садиться въ кибитку, то не могъ пробраться къ ней. Ей приказали двинуться шагомъ, а я медленно шелъ за ней, окруженный домашними, центръ пестрой и шумной толпы. Кибитка едва ползла, ее къ тому же ежеминутно останавливали: то изъ того, то изъ другаго дома выходили хозяева съ кульками, узелками, пакетами и все это нагружали въ повозку, мнѣ на дорогу. Тутъ были и жареныя птицы, начиная съ цыплятъ до гусей и индюшекъ, цѣлые окорока ветчины, всевозможныхъ величинъ и начинокъ пироги, варенья въ банкахъ, бутылки съ наливками и т. д. Кто-то сунулъ между подушками цѣлую бутыль сладкаго морсу....

Но вотъ и воронежская застава, за которой уже начиналась безконечная полоса большой дороги. Не помню, какъ очутился я въ кибиткѣ, какъ проѣхалъ первыя версты. Я былъ въ оцѣпенѣніи, ничего не сознавалъ, и только въ ушахъ звенѣлъ, нестерпимой болью отзываясь въ сердцѣ, послѣдній окликъ—вѣрнѣе стонъ моей матери, да руки судорожно сжимали деревянный крестикъ, которымъ она меня благословила въ послѣднюю минуту....

Но отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Колеса дребезжали, ямщикъ усердно погонялъ лошадей. Вдругъ ухабъ, кибитка нырнула и благополучно вынырнула, но толчокъ сбросилъ меня съ сидѣнья. Я очутился на днѣ повозки подъ ворохомъ провизіи, которою она была набита. Бутыль, остроумно скрытая въ подушкахъ, со звономъ вылетѣла и обдала меня струей краснаго сладкаго морса. Пришлось сушиться, расчищать мѣсто и эти мелкія заботы привели меня въ себя.

Я выглянулъ изъ кибитки. Мой милый Острогожскъ уже скрылся изъ виду. Но никогда ничто не вытѣснитъ его изъ моей памяти. То добро, которое я въ немъ встрѣтилъ, должно лечь въ основѣ моихъ дальнѣйшихъ сношеній съ людьми. Какія бы козни ни ожидали меня отъ нихъ впереди, я не утрачу вѣры въ человѣческое сердце, въ его способность любить и благородно чувствовать. Эту вѣру вселили въ меня мои острогожцы и она не покинетъ меня до конца.

XVIII.

Въ Петербургѣ. — Борьба за свободу.

Я выѣхалъ изъ Острогожска въ первыхъ числахъ мая (1824 г.), а въ Петербургъ пріѣхалъ 24-го. Ѣхалъ я на такъ называемыхъ долгихъ. Въ первый день добрался только до Воронежа, гдѣ долженъ былъ остановиться для выправки свидѣтельства объ окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ. Разсчитывалъ пробыть въ Воронежѣ часа три, четыре, а пробылъ цѣлые сутки. Мои бывшіе учителя Морозовъ, Грибовскій и штатный смотритель Соколовскій устроили мнѣ проводы, оставившіе во мнѣ такое же свѣтлое воспоминаніе, какъ и острогожскіе. Эти простодушные добряки считали мою карьеру уже упроченною и безкорыстно радовались успѣху, котораго сами не знали въ жизни. Но увы! Тутъ же, рядомъ, при первой улыбкѣ счастью представилась мнѣ и оборотная сторона человѣческаго сердца. Директоръ воронежской гимназіи, Былинскій, нѣкогда не пустившій меня на порогъ своего дома, теперь, узнавъ, что я вызванъ въ Петербургъ „самимъ министромъ", поспѣшилъ явиться ко мнѣ, „засвидѣтельствовать свое почтеніе" и попросить „не забывать его среди почестей и удовольствій, ожидавшихъ меня въ столицѣ". Впрочемъ, я и за то былъ благодаренъ ему: онъ тѣмъ самымъ доставилъ мнѣ случай не совсѣмъ безуспѣшно походатайствовать у него за моего добраго старика Ферронскаго.

Дальше, за Ельцомъ, начинались уже незнакомыя мнѣ мѣста. Все поражало новизной и нельзя сказать, чтобы всегда пріятно. Послѣ каждой ночевки, чуть не послѣ каждой станціи, я плотнѣе кутался въ шинель. Ландшафтъ блѣднѣлъ съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ и мои мечты. Чувство одиночества сказывалось все сильнѣе среди этой чуждой природы, гдѣ нашъ южный радостный май являлся такимъ угрюмымъ и нагимъ. Ко всему этому присоединялась страшная усталость. Дороги вездѣ были сквернѣйшія, а бревенчатая мостовая, отъ Москвы до Петербурга, буквально могла вытрясти душу изъ тѣла.

Такимъ образомъ я вступилъ въ Петербургъ далеко не тѣмъ

героемъ-побѣдителемъ, какимъ воображали меня мои провинціальные друзья и тѣ, которые предусмотрительно уже спѣшили заискивать во мнѣ. Дѣло клонилось къ вечеру. Я отправился прямо въ домъ графа *** по Фонтанкѣ. Тамъ меня ожидало помѣщеніе съ чиновниками канцеляріи. Я говорю чиновниками, потому что занятія, положеніе и оклады служившихъ въ графской канцеляріи ничѣмъ не уступали казеннымъ. Меня пріютили въ хорошей, чистой горницѣ, вмѣстѣ съ двумя столоначальниками. Вообще мнѣ былъ оказанъ вѣжливый, даже радушный пріемъ, но съ сильнымъ оттѣнкомъ любопытства. Здѣсь уже знали обо мнѣ черезъ переписку князя Голицына съ молодымъ графомъ и интересовались дальнѣйшимъ ходомъ моего дѣла. Слѣдующій день я весь отдыхалъ, а затѣмъ явился въ канцелярію для знакомства съ главными начальниками ея, или, какъ они назывались, экспедиторами. Ихъ было два: Мамонтовъ по финансовой части и Дубовъ по другимъ отраслямъ администраціи графскихъ имуществъ. Характеръ ихъ дальнѣйшихъ отношеній ко мнѣ тотчасъ опредѣлился. Искренняя простота, съ какою меня встрѣтилъ Мамонтовъ, сразу внушила мнѣ довѣріе къ нему и надежду на его помощь, когда та понадобится. За то Дубовъ, разсыпавшійся въ приторныхъ любезностяхъ, съ первыхъ же словъ обнаружилъ въ себѣ врага.

Никогда еще, кажется, безусловная зависимость отъ чужой воли, присущая тому противоестественному и безнравственному порядку вещей, съ которымъ я вступалъ въ борьбу, не представлялась мнѣ такъ назойливо-осязательно, какъ въ томъ относительно мелочномъ обстоятельствѣ, что я не могъ явиться къ вызывавшему меня князю Голицыну безъ предварительнаго разрѣшенія (графа ***). Мамонтовъ взялся выхлопотать мнѣ его.

Но пока я, какъ жукъ или муравей, тянулся къ свѣту по кучамъ мусора, въ высшихъ общественныхъ сферахъ произошло передвиженіе, грозившее гибелью и тѣмъ немногимъ шансамъ на успѣхъ, какіе у меня были. Въ городѣ разнесся слухъ объ интригахъ, вслѣдствіе которыхъ князь Голицынъ будто бы лишился милостей государя. Говорили, что онъ уже больше не министръ, что его разжаловали въ главноуправляющіе почтовымъ вѣдомствомъ. Его значеніе, такимъ образомъ, сильно падало въ глазахъ толпы: мнѣ скоро пришлось въ томъ убѣдиться.

Я долго старался не вѣрить зловѣщимъ слухамъ. Въ канцеляріи увѣряли, что и надпись на домѣ князя, по Фонтанкѣ: „Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ“, уже замѣнена другою: „Главноуправляющій почтовымъ департаментомъ“. Я захотѣлъ удостовѣриться собственными глазами — и удостовѣрился. Едва вышелъ я на набережную рѣки, золотыя буквы еще свѣжей, очевидно, только что выведенной, надписи острыми иглами вонзились мнѣ въ глаза. Боже мой! Только голодный, если бы у него вдругъ вырвали изъ рукъ кусокъ хлѣба, который онъ уже подносилъ ко рту, могъ бы понять то чувство отчаянія и безсильной ярости, внезапно охватившее меня. Чего еще ждать? Легкая зыбь на Фонтанкѣ такъ заманчиво рябила въ глазахъ.... Я съ неимовѣрнымъ усиліемъ отвелъ отъ нея глаза и съ понурой головой вернулся въ свой уголъ. Настала страшная безсонная ночь. Я метался какъ въ горячкѣ, и лишь утромъ настолько овладѣлъ собою, что пришелъ къ заключенію: не прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, пока не услышу изъ устъ самого князя Голицына, можетъ ли онъ и хочетъ ли еще заняться мною.

Долго Мамонтовъ безуспѣшно добивался (у графа ***) для меня позволенія явиться къ князю Голицыну и, наконецъ, добился, только сославшись на порученіе, которое я имѣлъ отъ острогожскаго библейскаго сотоварищества.

— Пусть идетъ! процѣдилъ сквозь зубы графъ. Потомъ, помолчавъ, съ усмѣшкою прибавилъ: „князю теперь не до него“!

Его сіятельство мѣрило другихъ по собственной мѣркѣ и не предполагало ни въ комъ, а тѣмъ болѣе въ опальномъ царедворцѣ, чувствъ болѣе гуманныхъ, чѣмъ тѣ, которыми былъ самъ воодушевленъ. Но онъ ошибся въ разсчетѣ, и этой ошибкѣ я въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ спасеніемъ.

Охотно или неохотно было дано позволеніе, я поспѣшилъ воспользоваться имъ. Князь Голицынъ проводилъ лѣто въ Царскомъ селѣ, вмѣстѣ со дворомъ. Первоначальные слухи объ его опалѣ къ этому времени смягчились. Теперь говорили, что хотя обстоятельства и заставили его отказаться отъ министерскаго портфеля, онъ, тѣмъ не менѣе, попрежнему пользовался расположеніемъ высочайшихъ особъ и особенно императрицы Маріи Ѳедоровны.

Я выѣхалъ въ Царское село на зарѣ, 8-го іюня (1824 г.). Не смотря на дошедшіе до меня послѣдніе успокоительные слухи о собственныхъ дѣлахъ князя, я находился въ крайнемъ смущеніи. Видъ грандіозной императорской резиденціи, среди лабиринта липовыхъ и дубовыхъ аллей, въ конецъ уничтожилъ меня, провинціала. Я показался себѣ изъ рукъ вонъ слабымъ и одинокимъ. Блѣдный, худой, одѣтый острогожскимъ портнымъ, я былъ похожъ на захудалаго семинариста, а никакъ не на отважнаго борца, за собственную честь и независимость.

Князь помѣщался въ одномъ изъ дворцовыхъ павильоновъ. Дорогу къ нему мнѣ показалъ первый попавшійся сторожъ. Робко вошелъ я въ пріемную его сіятельства. Тамъ засѣдалъ сѣденькій старичекъ—камердинеръ. Онъ такъ ласково принялъ меня, такъ охотно пошелъ доложить обо мнѣ, что я мгновенно почувствовалъ облегченіе. Двѣ минуты спустя я былъ въ кабинетѣ князя. Истый провинціалъ, я не иначе представлялъ себѣ вельможу, министра, какъ въ блескѣ и величіи его сана, со всѣми атрибутами подавляющаго превосходства. И вдругъ — передо мной другой старичекъ, въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, съ болѣе утонченнымъ лицомъ и манерами, но не менѣе почтеннымъ и добродушнымъ видомъ, чѣмъ первый. Онъ окинулъ меня пытливымъ взглядомъ, потомъ, съ ласковой улыбкой, движеніемъ руки пригласилъ въ глубь комнаты.

— Очень радъ съ вами познакомиться, мягко заговорилъ онъ, но не потревожили ли васъ такимъ внезапнымъ вызовомъ? Я думалъ, что человѣку, съ вашими способностями, не мѣсто въ глуши, и мнѣ захотѣлось открыть вамъ путь къ болѣе широкой дѣятельности. Только, какъ же это? Вы такъ молоды, вамъ надо еще учиться.

— Я самъ только объ этомъ и мечтаю, ваше сіятельство! въ волненіи отвѣчалъ я, получить настоящее серьезное образованіе!... Вѣдь я прошелъ только одно уѣздное училище.

— Но, скажите, снова началъ онъ, какъ могли вы, такой еще молодой и безъ всякихъ средствъ, пріобрѣсти уже столько познаній и выработать себѣ литературный языкъ?

— Я читалъ все, что мнѣ попадало подъ руку, дѣлалъ выписки.... Ободренный участіемъ князя, я, какъ говорится, излилъ передъ нимъ душу. Я забылъ вельможу, сановника, видѣлъ только

умнаго, добраго, опытнаго человѣка, который меня слушалъ съ явной симпатіей и готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи.

— Во всемъ этомъ, сказалъ онъ, когда я кончилъ мою исповѣдь,—видна воля Божія. Вы должны послѣдовать ея указаніямъ. Нашъ вѣкъ полонъ тревогъ и волненій и мы всѣ должны, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать благимъ результатамъ. Для этого необходимы люди даровитые и просвѣщенные. Вы должны присоединиться къ нимъ, но не прежде, какъ созрѣвъ въ мысляхъ и въ знаніи. Вамъ непремѣнно надо пройти университетскій курсъ.

— Но какъ этого достигнуть, въ моемъ положеніи, безъ подготовки....

— Ну, мы обо всемъ этомъ позаботимся. Я напишу графу ***, чтобы онъ не только васъ уволилъ, но и далъ вамъ средства окончить образованіе. А пока я познакомлю васъ еще съ однимъ человѣкомъ, который тоже принимаетъ въ васъ живое участіе. Молитесь и надѣйтесь!

Онъ написалъ нѣсколько строкъ и отдалъ мнѣ; потомъ позвалъ ласковаго камердинера и поручилъ ему препроводить меня къ г-ну Попову, жившему тутъ же, по сосѣдству.

Поповъ принялъ меня благосклонно, много толковалъ о расположеніи ко мнѣ его сіятельства и о своемъ собственномъ сочувствіи. Но при всемъ томъ, какая разница въ пріемахъ этихъ двухъ людей! Задушевная простота князя замѣнялась у Попова напускною любезностью. Въ немъ было что-то сухое и холодное, а въ его дружескихъ увѣреніяхъ звучала если не фальшивая, то, во всякомъ случаѣ, равнодушная нота. На его неподвижномъ лицѣ не было и тѣни той изящной мягкости, той сердечной теплоты, которая сквозила въ каждомъ словѣ и движеніи князя. Всего непріятнѣе поразили меня его глаза: тусклые и безжизненные, они почти постоянно смотрѣли внизъ, а устремленные на васъ вгоняли внутрь всякое поползновеніе къ откровенности. Не знаю, былъ ли на самомъ дѣлѣ такимъ Поповъ, но на меня онъ произвелъ удручающее впечатлѣніе.

За то свиданіе съ княземъ точно спрыснуло меня живой водой. Отъ сердца отлегло. Я уже бодро, съ поднятою головой, шелъ по парку, который, раньше утромъ, нагналъ на меня такое уныніе. Теперь я могъ любоваться и нѣжнымъ пушкомъ на деревьяхъ, и группами залитой цвѣтомъ сирени, и зеркальною

поверхностью озера съ величаво скользившими по немъ лебедями, и пестрымъ ковромъ цвѣтниковъ передъ дворцомъ. Обратный путь въ Петербургъ тоже показался мнѣ и короче, и пріятнѣе: я на все смотрѣлъ сквозь призму ожившихъ надеждъ. День былъ ясный. Я ѣхалъ по гладкому, какъ скатерть, шоссе. Мимо мелькали подернутыя легкой зеленой дымкой пашни, опрятные домики колонистовъ, кудрявыя купы ивъ и березокъ. Въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ молодой листвы, было что-то бодрящее и тѣло, и духъ. При всемъ моемъ предубѣжденіи противъ угрюмой сѣверной природы, я весь отдался обаянію этого чуднаго дня—одного изъ рѣдкихъ, какими насъ даритъ петербургская весна.

Я уже воображалъ себя одной ногой въ университетѣ. Но судьба скоро доказала, что не намѣрена баловать меня легкимъ успѣхомъ. Князь Голицынъ исполнилъ свое обѣщаніе и написалъ графу *** письмо, въ которомъ извѣщалъ его о моемъ посѣщеніи и убѣдительно просилъ дать мнѣ свободу. Письмо осталось безъ отвѣта. Молодой кавалергардскій поручикъ не удостоилъ соблюсти простой вѣжливости въ отношеніи къ человѣку почтенному, который по лѣтамъ годился ему въ отцы, а по заслугамъ, конечно, могъ разсчитывать на бо̀льшее вниманіе.

Тучи на моемъ горизонтѣ опять сгустились. Не знаю, чѣмъ внушилъ я такую антипатію одному изъ графскихъ клевретовъ, вышеупомянутому Дубову. Всего вѣрнѣе, онъ хотѣлъ прислужиться къ графу и предложилъ ему легкій способъ отъ меня отдѣлаться, а именно, безъ дальнѣйшихъ церемоній, спровадить меня въ Алексѣевку, съ запретомъ куда бы то ни было впередъ отлучаться, или же, въ крайнемъ случаѣ, отправить школьнымъ учителемъ въ одну изъ подмосковныхъ вотчинъ. Уже и день моего отъѣзда былъ назначенъ, но отъ меня все это тщательно скрывалось, съ цѣлью застать врасплохъ. Къ счастью, одинъ изъ моихъ канцелярскихъ друзей еще во-время меня предупредилъ. Я въ отчаяніи опять бросился къ князю Голицыну: въ немъ одномъ видѣлъ я спасеніе. Онъ около этого времени переѣхалъ изъ Царскаго села на Каменный островъ и мнѣ не трудно было до него добраться. Но на самомъ порогѣ его дома новое, неожиданное препятствіе.

— Его сіятельство собираются къ государю и сегодня ни-

кого не принимаютъ, отвѣчалъ камердинеръ на мое заявленіе, что я желаю видѣть князя Александра Николаевича.

Но вѣрно его поразилъ мой растерянный видъ, потому что онъ вслѣдъ затѣмъ нерѣшительно прибавилъ: Что вы.... Развѣ ужъ такъ нужно? Нельзя отложить?

— Отложить, чтобы все пропало! запальчиво воскликнулъ я. Это значитъ меня убить!

Добрый старикъ покачалъ головой, помялся на мѣстѣ, но въ заключеніе махнулъ рукой и пошелъ доложить. Я не успѣлъ опомниться, какъ меня позвали въ кабинетъ.

— Ваше сіятельство! дрожа отъ волненія, торопливо заговорилъ я, мнѣ грозитъ страшная бѣда.... И я разсказалъ ему о моемъ случайномъ открытіи.

Лицо князя омрачилось. Онъ съ минуту помолчалъ, потомъ сказалъ: Успокойтесь! Даю вамъ слово, что сдѣлаю все, отъ меня зависящее, чтобы рѣшеніе это было отмѣнено. Отправить васъ назадъ ни съ чѣмъ несообразно, во-первыхъ, потому, что вы заслуживаете лучшаго, а, во-вторыхъ, потому что, вытребовавъ васъ сюда, мы лишили васъ и того, что вы имѣли. Я сейчасъ же напишу графу и надѣюсь, прибавилъ онъ съ значительною улыбкою,—что на этотъ разъ онъ не оставитъ меня безъ отвѣта.

Два дня спустя, я узналъ, что планъ сбыть меня съ рукъ въ Алексѣевку или куда бы то ни было оставленъ. Но ему на смѣну явился другой и на этотъ разъ такой почетный въ глазахъ графскихъ служителей, что взволновалъ всю канцелярію. Дѣло шло о томъ, чтобы приблизить меня къ графу, однимъ словомъ, хотѣли пожаловать меня въ его секретари. Эта блестящая мысль вошла въ голову дяди молодаго графа, его однофамильца, генерала ***, и онъ упорно на ней настаивалъ. Доброе мнѣніе обо мнѣ князя Голицына и его горячее заступничество возвысило мою цѣну въ глазахъ спѣсивыхъ баръ и усилило въ нихъ желаніе не выпускать меня изъ рукъ. Генералъ *** имѣлъ большое вліяніе на племянника и распоряжался его дѣлами, какъ своими.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ, разсчитывая своимъ властнымъ словомъ съ разу положить конецъ моимъ „дерзкимъ притязаніямъ". Принятъ я былъ съ барской снисходительностью.

Генералъ старался убѣдить меня, что я уже достаточно ученъ, что учиться мнѣ больше не слѣдуетъ, что я гораздо больше выиграю, не выходя изъ своего положенія.

— Все хорошо въ мѣру, говорилъ онъ, — излишекъ въ просвѣщеніи такъ же вреденъ, какъ и во всемъ другомъ. Я готовъ устроить ваше счастье, въ заключеніе прибавилъ онъ, — и потому совѣтую вамъ ограничить ваши желанія. Графъ хочетъ оставить васъ при себѣ секретаремъ. Ему нужны способные люди. Онъ современемъ займетъ важныя должности и вы можете составить себѣ при немъ наилучшую фортуну. Что же касается свободы—я рѣшительно противъ нея. Люди, подобные вамъ, рѣдки и надо ими дорожить.

Узелъ, слѣдовательно, еще больше затягивался. Теперь уже со мною не хотѣли разставаться, мною дорожили, я былъ нуженъ. То-же подтвердилъ мнѣ и князь А. Н. Голицынъ, ѣздившій лично объясняться на мой счетъ съ молодымъ графомъ ***. Генералъ просилъ его, чтобы я „хоть малое время побылъ секретаремъ при молодомъ графѣ“.

Само собой разумѣется, что все это только укрѣпляло во мнѣ рѣшительность живымъ или мертвымъ вырваться изъ сжимавшихъ меня тисковъ. Напрасно волновались мои канцелярскіе друзья и недруги. То, что казалось имъ почетомъ, который могъ на нихъ выгодно или невыгодно отразиться, мнѣ представлялось новымъ униженіемъ. Водить на помочахъ недальновиднаго барича и дѣйствовать за его спиной могло быть прибыльно, но мнѣ не улыбалось. Я хотѣлъ жить и дѣйствовать на свой страхъ. И Дубову съ компаніей нечего было бояться. Предназначавшаяся мнѣ роль была мнѣ не по плечу, а если бы обстоятельства и заставили меня на время согласиться на нее, то ужъ, конечно, я не сталъ бы заниматься мщеніемъ. Дубову позже пришлось въ этомъ убѣдиться, но пока онъ думалъ иначе и старался вдвойнѣ мнѣ вредить. Онъ приставилъ ко мнѣ шпіоновъ и самъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ. Но, на мое счастье, вся канцелярія, за немногими исключеніями, вокругъ него группировавшимися, была, съ Мамонтовымъ во главѣ, за меня. Благодаря этому, я могъ успѣшно обманывать бдительность моихъ враговъ.

Изъ всего этого видно, какъ медленно разрѣшался для меня

роковой вопросъ „быть или не быть". Если петля вокругъ моей шеи въ иную минуту и ослабѣвала, то въ слѣдующую за тѣмъ опять крѣпче затягивалась. Князь Голицынъ не переставалъ обо мнѣ хлопотать. Я время отъ времени къ нему являлся давать отчетъ о своихъ дѣлахъ и всякій разъ уходилъ отъ него ободренный. Но его собственное положеніе настолько поколебалось, что мелкія души уже не считали для себя обязательнымъ ему угождать. Императрица Марія Өедоровна, впрочемъ, оставалась къ нему неизмѣнною и онъ намѣревался прибѣгнуть къ ней въ послѣдней крайности. Но до тѣхъ поръ надо было испробовать всѣ средства.

Съ этою цѣлью я рѣшился пустить въ ходъ рекомендательныя письма, которыми меня, на прощанье, снабдили мои добрые острогожцы. Одно изъ нихъ было отъ отца Симеона Сцепинскаго къ его товарищу по духовной академіи, дѣйствительному статскому совѣтнику И. И. Мартынову. Счеты мои съ послѣднимъ, однако, скоро кончились. Онъ забылъ своего стараго друга и недвусмысленно мнѣ выразилъ это. Я раскланялся и ушелъ, чтобы больше не возвращаться.

Другаго рода пріемъ ожидалъ меня у родственника Чекмарева, Димитрія Ивановича Языкова, почтеннаго переводчика Шлецерова Нестора и Духа законовъ Монтескье. Онъ служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія начальникомъ отдѣленія и жилъ, въ такъ называемомъ, Щукинскомъ домѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ. Димитрій Ивановичъ пользовался репутаціей отличнаго знатока русской исторіи, но всего больше—человѣка съ благороднѣйшимъ характеромъ. Но въ наружности его и въ манерахъ, съ перваго взгляда, было мало привлекательнаго. Невысокаго роста, приземистый, пожилыхъ лѣтъ мужчина, онъ поражалъ своею неуклюжестью. Ходилъ онъ съ низко-опущенной головой, говорилъ мало, рѣдко улыбался, но при всемъ томъ не производилъ отталкивающаго впечатлѣнія. Всѣ недостатки его угловатаго лица искупались выраженіемъ добродушія, которое тотчасъ внушало вамъ къ нему симпатію и вы, не смотря на собственную сдержанность Димитрія Ивановича, чувствовали невольное влеченіе ему во всемъ довѣриться. Такъ было и со мной. Онъ велъ труженическую, замкнутую жизнь и потому не могъ мнѣ оказать никакой практической пользы. Но въ его немногихъ

словахъ было столько искренняго чувства, что я и потомъ, въ минуты унынія, всегда приходилъ къ нему за утѣшеніемъ. Въ его молчаливомъ, но тепломъ участіи было что-то въ высшей степени успокоительное.

Было у меня еще третье письмо, съ какимъ-то порученіемъ отъ Владиміра Ивановича Астафьева, къ его родственнику по женѣ, Кондратію Өедоровичу Рылѣеву. Теперь я имѣю поводъ думать, что порученіе это было вымышлено добрымъ Владиміромъ Ивановичемъ, съ цѣлью сблизить меня съ этимъ рѣдкимъ, по уму и сердцу, человѣкомъ. Но тогда я этого не подозрѣвалъ и явился къ Кондратію Өедоровичу не какъ проситель, а какъ посредникъ между нимъ и его острогожскимъ пріятелемъ.

Рылѣевъ въ то время управлялъ канцеляріей нашей американской торговой компаніи и жилъ въ компанейскомъ домѣ, у Синяго моста. Квартира Кондратія Өедоровича помѣщалась въ нижнемъ этажѣ. Окна ея, со стороны улицы, были защищены выпуклою рѣшеткою. Теперь домъ этотъ перестроенъ, но онъ долго былъ для меня предметомъ скорбныхъ воспоминаній и я не могъ пройти мимо безъ сердечнаго волненія. Было одно окно особенно: оно выходило изъ кабинета, гдѣ я, познакомясь ближе съ хозяиномъ, слушалъ, какъ онъ декламировалъ свою только что оконченную поэму: „Войнаровскій". Со мною вмѣстѣ слушалъ и восхищался офицеръ въ простомъ армейскомъ мундирѣ— Баратынскій.

Я не знавалъ другаго человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Средняго роста, хорошо сложенный, съ умнымъ, серьезнымъ лицомъ, онъ съ перваго взгляда вселялъ въ васъ какъ бы предчувствіе того обаянія, которому вы неизбѣжно должны были подчиниться при болѣе близкомъ знакомствѣ. Стоило улыбкѣ озарить его лицо, а вамъ самимъ поглубже заглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ сердцемъ, безвозвратно отдаться ему. Въ минуты сильнаго волненія или поэтическаго возбужденія глаза эти горѣли и точно искрились. Становилось жутко: столько было въ нихъ сосредоточенной силы и огня. Но такимъ я узналъ его позже. Теперь же, въ мое первое посѣщеніе, я, главнымъ образомъ, испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты и, вызванный на откровенность, повѣдалъ ему всю печальную

исторію моихъ стремленій и борьбы. Онъ выслушалъ ее съ большимъ вниманіемъ и тутъ же начерталъ планъ кампаніи въ мою пользу.

Его первая попытка, однако, оказалась неудачной. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ госпожѣ Данауровой, большой пріятельницѣ графа ***. Щепетильная барыня нашла неудобнымъ „вмѣшиваться въ такое щекотливое дѣло".

— Но не безпокойтесь, сказалъ Рылѣевъ, сообщая мнѣ о своей неудачѣ, мы найдемъ другіе пути. Я уже говорилъ о васъ съ моими знакомыми изъ ученаго міра. Они живо заинтересовались вами и хотятъ просить за васъ графа ***, а въ случаѣ отказа предложить ему выкупъ. Повторяю: будьте спокойны! Есть вѣрныя надежды.

Въ это свиданіе Кондратій Ѳедоровичъ посовѣтовалъ мнѣ изложить на бумагѣ главныя черты изъ моего прошлаго и принести ему, вмѣстѣ съ однимъ изъ моихъ сочиненій. Вооруженный этими документами, онъ сталъ вербовать новыхъ союзниковъ. Большую сенсацію, между прочимъ, произвела моя біографія въ кружкѣ кавалергардскихъ офицеровъ, товарищей молодаго графа * * *. Рылѣевъ былъ очень друженъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Они составили настоящій заговоръ въ мою пользу и положили сдѣлать коллективное представленіе обо мнѣ графу ***. Всѣхъ энергичнѣе дѣйствовали два офицера, Александръ Михайловичъ Муравьевъ и князь Евгеній Петровичъ Оболенскій. Неожиданный натискъ смутилъ графа ***. Онъ не захотѣлъ уронить себя въ глазахъ товарищей и далъ слово исполнить ихъ требованіе.

Чего лучше, казалось бы. И мнѣ такъ думалось. Я ожилъ, считая мое дѣло выиграннымъ. Но дни шли, не принося перемѣны. Въ канцеляріи, напротивъ, даже разнесся слухъ, что графъ ***, уступая требованіямъ дяди-генерала, готовитъ мнѣ рѣшительный отказъ. Новые страхи, новое уныніе!

Но заступники мои не дремали. Они собирали новыя силы. Слухи о моихъ превратностяхъ проникли въ великосвѣтскіе салоны. Мною заинтересовались дамы высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Чернышова, даже взялась лично атаковать за меня графа ***. Узнавъ о колебаніяхъ его, она прибѣгла къ слѣдующей уловкѣ.

У ней въ домѣ было большое собраніе. Въ числѣ гостей находился и молодой графъ ***. Графиня Чернышева подошла къ нему, съ привѣтливой улыбкой подала рука и во всеуслышаніе сказала:

„Мнѣ извѣстно, графъ, что вы недавно сдѣлали доброе дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ другія добрыя дѣла ваши. У васъ оказался человѣкъ съ выдающимися дарованіями, который много обѣщаетъ впереди, и вы дали ему свободу. Считаю величайшимъ для себя удовольствіемъ благодарить васъ за это: подарить полезнаго члена обществу—значитъ многихъ осчастливить“.

Графъ *** растерялся, расшаркался и пробормоталъ въ отвѣтъ, что радъ всякому случаю доставить ея сіятельству удовольствіе.

Въ самомъ дѣлѣ положеніе графа *** было затруднительное. Не умѣя самъ чего-нибудь сильно хотѣть или не хотѣть, привыкшій слѣдовать чужимъ внушеніямъ, онъ внезапно очутился между двухъ огней. Съ одной стороны его обычный руководитель, генералъ *** и одинъ изъ приближенныхъ слугъ въ лицѣ Дубова,—съ другой—товарищи, великосвѣтскія дамы, общественное мнѣніе.... Кому отдать предпочтеніе? Кавалергарды не пропускали ни одной встрѣчи съ графомъ безъ того, чтобы не говорить ему обо мнѣ. Бѣдный молодой человѣкъ не могъ ступить шагу безъ того, чтобы не услышать моего имени. Я, въ мою очередь, превратился въ его тирана. На выходѣ, во дворцѣ, завидѣвъ Муравьева и еще кого-то изъ товарищей, чтобы не слышать лишняго раза до смерти надоѣвшаго ему припѣва обо мнѣ, онъ поспѣшилъ самъ предупредить ихъ:

— Знаю, господа, знаю, сказалъ онъ,—знаю, что у васъ на умѣ: все тотъ же Никитенко!

— Ты не ошибся, графъ, отвѣчалъ Муравьевъ,—чѣмъ скорѣе ты съ нимъ раздѣлаешься, тѣмъ лучше.

Двадцать втораго сентября (1824 г.) товарищи графа всей гурьбой собирались къ нему справлять его имянины. Они не преминули воспользоваться и этимъ случаемъ, чтобы напомнить ему обо мнѣ. Графъ *** опять далъ и на этотъ разъ уже „категорическое и торжественное обѣщаніе отказаться отъ своихъ правъ на меня“.

Тѣмъ не менѣе въ канцеляріи не дѣлалось никакихъ распоряженій, которыя предвѣщали бы близкій конецъ моимъ терзаніямъ. Тамъ ничего не знали о давленіи на графа моихъ покро-

вителей и продолжали считать мою участь рѣшенною отрицательно. Я, изъ опасенія Дубовскихъ наушничествъ, держалъ все въ строгой тайнѣ, даже отъ Мамонтова.

Прошелъ весь сентябрь и первая недѣля октября (1824 г.). „Категорическое и торжественное“ обѣщаніе графа ничѣмъ не отличалось отъ прежняго, простаго, не обставленнаго такими громкими словами.... Нѣтъ, никакая перемежающаяся лихорадка не можетъ такъ истомить человѣка, какъ истомили меня эти поперемѣнные упадки и подъемы духа. Я не предполагалъ, чтобы графъ могъ совсѣмъ отказаться отъ своего слова, но недостойная игра его обѣщала затянуться надолго, а тамъ.... кто могъ отвѣчать за будущее?

Я рѣшился во всемъ открыться расположенному ко мнѣ Мамонтову. Ему легче нежели кому-либо было вырвать у графа, вслѣдъ за обѣщаніемъ, и необходимый документъ съ его подписью. Слушая мой разсказъ о томъ, какъ графъ былъ со всѣхъ сторонъ атакованъ, онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, какъ о погибшемъ, а теперь вдругъ увидѣлъ меня наканунѣ побѣды, и я къ нему обращался за окончательнымъ ударомъ. Очень добрый, онъ былъ также самолюбивъ. Ему польстило мое обращеніе къ нему въ послѣднюю минуту и онъ обѣщалъ свое содѣйствіе.

Насталъ великій для меня день 11-го октября 1824 г. Мамонтовъ по обыкновенію явился утромъ къ графу съ докладомъ и ловко навелъ рѣчь на меня. Едва произнесъ онъ мое имя, графъ нетерпѣливо перебилъ его: Что мнѣ дѣлать съ этимъ человѣкомъ? съ раздраженіемъ заговорилъ онъ, я на каждомъ шагу встрѣчаю ему заступниковъ. Князь Голицынъ, графиня Чернышева, мои товарищи офицеры, всѣ требуютъ, чтобы я далъ ему свободу. Я вынужденъ былъ согласиться хотя и знаю, что это не понравится В. С. Ш [1]).

Мамонтовъ сталъ тонко, осторожно доказывать, что голосъ общественнаго мнѣнія сильнѣе единичнаго, хотя бы и принадлежащаго лицу близкому, и потому необходимо поскорѣй удовлетворить первое. Главное было склонить графа, чтобы онъ тутъ же, на мѣстѣ, ни съ кѣмъ больше не видясь и не совѣтуясь,

---

[1]) Родственникъ графа ***, его однофамилецъ, генералъ. Ред.

приказалъ написать отпускную. Не безъ усилій, но это удалось умному, доброму Мамонтову. Въ заключеніе графъ замѣтилъ:

„Однако этому молодому человѣку все таки надо хорошенько намылить голову за то, что онъ надѣлалъ столько шуму. Точно я не могъ, самъ по себѣ, сдѣлать того, что теперь дѣлаю изъ уваженія къ другимъ“.

Мамонтовъ не заставилъ себѣ повторять приказанія на счетъ отпускной. Онъ немедленно ее выправилъ и представилъ къ подписи.

Вся канцелярія поднялась на ноги. Дѣла были забыты. Мои пріятели толпой явились ко мнѣ въ комнату, меня поздравлять и чествовать. Одинъ Дубовъ держался въ сторонѣ. Жаль! Я и ему охотно протянулъ бы руку: его козни не удались, а я былъ такъ счастливъ!

Я отказываюсь говорить о томъ, что̀ я пережилъ и перечувствовалъ въ эти первыя минуты глубокой потрясающей радости... Хвала Всемогущему и вѣчная благодарность тѣмъ, которые помогли мнѣ возродиться къ новой жизни!

А. В. Никитенко.

КЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ

1820—1830 гг.

XXVIII [1])

Петръ Александр. Мухановъ къ А. О. Корниловичу.

11-го апрѣля (1824 г.).

На письмо твое отъ 8-го февраля не отвѣчалъ потому, что былъ въ походахъ и получилъ его по возвращеніи. Благодарю тебя за оное, тѣмъ болѣе, что ты, роясь въ своихъ старыхъ бумагахъ, находишь минуты свободныя писать или отвѣчать на мои письма. Надѣюсь, что ты получилъ мое предлинное и, по крайней мѣрѣ, извлекъ хоть что нибудь любопытнаго. Послѣдняя книжка Архива служитъ явнымъ доказательствомъ, что ты усердный сотрудникъ Булгарина. Я думаю, что изъ Кожуховскаго похода ты могъ бы извлечь что нибудь для Русской Старины [2]). Потѣшный походъ сей служитъ также образцомъ военныхъ занятій стараго времени и тѣмъ болѣе достоинъ вниманія, что въ невѣжественное время служилъ онъ для образованія войскъ въ военномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ нынѣ служатъ наши лагери для изнуренія оныхъ.

Не оставляй своего намѣренія касательно изданія Русской Старины [3]). Я весьма буду радъ, увидѣвъ моего дѣдушку героемъ одной

---

[1]) См. „Русск. Старину" изд. 1888 г., томъ LX, октябрь, стр. 149—168; ноябрь, стр. 311—332.

[2]) Въ № 5 „Сѣвернаго Архива" 1824 г. напечатана статья Корниловича: „Извѣстія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I, а особенно о Кожуховскомъ походѣ".

[3]) Корниловичъ издалъ въ концѣ 1824 г. (цензурн. разрѣшеніе 9-го августа) „Русскую Старину, карманную книжку для любителей отечественнаго на 1825 годъ". В. Я.

страницы. Но дѣдъ мой, служа во флотѣ, плохо танцовалъ и на маскарадахъ не бывалъ. Воспитанный въ Голландіи, онъ промѣнялъ всѣ увеселенія на математику и навигацію; особенно великую имѣлъ приверженность къ Эквлидову проблему, который первый онъ ввезъ въ Россію. Ему поручено было написать наставленіе морскимъ офицерамъ, въ которомъ изложилъ онъ необходимыя правила математики, астрономіи и навигаціи (рукопись сія сохранилась). Часто имѣлъ онъ большія распри съ Петромъ, который самъ сознавался, что [дѣдъ] зналъ лучше его оснастку корабля, а въ наукахъ, нужныхъ моряку, отдавалъ первенство русскому голландцу. Не помню, какимъ онъ судномъ командовалъ. Н. Бестужевъ скажетъ тебѣ. Но одинъ разъ послѣ обѣда вышелъ у нихъ большой споръ, который положено было разрѣшить на морѣ. Дѣдъ мой командовалъ кораблемъ, Петръ былъ лейтенантомъ, и мой старикъ одержалъ верхъ, за каковое преимущество царь подарилъ корабль образомъ Спаса, который и понынѣ находится въ семьѣ нашей, а въ память того, что онъ спалъ въ одной каютѣ съ моимъ дѣдомъ, онъ далъ ему свою рубашку, которая и теперь цѣла. Вотъ все, что я знаю о старинѣ и что я читалъ въ письмахъ Петра къ нему; не имѣя ихъ подъ глазами, не могу сообщить подробности, но воображеніе часто замѣняетъ документы. Я знаю только, что было много народу и почетныхъ особъ на состязаніи, что послѣ много пили и что старикъ зналъ навигацію очень хорошо.

Но поговоримъ о внукѣ. Отъѣздъ мой въ Петербургъ отложенъ потому, что у насъ корпусъ весь собирается и будутъ большіе маневры.

У меня есть кое-какіе стихи Пушкина, которые, по дружбѣ къ тебѣ, желалъ бы переслать, но боюсь измѣною своего слова разсердить волшебника. Весьма сожалѣю, что не скоро увижусь съ тобой, надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ты хоть изрѣдка будешь ко мнѣ писать, и тѣмъ болѣе, что, занимаясь стариной, долженъ заниматься старыми своими друзьями. П. Мухановъ.

Всѣмъ общимъ пріятелямъ поклонъ.

Скажи Плетневу, А. Бестужеву и братьямъ Пушкина и Туманскаго, что есть у меня къ нимъ письма отъ волшебника и Туманскаго; не знаю какъ переслать, жду человѣка, вѣрнѣе почты.

(Сверху письма помѣта: отвѣч. 2-го мая).

XXIX.

И. И. Дмитріевъ къ А. А. Бестужеву.

Москва. 1824 г. мая 15-го.

М. г. мой Александръ Александровичъ! Вслѣдъ за послѣднимъ письмомъ, которое имѣлъ удовольствіе отъ васъ получить, я отправилъ на ваше имя два экземпляра моихъ стихотвореній: одинъ для васъ, а другой для г. Рылѣева. Тогда же и писалъ къ вамъ по легкой почтѣ. Это было еще въ январѣ или февралѣ; нынѣ же, къ удивленію моему, я получилъ изъ П. П. (петербургскаго почтамта) посылку мою обратно, будто за неотысканіемъ вашей квартиры. Препровождая къ вамъ ее въ другой разъ уже съ большею осторожностью, я покорнѣйше прошу васъ и почтеннаго вашего сотрудника принять мои экземпляры знакомъ искренняго моего къ обоимъ уваженія и не вмѣнить мнѣ въ неучтивость, что я не сдѣлалъ на нихъ своеручнаго надписанія. Одна только скромность удержала руку мою; къ сочиненіямъ моимъ приложена и моя біографія, въ которой любезный авторъ, увлеченный пріязнію, возноситъ меня не по мѣрѣ заслугъ моихъ [1]).

Примите равно и свидѣтельство искренняго моего почтенія и преданности, съ какою навсегда имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Дмитріевъ.

P. S. Если вы расположите когда почтить меня вашимъ письмомъ, то я прошу васъ на всякій случай вашъ адресъ: имя улицы и хозяина квартиры; также увѣдомьте меня и о томъ, полученъ ли вами отвѣтъ мой на послѣднее ваше письмо.

---

[1]) Къ сочиненіямъ Дмитріева была приложена біографія его, написанная кн. Вяземскимъ, см. выше, примѣч. къ письму № VI.—Что Вяземскій пристрастно относился къ Дмитріеву, ставилъ его слишкомъ высоко, хорошо видно изъ приведеннаго выше письма его, № XXVI. В. Я.

XXX.

Петръ А. Мухановъ къ А. О. Корниловичу.

29-го мая (1824 г.?).

Спѣшу увѣдомить тебя, какъ ученаго любителя древностей, что вчера сдѣлано здѣсь весьма драгоцѣнное открытіе. Близь Михайловскаго монастыря, что на старомъ Кіевѣ, здѣшній мѣщанинъ, возвращаясь домой, внезапно провалился и почувствовалъ подъ ногою сосудъ; взявъ его, онъ нашелъ разныя вещи чрезвычайной древности. Не желая пропустить почты, я не имѣю время подробно описать все, но на будущей приложу тебѣ описанія и рисунки.

1. Круглая золотая дощечка въ 1 вершокъ въ діаметрѣ, края оной имѣютъ кайму филиграппой работы и съ небольшими камешками; на серединѣ дощечки изображенъ портретъ, вѣроятно, Владиміра, ибо въ рукѣ у него крестъ. Портретъ сей сдѣланъ не изъ финифти или эмали, но работы мозаической; сверху сего кружка придѣлана на шарніерѣ кругленькое ушко.

2. Два позолоченыя украшенія, въ видѣ серьги. На оныхъ по обѣимъ сторонамъ изображенъ звѣрь съ длиннымъ хвостомъ и рогами, работы мозаической; верхняя часть отпирается; сверху другое кольцо съ возвышеніями филигранной работы.

3. Крестъ каменный, обдѣланный въ золото; по концамъ онаго обыкновенныя слова Іс. Хр., славянскія; въ серединѣ была надпись, но отъ времени остались только три или четыре буквы славянскія.

4. Большой перстень филигранной работы.

Всѣхъ вещей я еще не видалъ, но надѣюсь прислать вѣрный рисунокъ [1]) оныхъ къ Булгарину, нынѣ же совѣтую объявить вкратцѣ, ибо открытіе весьма важно и любопытно. Оно сдѣлано 26-го мая вечеромъ. Мухановъ.

---

[1]) Въ письмѣ тоже сдѣланы три рисунка отъ руки, вѣроятно, по памяти.
В. Я.

XXXI.

И. Красовский къ А. О. Корниловичу.

13-го іюня 1824 г.

М. г. мой Александръ Осиповичъ! Поспѣшаю отвѣчать вамъ на письмо, которое имѣлъ я честь получить отъ васъ сегодня.

Прочитавъ съ удовольствіемъ рецензію вашу на любопытное сочиненіе г. Лаво, я немедленно пропустилъ ее къ напечатанію въ «Сынѣ Отечества»; только на нѣкоторыя мѣста оной, кои, по мнѣнію моему, могли бы не понравиться русскимъ, осмѣлился написать карандашомъ свои замѣчанія, полагая, что издатель «Сына Отеч.» сообщитъ вамъ оныя, прежде напечатанія вашей статьи. Въ первомъ замѣченномъ мною мѣстѣ, въ которомъ я находилъ отзывъ г. Лаво въ пользу Россіи, меня, дѣйствительно, остановило возраженіе ваше противъ онаго, будто Россія переносила иго иноплеменныхъ безъ ропота, и будто она какъ бы совершенно потеряла силы свои. Я подумалъ, что въ изданіи, имѣющемъ названіе Сына Отечества и наиболѣе читаемомъ русскою публикою, такое утвержденіе можетъ показаться предосудительнымъ для духа русскихъ, духа народнаго, составляющаго нравственную или главную силу всякаго государства, которую трудно отвергнуть историческими событіями тѣхъ временъ, о коихъ идетъ рѣчь: ибо Россія сама свергла съ себя иго татаръ, для чего необходима была, сверхъ нравственной, и физическая сила; а сверженіемъ ига татаръ, дѣйствительно, поставлена преграда успѣхамъ завоевателей. Такія имѣлъ я мысли при бѣгломъ чтеніи вашей статьи. Посему я и предложилъ Николаю Ивановичу (Гречу), не разсудитъ ли онъ предоставить вамъ показать двѣ причины, останавливавшія губительный потокъ монголовъ. На сіе мое замѣчаніе Николай Ивановичъ не сдѣлалъ никакого возраженія. Посему мнѣ крайне жаль, что въ опроверженіи вашемъ отзыва г. Лаво о силѣ Россіи сдѣлана перемѣна вовсе безъ вашего вѣдома. По моему мнѣнію, лучше было бы отложить печатаніе вашей статьи до другаго времени, но помѣщеніемъ статей въ Сынѣ Отечества не я располагаю.

Хотя, впрочемъ, я не думаю, чтобы Николай Ивановичъ, литераторъ, столько извѣстный основательнымъ знаніемъ русскаго языка, допустилъ въ своемъ изданіи перемѣну, въ которой нѣтъ теперь никакого смысла; однако-жъ, я готовъ сдѣлать вамъ возможное удовлетвореніе, только послѣ личнаго съ вами объясненія о вашей

статьѣ, при которомъ я желалъ бы показать вамъ ее въ рукописи и самъ взглянуть на книгу г. Лаво. Завтра, послѣ завтра и въ среду я буду дома до 2-го часа пополудни, слѣдственно вы еще успѣете напечатать нѣсколько строкъ въ слѣдующей книжкѣ «Сына Отеч.», потому что и ваша статья, занимающая два листа письма, могла быть напечатана послѣ середы на прошедшей недѣлѣ.

Впрочемъ, оставляя вамъ, милостивый государь мой, совершенную свободу дѣйствовать по вашему разсужденію, я не нахожу причины опасаться огорчительныхъ для меня послѣдствій отъ жалобы на такой поступокъ, въ которомъ мнѣ не трудно будетъ оправдать себя предъ начальникомъ-патріотомъ, знающимъ трудность цензорской должности.

Примите мое искреннее сожалѣніе о непріятномъ для васъ и для меня случаѣ и вмѣстѣ съ онымъ изъявленіе совершеннаго почтенія, съ которымъ имѣю честь быть и проч. Александръ Красовскій [1]).

XXXII.

Д. Н. Блудовъ къ М. Ф. Митькову [2]).

Маріенбадъ. 11-го (23-го) сентября 1824 г.

Не знаю, любезнѣйшій Михаилъ Фотичъ, ждете ли вы насъ или моего письма; но я уже не смѣю сказать вамъ: подождите еще немножко. Съ самаго того времени, какъ мы разстались, жена моя въ постелѣ, такъ и такимъ страшнымъ образомъ больна, что мы доселѣ не можемъ назначить дня для своего отъѣзда отсюда, и даже не знаемъ еще, поѣдемъ ли въ Мангеймъ, или должны будемъ искать другаго, ближайшаго убѣжища, да и до него добираться весьма

---

[1]) Въ № 27 Сына Отечества 1824 г., стр. 77, напечатана статья Корниловича о книгѣ: Guide du voyageur à Moscou, par le Cointe de Laveau, M. 1824. Мѣсто, исправленное Красовскимъ, читается въ статьѣ такъ: „Мы съ этимъ несогласны. Не только силы Россіи, долгое время переносившей иго иноплеменныхъ завоевателей, служили опорою для запада, но и внутренніе раздоры въ самой Ордѣ“. Въ № 44, стр. 169, напечатана статья, въ которой Н. Полевой нападаетъ на рецензію Корниловича и на книгу Лаво, а въ № 45 находится отвѣтъ Корниловича. Книга Лаво тогда же вышла въ русскомъ переводѣ: Путеводитель въ Москвѣ, изданный С. Глинкою сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво. М. 1824 г.

[2]) Въ этомъ же собраніи есть письмо тоже изъ Маріенбада, августа 1824 г., адресованное М. Ф. Митькову въ Карлсбадъ; оно малоинтересно по содержанію; подпись неразборчива, кажется, Тургенева. Письмо это даетъ возможность опредѣлить, къ кому писано письмо Блудова, не дающее фамилію Митькова. В. Я.

тихими шагами... И слѣдовательно, я принужденъ отказаться отъ мысли, которая меня такъ плѣняла, еще нынѣшнею осенью заглянуть въ Швейцарію, видѣть водопадъ Шафгаузенскій, озеро Констанцкое, Нейшательское, Женеву, Леманъ и долину Шамунiйскую, и видѣть все это вмѣстѣ съ вами. Какъ быть! Хотя и больно, однако, по всей вѣроятности, надобно сказать прости сей надеждѣ, надобно сказать и вамъ: прощайте, уже не такъ, какъ въ Маріенбадѣ, до близкаго свиданія, а Богъ вѣсть доколѣ. Теперь всѣ мои дальнѣйшіе планы будутъ зависѣть отъ здоровья, т. е. отъ нездоровья бѣдной жены моей.

Она вамъ усердно кланяется и, не смотря на свою почти ужасную слабость, хотѣла бы ѣхать въ Мангеймъ.

Еще разъ прощайте, любезнѣйшій Михаилъ Фотичъ; не забывайте насъ и не переставайте вѣрить моей искреннѣйшей къ вамъ преданности. Вашъ Д. Блудовъ.

P. S. Я, по условію, долженъ былъ писать къ вамъ въ прошедшую субботу; но, право, не могъ отъ нездоровія и безпокойства.

XXXIII.

Петръ А. Мухановъ къ А. О. Корниловичу.

Воронежъ. 26-го ноября (1824 г.?).

Любезный Корниловичъ, на прошедшей почтѣ отправилъ я тебѣ свою статью; прошу, если пройдетъ черезъ цензуру, напечатать только до флангового марша русскихъ, ибо въ немъ я намѣренъ сдѣлать нѣкоторую перемѣну и открыть маленькое заблужденіе военныхъ людей на сей предметъ. Жизнь, которую я веду, меня восхищаетъ: я получилъ книги генеральской библіотеки, и былъ болѣе радъ, чѣмъ Безбородко, получившій ключъ на . . . .

Сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ Алексѣя, соч. Корниловича, формуляръ Фигнера и, если можно, географическія твои тетради, которыя мнѣ будутъ необходимы, ибо я, овладѣвъ или получа довѣріе начальника штаба, работаю объ учрежденіи юнкерской школы, гдѣ буду учить географіи и высшимъ наукамъ. Въ непродолжительномъ времени доставлю тебѣ Совѣтъ о сдачѣ Москвы, гдѣ много будетъ новаго и достовѣрнаго, лишь бы пропустила цензура. Равно какъ и военно-статистическія записки объ южныхъ нашихъ губерніяхъ приведены мною къ концу, и первая тетрадь уже въ перепискѣ. Мнѣ бы весьма хотѣлось доставить что нибудь Соревнующимъ. Прошу тебя,

съ совѣта Булгарина, кой что вымарать и поправить слогъ и больше смотрѣть за исправнымъ печатаньемъ. Ибо въ Фридрихѣ много ошибокъ [1]). Не знаю, отчего забылъ меня Булгаринъ, отчего не нравится ему описаніе колоній, отчего не пишетъ ко мнѣ, зачѣмъ не присылаетъ Архива.

Ты малымъ чѣмъ лучше его, но надѣюсь, что исправишься. Я теперь въ поѣздкѣ по смотру корпуса и ужасно похудѣлъ отъ трудовъ, заботъ и дѣла. Всѣмъ помнящимъ меня кланяйся. Прощай. П. Мухановъ.

Пиши въ Кіевъ.

(Адресъ: Его высокоблагородію Александру Осиповичу Корниловичу, въ С.-Петербургѣ, въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера штаба его императ величества).

XXXIV.

П. А. Мухановъ къ Ѳ. В. Булгарину.

Кіевъ. 16-го февраля (1825 г.).

Любезный Булгаринъ, благодарю тебя за письмо твое, которое, совершивъ путешествіе, подобное добродушному Цыпульскому, наконецъ, прибыло въ Кіевъ. Подвиги Цыпульскаго [2]) пріобрѣлъ я партизанскимъ образомъ въ Москвѣ... и если ты хочешь сдѣлать доброе дѣло, то отпечатай нѣсколько экземпляровъ особо и пусти въ продажу въ пользу бѣднаго русскаго Жоконды, у котораго отечественными морозами отнято средство странствовать—сирѣчь... отморожены пальцы... онъ слишкомъ легко одѣлся. Отдай Сленину на продажу и, что будетъ выручено, отошли въ Москву Степану Дмитр. Нечаеву, который тамъ записной благотворитель.

Благодарю тебя за обѣщанія доставлять мнѣ три журнала журналистовъ близнецовъ и прошу тебя присылать ихъ въ Кіевъ, а въ знакъ благодарности къ твоимъ щедротамъ и къ тому, что ты вспоминаешь иногда кіевскаго отшельника, посылаю тебѣ письмо знаменитаго Ломоносова къ Ив. Ив. Шувалову. Прошу тебя напеча-

---

[1]) Нѣчто о Наполеонѣ и Фридрихѣ II. Съ англ. П. Мухановъ. „Сынъ Отечества“ 1823 г., № LXXXVI, стр. 74.

[2]) Кажется, Мухановъ ошибся въ имени: въ №№ 8 и 9 Сѣвернаго Архива 1825 г. напечатаны „Необыкновенныя похожденія и путешествія русскаго крестьянина Дементія Иванова Цикулина въ Азіи, Египтѣ, Восточной Индіи съ 1808 по 1821 г., имъ самимъ описанныя“, и внизу замѣчено: „рукопись сія сообщена намъ изъ Москвы почтеннымъ П. А. Мухановымъ“. В. Я.

тать оное въ одномъ изъ журналовъ и приономъ приложи объявленіе, не именуя меня.

Въ бытность мою въ Москвѣ, Полевой познакомился со мной,—мы говорили о тебѣ,—и я знаю, что онъ совершенно хотѣлъ сохранить дружбу и миръ съ вами, какъ по доброму прежнему знакомству, такъ болѣе изъ политики, изъ разсчета, чтобъ его не задѣли. Я знаю даже, что онъ много дѣлаетъ, чтобы усмирить гнѣвъ издателей Мнемозины [1]), ибо они сильно возстали на тебя, вооружились перьями и злыми намѣреніями,—и Полевой старался ихъ унять. Жаль, любезный другъ, что отъ физики своей, отъ многокровія,—слишкомъ рѣшительно, откровенно и даже дерзко напалъ на нихъ и изъ остраго словца ты сказалъ нестерпимую грубость Одоевскому и Кюхельбекеру, привелъ въ насмѣшку публично его несчастія, которыхъ виною единственно его благородная душа. На кавказскаго воробья не постыдился напасть кавказскій проконсулъ. Зачѣмъ же въ литературныхъ битвахъ напоминать гоненія, почти всегда несправедливыя, и мщеніе, всегда отвратительное и постыдное, когда мститъ сила на человѣка безпокровнаго. Не думай, чтобы я омосковился и хотѣлъ тебя укорять, чтобы выставить другихъ. Я знаю ихъ обоихъ. Одоевскій (кн. Вл. Ѳед.) молодой человѣкъ, любящій ученіе, безъ разбору, всякаго рода,—философію, литературу, медицину и генералъбасъ; у него рано рука зачесалась,—чортъ дернулъ,—сталъ писать, и поэтому часто въ его повѣстяхъ говорится о черепѣ и жилахъ... Но Кюхельбекеръ человѣкъ благородный, съ душой, съ странностями и съ горемъ... вотъ заслуги и право на уваженіе. Впрочемъ, Полевой за все берется, во всѣхъ имѣетъ нужду, его, можетъ быть, можно будетъ осадить, чтобы молчалъ. И не открывая ему нашей переписки, посовѣтую не задѣвать васъ и не дразнить близнецовъ, которые хороши, покуда не раздразнены и не разсердились.

Весьма сожалѣю о твоей ссорѣ съ Рылѣевымъ [2]); нельзя ли помириться? Жаль мнѣ особенно потому, что ты, сколько я вижу изъ твоего письма, имѣешь о немъ справедливое мнѣніе,—и, уважая другъ друга, вы ссоритесь.

Корниловичу весьма кланяюсь и прошу извиненія за то, что по сю пору не писалъ, но былъ весьма занятъ; въ Москвѣ сестру замужъ отдавалъ, Журналъ Военный издавалъ, объѣзжалъ свои вла-

---

[1]) См. примѣчаніе къ № XXXVII.

[2]) Подробности объ этой ссорѣ см. въ перепискѣ Рылѣева и Булгарина. Соч. Рылѣева, Спб., изд. второе, стр. 214—223. В. Я.

дѣнія,—и другія причины; но моя Herzlichkeit къ нему не перемѣнилась. Скажи, чтобы прислали Старину.

Напрасно ты думаешь, что Полевой съ Воейковымъ въ дружбѣ. Я знаю, что въ Телеграфѣ будетъ даже статья Литературный Макаръ на Оленина и на него. Впрочемъ, Богъ знаетъ.... У Полеваго нѣтъ осѣдлости, за то его легко осѣдлать.

Т.... и Линхенъ кланяюсь и надѣюсь лѣтомъ на Черной рѣчкѣ ѣсть вашего супу. Преданный тебѣ Петръ Мухановъ.

XXXV.

Нечаевъ къ А. А. Бестужеву.

Москва, 25-го мая 1825 г.

Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?

Безутѣшная твоя Людмила посылаетъ тебѣ два письма, сейчасъ полученныя. Одно изъ нихъ должно быть отъ Рылѣева, котораго ты давно прижалъ къ ретивому. Другое—отъ Иванчина Писарева [1]) прислано было безъ подписи съ тѣмъ, чтобы я начертилъ на немъ весь титулъ полярныхъ друзей. При немъ находился еще сладенькій quatrain, которымъ не могу не подѣлиться съ тобою.

Оставя плугъ, спѣшитъ тебя благодарить
Рудинской пахарь за вниманіе.
Кто оцѣнить умѣлъ твое воспоминанье,
Кто въ немъ живетъ—въ потомствѣ будетъ жить!

Каково сказано? Мнѣ ли или себѣ скропалъ онъ комплиментъ толико скромный? Но у поэтовъ свой размѣръ. Онъ давно уже меня пожаловалъ (разумѣется, въ перепискѣ съ изд. Модн. Журн.) въ русскіе Анакреоны; я былъ даже выше его взгроможденъ ихъ милостью. На повѣрку же выходитъ, что едва ли не лучше мы бы сдѣлали, если-бъ въ самомъ дѣлѣ промѣняли наши сопѣлки на борону.

Ничего новаго не могу сказать тебѣ, любезнѣйшій Алистеръ. Никого изъ знакомыхъ твоихъ не видалъ. Ты знаешь мои хлопоты, я весь въ нихъ погруженъ, и, вѣроятно, не буду знать покоя до самыхъ родовъ, или, по Одоевскому, до проявленія и осуществленія идей своихъ.

Сковалъ ли ты Кольцо свое на покойной мостовой петербург-

[1]) Въ Полярной Звѣздѣ на 1825 годъ помѣщено стихотвореніе Ник. Иванчина Писарева „Славяне". В. Я.

ской? А моя повѣсть, извѣстная тебѣ подъ названіемъ «Окошко», идетъ своимъ чередомъ. Не повѣришь, сколько можетъ сказать человѣкъ безъ словъ. Это будетъ вторая Жоко Полеваго [1]).

Фурсинъ наставительно напоминаетъ, что пора пить чай. Машинально тащитъ меня на верхъ, но тамъ пусто, какъ въ головѣ поэта Волкова. Огорченный песикъ самъ къ тебѣ приписываетъ.

Я знаю, что ты ко мнѣ писать не соберешься. По крайней мѣрѣ, когда рѣшишься опять побывать въ Москвѣ, вспомни, что у меня найдется для тебя всегда небольшая комната и трубка табаку. О дружбѣ моей говорить не люблю. Догадливый меня пойметъ и самъ, а кто не разгадаетъ, счастливый ему путь. Прости! Твой Нечаевъ [2]),

Твое «Горе отъ ума» отдалъ я для пересылки Ширяеву. Поклонись отъ меня другу Грибоѣдову и Кондратью Ѳедоровичу.

(Внизу нѣсколько чернильныхъ пятенъ, какъ бы отъ собачьей лапы, и помѣта: подпись Фурсина).

XXXVI.

А. П. Ермоловъ къ А. А. Бестужеву.

7-го іюня 1825 г. Тифлисъ.

М. г. Александръ Александровичъ! Не удивляйтесь столь медленному изъявленію признательности за лестное весьма вниманіе ваше ко мнѣ, которое угодно было оказать препровожденіемъ книги Полярная Звѣзда, въ изданіи коей участвуете вы столько же блистательнымъ, какъ и полезнымъ образомъ. Давно весьма имѣлъ я честь писать къ вамъ, но за отсутствіемъ изъ Москвы пріятеля, которому поручилъ я представлять вамъ письмо мое, оно возвращено было ко мнѣ. Вотъ причина медленности со стороны моей, которая, конечно, пріобрѣтетъ мнѣ снисхожденіе ваше.

Съ истиннымъ удовольствіемъ повторя благодарность мою, я прошу покорнѣйше сообщить оную достойному сотруднику вашему господину Рылѣеву. Имѣю честь быть съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ милостиваго государя покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

---

[1]) Въ „Моск. Телеграфѣ“ 1825 г. Полевой помѣстилъ переводъ: „Жоко, индійская повѣсть, сочиненная Пужаномъ“.

[2]) Во второй книжкѣ Полярной Звѣзды напечатано стихотвореніе Нечаева „Сирота“, а въ третьей „Воспоминанія“. В. Я.

XXXVII

Кн. В. Ѳ. Одоевскій къ В. К. Кюхельбекеру.

Москва. 25-го іюня, четвергъ (1825 г.).

Я пропустилъ двѣ почты, Вильгельмъ, — и ты, я думаю, за это жестоко бранишь меня. Но я не хотѣлъ тебя мутить пустыми, невѣрными обѣщаніями и хотѣлъ дождаться того времени, въ которое бы могъ тебѣ написать: сегодня получаю билетъ, послѣ-завтра книга будетъ раздаваться, и это время — сегодня, т. е. 25-го іюня, четвергъ. Покоенъ-ли ты теперь? [1]). Экземпляры Дельвигу и прочимъ 3-й части—находятся у Сленина, туда пошлется и 4-й. Это все хорошо, но я намѣренъ разсказать тебѣ нѣчто лучшее: Булгаринъ, кажется, опредѣлился ко мнѣ въ литературные адъютанты или церемоніймейстеры,—встрѣчаетъ и провожаетъ каждое мое произведеніе [2]). Недавно мнѣ показывали одну статью его въ С. Арх.,—названную, кажется, Небылицы или иначе какъ-то, не помню, — въ которой онъ заставляетъ одно каррикатурное лицо говорить почти то же, что я говорю въ окончаніи 4-й части Мн.; я предвижу его намѣреніе: не имѣя средствъ отвѣчать на мой рѣзкій отвѣтъ ему, Булгаринъ хочетъ отдѣлаться шуткою и сослаться на чудное сходство моихъ словъ съ словами его каррикатурнаго лица. Это все прекрасно и весьма тонко; но теперь спрашивается, гдѣ видѣлъ онъ 4-ю часть Мнемозины? Единственный экземпляръ оной былъ посланъ къ

---

[1]) „Мнемозина“ должна была выйти въ 1824 году въ четырехъ книгахъ, но издатели запоздали, такъ что четвертая книга вышла только въ срединѣ 1825 года, хотя цензурное разрѣшеніе было дано еще 13-го октября 1825 г.

[2]) Между издателями „Мнемозины“ съ одной стороны, Гречемъ и Булгаринымъ съ другой,—возгорѣлась самая жаркая полемика. См. „Мнемозины“ II кн. Отвѣтъ г. С. на его разборъ 1-й части „Мнемозины“ В. Кюхельбекера; III кн. Разговоръ съ Ѳ. В. Булгаринымъ, В. Кюхельбекера, Прибавленіе къ предыдущему разговору, кн. Одоевскаго, Примѣчанія къ замѣчаніямъ на статью журнальныя статьи, Одвск.; IV кн. Короткій отвѣтъ кн. Одоевскаго г-ну Булгарину; Замѣчанія на письмо къ издателю Литературныхъ Листковъ —ій—ова. См. „Сынъ Отечества“ 1824 г., № 15, статья С... о 1-й книгѣ Мнемозины; № 42-й—о III книгѣ Мнемозины, статья Греча; 1825 г., № 1, стр. 58, въ статьѣ Ж. К.—Литературные листки 1824 г. № 15, о II кн. Мнемозины, статья Ѳ. Б.; № 21 и 21-е письмо—ій—овъ. — Сѣверный Архивъ 1825 года, № 10—12, Небылицы, статья Булгарина.—См. выше въ письмѣ XXXIV отзывъ П. А. Муханова. В. Я.

тебѣ съ Бестужевымъ, который далъ мнѣ честное слово не показывать его никому, почему я увѣренъ, что онъ не показывалъ его Булгарину; если и ты не показывалъ, то я долженъ непремѣнно заключить, что мой адъютантъ досталъ экземпляръ — непозволеннымъ образомъ. Увѣдомь меня о семъ.

Что? отвѣчаетъ-ли О. Сомовъ—Пиладу Бѣлугину? Не ужъ-ли будетъ молчать? Въ такомъ случаѣ я тряхну стариною и вступлюсь за него, ибо статья его мнѣ очень нравится. Читалъ-ли ты мою? Что о ней скажешь? Хочешь-ли знать, кто Бѣлугинъ, т. е. М. Дмитріева Пиладъ? Писаревъ—переводо-сочинитель водевилей [1]).

Но довольно о литературныхъ и всякихъ пакостяхъ, онѣ мнѣ надоѣли пуще декокта, который теперь принимаю. Я никуда не ѣзжу и почти никого къ себѣ не пускаю; живу на Прѣснѣ въ загородномъ домѣ, и весь кругъ физической моей дѣятельности ограничивается заборомъ домашняго сада. За то духовная горитъ и пылаетъ. Что же я дѣлаю? спросишь ты. Многое, многое! Погоди,—скоро все узнаешь.

На сихъ дняхъ получилъ я отъ Грибоѣдова изъ Кіева письмо... [вырвано]. Онъ, видно, въ хорошемъ расположеніи духа... [вырвано] и восхищается кіевскими древностями. Онъ отправляется на кораблѣ въ Имеретію и оттуда къ Ермолову.

Поцѣлуй за меня брата Александра, скажи, что не пишу къ нему потому, что боюсь опоздать въ цензуру, и попроси его, чтобы онъ меня увѣдомилъ, правда-ли, что, какъ носятся здѣсь слухи, онъ будетъ сюда въ Москву. Какъ бы мнѣ хотѣлось этого! Прощай! спѣшу! Твой Вл. Одоевскій.

Адресъ: Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру.

Тутъ же приписка: Селивановскій [2]) писалъ къ тебѣ,—онъ у меня взялъ адресъ.

Затѣмъ другою рукою: противъ церкви Спаса Преображенія, въ домѣ Апойщикова, № 462.

---

[1]) Полемика по поводу „Горе отъ ума" Грибоѣдова; Орестъ Сомовъ защищалъ эту комедію отъ нападокъ Михаила Дмитріева, а за послѣдняго вступился Пиладъ Бѣлугинъ. Статья Сомова въ „Сынѣ Отечества" 1825 г., № 10, статья М. Дмитріева „В. Европы" 1825 г., № 6, статья Бѣлугина „В. Евр." 1825 г., № 10. Статья Дмитріева была вызвана статьею „Моск. Телеграфа" 1825 г., кн. 2. За О. Сомова вступился У. У., которому снова возражалъ Бѣлугинъ (т. е. Писаревъ), „В. Евр." 1825 г., № 23 и 24.

[2]) Московскій типографъ. [В. Я.

XXXVIII.

Гр. А. П. Толстой [1]) къ А. И. Якубовичу.

3-го іюля (1825 г.).

Нѣсколько разъ заходилъ къ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, но не находилъ дома. Желаю знать, въ какой день начнете вы операцію. Я сейчасъ ѣду въ Стрѣльну, но вы можете извѣстить меня о семъ запискою на мою квартиру, — мнѣ оную перешлютъ. Вотъ бумага, доказывающая, сколько занимается вами баронъ Дибичъ. Я буду просить васъ дать мнѣ нѣкоторое понятіе о дѣлахъ, за которыя вы были представлены, дабы я, разсказывая объ оныхъ бар. Дибичу, имѣлъ для себя выгоду показаться передъ его превосходительствомъ адъютантомъ нѣсколько любознательнымъ. Весь вашъ А. Толстой.

XXXIX.

Д. В. Давыдовъ къ А. И. Якубовичу.

24-го августа (1825 г).

Наконецъ, на два письма мои я имѣю два отвѣта отъ тебя, любезнѣйшій другъ Александръ Ивановичъ. Слава Богу, что операція кончилась счастливо, конечно терзаніе было ужасное, но я боялся болѣе нежели терзанія. Ты меня неизъяснимо обрадовалъ, и я право внѣ себя отъ радости!

Сейчасъ я отъ Ларіона Васильевича Васильчикова, который по бивачнымъ и боевымъ сношеніямъ любитъ меня какъ брата. Я его просилъ, чтобы онъ помогъ тебѣ, какъ бы онъ мнѣ помогъ—и взялъ съ него на сей счетъ слово, слѣдовательно непремѣнно явись къ нему. этого требуетъ отъ тебя моя дружба. Онъ завтра ѣдетъ въ Петербургъ.

Если будетъ сила и время, пиши, братъ и другъ любезный. Адресуй письма на Поварской переулокъ въ домъ Яновой, я еще эту квартиру не перемѣнилъ, а когда перемѣню, то увѣдомлю. Да увѣдомь

---

[1]) Кавалергардскаго полка поручикъ, гр. Толстой 3-й, адъютантъ барона Дибича. В. Я.

куда мнѣ адресовать письма къ тебѣ; гдѣ ты живешь? по сіе время не знаю.

Итакъ, прости, дай Богъ, чтобы первое письмо твое было еще пріятнѣе послѣдняго.

Когда я Васильчикову говорилъ объ операціи твоей и о томъ, что ты хвалишь оператора, онъ немедленно назвалъ Арнта.

Сипягину буду говорить о Дибичѣ какъ скоро увижу, а пока о томъ пишу къ нему. Вѣрный другъ Денисъ Давыдовъ.

XL.

Д. В. Давыдовъ къ А. И. Якубовичу.

(1825 г.).

Я слышалъ, что любезнѣйшій мой другъ Александръ Ивановичъ хочетъ пріѣхать ко мнѣ съ Петромъ Николаевичемъ Ермоловымъ верхами на персидскихъ коняхъ,—пріѣзжайте, какъ хотите, хотя на животномъ, на коемъ и ...... торжественно вступилъ въ Іерусалимъ. Только пріѣзжайте. Болѣзнь маленькаго моего сына удержитъ меня долго еще въ подмосковной. Денисъ Давыдовъ.

[Адресъ: А. И. Якубовичу].

XLI.

Д. В. Давыдовъ къ А. И. Якубовичу.

Воскресенье, (1825 г.).

Братъ Александръ Ивановичъ! Если ни къ кому не отозванъ сегодня обѣдать, пріѣзжай похлебать солдатскихъ щей у меня. Я обѣдаю ровно въ 2 часа. Денисъ Давыдовъ.

XLII.

Н. А. Маркевичъ къ К. Ѳ. Рылѣеву.

Туровка, 1825 г., сентября 25-го

М. г. Кондратій Ѳедоровичъ, на сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Александра Ѳедоровича Воейкова, въ которомъ, не совѣтуя издавать особенно сочиненій моихъ или, лучше сказать, опытовъ моихъ въ стихахъ по просьбѣ одного изъ моихъ пріятелей, онъ мнѣ

пишетъ слѣдующее: «не прошу вѣрить словамъ моимъ: сдѣлайте опытъ. Пошлите нѣсколько пьесъ Кондратью Өедоровичу Рылѣеву для помѣщенія въ «Полярной Звѣздѣ», если онъ и Александръ Александровичъ Бестужевъ найдутъ ихъ достойными напечатанія въ издаваемомъ «Альманахѣ», это добрый знакъ,—они судьи разборчивые и строгіе». Письмо не очень утѣшительное; къ счастью, я не такъ приверженъ къ моимъ стихамъ, чтобы это меня очень встревожило, и еще прежде я рѣшился не выполнить просьбы моего пріятеля и не печатать моихъ стиховъ особенно, ибо хотя небольшая бѣда быть освистану, но все непріятно. Я знаю навѣрно, что дѣти мои были бы осуждены глотать пыль въ магазинахъ Плавильщикова или Заикина. Итакъ, пусть они лучше глотаютъ пыль домашнюю; для нихъ это будетъ гораздо пріятнѣе,—и дымъ отечества сладокъ, сказалъ Карамзинъ.

Впрочемъ, меня утѣшаетъ то, что если мои стихи не слишкомъ хороши, то я первый говорю объ этомъ. Къ тому-же деревенская жизнь и главный родъ занятій и мысли о будущемъ, повидимому очень пріятномъ для меня, образѣ жизни, перебивая занятія поэзіею, извинятъ меня передъ читателями.

Que les vers ne soyent pas votre éternel emploi,—
Cultivez vos amis, soyez homme de foi.

сказалъ не помню кто изъ великихъ поэтовъ. Я не только не поступаю противъ его совѣта, но даже и слишкомъ ему придерживаюсь. Благородныя поэзія и музыка меня (разсѣиваютъ) тогда только, когда я разлучаюсь съ друзьями и тѣми людьми, которыхъ люблю искренно.

Но желая исполнить требованіе Александра Өедоровича и считая, отчасти, долгомъ дать отчетъ людямъ въ томъ, что̀ я сдѣлалъ для нихъ, живши довольно уже на бѣломъ свѣтѣ, посылаю вамъ не нѣсколько пьесъ, какъ того желалъ Александръ Өедоровичъ, а отрывокъ изъ поэмы Жизнь. Я боюсь и этимъ вамъ наскучить, не только чтобъ еще прибавить къ этому что нибудь другое и третье, и такъ далѣе.

Къ тому-же что за охота переписывать, да переписывать, зная, что почти навѣрно плоды трудовъ моихъ окажутся недостойными быть помѣщенными тамъ, гдѣ лучшія имена занимаютъ мѣсто. Я посылаю и этотъ отрывокъ на счастье; Богъ знаетъ, можетъ быть, онъ лучше, чѣмъ я думаю; въ такомъ случаѣ «Полярная Звѣзда» освѣтитъ его своимъ сіяніемъ и дастъ ему блескъ, который, впрочемъ, не будетъ ему принадлежать, а будетъ заимствованный.

До сихъ поръ я писалъ къ вамъ, какъ человѣкъ, который любитъ стихи, но знаетъ цѣну своимъ собственнымъ; теперь позвольте мнѣ вамъ писать, какъ истинный гражданинъ своего любезнаго отечества, какъ добрый малороссіянинъ. Съ тѣхъ поръ какъ я вижу свѣтъ, я жилъ въ Малороссіи и къ счастью только на три года оставлялъ ее для Петербурга; добродушіе народа, климатъ, живописныя мѣстоположенія заставляютъ ее любить и чужаго человѣка; того-же, кто родился въ ней, заставляютъ любить ее: мысль, что она есть его благословенное отечество, и привычка къ ней.

Итакъ, могу-ли я хладнокровно читать «Войнаровскаго» и «Наливайку?» Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность, почтеннѣйшій и благороднѣйшій Кондратій Өедоровичъ. Будьте увѣрены, что благодарность наша искренняя, что мы отъ души чувствуемъ цѣну трудовъ вашихъ, которые васъ и предковъ нашихъ прославятъ. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка. Примите нашу общую благодарность; вы много сдѣлали, очень много! Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на униженіе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ цѣлые народы, и они ему платятъ презрѣніемъ. Я говорю о человѣкѣ, котораго имя не стоитъ трудовъ... Рука моя не должна (принижаться), чтобы написать его. Ничтожность—вотъ одинъ удѣлъ таковыхъ людей, если они могутъ еще считаться людьми. Но слава тому, кто прославляетъ величіе души человѣческой и кому народы цѣлые должны воздавать благодарность.

«Исповѣдь Наливайки» врѣзана въ сердцахъ нашихъ и моемъ также. Будьте увѣрены въ моемъ истинномъ уваженіи и преданности, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Маркевичъ.

Адресъ: Николаю Андр. Маркевичу въ Прилуки, въ с. Туровку.

XLIII.

Н. А. Каховскій къ К. Ѳ. Рылѣеву.

Ноября 6-го, 1825 г.

Сдѣлай милость, Кондратій Ѳедоровичъ, спаси меня! Я не имѣю силъ болѣе терпѣть всѣхъ непріятностей, которыя ежедневно мнѣ встрѣчаются. Оставя скуку и неудовольствія, я не имѣю даже чѣмъ утомить голодъ: вотъ со вторника до сихъ поръ я ничего не ѣлъ. Мнѣ мучительно говорить съ тобой объ этомъ, и тѣмъ болѣе, что съ нѣкоторыхъ поръ я очень вижу твою сухость; одна только ужасная крайность вынуждаетъ меня. Даю тебѣ честное слово, что, по пріѣздѣ моемъ въ Смоленскъ, употреблю всѣ силы, какъ можно скорѣе выслать тебѣ деньги, и надѣюсь, что, конечно, чрезъ три мѣсяца заплачу тебѣ. Я не имѣю никакихъ способовъ здѣсь достать, а то, вѣрь, не сталъ бы тебѣ надоѣдать собой. Твой Каховскій.

Сообщ. **В. Е. Якушкинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ

неизданныя его стихотворенія

1830—1840 гг.

XVIII [1]).

Къ ней.

Что подаришь мнѣ—ты сказала,
Но что же въ области земной,
Что я найду, чтобъ выражало
Моей любви огонь святой?—
Какія вещи золотыя,
Какія ткани дорогія,
Къ намъ модой присланныя вновь?
Мой даръ тебѣ, моя Марія,
Моя безмѣрная любовь.

Пенза, 1-го апрѣля 1838 г.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ LX, ноябрь, стр. 469—490. Помѣщенныя въ этой книгѣ стихотворенія Н. П. Огарева всѣ напечатаны съ подлинныхъ автографовъ автора, отысканныхъ его вдовою Н. А. Тучковой-Огаревой, въ Пензенской деревнѣ. Ред.

XIX.

Ночь.

Вотъ ночь. Огни погашены,
Вездѣ въ домахъ успокоенье,
Въ глухомъ безмолвьи усыпленья
Всѣ суеты погребены.

* * *

Но я не сплю, и въ поздней ночи
Мое окно
Растворено,
Мнѣ тихо мѣсяцъ свѣтитъ въ очи
И звѣзды въ трепетныхъ огняхъ
Горятъ на ясныхъ небесахъ.
Долина дремлетъ подъ туманомъ,
И величаво возлегла
Гора надъ нею великаномъ
И тѣнь далеко навела.
И въ часъ величія ночнаго
Какъ много думъ
Рождаетъ умъ,
И чувство ясное святаго
Душѣ какъ живо предстоитъ,
И какъ свободно мысль летитъ
Въ предѣлы міра неземнаго!...

* * *

Съ бездушной массой этихъ тѣлъ
Кто сочеталъ величія идею
И ихъ раздвинулъ безъ предѣлъ
По синей ткани эмпирея?—
Гдѣ между міромъ и тобой
Душа незримая вселенной—
Завязанъ узелъ вѣковой,
Нерасторжимый, неизмѣнный?
Скажи: уму доступна-ль будешь ты
Среди безмѣрности созданья?
Ты смѣнишь-ли неясныя мечты
На прочность свѣтлаго созданья?
Или отдѣльные умы
Осуждены не знать о цѣломъ,
Жить въ заблужденьи закоснѣломъ
И тщетно рваться изъ тюрьмы
Взглянуть на Божій свѣтъ изъ тьмы?

* * *

Отвѣта нѣтъ! Но въ этотъ часъ успокоенья,
Среди безмолвія полуночной тиши,
Луны и звѣздъ въ мерцающемъ движеньи,
Земнаго міра въ величавомъ усыпленьи
Я ясно чувствую присутствіе души.
Не даромъ въ умъ тѣснятся помыслы святые,
Они не рождены мечтой:
Они суть плодъ высокой, тайной симпатіи
Между вселенною и мной.
И вѣрю въ это я мгновенье:
Мы части одного творенья,
Одной оживлены душой.
И человѣку есть призванье:
Все, все, что только есть,
Все въ область ясную сознанья
Изъ жизни внѣшней перенесть.

* * *

Когда же взоръ найдетъ блуждая
На рядъ бѣлѣющихъ домовъ,
И въ память внѣдриться готовъ
Весь жалкій шумъ людскаго края,—
Какъ станетъ грустно, тяжело!
Какъ будто все, что есть людское,
Какъ преступленіе какое
Внезапно на душу легло.
Вопросъ встаетъ передо мной:
Что если эти люди спятъ,
Какіе сны теперь летятъ,
Надъ ихъ недвижной головой?
Быть можетъ память о быломъ,
О томъ, что думалося днемъ,
Имъ снится этою порой.
Иной, быть можетъ, въ вихрѣ сновъ
Готовитъ другу страшный ковъ
И торжествуетъ надъ могилой,
Иль деньги копитъ и готовъ
Смѣяться надъ слезами вдовъ,
Нажить и хитростью, и силой.
Иль, можетъ быть, коварный льстецъ,
Онъ зритъ улыбку, наконецъ,
Въ устахъ вельможи предъ собою.
А можетъ быть иные сны
Ему коварные видны
И тѣшутъ грѣшною мечтою:
Быть можетъ, душу погубя,
Онъ видитъ съ радостью себя
Въ объятьяхъ жалкаго разврата,
И грезитъ какъ во тьмѣ ночной,
Лаская дерзкою рукой,

Цѣлуетъ онъ невѣсту брата...
Какъ это грустно, тяжело!
Какъ будто все, что есть людское,
Какъ преступленіе какое,
Внезапно на душу легло,
И мысль съ невольнымъ содраганьемъ
Опять стремится къ небесамъ—
Тамъ примириться съ упованьемъ,
Тамъ тихо ввѣриться мольбамъ!

Пятигорскъ, іюнь 1838 г.

XX.

Христіанинъ.

1.

Жизнь! много ты сулила мнѣ,
Когда я на твое призванье
Твоей обманчивой волнѣ
Ввѣрялся полонъ упованья.
Все было сладко для очей:
И небо свѣтло-голубое,
И солнце въ золотѣ лучей,
И звѣзды въ темнотѣ ночей
Съ обворожительной луною;
И въ звучно льющихся водахъ
Струи змѣистое волненье,
И на зеленыхъ берегахъ
Цвѣтовъ роскошныхъ прозябенье.
Все слухъ плѣняло той порой:
Напѣвы птички перелетной,
И шопотъ листьевъ въ часъ ночной,
И подъ разбрызганной волной
Плесканье рыбки беззаботной.
Легко дышала грудь моя,
Какъ будто ангелы слетѣли
Рукой небрежною меня
Баюкать въ дѣтской колыбели,
И мнѣ младенческіе сны
Живою кистью рисовали
Картину радостной весны...
Но въ безднахъ скрытой глубины
Дремали бури и печали.

2.

И вотъ челнокъ мой занесенъ
Далеко въ жизненное море;
Проснулась буря. Утлый онъ
Не станетъ съ грозной въ смѣломъ спорѣ,
Погибнетъ вихрями гонимъ,
Влекомъ ко дну пучины силой,
Погибнетъ онъ съ пловцемъ своимъ
И волны съ ропотомъ надъ нимъ
Заплещутъ хладною могилой.
Смотрю: кругомъ густая мгла
И небо тучами обвито,
Змѣею молнія прошла,
На мигъ все страшное раскрыто
И снова ночь. Свирѣпъ, могучъ
Во мракѣ вѣтеръ завываетъ,
И рѣдко, рѣдко изъ-за тучъ
Немногихъ звѣздъ чуть видный лучъ
Отрадно съ неба ниспадаетъ.
Вы звѣзды въ дальней вышинѣ,
Вы, спутники печальной жизни,
Во, мракѣ зла вы мнѣ однѣ
Моей заоблачной отчизны
Напоминаете края....
О! неземное упованье
Взлелѣю свято въ сердцѣ я,
И душу свѣтомъ озаря,
Пройду сквозь мглу безъ содроганья.

3.

И свѣтъ души мнѣ указалъ,
Что жизнь дана не въ наслажденье,
Чтобъ радость твердо я взгналъ
И съ вѣрой избралъ путь спасенья.
Вотъ я зажегъ въ груди моей
Огонь любви неугасимый,
И съ нимъ пройду среди морей
Житейскихъ бѣдствій и скорбей
Страдалецъ ввѣкъ непобѣдимый.
Чтобы спасти въ грозахъ земныхъ
Безсильно гибнущаго брата,
Не пожалѣю рукъ своихъ,
А если онъ ужъ безъ возврата,
Несчастный, робкою душой
Погибъ среди житейской битвы—
Удѣлъ его почту слезой

И принесу за упокой
Смиренно къ Господу молитвы.
Какъ Іисусъ я за людей
Хочу переносить гоненья,
Чтобы замолкнулъ звукъ цѣпей
И часъ ударилъ примиренья.
И все, что можетъ бѣдный умъ,
И все, что можетъ сила воли,
Всѣ, всѣ плоды трудовъ и думъ
Отдамъ, забывъ веселій шумъ,
Чтобъ братья были въ лучшей долѣ.
А если сильный изъ людей
И братства врагъ себялюбивый
Захочетъ гибели моей—
Я грудь открою терпѣливо
И брызнетъ кровь.... И можетъ быть
Всю черноту его гоненій
Успѣетъ передъ нимъ открыть,
Чтобъ могъ раскаяньемъ онъ смыть
Всѣ пятна долгихъ преступленій.

4.

И пусть мой утлый челнъ возьметъ
Тогда на зло пучина злая,—
Есть лучшій міръ! Душа живетъ
Въ немъ никогда не умирая.
Изъ горнихъ странъ, гдѣ все свѣтлѣй,
Быть можетъ полонъ состраданья,
Еще не разъ слезой моей
Я освѣжу среди страстей
Скорбящій духъ въ земномъ изгнаньѣ.

Іюль. 1838 г.
Желѣзноводскъ.

XXI.

Эолова арфа.

Фантазія нескованной стихіи,
Какъ твой печаленъ стонъ,
Какъ жалобно терзанія земныя
Высказываетъ онъ!

***

Было тихо. Воздухъ ясный
Въ безпредѣльности дремалъ,
Въ неподвижности безгласной
Звукъ безжизненно молчалъ.
Въ это время усыпленья
Вещества мятежныхъ силъ
Міръ духовъ въ самозабвеньи
Душу робкую таилъ.

* *
*

Вдругъ на югѣ вѣтеръ знойный
Тяжко, жалобно вздохнулъ,
И какъ ропотъ безпокойный
По струнамъ пронесся гулъ.
Въ это время въ міръ сознанья
Изъ обители духовъ
Душу взяли на страданье,
Дали видъ земныхъ сыновъ.

* *
*

Вотъ сильнѣе пролетаетъ
Вѣтра буйнаго порывъ
И мучительно взываетъ
Струнъ трепещущихъ отзывъ.
Вотъ на душу наложилось
Иго тяжкое страстей,
Все небесное затмилось,
Все земное дышетъ въ ней.

* *
*

Вѣтръ сильнѣе набѣгаетъ,
Вотъ рванулся по струнамъ
И съ разорванныхъ взлетаетъ
Стонъ печальный къ небесамъ:
Вотъ душа въ земномъ бореньи
Утомилась,—прахъ разбитъ
И какъ стонъ она изъ тлѣнья
Въ небеса свои летитъ.

* *
*

Фантазія нескованной стихіи,
Какъ твой печаленъ стонъ,
Какъ жалобно терзанія земныя
Высказываетъ онъ.

Пятигорскъ. Іюль. 1838 г.

XXII.

Русская пѣсня.

Была душѣ душою
Любовь красной дѣвицы,
Была душѣ душою
Ласки друга милаго.

* *
*

Но далеко дѣвица
Души разсталась съ душой,
Замерла сиротинка
Какъ травка безъ солнышка.

* *
*

Ахъ, уѣхалъ молодецъ
Въ дальнюю сторонушку,
Ему она дальняя
Родная сторонушка.

* *
*

Но безъ друга милаго
Чужая сторонушка,
И родные-то люди
Чужими становятся.

Акшино. Августъ. 1838 г.

XXIII.

Моя молитва.

Молю тебя, святое Бытіе,
Дай силу мнѣ отвергнуть искушенья
Мірскихъ суетъ, желаніе мое
Укрыть отъ бурь порочнаго волненья
И духъ омыть волною очищенья.

* *
*

Дай силу мнѣ трепещущей рукой
Хоть край поднять нѣмаго покрывала,
На истину надѣтаго тобой.
Чтобы душа, смиряясь, созерцала
Величіе предвѣчнаго начала.

* *
*

Дай силу мнѣ задуть въ душѣ моей
Огонь себялюбиваго желанья,
Любить какъ братьевъ, какъ себя—людей,
Любить тебя и всѣ твои созданья,—
Я буду твердъ подъ ношею страданья.

Акшино. Октябрь. 1838 г.

XXIV.

Больной отецъ.

Лампада тускло освѣщала
Пріютъ больнаго старика,
Гдѣ жизни чудная рѣка
Изъ непонятнаго начала
Въ безвѣстный край перетекала.
Я въ мрачныхъ погруженъ мечтахъ
Сидѣлъ безмолвно у постели
И слезы скорби на глазахъ
То высыхали, то блестѣли.
Я слушалъ, какъ старикъ вздыхалъ,
И какъ его безумный лепетъ
Давно усопшихъ призывалъ,
И у меня холодный трепетъ
Невольно въ членахъ пробѣгалъ.
О, мой отецъ! вѣнецъ страданья
Судьбы рука какъ тяжело
Тебѣ надѣла на чело
Передъ концомъ существованья!
За что? Ужель совершено,
Несчастный, столько зла тобою,
Что въ наказанье роковое
Тебѣ безумье послано?
Прости ему, о Провидѣнье,
Онъ человѣкъ, онъ слабъ бывалъ,
Томимъ желаньемъ и блуждалъ
Въ глухой ночи неразумѣнья.
Прости ему! Вѣдь часто ты
Прощаешь страшныя дѣянья,
Людьми творимыя въ незнаньи
Среди грѣховной суеты.
Прости, пошли ему, мой Боже,
Хотя единый свѣтлый мигъ,
Чтобъ жизни вѣчной онъ постигъ
Чудесный смыслъ на смертномъ ложѣ.
О! успокойся, мой старикъ,
Вѣдь милосердо Провидѣнье,

Вѣдь люди злы—Оно-жъ спасенье
Даруетъ всѣмъ безъ исключенья,
Вѣдь Богъ въ любви своей великъ.
Давай молиться! О, я знаю,
Молитва—то не звукъ пустой,
Она разноситъ смыселъ свой
И, въ внѣшній міръ его вдыхая,
Имѣетъ силу измѣнять
Въ немъ много бѣдственныхъ явленій.
Давай молиться! на колѣни
Я стану Бога умолять:
Прости, пошли ему, мой Боже,
Хотя единый свѣтлый мигъ,
Чтобъ жизни вѣчной онъ постигъ
Чудесный смыслъ на смертномъ ложѣ.
О ты, отецъ! изъ мглы скорбей
Въ небесный міръ перелетая,
Скажи тамъ матери моей,
Какъ я въ странѣ земнаго края
Люблю ее, ея не зная.

Акшино. Сентябрь 1838 г.

XXV.

Среди могилъ я въ часъ ночной
Брожу одинъ съ моей тоской,
Съ вопросомъ тайнымъ на устахъ
О томъ, что̀ духъ, о томъ, что̀ прахъ,
О томъ, что̀ жизнь и здѣсь, и тамъ,
О всемъ, что такъ безвѣстно намъ.
Но безотвѣтенъ предо мной
Крестовъ надгробныхъ темный строй.
Безмолвно кости мертвецовъ
Лежатъ на днѣ своихъ гробовъ.
И мой вопросъ не разрѣшенъ,
Стоитъ загадкой грозной онъ.

* *
*

Среди могилъ еще одна
Разрыта вновь—и вотъ она
Недавній трупъ въ себя взяла.
Еще вчера въ немъ кровь текла,
Дышала грудь, душа жила,
Еще вчера моимъ отцомъ
Его я звалъ—сегодня въ немъ
Застыла кровь, жизнь замерла,
И гдѣ душа, куда ушла?

Боялась робкая рука
Коснуться трупа хоть слегка,
Такъ страшенъ холодъ мертвеца,
Такъ блѣдность мертваго лица,
Закрытый взоръ, сомкнутый ротъ
Наводятъ страхъ на умъ. А вотъ
И гробъ, и тѣло въ немъ
Закрыто крышкой и гвоздемъ
Три раза крѣпко по бокамъ
Заколочено... Душно тамъ,
Въ могилѣ душно подъ землей....
Ничтожество! О, Боже мой—
Ничтожество—и вотъ конецъ
И вотъ достойнѣйшій вѣнецъ
Тому, кто силенъ мыслью жилъ,
И кто желалъ, и кто любилъ,
Страдалъ и чувствовалъ въ свой вѣкъ
И гордо звался—человѣкъ.

* *
*

А я любилъ его. Межъ мной
И имъ таинственной рукой
Любви завязанъ узелъ былъ.
Отецъ! о я тебя любилъ,
Скажи-жъ, мертвецъ, скажи же мнѣ,
Что есть душа? И въ той странѣ
Живешь-ли ты? Нашелъ-ли тамъ
Ты мать мою? Пришлось-ли вамъ
Обняться снова и любить?
И вѣчно-ль будете вы жить?

* *
*

Сомнѣнье вѣчно! Знанья нѣтъ!
Все сумерки.... Когда же свѣтъ?
Сомнѣнье! Боже, какъ я малъ,
Ничтоженъ! Тотъ, кто умиралъ,
Когда-то на крестѣ—страдалъ—
И вѣрилъ. Я не вѣрю—я!
Сомнѣнья слабое дитя....
О нѣтъ, я вѣрю, вѣрю. Нѣтъ!
Я знаю! Для меня есть свѣтъ,—
Я знаю—вѣчная душа,
Одною мыслію дыша,
Мѣняя формы, все живетъ,
Изъ вѣка въ вѣкъ она идетъ
Все лучше, лучше и съ тобой
Въ одно сольется, Боже мой!

Акшино. Ноябрь 1838 г.

XXVI.

Новый годъ.

Вотъ годъ еще прошелъ какъ сновидѣнье,
Исчезъ, приткнулся къ тьмѣ годовъ,
Недавній трупъ нашелъ успокоенье
Среди истлѣвшихъ мертвецовъ.
Остался жить среди воспоминаній
Съ толпой утратъ, съ толпой скорбей,
Съ толпой возвышенныхъ мечтаній,
Съ толпой обмановъ межъ людей.
Всегда въ борьбѣ, всегда противъ теченья
Мы правимъ нашею ладьей:
За годомъ годъ въ стремительномъ движеньи
Бѣжитъ обратною волной.
Пусть такъ, пускай мы каждый годъ съ борьбою
Противъ теченія плывемъ.
Друзья, начало скрыто за рѣкою,
Начало жизни мы найдемъ.
Пусть много бѣдъ останется за нами,
Волна обратная пройдетъ,
А на концѣ предъ нашими глазами
Завѣса съ истины спадетъ.

Пенза. Январь 1839 г.

XXVII.

Къ ней.

Ты заснула, мой другъ,—ты забыла земное
И быть можетъ съ прекрасною, тихой мечтой
Къ тебѣ сонъ прилетѣлъ, будто ангелъ съ небесъ.
Я не сплю, полонъ мрачныхъ мучительныхъ грезъ,
Полонъ грусти глубокой, тоски и сомнѣнья...
Но когда я гляжу на твое усыпленье,
На душѣ у меня веселѣй и свѣтлѣй,
И мнѣ кажется, другъ, что средь пасмурныхъ дней
Какъ видѣнье явилась ты мнѣ неземное,
Ты явилась, какъ ангелъ любви и покоя.

Пенза. Январь 1839 г.

XXVIII.

О возвратись, любви прекрасное мгновенье,
О исцѣли тоскующую грудь,
Дай тихо, свято, радостно дохнуть
Восторгомъ чистымъ неземнаго упоенья.

***

Минуты чудныя живаго наслажденья:
Влюбленныхъ душъ безмолвный разговоръ,
И поцѣлуй, и нѣги полный взоръ,
И міра дольняго прекрасное забвенье.

***

Я отвыкалъ отъ васъ—и тьма на умъ ложилась
И сердце сохло въ душной пустотѣ,
И замирала жизнь въ безцѣльной суетѣ,
И скука надо мной тяжелая носилась.

***

Теперь опять ко мнѣ, сдружись съ моей душою,
Знакомый рай святой любви моей,
Я выплакалъ тебя безцвѣтныхъ дней
Несносной, длинной, скучной чередою.

Пенза. Январь 1839 г.

XXIX.

И. П. Галахову.

Я былъ одинъ—и мысль во мнѣ таилась
Закована холодностью людей,
И гибла рѣчь, когда едва родилась
Зарытая на днѣ души моей.

***

Но ты пришелъ и протянулъ мнѣ руку,
И я воскресъ всей пламенной душой,
Я разогналъ убійственную скуку
Одушевленъ любимою мечтой.

***

И такъ идемъ же дружною стопою,
Воспламененные добромъ,
Туда, туда, гдѣ съ истиной святою
Живетъ любовь въ союзѣ вѣковомъ.

Пенза. Февраль 1839 г.

XXX.

Станція.

Я вспомнилъ, какъ ты здѣсь страдала,
Какъ сердце билось и чело
Болѣзни муки выражало—
И какъ мнѣ было тяжело!
Какъ каждый стонъ подруги милой
Мнѣ скорбно душу волновалъ,
Я то молился, то унылый
Себя отчаяньемъ терзалъ.
Но все тогда мнѣ легче было,
Все были вмѣстѣ мы съ тобой,
И все, что сердце такъ любило,
Не разлучалося со мной.
Теперь я на дорогѣ снова,
Но я одинъ и грустенъ путь,
И не съ кѣмъ нѣжно молвить слова,
Съ любовью не на что взглянуть.
Кругомъ зима, да ночь, да тучи,
Да вьюга снѣгъ мятетъ съ земли
И завываетъ вѣтръ могучій,
Да лѣсъ чернѣется вдали;
А въ сердцѣ тайная тревога,
Душа печальна и мрачна!...
О! одинокая дорога,
Какъ ты мучительно скучна!
И ты одна, моя подруга,
И ты грустишь, и въ тяжкомъ снѣ
Быть можетъ горестнаго друга
Ты видишь въ дальней сторонѣ.
О! Тяжело намъ разлученье,
Вѣдь насъ на вѣкъ въ пути земномъ
Соединило Провидѣнье
Любви негаснущей узломъ.

Вазорки. Фавраль 1839 г.

XXXI.

Дорожное впечатлѣніе.

Блѣдно сквозь дымное облако свѣтитъ луна,
Свѣтитъ на бѣлое поле,
Холоденъ воздухъ летучій, земля холодна,
Снѣгъ ее держитъ въ неволѣ.
Жалко мнѣ бѣдную землю! Въ ней жизни ужъ нѣтъ,
Все-то на ней леденѣетъ,
Холодны люди на ней, ахъ! и въ нихъ жизни нѣтъ,
Сердце у нихъ леденѣетъ.
Къ бѣдствіямъ близкихъ, къ несчастьямъ, страданьямъ людей
Сердце у нихъ леденѣетъ.
Къ правдѣ божественной, къ голосу чистыхъ страстей
Сердце у нихъ леденѣетъ.
Лишь себялюбье живетъ въ немъ и гложетъ его
Червь среди страшной могилы.
Сердце холодное! ахъ! отогрѣть мнѣ его
Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ силы.
Вызвать червя ядовитаго силы мнѣ нѣтъ,
Воля ничтожна безъ силы.
Живъ я, однако! спокойно гляжу я на свѣтъ—
И умереть нѣту силы!...

Февраль 1839 г.

XXXII.

Е. Г. Л.

Я съ юныхъ лѣтъ зналъ тяжкія гоненья,
И истины въ душѣ смиренный жрецъ—
Изъ рукъ ея, въ залогъ благословенья,
Я получилъ страдальческій вѣнецъ.
Я отчужденъ былъ отъ моихъ собратій
Въ глухихъ стѣнахъ безжалостной тюрьмы;
Но отъ молвы и отъ ея проклатій
Уже тогда меня спасали вы.
Уже тогда вы къ юному страданью
Сочувствуя прекрасною душой,
Смягчали скорбь и горечь испытанья
Таинственно, невѣдомой рукой.

И съ той поры всегда какъ добрый геній
Носились вы надъ жизнію моей,
И длили жаръ высокихъ вдохновеній,
Вводя меня въ семью моихъ друзей.
Благодарю! Вы много мнѣ послали
Мпнутъ святыхъ въ моемъ пути земномъ,
И вы не разъ свѣвали мнѣ печали,
Мой скорбный духъ давившія свинцомъ.
Теперь васъ нѣтъ. Мнѣ не было судьбою
Васъ знать дано—а я мечталъ не разъ
Какъ хорошо мы братственной толпою
Когда нибудь стѣснились-бы вкругъ васъ.
Теперь васъ нѣтъ! Васъ ждалъ удѣлъ высокой,
Теперь вы тамъ—вы ангелъ въ небесахъ;
И можетъ быть изъ области далекой
Вы видите меня въ земныхъ краяхъ.
Смотрите! Вамъ душа моя открыта,
Теперь печаль живетъ уныло въ ней,
По васъ она вся трауромъ покрыта,
Грустить, какъ сынъ о матери своей.
О, вы меня съ небесъ своихъ призрите,
Пошлите миръ душѣ въ тяжелый часъ
И тихо вы меня благословите,
Какъ я теперь благословляю васъ.

Мартъ 1839 г.

Н. П. Огаревъ.

Поправки.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1888 г., т. LX, ноябрь, читаются:
На стр. 477, стихъ 16 снизу:
Плотникъ, житель Назарета,
„ „ 478, „ 5 сверху:
Двѣ старухи: мать рыдала,
„ „ 479, „ 12 снизу:
Звалъ по имени ее.... Сонъ блаженный,
„ „ 485, стихи 12 и 13 снизу:
Увѣрился—онъ избранъ небесами,
Увѣрился—онъ духомъ Бога сынъ,
„ „ — стихъ 2 снизу:
Но надъ его могилою для свѣта

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО СТУДЕНТА.

«Кто не жилъ въ 1856 году въ Россіи, тотъ не знаетъ, что̀ такое жизнь».
Гр. Л. Н. Толстой.

I.

Людямъ, прожившимъ на свѣтѣ болѣе или менѣе значительный періодъ времени, единственной отрадой остается почаще оглядываться назадъ и хотя въ воспоминаніяхъ переноситься въ ту свѣтлую, живую полосу конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ, когда, дѣйствительно, жилось легко и отрадно. Жизнь въ то время била ключомъ не только въ насъ самихъ, тогда еще очень молодыхъ людяхъ, но и во всемъ окружающемъ. Старики молодѣли около насъ и вмѣстѣ съ нами горячо, неустанно работали и служили для всѣхъ и каждаго милому и дорогому дѣлу всеобщаго возрожденія, волновались радужными надеждами и изо всѣхъ силъ стремились къ осуществленію высокихъ задачъ того времени. Молодежь ухаживала за старыми, передовыми борцами, съ увлеченіемъ слушала ихъ и училась у нихъ мыслить и работать ради блага общественнаго.

И теперь, на закатѣ дней, безпрестанно возстаютъ въ памяти то однѣ, то другія свѣтлыя картины дорогаго прошлаго, но, увы! подергивающіяся туманомъ времени съ каждымъ годомъ гуще и гуще, да и сами мы все глубже и глубже погружаемся въ неотразимо наступающую и окутывающую насъ темноту, и скоро все исчезнетъ на вѣки... Но все-ли исчезнетъ и не оставитъ по себѣ и слѣда? Неужели тамъ, гдѣ еще, кажется, такъ недавно кипѣла жизнь и среди нея гордо возвышались недосягаемые идеалы, все будетъ сравнено съ землей и покрыто всепоглощающимъ забвеніемъ смерти?.. Горько и обидно! Нѣтъ, хочется думать, хочется надѣяться и вѣрить,

что все живое и благотворное, если и миновало, — все-же останется въ памяти нашихъ дѣтей и внуковъ и, можетъ быть, послужитъ и имъ на пользу.

Вся университетская молодежь того времени почти цѣликомъ примкнула къ тѣмъ слоямъ общества, которые жили исключительно великими идеями и реформами царствованія Александра II, и хотя, надо сказать правду, студенты учились мало, въ смыслѣ аккуратнаго посѣщенія лекцій и прилежнаго заучиванія профессорскихъ записокъ, но чрезвычайно воспріимчиво и сильно мыслили, а высокими чувствами были преисполнены до того, что, казалось, и по землѣ-то ходили приподнятыми. Всестороннее возрожденіе Россіи и, въ особенности, благо народное были у всѣхъ не только на языкѣ, но и въ умѣ и въ сердцѣ. Каждый, даже первокурсникъ, радушно былъ принимаемъ не только въ гостиныхъ, но и въ серьезныхъ кабинетахъ литераторовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Всѣ смотрѣли на учащееся молодое поколѣніе, какъ на олицетвореніе столь желаннаго обновленія Россіи,—и ласкали студентовъ, всячески помогали имъ, охотно бесѣдовали съ ними и вступали въ горячія пренія «о матеріяхъ важныхъ». Старые вожаки охотно подготовляли ихъ къ близко предстоявшему преемству въ исполненіи великихъ задачъ, возлагали на нихъ самыя свѣтлыя надежды и обращались къ нимъ съ ободряющими словами поэта Бенедиктова: «шагайте черезъ насъ!»

Независимо отъ широко развернувшейся общестудентской жизни и самодѣятельности въ стѣнахъ петербургскаго университета, выразившейся въ періодическомъ изданіи студенческаго сборника, вскорѣ, впрочемъ, прекратившагося, въ собственной студенческой библіотекѣ, кассѣ пособій неимущимъ товарищамъ, научно-литературныхъ бесѣдахъ и диспутахъ, въ сходкахъ, всегда очень многолюдныхъ и оживленныхъ, по общестуденческимъ дѣламъ и т. д., и т. д., чуть не каждый студентъ, обладавшій хотя какими-нибудь грошовыми средствами, старался сгруппировать около себя подходящій къ его духовнымъ потребностямъ и взглядамъ кружокъ товарищей, собиравшійся въ его комнату, рѣдко — двѣ, еженедѣльно, съ самою точною и неизмѣнною аккуратностью, хотя на этихъ собраніяхъ, кромѣ чая, да развѣ еще колбасы съ хлѣбомъ и пива, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакого другаго угощенія не предлагалось. Кромѣ студентовъ, сюда являлись и молодые офицеры — слушатели академій и начинающіе общественные дѣятели, и весьма часто среди всей этой молодой горячей компаніи виднѣлись люди почтенныхъ лѣтъ, убѣленные сѣдинами. Мы съ жадностью слушали ихъ разсказы и разсужденія о многомъ, намъ еще мало знакомомъ, но къ чему мы уже стремились со

всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ первой молодости. И сколько перечиталось, на этихъ собраніяхъ, и литературныхъ, и философскихъ, и политическихъ сочиненій, глубоко запавшихъ въ чуткія и воспріимчивыя ко всему честному и благородному души юныхъ слушателей! Сколько и отвлеченныхъ, и жизненныхъ вопросовъ ставилось тогда на очередь, дебатировалось, разрѣшалось, и многія изъ этихъ рѣшеній такъ и остались у нѣкоторыхъ членовъ такихъ собраній основными, руководящими принципами всей ихъ послѣдующей жизни. Само собою разумѣется, что въ то наиболѣе либеральное время въ жизни русскаго общества, характеръ и нашихъ кружковъ былъ по преимуществу либеральный. Столь популярный тогда «Колоколъ» Герцена, равно какъ и всѣ другія заграничныя изданія этого писателя, читались на нашихъ собраніяхъ съ особеннымъ усердіемъ и вниманіемъ, и затѣмъ, далеко за полночь, обсуждались со всѣмъ пыломъ и задоромъ молодости. И какъ все это просто и безопасливо происходило! Помню я, напр., небольшую комнатку одного изъ сотоварищей на Васильевскомъ островѣ: дверь ея, безъ всякой передней, выходила прямо на черную лѣстницу огромнаго дома, по которой постоянно проходило множество народа, и такъ какъ въ эту комнатку набиралось обыкновенно человѣкъ до 20 и 25-ти, то, чтобы не задохнуться отъ жары и табачнаго дыма, дверь оставалась открытою, а юные гости во всеуслышаніе читали и декламировали такія вещи, о которыхъ въ другое время было бы страшно и подумать. Шумные, горячіе споры, по вопросамъ чрезвычайно радикальнымъ и острымъ, раздавались изъ этой комнатки по всей лѣстницѣ цѣлыя ночи напролетъ, — и никто не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, даже никогда никто не просилъ насъ не шумѣть такъ сильно, хотя бы просто ради спокойствія сосѣдей, — до такой степени всѣмъ и каждому казалось естественнымъ, что гдѣ молодость, тамъ и одушевленная, живая, шумная рѣчь, и что иначе и быть не можетъ.

Какъ теперь передо мною большой круглый столъ передъ крошечнымъ старенькимъ диванчикомъ, на которомъ, какъ на почетномъ мѣстѣ, сидитъ красивый и бѣлый какъ лунь старикъ Ц.—декабристъ, проведшій, послѣ веселой великосвѣтской жизни юнаго петербургскаго гвардейца, много лѣтъ рядовымъ въ сибирскихъ линейныхъ баталіонахъ, затѣмъ храбро дравшійся съ горцами на Кавказѣ и, наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, прощенный и явившійся, съ солдатскимъ Георгіемъ въ петлицѣ, въ Петербургъ въ самый разгаръ общественнаго возбужденія конца пятидесятыхъ годовъ. Нечего и говорить, какъ всѣ ухаживали за этимъ маститымъ «мученикомъ», какъ его тогда называли, какъ рвали его

на части и добивались, чтобы онъ украсилъ своимъ присутствіемъ то или другое собраніе молодежи. Маститый «мученикъ» видимо рисовался и кокетничалъ своимъ престижемъ среди молодежи. Пѣвучимъ и пріятнымъ голосомъ онъ повѣствовалъ намъ исторію своего мученичества—и мы, растроганные его «страданіями» и возмущенные «тупою силой злобы», снова и снова горячо цѣловали его, жали ему руки, восторженно поднимали стаканы за его здоровье. Старикъ со слезами отвѣчалъ на наши поцѣлуи и отечески возлагалъ руки на наши разгоряченныя головы. Скоро, однако-жъ, мы стали замѣчать, что нашъ Ц. въ своихъ разсказахъ отдѣлывается все какъ-то общими мѣстами; подробностей, сути столь интересовавшаго насъ дѣла декабристовъ мы не могли отъ него добиться, да и вообще отъ него какъ-то не вѣяло тѣмъ высоко-гуманнымъ развитіемъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, отличалось это общество, и скоро изъ разныхъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ мы узнали, что Ц. собственно въ заговорѣ декабристовъ вовсе не участвовалъ и что онъ былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ единственно за то, что, будучи гвардейскимъ прапорщикомъ, 14-го декабря, и то чуть-ли не случайно, присоединился на улицѣ къ одной изъ воинскихъ частей и пошелъ съ ней на Сенатскую площадь. По истеченіи года, проведеннаго въ нашемъ студенческомъ кружкѣ, нашъ «мученикъ» пошелъ служить по столь ненавистнымъ тогда откупамъ,—и мы не мало были сконфужены такимъ неожиданнымъ финаломъ. Припоминается мнѣ одинъ смѣшной случай, устроенный этимъ господиномъ, при чемъ я былъ комической жертвой своего юношески-либеральнаго увлеченія.

Послѣ переходныхъ экзаменовъ на второй курсъ я переѣхалъ на дачу съ однимъ изъ членовъ нашего кружка, старше насъ на нѣсколько лѣтъ и уже окончившимъ курсъ. Однажды вечеромъ, возвратившись изъ города домой, я нашелъ своего сожителя за чайнымъ столомъ и около него—Ц. Передъ ними на столѣ лежало множество траурныхъ пригласительныхъ билетовъ. На мой вопросъ,—что это значитъ, Ц. отвѣчалъ трагическимъ тономъ: «Oui, mon cher, il est mort! Ah, il est mort, pauvre homme»!

— Mais qui donc?—спрашиваю я въ совершенномъ недоумѣніи...

— Lui, mon cher, lui! ce venérable martyr! Notre pauvre von der Briggen est mort hier soir, et nous devons montrer... oui, nous montrerons à tout le monde... n'est ce pas?!

Я рѣшительно ничего не понималъ и вопросительно глядѣлъ на пригласительные билеты.

Мой товарищъ, наконецъ, объяснилъ мнѣ, что Ц. привезъ эти би-

леты для разсылки ихъ по почтѣ всѣмъ, кто только намъ придетъ въ голову, что такимъ образомъ необходимо завтра на похоронахъ почтить умершаго декабриста самой многолюдной, самой дружной демонстраціей и, въ то-же время, показать, кому слѣдуетъ, что современное общество умѣетъ цѣнить людей, подобныхъ скончавшемуся.

На всѣ обращенія товарища къ Ц.—такъ-ли онъ передаетъ его мысли, тотъ отвѣчалъ только:

— Oui, mes amis, c'est ça! c'est précisement ça! Vous le fairez, mes braves garçons, n'est ce pas?

Мы съ жаромъ принялись подписывать на билетахъ фамиліи и адреса, какіе только намъ приходили въ голову, и въ тотъ же вечеръ отправили по городской почтѣ великое множество такихъ приглашеній. Ц. уѣхалъ отъ насъ вполнѣ довольный. Передъ отходомъ ко сну, я съ особенною заботливостью внушилъ прислугѣ, чтобы она не проспала, приготовила мою парадную студенческую форму и разбудила насъ пораньше.

На утро, проснувшись чуть свѣтъ, я побѣжалъ наверхъ къ своему сожителю; но онъ объявилъ мнѣ, что долженъ ѣхать по дѣламъ и никакъ не можетъ участвовать въ нашей демонстраціи. Такое равнодушіе къ общему великому дѣлу, какимъ оно мнѣ тогда казалось, возмутило меня, и я чуть-ли не побранился съ пріятелемъ. Поспѣшно одѣвшись, я побѣжалъ на пароходъ, черезъ полчаса подъѣхавъ къ пристани у Лѣтняго сада, взялъ извозчика, и, въ крайне возбужденномъ состояніи, всячески торопилъ его, боясь опоздать къ печальному торжеству, въ которомъ мнѣ предстояла столь обаятельная для тогдашняго студента роль политическаго демонстратора. «Вотъ, вотъ,—представлялось моему разгоряченному воображенію,—громадная толпа петербургской интеллигенціи наполнитъ не только квартиру, но и всю улицу, гдѣ жилъ знаменитый покойникъ, и всѣ смежныя съ ней улицы, и мнѣ невозможно будетъ продраться въ первые ряды оваціи, гдѣ я всенепремѣнно долженъ быть!..» и я снова погонялъ возницу и снова обѣщалъ ему прибавку...

Вотъ, наконецъ, и Колокольная улица, — конечная цѣль моихъ стремленій... но гдѣ-же публика, гдѣ огромная масса народная, гдѣ оглушительный гулъ общественнаго движенія, гдѣ все это, такъ живо стоявшее въ моей головѣ со вчерашняго вечера? Кромѣ двухъ-трехъ ванекъ, лѣниво развалившихся на своихъ дрожкахъ, да десятка самыхъ обыденныхъ пѣшеходовъ, никто не нарушалъ обычнаго лѣтняго затишья городской улицы.—Должно быть, еще рано,—подумалъ я, и сталъ искать домъ, въ которомъ жилъ фонъ-деръ-Бриггенъ. Увидѣвъ скромныя дроги у одного подъѣзда, съ нѣсколькими невоз-

мутимо дремавшими около нихъ факельщиками, я поднялся по лѣстницѣ и позвонилъ у дверей, гдѣ стояла гробовая крышка. Миловидная горничная впустила меня въ переднюю, и затѣмъ я вошелъ въ небольшое зало и увидѣлъ катафалкъ, а на немъ — покойника въ гробу. Кромѣ меня, единственнымъ живымъ лицомъ въ комнатѣ оказался Николай Ивановичъ Гречъ, какъ извѣстно, слишкомъ не походившій на представителя либеральной демонстраціи... Я остановился посреди зала въ совершенномъ недоумѣніи... Изъ дверей внутреннихъ комнатъ снова показалась горничная, и на мой вопросъ, не здѣсь-ли г. Ц.—сѣдой старикъ съ бѣлымъ крестикомъ въ петлицѣ, отвѣчала отрицательно; «а, впрочемъ, можетъ быть, они тамъ», прибавила она, указавъ на внутреннія комнаты, и побѣжала въ переднюю. Постоявъ немного и чувствуя себя съ каждой минутой все болѣе и болѣе неловко, я, наконецъ, рѣшился отворить дверь въ указанныя мнѣ комнаты, въ надеждѣ найти тамъ свой якорь спасенія въ лицѣ отыскиваемаго мною виновника моего смущенія. Я очутился въ какомъ-то корридорѣ и съ храбростью отчаянія пустился впередъ. Черезъ нѣсколько шаговъ я увидѣлъ съ лѣвой стороны отворенную дверь и мужественно переступилъ черезъ порогъ ея, такъ какъ ничего болѣе мнѣ не оставалось. Вся комната была наполнена дамами и нѣсколькими мужчинами, преимущественно военными. Нѣсколько десятковъ глазъ обратилось на меня и всѣ смотрѣли вопросительно-недоумѣвающе. Ц. между присутствовавшими не было, и я, переконфуженный, былъ-бы радъ провалиться, и стоялъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, стараясь собраться съ духомъ и сообразить, что мнѣ теперь слѣдуетъ предпринять... По другую сторону корридора виднѣлась другая комната, въ которой курили. Я чуть не опрометью бросился туда и закурилъ папироску, стараясь успокоиться и принять обычный на похоронахъ видъ. Не прошло и 2—3 минутъ, какъ изъ дамской комнаты явился какой-то уланъ, очевидно, командированный для разузнанія, какой такой явился никому неизвѣстный студентъ. Попросивъ у меня закурить папироску, офицеръ, какъ-бы между прочимъ, спросилъ:

— А вы хорошо знали покойнаго?

Вмѣсто того, чтобы прямо разсказать ему все дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности, я, окончательно сконфуженный, началъ лепетать какой-то вздоръ, въ родѣ слѣдующаго:

— Какъ-же! Какъ-же! Да и вообще... отдать послѣдній долгъ такому почтенному дѣятелю...

Офицеръ быстро повернулся на каблукахъ и возвратился къ дамамъ, которымъ, по всей вѣроятности, и доложилъ обо мнѣ что нибудь не особенно для меня лестное. Къ счастію, тотчасъ-же послышалось

приглашеніе къ панихидѣ, и я, вмѣстѣ съ другими, вошелъ въ зало и затерялся въ толпѣ.

Покойника отпѣли, подняли и понесли. Ц. такъ и не показывался, и единственнымъ представителемъ либеральной демонстраціи оказался я, несчастный!

Нечего и говорить, что едва я очутился на улицѣ, тотчасъ-же повернулъ въ сторону, противоположную похоронной процессіи, и чуть не бѣгомъ помчался до перваго извозчика, точно боясь, какъ-бы меня не ухватилъ кто-нибудь за шиворотъ...

Впослѣдствіи я узналъ, что Ц. и съ десятокъ изъ приглашенныхъ демонстраторовъ явились прямо на кладбище и, постоявъ тамъ у могилы, въ качествѣ постороннихъ зрителей, мирно разошлись по домамъ; а когда, увидѣвъ Ц., я напустился на него за такое одурачeніе меня, онъ только разводилъ руками и повторялъ:

— Oui, mon cher! Voilà notre public! Voila notre public!

Однако, возвратимся, къ нашему кружку.

Наиболѣе сильное вліяніе на наше политическое развитіе въ первый годъ нашего студенчества имѣлъ одинъ отставной артиллеристъ, Табенскій, горячій полякъ, рьяный представитель возрожденія своей ойчизны, чистокровный типъ политическаго демагога. Онъ былъ гораздо старше насъ, хорошо образованъ и своимъ тонкимъ и гибкимъ умомъ, огненнымъ темпераментомъ и страстными рѣчами увлекалъ насъ до того, что мы, какъ говорится, готовы были лѣзть на стѣну. Но когда увлеченіе это доходило до такой степени, что мы тутъ же предлагали принести себя въ жертву великому дѣлу освобожденія, онъ отчески пріостанавливалъ наши юношескіе порывы, ограничивался лишь нашими обѣщаніями и многозначительно прибавлялъ: «погодите, дѣтки, придетъ время—и вы сослужите великую службу страждущимъ братьямъ!» При этомъ онъ горячо жалъ наши руки и какъ-то особенно, по польски, цѣловалъ насъ, впиваясь своими воспаленными губами въ ротъ, что всякій разъ возбуждало во мнѣ какое-то неопредѣленное чувство, близкое къ отвращенію. Кромѣ разговоровъ и чтеній ультра-либеральнаго характера, Табенскій развивалъ передъ нами подробную политическую програму свободнаго гражданина свободной страны и даже бралъ съ насъ клятвенныя обѣщанія никогда не дѣлать ничего такого, что признавалось этой программой нечестнымъ и вреднымъ. Помню, однажды, дѣло дошло до того, что онъ поголовно сталъ отбирить отъ насъ обѣщанія никогда не поступать на государственную службу. Нѣсколько наиболѣе разгоряченныхъ головъ тотчасъ же дали это обѣщаніе, остальные же отказались, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ насъ уже и въ то время

состояли на службѣ, такъ какъ, кромѣ студентовъ, между нами было нѣсколько молодыхъ офицеровъ и чиновниковъ. Къ веснѣ того же года Табенскій уѣхалъ къ себѣ на родину, таинственно, но многозначительно намекая намъ на какую-то важную миссію, требующую его безотлагательнаго присутстія въ Польшѣ. Мы проводили его торжественнымъ ужиномъ съ пламенными спичами и стихотвореніями самаго радикальнаго свойства и сняли съ него на память фотографическій портретъ. Онъ подарилъ намъ большіе портреты Костюшки, Мицкевича и Стефана Баторія, не обѣщая вернуться, но высказавъ увѣренность, что если и вернется, то найдетъ насъ такими-же, какъ оставляетъ, конечно, въ политическо-либеральномъ смыслѣ. Года черезъ два онъ, дѣйствительно, появился въ Петербургѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ самоубійства генерала Герштенцвейга въ Варшавѣ, и когда волненія въ Польшѣ принимали уже угрожающій характеръ, мелькнулъ передъ нами всего по разу или по два у каждаго по одиночкѣ, какъ-то уклонившись отъ появленія въ общемъ собраніи нашего кружка, позондировалъ каждаго изъ насъ въ желательномъ ему направленіи, и, видимо разочарованный, снова исчезъ и уже навсегда. Впослѣдствіи ходили слухи, что онъ предводительствовалъ во время польскаго возстанія одной изъ бандъ и былъ убитъ въ стычкѣ съ нашими войсками.

Кромѣ внутренней, кружковой жизни, все остальное время мы посвящали жизни общественной, въ стѣнахъ университета и въ весьма многихъ семейныхъ домахъ, въ которыхъ, какъ я уже говорилъ, насъ принимали чрезвычайно радушно и ласково. Сверхъ обычнаго посѣщенія лекцій, мы нерѣдко собирались въ университетѣ по вечерамъ, на сходки редакторовъ нашего Сборника и депутатовъ отъ каждаго факультета, завѣдывавшихъ библіотекой, кассой пособій, назначеніемъ и раздачей послѣднихъ нуждавшимся товарищамъ, устройствомъ концертовъ въ пользу той-же кассы. Концерты эти, исполнявшіеся подъ управленіемъ весьма извѣстнаго въ то время профессора музыки, Шуберта, оркестромъ изъ его учениковъ, преимущественно студентовъ, отличались своею серьезностью и элегантною художественностью. Они давались въ теченіе почти всей зимы, въ актовой залѣ университета, по утрамъ въ каждое воскресенье, и обыкновенно заканчивались грандіознымъ музыкально-вокальнымъ утромъ, съ участіемъ всѣхъ лучшихъ представителей итальянской оперной труппы, изъ которой наибольшими симпатіями публики и всего студенчества пользовались Бозіо и Тамберликъ. Кромѣ своихъ замѣчательныхъ талантовъ, особенно они увлекали молодежь и своею чарующею любезностью, теплымъ участіемъ къ бѣдствовавшимъ студентамъ и всегдашнею готов-

ностью помочь имъ. На всѣхъ этихъ концертахъ, не только заключительныхъ, но и обыкновенныхъ, бывалъ, что называется, tout Petersbourg,—и наша студенческая касса располагала широкими денежными средствами для своихъ благотворительныхъ цѣлей.

По нѣскольку вечеровъ въ недѣлю мы проводили въ разныхъ семейныхъ домахъ, изъ которыхъ во многихъ собирались ученые, литераторы, художники, болѣе или менѣе выдающіеся администраторы, и, слушая произведенія однихъ и разсужденія другихъ, мы, естественно, развивались быстро и многосторонне. Не смотря на танцы и всевозможныя шутки и смѣхъ, свойственныя молодости, мы каждый разъ выходили съ такихъ вечеровъ обогащенными множествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и занятыми весьма серьезными размышленіями. Нерѣдко посѣщали мы и весьма скромныя и скудныя матеріальными средствами семейства нашихъ товарищей, танцовали съ ихъ сестрами и другими дѣвицами, влюбляли ихъ въ себя и сами влюблялись и тотчасъ-же увлекали своихъ юныхъ поклонницъ на публичныя лекціи, на чтеніе разныхъ серьезныхъ книжекъ, въ родѣ Бокля, Маколея, Бѣлинскаго, Грановскаго, Льюиса, Бюхнера и т. п. Многіе изъ насъ скоро и переженились на этихъ дѣвушкахъ.

За всѣмъ этимъ столь разнообразнымъ препровожденіемъ времени, нельзя сказать, чтобы и научныя занятія наши были въ окончательномъ пренебреженіи. Правда, дома мы почти совсѣмъ не сидѣли за составленіемъ и заучиваніемъ профессорскихъ лекцій, но самыя лекціи, въ особенности, нѣкоторыхъ профессоровъ, посѣщались и слушались весьма усердно. Кромѣ того, мы много читали серьезныхъ сочиненій, прямо или косвенно относившихся къ нашей наукѣ, горячо разсуждали и спорили о прочитанномъ, плохо еще переваривая всю эту философскую премудрость, но все-таки кое-что усваивали, и главное,—развивались умственно.

Такъ совершенно незамѣтно пролетѣлъ для насъ первый годъ нашего студенчества. Переводные наши экзамены сошли очень благополучно, не смотря на строгость экзаменаторовъ.

II.

Съ переходомъ на второй курсъ, мы почувствовали себя уже значительно оперившимися гражданами, и съ возобновленіемъ осенью 1859 года нашихъ вечернихъ собраній уже не увлекались, по прошлогоднему, одними отвлеченными разсужденіями и диспутами. Разговоры наши приняли болѣе вдумчивый характеръ, и между нами стали даже возникать нѣкоторыя сомнѣнія и самообличенія въ праздномъ словоизверженіи и фразерствѣ. Появилось даже укорительное прозвище «филологомъ» всякаго, кто особенно много и экзальтированно говорилъ и мало или слишкомъ поверхностно думалъ. Авторомъ этой клички былъ длинный и неуклюжій студентъ изъ обрусѣвшихъ финляндцевъ, весьма застѣнчивый и молчаливый юноша, котораго мы считали сначала простакомъ, мало развитымъ и чуть-ли не ограниченнымъ человѣкомъ, но скоро оказавшійся чрезвычайно умною и способною во всѣхъ отношеніяхъ личностью. Цѣлые вечера, бывало, онъ молча выслушивалъ всѣ наши словоизверженія и только все съ бо́льшимъ и съ бо́льшимъ ожесточеніемъ опрокидывалъ въ себя, стаканъ за стаканомъ, пиво или рюмки водки, и когда хмѣль прогонялъ его сосредоточенность и застѣнчивость, ударялъ своимъ огромнымъ кулачищемъ по столу и начиналъ обличать насъ въ пустословіи. Обличенія эти иногда, при усиленномъ употребленіи напитковъ, принимали настолько острый характеръ, что приходилось унимать расходившагося обличителя; но всѣ мы такъ искренно любили этого милаго чухонца и такъ чувствовали искренность и не безъосновательность его филиппикъ, что никто и не думалъ съ нимъ ссориться.

Университетскія лекціи въ этотъ годъ мы посѣщали гораздо усерднѣе и относились къ нимъ серьезнѣе, чѣмъ въ первый. Кромѣ собственнаго нашего умственнаго роста, тому наиболѣе способствовали такіе выдававшіеся своею талантливостью и популярностью профессора, каковы были: К. Д Кавелинъ, Н. И. Костомаровъ, В. Д. Спасовичъ и нѣкоторые другіе. Глубина изученія каждымъ изъ нихъ своего предмета, вполнѣ соотвѣтствовавшая требованіямъ того времени, освѣщеніе сообщавшихся ими фактовъ, блестящее краснорѣчіе въ ихъ изложеніи, а главное,—высокое цивическое чувство этихъ честныхъ гражданъ своей страны въ періодъ ея возрожденія,—все это до того увлекало насъ, что мы не пропускали ни одной лекціи своихъ любимцевъ. Самыя большія аудиторіи университета наполнялись чуть не до потолка слушателями не только спеціальныхъ факультетовъ, но даже

и тѣхъ, которые не имѣли ничего общаго съ юриспруденціей. Посторонних слушателей и слушательницъ также являлось множество на эти лекціи, и рѣдкая изъ нихъ не оканчивалась шумными, восторженными оваціями.

Впрочемъ, оставалось нѣсколько профессоровъ отъ прежняго стараго времени, лекціи которыхъ или нагоняли скуку и сонъ неодолимые своею монотонностью, сухостью и бездарностью, или же возбуждали въ насъ неудержимый смѣхъ своей комичной безталантностью. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, между прочими, профессоръ Мих. Ив. Кастор—й, читавшій филологамъ древнюю всеобщую, а намъ, юристамъ,—русскую исторію. Это былъ коренастый старикъ съ широкоскулымъ, татарскаго типа, гладко выбритымъ лицомъ, съ маленькими сѣрыми глазками, бѣгавшими во всѣ стороны, и съ длинной тумбообразной головой, покрытой совершенно сѣдыми, обстриженными подъ гребенку волосами. Всю эту фигуру, тщательно застегнутую въ вицъ-мундирный полукафтанъ, скорѣе можно было принять за стараго служиваго 1830—1840-хъ временъ, чѣмъ за ученаго, если-бы не громадный, совершенно порыжѣвшій отъ старости портфель, неизмѣнно торчавшій подъ мышкой этого почтеннаго просвѣтителя юношества. Мы всѣ очень хорошо знали, что вся его ученость заключалась въ этомъ «чемоданѣ исторіи», какъ мы въ насмѣшку называли его знаменитый портфель, что рѣшительно все, что ни говорилъ намъ К. на своихъ лекціяхъ, цѣликомъ извлечено имъ изъ своего чемодана и что ни одного взгляда, ни какого-либо освѣщенія, не говоря уже о какихъ-бы то ни было характеристикахъ, прибавить отъ себя нашъ профессоръ рѣшительно не въ состояніи. Онъ просто, механически, но всегда аккуратно и добросовѣстно, выкладывалъ передъ нами, по частямъ, все то, что хранилось въ его чемоданѣ и въ его еще болѣе огромной, чѣмъ этотъ чемоданъ, памяти. И вотъ, этотъ-то господинъ, замѣтивъ необыкновенное оживленіе въ лекціяхъ другихъ профессоровъ, рѣшился оживить и свои собственныя лекціи и началъ съ того, что различные историческіе эпизоды старался излагать въ драматической формѣ и даже представлять въ лицахъ. Такъ, напр., излагая исторію стрѣлецкаго бунта, почтенный профессоръ сталъ разсказывать, какъ возмутившіеся стрѣльцы собрались на Красной площади и стали бушевать, угрожая Кремлевскому дворцу, какъ царевна Софія вышла на Красное крыльцо и самолично унимала бунтовщиковъ, и, чтобы задобрить ихъ, приказала выкатить передъ крыльцомъ огромныя бочки съ виномъ, но на стрѣльцовъ это не подѣйствовало и они начали бросать камни въ царевну «а Софія-то Алексѣевна,—продолжалъ увлекшійся лекторъ, взяла да и при-

сѣла за бочку на корточки, вотъ такъ (и при этомъ К. на корточкахъ спрятался за высокой каѳедрой), да и выглядываетъ изъ-за нея вотъ такъ... что̀, дескать, будетъ дальше, а камни-то ей черезъ головку-то такъ и летятъ, такъ и летятъ...» Вся аудиторія, увидѣвъ выглядывавшее сбоку изъ-за каѳедры красное и самодовольное лицо профессора, какъ одинъ человѣкъ разразилась гомерическимъ хохотомъ. Затѣмъ, когда К. снова сѣлъ на свое кресло и, выждавъ, когда смѣхъ утихъ, началъ было продолжать свой разсказъ, его слова были заглушены новымъ взрывомъ хохота. Онъ опять переждалъ и опять началъ и снова былъ заглушенъ нашимъ хототомъ, и такъ далѣе, до конца лекціи мы, конечно, нарочно, не давали ему вымолвить ни слова. «Нѣтъ, господа, произнесъ, наконецъ, наивный старикъ, видно, я васъ такъ оживилъ, что сегодня съ вами не сладишь, прощайте, до слѣдующей лекціи»! И, схвативъ свой чемоданъ, совершенно довольный вышелъ изъ аудиторіи. Вообще, объ этомъ профессорѣ разсказывалось тогда много анекдотовъ, всегда приводившихъ насъ въ веселое настроеніе, но я умолчу о нихъ, слѣдуя классическому правилу: de mortuis aut bene, aut nihil.

Другой профессоръ, существующій и въ настоящее время, но уже давно оставившій каѳедру (онъ, въ преклонной старости, недавно сошелъ съума), читавшій намъ нѣсколько юридическихъ предметовъ и бравшійся безъ разбора за все, лишь-бы ему платили за лекціи, до такой степени усыплялъ насъ своей монотонной дикціей въ полголоса, сухостью и безсодержательностью своихъ лекцій, что каждый разъ мы должны были употреблять невѣроятныя усилія, чтобы досидѣть до конца и не заснуть. Такъ, напр., въ продолженіе цѣлаго часа этотъ ничѣмъ невозмутимый читальщикъ, какъ мы его прозвали, однимъ и тѣмъ-же полутономъ, не измѣняя его отъ начала до конца ни на одну іоту, перечислялъ передъ нами собственныя географическія имена, которыми обозначался древній торговый путь въ Индію изъ разныхъ мѣстностей Европы и обратно; въ другой разъ онъ, также въ продолженіе всей лекціи, излагалъ нескончаемый перечень всевозможныхъ предметовъ, которыми торговали разныя государства и города земнаго шара между собою; въ третій разъ шла подробнѣйшая номенклатура разнообразнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, съ числами и годами ихъ появленія и отмѣны, именами законодателей, и наикратчайшимъ, стереотипнымъ обозначеніемъ содержанія и т. д. И послѣ всякой такой лекціи мы выходили сонные и одурѣлые; а когда обращались къ профессору съ просьбой читать хоть сколько-нибудь поживѣе, онъ съ тѣмъ-же невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ намъ: «прибавьте мнѣ жалованья,

поживѣе». Далѣе такого циничнаго отношенія къ
было невозможно, и мы кончили тѣмъ, что почти
осѣщать лекціи этого господина, что было тѣмъ
атавъ ихъ отдѣльными брошюрами, продавалъ
ой цѣнѣ, и на экзаменахъ ровно ничего не
го пересказа этихъ брошюръ. Но надо
подобныхъ двоимъ, только что мною
о уже весьма незначительное мень-
въ массѣ болѣе или менѣе выдавав-
числу послѣднихъ принадлежалъ также про-
ловія и каноническаго права священникъ Палисадовъ,
по вступленіи нашемъ въ университетъ смѣнившій престарѣ-
лаго протоіерея Райковскаго. Мы были пріятно изумлены, когда на смѣну этого типичнаго представителя церковниковъ стараго закала, въ университетскомъ корридорѣ вдругъ появился красавецъ-брюнетъ съ удивительно-красивыми черными глазами, въ рясѣ изъ муаръ-антикъ, болѣе походившей своимъ франтовскимъ покроемъ на какой-то длинный пальто-рагланъ, съ бѣлоснѣжными воротничками и манжетами и въ лакированныхъ сапогахъ. На вступительной лекціи, происходившей въ большой актовой залѣ, при огромномъ стеченіи слушателей, этотъ блестящій лекторъ, только-что вернувшійся изъ-за границы, гдѣ онъ служилъ, кажется, при русской церкви королевы Нидерландской Анны Павловны, произвелъ просто фуроръ своимъ совершенно свѣтскимъ краснорѣчіемъ, безпрерывными цитатами изъ греческихъ, римскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ философовъ. Съ перваго-же раза онъ сдѣлался среди насъ и среди интересовавшагося университетомъ петербургскаго общества весьма популярнымъ, и какъ профессоръ, и какъ человѣкъ, а между дамами, разумѣется,— и какъ очаровательный мужчина. На первое время всѣ живо заинтересовались этимъ новымъ, столь необычнымъ среди нашихъ законоучителей явленіемъ, но увлеченіе это скоро стало остывать по мѣрѣ того, какъ слушатели стали замѣчать въ лекціяхъ Палисадова гораздо болѣе стремленія къ внѣшнему эффекту и дешевой популярности, чѣмъ искренности и дѣйствительной учености. Тѣмъ не менѣе, однако-жъ, онъ до конца считался однимъ изъ передовыхъ нашихъ профессоровъ. Съ его именемъ, хотя, впрочемъ, косвенно, связывается воспоминаніе о первомъ въ то время въ Петербургѣ производствѣ гласнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, еще задолго до введенія у насъ судебной реформы, о которой, впрочемъ, тогда много уже говорили. Случилось это такимъ образомъ: двое студентовъ-первокурсниковъ позволили себѣ какое-то дурачество на лекціи Пали-

садова, и послѣдній обратился ко всѣмъ слушателямъ вообще съ предложеніемъ самимъ найти виновныхъ, разобрать это дѣло безъ всякаго вмѣшательства начальства и, такимъ образомъ, собственными мѣрами оградить достоинство аудиторіи на будущее время. Мы были очень довольны такимъ предложеніемъ, быстро разъискали провинившихся и рѣшили судить ихъ по всѣмъ правиламъ французскаго уголовнаго судопроизводства, которое, какъ извѣстно, было положено въ основаніе готовившейся въ то время судебной реформы въ Россіи. Тотчасъ-же было приступлено къ организаціи состава суда, съ назначеніемъ прокурора, судей, присяжныхъ засѣдателей, защитниковъ, вызовомъ свидѣтелей и т. д., словомъ, все было устроено на манеръ дѣйствующихъ нынѣ судовъ. Предсѣдательство въ нашемъ импровизированномъ трибуналѣ принялъ на себя, по нашей просьбѣ, нашъ уважаемый профессоръ-криминалистъ В. Д. Спасовичъ. Дѣло слушалось въ открытомъ засѣданіи, происходившемъ въ самой большой изъ университетскихъ аудиторій (XI-й), въ присутствіи профессоровъ и массы студентовъ, живо интересовавшихся этимъ первообразомъ гласнаго суда въ Россіи. Подсудимые были признаны виновными и приговорены, кажется, къ выговору.

Научныя требованія Палисадова отъ своихъ слушателей были болѣе, чѣмъ снисходительны. Лекціи его, вскорѣ послѣ ихъ открытія, огромнымъ большинствомъ студентовъ совсѣмъ перестали посѣщаться, а когда передъ экзаменами нѣкоторые обращались къ товарищамъ съ просьбами о запискахъ по богословію, имъ со смѣхомъ отвѣчали: «Кто-жъ составляетъ у Палисадова записки! Болтай на экзаменѣ, что вздумается, какъ онъ самъ болтаетъ, вотъ и все!» И дѣйствительно, я самъ былъ очевидцемъ, какъ на экзаменѣ, при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи ректора университета, архіерея, нѣсколькихъ ассистентовъ, экзаменовавшіеся, вынувъ билетъ по богословію, произносили скороговоркой, ни съ того, ни съ сего, нѣсколько славянскихъ текстовъ изъ пространнаго катихизиса, очевидно, оставшихся въ ихъ памяти еще отъ гимназическаго зубренья, и Палисадовъ, одобрительно кивая головой и улыбаясь, спѣшилъ прекратить эту болтовню словами: «очень хорошо-съ! прекрасно-съ! довольно-съ!» и ставилъ пятерку.

Спустя нѣсколько лѣтъ, этотъ благодушный профессоръ оставилъ университетъ и былъ назначенъ священникомъ въ Петропавловскій соборъ, гдѣ скоро пріобрѣлъ весьма громкую популярность своими эффектно-краснорѣчивыми обличительными проповѣдями. Погоня за эффектами и популярностью часто увлекала его до того, что онъ приносилъ имъ въ жертву свои личныя дружескія связи. Вотъ одинъ изъ

выдающихся примѣровъ такого увлеченія: въ то время въ крѣпости былъ заключенъ, по политическому дѣлу, только что окончившій университетскій курсъ, но уже пріобрѣвшій извѣстность писатель Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. Палисадовъ посѣщалъ его въ казематѣ, сначала съ цѣлями увѣщанія и наставленія на путь истинный, а потомъ очень скоро полюбилъ этого чрезвычайно симпатичнаго и въ высшей степени даровитаго юношу и сталъ проводить съ нимъ цѣлые вечера, очевидно, испытывая большое удовольствіе въ долгихъ бесѣдахъ, горячихъ спорахъ съ нимъ и прочитываніи бойкихъ, талантливыхъ статей его, которыя Писаревъ, съ разрѣшенія начальства, писалъ въ своемъ заключеніи и посылалъ въ журналъ «Русское Слово», издававшійся тогда графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко. Собесѣдники, естественно, сблизились между собою, и Писаревъ съ полною откровенностью излагалъ передъ Палисадовымъ свои сокровеннѣйшія убѣжденія и взгляды на различные нравственные и общественные вопросы, конечно, въ полной увѣренности, что онъ говоритъ съ близкимъ ему человѣкомъ. Между тѣмъ, въ ближайшее же воскресенье, краснорѣчивый проповѣдникъ разъяснялъ эти самые взгляды и теоріи въ проповѣди передъ своими прихожанами и громилъ ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ, прямо указывая на книжки журнала, въ которыхъ эти взгляды и теоріи печатались. Когда Писаревъ, узнавъ объ этомъ, сталъ упрекать Палисадова въ его безтактности, послѣдній пренаивно оправдывался простымъ увлеченіемъ, и оба очень добродушно смѣялись....

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ былъ нашимъ товарищемъ не только по университету, но и по гимназіи, и пользовался между нами большою любовью и уваженіемъ, какъ личность чрезвычайно симпатичная и талантливая. Въ гимназіи его называли «дѣвочкой», вслѣдствіе его женоподобнаго вида и, въ особенности,—его мягкости, скромности и деликатности,—качествъ, по которымъ менѣе всего можно было предположить въ немъ бойкаго критика, рѣзкаго полемиста и ниспровергателя авторитетовъ. Онъ кончилъ гимназическій курсъ съ золотою медалью, когда ему еще не было шестнадцати лѣтъ, такъ что по университетскому уставу онъ не могъ быть принятъ въ число студентовъ; но его блестящій аттестатъ слишкомъ убѣдительно доказывалъ его научную правоспособность,—онъ былъ принятъ въ университетъ внѣ правилъ и черезъ два года какъ нельзя лучше оправдалъ возлагавшіяся на него надежды, представивъ филологическому факультету свое сочиненіе о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ, удостоенное золотой медали и напечатанное въ нашемъ студенческомъ сборникѣ. Дальнѣйшая, слишкомъ кратковременная, жизнь этого очень много обѣщавшаго молодаго человѣка юноши замѣчательна своими печальными

перипетіями. Еще будучи студентомъ, онъ подвергся тяжелой душевной болѣзни; едва оправившись отъ нея и только что окончивъ блистательно университетскій курсъ, онъ, въ 1862 г., вслѣдъ за закрытіемъ журнала «Русское Слово», былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и находился тамъ около 2-хъ лѣтъ, за участіе въ политической агитаціи, и затѣмъ, вскорѣ по освобожденіи, утонулъ, купаясь въ Дуббельнѣ [1]).

Но возвратимся къ воспоминаніямъ о дальнѣйшей жизни и дѣятельности нашего кружка.

III.

Многіе изъ насъ, на второмъ курсѣ, кромѣ обычнаго даванія уроковъ, которые въ то время составляли почти исключительную монополію студентовъ, и за которые весьма охотно платили очень хорошее вознагражденіе (2—3 рубля за часъ), приглашались сотрудниками въ различные газеты и журналы. Ни одна редакція сколько нибудь передовыхъ періодическихъ изданій, ни одинъ литературный кружокъ не обходились безъ участія студентовъ,—и мы постоянно жили, такъ сказать, въ курсѣ всякихъ литературныхъ, научныхъ и общественныхъ вопросовъ. Но всего этого намъ казалось мало: мы чувствовали какую-то внутреннюю пустоту и нравственную неудовлетворенность; намъ хотѣлось какого-нибудь общаго, хорошаго дѣла, и мы скоро его нашли.

Въ это именно время толки о величайшей реформѣ минувшаго царствованія,—объ освобожденіи крестьянъ, стояли въ петербургскомъ обществѣ на первомъ планѣ. Постоянно и всюду обсуждались способы этого освобожденія, различныя препятствія его успѣшности, и, какъ одно изъ главныхъ,—полнѣйшее невѣжество и безграмотность нашего народа и настоятельнѣйшая необходимость хоть какой-нибудь подготовки его къ воспріятію грядущаго освобожденія. Не только въ Петербургѣ, но и по всей Россіи стали открываться воскресныя народныя школы, и, само собой разумѣется, первыми учителями такихъ школъ въ университетскихъ городахъ, а во время каникулъ и въ деревняхъ, явились студенты и учащіяся дѣвицы. Въ Петер-

---

[1]) Весьма интересная статья—матерьялъ къ біографіи Д. И. Писарева помѣщена въ „Русской Старинѣ“ 1880 года, томъ XXIX, стр. 1007—1014 „Варв. Дм. Писарева“. Біогр. очеркъ. Сообщ. Р. А. Гарднеръ.

бургѣ быстро организовалось очень много воскресныхъ школъ, въ которыхъ каждое воскресенье собиралось весьма значительное число простолюдиновъ, преимущественно взрослыхъ, и обучалось закону Божію, чтенію, письму и началамъ ариѳметики. И надо было видѣть, какъ всѣ интересовались этими школами, въ какой приходили восторгъ и умиленіе при видѣ бородатыхъ парней и взрослыхъ женщинъ, усердно зубрившихъ букварн, выводившихъ азбучныя каракули и соображавшихъ ариѳметическія задачи. Въ кружкахъ интеллигентной молодежи, въ газетахъ и журналахъ и даже въ элегантныхъ гостиныхъ говорилось объ этихъ ученикахъ и ученицахъ съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ о какой-нибудь модной оперной пѣвицѣ; всюду разсуждали о различныхъ методахъ преподаванія, объ учебникахъ и т. п.; сплошь и рядомъ можно было видѣть въ этихъ школахъ изящную великосвѣтскую барышню, сидящую на простой школьной скамейкѣ рядомъ съ очень уже неизящнымъ, закорузлымъ крестьяниномъ, со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ молодости посвящающую своего великовозрастнаго ученика въ таинства грамоты или счета. Но, съ другой стороны, скоро стало замѣтно, что преподаваніе въ воскресныхъ школахъ въ недѣлю разъ даетъ мало результатовъ, и если оно и удовлетворяло первымъ потребностямъ ученія, въ смыслѣ обученія грамотѣ, то, во всякомъ случаѣ, сверхъ этого, давало слишкомъ мало, и вотъ, явилась новая, еще болѣе серьезная, общественная помощь дѣлу народнаго образованія.

Въ тѣ именно осенніе дни 1860 года, когда нашъ кружокъ томился жаждою болѣе активной общественной дѣятельности, въ одно изъ нашихъ вечернихъ собраній является бывшій однимъ изъ выдававшихся по своимъ способностямъ нашихъ товарищей, мичманъ Н. Н. Страннолюбскій, и разсказываетъ, что онъ только что отъ Таврическаго сада, гдѣ видѣлъ новое, прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ учрежденіе, а именно — ежедневную безплатную школу для мальчиковъ бѣднѣйшаго населенія той мѣстности. Учредитель этой школы, молодой инженерный офицеръ, баронъ Мих. Осипов. Коссинскій (теперь уже покойникъ), собралъ около себя небольшой кружокъ своихъ товарищей, предложившихъ, конечно, безплатно, свои личныя услуги по преподаванію, привлекъ нѣкоторыхъ изъ своихъ состоятельныхъ знакомыхъ къ доставленію денежныхъ средствъ, необходимыхъ на всѣ расходы—на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и на содержаніе училища, съ разрѣшенія надлежащихъ властей открылъ школу и вотъ—продолжалъ съ большимъ одушевленіемъ разсказчикъ, — теперь у нихъ дѣло идетъ блистательно: въ школѣ уже болѣе тридцати учениковъ, они снабжены учебниками, библіотекой и различ-

ными самоновѣйшими пособіями, представляющими послѣднее слово науки элементарнаго обученія.

Всѣ мы чрезвычайно живо заинтересовались этой новинкой и рѣшили на другой-же день посѣтить Таврическую школу. Ознакомившись съ ея устройствомъ и порядками, мы тотчасъ же задумали организовать такую-же школу и у себя, на Васильевскомъ островѣ. Въ слѣдующій-же вторникъ, въ собраніи нашемъ, особенно многочисленномъ и оживленномъ, было приступлено къ обсужденію этого дѣла и къ изъисканію денежныхъ средствъ для найма квартиры, омеблированія ея, снабженія учебными пособіями и проч. Прежде всего рѣшено было открыть немедленно подписку на единовременные взносы между собой и между своими знакомыми и, кромѣ того, всѣ учредители обязались ежемѣсячно вносить на содержаніе школы опредѣленную сумму, каждый по своимъ средствамъ. Всѣ мы точно ожили, съ искреннимъ жаромъ и увлеченіемъ ухватились за новое предпріятіе и каждый изъ насъ изо всѣхъ силъ старался содѣйствовать наивозможно скорѣйшему его осуществленію. Рѣшено было открыть школу тотчасъ послѣ рождественскихъ праздниковъ. Затрудненій въ полученіи разрѣшенія и въ обезпеченіи дальнѣйшаго существованія нашего дѣтища въ матеріальномъ отношеніи, конечно, было не мало. По счастію, между нами нашелся нѣкто П. — человѣкъ необыкновенно юркій, умѣвшій пролѣзть всюду и вездѣ найти и денежную помощь, и протекцію, и личное содѣйствіе. Этотъ неоцѣненный для насъ человѣкъ выискалъ извѣстнаго въ то время богача, Вл. Ив. Струбинскаго, который вызвался покрывать своими средствами всѣ имѣющіе быть дефициты по школѣ, и, кромѣ того, все, чего у насъ не хватитъ по первоначальному ея устройству и обзаведенію, дополнить на собственный счетъ. Для содѣйствія передъ администраціей къ разрѣшенію открытія школы, а также и для руководительства насъ при выработкѣ методовъ и программъ преподаванія, тотъ-же П. обратился къ глубокоуважаемому нашему профессору, Константину Дмитріевичу Кавелину, который съ отличавшею его всегда отзывчивостью на все доброе и хорошее, съ полною готовностью сталъ удѣлять намъ цѣлые вечера изъ своего дорогаго времени, терпѣливо выслушивалъ всѣ наши юношескія разглагольствованія, проекты нашихъ программъ, и всегда съ удивительною мягкостью и деликатностью умѣрялъ наши молодые порывы, поправлялъ ошибки и направлялъ уклонявшихся на настоящій путь. Этой въ высшей степени почтенной личности мы, вообще, многимъ обязаны какъ въ общемъ нашемъ развитіи, такъ и въ солидной сразу постановкѣ дорогаго намъ тогда школьнаго дѣла, такъ какъ, не ограничивая своего участія первоначальной выработкой школьныхъ

программъ и содѣйствіемъ къ разрѣшенію открытія самой школы, Константинъ Дмитріевичъ часто посѣщалъ наши уроки въ классахъ, много и съ любовью бесѣдовалъ съ нами объ этихъ урокахъ, присутствовалъ на нашихъ педагогическихъ совѣщаніяхъ и давалъ намъ драгоцѣнныя указанія и разъясненія. Теперь, передъ могилой этого человѣка, горячо любимаго и высокочтимаго всѣми, хотя сколько нибудь его знавшими, особенно дорого остановиться въ благодарныхъ воспоминаніяхъ о немъ. Какъ теперь слышу его живой, чрезвычайно пріятный и привѣтливый голосъ, точно стоитъ передо мной его небольшая нервно-подвижная фигура, съ выразительными, добрыми и быстро бѣгающими глазами, ласково и ободряюще смотрящими на собесѣдника! Припоминаю я нѣсколько такихъ эпизодовъ: однажды нѣкій юноша изъ нашего кружка сталъ доказывать, что въ Петрѣ I-мъ ровно ничего великаго не было, въ другой разъ тотъ-же юноша разглагольствовалъ, что наши народныя пѣсни ничего, кромѣ цинизма, въ себѣ не содержатъ,—и надо было видѣть, какъ мягко и съ какимъ изумительнымъ терпѣніемъ Константинъ Дмитріевичъ спорилъ съ этимъ чудакомъ и старался его образумить! Также онъ относился къ намъ и на нашихъ студентскихъ экзаменахъ, хотя требованія его отъ насъ научныхъ знаній всегда были серьезны и строги, но они были совершенно чужды сухаго, формально начальническаго отношенія къ экзаменующемуся. Подойдетъ, бывало, студентъ къ экзаменаторскому столу, почтенный профессоръ ласково протянетъ ему руку, усадитъ около себя на кресло и начнетъ просто, по товарищески, бесѣдовать съ нимъ по тому или другому вопросу изъ гражданскаго права, и только окончательно убѣдившись въ степени дѣйствительныхъ знаній вопрошаемаго, отпуститъ его, поставивъ баллъ по строгой, но чрезвычайно справедливой и отнюдь не лицепріятной оцѣнкѣ. Въ теченіе всей его профессуры двери его квартиры всегда были открыты для каждаго изъ его слушателей; онъ очень любилъ, когда они его посѣщали, и всегда чрезвычайно охотно бесѣдовалъ съ ними, давалъ необходимые совѣты и указанія, снабжалъ книгами изъ собственной библіотеки, давалъ темы для научныхъ работъ, указывалъ источники и т. д. Кромѣ ученаго и публициста, Кавелинъ былъ и педагогъ по призванію, и его любовь къ воспитанію и просвѣщенію ярко и благотворно проявлялась въ немъ до послѣднихъ дней его жизни. Кромѣ Васильеостровской школы, онъ образцово воспиталъ своихъ собственныхъ дѣтей... Дочь его (нынѣ покойная), какъ извѣстно, уже въ самые юные годы рѣзко выдѣлялась своими знаніями и преподавательскими способностями. Наконецъ, не задолго до смерти, Константинъ Дмитріевичъ показывалъ своимъ знакомымъ цѣлыя кучи

ученическихъ тетрадокъ крестьянскихъ дѣтей, обучавшихся въ устроенной имъ въ своемъ имѣніи школѣ, и съ умилительной искренностью и любовью радовался ихъ быстрымъ успѣхамъ.... Миръ праху твоему хорошій человѣкъ!

Нашъ кружокъ въ это время сталъ быстро разростаться. Кромѣ студентовъ, въ числѣ учредителей школы явились дѣвицы, дамы мужчины болѣе или менѣе уже зрѣлыхъ лѣтъ и даже—одинъ пожилой гусарскій полковникъ, К.,—человѣкъ чрезвычайно добродушный, очень недалекій, но либералъ до ребяческаго увлеченія и наивности, что всѣхъ насъ приводило въ немалое смущеніе и мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться, такъ какъ своимъ, просто глупымъ либеральничаньемъ онъ нерѣдко ставилъ насъ въ весьма неловкое положеніе.

Къ концу рождественскихъ каникулъ у насъ все уже было готово: разрѣшеніе получено, нанята квартира въ 16-й линіи Васильевскаго острова, у Малаго проспекта, состоявшая изъ трехъ комнатъ, прихожей и кухни, обставлена необходимой мебелью и даже небольшой библіотечкой, быстро наполнявшейся книгами и разными учебными пособіями, жертвовавшимися учредителями и, въ особенности, посторонними лицами, сочувствовавшими благому предпріятію. Рѣшено было сначала открыть два класса,—для дѣтей, еще не начинавшихъ учиться, и для тѣхъ, которые уже кое-что знаютъ; но вскорѣ пришлось устроить и третій классъ, такъ какъ въ первое время явившіеся мальчики раздѣлились на двѣ группы: одни умѣли только читать и писать, а другіе уже успѣли пріобрѣсти дòма и въ разныхъ училищахъ и нѣкоторыя другія элементарныя познанія, а потомъ стали прибывать дѣти и безъ всякой подготовки. Занявъ открытые нами классы первыми двумя группами, изъ послѣдней мы образовали приготовительный классъ и поручили его нѣсколькимъ дѣвицамъ. нашимъ родственницамъ и знакомымъ. Предметы преподаванія въ Василеостровской школѣ были слѣдующіе: законъ Божій, русскій языкъ со славянскимъ чтеніемъ, ариѳметика, естествознаніе, предметные уроки, краткія свѣдѣнія изъ географіи и русской исторіи, скоропись, по американской методѣ, рисованіе и черченіе, элементарныя понятія изъ геометріи и объяснительное чтеніе. Впослѣдствіи для желающихъ было введено преподаваніе французскаго языка. Кромѣ распредѣленія между нами преподаванія всѣхъ этихъ предметовъ, каждый изъ учредителей долженъ былъ, поочереди, дежурить въ школѣ, для надзора за общимъ порядкомъ, за поведеніемъ учащихся во время рекреацій, до начала уроковъ и по окончаніи ихъ, для пріема посѣтителей, замѣны преподавательскихъ манкировокъ и т. п. Тому-же П. было на первое время предоставлено завѣдываніе хозяйственною

частью, представительство передъ начальствомъ и заботы о дальнѣйшемъ обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія школы. Затѣмъ, для дальнѣйшей выработки нашихъ учебныхъ программъ, сообразно указаніямъ практики, обсужденія и выбора методовъ преподаванія, необходимыхъ учебныхъ пособій и педагогическихъ пріемовъ вообще, установлены еженедѣльныя собранія всѣхъ учредителей и преподавателей школы. Предсѣдательство на этихъ собраніяхъ, обыкновенно, предоставлялось наиболѣе авторитетному изъ присутствовавшихъ. Собранія эти происходили обыкновенно по субботамъ, съ восьми часовъ вечера, и нерѣдко затягивались далеко за полночь. Каждый преподаватель сначала вкратцѣ сообщалъ, что̀ имъ сдѣлано въ теченіе минувшей недѣли и какія онъ имѣетъ замѣчанія, какъ по своему предмету, такъ и по школѣ вообще, и затѣмъ ставились различные вопросы и начинались пренія. Была заведена особая книга, въ которую въ теченіе недѣли записывалось каждымъ желающимъ все то, что онъ находилъ нужнымъ подвергнуть обсужденію на общемъ собраніи. Обыкновенно предсѣдательствовалъ на этихъ собраніяхъ нѣкто М., бывшій постарше насъ и уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ кончившій курсъ въ университетѣ, человѣкъ весьма умный, всегда спокойный и сдержанный, много способствовавшій успѣху дѣла своимъ хотя нѣсколько сухимъ и формальнымъ, но всегда серьезнымъ отношеніемъ къ нему. Отношенія наши съ учениками сразу установились самыя простыя, дружескія, чуждыя какого-бы-то ни было формализма. Дѣти весело здоровались съ нами за руку, совершенно непринужденно болтали съ нами, почти какъ съ товарищами, и посѣщали школу чрезвычайно охотно. Ни поощреній и наградъ, ни наказаній у насъ не допускалось, и на лѣнивыхъ и непослушныхъ мы старались дѣйствовать теплымъ, ласковымъ словомъ убѣжденія. Только въ болѣе важныхъ случаяхъ мы переставали разговаривать съ провинившимися, и, какъ крайнюю мѣру, употребляли запрещеніе на нѣкоторое время посѣщенія школы, что въ большинствѣ случаевъ дѣйствовало сильнѣе всякаго наказанія.

Само собою разумѣется, въ первое время наша педагогическая дѣятельность не могла быть правильною. По неопытности нашей и новизнѣ дѣла, мы путались и не выдерживали принятыхъ системъ преподаванія, на совѣщаніяхъ тоже нерѣдко метались изъ стороны въ сторону и не знали, на чемъ остановиться, спорили, горячились, кричали, и иногда безъ толку. Но вотъ, въ одну изъ субботъ, въ дверь нашей прихожей просовывается какая-то неизвѣстная фигура мужчины лѣтъ подъ сорокъ, во фризовой шинели, и чрезвычайно скромно проситъ позволенія войти и послушать наши совѣщанія.

Сначала мы недоумѣваемъ и опасаемся, но скоро разрѣшаемъ незнакомцу войти. Является господинъ съ чрезвычайно подвижнымъ, нервнымъ лицомъ и живыми, выразительными и вдумчивыми глазами, которыми, казалось, онъ пронизывалъ насквозь каждаго съ кѣмъ говорилъ. Онъ на цыпочкахъ прошелъ въ уголъ комнаты и тамъ усѣлся на краю школьной скамейки. Во весь вечеръ онъ не принималъ никакого активнаго участія въ нашихъ разсужденіяхъ, но слѣдилъ за нами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, точно впиваясь въ говорившаго и пожирая его своими удивительными глазами. Всѣ мы чувствовали себя очень неловко и старались быть какъ можно сдержаннѣе. Подъ конецъ вечера мы познакомились съ этимъ господиномъ и разговорились. Это былъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Резенеръ, столь извѣстный впослѣдствіи среди петербургскихъ педагоговъ. Онъ объяснилъ намъ, что живетъ по сосѣдству, весьма интересуется учебнымъ дѣломъ и, имѣя много свободнаго времени, очень-бы желалъ принять дѣятельное участіе въ нашей школѣ. Нѣкоторымъ изъ насъ все это показалось страннымъ, а инымъ—и просто непріятнымъ, что какая-то совершенно никому неизвѣстная личность такъ смѣло вмѣшивается въ наше собственное, нами созданное дѣло, и мы не вдругъ принимаемъ незнакомца въ наши сочлены, а предлагаемъ ему сначала посѣщать наши педагогическія собранія, чтобы ознакомиться съ характеромъ нашей школы, съ нашими требованіями и проч. Резенеръ до чрезвычайности вѣжливо и деликатно съ нами соглашается, горячо благодаритъ насъ за любезное разрѣшеніе и прощается съ нами, какъ человѣкъ, только-что получившій великія и богатыя милости, и мы, вполнѣ довольные и своею осторожностью, и своимъ великодушіемъ, расходимся по домамъ. Въ слѣдующую субботу Резенеръ явился къ самому началу нашего собранія, снова скромно занялъ мѣсто въ углу комнаты и, попрежнему, не вмѣшивался въ наши разсужденія, пока не спросили его мнѣнія по какому-то вопросу. Тогда, опуствивъ голову и пощипывая свою бородку, онъ началъ говорить тихо, какъ будто робко и сконфуженно, но чѣмъ далѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе и болѣе стали обнаруживаться и его природный глубокій умъ, и обширныя свѣдѣнія. Къ концу вечера уже ни одинъ вопросъ не рѣшался безъ его участія, и, совершенно незамѣтно для насъ, мы стали принимать и утверждать именно его мнѣнія. При прощаньѣ мы уже крѣпко пожимали его руку, просили посѣщать наши уроки, и затѣмъ, въ будущую субботу, взять на себя какія-либо занятія въ школѣ. Со слѣдующаго-же собранія Резенеръ сталъ не только высказываться, но въ своихъ, по прежнему скромныхъ, мягкихъ, въ высшей степени деликатныхъ рѣчахъ просто

поучать насъ, совершенно юныхъ и нисколько неподготовленныхъ. Онъ излагалъ передъ нами, какъ ведется школьное дѣло въ Германіи, Франціи, Англіи, знакомилъ съ теоріями извѣстнѣйшихъ европейскихъ педагоговъ, объяснялъ основныя начала дидактики, методики, педагогіи и т. п., указывалъ массу наиболѣе цѣлесообразныхъ пособій, книгъ для дѣтскаго чтенія и т. д., и т. д., обнаруживая при этомъ свои огромныя познанія и свой выходящій изъ ряду умъ, не довольствующійся простымъ знаніемъ предмета, но углубляющійся въ самую суть его, изучающій его со всѣхъ сторонъ, до мельчайшихъ подробностей. Горячая преданность этого человѣка своему дѣлу и его убѣжденность въ своихъ взглядахъ были настолько сильны, что всѣ мы очень скоро и совершенно подпали подъ его вліяніе. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со дня водворенія Резенера въ школѣ, какъ онъ былъ уже главнымъ ея руководителемъ, ея душою, а для насъ—не только высокимъ авторитетомъ въ нашей школьной дѣятельности, но въ значительной мѣрѣ и нашимъ воспитателемъ въ нравственномъ отношеніи. Проманкировать урокъ или дать его кое-какъ, не явиться въ собраніе, — намъ дѣлалось уже неловко, между прочимъ, и потому, что мы знали очень хорошо, что за этимъ непремѣнно послѣдуетъ объясненіе съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, объясненіе чрезвычайно мягкое, дружеское и сердечное, на которое невозможно было обидѣться или разсердиться, но отъ котораго всегда было жутко провинившемуся. Да и не только въ сферѣ нашихъ прямыхъ обязанностей по школѣ, но мало-по-малу, незамѣтно и для насъ самихъ, мы проникались нравственнымъ авторитетомъ этого поистинѣ замѣчательнаго человѣка настолько, что невольно чувствовали его ежеминутно, во всѣхъ, даже совершенно личныхъ, интимныхъ проявленіяхъ нашей жизни. Напримѣръ, щегольство и чрезмѣрная изысканность въ одеждѣ стали коробить насъ, при видѣ всегда чрезвычайно скромно, бѣдно, но всегда опрятно одѣтаго Ѳедора Ѳедоровича; намъ уже неловко было бросать деньги на вѣтеръ, когда постоянно передъ глазами былъ глубоко уважаемый нами человѣкъ, зарабатывавшій весьма тяжелыми журнальными работами довольно много, но тратившій на себя самую ничтожную часть своего заработка, буквально необходимую лишь на тѣ потребности, безъ которыхъ обойтись невозможно. Конечно, мы все-таки покучивали, бражничали по ночамъ; но, сначала шутя, говорили другъ другу: «а что скажетъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ?», а скоро намъ и въ самомъ дѣлѣ стало неловко, когда послѣ безобразно проведенной ночи намъ приходилось выдерживать его пристальный, въ упоръ, пронизывавшій насквозь взглядъ. Въ его симпатичномъ голосѣ слышалось тогда и ѣдкая, уничтожающая иронія

и, вмѣстѣ, столько искренности и сердечности, что никому и въ голову не приходило обидѣться, или огрызнуться, что это не ваше, молъ, дѣло. Напротивъ, всякій невольно признавалъ за нимъ какое-то право журить и пристыживать виновнаго, и случалось, просто, какъ провинившійся школьникъ, говорилъ: «виноватъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и самъ вижу, что скверно!» Надо сказать при этомъ, что самъ Резенеръ ни вина, ни пива въ ротъ не бралъ, ни въ гости, ни на какія-нибудь увеселенія не ходилъ никогда, и вообще не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ развлеченій или удовольствій, которыми пользуются обыкновенные смертные. Но онъ былъ далеко не мрачнымъ, сухимъ человѣкомъ, ушедшимъ только въ себя и въ свои книги. Напротивъ, это была въ высшей степени нервная, воспріимчивая и впечатлительная натура, обладавшая чрезвычайно живымъ, огненнымъ темпераментомъ и, въ то-же время—колоссальною силою воли, постоянно и неослабно сдерживавшею всѣ клокотавшіе въ немъ бурные порывы, лишь изрѣдка прорывавшіеся наружу въ горячемъ спорѣ, когда его задѣвали за живое, или когда его что-нибудь особенно возмущало. Только въ подобныя минуты видно было, что̀ это за человѣкъ; въ обыкновенное-же время онъ былъ всегда чрезвычайно ровенъ, мягокъ, утонченно деликатенъ и порой, особенно въ обществѣ, даже робокъ и застѣнчивъ. То огромное значеніе, какое Резенеръ имѣлъ не только для Василеостровской школы, но и для всѣхъ бывшихъ ея преподавателей, во всей ихъ послѣдующей дѣятельности, особенно ярко видно изъ того, какъ онъ работалъ самъ и какъ заставлялъ работать своихъ юныхъ сотрудниковъ. Я останавливаюсь въ своихъ воспоминаніяхъ особенно долго на этой личности потому, во 1-хъ, что Василеостровская школа съ Резенеромъ во главѣ и составляетъ главный предметъ этихъ воспоминаній, и во 2-хъ, какъ я уже сказалъ, вліяніе Резенера чрезвычайно сильно и благотворно отразилось на дальнѣйшей, болѣе широкой педагогической дѣятельности всѣхъ, кто подготовлялся къ ней подъ его руководствомъ, и даже болѣе: многіе молодые люди, начавшіе заниматься въ школѣ только на время своихъ юношескихъ досуговъ и вовсе не мечтавшіе о педагогической карьерѣ, проработавъ съ Резенеромъ два-три года, настолько искренно и горячо полюбили это дѣло, что всецѣло отдались ему на всю жизнь и теперь продолжаютъ разрабатывать эту плодотворную ниву съ любовью, съ честью и съ великою пользою. Большинство изъ насъ и до открытія Василеостровской школы занимались частными уроками; но на это смотрѣлось лишь какъ на пріобрѣтеніе необходимыхъ средствъ къ жизни, и мы преподавали своимъ ученикамъ почти по той-же рутинѣ, по которой обучались сами въ началѣ 1850-хъ годовъ

въ первыхъ классахъ гимназій. Начавъ свою педагогическую дѣятельность въ Василеостровской школѣ, мы еще ничего не слыхали о только что начинавшихъ тогда проникать къ намъ изъ Европы усовершенствованіяхъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, благодаря трудамъ нашего піонера по этимъ вопросамъ, Іосифа Ивановича Паульсона, и печатавшимся въ «Морскомъ Сборникѣ» статьямъ Николая Ивановича Пирогова, только что назначеннаго тогда попечителемъ одесскаго учебнаго округа. О такихъ педагогическихъ дѣятеляхъ, какъ К. Д. Ушинскій и, впослѣдствіи, баронъ Николай Александровичъ Корфъ, въ то время не было еще слышно. Резенеръ со всею энергіей и горячностью своей натуры сталъ посвящать насъ во всѣ тонкости самоновѣйшей европейской педагогики и дидактики. Наши субботнія совѣщанія, въ первое время ограничивавшіяся болѣе внѣшними, формальными сторонами дѣла, быстро измѣнили прежній характеръ. По каждому, даже мелочному, какъ намъ казалось, вопросу Ѳедоръ Ѳедоровичъ, настаивавшій на томъ, что въ воспитаніи и обученіи ребенка нѣтъ мелочей, что все въ этой сферѣ имѣетъ значеніе и важность, завязывалъ самыя оживленныя, горячія пренія, въ которыхъ онъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ свой тонкій, глубоко и всесторонне наблюдающій и анализирующій умъ и свои богатыя и чрезвычайно разнообразныя знанія. Приносились всевозможныя сочиненія европейскихъ педагоговъ, психологовъ и философовъ и изъ нихъ цитировались и обсуждались мѣста, относившіяся къ спорному вопросу. Совѣщанія, вмѣсто прежнихъ 12-ти часовъ ночи, стали затягиваться до 3-хъ—4-хъ часовъ утра и при этомъ иногда происходили сцены, не лишенныя комизма: иные юноши, сильно утомившись, пытались незамѣтно ускользнуть изъ собранія.—Ѳедоръ Ѳедоровичъ бѣжалъ за ними въ переднюю и даже на лѣстницу, и съ добродушно веселыми шуточками подъ руки возвращалъ бѣглеца на его мѣсто. Нашъ уважаемый руководитель съ любовью и увлеченіемъ излагалъ намъ педагогическія теоріи Ж. Ж. Руссо, Песталоцци, Дистервега, Груббе и другихъ, и мы терпѣливо и внимательно выслушивали его по нѣскольку часовъ сряду. Прежде всего всѣ эти бесѣды и поученія благотворно отразились на нашемъ обращеніи съ учениками и на отношеніяхъ нашихъ къ своимъ обязанностямъ. Мы скоро сдѣлались просто старшими товарищами нашихъ мальчиковъ и ихъ друзьями, которыхъ и они, въ свою очередь, полюбили. Нечего и говорить, что къ Ѳедору Ѳедоровичу они привязались особенно горячо. Единственными наказаніями у насъ были, какъ я уже говорилъ, прекращеніе разговоровъ съ провинившимся и, въ крайности, временное недопущеніе къ участію въ играхъ

съ товарищами, и надо было видѣть, какъ сильно дѣйствовали эти наказанія, въ особенности, когда сердился и переставалъ разговаривать Ѳедоръ Ѳедоровичъ! Припоминаю при этомъ одинъ особенно характерный случай, происшедшій въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ существованія школы. Стали какъ-то пропадать различныя мелкія вещи, и всѣ розыски какъ виновнаго, такъ и этихъ вещей были безуспѣшны. Наконецъ, у одного изъ мальчиковъ пропало портмонэ съ деньгами. Узнавъ объ этомъ, сначала Резенеръ просто предлагалъ взявшему чужую вещь возвратить ее по принадлежности; но это не привело ни къ чему и почтенный педагогъ, глубоко опечаленный, ходилъ мрачнѣе тучи, съ мальчиками сталъ сухъ и молчаливъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней, отношенія между нимъ и дѣтьми сдѣлались неестественными, натянутыми и крайне тяжелыми. Однажды утромъ портмонэ со всѣми находившимися въ немъ деньгами оказалось въ передней подъ шваброй, очевидно, подброшенное. Дѣти въ восторгѣ побѣжали къ Ѳедору Ѳедоровичу съ извѣстіемъ, что портмонэ нашлось. На ихъ лицахъ ясно отражалась радость, что слишкомъ тяжелые для нихъ дни, наконецъ, миновали... Но Резенеръ оставался серьезенъ и сумраченъ по прежнему.—«Ну, хорошо, дѣтюшки, а кто же изъ васъ все это сдѣлалъ?»—Дѣтскія лица снова вытянулись и минутная радость смѣнилась недоумѣніемъ и смущеніемъ.— «Вотъ, видите-ли, продолжалъ онъ,—дѣло вѣдь не въ портмонэ съ нѣсколькими копѣйками, а въ томъ, кто именно его взялъ и потомъ подбросилъ; но что особенно худо, такъ это то, что провинившійся не хочетъ самъ сознаться. Ступайте, я не могу разговаривать съ людьми, среди которыхъ завелся такой нехорошій человѣкъ!»—Какъ ни упрашивали его дѣти забыть всю эту исторію, не сердиться на нихъ и быть съ ними по старому, Ѳед. Ѳед. оставался непреклоннымъ. Прошло еще нѣсколько томительныхъ дней, мальчики перестали рѣзвиться, всѣ говорили и двигались какъ-то робко и тихо, точно въ квартирѣ лежалъ покойникъ. Даже съ нами Ѳед. Ѳед. былъ желченъ, раздражителенъ и неразговорчивъ. Онъ видимо страдалъ и обдумывалъ нѣчто весьма серьезное, скоро обнаружившееся слѣдующимъ образомъ: въ одинъ изъ вечеровъ, передъ началомъ классныхъ занятій, Резенеръ, усадивъ по мѣстамъ учениковъ того класса, въ которомъ случилась пропажа, вошелъ къ нимъ, тщательно заперъ за собою дверь и, усѣвшись передъ дѣтьми, обратился къ нимъ съ рѣчью, содержаніе которой заключалось въ томъ, что вотъ уже почти два года, какъ онъ прожилъ съ ними, что называется, душа въ душу, свыкся съ ними, полюбилъ ихъ, какъ настоящихъ своихъ маленькихъ друзей; кажется, и они его полюбили; но случилось несчастіе, послѣ

котораго онъ уже не можетъ долѣе оставаться съ ними: одинъ изъ нихъ своимъ нехорошимъ поступкомъ, главное — своимъ упорнымъ запирательствомъ, позоритъ весь классъ и лишаетъ его того уваженія, безъ котораго невозможна дружба между нимъ, Резенеромъ, и ими. Ему теперь стыдно и больно смотрѣть на нихъ, не только говорить съ ними,—и онъ долженъ немедленно оставить ихъ и удалиться совсѣмъ изъ школы. «Итакъ, — заключилъ свою рѣчь Ѳедоръ Ѳедоровичъ непритворно взволнованнымъ голосомъ, — я теперь пришелъ къ вамъ, дѣтюшки, только для того, чтобы проститься съ вами. Прощайте, не поминайте меня лихомъ, если я кого нибудь изъ васъ невольно чѣмъ-нибудь обидѣлъ!» Дѣти вытаращили глаза и нѣсколько минутъ не произносили ни одного звука, видимо ошеломленные такою неожиданностью, и вдругъ, точно сговорившись, заревѣли въ одинъ голосъ. Затѣмъ, когда Резенеръ всталъ со своего мѣста, они окружили его и стали съ громкимъ плачемъ упрашивать его не уходить отъ нихъ, обѣщая такъ или иначе разъискать виновнаго. Почтенный педагогъ былъ тронутъ такимъ искреннимъ и единодушнымъ проявленіемъ любви къ нему, но согласился остаться лишь при томъ условіи, если виновный самъ добровольно явится къ нему и покается въ своемъ проступкѣ; а для того, чтобы ему не помѣшало въ этомъ чувство стыда передъ товарищами, онъ предложилъ, чтобы весь классъ по одиночкѣ пришелъ къ нему въ комнату, и онъ съ каждымъ поговоритъ отдѣльно. Послѣ того, какъ всѣ ученики поочередно перебывали у него, Ѳедоръ Ѳедоровичъ снова явился въ классъ и объявилъ, что теперь все устроилось: виновный чистосердечно во всемъ признался и далъ честное слово, что ничего подобнаго впредь никогда не будетъ; а на разспросы дѣтей, кто именно былъ виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдъ, объяснилъ имъ, что не только не скажетъ, но проситъ ихъ и не разговаривать болѣе объ этомъ грустномъ происшествіи и не вспоминать его никогда, какъ будто его никогда и не было, и взялъ съ мальчиковъ торжественное обѣщаніе, что они не будутъ разспрашивать и стараться узнать того изъ ихъ товарищей, съ которымъ случилась эта непріятная исторія. Всѣ повеселѣли, оживились, все пошло попрежнему и никакихъ пропажъ въ школѣ послѣ того не было и въ поминѣ.

Кромѣ занятій въ классахъ, гдѣ Ѳ. Ѳ. Резенеръ взялъ на себя наибо́льшее число уроковъ, и еженедѣльныхъ, а иногда по два раза въ недѣлю педагогическихъ совѣщаній, онъ безпрестанно присутствовалъ и на нашихъ урокахъ, потомъ обсуждалъ ихъ съ нами, часто приглашая то одного, то другаго изъ насъ къ себѣ, и тамъ, въ его крошечной комнаткѣ, мы проводили цѣлые вечера, далеко за полночь,

въ горячихъ дебатахъ, справкахъ и чтеніи различныхъ педагогическихъ и дидактическихъ статей, и каждый разъ возвращались домой, обогащенные такимъ множествомъ разъясненій и положительныхъ свѣдѣній, до которыхъ сами по себѣ мы не дошли-бы и въ цѣлый годъ. Утра и дни (классы въ школѣ были вечерніе) Өедоръ Өедоровичъ посвящалъ приватнымъ занятіямъ съ болѣе слабыми и неуспѣвающими учениками, розыскамъ и приглашенію къ участію въ школѣ разныхъ полезныхъ для нея лицъ, просмотру книгъ для школьной библіотеки и всевозможныхъ учебныхъ руководствъ, и, сверхъ всего этого, постоянно помѣщалъ свои статьи въ издававшемся тогда І. И. Паульсономъ журналѣ «Учитель», переводилъ разныя отдѣльныя статьи и цѣлыя книги съ языковъ: нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и голландскаго, посѣщалъ жилища учениковъ, объяснялся съ ихъ родителями, убѣждалъ ихъ не противодѣйствовать и не мѣшать школѣ въ ея воспитательныхъ и учебныхъ цѣляхъ и въ ея способахъ къ достиженію этихъ цѣлей. Спалъ этотъ неутомимый труженикъ чрезвычайно мало, на ѣду и питье почти вовсе не тратилъ времени, дѣлая то и другое на ходу и не прерывая работы. Весь день сплошь онъ постоянно былъ занятъ и никто никогда не видѣлъ его безъ дѣла, просто отдыхающимъ. По улицамъ онъ ходилъ очень быстро, какъ-бы боясь потерять каждую минуту, каждую секунду даромъ, и постоянно погруженный въ размышленія о томъ или другомъ педагогическомъ вопросѣ, или о горячо любимыхъ имъ «дѣтюшкахъ».

Его кипучая натура и въ высшей степени пытливый, многосторонній и безпрерывно работавшій умъ, всегда стремившійся проникнуть каждый вопросъ до самыхъ его корней, не удовлетворялись обыкновенною, спеціальною дѣятельностью педагога-практика, и Өедоръ Өедоровичъ былъ въ постоянномъ исканіи способовъ къ наисовершеннѣйшему осуществленію высоко поставленныхъ имъ задачъ воспитанія и обученія, и нерѣдко доходилъ до увлеченія въ своихъ идеалистическихъ стремленіяхъ. Такъ, напримѣръ, одно время онъ сталъ доказывать своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, что для болѣе успѣшной дѣятельности въ школѣ необходимо поближе ознакомиться съ той средой, къ которой принадлежитъ большинство учениковъ этой школы, и съ этою цѣлью предлагалъ намъ ходить по простонароднымъ трактирамъ и харчевнямъ, смѣшиваться тамъ съ толпою, присматриваться къ ней и такимъ образомъ изучать народъ. Мы одѣвались какъ можно хуже, просиживали вмѣстѣ съ Резенеромъ цѣлые вечера въ различныхъ простонародныхъ трактирахъ и харчевняхъ за «парой чая», приглядываясь и прислушиваясь къ пировавшему тамъ люду. Впрочемъ, такія «хожденія въ народъ» мы скоро прекратили, убѣ-

дившись въ совершенной ихъ безполезности съ одной стороны и не безопасности съ другой, такъ какъ обычные посѣтители этихъ заведеній могли заподозрить насъ въ соглядатайствѣ и просто побить, а полиція—усмотрѣть въ нашемъ поведеніи что-либо злокозненное—и надѣлать намъ не мало хлопотъ.

Изъ числа многихъ лицъ, привлеченныхъ Ѳ. Ѳ. Резенеромъ къ участію въ школѣ, особенно выдѣлялся Феликсъ Густавовичъ Толль. Молодой и даровитый учитель исторіи въ 1840-хъ годахъ, онъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ М. В. Петрашевскаго и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и прожилъ, сначала въ каторжныхъ работахъ, а потомъ—на поселеніи, до амнистіи, послѣдовавшей съ воцареніемъ императора Александра II-го. Въ Петербургъ онъ возвратился съ надорваннымъ здоровьемъ, съ обезображенной изнурительною жизнью фигурой, но съ прежнимъ свѣтлымъ, разносторонне образованнымъ умомъ, чистой душой и горячимъ любящимъ сердцемъ идеалиста 1840-хъ годовъ. Преподавать ему было безусловно запрещено гдѣ-бы-то ни было, и онъ весь отдался литературѣ, сначала художественной, а потомъ — педагогической, и въ этой послѣдней скоро сталъ въ ряду наиболѣе выдававшихся ея дѣятелей. Его статьи въ журналѣ «Учитель», въ которыхъ онъ знакомилъ русское общество съ новѣйшими теоріями иностранныхъ педагоговъ, принесли огромную пользу русскимъ воспитателямъ, родителямъ и преподавателямъ; а составленный имъ «Обзоръ дѣтской литературы» весьма много способствовалъ цѣлесообразному выбору книгъ для дѣтскаго чтенія и при устройствѣ ученическихъ библіотекъ. Послѣднимъ, обширнымъ и весьма полезнымъ, трудомъ его былъ «Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знаній», окончившійся печатаніемъ въ 1866 году.

Кромѣ постояннаго участія такихъ руководителей-консультантовъ, какъ Кавелинъ и Толль, на наши педагогическія совѣщанія безпрестанно приглашались различные спеціалисты по вопросамъ воспитанія, гигіены и преподаванія, какъ, напр., I. И. Паульсонъ, баронъ Михаилъ Осиповичъ Коссинскій, учредитель Таврической школы, докторъ Боковъ, принявшій на себя безвозмездно обязанности врача при школѣ, и мн. др. Тамъ, въ убогомъ домикѣ одного изъ отдаленнѣйшихъ закоулковъ Васильевскаго острова, собирался, можно сказать, весь цвѣтъ педагогическихъ силъ Петербурга. Тамъ положено начало обновленію нашего учебно-воспитательнаго дѣла, были выработаны новые методы преподаванія учебныхъ предметовъ, какъ, напр., вмѣсто старинной калиграфіи, введено обученіе скорописи по американской системѣ, вмѣсто прежняго преподаванія грамматики, весьма тщательно разработаны упражненія въ объяснительномъ чтеніи, впервые

примѣнены предметные уроки и наглядное обученіе по методамъ Песталоцци и Дистервега; введено преподаваніе ариѳметики по системѣ Груббе. Въ два — три года репутація Василеостровской школы установилась настолько, что многіе, не только начинающіе, но и болѣе опытные, интересовавшіеся дѣломъ, преподаватели стали посѣщать школу для ознакомленія, какъ идетъ въ ней преподаваніе того или другого предмета и потолковать по тому или другому вопросу. На частныхъ урокахъ каждому изъ насъ, хотя-бы самому юному студенту, достаточно было объявить, что онъ участвуетъ въ Василеостровской школѣ, чтобы быть принятымъ съ неограниченнымъ довѣріемъ и щедрымъ вознагражденіемъ. И дѣйствительно, въ этой школѣ зародилась и впослѣдствіи уже окончательно упрочилась репутація такихъ почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ педагоговъ, какъ А. Н. Страннолюбскій, А. Н. и В. П. Острогорскіе, А. Я. Гердъ, П. П. фанъ-деръ-Флитъ, М. А. Богданова, по мужу Быкова, Стрекалова и др. Матеріальныя средства школы, въ началѣ слабыя и шаткія, стоявшія въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей аккуратности членовъ-жертвователей (поддерживавшій ее въ началѣ капиталистъ Струбинскій впослѣдствіи къ ней охладѣлъ), вскорѣ упрочились ассигнованіемъ отъ Городской Думы ежегодной субсидіи, въ размѣрѣ, кажется, тысячи рублей. Это дало возможность, кромѣ обогащенія школы учебными пособіями, снабжать бѣднѣйшихъ изъ учениковъ обувью, одеждой и книгами и даже содержать 3 — 4 изъ нихъ на полномъ пансіонѣ. Добиться какихъ нибудь правъ для нашихъ учениковъ мы не успѣли; но стараніями Резенера и другихъ способнѣйшіе изъ нихъ были опредѣлены въ реальное училище, въ академію художествъ, нѣкоторые въ типографіи и т. п. заведенія. Впрочемъ, какъ это ни больно, но необходимо сознаться, что результаты нашей дѣятельности оказались далеко несоотвѣтствующими нашимъ стараніямъ, что, кромѣ многихъ другихъ причинъ, можетъ быть, отчасти произошло именно отъ того, что мы ужъ слишкомъ много старались. Я хочу этимъ сказать, что Резенеръ, а подъ его вліяніемъ и остальные, увлекаясь разработкою теоретическихъ вопросовъ и стремленіями къ наисовершеннѣйшимъ формамъ воспитанія и обученія, можетъ быть, упускали изъ виду практическую сторону, ту среду, въ которой приходилось дѣйствовать, дѣйствительныя потребности этой среды и того времени и т. д. Какъ-бы-то ни было, изъ Василеостровской школы вышло нѣсколько выдающихся личностей, вродѣ извѣстнаго, недавно умершаго, художника Шпака, весьма полезнаго дѣятеля по инженерной части—Оглоблина и др. Очень многіе разбрелись въ разныя стороны и, можно съ увѣренностью сказать, своею

жизнью и дѣятельностью способствуютъ и теперь распространенію въ массѣ здравыхъ понятій и честныхъ правилъ, вынесенныхъ ими изъ нашего скромнаго питомника. Какъ о дурныхъ и порочныхъ, до насъ доходили впослѣдствіи слухи о двухъ-трехъ личностяхъ, не болѣе; но вѣдь въ семьѣ не безъ урода! Главное-же значеніе Василеостровской школы, повторяю, заключается въ окончательномъ упраздненіи прежней, дореформенной системы первоначальнаго обученія и выработкѣ новой, дѣйствующей въ настоящее время, и въ томъ, что она послужила разсадникомъ лучшихъ педагогическихъ дѣятелей нашего времени.

Съ выходомъ нашимъ изъ университета, многіе изъ насъ, устремившись каждый по своему пути, отстали отъ школы, и хотя Θ Θ. Резенеръ и другіе, наиболѣе преданные ей дѣятели употребляли всевозможныя усилія къ дальнѣйшему ея поддержанію, но скоро наступили тяжелые дни: извѣстная студенческая исторія 1861 года, прокламаціи и послѣдовавшіе за ними аресты, а потомъ пожары въ 1862 г.,—все это быстро привело къ извѣстнымъ мѣрамъ. Мало по малу стали закрываться всякія общественныя предпріятія, которыя могли возбуждать хотя тѣнь подозрѣнія. Сначала прекратили городскую субсидію школѣ, а затѣмъ закрыли школу окончательно...

Вл. Сорокинъ.

Памятникъ героямъ 1812 г.

Для „Русской Старины", конечно, не безъинтересна нижеслѣдующая надпись, найденная мною въ окрестностяхъ Байрейта, въ загородномъ паркѣ „Фантазія" (Fantaisie), когда-то принадлежавшемъ покойному герцогу Александру Виртембергскому [1]), а теперь какимъ-то тремъ бюргерамъ города Байрейта, два изъ которыхъ банкиры. Паркъ, очень недурной и разбитый съ разными затѣями во вкусѣ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, теперь „приписанъ" къ гостинницѣ Hôtel Fantaisie и служитъ приманкой посѣтителей. Sic transit...

Вотъ надпись, списанная буквально:

„Aux Manes Des Braves de L'armée Russe Tués à la Bataille de Bor dino dite de la Moskva Le 26 Aout (7 Septembre) et pendant la memorable campagne de 1812:

prince Bagration général d'infanterie, Tutchkof lieutenant général, Koutaizof, Tutckof 2 généraux majors, Klinger, Camsdorf, etc. etc. etc. Bag ? von (стерто) tth lieutnant general, Aculo(f), Scalon, Balla, Dorochow, Kulnief, généraux majors etc. etc. etc.

Ce Monument Leur est consacré par un de leurs confrêres d'armes.

Какъ своего рода достопримѣчательность, этотъ памятникъ 1812 года въ сердцѣ Германіи и современной Меккѣ вагнеріанизма, быть можетъ (Вагнеръ), не лишенъ интереса.

С. Вуличъ.

---

1) Онъ погребенъ въ Байрейтѣ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ КАЗАНИ

въ 1882 году [1]).

Печатаю въ журналѣ «Русская Старина» воспоминанія мои о прискорбныхъ событіяхъ, еще такъ недавно происходившихъ, съ искреннимъ желаніемъ, чтобы поскорѣе настало время, когда разсказываемое мною теперь будетъ звучать для нашихъ студентовъ отдаленною стариною, не имѣющею ничего похожаго съ дѣйствительнымъ настоящимъ ихъ настроеніемъ. Отъ полноты души порадовался бы я, если бы собственнымъ наблюденіемъ убѣдился, что случившіеся въ 1882 году и случавшіеся прежде въ университетахъ безпорядки отжили свой вѣкъ, что наступило лучшее для студентовъ время, время серьезнаго научнаго труда — на пользу и славу нашей дорогой свято-русской земли.

П. Д. Шестаковъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1887 г., т. LV, стр. 641—662; изд. 1888 г., т. LX, стр. 203 — 223, 353 — 370. Авторъ печатаемыхъ здѣсь интересныхъ воспоминаній о студенческихъ волненіяхъ — Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, питомецъ московскаго университета (выпуска 1846 г.), 17-го апрѣля 1863 г. былъ назначенъ помощникомъ попечителя казанскаго уч. округа, а 5-го февраля 1865 г.—попечителемъ того же округа, на каковомъ посту оставался по 18-е іюня 1883-го г. Почетный членъ казанскаго университета и духовной академіи, Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ служитъ нынѣ почетнымъ мировымъ судьей въ Казани и состоитъ членомъ разныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Очеркъ его служебной дѣятельности см. въ „Альбомѣ редактора „Русской Старины“: Знакомые“, Спб., 1888 г., стр. 384—386.

VII.

Въ моемъ дневникѣ изложеніе печальныхъ событій 1861 года въ московскомъ университетѣ закончено такими словами: «тяжелымъ опытомъ своихъ предшественниковъ добыли наши студенты нѣкоторую устойчивость и не такъ легко будутъ теперь поддаваться ядовитымъ внушеніямъ, не будутъ терять драгоцѣннаго для пріобрѣтенія научныхъ знаній времени на доставаніе изъ горячей золы каштановъ для своихъ мнимыхъ благодѣтелей и просвѣтителей».

Студенческія исторіи послѣднихъ годовъ и особенно 1882 года показали, что я жестоко ошибся въ своихъ упованіяхъ. Впрочемъ, не одинъ я надѣялся на лучшія для университетовъ времена. Вотъ что мнѣ писалъ въ Казань (куда я былъ перемѣщенъ 17-го апрѣля 1863 года), въ декабрѣ того же года, извѣстный въ наукѣ профессоръ московскаго университета Ѳ. И. Буслаевъ: «Событія ясно предсказываютъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Москвѣ, для насъ, профессоровъ, что мы не будемъ болѣе подвергаться тѣмъ испытаніямъ, о которыхъ и вспоминать горько. Прежнее шатаніе и одурѣніе будто рукой сняло съ нашей университетской молодежи, которая теперь даже смотритъ какъ-то умнѣе и человѣчнѣе [1]). Такъ-ли у васъ? Вообще мы думаемъ, что возвращеніе къ лучшему для Казани труднѣе, чѣмъ для Москвы».

Это мнѣніе о Казани или, точнѣе, о казанскихъ студентахъ сложилось въ Москвѣ давно: тамъ смотрѣли на казанскихъ студентовъ, какъ на буйную молодежь, и съ большимъ недовѣріемъ относились къ переходящимъ изъ казанскаго университета въ московскій. Казанскій университетъ, говорили москвичи, получаетъ грубый матеріалъ: сибиряковъ, казаковъ донскихъ, оренбургскихъ, уральскихъ, инородцевъ,—тамъ труднѣе устроить тишину и спокойствіе. Покойный профессоръ Н. Я. Аристовъ рисуетъ казанскую университетскую молодежь 1860—1861 гг. не свѣтлыми штрихами. Онъ говоритъ, между прочимъ: «Зазнавшаяся молодежь требовала отъ А. П. Щапова—«пускай онъ

---

[1]) Историческая записка по дѣлу о безпорядкахъ въ московскомъ университетѣ заключается слѣдующими, тоже полными надежды, словами: „Представляя всѣ эти соображенія на усмотрѣніе вашего сіятельства, совѣтъ остается при твердомъ убѣжденіи, что настоящія временныя смуты не въ силахъ поколебать вѣковаго зданія старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ". П. Ш.

каждую лекцію посвящаетъ современнымъ русскимъ живымъ интересамъ». «Щаповъ иногда, въ угоду студентамъ, писалъ особаго приготовленія и оттѣнка лекціи и читалъ ихъ на сходкахъ». «Тогда поднялся невообразимый гвалтъ между студентами. Начали сбираться сходки, совѣщанія и приговоры, пошли въ ходъ депутаціи съ разными предложеніями, студенты перессорились и раздѣлились на партіи, да, говорятъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ натравливалъ на Щапова одинъ изъ недоброжелательныхъ ему университетскихъ товарищей» [1]).

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Дѣйствительно, трудно и тяжело повѣрить, чтобы въ университетѣ одинъ профессоръ натравливалъ студентовъ на своего товарища-профессора, еще труднѣе и тяжелѣе повѣрить, что профессоръ, въ угоду студентамъ, читалъ имъ на сходкахъ лекціи особаго приготовленія и оттѣнка. Но, къ сожалѣнію, современники Щапова подтверждаютъ и то, и другое. Какое глубокое паденіе человѣка науки! И какое растлѣвающее вліяніе должны были имѣть подобныя личности на учащуюся молодежь. Неужели ни Щаповъ, читавшій въ угоду студентамъ лекціи особаго приготовленія, ни товарищъ его, подстрекавшій студентовъ противъ Щапова, не понимали, что они поступаютъ неблагородно, преступно, что они являются не просвѣтителями, а растлителями юношества, что рано или поздно ихъ позорное служеніе на высокомъ и святомъ посту будетъ заклеймено достойнымъ образомъ. Не только такое постыдное отношеніе профессоровъ къ студентамъ, но и всякое заискиванье у студентовъ со стороны профессорскаго персонала заслуживаетъ порицанія, въ чемъ бы заискиваніе ни выражалось: въ пожиманіи-ли рукъ студентамъ въ стѣнахъ университета не во-время, въ предложеніи-ли экзаменующемуся студенту кресла на экзаменѣ [2]), въ послабленіи-ли

[1]) „Историческій Вѣстникъ“ 1882 г. Ноябрь. Статья Н. Я. Аристова: „Жизнь Афанасія Прокопіевича Щапова“.

[2]) Пришелъ я на экзаменъ къ одному профессору медицинскаго факультета. Слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ того года (кажется 1865—1866 академическаго года), вслѣдствіе моего предложенія, совѣтъ университета постановилъ, чтобы студенты отвѣчали на экзаменѣ стоя, а до того времени, по установившемуся, вѣроятно, послѣ студенческихъ волненій 1861 г., обычаю, студенты отвѣчали на экзаменѣ сидя. Подходитъ къ экзаменаціонному столу студентъ, беретъ билетъ и начинаетъ стоя отвѣчать. Профессоръ движеніемъ руки и головы указываетъ ему на кресло, студентъ взглядываетъ на меня многозначительно и продолжаетъ отвѣчать стоя. Профессоръ вторично энергическими жестами приглашаетъ его садиться, — студентъ снова взглядываетъ на меня и продолжаетъ отвѣчать стоя. Тогда профессоръ вскакиваетъ, придвигаетъ кресло студенту и говоритъ: „Садитесь“. Студентъ, взглянувъ на меня, молча благодаритъ его поклономъ и... отвѣчаетъ стоя. Профессоръ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: „Что это значитъ? Отчего

при испытаніяхъ, доходившемъ до выставленія отмѣтки, требуемой студентомъ, а особенно безъ экзамена, въ предоставленіи-ли студентамъ являться на экзаменъ когда имъ угодно,—словомъ, всякое заигрыванье и фамиліарничанье профессоровъ и преподавателей съ учащеюся молодежью не должно быть дозволяемо, какъ унижающее профессорскую корпорацію и подрывающее основы дисциплины. Студенты сами подтруниваютъ надъ профессорами искательными, даютъ иногда такому профессору прозвище «лисица». Объ уваженіи къ такимъ профессорамъ не можетъ быть и рѣчи. Даже ученое достоинство не спасаетъ подобнаго профессора отъ неуважительнаго взгляда на него учащихся. Студенты давно уже потеряли прежнюю студенческую pietas къ профессорамъ, давно уже стали относиться къ своимъ наставникамъ какъ строгіе цѣнители и судьи; они давно уже воображаютъ о себѣ слишкомъ много, а на другихъ, которые постарше лѣтами, смотрятъ свысока, считаютъ ихъ отсталыми, не могущими «водворить неба на землѣ». Поэтому, въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, профессоры должны стоять на высотѣ своего великаго призванія—просвѣтителей юношества и насадителей науки въ любезномъ отечествѣ нашемъ. Кромѣ своего научнаго достоинства, они должны отличаться хорошею жизнью, строгимъ и честнымъ исполненіемъ своего долга; они должны быть образцомъ для учащейся молодожи. Тогда только они будутъ имѣть на студентовъ доброе нравственное вліяніе, когда молодежь будетъ видѣть въ нихъ примѣръ, достойный подражанія не только въ научномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, когда можетъ съ пользою слѣдовать не только словамъ, но и дѣламъ ихъ. Профессорская корпорація, состоящая изъ такихъ наставниковъ, по истинѣ можетъ быть и навѣрное

студентъ не садится?" Я отвѣчаю ему: „вамъ, какъч лену совѣта, извѣстно, что совѣтъ университета постановилъ, чтобы студенты отвѣчали на экзаменѣ стоя; это постановленіе обязательно для студента".—„Въ такомъ случаѣ и я буду стоять".—„Какъ вамъ угодно, отъ васъ зависитъ сидѣть или стоять". И профессоръ стоя выслушивалъ отвѣты студентовъ все время, пока я присутствовалъ на экзаменѣ. Правда, что предложеніе студенту кресла на экзаменѣ въ такой оригинальной формѣ и въ присутствіи попечителя округа случилось только однажды; но нарушеніе совѣтскаго постановленія о томъ, что студенты должны отвѣчать на экзаменѣ стоя, не разъ замѣчаемо было мною на медицинскомъ факультетѣ, тогда какъ на другихъ факультетахъ это постановленіе строго соблюдалось. Отсутствіе единодушія и согласія въ дѣйствіяхъ, недостаточное уваженіе совѣтскихъ постановленій и бесѣды профессоровъ со студентами о томъ, что говорилось въ совѣтѣ,—вотъ слабыя стороны профессорскаго персонала, не мало вредившія спокойному и правильному ходу университетской жизни. П. Ш.

будетъ вліятельнымъ нравственнымъ авторитетомъ для университетской учащейся молодежи. Прискорбно и тяжело видѣть въ средѣ просвѣщенной профессорской корпораціи лицъ, поступки которыхъ несовмѣстны съ званіемъ профессора. Тяжело встрѣтить среди профессоровъ ученаго, предающагося излишнему употребленію спиртныхъ напитковъ и являющагося въ обществѣ въ состояніи полнаго опьяненія. Каждый осудитъ такого профессора. Особенно сильное порицаніе падаетъ на профессора-врача, если онъ позволяетъ себѣ въ пьяномъ видѣ посѣщать больныхъ: онъ играетъ въ слишкомъ опасную игру—на жизнь своего паціента и принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность, подавая студентамъ примѣръ, недостойный подражанія. Чѣмъ выше такой профессоръ по своимъ ученымъ заслугамъ, чѣмъ большее вліяніе имѣетъ онъ на студентовъ, тѣмъ вреднѣе и заразительнѣе дурной примѣръ, имъ подаваемый: учащіеся такъ охотно перенимаютъ какъ разъ тѣ стороны уважаемаго учителя, которыя служатъ какъ бы поощреніемъ ихъ собственнымъ дурнымъ наклонностямъ. Каждый осудитъ, если профессоръ ведетъ азартную игру, просиживая за картами ночи напролетъ, портя свой характеръ, теряя самообладаніе, являясь на лекцію полусоннымъ или и вовсе не посѣщая лекцій по недѣлямъ, по мѣсяцамъ. Каждый осудитъ профессора, если онъ не уважаетъ святости семейныхъ узъ, если онъ предается разврату. Въ настоящее время и такъ уже сильно расшаталась прежде столь крѣпкая семейная жизнь, такъ часто мы видимъ грустные примѣры оставленія женъ и дѣтей. Человѣку науки, представителю цивилизаціи не мѣсто въ рядахъ нарушителей семейнаго союза, не мѣсто въ рядахъ развратниковъ. Не мѣсто ему и въ рядахъ людей, безумно мотающихъ свое состояніе, и въ рядахъ искателей денегъ и наживы, нахватывающихъ мѣста, но не исполняющихъ или дурно исполняющихъ обязанности, возлагаемыя этими хорошо оплачиваемыми должностями. Погоня за деньгами во что бы то ни стало—болѣзнь нынѣшняго времени. Врачи душъ, просвѣтители юношества обязаны всячески возставать противъ этой растлѣвающей общество заразы. Профессора должны помнить, что за ними слѣдятъ сотни молодыхъ зоркихъ глазъ, что ихъ проступки если не соблазняютъ, то служатъ оправданіемъ подобныхъ же проступковъ молодежи въ ея собственныхъ глазахъ и въ глазахъ общества [1]). Молодежь

[1]) Помню, какъ однажды на площадкѣ втораго этажа университетской клиники я засталъ цѣлую толпу курящихъ студентовъ.—Что вы это дѣлаете, господа, говорю я,—вы, медики, заражаете воздухъ, которымъ дышутъ больные. Глаза всѣхъ курящихъ какъ-будто по командѣ обратились въ сторону коридора. Тамъ я увидѣлъ профессора, директора клиники, поспѣшно

готова воспользоваться ошибками и увлеченіями профессоровъ, готова даже преувеличить и выдумать, чтобы оправдать себя въ глазахъ общества, что мы видимъ въ гектографированной запискѣ, появившейся въ Казани въ ноябрѣ 1882 года и имѣвшей цѣлью обѣлить студентовъ, дѣлавшихъ безпорядки, и особенно Воронцова, нанесшаго оскорбленіе проректору, исправлявшему должность ректора. Въ этой запискѣ, между прочимъ, поставлено на видъ, что проректоръ Ѳ. въ недостаточно трезвомъ видѣ явился къ исполненію обязанностей, когда разгонялъ депутатское собраніе по читальнѣ. «Вотъ, слѣдуетъ далѣе въ запискѣ, если студентъ придетъ въ университетъ въ нетрезвомъ видѣ, тогда ему выговоръ—quod licet Jovi, non licet bovi». Въ данномъ случаѣ фактъ нетрезвости проректора выдуманъ, чтобы очернить его и вмѣстѣ съ тѣмъ удачно съострить.

Этою гектографированною запискою и другими исходящими отъ самихъ студентовъ документами я воспользуюсь для обрисовки личности студента-либерала 1882 года.

По запискѣ идеалъ «независимаго» студента рисуется въ такихъ чертахъ: онъ не признаетъ проректора начальникомъ студентовъ,—«студенты, гласитъ записка, равныя проректору лица»; онъ не считаетъ себя поэтому обязаннымъ кланяться проректору при встрѣчѣ. Онъ является въ университетъ въ рубашкѣ на выпускъ, признавая такое платье «приличнымъ». Онъ куритъ тамъ, гдѣ курить запрещено, а не въ курильной комнатѣ, особо для того отведенной. Онъ вывѣшиваетъ въ университетѣ и клиникѣ какія ему угодно объявленія, не испрашивая на то ничьего дозволенія. Онъ принимаетъ на себя званіе депутата отъ «студенчества» и, когда потребуется, званіе предсѣдателя сходки, игнорируя университетскія правила. Онъ, если захочетъ, приходитъ въ университетъ и въ нетрезвомъ видѣ. Трезвый и нетрезвый, онъ терпѣть не можетъ замѣчаній и выговоровъ отъ кого бы то ни было; но самъ говоритъ дерзости помощнику проректора и проректору, требуя въ то же время отъ нихъ изысканной вѣжливости. «Проректоръ и ректоръ, говорится въ запискѣ, должны сажать приходящаго къ нимъ студента, это—обязательно». Онъ безпощадно строгъ въ оцѣнкѣ профессоровъ, къ себѣ же гуманенъ и все себѣ дозволяетъ. Чтобы обѣлить себя и студенчество, представителемъ котораго онъ себя признаетъ, онъ готовъ «придумывать

затаптывавшаго только-что брошенную имъ, еще дымившуюся, папиросу. Этотъ взглядъ былъ со стороны студентовъ нѣмымъ оправданіемъ ихъ проступка, и оправданіемъ, нельзя не сознаться, весьма краснорѣчивымъ.

П. Ш.

различные увертки и экивоки» и взводить небылицы на профессоровъ и начальство, помѣщая оныя въ издаваемыхъ студентами и разсылаемыхъ по городу гектографированныхъ листкахъ и запискахъ. Таковы выдумки на проректора Ѳ—ва и на университетскую коммиссію, которая, по словамъ записки, «прибѣгала къ застращиванію, къ вынужденію показаній». Онъ высоко ставитъ судъ и приговоръ студенчества. Порицаніе студентовъ въ его глазахъ—позоръ для цѣлой профессорской корпораціи. «Сколько намъ извѣстно, говоритъ записка, ни въ одной еще университетской исторіи студенты не высказывали коллективнаго порицанія коллегіальному учрежденію—профессорской коллегіи. До такого позора дожилъ только совѣтъ казанскаго университета [1]). Не правда-ли, какъ грандіозна и какъ... забавна эта заносчивая самоувѣренность».

Таковыми представляются студенты-либералы прочитавшему гектографированную записку 1882 года.

Три лежащія предо мною объявленія, которыя выставлены были въ университетѣ въ разное время, прибавляютъ еще нѣкоторыя черты къ составленной по гектографированной запискѣ характеристикѣ студентовъ-либераловъ.

Въ одномъ объявленіи студенты приглашаются собраться въ камеру мироваго судьи на разборъ дѣла о нарушеніи студентами общественной тишины и порядка и нанесенія оскорбленія дѣйствіемъ полицейскому, приглашаются, конечно, для того, чтобы массою собравшихся влiять на рѣшеніе судьи въ пользу студентовъ.

Въ другомъ объявленіи «медики 2-го курса» приглашаются собраться 11-го мая на экзаменъ къ профессору Щ—у, который на экзаменѣ 8 мая осмѣлился поставить дурныя отмѣтки не отвѣчавшимъ или дурно отвѣчавшимъ на вынутые ими билеты и сдѣланные имъ словесные вопросы, что̀ въ объявленіи именуется возмутительнымъ поведеніемъ Щ—а. Въ объявленіи этомъ разсуждаютъ такъ: «Пассивное отношеніе наше къ такому факту показало бы въ насъ элементъ рабства [2]) и всякое отсутствіе даже элементарнаго чувства самосохраненія. Поэтому такое отношеніе не мыслимо. Намъ нужно принять болѣе энергичныя мѣры для обузданія дикихъ порывовъ. Не мѣшаетъ вспомнить также, что самодуры сильны только

---

[1]) Пусть успокоятся составители записки: порицали университетскую коллегію студенты и въ Кіевѣ, и въ Харьковѣ, даже бранила совѣтъ университетскій толпа ворвавшихся въ него студентовъ съ какимъ-то постороннимъ лицемъ во главѣ.

[2]) Набранныя разрядкой слова подчеркнуты въ подлинномъ объявленіи.

П. Щ.

до перваго реальнаго отпора ихъ самодурству: они обыкновенно не выдерживаютъ малѣйшаго дѣятельнаго сопротивленія. Въ виду этого желательно, чтобы завтра, 11-го мая, явилось на экзаменъ къ Щ—у какъ можно больше народу и пораньше, чтобы придти къ какому нибудь общему рѣшенію». Въ безыменномъ письмѣ, присланномъ профессору Щ—у 10-го мая, выясняется смыслъ объявленія. Неужели вы думаете, сказано въ письмѣ, что намъ нужны знанія изъ вашего предмета? Мы поступили въ университетъ не ради знаній, а для полученія правъ [1]). Въ глазахъ этихъ студентовъ, которые ищутъ лишь правъ, профессоръ, строго, справедливо относящійся къ студентамъ и требующій отъ нихъ на экзаменахъ знаній, «самодуръ», а поведеніе его, т. е. выставленіе дурныхъ отмѣтокъ незнающимъ—«возмутительное». Ясно, что здѣсь студенты-медики 2-го курса хотѣли массою добиться отъ профессора хорошихъ отмѣтокъ. Слѣдовательно, оба эти объявленія тождественнаго характера: студенты сборищемъ, массою хотятъ насиловать совѣсть, въ первомъ случаѣ судьи, во второмъ—профессора.

Третье объявленіе, вывѣшенное въ университетѣ 9-го мая 1878 года въ отвѣтъ на выставленную 6-го апрѣля телеграмму возмутительнаго содержанія [2]), имѣетъ уже политическій оттѣнокъ и полно той же самонадѣянности и увѣренности въ силѣ студенчества, призваннаго, по взгляду составителя объявленія, играть чуть не первенствующую роль въ устройствѣ политическаго быта родины.

Вотъ это объявленіе:

„По поводу подметной телеграммы 6-го апрѣля.

„Въ минуту критическую для государства, когда война грозитъ разорить до тла народъ, и безъ того ослабѣвшій отъ потери силъ, мы умѣемъ только или игнорировать бѣдственное положеніе страны, или безсмысленно

---

[1]) Что нѣкоторымъ студентамъ нужны не знанія, а права и льготы, видно между прочимъ изъ наивно-простодушныхъ прошеній студентовъ, которыя они подавали проректору: „За репетицію покорнѣйше прошу выдать мнѣ пособіе“, „за выдержаніе экзамена покорнѣйше прошу выдать мнѣ стипендію“.

[2]) 5-го апрѣля 1878 года въ Казани получена была телеграмма слѣдующаго содержанія: „Правительственный Вѣстникъ“ сообщаетъ: въ Москвѣ 3-го апрѣля на Моховой близъ университета произошло сильное столкновеніе народа со студентами, окружавшими оваціями кареты, въ которыхъ везли съ вокзала Курско-Харьковской желѣзной дороги въ пересыльную тюрьму 15 студентовъ кіевскаго университета, высылаемыхъ за безпорядки въ отдаленныя губерніи. Полиціи удалось прекратить безпорядки“. На другой день, т. е. 6-го апрѣля, въ казанскомъ университетѣ выставили телеграмму возмутительнаго содержанія. П. Щ.

ругаться, какъ авторъ подметной телеграммы. Что дѣлали читавшие ее? Они или усмѣхались, читая этотъ бредъ, улыбались съ сознаніемъ своего превосходства надъ этими господами соціалистами, или вмѣстѣ съ ними безтолково ругались. Неужели студенты не сознаютъ всей опасности, всего вреда подобнаго явленія и, сознавая его, неужели они не будутъ противодѣйствовать ему? Неужели они и теперь не постараются вникнуть въ дѣло, объяснить себѣ явленіе болѣе или менѣе удовлетворительно, и сознательно примкнуть къ людямъ, желающимъ произвести бурный переворотъ, или къ намъ, рѣшившимся всѣми силами слова и убѣжденія противодѣйствовать безсмысленнымъ порываніямъ. Мы думаемъ, что крайніе красные, а ихъ въ университетѣ немного, не имѣютъ права подвергать опасности весь университетъ. Мы согласны съ ними только въ одномъ: положеніе народа скверно, страна въ критическомъ положеніи, и лучшіе, честнѣйшіе члены общества должны обратить на это все свое вниманіе. Но мы думаемъ, что намъ слѣдуетъ вести себя сдержанно, съ достоинствомъ и спокойно вглядываться въ событія. Намъ кажется, теперь самое удобное время обратиться, отстраняя всякое посредничество, къ самому государю императору и во всеподданнѣйшей петиціи просить его расширить свободу слова и печати, съ тѣмъ, чтобы лучшія умственныя силы народа помогли странѣ оправиться и выйти изъ труднаго положенія, въ которое она поставлена ходомъ историческихъ событій. Мы убѣждены, что студенты будутъ вести себя, какъ честные и умные члены общества, и тѣмъ докажутъ, что студенчество есть лучшая часть общества, способная прислушиваться къ его пульсу, понимать его недуги и помогать имъ".

Итакъ, студенты, считая себя способными прислушиваться къ пульсу общества, понимать его недуги и помогать (sic!) имъ, берутъ на себя роль радѣтелей объ общественномъ благѣ и, не вѣдая ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, принимаютъ на себя никакою властію и никакими законами не предоставленное имъ полномочіе, помимо всякаго посредничества, обратиться къ государю императору съ петиціею о свободѣ слова и печати, и въ какое время? когда государь удрученъ заботами тяжкими, въ такую критическую пору, когда всѣмъ русскимъ слѣдовало бы тѣсною и дружною семьею сплотиться вокругъ престола,—въ такое время задумали юныя, горячія головы безпокоить государя императора своею незаконною всеподданнѣйшею петиціею! И это замышляетъ, судя по началу объявленія, «бѣлая» партія студентовъ-либераловъ, умѣренная. Неужели, возникаетъ вопросъ, и умѣренные студенты были такъ неумѣренны? На этотъ вопросъ справедливость требуетъ отвѣтить, что въ 1878 году студенты не одного казанскаго, но и всѣхъ университетовъ были подбиваемы къ подачѣ петиціи о свободѣ слова и печати. Въ анатомическомъ театрѣ казанскаго университета въ собраніи студентовъ было читано письмо будто бы отъ одного петербургскаго редактора, приглашавшаго студентовъ подать всеподданнѣйшую петицію такого содержанія.

Въ письмѣ этомъ говорилось, что петиція, носящая тысячи подписей интеллигентной русской молодежи, не можетъ быть и не будетъ оставлена правительствомъ безъ вниманія. Съ какою іезуитскою ловкостію льстятъ молодежи, лестію привлекаютъ въ свои сѣти, впутываютъ студентовъ въ дѣла политическія и вносятъ смуту въ нашъ общественный организмъ. Усилія втравить студентовъ въ политику не прекращались, особенно въ 1878, 1879 и 1880 годахъ: возмутительныя прокламаціи, разсылаемыя и просто въ конвертахъ, и въ оберткахъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, получались студентами и университета, и ветеринарнаго института. Искры огня летали,—но не зажигали. Видно, мало было горючаго матеріала въ самомъ университетѣ. Видно, дѣйствительно крайнихъ красныхъ было очень не много въ казанскомъ университетѣ, а умѣренные либералы ограничивались писаніемъ отъ времени до времени объявленій о составленіи всеподданнѣйшей петиціи то о свободѣ слова и печати, то о расширеніи правъ студенческой корпораціи. Но вѣроятно и умѣренные, желавшіе перемѣнъ, были въ значительномъ меньшинствѣ и не рѣшались приступить къ дѣлу. Большинство, и притомъ значительное большинство, студентовъ занималось наукой и не слушало разглагольствій ни красныхъ, ни умѣренныхъ, мечтавшихъ о переустройствѣ быта. Надъ красными рубахами на выпускъ, надъ сапогами съ голенищами до колѣнъ, надъ косматыми, длинными, нечесанными гривами и чудовищно-толстыми суковатыми палками студенты изъ подъ-тишка подсмѣивались, не раздражая ихъ суровыхъ обладателей.

Въ казанскомъ университетѣ съ 1863 по 1880-й годъ студенческихъ безпорядковъ не было. Студенты оставались спокойны даже тогда, когда ихъ поджигали внутри, во время такъ называемой Петровской исторіи[1]) (1872 года) и извнѣ во время волненій и безпорядковъ въ другихъ университетахъ. Этимъ спокойствіемъ университетъ, по моему мнѣнію, много обязанъ тому, что въ него не допускались чужіе, могущіе взволновать элементы. Къ намъ тогда не присылали прямо студентовъ изъ другихъ университетовъ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой обыкновенно предварительно спрашивалъ попечителя учебнаго округа, можетъ-ли такой-то быть принятъ въ казанскій университетъ, а попечитель, отстаивая спокойствіе ввѣреннаго ему университета, не принималъ ни исключенныхъ изъ другихъ университетовъ, ни замѣченныхъ въ

---

[1]) Этотъ печальный эпизодъ университетской жизни можетъ быть предметомъ особой статьи. Это касается уже не студенческихъ волненій, а разлада въ средѣ профессоровъ. П. Ш.

политической неблагонадежности, которые, какъ показалъ опытъ, разъ вкусивши яда тайной подпольной агитаціи, разъ сдѣлавшись политическими дѣятелями, становятся крайне неудобными для учебнаго заведенія воспитанниками,— ихъ тянетъ не къ наукѣ, а сначала къ управленію университетомъ, а затѣмъ — цѣлой страной. Казанская университетская молодежь 19-го февраля 1880 года съ глубокимъ вниманіемъ выслушала рѣчь, произнесенную въ актовомъ залѣ попечителемъ округа [1]). Восторженные клики «ура» и одушевленное пѣніе гимна народнаго были отвѣтомъ на эту рѣчь. Студенты такъ патріотически были настроены, что вечеромъ на улицахъ, какъ мнѣ передавали, пѣли народный гимнъ. Благодаря этой долговременной тишинѣ, мнѣніе о казанскомъ университетѣ стало иное, лучшее.

Но лѣтомъ того же 1880 года положеніе казанскаго университета видимо стало измѣняться къ худшему. Прощенные разныхъ категорій насылались въ университетъ десятками, такъ что нельзя было не опасаться за спокойствіе университета. Слухъ о поданной и будто бы принятой управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія петиціи московскихъ студентовъ поднялъ и студентовъ казанскаго университета, составившихъ петицію такого-же содержанія,—о корпоративныхъ правахъ студенчества. Движеніе 1880 года въ казанскомъ университетѣ удалось, при первой же сходкѣ, остановить убѣжденіемъ; но въ другихъ университетахъ оно принимало размѣры волненія,—въ московскомъ было уволено значительное число студентовъ за участіе въ безпорядкахъ.

Въ сентябрѣ 1881 года были изданы для студентовъ казанскаго университета новыя правила, составленныя совѣтомъ. 1881—82 академическій годъ прошелъ въ казанскомъ университетѣ совершенно спокойно; новыя правила исполнялись студентами. Такъ же спокойно начался 1882—83 академическій годъ. Исправлялъ должность ректора проректоръ Н. А. Ѳирсовъ, который еще прежде, въ 1870-хъ годахъ, былъ проректоромъ цѣлое трехлѣтіе. Онъ не обладалъ утонченными свѣтскими манерами, какъ и бо́льшая часть ведущихъ кабинетную жизнь ученыхъ, но былъ человѣкъ безспорно честный, прямой, строгій исполнитель закона и долга. За прямоту и честность его уважали студенты. Должность проректора исправлялъ старѣйшій и опытнѣйшій помощникъ проректора К. И. Войцеховичъ, съ которымъ студенты свыклись и который вообще умѣлъ ладить съ ними. Ничто, повидимому, не предвѣщало поворота въ дурную сторону.

---

[1]) Рѣчь напечатана въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1880 годъ, П. Ш.

VIII.

По получавшимся прокламаціямъ возмутительнаго содержанія видно было, что подпольная шайка всячески силится возбудить и взволновать студентовъ, призывая ихъ, какъ говорилось въ одной прокламаціи, «дать своимъ силамъ болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ это было до сихъ поръ, и перенести борьбу на болѣе широкую почву» [1]).

По частнымъ, большею частью безыменнымъ, письмамъ къ студентамъ можно было придти къ заключенію, что студенческое движеніе втайнѣ продолжалось; петиціи о расширеніи правъ студенческой корпораціи готовились, какъ слышно было, ко дню коронаціи государя императора; ходилъ слухъ, что между студентами различныхъ университетовъ происходили сношенія, которымъ много, конечно, содѣйствовали студенты, исключенные изъ одного университета и принимаемые въ другой. Замѣчались личности, перекочевывавшія изъ университета въ университетъ по собственному желанію, безъ всякихъ ясныхъ побудительныхъ причинъ. Студенческіе кружки, какъ извѣстно было изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, стремились «вызвать общее волненіе университетской молодежи, съ цѣлію добиться расширенія корпоративныхъ правъ и въ надеждѣ, что одновременное заявленіе требованій во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ придастъ ему болѣе вѣса и обезпечитъ достиженіе желаемыхъ результатовъ. Кружки, вѣроятно, сносились между собою и были, можетъ быть, лица, посвя-

---

[1]) Чуть не къ открытому бунту призывала студентовъ прокламація эта, полученная 9-го декабря 1881 года бывшимъ студентомъ, тогда уже врачемъ М—мъ, и представленная имъ тотчасъ-же проректору. Прокламація адресована, какъ гласила надпись, „отъ центральнаго кружка с.-петербургскаго университета", „къ студентамъ", напечатана въ типографіи „Народной Воли" 15-го ноября 1881 года.

Въ этой прокламаціи, между прочимъ, сказано: „Пора намъ понять, товарищи, что недостатки университетскаго быта и устройство студенческой жизни вообще являются неизбѣжнымъ результатомъ болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ воля и усмотрѣніе университетскаго начальства или даже министерства народнаго просвѣщенія. Пора намъ дать своимъ силамъ болѣе полезное примѣненіе, чѣмъ это было до сихъ поръ, и перенести нашу борьбу на болѣе широкую почву, чѣмъ это было до сихъ поръ. Прямое и непосредственное участіе въ борьбѣ за свободу и права̀ народа, — такова должна быть наша задача". П. Ш.

тившія себя исключительно поддержанію связи между студенческими кружками разныхъ университетовъ [1]).

Въ началѣ октября начались волненія въ петербургскомъ университетѣ, но у насъ спокойствіе сохранялось. Еще 27-го октября 1882 года, будучи въ университетѣ, я спрашивалъ исправлявшаго должность проректора, какъ держатъ себя студенты, и получилъ въ отвѣтъ: «совершенно спокойны».

И вдругъ, 28-го октября, около 1 часу пополудни, исправлявшій должность проректора К. И. Войцеховичъ явился ко мнѣ, блѣдный, взволнованный, и сообщилъ, что исправляющій должность ректора Н. А. Өирсовъ въ 4-й аудиторіи публично оскорбленъ студентомъ медицинскаго факультета 2-го курса В—мъ. Только что профессоръ Н. А. Өирсовъ взошелъ на каөедру, чтобы читать лекцію студентамъ историко-филологическаго факультета 1-го курса, къ нему подошелъ, шедшій по его слѣдамъ, В—въ и замахнулся на него. Н. А. Өирсовъ отпарировалъ ударъ, В—въ замахнулся вторично съ бранными словами, но его схватили сзади за руки студенты; затѣмъ В—въ былъ выведенъ изъ аудиторіи. «Н. А. Өирсовъ чувствуетъ себя дурно и проситъ освободить его отъ исправленія должности ректора».

Сдѣлавъ распоряженіе о порученіи должности ректора старѣйшему изъ декановъ, Н. Н. Буличу, я тотчасъ же отправился къ Н. А. Өирсову и нашелъ его страшно потрясеннымъ и разстроеннымъ. Увидѣвъ меня, онъ заплакалъ. Тяжело вообще видѣть плачущаго отъ горя мужчину, но еще тяжелѣе было видѣть этого всегда спокойнаго, сдержаннаго, стойкаго человѣка потерявшимъ самообладаніе и горько плачущимъ. Вотъ какъ сильно подѣйствовало на него нежданное оскорбленіе, публично нанесенное ему, безъ всякаго повода съ его стороны, послѣ 25-ти-лѣтней безупречной службы на педагогическомъ поприщѣ!

---

[1]) Припоминаю я студента 2-го курса юридическаго факультета С—на (изъ кубанскаго казачьяго войска). Онъ поступилъ въ казанскій университетъ 29-ти лѣтъ изъ харьковскаго, въ харьковскій онъ перемѣстился изъ кіевскаго. Пробывъ въ казанскомъ университетѣ 188¹/₂ академическій годъ, онъ перешелъ въ новороссійскій университетъ. Обратилъ онъ на себя вниманіе своею юркостью, появленіемъ всюду, во всякой собравшейся толпѣ студентовъ и особо частымъ полученіемъ заказныхъ писемъ. Чѣмъ объяснить этотъ частый переходъ изъ одного университета въ другой? С—нъ пробылъ въ казанскомъ университетѣ какъ разъ тотъ годъ, который предшествовалъ безпорядкамъ. Невольно представлялся вопросъ: не занимался ли онъ подготовкой студенческихъ волненій? П. Ш.

Но какъ же случился подобный скандалъ? Мы всѣ были убаюканы видимымъ спокойствіемъ и тишиной; мы не ожидали ничего дурнаго, а дурное готовилось. Готовился, если вѣрить слухамъ, которые послѣ уже разнеслись по городу, крупный, грандіозный скандалъ, скандалъ публичный, на торжественномъ университетскомъ актѣ 5-го ноября. По полицейскимъ свѣдѣніямъ, четыре эмиссара пріѣхали въ Казань изъ Петербурга для возбужденія казанскихъ студентовъ. Можетъ быть, агитаторы и успѣли бы исполнить свое злое намѣреніе, если бы ихъ не предупредилъ пьяненькій студентъ В—въ.

По показаніямъ студентовъ, даннымъ въ университетской коммиссіи, не состоящій въ числѣ студентовъ казанскаго университета, бывшій студентъ петербургскаго университета, Из—въ подстрекалъ медика 2-го курса В — ва къ нанесенію оскорбленія дѣйствіемъ исправлявшему должность ректора проректору Н. А. Ѳирсову и вызывался помогать В—ву.

Студентъ В — въ былъ стипендіатомъ пермскаго земства. Стипендія для выдачи ему была прислана пермскою земскою управою въ правленіе университета, но была отослана обратно въ Пермь, такъ какъ В — въ не выдержалъ экзамена, остался на томъ же курсѣ и по правиламъ лишался стипендіи. Подстрекавшіе В — ва внушали ему, что онъ лишенъ стипендіи по милости исправлявшаго должность ректора Н. А. Ѳирсова, что прежде, когда другой былъ предсѣдателемъ правленія, земскія стипендіи выдавались и оставшимся на томъ же курсѣ студентамъ. В — ва поили нѣсколько дней, — а выпить онъ любилъ,—и 27-го октября вечеромъ, по разсказамъ студентовъ, Из — въ довелъ пьянаго В — ва до дверей, ведущихъ изъ коридора въ кабинетъ проректора. В — въ, войдя въ кабинетъ, объявилъ проректору Н. А. Ѳирсову, что онъ пришелъ его побить за то, что онъ лишилъ его стипендіи, при этомъ В — въ обругалъ проректора. Отличавшійся спокойствіемъ характера и самообладаніемъ, Н. А. Ѳирсовъ объяснилъ В—ву, что онъ самъ себя лишилъ стипендіи, не выдержавъ экзамена. Пораженный, вѣроятно, спокойствіемъ проректора, В — въ махнулъ рукою и, не сдѣлавъ ничего, удалился изъ квартиры проректора. Сдѣлавъ распоряженіе, чтобы за В — мъ слѣдили въ университетѣ, исправляющій должность ректора намѣренъ былъ на другой день послѣ своей лекціи доложить о поступкѣ В — ва попечителю округа. Между тѣмъ В — въ, послѣ свиданія съ проректоромъ, «махнулъ, по его собственнымъ словамъ, рукою на это дѣло, хотѣлъ его оставить, бросить», но его менторъ слѣдилъ за нимъ. Въ тотъ-же вечеръ, 27-го

октября, Из—въ снова уговаривалъ его «нанести на другой день публично въ аудиторіи оскорбленіе Θирсову» и вызвался идти вмѣстѣ съ В — мъ [1]), при этомъ безъ попойки, конечно, не обошлось.

28-го октября, только что профессоръ Θирсовъ взошелъ на каѳедру, чтобы читать лекцію по русской исторіи, къ каѳедрѣ подошелъ студентъ В—въ и, ни слова не говоря, замахнулся на стоявшаго на каѳедрѣ профессора, который отстранилъ ударъ рукою. В — въ снова замахнулся, со словами: «ты—негодяй, подлецъ», но былъ остановленъ студентами; послѣ чего былъ выведенъ изъ аудиторіи помощникомъ проректора и служителями, которые были призваны студентами, слушателями профессора Θирсова.

Вечеромъ собрался университетскій судъ, вызвавшій, тотчасъ послѣ происшествія, повѣстками В — ва и свидѣтелей, студентовъ 1-го курса историко-филологическаго факультета. Собрался и совѣтъ университета для выслушанія опредѣленія суда и постановленія своего рѣшенія. Совѣтъ прежде всего постановилъ выразить исправляющему должность ректора профессору Н. А. Θирсову искреннее соболѣзнованіе и сочувствіе. Приглашенные судомъ свидѣтели явились, но подсудимаго не могли отыскать и вручить ему повѣстку, а потому университетскій судъ не могъ состояться. Предсѣдатель суда доложилъ объ этомъ совѣту, и совѣтъ университета, въ виду безспорности совершеннаго В—мъ преступленія, рѣшилъ принять дѣло къ своему разсмотрѣнію немедленно. Совѣтъ постановилъ исключить студента медицинскаго факультета 2-го курса В—а изъ университета и копію съ протокола препроводить къ прокурору суда.

Въ то время, когда происходило засѣданіе совѣта, въ университетскихъ сѣняхъ собралось человѣкъ 30—40 студентовъ,—они толковали между собою, безъ всякаго шума и безпорядковъ [2]). Никакихъ

---

[1]) 28-го октября, послѣ нанесенія оскорбленія исправляющему должность ректора Θирсову, студентъ В — въ (который въ это время не былъ пьянъ, а только съ похмѣлья), заявлялъ студентамъ сильное неудовольствіе на Из—ва за то, что тотъ его обманулъ и не явился въ университетъ вопреки данному обѣщанію.—„А Из—въ-то, подлецъ, слова не сдержалъ, — не пришелъ".

[2]) Между студентами было и постороннее лицо, замѣченный прежде въ политическомъ дѣлѣ П—тъ. Онъ одинъ выдавался рѣзкостію, онъ сказалъ дерзость исправлявшему должность проректора Войцеховичу. Объ этомъ поступкѣ П—та тогда же было сообщено мною казанскому губернатору. П—тъ впослѣдствіи снова встрѣтился въ университетской исторіи, хотя съ университетомъ онъ ничего уже общаго въ то время не имѣлъ.

П. Ш.

толковъ, никакихъ слуховъ о томъ, чтобы студенты замышляли что-то. Да и трудно было ожидать, чтобы студенты взволновались и вздумали защищать безобразный поступокъ В—а: не только развитому уму, но и простому здравому смыслу понятно, что проступокъ В — ва непростительный, что студентъ, оскорбившій ректора словомъ и дѣйствіемъ, не можетъ и не долженъ быть терпимъ въ университетѣ.

Но сверхъ ожиданія, съ самаго утра 29-го октября замѣтно было особое возбужденіе между студентами. Собирались кучками во входныхъ сѣняхъ, шли оживленные толки. Большая толпа ходила куда-то; какъ оказалось послѣ—въ анатомическій театръ, но, найдя тамъ двери запертыми, возвратилась въ главное зданіе университета. Еще нѣсколько минутъ, и огромная сплотившаяся масса двинулась вверхъ по парадной лѣстницѣ, сломала двери, ведущія въ преддверіе актовой залы, и вломилась въ залу. Поднялся такой неописанный шумъ, крикъ и гвалтъ, что профессора, читавшіе лекціи въ аудиторіяхъ юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ, вынуждены были прекратить лекціи. Громкія рѣчи вожаковъ, аплодисменты, крики,—все смѣшивалось въ невообразимый гулъ,—нѣкоторые студенты курили, нѣкоторые были въ шапкахъ. По разсказамъ, были и подвыпившіе, и такіе, у которыхъ изъ кармановъ выглядывали бутылки. По слухамъ, идущимъ отъ студентовъ, было десять или болѣе постороннихъ лицъ, которыя подбивали студентовъ. Толпа походила на опьянѣлую, не слушала и не хотѣла слушать никакихъ увѣщаній и напоминаній. Исправлявшій должность проректора К. И. Войцеховичъ и исправлявшій должность ректора Н. Н. Буличъ тщетно ходили на сходку,—имъ и говорить не давали.

Приходилось мнѣ выступить на сцену. Вопросъ о томъ, какъ дѣйствовать въ такихъ случаяхъ—прямо ли грозой и устрашеніемъ, или сначала словомъ и убѣжденіемъ, я уже давно рѣшилъ въ пользу втораго способа. Хотя и зналъ я по опыту, что въ массѣ, въ разгоряченномъ состояніи студенты не поддаются ни голосу логики, ни голосу сердца; хотя испыталъ я, что возбужденная и наэлектризованная толпа такъ называемой интеллигентной молодежи способна къ далеко неинтеллигентнымъ выходкамъ,—но... жаль были эти пылкія, самомнѣнныя, но въ большинствѣ честныя, полныя идеаловъ молодыя натуры, горячо ищущія истины, правды и блага, но нерѣдко, къ сожалѣнію, увлекаемыя красивою ложью и прикрашенными неправдой и зломъ. Имъ очень и очень нужно почаще слышать голосъ правды. Мнѣ хотѣлось, душевно хотѣлось спасти молодежь, которая сама, по моему убѣжденію, играла печальную роль опутанной крѣп-

кими тенетами жертвы, хотѣлось разсѣять туманъ, которымъ окружаютъ молодежь ловкіе, іезуитски дѣйствующіе агитаторы, навести на прямую дорогу сбиваемыхъ съ пути студентовъ—простымъ, понятнымъ объясненіемъ факта. И я рѣшилъ попытаться словомъ остановить поднятое волненіе. Попытка эта вызывалась, между прочимъ, и тѣмъ, что въ прежнее время слово мое выслушивали студенты внимательно, что еще въ 1880 году мнѣ удалось уговорить расходившуюся было молодежь. Я очень хорошо понималъ, что лишь успѣхъ оправдаетъ мое дѣло, что если моя попытка будетъ неудачна, то на меня могутъ посыпаться обвиненія: будутъ упрекать меня, зачѣмъ я терялъ слова, гдѣ нужно власть употребить, зачѣмъ вступалъ въ бесѣду со сходкой и тѣмъ давалъ участникамъ сходки поводъ видѣть въ моей бесѣдѣ съ ними какъ бы санкцію или, по крайней мѣрѣ, оправданіе ихъ незаконнаго сборища. Но... jacta est alea.

Въ сопровожденіи исправлявшаго должность ректора и нѣсколькихъ профессоровъ, я пошелъ на сходку. Когда мы входили въ залу, мы застали на столѣ у оконъ 4-хъ стоявшихъ студентовъ, изъ которыхъ одинъ, студентъ 2-го курса медицинскаго факультета Степанъ Я—въ, говорилъ горячую рѣчь, въ которой, въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и даже нѣкоторыми выраженіями, прямо оттуда взятыми, громилъ всю университетскую коллегію [1]). Послѣднія слова его рѣчи касались «профессора, ведущаго въ Казани продажную газету, подобно Ц—чу». Я—въ призывалъ студентовъ къ отстаиванію своихъ правъ. Рѣчь его покрыта громкими аплодисментами. Когда онъ окончилъ, я пригласилъ студентовъ выслушать отъ меня нѣсколько словъ. Сначала студенты, видимо сдерживаемые вожаками, не шли къ каѳедрѣ, на которую я сталъ, но потомъ двинулись массой и окружили ее съ трехъ сторонъ.

Я сказалъ имъ приблизительно такъ: «Девятнадцать съ половиною лѣтъ я знаю казанскій университетъ, и никогда онъ не былъ запятнанъ такимъ позорнымъ пятномъ, какъ вчера. Студентъ университета публично, въ аудиторіи, нанесъ оскорбленіе исправляющему должность ректора, который не подалъ къ тому ни малѣйшаго повода.

---

[1]) Передъ моимъ приходомъ въ залу, Степанъ Я—въ, какъ мнѣ передавали, упиралъ на то, что „всячески нужно добиться смѣщенія попечителя округа Шестакова, который нашему общему дѣлу мѣшаетъ. Безпорядки поведутъ къ его смѣщенію. Такъ харьковскій попечитель Жерве потерялъ мѣсто послѣ безпорядковъ въ харьковскомъ университетѣ". Степанъ Я—въ былъ прежде въ харьковскомъ университетѣ, исключенъ оттуда за участіе въ безпорядкахъ, и затѣмъ, въ числѣ другихъ, поступилъ въ казанскій университетъ; родомъ онъ изъ донскихъ казаковъ. Тихій Донъ далъ нѣсколькихъ безпокойныхъ дѣятелей казанскому университету. П. Ш.

Причиною оскорбленія былъ тотъ фактъ, что правленіе университета, согласно положенію о стипендіяхъ, возвратило присланную пермскимъ земствомъ этому студенту стипендію, такъ какъ студентъ невыдержаніемъ экзамена лишился права на пособіе. Гдѣ же тутъ вина лица, заступающаго мѣсто ректора? Гдѣ же причина къ тяжкому оскорбленію? Студентъ по своей винѣ теряетъ стипендію, свою вину сваливаетъ на ректора и наноситъ ему оскорбленіе—фактъ поистинѣ неслыханный, возмутительный. Поступокъ студента, какъ уголовный, подлежитъ разсмотрѣнію суда. Какое бы то ни было вмѣшательство студентовъ въ это дѣло не оправдывается даже никакими логическими основаніями,—немыслимо: никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣло, которое по существу своему есть достояніе уголовнаго суда. Намъ остается только глубоко скорбѣть о случившемся и сердечно желать, чтобы такіе тяжко-скорбные факты не повторялись. Поэтому прошу васъ, гг., разойтись и мирно продолжать занятія наукою, которая была, есть и будетъ единственною цѣлію студентовъ университета».

На эти слова послѣдовало возраженіе студента Г—ва, который сказалъ, что кромѣ уголовнаго и гражданскаго суда у нихъ есть судъ товарищескій, которымъ они и хотятъ разобрать это дѣло, что это—судъ законный. Я замѣтилъ ему, что онъ заблуждается, что студенческій судъ закономъ не разрѣшенъ.

Стоявшій у самой каѳедры студентъ Б—нъ, какъ послѣ оказалось, предсѣдатель сходки [1]), высказалъ, что прежде и оставшимся на томъ же курсѣ давались земскія стипендіи, а теперь не даются, а правленіе было то-же, только предсѣдатель перемѣнился. На это исправляющій должность ректора Н. Н. Буличъ объяснилъ, что въ нынѣшнемъ году состоялось новое положеніе о пермскихъ стипендіатахъ, что пермское земство примѣнило къ своимъ стипендіатамъ тѣже правила, которыя существуютъ для казенныхъ стипендіатовъ. Я подтвердилъ сказанное исправляющимъ должность ректора и прибавилъ, что, не смотря на это, за В—мъ осталась бы стипендія, что, не дальше какъ вчера, къ сожалѣнію, послѣ совершеннаго В—мъ проступка, мною получена бумага отъ пермскаго земства, въ которой оно изъявляетъ согласіе оставить за В—мъ стипендію. Студентъ Н—въ заявилъ, что единственный ректоръ у нихъ былъ Н. О. К—скій, а Ѳирсовъ, какъ ректоръ, былъ формалистъ, держался буквы закона, не входилъ въ положеніе студентовъ и тѣмъ

---

[1]) Сходки, какъ видите, являются въ 1882 г. болѣе организованными, чѣмъ въ 1861 году; онѣ имѣютъ уже предсѣдателя. Б—нъ студентъ 2-го курса медицинскаго факультета, изъ крестьянъ, учился въ красноярской гимназіи, женатъ. П. Щ.

возбудилъ общую ненависть, такъ что всѣ студенты должны горячо пожать руку В — ву за его поступокъ съ Ѳирсовымъ. На это я отвѣтилъ, что они могутъ жать или не жать руку В — ву, но не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣло суда, и потому я опять приглашаю ихъ разойтись и успокоиться. На это студентъ Г—въ замѣтилъ, что самое появленіе мое между студентами и объясненіе доказываютъ, что я считаю это дѣло важнымъ, требующимъ обсужденія. Онъ, очевидно, хотѣлъ выразить ту мысль, что я самъ призналъ дѣло подлежащимъ разсмотрѣнію студентовъ. Я сказалъ на это: «мое присутствіе здѣсь и мои объясненія имѣютъ цѣлію единственно убѣдить студентовъ въ неправильности и незаконности ихъ дѣйствій. Но мое присутствіе вовсе не санкціонируетъ вашей сходки и безпорядковъ, вами произведенныхъ: взлома дверей, шума, криковъ, осужденія профессоровъ и ректора»....

Въ это время послышался голосъ, который кратко характеризовалъ мое 19-ти-лѣтнее управленіе казанскимъ университетомъ, назвавъ меня «представителемъ обмана, притѣсненія и гнета», и заключилъ такъ: «пока въ казанскомъ университетѣ будутъ гг. Шестаковы, Ѳирсовы и Войцеховичи, дотолѣ добра не будетъ» [1]). Заявивъ, что послѣ такихъ оскорбительныхъ словъ я не нахожу возможнымъ оставаться здѣсь, я пошелъ изъ залы. За мной послѣдовали профессора и многіе изъ студентовъ.

---

[1]) Это говорилъ Павелъ С — въ, уволенный изъ казанскаго университета за двухъгодичное пребываніе на одномъ и томъ же курсѣ. Павелъ С — въ, сынъ священника Донской духовной семинаріи, поступилъ въ число студентовъ харьковскаго университета 21-го сентября 1878 года на первый курсъ медицинскаго факультета въ маѣ 1879 года переведенъ во второй курсъ; въ ноябрѣ того же года высланъ изъ Харькова административнымъ порядкомъ, уволенъ изъ числа студентовъ харьковскаго университета. 14-го февраля 1881 года принятъ въ число студентовъ казанскаго университета на 2-й курсъ медицинскаго факультета. 4-го сентября 1882 года уволенъ по постановленію совѣта, какъ пробывшій 2 года на второмъ курсѣ. 21-го сентября получено требованіе отъ министерства народнаго просвѣщенія доставить отзывъ по прошенію бывшаго студента Павла С—ва о дозволеніи ему остаться на 3-й годъ на второмъ курсѣ. 11-го октября доставленъ попечителю округа отзывъ исправляющаго должность ректора, а 18-го октября послано попечителемъ донесеніе въ министерство, въ смыслѣ ходатайства объ оставленіи С—ва на 3-й годъ на 2 курсѣ. За это-то ходатайство и отблагодарилъ попечителя С—въ на сходкѣ 29-го октября.

Когда противъ С — ва было возбуждено судебное преслѣдованіе, онъ настойчиво показывалъ, что онъ не говорилъ ни слова въ своей рѣчи о попечителѣ, а говорилъ лишь о студенческихъ правахъ. Но въ университетской коммиссіи три студента, лично знавшіе С—ва, дали письменное показаніе, что именно Павелъ С—въ говорилъ на сходкѣ рѣчь о попечителѣ округа. П. Ш.

Но осталась еще масса студентовъ, большинство изъ медицинскаго факультета, шумъ продолжался, составлялась и вотировалась какая-то петиція. Студенты юридическаго факультета, въ какомъ числѣ—не знаю, обратились къ своему декану, профессору Н. А. Кремлеву, съ словеснымъ заявленіемъ, что они нисколько не солидарны со студентами сходки, что они глубоко сожалѣютъ о томъ, что случилось. Студенты историко-филологическаго факультета подали мнѣ письменное заявленіе о своей полнѣйшей несолидарности съ тѣми изъ студентовъ, которые позволили себѣ оскорбить уважаемыхъ ими лицъ [1]). Но и заявленіе студентовъ-юристовъ, и заявленіе историко-филологовъ сдѣлано не на сходкѣ. Признаюсь, мнѣ горько было, что послѣ оскорбительныхъ рѣчей Я—ва и С—ва не послѣдовало со стороны студентовъ ни одного протеста тутъ-же на сходкѣ. Этотъ фактъ глубоко опечалилъ меня; я убѣдился тогда, что мое вліяніе не въ силахъ остановить и спасти молодежи, когда она разбурлится, и тогда же я принялъ намѣреніе, какъ только все успокоится въ университетѣ, сложить съ себя бремя управленія въ надеждѣ, что оно попадетъ въ болѣе искусныя руки.

Въ профессорскую, гдѣ я былъ вмѣстѣ съ профессорами, былъ присланъ студентъ просить меня на сходку. Я поручилъ исправлявшему должность проректора сказать, что послѣ того, что случилось, я болѣе объясняться на сходкахъ не намѣренъ, а исправляющаго должность ректора Н. Н. Булича просилъ сходить къ студентамъ и, не вступая съ ними ни въ какія объясненія, объявить имъ, что если они не разойдутся, то приглашены будутъ въ университетъ полиція и войско. Означенное объявленіе было сдѣлано, но не произвело на разгоряченную толпу никакого дѣйствія. Н. Н. Буличу прочитана была студентомъ Ді—мъ, бывшимъ воспитанникомъ семинаріи, петиція, въ первомъ пунктѣ которой высказано требованіе немедленно удалить отъ ректорства Ѳирсова и немедленно, безъ всякихъ условій, принять въ университетъ В — ва; затѣмъ слѣдовали требованія о предоставленіи самимъ студентамъ раздачи стипендій, о правѣ собираться, о депутатскихъ собраніяхъ и пр., и въ заключеніе объ-

---

[1]) Поданное мнѣ за подписью 21 студента историко-филологическаго факультета заявленіе было такого содержанія: „мы, нижеподписавшіеся студенты историко-филологическаго факультета, заявляемъ отъ себя и отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, что крайне оскорбленные поступкомъ студента Воронцова считаемъ своимъ долгомъ выразить свое сочувствіе многоуважаемому г. профессору Николаю Алексѣевичу Ѳирсову и многоуважаемому г. попечителю округа Петру Димитріевичу Шестакову, и заявить о своей полнѣйшей несолидарности съ тѣми изъ студентовъ, которые позволили себѣ оскорбить уважаемыхъ нами лицъ. 29-го октября 1882 года“. П. Ш.

являлось порицаніе всему университетскому совѣту. Чрезъ нѣсколько времени студенты, вѣроятно, уже утомленные шумомъ и крикомъ, разошлись, условившись завтра собраться въ 11 часовъ, при чемъ сдѣлано было предложеніе бить тѣхъ студентовъ, которые заявили начальству о своей несолидарности со сходкою. Заключительное слово принадлежало Павлу С—ву, который неоднократно, съ особеннымъ удареніемъ, выкрикивалъ: «Послѣ этого слѣдуетъ бить всѣхъ!»

Такъ какъ вечеромъ, въ 6 часовъ, мною назначено было экстренное собраніе совѣта университета подъ моимъ предсѣдательствомъ, то, во избѣжаніе могущаго послѣдовать вторженія въ совѣтъ волнующихся студентовъ, я отнесся къ губернатору и просилъ его прислать полицейскихъ, которые бы стояли у входовъ въ университетское зданіе. Опасенія мои были не напрасны: толпа полупьяныхъ студентовъ подходила къ университету, но, увидѣвъ полицейскихъ, ушла, сказавъ: «Насъ теперь мало, а вотъ завтра соберемся и разнесемъ полицію». Повидимому, столкновеніе студентовъ съ полиціею и войскомъ входило въ планъ агитаторовъ. Они хотѣли довести дѣло до крайностей, они жаждали пролитія крови, чтобы тѣмъ поднять усиленное волненіе во всѣхъ университетахъ. Справедливость моего предположенія подтверждается тѣмъ фактомъ, что, хотя въ Казани не дошло до столкновенія съ полиціей и войскомъ вслѣдствіе принятой мѣры (прекращенія на время лекцій), тѣмъ не менѣе распущены были слухи, что столкновеніе было; посланы были изъ Казани въ другіе университеты телеграммы и частныя письма, что нѣсколько студентовъ казанскаго университета убито при столкновеніи съ войскомъ. Одесскіе студенты, увѣдомляетъ одно частное письмо, даже служили панихиду по убитымъ казанскимъ студентамъ.

Въ 6 час. вечера, 29-го октября (1882 г.), открылось подъ моимъ предсѣдательствомъ экстренное собраніе университетскаго совѣта. Послѣ подробнаго обсужденія всѣхъ происшествій дня, постановлено: 1) немедленно пріостановить временно чтеніе лекцій, съ запрещеніемъ всѣмъ безъ исключенія студентамъ и постороннимъ слушателямъ входа во всѣ университетскія учрежденія, со включеніемъ и госпитальныхъ клиникъ, и обратиться къ г. начальнику губерніи съ просьбою о принятіи немедленно мѣръ къ охраненію всѣхъ входовъ въ университетскія зданія и недопущенію чрезъ нихъ студентовъ и постороннихъ слушателей въ университетъ; 2) назначить коммиссію изъ пяти членовъ совѣта для всесторонняго разслѣдованія дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами.

По содержанію перваго пункта постановленія совѣта мною было тотчасъ же отправлено отношеніе къ губернатору, который около 12 часовъ ночи, когда у насъ еще продолжалось засѣданіе совѣта,

самъ пріѣхалъ въ университетъ, чтобы лично передать мнѣ о мѣрахъ, которыя онъ принялъ. Въ то время, какъ я разговаривалъ съ губернаторомъ въ актовомъ залѣ, въ совѣтской комнатѣ былъ поставленъ исправляющимъ должность ректора вопросъ, что дѣлать съ Павломъ С — мъ? Постановлено: о поступкѣ С — ва, какъ посторонняго лица, не принадлежащаго къ университету, сообщить губернатору, который впослѣдствіи возбудилъ противъ С — ва уголовное преслѣдованіе.

Ночью при университетѣ была полицейская охрана, а рано утромъ поставлены солдаты и прибиты объявленія о временной пріостановкѣ лекцій. Мѣра, принятая въ казанскомъ университетѣ, не нашла сочувствія: въ одной изъ газетъ въ Петербургѣ было высказано недовольство временнымъ «закрытіемъ университета, причемъ назвали эту мѣру чисто полицейскою и находили, что большинство студентовъ несетъ черезъ то незаслуженную кару. Я съ этимъ, по совѣсти, согласиться не могу. По моему мнѣнію, это и педагогическая мѣра, съ одной стороны во-время охлаждающая горячія головы, орудовавшія на сходкѣ, а съ другой—служащая чувствительнымъ и совершенно заслуженнымъ наказаніемъ и для большинства студентовъ, которое хотя активнаго участія въ сходкѣ не принимало, но, къ сожалѣнію, присутствовало на сходкѣ, въ качествѣ любопытныхъ зрителей, и тѣмъ усиливало массу участниковъ въ безпорядкахъ и давало вожакамъ и опору во время сходки, и нѣкоторое право сказать въ своей гектографированной запискѣ: «Ни на одной студенческой сходкѣ, которыя произошли въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, мы не видали такого единодушія, какъ на этой». Дѣйствительнаго-то единодушія не было, какъ видѣли мы прежде изъ заявленія студентовъ-юристовъ и студентовъ-филологовъ, но не было и попытки со стороны большинства къ вразумленію и приглашенію къ порядку зачинщиковъ сходки на самой сходкѣ. Какая же любовь къ своему университету выразилась въ этомъ молчаливомъ потакательствѣ буянамъ? По моему искреннему убѣжденію, большинство студентовъ, придерживающееся въ пору смуты пословицы—«моя хата съ краю, я ничего не знаю», вполнѣ заслуживаетъ чувствительнаго наказанія. Желательно, чтобы на будущее время зачинщики смуты встрѣчали въ благоразумномъ большинствѣ не любопытствующихъ лишь зрителей волненія и неприличныхъ сценъ, а горячихъ и энергичныхъ защитниковъ порядка.

П. Д. Шестаковъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ХУДОЖНИКА ВАС. ВАС. ВЕРЕЩАГИНА.

Набѣгъ на Адріанополь

въ 1877 г.

II [1]).

Къ ночи, на третій день нашего пребыванія въ Адріанополѣ, мы выступили по дорогѣ къ Константинополю. Было такъ темно, что отрядъ разорвался, потерявъ слѣдъ впереди шедшихъ коней; вотъ былъ хорошій случай непріятелю порубить насъ или захватить въ плѣнъ; рыскавшіе въ окрестностяхъ черкесы могли бы это сдѣлать, если бы они не выродились и изъ дикихъ, неукротимыхъ горныхъ пантеръ не обратились въ степныхъ шакаловъ, годныхъ только для грабежа. Мы остановились посреди дороги, около какихъ-то домишекъ, развели большой огонь и, дремля близь пылавшихъ бревенъ, дождались утра.

Остановка и отдыхъ на слѣдующій день были въ Хавса, гдѣ мы нашли полный тюремный аппаратъ для пытокъ и для заковыванія преступниковъ въ кандалы. Маленькую коллекцію этихъ турецкихъ игрушекъ, какъ-то шейныя, ручныя и ножныя кандалы, весьма почтеннаго вѣса, и еще болѣе увѣсистую цѣпь я взялъ себѣ на память. На эту послѣднюю нанизывались преступники, болгары преимущественно, когда ихъ скованными отправляли въ Адріанополь.

Здѣсь прибѣжали болгары съ сосѣдняго чифлика (т. е. фермы)

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, стр. 617—647; т. LX, ноябрь, стр. 445—468.

сказать, что нѣсколько турокъ ночевали тамъ эту ночь и произвели страшныя дебоширства, даже трогали женщинъ. Струковъ далъ мнѣ Христо и нѣсколькихъ уланъ и просилъ, если возможно, накрыть злодѣевъ. Когда, проѣхавши на рысяхъ 5 верстъ разстоянія до чифлика, мы прибыли туда, намъ только показали далеко впереди, между пригорками и кустами, 3 фигуры турокъ, улепетывавшихъ во всѣ лопатки; какъ я могъ разсмотрѣть, это были пѣхотные. Христо, охваченный воинственнымъ жаромъ, просилъ позволить ему хоть съ однимъ солдатомъ догнать бѣглецовъ, но это было очевидною нелѣпостью, такъ какъ до нихъ было не менѣе 2-хъ верстъ и они, конечно, всегда могли, если ужъ не убѣжать, то хоть спрятаться отъ преслѣдованія; я предпочелъ воротиться безъ побѣды, но Христо мой, понимавшій храбрость только въ самомъ бурномъ смыслѣ, рѣшился вложить въ ножны свою саблю, которую онъ уже извлекъ, не прежде, чѣмъ отсѣкши ею голову гусю, пасшемуся въ небольшомъ стадѣ около фермы. Обезглавленный потомокъ спасителей Рима, вмѣстѣ съ другимъ, живымъ, былъ взятъ нами съ собою также, какъ запасъ кислаго молока и кислой капусты, нѣсколько напоминавшихъ за обѣдомъ далекую родину. Мнѣ указали на женщинъ, потерпѣвшихъ отъ турокъ.

— Съ вами дурно обошлись?

— Да, отвѣчала одна, конфузясь и закрывая лицо руками — очевидно, разспрашивать ихъ о подробностяхъ не приходилось.

По дорогѣ отсюда изъ Хавса еще болѣе, чѣмъ около Адріанополя, выбѣгало къ намъ на встрѣчу жителей, покинувшихъ дома и спасавшихся въ окрестныхъ лѣсахъ и кустарникахъ. Сначала мы принимали ихъ издали за непріятельскихъ мародеровъ, да и они, очевидно, не сразу рѣшались выходить къ намъ изъ своихъ засадъ, не будучи совершенно увѣрены, что это точно православное русское войско, о приближеніи котораго они, конечно, хорошо знали; за то, разъ увѣрившись въ этомъ, высказывали свою радость самымъ искреннимъ образомъ, бросались передъ нами на колѣна, цѣловали полы платья, когда удавалось поймать его, большинство плакало и кричало: «да живей, да живей царь Александръ!» Всѣ они жаловались не только на турецкія войска, но и на турецкихъ поселянъ, ушедшихъ къ Константинополю и передъ своимъ отходомъ ограбившихъ односельчанъ болгаръ до чиста, отнявшихъ, съ помощью мѣстныхъ турецкихъ властей, не только всю одежду, посуду, цѣнныя вещи, у кого были, но и лошадей, воловъ, телѣги; по словамъ ихъ, эмигранты эти выступили недавно и не должны были быть еще далеко впереди насъ; они умоляли воротить имъ хоть что нибудь изъ разграбленнаго добра!

Съ приближеніемъ нашимъ къ Баба-Эски, слѣды поголовнаго разбоя и грабежа дѣлались все сильнѣе и сильнѣе, раздавались плачъ, вой, причитанья женщинъ; видно было, что грабежъ совершенъ былъ очень недавно. При входѣ въ мѣстечко бросился въ глаза трупъ болгарскаго священника, уже старика, лежавшаго подъ заборомъ съ глубоко перерѣзаннымъ горломъ. Сосѣди разсказывали, что злодѣи пристали къ покойному съ требованіемъ указать, гдѣ у него скрыты деньги, и когда онъ отвѣтилъ, что денегъ нѣтъ, убили его. Тамъ и сямъ по домамъ раздавался жалобный женскій плачъ. Послѣдніе турки ушли только наканунѣ и, двигаясь на волахъ, очевидно, должны были быть еще недалеко.

Здѣсь, какъ въ Хавса, была наша дневка. Струковъ шелъ разумно, не застаиваясь нигдѣ, отдыхая каждый третій день. Мы выступали очень рано, еще въ темнотѣ, дѣлали привалъ для роздыха и ѣды, потомъ до вечера опять шли и останавливались на ночь; затѣмъ шли также и съ роздыхомъ весь слѣдующій день, а всѣ послѣдующіе сутки отдыхали. Генералъ обращалъ особенное вниманіе на лошадей, которыя были свѣжи, бодры и въ хорошемъ тѣлѣ; про людей и говорить нечего, всѣ смотрѣли гоголемъ.

Не доходя Люлле-Бургаса, мы начали догонять послѣдніе возы турецкихъ бѣглецовъ. Боясь обыска и отвѣтственности за грабежъ, они бросали по дорогѣ разные болгарскіе узоры и прошивки, отодранные отъ украденнаго добра — я подбиралъ и составилъ себѣ интересную коллекцію; бросали сабли, ружья, предварительно изломанныя и разбитыя. Струковъ далъ имъ приказаніе остановиться, для чего пришлось посылать далеко впередъ, такъ какъ возы растянулись на огромномъ пространствѣ. Часть была собрана передъ мостомъ, ведущимъ въ городъ, другіе стояли на дорогѣ, третьи стояли еще по другой дорогѣ и, наконецъ, еще возы двигались по третьему пути, по другой сторонѣ Марицы, но тѣхъ мы уже не могли остановить. Число возовъ было громадно. Я помню, Струкову былъ печатный укоръ за превышеніе числа эмигрантовъ; не смотря на просьбу его, я не хотѣлъ вмѣшиваться въ то время въ газетный споръ, но теперь кстати замѣчаю, что фактъ отступленія турокъ по нѣсколькимъ дорогамъ разбиваетъ помянутыя нападки. Донесеніе главнокомандующему писано мною и всѣ цифры, приблизительно разумѣется, вѣрны.

Такъ какъ этотъ народъ самъ не зналъ, зачѣмъ онъ двигается къ Константинополю, гдѣ ихъ ожидало раззореніе, голодъ, болѣзни, то я предложилъ генералу дозволить вернуться назадъ тѣмъ, которые бы этого пожелали; онъ согласился. Взявши Христо и велѣвъ собраться

старшинамъ эмигрантовъ, я объявилъ имъ, что въ «Румѣ, куда они идутъ, уже теперь голодъ, они проживутся тамъ, раззорятся и переболѣютъ, поэтому, не лучше-ли имъ теперь же вернуться назадъ — русскій генералъ не только не будетъ препятствовать этому, но, желая имъ добра, даже совѣтуетъ это». Много было у нихъ толковъ по этому поводу. Очевидно было, что нѣкоторые, на совѣсти которыхъ, вѣроятно, было менѣе грѣховъ и несправедливостей противъ болгаръ, хотѣли вернуться, другимъ самая мысль объ этомъ была противна. Имъ дали подумать объ этомъ на свободѣ и въ назначенный часъ велѣли дать отвѣтъ.

Тѣмъ временемъ, объѣхавши всѣ кварталы этого подвижнаго городка переселявшихся, я объявилъ, чтобы все оружіе было снесено на площадь—за утайку будетъ строго взыскано. Скоро цѣлая гора разнаго оружія была снесена въ кучу, изъ которой я опять выбралъ себѣ нѣсколько хорошихъ экземпляровъ, кое-что взяли офицеры, прочее было снесено подъ караулъ на храненіе.

Часть турокъ рѣшила возвратиться, если имъ дадутъ конвой для защиты отъ болгаръ—имъ обѣщали и они скоро, дѣйствительно, выступили въ обратный путь, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ уланъ. Болгары, чувствуя теперь свою силу, какъ шакалы, рыскали въ окрестностяхъ и нѣкоторые имѣли смѣлость даже на нашихъ глазахъ стащить кое-что съ турецкихъ возовъ, утверждая, что это ихъ же. Я отогналъ многихъ ударами нагайки, но въ сущности былъ бы въ затрудненіи рѣшить, кто тутъ грабитъ и кто ограбленный—не разберешь!

Проѣзжая въ толпахъ турокъ и ихъ повозокъ, я замѣтилъ, что большинство женщинъ были очень красивы собою, нѣкоторыя же просто красавицы. Помню Струковъ разсорился съ нѣкоторыми изъ нихъ, обратившихся къ нему съ какою-то просьбою, и одна, еще очень красивая молодая бабенка, такъ бойко говорила, такъ настаивала на томъ, что у нея мужъ убитъ и она теперь свободна дѣлать, что хочетъ, что добрѣйшій Александръ Петровичъ не утерпѣлъ, замѣтилъ: «а вѣдь баба-то... шалитъ».

Бóльшая часть повозокъ рѣшила все-таки продолжать путь далѣе и имъ въ этомъ не препятствовали. Когда передовыя телѣги, перейдя въ бродъ протекающую тутъ рѣку, выступили, я поѣхалъ посмотрѣть насколько тамъ соблюдается порядокъ и еще у самой рѣки услышалъ раздирающіе женскіе крики; я поскакалъ къ тому мѣсту, откуда они доносились, и что же увидѣлъ: казаки остановили повозку, двое изъ нихъ вскочили туда, одинъ держитъ женщину, другой обыскиваетъ ее! Бросить свою жертву и скрыться не хуже любой кошки было

для казачковъ дѣломъ минуты; тѣмъ не менѣе ихъ розыскали и на другой день посреди отряда, построеннаго въ каре, была совершена экзекуція розгами, въ примѣръ всѣмъ—«имѣяй очи видѣти, да видитъ». Струковъ сказалъ мнѣ спасибо, но полковые командиры, особенно казацкій, были недовольны.

Вечеромъ въ день выступленія всей этой массы турецкихъ эмигрантовъ я написалъ, по просьбѣ Струкова, донесеніе главнокомандующему, гдѣ выставилъ на видъ необходимость дать понять константинопольскому правительству весь вредъ такихъ насильныхъ выселеній, болѣе раззорительныхъ и для края, и для самихъ выселявшихся, чѣмъ самая война, и бывшихъ слѣдствіемъ только фанатизма и сумасбродства Сулеймана-паши.

На дорогѣ отсюда случилась ложная тревога у насъ, т. е. у Струкова и ѣхавшихъ съ нимъ вмѣстѣ не по той дорогѣ, по которой шелъ отрядъ, чтобы избѣжать пыли и встрѣчъ съ повозками, а по другой, ближе къ протекающей тутъ рѣкѣ. По той сторонѣ рѣки шло также не мало повозокъ и всякаго сброда; мы замѣтили, что большая группа этихъ людей, оглядѣвши насъ, бросилась къ лодкамъ и начала переправляться на нашу сторону—по правдѣ сказать, всѣ, начиная со Струкова, немножко струхнули, конечно, не опасности быть убитыми или ранеными, а возможности попасться въ плѣнъ — насъ могли захватить какъ полъ-дюжины барановъ, потому что мы были очень далеко отъ своихъ и совершенно безоружны, если не считать револьвера у меня и ружья у моего казака. Оказалось, что у людей этихъ были мирныя намѣренія; это были болгары, явившіеся донести о движеніи турокъ, принести жалобы и проч., и мы сами посмѣялись надъ нашимъ переполохомъ.

Мы приближались къ городу Чорлу, въ которомъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ отъ туземцевъ, находились турецкія войска. Для развѣдки посланъ былъ князь Д* съ полуэскадрономъ драгунъ, участью котораго генералъ сталъ безпокоиться, такъ какъ болгары по дорогѣ утверждали, что турки имѣютъ пѣхоту и орудія. На послѣднемъ привалѣ, передъ самымъ выходомъ, Струковъ, не получа вѣсти отъ кн. Д*, тоскливо спросилъ меня, какъ я думаю, хорошо-ли будетъ идти всѣмъ отрядомъ, не разузнавши о силѣ непріятеля? Я отвѣчалъ предложеніемъ поѣхать впередъ на рысяхъ, съ сотнею казаковъ, осмотрѣть позицію турокъ, вызвать огонь изъ орудій, если таковыя есть, и прислать ему кроки всего расположенія непріятеля. Струковъ такъ и сдѣлалъ: призвалъ одного изъ сотенныхъ командировъ и сказалъ ему:

— Вы поѣдете вотъ за ними, они будутъ снимать турецкую позицію, потрудитесь прикрывать и защищать ихъ.

Какъ потомъ оказалось, это спасло драгунъ и избавило бы ихъ вовсе отъ потерь, если бы не обыкновенное лукавство и «себѣ на умѣ» казачковъ. Получивши приказаніе оберегать меня, въ виду турецкихъ позицій, т. е. подвергать и себя, и своихъ лошадокъ опасности, почтенные Донилычи (съ Дону) очень не торопились исполнить его: я поѣхалъ рысцею—они шажкомъ; я прибавилъ рыси и послалъ къ нимъ одного изъ бывшихъ при мнѣ двухъ казаковъ, съ предложеніемъ поторопиться—они отвѣтили, что лошади очень устали и, переходя отъ словъ къ дѣлу, сошли съ коней и повели ихъ къ поводу—дескать успѣешь.

Подъѣзжаю къ Чорлу, слышу выстрѣлы, чаще, чаще—горячая перестрѣлка! Тогда я послалъ послѣдняго моего казака уже съ приказаніемъ сотенному командиру поспѣвать маршъ маршемъ подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности; самъ остановился, жду. Передо мною спускъ въ глубокую ложбину рѣки, за которою виденъ городъ; выстрѣлы и крики все приближаются, приближаются, наконецъ, изъ-за горы показывается всадникъ, другой, третій—это наши драгуны, во весь опоръ утекающіе отъ преслѣдующихъ ихъ турокъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Стой, стой! закричалъ я, бросаясь наперерѣзъ, стой такіе, сякіе! и уже поднялъ нагайку на одного солдата—но, взглянувши на его лицо, опустилъ руку.

— Я раненъ, промычали его позеленѣвшія губы, и дѣтина пронесся, не въ силахъ будучи сдержать лошадь. Въ это время прискакали казаки, и турки, съ высоты города видѣвшіе ихъ подходъ, дали знать своимъ остановить преслѣдованіе.

У драгунъ кавардакъ былъ полный; они собрались на возвышенномъ берегу лощины и люди, въ первый разъ бывшіе въ огнѣ, насилу, очевидно, опомнились отъ сюрприза. Я замѣтилъ Д.

— Какъ вамъ не стыдно такъ отступать?

— Что-же вы хотите, отвѣтилъ онъ, люди молодые, не слушаютъ команды,—потомъ немного погодя разсердился и прибавилъ:—да вамъ что за дѣло!?

— Стыдно только, больше ничего.

Однако, и въ правду, при нечаянномъ нападеніи съ неслыхавшимъ еще огня народомъ, трудно было сдѣлать что-либо иное, какъ спасаться слѣдомъ за ними, что офицеры и сдѣлали, отстрѣливаясь револьверами отъ нападавшихъ на нихъ турокъ.

Все дѣло происходило такъ: Д. благополучно дошелъ до Чорлу, не обративши достаточно вниманія на то обстоятельство, что болгары не выходили къ нему на встрѣчу передъ городомъ, что служило уже

вѣрнымъ знакомъ присутствія турокъ. Спустясь къ рѣкѣ въ ложбину, на которой идетъ полотно желѣзной дороги и находится желѣзнодорожная станція, онъ сталъ допрашивать есть ли въ городѣ турки?

— Нѣтъ, отвѣчалъ помощникъ смотрителя, они ушли всѣ.

Д. велѣлъ слѣзать съ лошадей и пошелъ осматривать станціонныя зданія.

Между тѣмъ турки, которыхъ было до двухъ тысячъ, дѣйствительно, выступили изъ города и переднія ихъ части были уже далеко, но арріергардъ, состоявшій изъ кавалеріи личнаго гвардейскаго конвоя султана, прекрасно одѣтаго и вооруженнаго скорострѣльными ружьями Пибоди, только что оставилъ городъ; услышавъ, что «москов» пришли въ небольшомъ числѣ и расположились на станціи по домашнему, они повернули назадъ и, въ числѣ двухъ-трехъ сотенъ, ударили на нашихъ! Драгуны едва успѣли вскочить на лошадей и собраться на мостъ, гдѣ стали отстрѣливаться; турки засыпали ихъ свинцомъ, и наши, чтобы не отстать, отвѣчали по возможности тѣмъ-же; но такъ какъ у нихъ было всего по 20 патроновъ на человѣка, то они въ нѣсколько минутъ разстрѣляли все, а затѣмъ, видя, что непріятель сталъ переходить рѣчку въ бродъ, съ намѣреніемъ обойти и окружить ихъ—ударились на утекъ; турки за ними, порубили 15 человѣкъ и, конечно, истребили бы всѣхъ, если-бы не показалась свѣжая сотня казаковъ.

Я всталъ съ казаками на самый край холма, облегавшаго ложбину. Передъ нами былъ весь живописно раскинувшійся на противоположной возвышенности городъ; внизу—желѣзнодорожная станція и мостъ, по которому лѣниво отходилъ непріятель, оглядываясь какъ бы съ сожалѣніемъ, что пришлось выпустить изъ рукъ добычу; перейдя мостъ, они присоединились къ своимъ, выжидая, очевидно, что̀ мы предпримемъ. Зная, что Струковъ, котораго долженъ былъ извѣстить тотъ же самый казакъ мой, что вызвалъ сотню, не оставитъ прислать подкрѣпленіе, я предложилъ сотенному командиру начать тихонько спускаться, а къ Д. я крикнулъ, чтобы, въ случаѣ нужды, онъ поддержалъ насъ.

— Не ходите, отвѣчалъ Д., я вамъ говорю, не ходите, ихъ много!

Сотенный командиръ объявилъ, что онъ не беретъ на себя повести людей въ такомъ маломъ числѣ.

— Развѣ вы прикажете?

— Я не имѣю права вамъ приказывать, но если вы не рѣшаетесь, я приказываю—впередъ, тихо, дружно, тѣснѣе!

Тихо стали мы спускаться, драгуны пошли за нами — тихо же

стали отходить турки. Они были отъ насъ въ разстояніи 400—500 шаговъ, такъ что мы могли разсмотрѣть каждаго отдѣльно всадника—всѣ, какъ на подборъ, щегольски одѣты, съ полулуніями на шапкахъ и всѣ на славныхъ маленькихъ, но крѣпкихъ коняхъ.

Въ донесеніи, посланномъ Струкову, я предложилъ, кромѣ подмоги лично намъ, послать еще по отряду въ обходъ, что онъ и исполнилъ: лишь только мы перешли мостъ, пришелъ къ намъ на рысяхъ эскадронъ уланъ и съ адъютантомъ этого полка, милѣйшимъ офицеромъ, имя котораго забылъ, мы были торжественно встрѣчены, какъ избавители (чему мы не мало смѣялись), вышедшими греками и болгарами, при чемъ дѣло не обошлось безъ цѣлованія нашихъ рукъ и ногъ.

Страшный вой огласилъ въ это время окрестность—это Д. наказывалъ желѣзно-дорожнаго служителя, солгавшаго ему, что турки уже ушли; такъ какъ экзекуцію производили потерпѣвшіе драгуны, то легко было понять, что она была нешуточная и что кричавшій не притворялся.

Отъ генерала пришло приказаніе не входить въ самый городъ, ожидать его. Скоро Струковъ пріѣхалъ и съ нимъ ротмистръ князь Васильчиковъ, привезшій извѣстіе о заключеніи перемирія! Отрядъ былъ остановленъ, подошедшіе болгарскіе священники отслужили молебенъ, послѣ чего князь Васильчиковъ, передавши солдатикамъ благодарность его высочества главнокомандующаго за службу, объявилъ о заключеніи перемирія и вѣроятность скораго заключенія мира. Ему, какъ и Струкову, съ своей стороны поблагодарившему за только что кончившееся дѣло, отвѣчали дружнымъ, громкимъ ура!

III.

Мы расположились въ «конакѣ» и общество наше увеличилось теперь княземъ Васильчиковымъ, простымъ, покладистымъ малымъ. Мясо и овощи были не дурны, масло, сливки—очень хороши, а изюмъ и миндаль такъ дешевы и хороши, что мой адріанопольскій трофей, огромный, по всей вѣроятности отъ какого нибудь амбара, ключъ безустанно работалъ, разбивая орѣхи. Казакъ мой, кубанецъ Курбатовъ, вороватый, но не злой малый, прежде бывшій въ должности и драбанта, и повара, теперь не былъ допускаемъ къ варкѣ щей, борщу и т. п., хотя онъ и увѣрялъ, что сварилъ бы не хуже другихъ; ему было поручено приготовленіе только кофе, потреблявшагося

въ огромномъ количествѣ и поэтому варившагося въ колоссальномъ мѣдномъ чайникѣ. Потому ли что кофе былъ, дѣйствительно, хорошъ или потому, что, при постоянномъ движеніи, желудки наши были не взыскательны, мы очень хвалили его, чѣмъ Курбашовъ мой такъ возгордился, что когда кто-то другой позволилъ себѣ приготовить этотъ напитокъ, онъ чуть не началъ драки. Интересно то, что главнымъ образомъ приготовленію этого кофе казакъ мой обязанъ былъ полученною имъ наградою.

— Почему вы, Василій Васильевичъ, не представите вашего казака (къ наградѣ)? спросили меня...

— Да за что-же ему давать крестъ, вѣдь онъ въ огнѣ со мною ни разу не былъ.

— Что-жъ такое, это не его вина, не случалось; я увѣренъ, что при случаѣ онъ не отсталъ бы отъ васъ.

— Такъ-то такъ; пожалуй, представьте. И, такимъ образомъ, Курбашовъ украсился знакомъ отличія...

Здѣсь кстати сказать, что легкость, съ которою даются (иногда) солдатскіе кресты, удивительна; еще въ частяхъ соблюдается кое-какая справедливость, потому что данные знаки отличія, столько-то на роту, распредѣляются, бо̀льшею частію, самими же солдатами, которые хотя и присуждаютъ ихъ не дѣйствительно отличившимся, а фельдфебелю и унтерамъ, но все-таки вопіющихъ несправедливостей избѣгаютъ. Но почему, напр., юнкера и разжалованные изъ офицеровъ всегда всѣ увѣшиваются однимъ, двумя, тремя и четырьмя [1]) Георгіевскими крестами, даже если они просто только участвовали въ дѣлѣ? Деньщики въ штабахъ и главныхъ квартирахъ, всѣхъ людей мало мальски вліятельныхъ или имѣющихъ доступъ къ вліятельнымъ лицамъ, непремѣнно украшаются крестами, даже если они ни разу не слышали свиста пули, а только перевозили господскую хурду-мурду въ обозѣ арміи. У С. деньщикъ, казакъ Паршинъ, получилъ два креста и въ благодарность, передъ уходомъ домой на Донъ, стянулъ у барина скорострѣльное ружье. Нашъ Христо, носившій одинъ крестъ, но имѣвшій непреодолимое желаніе навѣсить нѣсколько, просилъ меня въ концѣ похода замолвить за него Струкову, при чемъ, разумѣется, высчиталъ всѣ свои права и заслуги. Увы, надобно сознаться, что я обѣщалъ замолвить и, дѣйствительно, замолвилъ. За время коронаціи я видѣлъ Христо, съ важностью ученаго пуделя ходившаго за болгарскимъ княземъ, съ тремя крестами въ петлицахъ—утѣшаюсь тѣмъ, что не по одной моей винѣ, что тутъ было грѣха и С. и разныхъ

[1]) Четвертый—золотой съ бантомъ.

благодѣтелей главной квартиры, передъ которыми бравый Христо, конечно, не преминулъ повторить счетъ своихъ правъ и заслугъ.

Казаки наши, должно быть, обрадовались перемирію: запалили такой огонь, что, проходя мимо ихъ помѣщенія, я невольно подумалъ: «не было-бы, однако, пожара!»—Такъ и есть, скоро запылалъ весь домъ и я едва успѣлъ самъ вывести моихъ лошадей. Никто, впрочемъ, не сгорѣлъ, хотя дѣло было къ ночи, и никто ничего не потерялъ въ огнѣ, за то прекрасный конакъ сгорѣлъ до тла—второй домъ счетомъ изъ пріютившихъ насъ и нашихъ героевъ-деньщиковъ! Была уже темная ночь, когда мы, стоя на другой сторонѣ площади, наблюдали за тушеніемъ огня и отстаиваньемъ сосѣднихъ зданій, а потомъ перебрались въ одну изъ недальнихъ улицъ въ домъ какого-то грекоса и помѣстились недурно.

Не мало тутъ было хлопотъ съ жителями, жаловавшимися на обиды и несправедливости, не только турецкія, но и нашихъ солдатиковъ, нѣтъ-нѣтъ да и покушавшихся искать счастья въ чужихъ домахъ. Одинъ разъ я ходилъ ловить мародеровъ, вмѣстѣ со Струковымъ, который, потерявши терпѣніе, пошелъ ночью провѣрить справедливость жалобъ жителей на обиды; больше же я ходилъ одинъ съ казакомъ «что вѣтра въ полѣ» искать этихъ ловкачей искателей кладовъ—шмыгаютъ черезъ заборы и крыши; хоть и то ладно, что спугнешь ихъ!

У Струкова здѣсь была масса дѣла; днемъ я помогалъ ему чѣмъ могъ, также какъ и помянутый разъ драгунскій офицеръ, переписывавшій бумаги; но ночью я преисправно спалъ и только спросонья, однимъ глазкомъ, видалъ иногда, какъ онъ строчитъ донесеніе или принимаетъ его отъ одного изъ многихъ маленькихъ отрядовъ, разосланныхъ въ разныя стороны: тамъ захватили желѣзно-дорожную станцію съ правительственною корреспонденціею, тамъ напали на шайку грабившихъ черкесовъ, или на возу захватили турецкое знамя, снятое съ древка, чтобы половчѣе было скрыть его, и т. п. Какъ въ извѣстномъ французскомъ водевилѣ «Угольщики», гдѣ полицейскому комиссару не везетъ съ завтракомъ: только что онъ вытащитъ его и соберется закусывать, стучатся просители и жалобщики,—только что мой Александръ Петровичъ прочитаетъ депешу, дастъ отвѣтъ, отпуститъ вѣстника и, затушивъ свѣчу, собирется всхрапнуть—опять въ темнотѣ: стукъ, стукъ! Ваше превосходительство!.. ажъ вчужѣ жалко!

Скобелевъ пріѣхалъ на третій день вечеромъ на желѣзно-дорожной дрезинѣ; ждали очень долго, не дождались, воротились назадъ на станцію и готовились уѣхать домой, когда онъ подкатилъ. Оказалось, что милѣйшій Михаилъ Дмитріевичъ выбрилъ себѣ голову, что,

по правдѣ сказать, очень не шло къ нему, тѣмъ болѣе, что картузъ его, сдѣлавшись слишкомъ широкимъ, сидѣлъ совсѣмъ на ушахъ. Скобелевъ всегда страшно боялся потерять волосы, облысѣть, какъ отецъ его, и достаточно было сказать ему: «а вѣдь волосы-то у васъ скоро вылѣзугъ, Михаилъ Дмитріевичъ!», чтобы онъ, посуливши типуна на языкъ, на другой-же день выстригся подъ гребенку. Въ данномъ случаѣ надобно думать, что «бѣлый паша» не прочь былъ попопулярничать немного между мусульманами своею выбритою головою, только выраженіе невольнаго изумленія всѣхъ русскихъ, передъ его выбритымъ черепомъ, видимо его стѣсняло и раздражало.

Вскорѣ же по пріѣздѣ начальника авангарда арміи мы выступили по направленію къ Чаталджѣ, гдѣ, по условію съ турецкимъ правительствомъ, должны были остановиться.

Это были уже послѣдніе наши походы. И офицеры, и солдаты были рады перемирію и скорому, вѣроятно, заключенію мира, о которомъ жены и семьи на далекой родинѣ давно уже молили Бога; только мысль о возможности «окупаціи» смущала нѣсколько радость.

Что за чудесныя развалины встрѣтились здѣсь по дорогѣ! Влѣво отъ нашего пути виденъ былъ холмъ, съ разбросанными по немъ остатками построекъ—я свернулъ туда и очутился среди торчавшихъ изъ земли витыхъ колоннъ, капителей, базъ и проч., прекрасной работы греческо-византійскаго періода, изъ чистаго бѣлаго мрамора; съ холма были видны, направо и налѣво, два моря. Пастухъ сидѣлъ на этомъ холмѣ какъ на подушкѣ, набитой этими чудесными остатками былаго величія края и наблюдалъ за пасшимися кругомъ баранами; очевидно было, что никто никогда и не думалъ интересоваться здѣсь этими мраморами. Къ несчастью, и у насъ оказалось мало сочувствія къ нимъ; я говорилъ послѣ Скалону, что недурно было бы взять нѣсколько хорошихъ образцовъ этой архитектуры и переслать въ Россію, но получилъ въ отвѣтъ: «гдѣ съ этимъ возиться, не на чемъ перевозить». Вообще по всему краю здѣсь разбросаны остатки древности, преимущественно византійскаго періода греческаго величія; почти всѣ мечети заключаютъ въ себѣ много матеріала, взятаго изъ разрушенныхъ церквей. Базы колоннъ въ мечетяхъ всегда не что иное, какъ перевернутыя капители изъ храмовъ, часто удивительной работы и со стороны входа всегда обитыя, обтертыя очищаемою о нихъ обувью правовѣрныхъ.

Встрѣтился намъ здѣсь чиновникъ телеграфнаго вѣдомства изъ Константинополя; онъ былъ посланъ осмотрѣть телеграфныя проволоки, отъ исправности которыхъ зависѣла теперь, въ значительной

степени, быстрота мирныхъ переговоровъ; Струковъ пропустилъ его безпрепятственно, хотя съ нимъ не было правильнаго вида.

Силиври, прелестное мѣстечко, на самомъ морскомъ берегу, въ небольшомъ заливѣ. Ни одного болгарина или грека не вышло къ намъ на встрѣчу—вѣрный признакъ того, что въ городѣ турецкія войска; такъ и было въ дѣйствительности. Я ѣхалъ далеко впереди отряда. Въ улицахъ толпа народа и войска кавалеріи—тѣ самые молодцы, съ которыми мы столкнулись подъ Чорлу: всѣ такъ и уперлись въ меня глазами, народъ—съ видимымъ сочувствіемъ, котораго, однако, не смѣлъ выражать, солдаты—враждебно. Меня провели въ конакъ къ Идеатъ-пашѣ, командовавшему этимъ передовымъ отрядомъ кавалеріи.

Представившись ему, какъ секретарь русскаго генерала, я заявилъ о необходимости немедленно же очистить городъ для нашихъ солдатъ. Онъ отвѣчалъ, что не получилъ еще приказанія, но послалъ уже запросъ и ждетъ отвѣта, при чемъ выразилъ увѣренность, что ему дадутъ возможность дождаться этого отвѣта.

— Генералъ согласится, вѣроятно, на самый короткій срокъ—не болѣе.

Струковъ скоро подъѣхалъ и я объяснилъ ему положеніе: очевидно, паша хитрилъ, хотѣлъ фактически установить границу между ихъ и нашими войсками въ Силиври, а не въ Чаталджѣ. Струковъ потребовалъ немедленнаго очищенія города.

— Да развѣ не можемъ мы вмѣстѣ помѣститься: вы займете одинъ конецъ города, я другой?..

— Нѣтъ не можемъ, отвѣчалъ Струковъ, начинавшій терять терпѣніе, и повторилъ свое требованіе.

— Да вашъ секретарь далъ намъ право подождать здѣсь отвѣта.

— Нѣтъ, онъ говорилъ вамъ лишь о времени, необходимомъ для сбора къ выходу.

— Но не можемъ же мы отступить, не получивши приказанія?

— Такъ я васъ заставлю!

— Не прикажете ли, ваше превосходительство, вызвать орудіе? обратился я къ Струкову.

— Сейчасъ, подождите, можетъ быть, онъ уберется и такъ.

Приказавши нашимъ войскамъ не занимать весь городъ, чтобы не войти въ соприкосновеніе съ турками, генералъ прождалъ нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ мы выпили по чашкѣ кофе, но, не получая никакого отвѣта и не видя приготовленія къ выходу, такъ какъ войска ихъ продолжали стоять на улицѣ и глазѣть на нашихъ, спросилъ еще разъ и рѣшительно, очистятъ они городъ или нѣтъ?

— До полученія отвѣта изъ Константинополя нельзя, былъ отвѣтъ.

Струковъ вышелъ въ прихожую и голосомъ, который сдѣлалъ бы честь и не такой тщедушной груди, какъ его, закричалъ:

— Батарею сюда!

Нѣсколько человѣкъ бросилось исполнять приказаніе, послышалось

— Батарею, батарею!

Что сдѣлалось съ Идеатомъ-пашею, какъ онъ засуетился!

— Сейчасъ придетъ отвѣтъ!

— Знать ничего не хочу, отвѣчалъ Струковъ.

— Полученъ, полученъ отвѣтъ—сейчасъ выступимъ!

Дѣйствительно, турки сѣли на коней и выступили, а мы заняли конакъ, до нельзя загрязненный и полный насѣкомыхъ. Смотримъ, вечеромъ опять является Идеатъ, въ самомъ веселомъ настроеніи очевидно, хочетъ увѣрить, что мы можемъ жить вблизи другъ отъ друга, не ссорясь. Меня онъ дружески, какъ бы стариннаго знакомаго, хлопнулъ по плечу, на что я, съ своей стороны, отвѣтилъ здоровеннѣйшимъ, пріятельскимъ же хлопкомъ по его загорбку, зная, что на востокѣ наружныя формы, особенно при людяхъ, значатъ и считаются болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Струковъ и слышать не хотѣлъ о новыхъ турецкихъ хитростяхъ.

— Изъ Константинополя получено-де приказаніе городъ очистить, но далѣе не отходить, такъ какъ по новому-де условію съ нашею главною квартирою наши войска не должны двигаться далѣе Силиври.

— Мнѣ лучше извѣстно распоряженіе главной квартиры, отвѣчалъ генералъ,— я пойду дальше, и если вы не отступите, атакую васъ.

— Хорошо, атакуйте, отвѣтственность за это несправедливое нападеніе будетъ на васъ.

— Послѣ разберутъ на комъ отвѣтственность, не была бы она, смотрите, на васъ.

— Какимъ же образомъ на насъ, когда у насъ получены самыя положительныя приказанія, не далѣе какъ сейчасъ; не хотите ли взглянуть на депешу?

— Нѣтъ надобности, мои приказанія при мнѣ и я ихъ исполню.

Насилу спровадили пашу, увѣрявшаго въ дружбѣ вообще турокъ къ русскимъ и его лично къ намъ, въ несправедливости дальнѣйшаго наступленія и т. п.

Такъ и представлялись мнѣ польскіе и русскіе люди, съѣхавшіеся для переговоровъ о мирѣ: одни ставятъ непремѣннымъ условіемъ уступку Смоленска, другіе въ отвѣтъ на это требуютъ уступки всего, вплоть до Варшавы, и, въ концѣ концовъ, послѣ многаго потѣнія

споровъ и криковъ до хрипоты, проводятъ черту удовлетворительную для болѣе сильной и настойчивой стороны.

Выступивши на другой день, увидѣли, что вмѣстѣ съ нами же, не ранѣе, выступили изъ-подъ города и турки, при чемъ шли они такъ тихо, что намъ поминутно приходилось останавливаться, утыкаясь въ хвосты ихъ лошадей. Струковъ, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, сталъ обходить турокъ, аріергардъ которыхъ остался далеко позади насъ, а когда и это не помогло, опять разсердился и приказалъ батареѣ нашей выѣхать на позицію. Турки зашевелились немного, но генералъ не удовольствовался этимъ и, въѣхавши на возвышенность около дороги, тѣмъ же, припасаемымъ имъ, очевидно, для самыхъ экстренныхъ случаевъ, громовымъ голосомъ закричалъ:

— Маршъ, маршемъ!

Вся непріятельская кавалерія, большинство которой были арабы, вѣроятно, не поняла эту команду, но нѣкоторые, должно быть, поняли и поскакали, за ними встрепенулись и поскакали всѣ—можно сказать, была потѣха! Точно церемоніальнымъ маршемъ, мимо русскаго генерала скакали арабы, съ развѣвающимися бурнусами, шелковыми съ кисточками платками и длиннѣйшими своими копьями; сѣдла нѣкоторыхъ всадниковъ, не разсчитывавшихъ, можетъ быть, на такую бѣшеную скачку, свернулись: арабы кубыремъ черезъ голову, а потомъ, какъ кошки, галопомъ на своихъ на двоихъ, въ догонку за лошадьми, и все это при дружномъ искреннемъ смѣхѣ нашихъ солдатиковъ, буквально державшихся за бока отъ хохота!

На привалѣ въ этотъ день мы наткнулись опять на эту кавалерію. На подмогу ей явился полковникъ турецкаго генеральнаго штаба отъ Мухтара-паши, командовавшаго остатками турецкой арміи. Надобно думать, что полковникъ переговорилъ уже съ оказавшимися тутъ же австрійскимъ и американскимъ военными агентами при нашей главной квартирѣ; вѣроятно, онъ разжалобилъ и уговорилъ ихъ помочь ему, такъ какъ при входѣ въ домъ, гдѣ Струковъ его принялъ, этотъ офицеръ (воспитывавшійся въ Англіи) довольно рѣзко спросилъ:

— Кто здѣсь говоритъ по англійски, я не говорю по французски.

— Я готовъ перевести, что вамъ угодно, отвѣтилъ американецъ Гринъ.

— Very well, обрадовался турокъ и началъ было разводить турусы на колесахъ, когда Струковъ остановилъ его:

— Позвольте, позвольте, я не понимаю по англійски, не угодно ли вамъ прислать офицера, который говоритъ по французски или по нѣмецки, или отправьтесь къ генералу Скобелеву.

Разсужденій и возраженій не допускалось никакихъ.

Скобелевъ рѣшилъ послать офицера къ газы (непобѣдимому) Муктару, а мы тѣмъ временемъ передвинулись къ Чаталджѣ, гдѣ стало понятнымъ стараніе турокъ задержать насъ возможно дольше и дальше отъ этихъ мѣстъ: на линіи фортовъ, составлявшихъ знаменитыя Чекменджинскія укрѣпленія, прикрывавшихъ Константинополь съ сухаго пути, дѣятельно работали; на нѣкоторыхъ холмахъ даже и земляныя работы не были готовы; другія уже смотрѣли грозно издали, но на нихъ не было еще орудій. Видно, турки, подъ вліяніемъ своихъ временныхъ успѣховъ въ Европѣ и Азіи, поздно взялись за оборону подступовъ къ столицѣ, или вѣрнѣе, къ столицамъ, такъ какъ оба города: Адріанополь и Константинополь, въ послѣднюю минуту оказались незащищенными.

Я ѣздилъ съ нѣсколькими драгунами по дорогѣ къ фортамъ, верстъ за пять отъ Чаталджи, посмотрѣть мѣстность, и вынесъ убѣжденіе, что проходъ по этой мѣстности въ это время года крайне затруднителенъ для лошадей, для орудій же—почти невозможенъ: вся дорога представляла одну сплошную трясину, въ которой завязнуть и умереть безъ покаянія, казалось, было самымъ простымъ, естественнымъ дѣломъ.

Полковникъ нашъ, посланный Скобелевымъ къ Муктару-пашѣ, возвратился, оговоривши, что слѣдовало. Я пришелъ въ ужасъ отъ разсказаннаго бывшими при немъ офицерами: яко-бы для шутки Муктаръ, въ разговорѣ съ нашимъ полковникомъ, тронулъ его за бороду, одна половинка которой нѣсколько разнилась цвѣтомъ волосъ отъ другой, и умный, храбрый, утонченно вѣжливый пріятель нашъ не только не далъ лизуна непобѣдимому Муктару, но и не сморгнулъ — у меня вчужѣ руки чесались! По мусульманскому обычаю нѣтъ бóльшей обиды, какъ дернуть за бороду противника — воображаю, какъ турки потѣшались разсказами объ этомъ.

Скобелевъ пріѣхалъ немножко пасмурный, грустный. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня:

— «Что вы думаете, Василій Васильевичъ, кончились военныя дѣйствія?»

— Кончились, отвѣчалъ я.

— «Вы думаете, будетъ заключенъ миръ?»

— Думаю, что будетъ заключенъ миръ и немедленно же утекаю.

— «Подождите, можетъ быть еще не заключатъ мира, пойдемъ на Константинополь».

— Нѣтъ, заключатъ миръ; уѣду писать картины.

— «Счастливецъ вы».

Михаилъ Дмитріевичъ разсказывалъ мнѣ и Струкову за завтракомъ, что когда отрядъ нашей гвард. кавалеріи подъ начальствомъ

генерала Э. входилъ въ Родосто, жители подъ разными предлогами задержали его нѣкоторое время внѣ города и когда, наконецъ, онъ вошелъ—судно съ городскою казною, состоявшею изъ очень значительной суммы, вышло изъ гавани къ Константинополю. Надобно сказать, что я неоднократно просилъ Струкова послать меня хоть съ небольшимъ отрядомъ въ богатѣйшій Родосто, налетѣть, взять контрибуцію въ милліонъ руб. и уйти назадъ. Струкову нравилась эта мысль, но, какъ человѣкъ осторожный, онъ боялся съ одной стороны послать слишкомъ слабый отрядъ, съ другой—обезсилить наше движеніе отдѣленіемъ сильнаго отряда. Потомъ, когда сдѣлалось оффиціально извѣстно о заключеніи перемирія, пришлось оставить попеченіе объ этомъ. За то, услышавши о томъ, что въ казнѣ Родосто, дѣйствительно, хранились большія деньги, я просто подскочилъ на стулѣ:

— «Скажите, Александръ Петровичъ, вскричалъ я, не совѣтовалъ ли я вамъ набѣжать на Родосто и сорвать съ нихъ здоровый выкупъ!?».

Скобелевъ засмѣялся: «вы настоящій воинъ, Василій Васильевичъ!»

Въ Адріанополѣ главнокомандующій чрезвычайно любезно принялъ меня:

— «Спасибо, молодецъ, на всѣ руки мастеръ».

— Радъ стараться.

Я объяснилъ его высочеству, между прочимъ, соображенія, понудившія насъ дозволить повернуть назадъ части турецкихъ переселенцевъ: нѣтъ сомнѣнія, что турки не найдутъ себѣ мѣста и принуждены будутъ возвратиться голодные, раззоренные; гораздо же лучше принять теперь зажиточный народъ со всѣмъ его добромъ, чѣмъ послѣ толпу нищихъ! Бывшій при этомъ дипломатическій чиновникъ (теперешній посолъ) Нелидовъ не принялъ этой точки зрѣнія: «вы сдѣлали политическую ошибку», повторилъ онъ нѣсколько разъ. Послѣдствія, однако, совершенно оправдали насъ: всѣ турки, уцѣлѣвшіе отъ голода и болѣзней, въ силу трактата, воротились на старыя мѣста, но предварительно все распродавши и въ конецъ обнищавши въ константинопольскихъ предмѣстьяхъ и улицахъ, гдѣ толпы этого недавно еще исправнаго рабочаго народа долго были пугаломъ населенія.

Главная квартира въ Адріанополѣ была очень оживлена теперь: масса народа понаѣхала туда словно на пиръ, кто, немного поздновато, отличаться, кто дѣла дѣлать, для чего было самое время; военные агенты также были всѣ въ сборѣ, такъ что прежнее веселое, но скромное общество походило теперь на шумный дворъ; какъ ни громаденъ былъ столъ въ залѣ конака, мѣста приходилось брать чуть не съ бою. Улицы города представляли сплошной базаръ: отъ генерала И***, пожимавшаго руки направо и налѣво, съумѣвшаго и

здѣсь сдѣлаться популярнымъ,— до послѣдняго прапорщика, нашедшаго, наконецъ, каналъ для спусканія накопившихся рублей, все жило и праздновало побѣду.

Мнѣ понадобилось съѣздить въ Чорлу, чтобы сдѣлать тамъ нѣсколько набросковъ, которые, за разными прежними малохудожественными занятіями, не удалось исполнить во время похода. Желѣзная дорога была въ нашихъ рукахъ и желавшимъ переѣзжать не возбранялось. И въ Чорлу я нашелъ все порядочно измѣнившимся: въ кабачкѣ на станціи была такая масса народа, что я отчаялся было что-либо получить, когда неожиданно хозяинъ разлетѣлся со всевозможными знаками почтенія и благодарности. Оказалось, какъ я и вспомнилъ, что онъ приходилъ къ намъ, во время нашего всемогущества, просить защиты отъ башибузуковъ, хотѣвшихъ яко бы увести его коровъ и барановъ, и, съ дозволенія Струкова, я далъ ему драгуна, для прикрытія отступленія стада; очень можетъ быть, что съ этою охраною онъ не только защитился, но и прихватилъ себѣ малую толику лишняго, изъ многаго множества стадъ, оставшихся за уходомъ турокъ безъ владѣльцевъ; если такъ, то и понятно, что онъ чувствовалъ потребность выразить свою благодарность и лучшимъ кускомъ подошвы, именуемой бифштексомъ, и лучшею красною бурдою доморощеннаго «лафита».

Поѣзда назадъ не было и такъ какъ правильное сообщеніе еще не наладилось, то даже и не знали, когда таковой будетъ—пришлось приказать, чтобы былъ поѣздъ, и, дѣйствительно, снарядили. При отходѣ со станціи вышелъ такой казусъ: мы уже двинулись, когда подбѣжалъ запыхавшійся болгаринъ, махавшій какимъ-то письмомъ и кричавшій: «князь, князь, Адріанополь, Рейсъ?..» Я зналъ Рейса, нѣмецкаго посла въ Константинополѣ, и понялъ, что болгаринъ везъ что-либо отъ этого дипломата въ нашу главную квартиру. Я велѣлъ остановить поѣздъ, посадилъ болгарина и взялъ отъ него письмо, запретивши ему говорить что-либо съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ желѣзнодорожные служащіе, преимущественно австрійцы, уже видимо заинтересовались тѣмъ, что слышали. Когда мы поздно вечеромъ пріѣхали въ Адріанополь, я велѣлъ болгарину идти въ конакъ, а письмо передалъ генералу Игнатьеву, какъ разъ входившему съ Нелидовымъ во дворъ; подошедшаго вскорѣ болгарина рекомендовалъ попеченію Скалона, накормившаго, напоившаго его и представившаго главнокомандующему.

Письмо оказалось большой важности: князь Рейсъ увѣдомлялъ конфиденціально нашу главную квартиру о вступленіи въ проливъ англійскихъ броненосцевъ... У насъ немедленно же рѣшено было

движеніе впередъ къ С.-Стефано, а если англичане не остановятся, то и на Константинополь...

Когда я собрался уѣхать на слѣдующій день, милѣйшій Скалонъ передалъ мнѣ, что его высочество желаетъ, чтобы я принялъ «на память» «золотую шпагу», но я поблагодарилъ и задалъ тягу—на желѣзно-дорожную станцію.

Honny soit qui mal y pense!

В. В. Верещагинъ.

Примѣчаніе. Здѣсь опущено приложеніе: депеши, захваченныя отрядомъ генерала Струкова на различныхъ телеграфныхъ станціяхъ.

Ред.

АЛЕКСАНДРЪ КАРЛОВИЧЪ ПФЕЛЬ

род. 1826, † 27-го марта 1887 г.

I.

Дѣятельность А. К. Пфеля въ московскомъ воспитательномъ домѣ

1869 — 1878.

Много честныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей уходитъ изъ нашей среды въ могилу, оставивъ слѣды, замѣтные въ сферѣ общественной дѣятельности; но общество, въ большинствѣ случаевъ, узнаетъ о нихъ только изъ коротенькихъ газетныхъ некрологовъ, которые не могутъ дать достаточно матерьяла для безпристрастной оцѣнки всего того, что они сдѣлали. Главная причина заключается въ томъ, что ихъ дѣятельность развивалась въ такой сферѣ, которая стояла какъ бы въ сторонѣ отъ общей жизни, и потому большинству оставалось неизвѣстною. Ихъ смерть была событіемъ только въ этой сферѣ, и если въ ней не находилось лица, близкаго къ умершему, то современники иногда и ничего не узнаютъ о немъ. А между тѣмъ они не мало потрудились для общей пользы и вѣрно въ тяжелыя минуты, которыя приходилось переживать имъ въ борьбѣ съ препятствіями, они ободряли себя надеждою, что получатъ нравственную награду въ признательности своихъ согражданъ. А сограждане не имѣютъ возможности узнать объ ихъ заслугахъ и избѣжать упрека въ неблагодарности. Къ числу такихъ дѣятелей приходится отнести и почетнаго опекуна Александра Карловича Пфеля, умершаго 27-го марта 1887 г., въ Царскомъ селѣ.

Будучи лично знакомъ съ покойнымъ А. К. Пфелемъ и зная хорошо всю его служебную дѣятельность въ Москвѣ, я считаю своимъ

нравственнымъ долгомъ указать на крупные факты изъ его полезной общественной жизни.

По окончаніи, въ 1847 году, курса по юридическому факультету, въ московскомъ университетѣ, А. К. поступилъ на службу въ межевую канцелярію. Но исполненіе сухихъ канцелярскихъ обязанностей, весьма естественно, не могло долго интересовать хорошо образованнаго, полнаго энергіи, молодаго человѣка и въ началѣ 1850 года онъ перешолъ на службу въ С.-Петербургъ.

Счастливый случай познакомилъ А. К. съ бывшимъ въ то время членомъ государственнаго совѣта статсъ-секретаремъ Николаемъ Михайловичемъ Лонгиновымъ. Необыкновенно симпатичная внѣшность, благородство характера, доброта сердечная, недюжинный умъ, превосходное воспитаніе и вполнѣ просвѣщенный взглядъ на вещи А. К. Пфеля обратили на себя вниманіе Н. М. Лонгинова, который предложилъ, въ январѣ 1851 года, Александру Карловичу перейти на службу въ канцелярію по управленію учебными и благотворительными заведеніями, гдѣ самъ Лонгиновъ состоялъ въ качествѣ секретаря императрицы Александры Θеодоровны.

Не вдаваясь въ перечисленіе дальнѣйшихъ разнообразныхъ переходовъ и повышеній А. К. Пфеля по службѣ въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, перейду прямо къ выдающемуся и самому благотворному періоду дѣятельности такъ рано почившаго Александра Карловича. Крайне неудовлетворительное состояніе московскаго воспитательнаго дома и находившихся съ нимъ въ связи заведеній побудило въ 1869 году бывшаго главноуправляющаго собственною Е. И. В. канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи, принца П. Г. Ольденбургскаго, ходатайствовать передъ императоромъ о коренномъ преобразованіи этихъ учрежденій. Александръ Карловичъ былъ лицемъ, на которомъ остановился выборъ главноуправляющаго и его товарища, Ник. Андр. Шторха (состоявшаго, до самой своей смерти, въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ А. К. Пфелемъ), положить конецъ многимъ злоупотребленіямъ, вкравшимся, съ теченіемъ времени, при старыхъ порядкахъ. Едва ли можно указать много лицъ, обязанныхъ своею служебною каріерою не связямъ, а исключительно своимъ личнымъ достоинствамъ, на долю которыхъ выпадало бы исполненіе такого труднаго и отвѣтственнаго порученія, сопряженнаго съ неустанною борьбою со всѣмъ и каждымъ. Иной, которому подобный успѣхъ вскружилъ бы голову, возмнилъ бы, что самимъ актомъ назначенія на такую высокую должность, въ немъ вдругъ рождаются всѣ необходимыя для нея качества. Не таковъ былъ А. К. Пфель. Онъ рѣшился прежде серьезно подготовить

себя къ ней, а затѣмъ уже положилъ въ нее все свое знаніе, всю свою энергію, постоянно поддерживаемый принцемъ П. Г. Ольденбургскимъ и Шторхомъ. Въ какой степени ему удалось оправдать оказанное ему довѣріе, свидѣтельствуетъ вся десятилѣтняя дѣятельность его по управленію московскимъ воспитательнымъ домомъ и подвѣдомственными ему заведеніями, къ изложенію которой мы переходимъ.

Скромному чиновнику особыхъ порученій при IV отдѣленіи собственной его величества канцеляріи было предложено, въ 1868 году, высокое званіе почетнаго опекуна съ спеціальнымъ назначеніемъ управлять московскими: воспитательнымъ домомъ съ его обширными деревенскими округами, родильнымъ госпиталемъ, Николаевскимъ сиротскимъ институтомъ, малолѣтнимъ отдѣленіемъ и фельдшерской школой. Не смотря на столь лестное для сравнительно еще молодаго человѣка (ему было съ небольшимъ 42 года) предложеніе, А. К. Пфель, однако, не сразу принялъ такой важный и отвѣтственный постъ, а сначала занялся подробнымъ изученіемъ устройства воспитательныхъ домовъ какъ у насъ въ Россіи, такъ въ особенности заграницей, для чего онъ изучилъ всю существовавшую по этому предмету литературу. Но основательное теоретическое ознакомленіе съ предметомъ не удовлетворило честнаго и серьезно относящагося къ дѣлу человѣка. Ему мало было знать эту сторону дѣла; онъ рѣшился предварительно ознакомиться и съ примѣненіемъ прекрасныхъ теорій на практикѣ, въ самой жизни. И вотъ А. К. Пфель ѣдетъ въ Москву, а оттуда во многія деревни, гдѣ разселены питомцы воспитательнаго дома, и на мѣстѣ знакомится съ неприглядными сторонами быта несчастныхъ дѣтей и еще болѣе неприглядными условіями надзора за ихъ воспитаніемъ. Только послѣ всего этого А. К. изъявилъ согласіе на принятіе предложеннаго поста и 22-го марта 1869 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на назначеніе его почетнымъ опекуномъ, присутствующимъ въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ и управляющимъ вышепоименованными заведеніями.

Вступивъ въ управленіе заведеніями, А. К. Пфель, со свойственною ему энергіею, принялся за коренныя въ нихъ преобразованія. Прежде всего онъ приступилъ къ пересмотру штатовъ и положеній, дѣйствовавшихъ въ заведеніяхъ, и началъ эту сложную работу съ воспитательнаго дома, гдѣ чувствовалась наибольшая потребность въ немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію управленія домомъ и его обширными округами. Изъ предварительно собранныхъ статистическихъ данныхъ выяснилось, что огромный контингентъ питомцевъ (до 40 тыс. человѣкъ обоего пола) размѣщенъ въ 4,325

селеніяхъ Московской и смежныхъ съ ней Тверской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской и Владимірской губерній. Весь раіонъ округовъ занимаетъ пространство до 44 тыс. квадр. верстъ. Это громадное пространство, съ не менѣе огромною массою питомцевъ, было раздѣлено всего на 15 округовъ, изъ которыхъ каждый былъ ввѣренъ наблюденію и попеченію одного надзирателя, обязаннаго періодически объѣзжать свой округъ и имѣть опекунское попеченіе объ участи несчастныхъ дѣтей. Округа эти и число питомцевъ въ нихъ были распредѣлены такъ неравномѣрно, что нѣкоторые изъ нихъ, занимая пространство до 3,500 квадратн. верстъ, имѣли населеніе болѣе четырехъ тысячъ питомцевъ, тогда какъ другіе распространялись болѣе, нежели на 10 тыс. квадр. верстъ, съ населеніемъ лишь до трехъ сотъ питомцевъ. Между тѣмъ окружные надзиратели, на которыхъ были возложены столь многосложныя и гуманныя обязанности по наблюденію за участью и судьбою обездоленныхъ дѣтей, получали за свой непосильный трудъ почти нищенское вознагражденіе, едва ли превышавшее 500 руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ и расходы на разъѣзды. Само собою понятно, что лица, принявшія на себя, при такихъ условіяхъ, высокія обязанности надзирателей, не могли отличаться и, дѣйствительно, не отличались нравственными и умственными качествами и не задумывались въ выборѣ средствъ для восполненія своей матеріальной необезпеченности. Отсюда, само собою разумѣется, вытекало полнѣйшее равнодушіе къ исполненію своихъ обязанностей, отсутствіе всякаго надзора за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ и цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ злоупотребленій.

Всѣ эти ненормальныя явленія не укрылись отъ просвѣщеннаго взгляда А. К., а разъ уяснивъ себѣ причину зла, онъ уже твердо и непоколебимо шелъ къ достиженію намѣченной цѣли: уничтоженію его въ самомъ корнѣ. Для этого немедленно были составлены новые штаты, коренньмъ образомъ измѣнявшіе какъ центральное управленіе воспитательнаго дома, такъ, главнымъ образомъ, управленіе его округами. Штаты эти тогда же были утверждены и уже въ 1870 году мы видимъ А. К. Пфеля поглощеннаго новыми заботами по введенію ихъ въ дѣйствіе и по выбору личнаго состава служащихъ. Къ концу этого года окончено было полное преобразованіе округовъ. Вотъ эти преобразованія: вмѣсто прежнихъ 15 округовъ—образовано 20; уменьшены почти на половину раіоны слишкомъ большихъ округовъ; въ бо̀льшей части округовъ назначено по два надзирателя вмѣсто одного, такъ что вмѣсто 15 ихъ стало 36, въ числѣ которыхъ оказалось 17 врачей; въ трехъ округахъ, центры которыхъ удалены отъ

городовъ, открыты собственныя лечебницы, снабженныя всѣми необходимыми принадлежностями и ввѣренныя двумъ надзирателямъ изъ врачей; въ остальныхъ округахъ надзиратели изъ врачей снабжены походными аптеками и кромѣ того открытъ пріемъ больныхъ питомцевъ въ больницахъ земства и лечебницахъ частныхъ лицъ; въ 16 округахъ учреждены окружныя управленія, состоящія подъ вѣдѣніемъ двухъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ, по очереди, всегда долженъ находиться на мѣстѣ, а другой—посѣщать питомцевъ въ деревняхъ; самыя же окружныя управленія, для удобства воспитателей, открыты въ центральныхъ мѣстностяхъ округа; развозъ дѣтей въ округа сталъ производиться или по желѣзнымъ дорогамъ, или въ особо устроенныхъ для того крытыхъ, теплыхъ повозкахъ и притомъ съ особыми провожатыми, которые обязаны доставлять кормилицъ съ дѣтьми непосредственно къ окружному надзирателю, а этотъ послѣдній долженъ былъ озаботиться о развозкѣ ихъ по мѣстамъ жительства, для чего при управленіяхъ имѣются такія же повозки и наемные возчики. Средства для разъѣздовъ завѣдующихъ округами значительно усилены, а самое содержаніе надзирателей увеличено болѣе, нежели втрое. Это дало возможность пригласить на эти должности лучшихъ дѣятелей, въ значительномъ числѣ получившихъ даже высшее образованіе; наконецъ, для облегченія воспитателямъ дѣтей, размѣщенныхъ въ селеніяхъ, значительно удаленныхъ отъ Москвы, полученія слѣдующей имъ платы, раздачу послѣдней, въ назначенные сроки, установлено производить въ мѣстныхъ окружныхъ управленіяхъ, для чего отправляется туда раздаточная экспедиція въ полномъ своемъ составѣ.

Упорядочивъ, такимъ образомъ, условія физическаго воспитанія дѣтей, А. К. Пфель не упустилъ изъ вида улучшить также и условія духовнаго ихъ быта. До 1869 г. обученіе питомцевъ грамотѣ производилось самымъ первобытнымъ способомъ, безъ всякой системы, у мѣстнаго духовенства, у сельскихъ грамотѣевъ, и то лишь въ незначительномъ числѣ. Такъ, изъ всей массы дѣтей (4,000) обучалось грамотѣ только 963 человѣка обоего пола; остальные же росли для того только, чтобы поступить современемъ въ батраки къ чужой крестьянской семьѣ, такъ какъ отсутствіе первоначальнаго обученія и полное незнаніе даже самыхъ простыхъ ремеслъ дѣлали ихъ неспособными къ инаго рода труду. Къ концу же 1870 г. воспитательнымъ домомъ уже были открыты въ пяти округахъ собственныя образцовыя начальныя школы, приглашены опытные въ дѣлѣ народнаго образованія учителя; для руководства учебнымъ дѣломъ и дальнѣйшей организаціи школъ приглашено лицо, извѣстное своею педагогическою дѣятельностью (Трескинъ). Кромѣ того, заключено соглашеніе

съ мѣстными земствами о помѣщеніи въ его школы питомцевъ, такъ что въ этихъ школахъ и у частныхъ лицъ въ 1870 году обучалось уже 1,980 человѣкъ. Въ 1875 г. мы видимъ въ округахъ уже 36 собственныхъ, хорошо обставленныхъ, школъ съ обучающимися въ нихъ 753 питомцами и 727 посторонними учениками и кромѣ того обучающихся въ земскихъ школахъ и у частныхъ лицъ 2,784 питомца.

Такое быстрое развитіе школьнаго дѣла въ округахъ начало порождать затрудненія въ пріисканіи хорошо подготовленныхъ учителей и затрудненія эти неминуемо должны были значительно увеличиться въ недалекомъ будущемъ, такъ какъ, согласно высочайше утвержденному положенію о школахъ, число ихъ должно было быть доведено до 150. Но и здѣсь просвѣщенный умъ А. К. Пфеля не далъ событіямъ застать себя врасплохъ. Уже въ началѣ 1874 года онъ возбудилъ ходатайство объ учрежденіи собственной учительской семинаріи при комплектѣ въ 100 учениковъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Комплектъ воспитанниковъ семинаріи положено набирать исключительно изъ лучшихъ питомцевъ, съ успѣхомъ окончившихъ курсъ начальной школы. Ходатайство это тогда же было утверждено, а 17-го сентября 1874 г. былъ открытъ первый классъ семинаріи и такимъ образомъ сельскія школы были вполнѣ обезпечены хорошо подготовленными учителями.

Окончивъ правильную организацію школьнаго дѣла въ округахъ, А. К. Пфель не ограничился этимъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ озаботился о возможно прочномъ обезпеченіи будущности питомцевъ. Онъ хорошо сознавалъ, что одна грамотность не дастъ еще имъ вѣрнаго матеріальнаго обезпеченія. Поэтому онъ призналъ полезнымъ, чтобы питомцы, окончившіе курсъ начальной школы и не нашедшіе для себя подходящихъ занятій на мѣстахъ ихъ воспитанія, были отдаваемы въ обученіе, сообразно ихъ наклонностямъ и желаніямъ, разнаго рода полезнымъ и выгоднымъ ремесламъ въ Москвѣ. Съ этою цѣлью на одного изъ состоявшихъ при правленіи воспитательнаго дома чиновника особыхъ порученій возложена было, въ видѣ опыта, обязанность войти въ соглашеніе съ московскими ремесленниками объ отдачѣ къ нимъ въ обученіе питомцевъ на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Мѣра эта встрѣтила полнѣйшее сочувствіе среди ремесленниковъ, сразу понявшихъ, что имѣть дѣло съ казеннымъ учрежденіемъ выгоднѣе, нежели съ частными лицами, не всегда точно исполняющими условія, на которыхъ мальчики отданы къ нимъ въ ученіе. Насколько мѣра эта оказалась практичною и полезною, краснорѣчивѣй всякихъ словъ доказываютъ слѣдующія цифровыя данныя:

въ 1870 г., когда было начато осуществленіе означенной мѣры, въ московскія ремесленныя заведенія помѣщено 145 питомцевъ, а въ 1876 г. ихъ было въ нихъ уже 1,300 человѣкъ...

Сравнительно значительное число питомцевъ, поступившихъ въ мастерскія, и разбросанность этихъ послѣднихъ по всему огромному пространству Москвы, съ каждымъ днемъ усложняло дѣло и правильное веденіе его стало совершенно невозможнымъ для одного человѣка, обязаннаго, къ тому же, помимо исполненія разнообразнымъ формальностей, имѣть еще и постоянный надзоръ и попеченіе за питомцами. Вслѣдствіе этого и въ видахъ окончательнаго упроченія безспорно полезнаго дѣла, А. К. Пфель исходатайствовалъ, въ 1874 г., разрѣшеніе на учрежденіе въ Москвѣ особаго столичнаго окружнаго управленія въ составѣ двухъ надзирателей. Съ этого времени дѣло отдачи питомцевъ въ обученіе ремесламъ было уже прочно организовано, заслуживъ полное довѣріе со стороны ремесленниковъ. Съ каждымъ годомъ число являвшихся съ заявленіями о желаніи принять къ себѣ въ обученіе питомцевъ росло.[1]

Одновременно съ преобразованіемъ управленія деревенскими округами, вводились также **преобразованія и въ центральномъ управленіи заведеніями.** Прежде всего, отъ общаго управленія совершенно отдѣленъ Николаевскій сиротскій институтъ и ему дано самостоятельное управленіе какъ въ административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Затѣмъ родильному госпиталю съ повивальнымъ институтомъ также предоставлено независимое веденіе своего хозяйства и внутренняго благоустройства подъ ближайшимъ завѣдываніемъ особаго директора. Наконецъ, больница для питомцевъ и прислуги, находившаяся въ общемъ съ родильнымъ госпиталемъ зданіи, въ то время неразрывно связанная съ послѣднимъ и имѣвшая однихъ и тѣхъ же служащихъ и прислугу, изолирована отъ госпиталя во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ общность эта нерѣдко служила источникомъ развитія заразныхъ болѣзней между родильницами.

Едва ли надо говорить о томъ, что такимъ раздѣленіемъ управленія заведеніями, не имѣющими между собой ничего общаго кромѣ общей усадьбы и зданій, А. К. Пфель достигъ лучшаго устройства хозяйственныхъ частей ихъ, а равно болѣе правильнаго контроля и расходованія суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе каждаго изъ нихъ.

Еще съ бо́льшею энергіею А. К. Пфель принялся за **улучшеніе содержанія и ухода за грудными младенцами въ самомъ домѣ**, за усиленіе медицинскаго за ними надзора и за улучшеніе гигіенической части въ домѣ. Съ этими цѣлями значительно увеличено число нянекъ и хожатыхъ. Это дало возможность усилить ночныя

дежурства назначеніемъ въ нихъ ежедневно десяти человѣкъ. Медицинскій персоналъ усиленъ опредѣленіемъ десяти сверхштатныхъ врачей, что въ свою очередь дало возможность распредѣлять между ними не столь значительное число больныхъ дѣтей, какъ было прежде, а самимъ врачамъ облегчило болѣе тщательное наблюденіе за своими паціентами.

Отъ вниманія Александра Карловича Пфеля не укрылся существовавшій въ то время весьма важный недостатокъ въ медицинской части дома—отсутствіе постоянной прозектуры, вслѣдствіе чего вскрытіе труповъ предоставлялось на добрую волю ординаторовъ. Такимъ образомъ анатомическое изслѣдованіе производилось крайне неправильно и заведеніе было лишено возможности знать навѣрное, отъ какихъ болѣзней умираетъ большинство призрѣваемыхъ въ немъ дѣтей. отчего и гигіеническія мѣры не могли быть назначаемы съ должною правильностью, такъ какъ не было извѣстно, противъ какихъ болѣзней онѣ должны быть направлены и какія вредныя причины онѣ должны были устранять. Недостатокъ этотъ тотчасъ же былъ устраненъ и правильное дѣйствіе прозектуры ясно обозначило, что происхожденіе большинства болѣзней, по крайней мѣрѣ, въ осеннее и зимнее время, должно быть приписано простудѣ и что появленію этой послѣдней способствуетъ самое устройство грудныхъ отдѣленій. И дѣйствительно, отдѣленія эти одно отъ другаго раздѣлялись открытыми площадками, а вмѣсто правильно устроенной вентиляціи въ корридоры были продѣланы огромныя отверстія, способствовавшія сквозному вѣтру. Конечно, площадки немедленно были закрыты стеклянными дверями, а въ отверстія вставлены рамы со стеклами и принятъ былъ цѣлый рядъ другихъ гигіеническихъ мѣръ, отчего процентъ заболѣваемости и смертности дѣтей сразу понизился до небывалаго минимума.

Принятіемъ указанныхъ мѣръ не исчерпываются заботы А. К. Пфеля о возможномъ устраненіи неудобствъ, гибельно отражавшихся на здоровьѣ и самой жизни ввѣренныхъ его попеченію дѣтей. Изъ вѣковой практики воспитательнаго дома, при внимательномъ наблюденіи А. К. Пфеля, не трудно было убѣдиться, что причины заболѣванія и усиленной смертности между дѣтьми подраздѣляются на постоянныя и случайныя. Къ первымъ относятся: слишкомъ ранній возрастъ большей части отдаваемыхъ въ домъ дѣтей и между ними значительное число недоношенныхъ и слабыхъ; вторыя же причины обусловливаются часто повторяющимся недостаткомъ кормилицъ и скопленіемъ огромнаго количества дѣтей, значительно превышающаго то число, для котораго устроено помѣщеніе. И вотъ для устраненія причинъ

сильнаго заболѣванія принимается цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ мѣръ. Такъ, за приносъ дѣтей въ шестинедѣльномъ и болѣе старшемъ возрастѣ устанавливаются денежныя преміи; къ уходу за недоношенными младенцами примѣняются всѣ новѣйшія приспособленія; для привлеченія болѣе достаточнаго числа кормилицъ устраивается возможно удобный и дешевый проѣздъ ихъ изъ деревень въ Москву; пребываніе ихъ въ домѣ обставляется возможными удобствами и онѣ устраняются отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ, прежде на нихъ лежавшихъ; лишь только обнаруживался недостатокъ въ кормилицахъ, тотчасъ же примѣняется, подъ личнымъ наблюденіемъ главнаго врача, раціональное и осторожное искусственное кормленіе дѣтей и для этого, между прочимъ, приводились въ домъ собственныя лучшія коровы, дававшія достаточное количество молока. Наряду съ этимъ принимается рядъ мѣръ къ улучшенію запущеннаго гигіеническаго состоянія дома для отвода нечистотъ; вмѣсто прежнихъ открытыхъ канавъ, проходившихъ черезъ весь дворъ дома, прокладываются подземныя трубы; во всѣхъ палатахъ ставятся водоочистительныя машины для очистки проведенной москворѣцкой воды, совершенно негодной къ употребленію, но нерѣдко употреблявшейся кормилицами въ питье; устраивается центральная прачешная со всѣми новѣйшими приспособленіями, съ паровой машиной, паровыми котлами и приводами, съ совершенно отдѣльными помѣщеніями для стирки бѣлья каждаго изъ заведеній порознь; разводится противъ зданія квадрата, со стороны рѣки, большой садъ съ газонами, куртинами и дорожками и, наконецъ, въ одномъ изъ старыхъ садовъ устраиваются бревенчатые на каменномъ фундаментѣ бараки со всѣми приспособленіями для удобнаго пребыванія въ нихъ, съ весны до осени, кормилицъ съ дѣтьми. Однимъ словомъ, нѣтъ той полезной мѣры, которая не была бы примѣнена А. К. Пфелемъ для огражденія здоровья и жизни дѣтей отъ неблагопріятныхъ условій.

Такою же энергіею и знаніемъ дѣла отличается дѣятельность А. К. Пфеля и по переустройству родильнаго госпиталя съ повивальнымъ при немъ институтомъ. Кромѣ ряда санитарныхъ и гигіеническихъ мѣръ, клонившихся къ предупрежденію часто повторявшихся эпидемій и значительной смертности между родильницами, не упущена изъ вида и научная сторона дѣла. Между прочимъ, съ этою же цѣлью одинъ изъ молодыхъ врачей былъ командированъ заграницу для ознакомленія съ новѣйшими открытіями и принятыми тамъ усовершенствованіями, которыя, затѣмъ, примѣнялись и здѣсь. Для дополненія практическаго образованія ученицъ повивальнаго института изслѣдованіемъ и распознаваніемъ женскихъ болѣзней

учреждено поликлиническое отдѣленіе, а потомъ открыто и гинекологическое отдѣленіе на семь стаціонарныхъ кроватей, причемъ это послѣднее заведеніе, согласно новѣйшимъ требованіямъ гигіены, помѣщено въ частномъ домѣ, въ отдаленности отъ большихъ больницъ и внѣ центра города.

Переходимъ къ характеристикѣ дѣятельности А. К. Пфеля по управленію чебно-воспитательными заведеніями. Та-же, свойственная его характеру, энергія, та-же неустанная забота о благѣ ввѣренныхъ его попеченію сиротъ, тотъ же просвѣщенный умъ сопровождаютъ его дѣятельность и здѣсь. Одновременно съ организаціей административнаго управленія Николаевскаго сиротскаго института, согласно новымъ штатамъ, коренннымъ образомъ преобразовывается и его учебная часть. Вмѣсто прежняго раздѣленія классовъ на приготовительные, ординарные и кандидатскіе, устроено, при дѣятельномъ содѣйствіи извѣстнаго педагога Владиміра Яковлевича Стоюнина († 4 ноября 1888 г.), по образцу существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній, семь классовъ съ общеобразовательнымъ курсомъ и два класса педагогическихъ, причемъ прежнее раздѣленіе воспитанницъ, по ихъ способностямъ, на три отдѣленія, было отмѣнено. Но такъ какъ въ числѣ воспитанницъ оказалось, сравнительно, не мало такихъ, которыя, по своимъ слабымъ способностямъ, не въ состояніи были окончить полнаго педагогическаго и научнаго образованія, то А. К. Пфель составилъ проектъ и испросилъ разрѣшеніе на устройство для такихъ воспитанницъ особаго училища съ сокращеннымъ курсомъ общеобразовательныхъ предметовъ. Въ 1871 году проектъ этотъ былъ утвержденъ и училище, подъ именемъ реальнаго, открыто съ комплектомъ во сто воспитанницъ, которыя и были переведены туда изъ разныхъ классовъ николаевскаго института. Вскорѣ, однако, и здѣсь обнаружились такія воспитанницы, для которыхъ и сокращенный курсъ общаго образованія оказался не по силамъ. Тогда изъ нихъ было образовано особое отдѣленіе съ самымъ элементарнымъ курсомъ счисленія, русскаго языка и закона Божія, главнымъ же ихъ занятіемъ сдѣлано изученіе различныхъ рукодѣлій. Такимъ образомъ воспитанницы раздѣлились на двѣ группы: одна проходила сокращенный курсъ образованія, готовясь въ начальныя учительницы, а другая — занималась рукодѣльями. При такой организаціи училища А. К. Пфель не упустилъ изъ вида и того соображенія, что въ немъ будутъ воспитываться сироты, да еще съ небольшими умственными способностями, а потому и позаботился о томъ, чтобы заведеніе, кромѣ воспитательной цѣли, имѣло въ виду и будущую практическую дѣятельность выходящихъ воспитанницъ, которая могла бы давать имъ матеріальное обезпеченіе

ихъ жизни. Съ этою цѣлью принимались всѣ мѣры, чтобы болѣе способныя воспитанницы усвоили практическіе пріемы преподаванія маленькимъ дѣтямъ, для чего устроена двухклассная школа для приходящихъ дѣтей, занятія съ которыми и поручаются воспитанницамъ старшаго класса подъ руководствомъ опытнаго преподавателя. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ воспитанницъ, оказывающія особенныя способности къ музыкѣ, пѣнію, рисованію, танцамъ, гимнастикѣ или къ нѣкоторымъ рукодѣльямъ, спеціально занимаются изученіемъ этихъ искусствъ, причемъ обращается исключительное вниманіе на выработку изъ воспитанницы будущей учительницы того искусства, которымъ она спеціально занимается.

Затѣмъ, чтобы пріохотить дѣтей къ занятію рукодѣльями и нагляднымъ образомъ показать имъ практическую пользу добросовѣстнаго труда, въ заведеніи открытъ пріемъ частныхъ заказовъ на изготовленіе платьевъ, шляпокъ, перчатокъ и т. п., и чистая прибыль отъ работъ обращается въ пользу воспитанницъ, участвовавшихъ въ нихъ; выручаемыя за работы деньги вносятся въ сберегательную кассу и выдаются воспитанницамъ при выходѣ изъ училища. Наконецъ, выпускаемымъ изъ заведенія съ правами учительницъ въ начальныхъ школахъ, частныхъ домахъ и дѣтскихъ садахъ пріискиваются соотвѣтствующія мѣста и тѣмъ самымъ заканчиваются чисто родительскія заботы о нихъ со стороны заведенія.

Не мало труда положилъ А. К. Шфель и при переустройствѣ остальныхъ двухъ заведеній: малолѣтняго отдѣленія и фельдшерской школы. Училища эти, ни по характеру своему, ни по преслѣдуемымъ цѣлямъ, не имѣя между собой ничего общаго, находятся, однако же, въ одной чертѣ и составляютъ одну общую усадьбу, нѣкогда принадлежавшую графу Разумовскому, а потому и имѣли одно общее хозяйство и административное управленіе.

Цѣль учрежденія перваго изъ названныхъ заведеній—не только дать пріютъ, но и дать первоначальное воспитаніе и подготовительное образованіе обоего пола сиротамъ штабъ-и оберъ-офицерскаго званія, оставшимся послѣ родителей безъ всякихъ средствъ къ жизни. Съ этою цѣлью дѣти принимались въ заведеніе отъ $2^1/_2$ до $9^1/_2$—$10^1/_2$ лѣтъ отъ роду и затѣмъ по достиженіи извѣстнаго возраста, переводятся для дальнѣйшаго образованія: мальчики въ военныя гимназіи (нынѣ корпуса) и другія учебныя заведенія, а дѣвочки въ Николаевскій институтъ. Поступавшія въ заведеніе дѣти дѣлились на два возраста: младшій и старшій. Къ первому относились дѣти до семи лѣтъ включительно, а къ послѣднему свыше этихъ лѣтъ. Всѣ дѣти обоего пола младшаго возраста воспитывались въ одномъ общемъ отдѣленіи

подъ надзоромъ особыхъ надзирательницъ и при уходѣ за ними нянекъ. Въ старшемъ же возрастѣ мальчики и дѣвочки отдѣлялись другъ отъ друга и поступали, смотря по лѣтамъ и развитію, въ четыре существовавшіе тогда класса: низшіе и высшіе. Обученіе дѣтей въ классахъ было элементарное.

При такой организаціи учебно-воспитательнаго дѣла заведеніе плохо достигало преслѣдуемой имъ цѣли. Мальчики, представляемые въ другія учебныя заведенія, большею частью не выдерживали вступительныхъ экзаменовъ и возвращались обратно, а дѣвочки могли поступать только въ приготовительные классы института.

Все это вызывало настоятельную необходимость въ коренномъ переустройствѣ заведенія, что и послѣдовало въ 1871 году. Съ этого времени пріемъ сиротъ въ заведеніе установлено производить начиная лишь съ шестилѣтняго возраста и кончая: для мальчиковъ 10, а для дѣвочекъ 11 годами, дѣти же моложе шестилѣтняго возраста и требовавшія только физическаго воспитанія, помѣщались въ особо для нихъ устроенное отдѣленіе при воспитательномъ домѣ. Кромѣ того, отъ дѣтей, поступавшихъ въ возрастѣ отъ 8 до 9 лѣтъ, стали требовать знаніе главнѣйшихъ молитвъ, умѣнье читать и писать механически и считать до тысячи; дѣти же отъ 9 до 10 лѣтъ принимаются не иначе, какъ по выдержаніи испытанія по программѣ втораго класса заведенія.

Сохраняя прежнее дѣленіе воспитываемыхъ на два возраста, новый порядокъ уже не допускаетъ соединенія дѣтей обоего пола младшаго возраста въ одну общую большую группу, а наоборотъ установилъ не только раздѣленіе этихъ дѣтей по поламъ, но и въ особенности раздробленіе ихъ на небольшіе кружки или группы, вмѣщающія въ себѣ каждая не болѣе 9—11 дѣтей. Такихъ группъ составлено: три для мальчиковъ и одиннадцать для дѣвочекъ, причемъ обращалось особенное вниманіе, чтобы въ каждой группѣ, по возможности, были дѣти однихъ и тѣхъ же лѣтъ; для обученія же дѣтей старшаго возраста сформировано четыре класса: два для мальчиковъ и два для дѣвочекъ.

При устройствѣ группъ образцемъ служили малолѣтнія группы при Петербургскомъ Николаевскомъ институтѣ.

Для каждой группы устроено особое помѣщеніе въ три свѣтлыхъ большихъ комнаты. Въ одной изъ нихъ помѣщается воспитательница, безотлучно находящаяся при дѣтяхъ; другая—смежная съ нею—служитъ спальнею для дѣтей, а третья назначена для занятій съ дѣтьми, для чего въ ней сдѣланы всѣ необходимыя приспособленія. Занятія воспитательницъ въ группахъ, составленныхъ изъ дѣтей отъ 6 до 7

лѣтъ, съ которыми еще рано начинать ученіе, начинаются съ развитія ихъ только образовательными играми, работами и бесѣдами по методѣ Фребеля; въ остальныхъ же группахъ, составленныхъ изъ дѣтей болѣе старшаго возраста, кромѣ образовательныхъ игръ и работъ, введено обученіе чтенію, письму и счету, примѣняя ко всему методъ нагляднаго обученія. Занятія въ классахъ производятся предметными преподавателями, при чемъ мальчики готовятся по программамъ военныхъ гимназій (теперь корпусовъ), а дѣвочки—по программамъ 1 и 2 классовъ Николаевскаго института.

Имѣя, однако, въ виду, что дѣтскіе сады, къ которымъ прямо относится введенное въ заведеніи групповое воспитаніе, у насъ, въ Россіи, вообще заведенія новыя и въ то время не успѣли еще развиться съ достаточною полнотою, А. К. Пфель нашелъ полезнымъ ознакомиться съ тѣми нововведеніями и усовершенствованіями, которыя сдѣланы по этой части заграницей, съ каковою цѣлью и командировалъ туда одну изъ болѣе опытныхъ воспитательницъ, которая, во время своего путешествія, посѣтила дѣтскіе сады и другія подобныя имъ заведенія: въ Берлинѣ, Готѣ, Фридрихрадѣ и Гамбургѣ. Всѣ замѣченныя ею усовершенствованія были тогда же введены въ малолѣтнемъ отдѣленіи и такимъ образомъ преобразованіе учебно-воспитательной части заведенія было вполнѣ закончено и поставлено на надлежащую почву.

Еще въ менѣе благоустроенномъ видѣ нашелъ А. К. Пфель фельдшерскую школу. Преслѣдуя цѣль образованія знающихъ фельдшеровъ, предназначавшихся въ больницы вѣдомства и на службу въ земство, школа не имѣла ни собственной стаціонарной больницы, ни анатомическаго театра. Мало того: принимавшіеся въ школу воспитанники поступали туда не только не достаточно обученными грамотѣ, но даже и совершенно безграмотными, такъ что съ ними нужно было въ теченіе четырехлѣтняго курса сперва пройти весь первоначальный курсъ грамоты и затѣмъ уже начать изученіе спеціальныхъ предметовъ, вслѣдствіе чего и преподаваніе этихъ послѣднихъ происходило въ самомъ ограниченномъ объемѣ. Практическое образованіе воспитанниковъ большею частью ограничивалось занятіями въ существовавшей при школѣ больницѣ для приходящихъ, аптекѣ и костоправномъ отдѣленіи, устроенномъ на десять кроватей для хирургическихъ больныхъ. Но и эти занятія имѣли мало вліянія на развитіе знаній будущихъ фельдшеровъ, такъ какъ масса приходящихъ больныхъ (до 65 тысячъ въ годъ) требовала не клиническаго разбора своихъ болѣзней, а немедленной врачебной помощи и безплатнаго лекарства. Ограниченное число дѣйствовавшихъ врачей

давало возможность лишь бѣглаго, поверхностнаго объясненія воспитанникамъ болѣзней и способа ихъ леченія. Хотя же для пополненія этого важнаго пробѣла воспитанники школы и посѣщали палаты и анатомическій театръ военнаго госпиталя, но посѣщенія эти оставались почти безрезультатными, такъ какъ госпиталь, не будучи ничѣмъ заинтересованъ въ успѣшной подготовкѣ этихъ воспитанниковъ и имѣвшій къ тому же свою большую военно-фельдшерскую школу, весьма естественно, мало или вовсе не обращалъ вниманія на занятія посторонняхъ ему учениковъ, отчего послѣдніе и оставались почти безъ всякихъ практическихъ знаній и опытности.

Въ видахъ устраненія всѣхъ этихъ ненормальностей, А. К. Пфель, прежде всего, исходатайствовалъ усиленіе личнаго состава медицинскаго персонала школы и увеличенія суммы, положенной на учебную ея часть. Затѣмъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, составилъ коммиссію изъ медицинскаго инспектора вѣдомства, инспектора классовъ и старшаго надзирателя школы, которая и выработала новыя программы и конспекты по всѣмъ учебнымъ предметамъ, вслѣдствіе чего число уроковъ увеличено съ 47 на 70 и значительно расширенъ объемъ преподаванія общеобразовательныхъ и въ особенности спеціальныхъ предметовъ. Къ содѣйствію въ усиленіи практическихъ занятій воспитанниковъ болѣе радикальнымъ способомъ привлеченъ военный госпиталь приглашеніемъ большинства ординаторовъ его въ преподаватели школы и назначеніемъ старшимъ фельдшерамъ госпиталя денежнаго вознагражденія за руководство воспитанниковъ при практическихъ занятіяхъ въ госпиталѣ. Пріемъ приходящихъ больныхъ ограниченъ до минимума. Это дало возможность врачамъ дѣлать болѣе обстоятельное объясненіе ученикамъ пріемовъ изслѣдованія больныхъ, способовъ распознаванія болѣзней и т. п. Наконецъ, установлено правило требовать отъ вновь поступающихъ учениковъ знанія полнаго элементарнаго курса.

Всѣ эти мѣры, безспорно, значительно подняли уровень теоретическихъ и практическихъ знаній фельдшеровъ, но все это не успокоивало заботливаго А. К. Пфеля, справедливо находившаго важный недостатокъ въ школѣ—отсутствіе собственныхъ больницы и анатомическаго театра, безъ которыхъ практическія занятія учениковъ, во всякомъ случаѣ, не могли быть вполнѣ правильными и законченными. И вотъ, благодаря его энергіи и настойчивой заботливости, наконецъ, пополняется и этотъ существенный недостатокъ школы исходатайствованіемъ, въ 1875 г., перевода ея въ обширную Голицынскую больницу.

Взамѣнъ фельдшерской школы, въ занимавшемся ею зданіи откры-

вается, какъ выше упомянуто, учительская семинарія питомцевъ воспитательнаго дома. Нечего подробно говорить о томъ, что новое заведеніе устраивается съ соблюденіемъ всѣхъ требованій современной педагогіи и снабжается всѣми усовершенствованными учебными пособіями. При этомъ не упускается изъ вида и то, что будущая дѣятельность учителей должна происходить среди сельскаго, трудоваго населенія, нуждающагося, кромѣ обученія грамотѣ, и въ практическихъ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, съ каковою цѣлью въ курсъ семинаріи введено обученіе столярному и токарному ремесламъ; на большой усадьбѣ заведенія разведенъ обширный фруктовый садъ, устроены огороды для посадки овощей и ягодъ, заведена школа различныхъ деревьевъ для разсадки ихъ на свободныхъ мѣстахъ и дворахъ. Для руководства воспитанниковъ въ изученіи и усвоеніи этихъ знаній приглашены опытные специалисты. И такимъ образомъ юное заведеніе сразу было поставлено на твердую почву.

Энергически работая надъ реформами, А. К. Пфель въ то же время зорко слѣдилъ за правильнымъ и всестороннимъ примѣненіемъ ихъ къ жизни заведеній. Со вступленіемъ его въ должность, почетный опекунъ пересталъ быть въ заведеніяхъ рѣдкимъ гостемъ, посѣщавшимъ ихъ въ заранѣе опредѣленные дни или только по извѣстнымъ случаямъ. Напротивъ, стало обыденнымъ явленіемъ видѣть его рано утромъ идущимъ въ одно заведеніе и только уже вечеромъ возвращающимся изъ другаго. Появленіе А. К. Пфеля въ заведеніяхъ почти всегда было неожиданнымъ и именно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидаютъ. То онъ оказывался на кухнѣ пробующимъ изготовлявшуюся для воспитываемыхъ пищу и притомъ не изъ такъ называемыхъ «пробныхъ порцій», а прямо изъ котла; то онъ появлялся въ классахъ на урокахъ, то въ столовой за обѣдомъ, полдникомъ и даже ужиномъ дѣтей. Словомъ, его каждый часъ можно было ожидать тамъ, куда, обыкновенно, начальническій глазъ рѣдко или вовсе не заглядываетъ. Не было года, въ который А. К. Пфель не побывалъ бы въ нѣсколькихъ округахъ, осматривая лечебницы, школы, переходя изъ хаты въ хату по селеніямъ дли личнаго осмотра питомцевъ.

Простота въ обращеніи и полная доступность А. К. Пфеля поражали всѣхъ, въ особенности просителей, которые, привыкнувъ видѣть въ особѣ почетнаго опекуна что-то недоступно высокое, едва удостоивавшее ихъ своего милостиваго вниманія, просто не хотѣли вѣрить, чтобы на такомъ посту могъ оказаться обыкновенный смертный, но вполнѣ просвѣщенный и гуманный человѣкъ, терпѣливо выслушивающій просьбы и внимательно вникающій въ ихъ нужды.

Помимо всѣхъ перечисленныхъ заботъ по заведеніямъ, почти ни

одна сложная законодательная реформа по вѣдомству не обходилась безъ просвѣщеннаго участія А. К. Пфеля, и онъ безпрестанно вызывался въ главное управленіе для присутствованія въ различныхъ коммиссіяхъ, выработывавшихъ проекты реформъ. Ежегодное разсмотрѣніе и провѣрку сложныхъ и разнообразныхъ смѣтъ по всѣмъ учрежденіямъ вѣдомства онъ выносилъ почти исключительно на своихъ плечахъ, не смотря на то, что въ смѣтныхъ коммиссіяхъ, обыкновенно, числилось нѣсколько членовъ. Для исполненія всѣхъ этихъ сложныхъ работъ А. К. Пфель отправлялся въ Петербургъ всегда одинъ, безъ всякаго штата директоровъ, бухгалтеровъ и правителей, какъ это зачастую дѣлается другими.

Неустанно работая самъ, А. К. Пфель требовалъ такой же энергіи и отъ своихъ подчиненныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не обходилъ ихъ своимъ вниманіемъ и заботами о возможномъ поощреніи ихъ трудовъ. Помимо очередныхъ наградъ и денежныхъ пособій, онъ не оставлялъ ихъ безъ помощи въ особенно затруднительныхъ семейныхъ обстоятельствахъ; исходатайствовалъ для нихъ возможность воспитывать дѣтей на счетъ вѣдомства. Кромѣ того, съ цѣлью предоставленія служащимъ возможности дѣлать сбереженія отъ получаемаго по службѣ содержанія и пользоваться доступнымъ и дешевымъ кредитомъ учредилъ двѣ ссудо-сберегательныхъ кассы, для основнаго фонда которыхъ испросилъ, въ видѣ единовременной денежной награды, 15 тысячъ рублей, имъ же скопленныхъ отъ обращенія въ частномъ банкѣ отпускавшихся на содержаніе заведеній денегъ, до него непроизводительно хранившихся въ кассахъ самихъ заведеній.

Казалось бы, такая неутомимая и плодотворная дѣятельность должна была-бы вызывать общее сочувствіе и полное содѣйствіе. Но житейская практика иначе смотритъ на вещи. Кто-то изъ великихъ мыслителей сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Всякое проявленіе высокаго ума и выдающихся способностей есть вмѣстѣ съ тѣмъ вызовъ и личное оскорбленіе, наносимое окружающей толпѣ жалкихъ посредственностей, которая никогда и никому не прощаетъ самомалѣйшаго надъ собою превосходства».

Такъ случилось и съ А. К. Пфелемъ. Вмѣсто сочувствія и содѣйствія къ осуществленію своихъ реформъ, онъ встрѣчалъ только недоброжелательство и противодѣйствія. Всякое новое мѣропріятіе приходилось брать съ боя, послѣ упорной и, подъ часъ, неравной борьбы. Такія неблагопріятныя условія, все болѣе и болѣе осложняясь, дошли, наконецъ, до того, что не оставалось никакой возможности вести правильнымъ образомъ живое дѣло, и А. К. Пфель, въ 1878 году, перешелъ въ с.-петербургское присутствіе опекунскаго совѣта. Здѣсь

снова мы видимъ его всѣмъ сердцемъ преданнаго заботамъ о благѣ судьбою обиженныхъ дѣтей.

Таковъ былъ А. К. Пфель на служебномъ поприщѣ. Такимъ же точно является онъ и въ частной жизни, и въ семейномъ быту. Всегда радушный, привѣтливый, отзывчивый на все доброе и прекрасное, онъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ ближе знавшихъ его. Ни одинъ человѣкъ, обращавшійся къ нему за нравственною или матеріальною помощью, не уходилъ отъ него неутѣшеннымъ, неуспокоеннымъ. Въ собственномъ имѣніи А. К. Пфель былъ еще болѣе сердобольный опекунъ для бѣднаго сельскаго люда. На свои средства онъ устроилъ для крестьянъ образцовую начальную школу, снабжалъ ее всѣми необходимыми учебными пособіями, содержалъ прекраснаго учителя, постоянно слѣдя за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла. Имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія въ медицинѣ [1]) онъ, во время лѣтняго своего пребыванія въ деревнѣ, съ любовью подавалъ посильную помощь больнымъ, массами стекавшимся къ нему даже изъ дальнихъ деревень, и всѣхъ снабжалъ даровыми лекарствами. Никакая крестьянская бѣда и нужда не были чужды его доброму сердцу; онъ всегда первый шелъ къ нимъ на встрѣчу съ посильною помощью [2]).

А. С. Исаевъ.

---

[1]) Усвоенныя имъ, вѣроятно, отъ отца, бывшаго въ свое время, извѣстнымъ врачемъ въ Москвѣ.

[2]) Прахъ покойнаго преданъ землѣ въ селѣ Рябинки, Орловской губерніи. Крестьяне, узнавъ о прибытіи гроба Александра Карловича Пфеля на станцію орловско-витебской желѣзной дороги, Хотинецъ, вышли на встрѣчу и 12 верстъ несли бренные останки на рукахъ, не смотря на распутицу. **А. И.**

II.

Дѣятельность А. К. Пфеля по управленію училищемъ глухонѣмыхъ

1881 — 1887.

Въ послѣдніе годы своей жизни тайный совѣтникъ А. К. Пфель былъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго училища глухонѣмыхъ. Остановимся на дѣятельности покойнаго Александра Карловича, на его трудахъ на этомъ послѣднемъ посту, именно по управленію училищемъ глухонѣмыхъ.

Когда онъ былъ по высочайшей волѣ назначенъ управлять названнымъ заведеніемъ, 1881 г. 14-го ноября, по свойству своей дѣятельной, энергичной натуры, покойный не могъ ограничиться однимъ только управленіемъ и поддержаніемъ старыхъ порядковъ и внѣшняго благоустройства. Его просвѣщенный и критическій умъ не могъ мириться съ дѣломъ, въ которомъ лишь внѣшняя сторона, красивая оболочка могла нравиться: онъ искалъ внутренняго содержанія, идеи, безъ которыхъ всякое дѣло, какимъ бы оно ни казалось съ перваго взгляда, является пустымъ и безжизненнымъ.—«Я нашелъ, принимаясь за управленіе училищемъ глухонѣмыхъ,—говорилъ мнѣ покойный А. К.,—не училище, а богадѣльню, или пріютъ, для глухонѣмыхъ дѣтей: принимали ихъ безъ особеннаго разбора,—больныхъ, которыхъ надо лѣчить, а не учить,—идіотовъ, для которыхъ нужны совершенно особенныя заведенія. Учителей и учительницъ тоже брали вовсе не подготовленныхъ для занятій съ глухонѣмыми дѣтьми, и наставники, и наставницы, самостоятельно практикуя свои силы на дѣтяхъ, мало по малу съ грѣхомъ пополамъ, ощупью, вырабатывали кое какіе пріемы обученія. Въ программы учебныя вносились обрывки всевозможныхъ знаній: тутъ были и географія, и исторія, и естествовѣдѣніе, и геометрія и проч., и проч., а въ концѣ концевъ на выпускныхъ экзаменахъ ученики, бойко писавшіе заученные отвѣты по всѣмъ этимъ предметамъ, не могли трехъ—четырехъ словъ связать сколько нибудь самостоятельно. Обученіе ремесламъ то-же не процвѣтало. И вотъ училище, продержавъ воспитанника восемь или девять лѣтъ, выпускало его малограмотнымъ, а не то и вовсе безграмотнымъ, не овладѣвшимъ въ достаточной мѣрѣ ремесломъ, да въ добавокъ избалованнымъ сравнительно хорошею пищею и одеждою, какихъ ему не дастъ его среда (большинство воспитанниковъ принадлежитъ

къ низшему и бѣднѣйшему классу народа). Спрашивается, можно ли такое заведеніе назвать въ настоящемъ смыслѣ «училищемъ» или даже «благотворительнымъ учрежденіемъ»?

Сдѣлать его тѣмъ и другимъ—стало задачею покойнаго Александра Карловича.

«Это заведеніе,—говорилъ онъ,—благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ (оно владѣетъ капиталомъ, превышающимъ милліонъ) и по той поддержкѣ, какую оказываетъ ему вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, должно стать образцовымъ заведеніемъ, должно быть разсадникомъ хорошо подготовленныхъ наставниковъ и наставницъ для другихъ заведеній этого рода въ разныхъ концахъ нашего отечества,—заведеній, уже открытыхъ и еще имѣющихъ открыться, такъ какъ потребность въ школахъ для глухонѣмыхъ все болѣе и болѣе сознается у насъ въ Россіи».

Задавшись такой задачей, А. К. воспользовался лѣтнимъ отпускомъ 1882-го года, чтобы обстоятельно ознакомиться съ лучшими заведеніями для воспитанія и обученія глухонѣмыхъ дѣтей въ Германіи, Швейцаріи и Франціи. Результатомъ этой поѣздки явился въ высшей степени интересный и обстоятельный отчетъ: «Отчетъ по обозрѣнію въ 1882 г. нѣкоторыхъ училищъ глухонѣмыхъ», и убѣжденіе въ необходимости преобразованія въ самомъ корнѣ всей системы образованія глухонѣмыхъ. Еще до поѣздки за-границу, А. К., обстоятельно ознакомившись съ иностранной литературой по вопросу объ обученіи и воспитаніи глухонѣмыхъ, пришелъ къ заключенію, что необходимо устранить старую мимическую систему обученія глухонѣмыхъ,—систему, которая создаетъ изъ глухонѣмыхъ какую-то отдѣльную касту, закрываетъ для нихъ общество нормальныхъ людей, такъ какъ между послѣдними очень мало охотниковъ изучать крайне трудную для нихъ мимику или дактилологію. Устраненіе указанной системы обученія тѣмъ болѣе казалось умѣстнымъ, что повсюду въ западной Европѣ уже давно во всѣхъ лучшихъ заведеніяхъ она устранена и замѣнена системою устнаго обученія, состоящаго въ томъ, что учащіеся глухонѣмые пріучаются по движенію губъ говорящаго понимать его, а равно и сами, производя соотвѣтствующія дѣйствія органами рѣчи, произносить слова, говорить. Посѣщеніе лучшихъ заграничныхъ училищъ глухонѣмыхъ окончательно убѣдило покойнаго А. К. въ громадномъ преимуществѣ устной методы обученія глухонѣмыхъ предъ старой мимической во всѣхъ отношеніяхъ.

«Хорошія стороны звуковаго метода,—говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ,—далеко не исчерпываются одною практическою, такъ сказать, житейскою его пользою, проявляющеюся въ томъ, что онъ создаетъ для глухо-

нѣмаго такой способъ выраженія своихъ мыслей, который свойственъ всѣмъ вообще людямъ, и что такимъ образомъ глухонѣмой избавляется отъ печальной необходимости жить своею замкнутою, внутреннею жизнью. Звуковой методъ имѣетъ прямое и неоспоримое вліяніе на самое развитіе ума глухонѣмаго. Хотя бы рѣчь ихъ (въ случаѣ малаго успѣха) была понятна только нѣкоторымъ избраннымъ лицамъ, имѣющимъ съ ними постоянно дѣло, то и въ такомъ случаѣ звуковой методъ долженъ быть предпочтенъ всякому другому, ибо языкъ болѣе всего учитъ насъ правильному мышленію. Построеніе предложенія по законамъ грамматическимъ, координація словъ на основаніи этихъ законовъ, для того, чтобы выразить извѣстную мысль,—словомъ, знаніе духа языка и его грамматики,—вотъ что обезпечиваетъ правильное умственное развитіе ученика и вотъ что вводитъ его мало по малу въ тайникъ той умственной дѣятельности, которою живутъ другіе люди... Но узнать формы языка при посредствѣ мимическихъ знаковъ невозможно. Для поясненія я беру самый простой примѣръ изъ обыденной жизни. Глухонѣмой желаетъ сообщить мнѣ, что быстрая лошадь пробѣжала по улицѣ. Глухонѣмой выражаетъ эту фразу мимически такъ: онъ знакомъ изображаетъ улицу, потомъ дѣйствіе бѣжать, затѣмъ лошадь и, наконецъ, качество быстрый. Тутъ нѣтъ ни согласованія словъ, ни ихъ подчиненія, ни склоненія, ни спряженія,—словомъ, ничего, кромѣ подбора словъ, изъ которыхъ, однако-же, конечно, могло быть построено грамматическое предложеніе. Понятно, что такое безсвязное сочетаніе словъ можетъ служить человѣку развѣ только для заявленія самыхъ грубыхъ его желаній, но не въ состояніи ни дать ему средствъ къ обмѣну мыслей, ни вообще развить въ немъ самыя простѣйшія умственныя понятія, безъ которыхъ, однако-же, невозможно дальнѣйшее поступательное движеніе въ области его мышленія. Обученіе глухонѣмаго, наряду съ мимикою, письменному языку далеко не можетъ ему замѣнить устной рѣчи уже потому, во первыхъ, что онъ, при этомъ способѣ обученія, все таки будетъ продолжать мыслить и высказываться на своемъ несвязномъ мимическомъ языкѣ, а между тѣмъ кому неизвѣстно, что изъ 16—17 часовъ въ сутки, когда человѣкъ бодрствуетъ, онъ едва-ли 3 часа (и то при извѣстныхъ только условіяхъ) употребляетъ на письмо, все же остальное время или думаетъ про себя, или разговариваетъ съ другими, а, во вторыхъ, и потому, что, продолжая и при письмѣ мыслить мимически, онъ всегда дѣлаетъ переводъ, когда излагаетъ свои мысли на бумагѣ. Оттого этотъ переводъ, какъ и большая часть переводовъ, всегда переполнена грубѣйшими ошибками, неясностями и недомолвками. Чтобы усвоить себѣ знаніе языка, его

духа и законовъ, нужно, чтобы онъ былъ употребляемъ глухонѣмыми безпрерывно и нераздѣльно во всѣхъ ихъ умственныхъ проявленіяхъ. Устная рѣчь должна господствовать на урокахъ съ учителемъ, за общимъ обѣденнымъ столомъ, во время игръ съ товарищами, словомъ, вездѣ. По этимъ-то причинамъ лучшіе педагоги въ Германіи, Италіи и Франціи требуютъ, чтобы въ училищахъ глухонѣмыхъ была введена такъ называемая «methode orale pure», или, какъ ее называютъ нѣмцы, «Articulations Methode» въ ея чистѣйшемъ видѣ. По этимъ же причинамъ во франкфуртскомъ училищѣ у Фаттера и отчасти въ берлинскомъ городскомъ училищѣ у Берендта, гдѣ мимика не допускается ни въ какомъ случаѣ, умственное развитіе учениковъ поставлено выше, нежели въ другихъ видѣнныхъ мною заведеніяхъ... Вслѣдствіе строгаго проведенія означенной методы обученія, читаемъ дальше въ отчетѣ (во Франкфуртѣ) умѣнье учащихся читать съ губъ поразительно; съ необыкновенною легкостью понимаютъ они не только своего учителя, но и каждаго посторонняго человѣка».

Изъ этихъ выдержекъ ясно видно, съ какою основательностью, съ какимъ живымъ интересомъ А. К. Пфель вникалъ въ вопросъ о методахъ обученія. Если-бы не извѣстно было читателю, что приведенныя строки отчета принадлежатъ покойному почетному опекуну училища, то можно было бы думать, что онѣ написаны какимъ либо просвѣщеннымъ наставникомъ глухонѣмыхъ, глубоко задумавшимся надъ вопросомъ объ обученіи ихъ. Съ такою же основательностью, съ такою же любовью относился А. К. Пфель и ко всѣмъ другимъ существеннымъ вопросамъ организаціи воспитанія и обученія глухонѣмыхъ. Четыре вопроса болѣе всего интересовали его во время его посѣщенія лучшихъ заграничныхъ заведеній: 1) слѣдуетъ ли отдать предпочтеніе интернату, или заведенію съ приходящими воспитанниками? 2) Какъ происходитъ пріемъ дѣтей въ заведенія? 3) Какой способъ подготовленія учителей глухонѣмыхъ принятъ въ западныхъ государствахъ? и 4) Какъ организованъ учебный планъ? На эти вопросы находимъ въ отчетѣ обстоятельные отвѣты, въ которыхъ отражается и основательность наблюденій, и основательность разсужденія. Привести здѣсь все, что есть интереснаго въ отчетѣ по этимъ вопросамъ, значило бы перепечатать его цѣликомъ, потому что въ немъ все одинаково любопытно и ничего нѣтъ лишняго. Въ нѣсколькихъ словахъ, вотъ что̀ говорится по упомянутымъ вопросамъ. Для воспитанія и обученія глухонѣмыхъ необходимъ интернатъ.

«Польза отъ интерната для глухонѣмыхъ очевидна. Она основана на томъ, что огромное большинство глухонѣмыхъ принадлежитъ къ бѣдному, мало развитому населенію, гдѣ, стало быть, глухонѣмой

остается безъ призору и необходимыхъ умственныхъ и нравственныхъ попеченій. Сверхъ того, глухонѣмой лишенъ такого важнаго внѣшняго чувства, что онъ не можетъ, подобно другимъ дѣтямъ, развиваться отъ одного сожитія въ обществѣ со старшими людьми, хотя-бы эти послѣдніе принадлежали къ числу самыхъ образованныхъ, которыхъ умъ, начитанность и нравственныя качества служили бы прекраснымъ образовательнымъ средствомъ для обыкновенныхъ дѣтей».

Принимать въ заведеніе дѣтей, по мнѣнію А. К. Пфеля, необходимо въ раннемъ возрастѣ отъ 7 до 9 лѣтъ, именно тогда, когда органы рѣчи еще достаточно гибки и нѣжны, не успѣли еще атрофироваться. При томъ ранній возрастъ, когда еще не успѣли развиться дурные инстинкты и привиться вредныя привычки, оказывается болѣе удобнымъ и для воспитательныхъ цѣлей. При пріемѣ слѣдуетъ устранять слабоумныхъ, или идіотовъ, которые сами ни чему не научатся въ училищѣ и другимъ помѣшаютъ. Таковы выводы, которые можно сдѣлать изъ отчета по первымъ двумъ вопросамъ. Серьезно такъ-же посмотрѣлъ А. К. Пфель и на подготовку учителей и учительницъ или, вѣрнѣе, наставниковъ и наставницъ для училища глухонѣмыхъ. Съ этою цѣлью еще до поѣздки А. К Пфеля заграницу были посланы, по его предложенію, на казенныя средства, во Франкфуртъ, къ извѣстному знатоку новыхъ пріемовъ обученія глухонѣмыхъ Фаттеру, двое молодыхъ людей, чтобы въ теченіи двухъ лѣтъ подъ его руководствомъ они изучили бы методы и пріемы обученія. Затѣмъ, по желанію А. К. Пфеля, былъ посланъ заграницу и опытный педагогъ г. Говеніусъ для ознакомленія съ ходомъ обученія и воспитанія глухонѣмыхъ въ лучшихъ европейскихъ заведеніяхъ съ тѣмъ, чтобы занять въ с.-петербургскомъ училищѣ глухонѣмыхъ мѣсто директора, но г. Говеніусъ, къ крайнему сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, тяжко заболѣлъ и скончался за нѣсколько недѣль до вступленія въ должность директора. Тогда А. К. Пфель исходатайствовалъ у опекунскаго совѣта разрѣшеніе послать заграницу, для основательнаго ознакомленія съ методами обученія и воспитанія глухонѣмыхъ дѣтей, опытнаго педагога г. Остроградскаго съ тѣмъ, чтобы онъ, по возвращеніи, занялъ мѣсто инспектора и руководителя молодыхъ начинающихъ наставниковъ и наставницъ. Вопросъ о подготовкѣ надлежащихъ свѣжихъ силъ для работы въ преобразованномъ училищѣ сильно занималъ покойнаго А. К. Пфеля, и онъ всячески старался со свойственной ему энергіей обставить это дѣло какъ слѣдуетъ.

«Не въ планахъ и инструкціяхъ главная сила, не разъ повторялъ онъ, а въ живыхъ людяхъ, въ работникахъ: безъ свѣжихъ и разумныхъ наставниковъ все будетъ мертво и безплодно!»

Еще до поѣздки заграницу А. К. Пфель представилъ опекунскому совѣту составленный имъ проектъ устава с.-петербургскаго училища глухонѣмыхъ, проектъ штата и объяснительную записку къ нимъ. «Проектъ устава с.-петербургскаго училища глухонѣмыхъ» представляетъ, по нашему убѣжденію, образцовый трудъ этого рода. Все въ немъ просто, ясно и въ высшей степени практично. Изъ докладной записки въ с.-петербургское присутствіе, гдѣ выясняются цѣль и способы преобразованія, видно, съ какою обдуманностью и осторожностью предполагалъ А. К. Пфель провести на практикѣ задуманныя имъ преобразованія.

«Преобразованіе, читаемъ мы въ этой запискѣ, не можетъ быть приведено въ исполненіе немедленно же во всей его цѣлости, уже потому, что новый уставъ застаетъ заведеніе вполнѣ организованное, хотя и на старый ладъ, но привыкшее въ теченіи почти 80 лѣтъ слѣдовать этимъ старымъ началамъ, и въ которомъ воспитатели, точно такъ-же какъ и воспитывающіеся, проникнуты насквозь старыми преданіями; за нихъ крѣпко держатся и нелегко съ ними разстанутся. При такихъ условіяхъ постепенность введенія новой организаціи училища становится дѣломъ тѣмъ большей необходимости, что въ Россіи и невозможно было бы въ настоящее время даже и найти готоваго личнаго состава воспитателей, пригодныхъ для выполненія задуманнаго преобразованія. Поэтому представляемый нынѣ проектъ устава не долженъ быть иначе разсматриваемъ, какъ выраженіе конечной цѣли, къ которой будетъ стремиться преобразованіе».

Въ проектѣ устава и штата съ объяснительной запиской къ нимъ, что вмѣстѣ составляетъ объемистую тетрадь въ 46 большихъ печатныхъ страницъ, все предусмотрѣно и опредѣлено весьма ясно и практично.

Училище должно: 1) воспитывать, 2) обучать и 3) давать какое либо ремесло въ руки воспитанниковъ. На всѣ эти задачи и обращено въ проектѣ устава и запискѣ къ нему должное вниманіе. Для того, чтобы воспитаніе шло правильно, нужно принимать дѣтей въ возможно болѣе ранній возрастъ, и вотъ въ уставѣ опредѣляется возрастъ для пріема отъ 7 до 9 лѣтъ. Правильное воспитаніе возможно лишь тогда, когда воспитывающіе могутъ хорошо знать и наблюдать ввѣренныхъ имъ дѣтей; проектъ устава предлагаетъ воспитанниковъ и воспитанницъ училища дѣлить, по крайней мѣрѣ въ дѣтскомъ и отроческомъ возрастѣ, на группы отъ 8 до 9 дѣтей, полагая на каждую такую семью, или группу, по одному наставнику или по одной наставницѣ, притомъ изъ такихъ лицъ, которыя имѣютъ педагогическую подготовку. Учебный курсъ училища опредѣляется проектомъ

устава въ высшей степени разумно; здѣсь нѣтъ ничего разсчитаннаго на эффектъ, но не существеннаго. Главнымъ центромъ является, конечно, обученіе языку: по этому предмету ученики должны быть доведены до того, чтобы могли отчетливо излагать свои впечатлѣнія и мысли. Къ обученію языку, къ книгѣ для чтенія пріурочиваются разсказы о важнѣйшихъ событіяхъ изъ исторіи Россіи и понятіе о земномъ шарѣ и краткое описаніе Россіи. По ариѳметикѣ требуются знанія первыхъ четырехъ дѣйствій надъ отвлеченными и именованными числами. Знакомство съ дробями и рѣшеніе простѣйшихъ задачъ на нихъ. Обученію чистописанію, черченію, рисованію, ремесламъ и рукодѣлію придается большое значеніе.

«Каждый воспитанникъ и каждая воспитанница, читаемъ въ проектѣ устава, смотря по наклонностямъ и способностямъ, обучаются какому либо ремеслу. Они непремѣнно должны быть обучены ему до степени подмастерья. Такъ какъ основою для преуспѣянія мастерствъ служитъ рисованіе и черченіе, то въ этихъ искусствахъ воспитанники и воспитанницы должны быть особенно упражняемы и не иначе удостоиваемы наградъ, какъ если они и въ нихъ окажутъ хорошіе успѣхи».

«Особенное вниманіе обращайте, говорилъ мнѣ А. К., на воспитаніе: что толку будетъ въ томъ, если порядочно обученные, говорящіе и знающіе хорошо мастерство питомцы училища окажутся въ жизни неуживчивыми, злобными или избалованными людьми».

О пріученіи воспитанниковъ и воспитанницъ училища къ труду и къ простотѣ А. К. Пфель особенно заботился. «Содержаніе питомцевъ училища, читаемъ въ проектѣ устава должно отличаться возможною простотою, подходящею къ той обыденной обстановкѣ, съ которою большинству изъ нихъ придется встрѣтиться, по окончаніи ими учебнаго курса въ заведеніи». Мы долго не кончили бы, если-бы стали приводить мѣста изъ проекта, заслуживающія вниманія лицъ, понимающихъ учебно-воспитательное дѣло. Особенно замѣчательно то, что проведеніе на практикѣ всѣхъ преобразованій, помѣченныхъ въ проектѣ устава, которыя не только значительно подняли бы училище глухонѣмыхъ сравнительно съ прежнимъ его положеніемъ, но могли бы сдѣлать его въ полномъ смыслѣ образцовымъ заведеніемъ и разсадникомъ хорошо подготовленныхъ учителей и учительницъ для другихъ подобныхъ заведеній, не требовало ни малѣйшихъ новыхъ затратъ со стороны правительства. Напротивъ того, не смотря на нѣкоторое увеличеніе содержанія служащихъ, А. К. Пфель находилъ возможнымъ даже нѣсколько уменьшить ежегодный бюджетъ училища. Это безспорно указываетъ на тѣ большія организаторскія способности

покойнаго, которыя во всей силѣ выказались въ его служебной дѣятельности по московскому воспитательному дому.

Скажу нѣсколько словъ объ А. К. Пфелѣ, какимъ онъ являлся въ его отношеніяхъ къ училищу глухонѣмыхъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ начальствующихъ лицъ, которыя, изрѣдка посѣщая ввѣренное имъ заведеніе, окидываютъ все окружающее бѣглымъ испытующимъ взглядомъ и нерѣдко основываютъ свое порицаніе или одобреніе на внѣшнихъ и случайныхъ впечатлѣніяхъ. А. К. Пфель до своей болѣзни весьма часто бывалъ въ заведеніи, во все вникалъ, всѣмъ интересовался, и это не только что не тяготило подчиненныхъ, а, напротивъ, придавало имъ болѣе интереса къ дѣлу и энергіи, такъ какъ въ своемъ начальникѣ всѣ видѣли высокопросвѣщеннаго человѣка, дѣйствительно интересующагося дѣломъ, который своимъ пытливымъ умомъ во все вникалъ, который могъ дать дѣльный совѣтъ, направить трудъ на надлежащій путь. Такіе начальники, какъ А. К. Пфель, нисколько не тяготятъ подчиненнаго, а напротивъ, воодушевляютъ и побуждаютъ къ работѣ; они хотятъ, чтобы все было полно смысла и жизни.

— «Постарайтесь болѣе всего оживить училище, возбудить педагогическіе интересы, говорилъ мнѣ покойный А. К., устройте хорошую библіотеку, заведите бесѣды по вопросамъ о воспитаніи и обученіи, придайте болѣе жизни конференціямъ, не давайте вашимъ сотрудникамъ заснуть. У насъ въ Россіи нерѣдко и очень способные люди какъ то легко поддаются спячкѣ и рутинѣ».

По проекту устава училища конференціямъ придается особенное значеніе. Здѣсь предлагается ввести обязательные рефераты учителей. Эти рефераты, по мнѣнію покойнаго А. К. Пфеля, должны принести огромную пользу самимъ учителямъ, не допуская ихъ впасть въ рутину, а заставляя ихъ постоянно работать надъ собою и отдавать отчетъ въ пережитомъ и видѣнномъ. Всегда живой, дѣятельный умъ А. К. Пфеля быстро схватывалъ все, что приходилось предлагать на его усмотрѣніе, и не было надобности особенно обстоятельно доказывать и объяснять, какая имѣется въ виду польза въ предложеніи; онъ не только сразу понималъ, въ чемъ дѣло, но развивалъ его и дальше. Ни разу не приходилось мнѣ встрѣтить со стороны А. К. Пфеля отказа или какого либо ограниченія, когда дѣло шло о пользѣ заведенія или трудящихся въ немъ лицъ. Сильно озабочивала А. К. Пфеля въ послѣдніе два года его жизни мысль объ устройствѣ новаго зданія для училища, такъ какъ старое, крайне обветшавшее, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ воспитательнымъ и гигіеническимъ требованіямъ. Энергія А. К. Пфеля и организаторскій талантъ и тутъ

сказались во всей полнотѣ. Представленная имъ записка по этому вопросу доказываетъ это. При осуществленіи его мысли, вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, затративъ единовременно значительную сумму, въ концѣ концовъ, съ лихвою покрыло бы все затраченное доходами отъ эксплоатаціи стараго помѣщенія училища.

И вотъ, въ ту самую пору, когда уже былъ выработанъ проектъ новаго устава для училища, когда по программѣ А. К. Пфеля уже составленъ архитектурный проектъ новаго зданія, когда оставалось только провести все это чрезъ опекунскій совѣтъ и затѣмъ съ высочайшаго соизволенія осуществить на практикѣ, смерть отрываетъ отъ дѣла, дѣла благаго и плодотворнаго, главнаго виновника его... Смерть А. К. Пфеля является не только тяжкой, невознаградимой утратой для всѣхъ лицъ, близко стоящихъ къ тому дѣлу, которое было въ рукахъ его, но словно горькой обидой, злой ироніей судьбы... Неужто, думается невольно, и все дѣло, надъ которымъ съ такою любовью, съ такимъ умомъ работалъ покойный общественный дѣятель, тоже обречено смерти? Хочется вѣрить, что нѣтъ! Уже четвертый годъ, какъ дѣти въ училищѣ учатся по устной методѣ; уже десять молодыхъ людей владѣютъ болѣе или менѣе искусствомъ обучать глухонѣмыхъ дѣтей устной рѣчи; уже третій годъ, какъ ожили мастерскія въ училищѣ. Все это—дѣло Александра Карловича, все это такъ краснорѣчиво говоритъ въ свою пользу, что и холодные скептики и недоброжелатели должны умолкнуть, а всѣ тѣ, кому дороги интересы училища глухонѣмыхъ, всегда будутъ чтить память покойнаго.

Не дожилъ А. К. Пфель до того торжественнаго для училища дня, когда кончающіе курсъ ученики, которыхъ, по мысли покойнаго, стали учить устной рѣчи, сознательно и громогласно, поблагодарили бы его, своего благодѣтеля, за то, что имъ возвращено человѣческое слово, безжалостно отнятое у нихъ природою, поблагодарили бы за то, что имъ дана возможность жить почеловѣчески, въ человѣческомъ обществѣ и быть ему по мѣрѣ силъ полезными... На насъ, работникахъ въ училищѣ, живыхъ свидѣтеляхъ дѣятельности Александра Карловича Пфеля, лежитъ обязанность потрудиться надъ тѣмъ, чтобы память о немъ не умирала въ средѣ учащихся, и чтобы они сознательно и громогласно молились объ упокоеніи души его.

В. Д. Сиповскій.

Карлъ Карловичъ Арнгеймъ

† 3-го іюля 1888 г.

3-го іюля 1888 года скончался въ г. Ораніенбаумѣ глубоко уважаемый начальникъ женскихъ гимназій, Карлъ Карловичъ Арнгеймъ. Смерть его поразила и опечалила всѣхъ, кто хорошо зналъ этого умнаго, правдиваго и добраго человѣка.

Вся жизнь этого, замѣчательнаго по своему характеру и дѣятельности педагога, и въ 1880—1885 гг. сподвижника и друга Ивана Терентьевича Осинина,—прошла въ постоянномъ трудѣ у всѣхъ на виду и можетъ быть поучительна для тѣхъ, кто, подобно ему, стремится къ нравственному совершенству.

Карлъ Карловичъ Арнгеймъ родился 17-го сентября 1840 г. Ему было 8 лѣтъ, когда онъ потерялъ отца, а годъ спустя его отдали въ сиротскій домъ при лютеранскомъ училищѣ Св. Петра. Директоръ этого заведенія помѣстилъ его въ реальное отдѣленіе, съ цѣлью приготовить его къ коммерческой дѣятельности. По выходѣ изъ училища, онъ, дѣйствительно, поступилъ въ контору Гейзе, гдѣ работалъ по нѣсколько часовъ въ день, а сверхъ того по вечерамъ занимался съ дѣтьми хозяина конторы. Но это дѣло было ему не по душѣ: онъ пробылъ около 4-хъ мѣсяцевъ въ конторѣ, затѣмъ оставилъ ее и началъ готовиться къ университетскому экзамену; черезъ 6 мѣсяцевъ онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ.

Не легко ему досталось университетское образованіе: приготовляясь къ экзамену и въ продолженіе всего курса онъ, работалъ по ночамъ, такъ какъ всѣ дни его были заняты уроками, которыми онъ содержалъ и себя, и семью. Еще будучи студентомъ, онъ пріобрѣлъ славу прекраснаго учителя: ему предлагали болѣе уроковъ, чѣмъ онъ могъ давать. Окончивъ курсъ въ 1861 году, онъ поступилъ учителемъ физики и математики въ пансіонъ Мая, а въ слѣдующемъ году

(25-го сентября 1862 года) во 2-ю с.-петербургскую гимназію преподавателемъ космографіи въ старшемъ классѣ. Г-нъ Май, затѣмъ директоръ 2-й гимназіи, Власовъ—не могли нахвалиться своимъ молодымъ учителемъ и, по рекомендаціи ихъ, онъ былъ приглашенъ Штейнманомъ, директоромъ училища св. Петра, давать уроки въ этомъ заведеніи. Здѣсь познакомился съ нимъ И. Д. Деляновъ, бывшій въ то время попечителемъ учебнаго округа; онъ нашелъ его образцовымъ учителемъ и ставилъ его преподаваніе въ примѣръ другимъ. Дѣйствительно, толковое изложеніе преподаваемаго предмета дѣлало его понятнымъ ученикамъ, энергичная рѣчь будила вниманіе, а любовь къ дѣтямъ, строгая справедливость, добросовѣстная критика своей дѣятельности и сильно развитое чувство долга внушали ученикамъ его и сотрудникамъ любовь и уваженіе къ нему. Въ это-же время покойная великая княгиня Елена Павловна обратила вниманіе на педагогическую дѣятельность Арнгейма и опредѣлила его преподавателемъ физики въ Маріинскій институтъ (1-го сентября 1868 г.), а затѣмъ поручила ему завѣдывать училищемъ св. Елены. Карлъ Карловичъ былъ съ перваго раза пораженъ печальнымъ состояніемъ этого учрежденія: тамъ не было ни программы, ни руководителя и дѣло шло какъ попало; преподавательскій трудъ оплачивался очень скудно (30 р. годовой часъ), вслѣдствіе чего и учителя не дорожили своей службой и оставляли заведеніе при первой возможности. Карлъ Карловичъ доложилъ великой княгинѣ, съ свойственной ему прямотой, о томъ, что̀ препятствуетъ успѣшному ходу занятій въ училищѣ и, благодаря щедротамъ ея высочества, строго обдуманной программѣ и удачному выбору учителей, это учебное заведеніе было вскорѣ поставлено наравнѣ съ другими училищами этого типа и теперь пользуется репутаціей хорошаго воспитательнаго заведенія. Видя благотворные результаты дѣятельности Карла Карловича, великая княгиня, извѣстная своимъ высокопросвѣщеннымъ умомъ и замѣчательною отзывчивостью на все доброе и разумное, предложила Арнгейму занять освободившееся мѣсто инспектора Маріинскаго института.

Новый инспекторъ принялся за знакомое дѣло съ неутомимой энергіей: онъ первымъ приходилъ въ заведеніе и уходилъ послѣднимъ, слѣдя съ неизмѣннымъ спокойствіемъ за всѣмъ, что входило въ кругъ его обязанностей. Въ Маріинскомъ институтѣ, быстро стяжавшемъ себѣ репутацію одного изъ самыхъ лучшихъ въ Петербургѣ институтовъ,—съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаютъ точность К. К. Арнгейма въ исполненіи обязанностей и «благородную твердость, опиравшуюся всегда на начала закона и справедливости, на положенія науки и указанія опыта».

Сослуживцы Карла Карловича высоко цѣнили его «знанія, убѣжденія, совѣты и указанія, въ которыхъ всегда выражалось добросовѣстное, умное и усердное служеніе великому, святому дѣлу воспитанія и образованія юныхъ поколѣній».

Сотрудники любили Карла Карловича за дружескія отношенія къ нимъ, «основанныя на взаимномъ уваженіи правъ и на сознаніи каждымъ своихъ обязанностей».

Заботы и попеченія его о дѣтяхъ снискали ему глубокое уваженіе и любовь большинства бывшихъ воспитанницъ, которыя выразили эти чувства въ письмѣ, присланномъ ему въ день 25-ти-лѣтія его службы.

Въ 1880 году (12-го ноября), съ соизволенія ея императорскаго высочества государыни цесаревны, Карлъ Карловичъ назначенъ помощникомъ начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій—незабвеннаго Ивана Терентьевича Осинина.

Здѣсь, тотчасъ по вступленіи Арнгейма на новую службу, стало очевидно, сколько пользы можетъ принести одинъ умный, энергичный и дѣятельный человѣкъ. Бывая на множествѣ урокахъ и экзаменахъ, онъ, вслѣдствіе природной проницательности и годами пріобрѣтенной опытности, быстро составлялъ себѣ очень опредѣленное понятіе объ ученицахъ и учащихъ и могъ указывать послѣднимъ на всѣ ихъ промахи; но какъ человѣкъ, коротко знакомый со всѣми трудностями этого дѣла, онъ очень осторожно дѣлалъ замѣчанія; если же кто, спрашивалъ его мнѣнія, Арнгеймъ всегда высказывалъ его откровенно а когда видѣлъ въ молодомъ учителѣ или учительницѣ нѣсколько выдающіяся педагогическія способности, то старался своими совѣтами и указаніями направить на ихъ хорошій путь.

Присматриваясь къ ученицамъ, которыя получаютъ образованіе въ гимназіяхъ, и вступая, по своей обязанности, въ разныя объясненія съ ихъ родителями, Карлъ Карловичъ часто приходилъ къ мысли, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо не гимназическое образованіе, отнимающее много времени и дорого стоющее, а другая болѣе дешевая школа, которая давала бы вполнѣ законченное образованіе въ сравнительно короткій срокъ. Существующія начальныя городскія училища не удовлетворяютъ родителей, которые стремятся дать своимъ дѣтямъ болѣе обширное образованіе, но не имѣютъ на то достаточно средствъ. И вотъ, когда по иниціативѣ Ея Императорскаго Величества, при энергическомъ содѣйствіи покойной баронессы Э. Ѳ. Раденъ, вырабатывался планъ заведеній, которыя удовлетворяли бы всѣмъ помянутымъ условіямъ, Карлъ Карловичъ принялъ живое участіе въ разработкѣ этого плана. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1882 году, 12-го

ноября, было открыто, въ видѣ опыта, 1-е Маріинское училище, а въ 1883 — 2-е, и Карлу Карловичу было поручено завѣдывать этими заведеніями. Два года спустя, произведенъ былъ первый экзаменъ выпускнымъ ученицамъ, оканчивавшимъ курсъ въ 1-мъ Маріинскомъ училищѣ, въ присутствіи многихъ постороннихъ лицъ; люди, хорошо знающіе это дѣло, были поражены тѣми успѣхами въ правописаніи, которые оказали ученицы, поступившія съ плохой подготовкой, и тою увѣренностью, съ которою онѣ рѣшали ариѳметическія задачи и отвѣчали на вопросы по другимъ предметамъ.

Съ февраля 1888 г., при первомъ Маріинскомъ училищѣ учрежденъ профессіональный классъ, въ которомъ нѣсколько дѣвочекъ обучаются кройкѣ и шитью платьевъ, подъ руководствомъ опытной мастерицы.

Въ 1885 году, послѣ назначенія И. Т. Осинина почетнымъ попечителемъ всѣхъ женскихъ гимназій въ столицѣ и Царскомъ Селѣ и предсѣдателемъ совѣта учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи Ѳеодоровны, Карлъ Карловичъ Арнгеймъ занялъ его мѣсто — начальника с.-петербургскихъ и царскосельской женскихъ гимназій. Съ первыхъ же дней во всѣхъ распоряженіяхъ его обнаружилась ясная и твердая программа дѣйствій, примѣняемая безъ всякихъ колебаній, прекрасное знаніе личностей служащихъ и гуманное отношеніе къ родителямъ и ученицамъ. На первой же инспекторской конференціи, подъ предсѣдательствомъ новаго начальника, выяснилось, какъ вѣрно онъ понимаетъ задачи гимназіи, какъ просто и опредѣленно онъ излагаетъ свои мысли и требованія, и какъ эти требованія необходимо и легко исполнить.

Но кромѣ учебнаго дѣла, которое онъ любилъ, у него было множество утомительной канцелярской работы, почти неизбѣжной при управленіи нѣсколькими заведеніями (11 гимназій и 2 Маріинскихъ училища) и эта работа часто лишала его сна и спокойствія.

Признавая гимназію не только образовательнымъ, но и воспитательнымъ заведеніемъ, покойный начальникъ въ обѣихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ на актахъ 28-го мая 1886 г. и 30-го мая 1887 г., указывалъ выпускнымъ воспитанницамъ на тотъ идеалъ душевной красоты и изящества, къ которому каждый долженъ стремиться. Упомянувъ о затрудненіяхъ, встрѣчающихся на жизненномъ пути всѣхъ, а особенно молодыхъ и неопытныхъ людей, Карлъ Карловичъ совѣтовалъ дѣвицамъ помнить тѣ христіанскія правила, которыя школа внушала имъ ежедневно. Евангельское ученіе должно служить имъ руководствомъ и утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты искушеній и научить любви и снисходительности къ недостаткамъ ближняго. «Проникну-

тыя вѣрою и любовью», говорилъ онъ далѣе, «вы будете стремиться къ правдѣ, которая помогаетъ познавать самихъ себя и искоренять свои недостатки»; особенно остерегалъ онъ своихъ слушательницъ отъ лицемѣрныхъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, приводящихъ понемногу къ совершенному извращенію ея. Онъ училъ довольствоваться малымъ и не гоняться за широкою дѣятельностью, а добросовѣстно исполнять всякую обязанность, какъ бы ничтожна она ни была, не изъ страха или выгоды, а во имя долга.

— «Не забывайте и своего саморазвитія», заключилъ Карлъ Карловичъ одну изъ своихъ рѣчей, «заставьте себя полюбить тѣ занятія, которыя приносили бы вамъ пользу въ умственномъ и нравственномъ отношеніи».

Слушая эти рѣчи, всѣ хорошо знавшіе покойнаго педагога сознавали, что каждое слово ихъ прекрасно выражаетъ душевный строй этого правдиваго, прямаго, безусловно честнаго человѣка, обладавшаго непоколебимой волей, твердыми убѣжденіями и благороднымъ образомъ мыслей; въ высшей степени гуманный, онъ сочувственно отзывался на всякое страданіе ближняго и готовъ былъ приносить всевозможныя жертвы для улучшенія положенія своихъ сослуживцевъ, но такъ тщательно скрывалъ свою доброту, какъ рѣдко скрываютъ пороки. Строго послѣдовательный, онъ внимательно слѣдилъ за собой и не допускалъ ни малѣйшаго противорѣчія между своими убѣжденіями и поступками. «Великое воспитательное значеніе», говорилъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, «имѣютъ только тѣ общественные дѣятели, у которыхъ мысли и дѣло, убѣжденія и программы слиты въ одно: только это создаетъ имъ вѣчную память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ».

* * *

С.-Петербургъ. 8-го октября 1888 г.

Николай Ивановичъ Тургеневъ.

Письмо къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

С.-Петербургъ, 9-го января 1819 г.

Узнавъ, что вы прiѣхали въ Москву, любезнѣйшiй Александръ Ивановичъ, поспѣшаю доставить вамъ экземпляръ моихъ налоговъ. Я это дѣлаю не потому, чтобы думалъ прiятно занять васъ моею книгою, но потому, что почитаю это моимъ долгомъ. Хотя я и не хотѣлъ рѣшиться печатать налоговъ прежде кредита, столь давно ожидаемаго, но какъ быть! Кредитъ не является. Пусть прочтутъ мои налоги и о нихъ забудутъ, покуда кредитъ еще въ портфелѣ, потому что, въ противномъ случаѣ, кредитъ уморилъ бы ихъ насильственною смертью. Лучше пусть они умрутъ спокойно. Но, право, вы очень заѣздились по Германiи и по Россiи. Отдохните за кредитомъ и рѣшитесь, наконецъ, его обнародовать. У насъ теперь вездѣ кредитъ, кромѣ какъ тамъ, гдѣ ему быть должно. Не зная гдѣ вы живете, я посылаю книгу на имя К. Ев. Булгакова. Простите, любезнѣйшiй—вамъ преданный Н. Тургеневъ.

Сообщ. П. Н. Исаковъ.

Придворный протоiерей Наумовъ

† 1879 г.

Упоминаемый въ статьѣ г. Шенрока: «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» («Русск. Стар.» 1888 г., iюль, стр. 49, примѣч. 3) отецъ Наумовъ, мой родной дядя и воспитатель, умеръ не въ 1856 году, а въ 1879 г., 5-го марта, и погребенъ на Никольскомъ кладбищѣ въ Александроневской лаврѣ. Онъ же упоминается и въ воспоминанiяхъ объ Iакинѳѣ Бичуринѣ въ «Русск. Стар.», авг. 1888 г., стр. 282, гдѣ говорится, что онъ «кажется, былъ придворнымъ протоiереемъ»; считаю долгомъ заявить и по поводу этого замѣчанiя, что онъ былъ переведенъ къ большому двору въ началѣ 1840-хъ годовъ и оставался при церкви большаго двора до своей кончины.

Е. Н. Булгакова.

24-го октября 1888 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ

1791—1843 гг.

Печатаемый ниже біографическій очеркъ набросанъ Яковомъ Ивановичемъ Сабуровымъ въ его записной книгѣ, спустя нѣсколько дней послѣ смерти Кривцова въ 1843-мъ году; очеркъ помѣщается здѣсь какъ потому, что въ немъ интересны нѣкоторыя весьма характерныя подробности, такъ и въ виду предположенія Помпея Николаевича Батюшкова напечатать на страницахъ „Русск. Стар." записки Н. И. Кривцова, вполнѣ типичнаго представителя русскаго общества эпохъ императоровъ Александра I-го и Николая I.

А. —въ.

Смерть Кривцова поразила насъ своею неожиданностью. Съ его здоровьемъ, силою, правильнымъ и благоразумнымъ родомъ жизни, съ его воздержаніемъ и привязанностію къ жизни, съ отсутствіемъ страстей и привычекъ, которыя обыкновенно сокращаютъ жизнь, мы думали, что онъ всѣхъ насъ переживетъ. Вышло противное. Въ 48 часовъ простудная лихорадка его свалила. Это — истинная потеря для всѣхъ, которые его знали, не говоря о ближнихъ, которые лишились въ немъ не только опоры и покровительства, но руки и мысли, ибо онъ за нихъ размышлялъ и исполнялъ.

Ихъ было четыре брата и нѣсколько сестеръ. Отецъ ихъ, помѣщикъ Орловской губерніи, имѣлъ порядочное состояніе, до 2,000 душъ, и далъ своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Старшіе воспитывались дома, а двое младшихъ учились у Фелленберга въ Швейцаріи, что испрошено было Николаемъ Ивановичемъ для братьевъ у императора Александра Павловича, не взирая на общее запрещеніе.

Николай Кривцовъ вступилъ въ службу юнкеромъ въ лейбъ-егерскій полкъ. Онъ отличался прекрасною, сильною наружностію, скромнымъ до излишества поведеніемъ, которое товарищи довольно справедливо относили къ гордости, трудолюбію и страсти къ аристократическому обществу. Однажды онъ входитъ по набережной въ домъ французскаго посла Коленкура, въ тонкомъ мундирѣ на распашку и въ щегольской жилеткѣ, что строго запрещалось; а государь гулялъ по Невѣ и навелъ на него свой лорнетъ. Кривцовъ оробѣлъ, но сдѣлалъ

фронтъ на крыльцѣ. Государь кивнулъ головою и пошелъ далѣе. Кривцовъ, полагая, что недостатокъ формы обратилъ на него вниманіе государя, возвратясь въ казармы, тотчасъ пошелъ къ полковому командиру объявить ему о случившемся. Командиръ его любилъ и обѣщался, въ случаѣ нужды, за него ходатайствовать, но пока все-таки посадилъ его на гауптвахту. На другой день Кривцова потребовалъ великій князь Константинъ Павловичъ, вѣрно, за выговоромъ. Великій князь спросилъ его: гдѣ онъ вчера былъ, когда встрѣтилъ государя?

— У французскаго посла.

— «Хорошо; братъ велѣлъ тебя похвалить; посѣщай хорошее общество».

Особенное свойство его переносить всякую стужу расположило къ нему великаго князя. Я никого не встрѣчалъ, который бы этимъ свойствомъ обладалъ въ подобной степени. Въ 20° мороза онъ ѣзжалъ въ дорогу въ одной холодной шинели, спалъ зимою съ открытыми окнами, и въ комнатѣ его не было печки. Въ кабинетѣ его никогда не было болѣе 10° Реомюра. Въ обыкновенной комнатной температурѣ ему было душно.

Подъ Бородинымъ онъ былъ поручикомъ, и былъ тяжело раненъ пулею въ руку; попался въ Москвѣ къ французамъ и представлялся Наполеону. Отбитый съ Москвою, онъ былъ отправленъ съ больными въ Петербургъ, лежалъ тамъ въ госпиталѣ, когда ихъ посѣщалъ государь, и получилъ отъ него 5,000 руб. Оправившись, поѣхалъ въ армію, куда прибылъ подъ Дрезденъ; а подъ Кульмомъ потерялъ ногу выше колѣна. При операціи сдѣлался антоновъ огонь, который вырѣзывали, и обнажили кость, отъ чего онъ во всю жизнь страдалъ. Въ госпиталѣ онъ лежалъ рядомъ съ Моро. Государь, посѣщая сего послѣдняго, подошелъ и къ нему.

— Бѣдный Кривцовъ! ты опять раненъ; не нужно ли тебѣ чего?

— Государь, одной милости прошу: прикажите меня везти за арміею: хочу умереть въ Парижѣ.

Государь улыбнулся и сказалъ:

— О Парижѣ рано еще думать, а ты будешь съ нами.

Въ Парижѣ онъ лежалъ въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ Лагарпъ, который его очень полюбилъ и отрекомендовалъ государю, какъ замѣчательнаго молодаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Кривцеву дано 5,000 червонцевъ. Тутъ онъ перешелъ въ армію подполковникомъ и прикомандированъ къ свитѣ государя.

Въ Парижѣ онъ познакомился со всѣми замѣчательными людьми того времени а ихъ было тогда много. Онъ зналъ Талейрана, Шатобріана и проч. Тутъ же онъ познакомился со всѣми, кто окружалъ государя, и связи эти, не взирая на житье свое въ деревнѣ, онъ сохранилъ во всю жизнь. Находясь при свитѣ. онъ пробылъ въ Вѣнѣ все время конгресса.

По заключеніи мира, онъ перешелъ по дипломатической части и остался

въ Парижѣ при посольствѣ; оттуда перешелъ въ Лондонъ. Нравы, обычаи, направленіе мыслей, политическій, гражданскій и общественный бытъ англичанъ имѣли большое вліяніе на его умъ, положительный и твердый. Ему въ въ Англіи все нравилось, особенно аристократія, до того, что онъ въ кругу нашемъ слылъ англоманомъ, отъ чего онъ не отпирался. Выше Англіи онъ ничего не зналъ и признавался охотно въ этомъ пристрастіи.

— Все, что мы можемъ придумать лучшаго, говорилъ онъ, это—перенять уже сдѣланное въ Англіи.

Тамъ онъ развернулъ свой удивительный вкусъ въ садоводствѣ, архитектурѣ и сельскомъ хозяйствѣ; тамъ онъ выучился все и безпрестанно улучшать; тамъ же, кажется, онъ пріобрѣлъ это удивительное сочетаніе воображенія съ отчетливостію. Онъ не былъ расточителенъ, и, по необширности своихъ средствъ, даже часто скупился; но всегда сыпалъ деньгами, гдѣ посредствомъ ихъ могъ что-нибудь улучшить. Его правило было, что дешево и скоро ничего никогда нельзя было сдѣлать хорошо и прочно. Никто, бывало, не пріобрѣтетъ вещи лучше его на извѣстную сумму, и потому дорогое ему обходилось дешево; но дешевыхъ вещей онъ не терпѣлъ.

Въ 1820 году онъ возвратился въ Россію, женился на Екатеринѣ Ѳедоровнѣ **Вадковской**, внучкѣ графа Чернышева и съ хорошимъ состояніемъ, такъ что съ своими было у него душъ 1,000. Государь прочилъ его по административной части и предложилъ ему быть вице-губернаторомъ. Онъ отказался и назначенъ былъ губернаторомъ въ Тулу.

Губернія, по тогдашнему обычаю, была распущена. Онъ завелъ порядокъ и правильность, но перессорился съ дворянствомъ и тогда же проявились въ полной мѣрѣ строптивость, самовластіе и непреклонность его характера, не постигавшаго никакого сопротивленія, ни уклоненія. Эти недостатки его энергической и сильной природы усиливались необыкновенною раздражительностію, которая вовлекала его иногда въ неосторожности и непріятности. Въ домашнемъ быту онъ также не былъ счастливъ. Любовь его къ женѣ скоро остыла; онъ съ нею, послѣ рожденія единственной дочери, жилъ розно. Физика его требовала другое; его нѣжность сосредоточилась на Г.

Въ Тулѣ онъ высѣкъ одного почтмейстера, который отказалъ ему лошадей, приготовленныхъ для государя. Пошло дѣло. Его перевели, «для поправленія губерніи», въ Воронежъ.

Что только Воронежъ имѣетъ хорошаго, тѣмъ обязанъ онъ Кривцову. Жилъ онъ въ Воронежѣ роскошно, на что имѣлъ всѣ средства, ибо получалъ своего дохода 40,000 руб., жалованья 12,000 руб. и аренду въ 10,000 р., что съ его разсчетомъ и умѣньемъ жить было, или казалось, огромнымъ доходомъ. Сверхъ того, государь на свадьбу далъ ему изъ кабинета 100,000 р. на десять лѣтъ безъ процентовъ; эти долги обыкновенно прощались или никогда не взыскивались. Къ тому же, Кривцовъ не имѣлъ раззорительныхъ

страстей, какъ-то: женщины, игра и проч. Онъ любилъ не безразсудную роскошь, но комфортъ, порядокъ и приличіе. Однѣ и тѣ-же вещи служили ему по десятку лѣтъ. Онъ поговаривалъ, что человѣкъ съ истинныхъ вкусомъ не ошибается, потому и вещей не мѣняетъ. Экипажи, мебель у него всегда были одни.

Милость государя навлекла на него зависть многихъ. Его родъ жизни послужилъ врагамъ его предлогомъ, чтобы оклеветать его передъ правительствомъ во взяткахъ. Были слѣдствія, подсылались шпіоны, но ничего не открылось. Его характеръ прямой, но энергическій, самовластный, высокомѣрный и строптивый, оскорблявшій многихъ своими пороками, а еще болѣе качествами, поссорилъ его съ Балашевымъ (тогда генералъ-губернаторомъ рязанскимъ, тульскимъ, орловскимъ, воронежскимъ и тамбовскимъ), который, кромѣ того, не могъ ему простить ни милости государя, ни самостоятельности, ни того, что онъ ему надавалъ, а еще менѣе того, что онъ не бралъ и слылъ безкорыстнымъ; Кривцовъ былъ у него какъ бѣльмо на глазу. Государь былъ въ Тамбовѣ; Кривцовъ пріѣхалъ не спросясь и государь, вмѣсто гнѣва, подарилъ ему 25,000 руб. на деревню, которая сгорѣла.

Въ Воронежѣ, выведенный изъ терпѣнія плутнями совѣтниковъ губернскаго правленія, которые подсунули ему подписать бумагу, онъ имѣлъ неосторожность разругать ихъ въ присутствіи. Они этимъ воспользовались, послали за прокуроромъ и объявили его въ бѣлой горячкѣ. Опять завязалось дѣло; но его, «для поправленія губерніи», перевели въ Нижній Новгородъ къ ген.-губернатору Бахметову, съ которымъ онъ также не поладилъ. Тутъ онъ подалъ противъ себя орудіе, побивъ исправника.

Все это, вѣроятно, кончилось бы выговоромъ или новымъ переводомъ въ другую губернію, такъ какъ государь его любилъ и уважалъ за истинныя его достоинства, а недостатки приписывались, весьма справедливо, молодости и рвенію. Но, къ несчастію, умеръ императоръ Александръ Павловичъ. Вспыхнуло 14-е декабря; меньшой братъ Кривцова, Сергѣй, и три шурина были замѣшаны. Дѣло воронежское кончилось обвиненіемъ всѣхъ: и совѣтниковъ за канальство (?), и Кривцова за поступокъ. Началось дѣло нижегородское. Послѣдствіемъ всего этого было то, что Кривцовъ былъ отставленъ «за строптивость нрава» и велѣно съ него взыскать данные на десять лѣтъ 100,000 руб.

Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, подавалъ чрезъ великаго князя Константина Павловича письмо государю, писалъ къ министру Закревскому, прибѣгалъ ко всѣмъ своимъ друзьямъ—все тщетно. Его не допустили даже, какъ камергера, до дежурства во дворцѣ. Итакъ, онъ, съ уничтоженною карьерою, съ потрясеннымъ здоровьемъ, съ разстроеннымъ состояніемъ, съ озлобленною душою удалился въ женину деревню, село Любичи (Тамбовской губ., Кирсановскаго уѣзда), въ 20 верстахъ отъ Кирсанова. Эксъ-фаворитъ императора, эксъ-губернаторъ трехъ губерній, эксъ-богачъ, посѣщавшій всѣ Дворы Европы и не послѣдній въ первыхъ ея обществахъ, имѣвшій блистательныя и основательныя

надежды, бывшій въ родственныхъ и дружественныхъ связяхъ и отношеніяхъ съ первыми домами и лицами имперіи, съ гордымъ, повелительнымъ характеромъ, съ умомъ свѣтлымъ, знаніями обширными, съ дѣятельностію непомѣрною, съ несчастіемъ въ семейной жизни, съ Semper felix въ гербу—въ 37 лѣтъ обреченъ былъ на житье въ пустынной деревнѣ. Онъ началъ съ того, что построилъ себѣ гробъ, и въ одинъ годъ посѣдѣлъ, какъ лунь.

Энергическая природа его, однако-же, все превозмогла. Духъ не унылъ, но ободрился. Онъ распредѣлилъ свое время, какъ бы управляя министерствомъ. Вставалъ въ 7 часовъ, завтракалъ въ 10, обѣдалъ въ 6, ложился въ 12. Началъ устраивать свое хозяйство, котораго всѣ части онъ изучилъ со всею подробностію. Наблюдалъ самъ за исполненіемъ всякой мелочи. Безъ его приказа или наставленія—стула не могли и не смѣли передвинуть съ мѣста на мѣсто. Этотъ родъ жизни велъ онъ съ монастырскою строгостію въ теченіи 15 лѣтъ. Прибавить надобно, что онъ былъ въ сильной денежной нуждѣ. Не ожидавши подобнаго быстраго переворота (онъ же никогда не предусматривалъ неудачъ), онъ не успѣлъ взять никакихъ мѣръ предосторожности. Имѣніе его было продано за казенное взысканіе съ публичнаго торга. Были еще долги частные. Пенсіи дано не было, аренда прекратилась, а имѣніе жены въ 500 душъ и 3,000 дес. земли не было ни обстроено, ни устроено. Онъ началъ съ того, что построился великолѣпно, приложивъ всѣ свои архитектурныя познанія, соединенныя съ чрезвычайнымъ вкусомъ. Развелъ садъ, огороды, оранжереи, теплицы. Обучилъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, садовниковъ. Всѣ часы дня его, правильно распредѣленные, были заняты съ неутомимою дѣятельностью, трудолюбіемъ, знаніемъ и терпѣніемъ. Въ этой труженической жизни, казалось, искалъ онъ развлеченія грустнымъ думамъ, обрушившимся надеждамъ, честолюбивымъ мечтамъ...

Что онъ сдѣлалъ въ столь короткое время, съ столь ограниченными средствами, съ неблагопріятнымъ климатомъ и неблагодарнымъ грунтомъ въ Любичахъ, это невѣроятно. Умственная дѣятельность его распространилась на всю область. Къ нему съѣзжались изъ любопытства, за образцами и за совѣтами. Многимъ выстроилъ онъ дома, другимъ развелъ сады и проч. Уваженіе, смѣшанное со страхомъ, внушалъ онъ даже мѣстнымъ властямъ, которыя ѣздили къ нему на поклонъ.

Со вступленіемъ въ министерство Д. Н. Блудова, съ которымъ они нѣкогда были пріятелями, надежды его, повидимому, возобновились, или, вѣрнѣе сказать, деревенская жизнь ему наскучила, и общественное поприще, хотя лишенное для него прежней обширной перспективы, представляло болѣе пищи его дѣятельности. Онъ снова вступилъ въ службу, но ненадолго. Ему хотѣлось саратовскаго губернаторства, но ему въ немъ отказали и предложили вятское, онъ не принялъ. Опять онъ вышелъ въ отставку, но, по крайней мѣрѣ, получилъ пенсію, продолженіе аренды и прощеніе казеннаго долга.

Къ этому времени относится его поступокъ съ Бекетовымъ. Онъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ откупа (и у него было съ нимъ не ладно) о чемъ (и была) у нихъ переписка.... Его близкіе извиняли его, но не оправдывали.

Матеріальное его положеніе улучшилось; честолюбивыя надежды, казалось, навсегда покинули его, и онъ принялся съ прежнею дѣятельностію за устройство своихъ Любичей и воспитаніе единственной дочери, которую онъ любилъ выше всего и которая умомъ, характеромъ и даже прекрасною наружностію его напоминала. Онъ видѣлъ въ ней свой портретъ. Съ женою былъ по прежнему холоденъ, хотя ея самоотверженіе и даже живое участіе въ его злополучіяхъ заслуживали, можетъ быть, лучшаго. Неизвѣстны тайныя причины или причуды сердца; но дѣло въ томъ, что эта женщина, при всѣхъ своихъ качествахъ, блестящемъ умѣ и живомъ воображеніи, благородномъ характерѣ, возвышенныхъ чувствахъ, при всей любви своей къ нему, никогда не могла возбудить его участія, хотя и говорятъ, что прежде онъ былъ въ нее влюбленъ страстно. Неизвѣстно, легкомысліе ли.... или нѣкоторыя заблужденія сердца въ молодости были тому причиною. Однако же, онъ ее никогда не ревновалъ, что приводило ее въ отчаяніе.

Но тутъ вскорѣ замѣтили, что онъ начиналъ скучать и задумываться. Религіозныя мысли приходили ему на умъ и срывались какъ бы въ шутку съ его языка. Вообще же онъ былъ матеріалистомъ и школы Вольтера, какъ бо́льшая часть его современниковъ. Какъ Вольтеръ, онъ также построилъ у себя домашнюю церковь, что стоило ему большихъ хлопотъ, ибо затруднялись допустить католическія формы архитектуры, которыя онъ любилъ.

Жизнь его приняла нѣкоторое разнообразіе, а дѣятельности его представлялась новая пища съ женитьбою брата его Павла на княжнѣ Репниной, которой имѣніе было смежно съ Любичами. Кривцовъ принялъ его въ свое управленіе, составилъ обширный и новый агрономическій планъ, предположилъ постройки, переселенія, четырехпольное хозяйство, мериносовое заведеніе, запасы, общественную запашку и проч. Все это могло увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ при его дѣятельности, твердости и благоразуміи, особенно при его глубокомъ знаніи строительныхъ и хозяйственныхъ средствъ.

Но въ первый годъ деревня взбунтовалась, ибо 30 лѣтъ была безъ призора и рука хозяина, разумѣется, показалась тяжела. Тамъ неурожаи 1839, 1840 и 1841 годовъ, болѣзни и разнаго рода неустройства тревожили и безпокоили его, хотя по внѣшности это замѣтить было трудно. Тамъ загорѣлся у него процессъ съ сосѣдомъ, съ которымъ онъ былъ пріятелемъ. Усиленная эта дѣятельность и мелкія непріятности имѣли, кажется, вліяніе на его желчное здоровье —1843 г. августа 29-го онъ занемогъ лихорадкою, а 31-го въ 7 часовъ вечера умеръ, почти безъ страданій и чуть не скоропостижно.

Наружность его была величественная, ростъ выше средняго, сложеніе атлетическое, грудь высокая, лицо правильное, лобъ крутой и высокій, глаза чер-

ные, свѣтлые; волоса были черные, а впослѣдствіи серебристо сѣдые, всегда коротко остриженные. Движенія медленныя, но ловкія. Немногіе примѣчали его деревянную ногу. Говорилъ онъ сильно, горячо, краснорѣчиво. Смотрѣлъ на вещи прямо и высказывалъ правду, которую не всегда люди сами себѣ говорятъ. Характера былъ непреклоннаго, нрава раздражительнаго; бездѣлица выводила его изъ себя. Писалъ онъ хорошо, но безъ всякихъ прикрасъ. Чувствительность если и имѣлъ, то старался подавлять; она высказывалась у него только полезными дѣлами для тѣхъ, кого онъ любилъ. На всѣ окружающіе предметы и даже лица онъ клалъ свою печать.

Послѣ него нашелся запечатанный пакетъ, съ надписью: «Раскрыть женѣ послѣ моей смерти». Въ немъ оказались нѣкоторыя неважныя семейныя распоряженія и рисунокъ его надгробнаго камня, съ надписью:

«Ничего не надѣюсь, ничего не страшусь».

Нашъ уважаемый и давній сотрудникъ «Русской Старины», столь обязательно сообщившій на ея страницы предъидущій, вполнѣ характерный, очеркъ, прибавилъ отъ себя слѣдующія подробности:

«На надгробномъ памятникѣ Н. И. Кривцова представленъ гербъ рода Кривцовыхъ: подъ дворянскою короною щитъ, раздѣленный перпендикулярно на три равныя полосы,—въ правой подкова, въ средней—рука съ мечемъ, выходящая изъ облаковъ, въ лѣвой—крестъ на надгробномъ камнѣ; щитъ поддерживаютъ два льва. Подъ гербомъ слѣдующія надписи:

Veritas salusque publica.
Николай Ивановичъ Кривцовъ,
родился 10 (21) января 1791 года.
Умеръ 31 августа (12 сентября) 1843 года.
Vixi quem doderat cursum fortunae preci.
(Изображеніе Адамовой головы).
Nec timeo, nec spero.

У Николая Ивановича была слабая сторона—придавать особое аристократическое значеніе своему роду, впрочемъ, весьма недавнему. Родоначальникомъ Кривцовыхъ былъ Осипъ Кривцовъ, посадскій человѣкъ города Болхова (Орловской губ.), находившійся въ числѣ лицъ, избранныхъ для подписанія Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Постоянно Николай Ивановичъ сочинялъ разнообразнѣйшіе девизы къ своему гербу. Изъ нихъ девизъ: Veritas salusque publica особенно часто встрѣчается и, повидимому, особенно понравился всѣмъ его сродникамъ. Нужно ли упоминать, что девизы эти никогда не были утверждены герольдіею?

Гербъ Кривцовыхъ Николай Ивановичъ прилѣплялъ всюду, кстати и не кстати. Имъ украшенъ его надгробный памятникъ, имъ же увѣнчаны кіоты образовъ Любичевской церкви. У каждаго свой конекъ, и Николай Ивановичъ, не смотря на свой умъ и недюжинное образованіе, поддался слабости тщеславія».

Кривцовы.

I.

1. Иванъ Васильевичъ, жена Вѣра Ивановна Карпова.

II.

2. Николай Ив., р. 1791 г., † 31-го августа 1843 г. Жена Екатерина Θеодоровна Вадковская, † 1861 г. . . . .
3. Владиміръ Ив. Жена Александра Петр. Глазунова . . . .
4. Павелъ Ив., д. с. с., камергеръ, † 12-го августа 1844 г. Жена княжна Елисавета Никол. Репнина, р. 1817, † 1855 г. . . .
5. Сергѣй Ив. (декабристъ), подпоручикъ л.-гв. конной артиллеріи, р. 1801 г., † 1864 г. Жена Анна Валеріановна Сафоновичъ, род. 1837 года, дочь орловскаго губернатора Валеріана Ив. Сафоновича (во 2-мъ бракѣ за сенаторомъ Николаемъ Саввичемъ Абазою) . . . } 1
Варвара Ив., за Никол. Александров. Хитровымъ . . . . .
Анна Ив., за Ив. Никол. Кирѣевскимъ . . . .
Елисавета Ивановна, за Сомовымъ . . . .
Софья Ивановна, за Лавровымъ. . . . .

III.

Софія Николаевна, р. 19-го августа 1821 г., за дѣйствит. тайнымъ совѣтникомъ, почетн. опекуномъ Помпеемъ Никол. Батюшковымъ. 2
6. Θедоръ Владиміровичъ. Жена Наталія Сергѣевна Салова . . 3
7. Николай Павловичъ (сумасшедшій, †) . . . . } 4
Ольга Павловна, за Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ . .

Вотъ нѣсколько свѣдѣній о Николаѣ Ивановичѣ Кривцовѣ (№ 2-й), почерпнутыхъ изъ его послужнаго списка и другихъ оффиціальныхъ источниковъ:

1807. Сент. 1-го, поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. егерскій полкъ.

— Дек. 17-го, произведенъ въ портупей-юнкеры.

1809. Сент. 13-го, прапорщикъ.

1810. Іюня 24-го, подпоручикъ.

1811. Сент. 12-го, поручикъ.

1812. Авг. 5-го и 6-го, въ сраженіи при Смоленскѣ.

— Авг. 26-го, въ сраженіи при Бородинѣ, гдѣ раненъ въ лѣвую руку пулею на вылетъ.

1813. Мая 8-го, въ сраженіи при Бауценѣ.

— Іюля 15 го, штабсъ-капитанъ.

— Авг. 15-го и 16-го, въ сраженіи подъ Пирною.

— Авг. 17-го и 18-го, въ сраженіи подъ Теплицомъ, при селеніи Кульмѣ, гдѣ ядромъ ему оторвало лѣвую ногу.

1814. Мая 20-го, капитанъ.

1815. Іюля 15-го, подполковникъ, съ оставленіемъ по арміи.

1817. Апр. 2-го, за ранами, уволенъ отъ военной службы колл. совѣтникомъ для опредѣленія въ коллегію иностр. дѣлъ, и пожалованъ въ званіе камергера

1818. Янв. 1 го, опредѣленъ сверхъ штата къ посольству нашему въ Лондонѣ.

1821. Отозванъ изъ Лондона и причисленъ къ колл. иностр. дѣлъ.

1823. Апр. 5 го, пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ тульскимъ гражд. губернаторомъ.

1824. Февр. 26-го, переведенъ въ той же должности въ Воронежскую губернію (за то, что палкою исколотилъ совѣтника губернскаго правленія Кандаурова).

1826. Сент. 12-го, повелѣно быть нижегородскимъ губернаторомъ.

1827. Апрѣля 3-го, по именному высоч. повелѣнію, причисленъ къ герольдіи. Удаленіе его отъ губернаторской должности произошло слѣдующимъ образомъ. Въ бытность Кривцова еще воронежскимъ губернаторомъ, въ воронежскомъ губернскомъ правленіи производилось дѣло объ учрежденіи опеки надъ имѣніемъ отставнаго полковника Захарова; дѣло это восходило до 1-го департамента сената, а оттуда поступило въ комитетъ министровъ. Комитетъ, усмотрѣвъ въ дѣйствіяхъ Кривцова «его строптивый и запальчивый характеръ и крайне предосудительную опрометчивость», нашелъ неприличнымъ и вреднымъ для пользы службы оставлять его въ званіи начальника губерніи» (журналъ 22-го март. 1827 г.). Въ слѣдующемъ засѣданіи (12-го апр. 1827 г.) объявлено было комитету министровъ, что государь императоръ, утвердивъ положеніе комитета, высочайше повелѣть соизволилъ нижегородскаго гражданскаго губернатора Кривцова причислить къ герольдіи, о чемъ и указъ уже послѣдовалъ 3-го апрѣля. Одновременно съ этимъ дѣломъ (апрѣль 1827 г.) про-

изводилось, по высочайшему повелѣнію, дознаніе о безчеловѣчныхъ побояхъ, которыми Кривцовъ награждалъ ямщиковъ и сельскихъ старостъ, частію собственноручно, частію чрезъ полицейскихъ чиновниковъ, при проѣздѣ въ мартѣ того года изъ Нижняго Новгорода въ женино имѣніе, Тамбовской губ., Кирсановскаго уѣзда, село Любичи. Дѣло это также доходило до комитета министровъ, но, за послѣдовавшимъ уже увольненіемъ Кривцова, оставлено безъ послѣдствій.

1832. Августа 7-го, съ высочайшаго соизволенія, снова принятъ, по прошенію, на службу, съ оставленіемъ «на испытаніи» при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

1836. Февр. 18-го, по прошенію, вовсе уволенъ отъ службы. Поселился въ деревнѣ, въ селѣ Любичахъ, гдѣ и умеръ (31-го іюля 1843 г.).

Въ статьѣ Н. П. Гаевскаго: Пушкинъ и Кривцовъ («Вѣстникъ Европы» декабрь, 1887 г.) сказано, что, около 1834 г., Кривцовъ пріѣзжалъ изъ деревни въ С.-Петербургъ для исходатайствованія продолженія аренды.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Н. И. Кривцовѣ въ «Русскомъ Архивѣ». 1864 г., стр. 974—976.

О либеральныхъ, едва ли не республиканскихъ мнѣніяхъ Н. И. Кривцова, столь несогласныхъ съ его дѣйствіями, см. изданіе г. Бартенева: «Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow». Moscou, 1883, II, стр. 503, 504.

Изъ трехъ братьевъ Н. И. Кривцева, два младшіе, Павелъ и Сергѣй Ивановичи, воспитывались въ Швейцаріи у Фелленберга, на счетъ императора Александра Павловича. Сергѣй Ивановичъ, любимый братъ Николая Ивановича, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г. и отнесенъ къ 7-й категоріи государственныхъ преступниковъ (увѣряютъ, будто онъ былъ преданъ Өедоромъ Өедоровичемъ Вадковскимъ (роднымъ братомъ Екатерины Өеодор. Кривцовой), участвовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ заговорѣ 14-го декабря).

Сообщ. А. ...

1887.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОММИССИИ

въ 1887 г.

Обзоръ ихъ дѣятельности.

Читано директоромъ археологическаго института И. Е. Андреевскимъ,
въ собраніи института 25 октября 1888 г.



1888.

УЧЕНЫЯ АРХИВНЫЯ КОММИССІИ

въ 1887 г.

Съ каждымъ годомъ расширяется и крѣпнетъ дѣятельность возникшихъ въ Россіи въ 1884 г. ученыхъ архивныхъ коммиссій, и съ каждымъ годомъ къ прежнимъ коммиссіямъ присоединяются вновь возникающія и открывающія свои работы по общему плану, начертанному Калачовымъ. Оттого и отчетъ о дѣятельности этихъ коммиссій, ежегодно представляемый археологическимъ институтомъ академіи наукъ, по необходимости, выростаетъ.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ за 1886 годъ я могъ говорить только о первыхъ пяти коммиссіяхъ (тверской, тамбовской, орловской, рязанской и костромской), нынѣшній же отчетъ за 1887 г. имѣетъ въ виду уже 8 коммиссій: кромѣ прежнихъ пяти, въ этомъ 1887 г. дѣйствуютъ уже 3 новыя коммиссіи: саратовская, таврическая и нижегородская. Въ концѣ отчетнаго года открылась и девятая коммиссія оренбургская, но ея дѣятельность относится только къ нынѣшнему 1888 г.

И изъ трехъ новыхъ коммиссій, являющихся въ этомъ отчетѣ, двѣ—саратовская и нижегородская—уже задуманы были при Калачовѣ. Открытіе саратовской было послѣднею мечтою Калачова: въ октябрѣ 1885 г. торопился Калачовъ, уже заболѣвшій въ Москвѣ, въ Саратовъ, чтобы открыть тамъ коммиссію, но злой недугъ не далъ ему осуществить послѣдней мечты: онъ принужденъ былъ остановиться въ своемъ имѣніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, для отдыха и поправленія, и тамъ 25-го октября нашелъ для себя вѣчное успокоеніе. И открытіе саратовской коммиссіи замедлилось: она открылась только въ концѣ 1886 года. То же случилось и съ Нижегородскою. Почтенный предсѣдатель этой коммиссіи, А. С. Гацискій, напечаталъ въ отчетномъ году цѣлую историческую записку объ

учрежденіи нижегородской коммиссіи (1884—1887 гг.), изъ которой видно, какъ заботился Калачовъ о нижегородской коммиссіи, какъ торопился ея открытіемъ. Но случилось то же, что и съ саратовскою: онъ не успѣлъ открыть коммиссіи въ Нижнемъ, она открылась только въ 1887 г.; первое ея засѣданіе было 17-го октября.

Посмотримъ на дѣятельность этихъ восьми архивныхъ коммиссій въ 1887 году.

I.

Важнѣйшее дѣло, возложенное на архивныя коммиссіи, устройство губернскаго историческаго архива, и въ отчетномъ году составляло главную заботу всѣхъ архивныхъ коммиссій, которую онѣ осуществляли тѣми же способами.

1) Разбирая описи архивовъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, выдѣляли въ губернскій историческій архивъ тѣ дѣла, бумаги и документы, которые заключаютъ въ себѣ значеніе для отечественной исторіи и науки права. При этомъ прежнія 5 коммиссій держались уже выработанныхъ ими методовъ, новыя же коммиссіи остановились на разсмотрѣніи метода, котораго должно держаться для разрѣшенія существеннаго въ этомъ дѣлѣ вопроса (поднимавшагося и на VII археологическомъ съѣздѣ, въ Ярославлѣ), что̀ признавать необходимымъ для храненія и что̀ можно признать подлежащимъ уничтоженію.

Тверская коммиссія разсмотрѣла описи архивовъ: 1) новоторжскаго уѣзднаго суда, съ 1802—1862 г., отобравъ для историческаго архива 1407 дѣлъ, 2) новоторжскаго магистрата, съ 1800—1867 гг., отобравъ изъ нихъ 792 дѣла (П. Ѳ. Симеонъ и К. В. Андрониковъ), 3) прокурорской канцеляріи, съ 1866—1885 гг.,—отобраны 143 дѣла (В. И. Колосовъ), 4) тверскаго губернскаго правленія, съ 1845—1872 г.; отобраны 59 дѣлъ. По разсмотрѣніи 20 описей казенной палаты и уѣздныхъ казначействъ не найдено ни одного дѣла, заслуживающаго храненія въ историческомъ архивѣ (предсѣдатель коммиссіи А. К. Жизневскій).

Тамбовская коммисія: 1) продолжала свои работы по разбору и описанію архива шацкой провинціальной канцеляріи (П. И. Пискаревъ и М. Г. Розановъ), чрезвычайно важнаго въ историческомъ отношеніи, заключающаго въ себѣ дѣла съ 1725 г. до конца XVIII ст. Въ отчетномъ году изъ этого архива отобрано для губернскаго исто-

рическаго архива и описано 260 дѣлъ (а всего уже изъ этого архива внесено въ историческій архивъ 2109 дѣлъ). 2) Тѣми же лицами (г. Пискаревымъ и г. Розановымъ) были разсмотрѣны описи тамбовскаго городскаго полицейскаго управленія, съ 1870—1878 гг., и елатомской городской думы, съ 1804—1871 гг.

Въ Орловской коммиссіи разборомъ архивныхъ документовъ продолжалъ заниматься С. А. Блохинъ: кромѣ разбора и описанія дѣлъ, переданныхъ въ архивъ орловскаго окружнаго суда, онъ пересмотрѣлъ описи дѣлъ трубчевскаго городоваго магистрата, но, къ сожалѣнію, большинство дѣлъ его, заслуживающихъ передачи въ историческій архивъ, уже переданы въ московскій архивъ министерства юстиціи, и изъ оставшихся только 9 дѣлъ отобраны г. Блохинымъ для орловскаго историческаго архива.

Рязанская коммиссія продолжала свои работы въ прежнемъ направленіи. 1) Подъ главнымъ наблюденіемъ правителя дѣлъ, А. В. Селиванова, продолжался разборъ и описаніе дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ: въ отчетномъ году разобрано 7440 дѣлъ, изъ коихъ отобрано для историческаго архива 1935 дѣлъ (а всего уже этихъ дѣлъ разсмотрѣно 10,640 и выдѣлено для храненія 2,417). 2) Разбирались (В. И Лашевскимъ) дѣла губернаторской канцеляріи, 1828—1834 гг.; разсмотрѣно 3,389, изъ коихъ выдѣлено для храненія 429 дѣлъ, между которыми цѣлая серія документовъ относительно холеры, свирѣпствовавшей въ 1830 г. 3) Продолжалось составленіе описей архива Солотчинскаго монастыря; вновь описано (А. П. Доброклонскимъ) 68 столбцовъ. 4) Кромѣ того приступлено къ разбору дѣлъ (И. Ѳ. Микушинымъ) воеводской канцеляріи конца XVII и начала XVIII ст., рязанской казенной палаты и присланныхъ изъ ряжскаго полицейскаго управленія 55 тюковъ дѣлъ, за время съ 1780—1826 гг. Всего разобрано до 11 тысячъ дѣлъ, изъ коихъ отобрано и описано 2,432 дѣла.

Костромская коммиссія также приступила: 1) къ разсмотрѣнію описей упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ (Н. И. Коробицынъ и В. Г. Пироговъ), 2) къ разсмотрѣнію описей б. костромскаго приказа общественнаго призрѣнія (П. В. Исаковъ), 3) губ. правленія, 1746—1765 гг. (Н. И. Коробицынъ) и губернаторской канцеляріи, 1800—1807 (М. Д. Рябинцевъ) и 1798 и 1799 гг. (П. Н. Прокшинъ) и 4) строительной и дорожной коммиссій, 1828—1856 гг. (г. Прокшинъ). Эти работы еще въ началѣ, почему костромскаго историческаго архива еще не образовалось.

Изъ новыхъ коммиссій, начавшихъ дѣйствовать въ 1887 г., Саратовская остановилась прежде всего на уясненіи метода работъ

относительно признанія документовъ, подлежащихъ храненію или уничтоженію, и въ этомъ отношеніи она остановилась на методѣ, подобномъ тому, котораго держится рязанская коммиссія. Именно, опасаясь, чтобы отъ субъективнаго рѣшенія одного работника не подверглись уничтоженію акты, имѣющіе значеніе для исторіи, рязанская коммиссія установила вносить на общее разсмотрѣніе описи тѣхъ документовъ, которые, по мнѣнію разбиравшаго ихъ, должны подвергнуться уничтоженію. Такую же, заслуживающую полнаго одобренія, осторожность положила преслѣдовать и саратовская коммиссія. Въ отчетномъ первомъ году дѣятельности саратовской коммиссіи, она успѣла разобрать: 1) архивъ аткарской думы, изъ 700 дѣлъ котораго для историческаго архива отобрано 61 (ихъ обстоятельная опись напечатана въ приложеніи къ протоколамъ); 2) 13 дѣлъ бывшей царицынской комендантской канцеляріи (А. И. Соколовъ); 3) дѣло царицынскаго нижняго земскаго суда, 1809—1814 гг. (гг. Соловьевъ, Краснодубровскій и Харизомековъ); 4) архивъ бывшаго вольскаго духовнаго правленія, 1772—1861 гг. (священники А. В. Смирновъ и В. Г. Еланскій), изъ котораго выдѣлено для храненія въ историческомъ архивѣ болѣе 400 документовъ; 5) архивъ вольской городской думы, описаніе котораго (В. Г. Еланскій) напечатано въ приложеніи къ протоколамъ коммиссіи; 6) дѣла вольскаго нижняго земскаго суда, 1794—1812 гг. (Н. С. Соколовъ), изъ коихъ отобрано 11 дѣлъ, и 7) подробно описаны 3 дѣла губернаторской канцеляріи, касательно вопроса объ уничтоженіи иргизскихъ старообрядческихъ монастырей.

Таврическая коммиссія въ первый годъ своей дѣятельности въ отчетномъ году успѣла приступить къ разбору архива мѣстнаго губернскаго правленія и въ издаваемыхъ коммиссіею извѣстіяхъ напечатаны нѣкоторые акты этого архива, какъ-то: прошеніе депутатовъ таврич. области 1796 г., камеральное описаніе Крыма 1784 г., ордера князя Потемкина и пр.

Нижегородская коммиссія, начавшая дѣйствовать лишь въ концѣ 1887 г., успѣла въ отчетномъ году только войти въ подлежащія сношенія съ предсѣдателемъ окружн. суда о передачѣ ей для разсмотрѣнія дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ.

2) Другое средство, практиковавшееся и въ предъидущіе годы для обогащенія историческихъ архивовъ, примѣняется коммиссіями и въ отчетномъ году, именно полученіе касающихся края документовъ изъ архивовъ главныхъ, столичныхъ и изъ архивовъ другихъ губерній. Здѣсь прежде всего должно отмѣтить слѣдующее новое распоряженіе г. министра юстиціи. На основаніи ходатайствъ предсѣдателей

ученыхъ архивныхъ коммиссій рязанской и саратовской, сенаторъ Г. К. Рѣпнинскій просилъ въ 1887 г. разрѣшенія министерства юстиціи на отсылку въ эти двѣ коммиссіи тѣхъ изъ предназначенныхъ къ уничтоженію дѣлъ спб. сенатскаго архива, которыя касаются этихъ двухъ губерній. Г. министръ юстиціи, изъявивъ на это согласіе, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ высылать и въ остальныя ученыя архивныя коммиссіи подобныя дѣла, имѣющія какое либо отношеніе къ ихъ губерніямъ (Отношеніе д-та мин. юст. къ дир. арх. инст. отъ 9-го апрѣля 1888 г., за № 10,186).

Тверская коммиссія получила отъ своего сочлена г. Токмакова найденные имъ въ московскомъ главномъ архивѣ мин. ин. д. новые матеріалы по археографіи тверскаго края (интересны слѣдующіе: а) Воеводская отписка 1635 г. изъ Старицы, двѣ памяти и государева на оныя грамота о пріѣхавшихъ туда литовскихъ купцахъ съ виномъ. б) Книга 1656 и 1657 гг. Бѣжецкаго верху кружечнаго двора сбору вѣрныхъ цѣловальниковъ, посадскихъ людей головы Иванова съ товарищи. в) Книга 1656 г. Бѣжецкаго верху о сборѣ на кружечномъ дворѣ государевыхъ денегъ у вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ Ивана, Васильева сына Ломакова съ товарищи. г) Дѣло 1669 и 1670 гг. по отпискѣ таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ Юрія Мошкина съ товарищи о сборѣ рублевой пошлины съ солодорощенья съ Тверскаго уѣзда. д) Дѣло 1679 г. тверскихъ каменьщиковъ и кирпичниковъ объ отводѣ имъ для селенія особой земли безъ включенія ихъ въ тягло. е) Грамота 1686 г. воеводѣ Бѣжецкаго верха Степану Румянцеву объ измѣреніи его уѣзда и принятіи назначенныхъ для сего писцовъ. ж) Дѣла 1642 и 1698 гг. по прошенію тверскаго посада земскаго старосты Григорія Капустина съ товарищи объ освобожденіи ихъ отъ отведенія у нихъ квартиръ стольнику Евдокиму Языкову). Отъ своего сочлена директора московскаго архива министерста юстиціи Н. А. Попова коммиссія получила указатель документовъ архива, имѣющихъ отношеніе къ тверскому краю; этотъ указатель обнимаетъ 1,202 жалованныхъ грамотъ съ XIV по XVII вѣкъ, 92 писцовыхъ книги, изъ коихъ древнѣйшая относится къ 1556 году, 845 столбцовъ, 348 книгъ и 60 вязокъ документовъ, относящихся къ производствамъ о недвижимыхъ имѣніяхъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, 151 книга ревизскихъ сказокъ, съ 1716 по 1763 г. 27,055 дѣлъ, упраздненныхъ реформою 1864 г. судебныхъ учрежденій. Съ важнѣйшихъ изъ этихъ документовъ, означенныхъ въ описи, предположено снять копіи для тверскаго историческаго архива.

Тамбовская коммиссія получила отъ Ѳ. М. Вышеславцова, для

снятія копій, двѣ жалованныя грамоты царей Алексѣя Михайловича и Іоанна и Петра Алексѣевичей Ивану Сергѣевичу Вышеславцову на вотчины въ московскомъ, шацкомъ и темниковскомъ уѣздахъ и отъ И. Д. Насиковскаго копію съ грамоты императора Павла на пожалованіе графу Кушелеву земель въ Тамбовскомъ уѣздѣ. (Эти грамоты напечатаны въ приложеніяхъ къ журналу).

Орловской коммиссіи г. Токмаковъ сообщилъ списокъ дѣлъ орловскаго края, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностр. дѣлъ и доставилъ для губ. историческаго архива одну рукопись начала XVIII ст. (Челобитье и выписка 1707 г., Карачевскаго попа Петра Прохорова о дачѣ ему съ писцовой книги выписи, сколько написано земли въ церкви великомученика Димитрія).

Г. Токмаковъ сообщилъ и рязанской коммиссіи списки касающихся ея матеріаловъ. Кромѣ того, въ рязанскую коммиссію представлено членомъ ея И. В. Добролюбовымъ 150 копій, снятыхъ имъ въ московскихъ архивахъ министерства юстиціи и иностр. дѣлъ и представляющихъ довольно полный матеріалъ для историко-статистическаго описанія церквей и монастырей рязанской епархіи.

Костромская коммиссія получила отъ моск. архива министерства юстиціи свѣдѣнія о документахъ, касающихся Костромской губ.: жалованныхъ грамотъ церквамъ и монастырямъ 988, писцовыхъ, переписныхъ, дозорныхъ книгъ 161, ревизскихъ сказокъ 126, документовъ касательно недвижимыхъ имѣній изъ вотчинной коллегіи и вотчиннаго департамента 54 столбца, 392 книги и 55 связокъ, а дѣлъ, упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ Костромской губерніи, по 1800 годъ, 21,308.

Отъ своего сочлена И. К. Херсонскаго костромская коммиссія получила описаніе хранящагося въ Варнавинскомъ Троицкомъ соборѣ рукописнаго житія препод. Варнавы Ветлужскаго и лицеваго синодика бывшаго Кинешемскаго Вознесенскаго монастыря.

Настоятель Солигаличскаго собора, о. Геннадій Орловъ, доставилъ коммиссіи сообщеніе о древнихъ рукописныхъ и печатныхъ памятникахъ, между которыми имѣется «Лѣтописецъ».

Саратовская коммиссія получила отъ своего сочлена И. Ѳ. Токмакова списокъ матеріаловъ къ археографіи Саратовскаго края, хранящихся въ моск. главномъ архивѣ м. и. д. (этотъ списокъ напечатанъ въ прил. къ прот. V общ. собр., 28 окт. 1887). А членъ коммиссіи А. Н. Пыпинъ предложилъ коммиссіи свое содѣйствіе къ отысканію въ имп. публ. библіотекѣ и библіотекѣ академіи наукъ необходимыхъ справокъ по вопросамъ цѣннымъ для исторіи, археологіи и этнографіи сарат. края въ Сарат. Губернскихъ Вѣдомостяхъ

тѣхъ годовъ, которые сдѣлались библіографической рѣдкостью и которыхъ въ Саратовѣ отыскать невозможно.

Нижегородская коммиссія получила отъ директора м. архива м. ю., Н. А. Попова, съ разрѣшенія г. министра юстиціи, списки съ дозорной книги 7121 года и писцовой книги 7129—7131 гг.

3) Третій источникъ—это частные архивы, вливаемые въ губернскіе историческіе архивы, или въ цѣломъ ихъ составѣ, или по частямъ. И этимъ источникомъ нѣкоторыя изъ архивныхъ коммиссій пользовались въ отчетномъ году весьма усердно.

Такъ, тверская коммиссія получила фамильный архивъ Шишковыхъ, подробно описанный В. П. Успенскимъ и П. С. Орловымъ. Древнѣйшій документъ этого архива—жалованная грамота царя Михаила Ѳедоровича одному изъ предковъ Шишковыхъ Лучанину Фроловичу Шишкову на разныя земли въ Тверскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ архивѣ Шишковыхъ документовъ 371, изъ коихъ 213 бумагъ большею частію по землевладѣнію, заключающихъ въ себѣ не мало статистическихъ данныхъ прошлаго столѣтія и бытовыхъ чертъ изъ жизни дворянъ тверскихъ, не особенно богатыхъ.

Тамбовская коммиссія включила въ свой губернскій историческій архивъ: а) Собраніе фамильныхъ бумагъ А. И. Сатина, заключающее въ себѣ дѣловую и семейную переписку Сатиныхъ, записныя книги, копіи съ рѣдкихъ указовъ и др. документовъ, разныя замѣтки, крѣпостные акты, въ томъ числѣ болѣе 20 столбцовъ, относящіеся къ XVII, XVIII и началу XIX ст. б) Отъ г. Л. А. Воейкова подлинныя описныя книги Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1667 г., представляющія большой историко-археологическій интересъ (описаніе ихъ помѣщено въ вып. XIII Извѣстій арх. ком.). в) Отъ члена коммиссіи Г. П. Петерсона 12 столбцовъ конца XVII ст., заключающихъ въ себѣ царскія грамоты на раздачу земель инородцамъ-помѣщикамъ тамб. края и разные крѣпостные акты. г) Подобнаго же содержанія 17 столбцовъ, поступившіе отъ гг. Ходнева, Никитина и Лебедева.

Орловская коммиссія получила изъ фамильнаго архива своего предсѣдателя, князя Сонцова-Засѣкина, инструкцію, данную при Петрѣ и Іоаннѣ Алексѣевичахъ галичскому воеводѣ князю Борису Сонцову-Засѣкину, и отъ своего сочлена А. Г. Пупарева 5 документовъ XVII ст.

Въ Рязанскую коммиссію поступили: отъ Н. В. Еропкина (чрезъ посредство А. Д. Повалишина) значительное число документовъ весьма важнаго содержанія (между ними имѣются собственноручныя донесенія И. С. Аксакова по расколу, бумаги и письма вице-

адмирала В. И. Мелихова, различныя бумаги, касающіяся Остзейскихъ провинцій и пр.), отъ А. Д. Левицкой (чрезъ посредство А. Я. Попова) поступило 13 столбцовъ XVII в., отъ графини Евфр. Ѳ Толстой—бумаги и дѣла прекратившагося Данковскаго общества любителей скотоводства. Членъ коммиссіи С. Е. Звѣревъ продолжалъ разборъ фамильнаго архива Д. Н. Толстаго, нѣкоторые документы котораго, имѣющіе общій интересъ, были напечатаны въ Трудахъ рязанской коммиссіи.

Такими путями богатѣйшія историческія сокровища стекаются въ недавно создавшіеся губернскіе историческіе архивы, изъ коихъ первые четыре уже и теперь представляются довольно крупными бумагохранилищами (въ тверскомъ, напримѣръ, уже болѣе 2,000 документовъ), а слѣдующіе за ними по времени открытія, идя тѣми-же путями, скоро послѣдуютъ ихъ примѣру. Привѣтствуя такой быстрый ростъ губернскихъ историческихъ архивовъ и признавая за ними чрезвычайную важность совершенно новыхъ архивныхъ учрежденій въ Россіи, археологическій институтъ желалъ бы, для надлежащаго упроченія этихъ новыхъ учрежденій, изыскать возможность къ положительному разрѣшенію двухъ слѣдующихъ потребностей: во-первыхъ, возведенія надлежащихъ, совершенно безопасныхъ отъ огня и удобныхъ для помѣщенія архивнаго матеріала, зданій, и во вторыхъ, порученія каждаго губернскаго историческаго архива вѣдѣнію подготовленнаго архивиста, отвѣтственнаго за сохраненіе архивныхъ актовъ и состоящаго въ государственной службѣ. Каждая изъ этихъ потребностей, по ихъ очевидности, не требуетъ большихъ мотивовъ.

Хотя усиленными стараніями почтенныхъ дѣятелей архивныхъ коммиссій на первый разъ и найдены относительно удобныя помѣщенія для губернскихъ историческихъ архивовъ, но эти помѣщенія только относительно удобны, и только относительно безопасны отъ огня, и въ состояніи удовлетворить потребности только на первое время, а въ виду быстраго роста архивовъ скоро окажутся не только неудобными, но и невозможными.

Тверская коммиссія отпраздновала въ отчетномъ году новоселье своего историческаго архива въ зданіи упраздненнаго рабочаго дома, уступленнаго коммиссіи по ходатайству института и въ извѣстной степени приспособленнаго для архива (въ этомъ новомъ собственномъ помѣщеніи коммиссія въ первый разъ засѣдала 24-го апрѣля). Это сравнительно лучшее помѣщеніе на нѣсколько лѣтъ можетъ удовлетворять потребности, но затѣмъ потребуется другое зданіе.

Въ отчетномъ году и тамбовскій историческій архивъ перевезенъ въ собственное помѣщеніе коммиссіи: 17-го іюня состоялось освяще-

ніе и открытіе историческаго архива и губ. музея во вновь отстроенномъ третьемъ этажѣ зданія публичной библіотеки. Это помѣщеніе состоитъ изъ 3-хъ залъ, каждая вмѣстимостію до 75 куб. саженъ. Хотя помѣщеніе и снабжено водопроводомъ, но оно не вполнѣ безопасно отъ огня, такъ какъ половину первой залы нашли необходимымъ обратить въ жилую квартиру хранителя архива и музея, и такимъ образомъ для архива и музея имѣются только двѣ залы.

Рязанскій губернскій историческій архивъ въ отчетномъ году пріютился въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, въ бывшемъ помѣщеніи врачебнаго управленія, состоящемъ изъ 4-хъ комнатъ, и чтобы это помѣщеніе сдѣлать, по возможности, безопаснымъ отъ огня, коммиссіи удалось его изолировать отъ другихъ комнатъ присутств. мѣстъ заложеніемъ кирпичемъ арки въ капитальной стѣнѣ.

Саратовская коммиссія, получивъ небольшое помѣщеніе въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, съ самаго начала своей дѣятельности, въ отчетномъ году встрѣтила непреодолимыя затрудненія, куда помѣстить историческій архивъ. Помѣщеніе, ей отведенное, слишкомъ мало, чтобы вмѣстить даже и часть тѣхъ матеріаловъ, которые съ первыхъ же дней ея существованія стали поступать въ нее буквально цѣлыми возами. Рѣшеніе этого вопроса саратовская коммиссія предоставила будущему, имѣя въ виду складывать поступающіе матеріалы въ шкафахъ, размѣщенныхъ на холодной лѣстницѣ губернскаго правленія.

Нижегородская коммиссія устроилась относительно помѣщенія историческаго архива счастливѣе: она получила во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное и притомъ безплатное помѣщеніе, съ отопленіемъ, въ одной изъ лучшихъ башенъ нижегородскаго кремля—Ивановской, приспособленіе которой для этого дѣла городская дума взяла на себя.

Таврической коммиссіи помѣщеніе отвело земское собраніе.

Если такимъ образомъ скудненькія помѣщенія, въ которыхъ архивнымъ коммиссіямъ удалось пріютить губернскіе историческіе архивы, на нѣкоторое время еще могутъ служить удовлетворенію этой потребности, то скоро неминуемо возникнетъ вопросъ, какъ создать въ губернскихъ городахъ надлежащія и вполнѣ безопасныя отъ огня зданія для помѣщенія этихъ архивовъ, въ которые бы могли безъ страха переноситься историческіе документы, какъ изъ правительственныхъ и общественныхъ архивовъ, такъ и изъ частныхъ хранилищъ.

Точно также, далѣе, если теперь почтенные труженики архивныхъ коммиссій взяли на себя добровольную, хотя весьма трудную, повинность завѣдывать этими архивами и хранить ихъ сокровища, то въ

будущемъ, и весьма скоро, при увеличеніи архивовъ, это дѣло окажется имъ не по силамъ: тутъ требуется архивистъ, сколько опытный, столько и отвѣтственный, состоящій въ государственной службѣ и получающій содержаніе.

Оба эти вопроса весьма заботятъ Археологическій Институтъ и имъ изготовлено уже ходатайство относительно поставленія губернскихъ историческихъ архивовъ на прочную почву.

II.

Вторая функція, принадлежащая ученымъ архивнымъ коммиссіямъ, собираніе свѣдѣній о древностяхъ края, привлекаетъ и въ отчетномъ году вниманіе всѣхъ коммиссій и послѣдствіемъ своимъ даетъ обогащеніе возникшимъ рядомъ съ историческими архивами музеямъ. Въ этомъ отношеніи опредѣлились три пути, по которымъ движутся коммиссіи къ достиженію почтенной, принятой ими на себя задачи.

1) Оповѣстивъ мѣстныхъ властей свѣтскихъ и духовныхъ о своей миссіи исторической и археологической, ученыя архивныя коммиссіи просили ихъ сообщать извѣстія объ имѣющихся древностяхъ. И это дало хорошіе плоды. Такъ, рязанская коммиссія, получивъ отъ спасскаго уѣзднаго исправника сообщеніе о находкѣ 12-го мая въ гор. Старой Рязани старинныхъ серебряныхъ вещей, немедленно командировала въ г. Старую Рязань правителя дѣлъ А. В. Селиванова, поручивъ ему пріобрѣсти означенныя вещи для губернскаго музея и по горячимъ слѣдамъ произвести раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ была сдѣлана находка. И послѣдствія этой командировки таковы: не только всѣ найденныя вещи, состоящія изъ весьма цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ, были пріобрѣтены для музея, но при произведенныхъ г. Селивановымъ въ томъ мѣстѣ раскопокъ было найдено нѣсколько новыхъ вещей, не менѣе цѣнныхъ и интересныхъ. Это обстоятельство побудило рязанскую коммиссію создать цѣлый планъ производства систематическихъ раскопокъ въ г. Старой Рязани.

Кромѣ того, г. Селивановымъ были сдѣланы раскопки въ подвальномъ помѣщеніи текіи Шахъ-Али-хана въ Касимовѣ и въ другой текіи на старопосадномъ кладбищѣ, гдѣ членомъ коммиссіи М. П. Новиковымъ найдена надгробная плита съ татарскою надписью, подобная тѣмъ тремъ камнямъ, которые были найдены въ 1886 году г. Селивановымъ. Фотографическіе снимки съ этихъ четырехъ над-

писей препровождены для прочтенія и разбора въ восточное отдѣленіе Московскаго Археологическаго Общества. Затѣмъ коммиссіею были совершены раскопки еще въ двухъ мѣстахъ — въ Зарайскѣ и въ Кирилловомъ городкѣ Спасскаго уѣзда, близь с. Половскаго. Послѣдняя раскопка, произведенная членами коммиссіи, А. П. Галаховымъ, Н. Н. Баженовымъ и А. В. Селивановымъ, обнаружила весьма интересный типъ древняго укрѣпленія, состоящаго изъ полукруглаго вала, внутри котораго во всю его длину проходитъ сводъ изъ обожженной кирпичной глины; самая форма городка, до сихъ поръ нигдѣ неописаннаго, также заслуживаетъ вниманія. Раскопанный вблизи курганъ далъ значительное число костяковъ, а изъ вещей небольшое золотое колечко, поступившее въ губернскій музей; измѣреніе взятыхъ череповъ произвелъ г. Баженовъ для особаго доклада коммиссіи.

Костромская коммиссія собрала множество свѣдѣній о доисторическихъ памятникахъ — городищахъ, курганахъ, старинныхъ поселеніяхъ, забытыхъ кладбищахъ, случайныхъ находкахъ монетъ въ губерніи и пр. Эти данныя разработаны правителемъ дѣлъ, г. Пироговымъ, и помѣщены были въ «Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (откуда перепечатаны въ «Прав. Вѣстникѣ» 1887 года, №№ 75, 84, 151, 156, 163 и 200).

Саратовская и таврическая коммиссія для направленія дѣла раскопокъ напечатала въ своихъ трудахъ «Инструкцію для научнаго изслѣдованія кургановъ пр. Самоквасова, съ дополненіями А. П. Богданова».

2) Второй путь, по которому двинулись коммиссіи для достиженія этой цѣли,—это оказаніе содѣйствія работамъ частныхъ отдѣльныхъ археологовъ, работающихъ независимо отъ коммиссій.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія распоряженіе тамбовской коммиссіи. Одинъ изъ ея членовъ, А. И. Сатинъ, во время своей археологической поѣздки по Лебедянскому уѣзду, познакомился съ однимъ изъ мѣстныхъ любителей старины. г. Коптѣлкинымъ, который, изслѣдовавъ уже нѣсколько пещеръ и тайниковъ, не получалъ теперь разрѣшенія отъ лебедянской городской управы произвести раскопку въ чертѣ города. Коммиссія, ознакомившись съ планами и предположеніями г. Коптѣлкина, исходатайствовала чрезъ начальника губерніи это разрѣшеніе.

3) Третій путь, избранный коммиссіями,—это взятое ими на себя наблюденіе о сохраненіи памятниковъ старины.

Еще въ 1886 году, по ходатайству рязанской коммиссіи, высокопреосвященнѣйшій архіепископъ рязанскій Θеоктистъ сдѣлалъ по

своей епархіи распоряженіе, чтобы передѣлка и исправленіе церковныхъ зданій, построенныхъ не позже половины XVIII в., разрѣшались не иначе, какъ по предварительному сношенію съ архивною коммиссіею. Въ отчетномъ году и было два случая совѣщанія съ коммиссіею. Въ одной изъ церквей XVII в. въ селѣ Высокомъ, Михайловскаго уѣзда, предполагалось уничтожить стѣну, отдѣляющую главную часть церкви отъ трапезной, а въ другой церкви, въ с. Храповѣ Рязанскаго уѣзда, перестроить колокольню прекраснаго шатроваго типа, дабы можно было повѣсить туда значительнаго размѣра колоколъ, для чего и выставленъ былъ предлогъ ветхости колокольни. По отношенію къ первой церкви коммиссія высказалась въ отрицательномъ смыслѣ, а относительно второй положила произвести предварительно тщательный осмотръ.

Рязанская коммиссія вмѣстѣ съ тѣмъ въ отчетномъ году воспользовалась для собранія предметовъ древностей и тѣмъ правительственнымъ распоряженіемъ, что лица, производящія продажу съ торговъ имущества частныхъ лицъ, обязаны увѣдомлять мѣстную архивную коммиссію объ имѣющихся для такой продажи предметахъ древности. Именно, коммиссія пріобрѣла съ торговъ въ Зарайскѣ старинныя вещи, оставшіяся послѣ извѣстнаго любителя, купца А. Т. Бахрушина.

Подобно рязанской, на этотъ же путь охраненія предметовъ древности выступила и недавно начавшая свою дѣятельность таврическая коммиссія. Признавая важнымъ историческимъ памятникомъ имѣющіяся на Крымскомъ полуостровѣ екатерининскія мили, свидѣтели путешествія императрицы въ 1787 году, которыя въ прежнее время были обнесены канавами и обсажены деревьями, а въ настоящее время лишь кое-гдѣ сохранились слабые слѣды огражденій и памятники постепенно подвергаются разрушенію, таврическая коммиссія, въ виду необходимости поддержанія и сохраненія этихъ миль, какъ памятниковъ великолѣпнаго шествія императрицы въ новоприсоединенномъ краѣ, обратилась въ таврическое губернское земское собраніе съ просьбою о передачѣ этихъ миль въ завѣдываніе коммиссіи, съ ассигнованіемъ ей извѣстной суммы на возобновленіе вокругъ нихъ канавъ и посадку деревъ.

Идя этими путями для отысканія и охраненія древностей, архивныя коммиссіи тѣмъ самымъ обогащаютъ и заведенные ими при историческихъ архивахъ музеи, изъ коихъ нѣкоторые уже достигаютъ значенія видныхъ губернскихъ учрежденій.

Конечно, важнѣйшимъ изъ этихъ музеевъ нужно признать тверской, хотя и находящійся въ вѣдѣніи тверской коммиссіи, но, къ сожалѣнію, еще ей не принадлежащій. Этотъ музей, какъ извѣстно,

дѣтище почтеннаго предсѣдателя тверской коммиссіи, г. Жизневскаго. Съ каждымъ годомъ музей растетъ. Въ отчетномъ году въ музей поступило 850 предметовъ древности (въ томъ числѣ 177 рукописей), между коими значительное количество каменныхъ орудій, нѣсколько монетъ удѣльнаго періода, печати, изразцы и т. п. Къ 1-му января 1888 года, кромѣ 3,469 рукописей, въ тверскомъ музеѣ находилось 4,083 предмета древности. Въ нынѣшнемъ году предпринято г. Жизневскимъ роскошное изданіе описанія тверскаго музея, о чемъ будетъ доложено въ слѣдующемъ отчетѣ за 1888 годъ.

И для тамбовскаго музея отчетный годъ былъ особенно благопріятенъ. Въ него поступили богатые вклады: отъ члена коммиссіи Вышеславцева 40 предметовъ, найденныхъ въ 1869 году въ могильникѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Тамбова. (Съ этой коллекціи, по требованію императорской археологической коммиссіи, дѣлаются теперь фотографическіе снимки). Отъ членовъ коммиссіи: С. К. Платоновой (49 мѣдныхъ складней и крестовъ), А. П. Архангельскаго (церковныя древности), отъ тамбовскаго купца А И. Зотова (желѣзная кольчуга) и пр.

Растетъ и рязанскій музей. Въ отчетномъ году, благодаря просвѣщенному содѣйствію высокопреосвященнаго Ѳеоктиста, въ рязанскій музей поступили изъ церквей рязанской епархіи многія интересныя церковныя древности, напр., царскія двери, сплетенныя изъ тонкихъ кожаныхъ ремешковъ, деревянный въ видѣ простаго обруча вѣнецъ и пр. Затѣмъ богатыя добычи раскопокъ и пожертвованія значительно обогатили рязанскій музей. Въ немъ имѣлось къ 1 января 1888 г. 480 предметовъ древностей, не считая монетъ, череповъ, костей, окаменѣлостей и фотографическихъ снимковъ.

И во вновь создавшихся коммиссіяхъ ходъ устройства и развитія музеевъ будетъ естественно тотъ-же самый.

Кромѣ музеевъ, коммиссіи собираютъ при губернскихъ историческихъ архивахъ и библіотеки. Если еще, кромѣ рязанской коммиссіи, нѣтъ точнаго плана, какія именно книги требуются для библіотеки при архивѣ, то во всякомъ случаѣ съ каждымъ годомъ количество этихъ книгъ увеличивается.

Въ отчетномъ году къ библіотекамъ прибавилось: тверской 40 книгъ (всего 489 названій, 787 томовъ), орловской 17 названій, рязанской 600 названій (всего 1,223 назв., 2,454 томовъ). Нельзя не остановиться на томъ, что въ отчетномъ году рязанская коммиссія справилась удачнѣе, чѣмъ остальныя коммиссіи, съ устройствомъ библіотеки, спеціально необходимой для историческаго архива. Она справилась съ этою задачею, благодаря пожертвованію ея правителя

дѣлъ, г. Селиванова. Еще задолго до основанія рязанской коммиссіи А. В. Селивановъ задался задачею собирать сочиненія и статьи, касающіяся рязанскаго края, и мало-по-малу собралъ весьма цѣнную и богатую коллекцію, изъ 762 названій, которую въ отчетномъ году и пожертвовалъ рязанской коммиссіи, образовавшей изъ этого пожертвованія спеціальный рязанскій отдѣлъ библіотеки. Этотъ отдѣлъ уже и въ отчетномъ году увеличился, благодаря новому пожертвованію члена коммиссіи И. В. Добролюбова: въ этомъ отдѣлѣ, такимъ образомъ, собралось 882 книги.

III.

Обращаясь къ внутренней сторонѣ дѣятельности коммиссій, къ ихъ засѣданіямъ, къ работамъ отдѣльныхъ членовъ и къ изданіямъ, предпринимаемымъ самими коммиссіями, можемъ привѣтствовать какъ утѣшительный фактъ, что съ каждымъ годомъ коммиссіи пріобрѣтаютъ все прочнѣйшее положеніе, какъ мѣстныя историческія общества, вліяющія на увеличеніе уваженія къ умственному труду и на развитіе стремленій къ пониманію отечественной исторіи.

1) Количество членовъ въ первыхъ, уже старыхъ, коммиссіяхъ не только не уменьшается, но съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ отчетномъ году въ старыхъ коммиссіяхъ было членовъ: въ тверской 37, въ тамбовской 74 (новыхъ прибавилось 28), въ орловской 68, въ рязанской 106 (новыхъ прибавилось 40), изъ коихъ постоянно живущихъ въ Рязанской губерніи 62, а остальные живутъ въ другихъ городахъ.

Успѣхъ этихъ, такъ сказать, старыхъ коммиссій, можетъ быть, служитъ объясненіемъ того, что и вновь создающіяся коммиссіи принимаются обществомъ весьма сочувственно и съ перваго же года въ спискѣ своихъ членовъ имѣютъ весьма почтенныя имена.

Саратовская коммиссія открылась въ числѣ 12 членовъ, а въ теченіе года приняла въ свою среду 23 новыхъ члена.

Тоже и въ таврической: первоначально собралось 17 членовъ, въ теченіе года избрано вновь 14 членовъ.

Нижегородская коммиссія начала свою дѣятельность въ составѣ 19 членовъ; въ отчетномъ году приняла въ свою среду 14 новыхъ членовъ.

2) Засѣданія коммиссій, большею частію посѣщаемыя и постороннею публикою, конечно, въ состояніи вызвать общій интересъ, если

посмотрѣть на тѣ важные рефераты, которые читались въ отчетномъ году. Напр., въ тверской коммиссіи слушались рефераты: А. К. Жизневскаго, «Изразцы на старицкомъ соборѣ 1561 г.», «О грамотѣ и собственноручномъ письмѣ Петра Великаго на имя поручика Кожина», «О могилѣ князя Семена Ивановича Мукулинскаго, †1559 г.», «О могилѣ трагика Озерова, † 1816 г.»; Н. Д. Квашнина-Самарина, «Очеркъ древнѣйшей исторіи зубцовской и старицкой земель» и др. Въ тамбовской коммиссіи съ большимъ интересомъ выслушивались рефераты почтеннаго предсѣдателя И. И. Дубасова, относящіеся къ исторіи тамбовскаго края; Петерсона, Розанова и мн. др. Орловская коммиссія слушала важныя, между другими, сообщенія гг. Пясецкаго и Никольскаго «Историческій очеркъ г. Карачева».

Въ Рязанской коммиссіи было сдѣлано 16 рефератовъ и сообщеній, изъ коихъ 12 напечатаны, — и всѣ въ высшей степени интересны, какъ, напр., А. Д. Повалишина, «Объ участіи рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ», А. П. Доброклонскаго, «Жизнь Солотчинскаго монастыря въ XVII в.» и др.

Появились рефераты и въ саратовской коммиссіи: М. В. Готовицкаго, «О значеніи названія Саратовъ», гг. Чекалина, Соколова, Шахматова и др., о древностяхъ и исторіи саратовскаго края,—и въ таврической (г. Карѣенко, о прошеніи таврическихъ депутатовъ 1796 г., Латкова, о камеральномъ описаніи Крыма въ 1784 г. и др.), и въ нижегородской (предсѣдателя А. С. Гацискаго, Объ освободительномъ моментѣ 1612 г., приходящемся, по его мнѣнію, на 22 октября).

Всѣ рефераты и возбуждавшіяся ими бесѣды и пренія вызывали особый интересъ, и потому, что въ средѣ каждой коммиссіи имѣются члены, не мало потрудившіеся въ разработкѣ русской исторіи и еще не оставившіе трудовъ, такъ какъ и въ отчетномъ году написали не мало. Такъ изъ членовъ тверской коммиссіи: высокопреосвященный Савва, архіепископъ тверской и кашинскій, окончилъ свой обширный трудъ: «Отзывы и мнѣнія высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филарета». Предсѣдатель коммиссіи А. К. Жизневскій, кромѣ трехъ указанныхъ рефератовъ, напечатанныхъ въ «Журналѣ коммиссіи», напечаталъ въ «Тверскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» описаніе предметовъ, пріобрѣтенныхъ музеемъ въ 1886 г., а въ Древностяхъ, изд. Моск. обществомъ исторіи и древностей, окончилъ печатаніемъ I томъ описанія тверскаго музея (отдѣлъ археологіи). Протоіерей В. Ѳ. Владиславлевъ, въ редактируемыхъ имъ «Епарх. Вѣдомостяхъ», помѣстилъ: «Игуменья Антонія Мезенцова», рядъ статей о чудотворныхъ и мѣстно-чтимыхъ

иконахъ, «Село Савино, на мѣстѣ Саввина тверскаго монастыря, основаннаго въ 1397 г.», «Преподобный Савва Вышерскій, уроженецъ г. Кашина».

Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ: «Очеркъ древнѣйшей исторіи зубцовской и старицкой земель» (журн. № 12), «Лѣтопись русской исторіи» (чтеніе для народа), пом. въ изданіи И. П. Хрущова, «Настольная книга».

В. И. Колосовъ: «Тверскіе филантропы», «Семинарскія лицедѣйства», «Разсказъ современника о Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ», «Петръ В. въ Твери», «О собственноручной подписи патріарха Никона» («Епарх. Вѣд.» и отдѣльно).

Н. А. Криницкій: «Матеріалы, заключ. въ рукописи тверскаго музея—собраніе поздравительныхъ одъ, рѣчей и др. подобныхъ въ стихахъ и прозѣ — къ исторіи тверской духовной семинаріи прошлаго столѣтія («Епарх. Вѣд.» и отдѣльно).

В. А. Плетневъ — описанія кургановъ и городищъ Тверской губерніи (Твер. Губ. Вѣд.), и составилъ вмѣстѣ съ г. Жизневскимъ археологическую карту Тверской губерніи (на которую нанесены курганы, городища, валы, рвы, мѣстонахожденія каменныхъ орудій, каменныхъ крестовъ и проч.), предложенную вниманію VII археологическаго съѣзда.

Членами тамбовской коммиссіи напечатано: М. Г. Розановымъ: «О козловскомъ маломъ народномъ училищѣ», и подготовленъ «Указатель къ описи тамб. истор. архива», напеч. уже въ 1888 г., часть I.

В. В. Соловскимъ: «Матеріалы для исторіи типографіи при губ. правленіи и губ. вѣдом. въ Тамбовѣ», «Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиц. отдѣлѣ Тамбовск. губ. вѣдомостей за 1838—1840 гг.».

Г. П. Петерсономъ: «Инородцы-помѣщики Керенскаго уѣзда въ XVIII в.».

И. И. Пискаревымъ: «Мамонтова пустынь Тамбовской губ.» (Всѣ пом. въ «Извѣстіяхъ тамб. ком.» за 1887 г.).

Членъ рязанской коммиссіи А. Д. Повалишинъ, кромѣ рефератовъ, напечаталъ: второй выпускъ «Опыта разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства».

Члены Саратовской коммиссіи напечатали:

М. В. Готовицкій, «О значеніи названія Саратовъ».

Ѳ. Ѳ. Чекалинъ: «Древніе обитатели Саратовской губерніи», «Находки древнихъ монетъ въ предѣлахъ Кузнецкаго и Петровскаго уѣздовъ».

Н. С. Соколовъ: «Первая попытка къ составленію описанія

Саратовскаго края». (Онъ же обработывалъ матеріалъ по исторіи раскола въ предѣлахъ Саратовскаго края).

3) Большой вкладъ въ историческую науку сдѣлали коммиссіи печатаніемъ документовъ въ своихъ изданіяхъ. Всѣ коммиссіи, за исключеніемъ Орловской и Костромской, печатаютъ отчеты своихъ засѣданій и въ приложеніяхъ къ нимъ документы и изслѣдованія,—или подъ названіемъ Трудовъ, или Извѣстій, Журналовъ и пр.

Тверская коммиссія издаетъ Журналы, Тамбовская — Извѣстія (въ отчетномъ году 6), Рязанская—Труды (6 вып., въ которыхъ помѣщено до 70 актовъ), Саратовская коммиссія въ отчетномъ году издавала Протоколы, а съ 1888 года стала издавать Труды. Таврическая коммиссія издаетъ Извѣстія, которыхъ въ отчетномъ году вышло 4 №№. Нижегородская коммиссія назвала свои труды Дѣйствія Нижег. губ. архивной коммиссіи.

Въ концѣ отчетнаго года и Костромская коммиссія рѣшилась послѣдовать примѣру другихъ коммиссій и думаетъ издавать Сборникъ матеріаловъ по исторіи и археологіи Костромской губерніи.

4) Изданіе такихъ періодически появляющихся органовъ ученыхъ архивныхъ коммиссій служитъ однимъ изъ средствъ къ ихъ единенію и общенію, о чемъ, весьма понятно, заботятся всѣ коммиссіи. Мѣняясь своими изданіями, коммиссіи знаютъ о трудахъ своихъ собратовъ, знакомятся съ методами каждой, избираютъ членовъ другихъ коммиссій въ свои сочлены и уже послѣдствіемъ этого является взаимная помощь въ общихъ работахъ. Въ отчетномъ году этой идеѣ единенія между коммиссіями и возможности общихъ работъ, чего такъ желаютъ и вновь создавшіяся коммиссіи — Саратовская, Таврическая, Нижегородская, далъ немаловажный поводъ VII археологическій съѣздъ, на которомъ былъ прочитанъ докладъ, написанный предсѣдателемъ тамб. коммиссіи И. И. Дубасовымъ, подавшій надежду, что эта мысль окрѣпнетъ и разовьется къ будущему археолог. съѣзду, имѣющему быть въ Москвѣ въ 1889-мъ году.

IV.

Переходя къ денежной отчетности архивныхъ коммиссій за 1887 г., долженъ замѣтить, что прежнія архивныя коммиссіи продолжаютъ пребывать при болѣе чѣмъ скромныхъ бюджетахъ, а вновь устроившіяся коммиссіи далеко обогнали ихъ финансовыми средствами.

Вотъ бюджетъ старыхъ коммиссій.

Тверская:

Оставалось отъ 1886 г. 97 р. 50 к.

Въ отчетномъ году израсходовано:

На отопленіе	17 р.
На типографскія работы	12 р. 70 к.
А всего въ теченіи 1887 г.	40 р. 40 к.

почему къ 1888 г. образовался остатокъ въ . . 57 р. 25 к. Тутъ не считаются отпущенные отъ министерства юстиціи 300 р. на спеціальный расходъ по разбору архивовъ судебныхъ мѣстъ.

Тамбовская коммиссія, не считая же такихъ же 300 рублей отъ министерства юстиціи, въ первый разъ въ отчетномъ году воспользовалась установленными членскими взносами, получивъ сумму въ 138 рублей.

Орловская коммиссія вела дѣла свои экономнѣе. Къ 1-му января состояло членскаго взноса 75 р. 57 к., поступило въ теченіе года 40 р., итого 115 р. 57 к. Израсходовано: за снятіе фотографическихъ карточекъ съ древняго конскаго украшенія, за переписку отчетовъ, журналовъ, за перевозку архивныхъ дѣлъ, всего 12 р. 20 к.; къ 1-му января 1888 г. получился остатокъ въ 103 р. 37 к.

Финансовое положеніе Рязанской коммиссіи, сравнительно съ предъидущими, было блистательное.

Не считая 300 р. отъ М. Ю., доходы коммиссіи дошли до 500 р., а именно:

Осталось отъ 1886 г.	91 р. 99 к.
Членскихъ взносовъ	199 р.
Возвращенъ г. правителемъ дѣлъ г. Селивановымъ выданный ему гонораръ . . .	200 р.
Выручено за продажу изданій	13 р. 50 к.
Итого	504 р. 49 к.

За то и расходы для коммиссіи въ этомъ году явились чрезвычайные, такъ какъ пришлось въ новомъ помѣщеніи историч. архива на мебель и приспособленія издержать 251 р. 95 к., да на покупку вещей для музея 121 руб. 65 коп.; послѣдствіемъ такихъ крупныхъ затратъ въ отчетномъ году образовалась передержка въ 68 р. 42 к. (всего израсходовано 572 р. 91 к.).

Костромская коммиссія своего бюджета не показала.

Вновь устроившіяся коммиссіи совсѣмъ въ другихъ условіяхъ.

Такъ Саратовская получила отъ городовъ и земствъ губерніи 1650 р. Издержки были такія:

На жалованье письмоводителю, со сторожемъ	366 р. 34 к.
» обзаведеніе по помѣщенію	223 р. 93 к.
» типографскіе расходы	72 р. 35 к.
» канцелярскіе	26 р. 15 к.
» мелкіе расходы	10 р. 69 к.
Всего израсходовано	699 р. 46 к.

и къ 1-му января 1888 г. осталось 950 р. 54 к.

Таврическая коммиссія получила посредствомъ подписки своихъ членовъ 365 рублей.

Нижегородская коммиссія можетъ разсчитывать свой бюджетъ на 800 р., получая ежегодно отъ губ. земской управы 500 р. и отъ городской управы 300 р.

Такова дѣятельность ученыхъ архивныхъ коммиссій въ 1887 г. Нельзя не подивиться массѣ работъ, совершенныхъ этими безкорыстными тружениками, и работъ весьма цѣнныхъ, историческихъ. Не могутъ русскіе оставаться равнодушными къ истинно историческимъ трудамъ, на несомнѣнныхъ матеріалахъ построеннымъ. Отъ этихъ работъ, отъ вскрываемыхъ археологами хартій крѣпнетъ любовь къ русскому дѣлу, крѣпнетъ сознаніе того политическаго могущества, которое принадлежитъ Россіи по праву, ея исторіею разъясняемому. Историческія работы по своему вліянію громадны: въ минуты горя и унынія способны ободрить и поддержать надеждами, а въ минуты счастливыя даютъ мотивы восторгамъ. И по прошествіи многихъ тысячелѣтій—мы съ вами увѣрены въ живучести русскаго народа и въ его великой миссіи въ судьбахъ человѣчества—исторія разскажетъ о дѣяніяхъ Россіи. Она разскажетъ отдаленнымъ нашимъ потомкамъ и то, чѣмъ заняты мысли и сердца русскихъ людей въ настоящіе дни. Она раскроетъ и нарисуетъ картину страшнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ

великаго для Россіи дня 17-го октября 1888 г. Она повѣдаетъ о страшной, не поддающейся никакому описанію опасности, грозившей Россіи, начертитъ и моментъ прохода страшной бѣды, повѣдаетъ, какъ Провидѣніе спасло Россію, спасши ей ея Царя. Она разъяснитъ, какъ по волѣ Царя царствующихъ изъ страшныхъ обломковъ вышелъ Государь съ своею Августѣйшею семьею невредимымъ; какъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, благодарнымъ за чудесное избавленіе, провелъ вмѣстѣ съ Императрицею и Августѣйшими Своими Дѣтьми нѣсколько часовъ подъ ненастнымъ небомъ въ уходѣ за ранеными; какъ звалъ Онъ вечеромъ, не различая ни ранговъ, ни состоянія, всѣхъ русскихъ людей подкрѣпить ослабѣвшія отъ страшнаго дня силы въ общей съ Нимъ трапезѣ,—она съумѣетъ начертить симпатичный образъ настоящаго Царя Русскаго, какъ исполина русской земли. Исторія повѣдаетъ отдаленнымъ потомкамъ и о радости русскихъ людей о чудномъ спасеніи Государя, она повѣдаетъ, какъ всѣ русскіе, отъ мала и до велика, и престарѣлые, отходящіе уже слили свои старческіе голоса со свѣжими, могучими голосами русской молодежи въ одинъ общій радостный гулъ.

Если теперь на всей русской землѣ наступили дни праздника и веселья, то и на нашей улицѣ праздникъ: вѣдь радость этихъ дней чисто русская, исконная, историческая.

И. Е. Андреевскій.

Подвигъ рядоваго Озерова въ Башкадыкларскомъ сраженіи

19-го ноября 1853 г.

Съ 1854 года состоитъ подъ покровительствомъ комитета о раненыхъ отставной унтеръ-офицеръ Григорій Озеровъ, получающій высшую пенсію въ сто рублей изъ инвалиднаго капитала. Въ одно изъ засѣданій комитета большинство членовъ выразило свое удивленіе, что Озеровъ, не смотря на 24 раны, полученныя имъ 19-го ноября 1863 года въ Башкадыкларскомъ сраженіи, и по настоящее время находится въ добромъ здоровьи. Проникнутый и съ моей стороны немалымъ удивленіемъ къ Озерову, я взялъ на себя трудъ очертить его геройскій подвигъ, предварительно собравъ необходимыя о немъ свѣдѣнія.

Будучи участникомъ славнаго Башкадыкларскаго сраженія, я припоминаю, какъ Озеровъ, простреленный пулями, исколотый пиками и порубленный саблями, былъ принесенъ своими товарищами, нижегородскими драгунами, съ поля сраженія въ селеніе Огузлы, на перевязочный пунктъ. По обязанности дежурнаго штабъ-офицера, посѣщая Александропольскій госпиталь, я не разъ видѣлъ его облѣпленнымъ пластырями и забинтованнымъ съ головы до ногъ. Да и могло ли быть иначе? — Озеровъ получилъ десять сабельныхъ ударовъ въ голову и лѣвую ногу, проколотъ одиннадцатью ударами въ бока, шею и ноги, сверхъ того обѣ руки были прострѣлены, а на правой рукѣ четыре пальца были отрублены! Не смотря на такое страшно изуродованное состояніе, рядовой Озеровъ черезъ полгода оставилъ госпиталь и, будучи награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена св. Георгія, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, уволенъ въ отставку.

Сверхъ того, государь императоръ повелѣть соизволилъ уволенному отъ службы унтеръ-офицеру Озерову выдать въ единовременное пособіе 300 р. изъ государственнаго казначейства, отпускать пожизненно солдатскій паекъ и производить изъ инвалиднаго капитала

пенсію по 100 рублей въ годъ, въ награду за его геройскій подвигъ и стойкость противъ непріятеля.

Григорій Озеровъ въ 1847 году поступилъ на службу въ Нижегородскій драгунскій короля Виртембергскаго полкъ, изъ казенныхъ крестьянъ села Ладовской балки, Ставропольской губерніи. Съ 7-мъ эскадрономъ этого полка, въ 1851 и 1852 годахъ, онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, производившихся въ Чечнѣ и Сѣверномъ Дагестанѣ. Въ рядахъ этого же эскадрона Озеровъ совершилъ свой геройскій подвигъ 19-го ноября 1853 года на Башкадыкларскихъ высотахъ, запечатлѣнныхъ кровью, пролитою изъ 24 ранъ, полученныхъ имъ въ этомъ славномъ бою героевъ.

Но прежде чѣмъ очерчу этотъ подвигъ его, я предложу читателю прочесть если не всю мою статью «Русско-турецкая война на Кавказѣ въ 1853—1854 годахъ», то хотя башкадыкларское сраженіе, помѣщенную въ журналѣ «Русская Старина» за 1884 годъ. Въ этой статьѣ читателю представится въ общихъ чертахъ ходъ башкадыкларскаго сраженія. Здѣсь же я очерчу тѣ моменты этого славнаго боя, когда сдвинутые на нашъ лѣвый флангъ 4 баталіона эриванцевъ и грузинцевъ атаковали башкадыкларскія высоты, а генералъ Багговутъ понесся вихремъ на эти-же высоты лѣвѣе, съ двумя дивизіонами нижегородскихъ драгунъ, шестью сотнями линейныхъ казаковъ и дивизіономъ донской артиллеріи.

Отбросивъ однимъ ударомъ «сувари» или регулярную турецкую кавалерію, генералъ Багговутъ налетѣлъ съ драгунами и казаками на пѣхоту. И въ тѣ нѣсколько минутъ отчаянно-кров525аваго сопротивленія со стороны турокъ, когда наши герои врубились въ каре, простреленный въ обѣ руки рядовой Озеровъ, падая съ убитаго подъ нимъ коня, былъ исколотъ и порубленъ штыками, пиками и саблями.

Въ настоящее время 62-лѣтній Озеровъ, имѣющій взрослыхъ трехъ сыновей и столькихъ же дочерей, проживаетъ въ городѣ Ставрополѣ на Тагилѣ, протекающей въ крутыхъ берегахъ, покрытыхъ садами.

И какъ послѣ этого не дивиться, если не болѣе, крѣпости и силѣ организма Озерова! Желательно, если бы нашелся мѣстный врачъ, который, осмотрѣвъ Озерова, описалъ бы его организмъ и настоящее состояніе полученныхъ имъ ранъ. По моему убѣжденію, это было бы нелишнее и для науки.

М. Я. Ольшевскій.

Князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ

1856 г.

Въ интересной статьѣ о С. И. Зарудномъ, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» за февраль 1888 года, между прочимъ, сказано: «Въ 1856 году онъ получилъ приглашеніе отъ извѣстнаго въ то время дѣятеля по военной администраціи генералъ-адъютанта князя Васильчикова участвовать въ коммиссіи для раскрытія злоупотребленій по интендантству южной и крымской армій».

Князя Васильчикова, Виктора Илларіоновича, о которомъ идетъ рѣчь, я зналъ лично. Въ бытность свою въ 1877 г. въ имѣніи его, въ селѣ Трубетчинѣ, Тамбовской губерніи, я имѣлъ случай просматривать многотомное разслѣдованіе коммиссіи объ упомянутыхъ выше злоупотребленіяхъ и на вопросъ мой князю, почему онъ не издастъ этого въ высшей степени интереснаго труда, получилъ отвѣтъ, что «время еще не пришло».

Князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ десять уже почти лѣтъ какъ сошелъ въ могилу; въ свое, еще недавнее, время онъ былъ извѣстнымъ дѣятелемъ не только по военной администраціи, но и на другихъ поприщахъ его весьма разнообразной и плодотворной дѣятельности; онъ былъ дѣятелемъ виднымъ и заслуги его родной землѣ признаны были всѣми, а между тѣмъ въ печати о немъ и до сихъ поръ ничего почти нѣтъ.

При просвѣщенномъ содѣйствіи и вниманіи ред. «Русской Старины», многое, что было ранѣе подъ спудомъ, получило уже права гражданства; труды и заслуги многихъ, прежде мало извѣстныхъ обществу лицъ, воскресли, а жизнь ихъ сдѣлалась общимъ достояніемъ, и не одинъ памятникъ поставленъ надъ прахомъ дорогихъ родинѣ дѣятелей—почтенною «Русскою Стариною». Пока живы лица, лично знавшія князя В. И. Васильчикова, пока не утеряны пути

къ розысканію трудовъ составленной имъ коммиссіи и собственныхъ его записокъ о многомъ прошедшемъ передъ его глазами, пока есть еще возможность возстановить личность князя, его дѣятельность и сферу ея во всей полнотѣ, памятникъ такой долженъ быть воздвигнутъ и ему на страницахъ достойнаго, почтеннаго журнала. Содѣйствовать этому — всякій имѣющій свѣдѣнія о покойномъ долженъ считать своею обязанностью. Вотъ почему я и пишу эти строки.

Подтвердить документальными данными все, что мнѣ извѣстно о князѣ, я не могу, но думаю, что то, что князь считалъ несвоевременнымъ для печати въ 1877 году, теперь можетъ и должно появиться въ ней за немногими, быть можетъ, исключеніями.

Князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ скончался въ селѣ Трубетчинѣ 5-го октября 1878 г.; записки его поступили къ его брату кн. Александру Илларіоновичу, а за смертью его—къ племяннику кн. Виктора Илларіон.—князю Борису Александровичу, нынѣшнему старорусскому, Новгородской губ., предводителю дворянства.

Полагаю, что кн. Борисъ Александровичъ охотно предоставитъ для напечатанія въ «Русской Старинѣ» записки своего дяди и сообщитъ не мало свѣдѣній о дѣятельности его въ эпоху Крымской войны и по званію исправл. должн. военнаго министра. Быть можетъ, передастъ для напечатанія и труды коммиссіи.

Мнѣ извѣстно также, что у Александра Ѳедоровича Эвальда (родной братъ педагога Ѳедора Ѳедоровича), который хорошо зналъ князя Викт. Иллар., накопилось много весьма интереснаго матеріала о дѣятельности замѣчательной личности Виктора Илларіоновича Васильчикова.

М. Е. Саранчовъ.

От ъ редакціи. Помѣщая это письмо, мы присоединяемъ свою покорнѣйшую просьбу къ поименованнымъ въ немъ лицамъ—сообщить на страницахъ „Русской Старины“ имѣющіеся у нихъ матеріалы къ освѣщенію одного изъ благороднѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, какимъ былъ, славной памяти, князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ.

Ред.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ

1788—† 1844—1888.

Въ дополненіе къ напечатанному въ „Русск. Стар." изд. 1888 г. (т. LVIII, стр. 125—142) историко-біографическому очерку о Д. М. Княжевичѣ и его заслугахъ на дѣло просвѣщенія вообще и водворенія дѣла изученія археологіи и исторіи въ южной Россіи, помѣщаемъ здѣсь рѣчь, сказанную послѣ заупокойной литургіи и панихиды по бывшемъ попечителѣ одесскаго учебнаго округа, Д. М. Княжевичѣ (родившемся 25-го апрѣля 1788-го года и скончавшемся 1-го октября 1844-го года). Рѣчь эта сказана заслуженнымъ профессоромъ протоіереемъ М. Павловскимъ въ церкви императорскаго новороссійскаго университета 2-го мая 1888 г. Ред.

„Утѣшительна молитва объ усопшихъ: это самая живая и умиляющая душу человѣческую память объ умершихъ, это—даръ не человѣческой только, а и христіанской любви къ нимъ, это умилостивляющее слово живыхъ объ умершихъ къ тому Богу, у Котораго всѣ живы, Который нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ, Которому одинаково принадлежатъ умершіе, какъ и живые, по слову апостола: аще живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ: Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы. Еще утѣшительнѣе молитва о такихъ умершихъ, которые жили съ видимою пользою для ближнихъ и для того дѣла, къ которому были призываемы Провидѣніемъ и которые оставили послѣ себя въ душахъ всѣхъ, знавшихъ ихъ, неизгладимый образъ ума, благости, любви и снисхожденія къ другимъ. Таковъ былъ усопшій, о которомъ молимся мы нынѣ. О, какъ желало бы мое сердце, глубоко чтущее память его, какъ моего начальника и руководителя въ самые первые годы служенія моего, и любящее, и молящееся о немъ, какъ о духовномъ сынѣ своемъ,—какъ бы желало оно начертать передъ вами чарующій образъ его такимъ, какимъ сохранился онъ во мнѣ, не смотря почти на полъ-вѣка, протекшіе съ того времени, когда я въ послѣдній разъ благословлялъ его въ путь, оказавшійся, увы! путемъ, ведшимъ его ко гробу!.. Но не образъ только его, какъ человѣка и семьянина, а вся его семилѣтняя дѣятельность и какъ

попечителя одесскаго учебнаго округа, и какъ основателя и перваго президента одесскаго общества исторіи и древностей, недавно изображены въ одномъ историческомъ изданіи [1]) такъ полно и притомъ съ такою точностью и задушевною теплотою, что, очевидный свидѣтель если не всей, то большей части неистощимой дѣятельности покойнаго Димитрія Максимовича, я недоумѣваю: что можно было бы еще сказать о немъ такого, о чемъ бы не сказалъ „Очеркъ"?—Недоумѣваетъ старческая память, въ обветшавшихъ хранилищахъ своихъ отыскивающая еще новыхъ чертъ дорогаго усопшаго. а сердце, отъ избытка лучшихъ чувствъ своихъ къ нему, проситъ хотя краткаго слова о немъ. И вотъ оно—краткое, но сердечное слово мое.

„Если бы покойный Димитрій Максимовичъ Княжевичъ явился въ первый разъ въ бывшій нашъ Ришельевскій лицей и безъ того высоко-нравственнаго наименованія своей должности, съ какимъ въ то время начали являться главные начальники учебныхъ округовъ, то и тогда имя „попечителя" было бы усвоено ему всѣми, кто имѣлъ утѣшеніе слышать его первое слово, обращенное къ учащимъ и учащимся. О, какое это было высоконравственное, художественное и полное отеческой любви къ юношеству слово! 50 лѣтъ изгладили изъ старческой памяти моей многія выраженія рѣчи, но смыслъ ея—обѣтъ всего себя посвятить службѣ, и его требованіе такого-жъ отношенія къ своимъ обязанностямъ отъ всѣхъ, кому онъ будетъ служить (это выраженіе памятно мнѣ), живъ въ моей душѣ и нынѣ, и вызвалъ изъ сердецъ многихъ, слышавшихъ рѣчь, слова: это „попечитель".

„И онъ былъ попечителемъ — истиннымъ попечителемъ во всѣ 7 лѣтъ служенія своего и во всѣхъ случаяхъ, требовавшихъ его вниманія и участія. Если справедливо народное слово, что въ бѣдствіяхъ вполнѣ познается истинная преданность, то новому попечителю Провидѣніе указало, можно сказать, страшный случай начать попечительское служеніе свое такимъ опытомъ самоотверженія, какому рѣдко кто подвергался и, дай Богъ, чтобъ не подвергался никто. Почти одновременно съ прибытіемъ Димитрія Максимовича въ Одессу на службу, Одессу постигло великое бѣдствіе—чума, бѣдствіе, тѣмъ въ бо́льшій ужасъ приведшее всѣхъ жителей, что первыя жертвы ея были въ самомъ центрѣ города. Вамъ извѣстно изъ „Очерка", чѣмъ въ это злополучное для Одессы время былъ для Ришельевскаго лицея и его многочисленныхъ питомцевъ Димитрій Максимовичъ: онъ заключаетъ себя въ зданіи лицея на всю, почти четырехмѣсячную, тяжкую годину бѣдствія, и личными мѣрами и распоряженіями охраняетъ многочисленную семью дѣтей отъ губительной заразы, а своимъ присутствіемъ посреди нихъ, установленіемъ для нихъ занятій, участіемъ своимъ въ ихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ и въ совершавшихся въ лицейской церкви богослуженіяхъ спасаетъ отъ страха и унынія, успокоивая, вмѣстѣ съ симъ, отцевъ и матерей, трепетавшихъ за жизнь дѣтей своихъ.

„Начавши такимъ подвигомъ самоотверженія попечительное служеніе свое, чего не могъ совершать Димитрій Максимовичъ для ввѣреннаго ему учебнаго округа? И онъ если не успѣлъ всего задуманнаго имъ совершить, то, по крайней мѣрѣ, успѣлъ сдѣлать столько полезныхъ начинаній и для одесскаго учебнаго округа, и для общества исторіи и древностей, что потребовались многіе годы для осуществленія всего проектированнаго имъ.

---

[1]) «Русская Старина», апрѣль 1888-го года.

„Много заботъ, много скорбей было на сердцѣ его, но главною заботою Димитрія Максимовича, поглощавшею и время, и силы его, было преобразованіе Ришельевскаго лицея въ университетъ, но для этого, какъ умный и опытный зодчій, онъ исподволь, постепенно подготовляетъ матеріалы, годные для будущаго, болѣе обширнаго зданія: онъ прежде всего преобразуетъ, по новому уставу, лицей, расширяетъ и такимъ образомъ приближаетъ его къ университету, и тогда уже, пріобрѣтя новое мѣсто для сооруженія зданій лицея (это мѣсто, на которомъ мы теперь молимся) съ планами преобразованія лицея въ университетъ, уже тяжко больной, спѣшитъ въ столицу, но на пути, при уединенномъ сельскомъ храмѣ во имя тезоименитаго ему Св. Димитрія, на-вѣки почилъ сномъ такого-жъ истиннаго христіанина, какимъ былъ во всю свою жизнь.

Оплаканному всѣми, служившими подъ его начальственнымъ руководительствомъ, оплакиваемому и нынѣ сиротѣющею семьею [1]), утратившей въ усопшемъ лучшія блага жизни своей, Димитрію Максимовичу Княжевичу теперь, когда исполнилась столѣтняя годовщина со дня рожденія его, церковь императорскаго новороссійскаго университета отъ всего сердца возглашаетъ: вѣчную память. Аминь".

Протоіерей Михаилъ Павловскій.

---

[1]) Дочери покойнаго учредили, въ настоящее время, двѣ стипендіи имени отца своего, въ новороссійскомъ университетѣ.

Карлъ XII о полтавскомъ погромѣ 1709 г. [1]).

Въ шведскомъ государственномъ архивѣ найденъ недавно весьма любопытный документъ — черновой подлинникъ перваго оффиціальнаго извѣщенія о полтавской битвѣ, присланнаго засѣдавшему въ Стокгольмѣ правительственному совѣту: это—письмо короля въ «коммиссію обороны», въ двухъ редакціяхъ, съ собственноручными его поправками и дополненіями. На первоначальной рукописи отмѣчено, что оно, въ тотъ же день, когда было читано въ совѣтѣ, именно 7-го сентября 1709 года, разослано было ко всѣмъ губернаторамъ въ Швеціи, а 11-го числа того же мѣсяца—къ губернаторамъ въ Финляндіи и, такимъ образомъ, только черезъ два слишкомъ мѣсяца послѣ битвы шведскія власти получили изъ главной королевской квартиры извѣстіе объ этомъ событіи, о которомъ до того ходили въ народѣ только смутные, неопредѣленные слухи. Изъ этого документа видно, какъ самъ Карлъ XII смотрѣлъ на новое положеніе дѣлъ и какое понятіе хотѣлъ дать о немъ своимъ соотечественникамъ.

Предлагая засимъ текстъ окончательной редакціи письма, съ означеніемъ въ кавычкахъ собственноручныхъ поправокъ и добавленій короля, мы помѣщаемъ подъ строкою исключенныя имъ изъ первоначальной редакціи выраженія.

Довольно долго уже мы изъ Швеціи не получали никакихъ извѣстій, да и не имѣли случая посылать писемъ отсюда. Между тѣмъ дѣла шли здѣсь хорошо и все обстояло благополучно [2]), «такъ

---

[1]) Изъ 3-го выпуска шведскаго историческаго журнала (Svensk Tidskrift) за 1888 г.

[2]) До 28-го прошлаго мѣсяца, когда мы при городѣ Полтавѣ въ Украйнѣ приняли сраженіе съ русскою арміей и въ началѣ прогнали непріятеля изъ возведенныхъ имъ шанцевъ и укрѣпленій, но послѣ, когда возобновилось побоище (при чемъ мы сами, вслѣдствіе полученной за нѣсколько дней

«что можно было ожидать въ скоромъ времени такого превосходства «надъ непріятелемъ, что онъ вынужденъ будетъ согласиться на всѣ «наши требованія. Но случилось, что 28-го прошлаго мѣсяца, по «несчастной случайности, шведское войско потерпѣло уронъ въ сра«женіи, что̀ произошло вовсе не отъ храбрости или перевѣса числен«ности непріятеля, ибо онъ сначала былъ повсюду обращенъ въ бѣг«ство, но самая мѣстность и положеніе были такъ благопріятны для «непріятеля и такъ укрѣплены, что шведы чрезъ то понесли ущербъ, «хотя они, въ пылу отваги, не смотря на выгодныя для непріятеля «условія, вездѣ атаковали и преслѣдовали его, что̀ и привело къ «тому, что большинство пѣхоты погибло и самая конница потерпѣла «большой уронъ. Потеря весьма велика, но принимаются мѣры къ «тому, чтобы вслѣдствіе этого непріятель не получилъ перевѣса и «не пріобрѣлъ самомалѣйшей выгоды». Однако, въ высшей степени необходимо, чтобы военная сила была возстановлена и приведена въ состояніе отражать вредные замыслы и нападенія непріятеля. Посему объявляемъ вамъ нашу милостивую волю и повелѣніе, дабы вы со всею тщательностію и елико возможно скорѣе приказали «набрать» (recrutera) «дома (т. е. въ Швеціи) совершенно новые земскіе полки» пѣхоты [1]) взамѣнъ бывшихъ здѣсь въ походѣ, озаботясь снабженіемъ ихъ одеждою, оружіемъ, знаменами, музыкою, палатками и всѣми нужными принадлежностями, какія были у прежнихъ. Кавалерія также много пострадала, но такъ какъ нельзя въ точности знать количества убыли, то «желательно было бы, чтобъ всѣ мыз«ники, обязанные содержать коннаго солдата, изготовились къ новой «поставкѣ рекрутъ, особенно для остготской кавалеріи, которая должна «быть совершенно вновь набрана» [2]). Равнымъ образомъ вы имѣете сдѣ-

передъ тѣмъ огнестрѣльной раны въ ногу, не могли сидѣть на лошади и дѣлать нужныя распоряженія), то по волѣ судьбы и по несчастной случайности наши войска потерпѣли уронъ и особенно большая часть пѣхоты была изрублена.

[Всего, что за симъ помѣщено въ кавычкахъ въ редакціи короля, не было въ первоначальномъ проектѣ, который отсюда прямо переходитъ къ словамъ: „Однако высшей степени необходимо“ и т. д.].

[1]) Образовать новые пѣхотные полки какъ гвардіи, такъ и остальной инфантеріи.

[2]) То взамѣнъ каждаго изъ находящихся здѣсь конныхъ полковъ вы истребуете запасное войско на случай послѣдующей надобности, назначивъ изъ остающихся дома кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ нѣкоторое число офицеровъ, которые примутъ на себя заботу сформировать и обучить новые пѣхотные полки и замѣстительную кавалерію, такъ какъ нельзя назначить новыхъ офицеровъ, пока не получится точное свѣдѣніе, которые изъ прежнихъ офицеровъ еще остаются въ живыхъ. Я. Г.

лать распоряженіе, чтобы всѣ еще остающіеся дома полки, какъ конные, такъ и пѣшіе [1]), «были готовы по первому востребованію «отправиться въ походъ, дабы, если встрѣтится надобность, послать «тотъ или другой полкъ на мѣсто тѣхъ, которые теперь вновь наби«раются, то они были бы наготовѣ. Весьма важно теперь не падать «духомъ и не предаваться малодушному бездѣйствію, а напрягать «всѣ силы, чтобы поправить дѣло, дабы вскорѣ привести все къ «желаемому концу. И предполагаютъ, что, не смотря на понесенный «уронъ, можно будетъ въ скоромъ времени такъ стѣснить непріятеля, «что онъ вынужденъ будетъ исполнить всѣ требованія. Необходимо также «по возможности принять мѣры къ набору гвардіи и изыскать средства «къ отправленію ея, на что потребуется значительное число людей и, «кажется, можно на это получить часть селитроваровъ. Нѣкоторое «число офицеровъ съ немногими рядовыми гвардіи уцѣлѣли вмѣстѣ «съ нѣкоторою частью пѣхоты, а попавшихъ въ плѣнъ къ непріятелю «мы надѣемся вымѣнять. Между тѣмъ русскіе плѣнные должны быть «содержимы въ Швеціи строго и не пользоваться никакою свобо«дою, пока не окажется возможнымъ обмѣнять ихъ. Особенно знат«нымъ русскимъ, находящимся въ плѣну, не слѣдуетъ давать ни ма«лѣйшей воли, не допускать къ нимъ никого, будь то шведъ или «кто-либо другой; не позволять имъ вести какую бы ни было пере«писку, а, напротивъ, содержать ихъ въ строжайшемъ заключеніи «до тѣхъ поръ, пока можно будетъ отсюда войти съ непріятелемъ «въ какое-либо соглашеніе о размѣнѣ».

Сообщ. Я. К. Гротъ.

---

[1]) ....Были готовы явиться къ намъ на театръ войны, когда мы впослѣдствіи ихъ потребуемъ. Лагерь при Оссовѣ (т. е. Очаковѣ) на берегу Чернаго моря, 11-го іюля 1709 года. Я. Г.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкаскій

1877 г.

Въ іюльской книгѣ «Русской Старины» 1888 года въ статьѣ «Князь В. А. Черкаскій, какъ устроитель Болгаріи», бывшій помощникъ его Д Г. Анучинъ, по поводу характеристики, сдѣланной княземъ В. Д. Дабижою о кн. Черкаскомъ, такъ начинаетъ свое опроверженіе:

«Всѣ эти заявленія имѣютъ чисто анекдотическій характеръ, но тѣмъ не менѣе, при помощи моего дневника, я имѣю полную возможность безусловно опровергнуть ихъ (кромѣ сцены съ Берономъ), основываясь при этомъ на дѣйствительныхъ фактахъ.

«О 250,000 русскихъ штыковъ князь Черкаскій сказалъ не въ Кишиневѣ, а въ Плоешти безъ той трагикомической обстановки, о которой говоритъ кн. Дабижа, и вовсе не въ отвѣтъ на предложеніе одесскаго болгарскаго настоятельства».

Такъ какъ приводимый княземъ В. Д. Дабижею случай былъ со мною, то я считаю своею обязанностію удостовѣрить, что все сказанное имъ по поводу воззванія о 250,000 штыкахъ есть сущая правда. Это было въ Кишиневѣ въ 1877 году 5 мая, на каковое число я, по званію члена одесскаго болгарскаго настоятельства, былъ туда приглашенъ кн. Черкаскимъ для совѣщанія, раньше случая въ Плоешти съ манифестомъ «болгарской омладины». Этотъ-то именно манифестъ, извѣстный намъ (т. е. настоятельству) до предъявленія кн. Черкаскому, крайне возмутившій насъ, и былъ одною изъ причинъ нашего воззванія. Это была не игра въ политику, а доброе намѣреніе искренно преданныхъ Россіи людей предостеречь болгаръ отъ смуты, вселяемой фракціею фантазеровъ при самомъ началѣ освобожденія народа.

Этотъ случай не могъ быть записанъ въ дневникѣ А. Г. Анучина, такъ какъ при двукратныхъ моихъ объясненіяхъ съ кн. Черкаскимъ онъ не присутствовалъ. Я только представился кн. Черкаскому при его любезномъ посредствѣ.

Для сравненія прилагаю переводъ нашего воззванія, о коемъ шла рѣчь.

Н. Х. Палаузовъ.

20 іюля 1888 г.
Одесса.

[Переводъ съ болгарскаго]. Нашимъ любезнымъ соотечественникамъ въ Болгаріи.

«Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ» (Луки, гл. I, 68).

Братья болгаре! Уже пять столѣтій нашъ народъ влачитъ тяжкое турецкое иго. Не разъ онъ возставалъ на защиту своихъ человѣческихъ правъ и всякій разъ дорогою цѣною искупалъ каждую такую попытку. Точно также и въ прошломъ году, выведенный изъ терпѣнія неслыханными злоупотребленіями турецкихъ властей, онъ, съ оружіемъ въ рукахъ, рѣшился открыто заявить образованному міру, что чаша терпѣнія его переполнилась.

Но азіатскія полчища потопили этотъ справедливый протестъ въ крови нашихъ соотечественниковъ, разразившись неслыханными жестокостями и насиліями, которыя потрясли все просвѣщенное человѣчество. Матерей, женъ и дѣтей вашихъ безчестили, плѣнили и, наругавшись надъ ними, убивали; ихъ трупами наполнены лѣса, долины и поля; села ваши сожжены, имущество ваше разграблено; церкви осквернены и Святыя Тайны поруганы; лучшіе наши люди позорно казнены на висѣлицахъ, другіе обречены томиться въ тюрьмахъ, изгнанные же принуждены скитаться вдали отъ роднаго очага. Ваши вопли и стенанія, ваши страданія тронули весь міръ и вся Европа озаботилась вашимъ положеніемъ. Но дипломатія не имѣла никакого успѣха: турецкое правительство отвергло всѣ справедливыя требованія представителей великихъ европейскихъ державъ, не соглашаясь сдѣлать вамъ ни малѣйшаго облегченія, и мы потеряли бы всякую надежду на лучшее будущее, если бы не вѣрили, что око Господне бдитъ надъ нами, если бы не знали, что невдалекѣ отъ насъ живетъ великій русскій народъ, родственный намъ по крови и по вѣрѣ и тронутый несчастіемъ своихъ братьевъ, если бы не знали, что народомъ этимъ правитъ Царь-Освободитель.

Братья! Этотъ великій народъ не разъ доказывалъ свое сочувствіе страданіямъ христіанъ Балканскаго полуострова; не разъ его Вѣнценосцы обращались съ энергическими предложеніями къ турецкому правительству объ облегченіи нашего положенія; не разъ онъ приносилъ жертвы для освобожденія своихъ братьевъ: его кровью куплена свобода грековъ, румынъ и сербовъ. Наконецъ, нынѣ Державный Вождь этого великаго народа, Августѣйшій императоръ Александръ II, Царь-Освободитель, тронутый вашими тяжкими страданіями, соизволилъ повелѣть своимъ войскамъ взяться за оружіе для выполненія его святой миссіи — освобожденія христіанъ. Движимый безмѣрною любовью къ намъ, онъ поставилъ во главѣ своихъ побѣдоносныхъ войскъ августѣйшаго брата своего великаго князя Николая Николаевича, который нынѣ вступаетъ въ наше отечество не для завладѣнія имъ, а, какъ гласитъ высочайшій манифестъ,—для освобожденія. Какая безмѣрная забота! Какая христіанская любовь! Не та ли это самая любовь, о которой говоритъ

Спаситель: «больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Іоанна, гл. V, стр. 13).

Возлюбленные братья! Настала уже минута нашего освобожденія: на нашу землю ступили наши защитники — русскіе со святою своею миссіею. Протянемъ же имъ слабыя свои руки, какъ своимъ избавителямъ; докажемъ на дѣлѣ нашу преданность привѣтливостью и гостепріимствомъ, которыми отличались наши прадѣды; дадимъ убѣжище въ своихъ бѣдныхъ хижинахъ своимъ освободителямъ; предложимъ имъ все, чѣмъ мы богаты, для тѣлеснаго ихъ подкрѣпленія; облегчимъ имъ трудные переходы въ нашей странѣ и перевозку военныхъ тяжестей, помня, что за все мы щедро вознаграждены.

Весьма вѣроятно, что и въ настоящемъ случаѣ между вами найдутся низкіе люди, обольщенные и подкупленные нашими врагами, которые предъ вами будутъ всячески клеветать на нашихъ освободителей, приписывая имъ корыстныя цѣли. Но все это одинъ обманъ. Поэтому остерегайтесь такихъ суетныхъ внушеній и всегда помните слова Христа Спасителя, который предостерегаетъ «отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы» (Мѳ., гл. VII, стр. 15).

Братья! Стыдно будетъ передъ людьми и грѣшно предъ Богомъ, если и въ настоящемъ благопріятномъ для насъ случаѣ мы будемъ сидѣть сложа руки и хладнокровно смотрѣть, какъ другіе проливаютъ свою кровь за нашу свободу. Настало для насъ время ополчиться съ оружіемъ въ рукахъ подъ знаменемъ нашихъ заступниковъ и показать всему свѣту, что мы достойны свободы и человѣческихъ правъ.

Впередъ, братья! Святъ подвигъ нашихъ освободителей: это борьба противъ «міродержителей тьмы вѣка сего». Итакъ, «укрѣпитеся руцѣ ослабленныя и колѣна разслабленная; утѣшитеся малодушніи умомъ, укрѣпитеся, не бойтеся; се Богъ нашъ судъ воздастъ и спасетъ насъ».

Сообщ. **Н. Х. Палаузовъ.**

Къ стихотвореніямъ Н. П. Огарева.

Одно изъ стихотвореній этого талантливаго поэта, именно по поводу кончины его отца (7 ноября 1838 г.), почти одновременно съ появленіемъ его въ „Русской Старинѣ“ (см. выше, стр. 610), явилось въ „Русской Мысли“ (кн. X, изд. 1888 г., стр. 7—8). Разница лишь въ одномъ стихѣ: въ „Русской Мысли“:

Тому, кто мыслилъ, когда жилъ,

въ „Русской Старинѣ“:

Тому, кто силенъ мыслью жилъ.

Въ нашемъ изданіи это стихотвореніе, какъ и другія, буквально точно напечатано съ оригинала поэта. Ред.

Николай Васильевичъ Гоголь.

Сборъ пожертвованій на сооруженіе ему въ Москвѣ памятника.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе общества любителей россійской словесности дѣйствительнымъ членомъ общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему — Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные, по общему требованію, листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено обществомъ ходатайствовать, чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество, 1-го августа 1880 года, всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить обществу любителей россійской словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ первому сентября 1888 года къ казначею общества поступило пожертвованій—28,647 рублей 21 копѣйка.

Пожертвованія принимаются, между прочими многими учрежденіями, поименованными въ объявленіяхъ общества любителей россійской словесности и въ редакціи журнала «Русская Старина».

Поступившія въ редакцію суммы будутъ своевременно высылаться въ Москву казначею общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ названнымъ обществомъ ежемѣсячно печатаются отчеты.

Примѣчаніе. Приглашеніе это получено нами при циркулярномъ письмѣ отъ г. предсѣдателя общества любителей россійской словесности, профессора Н. С. Тихонравова, и скрѣплено секретаремъ общества А. Пругавинымъ.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяемъ свой голосъ къ этому приглашенію, на которое, конечно, откликнутся многіе почитатели геніальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя; имѣющія поступить пожертвованія мы немедленно будемъ пересылать въ Москву, въ помянутое выше общество, къ г. казначею. Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1888 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Закончивъ девятнадцатый годъ нашего изданія „Русской Старины“, представляемъ обычное ежегодное обозрѣніе двѣнадцати книгъ истекшаго года.

Все содержаніе ихъ разбивалось, какъ то было и прежде, на шесть отдѣловъ: I. Записки или мемуары,—II. Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки,—III. Матеріалы историческіе, какъ-то: акты, рескрипты, письма, замѣтки и пр.—IV. Исторія русской литературы,—V. Исторія искусствъ и художествъ,—VI. Библіографическій листокъ.

Взглянемъ на то, что дали мы по всѣмъ этимъ отдѣламъ въ „Русской Старинѣ“ 1888 года, и отмѣтимъ, въ возможно сжатыхъ замѣткахъ, главнѣйшее изъ сообщеннаго нами въ прожитомъ девятнадцатомъ году этого изданія.

I.

Въ обозрѣваемомъ году мы продолжали записки адмирала и перваго по времени морскаго министра Павла Васильевича Чичагова. При этомъ мы напечатали длинный рядъ главъ этихъ записокъ, до четырнадцатой включительно. Въ этихъ главахъ главнѣйшій интересъ сосредоточенъ на весьма подробномъ разсказѣ - обзорѣ всѣхъ мѣропріятій и событій, относящихся до русско-шведской войны на Балтійскомъ морѣ въ 1788 и 1789 гг. Разсказъ адмирала П. Чичагова довольно тяжелъ, но въ то-же

время отличается замѣчательною обстоятельностью, внимательнымъ изученіемъ всѣхъ подробностей, изложенныхъ какъ по оффиціальнымъ документамъ, такъ и по семейному архиву Чичаговыхъ, наконецъ, драгоцѣненъ по характеристикамъ лицъ, которыя стояли тогда, преимущественно, у морскаго и военнаго дѣла въ правительствѣ Екатерины II. Самая личность Екатерины обрисовывается весьма ярко и вызываетъ чувство высокаго къ ней удивленія; положеніе государыни было чрезвычайно критическое: на югѣ Россіи шла громадная и дорого стоившая для нашего отечества борьба съ Оттоманскою Портою, силы нашего государства были напряжены до чрезвычайности, а между тѣмъ на сѣверо-западѣ, почти у воротъ Петербурга и съ совершенно ничтожными средствами какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, довелось бороться съ взбалмошнымъ и сумасброднымъ шведскимъ королемъ, вѣроломно напавшимъ на Россію почти нежданно-негаданно. И между тѣмъ, какъ спокойно, съ какимъ достоинствомъ, съ какимъ самообладаніемъ и сознаніемъ своего превосходства ведетъ дѣло державная хозяйка Россіи; какъ умѣетъ она, между прочимъ, въ адмиралѣ Василіѣ Яковлевичѣ Чичаговѣ, съ обычною ей прозорливостью, отличить достойнаго для себя сподвижника въ столь внезапно представившейся борьбѣ съ Густавомъ III. Интересна картина, какую рисуетъ авторъ записокъ, говоря о нашихъ морскихъ силахъ того времени, о нашихъ портахъ, личномъ составѣ флота и прочемъ, до сего предмета относящемся. Мы замѣтили, что изложеніе записокъ П. В. Чичагова нѣсколько тяжело, что происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, какъ мы уже это и указывали въ предыдущихъ нашихъ обзорахъ, что издатель этихъ записокъ вставляетъ въ текстъ оныхъ нѣкоторые сырые документы, извлеченные изъ архивовъ. Документы эти, однако, не безполезны. Чѣмъ дальше, впрочемъ, разсказъ будетъ подвигаться къ той эпохѣ, когда выступаетъ на сцену самъ составитель записокъ, сынъ Василія Яковлевича, Павелъ Васильевичъ, тѣмъ онѣ будутъ дѣлаться все болѣе и болѣе интересными. Кстати замѣтимъ: въ обозрѣваемомъ году мы напечатали Чичагова въ пяти книгахъ „Русской Старины“ подъ-рядъ; были-ли, однако, благодарны наши читатели, если бы мы, слѣдуя совѣтамъ нѣкоторыхъ лицъ, укорявшихъ насъ въ томъ, что мы не печатаемъ продолженія однихъ и тѣхъ-же мемуаровъ изъ книги

въ книгу, преподнесли бы имъ во всѣхъ двѣнадцати книгахъ разсказъ Чичагова? Имѣли-ли бы мы право сказать, что все, весьма значительное, число нашихъ читателей заинтересовано длиннымъ и мѣстами утомительнымъ по своимъ подробностямъ изложеніемъ записокъ Чичагова? Очевидно, что на этотъ вопросъ мы-бы получили отвѣтъ вполнѣ отрицательный. Вотъ почему и на будущее время будемъ держаться того-же правила, каковаго держимся девятнадцать лѣтъ, а именно, что нѣкоторыя записки (мемуары), по различнымъ соображеніямъ, будемъ помѣщать въ нашемъ изданіи—перемежая другими записками, а ихъ въ нашемъ архивѣ остается доселѣ неизданными многіе десятки. Правда, что перемежка таковая будетъ иногда настолько значительна, что мы въ теченіе довольно долгаго времени не въ состояніи продолжать записокъ, прежде начатыхъ, такъ, наприм., въ обозрѣваемомъ году намъ не удалось возвратиться къ запискамъ Александра Михайловича Тургенева, съ яркими очерками котораго царствованія императора Павла читатели „Русской Старины" 1886—1887 гг. уже познакомились; мы непремѣнно возвратимся въ 1889 году и представимъ изъ нихъ еще нѣсколько главъ. За то бывшій профессоръ петербургской духовной академіи, покойный Дмитрій Ивановичъ Ростиславовъ, имя котораго пользуется громадною извѣстностью изъ края въ край всей Россіи—въ средѣ какъ бѣлаго, такъ и черного православнаго духовенства и вообще въ средѣ всѣхъ, кто интересуется вопросами о положеніи, настоящемъ и будущемъ, нашего духовенства, явился и въ 1888 году на страницахъ „Русской Старины" въ нѣсколькихъ главахъ изъ своихъ громоздкихъ и многіе уже годы тянущихся въ этомъ изданіи его записокъ. Одна изъ этихъ главъ, въ которой авторъ толкуетъ о нравственности духовенства, конечно, стараго времени, почему-то затерялась, будучи уже отпечатанною, и не дошла до читателей „Русской Старины", подобно тому, какъ то было однажды, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, съ однимъ изъ извѣстныхъ „Писемъ къ тетушкѣ" геніальнаго нашего сатирика М. Е. Салтыкова (Щедрина) въ журналѣ „Отечественныя Записки". Почему это случилось съ Ростиславовымъ—мы недоумѣваемъ, такъ какъ трактовалъ онъ въ упомянутой главѣ лишь объ исключительныхъ случаяхъ въ нашемъ духовенствѣ, да притомъ о времени, отдаленномъ отъ насъ

болѣе, чѣмъ на полъ-вѣка. Надѣемся, однако, что въ будущемъ, не столь отдаленномъ, и эта глава (двадцать пятая) сохранится на страницахъ „Русской Старины".

Если записки Чичагова и Ростиславова не блещутъ ни живостью разсказа, ни общимъ для всей массы читателей интересомъ, ни тѣмъ болѣе драматичностью положенія выводимыхъ въ нихъ лицъ, за то записки Прасковьи Егоровны Анненковой, рожденной француженки Гебль, прочитаны были въ «Русской Старинѣ» 1888 года какъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ романовъ.

Дочь французскаго воина эпохи императора Наполеона I, юная дѣвушка, заброшенная судьбой на холодный сѣверъ, она дѣлается героиней романа съ трагическою завязкою и съ развязкою въ Восточной Сибири въ стѣнахъ острога, гдѣ заточены были декабристы. Искренность повѣствованія, чувство безпредѣльной любви, одушевлявшей разсказчицу къ ея герою, выходящее изъ ряду мужество и настойчивость молоденькой и хорошенькой иностранки къ преодолѣнію множества препятствій, лежавшихъ на пути соединенія ея съ женихомъ, томившимся въ оковахъ, въ заточеніи въ Читѣ, гдѣ онъ былъ уже наканунѣ сумасшествія, и множество самыхъ разнообразныхъ происшествій, встрѣчъ и характеристикъ лицъ и общества того времени, — все это не могло не заинтересовать живѣйшимъ образомъ нашихъ читателей; въ Прасковьѣ Егоровнѣ Анненковой они узрѣли живой образъ хорошихъ женъ и матерей эпохи декабристовъ, которыя такъ высоко подняли достоинство русской женщины въ то суровое время. Напечатавъ посмертныя записки героини-женщины, мы вмѣстѣ съ читателями нашими пожалѣли только объ одномъ, что ея разсказъ не охватываетъ всей многолѣтней жизни П. Е. Анненковой, ея мужа и его товарищей по заточенію и ссылкѣ въ Сибири....

Намъ въ этомъ году вполнѣ однако посчастливилось: почти вслѣдъ за разсказами П. Е. Анненковой, мы имѣли возможность представить, въ пяти книгахъ „Русской Старины", посмертныя же записки Александра Васильевича Никитенко, подъ весьма характернымъ и вполнѣ точнымъ названіемъ: „Повѣсть о самомъ себѣ". Повѣсть эту можно разсказать въ нѣсколькихъ строкахъ:

сынъ русскаго крестьянина, родившійся подъ ярмомъ крѣпостнаго ига, имѣетъ умнаго, энергическаго, замѣчательно честнаго отца и горячо любящую, какъ своего мужа, такъ и дѣтей, мать. Въ подростающемъ мальчикѣ загорается искра божія—горячее желаніе учиться и быть свободнымъ для того, чтобы стать гражданиномъ просвѣщеннымъ и слугою своего отечества, и вотъ онъ бьется, учится, учитъ, теряетъ отца, поддерживаетъ старую мать, братьевъ, сестеръ и выбивается на дорогу—получаетъ свободу! На порогѣ этой свободы, на порогѣ вступленія въ жизнь равноправнаго сына земли русской, у входа въ университетъ, чрезъ который распахнулись предъ нимъ двери къ прочному и высокочтимому положенію педагога, профессора, писателя, журналиста, академика и всегда честнаго гражданина дорогаго отечества, мы оставляемъ А. В. Никитенко въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ въ послѣдней главѣ его „Повѣсти о самомъ себѣ“.

Сюжетъ не великъ, но что за прелесть разсказа! Что за несравненный языкъ! Какая длинная галлерея вполнѣ живыхъ лицъ, тонко, съ необыкновеннымъ дарованіемъ, охарактеризованы въ высокой степени мастерски талантливымъ авторомъ! Не знаемъ, всѣ ли наши читатели съ такимъ наслажденіемъ прочли эти записки, какъ прочли мы ихъ сами, но мы убѣждены, что положительно всѣ, кто только ознакомился съ посмертнымъ сказаніемъ А. В. Никитенко, отдали дань ихъ вполнѣ художественному изложенію. Мы убѣждены, что отрывки изъ этой „Повѣсти о самомъ себѣ“ явятся съ теченіемъ времени въ сборникахъ для юношества, въ христоматіяхъ, будутъ приводиться какъ отличные образчики вполнѣ мастерскаго овладѣнія со стороны сочинителя всею прелестью русскаго языка въ этомъ родѣ прелестныхъ очерковъ того времени и той среды, въ которой взросъ этотъ крѣпостной мальчикъ, впослѣдствіи столь извѣстный въ Спб. и уважаемый профессоръ и академикъ.

Петербургское общество, разумѣя въ немъ лицъ, интересующихся литературою, наукою, университетомъ, помнитъ хорошо Александра Васильевича Никитенко; онъ привлекалъ всѣхъ къ себѣ своею отзывчивостью на все, что было связано съ нашимъ прогрессомъ, даромъ слова, необыкновеннымъ добродушіемъ, замѣчательною готовностью оказать содѣйствіе каждому, кто обращался къ нему съ тою или другою просьбою. Мы имѣли

истинное удовольствіе быть знакомымъ съ Александромъ Васильевичемъ съ 1859 года. Насъ познакомилъ съ нимъ другой прекраснодушный русскій педагогъ и ученый Василій Ив. Водовозовъ, († 1886 г.). И мы пользовались этимъ знакомствомъ почти до кончины Никитенко въ 1877 году. Его увлекательная, просвѣщенная бесѣда, его живыя воспоминанія, его тонкія характеристики лицъ, его полные остроумія положенія и выводы въ бесѣдахъ о всемъ, что касалось литературы, искусствъ, либо вопросовъ внутренней политики горячо любимаго имъ отечества—все это остается неизгладимымъ въ памяти нашей, какъ и у каждаго, кто имѣлъ наслажденіе бесѣдовать съ А. В. Никитенко. Вотъ онъ въ своемъ кабинетикѣ, заставленномъ шкафами съ книгами, въ верхнемъ этажѣ дома барона Фридрихса, противъ церкви св. Владиміра, въ каковомъ домѣ онъ прожилъ чуть ли ни 30 лѣтъ; вотъ его клеенчатый низенькій диванчикъ, на который онъ приглашаетъ васъ радушно усѣсться, вотъ онъ бесѣдуетъ, вспоминаетъ и толкуетъ обо всемъ, что только шевелитъ мозгъ и возбуждаетъ невольно вниманіе. Не напрасно онъ былъ любимъ всѣми корифеями нашей литературы, не напрасно въ одномъ изъ наидаровитѣйшихъ нашихъ писателей, Иванѣ Александровичѣ Гончаровѣ, онъ имѣлъ друга, пребывшаго ему неизмѣнно преданнымъ въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ и сердечно его любившаго.

Не умалялась личность Александра Васильевича Никитенко и отъ того, что ему довелось быть многіе годы цензоромъ русской печати; онъ съумѣлъ сочетать исполненіе своей, всегда и вездѣ крайне непріятной, обязанности, какъ цензора съ искренне глубокою любовью къ интересамъ отечественной словесности и родной науки. Цензоръ Никитенко былъ также любимъ и уважаемъ всѣми тружениками въ области русской печати, какъ любили и уважали Никитенко-человѣка....

Высокоуважаемому его товарищу и сочлену по академіи наукъ Афанасію Θедоровичу Бычкову принадлежитъ подробная и превосходная характеристика нравственныхъ качествъ Никитенко и его заслугъ на всѣхъ поприщахъ обширной, почти полувѣковой, общественной дѣятельности Александра Васильевича. Къ этой весьма интересной статьѣ А. Θ. Бычкова мы, вѣроятно, будемъ имѣть еще случай обратиться въ „Русской Старинѣ“ 1889 г.,

когда представимъ на ея страницахъ „Дневникъ А. В. Никитенко", какъ продолженіе его „Повѣсти о самомъ себѣ". Но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести теперь же двѣ страницы изъ помянутой біографіи, и именно о службѣ профессора А. В. Никитенко, въ качествѣ цензора (1833—1848 гг.) и затѣмъ въ положеніи ближайшаго сотрудника министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова въ 1853—1858-хъ гг.

Вотъ что пишетъ по этому поводу академикъ А. Ѳ. Бычковъ („Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ" за 1877 годъ, стр. 17—41).

«Почти одновременно съ занятіемъ каѳедры русской словесности въ спб. университетѣ, А. В. Никитенко былъ назначенъ цензоромъ при с.-петербургскомъ комитетѣ (24-го апрѣля 1833 г.) и въ этой должности оставался пятнадцать лѣтъ (до 11-го апрѣля 1848 г.). Должность цензора въ то время была нелегкою и весьма отвѣтственною. Малѣйшій недосмотръ, намекъ самаго невиннаго свойства на лицъ, облеченныхъ какою либо властію, самое добродушное указаніе на недостатки въ администраціи, наконецъ, неловко употребленное слово имѣли послѣдствіемъ взысканія, и нерѣдко весьма строгія, иногда исходившія даже отъ высочайшей власти. И Никитенко не избѣгъ ни замѣчаній, ни выговоровъ; но, не смотря на всѣ эти непріятности, онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно оставался самымъ доброжелательнымъ, самымъ снисходительнымъ цензоромъ, и это объясняется тѣмъ, что наука и литература были близки его сердцу. Преслѣдуя только вредныя крайности, онъ, въ засѣданіяхъ цензурнаго комитета, всегда являлся защитникомъ разумной свободы слова, въ которой видѣлъ средство не только къ успѣшному, самостоятельному движенію въ нашемъ отечествѣ наукъ и литературы, но и къ правильному развитію строя государственной жизни. Мы знаемъ, что иногія произведенія обязаны А. В. Никитенкѣ своимъ появленіемъ въ свѣтъ: одни благодаря его горячему, твердому заступничеству предъ предсѣдателемъ и членами цензурнаго комитета, другія—его искусству склонять авторовъ на измѣненіе того, что могло дать поводъ къ какимъ либо недоразумѣніямъ. Изъ этого уже видно, что А. В. Никитенко исполнялъ не одну только оффиціальную обязанность цензора, но во многихъ случаяхъ являлся добрымъ совѣтникомъ и умнымъ наставникомъ. Послѣднее могутъ засвидѣтельствовать и нѣкоторые наши писатели и ученые, выступившіе впервые во время его цензорства на ученое и литературное поприще и пользовавшіеся его указаніями и замѣчаніями.

«Никитенко нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминалъ, что поэма Гоголя «Похожденія Чичикова или Мертвыя души», послѣ разныхъ мытарствъ и пере-

ходовъ изъ рукъ въ руки, была имъ разрѣшена къ печати, не смотря на грозившую ему за то отвѣтственность.

«Съ этого времени у А. В. Никитенки завязались связи со многими литераторами и учеными, которыя, начавшись послѣ написанія на сочиненіи обычной цензурной формулы: «печатать дозволяется», перешли потомъ въ искреннюю дружбу. Такимъ-же просвѣщеннымъ и гуманнымъ характеромъ отличались отношенія А. В. Никитенки къ литературѣ и писателямъ и позднѣе, когда онъ состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступающихъ на театръ драматическихъ пьесъ (съ октября 1856 г.), и когда былъ назначенъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія, а потомъ членомъ главнаго управленія цензуры и членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (съ 23-го марта 1862 по 30-е августа 1865 г.). Во всѣхъ этихъ должностяхъ и при сякомъ представлявшемся случаѣ онъ являлся то ходатаемъ за произведенія литературы, то ихъ оберегателемъ и защитникомъ. Намъ особенно памятны многія прекрасныя, исполненныя ума и теплоты чувства, рѣчи Никитенки въ коммиссіи, учрежденной для обработки проекта устава о книгопечатаніи, членомъ которой онъ былъ назначенъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этой коммиссіи онъ почти всегда стоялъ на сторонѣ тѣхъ членовъ, которые въ благоразумной свободѣ слова видѣли залогъ будущаго развитія литературы и благосостоянія Россіи.

«А. В. Никитенко несъ и административно-ученыя обязанности: онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія для исполненія особенныхъ порученій по встрѣчающимся дѣламъ ученой и учебной администраціи министерства (съ 12-го декабря 1853 г.). О последнемъ назначеніи необходимо сказать нѣсколько словъ. Никитенко принялъ его по желанію А. С. Норова, съ которымъ онъ находился уже давно въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Ихъ связывала и общность литературныхъ занятій, и любовь къ наукѣ и поэзіи, и то уваженіе, которое они питали другъ къ другу за прямодушный взглядъ на людей и дѣла. Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстоявшія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенкѣ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соизволеніе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ московскомъ и с.-петербургскомъ; постановлено отправлять заграницу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсій на службѣ сверхъ жалованья служащими

въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета (2-го апрѣля 1848 года), учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ науки и литературы, являвшихся въ промежутки этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что́ нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ с.-петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его иниціативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленныя бесѣды и споры. Однимъ словомъ, Никитенко былъ душею министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ, и потому совершенно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени. На ней лежитъ обязанность отдавать должное и тѣмъ дѣятелямъ, которые до сихъ поръ оставались въ тѣни или которыхъ проходили молчаніемъ...».

Напечатанная нами повѣсть А. В. Никитенко читана была имъ самимъ пишущему эти строки и именно въ Павловскѣ; уже тогда, въ 1875 году, по двумъ—тремъ отрывкамъ, мы замѣтили, что эта повѣсть есть превосходное зеркало прекрасной нравственной личности уважаемаго академика и профессора, и усердно просили Александра Васильевича продолжать его записки. Прошли годы, Никитенко давно нѣтъ на свѣтѣ, давно прахъ его почіетъ на кладбищѣ въ миломъ городкѣ Павловскѣ, который онъ всегда любилъ, и мы считаемъ себя счастливыми, что весь обликъ этого прекраснодушнаго человѣка вдругъ ожилъ и поднялся на страницахъ нашего же изданія. Кстати замѣтимъ, что этой же личности посвященъ высокохудожественный очеркъ, набросанный Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ. Весною 1888 г. въ С.-Петербургѣ Иванъ Александровичъ прочелъ намъ этотъ очеркъ, и мы находимся еще и теперь подъ живымъ впечатлѣніемъ мастерской его характеристики. Очеркъ И. А. Гончарова, посвященный памяти

А. В. Никитенко, цѣлая художественная картина. Сердечно желаемъ видѣть помянутый очеркъ въ печати....

Поступившую къ намъ рукопись „Повѣсть о самомъ себѣ“ (А. В. Никитенко) мы въ обозрѣваемомъ году напечатали въ нѣсколькихъ книгахъ „Русской Старины“ подъ-рядъ; сдѣлали это потому, что эти записки принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ, для которыхъ перерывъ печатанія невозможенъ. Это художественная картина, цѣльное и возможно одновременное появленіе которой существенно для производства полноты впечатлѣнія. Какъ жаль, что эти записки такъ рано обрываются! Александръ Васильевичъ Никитенко оказался прикосновеннымъ, до нѣкоторой степени, къ знаменитому кружку декабристовъ. Часть рукописи его или, по крайней мѣрѣ, дневниковъ, по которымъ она впослѣдствіи составлена была, имъ сожжена. По этимъ-то дневникамъ писалась профессоромъ-академикомъ его „Повѣсть о самомъ себѣ“, и притомъ гораздо позже, именно съ 1850 г. писалась она обыкновенно лѣтомъ на дачѣ, въ каникулярное время, понемногу и отрывочно. „Многочисленныя занятія, пишетъ къ намъ его дочь, Софья Александровна, постоянно отвлекали отца отъ этого излюбленнаго имъ занятія“. Все же, что уцѣлѣло въ формѣ отдѣльнаго сказанія и нынѣ цѣликомъ напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1888 г., было окончательно исправлено, пересмотрѣно, дополнено и изложено А. В. Никитенко въ настоящемъ видѣ за границею въ 1876 году, когда Александръ Васильевичъ ѣздилъ туда съ дочерью для поправленія здоровья. Затѣмъ, все это было отдано Софьѣ Александровнѣ подъ условіемъ, чтобы черновыя тетради какъ записокъ, такъ и дневника не выходили за предѣлы семьи, такъ чтобы въ печати появилось только то, что предназначалъ самъ авторъ. Александръ Васильевичъ Никитенко умеръ 21 іюля 1877 года, въ любимомъ имъ Павловскѣ, гдѣ, какъ мы выше сказали, и почіетъ его прахъ. Въ виду этой могилы нельзя не высказать глубокаго сожалѣнія, что опочившій не успѣлъ продолжить своей „Повѣсти“; при томъ безчисленномъ рядѣ лицъ, который прошелъ мимо него и къ которымъ онъ имѣлъ отношенія, какія прелестныя характеристики сохранилъ бы авторъ повѣсти на ея страницахъ! Лица, съ которыми доводилось сталкиваться А. В. Никитенко въ С.-Петербургѣ съ 1824 по 1877 г., были уже не тѣ скром-

ные обыватели внутренней Россіи, помѣщики, купцы, офицеры, поселяне, которыхъ онъ такъ ярко живописуетъ; то была соль земли русской, лица, стоявшія на самыхъ высшихъ ступеняхъ нашего общества. Тутъ были писатели: Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ, Некрасовъ, Бенедиктовъ, Гончаровъ, Тургеневъ и многое множество другихъ; тутъ были министры и сановники, тутъ были педагоги и вообще лица на всѣхъ степеняхъ положенія и значенія. Судя по той части записокъ Никитенко, какую мы напечатали, съ увѣренностью можно сказать, что литература русская понесла большую утрату въ томъ, что записки эти не доведены до конца. Мы надѣемся, однако, какъ сказано выше, подѣлиться съ читателями дневникомъ покойнаго академика-профессора.

Читатели обозрѣваемаго девятнадцатаго года «Русской Старины“, конечно, прочли въ ней продолженіе записокъ другаго дѣятеля и подвижника науки — Николая Никифоровича Мурзакевича. Записки его не блещутъ ни художественностью изложенія, ни глубиною мысли, ни полнотою и тонкостью характеристикъ выводимыхъ ими лицъ. Мурзакевичъ простъ, не замысловатъ, характеристики его грубоваты, нерѣдко несутъ на себѣ отраженіе его личнаго пристрастія, случайнаго, въ ту или другую сторону, но все искупается горячею преданностью его наукѣ вообще и отечественной археологіи въ особенности, въ каковой Мурзакевичъ былъ истинный знатокъ и любитель, въ особенности во всемъ, что касалось старины южной Россіи, гдѣ, благодаря его энергіи и иниціативѣ Д. М. Княжевича, основано въ Одессѣ общество исторіи и древностей. Въ запискахъ Мурзакевича интересны подробности объ открытіи тѣхъ или другихъ историческихъ памятниковъ на югѣ Россіи; характеристики лицъ, стоявшихъ въ его время у власти въ той-же южной Россіи; наконецъ, воспоминанія о томъ Одесскомъ лицеѣ, въ которомъ подвизался Мурзакевичъ, какъ педагогъ.

Болѣе живой, но краткій очеркъ о Царскосельскомъ лицеѣ представляютъ воспоминанія, помѣщенныя нами въ обозрѣваемомъ же году, и принадлежащія Александру Николаевичу Яхонтову. Они вводятъ насъ въ стѣны того заведенія, изъ среды

котораго, и именно за время г. Яхонтова, вышли наши министры—Гирсъ, Рейтернъ, Головнинъ—всѣ три высокоуважаемые государственные дѣятели новѣйшей и „свободной" Россіи и изъ каковаго разсадника видныхъ русскихъ дѣятелей вышелъ геніальный нашъ сатирикъ и романистъ М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

Кстати о воспоминаніяхъ объ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они пишутся охотно, нерѣдко бойко, зачастую довольно занимательно, но тутъ нельзя не пожелать, дабы составители таковыхъ воспоминаній не окрашивали свое прошлое въ слишкомъ розовыя краски; иначе утрачивается одна изъ весьма важныхъ и полезныхъ сторонъ таковыхъ записокъ, а именно: ихъ иногда поучительное значеніе. Кто не знаетъ, напр., какую мглу представляетъ внутренній бытъ многихъ изъ нашихъ военныхъ учебныхъ заведеній за пятьдесятъ, сорокъ, даже еще за тридцать пять лѣтъ тому назадъ, и вотъ почему, на ряду съ воскрешаемыми изъ этого прошлаго добрыми сторонами, крайне необходимо, чтобы воспроизводилось и многое недоброе, а то у русскаго человѣка зачастую отшибаетъ память: мы готовы впасть въ идеализацію и даже въ подражаніе тому, что лишь только 40, 35 лѣтъ тому назадъ повидимому безвозвратно схоронили какъ вредное и губительное для русской жизни. Вотъ хоть бы, напр., Дворянскій полкъ, добрую память котораго мы празднуемъ въ „Русской Старинѣ" ежегодно, такъ какъ лично, въ годы юности нашей, знали этотъ разсадникъ многихъ тысячъ бравыхъ, честныхъ, доблестныхъ офицеровъ россійской арміи... Еще недавно мы въ замѣткѣ нашей, именно въ мартѣ 1887 года, напоминали о томъ, что изъ-подъ знаменъ этого полка, кромѣ 500 героевъ, павшихъ на поляхъ сраженій, вышло до 100 человѣкъ, ознаменовавшихъ себя дѣятельностью въ области наукъ военныхъ, политическихъ, исторіи, статистики, а также на поприщахъ литературномъ или художественномъ; но изъ какой же цифры вышли эти 100? Почти изъ 16,000, которые кончили образованіе въ Дворянскомъ полку и въ преемственномъ ему учрежденіи, Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1807 по 1859 годъ. Ничтожность отношеній этихъ двухъ цифръ бро-

сается въ глаза: очевидное дѣло, что въ этомъ учебномъ заведеніи были условія, далеко не вполнѣ благопріятныя для полнаго развитія не только дѣятелей узко военныхъ, способныхъ лишь сложить свою голову на полѣ брани, но и вообще образованныхъ гражданъ, въ которыхъ на всѣхъ путяхъ общественной дѣятельности какъ военной, такъ и гражданской, такъ нуждается дорогое наше отечество! Очевидное дѣло, что, вспоминая о подобномъ учебномъ заведеніи, мы должны смотрѣть на его прошлое съ полнѣйшею объективностью, и какъ хорошія картины, такъ и мрачныя въ его бытѣ должны воспроизводиться съ полною правдою.

И вотъ славной эпохѣ, въ теченіе которой многія мрачныя стороны внутренняго быта русскаго народа, какъ надо надѣяться, безвозвратно исчезли, мы издавна и съ искреннѣйшею любовью посвящаемъ многія страницы нашего историческаго изданія,—мы говоримъ о царствованіи Александра II Освободителя; событіямъ и лицамъ его времени мы отвели, даже по отдѣлу мемуаровъ, въ обозрѣваемомъ году цѣлый рядъ сообщеній. Такъ, читатели, конечно, замѣтили разсказъ изъ воспоминаній графа Петра Александровича Валуева объ одномъ изъ любопытныхъ моментовъ царствованія Александра II, мы разумѣемъ день открытія памятника тысячелѣтію Россіи въ Новгородѣ, 8 сентября 1862 года. Въ нашемъ же изданіи 1888 года воспроизведена мрачная година страшной голодовки 1868 года, бывшей на сѣверѣ Россіи—правдивое сказаніе очевидца и борца на сѣверномъ поморьѣ противъ этого бѣдствія Θеофана Леонтьевича Доброленскаго, въ ту годину бывшаго настоятелемъ Пертоминской обители на берегу Ледовитаго океана.

Учащаяся молодежь,—студенты нашихъ университетовъ, въ пережитое время внутреннихъ преобразованій привлекали всеобщее вниманіе; волненія студентовъ дѣлали цѣлыя событія, и вотъ этимъ бурямъ (не рѣдко въ стаканѣ воды) посвящены интересныя сказанія бывшаго инспектора студентовъ московскаго университета, а затѣмъ попечителя казанскаго учебнаго округа, П. Д. Шестакова; на ряду съ ними мы отвели мѣсто весьма живымъ и прочувствованнымъ наброскамъ стараго студента петербургскаго университета В. М. Сорокина.

Въ воспоминаніяхъ князя П. А. Путятина и въ разсказахъ А. И. Михайлова воспроизведены въ высшей степени симпатичныя черты незабвеннаго Царя-Освободителя. Онъ является предъ умственнымъ взоромъ читателей въ его обыденной средѣ, въ его, такъ сказать, совершенно неоффиціальной обстановкѣ, и мы усердно просимъ всѣхъ, кто имѣлъ счастіе близко быть, долго-ли, коротко-ли подлѣ особы покойнаго государя, сообщать подробности, подобныя тѣмъ, которыя сохранили въ своихъ незатѣйливыхъ, но вполнѣ искреннихъ воспоминаніяхъ князь П. А. Путятинъ или А. И. Михайловъ въ разсказахъ «Императоръ Александръ II на звѣриныхъ охотахъ». Кстати замѣтимъ: на лицахъ, которыхъ любилъ и уважалъ въ Бозѣ почивающій государь, точно лежалъ отпечатокъ его гуманной личности. Въ самомъ дѣлѣ, кого вы ни назовете, по крайней мѣрѣ изъ большинства лицъ, осчастливленныхъ его особеннымъ расположеніемъ, всѣ они отличаются добротою, мягкостью характера, любовью къ просвѣщенію, вообще, гуманностію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова... Остановитесь, напримѣръ, предъ покойной великой княгиней Еленой Павловной. По немногимъ страницамъ, посвященнымъ ея доброй памяти въ обозрѣваемомъ году «Русской Старины», эта, въ высшей степени замѣчательная, личность привлекаетъ къ себѣ многими прекрасными качествами ума и сердца. Едва-ли надо напоминать, что великая княгиня Елена Павловна была одна изъ тѣхъ, которыя самымъ горячимъ сочувствіемъ и глубоко искренно поддерживала незабвеннаго государя, въ его энергической дѣятельности при совершеніи великихъ реформъ. Какъ жаль, что не отыскивается личности изъ ея окружавшихъ, которая посвятила бы себя труду—полной біографіи и характеристикѣ этой вполнѣ достопамятной подвижницы обновленія внутренняго строя Россіи...

Россіи въ Средней Азіи за время Александра II, а также эпопеѣ дѣяній русскаго воинства-народа на Балканскомъ полуостровѣ посвящены въ «Русской Старинѣ» 1888 г. воспоминанія и записки Мозера, князя В. Д. Дабижа, геніальнаго художника Василія Васильевича Верещагина, изслѣдованіе полковника М. П. Степанова «Рущукскій отрядъ въ 1877—1878 годахъ», замѣтки по неизданнымъ матеріаламъ о Санстефанскомъ мирѣ, полемическія статьи полковника Воинова о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ за

Кавказомъ въ 1877 году и проч., и проч. Въ ряду этихъ статей, конечно, съ наиболѣе живымъ интересомъ прочитаны очерки нашего славнаго художника Василія Васильевича Верещагина. Они написаны съ необыкновенною живостью, съ замѣчательнымъ увлеченіемъ и тою неудержимою стремительностью къ полному реализму, доходящей зачастую до грубости, съ которымъ начертаны его дивною кистью картины, предъ которыми толпятся всегда десятки тысячъ зрителей во всѣхъ центрахъ европейской цивилизаціи (а нынѣ и въ Америкѣ), гдѣ только ни появляются эти картины на выставкахъ. Несомнѣнно, что и перомъ нашъ безподобный художникъ владѣетъ мастерски и притомъ съ замѣчательною своеобразностью. Искренно желаемъ ему не покидать пера и, время отъ времени, въ обширной своей памяти черпать впечатлѣнія изъ своей кипучей, полной многими событіями, жизни. Этотъ человѣкъ, гордость современнаго русско-художественнаго міра, величайшій изъ современныхъ художниковъ, и видѣлъ, и передумалъ очень много...

Изъ всѣхъ событій эпохи Александра II крестьянскій вопросъ, крестьянское дѣло есть излюбленное для «Русской Старины»; этому вопросу, этому дѣлу мы отводимъ мѣсто въ нашемъ изданіи положительно въ каждомъ году; такъ и въ обозрѣваемомъ году мы остановились, для вящаго освѣщенія величія реформы 19-го февраля, на мрачныхъ картинахъ крѣпостнаго права до освобожденія отъ него Россіи: передали характерныя воспоминанія одного священника о крестьянскомъ бунтѣ въ Рязанской губерніи и о кровавой за него расплатѣ; привели подробности въ высшей степени характернаго эпизода изъ эпохи соглашеній помѣщиковъ съ крестьянами о надѣленіи сихъ послѣднихъ землей,—мы говоримъ о дѣлѣ помѣщика Хрущова. Одной изъ интересныхъ сторонъ въ крестьянскомъ дѣлѣ посвящена напечатанная нами записка сенатора Николая Петровича Семенова, одного изъ бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммиссій. Отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній (1863 г.) отвели мы небольшую замѣтку съ интересною справкою изъ бумагъ А. В. Головнина и проч.

II.

Изслѣдованій въ обозрѣваемомъ году «Русской Старины» явилось въ достаточномъ для одного года числѣ. Изъ нихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе два: «Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ началѣ XIX вѣка», — начало замѣчательнаго труда, составляемаго талантливымъ военнымъ писателемъ-историкомъ генераломъ Н. К. Шильдеромъ (сынъ знаменитаго русскаго инженера, павшаго геройскою смертью подъ Силистріею въ 1854 г.). Изслѣдованіе г. Шильдера составлено на основаніи вновь открытыхъ имъ источниковъ въ архивахъ, и притомъ съ совершенно новой точки зрѣнія, при весьма яркомъ освѣщеніи.

Въ статьѣ военнаго-же историка А. Н. Петрова «Русскіе въ Румыніи и на Дунаѣ въ 1854 году» если нѣтъ той группировки данныхъ, какая является у г. Шильдера, и того мастерства въ изложеніи, то замѣчательны совершенно новые выводы изъ массы трудолюбиво собранныхъ имъ данныхъ въ документахъ, до него не подвергавшихся изслѣдованію историка, выводы, какіе дѣлаетъ почтенный писатель объ отношеніяхъ нашихъ и къ намъ Австріи въ эпоху восточной войны 1853—1855 годовъ. Къ этимъ выводамъ привело автора изученіе, главнымъ образомъ, до сихъ поръ не изданной и не разобранной дипломатической переписки представителей нашего двора въ Вѣнѣ за помянутые годы.

Монографія магистра русской исторіи В. И. Семевскаго объ исторіи крестьянскаго вопроса, представленная въ истекшемъ году на страницахъ «Русской Старины», составляетъ его обширное введеніе къ вышедшему вслѣдъ за симъ его многолѣтнему и вполнѣ оконченному труду: «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», Спб., 1888 г., два тома. Въ этомъ введеніи представленъ обзоръ всего труда автора и выставлены тѣ выводы, къ которымъ приводитъ этотъ въ высшей степени замѣчательный трудъ, вызвавшій уже во многихъ органахъ русской печати самые одобрительные отзывы и подробныя рецензіи [1]).

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“,— „Русская Старина“,—„Сѣверный Вѣстникъ“,— „Русскія Вѣдомости“ и друг.

Въ обозрѣваемомъ же году «Русской Старины» нами окончена справедливо обратившая на себя вниманіе монографія М. А. Колчина (врачующаго народъ въ дебряхъ Архангельской губ., человѣка весьма образованнаго)—о ссыльныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Въ двухъ статьяхъ приведены подробности совершенно новыя объ (якобы) авантюристахъ XVIII вѣка — генералѣ Тотлебенѣ, взявшемъ за нашъ счетъ Берлинъ въ 1760 году и хвастовствомъ своимъ возмутившемъ и нѣмцевъ, и русскихъ, а затѣмъ — подготовившемъ все, дабы предаться на сторону нашего противника Фридриха II, съ которымъ онъ уже вошелъ было въ секретную переписку; въ другомъ очеркѣ собраны впервые характерныя подробности объ одномъ изъ птенчиковъ злой памяти Бирона, мы говоримъ о его сынѣ, нѣкогда кавалерѣ ордена Андрея Первозваннаго, угодившемъ въ Бастилію. Обѣ монографіи принадлежатъ нашимъ весьма давнимъ и искренно уважаемымъ сотрудникамъ „Русской Старины"—первая Г. К. Рѣпинскому, а вторая кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому...

Любители отечественной исторіи, конечно, не безъ особаго любопытства прочли замѣтку: «Откуда родомъ была св. великая княгиня русская Ольга». Замѣтка эта принадлежитъ архимандриту Леониду (Кавелину), нашему уважаемому знатоку и изыскателю отечественной старины и исторіи; въ этой статьѣ почтенный изслѣдователь обнародовалъ замѣчательное, вполнѣ исторически, имъ доказанное, извѣстіе о томъ, что мать св. Владиміра была родомъ болгарская княжна, а не простолюдинка изъ города Пскова.

Рядъ историческихъ лицъ XIX вѣка прошелъ передъ нашими читателями въ историко-біографическихъ очеркахъ на страницахъ «Русской Старины» обозрѣваемаго года, и въ каждомъ изъ нихъ явились совершенно новыя или вполнѣ забытыя данныя: таковы герои отечественной войны—Кульневъ и партизанъ Фигнеръ, таковъ принцъ Вильгельмъ прусскій, впослѣдствіи основатель германской имперіи,—въ разсказѣ о пребываніи его въ Россіи въ 1817 году, и другая статья о немъ же и его отношеніяхъ къ Россіи въ 1821 — 1833 годахъ; таковъ весьма характерный очеркъ типическаго представителя эпохъ Александра I и Николая Павловича — Петра Николаевича Кривцова, этого самовласт-

наго, даже для того, зачастую безправнаго для губернаторовъ времени, «хозяина нѣсколькихъ, одна за другою, губерній», въ которыя онъ былъ посылаемъ «для исправленія губерній», и гдѣ свободно поднималъ иногда палку на совѣтниковъ губернскихъ правленій, и ему это легко сходило съ рукъ; П. Н. Кривцовъ, однако, былъ человѣкъ замѣчательный по уму и желѣзной энергіи....

Новыя данныя о фельдмаршалѣ графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ и цѣлая серія весьма характерныхъ писемъ приснопамятнаго генерала Леонтія Васильевича Дубельта, мы говоримъ о письмахъ его къ женѣ, въ которыхъ ярко обрисовывается эта тонкая, умная, чрезвычайно ловкая личность, потомокъ итальянца.... Документы эти тѣмъ болѣе дороги для біографіи этой крупной личности, по вліянію на „внутреннюю политику“ Россіи, 1830—1856 гг., что это немногое, что осталось изъ интимной переписки Дубельта: незадолго до кончины, онъ, въ имѣніи своемъ Рискино (Тверской губ.), сжегъ почти всѣ свои письма. Въ высшей степени интересный дневникъ свой, за многіе годы своей службы во главѣ III Отдѣленія, Леонтій Васильевичъ передалъ въ архивъ этого учрежденія; исторія, въ свое время, конечно, извлечетъ его оттуда....

Въ ряду сподвижниковъ императора Александра II въ обозрѣваемомъ году мы остановились на князѣ В. А. Черкасскомъ, Николаѣ Ивановичѣ Евдокимовѣ, Александрѣ Васильевичѣ Головнинѣ и Сергіи Ивановичѣ Зарудномъ, наконецъ на Н. М. Пржевальскомъ и на подвижницахъ въ общественной и воспитательно-педагогической дѣятельности, А. Ѳ. Ядринцовой и С. М. Макаровой. Что князь Черкасскій, Головнинъ и Зарудный были весьма выдающимися сподвижниками государя въ его великихъ реформахъ, а Н. И. Евдокимовъ былъ главнѣйшимъ исполнителемъ его воли въ дѣлѣ окончательнаго замиренія Кавказа—это не требуетъ объясненія; но мы всегда съ особымъ удовольствіемъ останавливаемся и на такихъ, повидимому весьма второстепенныхъ, дѣятеляхъ, каковы А. Ѳ. Ядринцева, С. М. Макарова, что и сдѣлали въ обозрѣваемомъ году «Русской Старины». Эти и подобныя имъ личности, въ ихъ общественной или воспитательно-литературной дѣятельности, являются самоотверженными проводниками въ сознаніе общества

и въ нижніе слои народа тѣхъ высоко-гуманныхъ идей, которыя прямо вытекаютъ изъ великихъ реформъ Царя-Освободителя. А богатырь въ области науки и знанія—Николай Михайловичъ Пржевальскій, обратившій на себя вниманіе и вызвавшій во всѣхъ центрахъ европейской цивилизаціи, въ мѣстныхъ географическихъ и иныхъ ученыхъ обществахъ, рядъ самыхъ восторженныхъ къ своимъ трудамъ овацій,—развѣ это не одно изъ созвѣздій въ ореолѣ славы въ Бозѣ почивающаго государя Александра II! Мудрости и благости Александра II и незмѣнной во всю его жизнь готовности поддержать все, что относилось къ славѣ дорогаго нашего отечества, обязана отечественная наука великими открытіями изслѣдователя необозримыхъ странъ Средней Азіи, въ которыя не вступала до Пржевальскаго нога образованнаго европейца. Первыя и труднѣйшія путешествія знаменитаго изслѣдователя-путешественника были поддержаны мощною волею Александра II, дальнѣйшія нашли такую же высоко-благую и просвѣщенную поддержку въ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ.

III.

Высшимъ и главнѣйшимъ учрежденіемъ, подъ сѣнью котораго въ послѣднія десятилѣтія происходитъ въ разныхъ областяхъ необозримой Россіи изслѣдованіе и открытіе памятниковъ отечественной старины, конечно, служитъ Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ, этотъ памятникъ просвѣщенной энергіи Николая Васильевича Калачова и нынѣшняго президента Императорской Академіи Наукъ графа Д. А. Толстаго,—на пользу изысканія и охраненія памятниковъ отечественной старины. «Археологическому институту и его задачамъ» посвящена въ «Русской Старинѣ» 1888 года прекрасная монографія уважаемаго директора института, профессора И. Е. Андреевскаго; въ настоящей книгѣ «Русской Старины» мы помѣстили его же «Обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій» за 1887 г. Мы и на будущее время за особую свою обязанность почтемъ соединять, въ подобныхъ обзорахъ, свѣдѣнія о состояніи и дѣятель-

ности этихъ разсадниковъ историческихъ знаній въ Россіи, каковыми, надѣемся, навсегда пребудутъ губернскія ученыя архивныя коммиссіи. Съ положеніемъ и трудами нѣкоторыхъ изъ нихъ мы въ путешествіе наше по Россіи въ 1888 году (май—августъ) познакомились лично на мѣстѣ и свои замѣтки современемъ надѣемся помѣстить на страницахъ «Русской Старины».

Такъ называемыхъ сырыхъ матеріаловъ въ обозрѣваемомъ году нашего журнала немного: нѣсколько отдѣльныхъ документовъ изъ эпохи Петра Великаго—въ томъ числѣ документъ съ его подписью и характерною припиской, до вызова академиковъ относящеюся; также документъ о князѣ А. С. Меншиковѣ, кн. А. Д. Кантемирѣ и пр.; характерныя замѣтки о московской старинѣ 1768 г. (выписки изъ «Московскихъ Вѣдомостей»), либо продолженіе выдержекъ изъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» 1800 года, подъ заглавіемъ «Петербургская старина». Эти выдержки, поистинѣ, лучше всякаго описанія переносятъ читателей въ самую среду своеобразной жизни и обстановки, при которой жили наши предки лѣтъ сто или девяносто тому назадъ [1]).

Въ отдѣлѣ „сырыхъ" матеріаловъ мы привели серію дѣлъ съ резолюціями на нихъ покойнаго императора Николая Павловича. Мы весьма желали-бы подобныя серіи представлять возможно чаще, такъ какъ онѣ являются весьма характерными и по отношенію къ эпохѣ, и по отношенію къ верховному вождю Россіи того времени. Извѣстно, что таковыя дѣла чрезвычайно занимали въ Бозѣ почивающаго императора Александра II: государь поручилъ нѣсколькимъ чиновникамъ, лѣтъ за десять до своей кончины, приступить къ выпискамъ по всевозможнымъ архивамъ и присутственнымъ мѣстамъ собственноручныхъ резолюцій своего родителя. Собраны были многіе десятки громадныхъ картоновъ съ таковыми

[1]) Въ обозрѣваемомъ году мы особенно благодарны вслѣдъ засимъ поименованнымъ лицамъ за сообщеніе „Русской Старинѣ" тѣхъ или другихъ матеріаловъ: таковы: академикъ А. Ѳ. Бычковъ, М. А. Веневитиновъ, П. А. Висковатовъ, Ѳ. Н. Кишенскій, А. Ѳ. Кони, кн. Ѳ. А. и С. В. Куракины, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, В. Ѳ. Лебединскій, А. И. Макшѣевъ, Е. С. Некрасова, князь П. А. Путятитинъ, Г. К. Рѣпинскій, А. И Савельевъ, А. М. Скребницкій, В. Н. Смольяниновъ, Г. И. Студенкинъ, графъ Д. А. Толстой, А. Н. Труворовъ, В. И. Шенрокъ, Н. К. Шпльдеръ, В. Е. Якушкинъ, и др.

выписками [1]). Гдѣ эти картоны? увидятъ ли они свѣтъ Божій? Было бы хорошо, если бы императорское историческое общество испросило разрѣшеніе посвятить изданію этихъ выписокъ тотъ или другой изъ своихъ сборниковъ: матеріалъ драгоцѣнный для исторіи тридцати-лѣтняго царствованія императора Николая Павловича и для полной характеристики какъ его, такъ и многихъ лицъ, у власти стоявшихъ за его время.

IV.

Мы не разъ говорили, что исторіей отечественной литературы мы въ нашемъ изданіи „Русская Старина“ интересуемся съ одинаковою живостью, какъ и исторіей политической.

Жизнь и труды корифеевъ русской словесности за все почти двухсотлѣтнее ея бытіе пребудутъ для насъ до конца жизни нашей предметами постояннаго изученія. Въ обозрѣваемомъ 1888 году мы остановились на слѣдующихъ подвижникахъ отечественной словесности и науки, назовемъ ихъ: поэтъ Батюшковъ, А. С. Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, романистъ Нарѣжный, знаменитый знатокъ Китая и Монголіи Іакинфъ Бичуринъ, поэтъ Н. П. Огаревъ; Д. М. Княжевичъ—первый по времени президентъ Новороссійскаго общества исторіи и древностей; профессоръ О. М. Бодянскій—нашъ предмѣстникъ по изданію памятниковъ къ отечественной исторіи; Адольфъ Петровичъ Берже; славный историкъ Костомаровъ; поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ; знаменитый педагогъ И. Т. Осининъ; публицистъ и романистъ Александръ Ивановичъ Герценъ, вотъ главнѣйшіе изъ той плеяды лицъ, о которыхъ мы представили въ обозрѣваемомъ году много различнаго рода, болѣе или менѣе интересныхъ, данныхъ. Считаемъ за особенное счастье, что украсили „Русскую Старину“ этого же года безцѣннымъ сообщеніемъ академика А. Ѳ. Бычкова: „Путешествіе Евгенія Онѣгина по Россіи“, прелестныя, вновь открытыя, строфы великаго поэта. Въ этомъ же году мы помѣстили первыя главы совершенно новаго, обширнаго, заботливо составленнаго историко-литературнаго изслѣ-

[1]) Ими занимались, между прочими лицами, тайн. сов. А. П. Петровъ, служащій въ военномъ министерствѣ, протоіерей М. Я. Морошкинъ и другіе.

дованія, мы говоримъ о трудѣ Н. А. Бѣлозерской: „Василій Трофимовичъ Нарѣжный: его жизнь, труды и ихъ значеніе въ ряду русскихъ романистовъ конца XVIII и первой четверти XIX столѣтій“. Относительно Гоголя мы дали въ обозрѣваемомъ году не только рядъ отдѣльныхъ писемъ, замѣтокъ, не бывшихъ до сихъ поръ въ печати, но и внимательно остановились предъ такими къ нему близкими людьми, каковы его мать Марья Ивановна Гоголь и его другъ и „соисповѣдница“ А. О. Смирнова, рожденная Россети — личность въ высшей степени интересная по своимъ литературнымъ связямъ съ первоклассными русскими писателями, ей современными, каковы: Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь и другіе. Мы называемъ ее соисповѣдницей нашего славнаго писателя потому, что переписка этихъ двухъ лицъ представляетъ постоянное самоистязаніе другъ передъ другомъ и разборъ всякихъ ихъ сокровеннѣйшихъ помышленій. Переписка томительная, при чтеніи которой сердце каждаго почитателя Гоголя не можетъ не сжиматься глубокимъ соболѣзнованіемъ о его психическомъ состояніи въ 1840—1851 годахъ, тѣмъ не менѣе она должно явиться въ печати, такъ какъ ею выясняется помянутое злополучное психическое состояніе величайшаго русскаго писателя въ послѣднія десять лѣтъ его кратковременной жизни.

Мощная и своеобразная фигура московскаго профессора и редактора „Чтеній въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ профессора О. М. Бодянскаго во весь ростъ поднимается въ его дневникѣ; какъ жаль, что явившіеся до сихъ поръ въ печати отрывки изъ него суть не болѣе, какъ случайно уцѣлѣвшія страницы, весь же дневникъ погибъ едва-ли ни безвозвратно.

Обширное изслѣдованіе объ Иванѣ Терентьевичѣ Осининѣ и его громадныхъ трудахъ, положенныхъ на упроченіе и развитіе женскихъ гимназій въ Россіи вообще и въ С.-Петербургѣ въ особенности, отводитъ этому, столь преждевременно сошедшему въ могилу, общественному дѣятелю весьма почетное мѣсто въ благодарной памяти русскаго народа.

V

По отдѣлу исторіи искусствъ въ Россіи мы представили въ „Русской Старинѣ" обозрѣваемаго года письма, замѣтки и очерки, посвященные жизни и трудамъ К. П. Брюлова, Ѳ. Г. Солнцева, А. Н. Сѣрова... Относительно сего послѣдняго мы представили цѣлый рядъ писемъ и записочекъ, прямо вводящихъ читателя въ тотъ музыкальный міръ, въ которомъ дышалъ и вращался этотъ въ высокой степени талантливый творецъ нѣсколькихъ русскихъ оперъ,—во всю сферу его неутомимаго музыкальнаго и музыкально-критическаго творчества. Обширная серія этихъ документовъ обставлена интересными замѣтками, правда иногда полемическаго характера, но съ увлеченіемъ, любовью и знаніемъ своего дѣла написанными его близкимъ пріятелемъ К. И. Званцевымъ.

Записки и статья маститаго артиста современнаго намъ петербургскаго театра Л. Л. Леонидова, равно статьи и воспоминанія, посвященныя памяти Михаила Семеновича Щепкина, по случаю столѣтней годовщины дня его рожденія, переносятъ насъ на подмостки какъ петербургскаго, такъ и московскаго императорскихъ театровъ въ добрую и все болѣе и болѣе удаляющуюся отъ насъ старину, когда ту и другую сцену украшали не единичные, а многіе и весьма сильные таланты.

Но особенно выдѣляется въ „Русской Старинѣ" 1888 года статья по отношенію къ русскимъ дѣятелямъ въ области художествъ—это записки или воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина о И. Н. Крамскомъ, съ дополнительными къ нимъ замѣтками художника П. М. Ковалевскаго. Въ статьѣ И. Е. Рѣпина мы опять встрѣчаемся съ художникомъ, который перомъ своимъ напоминаетъ свою, также геніальную, кисть. Рѣпинъ можетъ ошибаться въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ по отношенію къ своему учителю и другу Крамскому, занимающему такое высокое мѣсто въ пантеонѣ русскихъ художниковъ, но ужъ никакъ

нельзя отказать ему въ искренности, въ полнѣйшей правдѣ, съ точки зрѣнія автора, въ силѣ и образности тѣхъ штриховъ, которыми И. Е. Рѣпинъ обрисовываетъ необыкновенно крупную, сильную личность Крамскаго и объясняетъ то значеніе, какое имѣлъ онъ въ современномъ ему русскомъ художественномъ мірѣ.

Въ бѣглыхъ замѣткахъ уважаемаго старшины русско-художественнаго общества въ Парижѣ—мы говоримъ о замѣткахъ профессора живописи Алексѣя Петровича Боголюбова—мы ознакомились съ довольно раннимъ періодомъ въ его жизни и его художественнаго творчества; узнали мы изъ этихъ воспоминаній, что и нашъ знаменитый маринистъ Боголюбовъ, къ которому, вообще говоря, фортуна стояла почти всегда лицомъ, испилъ, однако, въ годы молодости, довольно глубокую чашу всякихъ горестей и напастей, черезъ которыя вывели его личная энергія и мощь его таланта, вывели на ту высоту, на которой стоитъ онъ теперь, заживо создавши себѣ вѣковѣчный памятникъ не только своими высоко-художественными произведеніями, но въ особенности учрежденіемъ Радищевскаго музея, подареннаго имъ родному его городу Саратову.

Достойно вниманія, что въ обозрѣваемыхъ книгахъ «Русской Старины»—за одинъ 1888 годъ—явились, въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, три наиболѣе извѣстные и наиболѣе по заслугамъ и по ихъ мощнымъ талантамъ прославленные современные русскіе художника: А. П. Боголюбовъ,—В. В. Верещагинъ и И. Е. Рѣпинъ.... Позволяемъ себѣ думать, что это не случайное явленіе, а фактъ, свидѣтельствующій о томъ сочувствіи, которымъ пользуется «Русская Старина» въ кругу нашихъ художниковъ.

VI.

Отношеніе редакціи «Русской Старины» къ новостямъ въ области литературы отечественной исторіи, исторіи словесности и искусствъ, появляющимся нерѣдко въ многотомныхъ и въ высшей степени почтенныхъ трудахъ, выражается обыкновенно въ библіографическомъ листкѣ. Въ крайне скромныхъ его рам-

кахъ мы, въ обозрѣваемомъ году, дали отзывы о сорока четырехъ книгахъ. Этими четырьмя десятками, конечно далеко не исчерпывается весь запасъ новостей въ области отечественной исторіи, археологіи, исторіи литературы и художествъ за 1888 годъ, но ни мѣсто, ни программа нашего журнала не позволяютъ намъ вдаваться въ критическія обозрѣнія вновь выходящихъ трудовъ. Это задача научно-литературныхъ и спеціально критико-библіографическихъ періодическихъ изданій, которыя и выполняютъ свое дѣло.

VII.

Портреты русскихъ достопамятныхъ людей продолжали и въ обозрѣваемомъ году украшать наше изданіе. Прилагая эти портреты, мы попрежнему заботились, чтобы они отличались сходствомъ съ оригиналами и были бы исполнены лучшими современными русскими художниками-граверами. Читатели, конечно, не безъ интереса и не безъ любопытства взглянули въ этихъ портретахъ на выразительныя лица: красавца И. А. Анненкова (декабриста) и его героини-невѣсты, а потомъ жены, П. Е. Анненковой. Очень удачно вышелъ портретъ историка Д. Н. Бантышъ-Каменскаго; любопытенъ растрепанный обликъ романиста В. Т. Нарѣжнаго, платившаго дань отечественному недугу и поэтому преждевременно сошедшаго въ могилу „отъ водянки"; превосходная гравюра на мѣди передана нами въ портретѣ генерала М. Г. Черняева — гравюра выполнена въ Парижѣ; затѣмъ портреты почетн. опекуна Пфеля, И. Т. Осинина, И. Е. Крамскаго (всѣ три гравюры на мѣди), С. И. Зарудная,—сенатора и знаменитаго участника въ трудахъ по судебной реформѣ, и портреты: генерала Тотлебена, путешественника Мозера (съ десятью рисунками изъ его книги о Средней Азіи), портретъ артиста Л. Л. Леонидова—переданы въ гравюрахъ на мѣди: Ѳ. А. Мѣркинымъ и на деревѣ—В. В. Маттэ и И. И. Матюшинымъ (оба ученики и преемники славнаго ксилографа-академика Л. А. Сѣрякова). Изъ изображеній дѣятелей древней Россіи мы воспроизвели ликъ равноапостольнаго Владиміра Святаго

въ гравюрѣ художника И. И. Матюшина, по рисунку, доставленному славнымъ,старѣйшимъ современнымъ археологомъ-живописцемъ, 88-ми-лѣтнимъ профессоромъ, Ѳедоромъ Григорьевичемъ Солнцевымъ.

Съ 1889-го года „Русская Старина" вступаетъ въ двадцатый годъ ея изданія.

Мы будемъ и въ грядущемъ времени руководствоваться постоянными нашими принципами: нелицепріятіе, стремленіе къ правдѣ, одной только правдѣ, глубокое сознаніе важности нашей задачи собирателя матеріала для правильной, честной и всесторонней оцѣнки историческихъ дѣятелей и событій отечественной исторіи, въ поученіе настоящему и въ назиданіе будущему,— вотъ тѣ принципы, которыми мы неизмѣнно руководствуемся съ самаго начала нашего изданія, съ января 1870 г., и съ которыми дожили до вступленія въ двадцатый годъ нашего труда.

Михаилъ Семевскій.

20-го октября 1888 г.
С.-Петербургъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы въ 1870—1888 гг.

[по 23 ноября 1888 г.].

Абаза,—Л. В. Абашкинъ,—Р. В. Авдіевъ,—В. П. Авенаріусъ,—Н. П. Авенаріусъ,—Д. В. Аверкіевъ,— И. П. Аврамовъ,—Ага-бекъ-Гасабовъ,—П. Агапѣевъ, — Н. Агафоновъ, — Агентовъ,—А. Агрономовъ,—Адасова,—А. А. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—проф. И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ, — Аксюкъ, вдова, — П. В. Алабинъ, — С. И. Аландскій, — М. А. Албычевъ, — М. Александровъ, — А. Е. Алекторовъ, — К. Алмазовъ, — А. Н. Альмедингенъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—еписк. Амфилохій,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андзоскій,—директоръ археолог. института профес. И. Е. Андреевскій,—В. Андреевъ,—П. П. Андреевъ,—Х. К. Андреевъ.—Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—Ш. А. Антоновъ,—А. А. Ануфьевъ,—Д. Г. Анучинъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргиландеръ,—И. А. Аренсъ,—С. Аренсъ,—Аркадіевъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—Ѳ. С. Арнольди,—епископъ Арсеній,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—В. И. Асташевъ,—профес. Н. А. Астафьевъ,—Аринпчъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Т. В Астаховъ,—В. Асташевъ,—Астракова,—Н. П. Ахвердовъ,—Д. Д. Ахшарумовъ,—А. Ю. Ашебергъ,—фонъ Ашебергъ.

К. Ѳ. Багговутъ,—И. Н. Баевъ,—Н. Баженовъ,—Г. И. Baіхаровъ,—Байхаровъ,—В. И. Бакунина,—Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. Бантышъ-Каменская, — Е. Д. Бантышъ-Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—о. А. И. Баратынскій,—В. Л. Баратынскій,—А. И. Барзоцовскій,—А. В. Барановъ,—проф. Н. И. Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—Н. И. Барсуковъ,—З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—

В. Безсоновъ, — А. Безукладиновъ,—И. Е. Бельцманъ,—Н. Л. Бенуа,—С. Бердяевъ, — П. В. Березинъ,—В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ан. П. Берже,—С. Н. Берже,—І. Берманъ,—М. А. Берманъ,—І. Беръ,—Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,—І. Берхинъ,—М. А. Бестужева,—О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ.—проф. В. А. Бильбасовъ.—А. А. Бильдерлингъ,—бар. Вистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,— Бларамбергъ,—Н. И. Бобриковъ,—гр. А. А. и А. А. Бобринскіе,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—профес. живописи А. П. Боголюбовъ,—В. Боголюбовъ,—С. Богоянскій,—Л. А. Богуславскій,—баронъН. К. Богушевскій,—г. Бодеманъ (въ Гановерѣ),—профес. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ,—И. Н. Божеряновъ,—И. В. Болдыревъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—П. Ѳ. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ,—Д. Н. Бородинъ,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,— В. Боцяновскій,— И. Бочаровъ,—А. К. Бошнякъ,—П. Ѳ. Брандтъ,—Р. И. Бржостовская,—проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Бруннеръ,—А. П. Брянцевъ,—И. Брянцевъ,—В. А. Будзько,—Н. Буковскій,—Д. А. Булатовъ,—Е. Н. Булгакова,—В. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины,—С. Буличъ,—А. Вулыгинъ,—Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ,—Я. Бутковскій,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Вухъ,—В. Е. Бучневичъ,—М. Быковъ,—Н. В. Быковъ,—М. Быстровъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ,—Ѳ. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—А. Бѣлениновъ,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. Д. Бѣляевъ,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,— Н. Н. Вакуловскій,— М. С. Валевскій,—А. Вальбергъ,—В. В. фонъ-Валь,— графъ П. А. Валуевъ,—А. У. Варакомскій,—К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ-Секретъ,—И. И. Василёвъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—А. И. Васильевъ,—К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—І. Васъ,— Н. В. Вахтинъ,—Веденяпинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій,—Величковскій,— А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,— М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—П. Вересовъ,— А. В. Верещагинъ,—художникъ Вас. Вас. Верещагинъ,—А. И. Веригинъ,—Н. П. Вернеръ,—Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Веснинъ,—Н. И. Викинскій,—Ѳ. Ѳ. Винбергъ,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—Випроревъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый),—Ѳ. А. Витбергъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Н. П. Вишняковъ,—Н. Н. Владимірова,—А. Владиміровъ,—А. П. Владиміровъ,—М. Владыкинъ,—Г. П. Власовъ,—И. Влодзимірскій,—В. П. Водопьяновъ,—А. Н. Воейковъ,—П. П. Возницынъ,—А. М. Войновъ,—Г. А. Волжевъ,—кн. Волконскій,—И. И. Вологдинъ,— И. В. Вологдинъ, — С. Волосатова, — Ф. И. Волтатисъ, — П. П.

Волховской,—Вольдемаръ, — Вонлярлярская, —Г. А. Воробьевъ,—Е. З. Воронина,—Н. А. Воронихинъ,—А. П. Вороновъ,—П. А. Вороновъ,—Павелъ Никол. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова, — Н. Я. Воскобойниковъ, —А. А. Востоковъ, — Н. Н. Вохинъ, —баронесса Вревская,—баронъ Б. А. Вревскій,—П. И. Вріони,—Вудъ,—А. Г. Вышеславцевъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ, — княгиня Гагарина, рожденная Иванова,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ, —П. Гагенъ,—А. Гакъ,—профес. А. Д. Галаховъ,—А. С. Галаховъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамарнинъ,—А. Ѳ. Гамбургеръ,—П. Г. Ганзенъ,—Е. А. Ганъ,—Я. Гарелинъ,—А. А. Гатцукъ,—А. Гацинскій, —Гвоздиковъ,— Э. Гебель,—К. К. Гейнсъ,—В. И. Гейсмаръ,—О. Ф. Гейфельдеръ,—К. К. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Геничъ, — А. А. Герке, — В. Ц. Герцыкъ,—профес. А. А. Герценъ,—П. А. Гильтебрандтъ,—Гилюсъ,—Д. И. Гиппіусъ,—Л. Ѳ. Гиргасъ,—К. К. Гирсъ,—В. М. Гиршфельдъ,— В. О. Гладкій,—К. В. Гладковская,—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка, — М. С. Глинка,— Глинка,—П. Гловацкій,— Глуховъ,—А. А. Глѣбова, — Д. Е. Гнусинъ, — Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, —г. Голицынскій,—кн. К. К. Голицынъ, — кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ, — бывш. профес кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ,— И. Головинъ, — П. С. Головинъ,—К. Д. Головщиковъ,—К. М. Голодниковъ,—П. Д. Голохвастовъ,—И. А. Голышевъ,—Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ, — проф. В. А. Гольцевъ,—Гомановскій,—Гондатти,—А. Н. Гончаровъ,—И. А. Гончаровъ,—артистъ И. Ѳ. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—Н. Д. Горемыкинъ,—М. Горилецкій,—М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—С. В. Городецкій,—профес. от. М. И. Горчаковъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Г. К. Градовскій,—художн. Г. И. Грачевъ,—Ѳ. А. Гребенщиковъ,—А. К. Грегоріади,—А. Е. Гренъ, Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ, —Я. И. Григорьевъ, —И. Я. Гриммъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. В. Губерти, — Н. И. Гулакъ, — П. Гулакъ-Артемовскій, —С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковскій,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ,—А. Я. Гюббенетъ.

Кн. В. Д. Дабижа,—В. Н. Давыдовъ,—Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,—Т. М. Дагаевъ,—Н. Данилевская,—А. С. Даниловъ, —художн. А. И. Даугель,—Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—В. А Дейлидовичъ,—Н. Д. Дела-Флизъ,—А. К. Де-Ливронъ,—С. Дельпесъ,—И. Д. Деляновъ,—А. П. Демидовъ,—П. А. Деммертъ,—А. Демминъ,—Г. Д. Демяновскій,—худож. Деньеръ,—Е. Депрейсъ,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ, —А. И. Деспотъ-Зеновичъ, — К. К. Детловъ, — Г. А. Джаншіевъ,—В. А. Дзюбенко,—А. И. Дидриксъ,—Діатроптовъ,—Дмитріевъ,—А. С. Дмитріевъ, — Н. Г. Дмоховскій,—Л. Я. Добровъ, — Ѳеоѳанъ Л. Доброленскій, —

Ф. Н. Добрянскій, — Я. И. Довголевскій, — В. Доймидовичъ,—В. Дов—ій,— К. А. Докучаевъ-Басковъ,—Н. А. Докучаевъ,—кн. В. А. Долгоруковъ,— кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ,—П. П. Долживовъ, — Л. П. Долинка, — В. П. Долотовъ,—К. И. Домонтовичъ,—Е. И. Дощанская, — А. Г. Достоевская, — Живко Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,— С. Д. Дрожжинъ,—кн. Д. В Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—Е. И. Дубельтъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,—А. Дубицкій,—академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, — А. В. Дурново,—Л. А. Дуровъ,—Н. В. Дуровъ,—Ѳ. В. Духовниковъ,—М. Л. Духонинъ,—Я. Дюжиловъ.

К. Евлентьевъ, - Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—Егорьевскій, — Ф. Езіоранскій,—от. П. П. Еланскій,—от. І Еланскій, — кн. Енгалычевъ, — князь Н. Н. Еникѣевъ,—Епанчинъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,— К. И. Ермолинъ,—В. М. Еропкинъ,—В. В. Еропкина, — А. Ерошкинъ,— А. Есаковъ,—Г. В. Есиповъ,—Я. И. Есьманъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—Н. Н. Жеденевъ,—В. Желеховскій,— В. П. Желиховская,—Н. Ѳ. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—А. К. Жизневскій,—В. И. Жиркевичъ,—А. В. Жиркевичъ,—от. В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—М. М. Жуковскій,—худож. Пав. Вас. Жуковскій, —Н. Н. Жуковскій,—Петръ Влад. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,—А. Заборинскій,—А. Заборовскій.—Д. Заборовской,— акад. П. П. Забѣлло,—Л. А. Загоскинъ,—С. М. Загоскинъ,—С. А. Загряжская,—В. Заенчковскій,—В. Д. Заика,—Т. М. Зашкевичъ,—И. К. Зайцевъ,—Ѳ. Д. Зайцевъ,—А. И. Залѣсскій,—П. Т. Залѣсскій,—Замысловъ,— А. Зандрокъ,—Заржецкій,—Я. И. Заринъ,—А. С. Зарудный—Е. И. Зарина,— А. Г. Затлеръ,—И. Н. Захарьинъ,—Д. Захаровичъ,—В. Захаровъ,—К. Защукъ,— К. И. Званцовъ,—С. Звѣревъ,—К. С. Звягинъ,—профес. Н. Ѳ. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Л. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—М. Злотковскій,—І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова— А. Змѣевъ,—Л. Ѳ. Змѣевъ,—Золотовъ,—А. И. Зотова,—А. Ѳ. Зубковскій,— В. Р. Зотовъ,—А. Ѳ. Зубковскій,—Е. Б. Зубова, рожден. баронесса Вревская,—В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—О. И. Иванова, рожденная Анненкова,—Н. И. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ.—И. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Петръ Вас. Ивановъ,—М. Н. Ивановъ,—Н. Ѳ. Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. Б. Юверсенъ,—А. Игнатовичъ,—от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ),—А. П. Игнатьевъ,— А. С. Игнатьевъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ,—С. А. Идаховъ,—

А. Извольскій,—П.А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій,—В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—Л. В. Ильяшевичъ,—М. А. Имбергъ,—Инсарскій,—арх. Ипполитъ,—П. П. Исаевичъ,—А. Д. Исаковъ,—П. Н. Исаковъ,—Д. С. Исардовъ,—Н. О. Истинской,—Ѳ. А. Исуповъ,—Г. Ѳ. Исѣевъ.

В. Каверзневъ,—Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ,—М. К. Казина, — С. Д. Казина, рожд. Бантышъ-Каменская, — Казинъ, — П. С. Калачевскій, — М. М. Калиновская. — Калиновская, — В. В. Каллашъ.—Д. И. Калугинъ.—графиня Л. М. Каменская,—Ѳ. А. Каменскій,—И. Т. Камчатовъ,—А. Н. Канаевъ,—А. Канаринъ, — кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—Н. Я. Капустина,—П. А. Карабьинъ,—А. А. Карасевъ,—М. В. Карасевъ,—И. Каргопольцевъ,—М. А. Карлинъ,—от. А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Г. Ѳ. Карповъ,—Каррикъ,—Л. В. Картавцевъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—П. Кастальскій,—Н. Н. Касьяновъ,—В. Катеневъ,—В. Катенинъ,—В. Каченовскій,—Н. С. Кашкинъ,—М. Н. Кедровъ,—Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—профессоръ живописи И. П. Келеръ,—М. Кельдышъ,—Н. П.Кельшъ,—Ѳ. Ѳ. Кенигъ,—А. П. Кеппенъ,—Т. Кибальчикъ,—Кильдюшевскій,—К. Д.Кипіани,—Кирилловъ,—С. И. Кирѣевскій,—Л. В.Киселева,—А. С. Киселевъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,— Ѳ. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Княжевичъ,—М. Д. Княжевичъ,—Князевичъ,—А. С. Князевъ,—Д. Ѳ. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Д. А. Кобяковъ,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—П. М. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коваленковъ,—Н. И. Коведаевъ,—Э. А. Коверскій,—М. М. Ковязинъ,—Кожуховъ,—Козадавлевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій.—С. Козловскій,—Н. И Козловъ, — ген.-ад. Козлянииновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—С. П. Кокурошникова,—акад. Н. И. Кокшаровъ,— Колачевскій,— А. Коленковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Колокольцовъ,—А. А. Колокольцевъ,—Е. Колокольцевъ,—В. И. Колосовъ,—М. А. Колчинъ,—А. Колынинъ,—бар. М. Колычевъ,—А. Л. Колянковскій,—В. А. Комаровъ,—А.Ф. Кони,—гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—П. А. Коробьинъ,—І. А. Корозо,—Я. И. Коростовцевъ,—А. Корсаковъ,—профес. Д. А. Корсаковъ,—бар. Корфъ,—Г. Ѳ. Корчевскій,—Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ,—Я. И. Костенецкій,—М. Костылевъ,—Ѳ. Н. Костюковъ,—Н. П. Косяровскій,—инж. П. Н. Котляревскій,—Иванъ А. Кравцовъ,—И. С. Кравцовъ,—А. А. Краевскій,—П. В. Краснопѣвцевъ, — А. Я. Кремнинской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій,—Ю, А. Крестцовъ, — баронъ Криденеръ,— Н. Ѳ. Крузе, — М. Круповичъ,—С. Крутиковъ,—Н. К. Крыжановскій,—Крыжовъ,—А. Д. Крыловъ,—Н. Г. Крыловъ,—П. И. Крюковъ,—А. И. Ксензенко,—В. Ф. Кудрявцевъ,—

М. П. Кудрявцевъ, — вдова ген.-лейт. Кузмина—Н. А. Кузминскій,—В. В. Кузьминъ,—Г. Кузминъ,—И. Кузминъ.—А. Кузнецовъ,—Б. Кукель,—Н. И. Куликовъ,—Н. Н. Куликовъ,—В. П. Кулинъ,—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ,—М. А. Куплетскій,—И. К. Купріяновъ,—кн. Ѳ. А. и С. В. Куракины,—В. Курдановскій,—В. В. Курдюмовъ,—Курнаръ,—И. Курнсъ,—М. Куронтевъ,—П. А. и А. А. Кусковы,—Н. Кутейниковъ,—М. Н. Кучаевъ,—Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева,—Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—Я. Лавровъ,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—Е. Лазо,—І. А. Лазовъ,—М. А. Лакомте,—И. Ланинъ,—г. Ланкенау,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, по перв. мужу Соловьева, рожд. Арбузова,—А. Ласкѣевъ,—Н. В. Латкинъ.—С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—А. С. Лацинскій,—А. Лебедева,—А. С. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ, В. И. Лебедевъ,—Н. А. Лебедевъ, К. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Г. Лебединецъ,—В. Ѳ. Лебединскій,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—П. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—М. Ю. Левестамъ,—Н. Левитскій,—С. Л Левицкій,—О. И. Левицкій,—Г. П. Левицкій,—А. А. Левшинъ,—архимадр. Леонидъ (Кавелинъ),—М. М. Лемпицкій,—профес. Ленцъ (въ Марбургѣ),—артистъ Л. Л. Леонидовъ,—Леоновъ,—Леопольдовъ,—Н. В. Лепешинской,—И. В. Лермонтовъ,—В. Н. Лермонтовъ,—В. В. Лещинскій,—К. Ф. Де-Ливронъ,—М. И. Лилеевъ,—А. Линбергъ,—И. А. Линниченко,—Н. О. Линовскій,—И. Линскій,—Липовицкій,—В. Лисенко,—Д. Д. Лисенко,—П. Литвинова,—В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—П. В. Лобановъ,—Л. Я. Лосинскій,—А. Ломачевскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—С. Ц. Лопацкая,—Н. Лопухинъ,—П. В. Лопухина,—Е. А. Лопушинскій,—графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—Лоссовская,—І. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—А. Луганинъ,—П. Ѳ. Лузановъ,—Лукинскій,—свящ. А. А. Лунинъ,—В. К. Луцкій,—М. Львова—А. Львовъ,—Анатолій Ник. Львовъ,—Л. Ѳ. Львовъ,—Ѳ. Ѳ. Львовъ,—Н. С. Лыкошинъ,—А. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лѣсковъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—М. Н. Любощинскій,—И. Людмиловъ,—М. И. Лядовъ,—М. И. Лядовъ,—А. Я. Ляпуновъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—А. Н. Майковъ,—Л. Н. Майковъ,—И. В. Майковъ,—епископъ Макарій,—Н. Я. Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—ген.-лейт. Маклаковъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—Н. Н. Макшеевъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—В. Н. Макшѣевъ,—И. П. Малаховскій,—Л. В. Малининъ,—П. Ѳ. Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Маньковскій,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Маринъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—О. М. Марковникова,—Е. Л. Марковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—Н. В. Масловичъ,—А. Н. Масловская,—Е. П. Масловъ,—

А. Н. Масоловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—А. П. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—художн. Б. В. Матте,—Ив. Матченко,—художн. И. И. Матюшинъ,—Н. А. Матякинъ,—А. Маховъ,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—А. А. Маюровъ,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—И. В. Мельниковъ,—Н. Мельницкій, — Меншиковъ, — бар. И. К. Мердеръ,—А. Е. Мерцаловъ,—А. Мечинскій,—Н. Мечъ, — Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—А. М. Миклашевскій, — акад. художн. М. О. Микѣшинъ,—К. К. Миллеръ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—Н. С. Милошевичъ,—А. П. Милюковъ,—М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—графъ Д. А. Милютинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н Минхъ,—К. Мирзоевъ,—М. Ѳ. Мирковичъ,—І. Мироновичъ,—П. Мироносицкій,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ,—А. И. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—прот. В. Я. Михайловскій,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—полковн. Г. Михельсонъ, — І. О. Мишинъ, — А. Ѳ. Можаровскій,—Н. С. Моллеръ,—Меѳ. Мирон. Молчановъ, —Ф. Моль,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Мориновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. И. Морозовъ, — П. О. Морозовъ, — Д. К. Морозъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ, — Я. Морошкинъ, — И. Московскій,— А. П. Муликовскій, — Г. А. Муравьевъ (внукъ декабриста), — гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго),—о. П. И. Мурзакевичъ,—Н. С. Мусинъ-Пушкинъ,—М. А. Мусницкій, — Е. Ѳ. Мужи, — художн. Ѳ. А. Мѣркинъ, — А. К. Мѣтлина,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—А. Н. Надеждинъ,—В. Надпорожный,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—контръ-адм. Назимовъ,—от. А. Накропинъ,—А. П. Налимовъ,—В. Напорожскій,—Н. П. Нараповичъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохиницкій,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Н. Н. Неёловъ,—Ю. Ѳ. Нейманъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Нѣловъ,—С. А. Никитенко,—В. Н. Никитинъ,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи,—О. Ѳ. Николаи,—А. Никольскій,—А. А. Никольскій,—С. Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ,—графъ Нироднъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. М. Новицкій,—М. Д. Нововъ,—А. Г. Новоселовъ,—С. Д. Носъ,—А. Е. Носъ.

Обезерскій,—Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—Н. А. Огарева-Тучкова,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—А. К. Одинцовъ,—Н. А. Одинцовъ,—Н. Ф. Ожеде-Ранкуръ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ, —Н. А. Окуневъ, — П. А. Олферовскій, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омельяненко,—

Ольхинъ,—В. И. Онупріенко,—А. Онѣгинъ,—от. С. И. Опатовичъ,—И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. В. Орловъ, — Ив. Никол. Орловъ, — П. А. Орловъ,—Ф. Ф. Орловъ,—проф. Н. А. Осокинъ,—бар. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—бар. А. А. Остенъ-Сакенъ,—А. Острогорскій,—свящ. С. Остроумовъ,—В. А. Остряковъ,—П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ,—А. Ѳ. Павловскій,—Павловскій,—И. Ф. Павловскій,—А. А. Павловъ,—А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—П. П. Падучевъ,—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Палибинъ,—С. М. Палицынъ,—А. В. Пальчиковъ,—А. А. и В. А. Панаевы,—художн. Панемакеръ,—Н. И. Пановъ,—С. Ф. Панютинъ,—Вс. Панютинъ,—П. А. Панчулидзевъ,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Парландъ, архитекторъ,—М. Д. Пархомовъ, —И. В. Паскачинъ, — В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ, — А. Пахолковъ, — В. К. Пашковъ, — В. Пащенко,—И. Пеньковскій, — профес. І. Первольфъ,—П. М. Первушинъ,—Г. Г. Перетцъ, — Э. П. Перцовъ, — Перьфильева, — Н. А. Перьфильевъ, — генер.-лейт. Пестичъ, — Петерсонъ, — Г. П. Петерсонъ, — С. Петровскій, — Алексан. Павл. Петровъ,—П. Петровъ, —Андр. Ник. Петровъ,—проф. Н. И. Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ, — от. Пирлингъ, — В. Н. Пироговъ,—А. А. Пирогова,—Н. В. Пирожковъ,—А. Н. Писарева,— С. П. Писаревъ, — В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—ген. отъ арт. Платовъ,—Ю. Ѳ. Платонова,—Н. Н. Платуновъ,—А. Повалишинъ,—А. А. Повало-Швыйковскій,—С. И. Погодина,—А. Д. Погодинъ,— И. П. Поддубный, — И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—И. Г. Познанскій,—А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—В. И. Покровскій,—протоіер. Г. Покровскій,—Н. В. Покровскій,—П. Н. Полевой,—Ѳ. И. Полежаевъ,—А. П. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ,—В. Н. Поливановъ, — Л. И. Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ, -Ѳ. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ Ив. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. Поповъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—А. П. Порто,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской, — полков. Потто,—П. А. Потѣхинъ,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я. Прейсъ,—А. Преображенскій,—А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Ф. И. Приходкинъ,—Д. И. Прозоровскій,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ, — протоіерей М. Путинцевъ,—кн. П. А. Путятинъ,—Е. П. Пуценко,—П. А. Пушкаревъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равнъ,—І. Радзиковскій, — И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,— Разлерпшинъ,—М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—Е. К. Раппъ,— А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій, — К. Я. Рейнерсъ, — Ѳ. Ѳ. Рейнботъ,—М. Х. Рейтернъ,—И. С. Реме овъ,—Н. В. Реутскій, — Н. Ржавская,—Н. Ѳ. Ржевская, — графъ А. А. Ржевускій, — Н. Рингеръ, — Н. В. Ринкъ, — А. Ѳ. Риттихъ, — Д. А. Ровинскій,—Н. Роговъ,— А. И. Роджеръ,—Г. И. Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. протоіерей А. И. Розановъ,—М. Г. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ, — В. И. Розенгеймъ, — Д. А. Рокотовъ, — Г. Ѳ. Романенко-Щирый, — П. П. Романовичъ,— А. Н. Романовскій,—К. К. Ро—въ,—С. И. Романовъ,— Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—В. А. фонъ-Роткирхъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Р.. . . .скій,—Д.И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—Ѳ. Рубановскій,—М. И. Рубецъ,—С. А. Рудакова, — К. И. Рудницкій,—К. К. Рудницкій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Румель,—Л. Е. Руммель,—Е. Д. Руничъ,—А. Ѳ. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рышковъ,—Е. С. Рѣпина,—художникъ И. Е. Рѣпинъ,—Г. К. Рѣпинскій, —Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—профес. П. И. Савваитовъ,—А. А Савельевъ, А. И. Савельевъ,— Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,— Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Саліасъ, рожд. Сухово-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгенія Туръ),—А. П. Саломовъ,—П. И. Саломонъ,—М. Е. Салтыковъ, — В. Самариновъ, — Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. А. Самойлова,—Н. Самойло, — И. Самсоновъ, — А. Сапожниковъ,—Д. А. Саранчовъ,—М. Е. Саранчовъ.—А. Д. Сатинъ, —В. С. Саховъ,— Свамочкинъ,—П. Н. Свистуновъ (декабр.),—П. М. Свободинъ,—Н. П. Свѣчина,— Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—А. О. Селивановъ,— Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—магистръ русск. исторіи В. И. Семевскій,—Е. Н. Семевская, по перв. мужу Водовозова, рожд. Цевловская,—Д. Д. Семеновъ,—И. С. Семеновъ,— Н. П. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,— А. Сементовскій,—Е. Семичева,—К. А. Семковскій,—К. К. Сентъ-Илеръ,— А. Н. Сергѣевъ,—Сергѣевъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—И. О. Сержпутовскій,—Серно-Соловьевичъ,—графы Е. и Н. Е. Сиверсъ,—Д. П. Силичевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—К. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ,—А. И. Скиноеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый, — Ѳ. М. Скородумовъ,—А. И. Скребицкій,—А. М. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—А. Слѣпцовъ,—свящ. А. Смирновъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—И. К. Смирновъ,—О. Н. Смирнова,—В. Н. Смольяниновъ,—Смѣкаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—Н. П. Собко,— А. И. Соболевскій,—Л. Н. Соболевъ,—С. Соболевъ,—А. П. Созановичъ,— М. В. Соймоновъ,—В. Соколовскій,—А. И. Соколовъ,—А. П. Соколовъ,—

А. Н. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ,—профес. Ѳ. Г. Солнцевъ,—от. П. Соловьевъ,—П. И. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—Солтанъ,—А. И. Сомовъ,—А. Е. Сомовъ,—В. М. Сорокинъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ. -Сосновская,—П. Т. Софіенко-Сумлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—И. Сиротининъ,—М. Н. Ставраки,—Станевичъ,—А. Станкевичъ,—С. А. Станкевичъ,—А. И. Старкъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—М. П. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—П. Ѳ. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—Стишевскій, — А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—М. Страховскій,—А. И. Стригоцкій,—П. Р. Строгановъ,—В. Стромиловъ,—Н. С. Стромиловъ,—Строевъ,—Стронинъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—М. Д. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—М. М. Субботинъ,—Н. И. Суворовъ,—С. Судаковъ, — І. М. Судіенко,—С. Н. Сулима,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—Е. Сысоева,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тицъ.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,—графъ Н. И. Татищевъ,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—А. З. Теляковскій,—Е А. Теляковскій,—Н. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—В. А. Тепловъ,—Ѳ. А. Теплоуховъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—А. И. Тимофѣевъ,—Вѣра Вас. Тимощукъ, рожденная Кузнецова, — Тимченко - Рубанъ, — Н. Титова, — А А. Титовъ, — В. П. Титовъ, — Н. Н. Титовъ,—Т. Тихменевъ,—И. Тихомировъ,—А. Е. Тихонравова,—Д. А. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—графиня С. А. Толстая,—графъ Д. А. Толстой,—гр. И. И. Толстой,—Л. Н. Толстой,—гр. М. В. Толстой,—П. С. Толстой,—В. М. Толстой,—Томашевъ,—А. М. Томилина, — Н. Е. Топчіевъ,—П. Травинъ,—г. Трахтенбергъ,—Н. Трескинъ,—В. Третескій,—Л. Н. Трефолевъ, — В. Г. Трироговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Н. А. Трохимовскій, — Д. А. Трощинскій,—А. Н. Труворовъ,—А. Тулова,—А. Д. Тумановъ,—В. В. Тунашевскій,—В. В. Туноменскій,—Турау,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—И. Н. Турчаниновъ,—Н. П. и М. П. Тучковы,—Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ, —И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ,—В. А. Успенскій,—М. П. Успенскій,—Успенскій,—П. М. Устимовичъ.

Н. Фадѣева,—М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—Н. Федотьевъ,—А. Федоченко,—А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетистовъ,—А. Фехнеръ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,—

профес. Н. А. Фирсовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Н. Ѳ. Фанъ-деръ Флитъ,—Д. Флоринскій,—О. Е. Франкъ,—баронъ А. А. Фредериксъ,—бар В. А. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикенъ,—Фролковъ,—А. Е. Фролова,—Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—И. Херсонскій,—Хижняковъ,—С. А. Хмырова,—Хмѣльницкій,—Н. Ф. Хованскій,—А. А. Ходневъ,—П. Ф. Хомутовъ,—от. А. Хорошуновъ,—Г. Р. Хорули,—И. Е. Хорунженковъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хржановскій,—И. Христофоровъ,—Н. Христофоровъ,—М. Н. Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. Хупотскій.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—М. Р. Цебрикова,—Цебриковъ,—М. И. Цейдлеръ,—кн. Д. Н. Цертелевъ,—А. Цимбалистовъ.

Адамъ Мих. Чайковскій,—гр. Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—В. С Чеважевскій,—В. Р. Чевскій,—Ѳ. Ѳ. Чекалинъ,—Н. М. Челищевъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ,—В. Ф. Чернышевъ,—М. Г. Черняевъ,—К. А. Четверухинъ,—В. Н. Чеховъ,—Е. В. Чешихинъ,—Г. С. Чирпковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—Л. М. Чичаговъ,—А. Чичеринъ,—И. Чичеринъ,—М. М. Чича овъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ.

Г. А. Эзовъ,—І. Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ,—Г. Эйнышъ,—А. Экземплярскій,—Э. Элерсъ,—Н. А. Энгельгардтъ,—Э. К. Энгманъ,—К. Г. Эрнротъ.

А. С. Шагубатовъ, — Е. А. Шакѣевъ, — П. П. Шалфѣевъ, — И. И. Шамшевъ,—проф. живоп. А. І. Шарлемань,—Ф. А. Шатовъ,—кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—П. Шванебахъ,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—И. А. Шмаковъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—Шелехова,—В. И. Шенрокъ,—Н. Шепшинъ.—А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—П. Д. Шестаковъ,—И І. Шеталовъ.—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Н. И. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—И. И. Шимко,—Н. Ширяевъ,—Н. И. Шишкинъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій,—Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,—И. А. Шляковъ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ),—Н. К. Штрандманъ,—г-жа Штукенбергъ,—А. И. Шубертъ,—С. Н. Шубинской, — Д. П. Щубинъ-Поздѣевъ, — Б. В. Шульцъ, — П. А. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ,—Д. Шумиловъ,—А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ, — А. Щербаковъ, — Щербачевъ,—Н. Щеховскій,—В. Р. Щиглевъ.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—г. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Юргенсонъ,—К. А. Юргенсъ,—П. И. Юркевичъ,—П. О. Юрченко,—Юшковъ.

Д. Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—П. Н. Якоби,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Б. Якунчиковъ,—Вяч. Евгеніевичъ Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—Л. И. Янушъ,—А. И. Янъ,—С. А. Ярошъ,—П. Ясницкій,—В. Н. Ястребовъ,—А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова

Н. Н. Ѳедоткинъ.

Редакторъ-издат. «Русской Старины» **Михаилъ Ивановичъ Семевскій**, членъ Археографической коммиссіи при Министерствѣ Народнаго просвѣщенія; почетный членъ археологическаго института,—почетный членъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ,—членъ императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (въ С.-Петербургѣ),—исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетахъ,—русскаго археологическаго общества (въ Спб.) и русскаго географическаго; членъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій: Нижегородской, Пермской, Рязанской, Тамбовской и Тверской; русскаго антропологическаго общества (въ Спб.); русскаго литературнаго общества (въ С.-Петербургѣ); общества любителей Россійской словесности (въ Москвѣ);—Псковскаго статистическаго комитета,—почетный членъ Ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей,—почетный членъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края,—и членъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.



Вслѣдъ за спискомъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ,—С. А. Амировъ, — Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ѳ. Багговутъ, — Я. П. Баклановъ, — П. И. Барановъ, — А. А. Баранцевъ, — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ,— А. П. Башуцкій,—профес. Н. В. Бергъ,—Ад. П. Берже. —Е. А. Бестужева,— М. А. Бестужевъ (декабристъ),—профес. М. И. Богдановичъ,—профес. О. М. Бодянскій,—М. П. Болотовъ,—Боричевскій,—худож. Н. К. Бреве,—адм. Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—Н. Д. Быковъ,—А. П. Бѣляевъ (декабристъ),—профес. И. Д. Бѣляевъ,—В. Н. Ваксель,—И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ,— кн. А. И. Васильчиковъ,—Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ),—К. Н. Вельяминовъ,—Н. В. Веригинъ,—А. Ѳ. Волковъ,—Андрей Степанов. Вороновъ,—Н. М. Востоковъ,—И. В. Вуичъ,—А. Н. Вульфъ,—от. И. Гагаринъ (іезуитъ),—В. П. Гаевскій,— Г. Н. Геннади, — Н. В. Гербель, — профес. Эрн. Германъ (въ Марбургѣ),—П. П. фонъ Гецъ,— А. Ѳ. Гильфердингъ,—Ѳ. Н. Глинка,—К. П. Голенко,—Я. Ѳ. Головацкій,—А. В. Головнинъ,— свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ,—А. К. Гриббе,—С. И. Гуляевъ.—В. Д. Давыдовъ,—В. И. Даль,— Данильченко, — П. М. Дараганъ, —кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато,—М. Ѳ. Де-Пуле,—Н. Н. Де-Прерадовичъ, —Н. П. Дуровъ,—И. И. Европеусъ,—А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятнинъ, — С. И. Зарудный — К. К. Злобинъ, — И. Ѳ. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ, — П. Д Золотовъ,—П. Д. Зотовъ,—К. А. Зыбинъ,—В А Инсарскій,—А. Г. Казначеевъ,— Н. В. Калачовъ,—Ѳ. В. Каразинъ,—В. Н. Карамзинъ,— А. М. Каратыгина, рожден. Колосова,—П. А. Каратыгинъ,—П. П. Каратыгинъ,—Е. П. Карповичъ.—С. Д. Карповъ,—бар. Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Д. И. Кипіани,—А. Н. Кирилинъ,—А. М. Княжевичъ,—М. Е. Ковалевскій,—О. И. Константиновъ,— графъ М. А. Корфъ,—баронъ Н. А. Корфъ,—профессоръ Н. И. Костомаровъ, —графъ П. Е. Коцебу,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,— И И Красовскій, —А. Н. Креницынъ,—ген. лейт. Кузминъ,—Г. И. Кузьминскій,—С. Е. Кулѣша,—кн. А. Б. Куракинъ,—от. К. Кустодіевъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ, — профес. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,— А. Ф. Леопольдовъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—В. Н. Майновъ,—С. М. Макарова,—Л. С. Маковъ,—Б. М. Маркевичъ,—

М. А. Марковъ,—от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ),—кн. Н. Масальскій,—П. И. Мельниковъ,—П. К. Менковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ,—Милюковъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ),—Ѳ. Н. Муратовъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—П. А. Мухановъ,—М. А. Назимовъ (декабристъ),—А. С. Наставинъ,—профес. А. И. Никитскій,—профес. В. В. Никольскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—А. Одинцовъ,—Ѳ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—Н. М. Орловъ (сынъ декабриста),—И. Т. Осининъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Г. Петровъ,—В. П. Петровъ,—профес. Н. И. Пироговъ,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—Н. М. Пржевальскій,—О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Ѳ. Ратчъ,—Н. А. Ратынскій,—А. В. Рачинскій,—Людмила Ив. Рикордъ,—Н. П. Розановъ,—М. П. Розенгеймъ,—баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),—ген.-лейт. Д. И. Романовскій,—Н. И. Ростиславовъ,—Д. И. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—артистъ В. В Самойловъ,—проф. И. И. Свіязевъ,—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—И. Е Семевскій,—А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—Татьяна Мих. Семевская,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина, рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и профес. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій,—А. Л. Спаскій,—Е. Э. Старковъ,—Н. П. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—В. Я. Стоюнинъ,—кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—от. А. П. Сулоцкій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—Токарева,—графъ Ѳ. П. Толстой,—А. В. Топоровъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—С. И. Турбинъ,—С. И. Тургеневъ,—кн. С. Н. Урусовъ,—В. И. Фелькнеръ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ,—М. Д. Хмыровъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ,—Н. Р. Цебриковъ (декабристъ),—Мих. Чайковскій (Садыкъ-Паша),—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ,—ген.-адъют. К. В. Чевкинъ,—И. А. Чернавскій,—проф. Я. А. Чистовичъ,—П. А. Чуйковъ,—Н. К. Чупинъ,—І. И. Шишкинъ,—Т. И. Шишкинъ,—баронъ В. И. Штейнгейль (декабристъ),—А. И. Штукенбергъ,—В. К. Шульцъ,—П. К. Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—А. И. Языковъ,—Ястржемскій,—Б. М Ѳедоровъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлые фамильные архивы, напр. Бестужевыхъ,—К. В. Чевкина и др.,—находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины", и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

[1870—1888 гг.].

23-го ноября 1888 г.

Въ числѣ подписчиковъ на „Русскую Старину“

состояли

особы Августѣйшей Фамиліи

въ 1888 г.:

Его Императорское Величество Государь Императоръ,
Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ,
Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна,
Въ Комнаты Августѣйшихъ Дѣтей Государя Императора,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Владиміръ Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Алексѣй Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Сергій Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Павелъ Александровичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Константинъ Николаевичъ,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Николай Константиновичъ,
Его Императорское Высоч. Государь В. К. Константинъ Константиновичъ,
Ея Императорское Высочество Государыня В. К. Александра Петровна,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Николай Николаевичъ Мл.,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Петръ Николаевичъ,
Ея Императорское Высочество Государыня В. К. Ольга Θеодоровна,
Его Императорское Высочество Государь В. К. Николай Михаиловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Михаиловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ,
Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ,
Ея Императорское Высочество Государыня В. К. Екатерина Михаиловна,
Ея Императорское Высочество Герцогиня Марія Максиміліановна.
Ея Императорское Высочество Государыня В. К. Евгенія Максиміліановна,
Его Императорское Высочество Герцогъ Евгеній Максиміліановичъ,
Его Императорское Высочество Герцогъ Георгій Максиміліановичъ.

„Русская Старина“ и ея изданія

въ числахъ подписчиковъ.

I.

„Русская Старина“ въ 1888 году.

Въ 1888 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1.	Абобіорнеборгской губ.	2
2.	Акмолинской обл.	23
3.	Амурской обл.	11
4.	Архангельской губ.	18
5.	Астраханской	35
6.	Бакинской	19
7.	Бессарабской губ.	64
8.	Вазасской	1
9.	Варшавской	93
10.	Виленской	55
11.	Витебской	29
12.	Владимірской	64
13.	Вологодской	30
14.	Волынской	58
15.	Воронежской	75
16.	Выборгской	10
17.	Вятской	53
18.	Гродненской	42
19.	Дагестанской обл.	15
20.	Донской обл.	64
21.	Екатеринославской губ.	108
22.	Елисаветпольской	13
23.	Енисейской	17
24.	Забайкальской обл.	45
25.	Закаспійской обл.	26
26.	Заравшанскомъ окр.	8
27.	Иркутской губ.	60
28.	Казанской	87
29.	Калишской	12
30.	Калужской	40
31.	Карской обл.	14
32.	Кіевской губ.	160
33.	Ковенской	28
34.	Костромской	47
35.	Кубанской обл.	55
36.	Курляндской губ.	10
37.	Курской	77
38.	Кутаисской	21
39.	Кѣлецкой	10
40.	Лифляндской	43
41.	Ломжинской	16
42.	Люблинской	34
43.	Минской	34
44.	Могилевской	27
45.	Московской	50
46.	Нижегородской	56

47. Новгородской	67	75. Тамбовской	91
48. Нюландской	10	76. Тверской	60
49. Олонецкой	17	77. Терской обл.	43
50. Оренбургской	33	78. Тифлисской губ	89
51. Орловской	68	79. Тобольской	29
52. Пензенской	45	80. Томской	28
53. Пермской	98	81. Тульской	70
54. Петроковской	19	82. Уральской обл.	6
55. Плоцкой	21	83. Уфимской губ.	26
56. Подольской	54	84. Ферганской обл.	11
57. Полтавской	111	85. Харьковской губ.	141
58. Приморской обл.	49	86. Херсонской	199
59. Псковской губ.	49	87. Черниговской	86
60. Радомской	16	88. Эриванской губ.	11
61. Рязанской	54	89. Эстляндской	20
62. Самарской	45	90. Якутской обл.	15
63. С.-Петербургской	74	91. Ярославской губ.	61
4. Саратовской	96	**Итого**	**4118**
5. Семипалатинской обл.	11		
6. Семирѣченской	16	II. Въ Москвѣ	449
7. Симбирской губ	45		
8. Смоленской	61	III. Въ С.-Петербургѣ:	
9. Ставропольской	22	*съ доставк. и безъ доставки.*	1262
0. Сувалкской	16		
1. Сѣдлецкой губ.	14	IV. За границею	76
2. Сыръ-Дарьинской обл.	35	**Всего разошлось въ 1888 г.**	**5905**
3. Тавастгусской губ.	1		
4. Таврической	126		

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина" *А. Н. Писарева.*

20 ноября 1888 г.
С.-Петербургъ.

II.

„Русская Старина“ въ изданіяхъ 1870—1888 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

[по 20-е ноября 1888 г.].

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	**3,963**	62
1871 г. изданіе первое.	3,500	Не осталось ни одного экз., всѣ сполна разошлись.	
1872 г. изданія первое и второе. . .	4,500		
1873 г. изданіе первое.	5,000		
1874 г. » »	5,515		
1875 г. » »	6,000		
1876 г. изданія первое и второе. . .	6,535	**6,421**	114
1877 г. изданіе первое.	5,525	**5,463**	62
1878 г. » »	5,525	**5,462**	63
1879 г. » »	5,525	**5,482**	43
1880 г. изданія первое и второе. . .	6,025	**5,912**	113
1881 г. изданіе первое.	6,010	**5,966**	44
1882 г. » »	5,600	разошлось сполна.	
1883 г. » »	6,000	**5,989**	11
1884 г. изданія первое и второе. . .	6,625	**6,526**	99
1885 г. изданіе первое.	6,100	**5,987**	113
1886 г. » »	6,000	**5,988**	12
1887 г. » »	6,000	разошлось сполна.	
1888 г. » »	6,100	**5,905**	195

Книги, изданныя ред. „Русской Старины“

въ 1870—1888 гг.

«Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году», изд. 1870 г.
«Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія», изд. 1871 г.
«Записки Е. А. Хвостовой», изд. 1871 г.
«Записки Гавріила Ивановича Добрынина», изд. 1872 г.
«Записки Михаила Ивановича Глинки», изд. 1870 г.
«Записки князя Якова Шаховского», изд. 1872 г.
«Петровскій сборникъ», изд. 1872 г.
«Русская Родословная книга», подъ редакціей кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, два тома, изд. 1873 и 1875 гг.
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изд. 1882 г.

(Не осталось ни одного экземпляра, всѣ сполна разошлись.)

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
	экземпляровъ.		
«Русскіе дѣятели въ портретахъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ», изданіе 1886 г.	2,000	**2,000**	Разошл. сполна.
«Записки сельскаго священника», Спб., изд. 1882 г.	1,825	**1,616**	209
«Царица Прасковья», оч. изъ русск. исторіи М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	3,000	**3,000**	Разошлось сполна.
«Слово и дѣло», очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. 1883 г.	2,600	**2,600**	Разошлось сполна.
«Слово и дѣло», очерки, изд. 1884 г.	2,400	Изданія сполна принадлежатъ магазину Авг. Ѳед. Цинзерлинга.	Эти книги продаются у Ав. Ѳед. Цинзерлинга; цѣны: 2 р.; 2 р. 50 к.; 3 р. съ пересылкою.
«Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ», очеркъ изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, М. И. Семевскаго, изд. второе, 1884 г.	4,000		
«Систематическая роспись содержанія «Русской Старины» изд. 1870—1884 гг.». Спб., 1885 г., съ портр.	1,000		
«Первое прибавленіе къ Системитической росписи содерж. «Русск. Стар.» изд. 1885—1887 гг.», Спб., 1888 г., съ портретами.	507	**160**	347

Книги, изданныя или составленныя ред. „Русской Старины“.

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
	экземпляровъ.		
«Русскіе дѣятели» въ портретахъ, изданныхъ редакціею истор. журнала «Русская Старина». Второе собраніе, Спб., 1886 г.	2,500	**2,500**	Разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра.
«Павловскъ», очеркъ его исторіи, 1777—1877 гг., съ портретами и множествомъ рисунковъ, гравир. Л. А. Сѣряковымъ. Эта книга составлена ред. «Русской Старины», но издана иждивеніемъ Августѣйшаго Владѣльца города Павловска. .	1,825	**1,825**	
Альбомъ ред. «Русской Старины»: «850 біографій и замѣтокъ». .	1,520	**700**	820
«Русскіе дѣятели» въ портретахъ, изд. ред. «Русской Старины». Третье собраніе. Спб. 1888 г. . . .	2,000	—	
Записки Никиты Иванов. Толубѣева (1780—1809 гг.). Рукопись изъ собранія А. А. Титова. Спб. 1888 г.	1,200	—	

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *А. Н. Писарева.*

20-го ноября 1888 г.
С.-Петербургъ.

Главная контора редакціи журнала „Русская Старина“ въ С.-Петербургѣ для городскихъ подписчиковъ—на Невскомъ проспектѣ, домъ № 46, противъ Гостиннаго двора, книжный магазинъ Авг. Өед. Цинзерлинга.
Для иногородныхъ: Спб., Большая Подьяческая, д. № 7.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LVII, LVIII, LIX и LX тт.

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1888 г.

---

1) Въ іюньской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 575—614 встрѣчаются два раза: въ листахъ 38, 39 и 40-мъ, и въ листахъ 41, 42 и 43-мъ; ошибочно повторяющіяся въ трехъ послѣднихъ листахъ (41, 42 и 43) страницы обозначены въ этомъ указателѣ двойною нумерацію: 575^1 — 614^1. В. Т.

Состав. Указатель Вѣра Вас. Тимощукъ.

———— ————

Поправка.

Графъ Михаилъ Михайловичъ Віельгорскій-Матюшкинъ скончался въ 1855 году 22-го ноября, а не 22-го февраля, какъ ошибочно указано въ іюньской книгѣ „Русской Старины" изд. 1888 года, въ моей статьѣ (томъ LVIII, стр. 695).

М. А. Веневитиновъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1888 г.

ТОМЪ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, разсказы, матеріалы, замѣтки.

Исторія русской литературы.

Исторія искусствъ.

Портреты.

I. Портретъ графа Готлобъ-Куртъ-Генриха Тотлебена, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 1).

II. Портретъ Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 267).

III. Портретъ Александра Карловича Пфеля, гравировалъ на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.
(При стр 549).

I. «Русская Старина» въ изд. 1888 г., девятнадцатый годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Статья Ред.

II. Списокъ лицъ, сообщившихъ «Русской Старинѣ» записки, изслѣдованія, очерки, акты, разсказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1888 гг.

III. «Русская Старина» и книги, изданныя ея редакціей, въ числахъ читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1888 г.

IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LVII, LVIII, LIX, LX томовъ «Русской Старины» изд. 1888 г. Составила Вѣра Вас. Тимощукъ.

V. Систематическое оглавленіе LX тома «Русской Старины», октябрь, ноябрь, декабрь—изд. 1888 г.

VI. О подпискѣ на «Русскую Старину» изд. 1889 года, двадцатый годъ изданія.

Библіографическій листокъ историческихъ книгъ.

1. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre 1-er. Préface de M. Ch. de Mazade P. 1887. (На оберткѣ X-й книги „Русской Старины“ изд. 1888 г.).
2. Труды Ивана Ѳедоровича Токмакова. (Тамъ-же).

3. Путеводитель по Кавказу. По порученію ген.-ад. кн. Дондукова-Корсакова, главнокомандующаго гражданскою частью на Кавказѣ. Сост. Е. Вейденбаумъ. Тифлисъ, 1888 г. (Тамъ-же).

4. Баронъ П. К. Усларъ. Этнографія Кавказа. Языкознаніе: II. Чеченскій языкъ. Изд. Управл. Кавк. Учебн. Округа. Тифлисъ, 1888. (Тамъ-же).

5. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. „Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима". Н. М. Пржевальскаго. Съ 3 картами, 29 фототипіями и 3 политипажами. Изд. Имп. Р. Г. Общества. Спб. 1888. (На оберткѣ XI-й книги „Русской Старины" изд. 1888 г.).

6. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1885 г. Спб. 1888. (Тамъ-же).

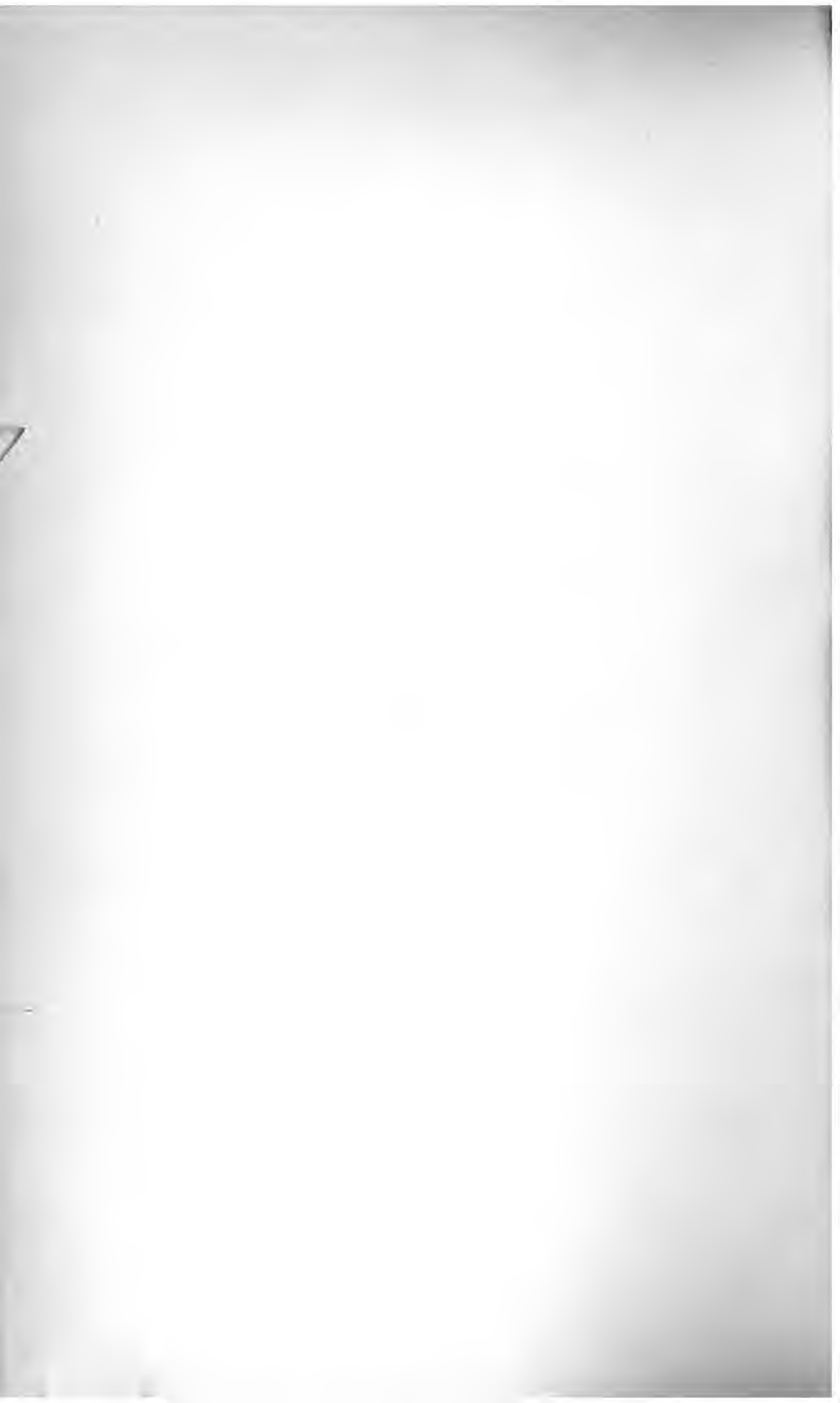
7. Н. И. Наумовъ. Паутина. Разсказъ изъ жизни пріискового люда въ Сибири. Спб., 1888 г. (Тамъ-же).

8. Акты, собранные кавказскою археографическою коммиссіею. Архивъ канцеляріи главноначальствующаго. Томъ XI; изданъ подъ редакціей предсѣдателя коммиссіи Дмитрія Кобякова. Тифлисъ, 1888 года. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины" изд. 1888 г.).

9. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1755-го года. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Выпускъ 1-й, съ приложеніемъ герба дворянъ Неплюевыхъ и портрета И. И. Неплюева съ его факсимиле. Казань, 1888 г. (Тамъ-же).

10. Записки Якова Яковлевича Мордвинова, часть I. Журналъ о походахъ въ Соловки и на Валаамъ острова въ 1744-мъ, 1752-мъ, 1764-мъ, 1777-мъ, 1784-мъ годахъ. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Владиміра Мордвинова. Спб. 1888 г. (Тамъ-же).

Примѣчаніе. Библіографическіе отзывы въ LX томѣ „Русской Старины" изд. 1888 г. принадлежатъ: №№ 1 и 7—В. И. Семевскому, №№ 3, 4, 5 и 6—Н. А. Бѣлозерской и №№ 2, 8, 9 и 10—Ред.






3 2044 014 837 470
AUG 10 '54 H
NOV 19
MAR '70 H
Canceled
2749924
WIDENER
STALL-STUDY
APR 14 1999
CHARGE
CANCELLED

